This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PS1AV 605.25

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT WITH INCOME
FROM THE BEQUEST OF
HENRY LILLIE PIERCE
OF BOSTON

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIII-й. ОКТЯБРЬ. 1902 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Русская жизнь въ началѣ XIX в. П. Дубровина. 5—33

II. М. М. Сперанскій генералъ-губернаторомъ въ Сибири и возвращеніе его въ Петербургъ. Сообщилъ И. А. Бычковъ. 35—56

III. Изъ прошлаго. Ужасные дни. П. Д. Шереметева. 57—64

IV. Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина. 65—79

V. Французскій парламентъ въ Петрозаводскѣ въ 1821 году. П. Д. 81—85

VI. И. М. Муравьевъ-Апостолъ. Ив. Кубасова. 87—104

VII. Посѣщеніе гимназій Харьковскаго учебнаго округа наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ въ 1837 г. Проф. Н. Ѳ. Сумцова. 105—111

VIII. Полувѣковой юбилей Лицея. Стихи В. Лотова. Сообщ. П. Д. Стремоухова. 113—114

IX. Дипломатическіе переговоры передъ Восточною войною 1853—1856 гг. (Окончаніе). В. В. Тимощука. 115—140

X. Варшава, въ ночь съ 3-го на 4-е октября 1861 года. Сообщилъ А. Н. Крыжановскій. 141—144

XI. Монастырская реформа въ Царствѣ Польскомъ. Д. Г. Анучина. 145—163

XII. Крестьянскій вопросъ въ Екатерининской коммиссіи. В. Строева. 165—182

XIII. Царство Польское послѣ Вѣнскаго конгресса. П. Майкова. 183—194

XIV. Письма къ В. А. Жуковскому разныхъ лицъ. Сообщ. П. А. Бычковъ. 195—208

XV. Записная книжка „Русской Старины“: Отношеніе поляковъ къ русскимъ въ 1816 году. (стр. 34).—Два билета, выданныхъ во время польскаго возстанія въ 1864 г. (80).—Письмо Ив. Ив. Дмитріева—П. И. Сопильину. (86).—Письмо И. И. Гнѣдича—цесаревичу Константину Павловичу. Сообщ. П. К. Петровъ. (112).—Письмо гр. Д. А. Гурьева—М. М. Сперанскому (164).

XVI. Библіографич. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ И. А. Бычковъ.
2) Портретъ князя Адама Чарторыйскаго.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1902 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.
1902.

X-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го октября 1902 года.

Библіографическій листокъ.

Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902). Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ. Томъ второй. Часть 2-я. Комитетъ Министровъ въ царствованіе императора Николая Перваго (1825 г. ноября 20—1855 г. февраля 18). Составилъ С. М. Середонинъ. Изданіе Канцеляріи Комитета Министровъ. СПБ. 1902 г.

Во второй части второго тома своего труда С. М. Середонинъ прежде всего останавливается на дѣятельности Комитета Министровъ, въ царствованіе императора Николая I, по центральному и мѣстному управленію. Участіе Комитета Министровъ въ измѣненіяхъ организаціи и устройства центральныхъ органовъ управленія было,—по словамъ автора,—не велико, какъ и въ предшествующее царствованіе, и даже меньше, чѣмъ при Александрѣ I; дѣла объ измѣненіи штатовъ, а тѣмъ болѣе по переустройству управленій подлежали большею частью рѣшенію Государственнаго Совѣта. Это выяснено было въ самомъ началѣ царствованія: въ засѣданіи 2-го октября 1826 г. Комитетъ предписалъ всѣмъ министрамъ немедленно заняться составленіемъ общихъ губернскихъ штатовъ и представленія объ этомъ внести въ Государственный Совѣтъ. На этой меморіи Государь написалъ: «весьма нужно, и я прошу сими не замедлить; при семъ прошу г.г. министровъ заняться и уменьшеніемъ штатовъ и своихъ канцелярій, а равно и департаментовъ, и поспѣшить этимъ дѣломъ».

Комитетъ Министровъ и самъ время отъ времени замѣчалъ, что по нѣкоторымъ дѣламъ онъ всегда утверждалъ мнѣніе министра, и что, слѣдовательно, внесеніе такихъ представленій въ Комитетъ равносильно было только замедленію хода дѣлъ; въ такихъ случаяхъ Комитетъ полагалъ предоставить разрѣшеніе точно означенныхъ дѣлъ министрамъ; такъ, министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено было: увольнять въ отпускъ на срокъ свыше 4 мѣсяцевъ членовъ дворянскихъ депутатскихъ собраній; не сообщать Комитету о переуступкахъ мѣщанами рекрутскихъ зачетныхъ квитанцій; разрѣшать разсрочку краткосрочныхъ займовъ изъ всѣхъ вообще приказовъ общественнаго призрѣнія и давать разрѣшеніе построекъ въ городахъ на сумму до 5.000 руб. Министру финансовъ, между прочимъ, было предоставлено: отпускать безденежно лѣсъ на постройку церквей; давать льготы отъ платежа гильдейскихъ повинностей на шесть лѣтъ всѣмъ устраивающимъ въ уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ фабрики и заводы. Министру народнаго просвѣщенія—возвышать оклады учителей иностранныхъ языковъ до 1.800 руб. въ годъ, въ виду полнаго недостатка въ нихъ.

Комитетъ опредѣлялъ число чиновниковъ особыхъ порученій въ каждомъ министерствѣ и классы ихъ должностей; назначалъ мундиры нѣкоторыхъ должностямъ, не вошедшимъ въ высочайше утвержденное росписаніе; утверждалъ временные штаты нѣкоторыхъ учрежденій, какъ, напримѣръ, временную организацію счетной части во вновь учрежденномъ (въ 1837 г.) медицинскомъ департаментѣ и т. п.

Медико-хирургическая академія передержала въ 1830 г. 51.000 руб. сверхъ штата. Комитетъ, положивъ отпустить ей эти деньги изъ государственнаго казначейства, возложилъ на государственный контроль ревизію счетовъ академіи, чтобы открыть истинныя причины такой большой передержки. Государь далъ резолюцію: «я на это не согласенъ; допускать расходовъ сверхъ штата никто права не имѣетъ; поэтому чрезъ контроль произвести; а до того недостающія суммы пополнить изъ жалованья и столовыхъ со всего начальства академіи».

Чрезъ Комитетъ министры получали иногда отъ государя и особливыя указанія, и напоминанія; чрезъ Комитетъ же сообщались имъ и всемилостивѣйшія похвалы государя. Чаще всего онѣ бывали на годовыхъ отчетахъ министровъ; напр., на отчетѣ по почтовому департаменту за 1827 г. Николай I написалъ: «съ удовольствіемъ и признательностью вижу успѣшный ходъ дѣлъ». На докладѣ о движеніи отчетности по военному вѣдомству за 1830 г. государь написалъ такъ: «въ Комитетъ Министровъ съ тѣмъ, что я увѣренъ, что и прочія министерства усугубятъ достичь сихъ же столь удовлетворительныхъ послѣдствій».

Довольно важнымъ дѣломъ, разрѣшеннымъ Комитетомъ по вопросу о распредѣленіи дѣлъ по вѣдомствамъ,—было дѣло о недостаткахъ тогдашняго уголовнаго судопроизводства. Послѣ введенія новаго уголовнаго уложенія государь приказалъ подавать ему ежегодно таблицы о числѣ арестантовъ, которые больше года содержались подъ стражею; такихъ было: въ 1845 г.—10.512, въ 1846 г.—1.2581, въ 1847 г.—15.184. Государь обратилъ вниманіе Комитета на быстрое увеличеніе числа арестантовъ и приказалъ Комитету обсудить вопросъ, не новое ли уголовное уложеніе причиною этому явленію? Изъ собранныхъ Комитетомъ справокъ оказалось: 1) число уголовныхъ дѣлъ вообще съ каждымъ годомъ все болѣе увеличивается; увеличеніе особенно замѣтно было въ 1845 г., когда общее число уголовныхъ

КНЯЗЬ АДАМЪ ЧАРТОРЫЙСКІЙ.

1770 † 1861.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза", Б. [illegible]
1902.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го ЯНВАРЯ 1870 г.

1902.

ОКТЯБРЬ.— НОЯБРЬ.— ДЕКАБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ТОМЪ СТО ДВѢНАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза", Б. Подъяч., № 39.
1902.

~~Slav 29.10~~
P Slav 605. 25

Price fund.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1902 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе быть русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

ИСТОРІЯ
КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
И
ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Н. Ѳ. ДУБРОВИНА.

ТРИ ТОМА,

заключающіе 1480 страницъ текста, съ картами и планами. Цѣна 9 рублей съ пересылкою. Съ требованіями обращаться въ Товарищество «Общественная Польза», СПБ. Большая Подъяческая, № 39.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XXI [1]).

Отъѣздъ графа Огинскаго изъ Парижа въ Петербургъ. — Ревность къ нему князя Чарторыйскаго.—Письмо его императору Александру. — Предложеніе графа Огинскаго образовать Великое герцогство Литовское. — Мнѣніе объ этомъ Александра. — Записка М. М. Сперанскаго. — Рескриптъ графу Огинскому на польскомъ языкѣ.—Колебанія государя. — Предложеніе Огинскаго объявить восемь западныхъ и юго-западныхъ губерній Польскимъ королевствомъ.—Переписка императора съ кн. Чарторыйскимъ. — Отношенія поляковъ герцогства Варшавскаго къ Россіи. — Внутреннее положеніе герцогства.— Варшавскій сеймъ 1811 г.— Волненія въ западныхъ губерніяхъ.— Появленіе въ нихъ сторонниковъ и эмисаровъ Наполеона. — Возобновленіе переписки императора Александра съ кн. Чарторыйскимъ.

Отправившись въ 1810 году въ Парижъ къ своему семейству, графъ М. Огинскій нашелъ тамъ полное приготовленіе къ военнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи, при чемъ поляки, жившіе въ Парижѣ, увѣряли его, что война предпринимается съ цѣлью возстановленія ихъ самобытности.

Графъ Огинскій не раздѣлялъ, однако же, этихъ радужныхъ надеждъ и скоро убѣдился въ справедливости своего взгляда. На балу у Валевской приближенные Наполеона упрекали его за то, что онъ принялъ званіе русскаго сенатора.

— Было бы гораздо лучше для васъ,—сказалъ ему Дюрокъ,— если бы оставались полякомъ и служили открыто интересамъ вашего отечества.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, сентябрь 1902 г.

— Никакое званіе, никакія почести,—воскликнулъ Огинскій,—никогда не заставятъ меня забыть, что я полякъ. Я готовъ пролить послѣднюю каплю крови, лишь бы только видѣть отечество мое независимымъ и свободнымъ.

— Независимость Польши,—замѣтилъ на это маршалъ,—не болѣе какъ химера, неосуществимая мечта. Польша и въ прежнее время не была независимою; она была всегда жертвою анархіи. Мнимая свобода, которою вы хвалитесь, состояла лишь въ заносчивыхъ рѣчахъ, которыя дворянство имѣло право произносить на сеймахъ; рабство крестьянъ постоянно препятствовало нормальному устройству власти. Поляки слишкомъ раздѣлены взаимною враждой, и дворянское ихъ сословіе слишкомъ держится за свои привиллегіи, чтобы Польша могла когда-нибудь занять мѣсто въ ряду европейскихъ государствъ.

Слова человѣка, близкаго къ Наполеону, выражали лучше самого императора истинный взглядъ послѣдняго и его намѣренія относительно поляковъ. Переговоры же объ исключеніи Польши изъ состава европейскихъ державъ убѣждали Огинскаго, что Наполеонъ смотрѣлъ на поляковъ, какъ на хорошихъ воиновъ, но не считалъ ихъ способными къ самоуправленію. Графъ Огинскій сознавалъ, что императоръ французовъ покровительствуетъ національнымъ стремленіямъ поляковъ только потому, что можетъ пользоваться ихъ услугами, и думалъ, что скорѣе можно достигнуть успѣха съ помощью императора Александра, такъ сочувственно говорившаго съ нимъ о полякахъ.

22-го января 1811 года графъ М. Огинскій выѣхалъ изъ Парижа въ Петербургъ.

Узнавъ объ этомъ и опасаясь, чтобы Огинскій не былъ предпочтенъ ему, князь Чарторыйскій писалъ императору Александру [1]):

«Узнавъ, что г. Огинскій отправился въ Петербургъ, я считаю долгомъ предупредить ваше величество, что онъ не пользуется у насъ особымъ вліяніемъ и уваженіемъ. Его считаютъ легкомысленнымъ и непослѣдовательнымъ. Складъ его ума и нѣкоторыя обстоятельства его жизни создали ему эту репутацію. Если ваше величество приступите когда-нибудь къ осуществленію своего плана, то успѣхъ будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ выбора людей, коихъ ваше величество для этого употребите. Поэтому я считаю своимъ непремѣннымъ долгомъ говорить объ этомъ съ вашимъ величествомъ всегда съ полною откровенностью. Особенно убѣдительно прошу ваше величество не упоминать въ разговорѣ съ г. Огинскимъ о вашей перепискѣ со мною, ибо я опасаюсь, чтобы молва объ этомъ, безъ всякаго злаго умысла съ его сто-

[1]) Въ письмѣ отъ 21-го марта (2-го апрѣля) 1811 г. Арх. Собственной Его Величества библіотеки, шкафъ 113, полка 4.

роны, не перешла изъ устъ въ уста, что могло бы подвергнуть меня большой опасности».

Между тѣмъ, по пути къ Варшавѣ графъ Огинскій всюду видѣлъ военныя приготовленія и необычайное воодушевленіе поляковъ. Французскій посланникъ въ Дрезденѣ, Бургуэнь, увѣрялъ ихъ въ скоромъ возстановленіи Польши. «Я заранѣе предвидѣлъ,—пишетъ Огинскій въ своихъ запискахъ,—какъ обманутся они (поляки) въ своихъ ожиданіяхъ и какъ мало пожнутъ плодовъ отъ своихъ великодушныхъ усилій на жертву отчизны. Но могъ ли я осуждать ихъ? Я, отъ всего сердца раздѣлившій ихъ желанія увидѣть возстановленіе Польши? Мы только не сходились въ средствахъ и способахъ къ достиженію цѣли» [1]).

Графъ Огинскій сознавалъ, что для пользы дѣла полякамъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, слѣдуетъ усилить свою дѣятельность при русскомъ правительствѣ и искать возстановленія Польши подъ покровительственнымъ господствомъ императора Александра. «Но этотъ неуловимый императоръ,—говоритъ де-Мазадъ, біографъ князя А. Чарторыйскаго,—постоянно колебался между своими прежними идеями (относительно поляковъ) и русскихъ духомъ, который не могъ примириться съ мыслію объ отреченіи отъ западныхъ провинцій, хотя бы для того, чтобы образовать изъ нихъ, вмѣстѣ съ Польшей, одно государство подъ скипетромъ своего царя».

Рѣшаясь дѣйствовать и мало зная характеръ Александра, графъ Огинскій основывался на всеобщей молвѣ о великодушіи и прекрасномъ сердцѣ императора и на словахъ его воспитателя Лагарпа, говорившаго, что Александръ съ самыхъ юныхъ лѣтъ питаетъ симпатіи и сожалѣетъ объ участи Польши.

9-го (21-го) апрѣля графъ Огинскій пріѣхалъ въ Петербургъ, а 13-го (25-го) числа получилъ приглашеніе къ высочайшему столу. Послѣ обѣда Александръ разспрашивалъ его о политическомъ положеніи Европы. Графъ смѣло говорилъ императору о шаткости русской политики; о томъ, что Наполеонъ дѣлаетъ огромныя приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ и, опираясь, между прочимъ, на поляковъ, вторгнется въ Россію съ тѣмъ, чтобы разгромить ее, какъ единственное препятствіе къ осуществленію всемірной монархіи.

Не желая, чтобы подобные разсказы распространялись въ обществѣ, императоръ Александръ старался опровергнуть мнѣніе Огинскаго

— Я не раздѣляю вашего мнѣнія,—сказалъ государь ему,—чтобы Наполеонъ думалъ разгромить Россію, и полагаю, что у него достаточно разсудка, чтобы предвидѣть невозможность этого. Вѣрю, что Наполеонъ очень желаетъ объявить войну Россіи; но я, быть можетъ, единственный чело-

---

[1]) Графъ Михаилъ Огинскій. „Русскій Арх." 1874 г. Т. I, стр. 642.

вѣкъ такъ думающій, и въ Петербургѣ едва-ли кто допускаетъ это. Поэтому прошу васъ говорить объ этомъ только со мною и ни съ кѣмъ болѣе не быть откровеннымъ; всѣмъ же, кто станетъ разспрашивать васъ о пребываніи вашемъ въ Парижѣ, отвѣчайте уклончиво.

— Вы, однако, ничего не говорите о Польшѣ,—замѣтилъ съ улыбкою Александръ, желавшій возстановить разговоръ,—а между тѣмъ я убѣжденъ, что она составляетъ единственный предметъ вашихъ заботъ, и хотя, конечно, не опасаетесь за Россію, которая во всякомъ случаѣ съумѣетъ отстоять себя, но, безъ сомнѣнія, тревожитесь, чтобы отечество ваше не сдѣлалось поприщемъ всенныхъ дѣйствій.

— Сознаюсь, государь,—отвѣчалъ Огинскій, — именно поэтому я и желалъ бы, чтобы ваши арміи двинулись черезъ герцогство Варшавское въ Пруссію. Въ такомъ случаѣ прусскія войска, вмѣсто того, чтобы подкрѣпить Наполеона, примкнули бы къ русскимъ, и если бы ваше величество въ то же время провозгласили бы себя польскимъ королемъ и обнадежили бы жителей герцогства Варшавскаго въ соединеніи ихъ съ литовцами, то пріобрѣли бы двѣнадцать милліоновъ вѣрныхъ поляковъ, готовыхъ на всякую жертву ради возстановленія своей отчизны. Но ваше величество высказали рѣшительное нежеланіе начинать войну, и я долженъ умолкнуть и отказаться отъ мысли осуществить мою прекрасную мечту.

— Почему же мечту?—возразилъ императоръ;—развѣ со временемъ этого не могло бы исполниться и безъ того, чтобы я первый началъ войну?

Касаясь поляковъ герцогства Варшавскаго, Александръ выражалъ участіе къ ихъ положенію, но не разсчитывалъ на ихъ сочувствіе къ Россіи.

— Въ настоящее время,—говорилъ онъ,—они наэлектризованы до восторженности обѣщаніемъ возсоздать ихъ королевство, а потому не время обращать ихъ на путь разсудительности.

— Что касается меня,—прибавилъ Александръ,—то я никогда не обѣщаю того, чего не могъ бы выполнить; но настанетъ время, когда поляки убѣдятся, какъ высоко цѣню я ихъ и какое участіе принимаю въ судьбѣ ихъ. На этотъ разъ я долженъ ограничиться лишь желаніемъ видѣть моихъ польскихъ подданныхъ счастливыми и довольными, и если вы можете дать мнѣ указанія къ осуществленію такихъ моихъ видовъ, то я съ удовольствіемъ займусь этимъ.

Пользуясь разрѣшеніемъ, графъ Огинскій тутъ же предложилъ образовать изъ сѣверо- и юго-западныхъ губерній [1]) особый округъ подъ

---

[1]) Гродненской, Виленской, Минской, Витебской, Могилевской, Кіевской, Подольской и Волынской.

названіемъ Великаго герцогства Литовскаго, поставивъ во главѣ его великую княгиню Екатерину Павловну.

— Мнѣ очень пріятно,—отвѣчалъ императоръ,—что наши мысли сходятся. Уже шесть мѣсяцевъ занимаюсь я дѣломъ въ этомъ духѣ... Какъ только трудъ мой будетъ оконченъ, я сообщу вамъ его, а между тѣмъ прикажу приглашать васъ каждый разъ, когда будутъ обсуждаемы дѣла, относящіяся къ предмету нашего теперешняго разговора и будьте увѣрены, безъ соглашенія съ вами не состоится ни одно рѣшеніе по этимъ дѣламъ.

Высказавъ нѣсколько возраженій на проектъ Огинскаго объ образованіи Великаго герцогства Литовскаго, императоръ поручилъ ему развить на бумагѣ подробно свой проектъ.

Сѣмя обнадеживанія было брошено, и Огинскій былъ въ восторгѣ. Приглашаемый два раза въ недѣлю къ обѣденному столу императора и имѣя съ нимъ разговоръ наединѣ о переустройствѣ западныхъ областей Россіи, Огинскій съ увлеченіемъ писалъ записку и 15-го мая 1811 г. явился съ нею во дворецъ.

Напомнивъ императору, что самъ Наполеонъ, всѣ французскія газеты, прокламаціи и рѣчи его агентовъ въ Варшавѣ открыто говорятъ, что императоръ французовъ намѣренъ объявить себя сторонникомъ независимаго существованія Польши,—графъ Огинскій вызывалъ русское правительство къ противодѣйствію этимъ слухамъ и намѣреніямъ Наполеона. Онъ совѣтовалъ императору Александру объявить себя немедленно королемъ Польши или по крайней мѣрѣ образовать Великое герцогство Литовское.

По его словамъ, Литва всегда составляла особенное самостоятельное владѣніе. «Жители Литвы искони отличались воинственнымъ духомъ, предпріимчивостью, ревнительностію къ своимъ правамъ, вѣрностью къ монархамъ, мужествомъ и любовію къ отечеству. Они всегда гордились своею народностью, и хотя и соединились съ Польшею, однако, сохранили свои обычаи, гражданскіе законы и мѣстное управленіе, свою армію, верховные суды, министровъ, государственныхъ сановниковъ и даже сеймъ, такъ какъ сеймы собирались попеременно въ Варшавѣ и Гроднѣ. Всѣ эти привилегіи были такъ дороги литовцамъ, что они не рѣшались разстаться съ ними, не смотря ни на какія условія и краснорѣчивыя убѣжденія многихъ государственныхъ дѣятелей».

Графъ Огинскій увѣрялъ, что, не смотря на рѣзкій переходъ литовцевъ отъ независимости къ подчиненію, на злоупотребленіе администраціи и повсемѣстную бѣдность, литовцы никогда не измѣняли русскимъ монархамъ; что если имъ будутъ даны привилегіи, которыя они прежде имѣли, то не легко будетъ «проникнуть туда (въ Литву) какому бы то ни было иноземному вліянію».

«Даруя этимъ восьми губерніямъ,—писалъ Огинскій [1]),—сообразную съ мѣстными условіями и характеромъ жителей организацію и прекративъ вкравшіяся въ ихъ внутреннее управленіе злоупотребленія, ваше величество пріобрѣтете незыблемое право на ихъ признательность и образуете на западной границѣ вашей Имперіи оплотъ болѣе надежный, нежели всѣ расположенныя тамъ войска и крѣпости».

Разсчитывая на податливость и согласіе императора Александра, графъ Огинскій приложилъ къ своей запискѣ и «Проектъ указа о новой организаціи западныхъ губерній», въ которомъ управленіе Литовскимъ герцогствомъ ввѣрялось намѣстнику, имѣющему пребываніе въ главномъ городѣ, Вильнѣ. Онъ долженъ былъ имѣть свой дворъ и окружать себя возможною пышностью. При императорѣ должна была состоять особая литовская канцелярія; въ Вильнѣ долженъ быть совѣтъ, подраздѣленный на нѣсколько департаментовъ, и все судопроизводство производиться на основаніи Литовскаго статута; ибо литовское дворянство всегда считало этотъ статутъ за наилучшій кодексъ законовъ гражданскихъ и уголовныхъ. Дѣлопроизводство предполагалось вести на польскомъ языкѣ, не смотря на то, что бо̀льшая часть населенія не знала его; послѣднею инстанціею для рѣшенія всѣхъ дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ долженъ быть верховный трибуналъ въ Вильнѣ.

Императоръ Александръ выслушалъ внимательно чтеніе записки, но какъ человѣкъ, обладавшій скрытнымъ и подозрительнымъ характеромъ, не далъ никакого опредѣленнаго отвѣта и, отпуская графа Огинскаго, приказалъ передать записку М. Сперанскому и сказалъ, что воспользуется его мыслями и займется вмѣстѣ съ нимъ этимъ вопросомъ.

По разсмотрѣніи записки, М. Сперанскій писалъ 11-го іюня 1811 г императору Александру:

«Графъ Огинскій желалъ со мною видѣться прежде, нежели получилъ дозволеніе черезъ князя Любомирскаго явиться сегодня у вашего величества. Получивъ же сіе дозволеніе, разговоръ его со мною былъ уже безъ цѣли. Между тѣмъ въ довѣренности онъ мнѣ читалъ меморіалъ, который намѣренъ представить вашему величеству. Меморіалъ сей можно раздѣлить на двѣ части: въ первой довольно пространно и безполезно доказывается та истина, слишкомъ извѣстная, что Наполеонъ мыслитъ о возстановленіи Польши, и что нельзя намъ считать на невѣрность къ нему варшавскаго войска. Во второй довольно смѣшанно предлагаются прежніе виды объ отдѣльномъ управленіи Литовскаго княжества, объ установленіи въ немъ генералъ-губернаторства и по томъ о разныхъ выгодахъ, кои нынѣ же всѣмъ вообще польскимъ про-

[1]) „Русскій Арх.“ 1874 г. Т. I, стр. 657.

винціямъ даровать можно, какъ-то уравнять ихъ въ податяхъ съ россійскими и тому подобное.

«Кажется, меморіалъ сей ни въ чемъ не можетъ перемѣнить прежнихъ мыслей вашего величества, чтобъ, не вдаваясь въ даль, начать тѣмъ, чтобъ учредить здѣсь комитетъ изъ лучшихъ польскихъ дворянъ, подъ предлогомъ жалобъ на неуравнительность повинностей. По повелѣнію вашему у меня изготовляются уже нужныя къ сему бумаги. Трудность состоитъ въ томъ, какъ составить сей комитетъ, выборомъ ли дворянства на мѣстахъ, или непосредственнымъ назначеніемъ здѣсь. Первый способъ продолжителенъ и слишкомъ громокъ. Второй кажется удобнѣе. Хотя ничего не говорилъ я Огинскому о семъ комитетѣ, но изъ словъ его заключаю, что и онъ о семъ помышляетъ, въ томъ предположеніи, когда первый его проектъ не удастся. Для сего изготовилъ онъ уже списокъ людей примѣчательныхъ. Сообразивъ сей списокъ съ тѣмъ, который доставленъ былъ отъ Северина Потоцкаго, кажется, легко будетъ сдѣлать хорошій выборъ. Предсѣдателемъ сего комитета полезно бы было назначить графа Завадовскаго, не смотря на его отсутствіе. Поляки его уважаютъ и любятъ, а для нашихъ было бы сіе полезно тѣмъ, что преградило бы разные о семъ комитетѣ толки. Членамъ сего комитета, здѣсь на лицо состоящимъ, какъ-то: Огинскому, Любецкому, Стройновскому и Платеру, можно бы было нынѣ же, и прежде, нежели другіе соберутся и графъ Завадовскій возвратится, поручить заняться предварительными соображеніями, дабы тѣмъ дать заботливости ихъ полезное упражненіе и основать скорѣе ихъ надежды.

«Князь Любомирскій и Огинскій оба говорили, что нужно распространить на всѣ польскія губерніи правило, принятое для Виленской, чтобъ выборы дворянскіе производить не общимъ собраніемъ всего дворянства, но посредствомъ делегатовъ, избранныхъ по уѣздамъ. Мысль сія кажется весьма основательна, и въ первый разъ я буду имѣть счастіе представить о семъ проектъ указа» [1]).

Не о дѣйствительномъ осуществленіи проекта Огинскаго думалъ тогда императоръ Александръ, но о томъ, чтобы возбудить надежды въ польскомъ населеніи западныхъ губерній и привлечь его на свою сторону. Въ виду этого онъ говорилъ, что мысли Огинскаго сходятся въ бо́льшей части съ его собственными планами и предначертаніями. Для бо́льшаго же усиленія впечатлѣнія Александръ, въ сентябрѣ 1811 года, пригласилъ къ себѣ Огинскаго и сказалъ ему:

— Я слышалъ, что вы ѣдете въ Литву; скажите вашимъ землякамъ, что я думаю о нихъ, что я занимаюсь ихъ судьбою, желаю улучшить

[1]) Сбор. Соб. Его Величества канцеляріи, т. I, стр. 215—217.

ее, и мнѣ, быть можетъ, скоро представится случай доказать имъ это; я разсчитываю на ихъ преданность и требую отъ нихъ довѣрія.

— Государь! Могу ли я,—спрашивалъ Огинскій,—передать моимъ землякамъ увѣреніе въ покровительствѣ и благоволеніи вашего величества, не пробудивъ въ нихъ новыхъ надеждъ, такъ какъ если я стану говорить имъ отъ моего имени, они мнѣ не повѣрятъ; отъ имени же вашего величества не смѣю говорить иначе, какъ въ самыхъ ясныхъ и опредѣлительныхъ выраженіяхъ... А между тѣмъ ваше величество, какъ полагаю, сами еще въ нерѣшимости по этому предмету...

— Какъ въ нерѣшимости?—прервалъ его императоръ,—одно изъ двухъ: или, въ случаѣ войны, я образую Польское королевство въ такой же связи съ Россійскою имперіею, какъ Венгрія и Богемія съ Австріею, или же, если войны не будетъ, приведу въ исполненіе наш великій планъ относительно Литвы.

Въ ноябрѣ 1811 года, виленскій губернскій и уѣздные предводители дворянства прислали Огинскому подписанный ими всеподданнѣйшій благодарственный адресъ, за финансовыя облегченія Виленской губерніи. Адресъ былъ написанъ на польскомъ языкѣ, и потому графъ Огинскій перевелъ его на русскій и представилъ императору. 8-го декабря онъ получилъ отъ Александра слѣдующій собственноручный рескриптъ:

«Посылаю вамъ, г. графъ, отвѣтъ на присланное мнѣ вами письмо отъ имени виленскаго дворянства. Вмѣсто того чтобы подписать его по-французски, я считаю соотвѣтственнѣе написать его на польскомъ языкѣ. Прошу васъ, поэтому, принять на себя трудъ перевести его тотчасъ и прислать къ моей подписи. Черезъ нѣсколько дней покажу вамъ новый трудъ въ довершеніе того, которымъ мы занимались».

Отвѣтъ виленскому дворянству, который поручено было перевести, былъ слѣдующій:

«Господинъ сенаторъ графъ Огинскій. Я всегда дорожилъ чувствами, воодушевляющими жителей Литвы, и съ истиннымъ удовольствіемъ принимаю новое доказательство ихъ благодарности.

«Все сдѣланное мною для нихъ до сего времени да будетъ залогомъ моихъ твердыхъ и неуклонныхъ намѣреній къ ихъ благу.

«Мнѣ пріятно видѣть въ васъ органъ для передачи моихъ настоящихъ увѣреній».

На слѣдующій день, 9-го декабря, польскій рескриптъ на имя виленскаго дворянства былъ подписанъ. Онъ былъ единственнымъ документомъ, подписаннымъ императоромъ на польскомъ языкѣ, и несомнѣнно произвелъ бы громадное впечатлѣніе, если бы въ промежутокъ этого времени не произошли обстоятельства, охлаждающія его значеніе.

Въ концѣ того же ноября отношенія между Россіей и Франціею

выяснились на столько, что въ Петербургѣ никто не сомнѣвался въ неизбѣжности войны. Встрѣтившись съ Огинскимъ, императоръ Александръ высказалъ ему опасеніе, что едва-ли до войны ему удастся произвести желаемыя преобразованія.

— Мнѣ только жаль,—сказалъ онъ,—что у насъ не будетъ времени привести въ исполненіе нашъ планъ относительно Литвы. Но теперь уже нечего думать объ административныхъ мѣрахъ и организаціи нашихъ восьми губерній, а надо позаботиться объ усиленіи средствъ къ защитѣ. Поэтому прошу васъ объяснить мнѣ виды ваши относительно военныхъ средствъ, которыя соотечественники ваши, въ подвластныхъ мнѣ губерніяхъ, могутъ теперь предоставить въ мое распоряженіе.

Эти слова разрушили всѣ надежды Огинскаго, но, исполняя приказаніе, онъ 1-го декабря подалъ новую записку императору. Предоставляя людямъ болѣе опытнымъ выработать планъ организаціи литовской арміи, Огинскій говорилъ, что его можно осуществить съ пользою только тогда, когда ему будетъ предшествовать организація западныхъ губерній.

«Не въ имени, конечно,—писалъ онъ [1]),—истинное счастіе людей, принадлежащихъ къ какой бы то ни было народности. Силою вѣковыхъ переворотовъ, въ Европѣ дотого перепутаны судьбы народовъ и названія земель, что найдутся милліоны людей, не вѣдающихъ своего дѣйствительнаго отечества. И однако же слово о т е ч е с т в о несомнѣнно существуетъ. Съ древнѣйшихъ временъ оно составляетъ любимую идею истинныхъ мужей страны. Есть въ немъ какая-то обаятельная прелесть для всѣхъ, кому дороги честь и добродѣтель. Оно призывной лозунгъ всѣхъ народовъ, испытавшихъ порабощеніе, и никакая человѣческая сила не смогла заглушить его въ длинномъ ряду поколѣній».

Въ такомъ положеніи, по мнѣнію Огинскаго, находятся поляки, имѣющіе основательныя причины желать возстановленія ихъ древняго отечества. Раздѣленные между тремя государствами, они несутъ разнообразное чужеземное иго. Въ Австріи полякамъ достались чуждый языкъ, тяжкіе налоги, непривычное судопроизводство и насилованіе старинныхъ обычаевъ. Въ Пруссіи всѣ административные должности заняты нѣмецкими чиновниками; достались тяжелыя формы дѣлопроизводства на нѣмецкомъ языкѣ, издѣвательства, неспособность и вымогательство чиновниковъ. Только въ Россіи,—говорилъ Огинскій [2]),—положеніе поляковъ несравненно лучше, и «благодаря сходству языка, обычаевъ, привычекъ, наклонностей и потребностей судьба ихъ не столь тягостна. Налоги не увеличены, дворянство сохранило свои преимущества, судопроизводство

---

[1]) Графъ М. Огинскій и его отношенія къ императору Александру. „Русскій Архивъ" 1874 г. Т. I, стр. 672.

[2]) Тамъ же, стр. 673.

почти не измѣнилось; свободный выборъ чиновниковъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, назначаемыхъ отъ правительства, оставленъ на прежнемъ основаніи. Однимъ словомъ, состоящіе подъ владычествомъ Россіи поляки, и именно дворяне, имѣютъ много основаній предпочитать свой бытъ условіямъ, въ которыя поставлены соотечественники ихъ въ Австріи и Пруссіи.

«Но какъ, съ другой стороны, изгладить старинныя воспоминанія? Какимъ образомъ заставить забыть деспотическое господство въ Польшѣ русскихъ пословъ, конфедераціи и вызванныя ими междоусобицы, личныя преслѣдованія, разореніе земельной собственности, гибель и униженіе множества семействъ.

«Разсудительные люди, не относя всѣхъ этихъ дѣйствій къ русскому правительству, слагали вину ихъ собственно на чиновниковъ. Тѣмъ не менѣе, однако, зло было велико и глубоко чувствовалось. Даже и послѣ окончательнаго паденія Польши, какъ мало чиновниковъ оправдало виды правительства! Какъ многіе изъ нихъ, взирая на поляковъ какъ на мятежниковъ и революціонеровъ, отказывали имъ въ томъ покровительствѣ, какимъ пользуются всѣ другіе подданные Имперіи».

Этимъ путемъ развивалось неудовольствіе въ народѣ, и Огинскій приписываетъ его дѣйствіямъ мелкаго чиновничества, представлявшаго поляковъ народомъ безпокойнымъ, которымъ трудно управлять по малой преданности его къ русскимъ монархамъ. Но единственнымъ недугомъ этого народа было желаніе носить имя поляковъ и если,—прибавлялъ Огинскій,—«ваше величество призовете ихъ къ дѣятельности, они будутъ первыми орудіями вашей славы и преданнѣйшими вамъ подданными. Наполеонъ льститъ ихъ надеждами, и они видятъ въ немъ обновителя своего отечества».

— Обратите, государь,—говорилъ Огинскій,—то же самое оружіе противъ Наполеона, и вы увидите, какою силою подкрѣпятъ васъ ихъ преданность и одушевленіе, внушаемыя къ тому же вашими личными качествами.

Но для этого надо было дѣйствовать скоро и рѣшительно. По мнѣнію графа, въ виду близкаго разрыва Россіи съ Франціею и обѣщаній Наполеона, одного образованія великаго герцогства Литовскаго будетъ уже недостаточно, и мѣра эта не поведетъ за собою тѣхъ великихъ послѣдствій, какихъ можно было ожидать въ мирное время. Она не пробудитъ всеобщаго энтузіазма, ибо какъ бы велики ни были выгоды, предоставленныя Литвѣ, онѣ не могутъ идти въ сравненіе съ мыслію о возстановленіи всей Польши.

— Съ того момента,—говорилъ графъ Огинскій,—какъ Наполеонъ изберетъ или провозгласитъ польскаго короля, если только ему удастся предупредить въ этомъ ваше величество, рушатся всѣ радостныя впеча-

тѣнія, какія вызвала бы организація Литвы. При увѣренности въ войнѣ, организація Литвы была бы уже мѣрою политическою; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что для Россіи было бы гораздо выгоднѣе сдѣлать изъ Литовскаго герцогства Польшу, и вашему величеству провозгласить себя польскимъ королемъ, и стать въ положеніе, которое присвоивалъ себѣ Наполеонъ.

Огинскій предлагалъ теперь объявить всѣ восемь губерній Польскимъ королевствомъ, издать манифестъ, въ которомъ было бы выражено положительное обѣщаніе даровать королевству впослѣдствіи конституцію 3-го мая столь дорогую полякамъ. Но и этотъ планъ онъ считалъ полумѣрой и находилъ, что впослѣдствіи необходимо будетъ установить тѣсную связь между западными губерніями, Варшавскимъ герцогствомъ и Галиціей. Такимъ образомъ сначала шла рѣчь объ отдѣльной политической и административной организаціи западныхъ губерній, а теперь заявлялось требованіе объявить ихъ, со включеніемъ Кіева, краемъ польскимъ и мирнымъ путемъ возстановить Польшу въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ была она въ концѣ XVIII вѣка.

— Возстановленіе Польши въ томъ видѣ, въ какомъ вы предполагаете,—отвѣчалъ Александръ графу Огинскому,—не противорѣчитъ интересамъ Россіи; это значитъ не отчуждать завоеванныя провинціи, но сдѣлать изъ нихъ, напротивъ, могущественный оплотъ для Имперіи и привязать къ интересамъ Россіи милліоны жителей, которые не могутъ еще забыть о прежнемъ своемъ существованіи. Что касается титула, то почему не наименовать мнѣ себя польскимъ королемъ, если это пріятно жителямъ. Но во всякомъ случаѣ надо подождать развитія событій. Въ настоящее время я получилъ болѣе успокоительныя извѣстія, подающія нѣкоторую надежду, что, быть можетъ, дѣло не дойдетъ до открытаго разрыва съ Наполеономъ. На всякій случай, однако, я желаю, чтобы вы указали мнѣ тѣхъ изъ вашихъ соотечественниковъ, которымъ могъ бы я довѣрить изготовленіе плана организаціи восьми губерній, изъ которыхъ должна состоять Литва или Польша. Я желаю по одному изъ каждой губерніи.

Огинскій назвалъ этихъ лицъ, императоръ одобрилъ ихъ и присовокупилъ, что сдѣлаетъ распоряженіе о скорѣйшемъ по возможности вызовѣ депутатовъ [1]).

Между тѣмъ слухъ о намѣреніяхъ Александра образовать Литовское герцогство быстро распространился и дошелъ до кн. Чарторыйскаго, который съ нѣкоторой завистью писалъ императору [2]):

«До меня дошли разные слухи касательно предполагаемаго намѣ-

---

[1]) „Русскій Архивъ", 1874 г. Т. I, стр. 682.

[2]) Въ письмѣ отъ 25-го января (6-го февраля) 1812 г. Сенява въ Галиціи.

ренія вашего величества создать Великое княжество Литовское и даровать этому новому государству (état) всѣ преимущества, которыя могутъ сдѣлать дальнѣйшую его участь гораздо завиднѣе участи герцогства Варшавскаго.

«Такъ какъ эти слухи все болѣе и болѣе подтверждаются, то я осмѣлился употребить одинъ изъ паспортовъ, который вы соблаговолили дать мнѣ, чтобы вызвать сюда одного изъ моихъ пріятелей, который писалъ мнѣ въ восторженныхъ выраженіяхъ о планахъ, приписываемыхъ вашему величеству. Но онъ сообщилъ мнѣ весьма мало новаго, передавъ мнѣ только одни слухи и предположенія.

«Между тѣмъ, эти слухи, при всей ихъ туманности, были приняты съ восторгомъ и признательностію не только въ провинціяхъ подвластныхъ вашему величеству; но они произвели еще бо́льшее впечатлѣніе въ герцогствѣ Варшавскомъ, гдѣ народъ очень страдаетъ и желаетъ развязки, которая выяснила бы совершенно опредѣленно дальнѣйшую судьбу страны.

«Ваше величество оказали бы мнѣ особенную милость, разъяснивъ въ нѣсколькихъ словахъ вышеупомянутые слухи. Если эта просьба покажется вашему величеству неумѣстною, то соблаговолите простить мнѣ это, во вниманіе къ руководящему мною при этомъ побужденію, которое вызвано столько же искреннимъ желаніемъ блага моей странѣ сколько и моей преданностію къ особѣ вашего величества».

Императоръ Александръ не желалъ однако же ни входить въ подробности, ни разъяснять истинныя свои намѣренія. Онъ оставилъ безъ отвѣта князя Чарторыйскаго и не вызывалъ депутатовъ изъ губерній. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ только кокетничалъ съ поляками и, какъ русскій императоръ, не имѣлъ возможности привести въ исполненіе свои обѣщанія.

Если, въ виду предстоявшаго разрыва съ Наполеономъ, было опасно имѣть враговъ въ лицѣ дворянства западныхъ губерній, то еще опаснѣе было наканунѣ войнѣ оскорблять Россію отдѣленіемъ отъ нея этихъ губерній и признаніемъ ихъ польскими. Какъ бы ни сочувствовалъ Александръ полякамъ, онъ все-таки долженъ былъ сознать, что поступокъ этотъ нанесъ бы страшный ударъ всѣмъ русскимъ, отцы и братья которыхъ проливали свою кровь за возвращеніе провинцій, издревле принадлежавшихъ Россіи и съ русскимъ населеніемъ. Хотя общественное мнѣніе проявлялось тогда весьма слабо, но все-таки вокругъ императора раздавались голоса, указывавшіе на несбыточность подобнаго плана. Въ числѣ такихъ лицъ были Карамзинъ и Сперанскій. «Дѣла польскія,—писалъ послѣдній императору Александру [1]),—могутъ озаботить

[1]) Въ собственноручной запискѣ отъ 11-го марта 1811 г.

насъ наипаче въ томъ предположеніи, когда возстановится Польское королевство.

«Для сего: 1) должно намъ сколь можно болѣе удостовѣриться въ намѣреніяхъ Франціи. Въ Вѣнѣ и въ Парижѣ можетъ быть нуженъ лучшій дипломатическій надзоръ. 2) Показать рѣшительную твердость, что не токмо по видамъ пользы, но по совершенной необходимости, мы принуждены удерживать прежнія наши положенія во всей ихъ силѣ. Податливость и снисхожденіе тутъ могутъ только поощрить предпріимчивость Наполеона».

Въ виду этого, императору Александру приходилось льстить полякамъ, ограничиваться одними обѣщаніями и поддерживать ихъ надежды на возможность возстановленія Польши. Онъ выслушивалъ предложенія гр. Огинскаго и просьбы князя Чарторыйскаго, давалъ обѣщанія тому и другому, но въ дѣйствительности не сдѣлалъ ни одного рѣшительнаго шага. Поляки потеряли вѣру въ русскаго императора.

Будущее никому неизвѣстно; люди, общество и цѣлыя государства живутъ настоящимъ и прошедшимъ, являющимся какъ опытъ. Прошедшее говорило полякамъ, что Наполеонъ образовалъ сначала герцогство Варшавское и потомъ расширилъ его территорію и увеличилъ его народонаселеніе, а императоръ Александръ давалъ только обѣщанія, дѣлалъ намеки, велъ переговоры и, съ осложненіемъ политической обстановки, прямо высказалъ графу Огинскому, что теперь не время приступать къ какимъ-либо преобразованіямъ. Послѣ характеристики, сдѣланной княземъ Чарторыйскимъ графу Огинскому, Александръ не считалъ уже возможнымъ вести съ нимъ серьезные переговоры и открываться ему. Императоръ принималъ его проекты, обсуждалъ ихъ вмѣстѣ съ нимъ, но далѣе этого не шелъ. На чью же сторону должны были клониться всѣ симпатіи поляковъ? Отъ кого они могли ожидать дѣйствительнаго возстановленія Польши и дарованія ей самобытности? Въ этомъ случаѣ имъ не было выбора, и въ ихъ глазахъ только одинъ Наполеонъ могъ быть творцомъ ихъ счастія. Съ его разрѣшенія образовывались конфедераціи въ герцогствѣ Варшавскомъ, собирались сеймы, на которыхъ произносились патріотическія зажигательныя рѣчи, обсуждались и рѣшались вопросы до нѣкоторой степени самостоятельнаго государства. Варшавское герцогство привлекало теперь вниманіе всѣхъ поляковъ, находившихся подъ властію Пруссіи, Австріи и Россіи; всѣ они зорко слѣдили за тѣмъ, что происходило въ Варшавѣ.

Тамъ кн. Понятовскій старался возбудить энтузіазмъ въ своихъ солдатахъ. На смотрахъ онъ привѣтствовалъ ихъ громкими фразами, говорилъ имъ, что они—отрасли того самаго народа, отъ котораго въ древнія времена дрожалъ весь свѣтъ; хвалилъ ихъ дѣйствія и храбрость

въ послѣднюю войну съ австрійцами; давалъ балы и обѣды своимъ офицерамъ, проповѣдывавшимъ то же самое. Словомъ сказать, энтузіазмъ поляковъ былъ возбужденъ на столько, что французскому министру въ Варшавѣ, по его собственному признанію, нужно было умѣрять его порывы и стараться предупреждать только отклоненіе этого патріотизма отъ прямаго пути—патріотизма, столь выгоднаго и согласнаго съ интересами Франціи. Биньонъ, окруженный множествомъ агентовъ и снабженный деньгами, успѣлъ достигнуть того, что поляки вѣрили въ расположеніе Наполеона къ польской націи и твердили вмѣстѣ съ поэтомъ:

Francya winna Ci szczęście, kray Wloski znaczenie,
Państwa Rzeszy byt pewny, Polska wybawienie.
Lądu calego odglos ten się dziś urodzil,
Co zuchwalych ukorzyl, slabych oswobodzil.

(Франція тебѣ (Наполеону) одолжена счастіемъ, Италія—могуществомъ, Германскій союзъ—упроченнымъ состояніемъ, Польша—освобожденіемъ. Вся твердь единогласно восклицаетъ: сегодня родился тотъ, который дерзкихъ и надменныхъ унизилъ, а слабыхъ освободилъ).

Ten kometa na niebie w Europie się ziawil,
Za nim przyszedl co Litwę z nicosci wybawil.
To jest promień, co lodów stapiaiąe okowy—
Wraca martwym roslinom życie i wzrost zdrowy.
Przezeń Bóg nowe Króli osadza na Tronie,
Sprawiedliwy, wszechmocny Bóg w Napoleonie.

(Эта комета явилась въ Европѣ на небѣ, а за нею пришелъ тотъ, который Литву извлекъ изъ ничтожества. Вотъ божественный лучъ, разрушающій ледяныя оковы и возвращающій растеніямъ жизнь и здоровье. Богъ его десницею новыхъ королей возводитъ на престолы, справедливый всемогущій Богъ, проявляющійся въ Наполеонѣ).

Поляки аристократическаго строя съ нетерпѣніемъ ожидали развязки. Въ каждомъ домѣ, причислявшемъ себя къ числу двигателей вопроса о возстановленіи Польши, можно было встрѣтить портретъ Наполеона.

«На походѣ случалось намъ,—пишетъ одинъ изъ участниковъ Отечественной войны [1]),—останавливаться для квартированія въ фольваркахъ у помѣщиковъ. Почти въ каждомъ домѣ были портреты Наполеона.

«Въ такомъ случаѣ панья (хозяйка), замѣчая наше вниманіе къ портрету, разсказывала, что Наполеонъ великій (великій) самъ себя называлъ незграбнымъ (неловкимъ, некрасивымъ) французомъ, але голова его мосце добродзею,—прибавляла она съ значи-

[1]) Походныя записки артиллериста, стр. 289 и 290.

тельнымъ тономъ, качая своею головою и давая черезъ то уразумѣть остальное».

Многіе поляки дошли до совершенной экзальтаціи. Предстоящая война, возбуждая ихъ надежду, не представляла ничего страшнаго: никто не думалъ ни объ опасностяхъ, ни о лишеніяхъ.

Дамы распредѣляли между собою полки, для которыхъ должны были приготовлять корпію и бинты, для перевязки раненыхъ.

«Въ продолженіе четырехъ или пяти мѣсяцевъ, предшествовавшихъ войнѣ, во всѣхъ домахъ можно было видѣть круглый столъ, вокругъ котораго д е л и к а т н ы я р у ч к и, отбросивъ всѣ остальныя работы, занимались приготовленіемъ, по розданнымъ моделямъ и образцамъ, различныхъ формъ бандажей и принадлежностей для перевязки ранъ, дѣлаемыхъ или саблею, или огнестрѣльнымъ оружіемъ» [1]).

Если съ одной стороны образованный и господствующій классъ и патріоты были настолько возбуждены, что готовы были жертвовать всѣмъ въ пользу Наполеона, то съ другой стороны остальное, преимущественно земледѣльческое населеніе было далеко недовольно и тяготилось различнаго рода поборами и своеволіемъ войскъ.

Смотря на Варшавское герцогство какъ на свое созданіе и какъ на обширный военный лагерь на границахъ Россіи, Наполеонъ не стѣснялся съ поляками и высасывалъ изъ жителей послѣдніе соки, требовалъ отъ нихъ чрезвычайныхъ напряженій. Онъ приказалъ увеличить польскую армію до 60.000 человѣкъ [2]), переписать всѣхъ лошадей, изъ которыхъ нѣсколько тысячъ было отобрано у частныхъ лицъ въ счетъ недоимокъ и съ обѣщаніемъ уплаты, никогда не возвращенной. По распоряженію императора Франціи, 20.000 земледѣльцевъ работали на литейныхъ и оружейныхъ заводахъ и черезъ то лишились доходовъ отъ своихъ полей, дурно обработанныхъ. Съ тѣхъ же жителей производили сборы съѣстныхъ припасовъ и фуражъ безплатно. Содержаніе войскъ, постройка новыхъ литейныхъ заводовъ и арсеналовъ, работы

---

[1]) Bignon. Histoire de France. II, 467.

[2]) Военныя силы Варшавскаго герцогства составились: 1) изъ легіоновъ, въ Италіи бывшихъ; 2) конскрипціи и 3) изъ бѣглецовъ австрійскихъ и поляковъ польскихъ провинцій. Къ нимъ были прикомандированы французскіе офицеры. Солдаты были хорошо одѣты, содержались въ довольствѣ, строго и съ „большою пышностью“ обучались. „Но вообще замѣчено, что никакъ не можетъ правительство согласить ихъ съ французскими войсками, кои поютъ разныя оскорбительныя для нихъ пѣсни и называютъ ихъ мужиками, которые не умѣли спасти своего отечества. Замѣчено также, что, при всякомъ успѣхѣ во французскихъ дѣлахъ, самому герцогству даютъ чувствовать, что оно есть завоеванная провинція, что̀ чрезвычайно оскорбляетъ всѣ состоянія“. (Записка, поданная М. М. Сперанскимъ императору Александру).

на нихъ истощили казначейство и повели къ истребленію государственныхъ лѣсовъ. Цѣны на всѣ сельскія произведенія упали вслѣдствіе дороговизны денегъ. Для покрытія усиленныхъ расходовъ на военныя потребности, Наполеонъ приказалъ сдѣлать за счетъ герцогства заемъ въ 12 милліоновъ, еще болѣе разорившій населеніе.

«Мнѣ показалось при въѣздѣ въ первыя польскія деревни,—пишетъ Михайловскій-Данилевскій [1]),—что я очутился въ жилищѣ дикихъ. Варшава уподоблялась крѣпости, находившейся въ осадѣ; въ ней видны были одни солдаты и ученья; всюду раздавался барабанный бой. Приготовлялись къ нашествію на Россію. Наполеонъ успѣлъ обратить Польшу въ военный лагерь».

Всеобщая нищета, безпорядки въ администраціи, разногласіе во мнѣніяхъ—вотъ состояніе, въ какомъ находилось герцогство Варшавское. Какъ городскіе жители, такъ и земледѣльцы стонали подъ тяжестію налоговъ, говорили, что работаютъ единственно для содержанія многочисленныхъ войскъ, цифрою своею превышавшихъ средства страны. Многіе владѣльцы добровольно отдали свои имѣнія въ управленіе правительству, потому что доходовъ съ нихъ не хватало на уплату податей.

Тѣ же, которые оставили имѣнія за собою, заискивали расположеніе крестьянъ, устраивали для нихъ обѣды, кормили на свой счетъ; словомъ, ухаживали за ними. Молодые люди болѣе изъ нужды, чѣмъ изъ истинной любви къ отечеству, поступали въ войска; между властями царствовала раздѣльность: однѣ были увлечены возрожденіемъ отечества, а другія—собственною корыстью и наживою. По словамъ одной современной польской записки [2]), самое большое число мѣстъ занималось голышами, перекрестами и людьми самыми безнравственными; не мало было и такихъ, которые прямо изъ тюрьмы заняли лучшія правительственныя мѣста. Они не останавливались въ выборѣ средствъ, грабили населеніе, и землевладѣльцы пришли въ крайнюю бѣдность.

Тяжело жилось въ герцогствѣ, и въ Варшавѣ появились, ходившіе по рукамъ, стихи подъ заглавіемъ: «Изображеніе герцогства Варшавскаго», въ которыхъ въ подстрочномъ переводѣ на русскій языкъ говорилось:

Въ княжествѣ (герцогствѣ) царствуетъ король-нѣмецъ [3])
А полякъ въ отечествѣ своемъ чужеземецъ.
Солдатъ польскій, а гульденъ прусскій;
Правленіе, законы и кодексъ французскій.

---

[1]) Проѣзжавшій черезъ Польшу въ іюнѣ 1811 г. „Русская Старина“ 1891 г. № 9, стр. 486.

[2]) См. Отечественная война 1812 г. Изданіе Военно-ученаго комитета Главнаго Штаба 1902 г., т. III, стр. 126—128.

[3]) Король саксонскій.

Большая въ отечествѣ мѣшанина
И каждый день иная новина.
Имѣнія отъ всѣхъ отобрали,
Дворянъ въ рекруты записали.
Жиды, крестьяне и мѣщане
Въ одномъ съ дворянами станѣ.
Пахарь свободенъ, но только голый;
Солдатъ безъ жалованья, но веселый.
По принужденію чужіе края измѣряетъ,
Въ чужомъ дѣлѣ жизнь теряетъ.
А въ правленіи—Серра глава,
Чиновниковъ нѣсть числа.—
Нашъ чиновникъ не крушится,
Что съ тьмою народа бранится;
Но казна довольно его награждаетъ,
За то, что онъ свою братью угнетаетъ:
Деретъ, грабитъ всѣхъ безъ мѣры,
Чтобы войску дать мундиры.—
Какое непонятное заблужденіе!
Совершенное торговли пресѣченіе.—
И остатки старины отнять
Умѣлъ Бонапарте способъ дать.
Миряне, духовенство притворствуютъ очень живо
И кричатъ, все счастливо:
Польша возобновлена отъ Наполеона [1]).

Не смотря на всѣ старанія отыскать сочинителя этихъ стиховъ, его не удалось найти. Казалось бы, что подобное положеніе дѣлъ должно было отклонить поляковъ отъ Наполеона, но мысль о возможности возстановленія отечества была такъ сильна, что вызывала совершенно обратное толкованіе поступковъ французскаго императора. Вотъ, что писалъ императору Александру, увлеченный тою же идеею возстановленія Польши, графъ Огинскій [2]):

«И въ публичныхъ рѣчахъ на сеймѣ въ Варшавѣ, и въ приказахъ по войскамъ герцогства Варшавскаго непрерывно повторяются выраженія признательности Наполеону, воскресителю Польши, постоянно заботящемуся о счастьѣ польскаго народа. Столь же открыто и положительно говорится объ его великодушныхъ намѣреніяхъ относительно Польши и въ распространяемыхъ по всей Европѣ печатныхъ сочиненіяхъ,—чего, конечно, не могло бы быть безъ формальнаго разрѣшенія французскаго правительства, или, по крайней мѣрѣ, безъ его тайнаго согласія. Минуя, наконецъ, надежды, вызываемыя учрежденіемъ герцогства Варшавскаго, укажу на недавнее умноженіе польской арміи до

[1]) Стихи эти приложены къ донесенію дѣйст. ст. совѣт. Кржижановскаго министру полиціи отъ 26-го августа 1811 г. № 9.

[2]) Въ запискѣ 15-го мая 1811 г. „Рус. Арх." 1874 г. Т. I, стр. 652.

60.000, на формированіе національной гвардіи въ герцогствѣ Варшавскомъ, но новую реквизицію лошадей для польской артиллеріи, на отправку въ послѣднее время 200 пушекъ и 40.000 рублей въ Варшаву, на сдѣланный по приказанію Наполеона заемъ въ 12.000.000 за счетъ герцогства Варшавскаго. Все это факты, которые должны были возбудить энтузіазмъ и надежды поляковъ.

«Такова сила обаянія Наполеона, таковы искусства, увлекательность и могущество средствъ, которыми онъ дѣйствуетъ на поляковъ, что они и до сихъ поръ еще убѣждены въ возстановленіи Польши, какъ необходимаго для Франціи оплота противъ Россіи.

«Вѣра ихъ въ него такъ велика, что, не смотря ни на тяжесть налоговъ и крутые пріемы ихъ взиманія, ни на непрерывные наборы и множество стѣснительныхъ нововведеній, они терпѣливо выносятъ гнетъ руки, отъ которой все же ждутъ возврата отчизны.

«Было бы ошибочно сомнѣваться въ преданности Наполеону арміи герцогства Варшавскаго, или вѣрить въ возможность отвратить ее отъ него при настоящихъ обстоятельствахъ; или же, наконецъ, допустить, чтобы вызываемое повсемѣстною бѣдностью и стѣснительными мѣрами Наполеона неудовольствіе жителей герцогства Варшавскаго могло ослабить ихъ патріотическое настроеніе и разочаровать ихъ надежды. Пока Наполеонъ будетъ расточать полякамъ лицемѣрныя обѣщанія и льстить ихъ патріотизму, а съ другой стороны Россія не выйдетъ изъ нынѣшняго апатичнаго бездѣйствія,—энтузіазмъ и надежды поляковъ будутъ все болѣе расти и развиваться».

При такихъ условіяхъ 6-го декабря 1811 года былъ созванъ въ Варшавѣ сеймъ, имѣвшій огромное значеніе на умы поляковъ.

На сеймѣ собралось все лучшее населеніе Варшавскаго герцогства, говорило и спорило въ теченіе пятнадцати дней. Выслушавъ отчетъ министра финансовъ о печальномъ положеніи казны, сеймъ все-таки прежде всего обратилъ вниманіе на устройство войскъ. Желающихъ поступить въ его ряды было много, но чувствовался значительный недостатокъ въ деньгахъ, необходимыхъ на обмундированіе, продовольствіе и вооруженіе солдатъ. Самъ саксонскій король въ разговорѣ своемъ съ барономъ Биньономъ какъ нельзя лучше охарактеризовалъ средства поляковъ, сказавъ, что у Польши какъ изъ земли выростаютъ солдаты и крѣпости, но жаль, что въ ней не ростутъ такимъ же образомъ деньги. Денегъ не давалъ полякамъ и Наполеонъ, по распоряженію котораго производились вооруженія. Онъ поскупился даже и тогда, когда Биньонъ донесъ ему, что большой смотръ войскъ отложенъ и не состоялся потому, что у солдатъ не было сапоговъ. Французскій императоръ требовалъ только вооруженія и заготовленія запасовъ продовольствія. Запасы эти запрещено было расходовать для мѣстныхъ

польскихъ войскъ, получавшихъ свое довольствіе отъ особыхъ подрядчиковъ. Все это принудило сеймъ увеличить налоги по многимъ статьямъ доходовъ, запретить вывозъ хлѣба за границу, объявить военную конскрипцію, а съ евреевъ, вмѣсто рекрутъ, взять 700.000 злотыхъ. Вслѣдъ затѣмъ, по настоянію Наполеона, учреждена національная гвардія, къ службѣ въ которой призывались всѣ обыватели отъ 18 до 50 лѣтъ отъ роду, и объявлено, что въ случаѣ, если война приметъ обширные размѣры, то всѣ мирные жители могутъ быть потребованы на службу.

Не смотря на всѣ налоги, тягости и невзгоды, поляки ликовали, видя въ сеймѣ свою самостоятельность и нѣкоторую независимость. Еще болѣе ликовали поляки западныхъ нашихъ губерній, зорко слѣдившіе за тѣмъ, что происходило въ Варшавѣ.

«Извѣстно,—говоритъ современникъ [1]),—какимъ пламеннымъ польскимъ патріотизмомъ пылала Литва въ то время; она, быть можетъ, превосходила въ этомъ коренныхъ поляковъ. Для Литвы Наполеонъ былъ полу-богомъ, идеаломъ земнаго величія и могущества, ниспосланнымъ свыше для возстановленія исторической Польши въ единствѣ съ Литвою». Ожидаемую кампанію они считали средствомъ къ осуществленію этой задушевной мечты и потому готовы были на всякія пожертвованія.

Литовскіе помѣщики-поляки часто ѣздили въ Варшаву, получали тамъ наставленія, собирали политическія извѣстія и съ ними возвращались домой.

«Варшава,—писалъ Кржижановскій [2]),—для порочныхъ, банкротовъ, шалуновъ, богатыхъ молодыхъ людей и развратныхъ женщинъ, есть такое же пристанище, какова была для Украйны въ Малороссіи Запорожская сѣчь. Тамъ принимаютъ всякаго бродягу и богатымъ даютъ безъ разбора чины. Жители княжества Варшавскаго съ жителями провинцій россійскихъ заражены однимъ воображеніемъ, слѣдовательно, родственники притягиваютъ къ себѣ своихъ родныхъ для службы и на жительство. Россійскіе подданные получаютъ большею частію паспорты безсрочные и, пользуясь таковымъ отпускомъ, увозятъ за границу наличную монету, отчего ощутительный въ краѣ здѣшнемъ недостатокъ въ звонкой монетѣ».

---

[1]) Калейдоскопъ воспоминаній. „Русскій Архивъ“ 1872 г. Т. II, 2294.

[2]) Дѣйствительный статскій совѣтникъ Кржижановскій, въ концѣ іюня 1811 года, подъ предлогомъ осмотра заведеній, состоявшихъ въ вѣдѣніи Приказовъ общественнаго призрѣнія и полиціи, былъ командированъ въ губерніи: Волынскую, Гродненскую, Виленскую, Подольскую, Минскую, Бѣлостокскую область и въ присоединенную часть австрійской Галиціи. „Во время нахожденія вашего въ помянутыхъ губерніяхъ,—писалъ ему А. Д. Балашовъ 30-го іюня 1811 г.,—по долгу вѣрноподданнаго, вы не оставите доставлять мнѣ извѣстія о злоупотребленіяхъ, кои до васъ доходить будутъ“

Съ присоединеніемъ Бѣлостокской области, вновь установленная граница представляла всѣ удобства для сношеній жителей герцогства Варшавскаго съ поляками, жившими въ Россіи. Принадлежавшее графу Старжинскому имѣніе Пѣшково раздѣлялось рѣчкою, составлявшею границу, такъ что домъ графа принадлежалъ Бѣлостокской области, а вся деревня и большая часть земли отошла къ герцогству Варшавскому. Самъ Старжинскій, бывшій областнымъ маршаломъ, уѣхалъ въ Галицію, и его имѣніе было пріютомъ для всякаго рода переговоровъ и сношеній. Поляки пользовались такимъ удобствомъ сообщенія, закупали лошадей въ значительномъ числѣ и отправляли ихъ въ герцогство. Въ Варшавѣ можно было видѣть цѣлые полки кавалеріи на русскихъ лошадяхъ. Въ Смоленскѣ, Могилевѣ, Минскѣ и другихъ городахъ появились шпіоны подъ видомъ комедіантовъ, фокусниковъ, учителей, художниковъ, лѣкарей, музыкантовъ и странствующихъ монаховъ. Такъ въ Минской губерніи появилось очень много землемѣровъ, по-польски к о м о р н и к о в ъ, которые занимались сниманіемъ окрестной мѣстности.

Въ февралѣ 1811 года министръ полиціи Балашовъ просилъ губернаторовъ Юго-Западнаго края, чтобы за пріѣзжающими изъ Варшавскаго герцогства продавцами ситъ или такъ называемыми рѣшетниками, хотя бы они и имѣли законные паспорты, былъ употребленъ строгій надзоръ, при разъѣздахъ ихъ по ярмаркамъ, такъ какъ въ числѣ ихъ могутъ «пробираться люди съ неблагонамѣренными видами».

Въ іюлѣ Барклай-де-Толли просилъ кіевскаго военнаго губернатора М. А. Милорадовича слѣдить затѣмъ, чтобы лица, выѣзжавшія изъ Варшавы, не были допускаемы до осмотра и съемки нашихъ крѣпостей. Вообще правительствомъ приняты были мѣры къ усиленію надзора и принятію всѣхъ мѣръ къ открытію всякаго рода подозрительныхъ людей, пріѣзжающихъ къ намъ изъ Варшавы; приказано было строго наблюдать за исправностью карауловъ въ крѣпостяхъ и военныхъ складахъ; всячески предупреждать и пресѣкать попытки злонамѣренныхъ людей снимать планы и собирать свѣдѣнія о производящихся крѣпостныхъ работахъ и немедленно подвергать аресту лицъ «польской, французской и жидовской націй, любопытствующихъ о числѣ и состояніи войскъ, яко о предметахъ неприличныхъ и не принадлежащихъ частнымъ лицамъ» [1]).

Такихъ лицъ ловили, но взамѣнъ ихъ появлялись новыя.

«Слабый присмотръ,—доносилъ баронъ Розенъ [2]),—и безпечность здѣшней виленской полиціи облегчаютъ отправленнымъ изъ герцогства Варшавскаго особамъ собирать извѣстія и возмущать поляковъ».

---

[1]) Тревожные годы. „Кіевская Старина“ 1892 г., т. XXXIX, стр. 201.

[2]) Изъ Вильны отъ 12-го февраля 1812 г. Арх. III отдѣл. 1-й экспедиціи. Опись 1811 г., дѣло № 6.

Такія лица являлись въ Вильну съ паспортами за подписью варшавскихъ министровъ и проживали въ городѣ долго. Они ходили по вечерамъ въ питейные домы, гдѣ собирались: мелкая шляхта, адвокаты и купцы. Наиболѣе примѣчательными, по словамъ барона Розена, были: графъ Потоцкій, супругъ принцессы де-Линь и адъютантъ маршала Даву. Онъ усиленно посѣщалъ всѣ общественныя и частныя собранія, приглашалъ къ себѣ разнаго состоянія людей, съ которыми и бесѣдовалъ наединѣ. Отставной бригадиръ Шидловскій, присутствовавшій на варшавскомъ сеймѣ, своими разсказами о значительныхъ пожертвованіяхъ варшавскихъ жителей кружилъ головы полякамъ. Лабунскій, братъ каноника въ Вильнѣ, проповѣдывалъ необходимость соединенія съ французами и проч. Всѣ эти лица находились подъ покровомъ полиціи.

«Покровительствуя подобнымъ злоупотребленіямъ,—доносилъ баронъ Розенъ,—полиція пользуется выгодами. Полицеймейстеръ отъ здѣшняго багала получаетъ ежемѣсячно по тысячѣ червонныхъ и соразмѣрную плату отъ прочихъ купцовъ и промышленниковъ».

Полиція предоставляла каждому полную свободу дѣйствій; переходъ черезъ границу былъ для всякаго свободенъ и никѣмъ не наблюдался. Поляки широко пользовались такою свободою: одни ѣхали въ Варшаву для того, чтобы поговорить на сеймѣ и подышать, по ихъ собственному выраженію, «воздухомъ свободы»; другіе отправлялись, для устройства Общества, имѣвшаго цѣлью возбужденіе всѣхъ и каждаго содѣйствовать возстановленію отечества. Въ числѣ послѣднихъ были: Александръ Сапѣга, самый богатый собственникъ въ Литвѣ, князь Доминикъ Радзивилъ, Сангушко, Ходкевичъ, Потоцкій и другіе.

Возвращаясь домой, они привозили извѣстія, что Наполеонъ, соединившись съ польскими войсками, вторгнется на Волынь; что Россія не имѣетъ денегъ для веденія войны, ни способныхъ генераловъ и не въ состояніи противиться генію Наполеона [1]). Такія внушенія производили всеобщее волненіе. «Молодые люди,—писалъ кіевскій военный губернаторъ Милорадовичъ [2]),—въ большомъ восхищеніи о варшавскихъ войскахъ и говорятъ объ энтузіазмѣ сего войска. Сколько можно было замѣтить, то бывшій здѣсь изъ Волыни на контрактахъ польской службы генералъ Карвицкій чрезмѣрно зараженъ воображеніемъ въ возстановленіи Польши.

«Бывшій здѣсь сынъ велико-короннаго подкоморія, графа Винцентія Потоцкаго, Францишекъ Потоцкій, сколько по слухамъ извѣстно, приверженъ къ французскому правительству, но велъ себя скромно».

---

[1]) Донесеніе Кржижановскаго министру внутреннихъ дѣлъ 2-го августа 1811 г. изъ Житомира.

[2]) „Кіевская Старина“ 1892 г., т. XXXIX, стр. 207.

Пользуясь всеобщимъ броженіемъ, ксендзы и монахи произносили въ костелахъ патріотическія проповѣди, въ которыхъ называли Наполеона великимъ и тѣмъ лучемъ солнца, которое въ самомъ непродолжительномъ времени взойдетъ надъ всею Польшею. Проповѣди эти оказывали большое вліяніе на женщинъ.

Въ своемъ патріотическомъ увлеченіи польскія дамы перещеголяли мужчинъ и были вѣрнѣйшими и преданнѣйшими слугами Наполеона. «Онѣ,—говоритъ современникъ,—были поголовно и буквально влюблены во французскаго императора дотого, что, не видавши его никогда, на вѣру изображеній на портретахъ и деньгахъ рожали дѣтей удивительно похожихъ на императора французовъ. Это замѣчательный физіологическій фактъ: въ поколѣніи того времени считалось много лицъ обоего пола съ физіономіями, живо воспроизводившими наполеоновскій типъ» [1]). Польская женщина того времени была съ головы до ногъ патріотка, мечтавшая о возстановленіи Польши. Чтобы не быть голословными, мы приведемъ слова Биньона, рисующаго участіе женщинъ въ этомъ дѣлѣ.

Въ концѣ 1811 года пріѣхала въ Варшаву княгиня Чарторыйская, супруга старика князя Адама-Казиміра Чарторыйскаго, еще въ 1764 г. претендовавшаго на польскій престолъ. Биньонъ познакомился съ княгинею и въ восторгѣ писалъ [2]): «Если есть хотя одна страна, гдѣ мнѣніе женщинъ не должно быть пренебрегаемо, то, конечно, это Польша. Нельзя видѣть безъ особаго удовольствія общаго направленія ихъ чувствъ, а въ особенности тамъ, гдѣ чувства эти касаются собственно любви къ независимой самобытности ихъ отечества. Это по истинѣ вещь благородная, это—родъ удальства, съ которымъ женщины смотрятъ на войну, какъ на единственное средство къ благосостоянію ихъ отечества.... Княгиня Чарторыйская много жила, много перенесла испытаній для того, чтобы въ ней можно было подозрѣвать блестящія иллюзіи, которыя тѣшатъ воображеніе болѣе молодыхъ и менѣе опытныхъ.

«Тѣ же самыя чувства, но съ гораздо бо́льшимъ жаромъ, возбуждены во всѣхъ дамахъ высшаго общества.—Можетъ быть, они смѣшиваются съ честолюбивыми идеями, можетъ быть,—съ желаніемъ видѣть возстановленнымъ Польское королевство, а, можетъ быть, наконецъ, онѣ присоединяютъ къ этому тайную надежду занять мѣсто, близкое къ трону, который будетъ возстановленъ, и видѣть въ Варшавѣ снова дворъ, способный соперничать въ блескѣ съ другими большими европейскими дворами».

---

[1]) Калейдоскопъ воспоминаній. „Русскій Архивъ“ 1872 г. Т. II, 2294.

[2]) Lettre de M-r Bignon au ministre de relation extérieures en date du 17 octobre 1811 г.

Поляки и польскія дамы забывали всякую осторожность и потому пугали излишествомъ патріотизма самого Биньона, имѣвшаго приказаніе до времени не обѣщать ничего опредѣленнаго. Но всеобщее увлеченіе Наполеономъ должно было естественно вызывать противоположное чувство относительно Россіи.

«Какъ вѣрный подданный,—доносилъ баронъ Розенъ,—я могу подъ присягою увѣрить, что, во время пребыванія моего въ Литвѣ, я вездѣ находилъ поляковъ недоброжелательствующими Россіи, и они теперь болѣе, нежели когда-нибудь, надѣются на возстановленіе Польскаго королевства».

Въ этой надеждѣ, почти вся аристократія въ западныхъ губерніяхъ уѣхала въ Варшаву. — Въ Несвижѣ, Минской губерніи, принадлежавшемъ князю Радзивилу, славившемуся прежде гостепріимствомъ и стеченіемъ многихъ дворянъ, Кржижановскій нашелъ пустымъ даже замокъ самого князя. — Онъ поступилъ на службу въ польскіи войска, оставивъ въ имѣніи одну малолѣтнюю дочь съ кормилицею и двумя нянями, въ самомъ скудномъ состояніи.—Передъ отъѣздомъ князь Радзивилъ отправилъ своего коммиссіонера въ Варшаву съ 10 тыс. червонцевъ, а самъ вывезъ съ собою до тысячи разнаго рода людей, столько же лошадей и забралъ съ собою деньги, серебряные сервизы и всѣ драгоцѣнности [1]).—Многіе помѣщики послѣдовали его примѣру, а оставшіеся волновали населеніе.

Дворянство отказывалось служить, говоря, что, не имѣя отечества, не желаетъ жертвовать собою для чужихъ выгодъ [2]). По словамъ Кржижановскаго, повѣты вилейскій, речицкій, слуцкій, мозырскій и пинскій поголовно были неблагонадежны и готовы были поднять оружіе противъ Россіи.

«Смѣло сказать могу,—доносилъ онъ,—что доколѣ будетъ Варшавское княжество (герцогство) въ нынѣшиемъ положеніи существовать, доколѣ не истребится въ полякахъ воображеніе возстановить Польское королевство, дотолѣ не будетъ вѣрности въ здѣшнемъ народѣ къ правительству».

«Входя,—писалъ князь П. Багратіонъ Барклаю-де-Толли [3]),—дѣятельнѣйшимъ образомъ въ розысканіе образа мыслей и поведенія жителей по Волынской и Подольской губерніямъ,—узналъ я за истинно справедливое, что многія изъ значущихъ по достатку своему особъ, не приверженныхъ къ намъ ни наружно, ни внутренно, имѣютъ сильное вліяніе

[1]) Донесенія Кржижановскаго министру полиціи 2-го августа, 9-го сентября и 23-го октября 1811 г.

[2]) Донесеніе барона Розена ему же 7-го сентября 1811 г.

[3]) Въ письмѣ отъ 19-го октября 1811 г. изъ Житоміра.—Военно-ученый Арх., дѣло № 287.

и между собою сношенія, какъ здѣсь, такъ и въ герцогствѣ Варшавскомъ. Пребываніе ихъ въ семъ краѣ я нахожу весьма вреднымъ и въ томъ утверждаюсь мнѣніи, что сего рода людей крайне необходимо удалить во внутренніе россійскіе города и тѣмъ прервать всю здѣшнюю и заграничную ихъ связь. Оставя же ихъ безъ замѣчанія, то число сихъ коварныхъ и неблагомыслящихъ со временемъ умножится, кои дѣйствуя соединенно съ другими, и наши дѣла приведутъ въ разстройство. Имена ихъ мнѣ извѣстны, о коихъ оффиціально отнестись къ вамъ не могу, ибо легко статься можетъ, что и въ самой столицѣ найдутся люди, которые сіе опровергнутъ.

«Вотъ причины, истинно побуждающія меня покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство, пока еще со стороны нашихъ сосѣдей не происходитъ никакого движенія, исходатайствовать высочайшее у государя императора соизволеніе прибыть мнѣ зимнимъ путемъ, какъ удобнѣйшимъ для поѣздки, на самое короткое время въ столицу, для личнаго объясненія съ его величествомъ и съ вами, по нѣкоторымъ частямъ, до арміи касающимся, такъ равномѣрно обнаружить качества замѣченныхъ мною особъ и тѣмъ внутреннюю безопасность нашу постановить на основательныхъ и твердыхъ мѣрахъ».

Разрѣшенія однако же не послѣдовало, и Баркай-де-Толли писалъ Багратіону, что его величеству неугодно, чтобы командующіе войсками въ «нынѣшнее время» отъ своихъ мѣстъ отлучались. — Отказъ этотъ вызывался тѣмъ, что почти во всѣхъ губерніяхъ разглашали слухъ, что Наполеонъ въ самомъ непродолжительномъ времени провозгласитъ независимость Польши въ прежнихъ ея предѣлахъ. — Подъ вліяніемъ такихъ слуховъ, молодежь волновалась и изучала военный строй подъ руководствомъ ксендзовъ и монаховъ, не стѣсняясь присутствіемъ русскихъ войскъ.—Въ Несвижѣ «гимназисты и школьники,—пишетъ очевидецъ [1]),—большими партіями, подъ руководствомъ доминиканскихъ монаховъ, гуляли по городу съ барабаннымъ боемъ и воинскими криками, неся на шестахъ пестрые платки, въ видѣ знаменъ. Это меня изумило; я подошелъ къ ихъ предводителю и спросилъ, что это значитъ?

— Муштра (ученье),—отвѣчалъ онъ.

— Для чего?

— Такъ для пшиклада (примѣра).

Положеніе было настолько серьезно, что императоръ Александръ пытался вновь привлечь на себя вниманіе поляковъ.

Указывая на великую важность приближающейся минуты, онъ писалъ князю Чарторыйскому, что продолжаетъ трудиться надъ любимыми

---

[1]) Письма русскаго офицера, стр. 30.

планами по возрожденію Польши, но приведеніе ихъ въ исполненіе останавливается обстоятельствами.

«Ваши предъидущія письма,—прибавлялъ государь [1]),— оставили мнѣ слишкомъ мало надежды на успѣхъ для того, чтобы я могъ дѣйствовать, на что я могъ бы благоразумно рѣшиться лишь при нѣкоторой вѣроятности успѣха. Итакъ, мнѣ по необходимости пришлось выжидать событій и не вызывать моими дѣйствіями борьбы, всю важность и опасность коей я оцѣняю, не думая, впрочемъ, потому, что я ея избѣгну...

«Дѣло въ томъ, что проекты, насъ занимавшіе, по вѣроятности ли своей, которая не могла ускользнуть ни отъ одного мыслящаго человѣка, или по нескромности нѣкоторыхъ изъ вашихъ соотечественниковъ, съ добрымъ намѣреніемъ разгласившихъ собственныя свои предположенія, что эти проекты пріобрѣли гласность, весьма невыгодную для ихъ съ осуществленія, такъ что о нихъ заговорили даже въ Дрезденѣ и Парижѣ.

«Всѣ эти соображенія заставили меня хранить долгое молчаніе; но ни участіе къ идеямъ, насъ занимавшимъ, ни рѣшимость приложить ихъ къ дѣлу, какъ только позволятъ обстоятельства, не покидали меня ни на минуту»...

Обстоятельства истекали изъ неизбѣжности войны съ Наполеономъ.

«Эта война,—продолжалъ государь,—прольетъ потоки крови, и бѣдное человѣчество еще разъ будетъ принесено въ жертву ненасытному честолюбію человѣка, созданнаго, повидимому, для его несчастія. Вы слишкомъ ясно смотрите на вещи, чтобы не видѣть, сколь мало либеральныя идеи относительно вашей родины имѣютъ вліянія на его образъ дѣйствій. Наполеонъ имѣлъ на этотъ счетъ конфиденціальные разговоры съ посланниками австрійскимъ и прусскимъ, и тонъ, которымъ онъ объяснялся съ ними, прекрасно выражаетъ и его характеръ, и малую его привязанность къ вашимъ соотечественникамъ, на которыхъ онъ смотритъ лишь какъ на орудіе своей ненависти противъ Россіи.

«Эта война, отъ которой, какъ мнѣ кажется, я не могу болѣе уклониться, совершенно развязываетъ мнѣ руки относительно Франціи и предоставляетъ мнѣ свободу трудиться надъ *любимыми моими планами возрожденія вашего отечества*.

«Итакъ теперь дѣло идетъ только о томъ, чтобы опредѣлить образъ дѣйствій самый выгодный для обезпеченія успѣха нашихъ плановъ; и для того, чтобы вы имѣли болѣе данныхъ для составленія себѣ мнѣнія, считаю полезнымъ сообщить вамъ нѣсколько указаній о военныхъ дѣйствіяхъ.

[1]) Въ письмѣ отъ 1-го апрѣля 1812 г. „Русскій Архивъ“ 1871 г. Т. I, стр. 823—829.

«Хотя нѣтъ невозможности, чтобы мы могли довести наши войска до Вислы, даже переправить ихъ и занять Варшаву, однако, осторожнѣе было бы не основывать нашихъ разсчетовъ на столь выгодныхъ предположеніяхъ. Отсюда вытекаетъ необходимость распорядиться нашими дѣйствіями такъ, чтобы не было надобности разсчитывать на средства и на вліяніе, которое доставило бы намъ обладаніе Варшавою. Итакъ центръ дѣйствій нужно будетъ создать въ нашихъ областяхъ. Изъ этого проистекаетъ нѣсколько вопросовъ, разрѣшеніе коихъ весьма важно.

«Какой моментъ всего удобнѣе для того, чтобы провозгласить возрожденіе Польши? Самый ли это моментъ разрыва? Или выгоднѣе подождать, чтобы военныя дѣйствія увѣнчались какимъ-либо значительнымъ успѣхомъ?

«Если мы предпочтемъ второе, будетъ ли полезно, для успѣха нашихъ плановъ, устроить Великое княжество Литовское, въ видѣ предварительной мѣры и дать ему одну изъ двухъ приготовленныхъ конституцій?

«Относительно этихъ двухъ существенныхъ вопросовъ прошу я васъ высказать ваше мнѣніе.

«Я не стану болѣе вступать здѣсь въ разсужденіе о двухъ вѣроятностяхъ, представляющихся для Россіи въ этой борьбѣ; удовольствуюсь напоминаніемъ о громадномъ протяженіи земли, которое имѣютъ за собою русскія войска для того, чтобы отступать, не давая себя разстроить, и о возрастающихъ трудностяхъ, которымъ будемъ подвергаться Наполеонъ, по мѣрѣ удаленія отъ источника своихъ силъ. Если только война начнется, здѣсь рѣшились не складывать оружія. Собранныя военныя средства весьма значительны, и общее настроеніе превосходно, въ противоположность тому, коего вы были свидѣтелемъ первые два раза. Нѣтъ уже болѣе того хвастовства, которое заставляло презирать непріятеля. Напротивъ того, его силу признаютъ, и считаютъ неудачи весьма возможными; но, не смотря на то, твердо намѣрены до послѣдней возможности поддерживать честь Имперіи.

«Какое бы дѣйствіе произвело при этихъ обстоятельствахъ присоединеніе поляковъ! Оно было бы громадно, и эта масса нѣмцевъ, влекомыхъ силою, конечно, послѣдовала бы ихъ примѣру. Неужели не возможно достигнуть этого великаго результата?..

«Вы, который всегда были столь усердны къ этому дѣлу (освобожденію угнетенной Европы), вы, не сомнѣваюсь въ томъ, сознаете всѣ громадныя выгоды, которыя принесетъ Европѣ и человѣчеству вообще его успѣхъ (дѣла) и, въ качествѣ поляка, вы не можете быть ослѣплены относительно всѣхъ несчастій, коимъ подверглась бы ваша родина,

если бы, ставъ подъ знаменемъ Франціи, она дала Россіи право отомстить за все зло, которое бы ей причинила Польша».

Письмо это было получено кн. Чарторыйскимъ только 22-го мая (3-го іюня) 1812 г.

«Мнѣ представляется,—отвѣчалъ онъ [1]),—единственный въ своемъ родѣ случай доставить вашему величеству этотъ отвѣтъ,—это проѣздъ Новосильцова, отъ котораго я съ часу на часъ ожидаю извѣстія, и къ которому я намѣренъ въѣхать навстрѣчу за нѣсколько почтовыхъ станцій отсюда, чтобы избѣжать огласки, которая могла бы быть вызвана нашимъ свиданіемъ.

«Затруднительность сообщенія съ Россіей увеличивается съ каждымъ днемъ; становится даже опасно преодолѣвать ее. Меня объ этомъ особенно предупреждали. То мѣсто въ письмѣ вашего величества, коимъ вы были такъ добры увѣдомить меня о шпіонахъ, меня окружающихъ, заставляетъ меня удвоить осторожность въ будущемъ. Новосильцевъ пріѣдетъ сегодня или завтра. Мнѣ остается всего нѣсколько часовъ, чтобы собраться съ мыслями и изложить ихъ наскоро. Я долженъ спѣшить и потому могу коснуться только главныхъ пунктовъ письма вашего величества, не распространяясь о тѣхъ предметахъ, о коихъ вы говорите такъ подробно, какъ они того требуютъ.

«Когда находишься вдали отъ дѣлъ, не будучи причастенъ къ нимъ въ совокупности, когда приходится бесѣдовать издалека, и когда между вопросомъ и отвѣтомъ проходитъ шесть недѣль и болѣе, между тѣмъ, какъ всякій день приноситъ съ собою новыя событія и положеніе дѣлъ постоянно измѣняется,—очень трудно отважиться давать совѣты. Затрудненія увеличиваются болѣе, когда ихъ приходится давать въ столь рѣшительную минуту. Одна ошибка, одно невѣрно понятое слово могутъ повлечь за собою такую огромную отвѣтственность, которой я, при моемъ исключительномъ положеніи, долженъ опасаться болѣе, чѣмъ кто-либо. Поэтому я не осмѣлюсь дать никакихъ положительныхъ совѣтовъ, но, такъ какъ ваше величество приказываете, то я выскажу свое мнѣніе, сдѣлаю возраженія, предоставляя вашему величеству самимъ вывести изъ нихъ заключеніе».

Безграничная преданность поляковъ къ своей родинѣ,—говорилъ Чарторыйскій,—и постоянное стремленіе ихъ слиться воедино требуютъ непремѣннаго возстановленія Польши, «раздѣлъ которой былъ *первѣйшею причиною всѣхъ бѣдствій*, обрушившихся съ тѣхъ поръ на Европу». Предстоящая борьба приведетъ, вѣроятно, къ тому, что еще до ея окончанія, такъ или иначе, Польша будетъ возстановлена.

---

[1]) Въ письмѣ отъ 23-го мая (4-го іюня) 1812 г. изъ Сенявы. Арх. Собств. Его Величества библіотеки, шк. 113, полка 4.

«Тотъ монархъ, который захочетъ снискать любовь ея жителей, долженъ будетъ пообѣщать полякамъ тѣ блага, которыхъ они добиваются, и тотъ, кто сдержитъ свое обѣщаніе, можетъ разсчитывать на ихъ неизмѣнную преданность.

«Предположенное вашимъ величествомъ учрежденіе Великаго княжества Литовскаго,—продолжалъ Чарторыйскій,—было бы, нѣсколько времени тому назадъ, мѣрой весьма желательной. Но это слѣдовало сдѣлать годъ тому назадъ, когда созданное такимъ образомъ княжество могло бы, до начала весьма вѣроятной войны, принесть ожидаемые плоды, вылиться въ извѣстную форму и установиться прочно. Въ настоящую минуту, когда раздастся вскорѣ громъ орудій, среди путаницы, безпорядка и превратностей военнаго времени, было бы весьма трудно, даже почти невозможно, организовать новый порядокъ вещей и привести его въ исполненіе. Но если бы въ моментъ объявленія войны появился манифестъ, коимъ народу были бы торжественно обѣщаны разныя преимущества, которыя онъ могъ бы ожидать отъ монарха, обратившагося къ нему съ этимъ манифестомъ, то послѣдній могъ бы произвести сильное впечатлѣніе на умы. Хотя бы это не принесло немедленныхъ выгодъ, но все же этимъ было бы брошено сѣмя, которое могло бы принести плоды, смотря по обстоятельствамъ. Ходъ военныхъ дѣйствій указалъ бы благопріятный моментъ, когда благодѣтельныя намѣренія, возвѣщенныя монархомъ, могли бы быть осуществлены».

Касаясь вопроса о конституціи, Чарторыйскій не одобрялъ ни одного изъ проектовъ, предлагаемыхъ императоромъ Александромъ, и считалъ необходимымъ составить нѣчто среднее между двумя предложенными но для составленія его необходимы просвѣщенные и благомыслящіе, мѣстные дѣятели, пользующіеся уваженіемъ общества.

«Выборъ людей,—говорилъ князь Чарторыйскій,—которые будутъ употреблены въ дѣло и совѣтами которыхъ будутъ пользоваться, всегда окажетъ самое существенное вліяніе на успѣхъ всѣхъ мѣропріятій въ Польшѣ. Вашему величеству необходимо обратить на этотъ предметъ особое вниманіе и не повторять ошибокъ русскаго двора, когда на сцену (въ Польшѣ) выступали обыкновенно люди, пользовавшіеся въ странѣ самой дурной репутаціей. Даже имя Огинскаго, поставленное во главѣ, можетъ внушить недовѣріе къ прочности и успѣху предпріятія, такъ какъ его обвиняютъ въ легкомысліи. Илинскій и Ворцель вовсе не могутъ быть употреблены у насъ, такъ какъ они пользуются слишкомъ дурной репутаціей. Ваврженцкій можетъ сообщить вѣрныя свѣдѣнія относительно болѣе или менѣе выдающихся личностей, которыя заслуживаютъ того, чтобы съ ними посовѣтовались».

Обращаясь къ мѣрамъ, которыя необходимо предпринять, кн. Чар-

торыйскій совѣтовалъ усвоить такую систему дѣйствій, которая уничтожила бы всякую вражду между двумя народами.

«Добродушіе, чувствительность и храбрость—отличительныя черты моего народа,—выразился кн. Чарторыйскій о полякахъ. Въ теченіе продолжительной анархіи, бывшей послѣдствіемъ крайне плохой формы правленія, польскій престолъ никогда не былъ обагренъ кровью. Слѣдовательно, поляки не способны выказать неблагодарность за сдѣланныя имъ благодѣянія.

«Провидѣніе рѣшитъ участь начинающейся страшной борьбы. Оно вдохновитъ васъ. Каково бы ни было опредѣленіе судьбы, я искренно желаю, чтобы ваше величество не отрѣшались отъ умѣренности и великодушной доброты, составляющихъ основныя черты вашего характера. Эти благородныя качества никогда не могутъ повредить и служатъ иногда самой надежной помощью и поддержкой тому, кто ими обладаетъ. Возношу мольбы за ваше благополучіе и за мое отечество. Какъ бы я былъ счастливъ, если бы эти мольбы могли совмѣститься!»

Письмо это нашло императора Александра уже въ Вильнѣ.

По мѣрѣ того, какъ войска обѣихъ сторонъ стягивались къ нашимъ границамъ и можно было въ близкомъ будущемъ ожидать кровавой встрѣчи, императоръ Александръ призналъ необходимымъ отправиться въ Вильну, чтобы оттуда руководить войсками и слѣдить за населеніемъ.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отношенія поляковъ къ русскимъ въ 1816 году.

Письмо графа Булгари къ А. И. Михайловскому-Данилевскому.

5-го октября 1816 г. М. Радзивиловъ.

Любезный Александръ Ивановичъ!

Принужденъ нашелся отправить къ князю Петру Михайловичу въ Брестъ курьера, которому я приказалъ въ проѣздъ вручить ему письмо. Я долженъ былъ прибѣгнуть къ его сіятельству, потому единственно, что поляки осѣдлали сенатора Сиверса и заставили его написать обо мнѣ государю императору.

Мое дѣло было уличить ихъ, въ чемъ и надѣюсь успѣть; ихнее же (дѣло) есть обратиться къ тѣмъ мѣрамъ, кои низкость и подлость были имъ всегда сродны. Русскіе тутъ хуже животныхъ, и цѣлая армія, на Волыни расположенная, свидѣтельствовать въ томъ можетъ. Русскіе законы въ пренебреженіи, и самоправіе торжествуетъ. Что мнѣ тутъ оставалось дѣлать? согласиться съ ними и вредить государству, или любя свое Отечество, открывать ихъ цѣль. Я знаю довѣріе государя къ сенатору Сиверсу, знаю и то, что государь справедливъ, и для этого хотя долго я не рѣшался писать, однако нужда и обстоятельства тому повелѣваютъ, я убѣдительно прошу помощи у князя Петра Михайловича и Василія Романовича (Марченко?), у коего можете полюбопытствовать копію моего послѣдняго донесенія къ начальству.

Вы были всегда мнѣ любезны, вы любите Отечество и русскихъ, и для того я уповаю, что вы при случаѣ не оставите оказать все то, что только послужить можетъ пособіемъ. Чрезъ курьера моего, прошу меня хотя одною строкою посѣтить, такъ же попросите князя Петра Михайловича, чтобы увѣдомилъ меня, доволенъ ли былъ государь устроенными мною объѣзчиками, дабы я имѣлъ каковой-либо актъ у себя.

Примите, любезный Александръ Ивановичъ, чувства истинной моей къ вамъ приверженности и почтенія, съ коимъ честь имѣю быть покорнѣйшій слуга Булгари.

М. М. Сперанскій генералъ-губернаторомъ въ Сибири

и возвращеніе его въ Петербургъ [1]).

(Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова).

22-го марта 1819 года былъ подписанъ высочайшій указъ о назначеніи Сперанскаго сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. Ѣхать къ новой должности Сперанскій смогъ только 7-го мая. Незадолго до отъѣзда своего изъ Пензы, онъ получилъ слѣдующее письмо отъ С. С. Уварова, изъ Петербурга, отъ 23-го апрѣля 1819 года:

«Отъѣздъ г. Цейера подаетъ мнѣ удобной случай изъявить вамъ, любезной и почтенной Михайло Михайловичь, тѣ чувствованія нелицемѣрнаго уваженія, коими я всегда былъ наполненъ къ вамъ. Новое ваше назначеніе открываетъ вамъ обширное поприще дѣлать добро какъ государственной человѣкъ и какъ просвѣщенной христіанинъ. Я увѣренъ впередъ, что затрудненія, васъ ожидающія, — всякаго рода; что геній добра съ трудомъ пробьется сквозь мракъ, покрывающій несчастную Сибирь; что лутчія силы изнемогаютъ; что лутчія надежды увядаютъ — но я радуюсь душевно при мысли, что, наконецъ, свѣтъ правосудія и человѣчества озаритъ сей огромной и прекрасной край нашего отечества. Да дастъ вамъ Богъ нужныя силы для совершенія труднаго вашего подвига!

«Г. Цейеру поручилъ я сказать на словахъ, сколь искренно и безпредѣльно я вамъ преданъ. Позвольте же мнѣ надѣяться, что ваше пребываніе въ Сибири будетъ полезно и для наукъ. Академія Наукъ имѣла

---

[1]) Дополнительные матеріалы и замѣтки къ „Жизни графа Сперанскаго".

всегда въ виду распространеніе познаній объ отдаленнѣйшихъ краяхъ имперіи. Въ Сибири если не все ново, то почти все дурно описано и небрежно изслѣдовано. За особое удовольствіе почту я войти съ вами, если вы позволите, въ сношеніе и по сему предмету. Академія будетъ заниматься новыми путешествіями. Она начала издавать полное собраніе своихъ прежнихъ путешествій. На-днях издана будетъ карта Камчатки, представляющая сей край въ совершенно новомъ видѣ: ибо до сихъ поръ ни одно астрономическое наблюденіе не оказалось вѣрнымъ. Ваше содѣйствіе весьма для насъ будетъ важно; а я васъ убѣдительно прошу не отказать мнѣ въ сей просьбѣ.

«Я почитаю себя весьма счастливымъ, что видѣлъ васъ въ Пензѣ. Въ Иркутскѣ врядъ намъ увидѣться: развѣ восторжествуетъ святая инквизиція, а бѣдныхъ hosliberales отправятъ для исправленія подъ вашу державу; но я сего не опасаюсь: инквизиція наша болѣе скучна, нежели зла, а либералисты такъ разсѣяны и такъ слабы, что и опасаться ихъ нельзя. Затѣмъ прощайте, любезной и почтенной Михайло Михайловичь, будьте здоровы, бодрствуйте духомъ и любите преданнаго вамъ Ув(арова)».

Въ мѣстномъ сибирскомъ управленіи, ко времени назначенія Сперанскаго, главную роль игралъ иркутскій губернаторъ Н. И. Трескинъ, вначалѣ бывшій хорошимъ и дѣятельнымъ начальникомъ губерніи, но потомъ постепенно превратившійся въ жестокаго тиранна и деспота, не уважавшаго никакихъ частныхъ правъ, не слушавшагося ни министерскихъ, ни сенатскихъ предписаній. Много повредила ему его жена, «нѣжно имъ любимая, но вовсе того недостойная и окружившая себя могущественнымъ союзомъ изъ трехъ своихъ любимцевъ и кліентовъ»— какъ говорится на страницѣ 168-й второго тома «Жизни графа Сперанскаго» (исправленнаго изданія).

«Хотя и въ первомъ изданіи нашей книги мы привели о дѣйствіяхъ жены Трескина только показанія Геденштрома [1]), именно на нихъ сославшись,—читаемъ въ дополнительной замѣткѣ барона Корфа—но въ изданіи исправленномъ сочли нужнымъ еще болѣе смягчить это мѣсто. Между тѣмъ отзывы всѣхъ лицъ, съ которыми мы говорили и переписывались о той эпохѣ, къ сожалѣнію, вполнѣ подтверждаютъ показанія Геденштрома.

«Агнеса Ѳедоровна Трескина, урожденная Ключарева, была столько же распутна, сколько и наглая взяточница. Къ этому присоединялось еще нестерпимое тщеславіе, простиравшееся до того, что въ публичныхъ собраніяхъ она садилась съ своими дѣтьми на возвышеніи и да-

---

[1]) Верхнеудинскаго исправника, пользовавшагося покровительствомъ Трескина, а потомъ писавшаго на него доносы.

вала цѣловать руку всѣмъ входившимъ гостямъ. Тріумвиратъ, образованный ею, состоялъ изъ Ефима Кузнецова, бывшаго впослѣдствіи счастливымъ откупщикомъ и золотопромышленникомъ и выведеннаго, наконецъ, въ статскіе совѣтники, съ Владимірскимъ крестомъ на шеѣ [1]), изъ Геденштрома и, наконецъ, изъ засѣдателя приказа общественнаго призрѣнія, титулярнаго совѣтника Третьякова, который былъ факторомъ Трескиной во взяткахъ и въ городѣ носилъ кличку Алексѣя Темнаго. Власть жены, не представлявшей никакихъ блестящихъ качествъ, надъ такимъ мужемъ, каковъ былъ Трескинъ, заключалась единственно въ его привычкѣ угождать ей, начавшейся отъ благодарности къ ея отцу, московскому почтъ-директору Ключареву, бывшему нѣкогда начальникомъ и благодѣтелемъ Трескина».

Лично Трескинъ, по мнѣнію многихъ, не былъ лихоимцемъ. «По привозѣ въ Петербургъ—пишетъ К. Г. Рѣпинскій — дѣлъ слѣдственныхъ коммиссій Иркутской губерніи и по воспослѣдованіи рѣшенія Сибирскаго Комитета предать суду Сената, вмѣстѣ съ прочими, Трескина, Михайло Михайловичъ приказалъ лично мнѣ исключить (вывязать) изъ этихъ дѣлъ всѣ показанія бурятскихъ тайшей и другихъ лицъ о подаркахъ, кои будто они давали Трескину, или, точнѣе, кои собирались съ нихъ на имя Трескина: ибо доказательствъ, чтобы Трескинъ точно принималъ эти подарки, не существовало. Другой причины я не знаю. И. собственно ли отъ себя Михайло Михайловичъ такъ распорядился, или по желанію Комитета Сибирскаго, тоже не знаю; но думаю, что Комитетъ, или, по крайней мѣрѣ, предсѣдатель его графъ Кочубей, не не зналъ о такомъ исключеніи и побужденъ былъ къ нему самимъ же Михайлою Михайловичемъ, вѣроятно и съ своей стороны раздѣлявшимъ то мнѣніе, что Трескинъ, лично, не былъ взяточникъ».

«Сочтя себя обязанными—читаемъ въ одной изъ дополнительныхъ замѣтокъ барона Корфа,—вслѣдствіе переписки нашей съ Молчановымъ[2]), напечатанной нами во всѣхъ газетахъ, перемѣнить редакцію замѣтки о его отцѣ [3]), мы вмѣстѣ съ тѣмъ, поколебавшись въ вѣрѣ къ точности всѣхъ вообще свѣдѣній, переданныхъ намъ о чиновникахъ Сперанскаго по званію сибирскаго генералъ-губернатора, признали за нужное смягчить сказанное о нихъ въ нашей книгѣ; соотвѣтственно чему и явилось, въ декабрѣ

---

[1]) Этого Кузнецова Трескинъ, за красивость стана и лица и за ловкое возвышеніе изъ кабачныхъ поднощиковъ въ откупщики, называлъ въ шутку королемъ,—не подозрѣвая, кажется, что къ выходу красавца-подноща въ люди послужила ступенью жена его же, Трескина.

[2]) См. „Русскую Старину“ 1902 г., январь, стр. 161.

[3]) Миронѣ Филипповичѣ, служившемъ въ канцеляріи сибирскаго генералъ-губернатора.

1861 года, *исправленное* ея изданіе, въ существѣ тождественное съ прежнимъ, только съ перепечаткою въ немъ этихъ и еще нѣсколькихъ другихъ страницъ, на которыхъ были замѣчены кое-какія ошибки [1]). Опытъ оправдалъ нашу осторожность. Въ мартѣ 1862 года мы получили изъ Рыльска (Курской губерніи), отъ баронессы Е. И. Тизенгаузенъ, урожденной Шкларевской, рекламацію за сдѣланный въ нашей книгѣ нелестный отзывъ объ умершемъ ея отцѣ [2]), къ которому она «привыкла видѣть всеобщее уваженіе»,—отзывъ, хотя и смягченный во второмъ изданіи, но все же заставляющій ее «удивляться смѣлости того, кто дерзнулъ доставить автору книги столь невѣрныя свѣдѣнія: замѣтно, что это человѣкъ чрезвычайно желчный, имѣющій претензіи почти на всѣхъ чиновниковъ Сперанскаго». Приложивъ къ этому разные документы о службѣ своего отца, баронесса Тизенгаузенъ заключила свое письмо такъ: «Сознавая, что вы безнамѣренно огорчили меня, вы, какъ благородный человѣкъ, во имя истины замѣните вашъ отзывъ о моемъ отцѣ тѣми выраженіями, которыя употребилъ графъ Сперанскій въ данномъ ему аттестатѣ».

Отвѣтъ барона Корфа баронессѣ Тизенгаузенъ (отъ 13-го марта) былъ написанъ А. Ѳ. Бычковымъ и кончался такъ: «Если настоящее мое объясненіе покажется вамъ въ какомъ-либо отношеніи неудовлетворительнымъ, и если вы вообще признаете удобнымъ возражать на книгу, столь давно уже вышедшую, то, конечно, отъ вашего собственнаго благоусмотрѣнія зависѣть будетъ печатно заявить все, высказанное въ вашемъ письмѣ, но въ такомъ случаѣ надѣюсь, что вы и мнѣ позволите тѣмъ же самымъ путемъ представить публикѣ мои объясненія». Дальнѣйшихъ послѣдствій эта переписка не имѣла.

«Я могу назвать и тѣ лица, которыми были мнѣ сообщены свѣдѣнія о чиновникахъ, составлявшихъ канцелярію Сперанскаго по званію сибирскаго генералъ-губернатора,—писалъ впослѣдствіи баронъ Корфъ.—Это были, съ одной стороны, К. Г. Рѣпинскій, а съ другой—чиновникъ этой же канцеляріи (названный и въ книгѣ) Н. В. Жуковскій,—но послѣдній не прямо, а черезъ общаго нашего пріятеля, упомянутаго въ исторіи де-Санглена, В. Д. Карнильева [3]), который самъ былъ родомъ сибирякъ. Всѣхъ троихъ я зналъ за людей честныхъ, добросовѣстныхъ, правдивыхъ, не могъ притомъ подозрѣвать ни въ одномъ изъ нихъ никакихъ предубѣжденій противъ людей, уже давно исчезнувшихъ въ толпѣ и даже умершихъ, и наконецъ тѣмъ болѣе увлеченъ былъ имъ повѣрить, что переданныя ими свѣдѣнія поражали своимъ согласіемъ. Вышло не

[1]) См. „Русскую Старину“ 1902 г., январь, стр. 162.

[2]) Иванѣ Ивановичѣ Шкларевскомъ, правителѣ канцеляріи сибирскаго генералъ-губернатора.

[3]) См. „Русскую Старину“ 1902 г., мартъ, стр. 505.

совсѣмъ такъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ фактамъ, ибо, что касается до моральной оцѣнки, то, въ отношеніи, напримѣръ, Молчанова, многіе изъ имѣвшихъ впослѣдствіи дѣло до него по Сенату вполнѣ подтвердили мнѣ «нечистоту его на руку». Но, бывъ принужденъ, по представленнымъ мнѣ документамъ, сознать неточность фактовъ, я, натурально, не могъ (да и не хотѣлъ) настаивать на такой моральной оцѣнкѣ, справедливость которой всегда очень трудно доказать. При всемъ томъ, я не разъ и горько раскаявался во всей этой несчастной выноскѣ (стр. 209 и 210 II-го тома «Жизни графа Сперанскаго») не только по непріятностямъ, которыя она мнѣ навлекла, но и потому, что я задѣлъ въ ней, совершенно безполезно для главнаго моего предмета, бѣдныхъ маленькихъ людей. Дѣло другое Растопчинъ, Лопухинъ, Аракчеевъ, даже Карамзинъ и Державинъ; но этихъ бѣдняковъ не было ни малѣйшей надобности ни трогать, ни даже исчислять».

Въ настоящее время почти смѣшно ссылаться на газетныя статьи, особенно за ту эпоху, когда онѣ, по духу времени и по условіямъ цензуры, были исключительно посвящаемы оффиціальнымъ «восторгамъ». Между тѣмъ, въ описываемый здѣсь періодъ, единственная почти газета, у насъ тогда выходившая, «С.-Петербургскія Вѣдомости», содержала въ себѣ частыя извѣстія о переѣздахъ и другихъ «дѣяніяхъ» сибирскаго генералъ-губернатора. Выписки изъ этихъ сообщеній «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», находившіяся въ бумагахъ барона Корфа, были имъ сообщены г. Вагину, напечатавшему эти выписки въ своемъ трудѣ «Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа М. М. Сперанскаго въ Сибири» [1]).

«Замѣчательно,—писалъ баронъ Корфъ—что всѣ эти статьи, хотя онѣ и были доставляемы въ редакцію «Вѣдомостей» изъ разныхъ мѣстностей, носятъ на себѣ отпечатокъ одного и того же пера. Не позволительно ли изъ этого заключить, что онѣ принадлежали не мѣстнымъ корреспондентамъ, а кому-либо изъ сопровождавшихъ Сперанскаго чиновниковъ? При знаніи его характера, мы даже не прочь отъ мысли, что онѣ были писаны—по его заказу».

Въ автобіографіи своей Сперанскій воспѣлъ хотя и короткій, но блестящій хвалебный гимнъ сибирской своей дѣятельности. Вотъ переводъ сказаннаго имъ тамъ о себѣ,—разумѣется, въ третьемъ лицѣ: «Два

---

[1]) Томъ I (Спб. 1872), стр. 608—609.

года поѣздокъ, изысканій, трудовъ неимовѣрныхъ обогатили его самымъ точнымъ знаніемъ мѣстныхъ нуждъ и способовъ, на которомъ онъ основалъ новый планъ управленія для Сибири. Отличительный характеръ этой работы состоитъ въ томъ, что не оставлена безъ вниманія ни одна часть населенія огромнаго края, соединяющаго въ себѣ всѣ степени образованности, отъ дикаго ловчаго до богатаго горожанина, ведущаго торгъ съ Китаемъ; обсужены всѣ интересы; взвѣшены всѣ потребности; обезпечены всѣ средства постепеннаго просвѣщенія въ будущемъ». Въ нѣмецкомъ переводѣ къ этому прибавлено еще слѣдующее: «На возвратномъ пути въ Россію, г-ну Сперанскому предшествовала вполнѣ заслуженная имъ добрая слава и сопутствовали благословенія жителей обширнѣйшей области имперіи».

По выраженіямъ рескрипта 22-го марта 1819 года, Сперанскій назначеніе свое въ Сибирь считалъ, съ самаго начала, за порученіе только временное, а себя болѣе за ревизора, нежели за генералъ-губернатора. Поэтому, какъ только разысканія о злоупотребленіяхъ и составленіи проектовъ для будущаго образованія Сибири стали приближаться къ концу, онъ тотчасъ началъ ходатайствовать и настаивать о своемъ отозваніи. Прежде всего онъ обратился къ графу Кочубею [1]).

Кочубей принялъ въ это время званіе *управляющаго* министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, котораго, за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, былъ *настоящимъ министромъ*. Это обстоятельство, послѣ заявленнаго прежде желанія совсѣмъ оставить службу, побудило его нѣкоторымъ образомъ оправдываться передъ прежнимъ подчиненнымъ, теперь вновь поступавшимъ подъ его начальство.

«При отправленіи къ вамъ, милостивый государь мой Михайло Михайловичъ, съ послѣднею почтою оффиціальнаго отношенія о поступленіи министерства внутреннихъ дѣлъ въ управленіе мое,—писалъ Кочубей Сперанскому 14-го ноября 1819 года,—не успѣлъ я послѣдовать первому движенію моему, изъявить, сколь истинное удовольствіе нахожу я вступить съ вами въ сношенія. Вамъ извѣстно, что никто болѣе меня не отдавалъ справедливости достоинствамъ и всѣмъ качествамъ вашимъ, и отдаленіе ваше не могло, конечно, перемѣнить впечатлѣній души моей.

«Зная слабость здоровья моего, частые припадки и угнетеніе духа, несчастіями моими [2]) произведенное, вы, конечно, удивилися, получа извѣстіе о моемъ назначеніи. Безъ труда всякой согласится, что желать онаго я не могъ; самолюбіе же, если бы я даже онымъ еще зараженъ былъ, и того болѣе требовало бы уклоненія отъ такого званія, которое и въ существѣ, и въ мнѣніи общемъ чрезвычайно упало. Я исполнилъ волю

---

[1]) См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 239—240.

[2]) Потери дѣтей.

государя; я принесъ, вѣроятно, послѣднюю жертву его величеству, ибо, на 52-мъ году и больной, не могу я надѣяться на возобновленіе подобныхъ приношеній. Его величеству открылъ я съ самою большою откровенностію малое надѣяніе мое, чтобъ силы мои позволили мнѣ долго заниматься дѣлами. Государь принялъ сіе милостиво; а я просилъ его величество, что коль скоро пріищется человѣкъ, ожиданіямъ его величества удовлетворить могущій, то чтобъ безъ всякаго препинанія замѣнилъ онъ меня. Однимъ словомъ, я ласкаю себя, что бремя мое возложено на меня временно [1]). Впрочемъ, я на оное не сѣтую, принявъ министерство съ нѣкоторымъ удовольствіемъ по старымъ моимъ привычкамъ всегда быть угоднымъ государю, и по привязанности моей къ особѣ его.

«Министерство, поступившее ко мнѣ, есть самое гнилое, самое подлое. Съ начала установленія онаго при Балашовѣ [2]), не положено не только никакихъ прочныхъ правилъ министерству сему, но, напротивъ, всѣ распоряженія по оному были противны здравому распоряженію и показываютъ, что трудно частному приставу сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ. Народъ, наполняющій министерство сіе, едва-ли не похожъ большею частью на вашихъ иркутскихъ господъ. Большая часть людей приказнаго разбору; нѣтъ ни знанія, ни соображенія, ни даже грамоты. Министерство отъ Балашова поступило къ графу Вязмитинову. Тутъ уже пошло управленіе, доброму, но полумертвому человѣку свойственное. Одна очистка текущихъ дѣлъ (если дѣлами назвать можно вѣдомости о происшествіяхъ, отысканіе бѣглаго рекрута и пр.). Впрочемъ, все сколько-нибудь важное откладывалось, и по одному такъ названному (Богъ знаетъ почему) Исполнительному департаменту нашелъ я 598 дѣлъ неоконченныхъ; между тѣмъ министерство закидано бумагами. Каждая почта московская привозитъ отъ 2-хъ до 300 пакетовъ, изъ коихъ иногда до 200 заключаютъ что?—вѣдомости о происшествіяхъ капитанъ-исправниковъ и городничихъ!!! Вотъ государственное распоряженіе г. Балашова. Назначеніе его въ генералъ-губернаторы или въ будущіе окружные начальники удивило здѣсь многихъ.

«О кругѣ дѣйствія моего не имѣю я никакого точнаго понятія. Если будетъ онъ тотъ, который я нашелъ, то можно смѣло сказать, что не нужно государю имѣть министерства внутреннихъ дѣлъ: текущія и пустыя дѣла не требуютъ особаго департамента.—О вашихъ дѣйствіяхъ по министерству моему я не имѣю никакого свѣдѣнія, но слышалъ отъ самого госу-

---

[1]) Дѣйствительно, Кочубей управлялъ министерствомъ только до іюля 1823 года; тутъ онъ былъ уволенъ въ безсрочный отпускъ, съ замѣщеніемъ его, временно, барономъ Кампенгаузеномъ, и, до кончины Александра, оставался уже внѣ всякой служебной дѣятельности.

[2]) Балашовъ былъ назначенъ министромъ полиціи, которая была соединена впослѣдствіи съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

даря, что вы дѣятельно и весьма хорошо принимаетесь и что вамъ даны на всѣ представленія ваши разрѣшенія.

«Я хотѣлъ написать къ вамъ нѣсколько строкъ, а нечувствительно вовлеченъ былъ удовольствіемъ съ вами бесѣдовать. Письмо сіе вы пріймете знакомъ моей довѣренности и чувствъ искренней моей преданности».

Оффиціальною бумагою, отъ 8-го марта 1820 года, Кочубей объявилъ Сперанскому высочайшую волю—прибыть въ Петербургъ, съ дѣлами сибирскими, къ исходу октября того года.

Это сообщеніе обрадовало Сперанскаго. Онъ поспѣшилъ отправить бо́льшую часть своего имущества съ отходившими тогда изъ Иркутска судами и оставилъ при себѣ только то, что могло ему понадобиться въ теченіе лѣта.

Вдругъ 7-го мая пришелъ, черезъ князя А. Н. Голицына, подписанный государемъ рескриптъ отъ 20-го марта, въ которомъ Сперанскій прочелъ, между прочимъ, слѣдующее: «Расположите путь вашъ такимъ образомъ, чтобы прибыть въ С.-Петербургъ къ послѣднимъ числамъ марта будущаго (т. е. 1821) года».

Этотъ рескриптъ жестоко поразилъ Сперанскаго. Не временное лишеніе удобствъ, послѣдствіе отсылки изъ Иркутска вещей, его тяготило; его волновалъ страхъ, что возвратъ *отсрочили*, можетъ быть, только для того, чтобы послѣ и совсѣмъ *отмѣнить*, волновали и разныя другія чувства. Никогда до тѣхъ поръ никому, даже изъ самыхъ близкихъ къ нему по службѣ, онъ не жаловался на Александра. Рескриптъ 20-го марта, видно, переполнилъ мѣру его терпѣнія. Спустя нѣсколько дней по его полученіи [1]), послѣ обѣда, за чтеніемъ газетъ, онъ, при Цейерѣ и Вильде, вдругъ заговорилъ объ этомъ предметѣ, коснулся обѣщаній перваго рескрипта, полученнаго имъ въ Пензѣ, вынулъ его, далъ прочесть обоимъ и излилъ свое негодованіе, обвиняя государя особенно въ томъ, что онъ столько разъ *неискренно* поступалъ съ нимъ, даже въ противность и нарушеніе *письменныхъ* своихъ обѣщаній и обнадеживаній. «Мы знаемъ,—замѣчаетъ Корфъ,—что *тотъ же самый* укоръ, т. е. *въ неискренности*, Александръ, съ своей стороны, прежде и послѣ, дѣлывалъ самому Сперанскому. Кто изъ нихъ былъ правъ?».

Наконецъ, насталъ для Сперанскаго желанный, столь давно и горячо вымаливаемый часъ освобожденія. 8-го февраля 1821 года Сперанскій началъ обратный свой путь изъ Тобольска въ Петербургъ.

Любопытный моментъ во время этого путешествія должно было составить свиданіе Сперанскаго съ Балашовымъ—первое послѣ событій 1812 года—въ Рязани, гдѣ бывшій министръ полиціи имѣлъ въ то

---

[1]) Разсказъ служившаго при Сперанскомъ Густава Григорьевича Вильде.

время свою резиденцію въ званіи генералъ-губернатора пяти губерній, ввѣренныхъ его управленію на особыхъ правахъ.

Вотъ, что записано въ дневникѣ Сперанскаго объ этомъ свиданіи [1]): «11-го (марта), пятница. Рано утромъ. Рязань. Въ 9 часовъ посѣтилъ генералъ-губернаторъ. Въ 10 посѣщеніе ему. Дополненіе къ исторіи моей ссылки. Ударъ Армфельда направленъ былъ и на Балашова и на министра финансовъ [2]). Слѣдствіемъ сего было то, что Балашовъ увлеченъ былъ въ походъ. На мѣсто министра финансовъ предложены были Голубцовъ и Поповъ [3]), но государемъ отвергнуты. Потомъ отъ государя предназначаемъ былъ Кампенгаузенъ, но отстраненъ заговорщиками. Армфельдъ искалъ соединенія и съ Балашовымъ. Паденіе Армфельда отъ опыта, отъ перемѣны и скораго движенія военныхъ дѣлъ, и особенно отъ того, что онъ посѣтилъ Палена».

«Что можно понять изъ этихъ гіероглифическихъ очерковъ,—замѣчаетъ Корфъ—и не правы ли мы были, сказавъ [4]), что, въ сущности, они не только не разъясняютъ, но почти еще болѣе затемняютъ дѣло?»

«Эта загадочность и какъ бы преднамѣренная запутанность—писалъ А. Ѳ. Бычковъ [5]) — естественно объясняются неловкимъ положеніемъ Балашова передъ Сперанскимъ, въ глазахъ котораго ему нужно было оправдать себя во что бы то ни стало».

А вотъ, что писалъ Корфу съ своей стороны де-Санглень, когда, послѣ всѣхъ полученныхъ отъ него сообщеній, Корфъ призналъ не излишнимъ передать ему и вышеприведенную таинственную замѣтку:

«Выписка изъ дневника Сперанскаго удостовѣряетъ меня въ мнѣніи о немъ. Къ уму въ дѣлахъ ясному и къ образованію, тѣмъ болѣе высокому, что оно было пріобрѣтено глубокимъ размышленіемъ, присоединялъ онъ простодушіе первобытныхъ временъ—вѣрилъ, а чему вѣрилъ? Неужели Балашовъ въ Рязани сталъ бы подчивать его чистосердечнымъ раскаяніемъ и правдою на собственный свой счетъ? Очень вѣроятно! Что «ударъ Армфельда направленъ былъ и на Балашова»—это вы знаете уже изъ прежнихъ моихъ листковъ. Но министра финансовъ Балашовъ припуталъ тутъ, кажется, для того только, чтобъ отвлечь вниманіе Сперанскаго отъ самого себя. Дѣло Гурьева было особое, по доносу честнаго нѣмца, оберъ-форштмейстера,

---

[1]) Въ „Жизни графа Сперанскаго“ (т. II, стр. 257) приведена только первая часть этой записи. Вполнѣ же она напечатана въ изданномъ подъ редакціею А. Ѳ. Бычкова сборникѣ „Въ память графа М. М. Сперанскаго“, Спб. 1872, стр. 98.

[2]) Д. А. Гурьева.

[3]) Василій Степановичъ.

[4]) „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 257.

[5]) „Въ память графа М. М. Сперанскаго“, стр. 99.

и прямо къ государю. По приказанію императора производилось оно мною секретно. Разсерженный государь хотѣлъ, дѣйствительно, удалить Гурьева, и ему, на дворскомъ языкѣ, было х у д о; пронюхали это царедворцы, ласкатели власти, и начали предлагать, на его мѣсто, Голубцова, Попова и, наконецъ, Кампенгаузена. Но государь, сказавъ мнѣ о томъ, прибавилъ: «Гурьевъ довольно нахваталъ; но послѣ даннаго ему урока (?) онъ хоть немного, да остановится, а новый и снова начнетъ».—Далѣе: «А р м ф е л ь д ъ и с к а л ъ с о е д и н е н і я с ъ Б а л а ш о в ы м ъ» — находится въ противорѣчіи съ предъидущимъ: «у д а р ъ А р м ф е л ь д а н а п р а в л е н ъ б ы л ъ и н а Б а л а ш о в а». Да и когда же онъ могъ того искать? Развѣ послѣ ссылки Сперанскаго? Но къ чему? Армфельдъ искалъ во мнѣ, чтобы изобличить Балашова въ воровствѣ и интригахъ; но я отказался, почитая подобныя дѣйствія за спиною—подлостію. «С л ѣ д с т в і е м ъ т о г о б ы л о, ч т о Б а л а ш о в ъ у в л е ч е н ъ б ы л ъ в ъ п о х о д ъ»—неправда. Государь, не довѣряя болѣе Балашову, рѣшился уничтожить министерство полиціи навсегда, что̀ послѣ и сдѣлалъ; но въ то время не имѣлъ ни возможности, ни досуга заняться преобразованіемъ, а еще менѣе охоты занять публику новымъ разительнымъ происшествіемъ. Онъ взялъ министра полиціи съ собою въ армію, какъ генералъ-адъютанта, назначилъ управляющимъ министерствомъ полиціи другаго (Вазмитинова) и министра сдѣлалъ безъ министерства—un ministre en l'air» [1]).

Въ Петербургъ Сперанскій пріѣхалъ 22-го марта 1821 года.

«Если взглянуть пристальнѣе на рядъ событій, пролегшихъ между высылкою Сперанскаго въ 1812 году и возвращеніемъ его въ Петербургъ, то трудно не придать этимъ девяти годамъ значеніе цѣлаго столѣтія,—читаемъ въ дополнительныхъ замѣткахъ къ «Жизни графа Сперанскаго». — Александръ, сперва, уничиженный, покинутый всѣми, кромѣ вѣрнаго своего народа, льющій слезы надъ погибшею Москвою, какъ Марій на развалинахъ Карѳагена; потомъ, вдругъ, торжествующій, превознесенный миротворецъ и возстановитель троновъ, раздающій царства и исполняющій для враждебной Польши то, что нѣкогда замышлялъ для преданной Россіи; наконецъ, пресыщенный славою и величіемъ, разочарованный, покоряющій себя и всѣхъ волѣ мрачнаго временщика; Александръ, впавшій въ летаргическое равнодушіе, въ совершенную апатію, изъ которой только на минуту заставилъ его очнуться случившійся въ то время бунтъ Семеновскаго полка: Александръ, говоримъ, уже первый представлялъ совсѣмъ другаго и монарха, и человѣка, нежели какимъ онъ былъ до всемірной войны».

---

[1]) Затѣмъ въ письмѣ де-Санглена слѣдуютъ подробности о паденіи Армфельда (см. „Русскую Старину“ 1902 года, май, стр. 245).

«Много было перемѣнъ и въ окружавшей Александра средѣ. Одни изъ главныхъ дѣятелей прежней эпохи—Армфельдъ, Николай Толстой, Салтыковъ, Козодавлевъ, Вязмитиновъ, Строгановъ, Барклай, Кутузовъ — лежали въ могилѣ. Другіе — не упоминая о Новосильцевѣ и Чарторыжскомъ, которыхъ вѣкъ уже прежде миновалъ—Растопчинъ, Балашовъ, Румянцевъ, Трощинскій, Чичаговъ, Петръ Толстой, жили вдали отъ двора и всякаго вліянія. Оставались еще Нессельродъ, Голицынъ, Мордвиновъ, Кочубей и Гурьевъ; но Мордвиновъ стоялъ уже далеко не на первомъ планѣ, а два послѣдніе были къ концу политическаго своего значенія. Всѣ начальствующіе и всѣ части управленія безусловно покорствовали скипетру Аракчеева, и противоборство слабыхъ партій Голицына и Волконскаго, вращавшихся больше только въ своемъ кругу, не могло входить тутъ ни въ какой счетъ. Съ одной стороны жестокое самовластіе, съ другой колѣнопреклоненное раболѣпство заняли мѣсто тѣхъ либеральныхъ плановъ и утопій, въ разгарѣ которыхъ Сперанскій былъ оторванъ отъ Александра. Неудовольствія и ропоту слышалось не менѣе, чѣмъ въ его эпоху, но и цѣль, и движеніе ихъ были уже другія. Ту степень въ народной ненависти, которая была удѣломъ доктринернаго мечтателя Сперанскаго, теперь занималъ Аракчеевъ съ гнетомъ своихъ военныхъ поселеній и своего желѣзнаго, саркастическаго деспотизма; но ненависть эта уже не ограничивалась, какъ прежде, одними бездѣйственными возгласами и эпиграммами. Наученная впечатлѣніями и примѣрами, вынесенными нашею военною молодежью съ запада, она искала органовъ для своего проявленія на самомъ дѣлѣ. Вдали, въ тайномъ мракѣ, готовились тѣ замыслы, которые потомъ разрѣшились событіемъ 14-го декабря 1825 года,—первою въ Петровской Россіи революціею не дворскою, а народною, или по крайней мѣрѣ родившеюся не въ царскихъ чертогахъ.....».

Императора Александра Сперанскій не засталъ въ Петербургѣ: государь находился въ то время въ Лайбахѣ, откуда вернулся въ Царское Село 26-го мая. 6-го іюня послѣдовало первое свиданіе Сперанскаго съ государемъ.

По разсказу Вронченка, слышанному имъ отъ самого Сперанскаго, и подтвержденному, отчасти, графомъ Уваровымъ и Лубяновскимъ, это первое свиданіе происходило слѣдующимъ образомъ:

Едва только Сперанскій вошелъ въ кабинетъ, какъ государь, со словами: «Уфъ, какъ здѣсь жарко», вывелъ его съ собою на балконъ въ садъ, откуда всякій прохожій могъ не только ихъ видѣть, но почти и разслышать каждое ихъ слово. Очевидно, что цѣлью этого было избѣжать всякой откровенной, задушевной бесѣды.

— Ну, Михайло Михайловичъ,—началъ тотчасъ Александръ, и при томъ безъ объятій, съ простымъ пожатіемъ руки, — очень радъ тебя

видѣть. Здоровъ ли? Каковъ былъ твой переѣздъ? Я думаю—ужасный, потому что ты попалъ въ самую распутицу. Извини, что такъ долго не могъ тебя принять, но все это время, послѣ возвращенія, былъ ужасно занятъ. О! да какая съ тобою кипа бумагъ! Но, виноватъ: сегодня никакъ не могу ими заняться. Оставь у меня до другого разу.

Разговоръ продолжался и далѣе безъ всякаго возврата къ прежнему, безъ всякаго выраженія сердечнаго; Александръ изливался въ потокѣ словъ, ни на минуту не останавливаясь. «Государь — разсказывалъ Сперанскій—говорилъ такъ много, такъ скоро и такъ непрерывно, что мнѣ не удавалось помѣстить почти ни слова, и я только успѣвалъ кланяться». Вдругъ, когда уже изсякли всѣ дальнѣйшія фразы въ этомъ разговорѣ, онъ остановился на вопросѣ:

— Скажи же мнѣ, съ кѣмъ ты нынче видишься въ Петербургѣ?

— Въ ожиданіи счастья явиться передъ вами, государь, я не былъ еще ни у кого, кромѣ графа Аракчеева, и жилъ только съ дочерью и съ друзьями.

— Но впередъ съ кѣмъ располагаешь видѣться?

— Исполню то, что ваше величество мнѣ прикажете.

— Если такъ, то совѣтую тебѣ сблизиться какъ можно болѣе съ графомъ Алексѣемъ Андреевичемъ. Однако мнѣ пора за дѣло; прощай, до скораго свиданія. Повторяю, что очень былъ радъ съ тобою увидѣться.

Пожатіе руки, и все кончено.

Александръ вышелъ изъ этого испытанія вѣрнымъ своему характеру. Но сколько нужно было на то силы притворства, или самообладанія, или равнодушнаго презрѣнія къ чувствамъ человѣческимъ.....

Разсказъ князя А. Н. Голицына одинаково удалялся и отъ Булгаринскаго пафоса [1]) и отъ леденѣющей картины Вронченка. По его словамъ, все обошлось очень просто, безъ всякихъ сценъ ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ; но Александръ прибавилъ, что какъ теперь будутъ частыя между ними свиданія, то онъ предоставляетъ себѣ побесѣдовать о прошедшемъ—при бо̀льшемъ досугѣ.

Разсмотрѣніе новыхъ предположеній Сперанскаго для будущаго устройства Сибири было возложено на особый комитетъ изъ графовъ Кочубея, Гурьева и Аракчеева, князя Голицына, барона Кампенгаузена и самого Сперанскаго.

Лучшимъ доказательствомъ весьма поверхностнаго разсмотрѣнія проектовъ Сперанскаго по новому образованію Сибири можетъ служить то, что, при окончательномъ ихъ утвержденіи, даже число ста-

[1]) См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 263, примѣчаніе.

тей не измѣнилось; ихъ было 3.020, и эта огромная масса заняла въ Сибирскомъ Комитетѣ только двадцать засѣданій, такъ что на каждое приходилось, круглымъ числомъ, болѣе 150 статей. Важнѣйшее разномысліе относилось къ двумъ предметамъ: 1) Сперанскій требовалъ, чтобы 80.000 душъ приписныхъ къ алтайскимъ заводамъ крестьянъ были совершенно освобождены отъ заводовъ, гдѣ они только давали хлѣбъ чиновникамъ, а Гурьевъ, противясь такому освобожденію, настаивалъ на томъ, будто эти крестьяне составляютъ частное достояніе государя. Дѣло это кончилось не ранѣе 1828 года тѣмъ, что по суду и полиціи Сперанскій успѣлъ ввести крестьянъ въ общее губернское управленіе; но по хозяйственной части они остались въ горномъ, какъ прежде, вѣдомствѣ. 2) Гурьеву хотѣлось устроить въ Томскомъ краѣ отдѣльную горную область, а Сперанскому такое двоеначаліе, особенно въ этой части Сибири, казалось немыслимымъ.

Мнѣній, столь противоположныхъ, нельзя было согласить безъ нѣкоторой обоюдной уступки; въ видѣ такой, положили сперва—впрочемъ условно—перенести губернскій городъ въ Чаусскій острогъ. Сперанскій, однако, не считалъ себя окончательно побѣжденнымъ. 1-го августа 1822 г. онъ писалъ преемнику своему въ управленіи Западною Сибирью Капцевичу: «Когда время, опытъ и самыя обстоятельства охладятъ жаръ спора, тогда, мнѣ кажется, всѣ предпочтутъ оставить губернское управленіе въ Томскѣ, въ городѣ старинномъ, соединяющемъ въ мѣстномъ его положеніи множество выгодъ, нежели учредить новый городъ, чего, впрочемъ, и сдѣлать невозможно, не истративъ сотни тысячъ, коихъ у насъ немного и, конечно, нѣтъ излишнихъ».— Извѣстно, что такъ впослѣдствіи и сдѣлалось.

Когда, въ іюлѣ 1821 года, Сперанскій былъ назначенъ, по случаю отъѣзда князя П. В. Лопухина въ свои имѣнія, къ временному управленію Коммиссіею законовъ [1]), баронъ Г. А. Розенкампфъ не могъ не явиться къ нему въ качествѣ старшаго надъ коммиссіею. На свое счастье, онъ не засталъ его дома и думалъ, что тѣмъ все благополучно и кончилось. Вдругъ, на слѣдующій день, докладываютъ, что пріѣхалъ Михайло Михайловичъ. Этотъ визитъ привелъ Розенкампфа въ величайшее смущеніе, но не принять гостя не было никакой возможности, такъ какъ люди уже сказали, что хозяинъ у себя. Вѣроятно, впрочемъ, что въ это свиданіе было столько же мало рѣчи о прошедшемъ, какъ и въ первую аудіенцію Сперанскаго у Александра. Но всѣ эти визиты предста-

---

[1]) Разсказъ родного племянника Розенкампфа, Максима Карловича Цейдлера, который, въ то время, самъ служилъ при немъ въ Коммиссіи законовъ († въ 1882 г. сенаторомъ).

вляли, разумѣется, одно лишь внѣшнее изъявленіе, одну маску. Истинное примиреніе или перемѣна въ чувствахъ, послѣ всего случившагося, стояли внѣ предѣловъ возможнаго. Между тѣмъ положеніе Розенкампфа, поставленнаго снова въ зависимость отъ того человѣка, противъ котораго онъ нѣкогда такъ гласно враждовалъ и который зналъ, болѣе или менѣе, всѣ его интриги, было нестерпимо. Къ этому присоединилось еще одно особое обстоятельство, подробно разсказанное и въ Запискахъ Розенкампфа. Когда, въ 1815 году, Государственный Совѣтъ поручилъ Коммиссіи составить и напечатать Сводъ существующихъ законовъ, скупой Лопухинъ до крайности испугался требовавшихся на это значительныхъ издержекъ и, послѣ всевозможныхъ попытокъ устроить дѣло дешевле, переговоровъ съ содержателями типографій, книгопродавцами и проч., остановясь, наконецъ, на томъ, что всего безубыточнѣе было бы печатаніе Свода сдать кому-нибудь въ видѣ частнаго предпріятія, сталъ убѣждать къ принятію на себя этого дѣла—самого Розенкампфа. Побуждаемый не столько спекулятивными разсчетами, сколько желаніемъ доказать, посредствомъ напечатанія своего Свода, въ какой степени его кодификаціонная система превосходитъ труды падшаго Сперанскаго, тщеславный Розенкампфъ не поколебался принять предложеніе Лопухина, на томъ только условіи, чтобы каждаго тома Свода было, по мѣрѣ его отпечатанія, покупаемо въ казну 683 экземпляра для уѣздныхъ и около 200 для губернскихъ присутственныхъ мѣстъ. Лопухинъ—все обѣщалъ и, однако, исполненіе своего обѣщанія оттянулъ на нѣсколько лѣтъ, а когда Розенкампфомъ уже было напечатано, на собственный счетъ и страхъ, множество толстыхъ квартантовъ, стоившихъ ему до 200 тысячъ рублей (ассигнаціями), то вдругъ объявилъ ему, что государь соизволяетъ взять въ казну только 498 экземпляровъ, для однихъ присутственныхъ мѣстъ первой степени въ великороссійскихъ губерніяхъ. Вопль Розенкампфа, приведеннаго, черезъ такое нарушеніе условія, не только въ разстройство, но и въ совершенное разореніе, ничего не пособилъ, а жалобы государю, перейдя въ руки того же Лопухина, также остались безъ дѣйствія. Напослѣдокъ друзья обиженнаго попытались походатайствовать за него и у возвратившагося между тѣмъ въ Петербургъ Сперанскаго. Послѣдній показалъ видъ готовности вступиться въ дѣло [1]), и на извиненія посредниковъ въ томъ, какъ они совѣстятся предстательствовать у него за человѣка, столь предъ нимъ виноватаго, отвѣчалъ: «Прошедшее давно забыто; знать ничего не хочу о поступкахъ Розенкампфа и другихъ, за которые они, вѣрно, уже наказаны въ своей совѣсти». При всемъ томъ, Сперанскій едва-ли принялъ дѣятельное участіе въ положеніи своего врага, и напечатанныя

[1]) Разсказъ М. А. Балугьянскаго.

въ «Жизни графа Сперанскаго» донесенія его государю заставляютъ рѣшительно предполагать противное. Тогда Розенкампфъ отважился на послѣдній шагъ. Все еще продолжая считать себя необходимымъ, онъ явился къ Лопухину съ просьбою объ отставкѣ, въ увѣренности, что сдѣлано будетъ все возможное для удержанія его. Лопухинъ отвѣчалъ равнодушно, что въ 50 милліонахъ нѣтъ никого незамѣнимаго, и 13-го апрѣля 1822 г. былъ подписанъ указъ объ увольненіи Розенкампфа изъ Коммиссіи законовъ, не только безъ какого-нибудь знака милости, но даже и безъ пенсіи, кромѣ той (въ 2.000 руб.), которая производилась ему еще съ 1802 г. До кончины Александра онъ продолжалъ быть членомъ Коммиссіи финляндскихъ дѣлъ, съ значительнымъ содержаніемъ; но, со вступленіемъ на престолъ императора Николая, эта коммиссія была замѣнена статсъ-секретаріатомъ, и съ тѣхъ поръ Розенкампфъ, оставшись совсѣмъ безъ службы, влачилъ самую печальную жизнь, въ крайней нуждѣ и осажденный кредиторами, такъ что въ 1831 году, когда онъ умеръ, его пришлось хоронить складчиною отъ друзей и бывшихъ подчиненныхъ.

3-го ноября 1821 года состоялся указъ Государственному Совѣту о томъ, чтобы для разсмотрѣнія трудовъ Коммиссіи законовъ назначить особый день въ недѣлю и чтобы всѣ по этому дѣлу изъясненія представлялъ Сперанскій.

Въ проектѣ этого указа, представленномъ отъ Сперанскаго, было слѣдующее введеніе: «Коммиссія законовъ совершила часть трудовъ, ей порученныхъ. Я приказалъ внести ихъ на уваженіе Государственнаго Совѣта. Въ числѣ первыхъ государственныхъ нуждъ я всегда полагалъ доброе законодательство. Средства къ сему измѣнялись, но главная моя мысль всегда была и будетъ непремѣнна. Изъ сего Государственный Совѣтъ усмотритъ степень вниманія, коего я отъ него ожидаю».

Но въ Александрѣ уже прошла охота къ фразамъ 1810 года. Онъ оставилъ проектъ у себя до возвращенія Аракчеева, находившагося въ то время въ Грузинѣ, и въ передѣланномъ, по его пріѣздѣ, указѣ подчеркнутые выше періоды были замѣнены однимъ слѣдующимъ: «Полагая доброе законодательство въ числѣ первыхъ государственныхъ нуждъ, я ожидаю, что Государственный Совѣтъ обратитъ на сію часть особенное его вниманіе и всемѣрно будетъ способствовать къ ея усовершенію».

17-го іюля 1821 года Сперанскій былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, но никогда болѣе не возвышался на прежнюю сту-

пень при императорѣ Александрѣ, личныя сношенія котораго съ Сперанскимъ не принимали былого характера.

Нѣкоторые характеры труднѣе прощаютъ собственную свою вину тому, кто сдѣлался ея жертвою, нежели его вину противъ нихъ, а Александру, сверхъ того, необходимо было навсегда оставить Сперанскаго будто въ тѣни уже и для того, чтобы оправдать передъ общимъ мнѣніемъ свой жестокій съ нимъ поступокъ, котораго не могла покрыть и изгладить никакая давность. Разъ, при разговорѣ, передъ возвращеніемъ сибирскаго генералъ-губернатора въ Петербургъ, съ тогдашнимъ командиромъ гвардейскаго корпуса И. В. Васильчиковымъ (при Николаѣ князь и предсѣдатель Государственнаго Совѣта), государь сказалъ ему [1]):

— Vous savez que je fais revenir Spéransky?

— Je l'ai entendu, sire, et je vous en félicite, car l'opinion publique le proclame comme un homme de capacités éminentes [2]).

— Je suis le premier à rendre pleine justice à ses talents; je pense même qu'il a plus de bonnes qualités, que de mauvaises; mais les circonstances et le mécontentement général m'ont forcé dans le temps à en faire le sacrifice. Jamais je n'ai cru à quelque trahison de sa part, mais c'est un homme dissimulé: il a manqué de confiance envers moi [3]).

Съ другой стороны на стражѣ сердца Александрова стоялъ тогда желѣзный Аракчеевъ. При огромной, какъ бы волшебной силѣ надъ своимъ монархомъ, онъ не умѣлъ и не имѣлъ надобности таиться въ своихъ къ кому-либо чувствахъ; но весь интересъ его—именно для охраненія этой силы—сосредоточивался въ томъ, чтобы удержать ее за собою одному и безъ раздѣла. И въ глаза, и заочно онъ всегда оказывалъ большое уваженіе уму, свѣдѣніямъ и прочимъ достоинствамъ Сперанскаго; но Александру позволялъ употреблять его единственно въ качествѣ лучшаго другихъ орудія, въ качествѣ работника по заказу, а отнюдь не ментора или вожатаго. Уже не существовало, наконецъ, и симпатіи между новыми идеями монарха и

---

[1]) Разсказъ князя И. В. Васильчикова.

[2]) Самъ Васильчиковъ до тѣхъ поръ совсѣмъ не зналъ Сперанскаго и родомъ своей службы былъ вполнѣ отъ него отдѣленъ.

[3]) Знаете вы, что я возвращаю Сперанскаго?

— Я слышалъ объ этомъ, государь, и могу васъ съ этимъ поздравить, такъ какъ, судя по общему мнѣнію, это человѣкъ выдающихся способностей.

— Я первый отдаю справедливость его талантамъ; я увѣренъ даже, что у него болѣе хорошихъ качествъ, чѣмъ дурныхъ; но обстоятельства и общее неудовольствіе вынудили меня въ свое время пожертвовать имъ. Я никогда не вѣрилъ въ какую-либо измѣну съ его стороны; но это человѣкъ скрытный; онъ не имѣлъ ко мнѣ довѣрія.

тѣми, которыя онъ, отъ прежнихъ временъ, все еще предполагалъ въ бывшемъ своемъ любимцѣ. Вслѣдствіе Семеновской исторіи, которую Александръ относилъ то къ внутреннимъ ковамъ [1]), то къ внушеніямъ и вліянію итальянскихъ карбонаріевъ, онъ, въ это время, бросая всякій либерализмъ, весь предался австрійской консервативной системѣ, а Сперанскаго продолжалъ—не довольно, при всей своей тонкости, изучивъ его характеръ—считать либераломъ по убѣжденію [2]). Вскорѣ по возвращеніи Сперанскаго перлюстровали на почтѣ письма изъ внутреннихъ губерній съ изъявленіемъ надеждъ, что, по вступленіи его снова въ дѣла, правительство наше обратится къ болѣе свободному образу мыслей и дѣйствій. Показавъ самъ эти письма тому, о комъ въ нихъ шла рѣчь, государь прибавилъ, что Сперанскій не узнаетъ прежней покорной Россіи, до такой степени умы возбуждены и требованія увеличились. Быть можетъ, что, вмѣстѣ съ прочимъ, и самыя эти надежды публики на Сперанскаго пробудили еще болѣе осто-

---

[1]) 3-го января 1821 года онъ писалъ Кочубею изъ Лайбаха: „Engagez, je vous prie, le général Miloradovitch à donner l'attention la plus sérieuse à l'affaire de Рощинъ et à ses papiers. L'affaire, bien conduite, pourra, peut être, nous découvrir la source d'où est parti le libelle (?) et peut être même toute l'histoire du régiment de Sémenovsky, sur laquelle je garderai toujours ma conviction qu'elle a été produite par des hommes hors du militaire, du genre de Karasine et compagnie". (Архивъ князя Кочубея). Переводъ: Предложите генералу Милорадовичу обратить самое серьезное вниманіе на дѣло Рощина и на его бумаги. Если это дѣло будетъ поведено толково, то, быть можетъ, оно укажетъ источникъ происхожденія пасквиля и даже прольетъ свѣтъ и на всю исторію въ Семеновскомъ полку; я навсегда останусь при убѣжденіи, что событіе это произведено лицами, не принадлежащими къ военному сословію, а лицами въ родѣ Каразина и К°".

[2]) Что знатокъ людей, Александръ, не довольно извѣдалъ характеръ Сперанскаго, это, конечно, удивительно; но еще гораздо удивительнѣе то, что не болѣе понималъ его характеръ и двадцатилѣтній повѣренный тайныхъ его думъ и чувствъ, именно Цейеръ. Когда, еще въ пензенскую эпоху, разнесся слухъ о назначеніи Сперанскаго министромъ юстиціи, чему онъ и самъ было повѣрилъ, Цейеръ писалъ ему: „Съ обращеніемъ къ правиламъ и видамъ, кои на время были отложены, естественно должно обратиться и къ людямъ, кои могутъ быть употреблены въ исполненіи оныхъ на дѣлѣ. Безъ сомнѣнія, вамъ извѣстна рѣчь его величества, на варшавскомъ сеймѣ произнесенная, въ коей не только правила сіи, но и намѣреніе, принятое въ приспособленіи оныхъ къ нашему отечеству, ясно, опредѣлительно и торжественно изложены. Послѣ сего не можетъ уже остаться никакого сомнѣнія относительно направленія, которое примутъ у насъ дѣла на будущее время". Итакъ и простодушный Цейеръ, соображая и помня только прежнее, тоже продолжалъ считать Сперанскаго за либерала по убѣжденію. Онъ не предугадывалъ еще, что этотъ либералъ найдетъ въ себѣ духъ написать похвальное слово военнымъ поселеніямъ.

*

рожности и недовѣрія въ подозрительномъ Александрѣ. Какъ бы то ни было, повторяемъ, судьбы Сперанскаго на остатокъ этого царствованія были уже рѣшены невозвратно: его, по внѣшности, держали въ уровень со всѣми прочими; но, въ сущности, думали о немъ едва-ли еще не хуже, чѣмъ объ этихъ прочихъ, какъ то доказывается слѣдующими двумя анекдотами.

Первый изъ нихъ былъ слышанъ барономъ Корфомъ отъ человѣка, очень близкаго къ Карамзину и пользовавшагося особенною его дружбою, именно отъ графа Д. Н. Блудова; второй—отъ самого дѣйствующаго лица въ разсказѣ, графа А. А. Закревскаго, извѣстнаго своею правдивостью.

Во время стараній Карамзина къ поддержанію Сперанскаго передъ императоромъ Александромъ [1]), первый однажды спросилъ, отчего бывшій государственный секретарь не дѣятельнѣе употребляется къ дѣламъ.

— Какъ—отвѣчалъ государь,—развѣ я не довольно употребляю его? Я поручилъ ему составленіе кодекса. Чего же болѣе? Не моя вина, что онъ тутъ ничего не дѣлаетъ. Но, между нами, ты знаешь Сперанскаго. Онъ—трусъ и, въ моихъ глазахъ, даже—подлецъ. Не умѣю иначе назвать человѣка, который, послѣ всего случившагося съ нимъ, имѣлъ еще духъ остаться на службѣ...» [2]).

Лѣтомъ 1821 года, когда Сперанскій переѣхалъ въ Царское Село, тамъ же жили, очень на короткой между собою ногѣ, Ермоловъ, Каподистрія и Закревскій (въ то время дежурный генералъ Главнаго штаба). Они всякій день вмѣстѣ гуляли, и помаленьку къ ихъ прогулкамъ примкнулъ и Сперанскій, съ которымъ, впрочемъ, всѣ трое познакомились только съ возвращеніемъ его изъ Сибири. Разъ, при такой же общей прогулкѣ имъ попался навстрѣчу государь, катавшійся по саду въ дрожкахъ. Подъѣзжая, онъ казался веселымъ, но, поровнявшись съ ними и велѣвъ кучеру остановиться, вдругъ насупилъ брови. Послѣ короткаго спроса, о чемъ они между собою толкуютъ, и отвѣта ихъ, что Михайло Михай-

---

[1]) „Жизнь графа Сперанскаго", т. II, стр. 299.

[2]) „Въ 1823 г.—говоритъ въ своихъ запискахъ К. Г. Рѣпинскій—Карамзинъ однажды пріѣхалъ къ Михаилу Михайловичу и бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ,—о чемъ, не знаю—часа два или три. Михаилъ Михайловичъ, проводивъ его до передней, что дѣлалъ только съ очень немногими, и возвратясь въ свой кабинетъ, сказалъ мнѣ: „Ну, ужъ говорунъ, удивительный говорунъ". — Что касается анекдота, приведеннаго выше — замѣчаетъ баронъ Корфъ,—то онъ, конечно, чрезвычайно примѣчателенъ, но въ томъ только случаѣ, если отзывъ императора Александра былъ точно таковъ, какимъ его намъ сообщили. Важность здѣсь состоитъ именно въ словахъ и даже въ каждомъ словѣ; а тѣми ли самыми словами переданъ онъ былъ Карамзинымъ Д. Н. Блудову, а Блудовымъ мнѣ?

(Къ этому не лишне прибавить, что Блудовъ былъ очень не расположенъ къ Сперанскому). Ред.

ловичъ разсказываетъ разныя подробности о Сибири, государь проѣхалъ далѣе. Вечеромъ въ тотъ же день Каподистрія пилъ у Закревскаго чай. Вдругъ къ хозяйкѣ, сидѣвшей въ другой комнатѣ, пришла приближенная фрейлина императрицы Елизаветы Алексѣевны, Софья Александровна Саблукова (впослѣдствіи княгиня Мадатова) и, пробывъ всего нѣсколько минутъ, опять ушла. Проводивъ ее, Закревская вбѣжала, вся встревоженная, къ мужу и объявила, что визитъ Саблуковой былъ по порученію императрицы. Государь, послѣ встрѣчи съ нашими друзьями, зашелъ къ послѣдней и, разсказавъ, кого онъ встрѣтилъ на прогулкѣ bras dessus bras dessous [1]), изъявилъ свое неудовольствіе, что эти господа показываются съ Сперанскимъ въ публикѣ и вообще *такъ съ нимъ сближаются*, а императрица, съ обыкновеннымъ своимъ добродушіемъ, тотчасъ прислала предварить о томъ жену Закревскаго. «По характеру Александра Павловича—прибавлялъ Закревскій, передавая Корфу этотъ анекдотъ,—онъ навѣрное никогда не сказалъ бы о томъ *прямо намъ*, но втайнѣ продолжалъ бы на насъ сердиться, особенно если бы такой случай снова повторился въ его глазахъ. Разумѣется, однако, что намъ довольно было и этого косвеннаго намека. Мы, подъ разными предлогами, перестали гулять съ Сперанскимъ, а онъ, замѣтивъ наше уклоненіе, скоро самъ догадался, что оно не безъ причины *свыше*».

Въ Запискахъ Д. В. Давыдова, напечатанныхъ княземъ П. В. Долгоруковымъ въ Лондонѣ, въ 1863 году, приводится слѣдующій разсказъ Ермолова о разговорѣ съ нимъ императора Александра въ 1821 году, при возвращеніи Сперанскаго изъ Сибири. «На вопросъ его величества: «Знаешь ли ты Сперанскаго?», онъ (т. е. Ермоловъ) отвѣчалъ: «Я былъ слишкомъ ничтожнымъ, чтобы обратить на себя вниманіе столь значительнаго лица, но, узнавъ его теперь короче, я имѣлъ случай оцѣнить его достоинства». Государь сказалъ на это: «Онъ, дѣйствительно, усердный, способный и полезный человѣкъ; еслибъ война не началась такъ внезапно, многаго бы не случилось. Хотя я во многомъ передъ нимъ виноватъ, но я не пропускалъ ни одного случая, чтобы не посылать ему поклоновъ въ ссылку». Когда Ермоловъ передалъ впослѣдствіи эти слова Сперанскому, тотъ отвѣчалъ ему: «Государь никогда не почиталъ себя виноватымъ относительно меня, а я получалъ его поклоны лишь весьма рѣдко; если бы я уступилъ и поддался внушеніямъ нѣкоторыхъ лицъ (которыхъ онъ не хотѣлъ назвать), многое бы измѣнилось».

Сперанскій не сразу созналъ невозможность возвратить себѣ прежнее вліяніе и значеніе. Слѣды такого самозаблужденія нерѣдко проявляются

[1]) Т. е. подъ руку.

въ его дневникѣ. Такъ, по поводу одного свиданія Сперанскаго съ Александромъ, именно 22-го октября 1821 года, въ дневникѣ Сперанскаго записано: «Началось тѣмъ, что государь считаетъ меня с в о и м ъ ч е л о в ѣ к о м ъ. Я полагалъ одно условіе: увѣдомлять меня о всѣхъ замѣчаніяхъ, кои могутъ подать поводъ къ какому-либо сомнѣнію въ моихъ началахъ: ибо, бывъ поставленъ въ сношенія съ разными людьми, я долженъ принимать разные виды и не всегда молчать или говорить со всѣми одинакимъ языкомъ. Сіе могло бы прекратить всякую откровенность. Обѣщано, и при томъ примѣчено, что, при единомысліи, всѣ козни разсыплются, но что само собою разумѣется, что всѣ ловить меня будутъ, чтобъ увлечь въ свои мысли».

Сперанскому казалось даже нѣкоторое время, будто бы возрастающимъ его вліяніемъ пробуждается негодованіе Аракчеева, даже будто бы, видя необходимость уступить поле сопернику, болѣе счастливому, Аракчеевъ намѣревается все бросить. А между тѣмъ, въ дѣйствительности, Александръ все важнѣйшее изъ работъ Сперанскаго утверждалъ, всѣ подносимые имъ указы подписывалъ не иначе, какъ по предварительному совѣщанію съ Аракчеевымъ.

Приводимъ здѣсь одно весьма примѣчательное письмо Александра къ Аракчееву, отъ того же февраля 1822 года, когда Сперанскій изъявлялъ Ермолову опасеніе, что, по хилому здоровью, скоро принужденъ будетъ отказаться отъ всякихъ занятій [1]):

«Сдѣлай одолженіе, лучше выслушай Сперанскаго,—писалъ Александръ.—Онъ будетъ говорить, стало быть, ты будешь только слушать, что для тебя не вредно; долгихъ переговоровъ съ твоей стороны я бы не возложилъ на тебя въ теперешнемъ твоемъ состояніи [2]), но считаю нужнымъ замѣтить на слова, сказанныя уже Сперанскимъ тебѣ, что тутъ личной довѣренности никакой быть не можетъ допущено. Сперанскій докладывалъ по должности и читалъ журналъ совѣтскій съ приложенными при оном разными мнѣніями. Между прочимъ и сіе тутъ было. Слѣдовательно, никакого слѣда мнѣ не было разницы дѣлать между симъ мнѣніемъ и прочими. Оно же было прочтено передъ всѣми членами въ засѣданіи. И при томъ Сперанскій никакого особаго замѣчанія или оговорки по оному мнѣ не сдѣлалъ; даже когда я довольно колко сказалъ на счетъ сей бумаги мое сужденіе».

«Мы не могли доискаться—замѣчаетъ Корфъ—ни къ какому дѣлу относились слова государя, ни о какомъ тутъ говорилось мнѣніи; но все содержаніе письма ясно доказываетъ, какъ мало Александръ колебался между Аракчеевымъ и Сперанскимъ, и какое въ мысляхъ своихъ и въ степени довѣренности полагалъ огромное между ними разстояніе».

---

[1]) См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 285.

[2]) Онъ тогда, вѣроятно, былъ нездоровъ.

Сперанскому пришлось, наконецъ, смириться и признать, что всемогущество Аракчеева не можетъ быть поколеблено, и онъ старался заискивать во всесильномъ временщикѣ.

По вступленіи на престолъ императора Николая, избалованный милостями двухъ его предшественниковъ, Аракчеевъ считалъ себя въ правѣ ожидать продолженія ихъ и отъ новаго государя. Когда же надежды его были обмануты, то, изыскивая искусственныя причины холодности Николая, онъ приписалъ ее внушеніямъ Сперанскаго, съ которымъ и сталъ обходиться, вслѣдствіе того, совсѣмъ иначе противъ прежняго. Тогда и Сперанскій, который въ душѣ никогда не чувствовалъ къ нему особенной пріязни, а дѣйствовалъ только по разсчету, отшатнулся отъ павшаго любимца, и они уже болѣе не сходились ни лично, ни письменно.

По возвращеніи изъ Сибири въ Петербургъ, Сперанскій много выѣзжалъ въ свѣтъ, бывалъ нерѣдкимъ гостемъ во всѣхъ домахъ тогдашняго высшаго общества, изъ прежняго отшельника превратился въ свѣтскаго, искательнаго человѣка.

«Spéransky—писалъ Л. И. Голенищевъ-Кутузовъ въ своемъ дневникѣ за 1821 годъ—est devenu courtisan, jusqu'à rechercher les bonnes grâces même des personnes qui ne peuvent lui être d'aucune utilité et qui s'en étonnent elles mêmes. A peine arrivé à Pavlowsk, il s'est avisé d'aller chez mademoiselle Nélidoff [1]), qui n'est que la bonne amie de l'impératrice-mère sans se mêler des affaires et sans le pouvoir. Lorsqu'on lui a annoncé Spéransky, elle a été tout étonnée et lui a même demandé s'il ne s'était pas trompé de porte. Il a dit que non, et depuis il vient assidûment chez elle, de même que chez Albédil [2]) et chez tous ceux qu'il croit être bien en cour. Il serre la main à tout le monde très affectueusement. Voilà ce que c'est que d'avoir eu l'expérience de l'éxil: elle procure des notions sur différentes choses et, entre autres, sur l'art de se soutenir en place et en cour» [3]).

---

[1]) Екатерины Ивановны.

[2]) Гофмаршалъ императрицы Маріи Ѳеодоровны.

[3]) Переводъ: Сперанскій сталъ совершеннымъ царедворцемъ и даже заискиваетъ у лицъ, которыя ему совсѣмъ не могутъ быть полезны и сами удивляются его искательству. По пріѣздѣ въ Павловскъ, онъ тотчасъ отправился съ визитомъ къ г-жѣ Нелидовой, хотя она лишь другъ императрицы-матери, ни въ какія дѣла не вмѣшивается и не пользуется никакимъ вліяніемъ. Когда ей доложили о Сперанскомъ, она была весьма удивлена и даже спросила его, не по ошибкѣ ли онъ къ ней зашелъ. Сперанскій отвѣтилъ, что вовсе не по ошибкѣ, и съ тѣхъ поръ постоянно ее навѣщаетъ, такъ же, какъ и Альбедиля, а равно всѣхъ лицъ, которыя, по его мнѣнію, пользуются вѣсомъ при дворѣ. Ко всѣмъ имъ онъ относится съ большимъ

Но когда политическія надежды Сперанскаго на возвращеніе къ нему прежней милости испарились, онъ сталъ тяготиться такимъ, новымъ для него, родомъ жизни и сталъ думать о томъ, какъ бы незамѣтно перемѣнить его на старый.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

почтеніемъ. Вотъ опытъ, вынесенный имъ изъ ссылки: она научила его многому, между прочимъ, и тому, какъ удержаться на занимаемомъ мѣстѣ и сохранить милость двора".

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба).

Ужасные дни [1]).

I.

Расположеніе отряда князя Имеретинскаго на Плевно-Ловченскомъ шоссе послѣ взятія Ловчи.—Отношеніе князя къ М. Д. Скобелеву.—Пріѣздъ К. Левицкаго на лѣвый флангъ позиціи.—Объявленіе о предстоящемъ штурмѣ Плевны.—Корреспонденція В. Россоловскаго.

День 28-го августа 1877 года на Плевно-Ловенскомъ шоссе прошелъ относительно спокойно, по крайней мѣрѣ не было такого кровопролитія, какъ наканунѣ, 27-го августа, когда общая потеря авангарда генерала Скобелева составила 900 человѣкъ убитыми и ранеными, изъ коихъ на одинъ Калужскій полкъ пришлось: 11 штабъ и оберъ-офицеровъ и 678 нижнихъ чиновъ [2]).

Ночью съ 27-го на 28-е августа княземъ Имеретинскимъ

---

[1]) Въ концѣ 1-й части моей книги (Изъ Прошлаго. Часть I-я На войнѣ) сказано, что дни 30-го и 31-го августа 1877 года принадлежатъ къ разряду событій, откровенное описаніе которыхъ въ печати, съ изложеніемъ бытовой, закулисной стороны, является затруднительнымъ. Вѣрный этому взгляду, я и теперь, 25 лѣтъ послѣ событія, помѣщаю на страницахъ „Русской Старины“ только отрывки, описаніе нѣкоторыхъ эпизодовъ этихъ славныхъ для русскаго войска, но и ужасныхъ дней. П. П.

[2]) Участвовали: Калужскій полкъ, три роты Эстляндскаго полка и около 3½ сотенъ.

получено было увѣдомленіе генерала Зотова, что штурмъ Плевны, предположенный на 28-е число, откладывается на нѣсколько дней, въ виду чего генералъ Скобелевъ призналъ, что достигнутое нами, боемъ Калужскаго полка, занятіе втораго гребня Зеленыхъ горъ являлось сближеніемъ преждевременнымъ и даже опаснымъ, такъ какъ близкое сосѣдство съ непріятелемъ могло привести къ неожиданному столкновенію и къ нежелательному, по преждевременности, бою. Исходя изъ этого, передовыя наши войска были ночью на 28-е августа отведены со втораго гребня на первый и на Рыжую гору. Всего въ первой линіи отряда князя Имеретинскаго было 8 батальоновъ, 26 орудій и $7^1/_2$ сотенъ подъ командою генерала Скобелева; 8 батальоновъ, 60 орудій и 4 сотни, подъ командой генерала Добровольскаго, составили резервъ передовыхъ войскъ и были расположены южнѣе Рыжей горы (сѣвернѣе Боготскаго лога).

Ночь прошла спокойно, но въ 5 часовъ утра значительныя силы турокъ, выйдя изъ Плевны, произвели энергическое наступленіе. Встрѣченные сильнымъ огнемъ ротъ Эстляндскаго полка и артиллеріи, турки пріостановились и затѣмъ отошли за второй гребень. Попытка турокъ возобновилась въ 8 часовъ утра, но тоже безуспѣшно [1]). Наши потери были весьма не велики, и мы остались на первомъ гребнѣ, занимая пѣхотой дер. Брестовацъ къ западу, а къ востоку спустившись двумя ротами въ Тученицкій оврагъ, по которому турки могли обойти нашъ правый флангъ.

28-го августа въ бою я не участвовалъ. Будучи начальникомъ штаба князя Имеретинскаго, я былъ при князѣ, и мы объѣзжали съ нимъ въ этотъ день наши позиціи съ праваго фланга, переѣхавъ на восточную сторону Тученицкаго оврага. Ѣздили долго, и я очень усталъ, особенно потому, что ѣздили все время шагомъ. Князь не признавалъ другаго аллюра, какъ шагъ, и я часто на это сердился, что князю было извѣстно, и онъ иногда обращался ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ты опять не въ духѣ?

Когда же я нехотя отвѣчалъ:—Нѣтъ, ничего, то князь уже досадливымъ тономъ говорилъ:

— Такъ чего же ты ѣдешь сзади и надулся?

Я рѣшился однажды высказать угнетавшее меня чувство:

— Да меня всего разломило; поѣдемъ хоть галопчикомъ.

На это послышалось совсѣмъ уже сердитое: отстань!

Ѣздили мы, ѣздили, и князь наконецъ тоже усталъ. Слѣзли съ лошадей и сѣли на большой обрубокъ дерева, посреди голаго, выжженнаго солнцемъ поля. Никого и ничего кругомъ не видно. Вдругъ, откуда ни

---

[1]) Около 7-ми часовъ вечера вновь появилась колонна турокъ противъ праваго нашего фланга, пострѣляла и ушла назадъ.

возьмись, спереди и слѣва: дзикъ—звякнула пуля. Вслѣдъ затѣмъ другая, справа.

— Это что такое?—спросилъ князь.

Онъ отлично понималъ, что это были пули, и вопросъ его не былъ вопросомъ въ прямомъ смыслѣ этого слова, а скорѣе восклицаніемъ, какое часто вырывается отъ неожиданности. Я машинально и также конечно весьма удивленно отвѣтилъ: пули. Князь велѣлъ подать лошадь, а на мою просьбу поѣхать посмотрѣть, откуда это, отвѣтилъ:

— Покорно благодарю; я вовсе не желаю, чуть ли не наканунѣ штурма Плевны, попасть подъ шальную пулю.

Относительно Скобелева князь держалъ себя въ высшей степени осторожно и деликатно; я долженъ отдать ему справедливость, что сохраненіе хорошихъ отношеній между такими, совершенно противоположными натурами, какъ кипучій Скобелевъ съ одной стороны и методичный князь Имеретинскій съ другой, было результатомъ выдержки и такта Имеретинскаго. Меня, по моей, тоже не флегматической натурѣ, тянуло къ Скобелеву; князь это замѣчалъ, я видѣлъ, что онъ этимъ недоволенъ, но я ни разу не слышалъ отъ него упрека. 27-го августа, вечеромъ, я, опять-таки вслѣдствіе моей тогдашней стремительности, убѣждалъ князя поѣхать къ калужцамъ, только-что выдержавшимъ съ честью и славой жестокій бой, поблагодарить ихъ.

— Весь отрядъ твой,—говорилъ я князю,—а калужцы-то уже и совсѣмъ твои; они твоей дивизіи.

— А кто ими сегодня командуетъ? Кто ихъ водилъ въ огонь?—нервно спросилъ меня князь.

— Скобелевъ.

— Ну и будетъ съ тебя,—закончилъ князь и прекратилъ разговоръ на эту тему.

Впослѣдствіи, обдумывая на свободѣ и покоѣ разные эпизоды совмѣстной дѣятельности князя Имеретинскаго и Скобелева, я не могъ не отдать должнаго сдержанности князя. Я понялъ, что Скобелевъ былъ бы не особенно доволенъ, если бы князь, уступая моимъ просьбамъ, 27-го вечеромъ объѣхалъ бы Калужскій полкъ съ возгласомъ: спасибо, молодцы-калужцы. Скобелевъ имѣлъ какую-то особенную способность, особый даръ связывать съ собой неразрывно тѣхъ, которые, попавъ подъ его начало, приходились ему по сердцу. Они дѣлались его, скобелевскими. Онъ на нихъ смотрѣлъ такъ, что это—«мои»—и, конечно, соблюдая внѣшнюю субординацію, въ душѣ былъ бы не очень радъ, что еще кто-то, кромѣ его, выступаетъ на первое мѣсто. Но все это я оцѣнилъ уже потомъ, а въ то время—кипѣлъ....

Князь Имеретинскій не имѣлъ кухни, и мы столовались у Скобелева, который какъ-то всегда умудрялся и солдатъ накормить, да и

себя со штабомъ насытить. Почти всегда бывали гости. Виноградъ уже созрѣвалъ, но были еще зеленыя ягоды; денщикъ Скобелева подбавлялъ ихъ въ борщъ за неимѣніемъ капусты, и борщъ выходилъ отличный; по крайней мѣрѣ наши, всегда голодные желудки никогда не удовлетворялись одной тарелкой борща. Бараны и куры всегда находились; на этотъ счетъ можно было быть спокойнымъ благодаря нахожденію въ отрядѣ Кавказской казачьей бригады: изъ земли выроютъ, а достанутъ.

Понаѣздившись вдоволь, пріѣхали мы къ Скобелеву, расположившемуся за южнымъ скатомъ Рыжей горы, въ Боготскомъ, логу и удовлетворили свои аппетиты, а затѣмъ, пригрѣтый солнышкомъ, я пошелъ поспать. На скатѣ Рыжей, недалеко отъ палатки Скобелева, было одно, какъ-то уцѣлѣвшее—раскидистое дерево, подъ которымъ я и улегся. Услужливые кубанцы, расположеніемъ коихъ я всегда пользовался, подостлали мнѣ двѣ бурки, и я чудесно на нихъ устроился. На бѣду эти бурки, на которыя я любовно взиралъ, какъ на чудное ложе, оказались предательскими: онѣ были населены. Понятно, что нѣкоторая часть этого непріятнаго населенія поспѣшила перекочевать на меня, а такъ какъ при нашей тогдашней жизни, не то что вымыться всему, а и лицо-то и руки не всегда поспѣешь помыть какъ сдѣдуетъ [1]), то я долго еще вспоминалъ эти бурки, столь понравившіяся мнѣ вначалѣ.

Долго ли, много ли я спалъ, не знаю; кажется, не много; по крайней мѣрѣ въ то время мнѣ всегда казалось, что по той или другой причинѣ, а все же мнѣ не удалось выспаться. Просыпаюсь, слыша надъ собой голоса; открывъ глаза, я увидѣлъ Казиміра Васильевича Левицкаго верхомъ, а за нимъ ординарца великаго князя главнокомандующаго, гродненскаго гусара Цурикова.

— Что вы здѣсь дѣлаете, отдыхаете?—спросилъ Левицкій.

Мнѣ почему-то ужасно не понравилось это «отдыхаете». Потому ли, что я вообще былъ неохотникъ до Левицкаго, потому ли, что мнѣ помѣшали спать, но въ этомъ «отдыхаете» мнѣ послышалось «ничего не дѣлаете, сибаритничаете». Я вѣроятно недовольнымъ и брюзгливымъ тономъ отвѣчалъ: «да, сегодня отдыхаемъ».

— А гдѣ князь и Скобелевъ?—спросилъ Левицкій.

Я все еще нехотя отвѣчалъ:

— А вонъ тамъ въ палаткѣ... тоже отдыхаютъ.

— Ведите меня къ нимъ.

Нечего дѣлать, повелъ: они верхомъ, а я пѣшкомъ.

Въ палатку Скобелева, который сидѣлъ съ княземъ, вошли Левиц-

---

[1]) Только Скобелевъ умудрялся всегда не только фундаментально вымыться, но и надушиться.

кій и я; Цуриковъ остался за палаткой и вѣроятно зашелъ въ другую стоявшую рядомъ и въ которой находились: подполковникъ Желтухинъ, капитанъ Куропаткинъ [1]) и корреспондентъ «Новаго Времени» Россоловскій, милѣйшій, пріятнѣйшій, скромный человѣкъ, знакомый всему отряду и всѣми нами любимый.

Съ свойственной ему манерой говорить отчеканивая слова и отдѣлять фразы паузами, Левицкій началъ:

— Я пріѣхалъ сообщить вамъ, что штурмъ назначенъ на послѣ завтра, 30-го августа.

Мы уже знали вообще, что штурмъ рѣшенъ; онъ былъ назначенъ на 28-е, потомъ отложенъ, но не отмѣненъ и потому извѣстіе, сообщенное Левицкимъ, не было для насъ неожиданностію.

Сдѣлавъ паузу, Левицкій продолжалъ:

— Да-съ, штурмъ будетъ 30-го, а затѣмъ вы, ваша свѣтлость, немедленно послѣ штурма, съ вашей дивизіей, должны идти къ Рущуку, въ отрядъ его высочества наслѣдника цесаревича.

Вотъ тутъ мы были совсѣмъ поражены, и я невольно подумалъ: что же это? Господи Боже, какія дѣла!!! Слово «немедленно» было сказано съ такимъ удареніемъ, что у меня вдругъ нарисовалась картина: штурмъ, потомъ немедленно налѣво—кругомъ маршъ, съ запада на востокъ, черезъ всю почти Болгарію, къ Рущуку. Эффектъ былъ полный, такъ что нѣсколько секундъ ни князь, ни Скобелевъ звука не издали. Наконецъ, заговорилъ князь.

— Какъ же это такъ немедленно. Да вы подумайте только, Казиміръ Васильевичъ, во что̀ обратится мой отрядъ, послѣ штурма? Предполагая даже, что штурмъ будетъ удачемъ, чему я лично не вѣрю, если даже штурмъ будетъ удаченъ, то надо вѣдь дать вздохнуть войскамъ, надо ихъ привести въ порядокъ, надо пополнить снаряды, патроны; надо и о продовольствіи подумать. Да, наконецъ, просто ряды сосчитать, уравнять роты, а этого не сдѣлаешь сразу. Гдѣ же тутъ немедленно! Ну, а если штурмъ будетъ неудаченъ,— тогда что? Подумайте только, въ какомъ мы будемъ положеніи!

На это послѣднее Левицкій брякнулъ: а почемъ вы знаете, князь, можетъ быть, наслѣдникъ цесаревичъ находится еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ вы?.

Левицкій не продолжалъ и намъ осталось неизвѣстнымъ, въ какомъ положеніи находится Рущукскій отрядъ. Очевидно, опять «секретъ» [2]), и русскія войска подъ Плевной не должны знать, что̀ творится въ русскихъ же войскахъ, но подъ Рущукомъ!

---

[1]) Нынѣ военный министръ.

[2]) Изъ прошлаго. Часть 1-я. На войнѣ стр. 37, 279 и др.

На этомъ разговоръ, по части «немедленности» движенія нашего къ Рущуку, прекратился; начали обсуждать вообще вопросъ о штурмѣ. Князь Имеретинскій очень горячо, обстоятельно и логично доказывалъ всю рискованность штурма Плевны и что онъ, безусловно, не вѣрилъ въ его успѣхъ. Скобелевъ поддерживалъ князя, но съ тѣмъ вариантомъ, что штурмъ, подобный штурму 18-го іюля, въ которомъ главный ударъ былъ направленъ съ востока на Гривицу и отъ Радишева,—конечно, не удастся, а что надо главный ударъ наносить съ юга, съ Зеленыхъ горъ, понятно, значительно усиливъ отрядъ князя.

Оба генерала, князь и Скобелевъ, говорили весьма убѣдительно и толково; послѣдній опирался еще на свое отличное знаніе мѣстности и обстановки, пріобрѣтенное кровавымъ опытомъ въ бояхъ 18-го іюля, 27-го, 28-го августа и въ многочисленныхъ рекогносцировкахъ; но все было напрасно. Левицкій стоялъ на своемъ, говорилъ, что все уже обдумано, рѣшено и передѣлать нельзя. Имеретинскій постепенно умолкалъ, а Скобелевъ все болѣе и болѣе кипятился, наконецъ, не выдержалъ, сорвался съ мѣста и, схвативъ меня за рукавъ, вытащилъ изъ палатки.

— Я не могу больше,—сказалъ онъ;—я чувствую, что еще не много, и я наговорю дерзостей; онъ не видѣлъ нашихъ позицій, ничего не знаетъ и ничего не понимаетъ. Пойди и скажи ему, что я прошу его съѣздить со мной на первый гребень; тогда, можетъ быть, онъ убѣдится, что вся суть здѣсь;—поѣдетъ и доложитъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ крикнулъ: Лошадь! а я, какъ въ чаду отъ всего слышаннаго, пошелъ уговаривать Левицкаго.

Однако уговаривать мнѣ не пришлось, потому что когда я входилъ въ палатку, Левицкій уже прощался съ княземъ, и всѣ мы вышли. Лошади были уже поданы, значекъ Скобелева развѣвался, а Нурбайка былъ уже верхомъ [1]). Стоя возлѣ лошадей, Скобелевъ началъ доказывать Левицкому необходимость взглянуть на Зеленыя горы; Михаилъ Дмитріевичъ, какъ всегда, говорилъ энергично и краснорѣчиво. Левицкій долго отнѣкивался, говоря, что ему надо назадъ, въ главную квартиру, но подъ конецъ какъ будто бы сдался на увѣщанія Скобелева, прося только сдѣлать все поскорѣе, и сѣлъ на лошадь; но вдругъ вынулъ часы, посмотрѣлъ и, какъ бы спохватившись, или удивившись, что такъ поздно, обратился ко всѣмъ намъ и сказалъ:

— Нѣтъ, ей-Богу не могу: меня ждетъ великій князь главнокомандующій, и съ этими словами повернулъ лошадь и ускакалъ, а мы остались.

Шумъ, произведенный Скобелевымъ, когда онъ, гнѣвный, выскочилъ

---

[1]) Скобелевскій джигитъ, вывезенный имъ изъ Туркестана. Убитъ 30-го августа (Изъ прошлаго. На войнѣ, стр. 372).

изъ палатки, таща меня за рукавъ, крикъ его: Лошадь!—все это было услышано въ сосѣдней палаткѣ, и бывшія тамъ лица вышли изъ нея; вышелъ и Россоловскій, видѣвшій всю сцену отъѣзда Левицкаго, но, по отдаленности, разговора не слышавшій. Вернувшись въ Россію и прочитывая газеты за прошлое время, я въ «Новомъ Времени» прочиталъ корреспонденцію Россоловскаго о поѣздкѣ къ намъ Левицкаго. Она такъ картинно написана, такъ жизненна, что я позволяю себѣ привести здѣсь выдержку изъ нея [1]).

«Совѣщаніе въ генеральской палаткѣ продолжалось еще минутъ 15. Вижу, наконецъ, выходятъ оттуда князь Имеретинскій, М. Д. Скобелевъ генералъ-маіоръ Левицкій и полковникъ Паренсовъ; издали я дѣлаюсь свидѣтелемъ сцены, для меня, конечно, мимической: генералъ Скобелевъ, повидимому, приглашаетъ генерала Левицкаго куда-то ѣхать: лучше, молъ, на мѣстѣ убѣдитесь въ справедливости моихъ словъ, чѣмъ толковать въ палаткѣ; тотъ отказывается—это, молъ, не нужно, я на васъ вполнѣ полагаюсь, я вѣрю вашей рекогносцировкѣ. Генералъ Скобелевъ настаиваетъ, приказываетъ казаку подать лошадей; подъѣзжаетъ его значекъ. Генералъ Левицкій садится на лошадь, смотритъ на часы; изъ жестовъ его можно понять, что онъ и радъ бы ѣхать съ Скобелевымъ, но ему пора въ другую сторону... Скобелевъ, князь Имеретинскій и Паренсовъ провожаютъ глазами уѣзжающаго генерала Левицкаго».

И такъ—мудрыя слова осторожнаго князя Имеретинскаго не были услышаны; мы все еще были ослѣплены другими блестящими, но гибельными для насъ словами: «впередъ, впередъ и впередъ», сказанными въ Систовѣ [2]).

Не имѣли желаннаго воздѣйствія и дѣльные совѣты Михаила Дмитріевича, богатаго военными знаніями и боевымъ обытомъ, изучившаго Плевну не въ теоріи и по плану, а на мѣстѣ и въ бояхъ, видѣвшаго южную сторону Плевны 18-го іюля слабою, незащищенною и увидѣвшаго ее же, въ концѣ августа, переродившеюся, во всеоружіи фортовъ и траншей, сильною и грозною. Почему-то продолжало господствовать убѣжденіе о необходимости вести главную атаку на Плевну съ востока; точно хотѣли непремѣнно взять быка за рога и, какъ будто въ затменіи, не вдумались въ то простое соображеніе, что, направляя главный ударъ въ самое чувствительное мѣсто турокъ—на южную сторону, мы этимъ самымъ, при успѣхѣ, достигали бы паденія и Гривицы, и всего восточнаго фронта. А успѣхъ былъ возможенъ; онъ былъ бы несомнѣнно страшно кровавый, но все же возможный, только, конечно, не съ тѣми

---

[1]) „Новое Время“ 1877 г., № 557.

[2]) Изъ прошлаго. Часть 1-я. На войнѣ, стр. 284.

слабыми силами, которыя были въ распоряженіи князя Имеретинскаго и Скобелева. Скобелева подкрѣпили въ теченіе 30-го и 31-го августа, но какъ? Утромъ, 29-го августа 1-я бригада 16-й пѣхотной дивизіи (полки Владимірскій и Суздальскій) пришла изъ центра нашего общаго расположенія и только. 31-го августа, между двумя и тремя часами дня, былъ присланъ, пострадавшій наканунѣ въ бою нашего центра, Шуйскій полкъ въ числѣ 1.300 человѣкъ и, наконецъ, къ вечеру 31-го числа, когда не было уже слышно выстрѣловъ, а только стоны раненыхъ, былъ высланъ на подмогу Серпуховской полкъ, за ненадобностью возвращенный обратно.

Опять оправдалось изреченіе Гоша: les petits paquets ne valent rien: une bonne masse écrase tout.

Какой-то злой рокъ тяготѣлъ надъ нами; но скоро пришло время, когда, съ пріѣздомъ Тотлебена, слово «штурмъ» было предано забвенію; его замѣнило «обложеніе», единственный путь къ овладѣнію Плевной, но прибавимъ: единственный—послѣ 30-го, 31-го августа.

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина [1]).

VII.

Положеніе дѣлъ въ краѣ.—Настроеніе общества.—Первая вооруженная шайка.—Воззваніе, присланное изъ Варшавы въ Вильну.—Демонстрація въ Друскеникахъ.—Организаціонный комитетъ въ Вильнѣ.—Его воззваніе.—Графъ Старжинскій и его письма въ Петербургъ.

Прежде чѣмъ поведу дальнѣйшій разсказъ о виленскихъ политическихъ происшествіяхъ 1862 года, считаю необходимымъ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе для того, чтобы ознакомить читателя съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ по управленію краемъ. Такъ какъ гродненскій губернаторъ И. А. Шпееръ, и при обыкновенномъ теченіи дѣлъ, былъ совершенно не на своемъ мѣстѣ, то, само собой разумѣется, въ то бурное время, когда каждый день приносилъ за собою какое-нибудь новое затрудненіе правительству, оставить его въ Гроднѣ не было никакой возможности, а потому на его мѣсто назначенъ былъ свиты его величества генералъ-маіоръ А. М. Дренякинъ, человѣкъ энергичный, но крайне болѣзненный и желчный. Отношенія его къ генералъ-губернатору стали въ скоромъ времени довольно натянутыя, и онъ не захотѣлъ оставаться на своемъ посту. Во второй половинѣ февраля мѣсяца В. И. Назимовъ поѣхалъ въ Петербургъ. И вотъ въ одно прекрасное утро получена была отъ него телеграмма на имя управлявшаго канцеляріею полковника И. В. Галлера, въ которой онъ поздравлялъ его съ

[1]) См. „Русскую Старину“ августъ 1902 г.

монаршею милостію. Высочайшимъ приказомъ 6-го марта, на основаніи всемилостивѣйшаго манифеста 18-го февраля 1862 года, полковникъ фонъ-Галлеръ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ исправляющимъ должность военнаго губернатора г. Гродны и гродненскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Назначеніе это было для него совершенною неожиданностію; по крайней мѣрѣ онъ такъ самъ объявилъ это поздравлявшимъ его. Такъ какъ за этимъ назначеніемъ открывалась вакансія правителя генералъ-губернаторской канцеляріи, то по городу пошли разные толки и догадки о томъ, кто будетъ назначенъ. Охотниковъ было пропасть. Обѣдая запросто у генералъ-адъютанта И. С. Фролова, который былъ помощникомъ В. И. Назимова по званію командующаго войсками Виленскаго военнаго округа, у меня зашелъ съ нимъ за столомъ разговоръ по этому вопросу.

— Послушайте, Иванъ Акимовичъ,—обратился ко мнѣ гостепріимный хозяинъ,—вы должны непремѣнно быть правителемъ генералъ-губернаторской канцеляріи.

Слово д о л ж н ы было произнесено имъ съ особенною выразительностію.

— Если бы назначеніе на это мѣсто зависѣло отъ васъ, Илья Степановичъ,—отвѣтилъ я ему или, не скрою отъ васъ, отъ моего собственнаго желанія, то я могъ бы получить его и тѣмъ осуществить столь лестное для меня ваше предположеніе, но такъ какъ оно зависитъ прямо отъ Владиміра Ивановича, то я не хочу даже и думать объ этомъ; получить отказъ—весьма непріятно.

— Я вамъ повторяю, вы должны быть и можете быть правителемъ канцеляріи, если только захотите.

— Если вы подъ словами д о л ж н ы и м о ж е т е подразумѣваете мои способности и права занять эту должность, то вы не ошибаетесь въ томъ, Илья Степановичъ. Мое званіе кандидата Московскаго университета по юридическому факультету и шестнадцатилѣтняя служба при губернаторахъ и генералъ-губернаторахъ здѣшняго края служатъ достаточною порукою, что я съумѣю оправдать выборъ, но...

— Пожалуйста безъ этихъ «но»,—продолжалъ мой собесѣдникъ,—не забудьте того, что послѣ отъѣзда генералъ-губернатора въ Петербургъ здѣсь, въ Вильнѣ, осталось девять-десятыхъ возможности занять вамъ эту вакансію.

Замѣтивъ желаніе мое возразить ему, Илья Степановичъ поторопился остановить меня.

— Не возражайте, а лучше послушайтесь-ка меня и выслушайте одну быль... Я былъ еще ребенкомъ, когда однажды отецъ повелъ меня въ звѣринецъ показать слона... огромное упрямое животное. Приставленный къ нему вожакъ былъ небольшой человѣчекъ, а что онъ

съ нимъ выдѣлывалъ — просто ума помраченіе... И вдругъ ни съ того ни съ сего слонъ, эта громадина, заупрямился и пересталъ слушать команду. Видя, что ласки не помогаютъ, вожакъ взялъ стальной молотокъ и скомандовалъ слону посадить себя къ нему на спину; слонъ послушался... Тогда вожакъ загналъ ему молотомъ костыль въ затылокъ и сталъ учить послушанію, поворачивая руками костыль. Слонъ, эта махинища, испустилъ жалобный вой и сталъ съ покорностію исполнять всѣ приказанія своего маленькаго вожака... Такъ вотъ какіе казусы бываютъ на свѣтѣ, а вы хорошенько подумайте, да поскорѣе начните дѣйствовать... Повторяю вамъ, здѣсь вся сила.

Намекъ былъ на супругу генералъ-губернатора.

Между тѣмъ наступило лѣто 1862 г. Общественная жизнь въ Вильнѣ замерла еще болѣе, по случаю разныхъ распоряженій центральнаго комитета. По польскимъ домамъ прекратилась даже музыка и пѣніе; загородныя гулянья опустѣли; надвигалась буря съ запада, а мы смотрѣли на все какъ бы спустя рукава... Все почти городское населеніе погружено было въ глубокій политическій трауръ по замученной и истерзанной отчизнѣ. Не носившія чернаго цвѣта одежду женщины, болѣе прежняго, безъ различія состоянія, стали подвергаться на улицахъ разныхъ непріятностямъ, не смотря на военное положеніе, которое, кстати сказать, было таково, что никто его не чувствовалъ; обливаніе купоросомъ, чернилами и разными нечистотами повторялось чуть не ежедневно; поневолѣ надѣнешь черный цвѣтъ, когда тебѣ испортятъ платье. Бывали случаи, что на улицѣ съ головы дамъ срывалась черная шляпка за то, что на ней были цвѣтныя ленты или приколотъ букетикъ цвѣтовъ; такой участи подверглась среди бѣлаго дня жена жандармскаго офицера Бакланова. Въ одинъ изъ праздниковъ, дочери полковника Кандаурова шли по Большой улицѣ къ обѣднѣ въ Николаевскій соборъ; на нихъ были свѣтлыя лѣтнія платья. Утромъ въ этотъ день прошелъ дождь и освѣжилъ обычно-тяжелую городскую атмосферу, неотъемлемую принадлежность городовъ, населенныхъ жидовствомъ. По улицамъ кое-гдѣ стояли еще лужи, но погода была великолѣпная; Вильна, по причинѣ низменнаго своего положенія и окружающихъ городъ высотъ, очень быстро просыхаетъ, даже послѣ большихъ ливней. Когда дѣвицы поравнялись съ улицею Савичъ, оттуда выбѣжалъ поджидавшій ихъ за угломъ мальчишка въ то самое время, когда онѣ осторожно переходили по мостовой на тротуаръ. Пробѣгая мимо нихъ, сорванецъ, взбалтывая лужу ногами, окатилъ ихъ грязью чуть не съ головы до ногъ. Но эта дерзость не прошла ему даромъ. Такъ какъ онъ былъ извѣстенъ цѣлому городу своимъ попрошайничаніемъ, то на другой день его арестовали и наказали розгами при полиціи. Эта мѣра поуняла на нѣкоторое время уличныя выходки безобразниковъ. Въ началѣ іюля жандармы задержали

въ Вильнѣ нѣсколько мѣшковъ съ походными сапогами, заготовленными, по полученнымъ свѣдѣніямъ, по распоряженію центральнаго комитета; люди съ забранными вещами были доставлены въ полицію. Полицей-мейстеръ, полковникъ Васильевъ, вмѣсто того, чтобы приняться дѣятельно за розыски, вломился въ амбицію: какъ могли сдѣлать подобную поимку жандармы, когда по его суточнымъ рапортамъ все обстояло въ городѣ благополучно?! Дѣло, при подобной постановкѣ, само-собой разумѣется, кончилось ничѣмъ; нашлись торговцы, которымъ будто бы принадлежала заказанная въ значительномъ числѣ однообразная обувь, а мы даже и не заподозрили, что этой обуви въ весьма недалекомъ будущемъ предстояло красоваться на ногахъ мятежниковъ, шайки которыхъ, какъ было обнаружено впослѣдствіи, формировались около Вильны, въ полуверстѣ ниже Звѣринца, лѣтняго мѣстожительства генералъ-губернатора. По причинѣ тогдашнихъ смутъ тамъ стоялъ казачій пикетъ, а на ночь ставились часовые.

Сколько пріятныхъ воспоминаній пробуждается во мнѣ при имени этой живописной мѣстности, гдѣ догорѣла моя молодость и гдѣ радушная семья Назимовыхъ въ теченіе лѣтняго сезона, нѣсколько лѣтъ сряду, сосредоточивала все лучшее общество не только Вильны, но и цѣлаго края... Къ пятнадцатому іюля, то-есть, ко дню именинъ Владиміра Ивановича, съѣзжались обыкновенно къ нему изъ своихъ деревень помѣщики чуть не цѣлаго края, для принесенія поздравленій своему любимцу, и веселились на славу. Въ это столь еще недавно прошлое время намъ казалось, что русскіе и поляки составили, наконецъ, одну нераздѣльную родную семью... Горькая иллюзія... Поддаваясь польскимъ льстивымъ рѣчамъ и лживымъ увѣреніямъ ихъ въ дружбѣ, мы, по своей открытой славянской натурѣ, полюбили ихъ искренно, стали учиться по-польски и вскорѣ польскимъ языкомъ замѣнили нашу родную рѣчь... и вдругъ передъ нашими изумленными глазами произошла такая внезапная перемѣна... Пріязнь исчезла... лицемѣрная маска сброшена, и старинная польская ненависть съ бѣшеною злобою возстала передъ нами; съ какимъ злорадствомъ ринулась она по цѣлому краю и разсѣвала тамъ неурядицу. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, при малѣйшей къ тому возможности, она истребила бы всѣ слѣды присущей тамъ русской, столь ненавистной ей народности. Невольно приходитъ здѣсь мысль о томъ, сколько незаслуженныхъ нареканій пало на священную память въ бозѣ почившаго императора Николая Павловича, который, какъ оказалось на дѣлѣ, зналъ поляковъ и цѣнилъ ихъ достоинства, а чѣмъ отблагодарили поляки незабвеннаго Царя-Освободителя!

Въ началѣ іюля пошли по городу Вильнѣ толки о томъ, какъ готовятся поляки праздновать приснопамятный имъ день 31-го іюля, на-

дѣлавшій намъ столько хлопотъ уже и въ прошломъ году. И вотъ въ то самое время, когда по цѣлому краю шли эти приготовленія, въ Трокскомъ уѣздѣ, Виленской губерніи, неподалеку отъ мѣстечка Бирштаны, извѣстнаго своими минеральными водами, появилась 21-го числа первая вооруженная шайка изъ пятнадцати всадниковъ, производившая разныя эволюціи. Весьма интересно объясненіе по этому поводу помѣщика Антонія Залѣсскаго, который, какъ творецъ этого отряда, по распоряженію генералъ-губернатора, былъ доставленъ подъ арестомъ въ Виленскую политическую тюрьму. На запросъ политической коммиссіи,— по какому поводу онъ рѣшился сформировать вооруженный конный отрядъ, не смотря на военное положеніе края,—онъ прехладнокровно объявилъ коммиссіи, что такъ какъ, по случаю политическихъ событій и военнаго положенія, дамы польскаго общества ведутъ очень однообразную и скучную жизнь, то, для доставленія имъ развлеченія, онъ задумалъ устроить у себя въ деревнѣ нѣчто въ родѣ средне-вѣковыхъ турнировъ и съ этою цѣлію сформировалъ на свой счетъ конный отрядъ изъ пятнадцати наѣздниковъ; забранныя же при обыскѣ пики составляли необходимое оружіе для сниманія на всемъ скаку развѣшенныхъ на столбахъ вѣнковъ, которыми дамы могли бы увѣнчать чело выказавшей свое искусство молодежи. Подобное объясненіе сопровождалось ироническою улыбкою ясновельможнаго пана. Но не прошло затѣмъ и полгода съ перваго появленія этой подготовленной конной банды, какъ по цѣлому краю пошли разгуливать, какъ бы выросшіе изъ земли, эти представители средне-вѣковыхъ турнировъ, и намъ пришлось очень дорого заплатить за нашу безпечность и преступное довѣріе къ панамъ, которые глумились надъ нами, зная, что конечнымъ результатомъ ихъ дѣятельности будетъ временная ссылка во внутреннія губерніи, гдѣ имъ жилось отлично и гдѣ они могли еще вдобавокъ безнаказанно пропагандировать и служить дѣлу ойчизны.

Такъ какъ о приготовленіяхъ поляковъ праздновать годовщину Люблинской уніи было заранѣе извѣстно начальству, которое и приняло мѣры къ недопущенію манифестацій, то день 31-го іюля ограничился въ Вильнѣ снятіемъ траура и облеченіемъ польскаго городскаго населенія въ разноцвѣтныя одежды. По всѣмъ костеламъ отправлено было торжественное богослуженіе, которое ограничилось пѣніемъ обыкновенныхъ молитвъ... Въ городѣ появилось слѣдующее воззваніе:

«Братья! Что Богъ соединилъ, того не разлучитъ ни человѣкъ, ни злой духъ. Двѣсти девяносто три года тому назадъ Польша соединилась съ Литвою и Русью, литовцами же освобожденною отъ татарскаго ига, какъ мужъ съ женой. Сія святая свадьба совершилась въ Люблинѣ и называется уніей. Годовщина этого праздника приходится 31-го іюля (12-го августа). Торжественно праздновали мы ее въ прошломъ году.

Не было ни одного прихода въ цѣлой землѣ польской, какъ ни широка она и ни длинна, въ которомъ бы не праздновали сего великаго дня. Приближается снова нашъ великій народный праздникъ; враги наши дрожатъ, вспоминая его. Злѣйшіе египетскихъ фараоновъ, они готовятъ повозки, лошадей, пики и ружья, чтобы этотъ день обагрить кровію невинныхъ. Несчастные! Имъ кажется, что они угрозами и страхомъ принудятъ насъ отречься отъ вѣры, надежды и упованія на Бога!

«Братья! Богъ видитъ сердца наши, Богъ видитъ сердца народа своего; Богъ возвратитъ намъ отечество. Нынѣ Онъ видимо наказываетъ враговъ нашихъ. Прошлаго года въ годовщину нашего праздника почувствовали они, что владычество ихъ у насъ кончается. Проникнутые злобою, они нападали на ксендзовъ, на женщинъ, на дѣтей, несущихъ хоругви и св. иконы. Нынѣ же убиваютъ и терзаютъ они самихъ себя на собственной землѣ, какъ бѣшеныя собаки. Намъ было худо; мы пѣли въ церквахъ и молились Богу. Имъ худо, они поджигаютъ другъ-другу дома, и братъ у нихъ убиваетъ брата. 31-го іюля соберемся мы въ костелахъ и часовняхъ; бросимъ только на этотъ единственный день трауръ. Всякія работы въ полѣ и мастерскихъ будутъ прекращены; землевладѣльцы подарятъ крестьянамъ рабочую повинность, причитающуюся имъ за этотъ день; хозяева отпустятъ батраковъ, мастера—подмастерьевъ.

«Братья! Помолившись въ костелахъ, каждый воротится въ домъ свой въ свою хижину и будетъ праздновать этотъ великій народный нашъ праздникъ такъ, какъ Рождество и Свѣтлое Христово Воскресеніе, благословитъ дѣтей, примирится съ тѣми, которые имѣютъ справедливыя причины считаться обиженными нами или оскорбленными; подѣлится съ нуждающимися, навѣститъ больныхъ, накормитъ голодныхъ.

«Братья! 31-го іюля есть годовщина великой и святой свадьбы Литвы съ Польшею. Что Богъ соединилъ, то человѣкъ не разлучитъ! Хорошо было Литвѣ и Польшѣ, пока ихъ чужіе люди не раздѣлили и сами у насъ не стали постоемъ. Каждый мужъ, любящій жену, каждая жена, любящая мужа, всѣ тѣ, которые вступили, вступаютъ или хотятъ вступить въ брачный союзъ, да помнятъ, что 31-е іюля есть годовщина великаго брачнаго союза Литвы съ Польшею.

«Братья! Будемъ торжественно праздновать этотъ день и оставимъ пѣніе гимновъ и все то, что могло бы подать поводъ къ преслѣдованію насъ. Попросимъ Бога словомъ и дѣломъ, дабы Онъ далъ намъ свободу и избавленіе. Варшава 1862 г.».

Подобное воззваніе, разосланное по цѣлому краю, не осталось, конечно, безъ исполненія; по примѣру Вильны день 31-го іюля праздновался во многихъ мѣстахъ. Но такъ какъ я описываю только то, что самъ видѣлъ, то и перехожу къ Друскеникской демонстраціи. Мѣстечко Друскеники славится своими цѣлебными водами и расположено на бе-

рогу рѣки Нѣмана, который отдѣляетъ его отъ Царства Польскаго; оно находится въ сорока верстахъ отъ Гродны.

Въ первой половинѣ августа мѣсяца получилъ я командировку въ Гродненскую губернію для разслѣдованія бывшей 31-го іюля политической манифестаціи въ м. Друскеникахъ. Отпуская меня въ Гродну, В. И. Назимовъ приказалъ заѣхать тамъ къ губернатору и получить отъ него ближайшія свѣдѣнія по этому предмету, прибавивъ при томъ, что, для содѣйствія по исполненію возложеннаго на меня порученія, онъ командируетъ военнаго штабъ-офицера при казакахъ. Въ Виленской политической тюрьмѣ содержался по этому дѣлу бывшій студентъ Московскаго университета Махнауръ, человѣкъ довольно состоятельный, который былъ высланъ оттуда подъ арестъ за участіе въ демонстраціи. Дѣло, повидимому, серьезное, подумалъ я, отправляясь въ канцелярію за полученіемъ прогоновъ, когда нужна военная сила. А потому, получивши приказаніе не медлить съ отъѣздомъ, я поручилъ канцелярскому сторожу поскорѣе привести мнѣ на квартиру почтовыхъ лошадей, куда и самъ минутъ черезъ десять поѣхалъ на извозчикѣ, чтобы успѣть собраться въ дорогу. Въ исходѣ восьмаго часа вечера звонкій колокольчикъ лихо заливался по Лидскому почтовому тракту, и перекладная, на которой я ѣхалъ, то и дѣло подносила мнѣ толчки, подпрыгивая по камнямъ. Да, думалось мнѣ невольно, чиновниковъ особыхъ порученій у насъ много, а мнѣ только одному выпадаетъ на долю постоянно кататься на перекладныхъ... А такъ какъ я разъѣзжалъ часто по краю, хорошо давалъ на водку ямщикамъ, то они знали меня всюду и возили отлично къ ужасу почтосодержателей-евреевъ. Первую станцію отъ Вильны въ двадцать четыре версты сдѣлалъ я въ полтора часа, лошади были мигомъ перепряжены, и я поѣхалъ далѣе; затѣмъ почти на полпути, заснувши въ уѣздномъ городѣ Лидѣ часа три и освѣживши тѣмъ свои усталые члены, въ началѣ пятаго часа по полудни, на другой день, я былъ уже у гродненскаго губернатора В. И. Галлера, который принялъ меня весьма радушно, какъ прежняго сослуживца, и угостилъ отличнымъ обѣдомъ. Такъ какъ мѣшкать, для отдыха, не приходилось, тѣмъ болѣе, что со дня бывшей демонстраціи прошло уже пятнадцать дней и купальный сезонъ въ Друскеникахъ подходилъ къ концу, то, заручившись всѣми необходимыми по данному мнѣ порученію свѣдѣніями и напившись у губернатора чаю, въ девятомъ часу вечера отправился я въ Друскеники, до которыхъ считалось за сорокъ верстъ, вмѣстѣ съ маіоромъ Казанли, назначеннымъ туда военнымъ начальникомъ. Тридцать человѣкъ казаковъ выступили въ Друскеники, часъ спустя послѣ моего пріѣзда въ Гродну, получивъ приказъ обождать насъ версты за двѣ до мѣстечка къ лѣсу. Путешествіе наше мы совершили благополучно. Въ началѣ втораго часа по полуночи экипажъ нашъ, запря-

женный четверкою лошадей, тихо катился по пескамъ покоившагося глубокимъ сномъ мѣстечка. Мой спутникъ тотчасъ же отдалъ приказаніе казакамъ оцѣпить Друскеники и никого оттуда не выпускать безъ его разрѣшенія. Мѣру эту необходимо было принять для того, чтобы предупредить разъѣздъ лицъ, принимавшихъ участіе въ манифестаціи, такъ какъ, по полученнымъ нами дорогою свѣдѣніямъ, о моей командировкѣ было тамъ уже извѣстно, и многіе стали разъѣзжаться по домамъ, избѣгая допросовъ. Распоряженіе маіора Казанли принесло пользу. Остановились мы съ нимъ въ казенномъ домѣ, гдѣ тогда жилъ съ семействомъ попечитель Виленскаго учебнаго округа князь А. П. Ширинскій-Шихматовъ, человѣкъ вполнѣ русскій и истинный христіанинъ. Часовъ въ шесть утра казаки, исполняя полученное приказаніе, привели къ военному начальнику экипажъ съ гродненскимъ помѣщикомъ, который хотѣлъ тайкомъ уѣхать изъ Друскениковъ. Какъ оказалось, онъ былъ однимъ изъ распорядителей устроеннаго пиршества. Въ десять часовъ утра, когда я проснулся, мнѣ доложили, что часовъ около восьми приходилъ ко мнѣ съ визитомъ главный докторъ минеральныхъ водъ Пилецкій, съ которымъ я былъ знакомъ, какъ говорится, по шапочному разбору. Человѣкъ этотъ имѣлъ независимое состояніе и пользовался громаднымъ авторитетомъ въ этой мѣстности; его называли королемъ водъ. Это былъ высокаго роста брюнетъ, съ курчавыми волосами, красивый собою и стройный мужчина; веселый характеръ его и хлѣбосольство поддерживали его огромную практику и давали ему большой вѣсъ въ совѣтѣ мужчинъ, любившихъ выпить и поиграть въ карты, и въ особенности у дамъ, которыхъ онъ былъ первый поклонникъ и домашній докторъ. Въ виду столь ранняго его визита, я тотчасъ же смекнулъ, что онъ имѣетъ ко мнѣ какое-нибудь дѣло по данному мнѣ порученію, и надѣялся въ простотѣ души поразузнать отъ него подробности о бывшей манифестаціи, забывши пословицу, что воронъ ворону глазъ не выклюетъ. Составивши съ маіоромъ Казанли планъ нашихъ дѣйствій, я отправился за справками къ доктору. Хитрый полякъ принялъ меня съ распростертыми объятіями, какъ самаго близкаго стариннаго своего знакомаго, и задержалъ у себя болѣе часу, предложивъ закуску, которая какъ нельзя болѣе пришлась кстати, такъ какъ я, кромѣ чаю, со вчерашняго обѣда ничего не ѣлъ. Бесѣда у насъ, хотя и вдвоемъ, была оживленно-веселая. Радушный хозяинъ, на спросъ мой, разсказалъ мнѣ до малѣйшей подробности все происходившее 31-го іюля въ Друскеникахъ; благотворительная цѣль составляла всю суть дѣла, которое, по объясненію гостепріимнаго хозяина, только интриганы хотѣли озаглавить громкимъ именемъ политической манифестаціи. Въ подкрѣпленіе своего разсказа онъ привелъ тотъ фактъ, что гродненскій вице-губернаторъ, князь Оболенскій, удостоилъ благотворитель-

ный вечеръ своимъ присутствіемъ. Разныя демонстративныя выходки, о которыхъ я имѣлъ свѣдѣніе, докторъ старался представить въ самомъ смѣшномъ видѣ. Между прочимъ и ночное бѣгство пойманнаго казаками пана объяснялъ онъ страхомъ его попасть подъ арестъ, такъ какъ онъ въ шутку увѣрилъ его, что казаки были присланы за нимъ.

При чемъ, какъ бы вскользь, докторъ высказалъ мнѣ увѣренность, что я тотчасъ же разрѣшу ему отъѣздъ. Сознаюсь откровенно, что всѣ эти разсказы я принялъ было за чистую монету, полагая, что докторъ не станетъ болтать пустяки. Какимъ несчастнымъ бараномъ панургова стада долженъ былъ казаться я этимъ господамъ, когда припомнится все то, что они со мною выдѣлывали!.. Распростившись съ любезнымъ хозяиномъ, я вышелъ отъ него съ полнымъ убѣжденіемъ, что изъ мухи хотѣли сдѣлать слона, и тотчасъ же приступилъ къ производству разслѣдованія, во время котораго исписано было множество листовъ разныхъ показаній, въ родѣ докторскаго разсказа. Времени было довольно, и всѣ поляки спѣлись хорошо, такъ что собранныя отъ нихъ данныя сводились къ слѣдующему:

Въ виду пріѣзда изъ Варшавы пѣвицы Цыбульской, съ цѣлію дать концертъ, общество пожелало воспользоваться ея талантомъ, чтобы получить возможность помочь бѣднымъ паціентамъ минеральныхъ водъ. А чтобы соединить полезное съ пріятнымъ, положено было въ день концерта, т. е. 31-го іюля, угостить бѣдныхъ обѣдомъ, а вечеромъ послѣ концерта потанцовать. Во время обѣда бывшій студентъ Московскаго университета Махнауръ, чтобы занять присутствующихъ, прочелъ къ народу одну статью изъ современнаго варшавскаго изданія; вечеромъ, сюрпризомъ для публики, былъ сожженъ фейерверкъ, по окончаніи котораго на другомъ берегу Нѣмана, въ царствѣ Польскомъ, зажжена была иллюминація съ эмблематическимъ транспарантомъ, который, вѣроятно, и подалъ поводъ правительству предположить манифестацію; но объ этой иллюминаціи, до ея появленія, никто въ Друскеникахъ ничего не зналъ. Въ подкрѣпленіе своихъ показаній о томъ, что никакой политической демонстраціи въ этотъ день не было, поляки привели тотъ фактъ, что вице-губернаторъ князь Оболенскій почтилъ вечеръ своимъ присутствіемъ. Надо сказать правду, что подобная выходка была крайне безтактна съ его стороны, такъ какъ дальнѣйшее разслѣдованіе, по показаніямъ русскихъ, обнаружило, что цѣлый праздникъ устроенъ былъ по заранѣе обдуманному плану и съ цѣлію политической манифестаціи, въ память соединенія Литвы съ Польшею. Чтобы замаскировать эту цѣль, вызвана была изъ Варшавы на 31-е іюля заурядная пѣвица Цыбульская; коноводомъ демонстраціи былъ отставной офицеръ Станишевскій, который съ революціонными цѣлями постоянно разъѣзжалъ по цѣлому краю. Утромъ въ назначенный день

вся польская публика минеральныхъ водъ, разряженная въ цвѣтныя платья, собралась въ костелъ, гдѣ послѣ богослуженія, совершеннаго настоятелемъ ксендзомъ Костего, исполненъ былъ всѣми присутствовавшими революціонный гимнъ; потомъ вся толпа отправилась оттуда въ курзалъ, подлѣ котораго, въ тѣни деревьевъ, накрытъ былъ столъ для простонародья и нищихъ; изъ зажиточныхъ, опасаясь дурныхъ послѣдствій, на обѣдъ никто не пошелъ. За обѣдомъ прислуживали паны; нѣкоторые изъ нихъ, кромѣ общей складки, приняли на себя особые расходы. Такъ волынскій помѣщикъ Старчевскій заплатилъ за музыку, а Лидскаго уѣзда, Виленской губерніи, помѣщикъ Табенскій угощалъ собравшихся медомъ и пивомъ. Подъ вліяніемъ всеобщаго воодушевленія, дворянинъ Махнауръ, собственникъ большаго двухъэтажнаго дома въ Вильнѣ, взобравшись послѣ обѣда на импровизированную каѳедру, произнесъ къ народу рѣчь, въ которой повторялись слова: равенство и братство хлоповъ съ панами, и доказывалъ необходимость тѣснаго между ними сближенія... Вслѣдъ за рѣчью открылась попойка и танцы подъ открытымъ небомъ. Вечеромъ данъ былъ концертъ, послѣ котораго сожженъ фейерверкъ, и за-Нѣманская мѣстность освѣтилась иллюминаціею: на паромъ поставленъ былъ большой транспарантъ съ эмблематическимъ изображеніемъ единенія Литвы съ Польшею. Праздникъ окончился попойкою и танцами, продолжавшимися до самаго утра.

По окончаніи слѣдствія, маіоръ Казанли остался въ Друскеникахъ, ожидая дальнѣйшихъ распоряженій генералъ-губернатора, а я тотчасъ же поѣхалъ въ Вильну, черезъ царство Польское, коммуникаціоннымъ трактомъ, по которому считалось съ небольшимъ сто двадцать верстъ, тогда какъ почтовымъ трактомъ на Гродну пришлось бы сдѣлать болѣе двухъ сотъ сорока верстъ. Такъ какъ Махнауръ не призналъ ничего противозаконнаго въ произнесенной имъ къ народу рѣчи и подтвердилъ показаніемъ, что цѣль праздника въ Друскеникахъ была чисто политическая, то онъ одинъ и послужилъ козломъ отпущенія за грѣхи своихъ родаковъ; по распоряженію генералъ-губернатора, онъ былъ высланъ изъ края. Впослѣдствіи времени принадлежавшій ему каменный домъ былъ отчужденъ, на законномъ основаніи, подъ площадь, на которой, по распоряженію графа М. Н. Муравьева, возобновлена была изъ развалинъ Пятницкая церковь, во имя св. Параскевіи, одна изъ древнѣйшихъ православныхъ церквей города Вильны.

Друскеникская политическая манифестація, въ которой проглядывала какъ бы робость, была, такъ сказать, послѣдней лебединой пѣснеи въ этомъ родѣ; послѣ нея уличныя демонстраціи въ краѣ въ большихъ размѣрахъ совершенно прекратились, но, какъ бы въ замѣнъ, съ этого времени въ Вильнѣ стали появляться все чаще и чаще разныя подполь-

ныя распоряженія центральнаго комитета, и въ прежней силѣ оставались разныя выходки противу русскихъ лицъ, не носившихъ траура по отчизнѣ. Благодаря только счастливой случайности, я самъ едва избѣжалъ непріятности быть облитымъ чернилами; изъ окна дома на меня была спущена губка, которая упала на тротуаръ, едва не задѣвши меня. Въ августѣ мѣсяцѣ появилось въ Вильнѣ приглашеніе къ панихидамъ по казненнымъ въ Варшавѣ преступникамъ, которое гласило такъ:

«Жители Вильны!

«Вотъ въ это время цѣлое населеніе города Варшавы возноситъ свои молитвы предъ тронъ Предвѣчнаго Бога за души новыхъ мучениковъ: Ярошинскаго, Рилля и Рженца, которые пожертвовали своею жизнію въ неравномъ бою съ разбойниками и наѣздниками на нашу польскую землю.

«Братья! не слѣдуетъ ли и намъ въ глубокомъ смиреніи духа вознести умилительный голосъ за нихъ Тому, Который, непостижимый въ своихъ опредѣленіяхъ, ведетъ польскій народъ по дорогѣ крови и мученій до Свѣтлѣйшаго Воскресенія, пока наступитъ въ этой и будущей жизни пораженіе нашихъ враговъ и грабителей. Соберемся же массой въ святыняхъ нашей Вильны въ будущую пятницу (т. е. 24-го августа), такъ какъ эти дни посвящены печальному молебствію по умершихъ.

«Станемъ молиться, о братья! Станемъ молиться со всей силой нашего духа! Кто въ состояніи, пусть дастъ милостыню бѣднымъ, пусть и они помолятся о мученикахъ за отечество. Мѣсяцъ августъ 1862 года».

Воззваніе это отобрано было у католическаго регистратора Феликса Колышко, который увѣрялъ, что оно очутилось у него въ карманѣ совершенно непонятнымъ образомъ, когда онъ шелъ по Каѳедральной площади!.. Вообще панихиды по политическимъ преступникамъ хотя и служились въ Вильнѣ довольно часто, но это дѣлалось секретно или подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ. Коноводы мятежа, подготовляя вооруженное возстаніе, хотѣли усыпить и безъ того малую бдительность нашего начальства, и надобно сознаться, что они вполнѣ въ томъ успѣли. Впрочемъ, нужно замѣтить, что подобныя дѣйствія были весьма непріятны крайнимъ революціонерамъ. Такъ дьяконъ Бернардинскаго костела Новицкій, въ проповѣди своей въ костелѣ, высказалъ свое неудовольствіе публично: «нынѣ народъ упалъ духомъ, и если останется въ такомъ положеніи на дальнѣйшее время, то всѣ пропадете, еще есть время пробудиться, дѣйствовать смѣло и сообща, а Богъ намъ поможетъ!» Эти слова наглядным образомъ очерчиваютъ настроеніе города Вильны, а съ нею и цѣлаго края, въ концѣ 1862 года. Сознаюсь чистосердечно, что мы всѣ, русскіе, были чрезвычайно рады видимо наступавшему затишью и ни мало не подозрѣвали тѣхъ

сюрпризовъ, которые готовили намъ поляки въ наступавшемъ 1863 году. Но прежде, чѣмъ поведу разсказъ о нихъ, считаю нужнымъ упомянуть еще объ одномъ весьма интересномъ фактѣ, который очертитъ наглядно тогдашнее положеніе дѣлъ.

При штабѣ Виленскаго военнаго округа состоялъ капитанъ генеральнаго штаба Жвиржизовскій, очень способный молодой офицеръ, который успѣлъ обратить на себя вниманіе В. И. Назимова, какъ истый полякъ; своимъ лицемѣріемъ и заискиваніями онъ успѣлъ вкрасться въ довѣріе у Назимовыхъ, жилъ у нихъ даже въ лѣтнемъ помѣщеніи въ Звѣринцѣ и готовилъ тамъ сына ихъ, офицера лейбъ-гвардіи Уланскаго полка, пріѣхавшаго въ отпускъ, къ поступленію въ академію. Каково же было удивленіе генералъ-губернатора, когда онъ получилъ изъ Варшавы секретное увѣдомленіе о томъ, что Жвиржизовскій принадлежитъ къ мятежной организаціи. Поднялась цѣлая буря. Какъ могли такъ легковѣрно отзываться о человѣкѣ, извѣстномъ начальству по своей благонамѣренности! Не знаю почему, но нѣсколько времени спустя Жвиржизовскій былъ переведенъ въ Москву въ гренадерскую дивизію. Въ день его отъѣзда изъ Вильны я получилъ отъ А. А. Назимовой порученіе передать Жвиржизовскому письмо съ деньгами къ сыну, уѣхавшему уже въ Петербургъ, и напомнить отъѣзжавшему обѣщаніе, проѣздомъ черезъ столицу, пожертвовать пару деньковъ для молодаго человѣка, которому предстоялъ въ академіи экзаменъ. Небольшой одноэтажный домъ Жвиржизовскаго находился неподалеку отъ дворца, на улицѣ, параллельно идущей къ рѣкѣ Виліи. Пришедши туда, я засталъ хозяина сильно озабоченнымъ хлопотами по отъѣзду; въ квартирѣ его было совершенно пусто, онъ дѣлалъ окончательныя распоряженія. Передавши Жвиржизовскому порученіе вмѣстѣ съ письмомъ и заручившись обѣщаніемъ о непремѣнномъ исполненіи желанія m-me Назимовой, пожелалъ я ему счастливаго пути и полныхъ успѣховъ по службѣ; пожавши затѣмъ другъ другу руки, мы разстались. Выходя отъ него, я и не подозрѣвалъ, что этотъ господинъ изъ самыхъ красныхъ подготовителей мятежа и состоялъ въ числѣ пяти членовъ виленскаго революціоннаго комитета, къ которому, кромѣ его, принадлежали: кандидатъ С.-Петербургскаго университета Константинъ Калиновскій, служащіе при желѣзной дорогѣ поручикъ Малаховскій, Эдмундъ Вериго и прежній кавказскій офицеръ, а потомъ лѣкарь, Длусскій. Впослѣдствіи Жвиржизовскій, подъ названіемъ Топоръ, напалъ съ шайкою на Горы-горки, былъ разбитъ и бѣжалъ въ царство Польское; затѣмъ пойманъ и, по приговору военнаго суда, повѣшенъ.

Къ подобнымъ загадочнымъ личностямъ можно еще отнести помѣщика Александра Оскерко, который былъ главнымъ дѣятелемъ въ проведеніи и составленіи тѣхъ проектовъ, по которымъ сѣверо-западная

Россія должна была войти пересозданною въ составъ Польши; онъ былъ призванъ работать по крестьянской реформѣ и велъ дѣло такъ искусно, что паны составленными во имя правительства, уставными грамотами, системою обезземеленія, переселенія и назначенія надѣловъ, могли поставить въ кабальную отъ себя зависимость бѣдняка-крестьянина. Затѣмъ надо упомянуть о весьма богатомъ помѣщикѣ Антонѣ Еленскомъ и многихъ другихъ. По вечерамъ нерѣдко они собирались у генералъ-губернатора и вели по цѣлымъ часамъ бесѣду о томъ, какъ бы помочь бѣдѣ, а на самомъ дѣлѣ заботы ихъ клонились къ тому, какъ бы парализовать распоряженія правительства. Никогда не забуду я тотъ воодушевленный разговоръ, который вели подобные господа, убѣждая В. И. Назимова разрѣшить устройство библіотекъ для чтенія по уѣздамъ. Однажды проѣздомъ черезъ Вильну присутствовалъ въ засѣданіи капитанъ генеральнаго штаба Сѣраковскій, который, когда зашелъ вопросъ о тогдашнемъ положеніи дѣлъ, заявилъ во всеуслышаніе, что для окончательнаго рѣшенія польскаго вопроса нужно вырвать съ корнемъ польскій элементъ изъ Сѣверо-Западнаго края. Кто бы могъ послѣ этого заподозрить его въ неблагонадежности, а между тѣмъ и эта личность окончила дни свои на висѣлицѣ. Окруженный подобными дѣятелями великаго будованія Польши, благородный, добрѣйшій, но въ высшей степени слабый и нерѣшительный, В. И. Назимовъ окончательно растерялся, да и было отъ чего. Съ польской стороны манифестаціонныя безобразія представлялись дѣтскими шалостями молодежи. Генералъ-губернаторъ, принимая все это за чистую монету, чистосердечно стремился убѣдить ополяченное мѣстное дворянство въ искреннихъ, великодушныхъ намѣреніяхъ государя. При вспыхнувшихъ серьезныхъ безпорядкахъ, онъ пытался было дѣйствовать рѣшительно, но встрѣтилъ препятствія, въ 1-хъ, въ своей доброй душѣ и, во 2-хъ, въ петербургскихъ властяхъ. Былъ ли онъ виноватъ вполнѣ въ бездѣйствіи, когда Старжинскій представлялъ совершавшіяся событія въ краѣ, въ своихъ письмахъ въ Петербургъ, съ 1861 по 1863 годы, въ совершенно извращенномъ видѣ и находилъ тамъ полное сочувствіе и поддержку? Представляю на судъ благосклоннаго читателя выдержки изъ этихъ писемъ, прямо относящіяся къ дѣлу. По словамъ графа Старжинскаго, «время объявленія указа 19-го февраля, совпадая съ варшавскими событіями и манифестаціями, привело (?!) крестьянъ въ броженіе... и во многихъ мѣстахъ они взбунтовались (?!)... Мѣстныя власти сами стали возбуждать населеніе къ революціи, придираясь къ пѣнію гимновъ, въ которыхъ, чисто съ богомольнымъ настроеніемъ, населеніе молило у Всевышняго объ отечествѣ и свободѣ. Жители пѣли гимны, сперва въ храмахъ, потомъ въ духовныхъ процессіяхъ, съ хоругвями и крестами изъ одного костела переходя въ другой. Но въ этихъ крестныхъ хо-

дахъ ничего не было новаго... Это древній обычай, водворившійся у насъ вмѣстѣ съ христіанствомъ. Мѣстныя власти оставляли ихъ, пока, съ прибытіемъ генералъ-адъютанта Сухозанета въ Варшаву и съ возвращеніемъ генералъ-губернатора Назимова изъ Петербурга, не принялись внезапно за строгости... Тогда мѣстныя власти стали внушать крестьянамъ, что безпорядки происходятъ отъ помѣщиковъ, и земская полиція, вмѣшиваясь въ дѣла помѣщиковъ съ крестьянами, зачастую не исполняла приказаній мировыхъ посредниковъ и старалась притянуть къ себѣ крестьянское сословіе... Объѣздъ губерній генералъ-губернаторомъ графъ Старжинскій отнесъ къ событіямъ «достойнымъ сожалѣнія»... къ явному возбужденію крестьянъ къ волненіямъ и возстанію... Генералъ-адъютантъ Назимовъ вездѣ говорилъ крестьянамъ, что императоръ» васъ освободилъ, хотя много вашихъ помѣщиковъ того не желали; государь не встаетъ и не ложится, чтобы о васъ не подумать... потерпите еще 17 мѣсяцевъ (до 19-го февраля 1863 года) до совершеннаго избавленія отъ владѣльцевъ, до избавленія васъ отъ польскаго ига, подъ которымъ вы четыре вѣка страдали». Намеки на помѣщиковъ были такъ сильны, что крестьяне мѣстами, съ слѣдующаго же дня, перестали ходить на барщину... Въ циркулярахъ мѣстныя власти сами относятъ броженіе къ нѣсколькимъ индивидуумамъ, а репрессивныя мѣры принимаютъ противъ всѣхъ... Что же ожидаетъ землевладѣльцевъ черезъ 17 мѣсяцевъ... когда исключительно противъ нихъ обращаютъ угрозы за пѣніе гимновъ... Они видятъ, что ихъ гибель опредѣлена (que leur perte était assurée), а потому, повинуясь своимъ симпатіямъ, предаются уже шансамъ движенія, не смотря на болѣе, чѣмъ загадочные, шансы неуспѣха?..

Сваливъ проявленія усиленныхъ приготовленій къ мятежу на опасныя увлеченія хлопоманіи мѣстныхъ властей, графъ Старжинскій объясняетъ и манифестаціи, какъ невинныя и случайныя проявленія современныхъ обстоятельствъ: «онъ не знаетъ, какъ генералъ-адъютантъ Назимовъ изобразилъ въ Петербургѣ положеніе мѣстныхъ дѣлъ, но по возвращеніи имъ были приняты самыя крутыя мѣры... Въ Вильнѣ, по ложному слуху о прибытіи изъ Трокъ духовной процессіи, умирающей съ голода, спѣшившее къ нимъ съ ѣдою населеніе было атаковано пѣхотою и казаками... и спрашивается: за что? Никакой процессіи не было, и женщины несли пищу, а не камни голодавшимъ»... Подобныя же жалобы были и противъ войскъ, начальники которыхъ, по сообщеніямъ графа Старжинскаго, говорили: «Пускай полякъ попляшетъ»... а солдаты наущали крестьянъ, что они освобождены отъ барщины и передушатъ помѣщиковъ, которые поютъ гимны по костеламъ. Если подобные порядки будутъ продолжаться, то кровавая рѣзня неизбѣжна. Если

гимны имѣютъ революціонный оттѣнокъ, то почему было дозволено всюду проникнуть нашимъ стремленіямъ, изливающимся въ молитвѣ Всевышнему?.. Сообщаю истину и ничего болѣе, какъ сущую истину, прибавлялъ графъ Старжинскій и указывалъ на русскія сельскія школы, заводимыя новымъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа, княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ, также какъ на средства къ возбужденію народа противъ помѣщиковъ»...

Князь Шихматовъ распорядился о закрытіи сельскихъ школъ, которыя помѣщики по данному лозунгу внезапно стали открывать по своимъ помѣстьямъ и въ которыхъ преподавался польскій языкъ; а по мнѣнію графа Старжинскаго, «такъ какъ на обязанности ксендзовъ лежитъ преподаваніе катехизиса и нравственности крестьянамъ, а они могутъ преподавать только на польскомъ, или на латинскомъ языкѣ, то помѣщики заботятся обучить польскому языку по возможности наибольшее число народа».—По его мнѣнію, предстояло одно средство для успокоенія края, — чтобы правительство ввѣрило всю администрацію туземному дворянству! De facto впрочемъ это уже и было, не доставало только утвержденія de jure. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1862 года графъ Старжинскій писалъ въ Петербургъ: «При грозномъ настроеніи, которое сталъ принимать крестьянскій вопросъ, прошу войти въ наше положеніе... Мы вынуждены вѣрить, что цѣль администраціи и правительства произвести у насъ катастрофу... Умоляю положить конецъ подобному положенію дѣлъ... Какое довѣріе къ правительству могутъ сохранить люди, которые ясно видятъ, что администрація противъ нихъ конспирируетъ!»... Принадлежа душою и тѣломъ мятежу, графъ Старжинскій прикрывалъ болѣе опасныя свои дѣйствія минскимъ помѣщикомъ Александромъ Оскеркою и увѣрялъ правительство, что онъ «ясно видитъ положеніе дѣлъ, потому что не принадлежитъ ни къ какому кружку».

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Два охранительныхъ билета, выданныхъ во время польскаго возстанія въ 1864 году.

1.

Билетъ.

Дозволяется надворному совѣтнику Небольсину, вслѣдствіе возложенныхъ на него служебныхъ обязанностей, ходить по г. Гродно во всякое время ночи безпрепятственно; почему часовые, патрули и ночные обходы должны дѣлать ему свободный пропускъ. Января 30-го дня 1864 года.

Подписалъ: гродненскій военный начальникъ [1]).

2.

Билетъ.

1864 года, іюня десятаго дня, гродненскій полицеймейстеръ, на основаніи мѣстныхъ завѣреній, свидѣтельствуетъ, что къ выѣзду изъ города Гродно надворному совѣтнику Павлу Ивановичу Небольсину на загородныя прогулки—препятствія не имѣется.

Подписалъ: гродненскій полицеймейстеръ [1]).

---

[1]) Фамиліи не разобраны.

Французскій парламентъ въ Петрозаводскѣ въ 1821 году.

Въ маѣ 1826 года находящійся не у дѣлъ канцелярист Василій Симоновъ прислалъ министру внутреннихъ дѣлъ С. Ланскому прошеніе, въ которомъ писалъ:

«Высочайшимъ его императорскаго величества рескриптомъ, данным на имя вашего высокопревосходительства, въ 21-й день апрѣля сего года, велѣно отобрать обязательства отъ всѣхъ вообще чиновниковъ и не служащихъ дворянъ о непринадлежности впредь ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, и если кто и прежде сего въ оныхъ находился, то долженъ объявить со всею подробностью, подъ какимъ бы то ни было названіемъ оно существовало, какая была цѣль сего общества, и что сокрытіе сего подвергнетъ строжайшему наказанію какъ государственныхъ преступниковъ.

«Я, желая исполнить долгъ присяги, данной его императорскому величеству на вѣрность, и не быть соучастникомъ въ такомъ преступленіи, которое сдѣлано мною не съ умыслу, и дабы сокрытіе сего мало значущаго обстоятельства не подвергло справедливому наказанію, я осмѣливаюсь изложить вашему высокопревосходительству слѣдующее:

«Въ началѣ 1821 года продолжая служеніе мое въ Олонецкомъ губернскомъ правленіи столоначальникомъ, я не могу припомнить совершенно о томъ, какимъ случаемъ вовлеченъ былъ въ тайное общество, составленное изъ благородныхъ людей надъ названіемъ Французскій Парламентъ, но твердо полагаю, что оное заведено было коллежскимъ регистраторомъ Василіемъ Яковлевымъ Марьяновичемъ, бывшимъ тогда въ губернскомъ правленіи протоколистомъ, которое состояло подъ видомъ распространенія нравственности или просвѣщенія и нахо-

дилось первоначально не болѣе какъ въ десяти человѣкахъ, а съ истеченіемъ половины 1821 года увеличилось до 40 человѣкъ и болѣе...»

При тогдашнемъ тревожномъ настроеніи, заявленіе Симонова произвело свое дѣйствіе. Олонецкому гражданскому губернатору Фанъ-деръ-Флиту предписано было произвести дознаніе. По разслѣдованію оказалось, что общество «Французскій Парламентъ» было дѣйствительно составлено Марьяновичемъ, который назвалъ себя генераломъ Матвѣемъ Ѳаддеевичемъ Донъ-Кихотомъ Ламанческимъ. Собранія членовъ происходили обыкновенно послѣ обѣда въ канцелярскихъ комнатахъ губернскаго правленія, а иногда въ камерѣ губернскаго прокурора. Собравшіеся читали разныя бумаги и книги, въ числѣ которыхъ была азбука корельскаго языка, которую Марьяновичъ называлъ грамотою, данною Парламенту отъ короля. Королемъ же называлъ онъ дворянскаго засѣдателя гражданской палаты надворнаго совѣтника Киселева, старика около восьмидесяти лѣтъ, а потомъ мальчика лѣтъ 7-ми Аполлона Хоруженку, сына умершаго титулярнаго совѣтника, перваго потому, что ходилъ въ старинномъ платьѣ, а другаго по молодости лѣтъ, но они оба о своемъ наименованіи ничего не знали.

Въ Парламентѣ была письменная шуточная переписка, вродѣ слѣдующей: канцелярістъ Александръ Орѣховскій подалъ прошеніе о распутномъ поведеніи жены его, каковою называлъ онъ канцеляриста Василья Нѣелова. По рѣшенію собранія за недоказательствомъ жалобы положено Орѣховскому выбрить усы, а Нѣелову раздуть уши. Коллежскій регистраторъ Иванъ Судаковъ о происхожденіи своемъ представилъ отъ стараго сапога подметку; титулярный совѣтникъ Иванъ Казанцовъ, канцелярістъ Василій Поповъ и землемѣръ Адли подавали прошенія о принятіи ихъ въ общество, коимъ отказано, первому по неимѣнію отъ болѣзни носа, Попову за рыжими на головѣ волосами, а Адлію, потому что онъ много употреблялъ горячихъ напитковъ, а въ Парламентѣ нѣтъ денегъ; дѣлались постановленія, если кто изъ собравшихся разсмѣется, тому на другой день приказывали звать къ себѣ въ гости и проч. Послѣдній проступокъ случился съ самимъ Симоновымъ, и онъ 12-го января 1821 года писалъ Парламенту:

«Уже описаны Французскимъ Парламентомъ дѣла мои, извѣстно объ оныхъ и вашему высокопревосходительству, сколь я простучился. Конечно, должно мнѣ признаться, ибо я въ томъ весьма изобличенъ. Я не могу здѣсь никакъ выражать оправданій; но осмѣливаюсь изъяснить всеподданническую мою просьбу; вонмите оной, ваше высокопревосходительство!

«По молодости лѣтъ моихъ я обязуюсь исправиться въ самое короткое время, если благоугодно будетъ меня опредѣлить къ должности (о коей въ своемъ мѣстѣ я упомяну).

«Улыбку я имѣю при нужныхъ случахъ, но какую, т. е. язвительную или насмѣшливую я не могу видѣть ее, впрочемъ не угодно ли вашему высокопревосходительству благоразсудить, что сіе я получилъ при рожденіи моемъ на свѣтъ и конечно не въ моей есть волѣ данное отъ природы перемѣнить.

«Изъяснивъ такимъ образомъ все мною содѣланное и на мнѣ отъ природы имѣемое, я умоляю ваше высокопревосходительство принять сіи обстоятельства въ высокомощное ваше разсмотрѣніе. И если есть на сердцѣ вашемъ пружина жалости—не убойтесь дотронуться до ней и заставить тѣмъ по все время учрежденія Парламента благодарить отъ внутренности моей душевно и тѣлесно. И буде все сіе совершится въ мою пользу,—то хотя изъ жалости ко мнѣ, а болѣе къ семейству моему (каковаго я имѣю до 9 штукъ) слезно прошу опредѣлить въ чиновники Парламента на порожнее мѣсто, на что уже согласны и члены того Парламента».

Симоновъ былъ опредѣленъ секретаремъ.

Занятія Парламента, по словамъ Симонова [1], — «продолжались болѣе на бумагахъ, число членовъ умножалось, по подаваемымъ прошеніямъ, а послѣ уже по баллотировкѣ» и къ сему приглашеніе дѣлалось черезъ предварительные письменные билеты. Нѣкоторыхъ избранныхъ приводили къ присягѣ, состоявшей изъ произношенія молитвы «Отче нашъ», переведенной на корельскій языкъ. Во время собраній Марьяновичъ, для увеселенія публики, надѣвалъ старинное театральное платье, старые солдатскіе мундиры, парикъ, сдѣланный изъ кудели, очки, привѣшивалъ къ ногѣ на подвязкѣ крышку табакерки съ изображеніемъ женщины; изображая старика, говорилъ испорченнымъ языкомъ и проч. Сими и другими шалостями забавлялъ прочихъ, такъ что изъ собранія всегда выходили со смѣхомъ. Въ обществѣ было 32 человѣка, и всѣмъ имъ коллежскимъ регистраторомъ Марьяновичемъ даны были особенныя званія и фамилія. Самъ онъ именовалъ себя маршаломъ княземъ Матвѣемъ Ѳаддеевичемъ Донъ-Кихотомъ Ламанческимъ; титулярныхъ совѣтниковъ Нуромскаго и Новикова назвалъ: перваго герцогомъ Ангулемскимъ, а втораго принцемъ Конде; губернскаго секретаря Клементьева—генералъ-прокуроромъ Клементозою-де-Бутелло; коллежскаго регистратора Ачалова—графомъ донъ-Чалвенкою; коллежскаго секретаря Борисова—Борисомъ Годуновымъ; губернскихъ секретарей: Куликова—Куликовскимъ, Степана Петрова—Дудою Упиваловымъ; коллежскихъ регистраторовъ: Егорова—графомъ Олсуфьевымъ, Судакова—генераломъ Жанъ-дю-Бамлю; Ивана Новикова—Дюкъ де-Решильe; Петра Новикова—членомъ Изабеллою; Григорья Новикова—

[1]) Въ письмѣ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 25-го мая 1826 г.

Жоржемъ; Василія Борисова—Базиліусомъ-Сириціусомъ; Василія Ларіонова—Ларсомъ; Романова—адъютантомъ де-Летромъ и Богданова—пасторомъ; канцеляристовъ: Симонова—чиновникомъ разныхъ порученій Фрюгантомъ; Кипріянова—Мадритъ Османъ-дей; Аврова—журналистомъ Авра; Орѣховскаго—Дарибо; Морозова—Морозенко; Попова—Поппа, и проч.

Общество не преслѣдовало никакой цѣли, въ засѣданіяхъ не говорили ни о правительствѣ, ни о религіи и политикѣ, но всегда занимались разнаго рода шутками [1]).

Тѣмъ не менѣе Симоновъ видѣлъ въ немъ большую опасность для себя потому, какъ писалъ онъ, «что съ каждымъ почти днемъ оно болѣе и болѣе возрастало, а не уменьшалось, а къ тому же члены его начали принимать на себя непозволительныя совсѣмъ фамиліи и титла, т. е. иной назывался принцемъ, другой (вмѣсто генералъ) генералъ-прокуроромъ и т. д.».

Смотря на все это какъ на преступленіе, Симоновъ опасался, какъ бы не дожить до бѣды, и потому рѣшился объявить Парламенту, «что если общество сіе не оставитъ принятаго имъ неизвѣстно для чего намѣренія, то, говорилъ онъ, я по крайнему положенію своему долженъ буду объявить правительству и симъ пресѣку способъ къ дальнѣйшему дѣйствію того Парламента.

«Предложеніе сіе было съ неудовольствіемъ выслушано членами общества, и къ прекращенію сихъ законопротивныхъ распоряженій назначенъ былъ день того 1821 года августа 9-го числа, день самый для меня почти послѣдній въ жизни, какъ послѣдствіе открыло.

«Въ вечеру помянутаго 9-го числа положено было, чтобъ всѣ, у кого были какія бы ни было бумаги, принадлежащія обществу Французскаго Парламента, принесены были въ квартиру губернскихъ секретарей Ивана Судакова, Ивана Клементьева и канцеляриста Василія Судакова и въ ономъ всѣ ночью сожечь, что и подлинно было учинено. Члены сего общества, въ томъ числѣ и я, собравъ имѣвшіяся у каждаго бумаги, собрались въ вышеупоминаемую Судакова квартиру. Составивъ изъ себя число не болѣе 20-ти человѣкъ, приступили къ уничтоженію ихъ, а за симъ послѣдовало угощеніе, какъ бы радуясь всѣ объ уничтожаемомъ тогда обществѣ или Парламентѣ; но главное зло таилось до того только, пока не подѣйствовали пары напитковъ въ головѣ каждаго, потому что тогда изобрѣтатель Парламента Марьяновичъ (зная, можетъ быть, цѣль свою и видя ее неудачною) требовалъ отъ меня формально еще бумагъ, до сего Парламента принадлежащихъ; но, видя, что настояніе его,

---

[1]) Отношеніе олонецкаго губернатора министру внутреннихъ дѣлъ 1-го іюня 1826 г. № 2640.

за отпирательствомъ моимъ, не имѣютъ большаго успѣха, рѣшился привесть безстыдное свое намѣреніе въ дѣйствіе, и, подговоря тутъ же товарищей своихъ, силою начали бить меня розгами, безъ всякой пощады, а потомъ, не насытясь сею злобою, принуждали пить необыкновенными стаканами цѣльный ромъ и паки приступали къ битью сему, посыпая по просѣченному тѣлу солью, и брызгали ее ромомъ, дабы болѣе придать мученій. Наконецъ, видя, что я или отъ необыкновеннаго битья ихъ, или отъ многаго употребленія рому долженъ буду непремѣнно лишиться жизни, вынесли меня безъ чувствъ на улицу и на оной оставили. Послѣ сего по утру, придя въ чувство, увидалъ тогда себя изувѣченнаго до крайняго положенія и подалъ петрозаводскому г. городничему, маіору Паулли, 10-го или 11-го числа, объявленіе, не прописывая однако же объ обществѣ Парламента, но только упомянулъ о битьѣ. Но когда городничій приступилъ къ свидѣтельству меня вмѣстѣ съ штабъ-лѣкаремъ и уѣзднымъ стряпчимъ, тогда увидѣлъ, въ какомъ я нахожусь положеніи, а наконецъ, бывшій гражданскій губернаторъ Мертенсъ убѣдилъ меня оставить причиненное мнѣ тѣми чиновниками битье, и я, уваживъ начальника губерніи, простилъ имъ оное, да и впредь отыскивать не желаю. Такимъ образомъ кончились дѣйствія Французскаго Парламента».

Впослѣдствіи Марьяновичъ перешелъ на службу въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора, которому и былъ сдѣланъ запросъ объ его поведеніи.

«Помянутое общество,—писалъ князь Голицынъ [1]),—не обращаетъ на себя ни малѣйшаго подозрѣнія и даже не заслуживаетъ вниманія, потому что оное ни къ какому обществу не можетъ быть причислено. Находящійся въ моей канцеляріи губернскій секретарь Марьяновичъ служитъ въ оной съ усердіемъ, ведетъ образъ жизни похвальный и отличнаго поведенія. Кромѣ означеннаго общества, онъ ни къ какимъ другимъ обществамъ не принадлежалъ и не принадлежитъ (въ чемъ дана имъ подписка) и ни въ какихъ худыхъ поступкахъ со времени служенія его въ моей канцеляріи не замѣченъ».

Н. Д.

[1]) Начальнику главнаго штаба И. И. Дибичу 7-го іюля 1826 г. № 114.

Письмо Ив. Ив. Дмитріева—Павлу Петровичу Свиньину.

20-го мая 1834 г. Москва.

Искренно благодарю васъ за ваше письмо и привѣтствую васъ съ возвращеніемъ къ мирнымъ своимъ пенатамъ или, прямѣе сказать, къ полной независимости въ собственномъ своемъ пріютѣ. Я увѣренъ, что вы удвоите въ немъ жизнь свою и проведете ее гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ шумной и заботливой столицѣ. По крайней мѣрѣ воспользуетесь большимъ досугомъ для кабинетскихъ вашихъ занятій и большею свободою ума и духа, удалясь отъ геніальнаго сословія новѣйшихъ нашихъ литераторовъ, отъ коихъ, правду сказать, скорѣе собьешься съ толку, чѣмъ научишься и ободришься.

Я съ удовольствіемъ читалъ статью вашу объ Ломоносовѣ. Она была бы хорошею поживкою для новой біографіи, равно какъ и доношеніе Л(омоносова) въ Сенатъ, доставленное вами въ Горный журналъ. Брамбеусъ, кажется, продолжаетъ еще быть представителемъ или козыремъ петербургской словесности; но здѣсь уже возникаютъ антагонисты: меньшой Строевъ выдалъ брошюрку на счетъ Скандинавской саги, а профессоръ Надеждинъ возражаетъ ему въ своемъ «Телескопѣ», вступаясь за романтическую школу. Можно обоимъ подивиться: первый самъ подражаетъ, хотя и не удачно, Жюль-Жаненю и говоритъ пакостнымъ языкомъ, площаднымъ русскимъ, смѣшаннымъ съ полонизмомъ, а возсталъ противъ новой школы; а другой дебютировалъ латинскою диссертаціей противъ ее же для полученія кандидатскаго, а потомъ профессорскаго достоинства: получа же оное, г. профессоръ явно сталъ защищать романтизмъ и издѣваться надъ классицизмомъ. Какой соблазнъ для слушающихъ его лекціи!

Скажите мнѣ, видѣли ли вы въ Петербургѣ Полеваго, и что причиною остановки его журнала. Кажется (виноватъ, что не по новому: к а ж и с ь), доселѣ журналъ его пользовался отличнымъ покровительствомъ противъ прочихъ. Хотѣлъ бы такъ же знать и объ участи вашего «Музеума». Судя по «Сѣверной Пчелѣ», начинаю подозрѣвать, что у васъ опять разстраивается съ ея издателями.

Если я вамъ наскучилъ и мѣшаю заниматься дѣломъ, такъ простите меня, и отнесите мою докуку къ тому только, что мнѣ всегда пріятно съ вами бесѣдовать и лично, и на бумагѣ.

Съ искреннимъ почтеніемъ къ вамъ и Надеждѣ Аполлоновнѣ имѣю честь быть и проч.

Еще вопросъ: когда положено быть открытію монумента Александру Благословенному?

И. М. Муравьевъ-Апостолъ,

авторъ «Писемъ изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ».

(Посвящается А. Д. К.).

Какъ-то разъ въ одной изъ своихъ частыхъ бесѣдъ съ Н. И. Гнѣдичемъ И. М. Муравьевъ-Апостолъ между прочимъ выразился о себѣ такъ: «Chez nos nevеux on me rendra justice» [1]). Но пророчество это—можно сказать—не сбылось. Прошло уже почти сто лѣтъ, какъ были сказаны эти слова, и протекло уже полстолѣтіе со дня смерти этого замѣчательнаго въ исторіи русской культуры человѣка, какъ мы не только не имѣемъ еще надлежащей оцѣнки его дѣятельности, но даже какъ бы забыли самое имя Ивана Матвѣевича: большинство знаетъ о немъ лишь то, что онъ былъ отцомъ извѣстныхъ декабристовъ. Наши историки литературы лишь мелькомъ (да и то не всѣ) останавливаются на его литературной дѣятельности [2]), историки иной разъ цитируютъ одно-другое его письмо [3]), составители хрестоматій, правда, отводятъ охотно нѣсколько страницъ своихъ изданій выдержкамъ изъ его сочиненій [4]), а такой историческій журналъ,

---

[1]) Т. е. наши потомки отдадутъ мнѣ справедливость. „Сочиненія“ Г. Р. Державина, т. VI. Спб. 1876, стр. 233.

[2]) См. у А. Д. Галахова: „Исторія русской словесности“, т. II, (изд. 3-е), М. 1894, стр. 275—282; у А. Н. Пыпина: „Исторія русской литературы“, т. IV, Спб. 1899; у А. Н. Веселовскаго: „Западн. вліяніе въ новой русск. литературѣ“. М. 1896 (2-е изд.), стр. 160.

[3]) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Александръ I“, Спб. 1898, т. II, стр 36—37; А. Н. Пыпинъ: „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“. Спб. 1885.

[4]) А. Д. Галаховъ, Филоновъ и др.

какъ «Русскій Архивъ», даже счелъ нелишнимъ перепечатать нѣсколько его «Писемъ» [1]), послужившихъ намъ темой предлагаемой статьи. Но все же повторяемъ, можно смѣло сказать, что личность И. М. Муравьева-Апостола принадлежитъ къ числу именъ, прочно забытыхъ и произведенія его — остались наслѣдіемъ библіографовъ и спеціалистовъ.— Нельзя не пожалѣть искренно о такомъ несправедливомъ отношеніи къ столь выдающемуся человѣку, въ которомъ всѣ наши современники—и крупные писатели и дѣятели общественные—признавали отмѣнныя способности, богатыя познанія и недюжинный умъ. Правда, не всѣ современники дали намъ лестный отзывъ о немъ, какъ о «человѣкѣ», не всѣ конечно раздѣляли и убѣжденія его, но общій голосъ утверждалъ, что это былъ человѣкъ замѣчательный, а по мнѣнію иныхъ даже—«явленіе исключительное». Лучшимъ матеріаломъ для характеристики его убѣжденій, взглядовъ, вкусовъ, общественныхъ воззрѣній и пр. служатъ его знаменитыя «Письма изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ», обзоромъ которыхъ мы и займемся. Впрочемъ, обзоръ этотъ считаемъ нелишнимъ предварить краткимъ сообщеніемъ главныхъ пунктовъ изъ жизни интересующаго насъ писателя и характерныхъ чертъ души этого человѣка.

Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ, впослѣдствіи присоединившій къ своей фамиліи дѣдовскую (по матери) фамилію Апостолъ [2]), родился въ 1768 году. Съ дѣтства записанный, по обычаю того времени, солдатомъ въ Измайловскій полкъ, онъ юношескіе годы свои, по окончаніи какого-то нѣмецкаго пансіона [3]), провелъ въ скромной обстановкѣ и началъ свое служебное поприще въ Петербургѣ, сначала въ штатѣ генерала графа Брюсса, а затѣмъ въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ; потомъ недолгое время онъ завѣдывалъ каналомъ въ Шлиссельбургѣ. Но въ 1792 году въ его жизни и служебномъ положеніи произошли рѣзкія перемѣны: онъ былъ призванъ ко Двору въ качествѣ «кавалера» при великихъ князьяхъ. Здѣсь-то его прекрасное широкое образованіе, дополненное трудолюбивымъ самообразованіемъ, отличное знаніе иностранныхъ языковъ и литературъ, наконецъ, манеры свѣтскаго воспитаннаго человѣка и благосклонное вниманіе императрицы къ ли-

---

[1]) „Русск. Архивъ“ 1876 г., № 10. Еще ранѣе одно изъ „писемъ“ (6-е) было перепечатано въ „Собраніи образцовыхъ русск. сочин. и переводовъ въ прозѣ“. Спб. ч. VI, 1824 г. Кромѣ того нѣсколько „писемъ“, касающихся воспитанія, перепечатаны въ книгѣ Н. М. Каткова: „Наша учебная реформа“. Москва 1890.

[2]) Полн. собр. законовъ, т. XXXIV, стр. 81; „Русская Стар.“ 1873 г., т. VII, стр. 654, т. VIII, стр. 107.

[3]) „Русск. Стар.“ 1873 г., т. VII, стр. 654.

тературнымъ опытамъ Ивана Матвѣевича [1]) открыли ему путь къ блестящей карьерѣ на дипломатическомъ поприщѣ.

Въ декабрѣ 1796 года въ званіи камергера онъ отправляется въ качествѣ министра въ Эйтенъ къ герцогу Ольденбургскому и епископу Любскому; затѣмъ мы видимъ его чрезвычайнымъ посланникомъ при Нижне-Саксонскомъ округѣ, потомъ въ Копенгагенѣ; наконецъ съ 1802 по 1805 г. онъ—полномочный министръ въ Испаніи [2]). Не останавливаясь на подробностяхъ дипломатической дѣятельности Муравьева, скажемъ только, что главнымъ пунктомъ ея—помимо текущихъ дѣлъ—было наблюденіе за дѣйствіями и движеніями Наполеона и сообщеніе о нихъ русскому правительству. Его дипломатическая переписка съ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ [3])—богатый матеріалъ для историка — даетъ, между прочимъ, въ руки біографа Муравьева и ключъ къ болѣе правильному разумѣнію отношеній его къ Наполеону и въ болѣе позднее время. Муравьевъ не любилъ Наполеона, осуждалъ его дѣйствія и распоряженія съ самыхъ первыхъ шаговъ своего дипломатическаго знакомства съ нимъ; немного позже, въ его «Письмахъ» мы услышимъ самые ожесточенные и до крайности рѣзкіе приговоры и даже проклятія Наполеону, которые слѣдуетъ объяснить не однимъ лишь общимъ взрывомъ негодованія русскаго общества на великаго полководца послѣ его вторженія въ Россію: въ этихъ крайностяхъ мы имѣемъ дѣло съ личнымъ убѣжденіемъ автора «Писемъ». По возвращеніи въ Петербургъ, Муравьевъ, по неизвѣстной намъ въ точности причинѣ, былъ холодно принятъ императоромъ и скоро понялъ, что онъ лишился и довѣрія и вниманія, коими ранѣе онъ такъ часто и щедро былъ ласкаемъ. «Я многимъ показался любимцемъ счастья»,—писалъ онъ нѣсколько лѣтъ спустя Г. Р. Державину—«и гнусная клевета отравила полдень моей жизни» [4]). Онъ оставилъ дѣйствительную службу и не возвращался къ ней въ теченіе почти двадцати лѣтъ. Покинувъ Петербургъ, Муравьевъ въ тишинѣ своей деревни предался научнымъ и литературнымъ занятіямъ, по временамъ лишь и изрѣдка оставляя свой мирный пріютъ въ Хомутцѣ (Полтавской губ.), чтобы на нѣсколько мѣсяцевъ окунуться въ сутолочной столичной жизни. Онъ усердно началъ занятія надъ излюбленными имъ классическими авторами, переводилъ Горація, Цицерона, Аристофана и др., дѣ-

---

[1]) Переводъ комедіи Шеридана: „Школа Злословія“ (1793 г.), оригинальная комедія: „Ошибки или утро вечера мудренѣе“ (1794).

[2]) Подробности, нуждающіяся, впрочемъ, въ провѣркѣ, см. въ „Русской Стар.“ 1873 г., т. VIII, стр. 107.

[3]) Хранится въ Московскомъ и въ С.-Петербургскомъ Государственномъ и Главномъ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

[4]) „Сочиненія“ Г. Р. Державина, т. VI, Спб. 1876 г., стр. 333.

лалъ филологическія разысканія и, готовясь къ путешествію по Таврическому полуострову, основательно изучалъ древнихъ и новыхъ авторовъ, писавшихъ объ этомъ уголкѣ нашего отечества. Въ то же время бывая въ столицахъ, онъ сходился съ большинствомъ нашихъ крупныхъ литературныхъ дѣятелей, участвовалъ въ ихъ изданіяхъ, обществахъ и кружкахъ и скоро пріобрѣлъ себѣ славное имя, какъ «автора». Онъ частый гость въ салонѣ Оленина, Карамзина, графа Строганова, онъ членъ Россійской Академіи, Бесѣды, Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, Арзамаса, онъ близкій знакомый или пріятель почти всѣхъ нашихъ крупныхъ писателей, онъ первый другъ и совѣтчикъ Батюшкова, Гнѣдича и др. молодыхъ литературныхъ силъ... Уваженіе къ его обширнымъ познаніямъ, несомнѣнному литературному таланту и артистичной натурѣ быстро возрастаетъ; ему уже пишутъ и посвящаютъ стихи и подъ его сильное обаяніе подпадаетъ такой поэтъ, какъ Батюшковъ. Вмѣстѣ съ популярностью его имени росло и число недоброжелателей его, не упускавшихъ случая такъ или иначе задѣть его сатирой, эпиграммой и т. п.—Военныя дѣйствія 1812 года, заставшія Муравьева въ Москвѣ, принудили его вмѣстѣ съ другими оставить Первопрестольную и бѣжать въ Нижній-Новгородъ, который въ тотъ знаменитый годъ сдѣлался настоящимъ уголкомъ древней столицы [1]).

Возвратившись въ полуразрушенную Москву, онъ не долго пробылъ въ ней и скоро началъ блужданія безъ всякой опредѣленной цѣли по разнымъ городамъ нашего отечества, по временамъ останавливаясь подолгу въ своей деревнѣ. За время 1813—1815 гг. онъ напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» и свои знаменитыя «Письма изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ», представляющія отголосокъ тѣхъ впечатлѣній, которыя онъ пережилъ въ Москвѣ вслѣдъ за непріятельскимъ погромомъ.

Наконецъ въ 1820 году, послѣ долгой серьезной подготовки, онъ предпринялъ путешествіе по Крыму; памятникомъ его посѣщенія Таврическаго полуострова осталось, можно сказать, его классическое сочиненіе «Путешествіе по Тавридѣ», даже донынѣ не потерявшее своей цѣнности.

Въ 1824 году Муравьевъ вновь въ Петербургѣ. По Высочайшему повелѣнію онъ присутствуетъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, состоя въ то же время членомъ Главнаго правленія училищъ. Но и на этотъ разъ онъ прослужилъ не долго: годъ съ небольшимъ. Впрочемъ, и за этотъ короткій промежутокъ времени Муравьевъ съумѣлъ блестяще выказать свой умъ и рвеніе дѣловитаго сановника. Нѣкоторые факты изъ его дѣятельности какъ сенатора стали общеизвѣстными

[1]) См. подробности у Л. Н. Майкова въ составленной имъ біографіи К. Н. Батюшкова („Сочиненія“ К. Н. Батюшкова, т. I, Спб. 1887, стр. 156—157).

въ исторіи нашего просвѣщенія: мы имѣемъ въ виду его заступничество за Попова въ процессѣ по поводу перевода на русскій языкъ Госнеровыхъ «Толкованій Новаго Завѣта» [1]); затѣмъ его «особое мнѣніе» въ вопросѣ о лишеніи профессоровъ права выписывать запрещенныя книги помимо всякой цензуры. Муравьевъ въ своемъ «особомъ мнѣніи» [2]) пришелъ къ заключенію, что «запрещеніе професорамъ выписывать книги есть мѣра для нихъ безъ нужды оскорбительная, какъ средство—безполезная, а для общей цѣли, для просвѣщенія—вредная». Не сомнѣваемся, что дальнѣйшая служба Муравьева составила бы замѣтную страницу въ нашей исторіи, но, къ сожалѣнію, Муравьевъ скоро оставилъ службу въ виду тяжелыхъ постигшихъ его несчастій. Декабрьскія событія 1826 года отняли у него одного за другимъ трехъ сыновей: одинъ, какъ противуправительственный мятежникъ, желая избѣгнуть кары, застрѣлился, другой былъ казненъ, третій сосланъ въ Сибирь, да и самъ несчастный отецъ находился подъ косыми взглядами своихъ сильныхъ недоброжелателей и едва-ли избѣжалъ бы тяжкихъ подозрѣній. Подавленный горемъ отецъ политическихъ преступниковъ, такъ гордившійся всегда своими сыновьями, Муравьевъ оставилъ службу, оставилъ и Петербургъ и даже уѣхалъ изъ Россіи. Внѣ отечества онъ провелъ бо́льшую часть длиннаго остатка своей жизни. Лишь по нуждѣ возвращался онъ иногда не надолго въ Россію; онъ не хотѣлъ ни жить въ ней, ни служить. Онъ изнемогъ на родинѣ подъ цѣпью тяжкихъ испытаній и огорченій и «подъ плѣнительнымъ небомъ Италіи» хотѣлъ забыться отъ переиесенныхъ бѣдъ въ суровой отчизнѣ.

«Il m'a toujours paru que l'idée dominante du tragique grec»—писалъ онъ однажды графу М. А. Огинскому по поводу Эсхилова «Прометея»—«a été d'offrir à ses concitoyens l'image du combat du despotisme avec la puissance d'une âme vigoureuse éclairée par une raison sûre et un esprit calme. Il presente pour cela le tableau de contraste frappant entre les différents personnages du drame, et le héros martyr pour le bien moral de l'humanité. Le premier de ce contraste est dans la scène de l'exposition entre Prométhée et les vils ministres de la Tyrannie. Le moins vil d'entre eux Vulcain n'approuve pas ce que lui est ordonné de faire et soupire même et cependant il obéit parcequ'il est bas, lâche, servile, en un mot esclave, c. à. d. tout ce qu'il y a de plus abject dans le monde.

---

[1]) См. подробности въ „Запискахъ" А. С. Шишкова (Берлинъ 1870, т. II), въ „Запискахъ" Н. И. Греча („Русск. Архивъ" 1868 г., № 9, ст. 1403—1413); „Чтенія въ общ. исторіи и древностей россійскихъ" 1859 г., т. IV.

[2]) Напечатано впервые М. И. Сухомлиновымъ въ его „Матеріалахъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I-го". Спб. 1866, стр. 80—82.

Avez-vous remarqué, mon cher comte, une chose qui m'a paru sublime dans ce début de Prométhée,—c'est le héros qui ne daigne pas honorer d'une seule parole les ministres du Tyran, ni celui qui le plaint, ni ceux encore qui insultent à son malheur. Il se laisse enchaîner sans dire mot, il ne commence à parler que lorsqu'il se voit seul. Cela ne vous rappelle-t-il pas ce mépris tout aussi sublime de Virgile, qui conduisant le Dante aux Enfers lui montre seulement les Indifferents et se borne à dire:

«Ma garde est passée» [1]).

Кто знаетъ Муравьева, тотъ не можетъ не почувствовать въ этомъ прекрасномъ объясненіи Эсхилова героя нотокъ собственной души комментатора, его автобіографическаго намека...

Смерть застала Муравьева на 83 году его жизни [2]) въ Петербургѣ въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Могила его (на Охтенскомъ кладбищѣ) затерялась.

Послѣднія 25 лѣтъ существованія Муравьева были дѣйствительно тяжкими годами его жизни. И не даромъ одинъ изъ историковъ того времени Шницлеръ, коснувшись въ своей книгѣ Муравьева, воскликнулъ: «Il vit encore, hélas!» [3]). Тамъ, за рубежомъ нашего отече-

---

[1]) Т. е. „Мнѣ всегда казалось, что главной идеей греческаго трагика было показать согражданамъ изображеніе борьбы деспотизма съ мощью сильной души, просвѣтленной разсудкомъ здравымъ, умомъ спокойнымъ. Для этого Эсхилъ представилъ картину поразительнаго контраста между различными дѣйствующими лицами драмы и героемъ-мученикомъ за нравственное благо гуманности. Первая противуположность является намъ въ сценѣ объясненія Прометея съ подлыми прислужниками Тиранніи. Менѣе подлый изъ нихъ—Вулканъ не одобряетъ того, что ему приказано сдѣлать, и даже вздыхаетъ; однако, повинуется потому, что онъ низокъ, трусливъ, раболѣпенъ, однимъ словомъ—рабъ, т. е. все то, что есть болѣе презрѣнное на свѣтѣ.—Обратили ли вы вниманіе, дорогой графъ, на то, что мнѣ показалось самымъ величественнымъ въ этомъ выходѣ Прометея: это - герой, который не желаетъ удостоить ни однимъ словомъ этихъ слугъ Тирана, ни того, кто его жалѣетъ, ни тѣхъ даже, кто злорадствуетъ надъ его несчастіемъ. Онъ старается сдержать себя, не произнося единаго слова, и размыкаетъ уста лишь тогда, когда видитъ себя однимъ. Не напоминаетъ ли вамъ это столь же сильнаго презрѣнія Виргилія, когда поэтъ, ведя Данте по аду и, показывая ему равнодушныхъ, ограничивается лишь замѣчаніемъ: „моя стража прошла“.—Письмо еще неиздано. (Хранится въ Главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ).

[2]) Онъ скончался 12-го марта 1851 г. Кажется, лишь одна газета („Сѣв. Пчела“) обмолвилась краткимъ извѣщеніемъ о его смерти, да въ Академіи Наукъ на обычномъ годовомъ актѣ П. Н. Плетневъ сказалъ краткое слово о немъ какъ о скончавшемся членѣ Россійской Академіи (См. Отчетъ Императорской академіи наукъ по отд. русск. яз. и слов. за 1-е десятилѣтіе. Спб. 1852, стр. 345—346).

[3]) I. H. Schnitzler „Histoire intime de la Russie etc.“. Paris. 1847, t. II, p. 17.

ства, на родинѣ его любимыхъ Горація и Аріоста, тамъ, за границей, гдѣ блестящимъ метеоромъ мелькнуло для него счастье, когда онъ былъ полонъ силъ, когда по его собственнымъ словамъ «его слѣды были усыпаны розами», тамъ теперь искалъ Муравьевъ убѣжища, успокоенія отъ перенесенныхъ бурь, тревогъ и тяжкихъ испытаній. Его общественное положеніе пало, онъ лишился власти и даже покровительства, и бывшій «кавалеръ» при великихъ князьяхъ, русскій вліятельный посланникъ и близкій пріятель Лагарпа, теперь за границей терпѣлъ рядъ униженій, оскорблявшихъ порой его званіе русскаго сенатора [1]). Его семейное счастье было разбито: онъ потерялъ первую жену, потерялъ любимую дочь, трагически лишился трехъ сыновей, вторая жена была серьезно больна. Матеріальное положеніе Муравьева, привыкшаго къ роскоши великосвѣтской жизни, было слишкомъ плохо и заставляло его прибѣгать къ частымъ займамъ и одолженіямъ. Но классикъ-язычникъ въ душѣ, другъ Горація и эпикурейской школы, онъ зналъ цѣну жизни и любилъ жить, не отказывая себѣ ни въ чемъ, чего требовала его художественная натура и привычки избалованнаго аристократа. И Батюшковъ былъ во многомъ правъ, сравнивая его съ Алкивіадомъ:—«Я не удивляюсь И. М. Муравьеву»—писалъ онъ Н. И. Гнѣдичу—«онъ совершенный Алкивіадъ и готовъ въ Аѳинахъ, въ Спартѣ и у Даковъ жить весело» [2]). Цѣня жизнь «со всѣми удобствами», цѣня земныя блага, онъ наслажденіе жизнью во всемъ ея объемѣ ставилъ, кажется, во главу своего счастья и благодѣнствія и по требованію своего le savoir vivre не прочь былъ порой и отказаться отъ служенія для своего отечества на поприщѣ общественномъ, разъ это поприще доставляло ему много огорченій и непріятностей. Онъ дорожилъ своимъ спокойствіемъ и бросалъ службу, хотя бы и самъ сознавалъ всю полезность своей работы на благо родины. «Moi vivant, il faut que je jouisse» — говорилъ онъ Н. И. Гнѣдичу [3]), и вѣрный своему девизу онъ бѣжалъ отъ «неволи душныхъ городовъ», чтобы предаться latis otio fundis: уѣзжалъ наслаждаться прелестями спокойной деревенской жизни, въ честь которой написалъ хвалебный дифирамбъ въ своемъ послѣднемъ «Письмѣ изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ». Въ деревню приглашалъ онъ всѣхъ, кто страдалъ какими бы то ни было болѣзнями, «нажитыми» въ городѣ, и въ особенности кого

---

[1]) На основаніи неизд. письма И. М. Муравьева къ графу К. В. Нессельроде изъ Лозанны отъ 1-го сентября 1826 г. (Хранится въ Главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ).

[2]) „Сочиненія“ К. Н. Батюшкова, т. III, Спб. 1887 г., стр. 107.

[3]) Пока я живъ, хочу наслаждаться. См. „Сочиненія“ Г. Р. Державина» т. VI, Спб. 1876 г., стр. 233.

мучило честолюбіе, отъ котораго и самъ не мало страдалъ, по собственному его признанію... [1]).

Итакъ обратимся теперь къ «Письмамъ» Муравьева и постараемся отмѣтить все цѣнное и примѣчательное въ нихъ, равно какъ выяснить, на сколько ярко и полно отражался въ нихъ образъ ихъ автора. «Письма» Муравьева-Апостола явленіе безпримѣрное въ исторіи нашей литературы начала прошлаго столѣтія, не имѣвшее себѣ предшественниковъ. Мы не хотимъ сказать, что «Письма», какъ форма, была чужда нашимъ писателямъ до Муравьева: достаточно развернуть любой журналъ хотя бы конца XVIII вѣка, какъ читатель сейчасъ же натолкнется на какое-нибудь «Письмо» къ другу, иной разъ не только живому отъ живаго, а порой и умершему и даже «изъ царства тѣней» и т. п. Нѣтъ, «Письма», какъ литературная форма (и перешедшая къ намъ, конечно, съ Запада), были въ высшей степени популярны въ нашей литературѣ. Да и темы, которыя развивалъ въ своихъ «Письмахъ» Муравьевъ, трактовались у насъ неоднократно и до 1813 года [2]) во всевозможныхъ литературныхъ формахъ. Въ самомъ дѣлѣ, галломанія, испорченность нравовъ, недостатки современнаго автору воспитанія, страсть къ мотовству, картамъ и т. д., развѣ это не обычныя, не надоѣвшія темы писателей хотя бы XVIII вѣка? Но все же «Письма» Муравьева остаются безпримѣрными какъ по способу разрѣшенія старыхъ вопросовъ и по результатамъ этого разрѣшенія, такъ и по той новизнѣ, которую представляли нѣкоторые изъ затронутыхъ имъ вопросовъ нашей общественной жизни. Это ключемъ бьющее негодованіе заживо-задѣтаго патріота, эти яркія блестки ума и познаній и смѣлый призывающій къ дѣлу голосъ умнаго и свѣдущаго публициста, эти «Письма изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ» не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія на современниковъ, если нѣкоторыя мысли Муравьева, высказанныя имъ въ 1813—1815 г., не потеряли своей силы—какъ увидимъ—и для нашихъ дней и даже высказываются въ наше время! Правда, и въ нихъ есть многое, что по справедливости могло многимъ не нравиться, и въ нихъ есть крайности, съ нашей современной точки зрѣнія не «приличествующія» уму сильному, но, чтобы вполнѣ уразумѣть смыслъ и тонъ этихъ «Писемъ», нужно перенестись въ эпоху, слѣдовавшую тотчасъ за Отечественной войной, войти въ ея настроеніе, а также знать нѣкоторыя особенности въ характерѣ автора «Писемъ». Не безъ основанія епископъ Евгеній называлъ ихъ «прекрасными» [3]), признавалъ за ними

---

[1]) См. ниже (его письмо къ Державину).

[2]) Т. е. до появленія „Писемъ“ Муравьева на страницахъ „Сына Отечества“.

[3]) Сборникъ 2-го отд. Императ. Академіи Наукъ, т. V, Спб. 1868 г., вып. I, стр. 154.

силу нелюбившій Муравьева князь П. А. Вяземскій [1]), а старикъ Державинъ однимъ изъ «Писемъ» былъ вызванъ къ слѣдующимъ строкамъ, адресованнымъ къ Муравьеву: «Не могъ утерпѣть, не сказавъ моихъ вамъ мыслей о послѣднемъ письмѣ вашемъ къ нижегородскому жителю касательно великихъ происшествій, къ славѣ нашего государя и отечества случившихся. Оно меня съ одной стороны восхитило: нѣсколько разъ его перечитывалъ съ новымъ удовольствіемъ; съ другой крайне огорчило. Восхитило потому, что столько нашелъ я въ немъ благородныхъ чувствъ, учености, познаній, способностей, вкусу и, коротко сказать, совершеннаго мастерства и легкости изливать перомъ душу, дабы трогать сердца. Огорчило потому, что оно укоризной будетъ сильной въ потомствѣ вѣку нашему, что таковые люди не заняты дѣлами общественными; а между тѣмъ говорятъ, что людей ищутъ. Какого надобно еще одобренія при благонравіи въ общежитіи и при безпорочности службы? Я, право, не знаю. Вотъ что хотѣлъ я сказать» [2]).

Муравьевъ отвѣчалъ маститому пѣвцу Фелицы слѣдующимъ письмомъ, которое мы, въ виду его громадной біографической цѣнности, позволимъ себѣ привести полностью:

«Если бы въ теченіе бурной политической жизни моей, несправедливости, самыя чувствительныя для сердца, не излѣчили меня навсегда отъ замашекъ излишняго самолюбія, то письмо вашего высокопревосходительства могло бы мнѣ вскружить голову: но я наученъ въ великомъ училищѣ злополучія, и плодъ сего испытанія состоитъ, смѣю сказать, въ томъ, что могу устоять даже противу похвалъ Державина.

«Я родился съ пламенной любовію къ отечеству; воспитаніе еще возвысило во мнѣ сіе благородное чувство, единое достойное быть страстію души сильной; и 44 года не уменьшило его ни на одну искру: какъ въ 20 лѣтъ я былъ, такъ точно и теперь, готовъ, какъ Курцій, броситься въ пропасть, какъ Фабій обречь себя на смерть: но отечество не призываетъ меня; итакъ безвѣстность, скромныя семейственныя добродѣтели—вотъ удѣлъ мой. Я и въ немъ не вовсе буду безполезнымъ отечеству: выращу дѣтей достойныхъ быть русскими, достойныхъ умереть за Россію.—Благодарю Всевышняго! Какъ золото въ горнилѣ, такъ душа моя очистилась злощастіемъ: прежде могло ослѣплять меня честолюбіе, теперь же любовь моя къ отечеству чѣмъ безкорыстнѣе, тѣмъ чище; пылаетъ—не ожидая ни наградъ, ни даже признательности.

«Честолюбіе!—ненавистный празракъ! Онъ помрачилъ свѣтъ дней моихъ.— Первые слѣды мои на его поприщѣ усыпаны были цвѣтами,

---

[1]) „Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ“, т. I, Спб. 1899 г., стр. 72.

[2]) „Сочиненія“ Г. Р. Державина, т. VI, Спб. 1876 г., стр. 331—332.

послѣдніе — терніемъ. Я многимъ показался любимцемъ щастія, и гнусная клевета отравила полдень жизни моей. Съ тѣхъ поръ протекло восемь лѣтъ; недавно еще раны сердца моего совсѣмъ закрылись; я отдохнулъ; и теперь честолюбіе представляется мнѣ какъ нѣкакій тяжкій сонъ, отъ котораго просыпаясь, душею веселюсь, что снова ощущаю жизнь и сладость бытія.

«Вотъ, почтеннѣйшій Гавріилъ Романовичъ, отвѣтъ мой на столь лестное для меня ваше недоразумѣніе. Людей ищутъ—говорите вы—меня искать не будутъ; я это знаю. Рука, которую и несправедливую противу меня я лобызаю, отвела меня навсегда отъ пути служенія: повинуюсь и не ропщу. Несносно мнѣ одно только—ложное, несправедливое обо мнѣ заключеніе; еслибы не оно, я почелъ бы себя щастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ. Однакоже и это хорошо. Вы знаете, что древніе добровольно лишались чего-нибудь для себя драгоцѣннаго, когда думали о себѣ, что они щастливѣе, нежели обыкновенно суждено быть смертному: я находился бы точно въ семъ положеніи, еслибы несправедливость иногда не возмущала во мнѣ спокойствіе духа—и вотъ жертва моя богинѣ Немезисѣ.

«Письмо ваше я сохраню какъ драгоцѣннѣйшій для себя памятникъ. Когда меня не будетъ на землѣ, когда память о мнѣ едва останется въ родѣ моемъ, тогда письмо ваше, попавшись въ руки которому-нибудь изъ моихъ внучатъ, заставитъ его, съ душевной гордостью, сказать: предокъ мой достоинъ былъ служить отечеству: такъ думалъ о немъ Державинъ» [1]).

Въ этомъ нѣсколько витіеватомъ посланіи опытнаго дипломата чувствуется не мало искреннихъ нотъ и много правды. Но авторъ письма плохо замаскировалъ свое довольство «безвѣстностью и скромными семейственными добродѣтелями» [2]). Въ дѣйствительности Муравьевъ хотѣлъ послужить отечеству и, повидимому, томился своимъ положеніемъ «не у дѣлъ» со времени паденія графа Панина; онъ долго не могъ примириться съ отстраненіемъ его отъ службы, и между строкъ мы можемъ найти намекъ на это обстоятельство въ его «Письмахъ» [3]). Впрочемъ, онъ, кажется, дѣйствительно не роптalъ на «руку, которая отвела его отъ пути служенія»: по крайней мѣрѣ, онъ всегда въ восторженныхъ выраженіяхъ отзывался объ императорѣ, коего вступленіе на престолъ онъ такъ горячо привѣтствовалъ [3]) и смерть котораго оплакалъ въ звучной элегіи (на греческомъ языкѣ) [4]). И Дер-

[1]) Ibidem, стр. 333, 334.

[2]) Письмо 9-е.

[3]) См. его письмо къ гр. С. Р. Воронцову отъ 6-го апр. 1801 г. („Русс. Архивъ“ 1876 г., кн. I, стр. 126.

[4]) См. „Библіографическіе листы“ Кеппена, 1825 г., № 35, стр. 507—508.

жавинъ, призывая Муравьева къ общественной дѣятельности, вѣрилъ и имѣлъ основаніе вѣрить въ искренность «благородныхъ чувствъ» автора «Писемъ», въ его «ученость, познанія, способности, вкусъ» и т. д. Помимо природныхъ свойствъ Муравьева, за нимъ была большая опытность. Пребываніе въ придворной сферѣ вблизи царственныхъ особъ дало ему возможность близко изучить будущихъ вѣнценосцевъ и представителей власти, дипломатическая служба на отвѣтственныхъ постахъ въ ту чреватую событіями эпоху, тонкое знаніе политической, общественной и литературной жизни Запада [1]), наконецъ, богатыя филологическія познанія давали ему право говорить свободно на затрогиваемыя имъ въ своихъ «Письмахъ» темы.

Итакъ, что же послужило предметомъ «Писемъ» Муравьева, печатавшихся анонимно въ «Сынѣ Отечества» въ теченіе 3 лѣтъ? [2]). Свое первое письмо авторъ начинаетъ такъ: «Разставаясь со мной на берегахъ Волги [3]), гдѣ мы вмѣстѣ ощутили столько разнообразныхъ чувствованій, сначала уничиженія, трепета, потомъ надежды и наконецъ полнаго торжества, ты поручилъ мнѣ, другъ мой, описать тебѣ состояніе, въ которомъ я найду Москву, и сообщить заключенія о будущемъ ея въ разсужденіи населенія, отстройки и вообще состава общества». Но авторъ тутъ же отказывается выполнить эту программу. «Пріѣзжай сюда самъ, и увидишь, что русскому съ русскимъ сердцемъ и душею въ обращенной въ пепелъ Москвѣ не такъ легко говорить о ней, какъ то намъ казалось издали», а потому онъ проситъ друга довольствоваться на первый разъ «не описаніемъ Москвы, а описаніемъ безъ всякаго систематическаго порядка впечатлѣній», которыя произвело въ немъ «зрѣлище» Первопрестольной. Въ другомъ мѣстѣ онъ отзывается о своихъ «Письмахъ» такъ: «Мои письма къ тебѣ, другъ мой, часто похожи на картинки, называемыя quodlibet, гдѣ представляются разбросанныя на столѣ газеты, визитные билеты, оды на побѣды, карты и проч.» [4]). Дѣйствительно, содержаніе «Писемъ» Му-

[1]) И. М. Муравьевъ-Апостолъ писалъ и говорилъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ и былъ лично знакомъ со многими крупнѣйшими представителями европейской литературы и науки.

[2]) См. „Сынъ Отечества“ 1813 г., ч. VIII, № 35, стр. 29—97; № 36, стр. 129 — 139; ч. IX, № 44, стр. 211 — 234; № 45, стр. 259—270; ч. X, № 46, стр. 24 — 33; № 48, стр. 97 — 105; № 49, стр. 137 — 155; 1814 г., ч. XI, № 2, стр. 62 — 73; № 3, стр. 97 — 109; ч. XII, № 7, стр. 19 — 30; ч. XVI, № 34, стр. 39 — 54; ч. XVII, № 39, стр. 3 — 17; № 40, стр. 49—60; 1815 г., ч. XIX, № 6, стр. 217 — 228; ч. XXIII, № 29, стр. 85—99; ч. XXIV, № 36, стр. 119—141. — Для удобства, при цитатахъ мы будемъ ссылаться не на № журнала, а на № письма.

[3]) Т. е. въ Нижнемъ-Новгородѣ.

[4]) Письмо 9-е.

равьева весьма разнообразно и пестро, но его можно свести къ нѣсколькимъ немногимъ пунктамъ, что мы—для удобства изложенія—и сдѣлаемъ. Всѣхъ писемъ 15; изъ нихъ едва-ли не половина посвящена разсужденіямъ о Наполеонѣ и французахъ и ихъ опустошительномъ набѣгѣ на Москву, о Франціи, и губительномъ вліяніи галломаніи на наши нравы; затѣмъ нѣсколько писемъ занято изображеніемъ недостатковъ нашего воспитанія и объясненіемъ причинъ этихъ недостатковъ, тутъ же авторъ предлагаетъ и мѣры къ пресѣченію вкоренившагося зла; много мѣста отведено авторомъ въ своихъ письмахъ разсужденіямъ о литературѣ, писателяхъ, критикѣ и переводахъ, о состояніи нашей науки и просвѣщенія; не мало говорится въ «Письмахъ» о предразсудкахъ въ современной автору нашей общественной и частной жизни; наконецъ мы можемъ найти въ нихъ и автобіографическія припоминанія автора, его философскіе и житейскіе взгляды, вкусы и пр. Тонъ «Писемъ» вообще нѣсколько приподнятый, мѣстами возвышающійся до паѳоса, заставляющаго впадать автора въ крайности или риторику. Въ нѣсколькихъ словахъ «Письма» Муравьева можно характеризовать такъ: это яркія картинки нашего общества, перенесшаго Отечественную войну, картинки, набросанныя искусной рукой горячаго патріота, въ объяснительномъ текстѣ которыхъ читатель услышалъ еще неслыханныя до того времени вещи: авторъ старался доказать, что вся ложь и зло въ нашемъ обществѣ происходятъ отъ отсутствія у насъ общественнаго и національнаго самосознанія, а послѣднее отъ рабской привязанности къ вѣковымъ предразсудкамъ и требованіямъ минутной моды.

Муравьевъ вѣритъ въ мощь, въ богато-одаренную натуру русскаго народа; Отечественная война еще болѣе убѣдила его въ этомъ. «Какой народъ! Какія въ немъ силы тѣлесныя и душевныя!» восклицаетъ онъ въ первомъ своемъ письмѣ, приглашая русскій народъ взглянуть на самого себя, п о з н а т ь свои силы. «Москва, по моему мнѣнію—говоритъ авторъ—въ видѣ опустошенія, въ которомъ она является теперь, должна быть еще драгоцѣннѣе русскому сердцу, нежели какъ она была во время самаго цвѣтущаго ея положенія. Въ ней мы должны видѣть величественную жертву спасенія нашего и смѣю сказать—жертву очистительную. Закланная на олтарѣ отечества, она истлѣла вся; остались одни кости, и кости сіи громко гласятъ: «Народъ россійскій, народъ доблестный, не унывай!... Познай самъ себя и свергни съ своей могучей выи своей яремъ, поработившій тебя, тирана, подражаніе пигмеямъ, коихъ всѣ душевныя силы истощились вѣками разврата. Познай себя! а я, подобно фениксу, воспарю изъ пепла своего и, веселясь о тебѣ, облекусь въ блескъ и красоту, сродные матери городовъ россійскихъ и снова вознесу главу мою до облаковъ». А мы не только не сознали себя, забыли свой языкъ и говоримъ на «варварскомъ нарѣчіи». «Враги наши

и рода человѣческаго»—говоритъ Муравьевъ въ 10-мъ письмѣ—пришли къ намъ, ограбили олтари, убили нашихъ братій, смѣшали кровь ихъ съ пепломъ нашихъ сожженныхъ жилищъ, а мы,—мы на этомъ самомъ пеплѣ, еще не остыломъ, платимъ имъ дань уваженія—говоримъ ихъ языкомъ». Конечно, это сила привычки, но и привычка, «какъ ни сильна власть ея надъ людьми (особливо когда воспитаніе ее вкоренило), все же не должна устоять противу дѣйствія двухъ причинъ: самолюбія надъ каждымъ и національной гордости надъ всѣми вообще».

Усвояя иностранный языкъ, иностранныя моды, и мало-по-малу навыкая прилагать ко всему иностранный, преимущественно французскій масштабъ [1]), мы тѣмъ самымъ погрязаемъ въ одномъ изъ самыхъ пагубныхъ предразсудковъ: подражаніе иностранному возводимъ въ принципъ. Къ этому предразсудку, навѣянному извнѣ, присоединяются еще другіе предразсудки «доморощенные» [2]), по опредѣленію Муравьева, и наше общество, теряя подъ ногами почву, вступаетъ на путь невѣжества и мрака [3]).

Зная Муравьева за человѣка такихъ убѣжденій, мы въ правѣ ожидать отъ него призыва къ дѣлу, къ патріотизму, къ борьбѣ съ вторженіемъ въ наше общество и нравы пагубныхъ иноземныхъ вліяній. Муравьевъ такъ и дѣлалъ.

Надѣленный отъ природы немалой страстностью, онъ горячо отстаивалъ свои убѣжденія, старался внушить ихъ своимъ согражданамъ, употребляя всю силу своего краснорѣчія и не смущаясь тѣмъ, что въ пылу своего негодованія впадалъ порою въ крайности. Его какъ патріота въ особенности возмущали замыслы «врага всего человѣчества» (т. е. Наполеона) о порабощеніи Россіи и бѣдствія его опустошительнаго набѣга на наше отечество. Муравьевъ зналъ Наполеона еще, когда этотъ «корсиканецъ заносилъ ногу свою на тронъ Генриха IV» [4]), онъ ненавидѣлъ его съ первыхъ—какъ мы уже замѣтили — дней своего дипломатическаго знакомства съ нимъ (да и тотъ его «не жаловалъ») [5]), никогда «на щетъ его мыслей своихъ не перемѣнялъ» [6]) и никогда не считалъ Наполеона великимъ человѣкомъ. «Сколько голосовъ было противъ меня!»—замѣчаетъ Муравьевъ. «Отъ того, что большая часть людей смѣшиваетъ вмѣстѣ два понятія, различныя между собою: чрезвычайнаго и великаго, не разсуждая, что человѣкъ можетъ сдѣлаться чрезвычайнымъ единственно отъ обстоя-

[1]) Письмо 4-е.
[2]) Письмо 8-е.
[3]) Письмо 10-е.
[4]) Письмо 3-е.
[5]) Письмо 11-е.
[6]) Письмо 11-е.

тельствъ, но чтобы истинно быть **великимъ**, надобно родиться таковымъ... Никогда обстоятельства столько не благопріятствовали человѣку, и никогда не бывало безумца, который бы такъ мало умѣлъ ими воспользоваться, какъ Бонапарте. Отъ него зависѣло съ 1801 года сдѣлаться истиннымъ героемъ, великимъ человѣкомъ, а онъ предпочелъ быть бичемъ рода человѣческаго. Мудрено кажется, будучи въ полномъ умѣ, сдѣлать такой странный выборъ; и остается рѣшить вопросъ: умѣлъ ли Наполеонъ быть великимъ, да не хотѣлъ, или хотѣлъ, да не умѣлъ?

«Я склоняюсь на послѣднее и заключаю, что неумѣніе его происходило отъ двухъ причинъ: 1-я: недостатокъ истинныхъ дарованій; 2-я: вскруженіе головы его, отъ обстоятельствъ, слишкомъ ему благопріятныхъ, въ которыхъ, какъ говорится, онъ не умѣлъ найти себя. Однимъ словомъ онъ... (простятъ ли мнѣ такую дерзость бывшіе его обожатели?) онъ совершенно съ ума сошелъ; точно такъ помѣшался на **всеобщей Монархіи**, какъ Донъ-Кихотъ на возстановленіи странствующаго рыцарства; съ тою однако разницею, что герой Ламанхскій былъ истинно добрый человѣкъ, а онъ злодѣй;—что цѣль того была хотя мечтательная, но полезная, а этого и мечтательная и пагубная; что кастильянецъ былъ храбръ, чистосердеченъ и великодушенъ, а корсиканецъ дерзокъ, лукавъ и подлъ;—что первый принималъ куколъ за людей, а послѣдній людей за куколъ,—и особливо съ тою большою разницею, что, читая Донъ-Кихота, нельзя не полюбить его, а вспоминая о Наполеонѣ, нельзя не содрогнуться и его не возненавидѣть. Я ищу въ Бонапартѣ хотя одной черты истиннаго величія и не нахожу ея. Все то, что въ теченіе послѣднихъ 13 лѣтъ служило къ пораженію умовъ, принадлежитъ не ему, а обстоятельствамъ; или лучше сказать—этой политической горячкѣ, которой отъ времени до времени бываютъ подвержены народы: все же то, что собственное его, носитъ на себѣ печать или безумной дерзости, или звѣрскаго свирѣпства, или самой низкой подлости» [1]).

Наполеонъ въ глазахъ Муравьева—тиранъ, злодѣй [2]), разбойникъ, выведшій изъ Франціи на Россію полмилліона рабовъ [3]); онъ—зажигатель, онъ — Пугачевъ, онъ — фабрикантъ мертвыхъ тѣлъ [4]) и т. д.

Отъ ненависти къ «злодѣю - Наполеону» былъ одинъ шагъ перейти къ ненависти «изверговъ-французовъ» вообще. И дѣйствительно, И. М. Муравьевъ въ пылу своего патріотическаго негодованія утверждаетъ, что «нынѣшній **французъ** есть синонимъ чудовищу, варвару, извергу

---

[1]) Письмо 11-е.
[2]) Письма 1-е, 2-е и 3-е.
[3]) Письмо 1-е.
[4]) Письма 2-е и 3-е.

и т. п.!» [1]). Впрочемъ, онъ и самъ однажды сознался, что впалъ въ крайность, но тутъ же поспѣшилъ оправдаться. «Укоряя меня въ недостаткѣ умѣренности» — говоритъ онъ воображаемому другу-корреспонденту—ты забылъ бездѣлицу: забылъ, что я живу въ Москвѣ, окруженъ памятниками злобы французовъ противъ насъ, гдѣ быть умѣреннымъ въ чувствахъ къ неистовѣйшимъ врагамъ нашимъ значитъ, по моему заключенію, то же, что быть колодою, а не человѣкомъ. Боже упаси меня отъ такой умѣренности, хотя бы она и добродѣтелью называлась! Но я скорѣе соглашусь съ Дантомъ, который въ адѣ своемъ выдумалъ особливой лимбъ, для этихъ холодныхъ философовъ, добрыхъ, умѣренныхъ людей, которые могутъ не ненавидѣть виновниковъ гибели отечества своего».—«Ахъ, другъ мой—пишетъ Муравьевъ нѣсколько ниже—и ты хочешь, чтобы я не сердился, т. е. чтобы я былъ равнодушнымъ! Нѣтъ, ты не можешь этого хотѣть: кто не ненавидитъ порока, тотъ близокъ къ тому, чтобы не любить и добродѣтели!» [2]). Муравьевъ не могъ говорить спокойно о французахъ: онъ былъ печальнымъ свидѣтелемъ весьма тяжкихъ бѣдствій отъ нашествія двунадесяти языковъ. «Я видѣлъ»....—говоритъ онъ—«нѣтъ! я никогда не могу вспомнить безъ ужаса: видѣлъ зарево пылающей столицы!—Видѣлъ всю дорогу отъ Москвы до Владимира, усѣянную гражданами, ищущими спасенія въ бѣгствѣ; видѣлъ—съ грудными младенцами блѣдныхъ матерей, въ отчаяніи подъемлющихъ къ небу слезами наполненные глаза; видѣлъ на одной повозкѣ цѣлыя семейства, вчера—богачей, сегодня—нищихъ, въ рубищахъ и безъ пропитанія; видѣлъ телѣги, наполненныя израненными, умирающими плѣнными, которые на трехъ или четырехъ разныхъ языкамъ проклинали коронованнаго ихъ разбойничьяго атамана; повсюду видѣлъ унынie поселянъ, трепетъ женъ и дѣтей ихъ; повсюду слышалъ стонъ, рыданіе и вопль, однимъ словомъ: нравственное зло представилося мнѣ въ самыхъ ужасныхъ, отвратительныхъ чертахъ его!»... [3]).

Отсюда понятна его неукротимая ненависть къ французамъ, какъ жестокимъ внѣшнимъ врагамъ нашего отечества. Мы поймемъ озлобленіе Муравьева еще болѣе, если обратимъ вниманіе на то, что онъ не любилъ и ненавидѣлъ французовъ еще ранѣе того времени, когда они начали оттачивать свое оружіе для войны съ Россіей. «Французы таковы (т. е. изверги) по тому ли только, что они подъ начальствомъ Наполеона?»—спрашиваетъ Муравьевъ и тутъ же отвѣчаетъ: «Конечно, нѣтъ. Наполеонъ въ Италіи былъ бы начальникомъ банди-

---

[1]) Письмо 1-е.
[2]) Письмо 3-е.
[3]) Письмо 2-е.

товъ; въ Испаніи предводительствовалъ бы бандолерами; сдѣлался бы въ Германіи разбойничьимъ атаманомъ; въ Россіи—Пугачевымъ, Гейвеманомъ въ Англіи; въ одной Франціи онъ могъ царствовать и царствуетъ: раздраженное небо произвело его для французовъ, французовъ для него... Наполеонъ злодѣй, въ этомъ сомнѣнія нѣтъ, а рабы его, хотя меньшаго калибра, но также злодѣи. Кремль взорванъ по повелѣнію Бонапарта, за то сволочь его отличалась сожженіемъ Москвы, осквернѣніемъ святыхъ храмовъ ея; одно и то же повтореніе тѣхъ же неистовствъ во всѣхъ предѣлахъ, куда только удалось разбойникамъ французамъ ворваться съ мечемъ въ рукахъ. Не съ ними ли былъ Наполеонъ, когда, овладѣвъ Таррагоною, они забавлялись, толкая съ городскихъ стѣнъ въ пропасть беззащитныхъ, просящихъ пощады жителей? Не они ли, оставляя Бургосъ, подорвали укрѣпленія, не предостерегши о томъ гражданъ, изъ коихъ нѣсколько сотенъ подавлены развалинами замка?—Послѣдній ихъ подвигъ въ Гветаріи еще превосходнѣе всѣхъ вышеупомянутыхъ: выходя изъ города, они оставляютъ зажженный фитиль, проведенный къ пороховому погребу, около котораго разставляютъ, для приманки народа, нѣсколько бочекъ съ виномъ... Вотъ утонченіе варварства и злости!» [1])....

Муравьевъ презиралъ современныхъ ему французовъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ «чувствовать себя». «Не помню—говоритъ онъ—какой-то умный человѣкъ сказалъ: «возьми француза на удачу, перегони его въ кубѣ, выйдетъ парикмахеръ». Я всегда соглашался съ этой мыслью.... Съ тѣхъ поръ, какъ помню себя, французы представляются моимъ взорамъ то мятежными гражданами, то подлыми и низкими рабами. Сперва, въ буйномъ изступленіи самовольства, поражающими другъ друга, потомъ, сдѣлавшись орудіемъ тирана, ведущими неистовѣйшія войны противу всѣхъ народовъ, съ тѣмъ, чтобы и ихъ подвергнуть тому же рабству, въ которомъ они сами пресмыкаются. И всѣ эти перемѣны произошли въ теченіе 20 лѣтъ... Но что я говорю, 20 лѣтъ?—нѣсколько мѣсяцевъ! Я самъ былъ свидѣтелемъ перехода ихъ отъ республики къ тиранніи, самъ былъ въ Парижѣ въ то время, какъ корсиканецъ началъ заносить ногу свою на тронъ Генриха IV, видѣлъ глазами моими на публичныхъ зданіяхъ нестертыя еще надписи: Liberté ou la mort!—тогда, какъ горделивѣйшіе изъ республиканцевъ начинали уже лизать Наполеону руку, когда Мартышка—Сегюръ за щастье поставлялъ распоряжать этикетомъ новаго львинаго двора, когда знатнѣйшія породою барыни добивались чести служить Баррасовой наложницѣ, когда люди—и это выговариваю съ прискорбіемъ—люди, которыхъ отличала Екатерина Великая, забывъ прежнее достоинство свое, ползали у ногъ раз-

[1]) Письмо 3-е.

водной жены Леграна, бывшей тогда еще не женою, а наложницею Талейрана.... Нѣсколько вѣковъ разврата потребны были на то, чтобы пріучить потомство Гракховъ ползать у ногъ Тиверія; во Франціи это дѣлается скорѣе: сегодня издается законъ, которымъ осужденъ на смерть всякъ, кто только осмѣлится предложить возстановленіе монархіи, а на другой день все стадо французское уже лежитъ у ногъ пришельца и присягаетъ ему въ вѣчномъ рабствѣ.—Каковъ народъ?—Natio comoeda est!» [1]).

Муравьевъ не разъ подчеркиваетъ въ своихъ «Письмахъ» легкомысліе французовъ, ихъ studium rerum novarum, и «способность увлекаться мечтами изъ крайности въ другую». «Французы острые, скорые французы въ 20 лѣтъ пробѣжали вверхъ и внизъ лѣстницу [2]), по которой римляне тащились 700 лѣтъ». На сравненіе французовъ съ римлянами у него напрашивается перо не разъ. «Nero a pessimo quoque semper desideraBitur», т. е. по Неронѣ всегда будутъ французы тосковать»—такъ переводитъ эту Тацитову фразу Муравьевъ, сопровождая ее ядовитымъ примѣчаніемъ: «сколько я ни рылся въ лексиконахъ, а для выраженія слова pessimo ничего лучше не пріискалъ, какъ французы». И затѣмъ поясняетъ эту мысль такъ: «Гальба или Оттонъ, Массена или Ней—для нихъ все равно, а чего еще лучше какъ и Неронъ живъ?—Имъ лишь бы не царствовалъ добрый король ихъ, желавшій щастія народу своему и хотѣвшій дать ему правленіе представительное, однимъ словомъ: на законахъ основанную свободу. Но въ этомъ грубо ошибся Людовикъ: народъ, дошедшій до такой степени разврата, на каковой стоятъ теперь французы, повинуется не законамъ, а однимъ только штыкамъ да палкамъ. Стихія его есть—безначаліе, и въ ней пребудетъ онъ до тѣхъ поръ,—не сказать ли словами Бонапарта?—пока имя Франціи не сотрется съ Европейской карты» [3]).

Нѣсколькими строками ниже онъ сравниваетъ французовъ съ римлянами III вѣка, которымъ «все равно было кому ни служить рабами: иллирійскому мужику или потомку флавіанскаго дома». Впрочемъ, слѣдуетъ сдѣлать оговорку. Муравьевъ, съ одной стороны, признавался, что «какъ въ семьѣ не безъ урода, такъ и между французами есть честные люди (sic!), и я сердечно сожалѣю о нихъ, что они французы», съ другой—онъ строго раздѣлялъ французовъ «нынѣшнихъ» отъ французовъ прежнихъ, напр. временъ Людовика XIV. Ему нравились не «нынѣшніе» французы, воители, завоеватели, рабы Наполеона, но французы-подданные Людовика XIV, мирные сѣятели европейской культуры, двига-

---

[1]) Письмо 3-е.
[2]) Т. е. способы правленія.
[3]) Письмо 14-е.

тели наукъ, просвѣщенія и литературы. «Никогда,—говоритъ онъ въ своемъ 6-мъ письмѣ—Франція такъ не процвѣтала, какъ подъ державою Людовика XIV, или—лучше сказать—подъ министерствомъ Кольберта» [1]), но мало-по-малу «пламенникъ генія» Франціи угасалъ и меркнулъ «свѣтъ истиннаго просвѣщенія» [2]). Вѣкъ Людовика прошелъ, и закрылась блестящая страница въ исторіи Франціи. Она потеряла свою силу какъ культурнаго центра, потеряла мощь и какъ политическое тѣло. Сила современной Франціи—по увѣренію Муравьева—лишь судороги: пройдетъ еще какихъ-нибудь сто лѣтъ и... «французская нація исчезнетъ». Муравьевъ любилъ иногда облекаться въ мантію оракула и давалъ пророчества иногда болѣе или менѣе удачныя. Но на сей разъ, въ разсужденіи о французахъ, онъ слишкомъ увлекся ролью предсказателя, и пророчество его не сбылось: «Политическое чудовищное бытіе Франціи, несовмѣстное съ цѣлостію общества человѣческаго—говорилъ Муравьевъ—уже 20 лѣтъ какъ обрекло ее уничтоженію и довело всѣ племена, всѣ роды, до такого противу нея раздраженія, что погибель ея содѣлалась почти необходимою для общаго спокойствія. Приговоръ: delenda Francia—во всѣхъ сердцахъ, если еще не у всѣхъ на устахъ; онъ исполнится, и тогда развратнѣйшій изо всѣхъ народовъ представитъ собою ужасное позорище на театрѣ міра»... Франціи, какъ государства, не будетъ, и французамъ одно останется: «быть особливымъ родомъ цыганъ: старые мѣняютъ лошадей, ворожатъ, пляшутъ; новые будутъ дѣлать помаду, чепчики и учить танцовать, но не языку своему, которому честь пройдетъ черезъ сто лѣтъ даже у насъ [3]). Впрочемъ, при всей своей ненависти къ французамъ, Муравьевъ однажды все же счелъ нужнымъ пожелать «имъ всякаго блага, но не по христіанской добродѣтели, повелѣвающей за зло платить добромъ, но потому, что, занимая средоточіе Европы, французы болѣе другихъ народовъ могутъ имѣть непосредственное вліяніе на щастіе и нещастіе образованной части рода человѣческаго» [4]).

Ив. Кубасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Письмо 6-е.
[2]) Ibidem.
[3]) Письмо 1-е.
[4]) Письмо 11-е.

Посѣщеніе гимназій Харьковскаго учебнаго округа наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ (впослѣдствіи императоромъ Александромъ II) въ 1837 году.

Въ 1837 г. наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, послѣ общаго экзамена, завершившаго кругъ его образованія, предпринялъ путешествіе по Россіи и Сибири въ сопровожденіи своихъ наставниковъ и воспитателей Кавелина, Жуковскаго, Арсеньева и друг. Путешествіе продолжалось свыше семи мѣсяцевъ. Въ этотъ сравнительно краткій срокъ великій князь объѣздилъ тридцать губерній и первый изъ членовъ царственнаго дома посѣтилъ отдаленную Сибирь. Путешественники ѣхали быстро, съ короткими остановками въ главныхъ городахъ. На пути великому князю было подано 16.000 прошеній, большей частью о пособіи. Однѣ просьбы отсылались на заключеніе губернаторамъ, получившимъ по 8.000 руб. на раздачу наиболѣе нуждающимся; болѣе важныя просьбы отсылались министрамъ и въ комиссію прошеній; наконецъ, самыя важныя наслѣдникъ прямо посылалъ отъ себя государю. По высочайшему повелѣнію, всѣ вѣдомства безотлагательно должны были заниматься разсмотрѣніемъ прошеній, поданныхъ на имя великаго князя.

Сначала были осмотрѣны: Новгородъ, Тверь, Ярославль, Кострома, Ростовъ, Суздаль, Шуя, Вятка, Екатеринбургъ, Сибирь до Тобольска, Оренбургъ, Симбирскъ, Саратовъ, Пенза, Тамбовъ, Воронежъ, затѣмъ послѣдовали южнорусскіе города—Кіевъ, Полтава, Харьковъ, Таганрогъ, Новочеркасскъ, Крымъ [1]).

Въ Харьковѣ и сосѣднихъ съ нимъ городахъ великій князь былъ короткое время, день или два. Въ обширной біографіи императора

[1]) См. Татищева, въ I т. „Русск. біографич. Словаря", 422—431.

Александра II, составленной г. Татищевымъ, путешествіе 1837 года разсмотрѣно кратко, и о пребываніи великаго князя въ Харьковѣ отмѣчено только, что въ Харьковѣ былъ балъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія даны о посѣщеніи наслѣдникомъ Полтавы и мѣста Полтавской битвы, съ указаніемъ, что на исправленіе той церкви, въ которой Петръ Великій молился послѣ Полтавскаго боя, великій князь пожертвовалъ 2.000 р. [1]).

Мы коснемся, насколько располагаемъ новымъ, неизданнымъ еще въ печати матеріаломъ, лишь посѣщенія великимъ княземъ гимназій въ предѣлахъ Харьковскаго учебнаго округа того времени. Матеріалъ этотъ въ видѣ оффиціальной переписки хранится въ Архивѣ канцеляріи попечителя Харьковскаго учебнаго округа.

Не подлежитъ сомнѣнію, что тѣ формы и пріемы осмотра среднеучебныхъ заведеній, которые выясняются по харьковскимъ даннымъ, были общими формами и пріемами, и, можно съ увѣренностью сказать, что великій князь и въ другихъ учебныхъ округахъ былъ такъ же внимателенъ къ гимназіямъ, какъ онъ былъ внимателенъ къ нимъ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ, и что во всѣхъ случаяхъ практиковались сходные порядки представленій и осмотры.

По территоріи и по числу средне-учебныхъ заведеній Харьковскій учебный округъ въ 1837 г. представлялъ большія особенности, сравнительно съ настоящимъ временемъ. Тогда въ него входили Орловская гимназія (нынѣ Московскаго учебнаго округа), Полтавская (нынѣ Кіевскаго); но самое число гимназій было весьма незначительное, и въ самомъ Харьковѣ была всего одна мужеская гимназія, вмѣсто четырехъ нынѣ существующихъ.

Великій князь ѣхалъ въ образованной и хорошей компаніи. Съ нимъ вездѣ бывалъ В. А. Жуковскій, оставившій множество рисунковъ, писемъ, замѣтокъ объ этомъ путешествіи, свидѣтельствующихъ о внимательномъ отношеніи къ окружавшей его новой обстановкѣ и новымъ, людямъ. Другой спутникъ великаго князя С. А. Юрьевичъ также оставилъ интересныя письма [2]), изъ которыхъ видно, что гдѣ только открывалась возможность выйти изъ рамокъ оффиціальной торжественности, тамъ быстро исчезало различіе положеній и возрастовъ, и высокопоставленные путешественники обращались въ дружную и веселую компанію обыкновенныхъ туристовъ.

Среди разныхъ бумагъ оффиціальной переписки выдается одно предписаніе министерства внутреннихъ дѣлъ харьковскому губернатору объ охранѣ здоровья высокаго путешественника (отъ 4-го апрѣля 1837 г.):

---

[1]) Татищевъ, 480.

[2]) „Русс. Архивъ", 1887 г. IV.

предписывалось отводить подъ квартиру великаго князя, гдѣ только возможно, «казенные домы, вообще такіе, въ коихъ нѣтъ больныхъ съ прилипчивыми болѣзнями». Съ той же цѣлью охраны, предписано было командировать «благонадежнаго уѣзднаго врача или члена врачебной управы за день или за два до проѣзда великаго князя», чтобы онъ «освидѣтельствовалъ состояніе здоровья во всѣхъ мѣстахъ», гдѣ намѣченъ былъ его проѣздъ или остановка, чтобы онъ «удостовѣрился тщательнымъ осмотромъ и разспросомъ, нѣтъ ли больныхъ корью, скарлатиной и вообще прилипчивыми заразительными болѣзнями не только въ домахъ, назначенныхъ для пребыванія великаго князя, но и близъ оныхъ, а въ небольшихъ городахъ и селеніяхъ и вообще въ томъ селеніи или городѣ». На каждой станціи врачъ долженъ былъ оставлять записки, что въ районѣ проѣзда все обстоитъ благополучно.

Положеніе «благонадежнаго врача» и посылавшаго его губернскаго начальства было затруднительное. Въ одни, двое сутокъ нужно было собрать санитарныя свѣдѣнія по городамъ и селеніямъ, съ личнымъ ручательствомъ за ихъ достовѣрность.

3-го іюля въ часъ по полудни великій князь осматривалъ Тамбовскую гимназію, присутствовалъ на урокахъ во 2-мъ классѣ по нѣмецкому языку, въ 3-мъ—по географіи, въ 6-мъ и 7-мъ—по русской словесности, обозрѣвалъ кабинеты, прописи и рисунки учениковъ. Въ память этого посѣщенія директоръ гимназіи просилъ разрѣшенія поставить въ актовомъ залѣ мраморную доску съ соотвѣтствующей золотой надписью.

12-го іюля состоялось посѣщеніе Воронежской гимназіи въ томъ же порядкѣ, въ 1-мъ часу дня, при чемъ также были осмотрѣны ученическія работы по черченію и рисованію и ученическія сочиненія, а въ 7-мъ часу вечера гимназію осматривали Жуковскій и Арсеньевъ.

Гораздо полнѣе и интереснѣе было посѣщеніе Орловской гимназіи 19-го августа, подробно описанное директоромъ Федоровымъ. Великій князь обратилъ вниманіе на доску, гдѣ были записаны имена лучшихъ учениковъ, вызывалъ ихъ и хвалилъ. Великій князь «помолился въ гимназической церкви и затѣмъ подробно осмотрѣлъ пансіонъ, дортуары, классныя комнаты, больницу, учебныя пособія, постельное бѣлье и столовую, гдѣ отвѣдалъ хлѣбъ и квасъ и былъ въ кухнѣ, въ которой пробовалъ кушанье». Оставляя гимназію, его высочество обратилъ вниманіе, что мѣстные дворяне мало жертвуютъ на пансіонъ, и предложилъ присутствовавшему губернатору привлечь ихъ усердіе. Предусмотрительный директоръ очевидно предусмотрѣлъ и этотъ выгодный ходъ для гимназіи.

Осмотръ Курской гимназіи состоялся 21-го августа, въ обычномъ порядкѣ. Ученикъ 1-го класса Сафонъ Красноперовъ нарисовалъ каран-

дашомъ портретъ великаго князя и поднесъ, при посѣщеніи гимназіи, за что̀ получилъ золотые часы.

Въ дальнѣйшемъ осмотрѣ гимназій послѣдовалъ перерывъ, въ виду того, что великій князь поспѣшилъ въ Вознесенскъ, гдѣ были назначены большіе маневры и куда съѣзжались многіе члены царской фамиліи. По пути въ Вознесенскъ его высочество имѣлъ въ Харьковѣ и въ Полтавѣ лишь ночлеги; но при этомъ было объявлено, что на обратномъ пути онъ остановится въ этихъ городахъ на болѣе продолжительное время.

Осмотръ Полтавской гимназіи состоялся 10-го октября въ 12 часовъ дня. «За полчаса до прибытія въ гимназію его высочества, рапортовалъ своему начальству ея директоръ князь Цертелевъ, посѣтилъ сіе заведеніе знаменитый поэтъ нашъ В. А. Жуковскій; обласкавъ учащихъ и учащихся, онъ обратилъ вниманіе свое на классическія (т. е. классныя) занятія учениковъ, разсматривалъ образцы чистописанія, географическія карты, составленныя учениками, опыты ихъ въ рисованіи и черченіи и въ особенности упражненія въ русской словесности, которыя были представлены его превосходительству въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ повременно поступали они къ директору, т. е. съ поправками и замѣчаніями, сдѣланными директоромъ и учителемъ». Директоръ гимназіи просилъ поэта обратить особенное вниманіе на сочиненія Лукашевича, поступившаго въ томъ году въ Харьковскій университетъ. Жуковскій замѣтилъ въ нихъ «признаки піитическаго таланта» и обѣщалъ повидаться съ нимъ въ Харьковѣ. Добрый В. А. былъ отзывчивъ и скоръ на помощь.

Въ 12 ч. прибылъ великій князь въ сопровожденіи своей свиты и полтавскаго губернатора, осмотрѣлъ помѣщеніе, работы учениковъ и взялъ себѣ на память изъ ихъ рисунковъ видъ Шведской могилы, видъ той церкви, гдѣ служилъ молебствіе Петръ Великій послѣ побѣды надъ шведами, и планы сраженій при Лѣсномъ, Полтавѣ и Прутѣ.

Обозрѣвая гимназическую библіотеку, его высочество обратилъ вниманіе на книги, пожертвованныя извѣстнымъ писателемъ Н. И. Гнѣдичемъ, и разспрашивалъ, чѣмъ вызвано это пожертвованіе.

Далѣе великій князь, проходя по спальнямъ, заинтересовался положеніемъ проживавшихъ въ гимназіи воспитанниковъ полтавскаго приказа общественнаго призрѣнія.

По отъѣздѣ высокаго гостя, директоръ гимназіи препроводилъ Жуковскому лучшія сочиненія учениковъ и стихотвореніе учителя русской словесности Буткова, посвященное наслѣднику цесаревичу.

Въ тотъ же день директоръ былъ приглашенъ къ столу великаго князя, а на другой день Бутковъ получилъ въ награду золотые часы.

Вотъ стихотвореніе Буткова:

Его императорскому высочеству государю цесаревичу наслѣднику всероссійскаго престола.

Привѣтствую Тебя, орелъ нашъ быстрокрылый!
Въ своемъ полетѣ Ты полміра обозрѣлъ,
Наслѣдіе Отцовъ узналъ, любови силой
Всѣхъ Россіанъ сердца къ себѣ привлечь умѣлъ!

Съ береговъ Невы—за Днѣпръ, за Волгу, за Уралъ
Ты пролетѣлъ, нашъ юный утѣшитель;
Съ наслѣдней кротостью во все, во все вникалъ...
И хладныя Сибири дальный житель,
И доблестной Москвы усердный гражданинъ,
Степей Украины счастливый селянинъ,
Питомецъ Музъ, вдовицы, дѣти—
Всѣ благостью Твоей согрѣты,
Всѣ въ родъ и родъ передадутъ ее,
Отраду, честь и счастіе свое.

Съ какимъ участіемъ мы слѣдили
Твой дивній, дальній путь! Слова Твои ловили
И мыслили: чѣмъ можемъ мы воздать
Тому, кто такъ въ лицѣ Твоемъ объ насъ печется,
Чей Тронъ алтарь, съ чьихъ устъ премудрость льется,
Надъ Кѣмъ небесная почіетъ благодать?
И кто же не поймет въ Твоемъ лету
Грядущаго великое значенье?
Узнать Россію всю въ ея быту,
Дать къ совершенству направленье,
Богатство странъ, народовъ нравы знать,
Заранѣе къ себѣ любовью привязать!

Наслѣдникъ мудрости и славы!
Да убѣдитъ Тебя слѣдящая любовь,
Что русскій за Царя, за свѣтлый Домъ его,
За честь такъ твердо Имъ хранимыя Державы,
Все въ жертву принести готовъ!
Вы жизни нашей жизнь, земное Провидѣнье,
Вы все для насъ! Мы съ именемъ царей
Отрадное сливать привыкли увѣренье:
Цари—посланники небесъ для счастія людей.
Теки—желанный гость—и Трона будь красою!
Теки и доблестью потомство удивляй!
Да будетъ слава, миръ, любовь и честь съ Тобою,
Цвѣти—и благостію, и правдою сіяй.

Бутковъ, очевидно, поэтъ неважный, но въ его стихотвореніи все-таки пробиваются воззрѣнія среднихъ людей того времени на цѣли и значеніе путешествія великаго князя, и обнаруживается предчувствіе, что въ лицѣ царственнаго юноши на сцену всемірной исторіи выдвигается свѣтлое начало «благости» и «правды».

12-го октября наслѣдникъ цесаревичъ осматривалъ Императорскій Харьковскій университетъ и гимназію. Въ печатномъ университетскомъ отчетѣ 1837—38 года глухо замѣчено, что результатомъ посѣщенія университета великимъ княземъ были льготы по полученію докторской степени и поддержка нѣкоторыхъ студентовъ по окончаніи ими учебныхъ курсовъ.

При посѣщеніи гимназіи не было ни попечителя, графа Головкина, обязанности котораго, по случаю его отъѣзда въ Москву, исполнялъ его помощникъ графъ Панинъ, ни директора, вмѣсто котораго рапортъ о положеніи учебнаго заведенія и учителей представлялъ инспекторъ Тюринъ. Великій князь былъ встрѣченъ торжественно священникомъ Лебедевымъ со крестомъ; ученики пропѣли многолѣтіе. По представленіи учителей, которыхъ цесаревичъ спрашивалъ о мѣстѣ полученія образованія, послѣдовалъ осмотръ больницы, физическаго кабинета, библіотеки и обходъ классовъ. Въ V кл. учитель русскаго языка Вербицкій спрашивалъ, по указанію великаго князя, нѣкоторыхъ учениковъ изъ логики и риторики, въ III классѣ учитель географіи Ковалько спрашивалъ по своему предмету. Великому князю поднесена была карта его путешествія 1837 г. работы двухъ учениковъ—IV класса Крупкова и VII класса Колчина, получившихъ потомъ въ награду золотые часы. Уѣзжая изъ гимназіи, великій князь росписался въ книгѣ, поднесенной почетнымъ попечителемъ гимназіи графомъ Гендриковымъ.

Такъ закончился торжественный циклъ осмотра наслѣдникомъ цесаревичемъ гимназій Харьковскаго учебнаго округа. Изъ-за сухихъ оффиціальныхъ рамокъ кое-гдѣ пробиваются живыя черты: мѣстами просвѣчиваетъ «благостный» образъ юнаго царственнаго путешественника. Наслѣдникъ цесаревичъ хвалитъ лучшихъ учениковъ, осматриваетъ работы, пробуетъ пищу, хлопочетъ объ усиленіи пожертвованій. Мѣстами выдвигается симпатичный образъ В. А. Жуковскаго, сердечно относившагося къ успѣхамъ молодежи, посредника въ наградахъ и поощреніяхъ, при малѣйшихъ литературныхъ поводахъ.

И самыя гимназіи, при всей сухости оффиціальныхъ отчетовъ, оказываются живыми организмами. Онѣ рѣшались экспонировать свои кабинеты; онѣ выставляли работы учениковъ по черченію и рисованію.

Любопытно и поучительно, что въ одномъ городѣ наслѣдникъ цесаревичъ получилъ изъ рукъ гимназистовъ карту своего путешествія по Россіи, въ другомъ—свой портретъ работы ученика, въ третьемъ—ученическіе рисунки мѣстныхъ историческихъ памятниковъ.

Слова Буткова: «съ какимъ участіемъ мы слѣдили Твой дивный, дальній путь!» не были пустой фигурой восхваленія. Дѣйствительность ихъ оправдывала. Въ то время какъ Бутковъ въ Полтавѣ подготовлялъ свои

нехитрые стихи, два ученика Харьковской гимназіи составляли карту путешествія великаго князя.

Бо̀льшаго еще вниманія заслуживаютъ ученическіе рисунки Шведской могилы и старинной мѣстной церкви—рисунки, показывающіе, что ни учащіе, ни учащіеся не чуждались мѣстныхъ интересовъ и работали на мѣстныя темы.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ.

Письмо Н. И. Гнѣдича цесаревичу Константину Павловичу и отвѣтный рескриптъ цесаревича.

1. Письмо Н. И. Гнѣдича цесаревичу, съ поднесеніемъ его императорскому высочеству перевода.

23-го февраля 1830 г. С.-Петербургъ.

Ваше императорское высочество! Августѣйшая сестра ваша, блаженной памяти королева Виртембергская, незабвенная Россіи добродѣтелями своими, Екатерина Павловна удостоила милостивымъ вниманіемъ поощрить меня къ переводу на русскій языкъ Иліады Гомеровой.

Извѣстная вашего императорскаго высочества любовь къ пѣвцу героевъ, а еще болѣе благоговѣніе каждаго россіянина къ добродѣтелямъ возвышенной души вашей обязываютъ меня священнымъ долгомъ изданный трудъ мой, осчастливленный всемилостивѣйшимъ покровительствомъ вселюбезнѣйшаго государя нашего, препроводить для поднесенія вашему императорскому высочеству.

Пѣвецъ доблестей, украшающихъ высокую душу вашу, пѣвецъ, знакомый слуху вашему на прекрасномъ языкѣ его, можетъ быть, и въ слабомъ отголоскѣ языка отечественнаго, преклонитъ милостивое вниманіе вашего высочества къ труду моему и тѣмъ исполнитъ лестную мою надежду.

Вашего императорскаго высочества всенижайшій слуга Николай Гнѣдичъ.

2. Отвѣтъ цесаревича Константина Павловича.

7-го марта 1830 г. Варшава.

Николай Ивановичъ! Я имѣлъ удовольствіе получить при письмѣ вашемъ отъ 23-го протекшаго февраля переводъ Гомеровой Иліады на россійскій языкъ трудовъ вашихъ и поставляю себѣ пріятнымъ долгомъ благодарить васъ какъ за присланный мнѣ экземпляръ сего перевода, такъ и за выраженія письма вашего.

При семъ случаѣ прошу принять увѣреніе моего къ вамъ расположенія.

Константинъ.

Сообщилъ П. В. Петровъ.

Полувѣковой юбилей Лицея.

(Посвящается всѣмъ лицеистамъ XXV курсовъ).

День великій, день нашъ ясный,
Лучшій день изъ нашихъ дней!..
Собрался нашъ кругъ согласный
Встрѣтить братски юбилей.
Свѣтлый праздникъ, нами чтимый,
Встрѣченъ дружною семьей,
Въ честь тебя, Лицей любимый,
Въ честь тебя, Лицей родной.

Честно прожилъ ты полвѣка;
Въ эти долгіе года
Гражданина-человѣка
Ты воспитывалъ всегда.
И служенье правды чистой,
Неподкупный идеалъ,
Каждый имя лицеиста
Съединяя, воплощалъ.

Братья старшіе межъ нами—
Жизнь ихъ почестью полна;
Намъ родными именами
Наша родина славна.
Всѣхъ ихъ знаетъ не по слухамъ
Весь нашъ доблестный народъ,
Но, какъ первый, тѣмъ же духомъ
И послѣдній курсъ живетъ.

Мы тотъ духъ, какъ Весты пламя,
Неусыпно берегли.
Мы нашъ лозунгъ, наше знамя
По отчизнѣ разнесли.
И въ года бѣды, напасти
Этотъ духъ, намъ всѣмъ родной,
Былъ опорой правой власти,
Беззаконія грозой.

Въ этой жизни все проходитъ,
Все дряхлѣетъ каждый годъ,
Каждый день старѣе всходитъ
Солнца ликъ на небосводъ,
Изумляются нежданно
Мысли, чувства каждый часъ,

Но тверда и постоянна
Вселюбовь къ Лицею въ насъ.

И куда бы рокъ суровый
Въ жизни насъ ни разметалъ,
Пусть обязанностью новой
Насъ какъ гражданъ онъ связалъ;
Но въ день счастья свѣтлый, чистый,
Въ дни страданій и потерь—
Будемъ тѣ же лицеисты
Мы всегда, какъ и теперь.

Схоронили невозвратно
Царскосельскіе сады
Нашей жизни благодатной
Незабвенные слѣды.
Но все тотъ же, въ новомъ зданьи,
Съ старымъ чувствомъ нашъ Лицей—
Помня праздникъ основанья,
Собралъ всѣхъ своихъ дѣтей.

Тѣсенъ кругъ нашъ неподкупный,
Съ каждымъ днемъ онъ все тѣснѣй.
Многихъ нѣтъ... имъ недоступны
Клики громкіе друзей.
Вырвалъ рокъ ихъ изъ объятій
Тѣхъ, кто дорогъ былъ для нихъ,
Но мы помнимъ мертвыхъ братій,
Въ нашей памяти живыхъ.

Вѣримъ мы: они межь нами,
Гробовую кинувъ сѣнь...
И съ родными мы тѣнями
Вмѣстѣ празднуемъ нашъ день.
Впереди пѣвецъ любимый,
Тотъ, кого прославилъ свѣтъ,
Первый русскій, нашъ родимый
И лицейскій нашъ поэтъ.

И теперь, рука съ рукою,
Всѣ, при звукахъ братскихъ чашъ,
Повторимъ семьей родною
Мы обѣтъ лицейскій нашъ:
Вѣкъ въ союзѣ дружбы чистой,
Въ братствѣ, жить до позднихъ дней,
Помня имя лицеиста
И любя родной Лицей!..

Владиміръ Зотовъ. Лицеистъ XI-го курса.

19-го октября 1861 года. Сообщилъ П. Д. Стремоуховъ.

Дипломатическіе переговоры передъ Восточною войною 1853—1856 гг.

VII [1]).

Положеніе Австріи относительно Россіи.—Обсужденіе вопроса въ Вѣнѣ, какъ уладить дѣло.—Проектъ Наполеона III.—Непринятіе турками вѣнской ноты.—Переписка Тувенеля съ Кастельбажакомъ.—Характеристика императора Николая.—Отказъ его согласиться на условія, предложенныя турками.—Свиданіе въ Ольмюцѣ.—Поѣздка императора Николая въ Берлинъ.

Австрія довольно долго оставалась безучастною зрительницею дипломатическаго столкновенія, происшедшаго между Россіей и Турціей, хотя исходъ этого столкновенія интересовалъ ее не менѣе, нежели прочія державы. Въ Европѣ полагали, что императоръ Францъ-Іосифъ не могъ забыть великодушной помощи, оказанной ему нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ русскимъ императоромъ, когда его монархіи угрожала опасность отъ мятежныхъ венгровъ и поэтому считали вполнѣ естественнымъ, что онъ будетъ на сторонѣ своего могущественнаго сосѣда, тѣмъ болѣе, что къ Франціи въ Вѣнѣ относились довольно недовѣрчиво, а симпатіи, выказанныя англичанами Кошуту, вызвали нѣкоторое охлажденіе между Вѣнскимъ и Сентъ-Джемскимъ кабинетами.

Иначе смотрѣли на дѣло всѣ тѣ, кои не придавали особаго значенія личнымъ симпатіямъ или временному неудовольствію, а руководствовались только интересами австрійской монархіи. Владѣя Дунаемъ, Австрія

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1902 г.

не могла допустить, чтобы устье этой рѣки было во власти Россіи, и поэтому всякій шагъ Россіи къ Константинополю былъ для нея угрозою. Будучи сосѣдкою Австріи на Востокѣ, Россія сдѣлалась бы ею, въ такомъ случаѣ, и съ юга, могла бы тѣснить ее съ этой стороны, могла привлечь ея славянскихъ подданныхъ и отнять одну за другою ея провинціи, поколебавъ этимъ могущество Габсбургской монархіи. Такъ думало большинство австрійскихъ дипломатовъ, не придавая особаго значенія долгу признательности и личнымъ симпатіямъ монарха.

«На Востокѣ не зрѣетъ такого плода, который наша имперія могла бы сорвать», писалъ князь Меттернихъ. Онъ опредѣлилъ образъ дѣйствій Вѣнскаго кабинета въ будущемъ слѣдующими словами:

— Мы не должны быть нейтральны, но мы должны занять выжидательное положеніе, которое будетъ избрано нами вполнѣ добровольно [1]).

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1853 г. это «добровольно избранное выжидательное положеніе» могло быть выражено однимъ словомъ «посредничество», которое было у всѣхъ на устахъ.

Находясь въ центрѣ Европы, Вѣна являлась естественной посредницей между Россіей и западными державами. При томъ, русскій посланникъ въ Вѣнѣ, баронъ Мейендорфъ, былъ зятемъ главы австрійскаго кабинета, Буоля, и ихъ личныя дружественныя отношенія могли придти на помощь дипломатіи.

Такимъ образомъ все способствовало если не оффиціальному посредничеству, въ которомъ пока не было надобности, такъ какъ война еще не была объявлена, то по крайней мѣрѣ переговорамъ, центромъ которыхъ сдѣлалась Вѣна.

Уже съ конца іюня представители великихъ державъ стали собираться подъ предсѣдательствомъ Буоля, для совѣщаній по Восточному вопросу, и такимъ образомъ было положено начало извѣстной Вѣнской конференціи, которая продолжалась долго, но сдѣлала, въ сущности, весьма немного. Дипломаты пустили въ ходъ всю свою изобрѣтательность: Буоль предлагалъ взять въ основу ноту князя Меншикова и видоизмѣнить ее настолько, чтобы султанъ могъ принять ее. Другіе высказывали желаніе, чтобы Порта приняла ноту кн. Меншикова безъ измѣненія, но чтобы, взамѣнъ этого, русскій императоръ призналъ торжественнымъ образомъ полную независимость Оттоманской имперіи. Это предложеніе, которое приписывали французскому посланнику въ Вѣнѣ, де-Буркенэ, но отъ котораго онъ вскорѣ отказался, очень понравилось русскимъ.

---

[1]) Меттернихъ, Mémoires et papiers, т. VIII, стр. 348 и 363.

— Оно будетъ принято съ распростертыми объятіями,—говорилъ Нессельроде.

Въ Лондонѣ, лордъ Кларендонъ мечталъ о конвенціи, коей Порта подтвердила бы статьи всѣхъ бывшихъ договоровъ. Въ Петербургѣ у сэра Гамильтона Сеймура былъ также свой планъ: онъ хотѣлъ, чтобы султанъ обнародовалъ гатти-шерифъ, коимъ были бы подтверждены привилегіи христіанъ и который былъ бы доведенъ до свѣдѣнія императора Николая и представителей великихъ державъ.

— Вы говорите это отъ своего имени или отъ имени вашего правительства?—спросилъ посланника Нессельроде.

— Отъ своего собственнаго.

Каждый дипломатъ предлагалъ свою собственную мѣру, но въ Петербургѣ надѣялись на Пруссію и Австрію, и когда однажды зашла рѣчь о томъ, что споръ, возникшій между Россіей и Турціей, долженъ быть рѣшенъ при содѣйствіи великихъ державъ, то императоръ Николай сказалъ Кастельбажаку:

— Вы хотите вчетверомъ предписывать мнѣ законы; но этого никогда не будетъ, я могу разсчитывать на Вѣну и Берлинъ.

Послѣ переговоровъ съ императоромъ Николаемъ Кастельбажакъ сообщилъ своему правительству высказанное ему желаніе государя покончить съ вопросомъ о Святыхъ мѣстахъ, лишь бы при этомъ не было затронуто чувство его собственнаго достоинства; тогда Наполеонъ III набросалъ проектъ соглашенія, коимъ желанія Россіи согласовались съ верховными правами Порты, не затрогивая чьего бы то ни было самолюбія; этотъ проектъ, облеченный въ форму ноты, былъ сообщенъ въ Вѣну, принятъ 27-го іюля представителями державъ и препровожденъ одновременно въ Петербургъ и Константинополь и извѣстенъ въ дипломатіи подъ названіемъ «вѣнской ноты».

«И такъ,—писалъ Тувенель генералу Кастельбажаку 1-го августа 1853 г.,—Россія должна высказаться, и не подлежитъ сомнѣнію, что мы пройдемъ Дарданеллы, а быть можетъ и Босфоръ, если все не будетъ окончено въ исходѣ этого мѣсяца. Нашей эскадрѣ было бы слишкомъ плохо въ Безикской бухтѣ съ наступленіемъ осени, а она не можетъ возвратиться въ Тулонъ, не рискуя, что ее забросаютъ вареной картошкой! Во Франціи всѣ желаютъ мира, но въ то же время хотятъ, чтобы наша политика была достойная и сильная».

«Мнѣ иногда приходитъ на умъ,—писалъ Кастельбажакъ въ свою очередь Тувенелю 2-го августа 1853 г.,—что императоръ Николай хочетъ розыграть въ Константинополѣ, передъ глазами изумленной Европы, актъ изъ рыцарской и сантиментальной мелодрамы; зная его возвышенный и оригинальный характеръ, я этому не удивлюсь. Онъ хочетъ властвовать (dominer) надъ Турецкой имперіей, но не хочетъ ея гибели.

Онъ немного ошибся, ему неловко, и онъ недоволенъ. Въ особенности онъ глубоко оскорбленъ тѣмъ, что довѣріе Европы къ его умѣренности и къ его слову сильно пошатнулось. Не желая ни уступить, ни сознаться въ своей ошибкѣ, онъ хотѣлъ бы исправить ее какимъ-нибудь геройскимъ поступкомъ. Если бы Турція была ослаблена и близка къ паденію вслѣдствіе внутреннихъ смутъ съ одной стороны и возстанія христіанъ съ другой, то онъ пришелъ бы на помощь погибшему султану и помогъ бы ему упрочиться на престолѣ, не потребовавъ отъ него за это ни пяди земли, довольствуясь только сознаніемъ своего нравственнаго превосходства».

Великія державы видѣли въ условіяхъ Вѣнской ноты единственное средство согласовать независимость Турціи съ протекторатомъ, который русскій императоръ хотѣлъ имѣть надъ православнымъ населеніемъ Турціи.

3-го августа 1853 г. Россія заявила о своемъ согласіи принять эту ноту подъ условіемъ, что она будетъ принята Портою безъ всякаго измѣненія. Графъ Буоль торжествовалъ, считая дѣло улаженнымъ, приписывалъ себѣ всю честь успѣха и даже нѣсколько посмѣивался надъ опасеніями Франціи и Англіи.

Оставалось узнать, будетъ ли нота принята Турціей? Большинство въ этомъ не сомнѣвалось, но болѣе дальновидные дипломаты, между прочимъ, прусскій министръ Мантейфель имѣли на этотъ счетъ нѣкоторыя опасенія, такъ какъ по извѣстіямъ, доходившимъ изъ Константинополя, воинственная, фанатическая партія тамъ значительно усилилась, и турки поговаривали о возможности завоевать обратно Крымъ, и считали моментъ для этого вполнѣ подходящимъ, не смотря на то, что финансы Турціи были совершенно истощены [1]).

Дальнѣйшія событія показали, что эти опасенія были основательны: Турція отказалась принять вѣнскую ноту.

Когда она была получена въ Константинополѣ, и лордъ Каннингъ, обычный руководитель турокъ, совѣтовалъ Решидъ-пашѣ какъ можно скорѣе принять ее, то турецкій сановникъ вѣжливо выслушалъ его и съ невозмутимымъ спокойствіемъ, свойственнымъ восточнымъ людямъ, отвѣчалъ, что нота вызоветъ со стороны Порты нѣкоторыя возраженія, а когда великобританскій посланникъ сталъ настаивать, то онъ обѣщалъ немедленно созвать совѣтъ.

Турецкіе сановники, вполнѣ увѣренные въ томъ, что, не смотря на ихъ отказъ, Франція и Англія окажутъ имъ свое содѣйствіе, выказали совершенно необычную отвагу и упорство. Они прямо заявили, что нота не можетъ быть принята Портою, даже въ измѣненномъ видѣ.

---

[1]) Гацфельдтъ—Мантейфелю 10-го августа 1853 г.

Послѣ долгихъ совѣщаній, было наконецъ рѣшено, что такъ-называемая вѣнская нота можетъ быть принята не иначе, какъ съ измѣненіями трехъ пунктовъ, которые имѣли цѣлью опредѣлить вполнѣ точно, «что всѣ привилегіи христіанъ православнаго исповѣданія были дарованы имъ султаномъ добровольно, а не въ силу какого-либо договора, заключеннаго съ иноземнымъ монархомъ».

Сообщая Каннингу о рѣшеніи турецкихъ синовниковъ, Решидъ-паша присовокупилъ: «иначе насъ обвинили бы въ слабости и въ преступной уступчивости».

Въ Петербургѣ ожидали съ нетерпѣніемъ отвѣта изъ Константинополя, и Нессельроде, уѣзжая съ императоромъ на нѣсколько дней въ Рошну передъ большими маневрами, говорилъ французскому посланнику, который поднялъ вопросъ объ очищеніи княжествъ:

— Не выказывайте ни малѣйшаго недовѣрія императору, котораго это можетъ чрезвычайно оскорбить, а онъ находится въ прекраснѣйшемъ настроеніи. Подождемъ извѣстія о принятіи вѣнской ноты Портою, и все уладится какъ нельзя проще.

Наконецъ, отвѣтъ былъ полученъ, но, увы! онъ оказался отрицательнымъ.

«Мы старались съ генераломъ Роховымъ убѣдить императора и графа Нессельроде согласиться на тѣ измѣненія въ вѣнской нотѣ, коихъ требуетъ Решидъ-паша,—писалъ Кастельбажакъ Тувенелю 10-го сентября,—но все было напрасно.

«Императоръ Николай думаетъ, что тутъ затронута его честь и въ особенности его политическая и религіозная популярность въ Россіи, и ничто не заставитъ его измѣнить своего рѣшенія. Поэтому, надобно постараться, чтобы Турція пошла на уступки».

«Въ императорѣ Николаѣ есть черты, напоминающія Петра Великаго, Павла I и средневѣковаго рыцаря. Какъ человѣкъ и какъ монархъ, онъ очень своеобразенъ, и въ немъ такъ много противорѣчій, что познать его весьма трудно. Онъ надежный другъ и способенъ проявить деликатность чувствъ, свойственныхъ самой молоденькой, романической женщинѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ бываетъ неумолимъ въ случаѣ малѣйшей вины».

Узнавъ о томъ, что вѣнская нота не была принята турками,—Тувенель писалъ Кастельбажаку, 18-го сентября:

«Несомнѣнно, что на лорда Стратфорда Каннинга падаетъ значительная доля отвѣтственности за неудачу, постигшую его коллегъ, которые сдѣлали все возможное, чтобы достигнуть успѣха. Въ настоящее время турки взвинчены. Ихъ армія, по утвержденію видѣвшихъ ее иностранныхъ офицеровъ, за послѣдніе два мѣсяца, значительно улучшилась. Она можетъ выдержать первый натискъ, и эта увѣренность во-

одушевляетъ ихъ. Если ей не придется употребить свое оружіе противъ русскихъ, то она способна обратить его противъ султана, и это не можетъ поощрить его величество послѣдовать нашимъ совѣтамъ. Что касается меня, генералъ, то я упорствую въ своемъ мнѣніи и считаю, что Восточный вопросъ поднятъ и при томъ поднятъ умышленно русской партіей. Наша роль нелегка. Поддерживая зданіе, готовое рушиться, подвергаешь себя опасности, что оно можетъ намъ же свалиться на голову! Допустить, чтобы его свалилъ сѣверный вѣтеръ, значитъ брать на себя въ будущемъ большую отвѣтственность. Религіозный оттѣнокъ, который Россія придаетъ своимъ дѣйствіямъ, еще болѣе стѣсняетъ насъ; въ Римѣ, будьте увѣрены, скорѣе примутъ сторону мусульманъ, нежели еретиковъ. Упроченіе въ Константинополѣ власти православной державы было бы угрозою для папскаго престола. Это точка зрѣнія, которой не слѣдуетъ пренебрегать».

Когда отвѣтъ Турціи на вѣнскую ноту сталъ извѣстенъ европейскимъ дворамъ, то дипломаты возмегодовали противъ того, что они называли упрямствомъ Порты. Они только-что пережили тревожныя минуты изъ-за высокомѣрія Россіи, и заносчивость турокъ вызывала въ нихъ презрительное сожалѣніе. Всѣ симпатіи были снова на сторонѣ русскаго императора. Друэнъ-де-Люисъ и лордъ Кларендонъ выразили петербургскому кабинету свое неудовольствіе, свое сожалѣніе, чуть ли не свои извиненія, присовокупивъ надежду, что требованія, предъявленныя Турціей, не будутъ помѣхою къ поддержанію мира. Австрійскій министръ, Буоль, взывалъ къ великодушію Николая, чтобы склонить его къ снисходительности.

— Турки,—говорилъ онъ,—безъ сомнѣнія, ослѣплены до безумія; но императоръ стоитъ такъ высоко, что его не могутъ коснуться мелочныя придирки ничтожныхъ противниковъ. Его достоинство не можетъ пострадать отъ этого.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, державы убѣждали султана подписать ноту немедленно, хотя бы изъ уваженія къ его августѣйшимъ союзникамъ. Всегдашніе друзья Россіи, какъ напр. лордъ Эбердинъ, шли еще дальше; они предлагали принудить Порту подписать ноту.

Казалось, всѣ оставили Турцію на произволъ судьбы. Ее спасла Россія. Императоръ Николай отказался исполнить требованія турокъ. Принявъ вѣнскую ноту безо всякихъ оговорокъ и поправокъ, онъ требовалъ того же отъ султана. Всѣ ожидали этого рѣшенія; оно никого не удивило. Но за то всѣ были глубоко удивлены объясненіемъ, какимъ сопровождался отвѣтъ русскаго правительства.

Канцлеръ графъ Нессельроде сообщилъ европейскимъ кабинетамъ, что, подписавъ вѣнскую ноту, императоръ Николай не отказался ни отъ одного изъ своихъ требованій. Россія не соглашалась на измѣненія, ко-

ихъ требовала Турція, не потому, что они были слишкомъ ничтожны, какъ полагали западныя державы, а потому, что они лишали русское правительство права вмѣшательства въ дѣла христіанскихъ подданныхъ султана, отъ котораго оно ни за что не хотѣло отказаться, и на которомъ оно вновь настаивало.

Документъ, обнародованный русскимъ канцлеромъ, не только крайне смутилъ дипломатовъ, совѣщавшихся въ Вѣнѣ, но привелъ ихъ положительно въ негодованіе. Они видѣли, что нота, составленная ими съ такимъ тщаніемъ, была, по мнѣнію русскаго императора, не что иное, какъ нѣсколько видоизмѣненная копія ультиматума князя Меншикова. Всеобщія симпатіи, только-что бывшія на сторонѣ Петербурга, обратились снова къ Константинополю.

«Русское толкованіе придаетъ вѣнской нотѣ совершенно новый смыслъ»,—писалъ нѣсколько дней спустя де-Лакуръ, французскій посланникъ въ Константинополѣ, и французское министерство иностранныхъ дѣлъ сознавалось въ своемъ безсиліи уладить дѣло. Въ Лондонѣ дипломаты также чувствовали себя утомленными безплодными стараніями. Австрійскій посланникъ Коллоредо настаивалъ у лорда Кларендона, чтобы великобританское правительство повліяло снова на султана:

— Мы уже не въ силахъ сдѣлать это,—возразилъ лордъ Кларендонъ,—русскій отвѣтъ показалъ, насколько виды петербургскаго кабинета далеки отъ нашихъ.

— Въ такомъ случаѣ, конференція будетъ прекращена?

— Разумѣется, хотя я весьма сожалѣю объ этомъ» [1]).

Въ томъ же смыслѣ высказался лордъ Эбердинъ, давнишній поклонникъ императора Николая. Государственные люди Пруссіи находили, съ своей стороны, что если петербургскій кабинетъ желалъ мира, то, обнародовавъ свое толкованіе къ вѣнской нотѣ, онъ «сдѣлалъ крупную дипломатическую ошибку», такъ какъ нота была написана въ такомъ духѣ, что можно было бы придать ей со временемъ любое толкованіе [2]).

Высказывая это, прусскій посланникъ въ Парижѣ, гр. Гацфельдъ писалъ, что хотя Людовикъ-Наполеонъ жаждалъ мира и не особенно заботился о томъ, какъ дѣло окончится для Турціи, лишь бы Франція могла выйти изъ него съ честью, но онъ пойдетъ рука объ руку съ Англіей, если эта держава вступится за Турцію.

Однако дипломаты еще не считали дѣло окончательно проиграннымъ. Русскій и австрійскій императоры должны были съѣхаться на

---

[1]) Лордъ Кларендонъ—лорду Вестморланду (Westmoreland) 21-го сентября 1853 г.

[2]) Графъ Гацфельдъ—Мантейфелю 27-го сентября 1853 г.

осенніе маневры въ Ольмюцъ, и всѣ тѣ, кои желали мира, возлагали на это свиданіе большія надежды.

Монархи прибыли въ Ольмюцъ 25-го сентября. Дипломаты, неутомимые въ своей изобрѣтательности, придумали новую комбинацію, которая была не лучше и не хуже предъидущихъ. Было рѣшено, что Турціи будетъ предложено подписать безъ измѣненія вѣнскую ноту, а Россія, со своей стороны, обнародуетъ торжественную декларацію, которая вполнѣ успокоитъ султана на счетъ его верховныхъ правъ; послѣ чего въ Петербургъ отправится оттоманскій посланникъ, который подпишетъ актъ примиренія. Буоль былъ въ восторгѣ отъ этой выдумки и снова готовился торжествовать. Наполеонъ, извѣщенный по телеграфу, былъ также доволенъ; въ Лондонѣ извѣстіе это встрѣтили нѣсколько сдержаннѣе.

Уѣзжая изъ Ольмюца, русскій императоръ пригласилъ какъ императора австрійскаго, такъ и короля прусскаго на большой военный смотръ въ Варшаву.

Уклонившись отъ свиданія въ Ольмюцѣ, король прусскій колебался и теперь.

Наконецъ, 2-го октября, когда въ Берлинъ прибылъ графъ Мюнстеръ съ собственноручнымъ письмомъ русскаго императора и со словеснымъ приглашеніемъ отъ е. в., который звалъ Фридриха-Вильгельма, «какъ родственника», то король не счелъ возможнымъ отказаться и въ тотъ же вечеръ выѣхалъ въ Варшаву, чтобы прибыть туда одновременно съ императоромъ австрійскимъ, который, по словамъ графа Мюнстера, предполагалъ пробыть въ Варшавѣ всего два дня [1]).

«Нессельроде ничего не писалъ Сенявину о результатахъ Ольмюцкаго и Варшавскаго свиданій,—писалъ генералъ Кастельбажакъ Тувенелю 7-го октября,—но одно лицо, стоящее близко къ императрицѣ, передавало мнѣ, что императоръ въ это время сдѣлалъ австрійскому посланнику въ Вѣнѣ лорду Вестморланду очень миролюбивое заявленіе, которое онъ считаетъ весьма успокоительнымъ. Русскій кабинетъ, по моему мнѣнію, болѣе чѣмъ когда-либо хотѣлъ только напугать турокъ, а не воевать съ ними. Эта восточная хитрость не увѣнчалась ожидаемымъ успѣхомъ. Но если Россія не готова къ войнѣ въ настоящее время, то она будетъ скоро готова и заставитъ турокъ раскаяться въ ихъ безуміи, если они объявятъ ей войну. Поставивъ вопросъ на почву религіи, императоръ Николай получитъ столько людей и столько денегъ, сколько онъ захочетъ.

«Вотъ самыя новѣйшія извѣстія, дошедшія до меня: согласно телеграммѣ, полученной императрицею вчера вечеромъ, императоръ уѣхалъ въ тотъ же день, 6-го октября, въ Берлинъ. Эта поѣздка тѣмъ болѣе непо-

---

[1]) Герлахъ—Мантейфелю 2-го октября 1853 г.

нятна, что король прусскій въ тотъ день только уѣхалъ изъ Варшавы».

Поѣздка въ Берлинъ, предпринятая Николаемъ столь неожиданно и поспѣшно и которой, также какъ свиданію въ Варшавѣ, былъ данъ характеръ исключительно родственнаго посѣщенія, сильно заинтриговала дипломатовъ.

Цѣль ея, какъ видно изъ ихъ различныхъ донесеній, была привлечь на свою сторону, угрозами или лестью, прусскаго министра Мантейфеля и вовлечь его въ такую политику, которая, если бы министръ поддался уговорамъ императора, могла бы пошатнуть положеніе Пруссіи въ Европѣ и серьезно повредить ей въ будущемъ [1]).

Какъ бы то ни было, эта поѣздка показала, что возможность войны съ Турціей тревожила императора.

Въ виду ухудшавшихся съ каждымъ днемъ отношеній съ Турціей и очевидности англо-французскаго союза, ему было весьма важно заручиться нейтралитетомъ своего ближайшаго сосѣда, — Пруссіи или по крайней мѣрѣ составить себѣ опредѣленный взглядъ на ея дальнѣйшія намѣренія [2]), но Мантейфель, при всемъ своемъ уваженіи къ императору Николаю и при всемъ довѣріи къ его словамъ, не поддался его обаянію, онъ твердо помнилъ во время ихъ переговоровъ, что Николай былъ императоръ Всероссійскій, а онъ—слуга короля прусскаго, и съумѣлъ удержаться отъ всякихъ обѣщаній, которыя могли связать короля въ будущемъ.

«Императоръ уѣхалъ вчера вечеромъ,—писалъ Мантейфель въ Парижъ гр. Гацфельду 10-го октября,—съ нимъ не заключено никакого договора и вообще не написано ни строки. Я имѣлъ съ монархомъ двѣ продолжительныя бесѣды, которыя нельзя причислить къ пріятнѣйшимъ минутамъ моей жизни. Нервы мои до сихъ поръ еще не пришли въ порядокъ. Императоръ былъ сильно возбужденъ противъ англійскаго министерства, которое онъ обвиняетъ въ большомъ коварствѣ, такъ какъ онъ за долго до посылки князя Меншикова сообщилъ ему откровенно все, что онъ былъ намѣренъ сдѣлать, и даже какъ онъ считалъ нужнымъ поступить въ случаѣ колебанія со стороны Порты; но оно отвѣчало на всѣ его заявленія двухсмысленными выраженіями признательности, а въ концѣ концовъ, когда осуществилось все то, что онъ (императоръ) предвидѣлъ, то оно не только покинуло его, но еще назвало его нарушителемъ европейскаго мира. Императоръ Наполеонъ увлекается (сказалъ Николай) англійскимъ радикализмомъ, царствующимъ въ Велико-

[1]) Бунзенъ—Мантейфелю 15-го октября 1853 г.

[2]) Прибывъ въ Петербургъ,—писалъ Роховъ Мантейфелю,—я убѣдился съ перваго же разговора съ императоромъ и съ канцлеромъ, что отъ насъ ничего не требуютъ, какъ „полнаго доброжелательнаго нейтралитета“. Роховъ—Мантейфелю 26-го октября 1853 г.

британіи, съ цѣлью добиться союза, но онъ (Николай) его не боится и съ помощью Божьей выйдетъ побѣдителемъ изъ войны. Онъ заявилъ, что, въ случаѣ нападенія на Пруссію, онъ предоставитъ въ ея распоряженіе своихъ солдатъ до послѣдняго человѣка и всѣ свои средства до послѣдняго гроша, но онъ хочетъ знать, чего онъ можетъ со своей стороны ожидать отъ Пруссіи; онъ долженъ это знать, хотя бы для того, чтобы сообщить это своимъ подданнымъ, которые въ противномъ случаѣ не поймутъ, ради чего они будутъ сражаться за Пруссію.

«Послѣ долгихъ переговоровъ и весьма окровенныхъ заявленій со стороны его величества, мы разстались, какъ кажется, друзьями, по крайней мѣрѣ императоръ обнялъ меня.—Я, кажется, не ошибусь, сказавъ, что это дѣло его очень интересуетъ. Впрочемъ, онъ увѣрялъ меня, что болѣе не скажетъ ни слова по этому поводу, но предоставитъ событіямъ говорить самимъ за себя. Если турки нападутъ на него, то онъ надѣется, съ Божьей помощью, постоять за себя, но никто, даже самые турки, напавъ на него, не заставятъ его перейти Дунай. Императоръ разстался съ нами въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, но мы ничѣмъ не связали другъ друга».

Того же 10-го октября генералъ Герлахъ писалъ Мантейфелю: «Русскій императоръ показалъ, быть можетъ, даже слишкомъ ясно, насколько онъ дорожитъ нашимъ союзомъ: онъ былъ любезенъ не только съ его величествомъ и съ тѣми, отъ кого онъ что-нибудь ожидаетъ, но даже съ тѣми, съ коими онъ обошелся холодно во время своего послѣдняго пребыванія здѣсь».

Какъ бы то ни было, не смотря на нравственный авторитетъ, коимъ пользовался императоръ Николай, не смотря на услуги, оказанныя имъ Австріи въ Венгріи, и не смотря на дружескія и родственныя связи, существовавшія между русскимъ и прусскимъ царствующими домами, личное вліяніе императора Николая не было въ состояніи побудить императора Фридриха-Вильгельма IV точно такъ же, какъ и Франца-Іосифа, присоединиться къ Россіи. Свиданія монарховъ не имѣли ожидаемаго результата. Вѣнскій и Берлинскій кабинеты не вышли изъ своего нейтральнаго положенія и даже дѣлали въ это самое время Парижу и Лондону самыя успокоительныя заявленія.

VIII.

Призывъ Портою англо-французскаго флота въ Босфоръ. — Патріотическое настроеніе турокъ.—Конференція въ Вѣнѣ.—Ея посредничество между воюющими державами.—Синопское сраженіе и его послѣдствія.—Письмо Тувенеля къ Кастельбажаку.—Рѣшеніе, принятое Франціею и Англіею.—Предположеніе о созваніи европейской конференціи.—Неудачное посредничество Пруссіи.

Императоръ Николай пріѣхалъ въ Берлинъ 8-го октября, а 10-го октября испуганный султанъ обратился къ Франціи и къ Англіи съ просьбою послать ихъ флотъ изъ Дарданелль (Безикской бухты) въ Босфоръ. Что же произошло въ это время въ Константинополѣ и что заставило слабыхъ и всегда медлительныхъ турокъ принять столь поспѣшное рѣшеніе?

Наскучивъ безконечными и безплодными переговорами, турки почувствовали необычайный приливъ одушевлявшаго ихъ нѣкогда воинственнаго духа. Какъ мусульмане, горячо преданные своей религіи, они радовались при мысли развернуть знамя пророка; даже наиболѣе просвѣщенные изъ нихъ свыклись съ мыслію о предстоящей войнѣ; и хотя они знали, что финансы Турціи не позволяли имъ дѣлать большихъ затратъ, но полагали, что побѣда, одержанная хотя бы дорогою цѣною, лучше всего подыметъ нравственное значеніе ихъ страны. Заявивъ о томъ, что Порта приметъ вѣнскую ноту не иначе, какъ съ поправками, Диванъ вступилъ на новый путь, совершенно отличный отъ прежняго.

Пламенныя религіозныя проповѣди возбуждали въ умахъ сильнѣйшій фанатизмъ. Въ началѣ сентября на стѣнахъ мечетей стали появляться воззванія, призывавшія правовѣрныхъ къ оружію. Улемы вручили министрамъ прошеніе, съ просьбою объявить священную войну. Волненіе росло, боялись возстанія старой турецкой партіи, опасались даже избіенія христіанъ и низложенія султана. Появленіе этихъ, хотя очевидно преувеличенныхъ, слуховъ свидѣтельствовало о новомъ направленіи общественнаго мнѣнія, которое привело наконецъ къ объявленію войны.

— Турція объявила намъ войну,—говорилъ Нессельроде сэру Гамильтону Сеймуру 14-го октября,—но мы не намѣрены атаковать ее; мы будемъ только наготовѣ, чтобы защищаться въ случаѣ непріятныхъ дѣйствій въ княжествахъ или въ нашихъ азіатскихъ владѣніяхъ, гдѣ нами усилены войска. Мы простоимъ такъ всю зиму и будемъ готовы принять тѣ миролюбивыя предложенія, которыя будутъ сдѣланы намъ Турціей [1]).

---

[1]) Сеймуръ—Кларендону 14-го октября 1853 г.

Обѣ арміи, дѣйствительно, стояли нѣкоторое время одна въ виду другой: русскіе въ Журжево, а турки на противоположномъ берегу Дуная, гдѣ виднѣлись пестрые мундиры ихъ иррегулярныхъ войскъ и ихъ палатки зеленаго цвѣта въ честь пророка. Это странное положеніе, которое уже не было миромъ, но не было и войною, разумѣется, не могло продолжаться долго; но обычная медлительность турокъ дала дипломатіи возможность снова выступить на сцену, и вѣнская конференція, которую считали закрытой, воскресла вновь.

30-го октября, посланники французскій, англійскій и прусскій собрались снова у Буоля. Англичане предлагали обратиться къ воюющимъ державамъ съ новою нотою. Австрійскій министръ полагалъ это средство недостаточнымъ.

— Война объявлена,—говорилъ онъ,—непріязненныя дѣйствія уже начались. Можетъ ли простая нота пріостановить движеніе двухъ армій и возстановить нарушенный миръ? Онъ можетъ быть возстановленъ только договоромъ, къ заключенію котораго и слѣдуетъ стремиться.

Между тѣмъ, австрійскій и прусскій посланники въ Константинополѣ дѣлали, по приказанію великихъ державъ, совѣщавшихся въ Вѣнѣ, отчаянныя усилія къ тому, чтобы заставить турокъ принять вѣнскую ноту, но всѣ ихъ настоянія разбивались о воинственныя намѣренія отто манскаго кабинета.

2-го и 3-го ноября 1853 г. турецкая армія перешла въ наступленіе и встрѣтилась съ русскими войсками при Ольтеницѣ. При подобныхъ условіяхъ миролюбивые переговоры едва-ли могли имѣть успѣхъ въ Константинополѣ, но дипломаты все еще не теряли надежды, и въ тотъ самый день, когда произошло сраженіе, Тувенель писалъ генералу Кастельбажаку:

«Если на Дунаѣ не произойдетъ ничего особеннаго, то я надѣюсь, что конференція, засѣдающая въ Вѣнѣ, будетъ имѣть успѣхъ и миръ будетъ обезпеченъ. Безуміе турокъ послужитъ на пользу Россіи; они навѣрно будутъ побиты, честь русскаго войска будетъ спасена, а турки припишутъ свое пораженіе судьбѣ!

«Мы убѣждены въ томъ, что дѣло можетъ быть улажено только при помощи конференціи, которая превратится въ конгрессъ. Остается рѣшить, удастся ли намъ до тѣхъ поръ, пока не улеглось первое возбужденіе, склонить русскихъ и турокъ принять участіе въ совѣщаніяхъ конференціи. Я боюсь, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ дипломатія уже не будетъ въ состояніи руководить событіями. Мы, по-прежнему, довольны настроеніемъ Вѣны и Берлина. Де-Буркенэ (французскій посланникъ въ Вѣнѣ) ручается за доброжелательный нейтралитетъ Австріи.

«Мы можемъ быть вынуждены начать войну только въ двухъ случаяхъ, будто бы, сказалъ молодой императоръ (Францъ-Іосифъ). Во-

первыхъ, если на насъ нападутъ въ Италіи, а во-вторыхъ, если русскимъ вздумается остаться въ Придунайскихъ княжествахъ. Послѣднія слова многознаменательны.

«Въ настоящее время года, военныя дѣйствія въ Черномъ морѣ были бы весьма затруднительны, и я надѣюсь, что если русская эскадра останется въ Севастополѣ, то и наши суда останутся зимовать въ Босфорѣ. Мы не хотимъ войны, какъ я уже говорилъ вамъ, но коль скоро русскіе перейдутъ Дунай, то мы будемъ вынуждены дѣйствовать такъ же точно, какъ и въ томъ случаѣ, если они возьмутъ Батумъ или Трапезундъ: ибо это также откроетъ имъ путь въ Константинополь».

Англія, долго колебавшаяся прежде, нежели принять энергическія мѣры, рѣшилась, наконецъ, дѣйствовать, и сэръ Гамильтонъ Сеймуръ получилъ самыя опредѣленныя инструкціи.

«Англійскій посланникъ протестовалъ противъ «присоединенія» придунайскихъ княжествъ,—писалъ Тувенель,—я нахожу этотъ протестъ несвоевременнымъ. Либо онъ запоздалъ, либо онъ сдѣланъ преждевременно, ибо Россія заявляетъ такъ же точно, какъ и въ самомъ началѣ, что княжества заняты временно. Этотъ протестъ подалъ поводъ къ весьма язвительнымъ замѣчаніямъ съ той и съ другой стороны, что, въ свою очередь, конечно не можетъ способствовать улаженію дѣла».

— Это предвзятая мысль,—сказалъ канцлеръ Нессельроде Сеймуру,— все то, что дѣлаетъ Россія, находятъ дурнымъ, а все, что дѣлаетъ Порта— хорошимъ. И онъ присовокупилъ нѣсколько спокойнѣе: Повѣрьте мнѣ, любезный сэръ Гамильтонъ, что мы желаемъ мира такъ же искренно, какъ всякая другая держава, и если вы, со своей стороны, также хотите его, то надобно болѣе энергично вліять на Порту и менѣе на Россію.

Конецъ ноября мѣсяца 1853 г. ознаменовался двумя въ высокой степени важными событіями, изъ коихъ одно было шагомъ къ миру, а другое къ войнѣ.

Первымъ изъ этихъ событій былъ протоколъ, подписанный въ Вѣнѣ Австріей, Франціей, Англіей и Пруссіей, съ цѣлью сдѣлать совмѣстно представленіе блистательной Портѣ, изложить въ немъ желаніе державъ содѣйствовать дружескимъ вмѣшательствомъ возстановленію мира и дать Турціи возможность «заявить, на какихъ условіяхъ она будетъ согласна начать переговоры о мирѣ». На основаніи этого протокола, представителямъ четырехъ державъ въ Константинополѣ было предложено настаивать у Порты на томъ, чтобы было подписано перемиріе и чтобы былъ избранъ нейтральный городъ, гдѣ русскіе и турецкіе уполномоченные могли бы съѣхаться на совѣщаніе съ посланниками четырехъ великихъ державъ.

Протоколъ, подписанный въ Вѣнѣ, былъ первымъ оффиціальнымъ

актомъ, коимъ дипломаты, принимавшіе участіе въ вѣнской конференціи, заявили о своемъ намѣреніи взять на себя посредничество между воюющими сторонами. Нота, съ которой они обратились къ Портѣ, была вручена лорду Стратфорду Каннингу, какъ старѣйшему изъ посланниковъ, аккредитованныхъ въ Константинополѣ. Друэнъ-де-Люисъ не только просилъ французскаго посланника, генерала Барагэ-д'Илье (Baraguey d'Hilliers), смѣнившаго де-Лакура, поддержать новый планъ дипломатовъ, но чуть ли не продиктовалъ ему отвѣтъ, который они хотѣли получить отъ Порты [1]).

Сдѣлавъ этотъ рѣшительный шагъ, дипломаты ожидали результата со страхомъ и надеждою.

Второе событіе, несравненно болѣе важное, было сожженіе въ Синопѣ турецкой эскадры вице-адмираломъ Нахимовымъ.

Въ Парижѣ и Лондонѣ извѣстіе о Синопскомъ боѣ произвело потрясающее впечатлѣніе, хотя, въ виду состоявшагося объявленія войны, это событіе не было чѣмъ-либо безпримѣрнымъ и изъ ряду выходящимъ, и въ военной исторіи всѣхъ странъ можно было найти не мало подобныхъ примѣровъ; но Синопское сраженіе навело паническій страхъ на турокъ. Общественное мнѣніе возроптало отъ жалости къ туркамъ, и эти чувства сообщились дипломатическимъ канцеляріямъ. Узнавъ о Синопскомъ погромѣ, Друэнъ-де-Люисъ выразился, что «смѣлый и удачный ударъ, нанесенный Россіей, коснулся не одной Турціи».

— Нашъ долгъ,—говорилъ онъ англійскому посланнику въ Парижѣ лорду Коулэю,—защитить турецкую территорію; съ этой цѣлью онъ предлагалъ великобританскому кабинету ввести союзный флотъ въ Черное море.

— Мы предупредимъ этимъ повтореніе Синопской бойни,—говорилъ онъ.—Если мы не можемъ прекратить военныя дѣйствія на Дунаѣ, то можемъ достигнуть этого по крайней мѣрѣ на морѣ. Россія сбросила маску, докажемъ ей, что мы ея не боимся».

15-го декабря Тувенель писалъ въ Петербургъ Кастельбажаку: «Намъ пришлось написать въ Лондонъ очень серьезныя вещи. Синопское событіе произвело на императора (Наполеона III) сильнѣйшее впечатлѣніе, и я со страхомъ думаю, что мы вступили на такую покатость, которая приведетъ насъ къ войнѣ. Получивъ извѣстіе объ этомъ бѣдствіи, наши посланники вызвали въ Черное море четыре фрегата, два въ Синопъ и два въ Бургасъ. По возвращеніи этихъ судовъ, они намѣрены двинуть туда обѣ эскадры и употребить ихъ для охраны Анатолійскаго берега. Этотъ проектъ одобренъ въ Лондонѣ и

[1]) Депеша Друэнъ-де-Люиса—къ генералу Барагэ-д'Илье отъ 28-го ноября 1853 г.

Парижѣ, и я задаю себѣ вопросъ, не будетъ ли выполненіе его принято за объявленіе войны. Къ чему послужитъ въ такомъ случаѣ вѣнская конференція? Это никто не могъ бы сказать, но я очень желалъ бы, чтобы Порта приняла наши предложенія. Инаго средства спасти миръ, по-моему, въ настоящее время нѣтъ».

Ударъ, нанесенный туркамъ въ Синопѣ, не только возбудилъ въ Лондонѣ сочувствіе къ пострадавшимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко задѣлъ гордость англичанъ. Уничтоженіе оттоманскаго флота въ Синопской бухтѣ, въ то самое время, когда въ Босфорѣ развѣвался военный флагъ покровительствующей имъ державы, было принято за личное оскорбленіе. Въ Англіи, также какъ и во Франціи, заговорили о войнѣ, и общество относилось враждебно ко всѣмъ тѣмъ, кого можно было заподозрить въ симпатіяхъ къ Россіи.

До Синопскаго боя, миролюбивыя и воинственныя стремленія боролись въ англійскомъ кабинетѣ съ одинаковымъ успѣхомъ. При извѣстіи же о пораженіи турокъ одержала верхъ партія, требовавшая войны, поэтому предложенія Друэнъ-де-Люиса были приняты съ радостью. Великобританскій кабинетъ вполнѣ присоединился къ проекту, предложенному Франціей,; было рѣшено, что союзный флотъ вступитъ въ Черное море и всякому русскому судну, которое оно встрѣтитъ въ морѣ, будетъ предложено немедленно возвратиться въ Севастополь или въ какую-либо ближайшую гавань, а всякое враждебное дѣйствіе противъ турецкаго флота обяжетъ союзный флотъ защищать его. Также было рѣшено, что турецкій флотъ не долженъ дѣлать никакого движенія безъ одобренія французскихъ и англійскаго адмираловъ.

29-го декабря Друэнъ-де-Люисъ возвѣстилъ европейскимъ кабинетамъ о такомъ рѣшеніи циркулярной депешею.

«Наши депеши настолько обстоятельны,—писалъ въ тотъ же день Тувенель генералу Кастельбажаку, — что я врядъ ли могу сказать вамъ что-либо новое въ частномъ письмѣ; мы приближаемся къ развязкѣ, о которой я скорблю, но которую я предвидѣлъ съ того самаго дня, какъ возникъ этотъ прискорбный вопросъ. Если у императора Николая есть свое достоинство, то и мы его имѣемъ, и оно задѣто Синопскимъ событіемъ. Все еще можетъ уладиться, если въ Петербургѣ согласятся на конференцію, въ которой будутъ участвовать ш е с т ь державъ. Въ противномъ случаѣ, весною у насъ будетъ война.

«Коль скоро всѣ признаютъ, что Турція должна существовать, то она должна пользоваться въ Европѣ одинакими правами съ прочими державами. Взамѣнъ вступленія въ большую европейскую семью, мы можемъ потребовать у нея гарантіи для христіанъ; если же мы будемъ относиться къ туркамъ какъ къ варварамъ, если мы признаемъ ихъ недостойными совѣщаться вмѣстѣ съ нами, то по какому праву можемъ

мы требовать отъ нихъ, чтобы они щадили своихъ подданныхъ христіанъ? Послѣдствіемъ ихъ исключенія изъ европейскихъ конференцій будетъ исключеніе ихъ изъ цивилизованнаго міра. Одно тѣсно связано съ другимъ. Постарайтесь истолковать это императору Николаю. Дай Богъ, чтобы онъ внимательно выслушалъ васъ».

Созвать конференцію для рѣшенія спора между Россіей и Турціей и склонить императора Николая подчиниться ея рѣшенію—такова была послѣдняя надежда дипломатіи, на осуществленіе которой было, однако, весьма мало надежды. Всѣ знали, что императоръ былъ противъ конференціи, на которой обсуждались бы условія мира одновременно съ переговорами между нимъ и султаномъ. Нессельроде, который былъ отголоскомъ мнѣній своего монарха, сказалъ однажды въ разговорѣ съ сэромъ Гамильтономъ Сеймуромъ:

— Россія никогда не предстанетъ передъ судилищемъ Европы [1]).

Но англійскіе дипломаты не смутились этимъ и рѣшили, что мысль о конференціи могла бы быть проведена лучше всего Пруссіей, единственной изъ великихъ державъ, наименѣе заинтересованныхъ въ данномъ вопросѣ.

«Если король согласится на это,—писалъ Мантейфелю прусскій посланникъ въ Лондонѣ,—то онъ введетъ въ народное право Европы и въ обычай христіанскихъ державъ одну изъ самыхъ великихъ и благороднѣйшихъ идей и положитъ начало новой эпохѣ въ исторіи политическаго развитія европейскаго мира [2]). Какое было бы счастье, если бы грозящее бѣдствіе могло быть предотвращено добрымъ и разумнымъ словомъ».

Король прусскій согласился взять на себя это посредничество, и Мантейфель препроводилъ 24-го декабря 1853 г. прусскому посланнику въ Петербургѣ Рохову, для прочтенія его графу Нессельроде меморандумъ, въ которомъ говорилось, что «изъ многократныхъ донесеній ген. Рохова видно, что императоръ Николай отвергаетъ всякое оффиціальное и непосредственное вмѣшательство четырехъ державъ въ предстоящіе между Россіей и Турціей переговоры о мирѣ; слѣдовательно, всѣ труды вѣнской конференціи окажутся безцѣльны; но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ не прочь начать съ Портою переговоры, если условія мира будутъ достаточно почетны для него и могутъ имъ быть приняты, то прусскій король согласенъ, если императоръ того пожелаетъ, принять на себя посредничество для выработки условій мира совмѣстно съ англійскимъ кабинетомъ. Турція не можетъ начать никакихъ переговоровъ съ Россіей безъ согласія и одобренія дер-

[1]) Бунзенъ—Мантейфелю 17-го декабря 1853 г.
[2]) Тоже 22-го и 23-го декабря.

жавъ. Если же императоръ тѣмъ не менѣе будетъ настаивать на своемъ желаніи вести переговоры только съ Портою, то для удовлетворенія желаній его и западныхъ державъ можетъ быть найденъ исходъ, состоящій въ томъ, что условія мира будутъ выработаны предварительно въ Лондонѣ, при участіи или безъ участія Порты, и эти условія будутъ положены въ основу при заключеніи мира между Россіей и Портою».

Этотъ меморандумъ сопровождался частнымъ письмомъ Мантейфеля къ графу Нессельроде, въ которомъ прусскій министръ, ссылаясь на «узы родства и дружбы», связывающія короля съ императоромъ Николаемъ, и на искреннее желаніе «придти е. в. на помощь при тогдашнихъ крайне затруднительныхъ обстоятельствахъ», предлагалъ отъ имени своего монарха посредничество Пруссіи и сообщалъ русскому канцлеру, что генералу Рохову поручено вступить съ нимъ по этому поводу въ секретные переговоры.

Предложеніе короля прусскаго не было принято императоромъ Николаемъ и хотя послѣ побѣдъ, одержанныхъ подъ Синопомъ и Ахалцихомъ, государь былъ готовъ начать переговоры непосредственно съ Турціей, но совершившееся между тѣмъ вступленіе союзнаго флота въ Черное море привело его въ такое негодованіе, что о мирѣ пока нечего было и думать.

Такимъ образомъ, чрезвычайныя усилія, сдѣланныя въ 1853 г. европейской дипломатіей съ цѣлью предотвратить вооруженное столкновеніе, вызванное первоначально споромъ о Святыхъ мѣстахъ, который превратился съ теченіемъ времени въ Восточный вопросъ, не увѣнчались успѣхомъ.

IX.

Вступленіе союзнаго флота въ Черное море.—Отвѣтъ Турціи на протоколъ 5-го декабря.—Взаимныя отношенія державъ передъ войною 1854 г.—Новыя требованія, предъявленныя Россіей.—Посылка графа Орлова въ Вѣну.—Неудача ея.—Письмо короля прусскаго.—Протоколъ 13-го января.—Письмо Наполеона III къ императору Николаю.—Объявленіе войны.

Между тѣмъ секретарь французскаго посольства Рейсетъ, посланный въ Россію съ извѣщеніемъ о рѣшеніи союзныхъ державъ двинуть свой флотъ въ Черное море, былъ задержанъ по пути снѣгами и прибылъ въ Петербургъ только 10-го января.

12-го января генералъ Кастельбажакъ сообщилъ Нессельроде рѣшеніе, принятое его дворомъ. То же сдѣлалъ на слѣдующій день отъ имени своего правительства сэръ Гамильтонъ Сеймуръ.

*

Нессельроде тотчасъ энергично протестовалъ, заявивъ, что «такъ какъ, по утвержденію западныхъ державъ, суда вступили въ Черное море только въ видахъ предупрежденія дальнѣйшихъ столкновеній, то турецкая эскадра такъ же точно, какъ и русская эскадра, должна воздерживаться впредь отъ всякихъ непріязненныхъ дѣйствій и что туркамъ должно быть воспрещено всякое сообщеніе между ихъ портами и къ судамъ обѣихъ державъ должны быть примѣнены въ Черномъ морѣ одинакія требованія: только при соблюденіи этихъ условій перемиріе на морѣ будетъ дѣйствительнымъ и можетъ предупредить кровопролитіе» [1]).

Бруннову въ Лондонѣ и Киселеву въ Парижѣ было приказано разъяснить, въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ, мысль русскаго императора. Киселевъ пошелъ дальше. Заявляя Друэнъ-де-Люису о намѣреніяхъ своего двора, онъ присовокупилъ конфиденціально:

— Не скрою отъ васъ, что если я не добьюсь желаемаго, то, согласно полученнымъ мною инструкціямъ, я долженъ буду потребовать свой паспортъ.

Тѣмъ временемъ, нѣсколько дней спустя послѣ Синопскаго погрома, въ Константинополѣ былъ полученъ протоколъ, подписанный представителями четырехъ великихъ державъ 5-го декабря 1853 г., и турецкое правительство, опомнившись отъ ошеломляющаго впечатлѣнія, которое произвело на него это извѣстіе, рѣшило выказать свою покорность волѣ державъ и заявило условія, на которыхъ оно было бы согласно заключить миръ. Порта требовала, чтобы Россія отозвала свои войска изъ княжествъ, и со своей стороны обѣщала торжественно подтвердить привилегіи христіанъ, улучшить ихъ участь реформами и исполнить всѣ постановленія касательно Святыхъ мѣстъ, обусловленныя договоромъ 1841 года.

Условія, предложенныя Решидъ-пашею, были препровождены въ Вѣну, одобрены конференціей, и представители Австріи, Франціи, Англіи и Пруссіи, — графъ Буоль, баронъ де-Буркенэ, лордъ Вестморландъ и графъ Арнимъ, не смотря на безплодность всѣхъ ихъ предъидущихъ попытокъ, подписали 13-го января протоколъ, въ силу котораго Австрія была уполномочена довести до свѣдѣнія Россіи, что четыре великія державы признали предложенія Турціи дающими возможность возобновить переговоры съ надеждою на успѣхъ.

На другой день послѣ этого шага, имѣвшаго большое значеніе, такъ какъ онъ свидѣтельствовалъ объ единодушіи четырехъ великихъ державъ, Тувенель писалъ Кастельбажаку:

---

[1]) Сеймуръ—Кларендону 19-го января 1854 г. Депеша Нессельроде—Киселеву въ Парижъ и Бруннову въ Лондонъ 16-го января 1854 г.

«Обстоятельства говорятъ сами за себя. Мы горячо желаемъ, чтобы Россія приняла предложенія, сдѣланныя Европою, и избавила бы насъ отъ призрака войны, тяготѣющаго надъ всѣми нами. Императоръ Николай можетъ, однимъ словомъ, заставить благословлять себя всѣхъ тѣхъ, которые обвиняютъ его. Развѣ онъ не добился того, чего онъ желалъ, т. е. гарантіи того, что участь христіанскихъ подданныхъ султана будетъ улучшена; онъ можетъ гордиться тѣмъ, что этотъ важный результатъ есть, главнымъ образомъ, дѣло его рукъ.

«Воспользуйтесь же, генералъ, благоволеніемъ, которое оказываетъ вамъ его величество, чтобы убѣдить его. Вы окажете этимъ императору Николаю и намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, большую услугу.

«Нѣтъ надобности говорить вамъ, съ какимъ нетерпѣніемъ мы будемъ ожидать отъ васъ депеши. Англичане рвутъ и мечутъ; они выработали грозный планъ кампаніи въ Черномъ и Балтійскомъ моряхъ, который можетъ быть приведенъ въ исполненіе весною. Неужели Россія вынудитъ насъ причинить ей зло, къ вящшей славѣ англичанъ».

«Я увѣренъ,—писалъ Тувенель, по поводу условій, французскому посланнику при Сардинскомъ дворѣ [1]),—что благоразумное рѣшеніе, принятое Турціей, дастъ намъ по крайней мѣрѣ возможность поддержать нѣкоторое время доброе согласіе между державами, хотя Россія не расположена уступить. Остается рѣшить, присоединятся ли къ намъ Пруссія и Австрія, чтобы побѣдить ея упорство.

«На нейтралитетъ Пруссіи можно разсчитывать. На нейтралитетъ Австріи—нѣтъ.

«Въ Вѣнѣ громко осуждаютъ честолюбіе и неосторожность императора Николая и осмѣливаются даже говорить, что если (русскія войска) перейдутъ Дунай, то они не перейдутъ его обратно. Но, помимо политики кабинетовъ, существуетъ политика дворовъ, и императоръ Николай имѣетъ въ своемъ распоряженіи не мало средствъ, чтобы повліять на рѣшенія (монарховъ). Между тѣмъ онъ ясно высказываетъ свое недовѣріе къ Берлину и Вѣнѣ».

— Со стороны короля прусскаго меня ничто не удивитъ,—сказалъ будто бы императоръ,—но неблагодарность императора австрійскаго глубоко огорчаетъ меня.

Что касается взаимныхъ отношеній германскихъ державъ наканунѣ войны 1854 г., то французскій посланникъ въ Берлинѣ писалъ объ этомъ въ январѣ мѣсяцѣ слѣдующее:

«Здѣсь (въ Берлинѣ) совершенно не довѣряютъ намѣреніямъ Австріи, и мнѣ твердятъ на всѣ лады, что Буоль только забавляетъ насъ сладкими рѣчами; надобно сознаться, что тонъ газетъ южно-герман-

[1]) Тувенель—герцогу де-Грамонъ 11-го января 1854 г.

скихъ государствъ, заявленія саксонскаго и виртембергскаго министровъ, дѣятельное участіе, принимаемое въ судьбѣ Россіи прусской королевою, которая ведетъ правильную переписку со своей сестрою, эрцгерцогиней Софіей, находятся въ нѣкоторомъ разногласіи съ депешами, получаемыми изъ Вѣны.

«Не смотря на измѣнчивость короля прусскаго и на всѣ старанія русскаго посольства, королевы прусской и съ полдюжины разныхъ лицъ, сочувствующихъ Россіи, положеніе Франціи здѣсь (въ Берлинѣ) упрочивается и улучшается.

«Не подлежитъ сомнѣнію, что Мантейфель всячески старается освободить Пруссію отъ русскаго вліянія и сблизить ее съ нами,—это и есть сущность его политики.

«Можемъ ли мы, однако, разсчитывать на что-либо бо́льшее, нежели на искренній и доброжелательный къ намъ нейтралитетъ со стороны Пруссіи? Да, если съ этимъ будетъ связанъ личный ея интересъ. Если бы Австрія, напримѣръ, стала дѣйствовать совмѣстно съ Россіей, то я убѣжденъ, что Мантейфель посовѣтовалъ бы королю заключить съ Франціей и Англіей тройственный союзъ. Онъ прельстилъ бы его надеждою играть снова первенствующую роль въ Германіи и освободиться отъ русскаго и австрійскаго вліянія.

«Если Австрія примкнетъ къ намъ, то Пруссія должна будетъ отказаться отъ этихъ надеждъ. Въ такомъ случаѣ, ей лучше было бы поберечь свои войска и деньги и сохранить нейтралитетъ. Но будетъ ли она въ состояніи сдѣлать это и захочетъ ли она допустить, чтобы Австрія одержала надъ нею верхъ? Это вопросъ».

Выводя изъ своихъ берлинскихъ наблюденій извѣстныя заключенія, маркизъ Мустье писалъ Тувенелю, что Франціи, въ ея сношеніяхъ съ Пруссіей, было необходимо постоянно имѣть въ виду соперничество послѣдней съ Австріей и ея желаніе играть роль великой державы, которую Вѣнскій кабинетъ, поддерживаемый Россіей и южно-германскими государствами, постоянно оспаривалъ у нея.

Такимъ образомъ, къ началу крымской войны положеніе великихъ державъ окончательно обрисовалось: Франція и Англія были намѣрены дѣйствовать совмѣстно, Австрія была готова присоединиться къ нимъ, а Пруссія выжидала, не высказываясь окончательно; сѣверныя державы, Швеція и Данія, рѣшили сохранить нейтралитетъ.

«Отъ шведскаго и датскаго дворовъ здѣсь (въ Петербургѣ),—писалъ генералъ Кастельбажакъ [1]), — получены заявленія объ ихъ нейтралитетѣ; то же подтвердили мнѣ шведскій и датскій посланники. Мнѣ думается, что эти двѣ страны слишкомъ поспѣшили забить тревогу, или,

---

[1]) Кастельбажакъ—Тувенелю 9-го января 1854 г.

быть можетъ, это отвѣтъ на запросъ, сдѣланный Россіей. Канцлеръ Нессельроде принялъ заявленіе о нейтралитетѣ Швеціи очень холодно и сказалъ:

— Къ счастью, его не придется примѣнить на дѣлѣ.

«Что касается Даніи, то тамъ происходили по этому поводу совѣщанія уже съ 10-го декабря. Одинъ министръ, родственникъ г. Плессена, и въ душѣ такъ же, какъ и онъ, болѣе русскій, нежели датчанинъ, подалъ первый голосъ за союзъ съ Россіей. Другой министръ поддержалъ его, но остальные шесть подали голосъ за нейтралитетъ, ясно выказавъ при этомъ свои симпатіи къ Франціи. Здѣшній датскій посланникъ—горячій сторонникъ Россіи, но г. Мольтке, секретарь посольства, чистокровный датчанинъ, относится весьма сочувственно къ Франціи.

«Надежда и при томъ слабая на возстановленіе мира, которую имѣли дипломаты, препровождая въ Петербургъ условія, предложенныя Турціей, должна была вскорѣ исчезнуть. Эти условія были признаны императоромъ Николаемъ слишкомъ неопредѣленными, требованіе турокъ вывести немедленно войска изъ княжествъ показалось ему оскорбительнымъ; онъ заявилъ, что эта мѣра не должна предшествовать переговорамъ, а могла быть только ихъ послѣдствіемъ. Россія со своей стороны предъявила новыя требованія, которыя показались вѣнской конференціи неудобоисполнимыми: она требовала, чтобы турецкій сановникъ, уполномоченный вести переговоры, явился въ главную квартиру русскихъ войскъ, отказываясь вести переговоры съ лицомъ, указаннымъ иностранными посланниками, и требовала, чтобы султанъ подписалъ отдѣльный протоколъ, подтверждающій привилегіи греческой церкви на Востокѣ».

Предъявивъ эти новыя условія, императоръ Николай отправилъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ Вѣну для личныхъ переговоровъ съ Францемъ-Іосифомъ свое довѣренное лицо, своего любимца, генералъ-адъютанта графа Орлова. Неожиданная миссія, возложенная на него, возбудила въ Берлинѣ самые оживленные толки.

«Роховъ пишетъ, что графъ Орловъ выѣхалъ, 19-го числа, какъ онъ полагаетъ, въ Вѣну»,—писалъ изъ Берлина французскій посланникъ Тувенелю [1]);—«полагаютъ, что на обратномъ пути онъ заѣдетъ въ Берлинъ. Мантейфель думаетъ, что цѣль этой миссіи миролюбивая. По крайней мѣрѣ о ней говорили сегодня въ этомъ смыслѣ чины русскаго посольства.

«Поэтому въ Берлинѣ всѣ ликуютъ! Но нѣкоторые посланники маленькихъ дворовъ, повидимому, встревожены этой поѣздкой довѣреннаго

[1]) Мустье—Тувенелю 24-го января 1854 г.

лица императора Николая. Мнѣ показалось, что они убѣждены въ душѣ, что графъ Орловъ, сдѣлавъ въ Вѣнѣ миролюбивыя предложенія, можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, постараться разстроить вѣнскую конференцію, на которую они смотрятъ какъ на якорь спасенія.

«Роховъ пишетъ также, что императоръ Николай, выражая желаніе быть умѣреннымъ, не находитъ возможнымъ принять предложенія, сдѣланныя конференціей, и считаетъ ихъ несовмѣстимыми съ своимъ твердымъ рѣшеніемъ вести переговоры съ Турціей одинъ и на одинъ».

30-го января посланникъ императора Николая былъ принятъ Францомъ-Іосифомъ и предложилъ ему, отъ имени своего монарха, вопросъ: намѣренъ ли онъ соблюдать въ предстоящей войнѣ строжайшій нейтралитетъ?

— Готовъ ли императоръ, со своей стороны,—возразилъ Францъ-Іосифъ, — дать обѣщаніе, что онъ не перейдетъ Дунай, что онъ очиститъ по окончаніи войны княжества и что онъ будетъ уважать неприкосновенность Оттоманской имперіи?

Графъ Орловъ отказался поручиться въ этомъ.

— Въ такомъ случаѣ,—возразилъ молодой императоръ,—я также не могу, со своей стороны, подписать предложеній Россіи. Исходъ борьбы слишкомъ невѣренъ; Восточный вопросъ слишкомъ близко затрогиваетъ Австрію, чтобы я могъ связать себя заранѣе нейтралитетомъ. Я твердо буду слѣдовать принципамъ, заявленнымъ конференціей, а въ остальномъ буду руководствоваться только своей честью и интересами моей имперіи [1]).

Въ портфелѣ графа Орлова былъ не только проектъ нейтральнаго договора, но и контръ-проектъ, написанный въ отвѣтъ на послѣднія предложенія Турціи. Ему были даны двоякаго рода инструкціи: однѣ на случай войны, въ которыхъ ему предписывалось во что бы то ни стало отвлечь Австрію отъ западныхъ державъ, и другія, въ которыхъ, въ случаѣ неудачи, ему повелѣвалось заговорить въ миролюбивомъ тонѣ.

Русскій императоръ былъ твердо увѣренъ, что если бы Россія вела переговоры непосредственно съ Портою, то миръ былъ бы обезпеченъ въ 48 часовъ.

— Въ это дѣло вмѣшалось слишкомъ много непрошенныхъ совѣтниковъ,—говорилъ онъ,—слишкомъ большое число поваровъ испортили кашу [2]).

Поэтому, первымъ и непремѣннымъ условіемъ контръ-проекта, который привезъ въ Вѣну графъ Орловъ, было, чтобы Россія и Турція вели переговоры непосредственно другъ съ другомъ; затѣмъ русское

---

[1]) Роховъ—Мантейфелю 13-го февраля 1854 г.

[2]) Лордъ Вестморландъ — лорду Кларендону 4-го февраля 1854 г.

правительство требовало подтвержденія договоровъ, заключенныхъ ранѣе между этими державами, и чтобы султанъ подтвердилъ, особымъ актомъ, свое намѣреніе сохранить привилегіи своихъ христіанскихъ подданныхъ. По исполненіи этихъ условій императоръ обязывался вывести свои войска изъ княжествъ.

Таковы были послѣднія условія, предложенныя петербургскимъ кабинетомъ.

Обсудивъ эти условія, уполномоченные, собравшіеся въ Вѣнѣ, признали ихъ неудобоисполнимыми и считали безполезнымъ препровождать ихъ въ Константинополь. Это рѣшеніе конференціи было изложено 2-го февраля въ особомъ протоколѣ.

Одновременно съ отказомъ, полученнымъ графомъ Орловымъ въ Вѣнѣ, подобнаго же рода неблагопріятный отвѣтъ пришлось выслушать въ Берлинѣ русскому посланнику, Будбергу, который сдѣлалъ 28-го января берлинскому кабинету предложеніе, клонившееся къ тому, чтобы Австрія, Пруссія и Россія подписали протоколъ о тѣсномъ союзѣ трехъ державъ, въ виду опасности, угрожавшей европейскому миру.

Король Фридрихъ-Вильгельмъ рѣшительно отклонилъ это предложеніе, а на другой день (29-го января), онъ писалъ собственноручно русскому императору, благодарилъ его за письмо, присланное съ Будбергомъ, и заявлялъ, что онъ не можетъ связать себя никакимъ письменнымъ обязательствомъ, такъ какъ, узнавъ, съ мѣсяцъ тому назадъ, что въ Лондонѣ и въ Парижѣ собирались сдѣлать тревожнаго свойства запросъ какъ ему, такъ императору Францу-Іосифу о томъ, чью сторону они примутъ въ случаѣ разрыва между морскими державами и Россіей, то онъ, сознавая необходимость избѣжать этого запроса, рѣшилъ взять на себя иниціативу и сообщилъ великобританскому кабинету, что онъ обѣщаетъ свой нейтралитетъ, если будетъ гарантирована неприкосновенность Германіи, и что этою цѣною онъ даетъ слово не связывать себя никакими обязательствами съ прочими державами.

«Но есть и другія причины, которыя не позволяютъ мнѣ исполнить ваши желанія, дорогой и возлюбленный Никсъ,—продолжалъ король.—Мнѣ извѣстно положительно, что договоръ, подписанный съ Россіей, былъ бы поводомъ къ разрыву съ Англіей,—и безъ сомнѣнія также и съ Франціей. Правда, я имѣю 400.000 чел. войска (и даже болѣе), которыя я могу противупоставить французамъ въ случаѣ ихъ вторженія; правда и то, что пройти изъ Парижа по тѣлу полумилліона пруссаковъ если не совершенно невозможно, то по меньшей мѣрѣ весьма опасно. Но, дражайшій другъ мой, вы знаете такъ же точно, какъ и я, что я не имѣю средствъ предотвратить убытки, которые англійскія суда могли бы причинить моимъ подданнымъ.

«Есть еще третья и самая главная причина, которая запрещаетъ мнѣ заключать нейтральный договоръ съ Россіей—державой воюющей. Это моя роль,—роль монарха, коего совѣсть обязываетъ сдѣлать самыя энергическія усилія, чтобы сохранить Европѣ неоцѣненныя блага мира. Если бы я имѣлъ счастье быть подлѣ васъ, то я не задумался бы броситься предъ вами на колѣни и сказать вамъ со слезами на глазахъ: «Во имя Бога міра, котораго мы признаемъ оба, не отвергайте предложеній вѣнской конференціи!»

«Вамъ извѣстно, любезный другъ, изъ моего письма къ императрицѣ, что я глубоко чувствую все то, что повелѣваетъ вамъ честь русскаго имени и ваша корона. Обдумайте, Бога ради, то, что я указалъ вамъ въ упомянутомъ письмѣ, о возможности согласовать ваше достоинство съ горячимъ желаніемъ сохранить миръ, коимъ одушевлено ваше благородное сердце!

«Повѣрьте преданному вамъ Фрицу: какъ только вы разрушите гнусные планы революціонной партіи, которая толкаетъ Англію въ войну, вы сдѣлаете войну невозможной (а вы можете сдѣлать это, принявъ предложенія, сообщенныя вамъ императоромъ австрійскимъ), и все войдетъ въ свою колею; чудовищный и противуестественный союзъ Франціи и Англіи разлетится въ прахъ. Это будетъ спасеніемъ Европы.

«Еще разъ прошу васъ, дорогой, добрый Никсъ, не отказывайтесь начать переговоры! Сдѣлавъ это, вы одержите самую достопамятную изъ побѣдъ. Признательность всего міра обезсмертитъ ваше имя. А что еще лучше—Господь благословитъ васъ».

Въ то время какъ дипломатія для предотвращенія войны дѣлала послѣднія усилія, которыя такъ же, какъ и всѣ предыдущія, не увѣнчались успѣхомъ, Наполеонъ III рѣшилъ со своей стороны обратиться съ тою же цѣлью къ императору Николаю и написалъ ему 29-го января длинное собственноручное письмо, въ которомъ, сдѣлавъ бѣглый очеркъ всего хода Восточнаго вопроса, онъ хвалилъ благоразуміе турокъ, которые не приняли вступленіе русскихъ войскъ въ княжества какъ предлогъ для объявленія войны, упомянулъ о циркулярной нотѣ Нессельроде, которая уничтожила благотворное дѣйствіе вѣнской ноты, и объяснилъ, какими обстоятельствами было вызвано, въ октябрѣ мѣсяцѣ, рѣшеніе, принятое Портою.

«До сихъ поръ,—писалъ онъ,—наше положеніе по отношенію къ Турціи было покровительственное, но пассивное. Мы давали султану миролюбивые совѣты. Ваше величество, съ своей стороны, выказавъ твердость, проистекающую изъ сознанія своей силы, заявили, съ умѣренностью, достойною монарха великой Имперіи, что вы будете держаться оборонительнаго образа дѣйствій.. Мы были только зрителями

въ этомъ дѣлѣ, хотя зрителями заинтересованными. Синопское событіе заставило насъ принять болѣе рѣшительное положеніе»...

«Турецкія суда были уничтожены, не смотря на близость нашихъ эскадръ. Это было пораженіе, нанесенное уже не нашей политикѣ, а нашей военной чести... Вслѣдствіе этого, нашимъ эскадрамъ было отдано приказаніе вступить въ Черное море; этимъ же была вызвана коллективная нота, препровожденная нами петербургскому кабинету... Вотъ истинный ходъ событій. Ясно, что, дойдя до этой точки, они должны вскорѣ привести или къ окончательному соглашенію, или къ окончательному разрыву».

Желая нѣсколько смягчить эти рѣшительныя слова, Наполеонъ III поспѣшилъ указать, на какихъ условіяхъ можно было еще избѣжать войны:

«Если теперь же будетъ подписано перемиріе... то русскія войска выступятъ изъ княжествъ, а наши эскадры изъ Чернаго моря. Если ваше величество предпочитаете вести переговоры непосредственно съ Турціей, то вы назначите уполномоченнаго, который будетъ вести эти переговоры съ уполномоченнымъ султана; а затѣмъ договоръ, выработанный ими, будетъ представленъ на обсужденіе конференціи четырехъ державъ».

«Чрезвычайно интересно (хотя это большой секретъ),—писалъ Мантейфелю прусскій посланникъ въ Парижѣ [1]),—по поводу этого письма что императоръ Людовикъ-Наполеонъ высказалъ, что если его письмо не будетъ имѣть никакого результата, то онъ все-таки считалъ долгомъ написать его, такъ какъ онъ намѣренъ впослѣдствіи обнародовать его [2]), ибо если ему придется воевать, то для него крайне необходимо доказать французскому народу, какъ можно очевиднѣе, что онъ старался избѣжать войны. Гдѣ тутъ истина? Есть ли это письмо не что иное, какъ простая тактика, или же оно написано, дѣйствительно, въ надеждѣ на примиреніе».

7-го (19-го февраля) былъ полученъ отвѣтъ императора Николая на письмо Наполеона III. Императоръ отказывался вести переговоры на условіяхъ, предложенныхъ Франціей.

Съ этой минуты война была рѣшена безповоротно. Манифестомъ 9-го (21-го) февраля 1854 г. было объявлено о прекращеніи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціею и Англіею. Генералъ Кастельбажакъ и сэръ Гамильтонъ Сеймуръ уѣхали изъ Петербурга. Ки-

[1]) Графъ Гацфельдтъ—Мантейфелю 3-го февраля 1854 г.

[2]) Письмо дѣйствительно было обнародовано въ Moniteur'ѣ 14-го февраля, тотчасъ послѣ того, какъ были прерваны дипломатическія сношенія.

селевъ и баронъ Брунновъ нѣсколько дней передъ тѣмъ также потребовали свои паспорта.

Англія сосредоточивала свои войска въ Мальтѣ. Друэнъ-де-Люисъ писалъ генералу Барагэ д'Илье, чтобы Порта готовилась принять союзныя войска.

Въ Константинополь отправлялся генералъ Канроберъ.

Россія, съ своей стороны, усиленно вооружалась.

Оставалось только произнести роковое слово. 15-го (27-го) февраля былъ отправленъ изъ Парижа къ императору Николаю курьеръ съ окончательными требованіями парижскаго и лондонскаго кабинетовъ очистить придунайскія княжества къ 18-му (30-му) апрѣля. Отказъ или хотя бы молчаніе царя долженъ былъ повлечь за собою войну. 1-го (13-го) марта курьеръ прибылъ въ Петербургъ. На слѣдующій день, французскій и англійскій консулы, заступившіе мѣсто своихъ посланниковъ, вручили Нессельроде ультиматумъ своихъ монарховъ. Канцлеръ, принявъ депеши, заявилъ, что онъ доведетъ ихъ до свѣдѣнія своего монарха, а пять дней спустя, онъ извѣстилъ консуловъ о томъ, что императоръ разсудилъ за благо оставить требованія союзныхъ державъ безъ отвѣта.

Когда одинъ изъ консуловъ повторилъ эту фразу:

— Да,—отвѣчалъ Нессельроде,—такъ именно и передайте вашему правительству.

Война была оффиціально объявлена.

В. В. Тимощукъ.

Варшава, въ теченіе 3-го и въ ночь съ 3-го на 4-е октября 1861 года [1]).

Еще за нѣсколько дней до 3-го числа (годовщины смерти Костюшки), на улицахъ въ Варшавѣ раздавались, въ числѣ прочихъ, плакарды, приглашающіе жителей отпраздновать этотъ день панихидою во всѣхъ церквахъ и закрытіемъ магазиновъ и лавокъ. Получаемыя черезъ полицію извѣстія подтвердили, что подъ личиною религіозныхъ обрядовъ готовится въ этотъ день враждебная правительству, политическая манифестація.

Такъ какъ общее положеніе дѣлъ въ царствѣ Польскомъ и безъ того неминуемо требовало приведенія края на военное положеніе, то рѣшено было предупредить ожидаемую манифестацію объявленіемъ военнаго положенія ночью съ 1-го на 2-е октября.

Всенародно объявленными правилами военнаго положенія, между прочимъ, воспрещалось: пѣніе революціонныхъ гимновъ гдѣ бы то ни было, празднованіе не установленныхъ церковію праздниковъ и закрываніе по этому случаю лавокъ и магазиновъ; сверхъ того еще, именно на день 3-го октября, особымъ объявленіемъ, подверждалось запрещеніе всѣхъ подобнаго рода дѣйствій; при чемъ указывалось на отвѣтственность передъ закономъ, и назначенъ штрафъ въ 100 руб. сер. за каждый закрытый магазинъ или лавку.

Въ теченіе 2-го числа найдены въ разныхъ мѣстахъ города подброшенные плакарды, призывающіе народъ, не смотря на объявленіе военнаго положенія, отпраздновать годовщину смерти Костюшки.

Къ утру 3-го числа значительное число людей обоего пола

---

[1]) Донесеніе генеральнаго штаба капитана Войде, нынѣ генералъ-лейтенанта.

и всякаго возраста, званія и вѣроисповѣданія направились въ костелы; при чемъ болѣе прочихъ наполнились бернардинскій и каѳедральный св. Іоанна, какъ находящійся болѣе въ центрѣ города, возлѣ Замка. Въ костелѣ св. Іоанна, по случаю ежедневной службы за покойнаго архіепископа Фіалковскаго, стоялъ не разобранный еще парадный катафалкъ, который теперь и долженъ былъ придать болѣе торжественности панихидѣ за Костюшку. Народу въ обѣихъ церквахъ было около 4-хъ тысячъ.

Магазины и лавки на главныхъ улицахъ, за исключеніемъ лишь не многихъ полуотворенныхъ, оставались закрытыми.

На случай пѣнія въ костелахъ запрещенныхъ гимновъ предполагалось, согласно заранѣе данной начальникамъ частей города инструкціи, окружать костелы войсками и затѣмъ, не входя во внутрь и пропуская свободно выходящихъ женщинъ и дѣтей арестовать, однихъ лишь мужчинъ.

Около 10 $^1/_2$ часовъ утра дано было знать полиціею о начатіи въ разныхъ костелахъ пѣнія запрещенныхъ гимновъ; вслѣдствіе чего немедленно направлены туда войска, которыя однако же успѣли совершенно окружить только два костела: бернардинскій и каѳедральный св. Іоанна, потому, что въ другихъ народъ, замѣтивъ приближеніе войскъ, прервалъ пѣніе и поспѣшно удалился, а въ костелѣ Свитаго Креста присутствующіе, окончивъ пѣніе, почти всѣ исчезли чрезъ задній неизвѣстный войскамъ выходъ.

Для занятія выходовъ изъ костеловъ бернардинскаго и св. Іоанна, отряжены были отъ войскъ Шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка, расположенныхъ на Замковой площади, всего 3 роты пѣхоты. Послѣ прибытія войскъ на мѣста, пѣніе въ обоихъ костелахъ продолжалось; выходившія въ это время изъ костеловъ женщины и дѣти были пропускаемы безпрепятственно. По окончаніи пѣнія находившіеся въ костелахъ, видя себя окруженными, рѣшились не выходить, и даже женщины съ дѣтьми отказались отъ предложеннаго имъ свободнаго пропуска, которымъ вообще воспользовалось только нѣсколько лицъ. Тщетны были всѣ неоднократно повторяемыя убѣжденія и увѣщеванія: оставшіеся въ костелахъ упорствовали и сами изнутри заперли входы.

Одновременно усилены патрули и разъѣзды, которымъ вмѣнено въ особую обязанность не дозволять собираться толпамъ на улицахъ. Собиравшіяся возлѣ окруженныхъ костеловъ группы людей были разгоняемы прикладами и нагайками; то же самое повторялось на всѣхъ смежныхъ улицахъ и площадяхъ. Такимъ образомъ въ зародышѣ уничтожена всякая возможность собраться скопищамъ народа и предупреждены несчастія, которыя были бы неминуемы вслѣдствіе необходимости строго исполнить правила военнаго положенія и разгонять народъ оружіемъ.

Между тѣмъ день прошелъ, настала ночь, а положеніе дѣлъ въ обоихъ костелахъ не перемѣнилось. Стоявшія передъ костелами войска смѣнялись свѣжими.

Судя по оказанному дотолѣ упорству, можно было ожидать, что бывшіе въ костелахъ добровольно изъ нихъ не выйдутъ, заставить ихъ сдаться голодомъ, въ теченіе ночи, не предвидѣлось никакой возможности; съ другой стороны, было слишкомъ рискованно оставаться въ этомъ положеніи до слѣдующаго дня, такъ какъ положительно было извѣстно, что на утро готовится большая манифестація, а именно шествіе къ окруженнымъ костеламъ епископовъ съ духовенствомъ во главѣ народа.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это неминуемо повело бы къ напрасному кровопролитію и дало бы поводъ для новыхъ обвиненій правительства въ святотатствѣ.

Въ такомъ положеніи дѣлъ оставалось одно лишь средство: еще разъ встощивъ всѣ убѣжденія, силою вывесть изъ костеловъ непослушныхъ. Сколь ни прискорбно было прибѣгнуть къ этой крайности, но лучшаго исхода не предвидѣлось.

Начато было съ бернардинскаго костела.

Уже заполночь взошелъ въ костелъ со стороны монастыря состоящій при начальникѣ Замковой половины города посланный офицеръ генеральнаго штаба, капитанъ Тарасенковъ, входившій туда уже неоднократно увѣщевать народъ. И теперь онъ убѣждалъ находившихся тамъ выйти добровольно и объявилъ, что, въ случаѣ неповиновенія, въ костелъ будутъ введены войска, для арестованія мужчинъ. Все было тщетно: одни отказались выйдти изъ упорства, другія опасаясь за свою участь и боясь дурнаго обращенія со стороны солдатъ; нашлись даже ожесточенные до того, что рѣшились защищаться силою. На первый разъ подъ командою упомянутаго офицера введены были безъ оружія и фуражекъ 30 человѣкъ нижнихъ чиновъ, которые, входя въ костелъ, перекрестились. Толпившіеся около входа внутри встрѣтили солдатъ стульями, скамьями и т. п. Солдаты отступили. Въ эту критическую минуту капитанъ Тарасенковъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ остановилъ ихъ, а съ другой стороны убѣдилъ сопротивлявшихся въ костелѣ въ совершенной неумѣстности ихъ нападенія на безоружныхъ солдатъ. Затѣмъ дѣйствительное сопротивленіе прекратилось, но добровольно выходили все-таки немногіе, и почти всѣ были выводимы подъ руки; ихъ собирали въ партіи около 100 человѣкъ каждая и подъ конвоемъ отводили сначала въ Замокъ, а оттуда въ Александровскую цитадель.

Въ каѳедральномъ костелѣ, подобно тому, какъ въ бернардинскомъ, дѣлаемы были неоднократныя увѣщеванія, и наконецъ посланы туда шесть человѣкъ изъ взятыхъ у бернардиновъ и освобожденныхъ изъ

подъ ареста, съ тѣмъ чтобы они уговорили находившихся въ соборѣ отказаться отъ безполезнаго упорства. Но и эта мѣра не подѣйствовала. Тогда въ три часа по полуночи введено было въ соборъ при офицерѣ 20 человѣкъ нижнихъ чиновъ 7-ой роты Шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка безъ фуражекъ съ ружьями. Солдатамъ строжайше было подтверждаемо, не смотря ни на какія обстоятельства, не употреблять оружія и только въ случаѣ крайности стращать прикладами. Затѣмъ начали выводить мужчинъ поодиночкѣ подъ руки. Уже было выведено изъ церкви значительное число людей, когда показался въ костелѣ одинъ священникъ въ полуоблаченіи съ крестомъ въ рукѣ и убѣждалъ оставшихся не выходить. Священникъ этотъ былъ взятъ подъ руки и безъ всякаго впрочемъ насилія отведенъ въ Замокъ. Остальные затѣмъ люди добровольно вышли изъ костела и всѣ отведены въ цитадель.

Всего приведенныхъ въ цитадель изъ обоихъ костеловъ оказалось 1.678 человѣкъ.

Что касается женщинъ и дѣтей, то онѣ или выходили сейчасъ, при чемъ, смотря по ихъ желанію, провожались до квартиръ полицеймейстерами, или же оставались въ костелахъ до утра.

Въ обоихъ костелахъ немедленно призваны были мѣстные священники, которые, освидѣтельствовавъ внутренность храмовъ, подтвердили, что войсками ничего въ нихъ не нарушено и не повреждено.

Для входа въ костелы не было употреблено никакого насилія, входъ въ бернардинскій со стороны монастыря былъ постоянно свободенъ, а главныя двери собора заняты часовыми въ то время, когда онѣ открыты были изнутри добровольно для пропуска людей, приносившихъ воду.

Отвѣтственность за кратковременную впрочемъ свалку, происшедшую въ бернардинскомъ костелѣ, должна пасть на тѣхъ, которые, находясь во храмѣ Божіемъ, сами первые напали на входившихъ туда безоружныхъ солдатъ. Послѣдствія этой свалки ограничились впрочемъ нѣсколькими незначительными ушибами, и, какъ положительно извѣстно, кровопролитія не было и быть не могло по неимѣнію у солдатъ оружія.

Сообщилъ **А. Н. Крыжановскій.**

Монастырская реформа въ Царствѣ Польскомъ.

II [1]).

Образованіе особой коммиссіи о монастыряхъ.—Характеристика ея членовъ.—Подчиненіе князю Черкаскому отдѣленія духовныхъ дѣлъ.—Мѣсто и время засѣданій коммиссіи.—Картина Зимлера—смерть Іосафата Кунцевича.—Распредѣленіе занятій между членами.—Перечень занятій коммиссіи въ первыя 11 засѣданій.—Основанія, принятыя коммиссіей для закрытія монастырей.—Переводы монаховъ изъ одного монастыря въ другой.—Рановременное посвященіе въ монашество.—Монастыри штатные и заштатные.—Упраздненіе цѣлыхъ монашескихъ орденовъ.—Очищеніе отъ римско-католическихъ монастырей уніатскаго края и вообще праваго берега Вислы.—Возможное уменьшеніе числа монаховъ: разрѣшеніе выѣзда за границу, оставленіе монашеской жизни.—Устройство различныхъ духовныхъ при монастыряхъ учрежденій.—Содержаніе монастырей и монаховъ.—Сущность постановленій коммиссіи.—Закрываемые и упраздняемые монастыри признано необходимымъ очистить отъ братіи немедленно.—Признаніе необходимости закрытія греко-уніатскихъ (базиліанскихъ) монастырей.—Заключеніе графа Берга о работахъ коммиссіи и порядокъ осуществленія монастырской реформы.

Особую коммиссію для разбора монастырей и всѣхъ предстоявшихъ по случаю упраздненія или закрытія оныхъ распоряженій рѣшено было образовать подъ предсѣдательствомъ князя В. А. Черкаскаго, не вводя въ составъ ея генералъ-полицеймейстера. Генералу Трепову нельзя было не уступить предсѣдательскаго мѣста главному директору внутреннихъ дѣлъ, а простымъ членомъ быть не хотѣлось, да и не было надобности, такъ какъ его могъ замѣнить его помощникъ, который и назначался

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1902 г.

членомъ коммиссіи. Уже одно уклоненіе генерала Трепова отъ участія въ коммиссіи указываетъ, что онъ не желалъ затянуть ея дѣла, хотя съ другой стороны, не участвуя въ коммиссіи, онъ заранѣе освобождалъ себя отъ нареканій за неокончаніе ею въ срокъ заданныхъ ей работъ, а невозможность исполнить требованіе изъ Петербурга казалась ему совершенно ясною и не подлежавшею ни малѣйшему сомнѣнію. Итакъ вся отвѣтственность ложилась прямо на князя Черкаскаго и коммиссію [1]).

Изъ членовъ коммиссіи только трое—графъ Опперманъ, Честилинъ и Гацфельдъ принадлежали къ числу лицъ, давно служившихъ въ царствѣ Польскомъ. Графъ Опперманъ (умеръ) былъ сперва адъютантомъ князя Варшавскаго, а потомъ долгое время губернаторомъ въ Радомѣ, откуда, въ 1861 году, уволенъ маркизомъ Велiопольскимъ, одновременно съ прочими русскими губернаторами «для пользы службы», какъ было сказано въ приказѣ. Графъ Опперманъ былъ человѣкъ добрый и спокойный. Назначеніе его въ коммиссію оправдывалось званіемъ его члена аудиторіата,—этого высшаго въ Царствѣ военно-судебнаго учрежденія, разсматривавшаго дѣла военно-слѣдственныхъ и судныхъ коммиссій, учреждавшихся по дѣламъ лицъ, участвовавшихъ въ мятежѣ. Онъ былъ посредникомъ между коммиссіей и аудиторіатомъ, наводилъ тамъ различныя справки и собиралъ нужныя свѣдѣнія.

---

[1]) Членами коммиссіи, по распоряженію графа Берга, 28-го іюня 1864 г. были назначены: 1) Членъ аудиторіата генералъ-маіоръ графъ Опперманъ. 2) Директоръ собственной канцеляріи намѣстника дѣйствительный статскій совѣтникъ Г. И. Честилинъ. 3) Помощникъ генералъ-полицеймейстера въ Царствѣ, флигель-адъютантъ, генеральнаго штаба полковникъ М. Н. Анненковъ. 4) Состоящій при учредительномъ комитетѣ статскій совѣтникъ Драшусовъ. 5) Вице-директоръ управленія генералъ-полицеймейстера въ Царствѣ, генеральнаго штаба полковникъ Д. Г. Анучинъ. 6) Состоящій при генералъ-полицеймейстерѣ для особыхъ порученій полковникъ Гацфельдъ. 7) Бывшій вице-директоръ управленія генералъ-полицеймейстера, коллежскій совѣтникъ Селивановъ, и 8) генеральнаго штаба капитанъ, баронъ Н. Н. Медемъ.

Сверхъ того, въ дѣлахъ коммиссіи на правахъ члена, принималъ постоянное участіе, командированный изъ Петербурга, состоявшій при департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій министерства внутреннихъ дѣлъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Григорьевъ, какъ спеціалистъ, подробно знавшій все, что было сдѣлано въ Имперіи по упраздненію монастырей въ Западномъ краѣ.

Дѣлопроизводителемъ коммиссіи князь Черкаскій назначилъ состоявшаго при немъ, въ качествѣ секретаря, чиновника учредительнаго комитета Каширина.

Г. И. Честилинъ, нынѣ сенаторъ [1]), поступилъ на службу въ Царствѣ, немедленно послѣ штурма Варшавы, и все время состоялъ въ канцеляріи намѣстника, директоромъ которой назначенъ въ 1864 году. Умный, образованный и благовоспитанный, Гавріилъ Ивановичъ былъ весьма популяренъ въ Варшавѣ, гдѣ его любили и уважали не только въ русскомъ, но и въ польскомъ обществѣ. Онъ былъ очевидцемъ и очевидцемъ разумнымъ всего, что происходило въ Царствѣ съ 1831 г., и вполнѣ зналъ все, что за этотъ долгій промежутокъ времени было предпринимаемо нашимъ правительствомъ. По личнымъ своимъ наблюденіямъ, знанію края и мѣстнаго общества, онъ былъ особенно полезенъ коммиссіи, которой, въ качествѣ директора канцеляріи намѣстника, открывалъ свободный доступъ ко всѣмъ хранившимся тамъ оффиціальнымъ матеріаламъ и документамъ.

Полковникъ Гацфельдъ (умеръ) былъ честнымъ дѣятелемъ, посѣдѣвшимъ на государственной службѣ и состоявшимъ въ различное время членомъ многихъ военно-слѣдственныхъ коммиссій. Онъ могъ быть полезенъ, какъ членъ исполнитель разныхъ порученій.

Всѣ остальные члены, считая въ томъ числѣ и предсѣдателя, были люди новые, прибывшіе въ царство не ранѣе 1863 года. Взамѣнъ малаго знакомства съ краемъ, они приносили глубокое убѣжденіе въ необходимости проектированныхъ мѣръ, несокрушимую энергію и были одушевлены желаніемъ послужить дѣлу, долженствовавшему не мало повліять на успокоеніе общества, радикальнымъ устраненіемъ причинъ, постоянно возбуждавшихъ его религіозный фанатизмъ.

Собственно рабочую силу въ коммиссіи составляли: князь Черкаскій, котораго хватало вездѣ и на все, Анненковъ, я, Медемъ и Григорьевъ. Много потрудился и Каширинъ въ качествѣ дѣлопроизводителя. Работая быстро и отлично владѣя перомъ, а главное умѣя, налету, такъ сказать, понимать желанія и указанія князя Черкаскаго, онъ весьма серьезно помогалъ успѣшности дѣйствій коммиссіи; не упомянуть здѣсь объ этомъ было бы полною несправедливостью въ отношеніи этого прекраснаго и многообѣщавшаго молодаго человѣка [2]).

Еще за два дня до образованія особой коммиссіи распоряженіемъ намѣстника, управленіе духовныхъ дѣлъ въ Царствѣ, соединенное до того времени съ управленіемъ народнаго просвѣщенія—передано было въ завѣдываніе князя Черкасскаго, какъ главнаго директора правитель-

---

[1]) Писано въ іюнѣ 1886 г.

[2]) Впослѣдствіи Д. Ѳ. Каширинъ былъ коммиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ, начальникомъ отдѣленія въ министерствѣ путей сообщенія и наконецъ опять коммиссаромъ. Въ семейной жизни ему не посчастливилось, и онъ умеръ отъ порока, сгубившаго много способныхъ русскихъ людей.

*

ственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ [1]). Теперь явилась полная возможность добывать изъ нея нужныя данныя, и князь Черкаскій дѣлалъ это мастерски. Повинуясь его волѣ и заискивая его могущественнаго расположенія и вниманія, дѣлопроизводитель отдѣленія духовныхъ дѣлъ нѣкто К***, лѣзъ, какъ говорится, изъ кожи, чтобы угодить князю. Потомъ этотъ самый господинъ забралъ силу при Мухановѣ и графѣ Кошкуль и былъ очень важнымъ панамъ при графѣ Коцебу.

Мѣстомъ засѣданій особой коммиссіи была выбрана квартира князя Черкаскаго, въ такъ называемомъ палацѣ Мостовскихъ, гдѣ помѣщалась коммиссія внутреннихъ дѣлъ. Собирались мы въ небольшой проходной комнатѣ, между пріемной и залой; въ ней было одно или много два окна на площадь и, когда члены коммиссіи садились за столъ, поставленный посреднѣ комнаты вдоль ея, то за ними какъ разъ оставалось столько мѣста, сколько было нужно, чтобы обнести чай. Комната эта была совершенно случайно украшена картиною Зимлера—«Мученическая кончина Іосафата». Среди оживленной группы былъ представленъ смиренный и боговдохновенный Іосафатъ Кунцевичъ, падающій подъ ударами топора, наносимыми свирѣпымъ «кацапомъ». Картина эта была заказана для Бѣльскаго собора, въ которомъ лежали мощи Іосафата, присланныя изъ Рима. Взята ли была эта картина изъ церкви, или туда еще не попала, навѣрное не знаю; только она во всякомъ случаѣ была задержана, доставлена въ Варшаву и составила, совершенно неожиданно, украшеніе той комнаты, въ которой собиралась коммиссія, обсуждавшая способы уничтоженія нѣкоторыхъ латинскихъ и греко-уніатскихъ монастырей въ царствѣ Польскомъ.

Члены коммиссіи были все люди занятые, имѣвшіе по нѣскольку должностей, а потому рѣшено было собираться поздно вечеромъ, часовъ въ десять и даже позже; засиживались мы долго и расходились по домамъ, почти всегда много спустя послѣ полуночи, когда жители Варшавы были уже погружены въ глубокій сонъ.

Первое засѣданіе коммиссіи было 29-го іюня 1864 г. Ознакомясь съ сущностью основаній, утвержденныхъ для предстоявшей монастырской реформы, коммиссія въ первомъ же своемъ засѣданіи признала необходимымъ раздѣлить занятія свои на двѣ части:

а) на работы, занятіе которыми можетъ быть отложено на нѣкоторое время, въ ожиданіи доставленія необходимыхъ справокъ и свѣдѣній, именно: составленіе штата для монастырей, составленіе разныхъ правилъ о пріемѣ новыхъ иноковъ, о полицейскомъ надзорѣ за монасты-

---

[1]) Окончательное присоединеніе послѣдовало по высочайшему указу 27-го октября (8-го ноября) 1864 года, когда снова образована правительственная коммиссія внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ.

рями, о монастырскихъ семинаріяхъ и студіяхъ, объ упраздненіи вредныхъ монашескихъ орденовъ и конгрегацій и проч.

и б) на работы, не терпѣвшія отлагательства и къ которымъ, въ виду короткости мѣсячнаго срока, опредѣленнаго для окончанія работъ комиссіи, слѣдовало приступить немедленно.

Для скорѣйшаго исполненія работъ спѣшныхъ, члены комиссіи раздѣлили между собою занятія. На мою долю выпало составленіе списка монастырямъ съ указаніемъ противу каждаго степени его участія въ мятежныхъ дѣйствіяхъ. Этотъ списокъ послужилъ какъ для постановленій комиссіи о закрытіи того или другаго монастыря за участіе въ мятежѣ, такъ и для составленія общаго обзора о дѣйствіяхъ римско-католическаго духовенства. Этотъ обзоръ взялся составить Селивановъ, но вскорѣ передалъ мнѣ со всѣми поступившими въ его распоряженіе матеріалами. Полковникъ Анненковъ взялъ на себя соображеніе полицейскихъ мѣропріятій по сосредоточенію монаховъ, послѣ упраздненія и закрытія монастырей, перевозку за границу тѣхъ изъ нихъ, которые пожелали бы оставить край и проч. Барону Медему досталось составленіе правилъ о монастырскихъ училищахъ. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Григорьевъ занялся составленіемъ правилъ о подчиненіи монастырей епархіальному начальству и объ учрежденіи должностей визитаторовъ.

Въ теченіе одиннадцати засѣданій комиссія окончила всѣ свои главнѣйшія задачи и труды свои представила 5-го августа графу-намѣстнику, который въ тотъ же день, съ своимъ одобреніемъ, препроводилъ ихъ въ Петербургъ.

Комиссіи въ самомъ началѣ ея дѣйствій предстояло рѣшить весьма важный вопросъ—за какія преступленія слѣдовало закрывать монастыри. Собранные о каждомъ монастырѣ факты были такого рода, что собственно сомнѣнія въ преступности дѣяній и въ участіи въ мятежѣ не было, но иногда дѣйствіе можно было вмѣнить всему монастырю, а иногда лишь нѣкоторому и даже какому-либо одному его члену. Послѣ многихъ разсужденій и принимая во вниманіе, что папа Пій V (1566—1572) закрылъ всѣ монастыри ордена смиренныхъ братій за участіе нѣкоторыхъ членовъ ордена въ заговорѣ противу жизни кардинала Карла Барромсо—рѣшено было закрывать тѣ монастыри, о которыхъ доказано:

а) что монастырская братія склоняла людей къ мятежу, или приводила ихъ къ присягѣ на мятежъ, или же разрѣшала напередъ убійства и тому подобныя злодѣянія, въ пользу мятежа совершавшіяся;

б) что хотя означенныя въ пунктѣ *а* преступленія совершены лишь отдѣльными членами братіи, однако настоятель и прочая братія не приняли надлежащихъ мѣръ для пресѣченія таковыхъ противузакон-

ныхъ дѣйствій и не довели о нихъ своевременно до свѣдѣнія начальства для поступленія по законамъ;

в) что монашествующіе вступили сами въ ряды вооруженныхъ шаекъ, но о самовольной отлучкѣ ихъ изъ монастыря ни настоятель, ни прочая братія также не объявили своевременно надлежащей власти;

г) что монастырь собиралъ деньги или разнаго рода подаянія на поддержаніе мятежа;

д) что монастырь вносилъ въ пользу такъ-называемаго революціоннаго правительства подати или подаянія на поддержаніе мятежа;

е) что въ монастырскомъ зданіи или на монастырской землѣ открыты спрятанныя, съ вѣдома монастырской братіи, оружіе, аммуниція или другаго рода военные снаряды, а равно типографскіе станки или печатныя воззванія къ мятежу;

ж) что въ монастырскомъ зданіи или имѣніи, съ вѣдома монастырской братіи, укрывались мятежники, и объ этомъ не было доведено до свѣдѣнія полицейской власти, ни военнаго начальства.

Но и принявъ въ принципѣ это правило [1]), приходилось вести продолжительные споры и дебаты при примѣненіи его къ дѣлу. Разскажу одинъ случай, о нѣкоемъ Рыбусѣ. Этотъ Рыбусъ, будучи клерикомъ Бернардинскаго монастыря въ Варшавѣ, перебывалъ во множествѣ шаекъ, наконецъ, попался въ плѣнъ. Разслѣдованіе показало, что, скомпрометтировавъ себя въ Варшавѣ, онъ перешелъ въ другой монастырь и тамъ продолжалъ свою преступную дѣятельность. Монастырь, куда укрылся Рыбусъ, зналъ о его винѣ и, принимая его къ себѣ, являлся сознательнымъ укрывателемъ лица завѣдомо преступнаго. Подлежалъ ли этотъ монастырь закрытію? Коммиссія рѣшила этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. Но блудный, трусливый и быстроногій Рыбусъ перебѣгалъ изъ одного монастыря въ другой, изъ другаго въ третій, потомъ въ четвертый. Такъ онъ укрывался въ монастыряхъ того же ордена: въ Черняковѣ, Скемпе, Калишѣ и Гурѣ-Кальваріи. Во время пребыванія его въ Скемпе засѣдалъ тамъ капитулъ Бернардинскаго ордена, который призналъ Рыбуса достойнымъ посвященія въ монахи. Приходилось признать всѣ эти четыре монастыря подлежащими закрытію сверхъ Варшавскаго, въ коемъ—прежде всего числился Рыбусъ. Такое широкое толкованіе о преступности монастырей нѣкоторымъ членамъ коммиссіи показалось натяжкой. Когда очередь обсужденія о преступности дѣйствій доходила до новаго монастыря Бернардинскаго ордена, то со всѣхъ концовъ стола, за которымъ засѣдала коммиссія,—

---

[1]) Оно потомъ цѣликомъ составило § 6 „Дополнительныхъ правилъ къ указу о римско-католическихъ монастыряхъ".

раздавались вопросы: опять Рыбусъ? Да, опять Рыбусъ. Григорьевъ приходилъ просто въ отчаяніе, завязывались споры. Одна сторона твердо стояла на безусловномъ примѣненіи разъ принятаго принципа, другая—протестовала, находя проступки Рыбуса не слишкомъ важными, чтобы за нихъ закрыть не одинъ, а пять монастырей. Къ благопріятному разрѣшенію споровъ привело предъявленіе фактическихъ данныхъ о томъ, что изъ числа пяти монастырей, укрывавшихъ Рыбуса, три, а именно: Варшавскій, Калишскій и Гура-Кальварійскій обвинялись еще и въ другихъ весьма серьезныхъ дѣйствіяхъ на пользу мятежа, чего было вполнѣ достаточно для признанія ихъ подлежащими закрытію помимо дѣла Рыбуса. Собственно же за Рыбуса закрыты были два монастыря—въ Скемпе и Черняковѣ. Такимъ образомъ и споры были прекращены, и монастыри уничтожены, да и на душу Рыбуса пала меньшая тяжесть—изъ пяти монастырей, его укрывавшихъ, за него были закрыты только три.

Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было всѣ монастыри, имѣющіе менѣе 8-ми монаховъ упразднять на основаніи каноническихъ правилъ, признающихъ ихъ немогущими съ такимъ числомъ монашествующихъ обезпечить монашескую дисциплину. Къ подобнымъ монастырямъ не должны были примѣняться правила о закрытіи за преступныя дѣйствія, хотя въ подобныхъ дѣйствіяхъ уличены были многіе изъ монастырей, упраздненныхъ по некомплекту монаховъ.

Какъ ни секретно дѣлались приготовленія къ уменьшенію числа монастырей; но подчиненіе князю Черкаскому управленія духовныхъ дѣлъ, требованіе свѣдѣній о числѣ монаховъ по монастырямъ не только отъ этого управленія, но и отъ епархіальнаго начальства возбудили вниманіе заинтересованныхъ лицъ, которыя догадывались, что правительство не можетъ въ данномъ случаѣ не воспользоваться буллами папъ Климента XIV, Григорія XV и Урбана VIII. И вотъ началась перетасовка монаховъ между монастырями одного и того же ордена. Изъ многолюдныхъ монастырей стали переводить монаховъ въ тѣ, гдѣ число ихъ не достигало 8-ми; кромѣ того, стали посвящать въ монахи лицъ, не имѣвшихъ узаконеннаго для этого возраста. Слухи объ этомъ доходили до Варшавы, и коммиссія не могла оставить ихъ безъ вниманія, поэтому рѣшено было число монаховъ, имѣющихъ постоянное пребываніе въ какомъ-либо монастырѣ, считать по такъ-называемымъ р у б р и ц е л л а м ъ, т. е. спискамъ римско-католическаго духовенства, ежегодно издаваемымъ епархіальнымъ начальствомъ. Въ настоящемъ случаѣ должны были служить руководствомъ показанія рубрицелловъ, изданныхъ на 1864 годъ съ присоединеніемъ, впрочемъ, къ показаннымъ въ рубрицеллахъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя правильно посвящены въ

монашество въ промежутокъ времени съ 1-го января 1864 г. до времени изданія высочайшаго указа о монастыряхъ.

Для устраненія же неправильныхъ послѣдствій отъ слишкомъ раннихъ посвященій въ монашество, коммиссія постановила признавать при упраздненіи монастырей монахами лишь тѣхъ лицъ, которымъ къ тому времени исполнилось не менѣе тридцати лѣтъ.

За признаніемъ однихъ монастырей подлежащими закрытію за мятежныя дѣйствія противъ правительства, а другихъ—упраздненію по малому числу монашествующихъ лицъ всѣ остальные монастыри предположено было коммиссіей раздѣлить на двѣ группы: штатныхъ, долженствовавшихъ существовать и впредь при условіяхъ, которыя будутъ опредѣлены новымъ закономъ, и заштатныхъ, къ числу коихъ должны быть отнесены всѣ остальные монастыри, оставшіеся не закрытыми, не упраздненными и не причисленными къ штатнымъ. Эти заштатные монастыри должны были упраздняться немедленно послѣ того, какъ число пребывающихъ въ нихъ монашествующихъ лицъ—окажется меньше восьми человѣкъ.

Вопросъ объ упраздненіи цѣлыхъ монашествующихъ орденовъ былъ обойденъ коммиссіею по слѣдующимъ основаніямъ. Собраніе свѣдѣній о причинахъ такихъ упраздненій не могло послѣдовать скоро, а по женскимъ орденамъ затруднялось еще и тѣмъ, что ордена и конгрегаціи фелиціанокъ, сакраментокъ и визитокъ имѣли на своемъ попеченіи большое число женскихъ училищъ. Дѣло объ этихъ орденахъ и конгрегаціяхъ, очевидно, имѣло тѣсную связь съ общимъ вопросомъ о преобразованіи вообще всѣхъ женскихъ училищъ и женскаго воспитанія въ Царствѣ. На это требовалось еще болѣе времени. Впрочемъ, вопросъ объ упраздненіи нѣкоторыхъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ орденовъ вполнѣ исчерпывался и удовлетворительно разрѣшался косвеннымъ путемъ, а именно распредѣленіемъ монастырей на закрываемые, упраздняемые, заштатные и штатные. При этомъ распредѣленіи, нѣкоторые ордена упразднялись сами-собою, потому, что всѣ ихъ монастыри подлежали или закрытію или упраздненію. Мѣра эта постигла нѣкоторые ордена немедленно, а другіе послѣ упраздненія монастырей, оставленныхъ въ числѣ нештатныхъ. Такъ что коммиссія, оставляя до другаго времени общія разсужденія объ упраздненіи, того или другаго ордена, въ сущности достигала этого практически другими средствами. Какіе именно ордена упразднились такимъ именно способомъ, сказано ниже.

Не менѣе серьезное вниманіе было обращено коммиссіей и на возможное сосредоточеніе сохраняемыхъ монастырей въ мѣстахъ наиболѣе густаго католическаго населенія. Весьма важно было очистить отъ нихъ всѣ мѣста, заселенныя уніатами, и вообще правый берегъ Вислы. И въ

этомъ отношеніи, какъ увидимъ ниже, результаты были достигнуты весьма удовлетворительно.

Коммиссія, между прочимъ, не могла не видѣть той пользы, которую можно бы было извлечь изъ возможнаго и немедленнаго сокращенія не только числа монастырей, но и самыхъ монашествующихъ. Въ этихъ видахъ предположено было: съ одной стороны, дать возможность однимъ выѣхать безвозвратно за границу, а другимъ оставить монастырь и обратиться къ жизни въ обществѣ частнымъ человѣкомъ. Уѣзжающимъ за границу положено было назначить ежегодную пенсію по 150 рублей въ годъ, «доколѣ лица, получающія таковыя пенсіи, не будутъ принимать никакого участія во враждебныхъ русскому правительству замыслахъ». Кромѣ назначенія пенсіи ихъ предположено было довезти на счетъ казны до границы и снабдить паспортомъ и денежнымъ пособіемъ въ 25 рублей. Само-собою, разумѣется, что право выѣзда не предоставлялось монашествующимъ лицамъ, скомпрометтированнымъ въ участіи въ мятежѣ—они подлежали уголовной отвѣтственности по законамъ. Коммиссія полагала, что правомъ выѣзда за границу воспользуются наиболѣе неспокойныя личности, не сочтущія возможнымъ подчиниться новому о монастыряхъ закону. Съ ихъ выѣздомъ за границу, устранялся изъ монастырей самый безпокойный элементъ, и можно было разсчитывать, что оставшіеся монахи не будутъ находиться подъ вліяніемъ фанатиковъ [1]).

Лицамъ же, пожелавшимъ, съ разрѣшенія подлежащихъ духовныхъ властей, удалиться въ частную жизнь, обезпечивалось ежегодное содержаніе въ 60 р., считая въ томъ числѣ 40 р. личнаго содержанія и 20 р. на наемъ квартиры.

Наконецъ, коммиссія выработала правила о содержаніи монастырей и монаховъ, обезпеченіи богослуженія въ церквахъ закрываемыхъ монастырей и прочномъ устройствѣ какъ состоящихъ при монастыряхъ богадѣленъ, госпиталей и училищъ, такъ и особенно семинарій, содержимыхъ конгрегаціей миссіонеровъ въ Варшавѣ, Плоцкѣ, Люблинѣ и Влоцлавскѣ. Каждому монаху положено отпускать по 40 рублей въ годъ, ежели онъ жилъ вмѣстѣ съ прочею братіей монастыря. Монахамъ, оставленнымъ для богослуженія при церквахъ закрытыхъ монастырей, назначено содержаніе въ 150 р., а органистамъ при нихъ—по 75 р. На содержаніе каждаго семинариста опредѣлено отпускать по 175 р. среднимъ числомъ.

Разобравшись съ матеріаломъ, который былъ переданъ въ коммиссію, она окончательно постановила:

---

[1]) Всѣхъ монаховъ выѣхало за границу 46 человѣкъ. Въ томъ числѣ: съ правомъ на пенсію 41, безъ права на пенсію два монаха и три новиція.

а) относительно мужскихъ монастырей: изъ числа 155 мужскихъ монастырей—71 упразднить по малому числу монашествующихъ; 39 закрыть за участіе въ мятежѣ; 25 оставить штатными и 20 заштатными.

Изъ числа 25 штатныхъ мужскихъ монастырей, на правомъ берегу Вислы оставлено только пять, въ мѣстахъ удобныхъ для строгаго за ними надзора.

Не штатныхъ мужскихъ монастырей осталось 20; всѣ они подлежали закрытію по мѣрѣ уменьшенія въ нихъ числа монашествующихъ лицъ [1]).

б) относительно женскихъ монастырей. Изъ числа 21 монастыря положено было упразднить по малому числу монашествующихъ 4 монастыря: маріавитокъ въ Ченстоховѣ, норбертанокъ въ Пинчевѣ, бригитокъ и кармелитокъ въ Люблинѣ. Изъ остававшихся затѣмъ 17-ти женскихъ римско-католическихъ монастырей опредѣлено было—10 назначить штатными, а 7 считать заштатными.

Такимъ образомъ монастырская реформа въ царствѣ Польскомъ, на основаніи составленныхъ коммиссіей соображеній, должна была повести къ уничтоженію, немедленному или постепенному всѣхъ монастырей за исключеніемъ 25, которые сдѣлались штатными и получили достаточное обезпеченіе на содержаніе, кромѣ полнаго права распоряжаться по своему усмотрѣнію платою за требы. Кромѣ того предположено было оставить за монастырями всѣ зданія, находящіяся въ неразрывной связи съ церковью или необходимыя для помѣщенія монашествующихъ или священно-и церковно-служителей. Во всѣхъ штатныхъ монастыряхъ положено было содержать 360 монаховъ, считая по 14 въ каждомъ, за исключеніемъ Ченстоховскаго, гдѣ ихъ опредѣлено имѣть 24. Въ 10 женскихъ штатныхъ монастыряхъ опредѣлено имѣть по 14 монахинь въ каждомъ или 140 во всѣхъ. Слѣдовательно, изъ общей массы 2.180 монашествующихъ штатными оставалось 500 человѣкъ; всѣ остальные временно размѣщались или въ штатныхъ монастыряхъ, или въ заштатныхъ. Монастыри же, признанные подлежащими закрытію или упраздненію, должно было немедленно очистить отъ братіи; въ нихъ могли остаться только тѣ монахи, которые, въ числѣ отъ 1 до 3, предназначались для совершенія богослуженія въ сохраняемыхъ монастырскихъ церквахъ. Мѣру немедленнаго очищенія закрываемыхъ и упраздняемыхъ монастырей коммиссія считала неотложною для безповоротности дѣла и возможности самаго строгаго исполненія предполагае-

[1]) Всѣ нештатные мужскіе монастыри, по мѣрѣ уменьшенія въ нихъ числа монашествующихъ, упразднены въ періодъ времени съ 1868 по 1873 г., и нынѣ (1886 г.) ни одного не штатнаго мужскаго монастыря въ Привислянскомъ краѣ нѣтъ.

маго закона. Практика прежняго времени показала, что въ 1864 году еще существовали нѣкоторыя обители, считавшіяся упраздненными папскими буллами 1818 г., а именно мужской монастырь францишкановъ въ Хенцинахъ и женскія обители норбертанокъ въ Пинчевѣ, бригитокъ и кармелитокъ въ Люблинѣ. То же могло бы повториться и нынѣ; кромѣ того было бы крайне неполитично оставлять на прежнихъ мѣстахъ братію тѣхъ монастырей, которые подлежали закрытію; монахи, признанные виновными въ мятежной дѣятельности, могли начать снова свою пропаганду и возбудить различныя недоразумѣнія и соблазны въ населеніи. Въ виду устраненія возможности такой пропаганды въ Варшавѣ, принято было за правило: большинство варшавскихъ монаховъ вывезти въ провинцію и никого въ тамошніе монастыри не направлять изъ прочихъ закрываемыхъ или упраздняемыхъ монастырей.

Не разсматривая отдѣльно вопроса объ упраздненіи того или другаго ордена, коммиссія на практикѣ разрѣшила этотъ вопросъ уничтоженіемъ семи мужскихъ и трехъ женскихъ монашескихъ орденовъ. А именно изъ числа 17 существовавшихъ мужскихъ монашескихъ орденовъ въ число штатныхъ монастырей включены монастыри только 10 орденовъ, а изъ остальныхъ семи орденовъ — въ четырехъ упразднены или закрыты всѣ монастыри и въ трехъ всѣ монастыри оставлены за штатомъ. По упраздненіи или закрытіи всѣхъ монастырей переставали существовать ордена: миссіонеровъ, тринитаріевъ, бенедиктиновъ и кармелитовъ босыхъ, а по оставленіи всѣхъ монастырей за штатомъ—упразднялись ордена: піаровъ, филипиновъ и бонфраторовъ. Изъ десяти женскихъ монашескихъ орденовъ, за оставленіемъ всѣхъ монастырей за штатомъ, упразднились ордена: маріавитокъ, бригитокъ и кармелитокъ.

Независимо отъ всего вышеизложеннаго, коммиссія предположила ходатайствовать объ упраздненіи, по малому числу монашествующихъ, и четырехъ монастырей греко-уніатскихъ (базиліанскихъ), тѣмъ болѣе, что монастыри эти отличались крайнею неблагонадежностью въ политическомъ отношеніи и весьма вредно вліяли на уніатское населеніе, побуждая его къ окатоличенію. Всѣхъ греко-уніатскихъ монастырей въ Царствѣ было пять—въ Замостьѣ, Бѣлѣ, Люблинѣ, Холмѣ и Варшавѣ. Коммиссія высказалась за оставленіе только одного монастыря Варшавскаго, гдѣ удобно можно было помѣстить и всю не многочисленную братію остальныхъ четырехъ монастырей. Упраздненіе греко-уніатскихъ монастырей представлялось тѣмъ удобнѣе, что булла папы Бенедикта XIV отъ 2-го мая 1744 г. именно и относилась къ монастырямъ Св. Василія въ польской провинціи.

Всѣ эти главнѣйшія соображенія были окончены коммиссію въ первыя одиннадцать засѣданій и 5-го августа уже представлены

графу-намѣстнику. Надо отдать полную справедливость членамъ коммиссіи—работали они усердно, и дѣло спорилось въ ихъ рукахъ; да иначе и быть не могло подъ руководствомъ такого предсѣдателя, какъ князь В. А. Черкаскій. Выслушать доклады каждаго отдѣльнаго члена, согласить его работу съ работою другихъ, доложить все это въ коммиссіи и самому же проредактировать въ окончательной формѣ всѣ ея постановленія, на все это хватало энергіи князя, заваленнаго кромѣ того массою другихъ работъ по коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, учредительному комитету и проч. До глубокой ночи сидѣли мы въ Мостовскомъ палацѣ, но до послѣдней минуты руководимые княземъ Черкасскимъ чувствовали себя свѣжими и бодрыми. Одно общее желаніе одушевляло насъ—мы хотѣли оправдать довѣріе государя и представить работу, не только быстро выполненную, но обдуманную и редактированную настолько хорошо, чтобы ее не стыдно было опубликовать на нѣсколькихъ языкахъ одновременно, какъ это предполагалось.

5-го августа 1864 г., т. е. сорокъ одинъ день послѣ начала работъ коммиссіи, князь Черкаскій представилъ графу Бергу:

а) составленный и окончательно пересмотрѣнный коммиссіею проектъ правилъ, долженствовавшихъ войти въ составъ высочайшаго указа по предмету упраздненія и закрытія римско-католическихъ и греко-уніатскихъ монастырей въ царствѣ Польскомъ.

б) три списка мужскимъ и женскимъ римско-католическимъ монастырямъ, подлежащимъ закрытію или упраздненію.

в) списокъ орденамъ, всѣ монастыри коихъ закрываются или упраздняются и

г) примѣрную смѣту доходовъ и расходовъ по содержанію монастырей.

Самый докладъ коммиссіи былъ представленъ нѣсколько позже, такъ какъ онъ одновременно съ перепиской переводился на польскій языкъ, что было легче сдѣлать въ Варшавѣ, нежели въ Петербургѣ.

Представляя 5-го августа намѣстнику главнѣйшую и самую существенную часть работъ коммиссіи, князь Черкаскій тогда же поднесъ къ подписанію графа Берга проектъ его отношенія къ министру статсъ-секретарю царства Польскаго, въ которомъ высказывалось одобреніе всѣхъ работъ, уже изготовленныхъ по монастырской реформѣ.

Графъ Бергъ, того же 5-го августа, подписалъ приготовленную княземъ Черкаскимъ бумагу, и работы коммиссіи пошли въ Петербургъ, не ожидая окончанія перевода доклада: «дабы, какъ говорилось въ отзывѣ графа Берга, согласно высочайшей волѣ, ускорить возможность представленія дѣла на высочайшее его императорскаго величества возрѣніе».

Посылая въ Петербургъ докладъ коммиссіи съ переводомъ на поль-

скій языкъ, графъ Бергъ выразилъ желаніе, чтобы онъ былъ напечатанъ не только въ русскомъ текстѣ, но переведенъ также кромѣ польскаго и на языки французскій, нѣмецкій и англійскій для возможно большаго и скорѣйшаго распространенія въ европейской публикѣ точныхъ свѣдѣній о тѣхъ важныхъ политическихъ обвиненіяхъ, которыя тяготѣютъ на римско-католическихъ монастыряхъ въ Царствѣ, и о причинахъ, вынудившихъ правительство къ принятію мѣръ для обузданія ихъ своеволія. Впослѣдствіи намѣстникъ еще разъ подтвердилъ это свое мнѣніе и просилъ издать докладъ на пяти языкахъ одновременно съ появленіемъ указа о монастыряхъ.

Подготовляя столь важную и существенно необходимую государственную мѣру, каково упраздненіе и закрытіе значительной части монастырей въ царствѣ Польскомъ, ни графъ Бергъ, ни комиссія не могли не имѣть въ виду всѣхъ затрудненій, сопряженныхъ съ ея исполненіемъ. Неизбѣжность рѣшительныхъ со стороны русскаго правительства дѣйствій для укрощенія въ Царствѣ латинскаго монашества и предупрежденія въ будущемъ повторенія тѣхъ преступныхъ дѣйствій, которыми оно ознаменовало себя въ польскомъ мятежѣ, было столь очевидно, потребность въ этомъ столь ясно истекала изъ всего хода событій, что такого рода мѣра уже давно предчувствовалась и предсказывалась не только въ царствѣ Польскомъ, но и общественнымъ мнѣніемъ Европы. Предположенныя о монастыряхъ распоряженія должны были встрѣтить организованное противодѣйствіе со стороны мѣстнаго духовенства и тѣмъ сильнѣе возбудить вопли негодованія со стороны клерикальной партіи вообще.

Передача комиссіи духовныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе князя Черкаскаго хотя и устранила важнѣйшее затрудненіе, какое могли бы причинить намъ мѣстные чиновники и духовенство, однако нельзя было не имѣть въ виду, что не только сами монахи, но въ особенности епархіальные начальники будутъ употреблять всевозможныя ухищренія для того, чтобы воспрепятствовать или, по крайней мѣрѣ, повредить успѣшному исполненію проектированныхъ мѣръ; можно было ожидать, что они будутъ стараться вызвать со стороны населенія какіе-либо протесты или даже открытыя демонстраціи. Чтобы предупредить по возможности такого рода противодѣйствіе, графъ Бергъ вполнѣ одобрилъ предположеніе особой коммиссіи произвести закрытіе монастырей внезапно и одновременно во всемъ Царствѣ немедленно по полученіи въ Варшавѣ высочайшаго о семъ указа, такъ чтобы самое обнародованіе сего послѣдняго было произведено въ то же время, какъ и исполненіе.

III.

Работы коммиссіи поступаютъ на разсмотрѣніе статсъ-секретаря Милютина. — Редакціонныя измѣненія. — Выдѣленіе вопроса о греко-уніатскихъ монастыряхъ.—Нѣкоторыя измѣненія въ проектахъ коммиссіи.—Мнѣнія комитета по дѣламъ царства Польскаго о необходимости: а) соблюденія полной тайны насчетъ монастырской реформы до ея осуществленія и б) преданія самой широкой гласности высочайшему о семъ указу и докладу Варшавской коммиссіи о дѣятельности монастырей во время мятежа.—Государь утверждаетъ журналъ комитета 27-го октября (8-го ноября) 1864 г.—Вступительная часть указа.—Доставленіе указа въ Варшаву.

Получивъ работы особой коммиссіи, Н. А. Милютинъ нашелъ ихъ, по существу, вполнѣ разрѣшающими дѣло, но не счелъ удобнымъ оставить въ той формѣ, въ какой онѣ были доставлены изъ Варшавы. Въ проектѣ коммиссіи изложены были въ совокупности какъ главныя постановленія по монастырскому дѣлу, такъ и подробныя правила, опредѣляющія способы исполненія основныхъ постановленій. Между тѣмъ Н. А. Милютинъ находилъ, что, по общему порядку и по существу дѣла, было бы удобнѣе главныя основанія мѣръ, соображенныя въ отношеніи римско-католическихъ монастырей, издать въ видѣ высочайшаго указа, а всѣ статьи, опредѣляющія лишь порядокъ исполненія и вообще всѣ подробности дѣла, изложить въ формѣ особыхъ дополнительныхъ къ указу правилъ. Кромѣ того, онъ полагалъ упраздненіе греко-уніатскихъ монастырей предоставить власти намѣстника на основаніяхъ, соображенныхъ коммиссіей.

На этомъ основаніи составлены были и по высочайшему повелѣнію внесены въ комитетъ по дѣламъ царства Польскаго: 1) проектъ высочайшаго указа относительно упраздненія и закрытія римско-католическихъ монастырей; 2) проектъ дополнительныхъ къ сему указу правилъ и 3) проектъ особаго постановленія о греко-уніатскихъ монастыряхъ.

Проекты эти были разсмотрѣны комитетомъ по дѣламъ царства Польскаго въ засѣданіяхъ 9-го и 20-го октября 1864 года, на которыя были приглашены товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ тайный совѣтникъ Мальцевъ и товарищъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода князь Урусовъ.

Разсматривая внесенные проекты узаконеній, комитетъ нашелъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія какъ въ редакціи, такъ и по существу. Измѣненія эти были совершенно незначительны, но на нихъ слѣдуетъ остановиться, чтобы показать, съ какимъ вниманіемъ изучалось дѣло въ комитетѣ и какъ велико было желаніе избѣжать, по возможности, всѣхъ недоразумѣній и нареканій.

Въ ст. 4 указа, монашествующимъ лицамъ закрываемыхъ и упразд-

няемыхъ монастырей предоставлялось право или остаться въ сохраняемыхъ монастыряхъ Царства, или избрать другой, по своему усмотрѣнію, родъ жизни съ полученіемъ денежнаго изъ казны пособія или же отправиться за границу для всегдашняго тамъ пребыванія. Комитетъ не счелъ удобнымъ вводить въ указъ постановленіе, дозволяющее слагать монашескіе обѣты для избранія монашествующими лицами другаго рода жизни, и опредѣлилъ выразить это въ дополнительныхъ правилахъ заявленіемъ (§ 15), что, въ случаѣ освобожденія кого-либо изъ монаховъ или монахинь отъ монастырской жизни, они не лишаются ежегоднаго содержанія въ 40 рублей и сверхъ того получаютъ на наемъ помѣщенія по 20 р. въ годъ. Сущность дѣла осталась та же, но форма была дѣйствительно гораздо мягче и не допускала возраженій.

Предположеніе Варшавской коммиссіи объ установленіи порядка пріема монастырскихъ имуществъ на основаніяхъ сходныхъ съ тѣми, какія были приняты въ 1818—1822 годахъ по соглашенію съ Римскимъ дворомъ, измѣнены исключеніемъ ссылки на Римскій дворъ, который не былъ приглашенъ вообще къ соглашенію по заготовлявшимся предположеніямъ относительно римско-католическихъ монастырей.

Наконецъ, отклонено проектированное учрежденіе при коммиссіи погашенія долговъ Царства особаго совѣта для наблюденія за расходомъ поступленій съ монастырскихъ имуществъ, а рѣшено усилить только коммиссію погашенія назначеніемъ, для сего рода дѣлъ, нѣсколькихъ членовъ отъ римско-католическаго духовенства.

Всѣ остальныя предположенія коммиссіи, включительно съ соображеніями о закрытіи греко-уніатскихъ монастырей,—были одобрены.

Переходя отъ существа къ порядку исполненія, комитетъ по дѣламъ царства Польскаго принялъ во вниманіе особое заявленіе статсъ-секретаря Милютина.

Николай Алексѣевичъ счелъ нужнымъ обратить вниманіе на крайнее озлобленіе, съ которымъ, по всему вѣроятію, закрытіе польскихъ монастырей встрѣчено будетъ въ нѣкоторыхъ католическихъ странахъ Европы, и на необходимость ослабить, сколь можно, вредное для насъ политическое вліяніе, всегда сопряженное съ чрезмѣрнымъ раздраженіемъ общественнаго мнѣнія. Если законодательныя мѣры столь либеральныя по своему духу, какъ улучшеніе быта крестьянъ царства Польскаго, и реформа учебной части на основаніи равноправности всѣхъ элементовъ населенія, вызвали въ европейской печати самую безсовѣстную клевету, то нельзя было не ожидать еще болѣе неистовыхъ возгласовъ по поводу настоящей мѣры, которая, при всей ея безусловной справедливости и необходимости, дѣйствительно заключала въ себѣ принудительный характеръ и, измѣняя отчасти религіозный бытъ цѣлой страны вмѣшательствомъ иновѣрнаго правительства, могла возбу-

дить противъ себя не только всю клерикальную партію, но и многіе либеральные умы, незнакомые съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ въ царствѣ. При такихъ обстоятельствахъ, по мнѣнію Н. А. Милютина, необходимо было принять возможныя мѣры противодѣйствія, и для этого, прежде всего, полезно было бы ознакомить общественное мнѣніе съ тѣми преступными дѣйствіями латинскихъ монастырей въ Польшѣ, которыя не только оправдываютъ закрытіе ихъ, но сдѣлали подобную мѣру неизбѣжною. Свѣдѣнія объ этихъ дѣйствіяхъ были изложены, хотя по недостатку времени и не съ совершенной полнотой, въ особомъ докладѣ учрежденной въ Варшавѣ коммиссіи. Если этотъ докладъ и не раскроетъ глазъ людямъ, ослѣпленнымъ фанатическими страстями, то онъ долженъ былъ имѣть свое дѣйствіе на умы людей умѣренныхъ и не принадлежащихъ къ клерикальной партіи, и потому было необходимо придать означенному документу возможно обширную въ Европѣ гласность, независимо отъ прочихъ мѣръ, которыя надлежало принять для разъясненія истинныхъ обстоятельствъ настоящаго дѣла, характера дѣйствій нашего правительства и вообще видовъ онаго, клонившихся лишь къ упроченію спокойствія и общественной безопасности въ краѣ.

Комитетъ по дѣламъ царства Польскаго, имѣя въ виду заявленіе намѣстника о необходимости общаго и внезапнаго закрытія монастырей одновременно съ обнародованіемъ высочайшаго указа и считая съ своей стороны необходимымъ для успѣха дѣла сохраненіе полной тайны о всѣхъ мѣропріятіяхъ относительно римско-католическихъ монастырей въ Царствѣ, до момента закрытія ихъ и возможно большей гласности съ того времени о причинахъ, побудившихъ правительство къ такой мѣрѣ,—опредѣлилъ:

а) Переводъ доклада особой коммиссіи, доставленный графомъ Бергомъ, исправить въ канцеляріи комитета, съ тѣмъ чтобы переводъ окончательно былъ провѣренъ исполняющимъ обязанности министра статсъ-секретаря Царства, тайнымъ совѣтникомъ Старынкевичемъ, и затѣмъ всѣ проекты, съ польскимъ переводомъ оныхъ, переписать въ канцеляріи же комитета и при журналѣ представить на высочайшее благоусмотрѣніе. По удостоеніи же ихъ утвержденія, препроводить къ тайному совѣтнику Старынкевичу, для немедленнаго сообщенія намѣстнику съ тѣмъ, чтобы тайнымъ совѣтникомъ Старынкевичемъ приняты были всѣ зависящія отъ него мѣры для избѣжанія преждевременнаго разглашенія предположенныхъ распоряженій о монастыряхъ и для сохраненія въ совершенной тайнѣ самаго времени отсылки въ Варшаву, и

б) для бо̀льшаго распространенія указа о монастыряхъ и доклада коммиссіи, предоставить статсъ-секретарю Милютину, при содѣйствіи министерства иностранныхъ дѣлъ, распорядиться какъ переводомъ указа

и доклада на языки французскій, нѣмецкій и англійскій, такъ и своевременнымъ напечатаніемъ самаго текста и переводовъ.

Журналъ свой комитетъ по дѣламъ царства Польскаго закончилъ слѣдующими словами: «по мнѣнію комитета, нельзя не ожидать, что предпринимаемыя мѣры въ отношеніи римско-католическихъ монастырей въ Царствѣ послужатъ предлогомъ враждебнымъ нашему правительству нареканіямъ; но нареканія сіи не будутъ имѣть никакого основанія. Монастыри въ царствѣ Польскомъ совершенно удалились отъ своего религіознаго призванія и обратились въ притоны политической агитаціи и въ разсадники политическихъ преступленій. Поэтому упраздненіе и закрытіе многихъ изъ нихъ, какъ мѣра, вызванная настоятельною необходимостью для огражденія общественнаго порядка и спокойствія, обезпеченіе коихъ составляетъ не только право, но и прямую обязанность каждаго правительства, не можетъ, безъ крайней недобросовѣстности, быть истолковано какъ дѣло насилія или религіознаго гоненія, и ни одно правительство въ Европѣ, не исключая и папскаго, не будетъ имѣть никакого справедливаго основанія придать ей такое значеніе. Подобныя мѣры принимались въ римско-католическихъ государствахъ Европы безъ предварительнаго соглашенія съ Римскимъ дворомъ, и русское правительство имѣетъ полное право положить предѣлъ преступнымъ дѣйствіямъ и необузданному своеволію латинскаго монашества въ Польшѣ, не прибѣгая для этого къ какимъ бы то ни было сношеніямъ съ римскимъ престоломъ.

«Комитетъ, считая полезнымъ распространить, по возможности, въ самыхъ католическихъ государствахъ Европы вѣрныя понятія о дѣйствительныхъ побужденіяхъ къ настоящимъ распоряженіямъ, полагалъ бы сообщить о вышеизложенномъ министру иностранныхъ дѣлъ, предоставивъ его усмотрѣнію принять тѣ мѣры, какія онъ признаетъ наиболѣе соотвѣтствующими указанной цѣли».

27-го октября (8-го ноября) 1864 г. въ Царскомъ Селѣ государь утвердилъ журналъ комитета, написавъ на немъ «исполнить».

Указъ состоялъ изъ вступленія, написаннаго Н. А. Милютинымъ, и 26 статей, а приложенныя къ нему «Дополнительныя правила объ упраздненіи и закрытіи римско-католическихъ монастырей»—изъ 59 параграфовъ, раздѣленныхъ на пять главъ.

Вступительная часть указа настолько хороша и такъ рельефно выставляетъ суть самаго дѣла, что я выписываю ее здѣсь цѣликомъ:

«Соблюдая завѣты августѣйшихъ нашихъ предшественниковъ и слѣдуя искреннѣйшимъ побужденіямъ нашего сердца, мы всегда охраняли законныя права и неприкосновенность религій, исповѣдуемыхъ нашими вѣрными подданными. Въ семъ случаѣ мы лишь руководились тѣми непреложными началами вѣротерпимости, которыя составляютъ

одно изъ главныхъ основаній отечественнаго законодательства и неразрывно связуются съ коренными историческими преданіями православной церкви и русскаго народа.

«И въ царствѣ Польскомъ, гдѣ большинство жителей принадлежатъ къ церкви римско-католической, мы имѣли особливое попеченіе о благосостояніи сей церкви, сохраняя всѣ ея учрежденія въ томъ видѣ, какъ они сложились самостоятельно въ прежнее время. Въ 1861 и 1862 годахъ, даруя жителямъ Царства разныя льготы и преимущества, мы распространили оныя и на римско-католическое духовенство, ввѣривъ, въ то же время, заботы объ его нуждахъ особому высшему управленію изъ лицъ, несомнѣнно преданныхъ римско-католической церкви.

«Съ тѣмъ большею скорбію усмотрѣли мы, что во время возникшихъ волѣдъ затѣмъ въ Царствѣ волненій, нѣкоторая часть духовенства римско-католическаго не оказалась вѣрною ни долгу пастырей, ни долгу подданныхъ. Даже монахи, забывъ заповѣдь Св. Евангелія и презрѣвъ добровольно принесенные передъ алтаремъ обѣты иноческаго званія, возбуждали кровопролитіе, подстрекали къ убійствамъ, оскверняли стѣны обителей, принимая въ нихъ святотатственныя присяги на совершеніе злодѣяній, а нѣкоторые вступали сами въ ряды мятежниковъ и обагряли руки свои кровью невинныхъ жертвъ.

«Сколь ни прискорбны для сердца нашего сіи горестныя явленія, потрясающія самыя основы религіознаго и нравственнаго быта ввѣреннаго намъ Всевышнимъ промысломъ народа, они тѣмъ не менѣе не охлаждаютъ заботливости нашей о благоустроеніи римско-католической церкви и духовенства въ царствѣ Польскомъ. Въ сихъ видахъ мы повелѣли учредительному комитету составить и представить намъ проектъ штатовъ, которые обезпечили бы вполнѣ матеріальное положеніе приходскаго римско-католическаго духовенства, дабы не только уравнять, по возможности, выгоды, извлекаемыя членами онаго изъ бенефицій, но въ особенности улучшить бытъ тѣхъ изъ приходскихъ настоятелей, которые нынѣ, по крайней скудности или невѣрности дохода, наиболѣе стѣснены въ своихъ средствахъ.

«Но вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелый опытъ едва пройденныхъ дней вынуждаетъ насъ принять дѣйствительныя мѣры къ огражденію общества отъ повторенія явленій, подобныхъ тѣмъ, которыми монашествующее сословіе въ Царствѣ ознаменовало участіе свое въ послѣднемъ мятежѣ. Мы убѣдились въ невозможности оставить монастыри Царства въ томъ исключительномъ положеніи, которое предоставлялось имъ доселѣ по особенному снисхожденію правительства, тогда какъ въ большей части римско-католическихъ государствъ Европы давно уже приняты мѣры къ подчиненію иноковъ общему епархіальному начальству, къ упраздненію монастырей, не имѣющихъ опредѣленнаго каноническими прави-

лами числа монаховъ, или обнаруживавшихъ вредное направленіе и къ передачѣ въ казенное завѣдываніе монастырскихъ имѣній, управленіе коими отвлекаетъ духовенство отъ его прямаго призванія. Находя, что и въ царствѣ Польскомъ подобныя мѣры необходимы для возстановленія въ римско-католическихъ монастыряхъ нарушеннаго благочинія, мы повелѣли учредить въ Варшавѣ особую о монастыряхъ коммиссію изъ лицъ, частію нами самими, частью намѣстникомъ нашимъ назначенныхъ. Коммиссія эта тщательно разсмотрѣла вопросъ о томъ, которыя именно изъ обителей подлежатъ упраздненію по малому въ нихъ числу иноковъ, а равно изслѣдовала участіе отдѣльныхъ монастырей въ дѣйствіяхъ послѣдняго мятежа.

«Разсмотрѣвъ докладъ сей коммиссіи, представленный намъ чрезъ намѣстника нашего, и выслушавъ по оному заключеніе, мы постановили и постановляемъ» и проч.

Впослѣдствіи, 22-го ноября (4-го декабря) того же 1864 г., къ законодательнымъ актамъ 27-го октября присоединились еще высочайше утвержденныя правила о способахъ содержанія и порядкѣ управленія римско-католическихъ монастырей въ царствѣ Польскомъ.

Печатные экземпляры высочайшаго указа 27-го октября и доклада особой коммиссіи, изданные въ отдѣльныхъ брошюрахъ на языкахъ русскомъ съ польскимъ переводомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ, были привезены въ Варшаву членомъ монастырской коммиссіи, генеральнаго штаба полковникомъ барономъ Медемомъ, нарочно для исполненія сего командированнымъ въ Петербургъ. Тайна всѣхъ предварительныхъ распоряженій была сохранена вполнѣ и безусловно.

Д. Анучинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*

Письмо графа Д. А. Гурьева [1])—М. М. Сперанскому по поводу открытія совѣта кредитныхъ установленій.

7-го марта 1818 г.

Хотя я не сомнѣваюсь, что петербургскія газеты доставляются исправно въ Пензу, но я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи препроводить особенно къ вашему превосходительству экземпляръ прибавленій «Сѣверной Почты», коимъ сообщается объ открытіи совѣта кредитныхъ установленій и о предметахъ, на разсмотрѣніе его въ первомъ засѣданіи представленныхъ, также и переводъ со всего того на французскомъ языкѣ, въ прибавленіи «Консерватора» заключающійся. Вы, конечно, примете участіе въ первоначальномъ и довольно успѣшномъ ходѣ нашей новой кредитной системы—удовлетворительно излагать правду, когда глубоко ее чувствуешь. Кромѣ Англіи, изъ всѣхъ государствъ въ Европѣ, Россія можетъ съ возвышенною главою въ истинѣ и неколебимости совѣсти своей спокойно глядѣть на кредиторовъ своихъ. Вамъ теченіе дѣлъ по сей части извѣстно: сдѣлайте мнѣ замѣчанія ваши, ежели я въ рѣчи своей что-либо пропустилъ, или излишнее сказалъ. Я васъ искренне о семъ прошу и также искренне увѣряю въ отличномъ моемъ къ вамъ почтеніи, Д. Гурьевъ.

---

[1]) Графъ Димитрій Александровичъ Гурьевъ (1751†1825) былъ въ то время министромъ финансовъ.

Крестьянскій вопросъ въ Екатерининской коммиссіи для составленія Уложенія.

(В. И. Сантову въ знакъ глубокой благодарности посвящаетъ авторъ).

Въ сочиненіяхъ по исторіи крѣпостнаго права обыкновенно старательно обходятъ вопросъ о томъ, что̀ такое было собственно крѣпостное право? Если бы мы перерыли всѣ наши законодательные памятники за время существованія у насъ крѣпостнаго права, мы нигдѣ не нашли бы его опредѣленія. Сохранились, правда, двѣ записки гр. М. М. Сперанскаго, гдѣ онъ пытается это сдѣлать, но онѣ не отличаются полнотою и относятся къ болѣе позднему времени, когда законодательство о крестьянахъ успѣло уже обогатиться новыми постановленіями. Поэтому придется намъ самимъ установить, что такое было крѣпостное право ко времени знаменитой Екатерининской коммиссіи для составленія Уложенія, собравъ въ одно всѣ черты его, разсѣянныя въ различныхъ законодательныхъ памятникахъ. Крестьянинъ разсматривался, несомнѣнно, какъ собственность помѣщика, который могъ пользоваться его трудомъ или взимать съ него оброкъ, могъ держать его на пашнѣ или перевести на свой дворъ, могъ наконецъ отчуждать его: продать, подарить, заложить... Однако крестьянинъ не переставалъ быть членомъ государства, такъ какъ несъ въ пользу послѣдняго извѣстныя повинности, при чемъ отвѣтственнымъ лицомъ за правильное исполненіе этихъ повинностей являлся помѣщикъ, который отвѣчалъ за своихъ крестьянъ также во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ уголовныхъ (Улож., XIII, 7; XXV, 6) и доставлялъ провинившихся въ судъ (Полн. Собр. Зак. № 1806). Въ свою очередь государство не отказывало крѣпостному

вполнѣ въ защитѣ, такъ какъ, по закону, помѣщикъ не могъ не только убивать крестьянъ, но и разорять ихъ (въ противномъ случаѣ имѣніе должно было быть взято подъ опеку. Пол. Собр. Зак., изд. 1-ое № 3294), не могъ въ голодный годъ оставить ихъ безъ всякой помощи (тамъ же, №№ 6570, 6653 и 6682) и т. д. Конечно, были самыя вопіющія нарушенія этого, но по закону было такъ. Поэтому значеніе крѣпостного права можно формулировать такъ: оно было правомъ помѣщика на личность крестьянина, ограниченнымъ однако тѣмъ, что послѣдній не переставалъ быть членомъ государства, несъ извѣстныя повинности въ его пользу, и потому пользовался его защитой. При этомъ помѣщикъ являлся по отношенію къ крѣпостнымъ не только собственникомъ, но также финансовымъ и судебно-полицейскимъ агентомъ правительства (такъ, онъ долженъ былъ не допускать своихъ крестьянъ до нищенства. Полн. Собр. Зак. № 8407). Такое опредѣленіе крѣпостнаго права намъ кажется самымъ правильнымъ. Поэтому нельзя смѣшивать его съ рабствомъ: «servi sunt res»[1]), гласитъ извѣстное положеніе римскаго права. Значеніе крѣпостнаго права вполнѣ объясняется его происхожденіемъ: возникновеніе его находилось въ тѣсной связи съ развитіемъ помѣстной системы. Помѣстьями служилое сословіе владѣло не на простомъ гражданскомъ правѣ, а на государственномъ, подъ условіемъ государственной службы,—таково же было первоначальное значеніе и крѣпостнаго права. При этомъ крестьяне сначала были привязаны къ землѣ, чѣмъ они и отличались отъ старинныхъ русскихъ холоповъ, которые составляли почти неограниченную собственность своихъ владѣльцевъ. Петровскія переписи смѣшали эти два низшіе класса общества, оторвавъ крестьянъ отъ земли и перенеся на холоповъ черты крѣпостнаго права: теперь послѣдніе стали нести государственныя повинности, которыхъ не знали до сихъ поръ, и подходить подъ тѣ же узаконенія, какъ крестьяне. Такимъ образомъ получился одинъ типъ крѣпостнаго населенія. Взглядъ на послѣдній, какъ на средство обезпечить служилому человѣку возможность нести государственную службу, остался прежній, и онъ неоднократно высказывался правительствомъ. Однако послѣдовавшій при Петрѣ III Указъ о вольности дворянъ лишилъ крѣпостное право его оправданія, не говоря о тѣхъ злоупотребленіяхъ, которымъ оно давало широкій просторъ во все время своего существованія. Этимъ указомъ оно было осуждено рано или поздно на уничтоженіе. Предметомъ нашей статьи и будетъ опредѣлить, на сколько содѣйствовала

[1]) „Рабы—имущество"

разрѣшенію въ этомъ смыслѣ вопросу о крѣпостномъ правѣ Екатерининская коммиссія для составленія Уложенія.

Изъ дѣлъ, которыя занимали Екатерину при восшествіи на престолъ, вопросу о положеніи крестьянъ принадлежало далеко не послѣднее мѣсто. Доказательствомъ этого являются замѣтки карандашомъ, которыя она дѣлала для себя, еще будучи принцессой: въ нихъ мы находимъ строчки, посвященныя положенію несвободнаго сельскаго населенія. Крестьянскія волненія, которыми ознаменовалось начало славнаго царствованія, должны были также привлечь вниманіе императрицы на этотъ предметъ. Въ 1767 году она нашла случай высказаться вполнѣ по занимавшему ее вопросу: въ этомъ году она созвала свою знаменитую Коммиссію для составленія Уложенія и въ своемъ Наказѣ ей посвятила не мало мѣста (около сорока статей) вопросу о крѣпостныхъ крестьянахъ. Однако стояла ли мудрая законодательница на высотѣ своего призванія? На это можно отвѣтить только отрицательно: для того, чтобы произвести реформу чего-либо, необходимо, конечно, ясно понимать значеніе этого явленія, необходимо обратиться къ предшествующему законодательству и на основаніи его опредѣлить, гдѣ кончается право и гдѣ начинаются злоупотребленія. Совсѣмъ не то дѣлала Екатерина: она искала опредѣленія нашего крѣпостнаго права не въ предшествующемъ русскомъ законодательствѣ, а у иностранныхъ юристовъ. «Два рода покорностей, — писала она въ Наказѣ: одна—существенная, другая личная, то есть крестьянство и холопство. Существенная привязываетъ, такъ сказать, крестьянъ къ участку земли, имъ данной. Такіе рабы были у германцевъ. Они не служили въ должностяхъ при домахъ господскихъ, а давали господину своему извѣстное количество хлѣба, скота, домашняго рукодѣлья и проч., и далѣе ихъ рабство не простиралося. Такая служба и теперь введена въ Венгріи, въ Чешской землѣ и во многихъ мѣстахъ Нижнія Германіи. Личная служба или холопство сопряжено съ услуженіемъ въ домѣ и принадлежитъ больше къ лицу или къ особѣ. Великое злоупотребленіе есть, когда оно въ одно время и личное и существенное. Таковы были рабы у Лакедемонянъ, называемые Илоты: на нихъ налагалися всѣ работы внѣ дому господскаго и въ домѣ всякимъ нападкамъ они были подвержены» [1]). Все это заимствовано у Монтескье, благодаря которому законодательница путала рабство и наше крѣпостное право, два, какъ мы видѣли, совершенно различныхъ предмета. Только разъ, какъ бы мимоходомъ она ссылается на русское законодательство, а именно на повелѣніе Петра I брать подъ опеку помѣщиковъ, мучающихъ своихъ крестьянъ [2]).

[1]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Томъ десятый. С.-Петербургъ, 1872, стр. 153.

[2]) Тамъ же, стр. 155.

Такимъ образомъ дѣло императрицы затруднялось прежде всего тѣмъ, что она не имѣла правильнаго понятія о томъ, что̀ бралась реформировать. Что же касается собственно до категорически выраженныхъ требованій Екатерины, то они не многочисленны и не могутъ поразить насъ своимъ радикализмомъ, а именно сводятся къ слѣдующему: 1) оградить личность крестьянина отъ произвола помѣщика; 2) гарантировать ему закономъ пищу и одежду; 3) предписать помѣщикамъ, чтобы они брали съ крестьянъ умѣренный оброкъ; 4) гарантировать крестьянамъ собственность и дать имъ право выкупаться за извѣстную опредѣленную закономъ сумму; 5) запретить снова закрѣпощать освободившихся и 6)предоставить крѣпостному полное право жениться на комъ онъ хочетъ. Если бы Екатерина была болѣе знакома съ нашимъ законодательствомъ, то она увидѣла бы, что значительная часть того, чего она требовала, была уже имъ узаконена, а слѣдовательно, задача сводилась къ тому, чтобы провести это въ жизнь.

Все остальное, что мы находимъ въ Наказѣ по занимающему насъ вопросу, представляетъ собою простыя указанія на законы другихъ народовъ, по большей части, безъ всякихъ поясненій относительно того, какъ можно ихъ примѣнить въ Россіи, въ родѣ слѣдующихъ: «Одинъ изъ кесарей римскихъ узаконилъ рабамъ, оставленнымъ во время ихъ болѣзни отъ господъ своихъ, быть свободнымъ, когда выздоровѣютъ... Есть государства, гдѣ никто не можетъ быть осужденъ инако, какъ двѣнадцатью особами ему равными. Былъ у грековъ законъ, по которому рабы, жестокостью господъ своихъ убѣжденные (побужденные), могли требовать, чтобъ они другому были проданы. Въ послѣднія времена былъ подобный законъ и въ Римѣ. «Господинъ, раздраженный противу своего раба, и рабъ, огорченный (озлобленный) противъ господина своего, должны быть другъ отъ друга разлучены. Сей законъ служилъ къ безопасности хозяина и раба... Могутъ еще законы опредѣлить уреченное время службѣ: въ законѣ Моисеевомъ ограничена на шесть лѣтъ служба рабовъ»... [1]) и т. д. Однако, несмотря на всю умѣренность этихъ статей, не многимъ изъ нихъ пришлось быть напечатанными въ свое время: Екатерина, какъ извѣстно, подвергла свой Наказъ цензурѣ со стороны различныхъ лицъ и разрѣшила имъ вычеркнуть все, что они найдутъ неумѣстнымъ. Такимъ образомъ была вычеркнута значительная часть Наказа и въ томъ числѣ большая часть статей, касающихся положенія крестьянъ. Это было предвѣстіемъ того, какое настроеніе встрѣтятъ въ самой Коммисіи попытки ограничить крѣпостное право.

Составъ Екатерининской коммиссіи для составленія Уложенія былъ,

[1]) Тамъ же.

какъ извѣстно, самымъ пестрымъ: въ нее созывались депутаты ото всѣхъ сословій государства (за исключеніемъ впрочемъ духовенства и крѣпостныхъ крестьянъ), равно какъ отъ высшихъ государственныхъ учрежденій и другихъ присутственныхъ мѣстъ. Такимъ образомъ Синодъ, Сенатъ, коллегіи и канцеляріи (кромѣ губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ) должны были прислать по одному депутату; дворянство каждаго уѣзда, гдѣ губерніи раздѣлялись на уѣзды, а равно и тѣхъ мѣстъ, гдѣ уѣзды назывались полками, крейсами или имѣли иное названіе, обязано было прислать по одному депутату отъ каждаго такого округа. Жители каждаго города также по одному; однодворцы, пахатные солдаты и старыхъ службъ служилые люди, содержащіе ландмилицію, казенные крестьяне, такъ называемые черносошные, равно какъ каждое некочующее инородческое племя, какой бы вѣры они ни были, крещенное или некрещенное, по одному отъ каждой провинціи. Опредѣленіе числа депутатовъ отъ казачьихъ войскъ и отъ войска Запорожскаго было возложено на высшее ихъ начальство. Конечно, такой составъ не вполнѣ соотвѣтствовалъ сословному дѣленію общества: такъ, напримѣръ, у насъ не существовало, какъ на западѣ, городскаго сословія, а въ городахъ жили люди различныхъ сословій, и поэтому депутаты отъ городовъ не могли считаться представителями какого-нибудь одного опредѣленнаго общественнаго слоя, но, принявъ во вниманіе, что въ составленіи наказовъ имъ участвовали, главнымъ образомъ, купцы, приказные люди, то-есть чиновники, не дослужившіеся до дворянства, и отчасти бѣлое духовенство, мы можемъ заключить, что всѣ свободные элементы общества имѣли возможность высказать свои желанія. Какъ же отнеслись они къ крѣпостному праву? Довольно взглянуть въ изданные матеріалы Коммиссіи для того, чтобы убѣдиться, что настроеніе всѣхъ классовъ общества было самое неблагопріятное для разрѣшенія этого вопроса въ либеральномъ смыслѣ. Въ наказахъ отъ дворянства, которое въ данное время одно владѣло по закону крѣпостными (если не брать въ разсчетъ фабрикъ, къ которымъ были приписаны крестьяне), мы безпрестанно встрѣчаемъ требованіе, чтобы всѣ права его были сохранены, при чемъ здѣсь, несомнѣнно, разумѣется и крѣпостное право. Въ наказахъ депутатамъ отъ городовъ требуется, чтобы то же право было распространено на приказныхъ людей, на купцовъ и духовенство. Повтореніе послѣдняго требованія въ наказѣ депутату отъ Святѣйшаго Синода, а также въ приложенныхъ къ нему пунктахъ отъ различныхъ епархій, ясно показываетъ, что не только бѣлое духовенство, но и черное было заражено крѣпостническими притязаніями. Даже, почти сравнявшіеся въ это время съ казенными крестьянами, однодворцы и пахатные солдаты высказывали такія же требованія... Не проявили ихъ одни только казенные, такъ называемые черносошные крестьяне. Правда,

и они въ своихъ наказахъ ходатайствовали о разрѣшеніи покупать вмѣсто себя рекрутовъ, но не имѣли ничего и противъ того, если бы имъ было разрѣшено вносить, вмѣсто этого, опредѣленную сумму въ казну, а слѣдовательно, по вѣрному замѣчанію извѣстнаго историка нашего крестьянства, В. И. Семевскаго,—здѣсь дѣло шло только о замѣнѣ натуральной воинской повинности денежной. У всѣхъ сословій, требовавшихъ себѣ права имѣть крѣпостныхъ, доводы въ пользу этого были одни и тѣ же: всѣ они выставляли на видъ тяжелыя повинности и службы, отрывающія ихъ безпрестанно отъ дома, которыя они несутъ на пользу государства, и ихъ необходимость вслѣдствіе этого имѣть у себя на дому надежныхъ служителей, тогда какъ нанимать крѣпостныхъ у другихъ владѣльцевъ слишкомъ дорого. Здѣсь сказался вполнѣ господствовавшій до того времени взглядъ на крѣпостное населеніе: на него смотрѣли, какъ на средство обезпечить служилому сословію возможность нести государственную службу,—во имя того же самаго требовали себѣ крѣпостныхъ и другія сословія, которыя всѣ такъ или иначе служили государству и вовсе не были склонны умалять свои заслуги. Однако, дворяне вовсе не были расположены дѣлиться съ другими слоями общества своими правами, и, когда въ самой комиссіи депутаты отъ городовъ потребовали дарованія купцамъ и приказнымъ людямъ права владѣть крѣпостными, то цѣлый рядъ дворянскихъ депутатовъ энергично возсталъ противъ такихъ притязаній. Дворянскіе ораторы совершенно безсознательно выдвинули другую точку зрѣнія на крѣпостное право, точку зрѣнія, которой мы не замѣчаемъ до того времени. Какъ ни странно, они первые подняли вопросъ о томъ, какъ вліяетъ крѣпостное право на нравственный и умственный уровень общества... Не вліяетъ ли оно одинаково гибельно какъ на душевладѣльца, пріучая его существовать чужимъ трудомъ, такъ и на крѣпостнаго, доводя его до самой низкой степени нравственнаго паденія? До сихъ поръ на крестьянъ смотрѣли исключительно какъ на капиталъ государства, который оно пускаетъ въ оборотъ, отдавая его за службу дворянству, и, если высказывали желаніе улучшить ихъ положеніе, то только во имя государственнаго интереса. Такъ даже, самъ вышедшій изъ мужиковъ, знаменитый публицистъ Петровскаго времени И. Посошковъ требовалъ милосердія къ своимъ собратьямъ только во имя того, что «крестьянское богатство царственное (богатство), а нищета крестьянская—оскуденіе царственное» [1]). Ту же точку зрѣнія мы видимъ и въ Наказѣ: императрица до-

[1]) Сочиненія Ивана Посошкова, издан. М. Погодинымъ. Часть I-я, Москва 1842, стр. 189.

казывала необходимость ограничить помѣщичій произволъ тѣмъ, что вслѣдствіе этого «распространилось бы больше земледѣліе и число бы народа въ государствѣ умножилось» (ст. 270), а «Россія», писала она нѣсколько выше: «не только не имѣетъ довольно жителей, но обладаетъ еще чрезмѣрнымъ пространствомъ земель, которыя не населены, ниже обработаны. Итакъ не можно сыскать довольно ободреній къ размноженію народа въ государствѣ» (ст. 265). Теперь впервые стали замѣчать въ крѣпостномъ человѣческую личность. Такую точку зрѣнія мы можемъ назвать нравственной въ противуположность прежней экономической. Она являлась безусловно гибельной для крѣпостнаго права и замѣчается впервые въ рѣчахъ дворянскихъ депутатовъ противъ крѣпостническихъ притязаній депутатовъ отъ городовъ, при чемъ высказывавшіе ее не понимали того, что это обоюдо-острое оружіе, которое съ одинаковымъ успѣхомъ можетъ быть направлено противъ нихъ самихъ. «Покупка крѣпостныхъ людей»,—говорилъ дворянскій депутатъ отъ Кромскаго уѣзда Похвисневъ—«я полагаю, вредна для самого купечества, потому что капиталисты, владѣя ими, не будутъ уже имѣть нужды ни въ прикащикахъ, ни въ сидѣльцахъ, а въ должности эти будутъ употреблять крѣпостныхъ. Чрезъ это не только недостаточное купечество лишится способа придти со временемъ въ лучшее состояніе, но и достаточное не будетъ имѣть средствъ получить нужныя познанія въ торговлѣ. Въ нѣкоторыхъ европейскихъ державахъ никакого знатнаго купца сынъ не можетъ быть хозяиномъ, не бывши прежде сидѣльцемъ и прикащикомъ; и это приноситъ большую пользу тѣмъ, что при исполненіи этихъ обязанностей купеческіе сыновья пріобрѣтаютъ знанія, касающіяся до торговли, и что они не прежде могутъ вступить въ договоры съ иностранными, какъ уже имѣя потребныя къ тому познанія» [1]). Развѣ нельзя было сказать того же самаго и о душевладѣльцахъ-дворянахъ, которыхъ право пользоваться крѣпостнымъ трудомъ пріучало также къ праздности?

«Если разсмотримъ», говорилъ самый даровитый изъ дворянскихъ депутатовъ кн. М. М. Щербатовъ о крестьянахъ, приписанныхъ къ фабрикамъ: «самое употребленіе и жизнь этихъ работниковъ, то увидимъ, что кромѣ небольшаго числа мастеровъ, которые, для того, чтобы они не показывали своего мастерства постороннимъ, содержатся почти какъ невольники, кромѣ, говорю, этихъ мастеровъ, прочіе находятся въ весьма худомъ состояніи, какъ относительно ихъ содержанія, такъ и нравственности. Самый этотъ столичный городъ можетъ свидѣтельствовать о распутномъ состояніи сихъ людей, оставленныхъ безъ всякаго попеченія о нравственной ихъ сторонѣ. Въ нихъ, по большей части,

[1]) Сборн. Импер. Русск. Ист. Общ. Т. VIII. Спб. 1871, стр. 105–6.

пьянство и пороки такъ вкоренились, что они ни мало не думаютъ объ усовершенствованіи себя въ своемъ мастерствѣ. Отъ этого поврежденія ихъ нравовъ уменьшается многонародіе и нерѣдко происходятъ безпорядки въ деревняхъ» [1]). Развѣ нельзя было сказать того же самаго и о помѣщичьихъ крестьянахъ?

Изъ представителей другихъ сословій дворянскіе депутаты сначала нашли себѣ союзника только въ лицѣ одного депутата отъ казаковъ Хоперской крѣпости Андрея Алейникова, представителя рядоваго казачества, который объявилъ, что, если будетъ позволено имѣть крѣпостныхъ купцамъ и приказнымъ людямъ, то придется дать то же самое право и чиновнымъ казакамъ, равно какъ и малороссійскому шляхетству. Но дать это право купцамъ, по мнѣнію Алейникова, было бы вредно по слѣдующимъ причинамъ: «во 1-хъ, что богатые купцы накупятъ деревень и оставятъ торговлю; во 2-хъ, что прочіе купцы будутъ имѣть у себя нѣсколько крѣпостныхъ дворовыхъ, которыхъ, употребляя безъ пощады во всякія домашнія работы, приведутъ въ крайнее отчаяніе, и въ 3-хъ, что тѣ дворовые люди, отъ несноснаго отягощенія и бѣдственной жизни, будутъ дѣлать постоянные набѣги, собираться воровскими шайками, и народу всякаго званія будутъ причинять страшное грабительство и наносить безвинное истязаніе». (Здѣсь мы видимъ то же новую точку зрѣнія на крѣпостное право). Въ заключеніе ораторъ указалъ на то, какъ тяжело будетъ рядовымъ казакамъ, когда чиновные будутъ сажать на ихъ земли своихъ крѣпостныхъ людей, и предложилъ тѣхъ, которыхъ они уже посадили, описать на ея императорское величество [2]). Это вызвало настоящую бурю среди депутатовъ отъ различныхъ казачьихъ войскъ, представителей чиновнаго казачества, а также среди депутатовъ отъ малороссійскаго шляхетства: и здѣсь и тамъ высшій классъ успѣлъ уже обзавестись крѣпостными, хотя въ этихъ областяхъ и не было крѣпостнаго права. Ихъ представители возстали, какъ одинъ человѣкъ, противъ предложенія Алейникова, указывая на то, что военная служба безпрестанно отрываетъ ихъ отъ домашнихъ занятій и что для веденія хозяйства они безусловно нуждаются въ крѣпостныхъ. Противъ притязаній депутатовъ отъ городовъ еще выступилъ одинъ изъ представителей того сословія, которое одно не запятнало себя крѣпостническими тенденціями, а именно депутатъ отъ черносошныхъ крестьянъ Архангело-городской провинціи Чупровъ, который основывался главнымъ образомъ на статьяхъ Наказа [3]), но онъ не нашелъ никакой поддержки

[1]) Тамъ же, стр. 59.

[2]) Тамъ же, стр. 171.

[3]) На 1 ст., которая гласитъ: „Законъ христіанскій научаетъ насъ взаимно дѣлати другъ другу добро, сколько возможно“. На 13-ой „Предлогъ само-

въ своемъ сословіи. Такимъ образомъ единственное сословіе, которое не запятнало себя крѣпостническими тенденціями, отнеслось совершенно пассивно къ стремленіямъ остальныхъ, и только вліянію дворянства должно приписать то, что въ сохранившихся въ матеріалахъ Коммиссіи проектахъ «законовъ о правахъ средняго рода государственныхъ жителей» и «законовъ о правахъ войскъ казачьихъ» этимъ сословіямъ не дано права имѣть крѣпостныхъ.

Теперь посмотримъ, какъ отнеслись дворяне къ попыткамъ подорвать ихъ власть надъ крестьянами, которыя явились логическимъ слѣдствіемъ той точки зрѣнія, на которую они сами встали.

Какъ мы уже видѣли, дворянство было настроено далеко не либерально въ крестьянскомъ вопросѣ, судя по его наказамъ депутатамъ. Правда, мы находимъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ проблески либерализма, но очень слабые: такъ нѣкоторые (напр. Костромскаго уѣзда) [1]) соглашаются на то, что помѣщиковъ, уличенныхъ въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами, нужно брать подъ опеку, но предоставляютъ это дѣло проектируемому имъ дворянскому земскому суду, члены котораго, какъ дворяне, не могли быть вполнѣ безпристрастны. Дворяне Михайловскаго и Шлиссельбургскаго уѣздовъ предлагали для поощренія крестьянъ къ лучшей обработкѣ земли не продавать ихъ въ другіе уѣзды; да еще въ наказѣ дворянства Кинешемскаго уѣзда былъ затронутъ вопросъ о продажѣ людей въ рекруты. Здѣсь говорится о такихъ помѣщикахъ, «кои алчутъ о своихъ прибыткахъ», а поэтому не останавливаются и передъ торговлей рекрутами, «выбирая лучшихъ людей и чрезъ то крестьянъ своихъ доводятъ до крайняго разоренія и бѣдности», и предлагалось запретить продавать крестьянъ во время наборовъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ съ публикованія указовъ о нихъ... [3]) и только!.. За то въ наказахъ безпрестанно встрѣчаемъ требованія самыхъ безпощадныхъ мѣръ противъ бѣглыхъ крестьянъ, побѣги которыхъ приписывались исключительно ихъ дурной нравственности и своеволію, а также подговорамъ, напримѣръ, со стороны раскольниковъ [4]). Въ защиту крѣпостныхъ крестьянъ въ самой Коммиссіи пер-

---

державнаго правленія не тотъ, чтобъ у людей отнять естественную ихъ вольность; но чтобы дѣйствія ихъ направити къ полученію самаго большаго отъ всѣхъ добра", и 253-я: „Надлежитъ избѣгати случаевъ, чтобъ не приводить людей въ неволю, развѣ крайняя необходимость къ учиненію того привлечетъ". Тамъ же, стр. 188.

[1]) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ., т. IV, Спб. 1869 г., стр. 248.

[2]) Тамъ же, стр. 275—276.

[3]) Тамъ же, стр. 402.

[4]) Смотри особенно наказы дворянства пограничныхъ уѣздовъ съ Польшей, напечатанные въ Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. XIV, Спб. 1875 г.

вый поднялъ голосъ депутатъ отъ любимскаго дворянства Толмачевъ, который требовалъ запрещенія продавать ихъ безъ земли, а, если это окажется невозможнымъ, то, по крайней мѣрѣ, постановленія о томъ, чтобы ихъ продавали не иначе, какъ цѣлыми семьями, со всѣми ихъ пожитками, а не порознь. Въ этомъ вопросѣ не отстаивалъ дворянскихъ интересовъ даже самый энергичный защитникъ ихъ въ Коммиссіи, князь М. М. Щербатовъ, который говорилъ объ этомъ со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, достойнымъ на этотъ разъ своего предмета. «Обратимъ взоры наши на человѣчество,—сказалъ онъ:—и устыдимся объ одномъ помышленіи дойти до такой суровости, чтобы равный намъ по природѣ сравненъ былъ со скотами и по одиночкѣ былъ продаваемъ... Мы люди, и подвластные намъ крестьяне суть подобные намъ... Я, конечно, не сомнѣваюсь, что почтенная Коммиссія узаконитъ запрещеніе продавать людей по одиночкѣ безъ земли» [1])... Тѣмъ не менѣе даже эта незначительная уступка была по сердцу не всѣмъ дворянскимъ депутатамъ; противъ нея возсталъ депутатъ отъ дворянъ Курмышскаго уѣзда Алфимовъ, который заявилъ, что если розничная продажа крестьянъ будетъ запрещена, то бѣднымъ дворянамъ будетъ негдѣ достать себѣ служителей [2]). Въ томъ же смыслѣ высказались позже другой дворянскій депутатъ Похвисневъ и нѣкоторые изъ депутатовъ отъ остзейскаго дворянства. Но настоящая буря поднялась въ Коммиссіи, когда по поводу читавшихся въ ней законовъ о бѣглыхъ крестьянахъ представилъ свое мнѣнія депутатъ отъ дворянства Козловскаго уѣзда Коробьинъ, который въ достойныхъ выраженіяхъ изобразилъ плетворныя слѣдствія помѣщичьяго произвола. «Часто я размышлялъ, — пишетъ онъ въ своемъ мнѣніи, — о томъ, что бы понуждало крестьянина оставить свою землю, съ которой ступить почитаетъ онъ за дѣло невозможное, покинуть родственниковъ, жену и дѣтей, которыхъ видя при себѣ несказанно утѣшается, а разлучаясь съ ними, источникъ слезъ проливаетъ, странствовать по неизвѣстнымъ мѣстамъ и предаться толикимъ несчастіямъ, иногда же и самой смерти. Когда токмо войду въ такія мысли, то самъ себя увѣрить не могу, чтобы одни только крестьяне были причиною своего бѣгства. Чего ради долженъ бываю посмотрѣть на самихъ помѣщиковъ, какъ они поступаютъ съ ними. Думаю, изъ васъ знаютъ, почтеннѣйшіе господа депутаты, многіе, что есть довольно въ свѣтѣ такихъ владѣльцевъ, которые съ крестьянъ своихъ берутъ противъ обыкновенной подати; есть и такіе, кои, промотавъ свои пожитки и набравъ много долга, отдаютъ своихъ людей, отлучивъ ихъ отъ земледѣлія, зарабатывать одни хотя слѣдуемые ежегодно къ уплатѣ

---

[1]) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ., т. VIII, стр. 108.
[2]) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ., т. XIV, стр. 133.

проценты; есть и такіе, которые, видя, что получаемыхъ съ крестьянъ себѣ доходовъ на удовольствіе прихотей своихъ не станетъ, удаливъ отъ семейства, употребляютъ единственно для своей корысти; но что еще всего больше, то являются между ними и такіе, кои, увидѣвъ своего крестьянина, трудами рукъ своихъ стяжавшаго малый себѣ достатокъ, лишаютъ вдругъ всѣхъ плодовъ его старанія. Сожалѣнія, подлинно, достойно взирать на земледѣльца, потомъ лица своего отъ земли мало-по-малу собирающаго имѣніе, почитаемое имъ за безцѣнное сокровище, въ надеждѣ во время болѣзни своей или старости питать себя и семью свою, такожде платить оброкъ своему господину, но вдругъ нежидаемымъ помѣщичьимъ приказомъ, или подъ предлогомъ усмотрѣнной за нимъ будто какой вины, или безъ всего, лишающагося всѣхъ своихъ съ толикимъ трудомъ собранныхъ пожитковъ и погружающагося паки паче прежней въ горестнѣйшую бѣдность, что подлинно съ человѣколюбіемъ сходства никакого не имѣетъ». Указавъ на опасность, которая грозитъ отъ этого государству, и опираясь на статьи Наказа императрицы, Коробьинъ выставилъ тѣ же самыя требованія, какъ и она, а именно: 1) гарантировать крестьянамъ право собственности и 2) предписать закономъ, чтобы крестьянинъ платилъ своему помѣщику ежегодно извѣстный умѣренный оброкъ. Въ заключеніе онъ старался всячески убѣдить своихъ слушателей въ томъ, что онъ ничего не имѣетъ въ принципѣ противъ помѣщичьей власти [1]). Насколько, тѣмъ не менѣе, живо были затронуты интересы дворянства, видно изъ того, что менѣе чѣмъ въ десять дней на мнѣніе Коробьина было представлено до семи опроверженій, и нападки не прекращались, не смотря на полную достоинства отповѣдь Коробьина. Мы не будемъ излагать подробно этихъ возраженій: оппоненты старались доказать, что не произволъ помѣщиковъ, а дурные нравы и пьянство являются причиной побѣговъ крестьянъ, указывали на то, что побѣги происходятъ не только изъ частныхъ, но и изъ казенныхъ земель, говорили, что самъ Коробьинъ—человѣкъ молодой, въ деревняхъ не живалъ, а поэтому не компетентенъ въ затронутомъ имъ вопросѣ и т. д. и т. д. [2]). Отмѣтимъ только, что они ставили ему на видъ, что онъ дѣйствуетъ вовсе не согласно съ данными отъ избирателей полномочіями (слѣдовательно, его мнѣніе должно быть разсматриваемо какъ чисто личное), и подчеркнули дѣйствительно слабую сторону его мнѣнія, а именно невозможность обезпечить крестьянину собственность, оставивъ надъ нимъ самимъ власть помѣщика. Дѣйствительно, крѣпостное право, по

---

[1]) Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ., т. XXXII, Спб. 1881 г., стр. 406.

[2]) Всю эту полемику читатель найдетъ въ XXXII томѣ Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.

самому своему существу, какъ право одного лица на личность другаго, давало поводъ къ такимъ злоупотребленіямъ, которыя не возможно было отвратить, не подорвавъ въ корень власти помѣщика. Вотъ гдѣ заключался секретъ неудачъ на практикѣ всѣхъ послѣдующихъ попытокъ правительства регламентировать крѣпостное право. Союзника себѣ Коробьинъ нашелъ первоначально только въ одномъ изъ депутатовъ отъ пахатныхъ крестьянъ Жеребцовѣ, который дополнилъ его требованіемъ старостъ по выбору, вмѣсто прикащиковъ [1]). Онъ подвергся за это ядовитымъ нападкамъ и даже прямо оскорбленіямъ со стороны уже упоминавшагося депутата Похвиснева [2]). Позже примкнули къ мнѣнію Коробьина уже извѣстный намъ депутатъ Чупровъ [3]) и депутатъ Днѣпровскаго пикинернаго полка отъ шляхетства Яковъ Козельскій [4]). Козельскій предлагалъ кромѣ того опредѣлить закономъ, чтобы крестьянинъ работалъ на помѣщика по два дня въ недѣлю или платилъ ему за каждый день по 10 копѣекъ. Еще раньше, чѣмъ высказалъ свое мнѣніе Коробьинъ, предложилъ въ своей запискѣ почти то же самое, что́ и Козельскій, депутатъ отъ однодворцевъ Казанской провинціи Василій Кипенскій, но эта записка, какъ видно изъ журналовъ Коммиссіи, не была прочтена въ собраніи цѣликомъ и не вызвала поэтому бури, какой должно было бы ожидать [5]). Ознакомившись со мнѣніемъ Кипенскаго, депутатъ отъ однодворцевъ Бѣлогородской провинціи Андрей Масловъ сослался на него и въ дополненіе къ нему предложилъ еще учредить особую коллегію, которая завѣдывала бы крестьянскими работами во всемъ государствѣ [6]). Эти мнѣнія остались «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ» для тѣхъ сословій, изъ среды которыхъ они раздались, или высказавшіе ихъ депутаты получили даже строгіе уроки отъ своихъ собратьевъ: такъ Козельскаго остановилъ депутатъ Переяславскаго полка отъ шляхетства полковникъ Захаръ Забѣла, поставившій на видъ великороссійскимъ дворянскимъ депутатамъ, чтобы они не думали, будто бы и другіе депутаты отъ шляхетства, «отринувъ всякую благопристойность, молчаніемъ своимъ согласны съ онымъ мнѣніемъ» [7]), а Маслова — другой депутатъ однодворцевъ Веденѣевъ, сильно упрекнувъ его за то, что онъ берется судить пороки другихъ сословій: на Страшнемъ-де судѣ всякій дастъ за себя

---

[1]) Тамъ же, стр. 77—78.
[2]) Тамъ же, стр. 79.
[3]) Тамъ же, стр. 89—90.
[4]) Тамъ же, стр. 87–89.
[5]) Тамъ же, стр. 53.
[6]) Тамъ же, 96—97.
[7]) Тамъ же, стр. 100.

отвѣтъ Богу [1]). Поэтому мнѣнія Чупрова, Козельскаго, Кипенскаго и Маслова нужно также разсматривать какъ чисто ихъ личныя. Такимъ образомъ подавляющее большинство дворянства не было расположено дѣлать никакихъ уступокъ въ пользу крѣпостныхъ, а другія свободныя сословія относились къ этому вопросу, какъ ихъ не касавшемуся, вполнѣ индифферентно...

Кромѣ общаго собранія Коммиссіи, по отдѣльнымъ вопросамъ законодательства были организованы еще частныя коммиссіи. Послѣднихъ было очень много, но всѣ онѣ были подчинены одной, называвшейся Дирекціонной, обязанность которой была руководить работами всѣхъ остальныхъ частныхъ коммиссій. Каждая частная коммиссія состояла изъ пяти членовъ, изъ которыхъ двое предлагались маршаломъ, то-есть предсѣдателемъ общаго собранія, и генералъ-прокуроромъ, а остальные избирались по предложенію Дирекціонной коммиссіи. Иногда императрица сама рекомендовала опредѣленное лицо въ составъ въ той или другой коммиссіи, такъ что правительство оказывало вообще на него значительное вліяніе. Въ одной изъ такихъ коммиссій, а именно «О разборѣ родовъ государственныхъ жителей» и были выработаны проекты законовъ «О правахъ средняго рода жителей» и «О правахъ войскъ казачьихъ», о которыхъ мы упоминали выше. Эта коммиссія значительно поработала по интересующему насъ вопросу, а поэтому нельзя не остановиться на ней. Она собрала значительный матеріалъ къ изученію законодательства о крестьянахъ, но, къ сожалѣнію, не русскаго, а иноземнаго. На основаніи этого матеріала одному изъ ея членовъ барону фонъ-Унгернъ-Штернбергу поручено было составить «Проектъ правъ третьяго рода государственныхъ жителей». Этотъ проектъ сохранился въ матеріалахъ коммиссіи съ замѣчаніями на него двухъ другихъ членовъ частной коммиссіи дворянскихъ депутатовъ Рыдванскаго и Титова. Унгернъ-Штернбергъ, какъ показываетъ самая его фамилія, принадлежалъ къ остзейскому дворянству, которое не болѣе природнаго русскаго было склонно къ уступкамъ въ крестьянскомъ вопросѣ, но онъ лично былъ настроенъ довольно либерально и въ своемъ проектѣ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ, правда, слабыхъ, къ расширенію правъ крѣпостнаго населенія. Такъ, по его проекту, крестьяне должны были судиться у своихъ выборныхъ, на рѣшеніе которыхъ могли аппеллировать въ судъ помѣщика, а на послѣдняго допускалась аппелляція въ земскій судъ. Рыдванскій находилъ, что такое устройство поведетъ только къ мятежамъ противъ помѣщиковъ и что отдѣлять земскій судъ отъ помѣщичьяго не для чего, «потому что дворяне правятъ деревнями по власти государевой, по той же власти и земскіе суды производятся».

[1]) Тамъ же, стр. 113.

Мало того, противъ положенія Унгернъ-Штернберга о томъ, что помѣщики не имѣютъ права такъ жестоко наказывать крестьянъ, «чтобы отъ того вредъ сдѣлаться могъ ихъ тѣлу, здоровью или жизни, но токмо наблюдать умѣренное и христіанское домашнее исправленіе», Рыдванскій счелъ нужнымъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе... «въ наказаніи границъ положить не можно, потому что и судъ штрафуетъ, смотря по винѣ, больно или легко; слѣдственно, и помѣщику, когда позволено будетъ штрафовать,—приписывать не должно, а каждому дается господство по чести, и отвѣчаетъ онъ въ излишнемъ наказаніи самому Богу»... Точно также Унгернъ-Штернбергъ опредѣлилъ въ проектѣ, что все движимое имѣніе крестьянина, по выполненіи имъ повинностей государству и помѣщику, принадлежитъ ему безъ ограниченія, но Рыдванскій въ своихъ замѣчаніяхъ настаивалъ на томъ, что это безполезно, такъ какъ, если крестьянинъ начнетъ мотать, то кому его и остановить какъ не помѣщику, а у добраго человѣка будто бы никогда движимое не отнимается, — «еще понуждаютъ (?), чтобъ онъ его имѣлъ». Рыдванскій нашелъ также неумѣстнымъ пунктъ проекта, по которому помѣщикъ, много плативній за крестьянина по винѣ послѣдняго, могъ вознаградить себя изъ его имѣнія, но только по оцѣнкѣ выборныхъ крестьянскихъ старостъ.

О повинностяхъ крестьянина помѣщику Унгернъ-Штернбергъ писалъ въ своемъ проектѣ такъ: «Сіе тягло и должности, какъ что до земледѣльческой работы, такъ и до оброка за данную крестьянину землю касается, назначиваетъ помѣщикъ по законамъ и справедливости; а по платежѣ оброка и исправленіи господской работы за назначенный годъ не властенъ помѣщикъ никакихъ поборовъ больше съ него требовать и ничѣмъ не отягощать. Въ завоеванныхъ провинціяхъ, яко то: въ Лифляндіи, на островѣ Эзелѣ, Эстляндіи и Финляндіи и проч., назначены и установлены какъ поборы казенные, такъ и помѣщичьи и исправляемая крестьянами работа—ревизіею на вѣчныя времена». Но Титовъ предлагалъ замѣнить эту редакцію слѣдующей: «Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ назначены съ крестьянъ помѣщичьи поборы и земледѣльческія работы и прочія должности, и потому они исправлять должны; въ которыхъ же провинціяхъ не назначено,—въ такомъ случаѣ каждый помѣщикъ по справедливости, смотря на состояніе того мѣста, земледѣльческую работу и прочія должности, также и въ положеніи денежнаго оброку опредѣляетъ безъ тягости, которое бы они могли исправить и затѣмъ для платежа казенныхъ поборовъ и своего удовольствія имѣли свободное время». По проекту Унгернъ-Штернберга, крестьяне могли жениться на комъ угодно, безъ платы выводныхъ денегъ, и только для избѣжанія безпорядка какъ женихъ, такъ и невѣста должны были имѣть отъ своего господина вѣнечныя памяти, въ выдачѣ которыхъ

помѣщикъ не могъ отказать имъ безъ законной причины. При этомъ авторъ проекта напоминалъ, что въ Прибалтійскомъ краѣ крестьянинъ имѣетъ право жаловаться на помѣщика въ консисторію, если тотъ безъ уважительной причины препятствуетъ браку. Рыдванскій въ своихъ замѣчаніяхъ стоялъ за сохраненіе въ этомъ дѣлѣ власти помѣщика, утверждая, что ограниченіе ея будетъ вредно для самихъ крестьянъ: «Бѣдный крестьянинъ никогда женатъ не будетъ, а особливо вдовой, оставшись со многими малолѣтными дѣтьми, и никто за него отдать не похочетъ. А помѣщики нынѣ покупаютъ, или изъ своихъ сиротъ за таковыхъ выдаютъ, и льготу даютъ въ работѣ, и тѣмъ не богатый возстановляетъ свой домъ. А особливо когда выдадутъ изъ достаточнаго дому вдову, или дѣвку, усматривая лѣты и состоянія». Онъ находилъ, что уничтожить плату за выводъ значитъ лишить помѣщика части его доходовъ и утверждалъ, будто бы крестьяне одного помѣщика всегда женятся безпрепятственно. Съ нимъ согласился и Титовъ. Они оба предлагали постановить, чтобы крестьяне одного помѣщика вступали въ бракъ съ его согласія, но безъ всякой платы, а при женитьбѣ на дѣвушкѣ другаго помѣщика требовалось увольнительное письмо отъ послѣдняго. Наконецъ, Унгернъ-Штернбергъ предоставилъ крестьянамъ право жаловаться на помѣщиковъ, которые ихъ притѣсняютъ, но Рыдванскій находилъ это право опаснымъ, а Титовъ, хотя и примирялся съ нимъ въ принципѣ, но хотѣлъ обставить его такими правилами, что оно все равно сводилось къ нулю. Замѣчанія оппонентовъ Унгернъ-Штернберга были, безъ сомнѣнія, приняты остальными членами частной коммиссіи, потому что въ окончательномъ «Проектѣ правъ третьяго рода государственныхъ жителей», который долженъ былъ поступить на обсужденіе въ общее собраніе, мы не находимъ никакихъ слѣдовъ попытокъ Унгернъ-Штернберга къ ограниченію крѣпостнаго права [1]). Такимъ образомъ ихъ постигла такая же участь какъ и всѣ остальныя..

На-ряду съ этимъ теченіемъ, которое имѣло цѣлью регламентировать крѣпостное право законодательными мѣрами, въ коммиссіи замѣчается другое, которое стремится въ корень подорвать его, предоставляя однако инициативу въ этомъ самимъ помѣщикамъ и только поощряя ихъ къ этому. Такое направленіе выразилось въ составленномъ въ коммиссіи о государственныхъ родахъ «Проектѣ правамъ благородныхъ». Авторомъ его былъ кн. Ѳедоръ Козловскій, одинъ изъ немногихъ дворянъ, которые желали измѣненія положенія крестьянъ. Въ немъ мы находимъ такую статью: «Благородные могутъ, если пожелаютъ, право владѣнія крѣпостныхъ своихъ деревень перемѣнить на

[1]) См. Сборникъ Императорскаго Русскаго Общества. Т. XXXVI, Спб. 1882, стр. 244—286.

право деревень свободныхъ. Но свободныхъ деревень паки на право крѣпостныхъ перемѣнить уже не можно» (ст. 13-ая). Къ этой перемѣнѣ дворяне въ проектѣ поощрялись тѣмъ, что имъ дозволялось завѣщать свободныя деревни кому они хотятъ изъ своего сословія, что не распространялось на крѣпостныя (ст. 14), и безпошлинно продавать и покупать ихъ (ст. 15) [1]). Какъ же отнеслась къ этой попыткѣ вся масса дворянскихъ депутатовъ? Когда этотъ проектъ былъ внесенъ на обсужденіе въ общее собраніе коммиссіи (10-го іюля 1767 г.), то часть дворянъ отказалась высказаться такъ или иначе о свободныхъ деревняхъ, прежде чѣмъ о нихъ будетъ дано разъясненіе, а самые видные изъ дворянскихъ депутатовъ, съ кн. М. М. Щербатовымъ во главѣ, рѣшительно возстали противъ этого нововведенія [2]). Въ защиту его выступилъ тотъ же Коробьинъ. Между нимъ и кн. Щербатовымъ произошелъ словесный поединокъ, который мы не будемъ излагать, потому что онъ отличался вполнѣ отвлеченнымъ характеромъ [3]). Сторону Коробьина принялъ на этотъ разъ депутатъ отъ дворянства Изюмской провинціи Лука Татищевъ, который два раза былъ прерываемъ маршаломъ. Послѣднее показываетъ, что подъ вліяніемъ большинства дворянства, правительство начинало уже относиться менѣе благосклонно къ либерализму въ крестьянскомъ вопросѣ. Усталый и измученный Коробьинъ, по разстроенному здоровью, принужденъ былъ покинуть коммиссію до окончанія ея засѣданій.

Насколько подъ вліяніемъ преній коммиссіи по крестьянскому вопросу измѣнилось настроеніе императрицы, которая живо слѣдила за ними, прекрасно показываетъ изданное ею 8-го апрѣля 1768 года, «Начертаніе о приведеніи къ окончанію коммиссіи проекта новаго уложенія» (Полн. Собр. Зак. № 13095). Въ печатномъ наказѣ она еще высказывала истины такого рода: «Кажется, что новозаведенный способъ отъ дворянъ, сбирать свои доходы, въ Россіи уменьшаетъ народъ и земледѣліе; всѣ деревни почти на оброкѣ. Хозяева, не бывъ вовсе или мало въ деревняхъ своихъ, обложатъ каждую душу по рублю, по два, и даже по пяти рублей, не смотря на то, какимъ способомъ ихъ крестьяне достаютъ сіи денги» (ст. 269). «Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобъ они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы, и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и семейства: тѣмъ бы распространилось болѣе земледѣліе и число бы народа въ государствѣ умножилось (ст. 270). Въ «Начертаніи» императрица говоритъ гораздо менѣе рѣши-

---

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XXXII, стр. 580—581.

[2]) Тамъ же, стр. 232 и сл.

[3]) Тамъ же, стр. 26—28.

тельно. «Въ разсужденіи разности состояній», читаемъ мы здѣсь: «въ обширныхъ россійскихъ областяхъ сего нижняго рода, когда государственная какая причина или польза частная не дозволяетъ сдѣлать вездѣ земледѣльцевъ свободными... въ томъ опасеніи, чтобы земли не остались неоранными черезъ ихъ побѣгъ, то не можно ли сыскать средства, чтобы такъ привязать къ землѣ и утвердить на ней сихъ самыхъ земледѣльцевъ. Къ сему есть разныя средства, особливо жъ и преимущественно такія средства избирать надлежитъ, въ коихъ и хозяину и земледѣльцу равная прибыль окажется... Здѣсь еще и то примѣтить нужно, чтобы всѣ сіи положенія клонились и поощряли всякаго къ обработыванію земли... Слѣдуя тѣмъ правиламъ, нѣтъ ли способа найти основаніе, могущее произвести нечувствительное нѣкоторое полезное въ состояніи нижняго рода исправленіе и пресѣчь всякія злоупотребленія, удручающія сихъ полезныхъ членовъ общества»... Впослѣдствіи, какъ извѣстно, Екатеринѣ пришлось совершенно отречься отъ своихъ взглядовъ на крестьянскій вопросъ и содѣйствовать усиленію крѣпостнаго права...

Такимъ образомъ Екатерининская коммиссія для составленія Уложенія не имѣла непосредственно никакихъ благихъ результатовъ для крѣпостныхъ крестьянъ. Тѣмъ не менѣе значеніе ея въ исторіи крестьянскаго вопроса очень велико: она выдвинула на видъ этотъ вопросъ, стоявшій до того времени въ тѣни; начиная съ нея все болѣе и болѣе оживляется литература по этому предмету: въ ней впервые замѣчается новая точка зрѣнія на крѣпостное право—нравственная, вмѣсто прежней экономической, наконецъ въ ней намѣчаются два главныя теченія въ крестьянскомъ вопросѣ вплоть до Положенія 19-го февраля 1861 г.: одно стремилось регламентировать крѣпостное право законодательными мѣрами (образцомъ можетъ служить знаменитый указъ о трехдневной барщинѣ), другое подрывало его въ корень, предоставляя однако иниціативу этого самимъ помѣщикамъ. (Таковы знаменитые указы о свободныхъ хлѣбопашцахъ и объ обязанныхъ крестьянахъ). Послѣ этого становится понятной та ненависть, съ которой говорятъ о коммиссіи современники-крѣпостники. «Въ бывшей въ 1767, 1768 и 1769 годахъ коммиссіи о сочиненіи уложенія», читаемъ мы въ одномъ памфлетѣ, вышедшемъ изъ этого лагеря и написанномъ въ 1785 году: «неосторожно предлагаемыя мнѣнія отъ господъ депутатовъ, а паче отъ Коробьина, всѣяли.... заразу въ сердца низкихъ людей, тутъ находящихся депутатами и ... тщетно многими лучшими сынами отечества совсѣмъ испровержено было мнѣніе г. Коробьина: упившіяся сердца лестнымъ ядомъ симъ не могли вкусить представляемаго имъ лѣкарства, и духъ неподданства и разврата въ грубыя и несмысленныя

души вкоренился, зарождающійся отъ разныхъ несправедливыхъ слуховъ и отъ разглагольствованій крестьянскихъ, однодворческихъ, старыхъ службъ и другихъ низкихъ чиновъ депутатовъ, которые, по разъѣздѣ своемъ, сѣмена сіи злыя и въ отдаленнѣйшія области Россіи разпростерли» [1]). Въ этомъ-то, понашему мнѣнію, и заключается главное историческое значеніе Екатерининской коммиссіи для составленія Уложенія.

В. Строевъ.

[1]) „Размышленіе о неудобствѣ въ Россіи дать свободу крестьянамъ и служителямъ или сдѣлать собственность имѣній", найденное въ бумагахъ извѣстнаго В. Н. Каразина, но относящееся, какъ указано въ текстѣ его, къ Екатерининскому времени. Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1861 г. Кн. 3-я, смѣсь, стр. 93.

Царство Польское послѣ Вѣнскаго конгресса [1]).

I.

Послѣ 3-го раздѣла Польши между Австріею, Пруссіею и Россіею въ 1795 году Польское королевство исчезло изъ политической сферы европейскихъ государствъ. Послѣдній король польскій Станиславъ Понятовскій покинулъ Варшаву, переселился сперва въ Гродно, а затѣмъ въ Петербургъ, гдѣ скончался въ 1798 году.

Наполеонъ I по тильзитскому миру 1807 г. заставилъ Пруссію отказаться отъ значительной части доставшагося ей по раздѣлу польскаго королевства, и въ вознагражденіе поляковъ за ихъ участіе въ рядахъ его войскъ въ войнѣ 1806—1807 гг., образовалъ изъ этой части особое герцогство Варшавское, полунезависимое и получившее особую конституцію 22-го іюня 1807 года. При этомъ герцогство, находившееся подъ верховною властію императора французовъ, было отдано королю саксонскому и объявлено наслѣдственнымъ въ саксонскомъ королевскомъ домѣ.

---

[1]) Въ архивѣ Государственнаго Совѣта въ С.-Петербургѣ хранятся дѣла, какъ бывшаго герцогства Варшавскаго, такъ и дѣла бывшаго министра статсъ-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго. На основаніи означенныхъ дѣлъ и составленъ по преимуществу помѣщаемый ниже очеркъ. Хотя выраженіе „Царство Польское“ не встрѣчается ни въ торжественномъ извѣщеніи 1815 года мая 9-го (П. С. З. № 28842) о присоединеніи къ Россіи обширнѣйшей части бывшаго герцогства Варшавскаго, ни въ актѣ Вѣнскаго конгресса 28-го мая 1815 года (П. С. З. № 25863), въ которомъ присоединяемыя къ Россіи части герцогства Варшавскаго означаются или общимъ именемъ Польши или земли бывшаго герцогства Варшавскаго, но въ ст. 1-й акта Вѣнскаго конгресса говорится, что его величество, даровавъ по своему благоусмотрѣнію внутреннее распространеніе сему государству, имѣющему состояться подъ особымъ управленіемъ, присовокупитъ въ разсужденіе его

Послѣ отечественной войны и низложенія Наполеона герцогство Варшавское, по Вѣнскому конгрессу 1815 года, было присоединено къ Россіи.

«Господинъ президентъ Совѣта графъ Островскій,—писалъ императоръ Александръ изъ Вѣны отъ 18-го (30-го) апрѣля 1815 г.

«Съ особеннымъ удовольствіемъ извѣщаю васъ о томъ, что участь вашего отечества наконецъ опредѣлена соглашеніемъ всѣхъ державъ, собравшихся на конгрессѣ.

«Принявъ титулъ короля польскаго, я хотѣлъ удовлетворить желаніямъ націи. Королевство Польское будетъ соединено съ Россійской Имперію узами собственной его конституціи, на которой я желаю основать счастье страны.

«Если великій интересъ соблюденія общаго спокойствія не дозволилъ соединить всѣхъ поляковъ подъ однимъ скипетромъ, то я по крайней мѣрѣ старался смягчить на сколько возможно суровость ихъ разъединенія и доставить имъ повсемѣстно мирное пользованіе ихъ національностію.

Прежде нежели выполненіе остающихся формальностей дозволитъ обстоятельно обнародовать всѣ статьи, касающіяся окончательнаго устройства дѣлъ Польши, я желалъ васъ перваго извѣстить самъ о содержаніи этихъ мѣръ, при чемъ я разрѣшаю вамъ съ содержаніемъ этого письма ознакомить вашихъ соотечественниковъ.

«Примите увѣренія въ искреннемъ моемъ уваженіи. Александръ».

Результатомъ переговоровъ на Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 г. о судьбѣ Польши явились прежде всего два трактата, заключенные оба 21-го апрѣля (3-го мая) 1815 года съ Австріею и Пруссіею. По первому [1]) Россія обязывалась возвратить Австріи уѣзды восточной Галиціи, присоединенные къ бывшему герцогству Варшавскому по трактату 1809 года. Краковъ объявлялся вольнымъ городомъ. По второму же трактату съ

прочихъ титуловъ и титулъ царя (короля) польскаго". Согласно этому, въ послѣдовавшихъ затѣмъ узаконеніяхъ этимъ землямъ присвоивается наименованіе Царства Польскаго, какъ, напримѣръ, въ узаконеніяхъ 1815 года іюня 11-го (П. С. З. № 26312), сказано: „признавая справедливымъ довольствовать войска наши въ Царствѣ Польскомъ по заграничному положенію... или октября 16-го (1-е П. С. З. № 26454), „желая болѣе и болѣе укрѣпить связи, соединяющія наше Царство Польское съ Всероссійской Имперіей и т. д. Это наименованіе Царство Польское окончательно присвоивается означеннымъ землямъ манифестомъ о вступленіи на престолъ императора Николая 1825 г. декабря 12-го (П. С. З. № 1), въ которомъ сказано: „вступаемъ на прародительскій престолъ и на нераздѣльные съ нимъ престолы Царства Польскаго и княжества Финляндскаго.

П. Майковъ.

[1]) См. П. С. Зак., 1815 г., № 25826.

Пруссіею [1]) часть герцогства Варшавскаго, подъ названіемъ герцогства Познаньскаго, поступала въ полное державное владѣніе короля прусскаго, при чемъ уплачивалась Пруссіи часть прежнихъ долговъ герцогства Варшавскаго.

По обоимъ трактатамъ остальная часть герцогства Варшавскаго навсегда присоединялась къ Россіи; въ силу своей конституціи герцогство будетъ въ неразрывной связи съ Россіею во владѣніи его императорскаго величества, наслѣдника его и преемниковъ его на вѣчныя времена. Его величество предполагаетъ даровать по своему благоусмотрѣнію внутреннее распространеніе сему государству, имѣющему состоять подъ особеннымъ управленіемъ.

Манифестомъ 9-го мая 1815 г. было возвѣщено объ этомъ въ Имперіи:

«Не суетное любостяжаніе,—говорилось въ манифестѣ,—внушило намъ искать распространенія предѣловъ нашихъ. Такое чувствованіе было бы несродно подъявшимъ оружіе для защищенія отечественной страны, а не для завоеваній. Непреоборимая сила Имперіи Россійской на вѣрѣ, на любви, на благополучіи основанная, отъ внѣшнихъ пріобрѣтеній возрасти не можетъ».

«Но соединеніе подъ единый скипетръ обширнѣйшей части герцогства Варшавскаго необходимымъ представилось къ устроенію всеобщаго въ Европѣ равновѣсія и порядка. Симъ ограждается предѣловъ нашихъ безопасность, возникаетъ твердый оплотъ, навѣты и вражескія покушенія отражающій, возраждаются узы братства племенъ, взаимно между собою сопряженныхъ единствомъ происхожденія. Сего ради признаемъ мы за благо устроить участь сего края, основавъ внутреннее управленіе онаго на особенныхъ правилахъ, свойственныхъ нарѣчію, обычаямъ жителей и къ мѣстному ихъ положенію примѣненныхъ».

Необходимо замѣтить, что еще до подписанія актовъ Вѣнскаго конгресса были утверждены императоромъ Александромъ въ Вѣнѣ же 13-го (25-го) мая 1815 года, такъ сказать, основныя начала польской конституціи, составленныя на французскомъ языкѣ, которыя впослѣдствіи были переведены на польскій и подписаны: Ланскимъ, княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, Новосильцовымъ, Ѳомою Вавржецкимъ и княземъ Ксаверіемъ Друцкимъ-Любецкимъ и объявлены въ королевствѣ при особомъ манифестѣ на польскомъ языкѣ, отъ того же числа. Эти основныя начала, вошедшія почти полностію въ текстъ конституціи, составленной нѣсколько позднѣе, были изложены въ 37 статьяхъ и заключались главнѣйшимъ образомъ въ слѣдующемъ: Польскія провинціи, присоединяемыя къ Россіи подъ особеннымъ названіемъ королевства

[1]) См. тамъ же № 25827.

Польскаго, будутъ навсегда принадлежать къ составу Россійской Имперіи и пользоваться народною конституціею, основанною на началахъ порядка, справедливости и свободы. Католическая религія, исповѣдуемая большинствомъ обывателей королевства, бывшая во всѣ времена религіею народа, будетъ продолжать пользоваться непосредственнымъ покровительствомъ правительства, при чемъ свободное отправленіе прочихъ вѣроисповѣданій ни въ чемъ не стѣсняется. Духовенству католическому и греко-уніатскому, вмѣсто отпускаемой отъ правительства ежегодно суммы въ два милліона флориновъ польскихъ [1]), назначается особый земельный фондъ на правѣ полной неотчуждаемой собственности, доходъ съ котораго равняется этой суммѣ. О православной церкви и ея духовенствѣ ничего не упоминалось.

Общественное образованіе будетъ народнымъ и безмезднымъ. Коммиссія, завѣдующая этимъ важнымъ дѣломъ, будетъ стремиться къ тому, чтобы распространять между всѣми сословіями обывателей должнымъ образомъ познанія и образованіе, съ цѣлію увеличивать полезныя свѣдѣнія въ народѣ, а также содѣйствовать процвѣтанію въ странѣ литературы, художествъ и наукъ. Эта коммиссія занимаетъ по важности своей первое мѣсто среди прочихъ административныхъ коммиссій и находится подъ предсѣдательствомъ сенатора. Для усиленія ея денежныхъ средствъ къ выполненію возлагаемыхъ на нее обязанностей, фондъ, ежегодно назначаемый на дѣло народнаго образованія, доводится до суммы двухъ милліоновъ польскихъ флориновъ. Странѣ обезпечивается свобода печати. Древній законъ neminem captivabimus nisi jure victum [2]) сохраняется и будетъ покровительствовать обывателямъ всѣхъ сословій. Всякая собственность признается священной и неприкосновенной. Повинности всякаго рода, а также подати и налоги, взимаемые съ обывателей, опредѣляются бюджетомъ, утверждаемымъ королемъ установленнымъ на то порядкомъ. Законы гражданскіе и уголовные, дѣйствующіе въ королевствѣ въ настоящее время (т. е. до 1815 года), сохраняются на будущее время впредь до утвержденія новыхъ.

Всякій иностранецъ, вступившій въ предѣлы территоріи королевства, будетъ пользоваться наравнѣ съ прочими обывателями покровительствомъ законовъ. Еврейскій народъ сохраняетъ предоставленныя ему нынѣ дѣйствующими законами права гражданства. Особыя узаконенія опредѣлятъ условія, при которыхъ евреи могутъ полнѣе участвовать въ народномъ благосостояніи.

---

[1]) Флоринъ польскій или злотъ равняется 15 копѣйкамъ русскаго серебрянаго рубля.

[2]) Т. е. никто не будетъ взятъ подъ стражу иначе, какъ по судебному рѣшенію.

Полезное и многочисленное сословіе крестьянъ пользуется свободою личною [1]) и возможностью пріобрѣтать поземельную собственность; законы, для нихъ издаваемые, должны имѣть по преимуществу характеръ отечественный.

Національное польское войско сохраняетъ свое обмундированіе и цвѣта, содержится на счетъ государства и обязано защищать границы Польскаго королевства и можетъ быть употребляемо въ дѣло только въ Европѣ. Если по политическимъ обстоятельствамъ войска русскія встрѣтятъ необходимость проходить по землямъ Польскаго королевства или пребывать въ его предѣлахъ временно, то будутъ содержимы на счетъ казначейства Имперіи.

Правительственныя должности какія бы ни было могутъ быть отправляемы только туземными гражданами; нѣкоторыя изъ сихъ должностей могутъ быть занимаемы только владѣльцами поземельной собственности. Всѣ дѣла административныя и судебныя безъ исключенія производятся на польскомъ языкѣ.

Исполнительная власть королевства во всемъ ея объемѣ принадлежитъ королю; власть законодательная—королю вмѣстѣ съ двумя палатами сейма. Власть же судебная распредѣляется между высшимъ трибуналомъ королевства, который пребываетъ въ Варшавѣ, двумя аппелляціонными палатами для всего королевства и низшими судами первой степени въ каждомъ изъ воеводствъ (или палатинатствъ, на которыя дѣлилось королевство), при чемъ были суды первой степени: гражданскіе и уголовные [2]). Кромѣ того учреждались мировые судьи исключительно для примирительнаго разбирательства. Всѣ судьи назначались королемъ, но пожизненно и пользовались правомъ несмѣняемости. Въ заключеніи говорилось, что «эта хартія, даруемая нами обывателямъ нашего Польскаго королевства, должна всегда считаться главною и священною связью, которою это королевство навсегда безвозвратно присоединяется къ Имперіи Всероссійской, какъ въ особѣ нашей, такъ всѣхъ нашихъ наслѣдниковъ и преемниковъ».

Всѣ эти основныя начала вошли въ конституцію, составленную коммиссіею и изложенную на польскомъ и французскомъ языкахъ en régard. Одновременно составлены были положеніе о государственномъ совѣтѣ королевства, учрежденіе общаго собранія этого совѣта, внутренней организаціи административнаго совѣта, а также положеніе о народномъ представительствѣ. Этими положеніями опредѣлялось высшее управленіе

---

[1]) Польскіе крестьяне еще ранѣе во времена герцогства Варшавскаго были освобождены отъ крѣпостной зависимости, но безъ всякаго земельнаго надѣла.

[2]) Были еще суды полицейскіе и суды полиціи исправительной въ большихъ городахъ.

королевствомъ, состоявшее въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ. Законодательная власть страны принадлежала королю вмѣстѣ съ народнымъ представительствомъ (сеймомъ), состоявшимъ изъ двухъ палатъ, именно изъ сената и палаты депутатовъ. Въ отношеніи народнаго представительства все королевство раздѣлялось на 77 округовъ (повѣтовъ) и 51 сельскихъ округовъ, въ томъ числѣ 8 для города Варшавы и 43 для остальной страны. Въ каждомъ округѣ избиралось на сеймикахъ по одному депутату на сеймъ на 6 лѣтъ; но всякіе два года возобновлялась одна треть ихъ [1]). Чтобы быть избраннымъ депутатомъ или посломъ (нунціемъ), надо пользоваться правами гражданства въ краѣ, имѣть отъ роду 30 лѣтъ, платить ежегодно подати не менѣе ста флориновъ польскихъ [2]) и умѣть читать и писать по-польски.

Сенатъ составлялся изъ членовъ императорскаго и царскаго дома, епископовъ, палатиновъ, каштеляновъ [3]); число сенаторовъ не должно было превышать половины числа представителей въ палатѣ депутатовъ (избѣ посольской). Они назначались пожизненно королемъ. При этомъ сенатъ на открывшуюся вакансію самъ избиралъ двухъ кандидатовъ и представлялъ ихъ на утвержденіе короля.

Сеймъ собирался одинъ разъ въ два года въ Варшавѣ, въ сроки, опредѣленные королемъ; засѣданія сейма не могли продолжаться долѣе тридцати дней. Отъ короля зависѣло продолжить засѣданія сейма, а также закрыть сеймъ и отсрочить его. Кромѣ того, король могъ по усмотрѣнію своему созвать въ случаѣ надобности чрезвычайный сеймъ. Члены сейма въ періодъ его засѣданій пользовались правомъ неприкосновенности.

Въ обѣихъ палатахъ дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ; при равенствѣ голосовъ—проектъ или предложеніе считались принятыми.

---

[1]) Поэтому при первыхъ выборахъ одни депутаты участвовали въ сеймѣ два года, другіе—четыре года, а остальные—шесть лѣтъ.

[2]) Въ повѣтовыхъ округахъ составляли сеймики—дворяне, владѣвшіе поземельною собственностью и записанные въ книги; въ гминныхъ округахъ сеймики составлялись изъ дворянъ, владѣвшихъ поземельною собственностію, изъ фабрикантовъ, мастеровъ, лицъ торговыхъ, обладавшихъ капиталовъ въ десять тысячъ флориновъ, изъ лицъ духовныхъ, художниковъ, лицъ, выдающихся своими талантами, заслугами и познаніями, и профессоровъ, преподавателей и другихъ лицъ вѣдомства народнаго образованія. Эти сеймики созываются королемъ съ точнымъ означеніемъ мѣста и дня собранія, продолжительности оныхъ и предметовъ, подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію. Президенты сеймиковъ назначаются королемъ и называются маршалами.

[3]) Въ дополненіе стр. 76—80 конституціонной хартіи было утверждено позднѣе 7-го (19-го) ноября 1816 г., положеніе органическое о Сенатѣ, statut organique du Senat, подробно опредѣлявшій составъ его и порядокъ занятій въ Сенатѣ.

Обсужденіе дѣлъ и предложеній начиналось въ посольской избѣ, или сенатѣ и принятое одною палатою передавалось на разсмотрѣніе другой, которая была не въ правѣ дѣлать какихъ-либо измѣненій въ принятомъ первою палатою проектѣ и могла его только принять или отвергнуть. При подачѣ голосовъ въ палатахъ сейма, нельзя было уже ничего добавлять къ мнѣнію, а должно было выражать положительно: принимаю предложеніе или отвергаю, ничего не добавляя къ этимъ словамъ. Проектъ, принятый обѣими палатами, представлялся вмѣстѣ съ протоколомъ засѣданія королю, особою депутаціею. Король могъ или принять, или отвергнуть предложеніе сейма; въ послѣднемъ случаѣ сейму объявлялось, что король воздерживается отъ утвержденія. Рѣшенія сейма, не получившія утвержденія короля, не имѣли никакой обязательной силы. Засѣданія сейма были публичны. Они происходили въ такъ называемомъ замкѣ, выстроенномъ на возвышенномъ берегу р. Вислы, Сигизмундомъ III и окончательно отдѣланномъ Понятовскимъ.

Члены сейма при обсужденіи дѣлъ, поступавшихъ въ сеймъ, могли только произносить устныя рѣчи, но не читать ихъ; чтеніе заранѣе составленныхъ рѣчей дозволялось исключительно членамъ правительства. Разсмотрѣнію сейма подлежали вопросы законодательные и административные, а также бюджетъ королевства. Законодательный починъ принадлежалъ исключительно правительству, при чемъ законопроекты вносились въ сеймъ по опредѣленію короля. Сеймъ могъ представлять чрезъ государственный совѣтъ на благоусмотрѣніе короля вопросы, которые желательно было бы разсмотрѣть въ сферѣ дѣлъ, подлежащихъ его вѣдѣнію. Бюджетъ утверждался сеймомъ не болѣе, какъ на четыре года; при непринятіи сеймомъ государственной росписи правительство имѣло право оставить въ силѣ послѣдній принятый сеймомъ бюджетъ.

По конституціи судьи должны быть независимы, а потому они были признаны несмѣняемыми, за исключеніемъ случаевъ смѣщенія ихъ по особымъ судебнымъ приговорамъ. Государственныя преступленія и преступленія высшихъ сановниковъ подлежали вѣдѣнію сеймоваго суда, который составлялся изъ всѣхъ членовъ сената.

Верховная правительственная власть принадлежала королю. Но такъ какъ король не пребываетъ въ предѣлахъ Польши, то для управленія страною назначался намѣстникъ или изъ членовъ императорскаго дома, или изъ коренныхъ, или натурализированныхъ поляковъ. Онъ долженъ пребывать въ королевствѣ. Подъ главнымъ завѣдываніемъ намѣстника все управленіе краемъ распредѣляется между пятью коммиссіями (министерствами), именно: дѣлъ духовныхъ и просвѣщенія, юстиціи, дѣлъ военныхъ, финансовыхъ, внутреннихъ и полиціи. Во главѣ каждой коммиссіи находились министры. Кромѣ того состоялъ еще

государственный контролеръ, подчиненный непосредственно королю, и контрольная палата. При особѣ короля находился государственный секретарь, докладывавшій ему по всѣмъ дѣламъ королевства.

Подъ предсѣдательствомъ короля или его намѣстника, находился совѣтъ государственный, состоявшій изъ министровъ и другихъ лицъ, назначаемыхъ королемъ. Этотъ совѣтъ раздѣлялся на совѣтъ административный и общее собраніе совѣта. Въ первый поступали всѣ дѣла по управленію краемъ, превышавшія власть, предоставленную каждому министру въ отдѣльности; дѣла, подлежащія окончательному разсмотрѣнію общаго собранія, а также различныя дѣла, подлежавшія разрѣшенію намѣстника или короля. Этотъ совѣтъ имѣлъ только голосъ совѣщательный по всѣмъ дѣламъ, имъ разсматриваемымъ. О всѣхъ постановленіяхъ административнаго совѣта намѣстникъ еженедѣльно долженъ былъ докладывать его величеству съ приложеніемъ копій этихъ постановленій. Совѣтъ собирался не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, во дворцѣ намѣстника въ 10 часовъ утра, и долженъ былъ состоять не менѣе, какъ изъ трехъ членовъ. Если намѣстникъ не владѣлъ польскимъ языкомъ, пренія въ совѣтѣ происходили на французскомъ языкѣ, а журналы—составлялись на польскомъ и французскомъ языкахъ и представлялись въ такомъ видѣ его величеству. Но всѣ постановленія совѣта, утвержденныя его величествомъ, или намѣстникомъ, и всѣ бумаги его канцеляріи должны быть объявляемы на польскомъ языкѣ.

Общее собраніе совѣта собиралось въ бывшемъ дворцѣ Красинскаго, но при желаніи короля предсѣдательствовать въ этомъ собраніи—въ Королевскомъ замкѣ. Собраніе этого совѣта, чтобы считаться законнымъ, должно состоять не менѣе, какъ изъ 9 членовъ: дѣла докладывались секретаремъ, рѣшались по большинству голосовъ и представлялись на утвержденіе короля или его намѣстника. Обсужденію общаго собранія совѣта подлежали всѣ законопроекты, а также административныя постановленія, которыя король или намѣстникъ признавалъ нужнымъ передать на разсмотрѣніе совѣта. Ежегодно въ опредѣленные сроки министры должны были представлять общему собранію совѣта отчеты о ходѣ ввѣренной имъ отрасли управленія, о своихъ предположеніяхъ по управленію, объ израсходованіи назначенныхъ имъ по смѣтѣ денегъ и т. д. При этомъ общее собраніе совѣта могло присоединять свои замѣчанія о недостаткахъ или пробѣлахъ, существующихъ въ законахъ и постановленіяхъ.

Равнымъ образомъ общее собраніе совѣта разрѣшало пререканія, возникавшія между администраціею и судебнымъ вѣдомствомъ, а также вопросы о превышеніи власти различными должностными лицами. Точно также вопросы о преданіи суду административныхъ лицъ, въ точно опредѣленныхъ случаяхъ, разсматривались въ этомъ же совѣтѣ, при чемъ

изъ среды его составлялась особая слѣдственная комиссія, которая представляла свое заключеніе, на усмотрѣніе совѣта. Отъ общаго собранія совѣта исходили всѣ предварительныя распоряженія о созваніи очереднаго сейма; всѣ законопроекты, предлагаемые сейму, разсматривались предварительно въ совѣтѣ.

Непосредственному рѣшенію монарха подлежали дѣла по управленію военными силами королевства, назначеніе начальниковъ воинскихъ частей и офицеровъ, дѣла внѣшней политики и назначеніе дипломатическихъ и торговыхъ агентовъ; также назначеніе лицъ на высшія должности по управленію королевствомъ (какъ-то сенаторовъ, судей верховнаго трибунала, епископовъ и т. д.), изъ числа двухъ кандидатовъ, представляемыхъ намѣстникомъ короля. Вся исполнительная власть во всемъ объемѣ сосредоточивалась въ особѣ короля, ему же принадлежало право помилованія, а также смягченія наказанія. Онъ одинъ утверждалъ статуты орденовъ, жаловалъ ихъ военнымъ и гражданскимъ лицамъ. Равнымъ образомъ король жаловалъ дворянство, коренное подданство и почетные титулы по своему усмотрѣнію. Королю принадлежало право созывать сеймъ и собраніе сеймиковъ; онъ утверждалъ постановленія сейма, и безъ этого утвержденія таковыя не имѣли силы и значенія. Король утверждалъ и ежегодные бюджеты королевства. Именемъ короля издавались указы и постановленія трибунала и судовъ; на монетахъ чеканились изображенія короля. Онъ и всѣ преемники его должны были короноваться королями польскими въ Варшавѣ по установленному порядку и приносить клятвенное обѣщаніе сохранять и исполнять всѣми зависящими средствами конституціонную хартію. Особа короля священна и неприкосновенна. Всѣ распоряженія и приказанія короля, или намѣстника, должны быть скрѣплены подписью подлежащаго министра, который и несетъ отвѣтственность, если бы таковыя оказались несогласными съ конституціею и законами страны.

По проекту конституціи армія и финансы вполнѣ зависѣли отъ правительства; всѣ должности въ королевствѣ должны были быть замѣщаемы однимъ поляками; польскій языкъ объявлялся языкомъ правительственнымъ; римско-католическое вѣроисповѣданіе должно было быть предметомъ особой заботливости правительства и т. д.

Пока коммиссія подъ предсѣдательствомъ графа Островскаго вырабатывала всѣ вышеприведенныя узаконенія, императоръ Александръ, послѣ заключенія втораго Парижскаго мира, прибылъ въ Варшаву 31-го октября (12-го ноября) 1815 г. и жилъ въ королевскомъ замкѣ, въ которомъ 15-го (27-го) ноября 1815 года и была подписана имъ конституціонная хартія Польскаго королевства и прочія узаконенія. При этомъ въ заключеніи конституціонной хартіи императоръ писалъ:

«Полагая по совѣсти, что означенная конституціонная хартія соотвѣтствуетъ нашимъ отеческимъ видамъ, имѣющимъ предметомъ своимъ сохранить во всѣхъ классахъ подданныхъ нашего Польскаго королевства миръ, согласіе и союзъ, столь необходимый ихъ благосостоянію и упрочить благополучіе, которое мы желаемъ имъ доставить,—мы даровали имъ и даруемъ означенную конституціонную хартію, принятую нами и нашими преемниками, и предписываемъ, кромѣ того, всѣмъ общественнымъ властямъ содѣйствовать ея осуществленію. Дана въ нашемъ Королевскомъ замкѣ въ Варшавѣ отъ 15-го (27-го) ноября 1815 г.» [1]).

II.

Такъ какъ русскій императоръ имѣлъ свое пребываніе въ столицѣ Россіи, то, очевидно, представилась необходимость назначить въ царство Польское намѣстника. Эту должность надѣялся занять членъ извѣстнаго тріумвирата первыхъ годовъ царствованія Александра I, князь Адамъ Чарторыйскій, который при томъ пользовался благосклоннымъ расположеніемъ императора. Кромѣ того, до обнародованія конституціи, онъ управлялъ всѣми дѣлами королевства и докладывалъ по нимъ лично государю [2]). Это давало Чарторыйскому какъ бы право, чтобы занять въ своемъ отечествѣ первое мѣсто, и онъ до самаго отъѣзда императора изъ Варшавы былъ, повидимому, увѣренъ, что будетъ назначенъ намѣстникомъ. Однако, его надежды не осуществились; онъ былъ сдѣланъ только сенаторомъ. Намѣстникомъ же былъ назначенъ генералъ Заіончекъ, по словамъ Дембицкаго, польскій якобинецъ, заговорщикъ изъ школы Коллонтая, принимавшій участіе въ клубныхъ интригахъ во время возстанія Костюшки. Заіончекъ, по словамъ Дембицкаго, умѣлъ вкрасться въ довѣріе къ цесаревичу Константину Павловичу, русскихъ генераловъ и дипломатовъ и оставался намѣстникомъ до конца жизни [3]), т. е. до 1826 года.

Передъ отъѣздомъ императора Александра I изъ Варшавы, послѣдовалъ слѣдующій именной указъ, данный 1-го декабря 1815 года въ Варшавѣ: на польскомъ и французскомъ языкахъ [4]).

«Желая явить новое доказательство принимаемаго нами участія въ

---

[1]) См. Арх. Госуд. Сов. дѣло № 1 отъ 1815 года. Эта хартія написана на французскомъ и польскомъ языкахъ, и въ концѣ французскаго текста имѣется подпись императора на французскомъ языкѣ.

[2]) См. рукописный журналъ Михайловскаго-Данилевскаго 1816 года,—приведенъ въ соч. Шильдера,—Императоръ Александръ I, т. III, стр. 476, примѣчанія.

[3]) См. Дембицкій—Пулавы, т. II.

[4]) См. дѣло № 41, 1815 года.

благосостояніи нашихъ подданныхъ королевства Польскаго и, въ то же время, признать выдающіяся заслуги, усердіе и преданность генерала-отъ-инфантеріи Заіончека [1]), Мы назначили и назначаемъ его намѣстникомъ королевства Польскаго, въ томъ вниманіи, чтобы генералъ-отъ-инфантеріи Заіончекъ отправлялъ власть, присвоенную ему въ качествѣ намѣстника нашего на основаніи постановленій конституціонной хартіи и согласно нашимъ ему уполномочіямъ. Александръ».

Что же касается проживавшаго въ то время въ Варшавѣ великаго князя Константина Павловича, то хотя онъ по праву, какъ великій князь засѣдавшій въ сенатѣ, могъ быть назначенъ намѣстникомъ, но таковаго назначенія не послѣдовало по нерасположенію князя къ гражданскому управленію. Онъ съ раннихъ лѣтъ дѣятельно и съ любовью занимался военной частью и былъ назначенъ главнымъ начальникомъ надъ польскимъ войскомъ, численность котораго простиралась до 35.000 человѣкъ [2]).

По государственному управленію царствомъ, цесаревичу не было предоставлено власти никакимъ особымъ высочайшимъ указомъ; во всѣхъ оффиціальныхъ случаяхъ онъ уступалъ первое мѣсто Заіончеку, но, какъ братъ императора, Константинъ Павловичъ на дѣлѣ скоро сдѣлался какъ бы вице-королемъ, въ то время какъ Заіончекъ являлся только гражданскимъ намѣстникомъ и какъ бы подчиненнымъ великому князю. Къ тому же немного позднѣе, 29-го іюня 1819 года, Константину Павловичу было предоставлено главное наблюденіе надъ гражданскимъ управленіемъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя составляли

[1]) Іосифъ Заіончекъ родился въ 1752 г. въ Украйнѣ, съ раннихъ лѣтъ, служилъ въ рядахъ польскихъ войскъ и былъ одно время адъютантомъ гетмана коронаго Браницкаго. Произведенный въ 1792 г. въ генералъ-маіоры, Заіончекъ командовалъ пѣхотною дивизіею въ арміи Понятовскаго и отличился въ сраженіи при Зеленцахъ. При образованіи Тарговицкой конфедераціи онъ удалился за границу и только въ 1794 г., вернувшись опять въ Польшу, примкнулъ къ партіи Коллонтая и получилъ командованіе войсками. Послѣ пораженія Костюшки Суворовымъ и взятіи его въ плѣнъ, Заіончекъ находился подъ начальствомъ Вавржецкаго, былъ раненъ при штурмѣ Праги и отвезенъ въ Варшаву. По занятіи этого города нашими войсками, Заіончекъ уѣхалъ сначала въ Галицію, а потомъ во Францію и, поступивъ въ армію Бонапарта, участвовалъ въ египетской его экспедиціи, а затѣмъ въ кампаніи противъ Австріи и Пруссіи въ 1805 и 1806 годахъ. Въ Отечественную войну 1812 года, командуя во французской арміи пѣхотною дивизіею, Заіончекъ, при переправѣ чрезъ р. Березину, лишился ноги. Послѣ занятія нашими войсками герцогства Варшавскаго, Заіончекъ выразилъ желаніе поступить въ русскую службу и былъ назначенъ членомъ военнаго комитета, образованнаго подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Павловича, для формированія артиллеріи въ арміи будущаго Польскаго королевства.

[2]) См. соч. Карновича—Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, изд. 1899 г., стр. 121 и слѣд.

территорію прежняго Польскаго королевства, т. е. въ губерніяхъ Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской и въ Бѣлостокской области. Виленскій генералъ-губернаторъ сталъ входить къ нему съ рапортами и только по одобреніи ихъ цесаревичемъ представлялъ, чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ, на высочайшее утвержденіе. Подобный же порядокъ естественно установился и въ царствѣ Польскомъ, намѣстникъ котораго по всѣмъ дѣламъ, болѣе важнымъ и въ особенности представляемымъ на высочайшее разрѣшеніе, входилъ въ предварительное соглашеніе съ главноначальствующими надъ польскими войсками, т. е. съ великимъ княземъ, и желалъ заручиться его согласіемъ или одобреніемъ. Всѣ эти представленія намѣстника препровождались для доклада государю къ статсъ-секретарю, отъ котораго и сообщались послѣдовавшія высочайшія повелѣнія по принадлежности.

Министры имперіи по предметамъ, до царства Польскаго относящимся, въ случаѣ надобности, сносились равнымъ образомъ съ министромъ статсъ-секретаремъ царства Польскаго, какимъ былъ первоначально Соболевскій [1]). Не много позднѣе всѣ сношенія по военной части царства Польскаго высочайше повелѣно было производить министру военному, чрезъ начальника главнаго штаба его императорскаго величества князя П. М. Волконскаго [2]).

П. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) См. П. С. Зак. 1816 г., № 26242.

[2]) См. П. С. Зак. 20-го января 1817 г., № 26627.

Письма къ В. А. Жуковскому разныхъ лицъ.

I. Письма Д. Н. Блудова [1]).

1.

Письмо П. И. Полетики и Д. Н. Блудова.

6-го (18-го) іюля 1818 г. Парижъ.

На сихъ дняхъ два арзамасца, почтенная Ка(с)сандра [2]) и Очарованный Челнокъ [3]), собравшись въ комнатѣ сего послѣдняго, читали и перечитывали съ возрастающимъ восхищеніемъ стихи твои, любезный и непростительно лѣнивый Чу [4]), на разрѣшеніе отъ бремени великой княгини Александры Ѳедоровны [5]). Въ семъ произведеніи, исполненномъ высокими мыслями, глубокою чувствительностію и всѣми прелестями блистательнаго воображенія, узнали мы кисть пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ и единодушно сказали: «Спасибо, братъ Чу, за потѣху».

---

[1]) Эти письма дополняютъ собою тѣ письма Д. Н. Блудова къ Жуковскому которыя изданы въ «Русскомъ Архивѣ» 1875 г., книга третья, стр. 341—343 и 1902 г., № 6, стр. 335—348.—Они печатаются съ подлинниковъ, принадлежавшихъ покойному академику А. Ѳ. Бычкову и имъ пріобрѣтенныхъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми бумагами К. С. Сербиновича.

[2]) Арзамасское прозвище Д. Н. Блудова.—Д. Н. Блудовъ находился въ это время въ Парижѣ проѣздомъ въ Лондонъ, куда онъ былъ назначенъ совѣтникомъ нашего посольства.

[3]) Арзамасское прозвище П. И. Полетики. — Полетика также ѣхалъ къ мѣсту новаго своего служенія: въ 1818 году онъ былъ назначенъ полномочнымъ министромъ въ Американскіе Соединенные Штаты.

[4]) Полетика забылъ, что прозвище «Чу» носилъ въ Арзамасѣ не Жуковскій, а Д. В. Дашковъ.

[5]) Извѣстное посланіе великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ на рожденіе великаго князя Александра Николаевича.

*

Я не знаю, какъ судятъ о сихъ стихахъ на берегахъ Невы, гдѣ худая проза часто предпочитается изящнымъ стихамъ, но въ засѣданіи здѣшнихъ двухъ арзамасцевъ они найдены совершенными: Ка(с)сандра, болѣе свѣдущая въ красотахъ всякаго рода писанія, не находитъ ни одной ложной мысли, ни одного слабаго стиха. Очарованный же Челнокъ, часто дерзкій въ своихъ сужденіяхъ, осуждалъ токмо одно выраженіе: ему казалось, что наука [1]) слишкомъ прозаическое слово, въ чемъ, однакожъ, Ка(с)сандра отнюдь не хотѣла согласиться. Полное собраніе Арзамаса рѣшитъ, кто изъ насъ правъ. Между тѣмъ я долженъ въ особенности погладить тебя по головкѣ за благородство, коимъ дышатъ твои (стихи), за добрые, истинно патріотическіе совѣты, данные августѣйшей родительницѣ. Карамзинъ показалъ намъ, какъ должно посвящать книги царямъ; отъ тебя же наши будущіе поэты научатся, какъ слѣдуетъ поздравлять ихъ въ стихахъ. Отъ васъ обоихъ познаютъ всѣ наши писатели, сколь великая есть разность между справедливою похвалою и подлою лестью.—Со всѣмъ тѣмъ, любезный братъ, ты великій подлецъ, и я на тебя зѣло сердитъ: стихи твои написаны 20-го апрѣля, а я выѣхалъ изъ С.-П(етер)бурга 7-го маія. Можно было бы, кажется, безъ всякаго богатырскаго напряженія прислать списокъ сихъ стиховъ къ отъѣзжающему на край свѣта арзамасцу; правда, что онъ не достоинъ сего званія, но въ глазахъ твоихъ онъ долженъ, по крайней мѣрѣ, имѣть то достоинство, что любитъ тебя душевно, а стихи твои читаетъ съ обжорностію. Ты имѣешь два способа загладить свою вину: первый состоитъ въ немедленномъ доставленіи ко мнѣ въ Лондонъ печатнаго экземпляра послѣднихъ твоихъ стиховъ, а вторый—въ прибавленіи къ обѣщанному мнѣ нѣкогда посланію 50-ти штрафныхъ стиховъ.—Ка(с)сандра отправляется съ семействомъ въ Англію завтра, а я на слѣдующій день, но на корабль не прежде сяду, какъ 1-го октября н(оваго) ш(тиля), слѣдовательно, ты имѣешь время совсѣмъ примириться. Прощай, милый лѣнтяй. Обнимая тебя отъ всего сердца, остаюсь преданный тебѣ Очарованный Челнокъ П. [2]).

Далѣе идетъ слѣдующая приписка Д. Н. Блудова:

Обнимаю тебя, любезная, милая, лѣнивая Свѣтлана, а не Чу! Нашъ Очарованный Челнокъ сдѣлалъ двѣ ошибки въ своемъ письмѣ; назвалъ

---

[1]) Рѣчь идетъ о слѣдующихъ стихахъ этого посланія:

Вотъ правила царей великихъ внуку.
Съ тобой ему начать сію науку.

[2]) Т. е. Полетика.

тебя не твоимъ именемъ и увѣряетъ, что по моему мнѣнію нѣтъ ничего дурнаго въ стихахъ, принадлежащихъ великой княгинѣ. Они принадлежатъ ей по многимъ правамъ, и по надписи, и по вдохновенію (она въ эту минуту была, точно, твоей музой), но однакожъ стихи эти принадлежатъ также къ однимъ изъ лучшихъ произведеній твоего таланта и нашей литературы. Обнимаю тебя лишній разъ за нихъ и еле успѣваю замѣтить, что есть выраженія четыре не совсѣмъ точныя и 10 или 12 стиховъ слабыхъ. Можно бы привязаться и еще кое къ чему, да некогда. Прости до Лондона; разумѣется, если Богъ принесетъ меня въ Лондонъ и если тамъ буду не такъ глупъ, какъ въ Парижѣ, особливо въ эту минуту. Прости, помолись за меня Аполлону и Арзамасскому генію гусю. А гуску, то-есть Тургенева [1]), обними такъ же нѣжно, какъ я въ третій разъ обнимаю тебя и всѣхъ арзамасцевъ.

2.

3-го (15-го) августа 1818. Лондонъ.

Здравствуй, любезный другъ Свѣтлана, здравствуй изъ Лондона. Я въ Англіи, друзья, но увы! объятій къ вамъ не простираю, или по крайней мѣрѣ долженъ прибавить: не встрѣтятъ васъ простертыя къ вамъ руки. Что сказать тебѣ еще? Лѣнь, непреодолимая лѣнь и привычка откладывать лишаютъ меня величайшихъ удовольствій: наслажденія умственной дѣятельности и утѣшенія бесѣдовать съ друзьями въ отсутствіи. Неужели мнѣ никогда не удастся побѣдить эти пагубныя явленія, эти язвы души моей, способностей и характера. Да, точно, и характера, потому что часто необработанныя мои идеи, невыраженныя чувства, весь этотъ избытокъ моральнаго существа моего, превращается въ какую-то желчь, непріятную для меня и другихъ. Оставимъ это: я съ неудовольствіемъ говорю про себя; не буду, по крайней мѣрѣ на сей разъ, говорить и о своемъ путешествіи и о житьѣ-бытьѣ въ Англіи. О послѣднемъ почти нечего еще и разсказывать: что касается до перваго, я, можетъ быть, скажу нѣсколько словъ нашему гусю-патріарху, то есть Карамзину: онъ, кажется, требовалъ отъ меня этого знака жизни. Впрочемъ, не зная, гдѣ онъ, я свое письмо пришлю къ тебѣ; только не теперь. Право, я не имѣю ни времени, ни силъ написать порядочную страницу, или даже собраться съ какими-нибудь мыслями или воспоминаніями. Покуда я соберусь напомнить о себѣ, скажи хоть ты за меня слова два нашему доброму, милому другу, и учителю, и образцу всего моральнаго. Обойми его по-арзамаски, поцѣ-

[1]) А. И. Тургенева.

луй ручку у Катерины Андреевны [1]) и пожелай счастія всему ихъ семейству. Обойми всѣхъ арзамасцевъ... Написалъ это и остановился, и перо у меня чуть не выпало изъ рукъ. Однакожъ не отъ нѣжной тоски по Арзамасу, а вотъ отъ чего. Скажи, правда ли, что нашъ любезный, бѣдный Рѣзвый Котъ [2]) въ ужаснѣйшемъ несчастіи? Увѣряю тебя безъ всякаго жеманства, что въ эту самую минуту у меня льются слезы изъ глазъ. Ты знаешь, какъ я люблю Сѣверина; я сталъ бы жалѣть о всякомъ его горѣ. Но теперь меня трогаетъ не одно участіе въ его судьбѣ: я люблю... или, можетъ быть, уже... только любилъ... жену его не менѣе. Скажу еще, что я Сѣверина самого началъ любить болѣе съ тѣхъ поръ, какъ узналъ его милую Элену [3]): думаю также, что и онъ съ тѣхъ поръ сталъ любить меня болѣе. Таково свойство сихъ ангельскихъ душъ, созданныхъ для нѣжности и мирнаго счастія друзей, что даже тѣ, которые къ нимъ близки, становятся и болѣе любезны, и болѣе способны любить. Онѣ сообщаютъ какое-то благоуханіе любви, добра и райскаго спокойствія. И неужели правда, что одно такое небесное существо насъ оставило? Эта милая Элена, которая соединяла въ себѣ столько рѣдкихъ качествъ: кроткій характеръ съ живостью ума, таланты, знаніе и скромность, тонкость ума и добродушіе, наконецъ воображеніе и невинность почти ребяческую; ея ужъ нѣтъ! И я думаю только о томъ, что потеряли всѣ друзья ея; а Сѣверинъ, а мать, а братъ? Бѣдные! Какая ожесточенная судьба надъ этимъ любезнымъ семействомъ; страшно вспомнить, страшно вообразить! Да зачѣмъ и воображать? Слухъ, дошедшій до насъ, можетъ быть вздорный: дай Богъ! Но вотъ уже три дня, какъ я единственно объ этомъ провѣдываю и думаю. Къ несчастію, вижу мало причинъ сомнѣваться. Если тебѣ возможно, напиши ко мнѣ хоть строчку, хотя объ Сѣверинѣ только. Къ нему я не смѣю писать, и не осмѣлюсь, пока не узнаю: но и тогда какъ писать! Поклонись ему отъ меня: скажи что̀ хочешь и можешь. О, дай Богъ, чтобъ все кончилось враньемъ и ложью: я готовъ буду нашего лжеца и ненавидѣть за то, что онъ солгалъ, и благодарить за то, что онъ лжецъ!

Прости; мы отправляемъ курьера, и я занятъ въ эту минуту пустяками, однакожъ занятъ. Мое письмо, вѣроятно, отправлю къ тебѣ моремъ, и его тебѣ доставитъ мой посланный. Мнѣ хотѣлось отправить съ нимъ какое-нибудь произведеніе Байрона, Мура или Вальтеръ-Скота. Но отъѣздъ моихъ людей случился ранѣе ожидаемаго и довольно скоро-

---

[1]) Карамзиной, жены историографа.

[2]) Арзамасское прозвище Д. П. Северина.

[3]) Д. П. Северинъ былъ женатъ, въ первомъ бракѣ, на Еленѣ Скарлатовнѣ Стурдза (сестрѣ извѣстнаго писателя и дипломата А. С. Стурдзы); она скончалась 20-го іюня 1818 года.

постижно, а я не успѣлъ еще здѣсь оглядѣться. Итакъ подожди, не сердись и не пеняй! Впрочемъ, и ты вѣдь въ долгу у меня. Когда я получу твое второе изданіе и все, что ты написалъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались? Что ты дѣлаешь? Не пристала ли къ тебѣ корь [1])? Обойми Тургеневыхъ, сверхъ общаго объятія всѣхъ арзамасцевъ. Побрани Варвика-Николая [2]); я не получилъ отъ него ни одной книжки, ни Вѣстника, ни Сына, и такъ далѣе. Александра-Арфу и бранить нечего. Какая польза?

Напишите же ко мнѣ по первой почтѣ. Вотъ мой адресъ: A M-r de Bloudoff, conseiller d'état et d'ambassade de S. M. l'Empereur de toutes les Russies à Londres. Hôtel de S. E. l'ambassadeur de Russie, Harley Street № 36, или: à Londres, Welbeck Street, № 55. Я самъ тутъ живу. Однакожъ первый адресъ еще вѣрнѣе, ибо я могу переѣхать въ другой домъ.

Прости. Жена моя и дѣти, слава Богу, здоровы; не кланяются тебѣ за тѣмъ, что я пишу изъ канцеляріи. Да кстати, или хотя бъ некстати— перемѣняю свой планъ и отправляю письмо не моремъ, а чрезъ курьера. Моремъ дошло бы, можетъ быть, скорѣе, но послѣднее надежнѣе.

3.

9-го (21-го) августа 1818. Лондонъ.

Милая Свѣтлана! Нечаянный случай задержалъ здѣсь моихъ людей лишнюю недѣлю. Пользуясь этимъ, пишу къ тебѣ еще нѣсколько строкъ и посылаю книгу, которой тебѣ хотѣлось: послѣднее сочиненіе лорда Байрона, то-есть 4-ю пѣснь поэмы Childe Harold; первыя пѣсни вышли въ свѣтъ уже давно. Если не ошибаюсь, онѣ есть у тебя. Вмѣстѣ съ Байрономъ ты получишь и Мура въ двухъ маленькихъ томахъ. Я не купилъ всѣхъ его произведеній, ибо не знаю еще, понравится ли тебѣ этотъ вовсе не знатный поэтъ. Здѣсь онъ славенъ переводомъ Анакреона; но на что намъ, русскимъ, Анакреонъ по-англійски? Впрочемъ, если ты захочешь, я могу прислать тебѣ и остальныя стихотворенія Мура. Реестръ ихъ, кажется, есть въ концѣ втораго тома; а реестръ всѣхъ сочиненій Байрона, Вальтеръ-Скота и Саути я вытребовалъ у книгопродавца и посылаю къ тебѣ. Назначь, чего у тебя нѣтъ и что хочешь имѣть.

---

[1]) Около этого времени захворалъ корью великій князь Николай Павловичъ (см. „Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву". Спб. 1866, стр. 242).

[2]) Н. И. Тургеневъ носилъ въ Арзамасѣ прозвище Варвикъ, а А. И. Тургеневъ—Эолова Арфа.

Прости; поклонись отъ меня всѣмъ нашимъ, въ томъ числѣ и дерптскимъ [1]). Ты, вѣроятно, знаешь, что я съ ними познакомился.

Что сказать новому Saint-Preux о его Юліи [2])? Я воображалъ ее прекраснѣе, но не могъ вообразить лучше и милѣе. Надѣюсь, что она меня полюбила, разумѣется, за то, что я люблю тебя и твои стихи.

Прости; не сердись за сравненіе съ Saint-Preux. Обнимаю тебя, какъ старѣйшаго въ Арзамасѣ, а не старосту однакожъ.

Тебѣ кланяются жена моя, дѣти и сверхъ того Кривцовъ [3]). Очарованный Челнокъ [4]) уѣхалъ въ замокъ Вильтонъ для свиданія съ лордомъ Пемброкомъ [5]) и графомъ С. Р. Воронцовымъ [6]).

II. Письма А. А. Прокоповича-Антонскаго [7]).

1.

2-го февраля 1820 г.

Я не отвѣчалъ на послѣднее ваше письмо [8]), мой безцѣнный Василій Андреевичъ, отъ того, что все ждалъ къ себѣ г-на Офросимова [9]), чтобъ говорить съ нимъ про Кондырева [10]) и про долгъ. До сихъ поръ не

---

[1]) Т. е. Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ Протасовой и ея дочерямъ: Александрѣ Андреевнѣ Воейковой и Маріи Андреевнѣ Мойеръ.

[2]) Т. е. Жуковскому о М. А. Мойеръ. — Saint-Preux и Юлія главныя дѣйствующія лица въ романѣ Ж.-Ж. Руссо „Новая Элоиза".

[3]) Николай Ивановичъ Кривцовъ (р. 1791 † 1843), человѣкъ очень умный и образованный, находившійся въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ арзамасцами. Онъ въ это время состоялъ при нашемъ посольствѣ въ Лондонѣ.

[4]) Петръ Ивановичъ Полетика.

[5]) За однимъ графомъ Пемброкомъ была замужемъ дочь графа Семена Романовича Воронцова, графиня Екатерина Семеновна.

[6]) Съ жившимъ въ Англіи графомъ Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ (р. 1744 † 1832), бывшимъ посломъ нашимъ въ Лондонѣ.

[7]) Подлинники хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

[8]) Отъ 26-го декабря 1819 года, напечатанное въ „Русскомъ Архивѣ" 1883 года, книга первая, стр. 329, и вторично, съ небольшими отличіями, въ томъ же журналѣ 1902 г., № 5, стр. 143.

[9]) Александра Михайловича Офросимова, женатаго на племянницѣ Жуковскаго, Маріи Петровнѣ Юшковой. А. М. Офросимову, какъ видно изъ писемъ Жуковскаго къ Прокоповичу-Антонскому отъ 26-го ноября и 26-го декабря 1819 года, было дано Жуковскимъ порученіе переговорить съ Антонскимъ касательно уплаты денегъ, которыя долженъ былъ ему Жуковскій по векселю (см. „Русскій Архивъ" 1883 года, книга первая, стр. 328 и 329; 1902 г., № 5, стр. 142 и 143).

[10]) Въ письмѣ отъ 26-го ноября Жуковскій просилъ Антонскаго добыть изъ университета аттестатъ для своего петербургскаго знакомаго Василія Ивановича Кондырева, слушавшаго въ университетѣ лекціи въ 1814—1817 г.г. Жуковскій старался помочь Кондыреву поступить на службу.

дождался. Далъ ему бумагу, чтобъ онъ отобралъ свидѣтельство отъ профессоровъ объ г-нѣ Кондыревѣ, и съ того времени совсѣмъ не вижу его. Сердечно буду тужить, если вы подумаете, что я не хочу исполнить вашей просьбы. Напротивъ, для меня ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ сдѣлать вамъ удовольствіе. Пеняйте своему коммиссіонеру. Посылаю вамъ книжку, XV часть Трудовъ Общества [1]). Читалъ по газетамъ, что ваши стихи произносили въ Россійской Академіи [2]), но, буду ли имѣть ихъ въ рукахъ, не знаю. Вы безпечны на то, чтобы меня утѣшать своими произведеніями. Дай Богъ, чтобъ ваше доброе желаніе исполнилось, чтобы вы никогда ни на часъ не разлучались съ своею прелестною музою [3]). Только глядите; всѣ думаютъ, что вы къ ней становитесь равнодушны, если не холодны. Обнимаю васъ отъ всего сердца и остаюсь всегда вамъ преданнымъ слугою А. Антонскій.

2.

15-го марта 1820 г.

Кондыреву вашему, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ, свидѣтельство выдано. Не знаю, послужитъ ли оно ему къ добру. По крайней мѣрѣ я отъ добраго сердца желалъ исполнить ваше требованіе. Г-нъ Офросимовъ [4]) получилъ свидѣтельство. Другому Офросимову [5]) я сказывалъ также, что и въ деньгахъ я готовъ угодить вамъ; только чтобъ мнѣ не передавать чужихъ заемныхъ писемъ. И съ своими не умѣю управляться.

---

[1]) Общества любителей россійской словесности, предсѣдателемъ котораго былъ Антонскій.

[2]) Въ годичномъ собраніи Россійской Академіи 8-го января 1820 года былъ прочитанъ Н. И. Гнѣдичемъ переведенный Жуковскимъ отрывокъ изъ Овидіевыхъ Превращеній „Цеиксъ и Гальціона“.

[3]) Въ письмѣ отъ 26-го ноября 1819 г. Жуковскій писалъ Антонскому между прочимъ, слѣдующее: „Муза моя очень стала скупа на стихи; кое-что она прошептала мнѣ въ послѣднее время, но новый свѣтъ, въ который попалъ я, закружилъ ей нѣсколько голову. Я стараюсь унять ее, и, можетъ быть, это мнѣ удастся. Хотя и не имѣю и не хочу никогда имѣть титула придворнаго, но близость двора опасна и для поэта: съ непривычки угоришь“. Въ письмѣ отъ 26-го декабря онъ писалъ Антонскому: „Благодарю васъ за пени насчетъ моего стихотворства: я и лѣнился, и былъ разсѣянъ своимъ новымъ образомъ жизни. Однако не разстался съ своею музою и понемножку пишу. Было бы великое для меня несчастіе, если бы муза моя, ближняя мнѣ родня, меня покинула: я бы жестоко осиротѣлъ“ (см. „Русскій Архивъ“ 1883 года, книга первая, стр. 328 и 329; 1902 г., № 5, стр. 142 и 143).

[4]) Николай Михайловичъ, которому Жуковскій поручалъ хлопотать о полученіи аттестата Кондырева.

[5]) Александръ Михайловичъ (см. предыдущее письмо).

Вотъ г-нъ Воейковъ [1]) занялъ денегъ и, просрочa годъ, хоть бы слово молвилъ. Гдѣ онъ теперь, въ Дерптѣ или въ другомъ мѣстѣ? У насъ слухъ пронесся было, что хотѣлъ перейти въ Казань [2]). Г-нъ Жихаревъ [3]) сказывалъ мнѣ, что васъ видѣлъ; но на вопросъ мой, что вы пишете, ничего не сказалъ. Я съ нимъ вмѣстѣ потужилъ, что вы не живете въ уединеніи. Оно вѣрно бы больше богато было вашими произведеніями. Житейскія суеты и дѣла службы съ музами худо ладятъ. Отъ всего сердца желая вамъ быть здоровымъ, остаюсь всегда вамъ преданнымъ слугою А. Антонскій.

III. Князя П. А. Вяземскаго [4]).

1.

24-го марта (1819). Варшава.

Жуковскій тебя обнимаетъ, а писать не хочетъ [5]): письмо Тургенева отъ 12-го марта. Такъ-то ты исправился. Мнѣ опять надобно умудриться написать какіе-нибудь стихи тебѣ не на вкусъ, чтобы расшевелить твою лѣнь. Но бѣда въ томъ, что никакіе стихи не пишутся. Je ne fais plus que des vers solitaires, un chaque jour [6]), для извѣстнаго посланія къ Ив(ану) Ив(ановичу) [7]). Напримѣръ на-дняхъ высидѣлъ я, говоря о спесивыхъ умникахъ, стихъ:

---

[1]) Александръ Ѳедоровичъ, женатый на племянницѣ Жуковскаго А. А. Протасовой.

[2]) Въ то время Воейковъ былъ еще профессоромъ въ Дерптѣ; но 25-го сентября того же 1820 года онъ былъ, по прошенію, отчисленъ отъ этой должности и затѣмъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ на службу въ департаментъ духовныхъ дѣлъ и занялся издательствомъ и журнальною литературою (см. Е. В. Пѣтуховъ, „Каѳедра русскаго языка и словесности въ Юрьевскомъ (Дерптскомъ) университетѣ“, Юрьевъ. 1900, стр. 44).

[3]) Степанъ Петровичъ, авторъ извѣстныхъ Записокъ („Дневникъ студента“ и „Дневникъ чиновника“).

[4]) Печатаются съ подлинниковъ, принадлежавшихъ покойному академику А. Ѳ. Бычкову, которымъ были пріобрѣтены вмѣстѣ съ нѣкоторыми бумагами К. С. Сербиновича. Этими письмами дополняется рядъ писемъ князя П. А. Вяземскаго, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900 г. (книга первая, стр. 181 — 208 и 355 — 390) и въ „Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки“ за 1895 г., приложенія, стр. 129—130.

[5]) См. „Остафьевскій Архивъ“, изд. графа С. Д. Шереметева, подъ ред. и съ примѣч. В. И. Саитова, т. I (Спб. 1899), стр. 202, послѣднюю фразу въ письмѣ А. И. Тургенева къ кн. Вяземскому отъ 12-го марта.

[6]) Т. е. я пишу теперь только отдѣльные стихи, по одному каждый день.

[7]) Дмитріеву. Это посланіе было напечатано въ „Полярной Звѣздѣ“

Ихъ глупость тѣмъ глупѣй, что вѣчно корчитъ умъ [1]).

Не полюби этотъ стихъ: сдѣлай милость, не полюби, за то меня полюбишь, или по крайности дашь доказательство, что любишь, то-есть что-нибудь напишешь. Одно другого стоитъ. Что дѣлаешь? Напиши балладу на смерть Коцебу [2]). Что скажешь о своихъ курляндцахъ? Хороши мальчики! Видно ждать ума отъ Франціи: ваша Германія все переставитъ верхъ дномъ. У нея голова кружится въ облакахъ табачнаго дыма. И съ лучшими помышленіями ничего путнаго она не сдѣлаетъ. Во Франціи всѣ задачи рѣшатся при солнцѣ разсудка, въ Германіи при ослѣпительномъ заревѣ безобразныхъ кометъ. Есть ли у тебя трагедія: Die Anhfrau [3]), которая въ большой славѣ? Прости, моя молчанка. Обнимаю тебя и люблю по-старому. Плещееву [4]) мой поклонъ въ поясъ. Скажи ему, что Brice [5]) дебютировалъ у насъ dans Les deux jaloux и Le nouveau seigneur. Онъ у васъ потерялъ голосъ, но поетъ прекрасно. У насъ здѣсь и дочь славной Филисы [6]): варіаціи Каталани [7]) отдуваетъ какъ бы ни въ чемъ не бывало. А для фарсъ есть Méret [8]), въ роляхъ Жокриса [9]) и другихъ des Variétés [10]): Плещеевъ съ нимъ бы не разстался. Одна здѣсь и есть отрада: французскій спектакль. Для меня это настоящій обѣдъ ума: какъ умъ и желудокъ что-нибудь въ день перехватятъ, и довольно. Счастья не надобно, да его и нѣтъ, да и хо-

---

на 1823 годъ; къ этому году оно отнесено и въ Полномъ собраніи сочиненій князя П. А. Вяземскаго (т. III, Спб. 1880, стр. 294 — 297). „Я теперь сижу надъ посланіемъ къ Ивану Ивановичу и ничего высидѣть не могу", писалъ князь Вяземскій А. И. Тургеневу 24-го марта 1819 года (см. „Остафьевскій Архивъ", т. I, стр. 206).

[1]) Въ печатномъ изданіи этотъ стихъ читается такъ:

Ихъ глупость тѣмъ глупѣй, что нагло корчитъ умъ.

[2]) Извѣстный нѣмецкій писатель Августъ Коцебу былъ убитъ 23-го марта н. ст. 1819 г., въ Мангеймѣ, Зандомъ, студентомъ Эрлангенскаго университета.

[3]) Трагедія Франца Грильпарцера (Grillpartzer).

[4]) Александру Алексѣевичу († 1827), находившемуся въ тѣсной дружбѣ съ Жуковскимъ, отличному чтецу, любителю театра, писавшему и пьесы для театра.

[5]) Комическій и оперный актеръ французской труппы въ Варшавѣ, ранѣе игравшій на французской сценѣ въ Петербургѣ (см. „Остафьевскій Архивъ", т. I, стр. 589).

[6]) Женни Phillis, дочь извѣстной пѣвицы Филлисъ-Андріе (см. тамъ же, стр. 646).

[7]) Знаменитая итальянская пѣвица Анжелика Каталани (р. 1779†1849).

[8]) Въ письмѣ къ Тургеневу фамилію этого актера кн. Вяземскій пишетъ Mairet (тамъ же, стр. 359).

[9]) Въ комедіи: „Jocrisse Suicide" (тамъ же).

[10]) Т. е. парижскаго театра Variétés.

рошо, что нѣтъ. Le bonheur serait le levier d'Archimède [1]). Одинъ счастливецъ измякъ бы, перекинувъ за плечо всю вселенную. Вотъ скачка титановъ: еще одинъ шагъ, и они залѣзли бы въ небо. Можно ли вообразить счастіе ограниченное? Гдѣ есть предѣлъ желаніямъ, тамъ нѣтъ уже воли, а гдѣ нѣтъ воли, тамъ нѣтъ и счастія. Мнѣ кажется, я умничаю на германскій ладъ. Авось, понравлюсь тебѣ, моя красавица жестокая.

На оборотѣ 2-го листа помѣщенъ слѣдующій адресъ: «Безмолвному Жуковскому, наслѣднику молчанія усопшаго Молчанова-Тургеніева, нынѣ блаженно каммеръ-герствующаго [2]) и краснoглаголющаго; старца-Эверса [3]) и всѣхъ германскихъ якобинцевъ сообщнику, переводчику Шиллера и Тугендъ и всякихъ другихъ бунтовъ [4]) усердному Сеиду и будущему Магомету, но только безъ сераля, упраздненнаго по несостоянію содержать его въ исправности».

2.

9-го февраля (1829), Москва.

Вотъ, любезнѣйшій другъ, бумаги [5]), прочти все; если успѣешь, прочти и князю Голицыну, нашему московскому [6]), а тамъ и съ Богомъ. Знакомъ ли ты съ Закревскимъ [7])? Я уважаю его и дорожу его мнѣніемъ; если будешь имѣть случай, скажи ему о моемъ дѣлѣ. Теперь мнѣ дѣлать въ Москвѣ нечего, и ѣду къ своимъ, слѣдовательно, ищи меня и пускай другіе ищутъ меня въ Пензѣ, куда и адресовать прямо ко мнѣ письма. Письмо къ государю [8]) раскрой. Получилъ ли ты мою печать и письмо мое съ Окуловою [9]), пріѣхавшею съ княгинею Зенеи-

---

1) Т. е. Счастье было бы то же, что̀ Архимедовъ рычагъ.

2) А. И. Тургеневъ былъ пожалованъ камергеромъ 22-го февраля 1819 г. (см. „Остафьевскій Архивъ“, т. I, стр. 567).

3) Знаменитаго профессора догматическаго богословія въ Дерптскомъ университетѣ, Лоренца Эверса (р. 1742 † 1830). Ему посвящено Жуковскимъ стихотвореніе „Старцу Эверсу“.

4) Игра словъ. Т. е. извѣстнаго Tugenbund'a.

5) Извѣстная „Исповѣдь“ князя П. А. Вяземскаго, написанная имъ по поводу сдѣланнаго на него доноса, обвинявшаго его въ развратномъ будто бы образѣ жизни (см. Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. II, Спб. 1879, стр. 85—111, а также т. IX, Спб. 1884, стр. 96—114).

6) Московскому генералъ-губернатору князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну.

7) Арсеніемъ Андреевичемъ, впослѣдствіи графомъ, тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ.

8) Напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1890 года, книга вторая, стр. 279—280.

9) Анною Алексѣевною († 1861), потомъ бывшею наставницею при великихъ княжнахъ Ольгѣ и Александрѣ Николаевнахъ и камеръ-фрейлиною.

дою [1])? Прошу извиненія у Дашкова [2]), что упомянулъ о немъ въ письмѣ къ Бенкендорфу [3]), но, кажется, pas de manière à le compromettre [4]). Надобно же мнѣ отъ козней дьяволовъ выставлять свои честные образа. О службѣ моей на первый случай дѣлайте, что хотите. Я былъ аттестованъ къ чину статскаго совѣтника [5]) въ формулярномъ спискѣ, данномъ мнѣ Новосильцевымъ [6]). Обнимаю тебя и препоручаю себя вашей дружбѣ.

Непремѣнно ѣду, итакъ пиши въ Пензу.

3.

12-го апрѣля 1846. С.-Петербургъ.

Христосъ воскресе! И другъ друга обымемъ! И подѣлись этимъ привѣтствіемъ съ женою и дѣтьми своими. Ты жалуешься Булгакову [7]) на молчаніе мое. Во-первыхъ, если на то пошло, не я въ долгу, а ты. Я писалъ тебѣ въ концѣ ноября и отдалъ письмо Родіонову [8]). А во-вторыхъ, я сказалъ тебѣ, что не пишу, потому что не пишется. Письменная жила во мнѣ остыла и онѣмѣла. Изъ нея уже не бьетъ чернильный кипятокъ, какъ во время оно. О смерти нашего добраго и незабвеннаго Тургенева [9]) я не имѣлъ духа написать тебѣ первый. Къ тому же я знаю, что всѣ подробности о немъ и о кончинѣ его получишь изъ Москвы. Скорби не выразишь словами. Лучше молчать, особенно же на письмѣ не выразишь. Перо худой и слишкомъ матеріальный и многосложный пресводникъ. Свербеева [10]) пишетъ мнѣ (и кажется и къ тебѣ писала), que

---

[1]) Съ княгинею Зинаидою Александровною Волконскою.

[2]) Дмитрія Васильевича.

[3]) Графу А. Х. Бенкендорфу, шефу жандармовъ

[4]) Т. е. такъ, что его не компрометирую.

[5]) Спустя четыре года, въ 1833 году, когда князь Вяземскій былъ представленъ къ чину статскаго совѣтника, на это не послѣдовало высочайшаго соизволенія; причиною тому, по словамъ кн. Вяземскаго, была сказанная имъ шутка насчетъ пожалованія генерала Эссена въ графское достоинство („Напрасно не пожаловали его княземъ Пожарскимъ“) (см. Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. IX, Спб. 1884, стр. 108—109).

[6]) Николаемъ Николаевичемъ, при которомъ князь Вяземскій служилъ въ Варшавѣ.

[7]) Общему пріятелю Жуковскаго и Вяземскаго, Александру Яковлевичу Булгакову, въ то время московскому почтъ-директору.

[8]) Ростиславу Родіоновичу Родіонову, хорошему знакомому Жуковскаго, исполнявшему разныя его порученія въ Россіи.

[9]) Александра Ивановича, скончавшагося въ Москвѣ 3-го декабря 1845 г.

[10]) Екатерина Александровна, рожд. княжна Щербатова, жена Дмитрія Николаевича Свербеева, автора „Записокъ“, изданныхъ въ Москвѣ въ 1899 году.

Joukowski devrait écrire à M-me Tourgueneff [1]) (cousine à Alexandre Tourgueneff) que comme son retour en Russie que l'on a cru prochain et qui aujourd'hui est remis à un an et comme elle avait déjà l'intention de faire remettre les papiers du défunt à la disposition de Joukowski, il la priait de les faire remettre en son nom à monsieur Sverbéeff qui les examinerait et en rendrait compte à Joukowski pour en faire plus tard l'usage qui conviendrait le mieux [2]). Свербеева полагаетъ, что всѣ историческіе манускрипты слѣдуетъ принести въ даръ Московскому университету. Я очень одобряю эту мысль. Во всякомъ случаѣ нахожу, что бумаги покойника не должны быть высланы изъ Россіи и не должны быть причислены къ родовому наслѣдству. Надобно охранить ихъ и память его отъ возможнаго злоупотребленія и не выносить посмертный соръ или и драгоцѣнные пожитки (впрочемъ и то и другое, вѣрно, совокупно и нераздѣльно) изъ избы. Не нарушая совѣсти, мы можемъ произвольно признать себя законными наслѣдниками бумагъ Тургенева и въ такомъ смыслѣ и дѣйствовать. Если хочешь, пришли на мое имя письма твои къ Тургеневой и Свербеевой. Знаешь ли, что Андрей Карамзинъ женится на Аврорѣ Демидовой, вдовѣ [3])? Въ семействѣ очень довольны этимъ бракомъ, потому что она хотя нѣсколькими годами и постарѣе его, но во многихъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ она совершенно милая, добрая женщина и была и будетъ примѣрною женою. За то весь городъ возстаетъ противъ этой свадьбы и удивляется, какъ Демидова можетъ рѣшиться сойти съ какого-то своего класса при дворѣ и, бывши тайною совѣтницею, идти въ поручицы? Родные также не мирволятъ и распускаютъ разныя глупости и клеветы. Но любовь восторжествуетъ надъ сопротивною силою. Кстати! Поздравь отъ меня и вашу франкфуртскую невѣсту [4]) и нѣжно поцѣлуй моими устами ручку ея. Сердечно радуюсь ея радости. На-дняхъ послалъ я тебѣ чрезъ Воейкова книгу

[1]) Александрѣ Петровнѣ Тургеневой (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 422).

[2]) Т. е. Жуковскому слѣдовало бы написать г-жѣ Тургеневой (двоюродной сестрѣ Александра Тургенева), что, въ виду того, что его возвращеніе въ Россію, которое считалось близкимъ, отложено еще на годъ, и такъ какъ она сама, имѣла намѣреніе передать бумаги покойнаго (А. И. Тургенева) въ распоряженіе Жуковскаго, онъ проситъ ее передать эти бумаги, отъ его имени, Свербееву, который ихъ разберетъ и дастъ о нихъ отчетъ Жуковскому, который впослѣдствіи, какъ должно, ими распорядится.

[3]) Сынъ исторіографа Андрей Николаевичъ Карамзинъ (р. 1814 † 1854) женился на вдовѣ егермейстера Павла Николаевича Демидова, Аврорѣ Карловнѣ, рожденной Шернваль († 1902).

[4]) Дочь Маріи Андреевны Мойеръ (рожд. Протасовой), Екатерину Ивановну, вышедшую замужъ за Василія Александровича Елагина, сына Авдотьи Петровны Елагиной.

отъ Шевырева. Что твой Одиссей, студ. Васильевъ? Тронулся ли онъ съ половины пути, на которой было засѣлъ? Что знаешь о Гоголѣ? Здѣсь весьма неблагопріятныя вѣсти о здоровіи его. А хочешь ли знать, что о тебѣ говорится на святой и православной Руси? На, читай. Это извлеченіе изъ Маяка [1]). Этотъ журналъ нынѣ уже не издается и, какъ слышно, запрещенъ за излишнее свое православіе. Соболевскій [2]) сказалъ однажды:

Сочиненіе: Маякъ
Издаетъ большой дуракъ
По прозванію Корсакъ [3]).
Помогаетъ дурачекъ
По прозванью Бурачекъ [4]).

Этотъ-то Бурачекъ и кидаетъ на васъ, еретиковъ, громы православія. Онъ, сказываютъ, большой математикъ, и впрочемъ человѣкъ добросовѣстный, и говоритъ по убѣжденію. Выраженіе мысли его, конечно, нелѣпо, и самая мысль вдается въ крайность, но въ сущности своей она справедлива. Нѣтъ сомнѣнія, что мы, что вся современная образованность напитаны духомъ римскимъ, не только папежскимъ, но и идолопоклонническимъ. И какъ я однажды сказалъ, христіанство, церковь не есть краеугольный камень всего общественнаго зданія. Какъ въ нѣкоторыхъ римскихъ храмахъ евангельскія изображенія не совершенно вытѣснили миѳологическія, такъ и въ нашемъ нравственномъ и умственномъ общежитіи христіанскія понятія не совершенно подавили понятія языческія. Изъ-за Распятія выглядываетъ Юпитеръ, изъ-за Божіей Матери Венера и Граціи. Можетъ ли оно, должно ли быть иначе? Богъ

---

[1]) Издавался въ 1842—1845 гг. С. А. Бурачкомъ. Въ томѣ двадцать второмъ этого журнала, за 1845 годъ, въ статьѣ С. А. Бурачка „Критическій обзоръ народнаго значенія Вселенской Церкви на Западѣ и на Востокѣ“, нѣсколько страницъ посвящено обзору хода русской литературы, и тутъ встрѣчается слѣдующій отзывъ о Жуковскомъ: „Жуковскій уже совершенно преклонился передъ римскимъ истуканомъ французской, нѣмецкой и англійской лже-поэзіи. Онъ уже вовсе былъ чуждъ русскаго духа и стихій. Мораль его—мораль римская. Вліяніе его на современниковъ было полное: онъ создалъ Пушкина. Только въ послѣднихъ его стихотвореніяхъ начинаетъ пробиваться духъ Евангелія, но духъ все-таки римскій, а не русскій. Но его послѣднія произведенія уже не дѣйствуютъ на «юное поколѣніе русскихъ» — оно улыбается имъ“ (Глава IV, Критика, стр. 95).

[2]) Извѣстный библіофилъ Сергѣй Александровичъ Соболевскій.

[3]) Корсаковъ, нынѣ умершій, братъ Дундука. (Примѣчаніе князя П. А. Вяземскаго).—Петръ Александровичъ Корсаковъ (р. 1790 † 1844), цензоръ и писатель, братъ князя Михаила Александровича Дундукова-Корсакова, вице-президента Академіи Наукъ.

[4]) Степанъ Анисимовичъ Бурачекъ, генералъ-лейтенантъ корпуса корабельныхъ инженеровъ (р. 1800 † 1876).

вѣсть! Но неоспоримо, что изъ всего смѣшенія этого и выходитъ разладица, которая мутитъ и дергаетъ общество въ разныя стороны. Если признать христіанство за то, чѣмъ выдаетъ оно себя въ Евангеліи, то, разумѣется, нѣтъ другой возможной жизни намъ, другой дѣятельности, иной цѣли, какъ жизнь, какъ дѣятельность, какъ цѣль апостольская. Все прочее сбиваетъ насъ съ пути и слѣдовательно ведетъ насъ не къ спасенію, а къ гибели. Это неминуемый выводъ изъ начальнаго и неизмѣннаго положенія, то-есть основанія. Согласовать бѣлое съ чернымъ нельзя. Кто не за Христа, тотъ противъ Него, а кто за Него, тотъ иди по слѣдамъ Его, и только по слѣдамъ Его; двухъ путей тутъ нѣтъ, и нѣтъ проселокъ, а все одна столбовая, крестовая дорога. Еклектизма тутъ быть не можетъ. Оно такъ быть должно, потому что есть: согласенъ; но согласитесь и вы со мною, что въ такомъ случаѣ мы не христіане, или очень плохіе христіане, полу-христіане. Чтобы не попасть въ Кавелины, лучше кончу. Знаешь ли, что твой пріятель Кавелинъ [1]) немного рехнулся [2]) и наконецъ уволенъ отъ должности, а на мѣсто его назначенъ старикъ Храповицкій [3]), и въ городѣ говорятъ, что онъ назначенъ по его выбору. Забавно, или прискорбно, какъ хочешь и какъ взглянешь, то, что онъ мѣсяца два колобродилъ, сажая встрѣчнаго и поперечнаго на съѣзжую въ исправительный домъ, ругался, придирался ко всѣмъ и все-таки полновластно управлялъ городомъ. Россія баба здоровякъ. То-ли выдержать можетъ? О ней нельзя сказать, что духъ бодръ, а плоть немощна. Нѣтъ, въ ней и духъ бодръ, да и плоть хоть куда, закалена, залита мѣдью. Ничѣмъ не проймешь ея, ни Наполеономъ, ни Кавелинымъ. Стоитъ себѣ, да крестится и не унываетъ. Отрицательная ея сила, способности и умъ неимовѣрны. Есть и дѣйствительныя, но о нихъ рѣчь впереди. Нѣжно обнимаю тебя.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) С.-петербургскій генералъ-губернаторъ А. А. Кавелинъ.
[2]) См. „Русскую Старину“ 1902 года, мартъ, стр. 557.
[3]) Генералъ-адъютантъ Матвѣй Евграфовичъ Храповицкій († 1847).

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

тѣхъ сразу возросло болѣе чѣмъ на 15,000 дѣлъ; 2) скорѣе всего растутъ дѣла о бродяжествѣ и кражахъ; 3) число арестантовъ за важнымъ преступленіямъ въ каждомъ годѣ уменьшается; 4) всего болѣе число арестантовъ возросло въ губерніяхъ: Витебской, Курляндской, Ковенской, Виленской и Лифляндской; 5) въ уѣздныхъ судахъ число рѣшенныхъ дѣлъ ежегодно возрастаетъ, но, не смотря на это, увеличивается число арестантовъ; то же наблюдается по совѣстнымъ судамъ, уголовнымъ палатамъ и уголовному департаменту Сената; въ общемъ, во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ возросло и число рѣшенныхъ дѣлъ, и число лицъ, содержимыхъ продолжительное время подъ стражею; особенно возросло это послѣднее число въ теченіе 1846 и 1847 гг. Спрошенные о причинахъ этого явленія губернскіе прокуроры объясняли его вліяніемъ условій мѣстныхъ и временныхъ, а также неудовлетворительнымъ устройствомъ слѣдственной полиціи и судовъ, и равно недостатками уголовнаго судопроизводства.

Комитетъ въ своемъ заключеніи признавалъ, что увеличеніе преступленій не зависитъ отъ дѣйствія новаго уложенія; увеличеніе началось ранѣе; частныя измѣненія уложенія весьма удобны, и только одно общее, коренное затрудненіе можетъ быть удовлетворительно и полезно; тѣмъ не менѣе Комитетъ призналъ, что было бы не безполезно предоставить II-му Отдѣленію, по соглашеніи съ министерствами юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, выбрать мѣры, вполнѣ согласныя съ основаніями будущей реформы. Положеніе это было утверждено государемъ.

Интересны замѣтки императора Николая Павловича на выработанномъ Комитетомъ «Положеніи о наградахъ гражданскихъ чиновниковъ во время прохожденія службы». Въ этомъ Положеніи, между прочимъ, значилось: «тѣхъ, кои происходятъ не изъ родовыхъ дворянъ, не награждать орденами прежде достиженія чина VIII-го класса, такъ какъ, съ полученіемъ ордена, пріобрѣтается имъ дворянство, и, слѣдственно, награда эта должна почитаться весьма важною». Государь написалъ: «это по моему мнѣнію было бы несправедливо, ибо какъ по военной, такъ и по гражданской службѣ, кто равно допущенъ и служитъ наравнѣ съ родовыми дворянами, тотъ, въ случаѣ отличія, имѣетъ долженъ равное право къ награжденію орденомъ; но какъ тѣхъ, такъ и другихъ слѣдуетъ вносить въ думу».

Особый комитетъ полагалъ награждать орденомъ св. Владиміра не иначе, какъ черезъ думу, или за важныя заслуги, лично извѣстныя его величеству; поэтому комитетъ считалъ нужнымъ пересмотрѣть статутъ этого ордена и даже нѣсколько измѣнить внѣшній видъ ордена, чтобы безъ всякой обиды отличить новыхъ кавалеровъ отъ старыхъ. Императоръ Николай I положилъ резолюцію: «пересмотрѣть статутъ можно въ сѣмъ смыслѣ, но не измѣнять вида креста, что было бы обидно для тѣхъ, кои прежде сей орденъ получили, и въ числѣ коихъ могутъ быть многіе, столь же достойные сего отличія и по новымъ правиламъ, и которые симъ измѣненіемъ были бы несправедливо отчуждены отъ полученной награды». Вообще Николай Павловичъ не любилъ измѣнять видъ орденовъ; такъ, еще въ 1827 г. кн. Куракинъ, канцлеръ россійскихъ орденовъ, предлагалъ чрезъ Комитетъ Министровъ перемѣнить печать ордена св. Андрея Первозваннаго сообразно съ орденскимъ знакомъ. Государь отказалъ: «оставить прежнюю—для памяти формы, данной ей великимъ основателемъ».

Императоръ Николай I очень не любилъ, чтобы служащіе, да и не служащіе ѣздили за границу. Онъ часто отказывалъ въ этомъ: такъ, когда канцелярист Кондратенко просился въ 1832 г. въ отпускъ за границу для пользованія минеральными водами,—государь написалъ: «есть воды въ Россіи не менѣе цѣлительныя, и впредь за границу не увольнять никого безъ моего дозволенія».

Въ шестой, послѣдней главѣ второй части второго тома своего труда С. М. Середонинъ говоритъ о просвѣщеніи и церкви. Императоръ Николай I придавалъ чрезвычайно важное значеніе учебно-воспитательному дѣлу. Его взгляды на это дѣло были вполнѣ опредѣленные и не измѣнявшіеся отъ начала царствованія до конца его: учебныя заведенія должны были не только учить подрастающее поколѣніе, но и воспитывать его въ строго государственномъ направленіи, въ уваженіи главныхъ основъ русской жизни, самодержавія, народности и православія. Въ этомъ отношеніи замѣчательна резолюція государя по поводу приглашенія въ Дерптскій (нынѣ Юрьевскій) университетъ двухъ профессоровъ изъ Лейпцигскаго университета: «какъ Лейпцигскій университетъ изъ числа отличающихся превратнымъ направленіемъ умовъ, то спросить прежде нашего посланника, каковы эти профессора по нравственнымъ качествамъ и могутъ ли (быть) сочтены за благонадежныхъ». Кругъ дѣйствій Комитета Министровъ по церковному управленію заключалъ въ себѣ, главнымъ образомъ дѣла о раскольникахъ и сектантахъ.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1902 г.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☛ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1901 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно.**

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIII-й. НОЯБРЬ. 1902 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Русская жизнь въ началѣ XIX в.** Н. Дубровина. 209—241
II. **Кишиневское сидѣніе.** (Изъ дневн. Д. С. Нагловскаго). 243—264
III. **Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ.** Сообщ. В. В. Щегловъ. 265—284
IV. **Изъ прошлаго. Ужасные дни.** П. Д. Паренсова. 285—300
V. **Письма графа В. П. Кочубея къ М. М. Сперанскому 1823—1825 гг.** (Изъ бумагъ кнзд. А. Ѳ. Бычкова), Сообщ. П. А. Бычковъ. 301—322
VI. **Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина** ..... 323—340
VII. **М. М. Сперанскій въ Пензѣ.** А. Троицкаго ..... 341—345
VIII. **И. М. Муравьевъ-Апостолъ.** (Окончъ.). Ив. Кубасова. 347—359
IX. **Письма В. П. Балабина графу П. Д. Киселеву.** .. 361—385
X. **Петербургъ въ 1840—1841 гг.** (По дневнику П. Г. Дивова)..... 387—401
XI. **Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи.** Сообщилъ князь А. Дадіановъ. ..... 403—416
XII. **Записная книжка „Русской Старины“:** Письмо С. С. Уварова М. М. Сперанскому, объ административной ихъ дѣятельности, 1-го декабря 1819 года. (стр. 242).—Высочайшій рескриптъ объ увольненіи графа Кочубея въ отпускъ. 28-го іюля 1823 г. 346).—Поручикъ Усовскій—участникъ въ тайномъ обществѣ декабристовъ. Предложеніе министра юстиціи Правительствующему Сенату. 14-го марта 1827 г. Сообщ. Г. К. Рѣпнинскій. (360).—Къ біографіи Е. К. Фредерици. Письмо Н. П. Резанова — П. К. Сухтелену. 13-го іюня 1805 г. (386). — О наблюденіи типографіями цензурныхъ узаконеній. Циркулярное отношеніе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея гражданскимъ губернаторамъ. 13-го февраля 1822 года. (402).
XIII. **Библіографич. листокъ** (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ И. А. Бычковъ.
2) Портретъ Дмитрія Станиславовича Нагловскаго.
3) Планъ окрестностей г. Плевны.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1902 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.
1902.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1902 года.

Библіографическій листокъ.

Е. С. Шумигорскій. Екатерина Ивановна Нелидова (1758 — 1839 гг.). Очеркъ изъ исторіи императора Павла. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное, съ портретами, рисунками и автографами. Спб. 1902 г.

Въ числѣ сочиненій, появившихся за послѣднее время и посвященныхъ эпохѣ императора Павла, обращаетъ на себя вниманіе трудъ г. Шумигорскаго, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ.

Изучая событія Павловскаго царствованія,—говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи,—мы не можемъ сочувствовать нравственному уровню этого желѣзнаго вѣка, хотя въ открывающемся предъ нами историческомъ калейдоскопѣ не можемъ не удивляться оригинальной комбинаціи политическихъ силъ, постоянно боровшихся между собою, но дѣйствовавшихъ въ одномъ и томъ же направленіи и приводившихъ къ одной и той же цѣли. Императоръ Павелъ, напримѣръ, во все кратковременное свое царствованіе жаждалъ уничтоженія сословныхъ привилегій, водворенія правды и законности въ государствѣ, но по революціонному духу времени, для достиженія этихъ цѣлей употреблялись и революціонныя средства: административный произволъ, ссылка и кнутъ.

Первый шагъ къ уравненію сословій былъ сдѣланъ, несомнѣнно, императоромъ Павломъ, и хотя произведенная имъ «революція сверху» не сопровождалась такими ужасами, какъ французская, но жертвой ея сдѣлался онъ самъ. Въ этомъ смыслѣ Павелъ Петровичъ есть одно изъ самыхъ трагическихъ лицъ нашей исторіи: фанатикъ своихъ идей, онъ велъ непрерывно борьбу одинъ противъ всѣхъ, и духовныя его силы оказались недостаточны, чтобы безнаказанно вынести на себѣ всю ея тяжесть...

Наблюдая нѣмѣчивый круговоротъ политическихъ идей и борьбу страстей человѣческихъ,—историкъ отдыхаетъ на изображеніи лицъ, проявившихъ красоту душевную, которая, какъ высшее выраженіе человѣчности, невольно возбуждаетъ сочувствіе и удивленіе, и является залогомъ нравственнаго совершенствования общества, указывая каждому, чѣмъ онъ долженъ быть. Люди, носящіе у себя въ сердцѣ эту искру Божію, не дадутъ заглохнуть ей и у другихъ; напротивъ, они питаютъ ее, поддерживаютъ ея пламя, и, такимъ образомъ, среди ужасовъ политической и общественной борьбы,—не позволяютъ ея дѣятелямъ забывать самаго священнаго для нихъ званія—человѣка и тѣмъ укрѣпляютъ, увеличиваютъ ихъ нравственныя силы.

Павелъ Петровичъ, въ теченіе 20 лѣтъ, въ самое тяжелое время своей жизни, имѣлъ возлѣ себя именно такого преданнаго, безкорыстнаго друга, полагавшаго свое личное счастіе въ счастіи видѣть его добрымъ, любимымъ и уважаемымъ и постоянно напоминавшаго ему о вѣчныхъ, христіанскихъ началахъ любви и правды. Другомъ этимъ была фрейлина его супруги, императрицы Маріи Ѳеодоровны,—Екатерина Ивановна Нелидова.

О дѣтствѣ Нелидовой не сохранилось подробныхъ свѣдѣній. Она родилась 12-го декабря 1758 г. отъ брака поручика Ивана Дмитріевича Нелидова съ Анной Александровной Симоновой. Въ 1765 году она была опредѣлена во вновь открытый Смольный институтъ [1]) и была въ числѣ учениць перваго выпуска.

Цѣлью учрежденія Смольнаго института было воспитаніе дѣвицъ въ духѣ гуманности, путемъ развитія ихъ ума и сердца, чтобы сдѣлать ихъ впослѣдствіи «отрадою семействъ» и способными не только смягчать «жестокіе» и «неистовые» нравы русскаго общества XVIII вѣка, но и воспитывать дѣтей. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, императрица была противъ того, чтобы дѣвицы «умничали», и оттого обученіе въ Смольномъ носило по преимуществу свѣтскій характеръ: все направлено было главнымъ образомъ лишь къ тому, чтобы онѣ умѣли держать себя въ обществѣ, вести непринужденный разговоръ на французскомъ языкѣ, быть любезными и веселыми и отнюдь не проявлять жеманства и кокетства.

За двѣнадцать лѣтъ пребыванія въ институтѣ дѣвицы должны были научиться «исправно» читать, писать и говорить, кромѣ отечественнаго, на французскомъ, нѣмецкомъ и италіанскомъ языкахъ, обучиться Закону Божію, ариѳметикѣ, исторіи, географіи и опытной физикѣ, въ элементарныхъ ихъ курсахъ, и пріобрѣсти нѣкоторыя свѣдѣнія изъ архитектуры и геральдики, которая въ то дворянское время считалась важной наукой для «благородныхъ дѣвицъ». Болѣе всего учебнаго времени тратилось затѣмъ на занятія рукодѣліемъ, музыкой и танцованіемъ; изъ искусствъ, кромѣ рисованія, воспитанницы изучали скульптуру и токарное дѣло. Въ свободное отъ учебныхъ занятій время дѣти, подъ руководствомъ своихъ наставницъ, читали историческія и нравоучительныя книги со строгимъ выборомъ, чтобы ничто не могло преждевременно и вредно дѣйствовать на воображеніе дѣтей или ихъ нравственность.

По окончаніи курса въ 1776 г. Екатерина Ивановна была опредѣлена фрейлиной ко двору великой княгини Наталіи Алексѣевны, супруги наслѣдника престола Павла Петровича. Внезапная кончина великой княгини, знавшей Нелидову по институту и благоволившей къ ней, повлекла за собою, тотчасъ послѣ поступленія Нелидовой ко двору, второй бракъ Павла Петровича съ принцессой Вюртембергской Софіей-Доротеей, въ православіи нареченной Маріей Ѳеодоровной; молодая фрейлина участвовала при встрѣчѣ новой своей повелительницы при пріѣздѣ ея въ Россію. При видѣ натянутыхъ отношеній Екатерины къ сыну, симпатіи Нелидовой влекли ее на сторону Павла Петровича, этой, какъ ей казалось, жертвы материнской несправедливости: любезный, рыцарскій характеръ 24-хлѣтняго великаго князя, его выспренніе стремленія къ правдѣ и народному благу какъ нельзя болѣе отвѣчали институтскимъ воззрѣніямъ на

[1]) Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ при Смольномъ монастырѣ.

ДМИТРІЙ СТАНИСЛАВОВИЧЪ

НАГЛОВСКІЙ

(р. 2 февраля 1837 † 13 января 1890).

...ду. Не обращавшій прежде никакого вн... и выраженія неудовольствія общества, государ... на всевозможныя уступки. Преобразовательная дѣятел... новлена, и ближайшій сотрудникъ въ этомъ дѣлѣ М...

[1]) См. „Русск. Старину“ октябрь 1902 г.

(р. 2 февраля 1837 † 13 января 1890).

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XXII [1]).

Перемѣна во внутренней политикѣ императора Александра.—Впечатлѣніе, произведенное ссылкою М. М. Сперанскаго.—А. С. Шишковъ и его „Разсужденіе о любви къ отечеству“.—Порученіе, данное ему государемъ составить манифестъ о рекрутскомъ наборѣ.—Учрежденіе Комитета министровъ съ особою властью.—Два рескрипта графу Салтыкову.—Новыя назначенія. Назначеніе Шишкова государственнымъ секретаремъ.—Недовѣріе къ русскимъ и пристрастіе къ иностранцамъ.—Приглашеніе прусскихъ офицеровъ въ русскую службу.—Отъѣздъ императора въ Вильну.—Встрѣча, ему сдѣланная.—Балъ, данный дворянствомъ.—Показная восторженность пріема и дѣйствительное настроеніе дворянства.—Его враждебныя дѣйствія.—Расширеніе власти губернаторовъ.—Интриги Наполеона.—Отозваніе барона Биньона и назначеніе де-Прадта чрезвычайнымъ посломъ въ Варшаву.—Приготовленіе къ открытію сейма.—Положеніе князя Адама Чарторыйскаго.—Письма его къ императору Александру и къ Матусевичу.

Собираясь покинуть столицу и не желая оставлять въ ней вреднаго для себя элемента, а, напротивъ, привлечь къ себѣ общество и вызвать его содѣйствіе въ предстоящихъ событіяхъ, императоръ Александръ круто измѣнилъ свою внутреннюю политику. Не обращавшій прежде никакого вниманія на толки и выраженія неудовольствія общества, государь пошелъ теперь на всевозможныя уступки. Преобразовательная дѣятельность была остановлена, и ближайшій сотрудникъ въ этомъ дѣлѣ М. М. Сперанскій

[1]) См. „Русск. Старину“ октябрь 1902 г.

принесенъ въ жертву его врагамъ. Въ послѣднее время, въ глазахъ завистниковъ и людей стараго покроя, государственный секретарь былъ человѣкомъ, стремившимся къ разрушенію всѣхъ основъ Имперіи. О немъ ходили самые нелѣпые слухи: говорили, что онъ имѣетъ тайныя сношенія съ Франціею и что цѣлью этихъ сношеній было приглашеніе Наполеона вступить въ Россію, гдѣ имъ уже подготовлено освобожденіе крестьянъ уничтоженіе и дворянства. Послѣднее волновалось и въ особенности московское дерзко отзывалось о государѣ и его ближайшемъ совѣтникѣ. Если вѣрить словамъ А. Домерга [1]), то императоръ Александръ, садясь за столъ, нерѣдко находилъ подъ салфеткой непріятныя для него записки, неизвѣстно какъ и кѣмъ туда положенныя. Это дало поводъ петербургкимъ врагамъ Сперанскаго указать императору Александру, что наканунѣ жестокой войны, во время которой только одинъ патріотизмъ дворянства можетъ спасти государство, необходимо его сплотить, уничтожить недовольство, а не оскорблять общество, сохраняя при себѣ человѣка ненавистнаго дворянству, подозрѣваемаго въ сношеніяхъ съ Наполеономъ, а слѣдовательно въ измѣнѣ.

Государь уступилъ наговорамъ, и 17-го марта Сперанскій внезапно былъ отправленъ въ ссылку въ Нижній-Новгородъ [2]). Происшествіе это поразило и озадачило многихъ. Никто не могъ ожидать, чтобы императоръ Александръ, постоянно говорившій и писавшій во многихъ письмахъ, что законъ стоитъ выше его власти, могъ безъ слѣдствія и суда отправить въ ссылку выдающагося государственнаго дѣятеля и человѣка ему весьма близкаго. Членъ Государственнаго Совѣта Н. С. Мордвиновъ подалъ въ отставку, а адмиралъ А. С. Шишковъ «усѣлся дома, дабы не показывать себя любопытствующимъ». Когда же спустя нѣсколько дней государь потребовалъ его къ себѣ и Шишковъ стоялъ въ секретарской, къ нему подошелъ статсъ-секретарь П. С. Молчановъ и спросилъ его, зачѣмъ онъ здѣсь?

— Не знаю,—отвѣчалъ Шишковъ,—государь за мною присылалъ.

— Какъ!—вскричалъ онъ,—государь за тобою присылалъ? О! такъ я отъ тебя скорѣе уйду.

Таково было впечатлѣніе высылки Сперанскаго на лицъ, стоявшихъ ближе другихъ у трона, впечатлѣніе «необычайное, наводившее нѣкій

---

[1]) La Russie pendant les guerres de l'Empire (1805—1815). Souvenirs historiques de M. Armand-Domergue, т. II, 368.

[2]) Мы не касаемся подробностей ссылки М. М. Сперанскаго потому, что въ „Русской Старинѣ“ настоящаго года печатается сообщенное И. А. Бычковымъ обширное изслѣдованіе барона М. А. Корфа объ этомъ событіи. См. также „Жизнь графа Сперанскаго“ его же и „Русскую Старину“, т. XVI, стр. 73.

страхъ» [1]). Что касается большинства то высылка Сперанскаго возбудила всеобщее ликованіе, въ особенности въ тѣхъ, на коихъ отразилась его преобразовательная дѣятельность. Толпа праздновала его опалу, какъ первую побѣду надъ французами.

«Великъ день для отечества и насъ всѣхъ—17-е марта! писала В. И. Бакунина въ своихъ запискахъ [2]). — Богъ ознаменовалъ милость свою на насъ, паки къ намъ обратился, и враги наши пали. Открыто преступленіе въ Россіи необычайное, измѣна и предательство... Должно просто полагать, что Сперанскій намѣренъ былъ предать отечество и государя врагу нашему. Увѣряютъ, что въ то же время онъ хотѣлъ возжечь бунтъ вдругъ во всѣхъ предѣлахъ Россіи и, давъ вольность крестьянамъ, вручить имъ оружіе на истребленіе дворянъ».

Эти слова должны считаться отголоскомъ общественнаго мнѣнія, и, конечно, ссылка Сперанскаго достигла цѣли—возбудить патріотизмъ, приверженность къ правительству и вызвать сочувствіе и содѣйствіе въ приближавшихся грозныхъ событіяхъ.

Съ удаленіемъ Сперанскаго предстояло рѣшеніе вопроса объ избраніи государственнаго секретаря. Выборъ государя останавливался на Н. М. Карамзинѣ, но Балашовъ, которому императоръ сообщилъ свое желаніе, указалъ ему на адмирала А. С. Шишкова, какъ на заслуженнаго сановника и ревностнаго патріота, еще такъ недавно обратившаго на себя вниманіе общества своею рѣчью «О любви къ отечеству» [3]). Рѣчь эта была прочитана въ началѣ 1812 г. въ «Бесѣдѣ любителей русскаго слова» и какъ по своему содержанію, вызванному тогдашнимъ положеніемъ Россіи, такъ и по изложенію произвела сильное впечатлѣніе на общество и его патріотическое настроеніе. Шишковъ говорилъ, что человѣкъ, считающій себя гражданиномъ всего свѣта, не принадлежащимъ ни къ какому народу, «какъ бы не признаетъ ни отца, ни матери, ни роду, ни племени. Онъ, исторгаясь изъ рода людей, причисляетъ самъ-себя къ роду животныхъ».

— Что же такое отечество?—спрашивалъ Шишковъ и отвѣчалъ:— «Страна гдѣ мы родились, колыбель, въ которой мы возлелѣяны, гнѣздо, въ которомъ согрѣты и воспитаны, воздухъ, которымъ дышали; земля, гдѣ лежатъ кости отцовъ нашихъ и куда мы сами ляжемъ. Какая душа дерзнетъ расторгнуть сіи крѣпкія узы? Какое сердце можетъ не чувствовать сего священнаго пламени? Самые звѣри и птицы любятъ мѣсто рожденія своего... Какой извергъ не любитъ матери своей? Но оте-

[1]) Записки А. С. Шишкова. Берлинское изданіе, т. I, стр. 119 и 120.

[2]) „Русская Старина“ 1885 г., т. 47, стр. 393.

[3]) См. Собраніе сочиненій и переводовъ адмирала Шишкова. Изданіе 1825 г., ч. IV, стр. 147—186.

чество меньше ли намъ, чѣмъ мать? Отвращеніе отъ сей противуестественной мысли такъ велико, что какую бы ни положили мы въ человѣкѣ худую нравственность и безстыдство, хотя бы и представили себѣ, что можетъ найтиться такой, который въ развращенной душѣ своей дѣйствительно питаетъ ненависть къ отечеству своему, однако же и тотъ постыдился бы всенародно и громогласно въ томъ признаться... Напротивъ того, вездѣ въ прошедшихъ и настоящихъ временахъ, тьмочисленные находимъ примѣры, что сила любви къ отечеству препобѣждаетъ силу любви ко всему, что намъ драгоцѣнно и мило: къ женамъ, къ дѣтямъ нашимъ и къ самимъ себѣ».

Приводя въ примѣръ Пожарскаго и Минина, Ѳедора Никитича Романова и патріарха московскаго Гермогена, спасшихъ Россію своею любовью къ отечеству, Шишковъ указываетъ, что любовь эта говоритъ человѣку, что «неисповѣдимая премудрость Божія повелѣла тебѣ родиться отъ отца и матери, имѣть братьевъ, сестеръ, родныхъ, ближнихъ; дала тебѣ отличное отъ животныхъ свойство знать и помнить ихъ отъ колыбели до гроба; обязала ихъ пещися о твоемъ младенчествѣ, дышать тобою и любить тебя, даже и за предѣлами твоей жизни. Поставила сердце твое посреди сладчайшихъ чувствованій къ тѣмъ, отъ кого ты произошелъ, и къ тѣмъ, которые отъ тебя бытіе свое получили. Не благополученъ ли ты посреди объятій родившаго тебя и рожденнаго тобою? Симъ образомъ благость Создателя Вселенной назначила тебѣ домъ, жилище, мѣсто пребыванія. Повелѣла, чтобъ единое семейство посредствомъ брака соединялось съ другими: да течетъ во всѣхъ одна и та же кровь, да свяжутъ сіи священныя узы весь народъ и да скрѣпятъ его единодушіемъ, любовію, дружбою. Отсюда законы назвали тебя гражданиномъ, единоземцы—братомъ, отечество—сыномъ...

«Что дѣлаетъ любовь къ отечеству? Съ благостію въ очахъ, съ прозорливостью въ умѣ, съ истиною и правосудіемъ въ сердцѣ, печется о благоденствіи народномъ. Она въ одной рукѣ держитъ законы, а въ другой—мечъ и говоритъ народу: сіи законы, начертанные мною на основаніи Божіихъ заповѣдей, суть ваша свобода; сей мечъ, держимый мною на пораженіе внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, есть ваша безопасность: доколѣ сіи законы будутъ свято храниться, до тѣхъ поръ я съ вами и вы свободны; доколѣ мечъ сей никому, кромѣ нарушителей законовъ, не будетъ страшенъ, до тѣхъ поръ радость и спокойствіе обитать будутъ въ сердцахъ и жилищахъ вашихъ. Она говоритъ каждому сыну отечества: членъ великаго тѣла! не отрывайся отъ онаго никогда и поставленной отъ Бога надъ нимъ главѣ служи вѣрою и правдою. Люби Царя и отечество дѣлами твоими, я не словами. Не надѣйся никогда быть счастливъ угрызаемый совѣстію, и не бойся ничего похваляемый ею...

«Что дѣлаетъ народная гордость?—не хочетъ никому уступать. Ревнуетъ украшаться и блистать собственными своими достоинствами. Велитъ любить честь, велитъ уважать себя, имѣть мужество, твердость, душу. Она не промѣняетъ имени, языка, нравовъ своихъ ни на что. Она покорствуетъ единой главѣ отечества своего и больше никому. Она простираетъ руку помощи слабому и смотритъ на сильнѣйшаго безъ зависти и безъ боязни. Всякъ чужеземецъ ей другъ, но какъ скоро помыслитъ онъ властвовать надъ нею, съ оружіемъ въ рукахъ, или съ лукавствомъ въ сердцѣ, на силу свою не надѣясь, или на прельщеніе, тотчасъ увидитъ ее грозну, какъ тучу, и страшну, какъ молнію и громъ. Между уничиженіемъ и погибелью избираетъ она погибель, между цѣпей и смертію кидается она въ объятія смерти».

«Гдѣ любовь къ народу своему, тамъ и желаніе видѣть его процвѣтающимъ, благополучнымъ, сильнымъ, превозносящимся надъ всѣми другими царствами. Тамъ всякій словами и душою не сравняетъ имени отечества своего ни съ какимъ другимъ, пользуется чужими изобрѣтеніями, произведеніями, хвалитъ ихъ, но любитъ только свои.

«Когда одинъ народъ идетъ на другой съ мечемъ и пламенемъ въ рукахъ, откуда у сего послѣдняго возьмутся силы отвратить сію страшную тучу, сей громовой ударъ, если любовь къ отечеству и народная гордость не дадутъ ему оныхъ.

«Отечество требуетъ отъ насъ любви даже пристрастной, такой, какую природа вложила въ одинъ полъ къ другому... Но не одно оружіе и сила одного народа опасны бываютъ другому; тайное покушеніе прельстить умы, очаровать сердца, поколебать въ нихъ любовь къ землѣ своей и гордость къ имени своему есть средство надежнѣйшее мечей и пушекъ. Средство сіе медленно, однако жъ вѣрно въ своихъ соображеніяхъ, и ранѣе или позже, но всегда цѣли своей достигнетъ. Мало-по-малу налагаетъ оно нравственныя узы, дабы потомъ наложить и настоящія цѣпи, зная, что плѣнникъ въ оковахъ можетъ разорвать ихъ, можетъ быть еще гордъ и страшенъ побѣдителю, но плѣнникъ умомъ и сердцемъ остается всегда плѣнникомъ».

По словамъ А. С. Шишкова, вѣра, воспитаніе въ національномъ духѣ и языкъ—«суть самыя сильнѣйшія средства къ возбужденію и вкорененію любви къ отечеству, которая ведетъ къ силѣ, твердости, устройству и благополучію».

Рѣчь была прочитана при многочисленномъ собраніи; прочиталъ ее и государь по указанію Балашова. Но Александръ не любилъ Шишкова и держалъ его въ загонѣ. При преобразованіи Государственнаго Совѣта многіе удивлялись, почему Шишковъ не былъ назначенъ его членомъ. Философовъ даже заявилъ о томъ государю.

— Но къ крайнему моему сожалѣнію,—говорилъ онъ потомъ Шиш-

кову,—увидѣлъ я въ немъ такое къ вамъ неблаговоленіе, что, при сильномъ настояніи моемъ, онъ напослѣдокъ сказалъ мнѣ, что лучше согласится не царствовать, нежели сдѣлать васъ членомъ. Я не могу понять, кто такъ несправедливо очернилъ васъ въ его умѣ.

«Сіе приключеніе,—пишетъ Шишковъ [1]),—открывшее мнѣ, свыше всякаго воображенія моего, гнѣвъ на меня государевъ, крѣпко меня потревожило; но, наконецъ, чувствуя себя невиннымъ, я успокоился и пересталъ о томъ думать».

Скоро обстоятельства измѣнились для Шишкова. Сдѣлавъ одну уступку общественному голосу ссылкою Сперанскаго, государь пошелъ на другія и сталъ назначать на высшія государственныя должности такихъ людей, къ которымъ не только не былъ расположенъ, но чувствовалъ въ бо́льшей или меньшей степени отвращеніе [2]). 22-го марта онъ потребовалъ къ себѣ Шишкова.

— Я читалъ,—сказалъ ему императоръ,—разсужденіе ваше о любви къ отечеству. Имѣя таковыя чувства, вы можете ему быть полезнымъ. Кажется, у насъ не обойдется безъ войны съ французами; нужно сдѣлать рекрутскій наборъ; я бы желалъ, чтобы вы написали о томъ манифестъ, въ которомъ бы побудительнымъ для народа образомъ изложена была необходимость сей предпріемлемой правительствомъ мѣры.

— Государь!—отвѣчалъ Шишковъ,—я никогда не писывалъ подобныхъ бумагъ.—Это будетъ первый мой опытъ, а потому и не знаю, могу ли достойнымъ образомъ исполнить сіе порученіе. Попытаюсь. Но при томъ осмѣлюсь спросить: какъ скоро это надобно?

— Сегодня или завтра.

— Приложу все мое стараніе, но долженъ донести вашему величеству, что я подверженъ головнымъ болѣзнямъ, которыя такъ иногда усиливаются, что я лежу безъ движенія въ постелѣ. Проснувшись сегодня съ сею болью, я опасаюсь, чтобы она, умножась, не лишила меня силъ исполнить въ скорости ваше повелѣніе.

— Ежели не сможете скоро,—замѣтилъ государь,—то хотя дня черезъ два или три.

На слѣдующій день Шишковъ привезъ манифестъ императору.

«Настоящее состояніе дѣлъ въ Европѣ—сказано было въ немъ,—требуетъ рѣшительныхъ и твердыхъ мѣръ, неусыпнаго бодрствованія и

---

[1]) Въ своихъ запискахъ, т. I, стр. 115. Берлинъ, изд. 1870 г.

[2]) Такими лицами были между прочимъ князь Кутузовъ-Смоленскій, графъ Ростопчинъ, Розенкампфъ и нѣкоторые другіе. Еще будучи наслѣдникомъ, Александръ не терпѣлъ Ростопчина, съ которымъ имѣлъ много столкновеній, оскорблявшихъ его самолюбіе. Но теперь, по настоянію сестры Екатерины Павловны и другихъ лицъ, Александръ назначилъ Ростопчина главнокомандующимъ въ Москву.

сильнаго ополченія, которое могло бы вѣрнымъ и надежнымъ образомъ оградить великую Имперію нашу отъ всѣхъ могущихъ противъ нея быть непріязненныхъ покушеній.—Издавна сильный и храбрый народъ россійскій любилъ со всѣми окрестными народами пребывать въ мирѣ и тишинѣ, соблюдая свой и другихъ покой; но когда бурныя дыханія возстающей на него вражды понуждали его поднять мечъ свой на защиту вѣры и отечества, тогда не было временъ, въ которыя бы рвеніе и усердіе вѣрныхъ сыновъ Россіи, во всѣхъ чинахъ и званіяхъ, но оказалось во всей своей силѣ и славѣ. Нынѣ настоитъ необходимая надобность увеличить число войскъ нашихъ новыми запасными войсками.—Крѣпкія о Господѣ воинскія силы наши уже ополчены и устроены къ оборонѣ Царства. Мужество и храбрость ихъ всему свѣту извѣстны. Надежда престола и державы твердо на нихъ лежатъ.—Но жаркій духъ ихъ и любовь къ намъ и отечеству да не встрѣтятъ превосходнаго противъ себя числа силъ непріятельскихъ!»

На этомъ основаніи повелѣвалось собрать по два рекрута съ 500 душъ [1]).

Государь прослушалъ манифестъ, одобрилъ его и благодарилъ Шишкова за скорое его исполненіе.

— Очень хорошо,—сказалъ онъ;—оставьте его у меня.

— Я не очень чисто пишу,—замѣтилъ Шишковъ,—но не смѣлъ иначе написать, какъ моей рукою.

— Я велю переписать.

На другой день пріѣхалъ къ Шишкову одинъ знакомый ему сенаторъ.

— Я сейчасъ изъ Сената, гдѣ намъ читали написанный тобою манифестъ о рекрутскомъ наборѣ,—сказалъ онъ.

— Почему ты знаешь, что онъ написанъ мною?

— Потому, что многіе узнали твою руку, а при томъ и по слогу, отличающемуся отъ прежнихъ манифестовъ.

«Тутъ узналъ я,—записалъ Шишковъ,—что государь подписалъ ту самую бумагу, которую отъ меня взялъ».

Манифестъ этотъ былъ дѣйствительно не похожъ на прежніе: въ немъ не было канцелярскаго слога, а напротивъ онъ дышалъ простотою и искренностію. «Спустя нѣкоторое время управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Ѳ. П. Козодавлевъ показалъ мнѣ,—говоритъ Шишковъ,—изъ разныхъ городовъ три письма, въ которыхъ отовсюду отзываются, что присланный къ нимъ манифестъ не только не произвелъ того прискорбія какое обыкновенно при подобныхъ требованіяхъ

---

[1]) Записки А. С. Шишкова, Берлинское изданіе 1870 г., т. I, стр. 121 и 423. Полное Собраніе Законовъ, т. XXXII, № 25051.

бываетъ, но что напротивъ всѣми вообще съ радостію былъ читанъ.— Признаюсь, что это меня до слезъ тронуло» [1]).

Манифестъ этотъ былъ подписанъ 23-го марта и окончательно утвердилъ Александра въ рѣшеніи избрать Шишкова государственнымъ секретаремъ, съ тѣмъ, чтобы имѣть его при себѣ какъ бы личнымъ секретаремъ, для составленія манифестовъ и другихъ бумагъ. Но прежде утвержденія Шишкова въ этой должности послѣдовало нѣсколько новыхъ назначеній.

«По случаю отбытія нашего изъ столицы,—сказано было въ указѣ Сенату 20-го марта 1812 г.,—за благо признали мы учредить подъ предсѣдательствомъ генералъ-фельдмаршала графа Салтыкова Комитетъ министровъ, съ особою властію, по дѣламъ всѣхъ министерствъ, снабдивъ его на сей случай правилами, которыми онъ руководствоваться долженъ» [2]).

Утвержденными въ тотъ же день правилами [3]) Комитетъ министровъ состоялъ, подъ предсѣдательствомъ графа Салтыкова, изъ главнокомандующаго въ столицѣ, который въ отсутствіе предсѣдателя занималъ его мѣсто, изъ предсѣдателей департаментовъ Государственнаго Совѣта, изъ министровъ и чиновъ управляющихъ министерствами. «Никто изъ членовъ Комитета,—сказано въ учрежденіи о немъ,—не можетъ себя уволить отъ присутствія; въ случаѣ же болѣзни министръ извѣщаетъ Комитетъ чрезъ управляющаго дѣлами онаго, что по сей причинѣ присутствовать онъ не будетъ».

Комитетъ обязанъ былъ собираться въ одиннадцать часовъ утра въ Зимнемъ Дворцѣ, въ обыкновенной комнатѣ, два раза въ недѣлю, одинъ разъ по вторникамъ, а другой по назначенію предсѣдателя; въ экстренныхъ случаяхъ онъ долженъ былъ собираться и чаще. «Когда предстанутъ дѣла вышней важности или требующія безотлагательнаго разрѣшенія, предсѣдатель назначаетъ чрезвычайное собраніе Комитета».

Разсмотрѣнію Комитета подлежали дѣла, которыя докладывались министрами императору, тѣ, по которымъ необходимо было общее соображеніе или содѣйствіе разныхъ министерствъ, а также и тѣ дѣла, въ рѣшеніи и исполненіи которыхъ министръ встрѣтитъ затрудненіе или сомнѣніе. Особенному вниманію Комитета поручались дѣла высшей полиціи, т. е. относящіяся до общаго спокойствія и безопасности, до народнаго продовольствія и по всякимъ чрезвычайнымъ происшествіямъ. На этомъ основаніи главнокомандующій въ С.-Петербургѣ обязанъ былъ доставлять Комитету свѣдѣнія: 1) о проживающихъ въ столицѣ

---

[1]) Записки Шишкова, т. I, 122.

[2]) Полное Собраніе Законовъ, т. XXXII, № 25043.

[3]) Полн. Собр. Законовъ, т. XXXII, № 25044.

подозрительныхъ людяхъ, о которыхъ неизвѣстно, какими дѣлами они занимаются; 2) о пріѣзжающихъ въ столицу изъ-за границы или изъ внутри государства подозрительныхъ людяхъ; 3) о собраніяхъ и обществахъ, навлекающихъ на себя подозрѣніе; 4) о разглашаемыхъ слухахъ и извѣстіяхъ, опасеніе или тревогу наводящихъ; 5) вообще о всякихъ въ столицѣ случившихся въ сутки происшествіяхъ, обратившихъ на себя вниманіе полиціи, и получаемыхъ изъ губерній донесеніяхъ о чрезвычайныхъ происшествіяхъ; о цѣнахъ на всѣ жизненныя потребности въ такомъ случаѣ, когда онѣ будутъ превышать обыкновенную ихъ мѣру.

По дѣламъ обыкновеннымъ, текущимъ, Комитету предоставлялось приводить свои положенія въ исполненіе; въ случаѣ разногласія, исполнять по большинству голосовъ. По дѣламъ, требующимъ высочайшаго разрѣшенія, и по дѣламъ высшей полиціи Комитетъ долженъ былъ представлять рѣшенія свои на высочайшее усмотрѣніе и ожидать повелѣнія. Въ случаяхъ же, не терпящихъ отлагательства, «приводить ихъ въ исполненіе подъ общею всѣхъ членовъ Комитета отвѣтственностію и о семъ немедленно доносить его императорскому величеству.—При разногласіи въ сихъ случаяхъ, отвѣтственность остается на тѣхъ, по мнѣнію которыхъ исполненіе будетъ сдѣлано».

Черезъ день послѣ указа Сенату объ учрежденіи Комитета министровъ, графъ Салтыковъ получилъ два рескрипта, оба отъ 22-го марта [1]) «Возложивъ на васъ,—сказано было въ первомъ,—по отличной моей къ вамъ довѣренности, званіе предсѣдателя Комитета министровъ, учрежденнаго съ особою властью, на время отсутствія моего изъ столицы, предоставляю я вамъ созывать Комитетъ къ себѣ въ домъ, когда состояніе здоровья вашего не позволитъ вамъ присутствовать въ немъ, въ назначенномъ для него мѣстѣ.

«Поелику дѣла вышней полиціи,—сказано было во второмъ рескриптѣ,—во время отсутствія моего изъ столицы принадлежатъ по учрежденію Комитета министровъ до его разсмотрѣнія, то повелѣлъ я министру внутреннихъ дѣлъ, для принятія надлежащихъ мѣръ въ нужныхъ случаяхъ, доставлять Комитету сему свѣдѣнія о подозрительныхъ перепискахъ, открыться могущихъ, сообщая предварительно вамъ, яко предсѣдателю онаго, копіи съ перлюстрованныхъ писемъ, дабы вы, судя по важности содержанія ихъ, могли назначать чрезвычайное собраніе Комитета, въ случаѣ настоянія въ томъ надобности».

Уѣзжая изъ столицы и не желая оставлять въ ней дѣятелей, къ которымъ не чувствовалъ расположенія или довѣрія, императоръ Александръ рѣшилъ ограничить ихъ дѣятельность пребываніемъ при своей

[1]) Архивъ Комитета министровъ, дѣло № 108.

особѣ. Такъ, послѣ высылки Сперанскаго, смотря косо на его предателей, Армфельда и Балашова, бывшаго с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ и министромъ полиціи, государь приказалъ имъ обоимъ ѣхать въ Вильну. Управленіе столицею вмѣсто Балашова было поручено С. К. Вязмитинову, съ званіемъ главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ, и на него же возложены обязанности министра полиціи, «исключая изъ нихъ единственно тѣ, которыя Балашовъ, по нахожденіи при императорѣ, могъ самъ исполнять» [1]). Послѣднему было поручено имѣть постоянныя сношенія съ Вязмитиновымъ, чтобы обоимъ быть въ полной извѣстности по части дѣлъ полиціи.

Съ предоставленіемъ особыхъ правъ Комитету министровъ, онъ являлся единственнымъ распорядителемъ судебъ Россіи; Государственный же Совѣтъ былъ устраненъ, и его дѣятельность сведена почти къ нулю. Поэтому надо было убрать его предсѣдателя канцлера графа Румянцева. Императоръ Александръ не былъ къ нему расположенъ, какъ къ сторонніку союза съ Франціею. Въ послѣднее время наиболѣе важная часть политическихъ сношеній шла не черезъ графа Румянцева, а черезъ Сперанскаго, А. И. Чернышева (впослѣдствіи князя) и графа Нессельроде. Поэтому указомъ 29-го марта предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта былъ назначенъ графъ Салтыковъ, съ оставленіемъ предсѣдателемъ и Комитета министровъ, а графъ Румянцевъ получилъ приглашеніе сопутствовать государю и состоять въ его свитѣ. Тамъ ему не предстояло особенной дѣятельности, такъ какъ у императора былъ другой довѣренный дѣятель по этой части—графъ Нессельроде,—и, какъ увидимъ, нѣкоторые другіе.

— Я сомнѣваюсь,—сказалъ однажды Александръ графу Нессельроде,—чтобы новая съ моей стороны попытка къ соглашенію, обращенная къ Наполеону, привела бы къ мирной развязкѣ. Такъ же, какъ и вы, я считаю разрывъ неизбѣжнымъ. Въ случаѣ войны я намѣренъ стать во главѣ армій; тогда мнѣ нуженъ будетъ человѣкъ молодой, могущій всюду слѣдовать за мною верхомъ и завѣдывать моею политическою перепискою. Канцлеръ, графъ Румянцевъ, старъ, болѣзненъ, на него нельзя возложить этой обязанности. Я рѣшился остановить свой выборъ на васъ; надѣюсь, что вы оправдаете мое довѣріе, исполняя свои обязанности съ вѣрностію и скромностію [2]).

Послѣ назначенія графа Салтыкова предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и почти диктаторомъ, нельзя было, по взаимнымъ отношеніямъ, оставлять графа Аракчеева предсѣдателемъ военнаго депар-

---

[1]) Указъ министру полиціи и рескриптъ С. К. Вязмитинову отъ 28-го марта 1812. Арх. Сената, копіи Высоч. повелѣній, кн. 312.

[2]) Н. К. Шильдеръ. „Императоръ Александръ I", т. III, стр. 63.

тамента и ему повелѣно было также ѣхать въ Вильну, что̀ исполнилъ онъ не съ охотою.

«Война неизбѣжна—писалъ графъ Аракчеевъ брату Петру [1]),—и уже всѣ войска наши на границахъ, главнокомандующіе на своихъ мѣстахъ, а и государь изъ Петербурга выѣзжаетъ завтра [2]). Мѣсто его (пребыванія), а слѣдовательно и всѣхъ съ нимъ находящихся предположено въ Вильнѣ. Война предполагается самая жестокая, усиленная, продолжительная и со всѣми возможными строгостями, о которыхъ выдано конфирмованное изъ четырехъ частей положеніе [3]), коего одинъ экземпляръ къ вамъ при семъ посылаю.

«Вы найдете въ сихъ положеніяхъ почти товарищей главнокомандующимъ,—то оные сдѣланы въ арміяхъ: у Барклая [4]), гдѣ и государь предполагаетъ свое пребываніе—генералъ-лейтенантъ Паулуччи, а во второй Западной арміи, т. е. у князя Багратіона—генералъ-адъютантъ Сенъ-Пріестъ. Вы увидите въ сихъ положеніяхъ важную должность генералъ-интенданта; въ оныя помѣщены въ арміяхъ: у Барклая—

---

[1]) Въ письмѣ отъ 3-го апрѣля 1812 г. Собраніе автографовъ Императорской Публичной библіотеки, лит. А.

[2]) Отъѣздъ былъ отложенъ до 9-го апрѣля.

[3]) Положеніе о большой дѣйствующей арміи.

[4]) Барклай-де-Толли былъ назначенъ 16-го марта главнокомандующимъ первой Западной арміи съ оставленіемъ въ званіи военнаго министра. Замѣчателенъ приказъ, отданный имъ 4-го апрѣля за № 6. „Его величеству всемилостивѣйшему государю нашему угодно препоручить мнѣ главное начальство надъ вами, храбрые и безподобные воины, и вмѣстѣ съ тѣмъ возложить на меня обязанность быть вашимъ попечителемъ и вождемъ на пути чести и славы.—Обязанность трудная, но лестная.

„Вы меня найдете всегда готовымъ доставить вамъ по возможности изобиліе и раздѣлить съ вами усердно всѣ труды и опасности. Путь чести и славы вамъ извѣстенъ, и вы вѣрно на немъ достигнете вышнюю степень оной. Всему свѣту извѣстны непоколебимая ваша преданность къ отечеству и государю и отличная ваша храбрость. Соедините къ симъ достоинствамъ еще духъ порядка и слѣпое повиновеніе къ своимъ начальникамъ,—то ничто въ свѣтѣ противу васъ устоять не можетъ.

„Мнѣ весьма пріятно будетъ отдавать достоинствамъ и заслугамъ, отъ генерала до самаго нижняго чина, должную справедливость и награду. Съ другой же стороны, съ непоколебимою твердостью употреблю всю данную мнѣ власть къ поддержанію устройства и порядка Они ведутъ насъ непремѣнно къ побѣдамъ; а безъ нихъ подвергаемся неудачѣ и недостатку всякаго рода. Сбереженіе края, въ которомъ находиться будемъ, доставитъ намъ изобиліе, а разореніе онаго повлечетъ за собою голодъ.

„Воины! Государь нашъ всемилосерный, вашъ отецъ, полагаетъ всю надежду свою на васъ, а любезнѣйшее отечество наше возлагаетъ на васъ свою защиту. Окажите себя достойными сей довѣренности и пріобрѣтите себѣ вѣчную и потомственную благодарность своихъ согражданъ“. („Московскій телеграфъ“ 1833 г., ч. 51, № 11).

Канкринъ, а у Багратіона—сенаторъ Ланской, который былъ въ 1809 г. губернаторомъ въ Москвѣ.

«Вы увидите въ сихъ положеніяхъ строгую военную полицію, которая должна все знать и обо всемъ доносить. Къ сему употребляются тѣ люди, которые къ сему привыкли здѣсь въ Петербургѣ и которые уже нѣсколько лѣтъ живутъ счастливо на несчастье другихъ людей.

«Теперь приступаю къ описанію, что я думаю, извѣстно уже вамъ,—выѣздъ изъ Петербурга Сперанскаго и Магницкаго. На ихъ счетъ много здѣсь говорятъ нехорошаго, слѣдовательно, если это такъ, то они заслужили сами свою нынѣшнюю участь. Но вмѣсто оныхъ теперь партія знатныхъ нашихъ господъ сдѣлалась чрезвычайно сильна, состоящая изъ графовъ Салтыковыхъ, Гурьевыхъ, Толстыхъ и Голицыныхъ. Слѣдовательно, я, не бывъ съ первыми въ связи, былъ оставленъ безъ дѣла, а сими новыми патріотами равномѣрно не любимъ, также буду безъ дѣла и безъ довѣренности.

«Сіе все меня бы не безпокоило, ибо я ничего не хочу, кромѣ уединенія и спокойствія и предоставляю всѣмъ вышеписаннымъ вертѣть и дѣлать все то, что къ ихъ пользамъ; но безпокоитъ меня то, что, при всемъ ономъ положеніи, велятъ еще мнѣ ѣхать и быть въ арміи безъ пользы и, какъ кажется, только пугаломъ мірскимъ, и я увѣренъ, что пріятели мои употребятъ меня въ первомъ возможномъ случаѣ тамъ, гдѣ имѣть я буду вѣрный способъ потерять жизнь, къ чему я и долженъ быть готовъ. Вотъ вамъ мое положеніе въ ясности. Со всѣмъ онымъ какъ бы то ни было, но уже мнѣ объявленъ подписанный указъ, чтобы я ѣхалъ въ Вильну и находился при особѣ государя».

Встрѣтившись какъ-то съ А. С. Шишковымъ, Балашовъ сказалъ ему:

— Императоръ собирается ѣхать въ походъ и, думаю, возьметъ тебя съ собою.

— Куда мнѣ, — отвѣчалъ Шишковъ, — въ мои лѣта и съ моимъ худымъ здоровьемъ таскаться по походамъ!

Слова эти, конечно, были переданы государю. Тѣмъ не менѣе въ день своего отъѣзда (9-го апрѣля) онъ призвалъ къ себѣ Шишкова.

— Я бы желалъ,—сказалъ ему Александръ,—чтобъ вы поѣхали со мною. Можетъ быть, для васъ это и тяжело; но для отечества нужно.

— Государь!—сказалъ съ жаромъ Шишковъ,—силы и способности мои не отъ меня зависятъ; но въ ревности и усердіи служить вашему величеству я никому не уступлю. Употребите меня, какъ и куда угодно: я готовъ остальные дни мои посвятить вамъ и отечеству. Между тѣмъ, позвольте, государь, донести вамъ о себѣ правду: я морской человѣкъ, съ сухопутными войсками никогда не хаживалъ, плавалъ всегда на

корабляхъ и даже верхомъ ѣздить не смогу и не умѣю,—вы будете имѣть во мнѣ худаго вамъ спутника.

— Мое дѣло употреблять васъ тамъ,—сказалъ, улыбаясь, государь,—гдѣ въ верховой ѣздѣ не будетъ надобности.

Въ тотъ же день былъ подписанъ указъ, повелѣвавшій Шишкову быть при особѣ государя, въ званіи государственнаго секретаря [1]). Назначеніе это было встрѣчено съ сочувствіемъ въ обществѣ.

«Съ удивленіемъ узналъ я,—пишетъ С. Т. Аксаковъ [2]),—что Александръ Семеновичъ (Шишковъ) сдѣланъ былъ государственнымъ секретаремъ на мѣсто М. М. Сперанскаго. Нисколько не позволяя себѣ судить, на своемъ ли онъ былъ мѣстѣ, я скажу только, что въ Москвѣ и другихъ внутреннихъ губерніяхъ Россіи, въ которыхъ мнѣ случилось въ то время быть, всѣ были обрадованы назначеніемъ Шишкова и что писанные имъ манифесты дѣйствовали электрически на цѣлую Русь. Не смотря на книжныя, иногда нѣсколько напыщенныя выраженія, русское чувство, которымъ они были проникнуты, сильно отозвалось въ сердцахъ русскихъ людей».

«Я помню, — говоритъ другой современникъ, князь П. А. Вяземскій [3]), — что во время оно мы смѣялись нелѣпости его (Шишкова) манифестовъ; но между тѣмъ большинство, народъ, Россія читали ихъ съ восторгомъ и умиленіемъ, и теперь восхищаются ихъ краснорѣчіемъ; слѣдовательно, они были кстати. Карамзина манифесты были бы съ бо́льшимъ благоразуміемъ, съ бо́льшимъ искусствомъ писаны, но имѣли ли бы они то дѣйствіе на толпу, на большинство, неизвѣстно».

За нѣсколько дней до отъѣзда въ Вильну, государь пригласилъ къ обѣду нѣкоторыхъ генераловъ и послѣ стола обратился къ нимъ съ слѣдующими словами [4]):

— Мы участвовали въ двухъ войнахъ противъ французовъ, какъ союзники, и кажется, долгъ свой исполнили; теперь пришло время защищать свои собственныя права, а не постороннія, и потому, уповая на

---

[1]) Объ удаленіи Сперанскаго не послѣдовало ни указа, ни другаго какого-либо оффиціальнаго распоряженія, и занимаемыя имъ должности были распредѣлены между нѣсколькими лицами: старшему статсъ-секретарю Государственнаго Совѣта А. Н. Оленину поручено было, 3-го апрѣля, исполнять временно обязанности государственнаго секретаря; комиссія законовъ поступила въ вѣдѣніе князя Лопухина, канцлерство Абосскаго университета и дѣла Финляндіи переданы барону Армфельду.

[2]) Семейная хроника и воспоминанія.—Воспоминанія объ А. С. Шишковѣ. Москва, изд. 1856 г., стр. 506.

[3]) См. полное собраніе сочиненій, т. IX, стр. 195.

[4]) Записки графа Комаровскаго. „Русскій Арх.“ 1867 года, стр. 765. Графъ Комаровскій ошибочно говоритъ, что императоръ уѣхалъ въ Вильну въ мартѣ мѣсяцѣ.

Бога, надѣюсь, что всякій изъ насъ исполнитъ свои обязанности, и что мы не помрачимъ военную славу, нами пріобрѣтенную.

Въ этихъ словахъ слышится какъ бы недовѣріе къ собственнымъ силамъ и къ своимъ войскамъ. Такъ отчасти это и было. Симпатіи Александра и его довѣріе клонились болѣе на сторону иностранцевъ: онъ преимущественно совѣтовался съ Фулемъ [1]) по части военныхъ дѣйствій, вызвалъ къ себѣ Штейна для совѣщаній по политической части, бесѣдовалъ съ извѣстнымъ іезуитомъ, бывшимъ сардинскимъ посланникомъ де-Местромъ, и наконецъ старался привлечь въ армію прусскихъ офицеровъ.

«Его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ,—писалъ Балашовъ правителю Бѣлостокской области [2]),—чтобы въ отмѣну общихъ правилъ о паспортахъ, безостановочно были пропускаемы въ границы наши всѣ прусскіе военные чиновники, которые представятъ паспорты, за подписаніемъ находящагося въ Берлинѣ, чрезвычайнаго нашего посланника и полномочнаго министра графа Ливена».

13-го іюня послѣдовалъ указъ министру полиціи, слѣдующаго содержанія:

«Уполномочивъ указомъ моимъ отъ сего числа, состоящаго по арміи маіора Голтца принять всѣхъ офицеровъ прусской службы, которые къ нему явятся, и употребить всѣ нужныя мѣры, какія онъ по сему предмету за благо найдетъ, поручаю вамъ предписать тайной полиціи, дабы она по сему предмету вступила съ нимъ въ сношеніе и содѣйствовала съ своей стороны маіору Голтцу во всемъ, что до исполненія даннаго ему порученія касается».

Наконецъ, въ два часа по полудни 9-го апрѣля, послѣ молебствія въ Казанскомъ соборѣ, государь при огромномъ стѣченіи народа, его провожавшаго, выѣхалъ изъ столицы въ Вильну. Туда же отправились и всѣ лица, которыя должны были составлять свиту императора. Свита эта была значительна и весьма разнообразна по составу [3]).

Въ вербное воскресенье, 14-го апрѣля, въ два часа по полудни [4]),

---

[1]) Пертцъ въ біографіи Штейна называетъ Фуля „военно-духовнымъ отцомъ" Александра. А. С. Шишковъ говоритъ, что Фуль былъ въ великой довѣренности у Александра „по части военнаго искусства".

[2]) Въ письмѣ отъ 18-го марта 1812 г. Арх. III отдѣленія 1-й экспедиціи, опись 1816 г., д. № 5.

[3]) Въ свитѣ находились: принцъ Георгій Ольденбургскій, герцогъ Александръ Виртенбергскій, графъ Н. П. Румянцевъ, графъ Нессельроде, графъ Кочубей, оберъ-гофмаршалъ графъ Н. А. Толстой, А. С. Шишковъ; генералы: баронъ Беннигсенъ, гр. Аракчеевъ и Фуль; генералъ-адъютанты: Балашовъ, князь П. М. Волконскій, графъ Комаровскій, генералъ Армфельдъ, флигель-адъютанты и многія другія лица.

[4]) Въ статьѣ Кукольника „Историческія замѣтки о Сѣверо-Западномъ

звонъ колоколовъ и орудійные выстрѣлы возвѣстили жителямъ Вильны о прибытіи императора. За шесть верстъ отъ города, у первой полевой рогатки, ожидали высочайшаго прибытія генералъ-адъютанты, а въ нѣкоторомъ оттуда разстояніи военный министръ и главнокомандующій первою арміею Барклай-де-Толли со всѣмъ генералитетомъ и нѣсколькими эскадронами кавалеріи. По отданіи чести, кавалерія направилась вслѣдъ за государемъ. У второй рогатки началась пальба изъ пушекъ, поставленныхъ на горахъ, на которыхъ играла полковая музыка [1]). Въ предмѣстьѣ города, на Антоколѣ, императоръ Александръ сѣлъ на лошадь и, окруженный многочисленною свитою генераловъ, былъ встрѣченъ обывателями съ магистратомъ во главѣ. Вершины горъ, находящихся между предмѣстіемъ и городомъ, крыши домовъ покрыты были толпами народа; всѣ окна были растворены и наполнены зрителями. Ремесленные цехи, въ своихъ торжественныхъ одѣяніяхъ, съ распущенными хоругвями, преклоненіемъ ихъ привѣтствовали монарха и звуками барабановъ и литавръ отдавали честь высокому посѣтителю. Евреи, въ своихъ старинныхъ костюмахъ, по своему обряду вынесли десятословіе и хлѣбъ. Монашествующее духовенство привѣтствовало государя въ предмѣстьи, а члены капитула, при каѳедральномъ соборѣ. Приложившись ко кресту, Александръ въѣхалъ въ городъ черезъ Замковыя ворота. Отсюда до самаго дворца стояли по одной сторонѣ войска, а по другой многочисленная толпа народа, кричавшая: «виватъ, да здравствуетъ императоръ». Отъ главныхъ университетскихъ воротъ, вдоль св. Янской улицы, стояли воспитанники университета и гимназій съ своими наставниками.

Прибывъ въ старый епископскій дворецъ, служившій въ то время помѣщеніемъ для генералъ-губернатора, государь былъ встрѣченъ дворянствомъ, имѣвшимъ во главѣ губернскаго предводителя Казиміра Сулистровскаго и уѣзднаго—князя Януша Гедройца. Здѣсь же находились: гражданскій губернаторъ Лавинскій съ чиновниками и ректоръ университета Янъ Снядецкій съ членами совѣта.

Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

Прибытіе Александра въ Вильно «Литовскій Курьеръ» назвалъ событіемъ, увѣнчавшимъ живѣйшія и вожделѣннѣйшія желанія здѣшнихъ жителей.

Вскорѣ прибыли въ Вильну великій князь Константинъ Павловичъ

краѣ", „Вѣстникъ Западной Россіи" 1865—1866 г. № 6, стр. 100 и въ „Памятной книжкѣ Виленской губ. на 1861 г.", стр. 80, день пріѣзда Александра въ Вильну обозначенъ не вѣрно.

[1]) Михайловскій-Данилевскій. „Отечественная война" (рукопись, хранящаяся въ Военно-ученомъ архивѣ).

и генералъ Римскій-Корсаковъ, назначенный вмѣсто Беннигсена литовскимъ генералъ-губернаторомъ. Съ прибытіемъ свиты, Вильна сдѣлалась центромъ управленія Россіею, гдѣ каждая административная часть имѣла по нѣскольку представителей. Полиція имѣла двухъ дѣятелей: Балашова въ Вильнѣ и С. К. Вязмитинова—въ Петербургѣ; военное министерство—Фуля, Барклая-де-Толли и графа Аракчеева въ Вильнѣ, а князя Горчакова въ Петербургѣ; совѣтникомъ по министерству внутреннихъ дѣлъ былъ въ Вильнѣ графъ Кочубей, а въ Петербургѣ управлялъ министерствомъ О. П. Козодавлевъ; но самое большое число представителей и совѣтниковъ было по министерству иностранныхъ дѣлъ: графъ Румянцевъ, графъ Нессельроде, Штейнъ и наконецъ де-Местръ.

По словамъ послѣдняго, ему поручена была редакція всѣхъ секретнѣйшихъ государственныхъ бумагъ, а потому онъ называлъ себя «конфиденціальнымъ редакторомъ». Де-Местръ говоритъ, что его положеніе было совершенно независимое и что онъ не только не имѣлъ никакого отношенія къ канцлеру графу Румянцеву, но напротивъ самъ министръ преклонялся передъ нимъ. Де-Местръ прямо сносился съ императоромъ и имѣлъ съ нимъ совѣщанія во внутреннемъ кабинетѣ. Несомнѣнно, что въ словахъ бывшаго сардинскаго посланника много хвастовства и лжи, но нельзя не сказать, что и онъ былъ въ числѣ совѣтниковъ Александра.

Графъ Н. П. Румянцевъ былъ почти устраненъ отъ личныхъ совѣщаній съ императоромъ по дипломатической части. Ему давали только подписывать или скрѣплять бумаги, написанныя другими совѣтниками, преимущественно нѣмцами. Когда Румянцевъ отказался подписать одну изъ послѣднихъ депешъ Наполеону, которую предполагалось отправить съ присланнымъ въ Вильну Нарбонномъ, то императоръ Александръ выразилъ канцлеру свое неудовольствіе и требовалъ его подписи.

«Не вчера ли,—писалъ императоръ графу Румянцеву [1]), — мы согласились въ томъ, что будетъ сочинено письмо, такъ какъ я разумѣлъ? Не вы ли сами взялись распорядиться о написаніи онаго? Поэтому я ожидалъ этого письма въ тѣхъ выраженіяхъ, какъ я желалъ... Но вмѣсто письма, такого, какъ я желалъ, я получилъ написанное Нессельродомъ по вашему указанію вчера вечеромъ и далеко не въ такомъ видѣ, какъ было мое желаніе... Если я имѣю основанія не отказываться отъ моего мнѣнія, то какое я буду имѣть средство видѣть осуществленіе онаго, коль скоро мои министры не захотятъ подписывать отвѣтныя письма въ томъ видѣ, въ какомъ я нахожу нужнымъ, чтобы они были посланы... Развѣ это письма частныя? И по моему

[1]) См. „Русскій Арх." 1869 г., стр. 609 - 614.

положенію, не имѣю ли я права указывать, какой отвѣтъ хочу я, чтобы данъ былъ моимъ министерствомъ?.. Такъ какъ — вы канцлеръ моей Имперіи, а я имѣю нужду дать отвѣтъ министерству иностраннаго двора, то канцлеръ мой долженъ скрѣпить оный своею подписью... Дѣло не терпитъ отлагательства, такъ какъ я сказалъ г. Нарбонну, что отпущу его сегодня послѣ обѣда. И такъ, графъ, я нахожусь въ необходимости требовать, чтобы канцлеръ мой подписалъ отвѣтъ, который, по моему мнѣнію, долженъ быть данъ на сообщеніе французскаго министерства».

Первые дни пребыванія въ Вильнѣ прошли въ пріемахъ дворянства, духовенства, университета, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, магистрата, купечества и кагала. Императоръ старался очаровать всѣхъ своею любезностію и многихъ дворянъ приглашалъ къ обѣденному столу. Представители аристократіи, князья Сулковскій и Любецкій, графы Огинскій и Корвицкій, окружили Александра. Ласковый пріемъ, многія награды въ видѣ орденовъ, придворныхъ званій и назначеніе дочерей во фрейлины ознаменовали пребываніе императора въ Вильнѣ. Праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ «и не было на свѣтѣ человѣка, умѣвшаго держать себя такъ любезно, какъ императоръ Александръ» [1]).

Такъ, въ 1807 году было основано Виленское благотворительное общество, во главѣ котораго стоялъ епископъ Косаковскій. Утвердивъ уставъ общества, императоръ въ то же время пожертвовалъ 5.850 руб. на его потребности. Воспользовавшись пребываніемъ Александра, дамы-аристократки, по принятому обычаю, въ маѣ, открыли пилигримство изъ дому въ домъ, собирая милостыню для бѣдныхъ. Въ шести частяхъ, на которыя былъ раздѣленъ городъ, онѣ разсѣялись, въ качествѣ такъ называемыхъ квестарокъ, и всѣ по очереди перебывали у государя, *прося* его принести свою лепту. Александръ принималъ дамъ весьма милостиво и увеличилъ сборъ каждой ста червонцами. Примѣру императора послѣдовали многія лица, и въ короткое время сумма пожертвованія достигла до значительной цифры.

Во время своихъ поѣздокъ для производства смотровъ войскамъ въ Вилькомірѣ, Шавли, Тельши, Плугяны, Троки и Гродно, государь охотно навѣщалъ помѣщиковъ, принималъ приглашенія на завтраки, обѣды и «любилъ въ обществѣ хорошо образованныхъ женщинъ отдыхать послѣ кабинетныхъ и лагерныхъ трудовъ». Въ общемъ каждый день пребыванія въ Вильнѣ ознаменовывался какою-либо милостію, какимъ-либо доказательствомъ вниманія къ жителямъ.

На Святой недѣлѣ, виленское дворянство давало блестящій балъ въ честь государя. Вся улица и домъ были великолѣпно иллюминованы.

---

[1]) Шлоссеръ, VIII, 149.

Передняя стѣна дома была украшена вензелемъ императора. Лѣстница, ведущая въ залъ, была покрыта коврами и уставлена зеленью и цвѣтами. Въ залѣ находился транспарантъ, изображавшій Александра, сидящаго въ креслахъ, а передъ нимъ генія, преклоняющагося съ благоговѣніемъ. Подъ транспарантомъ были стихи на польскомъ языкѣ:

Прославляемъ мы, прославитъ потомство
Божественную благость въ твоей особѣ.
И свѣтъ никогда не забудетъ
О Титѣ и о тебѣ.

Избраннѣйшее общество и почти всѣ военныя власти собрались въ 8 часовъ вечера и ожидали прибытія императора. Въ 9 часовъ прибылъ августѣйшій гость и, встрѣченный на лѣстницѣ губернскимъ и уѣзднымъ предводителями, а на верху дамами, съ выраженіемъ живѣйшей радости, вошелъ въ залу. Тамъ, подъ аккомпаниментъ оркестра, хоръ привѣтствовалъ Александра составленною на этотъ случай кантатою, которая, въ буквальномъ переводѣ съ польскаго, выражала слѣдующее:

По милостивому опредѣленію небесъ
Мы видимъ эту священную главу,
Которая очарованіемъ своей благости
Порабощаетъ полъ-свѣта.
Монархъ грознаго сѣвера,
И народовъ извѣстныхъ мужествомъ!
Дабы ничто не избѣгло твоей власти,
Ты владѣешь сердцами подданныхъ.
Какъ солнце, которое одинаково свѣтитъ
Для бѣдныхъ деревень и городовъ,
Такъ одинаково ты любишь своихъ дѣтей.
Отче тысячи народовъ,
Прославляемъ мы, прославитъ потомство
Божественную благость въ твоей особѣ
И свѣтъ никогда не забудетъ
О Титѣ и о тебѣ.
Уже хвала вьетъ тебѣ вѣнокъ,
Добродѣтель возноситъ на степень боговъ;
Мы повторяемъ: да здравствуетъ
Отрада человѣческаго рода!

По окончаніи кантаты, Александръ открылъ балъ польскимъ съ супругою генерала Беннигсена. Танцы продолжались до втораго часа, и когда всѣ перешли въ сосѣднія залы, гдѣ былъ приготовленъ великолѣпный ужинъ, то Александръ, окинувъ взоромъ приготовленные столы, оставилъ собраніе,—«очарованное его кротостію и привѣтливостію. Пировавшіе веселились до появленія зари».

На другой день въ той же залѣ была найдена подброшенная на-

сквиль, написанная на русскомъ языкѣ [1]) и по содержанію своему не соотвѣтствовавшая тому восторженному изліянію чувствъ и неизмѣнной преданности «своему обожаемому монарху», которыя старалось выказать мѣстное дворянство.

Впрочемъ, Александръ и не придавалъ этимъ восторгамъ значенія чистосердечія.

Ему извѣстно было, что подъ наружнымъ восторгомъ существуетъ и подспудное теченіе, выражающееся въ постепенно усиливающемся волненіи, охватывающемъ всѣ наши Западныя губерніи. Еще до отъѣзда государя въ Вильну и именно 21-го марта послѣдовалъ указъ министру полиціи, которымъ ему поручалось сдѣлать распоряженіе объ особенномъ наблюденіи за жителями пограничныхъ губерній.

«Обстоятельства нашего времени,—сказано въ указѣ, - требуютъ, дабы обращено было особенное вниманіе на правила и образъ мыслей помѣщиковъ и другихъ обывателей пограничныхъ губерній, не весьма давно къ Россіи присоединенныхъ. Чего ради поручаемъ вамъ предписать гражданскимъ губернаторамъ тѣхъ губерній, которыя означены въ приложенномъ у сего спискѣ [2]), что мы, подвергая строгому съ ихъ стороны наблюденію поведеніе всѣхъ жителей ввѣренныхъ имъ губерній, повелѣваемъ доставить намъ черезъ васъ немедленно списки тѣмъ лицамъ, которыя ненадежны, съ раздѣленіемъ ихъ на двѣ части, изъ коихъ въ одной помѣстить сомнительныхъ, а въ другой совершенно подозрительныхъ.

«Гражданскіе губернаторы, продолжая имѣть неусыпное за ними наблюденіе, обязаны доносить, при каждомъ замѣченномъ случаѣ, которые вновь тому же замѣчанію подлежать будутъ, пріемля въ руководство свое всегда правила благоразумія и осторожности» [3]).

Въ началѣ апрѣля 1812 г. волынскій губернаторъ донесъ, что по свѣдѣніямъ имъ полученнымъ отъ помѣщика Охоцкаго, бывшаго недавно въ Варшавѣ, тамошнее правительство имѣетъ намѣреніе, въ случаѣ наступательныхъ дѣйствій русскихъ и перехода ихъ черезъ границу, отправить корпусъ польскихъ войскъ, минуя нашу армію, въ русскіе предѣлы и произвести возмущеніе; что съ этою цѣлью придвинутъ къ нашимъ границамъ полкъ бѣжавшаго изъ Россіи помѣщика графа Тарновскаго. По заявленію Охоцкаго, склонныхъ и готовыхъ къ возмущенію наиболѣе въ Подольской и Литовскихъ губерніяхъ, а отчасти и въ Минской; въ Кіевской же и Волынской менѣе; но что всѣ вообще

[1]) Замѣтки Анастасевича. Рукопись въ Императорской Публичной библіотекѣ, т. II, стр. 103.

[2]) Губерніи: Гродненская, Минская, Волынская, Подольская, Кіевская, Бѣлостокская и Тарнопольская области.

[3]) Арх. III отдѣленія 1-й экспедиціи, опись 1812 г., дѣло № 6.

*

поляки и даже жители Варшавскаго герцогства могли бы сдѣлаться покойными и преданными, если бы императоръ принялъ на себя титулъ короля польскаго и содѣйствовалъ соединенію Польши.

Къ этому волынскій губернаторъ прибавлялъ, что управляющіе губерніями не въ силахъ обнаружить того зла, которое можетъ скрываться въ ихъ губерніяхъ потому, что для этого они имѣютъ въ своемъ распоряженіи только однихъ земскихъ исправниковъ, но и изъ нихъ не всѣ «столько расторопны, чтобы при исполненіи должностей могли успѣвать въ точномъ и безошибочномъ за поведеніемъ жителей наблюденіи». Губернаторъ просилъ: 1) чтобы къ избраннымъ отъ дворянства засѣдателямъ прибавлено было въ помощь исправникамъ по два засѣдателя отъ короны, съ предоставленіемъ губернаторамъ права ихъ избранія и опредѣленія; 2) чтобы для пріобрѣтенія довѣрія людей къ открытію злонамѣренныхъ и ихъ покушеній отпускалась экстраординарная сумма и дано было особое уполномочіе обѣщать каждому высочайшія награды, и 3) чтобы начальники губерній, для скорости въ доставленіи пособій арміи, имѣли право употреблять отставныхъ чиновниковъ, особую имъ на прогоны и содержаніе сумму, и на случай открытія злонамѣреній дѣйствовать по обстоятельствамъ, а не по правамъ, присвоеннымъ ихъ должности. Комитетъ министровъ, куда внесено было донесеніе волынскаго губернатора, 15-го апрѣля 1812 года, признавая, «что нужно дать пограничнымъ губернаторамъ болѣе способовъ дѣйствовать при настоящихъ обстоятельствахъ, положилъ [1]): 1) Въ губерніяхъ Виленской, Гродненской, Волынской, Кіевской, Минской, Бѣлостокской области и Тарнопольскомъ краѣ, предоставить управляющимъ оными избрать и опредѣлить въ земскіе суды, сверхъ находящихся по выборамъ, еще по два засѣдателя отъ короны; 2) для употребленія на пріобрѣтеніе довѣрія и способовъ къ узнанію злонамѣренныхъ и ихъ покушеній, открыть начальникамъ тѣхъ губерній кредитъ въ тамошнихъ казенныхъ палатахъ каждому до 10 т. руб. съ тѣмъ, чтобы они, употребляя сію сумму по своему усмотрѣнію, доносили еженедѣльно министру полиціи, а также и главнокомандующему въ С.-Петербургѣ, представляя особо въ такомъ случаѣ, когда бы по обстоятельствамъ потребовалось болѣе означенной суммы; 3) позволить имъ дѣлать обѣщанія монаршихъ наградъ, но съ тѣмъ, чтобы всякій разъ, что кому и по какому случаю обѣщано будетъ, доносили бы министру полиціи и главнокомандующему въ С.-Петербургѣ; 4) предоставить имъ употреблять, въ случаѣ надобности, отставныхъ чиновниковъ, заимствуя на прогоны и содержаніе ихъ сумму изъ вышеозначенныхъ 10 т. руб., и, наконецъ, 5) что принадлежитъ до пред-

[1]) Журналъ Комитета министровъ 16-го апрѣля 1812 г. Архивъ III отдѣленія 1-й экспедиціи, опись 1812 г., дѣло № 19.

ставленія волынскаго губернатора о позволеніи дѣйствовать иногда по обстоятельствамъ, а не по правиламъ должности, то Комитетъ, не находя въ правилахъ должности губернаторской ничего стѣснительнаго и могущаго затруднить или остановить губернаторовъ въ распоряженіяхъ, считаетъ нужнымъ подтвердить только начальникамъ всѣхъ вышеозначенныхъ губерній, чтобы они, въ случаѣ нужды, употребляли всѣ тѣ способы, какіе къ прекращенію зла потребны будутъ».

Одобривъ 9-го мая положеніе Комитета министровъ, императоръ Александръ получилъ вслѣдъ за тѣмъ донесеніе виленскаго гражданскаго губернатора, что почти всѣ поляки его губерніи должны быть причислены къ числу сомнительныхъ.

«Извѣстно, впрочемъ,—писалъ онъ [1]),—что поляки всегда были легкомысленны и вѣтрены, слѣдовательно, весьма наклонны къ интригамъ. Отличительнымъ характеромъ ихъ во всѣ времена было: никогда не быть довольными тѣмъ состояніемъ, въ которомъ находятся, и любить новости, хотя бы онѣ сопряжены были съ дѣйствительною ихъ невыгодою. И такъ, принявъ въ основаніе всѣ сіи истины, ежели и должно полагать, что, по врожденной вѣтренности нравовъ, они желаютъ перемѣны, но тѣмъ не менѣе утвердить можно, что безъ какой-либо посторонней силы и вліянія, то же самое легкомысліе ихъ воспретитъ имъ дать дальнѣйшее дѣйствіе своимъ замысламъ».

Гродненскій губернаторъ доносилъ, что въ губерніи все тихо и спокойно; но при извѣстной гибкости умовъ при первомъ отступленіи нашемъ отъ непріятеля внутрь предѣловъ «все противъ насъ возстанетъ со всѣхъ сторонъ».

«Я утвердительно могу говорить о семъ несчастномъ событіи,—писалъ онъ [2]),—буде бъ до того дошло, по совершенному знанію наклонности умовъ здѣшнихъ. Въ однихъ изъ нихъ дѣйствовать будетъ энтузіазмъ патріотизма, свойственный каждому благомыслящему, потерявшему свое отечество; въ другихъ алчность обогатиться грабежемъ; въ третьихъ—боязнь отъ своихъ собратій. Словомъ, самый добродѣтельный человѣкъ, облагодѣтельствованный свыше мѣры, долженъ будетъ устремить роковое оружіе на своего благодѣтеля, ибо иначе его самого, яко измѣнника погубятъ».

Литовскій губернаторъ сообщалъ, что изъ дворянъ его губерніи большая часть не расположена къ Россіи, а другіе колеблятся; «юношество же и люди, не имѣющіе никакого состоянія, готовы ко всякому возмущенію, въ надѣяніи чѣмъ-либо воспользоваться. Впрочемъ, теперь всѣ покорны и тихи; сему дивиться не должно, знавши характеръ по-

---

[1]) Министру полиціи 13-го апрѣля 1812 г. № 154.

[2]) Министру полиціи отъ 13-го апрѣля 1812 г. № 114.

ляковъ, которые покуда въ рукахъ—спокойны и покорны; въ противномъ же случаѣ положиться на кого (либо) я бы не совѣтовалъ» [1]).

Особенности польскаго характера допускали возможность вѣрить всякаго рода слухамъ, даже самымъ нелѣпымъ, и принимать ихъ за достовѣрные и совершившіеся факты.

Говорили, что маршалъ Даву, въ послѣднихъ числахъ марта прибывъ въ Варшаву, принялъ начальство надъ польскими войсками и дѣлалъ имъ смотръ; что русская армія не готова, не устроена, не имѣетъ ни денегъ, ни провіанта, ни фуража. Поляки увѣряли, что въ случаѣ военныхъ дѣйствій къ нимъ перейдутъ не только рекруты, взятые съ западныхъ губерній, но передадутся и конно-польскіе полки. Повсюду разглашали, что въ Варшаву доставлено болѣе полторы тысячи пушекъ и будетъ прислано еще много. Все это, съ точки зрѣнія патріотовъ, обѣщало несомнѣнный успѣхъ польскому дѣлу.

— Волынская губернія,—говорили поляки,—похожа на большой деревянный домъ, находящійся на концѣ большаго города (Россіи). Если вѣтеръ будетъ со стороны дома, то, зажегши его, можно превратить въ пепелъ весь городъ. И такъ зажегши возмущеніемъ Волынь, загорится все до г. Великихъ-Лукъ. Виленская губернія уже горитъ, но находящійся тамъ лѣсъ способенъ только для обыкновеннаго огня, а не для политическаго. Минскіе лѣса могутъ быть большимъ убѣжищемъ для русскихъ, а находящаяся тамъ Бобруйская крѣпость грозитъ наиболѣе Волынской губерніи и окрестнымъ мѣстамъ.

Между простымъ народомъ ходили толки, что бывшій въ прошломъ году громовой ударъ въ комнаты, занимаемыя губернскимъ правленіемъ, отчего черезъ нѣсколько дней вывалилась стѣна, предвѣщаетъ паденіе въ нынѣшнемъ году здѣшняго края [2]).

«Приближеніе непріятеля къ ввѣренной мнѣ губерніи,—писалъ волынскій губернаторъ [3]),—и опасеніе нашествія онаго произвело во многихъ помѣщикахъ большую тревогу, и нѣкоторые начинаютъ требовать во внутрь Россіи паспорты. Хотя войскъ здѣсь нѣтъ, но до сихъ поръ тишина и спокойствіе соблюдаются, равно и предписанія начальства исполняются въ надлежащей точности и безъ промедленія.

«Особенную приверженность къ Россіи въ нынѣшнее время показалъ еврейскій народъ: они, страшась нашествія непріятеля, учредили между собою постъ и молитву для испрошенія россійскому оружію успѣха и счастія».

---

[1]) Донесеніе литовскаго генералъ-губернатора министру полиціи отъ 21-го апрѣля 1812 г.

[2]) Записка о заграничныхъ происшествіяхъ, представленная литовскимъ генералъ-губернаторомъ при письмѣ Балашову отъ 10-го мая 1812 г. № 372.

[3]) Въ письмѣ Балашову отъ 11-го іюня 1812 г. № 788.

Все это, въ связи съ другими извѣстіями, мало утѣшало императора Александра, и онъ сознавалъ, что грозовыя тучи нависали. Въ письмахъ изъ Вѣны сообщали, что тамъ появилось объявленіе французскаго императора о томъ, что онъ противъ воли находитъ себя вынужденнымъ объявить войну Россіи. Наполеонъ говорилъ солдатамъ, что поведетъ ихъ въ Россію и въ началѣ іюля будетъ въ Петербургѣ. Онъ увѣрялъ поляковъ, но только на словахъ, что сдѣлаетъ изъ нихъ великую націю, и что королевство ихъ будетъ обширнѣе, нежели оно было прежде, а Россіи назначитъ границы, когда будетъ въ Петербургѣ [1]). Вслѣдъ за тѣмъ въ Варшавѣ появилась прокламація, предупреждавшая о томъ, что русское правительство приказало не щадить поляковъ, и просившая, чтобы они и въ отдаленнѣйшихъ странахъ не забывали, что они поляки, и что теперь открывается время, въ которое могутъ они возстановить упадшее отечество [2]).

Чтобы еще болѣе подогрѣть поляковъ, Наполеонъ отозвалъ изъ Варшавы барона Биньона и на его мѣсто назначилъ архіепископа молинскаго де-Прадта.

— Вы должны понимать,—сказалъ ему Наполеонъ,—что я призвалъ васъ не для того, чтобы отправлять тамъ церковную службу. Надо держать въ рукахъ обширное государство. Смотрите за женщинами,—онѣ имѣютъ большое значеніе въ странѣ. Доведите поляковъ до восторга, но не до безумія.

Облеченный званіемъ чрезвычайнаго посланника, де-Прадтъ долженъ былъ жить въ Варшавѣ со всѣмъ блескомъ роскоши, пышности и королевскаго великолѣпія. Съ этою цѣлью ему было назначено 180.000 франковъ годоваго содержанія. Зная то недовѣріе, которое Наполеонъ имѣлъ къ духовенству, всѣ были удивлены такому назначенію, но де-Прадтъ былъ его агентомъ въ испанскихъ дѣлахъ и находился въ ссорѣ съ папою. Въ апрѣлѣ 1812 года Прадтъ получилъ приказаніе слѣдовать за императоромъ въ Дрезденъ, а оттуда отправленъ въ Варшаву, съ порученіемъ приготовлять поляковъ къ предстоящимъ военнымъ дѣйствіямъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Наполеонъ выразилъ желаніе имѣть при себѣ шесть человѣкъ изъ лучшаго дворянства польскихъ провинцій и въ особенности изъ нашихъ Западныхъ губерній. «Меня увѣряютъ,—доносилъ волынскій губернаторъ Комбурлей [3]),—что здѣшніе помѣщики: генералъ-

---

[1]) Донесеніе волынскаго губернатора Комбурлея министру полиціи отъ 4-го іюня 1812 года. Арх. III отдѣленія 1-й экспедиціи, опись 1812 года, дѣло № 11.

[2]) То же отъ 22-го іюня 1812 г. № 661.

[3]) Балашову отъ 11-го іюня 1812 г. за № 788.

маіоръ князь Евстафій Сангушко и графъ Александръ Ходкевичъ дѣйствительно теперь при немъ».

Инструкціи, данныя де-Прадту словесно и письменно, указывали ему на то, чего Наполеонъ ожидалъ отъ его дѣйствій.

«Если произойдетъ разрывъ съ Россіею,—говорилось въ нихъ [1]),—поляки должны соединить свое оружіе съ нашимъ; мало того, при этомъ великомъ случаѣ, быть можетъ послѣднемъ, какой будутъ имѣть, они должны также рѣшиться дѣйствовать самостоятельно. Войну, которую мы хотимъ вести на сѣверѣ, они должны считать только пособіемъ для ихъ собственныхъ силъ, а Францію считать только могущественною союзницею. И такъ они должны готовиться съ настоящей минуты, должны напрягать всѣ свои силы, и, какъ только дозволятъ обстоятельства, вся Польша должна быть на конѣ».

Такимъ образомъ Прадтъ долженъ былъ возбуждать и говорить полякамъ о военныхъ приготовленіяхъ, но не былъ уполномоченъ обѣщать имъ возстановленія Польши. «Польша,—говоритъ Биньонъ [2]),—должна была сама побѣдить Россію (?). Таковы были желанія, намѣренія и инструкціи, данныя Наполеономъ новому чрезвычайному посланнику».

Отправляя де-Прадта, французскій императоръ высказалъ ему чтобы въ движеніи, къ которому призываютъ Польшу интересы Франціи, не бросалась въ глаза рука французскаго посланника, но онъ долженъ все видѣть, все знать, все направлять, воодушевлять и поощрять.

Для этой цѣли указаны и средства.

По волѣ французскаго императора около половины іюня долженъ былъ собраться сеймъ, избрать изъ своей среды комитетъ, составленный преимущественно изъ людей, пользующихся значеніемъ въ странѣ. Комитетъ долженъ былъ составить родъ записки о несчастіяхъ Польши, изложить надежду на возстановленіе отечества и побудить сеймъ объявить, какъ о своемъ существованіи, такъ и о возстановленіи Польскаго королевства. Съ своей стороны сеймъ долженъ былъ объявить о генеральной конфедераціи, чтобы поляки, гдѣ только они существуютъ, собирались въ общія публичныя собранія и составляли отдѣльные сеймики. Всѣ дѣйствія поляковъ должны быть направлены исключительно противу одной Россіи, такъ какъ Австрію Наполеонъ желалъ оставить въ покоѣ и нуждался въ ея помощи. Конфедерація, разъ организованная выборомъ маршала и совѣта, должна была тотчасъ приступить къ формированію комитетовъ въ различныхъ мѣстахъ и преимущественно

---

[1]) Шлоссеръ, т. VIII, стр. 128.

[2]) Bignon. „Histoire de France“ III, 14.

въ Литовскомъ краѣ. Комитеты должны также издавать отъ себя прокламаціи, пользоваться всѣми средствами и ничѣмъ не пренебрегать.

«Комитеты различныхъ провинцій должны послать повсюду агентовъ, для разглашенія актовъ конфедераціи, для публикаціи во всеобщее свѣдѣніе печатныхъ актовъ и распространенія ихъ во всѣхъ мѣстахъ Польши. Русскіе не могутъ занимать всю обширную страну, надобно стараться возбуждать инсурекцію вездѣ, гдѣ только они не въ состояніи будутъ ей противиться... Надобно, чтобы Польша была вся поднята, чтобы она была въ инсурекціи».

Таковы были наставленія, данныя Наполеономъ де-Прадту. Они заключали въ себѣ полный сводъ мятежническихъ правилъ, какими кратковременныя правительства, бывшія во Франціи со временъ революціи, волновали страсти народа и держали умы въ безпрестанномъ браженіи.

«Je trouvait,—говоритъ Прадтъ,—dans mes intructions un cours complet de clubisme. Il n'était question que des moyens révolutionnaires en usage depuis vingt ans parmi ces perturbateurs du genre humain» [1]).

Чтобы придать де-Прадту по возможности бо́льшее значеніе и дать своему посланнику власть въ администраціи герцогства, Наполеонъ заручился согласіемъ саксонскаго короля, чтобы Прадтъ имѣлъ право присутствовать во всѣхъ засѣданіяхъ совѣта министровъ. Поляковъ убѣждали въ законности и необходимости подобнаго присутствіи франц. глаза. Имъ твердили, что французскій посланникъ долженъ пользоваться такимъ правомъ, для пользы самого Варшавскаго герцогства, какъ готовящагося принять участіе въ войнѣ, которой послѣдствія принесутъ столько счастія Польшѣ!

24-го мая (5-го іюня) Прадтъ прибылъ въ Варшаву и своимъ пріѣздомъ произвелъ сильное впечатлѣніе на все общество. Онъ тотчасъ же былъ ознакомленъ со всѣми министрами и главными сановниками страны. Блескомъ и роскошью онъ долженъ былъ привлекать и очаровывать польскихъ дамъ и вельможъ, искони привязанныхъ къ пышности и тщеславію.

«Прелатъ, не имѣвшій въ себѣ ничего духовнаго кромѣ титула, за то богатый гасконскими рѣчами и ловкій придворный, казался Наполеону лучшимъ представителемъ Франціи среди преданныхъ католичеству поляковъ и ихъ епископовъ. Онъ получилъ титулъ чрезвычайнаго посла; ему назначено было большое содержаніе, чтобы онъ могъ давать вечера и обѣды. Когда онъ явился въ Варшаву, всѣмъ полякамъ и польскимъ вельможамъ старой олигархіи, которые прежде одни гос-

---

[1]) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе Отечественной войны, часть I-я, стр. 139.

подствовали, блистали, пышничали и продавали отечество тому, кто больше платилъ имъ и ихъ партіи, всѣмъ имъ показалось, что возвратилось доброе старое время. Польскіе вельможи начали поступать и декламировать по-старинному, а старикъ король саксонскій, закоснѣлый католикъ, восхищался тѣмъ, что владычествуетъ католическій прелатъ; правда, королевская власть становилась пустымъ призракомъ, за то католическая вѣра имѣла опору въ архіепископѣ» [1]).

Помѣстившись въ домѣ Станислава Потоцкаго, Прадтъ обнаружилъ необыкновенную пышность въ образѣ жизни и открылъ свою квартиру для всѣхъ, кто желалъ засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, какъ представителю великаго Наполеона. Онъ давалъ вечера, на которыхъ появлялось множество дамъ. «Полякамъ ново было видѣть человѣка, имѣвшаго вѣскій духовный санъ, окруженнымъ красивыми молодыми слушательницами, старающимся занимать ихъ и удовлетворять малѣйшія ихъ прихоти со всею угодливостью французскаго придворнаго. Недовольные этимъ говорили даже, что архіепископъ столь усердно занятъ дамскимъ обществомъ, что не имѣетъ времени посѣщать церковь» [2]).

Въ Варшавѣ Прадтъ думалъ разыгрывать роль вице-короля; но скромное положеніе его предшественника не приготовило умы къ подобному поведенію. Какъ поляки ни любили роскошь, какъ ни подчинялись они охотно власти французскаго императора, но трудно переносили поступки его посланника. Помѣшавшись на власти, де-Прадтъ смотрѣлъ глазами жалости и презрѣнія на поляковъ и на все окружающее. Мнѣніе его о польскихъ министрахъ было первое время самое невыгодное. Въ одной изъ первыхъ своихъ депешъ онъ говорилъ о нихъ съ большимъ пренебреженіемъ, но въ дѣйствительности и по справедливости всѣ эти отзывы должны быть отнесены къ нему самому. Поляки увидѣли въ немъ пустаго придворнаго болтуна, и де-Прадтъ незамѣтно для себя сдѣлался орудіемъ многихъ изъ тѣхъ, о комъ такъ презрительно отзывался [3]).

Еще саксонскій король Фридрихъ-Августъ не отказывался отъ герцогства Варшавскаго, еще государственный совѣтъ герцогства не былъ распущенъ, а между тѣмъ политическими и внутренними дѣлами завѣдывалъ де-Прадтъ. Среди такого положенія, совершенно неожиданно явился въ Варшавѣ знаменитый депутатъ на конституціонномъ сеймѣ 1788 года, бывшій «генералъ подольскихъ войскъ» престарѣлый князь Адамъ-Казиміръ Чарторыйскій въ одеждѣ австрійскаго фельдцейхмейстера. Лишь только прибылъ онъ въ столицу герцогства, какъ открылся

---

[1]) Шлоссеръ, т. VIII, стр. 127.

[2]) Н. Поповъ. «Варшавское герцогство», «Русскій Вѣстникъ» 1866 г. № 3 стр. 80.

[3]) Bignon, „Histoire de France"; см. также „Souvenir d'un diplomate", p. 224.

варшавскій окружный сеймикъ безъ приглашенія мѣстной шляхты посредствомъ герцогскаго универсала. Какъ владѣлецъ имѣній въ Варшавскомъ округѣ, старикъ князь Чарторыйскій явился на сеймикъ съ правомъ голоса и былъ единогласно выбранъ депутатомъ въ предстоявшій сеймъ. Этотъ выборъ сопровождался громкими криками народной толпы, собравшейся около дома, гдѣ происходилъ сеймикъ.

Положеніе его сына князя Адама Чарторыйскаго, друга Александра, стало весьма затруднительнымъ. Онъ не только предвидѣлъ, но хорошо зналъ, что его семья приметъ непремѣнно дѣятельное участіе во всеобщемъ движеніи поляковъ.

Мы видѣли, что въ письмѣ отъ 28-го февраля (12-го марта) 1811 года онъ умолялъ Александра уволить его въ отставку.

«Прежде чѣмъ закончить настоящее письмо,—писалъ онъ 23-го мая (4-го іюня) 1812 года,—я долженъ коснуться одного чисто личнаго предмета, по поводу котораго я хотѣлъ бы высказать то, что чувствуетъ мое сердце. А именно, я хочу выразить вашему величеству мою величайшую благодарность за доброту, съ какою вы соблаговолили стать на мое мѣсто и принять участіе въ отчаянномъ положеніи, въ которомъ я нахожусь. Я былъ глубоко взволнованъ, читая, какія причины побудили ваше величество прервать переписку со мною, и доводы, въ силу коихъ ваше величество милостиво не настаиваете на моемъ пріѣздѣ въ Вильну.

«Я прочувствовалъ эту снисходительность до глубины души и увидѣлъ въ ней доказательство прежней дружбы, коей вы удостоивали меня, увидѣлъ и деликатность чувствъ, какую, быть можетъ, вы одни, средн современныхъ монарховъ, можете проявить.

«Въ то время какъ несмѣтныя арміи, нынѣ уже сосредоточенныя и готовыя вступить въ бой, сдѣлаются вершительницами нашихъ судебъ, я не могъ бы ничѣмъ быть полезенъ вашему величеству и сильно скомпрометтировалъ бы свое семейство. Примите, государь, мою признательность за то, что вы дозволили мнѣ остаться въ моемъ убѣжищѣ. Живя въ немъ, я стараюсь избѣгнуть столкновенія между долгомъ и чувствами, которыя меня обуреваютъ. Ходъ событій не только не успокоиваетъ меня въ этомъ отношеніи, но удваиваетъ мои опасенія. Отечество, семья, дружба, признательность, общественное мнѣніе съ той или съ другой стороны,—словомъ, все то, что человѣкъ долженъ любить и уважать въ жизни, будутъ пущены въ ходъ и, весьма вѣроятно, будутъ находиться въ противорѣчіи. Съ той минуты, какъ судьба приблизила меня къ вашему величеству, вамъ извѣстны всѣ сокровенныя мои мысли, которыя по вашему собственному признанію были поводами къ увольненію меня отъ дѣлъ. Вы одни можете вполнѣ оцѣнить тѣ тысячи обстоятельствъ, которыя дѣлаютъ мое положеніе чрезвычайно тягостнымъ

и затруднительнымъ. Возможность говорить объ этомъ съ вашимъ величествомъ съ полною откровенностью составляетъ мое единственное утѣшеніе. Я зачастую теряюсь въ этомъ лабиринтѣ противоположныхъ побужденій и тревогъ, которыя повергаютъ меня въ самое тяжелое смущеніе. Я уже предвижу моментъ, когда мои родители будутъ вынуждены отправиться въ Варшаву [1]).

«Ваше величество полагаете, что Наполеонъ никогда не сдѣлаетъ ничего бо́льшаго и великодушнаго для Польши; но если бы случилось противное, что̀ дѣлать тогда? Какое ужасное положеніе по отношенію къ семьѣ и согражданамъ, не только не принимать участія въ ихъ усиліяхъ, но даже слыть въ ихъ глазахъ человѣкомъ имъ враждебнымъ.

«Возможно, что событія пойдутъ совершенно иначе, нежели я, въ тревожномъ состояніи духа, представляю себѣ. Впрочемъ, я предоставляю вашему величеству рѣшить, въ какой моментъ вы признаете наиболѣе удобнымъ уволить меня отъ службы. Я отдаюсь въ этомъ случаѣ въ распоряженіе не монарха, но того, кто далъ мнѣ право вполнѣ довѣряться ему въ столь важныхъ моментахъ моей жизни».

Черезъ недѣлю съ небольшимъ князь Чарторыйскій повторилъ просьбу объ увольненіи его въ отставку.

«Съ той поры, какъ было написано мое письмо [2]), — писалъ онъ императору Александру [3]),—событія, какъ это бываетъ обыкновенно во время кризисовъ, шли быстрымъ шагомъ, и дѣла, по скольку они касаются Польши, приняли новый оборотъ.

«Наполеонъ, прибывъ въ Познань, ничего не сдѣлалъ для того, чтобы привлечь къ себѣ сердца поляковъ. Имъ сулятъ блестящую и счастливую будущность; говорятъ, что будетъ созванъ сеймъ; особенно стараются собрать наиболѣе видныхъ и уважаемыхъ представителей націи. Моему брату, какъ я и предполагалъ, предложили явиться въ Варшаву. Если бы онъ не явился, то его всѣ бы осудили, а его имущество и семья подверглись бы серьезной опасности. Явное содѣйствіе, оказываемое Австріей планамъ Наполеона, лишило бы моего брата всякаго оправданія. Поэтому онъ уѣхалъ вчера.

«Судя по обороту, который приняли военныя дѣла по отношенію къ Польшѣ, приходится ежеминутно ожидать, что относительно моего отечества будутъ приняты какія-либо чрезвычайныя мѣры. По всей вѣроятности, это случится еще до полученія вашимъ величествомъ настоящаго письма. Всякое заявленіе или дѣйствіе съ вашей стороны, с д ѣ л а н н о е с ъ т о ю ж е ц ѣ л ію, б ы л о б ы, на мой взглядъ, з а п о з-

[1]) Такъ и случилось, какъ мы только-что сказали.

[2]) Вышеприведенное отъ 23-го мая (4-го іюня) 1812 г.

[3]) Въ письмѣ отъ 1-го (13-го) іюня 1812 г. Архивъ Собственной Его Величества библіотеки.

далымъ и совершенно не достигающимъ цѣли. Это было бы не болѣе какъ подражаніе, сдѣланное слишкомъ поздно. Я не предвижу возможности этого и не нахожу, чтобы сдѣлать это было бы такъ же удобно, какъ въ томъ случаѣ, если бы одержанныя побѣды и завоеванія дали вашему величеству возможность говорить съ увѣренностію, что васъ выслушаютъ и что ваши слова произведутъ желаемое дѣйствіе.

«Я остался здѣсь [1]) одинъ, терзаемый невыразимой грустью. Вашему величеству извѣстно, какъ я преданъ своему отечеству и какъ горячо я ему желаю всевозможныхъ благъ. Вамъ извѣстна также моя величайшая преданность вашей особѣ. Благоволите понять, какія чувства я долженъ питать къ брату, и чувства, которыя связываютъ меня съ семьею и со столькими друзьями, которые уже высказали свои взгляды. Меня уже осуждаютъ и противъ меня возбуждены за то, что я не поступилъ такъ, какъ они. Какъ согласовать столько противорѣчивыхъ и разнообразныхъ чувствъ и обязанностей, или, лучше сказать, какъ примирить ихъ? Можетъ ли быть что-либо болѣе мучительное, какъ быть заподозрѣннымъ своими и быть въ ихъ глазахъ отступникомъ въ самыхъ сокровенныхъ своихъ чувствахъ и первѣйшихъ обязанностяхъ. Я высказываю вашему величеству свои мысли безъ утайки, какъ вы пріучили меня. Вы могли бы уменьшить до нѣкоторой степени мучительность моего положенія, уволивъ меня окончательно въ отставку. Я обращаюсь съ этой просьбой не къ монарху, но къ лицу, коего дружеское расположеніе часто приходило мнѣ на помощь и къ которому я прибѣгаю въ самый важный и трудный моментъ моей жизни. Если бы ваше величество могли видѣть меня здѣсь и обсудить вполнѣ мое положеніе, то вы пожалѣли бы меня и убѣдились въ томъ, что я вынужденъ просить объ отставкѣ. Каковъ бы ни былъ результатъ моей просьбы, соблаговолите увѣдомить меня, отвѣтивъ нѣсколько словъ черезъ Бенковскаго, управляющаго моими имѣніями въ Меджибужѣ, съ приказаніемъ переслать мнѣ этотъ отвѣтъ надежнымъ путемъ.

«Надѣюсь, что Господь смилуется надо мною и что сила обстоятельствъ выведетъ меня изъ этого мучительнаго состоянія какимъ-либо способомъ, не идущимъ въ разрѣзъ съ моимъ долгомъ, исполнить который есть мое единственное желаніе.

«Я высказалъ наскоро и съ полною откровенностью все, что подсказало мнѣ сердце. Я знаю, что, говоря съ вами откровенно, не подвергаешься никакой опасности. Позвольте мнѣ, ваше величество, еще разъ засвидѣтельствовать вамъ свою преданность и признательность».

Положеніе князя Адама Чарторыйскаго было дѣйствительно очень

[1]) Въ Сенявѣ.

тяжелое: его звали въ Варшаву и предлагали стать во главѣ движенія поляковъ; его тянули туда семья и собственныя желанія; но чувство дружбы къ императору Александру и состояніе на русской службѣ не дозволяли ему нарушить присягу. Долгъ и честь боролись съ патріотизмомъ и призывомъ соотечественниковъ, и надо отдать справедливость князю Адаму, что первые пересилили вторые.

«Любезный и достойный другъ, —писалъ онъ Матусевичу [1]). — Я прочелъ ваше письмо къ моимъ роднымъ, и въ немъ нѣсколько строкъ, обращенныхъ ко мнѣ. Невозможно передать ощущеній, испытанныхъ нами при этомъ чтеніи. Итакъ достигается цѣль нашихъ обѣтовъ, нашихъ надеждъ, нашихъ мечтаній; исполняется то, къ чему каждый изъ насъ стремился по мѣрѣ силъ своихъ и возможности. Польша возникнетъ изъ пепла и можетъ разсчитывать на соединеніе всѣхъ разрозненныхъ частей своихъ. До кого ни дошла эта великая вѣсть, всѣ радуются; лишь мнѣ одному суждено испытывать скорбное чувство въ виду благоденствія моей родины. Мои родные немедленно ѣдутъ въ Варшаву, дабы присутствовать при достопамятномъ актѣ, которымъ начнется существованіе Польши; а я долженъ оставаться дома и не могу внять призыву дружбы, долга и столь многихъ побужденій. Такъ какъ изъ личнаго ко мнѣ расположенія, вы настаиваете, чтобы и *я* пріѣхалъ, то я долженъ разъяснить вамъ причины, которыя не дозволяютъ мнѣ пока оставить мое уединеніе.

«Вамъ лучше другихъ извѣстны событія, вслѣдствіе которыхъ я былъ отправленъ въ Россію, а равно и обстоятельство, давшее мнѣ мѣсто въ министерствѣ. Императоръ Александръ съ самой первой нашей встрѣчи, 17 лѣтъ тому назадъ, не переставалъ осыпать меня знаками своего благоволенія и даже дружбы, какая рѣдко бываетъ между государями и подданными. Принявъ должность, я надѣялся, безъ нарушенія долга относительно этого государя, приносить пользу польскимъ землямъ Русской имперіи, а вмѣстѣ и тѣмъ, которыя поступили въ раздѣлъ между тремя державами. Вы знаете, что эта надежда меня не обманула, и доказательствомъ служатъ дарованное полякамъ позволеніе оставаться разомъ подданными трехъ державъ, освобожденіе многихъ значительныхъ лицъ, задержанныхъ со времени нашей революціи, и введеніе народнаго воспитанія въ нашихъ областяхъ. Скоро я началъ питать еще болѣе лестныя надежды. Я вѣровалъ въ возможность—соединить славу императора Александра, которому я обязанъ былъ приверженностью и благодарностью, съ благомъ моей отчизны. Въ то время Польшѣ не на что было надѣяться, и Франція, повидимому, забыла о ней окончательно. Я

[1]) Письмо это напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1863 г., стр. 875—879, но не указано, къ кому оно было адресовано.

возымѣлъ мысль возстановить дѣло Польши помощью двора, который былъ ей наиболѣе враждебенъ. Я подалъ русскому императору мысль положить въ основу его политики возстановленіе Польши и для достиженія онаго воспользоваться общею войною, которая тогда возгорѣлась. Быть отдѣльнымъ королевствомъ подъ конституціоннымъ управленіемъ русскаго государя—вотъ счастливѣйшій жребій, на который въ то время могли мы разсчитывать.

«Послѣдствія не оправдали моихъ разсчетовъ. Европейскія дѣла все болѣе и болѣе запутывались; я предвидѣлъ, что два дѣла, двѣ обязанности, лежавшія у меня на сердцѣ, не только не могутъ быть ведены разомъ, но даже станутъ вполнѣ несогласимы между собою. Это заставило меня выдти изъ министерства, и не безъ труда получилъ я увольненіе. Съ той поры, оставаясь въ русской службѣ, которую не дозволяли мнѣ покинуть мое положеніе, связи и положительная воля императора, я поставилъ себѣ единственною цѣлью охранять дарованныя польскимъ областямъ льготы, защищать отдѣльныя лица противъ притѣсненій, которымъ они подвергались, и, въ случаѣ новаго оборота политическихъ событій, блюсти выгоды моей отчизны. Такую обязанность налагало на меня положеніе, въ которое меня поставила судьба. Между тѣмъ будущее скрывалось въ неизвѣстности, и, повидимому, чаянія Польши даже не находили себѣ мѣста въ обширныхъ замыслахъ, которыми были заняты сильные сего міра.

«Вы знаете, что въ послѣдніе четыре года я старался оставить Россію, но меня удерживали въ ней единственно мои личныя обязательства къ императору. Большую часть этого времени я проводилъ въ отпуску, среди моего семейства. Я просился въ отставку и не могъ получить ее; но получилъ дозволеніе жить въ чужихъ краяхъ, гдѣ я и оставался нарочно, дабы не принять участія, хотя бы и косвеннаго въ какой-либо мѣрѣ, противной выгодамъ и надеждамъ моей отчизны.

«Между тѣмъ императоръ Александръ попрежнему изъявлялъ мнѣ знаки довѣрія, милости, дружбы; долговременное отсутствіе мое не измѣнило его расположенія ко мнѣ; онъ могъ требовать, чтобъ я возвратился, и тѣмъ поставить меня въ самое тяжелое положеніе. Столь деликатная и столь рѣдкая во властителяхъ снисходительность естественно умножала во мнѣ чувства признательности.

«Теперь начинается новая сцена. Мечъ разрушенія виситъ надъ русскимъ императоромъ, и началомъ достопамятной борьбы этой служитъ возрожденіе Польши. Скажите же, достойный другъ мой, сообразно ли съ правилами чести (а ихъ нельзя преступать безнаказанно), сообразно ли съ законностью и самымъ необходимымъ приличіемъ, чтобы я одинъ изъ первыхъ возсталъ противъ государя, которому еще служу и который изъявилъ мнѣ столько знаковъ дружбы и деликатности? Я

подвергнусь позорнымъ затрудненіямъ, и, что̀ еще важнѣе, я запятнаю мой характеръ, доселѣ безупречный, неблагодарностью и безчестностью, а такого пятна не смоешь даже и побужденіями патріотизма, которыя могли бы оправдать мой поступокъ. Воинъ въ моемъ положеніи рѣшился ли бы сдѣлаться перебѣжчикомъ? Не слѣдуетъ ли ему напередъ испросить увольненія и тѣмъ развязать священныя обязательства чести, а не считать ихъ самому разорванными? Моя служба не налагаетъ ли на меня такого же долга, не говоря уже о моихъ личныхъ связяхъ и отношеніяхъ?

«Можетъ быть, я и ошибаюсь, но побужденія, меня руководящія, во всякомъ случаѣ не могутъ внушить недовѣрія и должны быть признаны честными. Я доказалъ мою безкорыстную и неизмѣнную приверженность къ моей землѣ и къ моему народу. Я не могу не почитать священнымъ то дѣло, за которое стоитъ мой братъ, вся моя родня, столько друзей, и отъ котораго зависитъ счастіе ихъ и моей отчизны. Какъ же мнѣ не мучиться, не имѣя возможности теперь же честно посвятить мою жизнь этому дѣлу? И мнѣ ли не чувствовать благодарность къ тому, кто даруетъ Польшѣ счастливое и блистательное существованіе? Никогда характеръ мой не былъ запятнанъ даже и тѣнью лукавства. Вѣдь не честолюбивое желаніе играть роль въ Россіи руководило моими поступками. Будь я способенъ жертвовать этому желанію священными обязанностями и выгодами, я бы не выѣхалъ изъ Петербурга.

«Если бы еще судьба моей родины была сомнительна, если бы для ея спасенія надлежало жертвовать самыми уважительными отношеніями, то я бы не колебался, или по крайней мѣрѣ оправдалъ бы себя и въ собственныхъ глазахъ и передъ моими судьями. Но кому не извѣстно, чѣмъ эта борьба кончится? Развѣ одни глупцы не видятъ, что всѣ возможныя вѣроятности обѣщаютъ побѣду генію побѣды. Напротивъ, всѣ несчастія должны обрушиться на Александра. Благородно ли, справедливо ли будетъ, чтобы въ этихъ насчастіяхъ душа его удручилась еще зрѣлищемъ неизвинительной неблагодарности со стороны человѣка, который ему столько обязанъ? Мое личное вліяніе въ эту минуту, конечно, не можетъ имѣть значенія для Польши; оно, конечно, не подѣйствуетъ на того, въ могущественныхъ и искусныхъ рукахъ котораго уже взвѣшены и рѣшены судьбы народовъ.

«И такъ, будучи убѣжденъ, что въ настоящую минуту не нуждаются во мнѣ, съ какой стати я покрою себя позоромъ и безчестіемъ? Вѣдь истинный патріотизмъ не разлученъ съ честью. Не скрываю отъ себя опасностей, которыя грозятъ мнѣ въ случаѣ, если поведеніе мое будетъ несправедливо истолковано. Но если я удалился отъ дѣлъ, чтобъ избѣжать двухсмысленнаго положенія и всякой возможности невольно вредить моей отчизнѣ; если мое естественное мѣсто было въ русскихъ пре-

дѣлахъ, неужели мнѣ причтутъ въ вину и будутъ меня наказывать за то, что, руководствуясь похвальнымъ побужденіемъ, я очутился близъ сцены дѣйствія. Съ другой стороны, забудь я въ эту минуту мои обязательства къ императору Александру, такой поступокъ немедленно отразится на моихъ соотечественникахъ, живущихъ въ Россіи, и по всему вѣроятію дастъ поводъ къ самымъ крутымъ мѣрамъ въ польскихъ провинціяхъ Россіи.

«Мы съ вами довольно давно знакомы, мой достойный другъ, и я увѣренъ, что вы меня понимаете. Но мнѣ этого мало; я прошу, чтобы вы объяснили мое теперешнее поведеніе и оправдали мои побужденія въ глазахъ тѣхъ изъ моихъ соотечественниковъ, которые вздумали бы заподозрить ихъ. Ссылаюсь на мои дѣйствія и на свидѣтельство поляковъ, которые слѣдили за ними въ теченіе прошедшихъ десяти лѣтъ.

«Довѣрчиво подчинюсь приговору самого императора Наполеона. Пусть онъ будетъ моимъ судьею. Онъ умѣетъ столь же искусно распутывать тонкія нити, которыми руководятся въ трудныхъ обстоятельствахъ частныя лица, какъ и разрѣшать многосложныя судьбы народовъ. Смѣю надѣяться, что какое бы ни внушили ему понятіе обо мнѣ, онъ воздастъ мнѣ справедливость въ томъ отношеніи, что теперь, какъ и прежде, отечество мое было и всегда будетъ первѣйшимъ предметомъ моихъ обѣтовъ, единственнымъ направителемъ моихъ дѣйствій. Простите, достойный другъ, что такъ долго говорю вамъ о себѣ и насилую ваше терпѣніе этимъ длиннымъ письмомъ».

Между тѣмъ въ Варшавѣ готовились къ созыву сейма, открытіе котораго должно было послѣдовать 10-го (22-го) іюня, но авторское тщеславіе де-Прадта задержало его открытіе на четыре дня, такъ что онъ могъ быть открытъ только 14-го (26-го) іюня, когда Наполеонъ уже вторгнулся въ предѣлы Россіи, и военныя дѣйствія начались.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо С. С. Уварова—М. М. Сперанскому объ административной ихъ дѣятельности.

1-го декабря 1819 г. С.-Петербургъ.

Съ душевнымъ удовольствіемъ получилъ я прекрасное письмо вашего превосходительства изъ Иркутска отъ 18-го сентября и пріятнымъ долгомъ поставляю воспользоваться отправленіемъ пекинской миссіи для доставленія вамъ нѣсколькихъ книгъ. Вы найдете между ими первые два тома новаго собранія Академическихъ путешествій. Къ описанію Камчатки будетъ принадлежать дополнительный томъ, содержащій любопытныя извѣстія, частію препровожденныя ко мнѣ отъ достойнаго Р и к о р д а. Первая часть путешествія Лепехина выходитъ изъ печати. Сверхъ того, найдете вы еще нѣсколько новостей, какъ-то: записки (здѣсь запрещенныя) аббата Жоржеля—о Россіи. Вообще литература бѣднѣетъ каждый день. Политика все поглощаетъ; всѣ умы устремлены къ предметамъ, входящимъ въ ея кругъ.

Какъ радостно для русскаго, любящаго свое отечество, чувство общей признательности къ вашимъ трудамъ и къ вашему усердію! Письмо ваше ко мнѣ содержитъ наилучшій обѣтъ для всѣхъ благомыслящихъ. Дай вамъ Богъ довольно твердаго духа и силъ тѣлесныхъ, чтобъ окончить великое дѣло, вами начатое! впрочемъ—in magnis tenasse sat est... Сія мысль утѣшаетъ и меня въ скромномъ, но многотрудномъ кругу моихъ обязанностей. Бороться со всѣмъ окружающимъ и даже съ самимъ собою есть девизъ человѣка на поприщѣ жизни гражданской и даже моральной. Конечно, борьба не всегда удачная, но для совѣсти своей всегда необходимая. Даже и отдыхать слаще послѣ бурной службы гражданской, отдыхать съ друзьями всѣхъ столѣтій, живыми и мертвыми, съ вами, Цицерономъ и Монтанями.

Позвольте мнѣ издалека сказать: macte animo! Sic itur ad astra! Говоря недавно о Сибири, случилось мнѣ сказать, что исторія Сибири дѣлится на двѣ только эпохи: 1-я отъ Ермака до Пестеля, 2-я—отъ Сперанскаго до XX...—Это моя мысль—и мое убѣжденіе.

Я смѣю ласкаться надеждою, что я, нѣкоторымъ образомъ, содѣйствую вамъ въ великомъ предпріятіи вашемъ: основаніе и распространеніе в о с т о ч н ы х ъ я з ы к о в ъ должно произвести и распространеніе здравыхъ понятій о б ъ А з і и в ъ е я о т н о ш е н і я х ъ к ъ Р о с с і и. Вотъ поприще огромное, еще не озаренное лучами разума,—новое поле славы неприкосновенной—источникъ новой, національной политики, долженствующей спасти насъ отъ дряхлости преждевременной и отъ европейской заразы.

Карамзинъ пишетъ, но не печатаетъ еще 9-й томъ Исторіи.

Примите увѣреніе душевной моей преданности и непоколебимаго почтенія.

Кишиневское сидѣнье.

(Изъ дневника Д. С. Нагловскаго) [1]).

26-го ноября. Изъ Петербурга я выѣхалъ 19-го ноября вмѣстѣ съ великимъ княземъ главнокомандующимъ. Съ поѣздомъ его высочества ѣхалъ весь полевой штабъ, канцелярія и кромѣ того много чиновъ другихъ отдѣловъ полеваго управленія арміи. Поѣздъ былъ громадный. Прощаніе съ Петербургомъ было очень торжественно: всѣ офицеры гвардіи и частей войскъ, квартировавшихъ въ Петербургѣ, въ парадной формѣ, собрались на станцію Московской желѣзной дороги. Громадныя массы народа толпились по Невскому проспекту, на площади, въ самомъ дебаркадерѣ и на платформѣ передъ поѣздомъ. Минутъ за 10 до пріѣзда его высочества, пріѣхали всѣ члены царской фамиліи, исключая, впрочемъ, государя. Главнокомандующій былъ встрѣченъ восторженными криками «ура!», которое съ Невскаго проспекта постепенно переходило сначала на площадь, потомъ въ залы дебаркадера и затѣмъ на платформу. Офицеры гвардейскаго корпуса поднесли его высочеству икону.

Ровно въ 2 часа по полудни поѣздъ тронулся. Почти по всей дорогѣ повторялось то же, что и въ Петербургѣ, только, конечно, въ мень-

---

[1]) При формированіи полеваго штаба дѣйствующей арміи полковникъ Дмитрій Станиславовичъ Нагловскій былъ назначенъ состоять для порученій при начальникѣ полеваго штаба генералъ-адъютантѣ Непокойчицкомъ. Близость его ко всѣмъ распоряженіямъ и блистательныя способности подавали надежду, что дневникъ, который онъ думалъ вести, будетъ драгоцѣннымъ вкладомъ въ исторію войны. Къ сожалѣнію, многочисленныя занятія въ штабѣ и затѣмъ открывшіяся военныя дѣйствія, въ которыхъ Нагловскій принималъ столь видное участіе, помѣшали веденію дневника. Редакція „Русской Старины“ помѣщаетъ на страницахъ журнала то немногое, что было написано Д. С. Нагловскимъ. Ред.

шихъ размѣрахъ. Всюду народъ спѣшилъ выразить свое сочувствіе и посмотрѣть на царскаго брата, отъѣзжающаго на столь великое дѣло. Въ особенности торжественъ былъ въѣздъ въ Троицко-Сергіевскую лавру, куда мы пріѣхали утромъ 20-го ноября. Отслуживъ молебенъ у раки св. Сергія и посѣтивъ могилу митрополита Филарета, великій князь, вмѣстѣ со всей своей свитой зашелъ къ намѣстнику лавры, архимандриту Антонію, который угостилъ насъ завтракомъ и роздалъ всѣмъ намъ по иконѣ св. Сергія. Изъ лавры мы вернулись въ Москву, гдѣ его высочество заѣхалъ приложиться къ иконѣ Иверской Богородицы и затѣмъ заѣхалъ въ соборы, въ Кремлѣ, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ. Въ часъ дня, послѣ завтрака у князя Долгорукова, его высочество прибылъ на станцію Курской желѣзной дороги, и мы отправились дальше. Вообще путешествіе уподоблялось торжественному шествію; всюду поднесеніе св. иконъ, хлѣба-соли, громогласное и восторженное «ура!».

Начиная отъ Курска, мы начали встрѣчать и обгонять поѣзды съ мобилизованными уже частями войскъ. Всѣ войска, попадавшіяся намъ по дорогѣ, производили въ высшей степени пріятное впечатлѣніе. Народъ прекрасный, видный, молодцеватый. Мобилизація окончилась вполнѣ удачно. Всѣ призывные явились очень скоро, лошади прибыли своевременно и недочета въ людяхъ и лошадяхъ нѣтъ никакого. Обозъ, хотя по конструкціи и тяжелъ, но въ полной исправности. Недостатокъ только въ офицерахъ и при томъ весьма значительный. Во многихъ полкахъ ротами командуютъ молодые офицеры, субалтернъ же офицеровъ во многихъ ротахъ совсѣмъ нѣтъ. Какъ примѣръ укажу на 14-ю пѣхотную дивизію, гдѣ не хватаетъ до комплекта по 20 офицеровъ въ каждомъ полку и при томъ большинство въ старшихъ чинахъ. Причина такого недостатка заключается главнымъ образомъ въ томъ, что было приказано назначить офицеровъ изъ дѣйствующихъ полковъ въ запасные баталіоны, въ крѣпостные полки, въ интендантскіе транспорты и другія вспомогательныя учрежденія и при томъ все въ высшихъ чинахъ.

Въ Кіевѣ пріемъ былъ блистательный. Рота, выставленная въ почетный караулъ, поразила насъ всѣхъ своимъ великолѣпнымъ внѣшнимъ видомъ—молодцы; аммуниція и пригонка ея—восхитительныя; мундиры прелестные.

Во все время пути офицеры генеральнаго штаба, назначенные въ полевой штабъ арміи, сидѣли въ отдѣльномъ вагонѣ. Время провели очень весело и дружно. Большинство уже давно были въ дружескихъ между собою отношеніяхъ, остальные скоро между собою сдружились. Говорили очень много о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Не зная ничего о планѣ кампаніи, мы сами сочиняли свой собственный планъ

дѣйствій. При этомъ пришли къ заключенію, что слѣдуетъ устроить переправу черезъ Дунай въ промежуткѣ между Рущукомъ и Видиномъ, и затѣмъ,—оставивъ всѣ турецкія крѣпости влѣво отъ насъ, слѣдовать на Габрово и на Шипку. Хотя при этомъ удлиняется операціонный путь, но за то не втягиваемся въ крѣпостную войну и не разбрасываемъ войска на обложенія крѣпостей и на оборону путей сообщенія. Цѣлью дѣйствія долженъ быть Константинополь. Но, впрочемъ, о планѣ кампаніи мы будемъ говорить впослѣдствіи, когда получимъ карты, которыхъ до сихъ поръ мы еще не имѣемъ. Удивительно, что до сихъ поръ насъ совсѣмъ не знакомили съ предстоящимъ театромъ военныхъ дѣйствій и даже не указали источники [1]). Печатанныхъ источниковъ почти нѣтъ, не печатанные же хранятся отъ насъ въ тайнѣ. Впрочемъ, у насъ все тайны: мы, офицеры генеральнаго штаба, ближайшіе помощники начальника штаба, находимся въ полномъ невѣдѣніи относительно всего, что творится, находимся въ полномъ бездѣйствіи, никакой работы. На сколько выиграетъ отъ этого дѣло, если и впредь дѣла будутъ идти въ такой же тайнѣ, какъ и теперь, неизвѣстно.

Во время дороги выказалось общее несочувствіе, скажу болѣе—непріязнь, къ помощнику начальника полеваго штаба генералъ-маіору Казиміру Васильевичу Левицкому, котораго, въ отличіе отъ другаго Левицкаго, подковника генеральнаго штаба, старшаго адъютанта по строевой части въ полевомъ штабѣ и всѣми весьма любимаго, положено называть «в о н о» [2]). Казиміра Васильевича, или какъ теперь мы его зовемъ «воно», давно уже знаютъ въ мірѣ генеральнаго штаба, а въ особенности въ Петербургскомъ военномъ округѣ. Сообразно своей натурѣ, онъ пріобрѣлъ любовь всего начальства и общую нелюбовь всѣхъ подчиненныхъ. Человѣкъ положительно способный и свѣдущій, онъ въ то же время былъ въ высшей степени суетливъ, разсѣянъ, безалаберенъ во всѣхъ дѣлахъ, нахаленъ съ подчиненными и низкопоклоненъ передъ высшими. Къ тому же онъ страшный эгоистъ, не цѣнитъ работу, никому не довѣряетъ, никогда не скажетъ, что именно онъ желаетъ, а потомъ распекаетъ, что не такъ исполнено, какъ онъ желалъ. Полное отсутствіе терпимости.

Въ короткое время своего начальствованія онъ уже имѣлъ нѣсколько столкновеній со своими подчиненными въ полевомъ штабѣ и во всѣхъ

---

[1]) Знакомство съ театромъ войны на Балканскомъ полуостровѣ тогдашніе молодые офицеры генеральнаго штаба получили только въ академіи генеральнаго штаба отъ талантливыхъ лекцій уважаемаго профессора военной статистики Н. Н. Обручева, подробно и увлекательно развивавшаго мысль о необходимости и возможности обхода турецкихъ крѣпостей, а также прямо указывавшаго на Шипку. Р е д.

[2]) Передѣланное: „онъ“, „оно“, „воно“.

столкновеніяхъ былъ не правъ. Вся его цѣль быть необходимымъ для начальства, поэтому онъ и держитъ всѣхъ въ полномъ невѣдѣніи и оттираетъ всѣхъ отъ начальства. Вообще всѣ чрезвычайно недовольны его назначеніемъ и жалѣютъ, что на это важное мѣсто не назначенъ генералъ-маіоръ Василій Николаевичъ Лавровъ, человѣкъ очень умный, знающій, опытный, спокойный, высоко честный, деликатный, трудолюбивый и вполнѣ самостоятельный. Впрочемъ, вѣроятно, часто придется возвращаться къ Казиміру, а потому на первый разъ довольно; добавлю только, что это человѣкъ деталей, не имѣющій широкаго взгляда.

Въ Кишиневъ мы пріѣхали 23-го ноября въ 6 часовъ утра. Громадная толпа народа ожидала великаго князя, который съ дебаркадера проѣхалъ прямо въ домъ Катарджи, отведенный для жительства его высочеству. Здѣсь былъ выставленъ почетный караулъ, при которомъ находился и начальникъ 14-й пѣхотной дивизіи, свиты его величества генералъ-маіоръ Драгомировъ, знаменитый нашъ военный писатель и педагогъ. Въ 11 часовъ утра было назначено молебствіе въ здѣшнемъ каѳедральномъ соборѣ. При входѣ въ церковь его высочество былъ привѣтствованъ Павломъ, епископомъ бессарабскимъ, который произнесъ замѣчательно хорошую рѣчь. Съ этихъ поръ началось наше кишиневское сидѣніе.

Я помѣстился на квартирѣ съ моимъ давнишнимъ пріятелемъ и товарищемъ по академіи генеральнаго штаба, состоящимъ при его высочествѣ главнокомандующемъ, полковникомъ генеральнаго штаба П. Д. Паренсовымъ. У насъ двѣ комнаты, очень порядочныя и теплыя—это большое удобство, тѣмъ болѣе, что близко отъ великаго князя и штаба. Около 12 часовъ дня, мы отправились къ полковнику генеральнаго штаба Жданову, завѣдующему топографическими работами въ Бессарабской области. Къ нему же вскорѣ пришелъ и генералъ Драгомировъ, живущій рядомъ съ нимъ. Всѣ мы очень любили и уважали Михаила Ивановича Драгомирова, а потому рѣчь была откровенная, задушевная. Вскорѣ онъ увидѣлъ нашу общую нелюбовь къ «воно» и, повидимому, согласился съ нашимъ мнѣніемъ о немъ. Между прочимъ, онъ напалъ на дислокацію арміи. Оказалось, что она составлена безъ всякаго соображенія какъ съ мирною дислокаціею, такъ и съ планомъ передвиженія войскъ. Вслѣдствіе этого произошло нѣсколько chassé-croisé. Кромѣ того, были важные пропуски; такъ, были пропущены всѣ дивизіонные интендантскіе транспорты. Наконецъ, многія части, раньше приходящія на свои квартиры, расположились ближе къ станціямъ выгрузки, а приходящія позже должны были проходить черезъ нихъ и располагаться дальше, вслѣдствіе чего произошло большое замедленіе въ расквартированіи войскъ. Такъ, черезъ расположеніе одной 14-ой дивизіи прошли четыре другія дивизіи 11-го и 12-го корпусовъ.

Вообще работа по составленію дислокаціи велась самымъ курьезнымъ образомъ. К. Левицкій созвалъ нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба, но не привлекъ ихъ къ общему обсужденію вопроса, а далъ каждому размѣстить по нѣсколько частей, опредѣливъ приблизительно раіоны. Такимъ образомъ, вся работа велась въ отдѣльныхъ клѣткахъ, какъ бы за перегородками, и при томъ К. Л. потребовалъ окончить работу въ одинъ день, вслѣдствіе чего неизбѣжно вкрались крупныя ошибки, вызвавшія общій ропотъ въ арміи. Какъ бы то ни было, но войска размѣщаются и по всей вѣроятности, въ концѣ концовъ, размѣстятся порядочно, благодаря тому, что у насъ много еще времени впереди. Французское правило: dépêrouillez-vous у насъ въ полномъ ходу; и спасибо туркамъ, давшимъ намъ два мѣсяца. Къ концу перемирія, такъ или иначе, мы разберемся и приведемъ все въ порядокъ.

Жизнь наша въ Кишиневѣ идетъ довольно однообразно. Каждый день, около часу дня, мы собираемся въ офицерскомъ клубѣ, затѣмъ часто собираются у насъ и ведутся неважныя товарищескія бесѣды. Въ 6-ть часовъ вечера большинство изъ насъ собираются у великаго князя обѣдать. Число лицъ, постоянно приглашенныхъ къ обѣду, доходитъ до 34; кромѣ того приглашаются и другія лица. Послѣ обѣда, я, Артамоновъ (полковникъ генер. шт.), Левицкій (Николай Васильевичъ, тоже полк. ген. шт.) и адъютантъ великаго князя Бибиковъ, собираемся въ комнатѣ великаго князя и играемъ въ шахматы, до которыхъ его высочество большой охотникъ. Играемъ четверную партію.

По-прежнему остаемся въ полномъ невѣдѣніи, что̀ дѣлается вокругъ насъ, попрежнему шибко достается К. Левицкому.

Особенно затруднительно положеніе начальника надъ вожатыми полковника генеральнаго штаба Артамонова. Онъ долженъ собирать свѣдѣнія о непріятелѣ, но до сихъ поръ, благодаря безалаберности «Воно», добытыя свѣдѣнія весьма бѣдны, а главное, не выработано никакой системы въ собираніи этихъ свѣдѣній; все, что̀ до сихъ поръ мы знаемъ о непріятелѣ, добыто разными случайностями и урывками. Артамонову не хотятъ дать свободы въ дѣйствіяхъ и скупятся въ деньгахъ.

Великій князь почти ежедневно дѣлаетъ смотры разнымъ, проходящимъ частямъ войскъ. Общій видъ ихъ очень хорошъ; но обозы весьма тяжелы. Вслѣдствіе ужасной грязи и отвратительнаго состоянія путей сообщенія, обозы часто останавливаются и отстаютъ отъ войскъ.

29-го ноября. Третьяго дня вечеромъ, пріѣхалъ изъ Бухареста старшій совѣтникъ нашего посольства въ Константинополѣ Нелидовъ и полковникъ генеральнаго штаба князь Кантакузенъ. Они были посланы въ Бухарестъ, чтобы заключить съ Румыніей военную конвенцію. Послѣ разныхъ колебаній и сомнѣній, имъ удалось, наконецъ,

устроить это дѣло. Но, къ сожалѣнію, конвенція далеко не такъ благопріятна для насъ, какъ того мы ожидали. Румыны согласились только пропустить нашу армію черезъ ихъ территорію, но не отдаютъ свою армію въ наше распоряженіе. Хотя ихъ армія и дурная и немногочисленная, тѣмъ не менѣе значительно облегчила бы наши операціи по охраненію тыла и по исполненію разныхъ второстепенныхъ цѣлей. Жаль, что исходъ не таковъ, какъ мы ожидали. Впрочемъ, мы надѣемся еще, что впослѣдствіи они вполнѣ примкнутъ къ намъ.

Для заготовленія сухарей въ прошлую кампанію было построено въ Кишеневѣ много печей. Въ то время, при дурномъ состояніи путей сообщенія, другаго рѣшенія этого вопроса быть не могло. Теперь же, при существованіи желѣзныхъ дорогъ, слѣдовало бы сдѣлать распоряженіе о заготовкѣ сухарей во внутреннихъ губерніяхъ Россіи и затѣмъ доставить ихъ къ арміи. При этомъ распоряженіи, количество сухарей, потребное для арміи, было бы приготовлено скорѣе и значительно дешевле. Между тѣмъ путь снабженія арміи сухарями избранъ такой же, какъ и въ прошедшую кампанію. Велѣно построить въ Кишиневѣ около 300 печей и тутъ же заняться хлѣбопеченіемъ и перепеченіемъ хлѣба въ сухари. Первымъ результатомъ этого распоряженія была совершенно напрасная трата денегъ на постройку большаго количества печей, на покупку муки, по значительно возвысившимся цѣнамъ и на покупку большаго количества дровъ, которыя здѣсь очень дороги. Вторымъ результатомъ—значительная трата времени. Такъ къ 24-му октября всѣ печи должны были быть уже готовы, между тѣмъ, на дѣлѣ, ихъ было готово только 30; къ 16-му ноября разсчитывали на 30 тыс. четвертей готовыхъ сухарей, а между тѣмъ, на дѣлѣ, успѣли заготовить только 3 тыс. Интересно, какъ пойдетъ дальше это дѣло и не будетъ ли остановки въ снабженіи арміи сухарями.

Второе дурное распоряженіе—это заготовленіе обоза. Вся тяжесть пала на Бессарабскую область, съ которой взято около 1.500 повозокъ, съ Херсонской губерніи только 130. Слѣдовало бы сдѣлать наоборотъ: не трогая Бессарабію, какъ ближайшую къ театру военныхъ дѣйствій губернію, обратиться къ Херсонской и Екатеринославской губерніямъ. Такимъ образомъ Бессарабія была бы въ резервѣ, который можно было бы тронуть впослѣдствіи, когда начнется движеніе войскъ, послѣ объявленія кампаніи. Теперь Бессарабія оголена, что̀ надо считать большою ошибкою.

Вообще говоря, перевозка войскъ по желѣзнымъ дорогамъ, сверхъ всякаго ожиданія, идетъ довольно благополучно. Только послѣднее время, вслѣдствіе бури, свирѣпствовавшей 25-го и 26-го ноября, по линіи Кіево-Одесской желѣзной дороги, повалившей во многихъ мѣстахъ теле-

графные столбы и такимъ образомъ прекратившей телеграфное сообщеніе, отправка поѣздовъ не могла идти правильно, а потому произошло временное замедленіе въ движеніи и скопленіе поѣздовъ на многихъ станціяхъ. Тѣмъ не менѣе съ отправкою войскъ произошло нѣсколько курьезныхъ случаевъ. Такъ Чугуевскій полкъ Рейсига [1]), квартировавшій возлѣ одной изъ станцій Кіево-Брестской желѣзной дороги, вдругъ получаетъ приказаніе, въ 12 часовъ ночи отправиться на слѣдующую станцію, за 45 верстъ, гдѣ на другой день, въ 10 часовъ утра, сѣсть на желѣзную дорогу. Такъ какъ всего оставалось 10 часовъ до посадки, то всѣ засуетились, поднялись, уложились по тревогѣ и на усиленныхъ аллюрахъ отправились на указанную станцію.

Между тѣмъ видя, что тутъ есть какое-то недоразумѣніе, Рейсигъ отправилъ депеши съ вопросами, не произошла ли какая-нибудь ошибка. Въ 6 часовъ утра онъ получаетъ отвѣтъ, что депеша послана ему по ошибкѣ и что онъ долженъ садиться въ вагоны на той станціи, около которой стоитъ и что посадка должна быть на другой день въ 2 часа дня. Тотчасъ были посланы курьеры возвращать эскадроны назадъ. Догнали, вернули. Оказалось, что многіе эскадроны уже дошли до слѣдующей станціи. Дѣлать нечего, возвращаются назадъ. Такимъ образомъ, эскадроны сдѣлали безъ всякой цѣли 90 верстъ, въ одинъ день, вслѣдствіе ошибки завѣдующаго передвиженіемъ войскъ. Но подобные случаи составляютъ исключеніе. Вообще же перевозка идетъ благополучно. На всѣхъ станціяхъ, гдѣ положена остановка, войска находятъ горячую пищу и чай. Всѣхъ поѣздовъ отправляется въ сутки до 13.

1-го декабря. Вчера вечеромъ мы были у архіерея. Генералъ Радецкій, Драгомировъ, Коссичъ и Петрушевскій (все бывшіе офицеры генеральнаго штаба), а также всѣ находящіеся въ полевомъ штабѣ офицеры генеральнаго штаба собрались у него. Такъ какъ архіерей человѣкъ очень умный и весьма хорошій, то вечеръ провели очень пріятно. Разговоры велись, по большей части, на военныя темы; «воно» доставалось весьма сильно. У него на-дняхъ было столкновеніе съ генераломъ Каталеемъ. Каталей назначенъ начальникомъ военныхъ сообщеній и всѣхъ войскъ, находящихся въ тылу арміи. У него власть по положенію очень большая. Это человѣкъ очень умный, толковый, знающій, весьма добросовѣстный и аккуратный. Находясь до сихъ поръ въ полномъ невѣдѣніи относительно всего, что дѣлается и предполагается дѣлать, онъ пожелалъ получить кое-какія необходимыя разъясненія въ штабѣ, чтобы сообразно этому могъ сдѣлать необходимыя распоряженія. Но такъ какъ въ штабѣ тоже никто ничего не знаетъ, то онъ и обратился за разъясненіемъ къ К. Левицкому. Онъ принялъ

[1]) Командиръ Чугуевскаго уланскаго полка.

его,—во-первыхъ, стоя, не смотря на то, что Каталей, по своему чину генералъ-лейтенанта, старше его. Во-вторыхъ, отказался дать какія-либо разъясненія, сказавъ только, что дѣло Каталея исполнять, а дѣло его приказывать и что въ свое время онъ получитъ приказаніе. При этомъ Левицкій добавилъ, что онъ отвѣчаетъ за правильность приказаній, а Каталей за правильность исполненія. Такимъ образомъ дѣло нисколько не подвинулось впередъ, а только возбудилось неудовольствіе, такъ какъ Каталей остался очень недовольнымъ всѣмъ пріемомъ и отказомъ что-либо сообщить въ частности. Вообще К. Л. во всѣхъ своихъ сношеніяхъ ставитъ себя въ положеніе школьнаго учителя, а лицо, съ которымъ онъ говоритъ, въ положеніе ученика.

Занятія мелочами и вопросами второстепенными начинаютъ тяготить самого Казиміра Васильевича. Вчера былъ такой случай. Полковникъ генеральнаго штаба Бобриковъ, передъ обѣдомъ у великаго князя, говорилъ съ адъютантомъ его высочества полковникомъ Скалономъ. Скалонъ сказалъ, что онъ хорошо не понимаетъ, что творится въ штабѣ; Бобриковъ замѣтилъ, что пока еще до важныхъ дѣлъ никто не касается, а занимаются только второстепенными мелочами. Во время этого разговора подошелъ къ нимъ Казиміръ Васильевичъ и началъ жаловаться на то, что онъ заваленъ работою, а между тѣмъ еще не коснулся до самыхъ важныхъ вопросовъ.

— Вы, мнѣ кажется,—замѣтилъ Бобриковъ,—занимаетесь мелочами.

— Нѣтъ это не мелочи,—отвѣчалъ онъ.

— Стало быть, вы разрабатываете вопросы, которые прямо касаются самой сути, и тѣмъ подготовляете рѣшеніе важныхъ вопросовъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что то, чѣмъ я теперь занимаюсь, не подготовляетъ рѣшенія важныхъ вопросовъ.

— Въ такомъ случаѣ, я не понимаю, чѣмъ вы заняты.

— Текущей перепиской,—отвѣчалъ Левицкій.

А такъ какъ текущая переписка не уменьшается, а съ каждымъ днемъ все увеличивается и увеличивается, то когда же онъ займется болѣе важными вопросами?

Вчера Николай Левицкій разсказалъ пресмѣшную исторію съ К. Л. Надо замѣтить, что уже два дня, какъ въ нашей шахматной игрѣ началъ принимать участіе и самъ Непокойчицкій. Вчера послѣ игры Николай Левицкій зашелъ къ Казиміру Левицкому, который спросилъ его, что мы дѣлаемъ по вечерамъ у великаго князя? Левицкій отвѣтилъ ему и прибавилъ, что иногда и самъ главнокомандующій принимаетъ участіе въ игрѣ.

— Какъ! и самъ великій князь играетъ?—спросилъ К. Л.

— Да играетъ, а послѣднее время сталъ играть и Непокойчицкій.

— Какъ! Непокойчицкій тоже играетъ?

— Да играетъ.

— А что, скажите, пожалуйста, это трудная игра вчетверомъ?

— Да не легкая,—отвѣчалъ Николай Левицкій.

— Хотя я играю двойную партію, но могу ли играть четверную?

— Да, если немного подучитесь,—можете играть.

Такимъ образомъ, вѣроятно, Казиміру Левицкому предстоитъ новая работа—изученіе четверной партіи въ шахматы.

14-го декабря. Давно не писалъ я свой дневникъ, потому что все это время у меня было много работы. Во-первыхъ, мнѣ поручили составленіе еженедѣльныхъ рапортовъ, посылаемыхъ великимъ княземъ государю; а во-вторыхъ, я и Николай Левицкій были призваны составить соображенія по движенію арміи къ Дунаю. Объ эти работы очень интересны, но поглотили все мое время. Но прежде, чѣмъ я скажу о нихъ, припомню разныя другія обстоятельства въ нашей жизни, которыя современемъ исчезнутъ изъ памяти.

Мой сожитель и товарищъ Петръ Дмитріевичъ Паренсовъ получилъ командировку въ Журжу. Цѣль командировки собрать свѣдѣнія возможно полныя о турецкихъ силахъ, расположенныхъ въ Болгаріи, и если окажется возможнымъ, съѣздить въ Рущукъ, Варну и Шумлу. Онъ поѣхалъ инкогнито, въ штатскомъ платьѣ, а для лучшаго соблюденія инкогнито, поѣхалъ черезъ Кіевъ, Варшаву и Вѣну, такъ какъ, по слухамъ, Унгени (станція желѣзной дороги на границѣ съ Молдавіей), а также и Яссы наполнены турецкими и австрійскими шпіонами, слѣдящими за всѣми лицами, ѣдущими изъ Россіи. Въ Варшавѣ Паренсовъ долженъ себѣ сдѣлать штатское платье, взять заграничный паспортъ. Въ Рущукѣ онъ долженъ потребовать содѣйствія нашего консула Кожевникова. Впрочемъ ему совѣтовали больше пользоваться содѣйствіемъ его помощника (или секретаря, навѣрное не знаю) Карвониди [1]), человѣка въ высшей степени рѣшительнаго, ловкаго, хитраго и имѣющаго большія связи и знакомства между турками. Самъ же Кожевниковъ, по общему отзыву, нерѣшительный и весьма трусливый, хотя и умный; Карвониди же, напротивъ, весьма отваженъ, и его турки трусятъ.

Для исполненія своей командировки, Паренсовъ получилъ 3 т. руб. сер., да на свои собственные расходы 1 т. руб. сер. Всѣ говорятъ, что этихъ денегъ мало; вмѣсто 3 т. рублей слѣдовало бы, по меньшей мѣрѣ, дать 5 т. руб., а еще лучше 10 т. Тогда можно было бы завестись надежными лазутчиками и получить желаемыя свѣдѣнія. Вообще

[1]) Драгоманъ консульства.

часть шпіонская у насъ устроена очень дурно; жалѣютъ денегъ и дѣйствуютъ безъ всякаго опредѣленнаго плана. Поэтому свѣдѣнія о туркахъ у насъ весьма бѣдны. На Дунаѣ, кромѣ консуловъ, у насъ занимаются собираніемъ свѣдѣній еще два моряка: Рогуля и Новосельскій. Не знаю, скоро ли вернется назадъ Паренсовъ; боюсь, что до открытія военныхъ дѣйствій онъ не вернется. Еще боюсь весьма сильно, чтобы онъ не попался туркамъ и чтобы онине учинили съ нимъ какой-либо непріятности.

Дней 10 тому назадъ пріѣхалъ въ Кишиневъ Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ. На него, послѣднее время, сыплется столько нападокъ, что, право, становится и жалко и досадно за него. Человѣкъ съ прекраснымъ боевымъ прошедшимъ, съ твердыми убѣжденіями, въ высшей степени храбрый и рѣшительный, до мозга костей пропитанный славянской идеей, въ высшей степени честный, настойчивый и теперь долженъ нести на своихъ плечахъ всю отвѣтственность за неудачу сербовъ. Вся же вина его состоитъ въ томъ, что подъ его начальствомъ были войска не дисциплинированныя, плохо обученныя, безъ офицеровъ безъ прочной военной организаціи и совсѣмъ не желавшія драться. И кто же осуждаетъ его: люди, никогда не бывавшіе въ бою, изучавшіе войну только теоретически, никогда не находившіеся въ трудныхъ обстановкахъ. Между прочимъ на него сильно нападаетъ К. Левицкій. Онъ его винитъ въ томъ, что онъ не съумѣлъ организовать хорошей боевой арміи, завести порядокъ и дисциплину и справиться съ добровольцами. Но легкое ли это дѣло? Я думаю, что если Черняевъ не успѣлъ достигнуть всего этого, то Левицкій не достигъ бы и подавно, потому что между нимъ и Черняевымъ такая же разница, какъ между небомъ и землею. Черняевъ, всѣхъ, съ кѣмъ ему приводилось дѣйствовать, всегда къ себѣ привязывалъ, а Левицкій, напротивъ того,—отталкивалъ. На войнѣ нравственный элементъ есть элементъ рѣшающій и если начальникъ нелюбимъ, то дѣло не пойдетъ на ладъ. Затѣмъ Черняевъ доказалъ уже много разъ свою храбрость, что же касается до Левицкаго, то мы еще посмотримъ. Черняевъ человѣкъ спокойный, Левицкій же въ высшей степени суетливъ. Одно, въ чемъ я виню Черняева, это въ томъ, что онъ окружилъ себя бездарностію. Но какъ бы то ни было, а на Черняева отовсюду сыплются нападки. Мнѣ было чрезвычайно интересно съ нимъ познакомиться. Онъ поразилъ меня своею скромностію и очень умнымъ, проницательнымъ выраженіемъ глазъ.

18-го декабря. Сегодня, часовъ около 10-ти утра, пришелъ ко мнѣ писарь и передалъ, что К. Левицкій зоветъ меня. Пріѣдя къ нему, я узналъ, что сегодня утромъ получена депеша отъ канцлера, увѣдомляющая, что перемиріе отложено до 17-го февраля 1877 года. Вѣсть эта весьма быстро распространилась по городу. Всѣ пріуныли, всѣ были

поражены этимъ извѣстіемъ. Неужели опять на два мѣсяца мы осуждены на бездѣйствіе? Время проходитъ, турки сосредоточиваютъ свои силы и укрѣпляютъ берега Дуная. Переправа черезъ Дунай, операція и безъ того чрезвычайно трудная, къ концу перемирія сдѣлается еще труднѣе. Ко дню нашего прихода на Дунай онъ будетъ въ разливѣ, и намъ, легко можетъ быть, придется ждать, когда онъ вернется въ свои естественные берега, т. е. второй половины іюня. Кромѣ того, проволочка времени намъ будетъ стоить очень дорого. Богъ знаетъ еще, какъ къ тому времени сложатся наши дипломатическія дѣла; быть можетъ, Австрія тоже будетъ втянута въ войну. Начиная войну въ концѣ февраля, намъ придется совершать передвиженіе арміи въ самую сильную распутицу: сколько падетъ даромъ жертвъ труднаго марша, по самымъ скернымъ дорогамъ. Не начиная войны теперь же, мы пропускаемъ самое благопріятное для насъ время: быть можетъ, мы успѣли бы еще перейти Дунай по льду. Словомъ сказать, вѣсть о продленіи перемирія въ высшей степени непріятна. Но еще хуже, если все это кончится миромъ. Къ чему же тогда всѣ эти громадные расходы?

Вечеромъ видѣлся съ интендантомъ арміи, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Аренсомъ. Ему уже передали выработанный мною и Николаемъ Левицкимъ планъ движенія арміи къ Бухаресту съ тѣмъ, чтобы онъ сдѣлалъ свои соображенія о продовольствіи арміи во время марша. Полковникъ генеральнаго штаба Раабенъ, состоящій при интендантѣ, уже разработалъ планъ продовольствія, но еще не довелъ его до конца, а потому и весь планъ еще не утвержденъ. Работа эта очень трудна и исполнена прекрасно. Но дѣло въ томъ, что Аренсъ находится въ крайнемъ затрудненіи, какъ привести въ исполненіе этотъ планъ. Конвенція съ Румыніей очень не полна, а къ тому же еще не ратификована. Надо сдѣлать большія закупки, подвезти провіантъ къ извѣстнымъ пунктамъ, устроить тамъ склады и хлѣбопекарныя печи. А какъ дѣлать все это въ чужой странѣ безъ конвенціи? Съ этой точки зрѣнія, оторочка начала движенія очень намъ благопріятна. Если бы мы должны были теперь же начать кампанію, то продовольствіе арміи, во время движенія по Румыніи, было бы совсѣмъ не обезпечено. Аренсъ сообщилъ, что онъ получилъ на-дняхъ письмо отъ двухъ очень богатыхъ болгарскихъ купцовъ, проживающихъ въ Бухарестѣ и ведущихъ тамъ большія хлѣбныя операціи, увѣдомляющихъ, что они жертвуютъ на нужды арміи провіанта: одинъ на 80 т., а другой на 50 т. франковъ.

— Вотъ пока всѣ мои продовольственныя средства въ Румыніи,— прибавилъ Аренсъ.

Я предложилъ воспользоваться этими купцами и, сдѣлавши на ихъ имя переводъ, черезъ банкирскія конторы, извѣстной суммы денегъ,

поручить имъ сдѣлать закупку провіанта въ различныхъ пунктахъ Молдавіи и Валахіи. Кромѣ того, обратиться къ нашимъ одесскимъ купцамъ, ведущимъ торговыя дѣла съ Румыніей, и сдѣлать имъ тоже заказы на поставку провіанта въ различные пункты. Такъ какъ съ Румыніей мы находимся въ мирѣ, то никто не можетъ помѣшать нашимъ купцамъ вести тамъ хлѣбныя дѣла. Имѣя такимъ образомъ запасы провіанта и фуража въ различныхъ пунктахъ, придется только устроить хлѣбопекарныя печи, чего, конечно, сдѣлать безъ конвенціи нельзя будетъ. Но все-таки вся операція по продовольствію арміи, во время марша, уже значительно облегчится. Не знаю, будетъ ли принято это предложеніе. Очень можетъ быть, что, вслѣдствіе неопредѣленности положенія и неувѣренности въ исходѣ переговоровъ, не рискнутъ приступить къ большимъ затратамъ, за которыя, въ случаѣ, если войны вовсе не будетъ, придется, пожалуй, еще отвѣчать передъ министромъ.

Вотъ уже около двухъ недѣль, какъ вся армія находится подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ болѣзни нашего главнокомандующаго. Великій князь захворалъ 7-го декабря вечеромъ. Вскорѣ болѣзнь приняла угрожающій характеръ, и мы нѣсколько дней были въ тяжеломъ ожиданіи грустнаго исхода болѣзни. Въ началѣ доктора думали, что у его высочества заворотъ кишекъ—болѣзнь неизлѣчимая. Былъ выписанъ нашъ знаменитый медикъ Пироговъ, а дня три тому назадъ пріѣхалъ Боткинъ изъ Петербурга. Трудно описать то безпокойство, которое овладѣло всѣми въ виду тяжелой болѣзни любимаго начальника. Безпокойство дошло почти до паники. Всѣ съ грустію смотрѣли на разостланную возлѣ дома солому и на барьеры, воспрещающіе ѣзду возлѣ дома больнаго главнокомандующаго. При встрѣчѣ другъ съ другомъ первый вопросъ: какъ здоровье великаго князя? Но благодаря Бога, уже нѣсколько дней, какъ болѣзнь приняла благопріятный результатъ: больному теперь гораздо лучше; доктора говорятъ, что онъ внѣ опасности; но тѣмъ не менѣе онъ очень слабъ и какъ, кажется, раньше двухъ недѣль не выйдетъ изъ комнаты. Съ этой точки отсрочка кампаніи тоже весьма пріятна.

Всю прошлую недѣлю у насъ стояли довольно сильные морозы, доходившіе до 15°. Снѣгу выпало довольно много, и безобразный Кишиневъ принялъ благообразный видъ. Нѣтъ ни грязи, ни ужасной гололедицы, отъ которой мы очень много перенесли разныхъ непріятностей. Но теперь дня два какъ морозы прекратились и днемъ немного таетъ, а по ночамъ морозъ доходитъ градусовъ до 4, 5.

19-го декабря. На-дняхъ я говорилъ съ однимъ генераломъ, командиромъ корпуса, о генералѣ Черняевѣ. Онъ нападалъ на него, я его защищалъ. Сущность нападокъ состояла въ слѣдующемъ: Черняевъ не съумѣлъ организовать своей арміи, не съумѣлъ довести дисциплину до

должной высоты, не съумѣлъ обуздать буйства нашимъ добровольцевъ, не съумѣлъ выбрать хорошихъ помощниковъ, наконецъ, подбивши Сербію къ войнѣ съ турками, онъ вовлекалъ и насъ въ войну, а между тѣмъ, не зная положенія политическихъ дѣлъ, онъ рисковалъ втянуть насъ въ крайне трудную для насъ европейскую войну, на что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права. Я же утверждалъ, что теперь еще не время судить о Черняевѣ, надо подождать нѣсколько лѣтъ, чтобы произнести окончательное о немъ сужденіе; теперь же мы видимъ голый фактъ: онъ держался съ неустроенною арміею противъ гораздо сильнѣйшаго непріятеля въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ и держался исключительно благодаря своимъ личнымъ качествамъ.

Въ городѣ начинаютъ ходить слухи о грабежахъ и воровствѣ, будто бы совершаемыхъ войсками. Насколько это справедливо, пока сказать еще очень трудно. Никакихъ дѣлъ по этому поводу до сихъ поръ не возникало. Очень можетъ быть, что это и правда, потому что при такомъ громадномъ скопленіи войска могутъ найтись и мерзавцы. Во всякомъ случаѣ, слухи эти весьма прискорбны.

21-го декабря. Вчера я узналъ, что получено оффиціальное сообщеніе отъ военнаго министра, что отсрочка перемирія касается только Сербіи, Черногоріи и Босніи. До насъ же это перемиріе нисколько не касается, и Россія ничуть не связана имъ; такъ что мы можемъ начать военныя дѣйствія во всякое данное время. Военный министръ увѣдомляетъ въ депешѣ, что наши дѣйствія будутъ зависѣть исключительно отъ хода константинопольскихъ конференцій. Слѣдовательно, легко можетъ быть, что очень скоро мы перейдемъ границу, и слава Богу! Но я думаю, что, во всякомъ случаѣ, мы уже опоздали къ зимней кампаніи. Если даже мы перейдемъ границу около 1-го января, то все-таки придемъ къ Дунаю только въ послѣднихъ числахъ февраля. Затѣмъ надо будетъ дать отдыхъ войскамъ около недѣли. Слѣдовательно, операцію переправы черезъ Дунай мы никакъ не можемъ начать раньше конца февраля, или начала марта; а тогда едва-ли будетъ ледъ. Богъ знаетъ, будетъ ли еще ледъ на Дунаѣ въ нынѣшнемъ году.

Наше великое кишиневское сидѣніе скоро будетъ оживлено пріѣздомъ изъ Одессы французской труппы, которая намѣрена дать нѣсколько представленій. Такимъ образомъ у насъ будетъ свой буффъ.

Вчера уѣхалъ Боткинъ; немного скоро, но за то фактъ вполнѣ успокоительный: значитъ, нашъ главнокомандующій на пути выздоровленія.

22-го декабря. Сегодня уѣхалъ Пироговъ, еще новый признакъ вполнѣ удовлетворительнаго состоянія здоровья великаго князя. Онъ уже началъ понемногу вставать, но еще слабъ.

Сегодня скончался въ Кишиневѣ Санъ-Мартини, итальянецъ, по-

бочный братъ италіанскаго короля Виктора-Эммануила. Онъ умеръ отъ воспаленія легкихъ. Онъ пріѣхалъ въ Кишиневъ около 1-го декабря и поступилъ на нашу службу подполковникомъ, былъ зачисленъ по кавалеріи и состоялъ въ распоряженіи великаго князя.

23-го декабря. Сегодня, ровно мѣсяцъ тому назадъ, началось наше кишиневское сидѣнье. Жизнь наша очень однообразна, но нельзя сказать, чтобы мы уже очень скучали. Главною причиною нашей скуки — это незнаніе того, что творится въ арміи, какіе виды и предположенія нашего начальства, какъ идутъ дипломатическіе переговоры. Съ тѣхъ поръ какъ я посвященъ во многія тайны, я почти не скучаю, только грущу, когда вспоминаю о Питерѣ и о многихъ лицахъ, къ которымъ я особенно привязанъ. Я вообще очень скоро привыкаю къ однообразію въ жизни, и оно меня не тяготитъ.

Пора поговорить о предположеніи по движенію арміи впередъ. Но прежде всего долженъ я сказать, что средства румынскихъ желѣзныхъ дорогъ крайне слабы. Вначалѣ мы предполагали и имѣли даже свѣдѣнія, что будемъ имѣть въ своемъ распоряженіи до 8 поѣздовъ въ день и сообразно этому думали пустить бо́льшую часть пѣхоты по желѣзнымъ дорогамъ и только одинъ корпусъ и всю кавалерію по обыкновеннымъ дорогамъ. Но когда были получены болѣе подробныя и вѣрныя свѣдѣнія о дорогахъ, то оказалось, что подвижной составъ румынскихъ дорогъ такъ слабъ, что изъ Яссъ могутъ отправляться только по 4 поѣзда въ день, изъ Бырлада по 6 и изъ Галаца по 8 поѣздовъ въ день. Эти свѣдѣнія чрезвычайно насъ сконфузили, и было рѣшено отправить обыкновенными дорогами: всю кавалерію, 8-й и 12-й корпуса, 11-ю пѣх. дивизію и стрѣлковую бригаду, т. е. бо́льшую часть арміи. По желѣзной же дорогѣ только 9-й корпусъ, 32-ю пѣх. дивизію, понтонные, телеграфные и осадные парки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ приняты мѣры къ усиленію подвижнаго состава румынскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ видахъ этого, великій князь просилъ военнаго министра о перевозкѣ изъ завислянскихъ желѣзныхъ дорогъ 50 локомотивовъ, 350 платформъ и вагоновъ, или въ собранномъ видѣ черезъ Галицію, или въ разобранномъ, въ видѣ груза, черезъ наши дороги. Надо замѣтить, что колея румынскихъ дорогъ у́же нашей колеи, поэтому нашъ подвижной составъ не можетъ слѣдовать по ихнимъ дорогамъ. Колея же завислянскихъ дорогъ одинакова. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предполагая, что нельзя будетъ привести въ исполненіе своевременно это предположеніе, великій князь послалъ въ Вѣну особое лицо для того, чтобы законтрактовать въ частныхъ австрійскихъ компаніяхъ нужное число подвижнаго состава.

Сегодня опять день тревожный какъ послѣдній день конференціи. Если она будетъ неудачна, то легко можетъ быть, что на-дняхъ послѣдуетъ разрывъ. Въ воздухѣ опять запахло войной. Начинаютъ разсы-

лать офицеровъ въ различныя части для развозки приказаній и маршрутовъ движенія впередъ. Такъ, сегодня отправляютъ полковника генеральнаго штаба Золотарева въ Н. Каушаны, въ 11-й корпусъ, для отвозки приказаній маршрутовъ и инструкцій.

Сегодня рѣшено назначить начальникомъ сводной Кавказской казачьей дивизіи генералъ-лейтенанта Скобелева, начальникомъ штаба этой дивизіи полковника Паренсова, а старшимъ адъютантомъ штабъ-ротмистра Кирасирскаго ея величества полка Лукашева; а за отсутствіемъ Паренсова будетъ исправлять его должность капитанъ Сахаровъ.

Сегодня былъ у меня съ визитомъ поручикъ л.-гв. уланскаго его величества полка Крестовскій, который вчера пріѣхалъ въ Кишиневъ. Онъ назначенъ состоять при арміи въ качествѣ оффиціальнаго корреспондента «Правительственнаго Вѣстника». Частныхъ корреспондентовъ имѣть при арміи запрещено, и со всѣхъ насъ взято слово ничего и никому не писать о томъ, что дѣлается въ арміи. Такъ что все, что Россія будетъ знать объ арміи, будетъ исходить изъ-подъ пера Крестовскаго. Этотъ человѣкъ обладаетъ довольно большимъ талантомъ и весьма хорошимъ перомъ...

24-го декабря. Вчера Тутомлинъ сообщилъ мнѣ, что на-дняхъ было получено письмо отъ полковника Паренсова изъ Вѣны и что великій князь остался чрезвычайно доволенъ этимъ письмомъ, находя Паренсова очень умнымъ и находчивымъ. Въ этомъ письмѣ Паренсовъ, между прочимъ описывалъ свой разговоръ съ нашимъ посланникомъ въ Вѣнѣ Новиковымъ. Имѣя порученіе отъ великаго князя узнать взгляды австрійскаго правительства о предстоящей войнѣ, онъ прямо спросилъ Новикова, каковы эти взгляды. Новиковъ отвѣтилъ, что онъ никакъ не можетъ сообщить о нихъ, потому что это государственная тайна, о которой онъ сообщилъ только государю. Не смотря на то, что Паренсовъ говорилъ ему, что это необходимо знать великому князю главнокомандующему, Новиковъ все-таки не соглашался что-либо сообщить. Подъ конецъ разговора Новиковъ съ своей стороны спросилъ, гдѣ мы будемъ переправляться черезъ Дунай.

— Между Измаиломъ и Кладовой,—отвѣчалъ Паренсовъ.

— Что это—вы смѣетесь надо мною?—сказалъ Новиковъ.

— Нѣтъ, передаю только то, что знаю.

— Но я хочу знать опредѣлительно,—сказалъ Новиковъ.

— Въ такомъ случаю скажу, что, кажется, около Турнъ-Северина, съ цѣлію занять Сербію.

— Бога ради,—вскрикнулъ Новиковъ,—только не занимайте Сербію! Этого здѣсь и боятся. Переправляйтесь, гдѣ хотите, но только не въ Турнъ-Северинѣ, потому что переправа въ этомъ мѣстѣ повлечетъ за

собою большія компликаціи со стороны Австріи; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ она будетъ молчать.

Такимъ образомъ, ловкимъ маневромъ (потому что онъ знаетъ о дѣйствительномъ пунктѣ переправы), онъ вывѣдалъ то, что нужно было знать.

На-дняхъ пріѣзжалъ ко мнѣ командиръ 9-й артиллерійской бригады генер.-маіоръ Аносовъ, мой бывшій батарейный командиръ, подъ начальствомъ котораго я началъ свою службу, съ юнкерскаго званія. Я былъ чрезвычайно радъ его видѣть, мы много говорили о прошломъ, а въ особенности о 3-хъ лѣтнемъ моемъ пребываніи въ Варшавѣ. Я его спрашивалъ о мобилизаціи, онъ остался ею доволенъ. Затѣмъ онъ сказалъ мнѣ, что перевозка бригады была очень дурно соображена въ томъ отношеніи, что нѣкоторыя батареи, стоявшія весьма близко отъ станцій желѣзной дороги и при томъ большихъ, въ разстояніи отъ 10 до 20 верстъ, должны были, во исполненіе плана перевозки, двигаться назадъ на разстоянія отъ 80 до 130 верстъ, чтобы садиться на полустанціяхъ, что повлекло за собою большія безпокойства. Вообще онъ находитъ, что послѣ окончанія мобилизаціи непремѣнно слѣдуетъ давать нѣсколько дней свободныхъ, оставаясь на мѣстахъ, а не двигаться тотчасъ на желѣзную дорогу для посадки.

Онъ разсказывалъ, что у него большой недостатокъ въ офицерахъ, и что при мобилизаціи у него взяли 12 офицеровъ, для различныхъ назначеній.

Сегодня, послѣ нѣсколькихъ дней воинственнаго настроенія, опять взяло верхъ мирное. Почему—не знаю. Вообще, политическій барометръ то падаетъ, то поднимается.

Сегодня вернулся изъ Бухареста полковникъ генеральнаго штаба Бобриковъ, который былъ туда посланъ съ дипломатическою миссіею. Онъ представлялся князю Карлу Румынскому и имѣлъ съ нимъ длинный разговоръ. Сущность этого разговора состоитъ въ томъ, что онъ намъ вполнѣ сочувствуетъ, готовъ все сдѣлать, но боится высказывать это оффиціально, такъ какъ въ случаѣ, если войны не будетъ, то онъ можетъ много потерять. Поэтому и не заключается до сихъ поръ конвенція съ Румыніей. Словомъ сказать, онъ боится, чтобы мы его не бросили, и потому ведетъ себя чрезвычайно осторожно. Во всякомъ случаѣ онъ рѣшился не пускать турокъ въ княжество и, съ этою цѣлью, расположилъ свои войска слѣдующимъ образомъ: одну дивизію около Галаца и Браилова, чтобы охранять здѣсь, до прихода нашихъ войскъ, узелъ желѣзныхъ дорогъ; другую дивизію—въ Калафатѣ, чтобы не пускать здѣсь турокъ; тутъ же воздвигнуты сильныя батареи, могущія даже обстрѣливать Виддинъ. По слухамъ, турки собираютъ въ Виддинъ большія силы и готовятся отсюда перейти Дунай и вести наступатель-

ныя дѣйствія. Третья дивизія расположена противъ Журжи, съ цѣлью охранять пути къ Бухаресту. Наконецъ, четвертая—въ окрестностяхъ Бузео и Фокшанъ, служитъ резервомъ, долженствующимъ по обстоятельствамъ подкрѣпить или Галацкую, или Журжинскую дивизію, или же идти по направленію Силистріи, или Гирсова. Расположивъ такимъ образомъ свои войска, князь Карлъ полагаетъ, что онъ будетъ въ состояніи удержать турокъ до прихода нашихъ войскъ. Затѣмъ князь говорилъ, что онъ назначитъ особыхъ чиновниковъ для встрѣчи русскихъ войскъ и приметъ всѣ мѣры для обезпеченія ихъ всѣмъ нужнымъ. Словомъ сказать, можно, кажется, надѣяться найти въ Румыніи полное намъ сочувствіе. Но, впрочемъ, князь сказалъ, что румынскія войска будутъ уходить изъ тѣхъ мѣстностей, которыя будутъ заниматься нашими войсками.

28-го декабря. Послѣдній еженедѣльный рапортъ великаго князя государю былъ очень интересенъ, но далеко не утѣшителенъ. Передамъ его сущность. Сербія находится въ критическомъ положеніи. Послѣ продленія перемирія, было получено извѣстіе, что партія мира хлопочетъ о заключеніи сепаратнаго мира, такъ какъ Сербія не можетъ оказать туркамъ ни малѣйшаго сопротивленія и такъ какъ продленіе военнаго положенія весьма тяжело отражается на матеріальномъ положеніи страны. Войско тамъ распущено, не хочетъ сражаться, духъ совсѣмъ упалъ. Въ виду подобнаго состоянія дѣлъ, военный министръ сообщилъ великому князю, что государь находилъ присутствіе тамъ Никитина и нашихъ добровольцевъ безполезнымъ, а потому спрашиваетъ мнѣнія великаго князя, не отозвать ли ихъ. Его высочество въ рапортѣ своемъ отвѣтилъ, что онъ считаетъ отозваніе Никитина нежелательнымъ, потому что это отозваніе имѣло бы непремѣннымъ слѣдствіемъ заключеніе Сербіею сепаратнаго мира. А между тѣмъ, весьма желательно, чтобы она не заключала подобнаго мира, такъ какъ, во-первыхъ, въ случаѣ заключенія его, мотивы войны нашей съ турками значительно ослабѣваютъ, а во-вторыхъ, турки выведутъ всѣ свои войска изъ Сербіи и Босніи и встрѣтятъ насъ съ большими силами на Дунаѣ. Вслѣдствіе этого его высочество находитъ необходимымъ поддержать Сербію въ матеріальномъ отношеніи и употребить все вліяніе, чтобы она не заключала мира.

Получено сообщеніе отъ Новикова, что Австрія вообще будетъ смотрѣть не недружелюбно на нашу войну съ Турціею, но только при томъ условіи, чтобы мы не занимали Сербіи ни всею арміею, ни болѣе или менѣе сильною частью ея. Но если наши войска появятся въ Сербіи, то правительство Австро-Венгріи отнесется къ этому появленію враждебно, и такимъ образомъ занятіе Сербіи, хотя частью нашихъ войскъ, повлечетъ къ весьма серьезнымъ политическимъ усложненіямъ. Имѣя

въ виду, что, съ одной стороны, посылка войскъ въ Сербію весьма желательна, такъ какъ Сербія, предоставленная самой себѣ, рискуетъ быть раздавленной и совершенно ограбленной турками и не окажетъ имъ ни малѣйшаго сопротивленія; а съ другой стороны, имѣя въ виду тѣ серьезныя политическія затрудненія, какія повлечетъ за собою появленіе нашей дивизіи въ Сербіи, великій князь прежде, чѣмъ рѣшить, остаться ли при прежней мысли или отказаться отъ нея, испрашиваетъ высочайшее повелѣніе по сему предмету. Вообще это заявленіе Новикова хотя съ одной стороны и пріятно, но, съ другой стороны, связываетъ намъ рѵки. Пріятно потому, что Австрія, повидимому, дастъ намъ свободу дѣйствія, если мы не займемъ Сербіи.

Что касается до Румыніи, то князь Карлъ, повидимому, ведетъ двойную игру: на словахъ онъ до крайности любезенъ, на дѣлѣ же въ высшей степени сдержанъ.

Третьяго дня я былъ на балу въ здѣшнемъ дворянскомъ клубѣ. Общество было довольно многочисленное, зала очень хороша, но хорошенькихъ лицъ совсѣмъ нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, для Кишинева балъ можно считать вполнѣ удавшимся.

Великому князю опять сдѣлалось хуже. Ухудшеніе началось 24-го декабря. Доктора опять встревожились и снова послали за Пироговымъ, который сегодня и пріѣхалъ.

29-го декабря. Сегодня распространился до крайности непріятный слухъ. Выходя изъ «Швейцарской» гостиницы, гдѣ я завтракалъ вмѣстѣ съ полковникомъ Вульфертомъ, я встрѣтилъ генерала Сталя, директора военныхъ телеграфовъ и военной почты. Онъ мнѣ сказалъ, что получилъ письмо изъ Петербурга, сообщающее, что тамъ сильно распространился слухъ, будто рѣшено назначить новаго главнокомандующаго арміею,—Коцебу. Это назначеніе мотивируютъ тѣмъ, что великій князь серьезно боленъ, еще не скоро поправится и хотя и выздоровѣетъ, но еще долго не будетъ въ состояніи садиться верхомъ. Слухъ этотъ ужасно поразилъ насъ. Во-первыхъ, въ высшей степени жалко разставаться съ великимъ княземъ; во-вторыхъ, въ высшей степени непріятно получить начальникомъ Коцебу, который тѣснитъ русскихъ и протежируетъ нѣмцамъ. Сегодня за обѣдомъ во дворцѣ (надо сказать, что, не смотря на болѣзнь великаго князя, мы все-таки обѣдаемъ у него), я обратился къ генералу графу Мавросу (состоящему при великомъ князѣ) съ вопросомъ, знаетъ ли онъ Коцебу.

— Ахъ, не говорите мнѣ про него,—отвѣтилъ Мавросъ;—если только оправдается слухъ, что онъ будетъ назначенъ главнокомандующимъ, то я убѣгу изъ арміи. Надо сказать, что я его родственникъ, а потому имѣю полное право говорить о немъ, такъ какъ я его отлично знаю. Онъ былъ въ послѣднюю кампанію начальникомъ штаба арміи у князя

Горчакова, и надо было видѣть, съ какою мефистофельскою, радостною улыбкою онъ выслушивалъ распоряженія князя, когда тотъ, въ разсѣянности, отдавалъ ошибочныя приказанія. Онъ радовался всякой ошибкѣ главнокомандующаго. Онъ удалялъ всѣхъ русскихъ и окружалъ себя нѣмцами.

Слухъ о назначеніи Коцебу очень скоро распространился, и надо было видѣть, какъ всѣ были поражены. Грустно, очень грустно разстаться съ любимымъ начальникомъ и получить вмѣсто него другаго. Какъ всѣ радовались назначенію великаго князя, такъ теперь всѣ убиты однимъ только слухомъ. Что же будетъ, если слухъ сдѣлается дѣйствительностью?

9-го января 1877 г. Въ планѣ о движеніи арміи произошла весьма важная перемѣна. Послѣдовало недавно высочайшее повелѣніе объ отозваніи изъ Сербіи генерала Никитина и разрѣшено добровольцамъ нашимъ возвратиться домой. Въ высшей степени жаль Сербію, которая теперь предоставлена своимъ собственнымъ средствамъ. Въ случаѣ войны, она не окажетъ никакого сопротивленія туркамъ и будетъ очень скоро уничтожена и разорена. Ей остается одно—заключить сепаратный миръ. Но кого же мы будемъ спасать? война, такимъ образомъ, теряетъ raison d'être. Добровольцы уже начали выѣзжать изъ Сербіи отдѣльными партіями, человѣкъ по 400. Первая партія проѣхала черезъ Кишиневъ сегодня въ три часа ночи. Ихъ, повидимому, опасаются. Во вчерашнемъ отчетѣ государю, я, между прочимъ, помѣстилъ (разумѣется, по приказанію начальства), слѣдующую фразу: «принимая во вниманіе, что скопленіе большаго числа людей, возвращающихся съ театра военныхъ дѣйствій, безъ опредѣленнаго положенія и отчасти отвыкшихъ отъ воинской дисциплины, можетъ подать поводъ къ разнымъ недоразумѣніямъ, сдѣлано распоряженіе о провозѣ добровольцевъ черезъ все расположеніе арміи въ видѣ воинскихъ командъ; при чемъ въ Кишиневѣ разрѣшено выпускать изъ вагоновъ только мѣстныхъ уроженцевъ». Фраза эта вышла изъ-подъ моей редакціи значительно смягченною; К. Левицкій же мнѣ говорилъ гораздо рѣзче. Бѣдные добровольцы: ихъ провозятъ какъ зачумленныхъ, боятся ихъ соприкосновенія съ арміею и это за то, что ихъ въ началѣ вся Россія прославляла; за то, что они молодцами, не жалѣя себя, ратовали за славянское дѣло, а главное – за то, что они были подчинены Черняеву, который развратилъ ихъ, разбивъ въ нихъ всякое понятіе о дисциплинѣ! Я убѣжденъ, что все это есть дѣло рукъ К. Левицкаго.

Вотъ уже нѣсколько дней, ходитъ онъ совсѣмъ убитый и разстроенный. Дѣло вотъ въ чемъ. Когда мы приступили къ составленію соображеній по движенію арміи впередъ, тогда я и всѣ другіе наши офицеры, которые были въ состояніи говорить объ этомъ предметѣ, совѣтовали

Казиміру прежде всего послать въ Румынію офицеровъ генеральнаго штаба, для осмотра дорогъ и для собранія на мѣстѣ всѣхъ свѣдѣній, необходимыхъ для составленія соображеній по движенію арміи. Но онъ нашелъ, что невозможно послать въ Румынію ни одного офицера, что это крайне неловко. Я нѣсколько разъ приставалъ къ нему съ этимъ вопросомъ, но всякій разъ получалъ отвѣтъ: «это невозможно».

— Почему же невозможно?—спрашивалъ я.

— Невозможно,—отвѣчалъ онъ,—и только.

Такимъ образомъ, пришлось руководиться только одною 10-тиверстною картою. Вслѣдствіе этого было рѣшено двинуть одну колонну на Рени и Галацъ. Впослѣдствіи, когда оказалось, что переправа черезъ Днѣстръ у Дубоссаръ крайне не надежна, рѣшено двинуть тою же дорогою 11-ю кавалерійскую дивизію. Наконецъ, когда отказались отъ посылки въ Сербію 32-й дивизіи, то рѣшили и ее двинуть тоже на Рени и Галацъ. Такимъ образомъ черезъ Рени должна была пройти колонна изъ 30 баталіоновъ пѣхоты, 96 пѣш. ор., 42 эскадрона и 24 конныхъ орудія. И что же вдругъ оказалось? Оказалось, что у Рени нѣтъ моста черезъ Прутъ; что дорога въ этомъ мѣстѣ проходитъ всего въ разстояніи 700 саж. отъ Дуная, что мѣстность здѣсь низменная, вслѣдствіе чего одинъ мониторъ, поставленный на Дунаѣ, противъ впаденія Прута, помѣшаетъ устройству моста, что часть дороги отъ Рени до Галаца затопляется разливомъ Дуная. Однимъ словомъ, что движеніе по этой дорогѣ не возможно. Такимъ образомъ колонна могла подойти къ Рени и остановиться, за невозможностію дальнѣйшаго движенія. Къ счастію, на-днях все это обнаружилось; что дѣлать? Посмотрѣть, нельзя ли переправиться гдѣ-нибудь по близости. Оказалось, что верстахъ въ 40 выше Галаца есть деревня Водолуй-Исакча, гдѣ существуетъ паромная переправа и гдѣ въ 1828 году перешли наши войска. Но весною Прутъ разливается и затопляетъ всю близъ лежащую мѣстность. Возможенъ ли тогда переходъ въ этомъ мѣстѣ? Сидя въ Кишиневѣ, рѣшить этотъ вопросъ нельзя. Надо посмотрѣть на мѣстѣ. И вотъ—волею неволею, пришлось послать туда офицера. Съ этою цѣлью отправился сегодня въ Галацъ полковникъ генеральнаго штаба Золотаревъ. Сдѣлали то, что надо было сдѣлать еще въ началѣ декабря.

Левицкій уже давно разошелся съ Драгомировымъ и теперь при всякомъ случаѣ старается повредить ему. Такъ, въ отчетѣ государю о смотрѣ великимъ княземъ 14-й пѣх. дивизіи я написалъ, что дивизія оказалась въ очень хорошемъ видѣ. Онъ вычернулъ слово очень. Затѣмъ на одномъ изъ смотровъ, великій князь замѣтилъ, что не слѣдуетъ дѣлать отступленій отъ устава. И вотъ Левицкій, побывавъ недавно на одномъ ученьи какой-то части 14-й дивизіи, поднялъ во

дворцѣ разговоръ, что Драгоміровъ напрасно дѣлаетъ нововведенія въ уставѣ и постоянно отъ него отступаетъ. Разговоръ этотъ велся горячо и громко, такъ чтобы всѣ слышали. Скверно; но въ духѣ говорившаго.

12-го января. На-днях насъ призывалъ къ себѣ Непокойчицкій и передалъ благодарность государя за то, что всѣ управленія штаба живутъ между собою мирно, дружно, безъ всякихъ интригъ. Государь прибавилъ, что старики не запомнятъ такого дружнаго, мирнаго штаба. Все это благодаря присутствію во главѣ арміи великаго князя, котораго всѣ любятъ, которому всѣ довѣряютъ и которому всѣ стараются угодить. Онъ все еще боленъ, вчера было лучше, но никто не радуется еще этому улучшенію; ему уже нѣсколько разъ бывало лучше, но затѣмъ опять становилось хуже и боятся радоваться.

Я уже говорилъ, что 32-я дивизія должна будетъ направиться черезъ Галацъ, Браиловъ, Слободзею и Обилешти въ Будешти. Ее предполагаютъ направить небольшими эшелонами въ составѣ одного полка пѣхоты, двухъ батарей и трехъ сотенъ казаковъ каждый. Впрочемъ, два задніе эшелона будутъ имѣть только по одной батареѣ. Дивизіи этой придется идти по близости отъ Дуная, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ разстояніи менѣе 10 верстъ, въ другихъ менѣе 20 верстъ. Вслѣдствіе этого дивизіи придется совершать опасный фланговый маршъ въ весьма близкомъ отъ непріятеля разстояніи. Когда я узналъ объ этомъ, то я былъ пораженъ тою легкостью, съ какою отнеслись къ движенію этой дивизіи, скажу болѣе: тою безпечностью, съ которою составилъ К. Левицкій соображеніе по движенію дивизіи. Я указалъ ему опасность этого марша и доказывалъ, что турки, обладая большими перевозочными средствами, могутъ легко перебросить на лѣвый берегъ Дуная около 15 т., напасть и разбить слабые эшелоны дивизіи, разбросанные на большомъ протяженіи, прежде чѣмъ успѣютъ принять какія-либо мѣры для парированія удара. Въ виду этого обстоятельства, слѣдуетъ усилить эшелоны, назначивъ въ каждый эшелонъ по бригадѣ пѣхоты, по три пѣшихъ батареи и по одному казачьему полку. При этомъ получится только два эшелона, да къ тому же слѣдуетъ вести ихъ въ разстояніи никакъ не болѣе 20 верстъ одинъ отъ другаго и даже лучше, если въ меньшемъ разстояніи. Полковникъ Николай Левицкій поддерживалъ меня и доказывалъ, что такъ какъ движеніе совершается вблизи отъ непріятеля, то не слѣдуетъ намъ предрѣшать порядокъ марша, а слѣдуетъ предоставить это усмотрѣнію начальника дивизіи, на которомъ лежитъ отвѣтственность за цѣлость дивизіи. Это, пожалуй, и вѣрно. Но К. Левицкій уперся на своемъ. Онъ говорилъ, что турки не рѣшатся на переходъ черезъ Дунай, а между тѣмъ большіе эшелоны нельзя будетъ размѣстить по квартирамъ и надо будетъ располагать биваками, что, вѣроятно отразится на здоровьѣ войскъ.

На это я возражалъ, что мы вѣдь хотѣли вести зимнюю кампанію и тогда бы пришлось располагать бивуаками всю армію, и тогда никто не думалъ о развитіи болѣзненности. Затѣмъ я указалъ на примѣръ Кавказа, гдѣ войска по цѣлымъ мѣсяцамъ ходили въ суровое время года по горамъ и подъ дождемъ и при сильныхъ морозахъ. Что, конечно, слѣдуетъ думать объ удобствахъ ночлеговъ, но не тогда, когда непріятель въ разстояніи какихъ-нибудь 7—10 верстъ. Въ этомъ случаѣ на первомъ планѣ должно поставить условія боя. Лучше потерять больными человѣкъ 200—300, чѣмъ подвергнуть всю дивизію риску пораженія. Къ тому же каждому эшелону придется простоять на открытомъ воздухѣ всего 4—5 ночей, и при томъ всякій разъ половина эшелона будетъ расположена по квартирамъ, но не смотря на всѣ доводы, онъ стоялъ на своемъ. Наконецъ, пошелъ къ Непокойчицкому и, переговоривъ съ нимъ, вернулся назадъ и сказалъ, что утверждены малые эшелоны. Тогда я сказалъ:

— Мое дѣло указать, какъ я думаю и какъ слѣдуетъ поступить— воля начальства принять или не принять совѣтъ. Но не забудьте, какое тяжелое впечатлѣніе на всю армію произведетъ пораженіе цѣлой дивизіи въ началѣ кампаніи. Подумайте объ этомъ еще разъ и не рискуйте принять на совѣсть результаты этого пораженія. Затѣмъ я долженъ замолчать.

Но, несмотря на всѣ возраженія, онъ выказалъ стойкость достойную лучшей участи. Остается желать, чтобы мои опасенія не оправдались и чтобы турки оказались бездѣйствующими.

11-го февраля. Вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, что я не писалъ своего дневника. Въ этотъ мѣсяцъ ничего особенно интереснаго не послѣдовало. Политическій горизонтъ все еще не разъясняется. Мы все еще находимся въ полной неизвѣстности относительно того, будетъ ли война, или нѣтъ. Румынія, которая одно время начала склоняться въ нашу пользу и уже готова была подписать конвенцію, опять нѣсколько отшатнулась отъ насъ. Въ министерство румынское вошло нѣсколько членовъ, къ намъ враждебныхъ. Сербія и Черногорія ведутъ съ Турціею мирные переговоры и, кажется, заключатъ съ нею сепаратный миръ. Если это будетъ, то мирное разрѣшеніе вопроса сдѣлается вѣроятнымъ...

На этомъ, къ сожалѣнію, кончается интересный дневникъ Дмитрія Станиславовича Нагловскаго.

Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны

къ великимъ князьямъ

Николаю и Михаилу Павловичамъ.

Великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи все время просили позволенія принять фактическое участіе въ Отечественной войнѣ, но ни императоръ Александръ, ни императрица Марія Ѳеодоровна на это не соглашались. Только тогда получили они разрѣшеніе, когда война была перенесена во Францію; но и тутъ, по причинѣ разныхъ затрудненій, они поспѣли въ Парижъ, когда все уже было кончено.

Отпуская младшихъ сыновей своихъ за границу и въ дѣйствующую армію, императрица написала большое письмо [1]), которымъ напутствовала своихъ дѣтей на открывавшееся передъ ними новое поприще жизни. Во время путешествія великихъ князей сопровождали: Ламсдорфъ, Алединскій, Арсеньевъ, Джанноти и докторъ Рюль.

«Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этой поѣздкѣ, — говоритъ баронъ Корфъ въ своей біографіи императора Николая [2]),—и о пребываніи великихъ князей за границею мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что они постоянно переписывались оттуда со своею родительницею, и эта переписка должна еще гдѣ-нибудь находиться».

Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны хранятся въ Архивѣ Собственной Его Величества библіотеки и съ соизволенія Государя Императора печатаются ниже на страницахъ журнала. Ред.

---

[1]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 98, стр. 75.

[2]) Тамъ же, стр. 81.

Num. 1.

Ce Jeudi, à sept heures du soir. Ce 13 Mai 1815.

Me voici déjà rapprochée de 4 heures du bonheur de vous revoir, mes chers enfants; vous voyez, cher Nicoche, que je mets à profit la consolation que vous m'avez donnée tantôt, et que je m'occupe déjà de votre retour, et, grand Dieu, puisse-t-il se réaliser au plus tôt. Je ne vous parlerai pas de notre retour à nous trois: personne de nous n'a dit mot, et cependant toutes trois nous pensions aux mêmes objets, à ces calèches qui m'emportent ceux que j'aime mille fois plus que moi même; vous n'avez qu'à deviner leurs noms. A la porte de la ville je me suis jetée presque hors de la portière pour saluer aussi amicalement que possible les moustaches qui vous ont rendu... furieux tantôt: ils n'ont pas produit cet effet sur moi; mais bien celui de sillonner mes joues de larmes. Arrivée ici je suis entrée chez Annette, j'ai passée chez le petit, qui m'a dit que vous viendriez bientôt: дадушки скоро будутъ; s'il dit vrai, il m'en deviendra encore plus cher. J'ai été droit chez vous; j'ai trouvé le bon vieux dogue auquel j'ai fait vos compliments, j'ai trouvé aussi Perinkow auquel je les ai fait de même: le petit Joseph était avec eux, que j'ai caressé; ensuite j'ai demandé aux deux valets de chambre dans quel bureau se trouvaient les lettres, et j'ai dit de les cacheter, je leur ai envoyé mes cachets et eux garderont les clefs. Revenue chez moi, j'ai trouvé Villamof que j'ai chargé d'écrire d'abord à Block pour lui dire d'aller remettre les 500 roubles au g(énéral) Krapowitzki pour l'officier Запольскій d'Ismailowski, et de m'apporter demain les 100 roubles pour les gens qui ont travaillé à Cronstadt; je soignerai aussi la bague; je me suis mise à écrire à l'emp(ereur) et à expédier le courrier, mais je ne me sentais pas en train d'écrire. Ceci terminé, je prends la plume pour vous tracer ces mots, cela me console, je ne pleure plus tant, je jouis de l'illusion de vous parler, mais j'aimerais bien mieux la réalité. Chers enfants, voyagez heureusement, portez vous bien, pensez à moi, répétons nous souvent: Съ нами Богъ; j'espère que cette lettre vous parviendra demain; j'en ai prié Tiesenhausen. Pas de courrier de l'emp(ereur); au reste je n'ai vu personne. Je viens d'envoyer chez M-r de Glinka pour savoir s'il a retrouvé quelques effets, surtout ses papiers; je ne terminerai ma lettre qu'après avoir reçu sa réponse. J'embrasse le cher papa Lamsdorf et fais mes compliments à tous vos messieurs; quelque chose de particulier au bon Rühl. Bonsoir, mes bons, chers enfants, demain je vous écrirai par vos messieurs, après-demain par la poste: enfin je me rapproche de vous tant, tant que je pourrai. Adieu, cher Nicoche, adieu, cher Michel, je vous embrasse de tout mon cœur et vous donne mille bénédictions.

Marie.

Chers enfants, il est $9^1/_2$ et je n'ai pas de réponse de Glinka, on ne peut le trouver, sa belle-mère m'a fait dire qu'il était à l'Institut de s-te Catherine, et Mad. [1])... vient de me faire dire qu'il n'y est pas; apparemment qu'il est allé demeurer chez un ami; aussi ce ne sera donc que demain que je pourrai vous donner des nouvelles de ses pertes. Bonsoir, mes bons amis. Chrebtow vient de me dire que la première maison de commerce anglaise ici avait reçu la nouvelle que les Anglais avaient déclaré la guerre à la France: le sang donc va couler. Chers, chers enfants, que Dieu vous conserve.

Четвергъ, 13-го мая 1815 г. 7 часовъ вечера.

(Переводъ). Вотъ уже счастливая минута свиданія съ вами, дорогія дѣти, стала на 4 часа ближе; вы видите, дорогой Никошъ, что я воспользовалась утѣшеніемъ, которое вы мнѣ подали, и что я уже думаю о вашемъ возвращеніи: Боже мой, если бы это осуществилось поскорѣй!

Не стану говорить вамъ о томъ, какъ мы возвратились [2]) всѣ трое; никто изъ насъ не произнесъ ни слова, а между тѣмъ мы всѣ трое думали объ одномъ и томъ же: о коляскахъ, умчавшихъ тѣхъ, коихъ я люблю тысячу разъ болѣе, нежели самое себя; вамъ не трудно угадать ихъ имена.

Подъѣзжая къ городскимъ воротамъ, я едва не выскочила изъ дверецъ (кареты), чтобы поклониться какъ можно привѣтливѣе усачамъ, которые привели васъ передъ отъѣздомъ въ такую я р о с т ь: на меня они не произвели подобнаго впечатлѣнія, но вызвали слезы, которыя оросили мои щеки. Пріѣхавъ сюда, я прошла къ Анетѣ и къ малюткѣ, который сказалъ мнѣ, что вы скоро пріѣдете: «дадушки скоро будутъ»; если онъ говоритъ правду, то станетъ мнѣ еще дороже. Затѣмъ я отправилась прямо къ вамъ; увидавъ добраго стараго дога, я передала ему отъ васъ поклонъ, видѣла также Перинкова, которому также поклонилась отъ васъ: съ ними былъ маленькій Іосифъ, котораго я приласкала; потомъ я спросила обоихъ камердинеровъ, въ которой конторкѣ лежатъ письма, и приказала ихъ опечатать; я послала имъ свою печать, ключи останутся у нихъ. Вернувшись къ себѣ, я застала Вилламова, которому поручила написать Блоку, чтобы онъ отправился къ ген. Храповицкому и передалъ ему 500 р. для офицера Измайловскаго полка Запольскаго и привезъ мнѣ завтра 100 р. для раздачи людямъ, работавшимъ въ Кронштадтѣ. Я позабочусь также о перстнѣ. Потомъ я

[1]) Фамилія не разобрана.

[2]) Послѣ проводовъ.

принялась писать императору и отвѣчать на письма, но была не въ ударѣ писать.

Покончивъ съ этимъ, я берусь за перо, чтобы написать вамъ эти строки; это меня утѣшаетъ, я меньше плачу и наслаждаюсь воображаемой бесѣдою съ вами; но конечно я предпочла бы несравненно болѣе дѣйствительность. Желаю вамъ благополучнаго путешествія, дорогія дѣти, будьте здоровы, вспоминайте обо мнѣ; будемъ часто говорить себѣ: Съ нами Богъ; надѣюсь, что вы получите это письмо завтра; я просила объ этомъ Тизенгаузена. Отъ императора не было курьера; впрочемъ я никого не видѣла. Сейчасъ послала къ г. Глинкѣ узнать, отыскались ли его вещи, въ особенности бумаги. Не закончу этого письма до полученія отъ него отвѣта. Цѣлую дорогаго папашу Ламсдорфа, кланяюсь всѣмъ вашимъ кавалерамъ, шлю особый привѣтъ доброму Рюлю. Прощайте, дорогія дѣти, буду писать вамъ завтра съ вашими кавалерами, а послѣ-завтра по почтѣ; словомъ, я стараюсь быть къ вамъ какъ можно ближе. Прощайте, дорогой Никошъ, прощайте, дорогой Михаилъ, цѣлую васъ отъ души и посылаю вамъ свое благословеніе. Марія.

Дорогія дѣти, уже $9^1/_2$ часовъ, а я не получила отвѣта отъ Глинки, его не могутъ разыскать; его теща прислала сказать, что онъ въ Екатерининскомъ институтѣ, а г-жа [1]) . . . . . увѣдомила меня сейчасъ, что его тамъ нѣтъ; очевидно, онъ отправился къ кому-либо изъ своихъ друзей; поэтому я только завтра буду имѣть возможность сообщить вамъ о томъ, что у него пропало. Прощайте, добрые друзья мои. Хрептовъ только-что сообщилъ мнѣ, что первый англійскій торговый домъ въ Петербургѣ получилъ извѣстіе, что англичане объявили войну Франціи: итакъ кровь польется. Дорогія дѣти, да хранитъ васъ Господь.

Num. 2.

Ce Vendredi, 14 Mai à $8^1/_2$ du soir.

Chers enfants, j'ai reçu vos deux lettres de Kaskowo et à 3 heures aujourd'hui celle de Narva, et vous embrasse de tout, tout mon cœur pour vous remercier de porter ce baume consolateur dans le cœur de maman, qui en a grand, grand et grand besoin. Vous voyagez d'une vitesse, mes enfants, à désoler, à ce que je suppose, le feldjäger qui court après vous depuis hier au soir. Je suis charmée, cher Nicoche, de vous savoir bien appâtelés; j'espère que vous conserverez alors bonne mine, et je voudrais qu'à Berlin, pour certaine cause à nous connue, vous paraissiez avec un air de prospérité, et non pas avec la mine d'un l o n g s e c. Je

[1]) Фамилія не разобрана.

prendrai des informations, cher Nicoche, sur le cuisinier et viendrai à son secours avec vous, mes enfants; mais comment a-t-il perdu son avoir la nuit passée; est-ce à l'incendie d'ici? J'ai vu aujourd'hui le bon Glinka: heureusement que le premier volume de sa traduction était chez un copiste; pour ses autres papiers, il est encore à les arranger et ignore ce qu'il en a perdu jusqu'à ce moment! Son argent lui a été volé de même que son linge, celui de sa femme, des objets en argenterie, et sa bibliothèque a beaucoup souffert; mais ce qui est très particulier, c'est qu'il à trouvé son bureau fermé, il en avait la clef en poche, et lorsqu'il l'a ouvert, il a trouvé qu'il avait été ouvert et qu'on lui en avait enlevé 6 mille et quelques centaines de roubles qui s'y trouvaient, et qu'on avait dérangé ses papiers pour les prendre, ensuite le bureau avait été refermé. J'en ai averti ce matin M-r de Wesmitinof, et j'ai fait écrire le fait à M-r de Gorgoli en lui faisant dire, que j'espérais que vu le bon ordre de notre police l'argent se retrouverait, que j'en étais persuadée. En attendant, mes chers enfants, j'ai dit à Block d'après vos désirs qu'il remette en vos noms de la part de chacun de vous deux mille roubles à M-r de Glinka, et Anne et moi y avons ajouté notre contingent. J'ai rempli vos désirs aussi, cher Nicoche, pour l'officier d'Ismailowski, et les 500 roubles ont été apportés ce matin par Block à M-r de Krapowitzki. J'ai envoyé de même ce matin au marquis les mille roubles pour les ouvriers de Cronstadt et la bague pour le commissaire. Le marquis m'a fait avertir que le vent était parfait, et qu'à midi le bâtiment allait se mettre sous voile, ainsi il doit être en pleine mer depuis huit heures. J'ai dit à Block ce matin, cher Michel, d'aller chez M-r de Taube pour le prier de m'avertir lorsque M-r le colonel Basilewitch serait parti, alors je lui ferai remettre vos mille roubles. Vous voyez, mes bons amis, que je suis exacte à remplir vos commissions et à m'occuper de vous. Je vous dirai que je ne suis pas sortie ce matin, j'ai été occupée chez moi; j'ai eu la visite du bon Tolstoi auquel j'ai fait vos compliments et commissions, mais il ne veut pas me donner de lettres pour son fils; son grade, dit-il, l'en empêche, et il espère que vous le ferez venir, lui parlerez et lui direz la bonne nouvelle de la délivrance de sa soeur. J'ai dit adieu au comte Rostopchin, dont la conversation m'a beaucoup intéresseé ce matin, il s'est déboutonné, et il m'a conté bien des anecdotes intéressantes sur les événements passés. J'ai dîné dans mon cabinet avec Kurakin, Kotchoubei, Golowkin, la Sievers, la Nélidof et Villamof; ma belle-sœur a été des nôtres; chacun m'a parlé de vous; les assidus se rappellent à votre souvenir. Cet après-dîné j'ai vu le bon Jeannotti et vos deux messieurs, mais j'ai prié ceux-ci de revenir, ma lettre n'étant pas prête. Je suis allée dire adieu aux orphelins militaires et à l'In(stitut) Marie et me voici, mes bons amis, jasant avec vous. Mais pour tenir un langage qui

vous fasse plaisir, cher Michel, je vous dirai que Nap(oléon) s'amuse ou du moins s'occupe à faire emballer les chefs-d'œuvre de l'art à Paris et que les dames de la halle lui ont donné à cause de cela le surnom de prince Lamballe. M-r Mentureau est revenu à Paris, un commandant prussien s'est amusé à la frontière à lui faire donner des coups de bâton, ce qui lui a fait dire à Paris, que les hostilités avaient commencé. Qu'en dites vous, mes enfants? Que cette nation est légère, frivole et méprisable! Notre temps est mauvais, et nous n'avons pas de courrier de l'emp(ereur). Je m'y perds et ne sais plus qu'en penser, mais j'avoue que cela m'inquiète beaucoup. D'après les gazettes les hostilités doivent commencer, mais on dit que plusieurs régiments français passent du côté du roi. On annonce la déclaration de guerre de l'Angleterre comme prochaine. Au reste vous apprendrez ces nouvelles plus tôt que nous. Dieu veuille que cet état de choses finisse bientôt et que vous nous revenicz, chers et bons enfants, sous d'aussi heureux auspices que la dernière fois et mes voeux soient exaucés. Bonsoir, mes bons amis, j'embrasse papa Lamsdorf; mes compliments à vos messieurs et au bon Rühl. Je vous donne mes tendres bénédictions et vous aime de tout, tout mon coeur. Restez toujours les mêmes, chers enfants, et maman sera heureuse.

Marie.

Пятница, 14-го мая, 8½ часовъ вечера.

(Переводъ). Дорогія дѣти, я получила ваши два письма изъ Каскова, а сегодня въ 3 часа письмо изъ Нарвы. Отъ всего, отъ всего сердца цѣлую васъ и благодарю за этотъ утѣшительный бальзамъ, пролитый въ сердце вашей матери, которая очень, очень и очень въ немъ нуждается.

Вы путешествуете, дѣти мои, съ такою быстротою, которая приведетъ, я думаю, въ отчаяніе фельдъегеря, отправившагося за вами въ догонку вчера вечеромъ. Мнѣ очень пріятно слышать, дорогой Никошъ, что вы хорошо питаетесь; надѣюсь, что вы сохраните въ такомъ случаѣ здоровый, бодрый видъ.

Мнѣ хотѣлось бы, чтобы, по извѣстной намъ причинѣ, вы появились въ Берлинѣ въ цвѣтущемъ видѣ, а не въ видѣ длинной засушенки. Я наведу, дорогой Никошъ, справки насчетъ повара и помогу ему, любезныя дѣти, вмѣстѣ съ вами; но какимъ образомъ потерялъ онъ свое имущество прошлою ночью? Развѣ во время бывшаго тутъ пожара? Я видѣла сегодня добраго Глинку: къ счастью, первый томъ его перевода находился у переписчика; что касается прочихъ его бумагъ, то онъ

еще приводитъ ихъ въ порядокъ и до сихъ поръ не знаетъ, что̀ изъ нихъ утрачено. У него украли деньги, бѣлье, его собственное и его жены серебряныя вещи; его библіотека также сильно пострадала; но что̀ особенно странно, это то, что его конторка оказалась запертою; ключъ отъ нея былъ у него въ карманѣ, а когда онъ ее открылъ, то оказалось, что она была вскрыта, и что у него украдено болѣе шести тысячъ и рублей, лежавшихъ въ этой конторкѣ, и что для того, чтобы достать деньги, перерыли его бумаги, а затѣмъ конторка снова была заперта. Я дала знать объ этомъ сегодня утромъ Вязмитинову и велѣла написать о случившемся Горголи, приказавъ сказать ему, что, зная благоустройство нашей полиціи, я надѣюсь, что деньги найдутся и что я даже убѣждена въ этомъ. Пока, дорогія дѣти, я сказала Блоку, согласно вашему желанію, чтобы онъ передалъ отъ каждаго изъ васъ по двѣ тысячи рублей г. Глинкѣ; Анна и я приложили къ этому нашу долю. Я исполнила также ваше желаніе, дорогой Никошъ, относительно офицера Измайловскаго полка. Блокъ отвезъ сегодня утромъ 500 р. Храповицкому; я послала также сегодня утромъ маркизу [1]) тысячу рублей для кронштадтскихъ рабочихъ и перстень для коммиссара.

Маркизъ прислалъ сказать мнѣ, что вѣтеръ прекрасный и что судно выйдетъ изъ гавани въ полдень; слѣдовательно, оно находится въ морѣ уже цѣлыхъ восемь часовъ. Я сказала сегодня утромъ Блоку, дорогой Михаилъ, чтобы онъ отправился къ г. Таубе и попросилъ его дать мнѣ знать, когда ѣдетъ полковникъ Базилевичъ; тогда я прикажу дать ему вашу тысячу рублей. Какъ видите, добрые друзья мои, я въ точности исполняю ваши порученія и занимаюсь вашими дѣлами. Скажу вамъ, что я не выходила сегодня утромъ, была занята дома; у меня былъ добрый Толстой, которому я передала отъ васъ поклонъ и ваши порученія, но онъ не хочетъ дать мнѣ писемъ для его сына; его чинъ не позволяетъ этого, говоритъ онъ; онъ надѣется, что вы призовете его къ себѣ, поговорите съ нимъ и сообщите ему добрую вѣсть о разрѣшеніи его сестры отъ бремени.

Я простилась съ гр. Ростопчинымъ; бесѣда съ нимъ меня очень заинтересовала сегодня утромъ; онъ былъ очень откровененъ и разсказалъ мнѣ много интересныхъ анекдотовъ о прошлыхъ событіяхъ. Я обѣдала у себя въ кабинетѣ съ Куракинымъ, Кочубеемъ, Головкиною, г-жею Сиверсъ, Нелидовой и Вилламовымъ. Моя невѣстка также была съ нами; всѣ говорили о васъ. Завсегдатаи просятъ напомнить вамъ о нихъ. Сегодня, послѣ обѣда, я видѣла добраго Жанноти (Джанноти) и вашихъ двухъ кавалеровъ; я просила ихъ зайти еще разъ, такъ какъ мое письмо не готово. Я ѣздила проститься съ сиро-

[1]) Траверсе.

тами военнаго вѣдомства и въ Маріинскій институтъ, а теперь, добрые друзья мои, я болтаю съ вами. Чтобы повеселить васъ, дорогой Михаилъ, скажу вамъ, что Наполеонъ забавляется, или, лучше сказать, занятъ укупоркой произведеній искусства, находящихся въ Парижѣ, вслѣдствіе чего торговки прозвали его prince Lamballe [1]). Г. Ментюро возвратился въ Парижъ; командиръ какой-то отдѣльной части, пруссакъ, вздумалъ отдать приказаніе отдуть его на границѣ палками, и онъ разсказываетъ въ Парижѣ, что непріязненныя дѣйствія возобновились. Что вы скажете на это, любезныя дѣти? Что это за вѣтреный, легкомысленный и достойный презрѣнія народъ! Мы переживаемъ плохое время.

Отъ императора нѣтъ курьера; я теряюсь въ догадкахъ и не знаю, что думать; признаюсь, меня это очень безпокоитъ. Судя по газетамъ, непріязненныя дѣйствія должны начаться; но говорятъ, будто нѣсколько французскихъ полковъ переходятъ на сторону короля; предвѣщаютъ, что Англія объявитъ въ скоромъ времени войну. Впрочемъ, вы узнаете эти новости раньше насъ. Дай Богъ, чтобы это положеніе вещей скоро окончилось, и чтобы вы возвратились къ намъ, дорогія и милыя дѣти, при такихъ же счастливыхъ предзнаменованіяхъ, какъ послѣдній разъ, и чтобы мои желанія исполнились. Прощайте, дорогіе друзья мои, обнимаю папашу Ламсдорфа; поклонъ вашимъ кавалерамъ и доброму Рюлю. Посылаю вамъ свое благословеніе и люблю васъ всѣмъ сердцемъ. Оставайтесь всегда такими же, какъ вы есть, дорогія дѣти, и ваша мать будетъ счастлива. Марія.

Num. 3.

Ce Samedi, 15 Mai 1815.

En tout premier lieu j'embrasse mon Nicoche Nikanor et Michel le diacre Melchisédek; j'ai reçu vos lettres par Auguste, elles m'ont fait un plaisir extrême, et je vous jure que j'ai embrassé Auguste en pensant à vous. Chers enfants, que Dieu vous bénisse de penser à moi; vos messieurs sont partis ce matin; je les avais priés, du moins j'avais cru m'être expliqué ainsi, de venir à $9^1/_2$ du soir; ils ont cru que c'était ce matin; j'ai entendu vers les 10 heures parler ces messieurs, alors j'ai pris des informations, et il s'est trouvé qu'ils ont cru que c'était aujourd'hui qu'ils devaient venir; alors j'ai chargé de mes lettres Mademoiselle de Nélidof pour les porter à Arsénief devant la maison duquel elle passait pour lui remettre mes lettres, lui souhaiter un heureux voyage de même qu'à Alédinski, leur dire mes regrets et que je les

[1]) Игра словъ: укупоривать emballer.

priais en grâce de partir à l'heure qu'ils voulaient pour vous rejoindre au plus tôt. Auguste m'a dit que vous vous portiez bien; il est certain que vous voyagez très c é l é r e m e n t. Le courrier de l'emp(ereur) est arrivé, j'ai reçu deux lettres à la fois du 23 et 29. Le courrier du 23 est tombé malade à Minsk, de là le retard. Il n'y a pas de c o n t r e - o r d r e de départ mes enfants, même l'emp(ereur) ne me parle pas de votre départ dans cette lettre; il ne me dit rien de nouveau, mais il me parle des succès en Italie. Le même courrier apporte l'ordre au prince Gortschakof de faire marcher les gardes; ils se mettent donc en marche, et leurs voeux seront remplis. Demain je verrai le comte Miloradovitch, et je suis persuadée que je le verrai le plus heureux des hommes. Je verrai aussi le général Krapovitzki que je fais inviter à dîner pour lui parler de vous, cher Nicoche. Je n'oublierai pas vos commissions pour les jeunes Adlerberg et Uschakof pour la marche: pauvre mère Adlerberg, que je la plains. J'ai reçu par M-r de Wassiltschikof une lettre de Constantin Benkendorf qui m'envoie par erreur (сынъ мой догадливъ) un médaillon dont je ne connais pas la physionomie: il me paraît rappeler des traits connus, mais je ne puis les démêler; comme Benkendorf sera parti de Berlin, je vous envoie ce médaillon, et vous pourrez le rendre à sa femme, si vous ne préférez pas de l'emporter avec vous et le rendre à Benkendorf lorsque vous serez à l'armée; je trouve les traits et l'expression de la figure des plus intéressantes. J'ai dit au bon Tolstoi que vous le remerciez de vous si bien nourrir; il est très heureux, sa femme lui écrivait que l'emp(ereur) lui avaît dit qu'il permettrait à son fils de rester chez le bon Michaud. Nous donnerons à nous trois mille roubles au cuisinier qui a perdu son avoir par l'incendie; Tolstoi m'a dit que c'est bien réparer sa perte. J'ai été cruellement fatiguée ce matin, et attends avec impatience mon arrivée à Paw(lowski) pour me reposer. M-r de Lévaschof ne paradera pas longtemps à Pawlowski, mes enfants, et apparemment M-r Gorkoi le remplacera. Je suis chargée de mille et mille choses pour vous, mes bons amis. J'embrasse mon cher papa Lamsdorf et fais mes compliments à tous les vôtres; bien des choses au bon Rühl; demandez lui, si lorsqu'il fera bien chaud je pourrai me servir du bain qui se trouve dans mon jardin où la pluie vous arrose de tout côté. Me voici séparée depuis déjà deux fois 24 heures, et ces deux jours m'ont paru d'une longueur cruelle. Je n'ai fait aucune promenade, mais ce matin j'ai fait l'inspection des enfants trouvés et de l'hôpital des pauvres avec M-r Weyley qui m'en a paru des plus contents. Dans ce moment je vais aller à la forteresse et après à la communauté. Mon pauvre Brown à perdu sa femme en couches, et la comtesse Litta a perdu sa soeur, la pr(incesse) Galitzyn, mère de tous ceux que vous connaissez; elle en est très affligée. Adieu, mes bons, chers enfants; voyagez

heureusement, montrez vous partout ce que vous êtes et devez être, et qu'en toute occasion j'aie la satisfaction de m'entendre dire du bien de vous et de savoir que vous le méritez. Je vous embrasse mille et mille fois et vous donne toutes, toutes mes bénédictions. Ne m'oubliez pas.

Marie.

Суббота, 15-го мая 1815 г.

(Переводъ). Во-первыхъ, цѣлую моего Никошу - Никанора (патріарха) и Михаила—діакона Мельхиседека. Я получила ваши письма черезъ Августа; они доставили мнѣ чрезвычайное удовольствіе. Клянусь вамъ, обнимая Августа, я думала о васъ. Да благословитъ васъ Господь, дорогія дѣти, за то, что вы не забываете меня. Ваши кавалеры уѣхали сегодня поутру; я просила ихъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось, что я такъ именно выразилась, зайти въ $9^1/_2$ ч. вечера; но они поняли, что я сказала сегодня утромъ; я услышала часовъ около 10 голосъ этихъ господъ, тогда я спросила, въ чемъ дѣло; оказалось, они думали, что я велѣла имъ придти сегодня; тогда я поручила г-жѣ Нелидовой отнести мои письма Арсеньеву, мимо дома котораго она прошла, чтобы отдать ему мои письма, пожелать ему и Алединскому счастливаго пути, выразить имъ мое сожалѣніе и сказать, что я умоляю ихъ ѣхать въ какомъ угодно часу, чтобы быть съ вами какъ можно скорѣе. Августъ сказалъ мнѣ, что вы здоровы; несомнѣнно, что вы ѣдете очень быстро. Отъ императора прибылъ курьеръ; я получила одновременно два письма, отъ 23-го и 29-го. Курьеръ, выѣхавшій 23-го числа, заболѣлъ въ Минскѣ, отчего и произошла задержка. Вашъ отъѣздъ не отмѣненъ, дѣти мои; императоръ даже вовсе не упоминаетъ о немъ въ этомъ письмѣ; онъ не сообщаетъ ничего новаго, но пишетъ о побѣдахъ въ Италіи. Тотъ же курьеръ привезъ князю Горчакову приказаніе двинуть гвардію, поэтому она выступаетъ, и ея желаніе исполнится. Я увижу завтра графа Милорадовича и убѣждена, что онъ счастливѣйшій изъ людей. Я увижу также генерала Храповицкаго, котораго я пригласила къ обѣду, чтобы поговорить съ нимъ о васъ, дорогой Никошъ; я не забуду вашихъ порученій касательно молодыхъ Адлерберга и Ушакова на случай похода; бѣдная мать Адлерберга, какъ я ее жалѣю. Я получила черезъ г. Васильчикова письмо отъ Константина Бенкендорфа, который послалъ мнѣ по ошибкѣ (сынъ мой догадливъ) медальонъ, съ портретомъ, который мнѣ совершенно незнакомъ; онъ какъ будто напоминаетъ мнѣ знакомыя черты, но я не могу разобрать чьи именно; такъ какъ Бенкендорфъ, вѣроятно, уѣхалъ уже изъ Берлина, то посылаю вамъ этотъ медальонъ, который вы можете отдать его женѣ, если не захотите взять

его съ собой и передать Бенкендорфу, когда будете въ арміи; черты лица и выраженіе по-моему чрезвычайно интересны. Я сказала доброму Толстому, что вы благодарны ему за то, что онъ такъ хорошо кормитъ васъ; онъ очень счастливъ; жена писала ему, что императоръ сказалъ ей, что онъ позволитъ его сыну остаться у добраго Мишо. Мы дадимъ, втроемъ, три тысячи рублей повару, который потерялъ имущество во время пожара; Толстой сказалъ мнѣ, что это вполнѣ возмѣститъ его потери. Я была жестоко утомлена сегодня утромъ и съ нетерпѣніемъ ожидаю переѣзда въ Павловскъ, чтобы отдохнуть. Г. Левашовъ не долго будетъ красоваться въ Павловскѣ, дѣти мои; по всей вѣроятности, его замѣнитъ г. Горькой. Мнѣ поручено передать вамъ тысячу и тысячу привѣтствій, добрые друзья мои. Обнимаю дорогаго папашу Ламсдорфа и кланяюсь всѣмъ вашимъ; привѣтъ доброму Рюлю. Спросите его, могу ли я, когда будетъ совсѣмъ тепло, пользоваться купальней, которая находится у меня въ саду и гдѣ со всѣхъ сторонъ поливаетъ дождь. Вотъ уже двое сутокъ, какъ я разлучена съ вами, и эти два дня показались мнѣ невыносимо длинными. Я не сдѣлала никакой прогулки, но сегодня утромъ, вмѣстѣ съ Вилліе, осматривала воспитательный домъ и больницу для бѣдныхъ; онъ остался ими, повидимому, очень доволенъ. Сію минуту ѣду въ крѣпость и затѣмъ въ институтъ. Мой бѣдный Броунъ потерялъ жену въ родахъ, а графиня Литта потеряла свою сестру, княгиню Голицыну, мать всѣхъ тѣхъ Голицыныхъ, коихъ вы знаете; она очень опечалена этимъ. Прощайте, милыя, дорогія дѣти мои; желаю вамъ благополучнаго путешествія; покажите себя вездѣ такими, какъ вы есть и какими должны быть, чтобы я всегда имѣла удовольствіе слышать о васъ похвалы и сознавать, что вы ихъ заслуживаете. Тысячу, тысячу разъ цѣлую васъ и посылаю вамъ свое благословеніе; не забывайте меня. Марія.

Num. 4.

Ce Dimanche 16 Mai.

Chers enfants, le courrier m'a remis vos lettres, que j'ai trouvées bien aimables et pour lesquelles je vous remercie mille fois. Votre souvenir m'est bien cher et fait ma consolation; vous me manquez beaucoup, mes enfants; que je vous ai désirés à la messe, à dîner; que je vous désirerais à Paw(lowski) pour où je pars à l'instant. J'ai distribué vos compliments à Miloradowitch, Gortchakof, Chrapovitzki, Sipjagin, il m'a dit avoir été bien peiné de ne pas vous voir à Strelna; Chrapowitzki m'a dit qu'Osipof se marie. La garde laisse tous ses vieux ici, ainsi j'aurai ma douzaine: je m'en réjouis véritablement. La garde marchant j'ai dit à Block de donner les deux mille roubles à Adlerberg et les deux mille à Uschakof: vous

voyez que je me rappelle de vos commissions. Block remettra demain, cher Michel, les mille roubles à M-r le colonel Basilevitsch; c'est à dire il les donnera à M-r Taube pour lui. Je vous envoie, cher Nicoche, l'uniforme que M-r Chrapovitzki m'a remis pour vous. Cette lettre vous parviendra par le prince Wolkonskï. Ma matinée a été agitée par les visites. Ce matin j'ai été à la forteresse, et comme le pont du Jardin d'été n'est pas mis, j'ai dû faire le détour, ce qui prend du temps. J'ai été voir la comtesse Litta qui m'a chargée de bien de belles choses pour vous; je ne puis pas vous en dire davantage ce soir, mes chers amis, il est déjà 8 heures du soir, et il me faut partir. Je vous embrasse de tout mon coeur et vous donne mille bénédictions. Je vous envoie, à tous deux, deux petits médaillons à mettre en poche ou dans vos portefeuilles; c'est une bénédiction de plus que vous envoie maman en vous serrant contre son coeur. Ne m'oubliez pas.

Marie.

Mille amitiés à papa Lamsdorf et à vos messieurs.

Воскресенье, 16-го мая.

(Переводъ). Дорогія дѣти, курьеръ передалъ мнѣ ваши письма, которыя были мнѣ весьма пріятны и за которыя тысячу разъ благодарю васъ. Ваша память мнѣ очень дорога и служитъ утѣшеніемъ; мнѣ васъ очень не достаетъ, милыя дѣти; какъ мнѣ не доставало васъ за обѣдней, за обѣдомъ; какъ будетъ не доставать въ Павловскѣ, куда я уѣзжаю сію минуту. Я передала вашъ поклонъ Милорадовичу, Горчакову, Храповицкому, Сипягину; онъ говорилъ мнѣ, что ему очень грустно не видѣть васъ въ Стрѣльнѣ. Храповицкій сказалъ мнѣ, что Осиповъ женится. Всѣ старые гвардейцы остаются здѣсь; такимъ образомъ, я не лишусь своихъ двѣнадцати человѣкъ, что̀ меня искренно радуетъ. Такъ какъ гвардія выступаетъ, то я велѣла Блоку выдать Адлербергу и Ушакову по двѣ тысячи рублей. Какъ видите, я не забываю вашихъ порученій. Завтра Блокъ передастъ, дорогой Михаилъ, тысячу рублей полковнику Базилевичу, т. е. онъ вручитъ ихъ Таубе для передачи ему. Посылаю вамъ, дорогой Никошъ, мундиръ, который г. Храповицкій передалъ мнѣ для васъ. Это письмо передастъ вамъ Волконскій. Сегодня все утро было занято у меня посѣтителями. Утромъ я была въ крѣпости, и такъ какъ мостъ у Лѣтняго сада не наведенъ, то мнѣ пришлось объѣхать кругомъ, что̀ беретъ довольно много времени. Я навѣстила графиню Литта, которая просила меня передать вамъ ея искренній привѣтъ. Не могу болѣе писать вамъ сегодня вечеромъ, дорогіе друзья мои, уже 8 часовъ, и я должна выѣхать. Отъ души цѣлую васъ и посылаю вамъ тысячу

благословеній. Посылаю вамъ обоимъ два маленькихъ медальона, которые вы можете носить въ карманѣ или въ бумажникѣ; это также благословеніе, которое посылаетъ вамъ мамаша, прижимая васъ къ своему сердцу. Не забывайте меня. Марія.

Привѣтъ папашѣ Ламсдорфу и вашимъ кавалерамъ.

Num. 5.

Pawlowski, ce 17 Mai 1815.

Je viens de chez vous, mes chers enfants; je vous ai cherchés dans tous les coins et recoins de votre maison: tout est vide, triste, et je ne trouve mes enfants que dans mon coeur: là ils sont toujours et toujours; et qui plus est, je suis persuadée qu'ils mériteront constamment de s'y trouver. Je suis arrivée hier à 10 et demie du soir, et suis partie au moment même après avoir terminé ma lettre à vous, dont j'ai chargé le courrier de l'emp(ereur), car après m'être levée de ma table à écrire, je n'ai fait que passer dans la chambre où nous écoutions la messe, pour nous recommander tous à la protection divine, et suis partie avec Annette, la comtesse et Auguste. Le temps était abominable; nous avons eu une véritable tempête toute la journée, mais le marquis m'a assurée qu'elle était des plus favorables pour faire avancer le bâtiment aux chevaux; mais je crains que les pauvres passagers et certains quadrupèdes s'en seront mal trouvé, c'est à dire ça avait été très incommode. Le ciel était digne du mois de Nov(embre) et en avait la couleur, un froid perçant rendait la journée détestable. A l'arrivée j'ai trouvé votre général Lévaschof, qui m'a dit qu'ils avaient été inquiets de nous voir arriver si tard; je lui ai dit qu'ils allaient nous quitter, il m'a répondu on le dit, j'ai répondu par un j'en suis bien fâchée, et la conversation s'est terminée. J'ai été à la chapelle prier Dieu pour vous et demander à l'Être suprême de terminer bientôt nos peines. Le petit dormait déjà, nous avons soupé dans mon cabinet, puis j'allai dormir ce dont j'avais grand besoin. La nuit m'a-t-on dit a été des plus froides, et je me suis levée à 8 heures qu'il n'y avait que 2 degrès de chaud, il a neigé et le vent est le même qu'hier. J'ai passé ma matinée à arranger mes papiers, mes affaires, mes livres; j'ai été chez Annette et le petit que je n'ai pas voulu faire sortir à cause du froid. A une heure je suis allée en voiture chez vous; ensuite j'ai passé au Pavillon des roses: ah, mes enfants, que cette vue m'a fait peine, mon coeur s'est serré par tant et tant de souvenirs, et je m'en suis allée le plus vite possible. Le joli groupe de Koslowski, que je dois à l'amabilité de M-r Akverdof, est placé comme je l'avais déterminé à la dernière visite que nous avons faite ici. Il fait très bien; je suis revenue par le petit jardin: les jacinthes fleurissent,

mais elles ont l'air gelées. En arrangeant ma table j'ai trouvé vos arrêts qui m'ont bien touchée: j'en remercie encore le patriarche et son diacre. Les officiers dînent chez moi selon la vieille coutume. Adieu, mes enfants, peut-être vous dirai-je encore un mot ce soir. Bonsoir, mes bons amis. Nous nous sommes réunis dans mon cabinet à sept heures pour prendre le thé et avons jasé jusqu'à 8 où nous sommes sortis dans la salle à manger et avons fait une partie de macao; M-r le g(énéral) de Lévaschef en était; je lui ai fait vos compliments à vous deux. M-r Kotchétof m'a fait rire un moment; la petite Anrep est des nôtres. La comtesse de Lieven a prêché le frère, qu'elle ne connaît presque pas du tout, sur son peu d'exactitude à écrire à sa mère; le jeune homme, malgré son embarras, s'en est bien tiré; c'était comique à entendre. Bonsoir, mes bons amis; tout cela est peu intéressant, mais, lorsqu'on est éloigné, le plus petit détail fait plaisir.

Ce Mardi, 18 Mai.

Il a gelé cette nuit, mes chers enfants, et il fait un air froid, me dit-on, je ne suis pas sortie encore et ne m'en suis pas sentie l'envie. J'avoue que tout ce qui me faisait plaisir ci-devant ne m'en fait guère, vu les circonstances qui absorbent toutes mes pensées. Je vous crois loin de nos frontières depuis hier, mes bons amis; cette pensée est pénible; aussi longtemps que vous vous trouviez dans le même pays, il me semblait, que mes pensées pouvaient vous atteindre plus facilement, au lieu que présentement je ne sais plus où vous trouver; je vous adresse cette lettre à Francfort sur le Main, elle ira par estafette jusque à Polangen pour qu'elle vous y arrive sûrement. Demain je vous écrirai par le courrier de l'emp(ereur). Il faut que je m'occupe de vous, mes amis, pour soulager mon coeur. Adieu, mes bons amis. J'ai été à mes devoirs toute la matinée, et j'ai expédié tous mes papiers: sous ce rapport mon séjour est plus agréable qu'en ville, parce que ma matinée n'est pas interrompue par des visites qui vous enlèvent des moments précieux. Voici un cachemir pour notre papa que j'embrasse tendrement. M-r de Glinka est arrivé, ce qui me fait plaisir, c'est une parcelle de vous autres. Adieu, mille et mille fois je vous embrasse, vous bénis et vous aime tendrement, en vous répétant nos paroles de ralliement: Съ нами Богъ.

Marie.

Mes compliments à tous les autres. Dites à Rühl que je me porte bien depuis que j'ai repris mon régime d'hiver.

Le g(énéral) Lévaschof a désiré me présenter les officiers de son régiment qui sont à Zarskoe Sélo ce qui aura lieu aujourd'hui, et pour qu'il n'y en ait pas trop à la fois, on les partage en deux jours. Le chancellier m'arrive aujourd'hui.

Павловскъ, 17-го мая 1815 г.

(Переводъ). Я сейчасъ вернулась отъ васъ, дорогія дѣти: я искала васъ во всѣхъ уголкахъ и закоулкахъ вашего дома. Тамъ все пусто, уныло, и моихъ дѣтей нѣтъ нигдѣ, какъ только въ моемъ сердцѣ, гдѣ они находятся всегда и всегда; и болѣе того, я увѣрена, что они всегда будутъ достойны находиться тамъ. Я пріѣхала сюда вчера въ 10 съ половиною часовъ вечера, а выѣхала тотчасъ по окончаніи письма къ вамъ, которое я отдала курьеру императора, такъ какъ, вставъ изъ-за письменнаго стола, я только зашла въ комнату, гдѣ мы слушали обѣдню, прося у Господа защиты и покровительства; и затѣмъ уѣхала съ Аннетой, графиней и Августомъ. Погода была отвратительная: весь день была настоящая буря; но маркизъ увѣрялъ меня, что это очень благопріятно для быстрѣйшаго переѣзда на лошадяхъ; но я боюсь, что бѣдные пассажиры и нѣкоторыя четвероногія очень пострадаютъ отъ этого, т. е. что это было очень неудобно. Небо было совершенно ноябрьское, — такого цвѣта, какъ въ ноябрѣ; и пронзительный холодъ, такъ что день былъ отвратительный. Пріѣхавъ въ Павловскъ, я застала тамъ вашего генерала Левашова, который сказалъ мнѣ, что они безпокоились, что мы пріѣхали такъ поздно. Я сказала ему, что они покидаютъ насъ; онъ отвѣчалъ: «говорятъ», я отвѣтила: «очень сожалѣю объ этомъ»; на томъ разговоръ и кончился. Я зашла въ часовню помолиться Богу о васъ и просить Его прекратить въ скоромъ времени наши страданія. Малютка уже спалъ; мы поужинали въ моемъ кабинетѣ; затѣмъ я легла спать, что̀ было для меня весьма необходимо. Ночь была, какъ мнѣ сказали, очень холодная. Когда я встала въ 8 часовъ, то было всего 2 градуса тепла; шелъ снѣгъ, и вѣтеръ дуетъ такой же, какъ вчера. Я провела утро, просматривая бумаги, приводила въ порядокъ свои дѣла, книги, была у Аннеты и у маленькаго, котораго я не пустила на воздухъ по случаю холода. Въ часъ я поѣхала въ каретѣ къ вамъ, затѣмъ проѣхала въ Розовый павильонъ. Ахъ, дѣти мои, какъ видъ павильона опечалилъ меня, сердце мое сжалось отъ столь многихъ воспоминаній, и я поспѣшила уѣхать. Хорошенькая группа Козловскаго, которой я обязана любезности г. Ахвердова, поставлена такъ, какъ было рѣшено мною въ наше послѣднее посѣщеніе павильона; она очень украшаетъ комнату. Я вернулась черезъ маленькій садъ; гіацинты цвѣтутъ, но они какъ будто померзли. Приводя въ порядокъ свой столъ, я нашла ваши приказы, которые меня очень тронули. Я еще разъ благодарю за нихъ патріарха и его діакона. Офицеры обѣдаютъ у меня по старой привычкѣ. Прощайте, дѣти мои, быть можетъ, я напишу вамъ еще словечко сегодня вечеромъ.

Добрый вечеръ, друзья мои. Мы собрались у меня въ кабинетѣ въ 7 часовъ пить чай и проболтали до 8, а затѣмъ перешли въ столовую и сыграли партію въ макао; съ нами былъ и генералъ Левашовъ. Я передала ему поклонъ отъ васъ обоихъ; Кочетовъ немного посмѣшилъ меня; маленькая Анрепъ также была съ нами; графиня Ливенъ сдѣлала выговоръ ея брату, котораго она почти совсѣмъ не знаетъ, за то, что онъ неаккуратно пишетъ своей матери; хотя молодой человѣкъ былъ видимо смущенъ, но онъ кое-какъ выпутался изъ неловкаго положенія; ихъ было очень смѣшно слушать. Покойной ночи, друзья мои, все это не особенно интересно, но когда находишься далеко отъ своихъ, то малѣйшая подробность доставляетъ удовольствіе.

Вторникъ, 18-го мая.

Сегодня ночью былъ морозъ, дорогія дѣти, и говорятъ, воздухъ холодный; я еще не выходила и не имѣла къ тому ни малѣйшей охоты. Признаться, все, что доставляло мнѣ удовольствіе прежде, ничуть не радуетъ меня, при теперешнихъ обстоятельствахъ, которыя поглощаютъ всѣ мои мысли. Я считаю, что вчера вы уже были далеко за нашими предѣлами, дорогіе друзья мои. Эта мысль угнетаетъ меня. До тѣхъ поръ, пока вы находились въ одной странѣ со мною, мнѣ казалось, что я лучше могла слѣдить за вами мыслію, тогда какъ въ настоящее время я не знаю, гдѣ искать васъ. Адресую вамъ это письмо во Франкфуртъ-на-Майнѣ, оно будетъ послано эстафетой до Полангена, чтобы дошло до васъ вѣрнѣе. Завтра я напишу вамъ съ курьеромъ императора. Мнѣ необходимо думать о васъ, друзья мои, чтобы облегчить свое сердце. Прощайте, добрые друзья мои. Я была все утро занята исполненіемъ своихъ обязанностей и написала всѣ нужныя бумаги. Въ этомъ отношеніи пребываніе здѣсь пріятнѣе, нежели въ городѣ, такъ какъ утромъ время не прерывается посѣщеніями, которыя отнимаютъ драгоцѣнное время. Посылаю кашмировый платокъ для папаши, котораго нѣжно обнимаю. Сюда пріѣхалъ г. Глинка, это меня радуетъ, такъ какъ это частичка васъ. Прощайте, цѣлую васъ тысячу, тысячу разъ, благословляю васъ и нѣжно люблю васъ, повторяя вамъ нашъ лозунгъ: «Съ нами Богъ». Марія.

Поклонъ всѣмъ: скажите Рюлю, что я чувствую себя хорошо съ тѣхъ поръ, какъ я стала снова придерживаться зимней діэты.

Генералъ Левашовъ пожелалъ представить мнѣ офицеровъ своего полка, находящихся въ Царскомъ Селѣ; это представленіе состоится сегодня, а для того, чтобы офицеровъ не было слишкомъ много разомъ, ихъ раздѣлили на двѣ группы. Сегодня у меня будетъ канцлеръ.

Num. 6.

Pawlovsk, ce 19 Mai 1815.

J'ai reçu hier au soir vos lettres de Roop, mes chers enfants, et trouve que vous allez avec une vélocité très célère. Votre souvenir me rend très heureuse, me fait du bien, me console et vous vaut mille et mille bénédictions. Vous me dites, Nicoche, de penser à vous, de ne pas vous oublier; grand Dieu, vous devriez plutôt me dire: maman, ne pensez pas tant à moi, car je ne fais que penser à vous deux, et c'est chaque fois avec un sentiment de douleur de notre séparation qui me fait un véritable mal au cœur. Chers, chers enfants, je vous aime inexprimablement, et sans vous mon existence est bien malheureuse, mais le devoir vous appelant loin de moi, il est du mien de souffrir seule et de me sentir heureuse par votre contentement.

Je vous remercie, cher Nicoche, des nouvelles que vous nous donnez: il ne nous en parvient guère, mais cependant . . . . . [1]) que Nap(oléon) est entravé dans ses volontés; puisse-t-il l'être dans ses actions.

Je n'ai vu personne de nos militaires de la ville, tous sont très affairés du départ de leurs régiments, qu'on hâte à ce qu'il me semble. J'espère que nous aurons l'escadron d'hussards de réserve comme garde ici; j'ai dit que cela me ferait plaisir, et j'ai appris que hier Lévaschof s'était occupé à prendre des arrangements pour cela, mais il faudra savoir encore si les autorités de la ville le permettront; ce serait plus agréable pour nous que d'avoir M-rs Gorkoi et compagnie; car il vaut mieux, je trouve, lorsqu'on se rencontre en société avec des gens d'une bonne naissance qu'avec des parvenus. Je ferai aujourd'hui vos compliments au g(énéral) Lévaschof, hier soir il était en ville. Il doit se faire encore plusieurs mariages d'officiers avant le départ du régiment: pauvres femmes, que je les plains. Le colonel Karobka s'est marié aussi depuis peu et va quitter sa femme. Ne vous en déplaise, mes enfants, la guerre est une vilaine chose; que Dieu nous donne la paix, le calme, et vous ramène tous au plus tôt parmi nous: alors le bonheur renaîtra chez nous.

Le temps s'étant un peu radouci j'ai été hier au soir au monument de feu l'emp(ereur); j'y ai trouvé mon nouveau gardien qui a eu la gentillesse de se donner le nom de Philippe, mais du reste c'est un plat personnage; il a servi longtemps, mais étant toujours malade, il n'a pas vu l'ennemi; je compte le changer par un de vos fidèles hommes à moustaches; je crois que je finirai par en prendre 24 au lieu de douze: cela n'est pas sûr, mais je verrai si la chose m'est possible, j'en ai le désir, et pour rendre service à ces braves gens, et puis parce que je suppose que cela

[1]) Нѣсколько словъ не разобрано.

en fera à mes deux petits messieurs. Cher Michel, j'ai ri de votre calambour; il m'aurait fait plus de plaisir encore, si vous vous fussiez mis dans le couvert pour m'arriver. Какъ попъ, такъ приходъ: votre protégé M-r de Lévaschof est très bien, parle sensément, il a de l'instruction, et est rempli d'attention; tout cet ensemble est assaisonné par un peu de fatuité, qui nous fait nous occuper souvent de notre moustache; nous sommes parfumé comme un bouquet, mais hors ces petites mièvretés près nous sommes très bien. Adieu, mes chers et bons enfants, je vous embrasse de tout mon cœur et de toute mon âme et vous donne mille tendres bénédictions. Marie.

Mille et mille tendresses à papa Lamsdorf et mes compliments à tous les vôtres. Les miens se rappellent à votre souvenir.

Павловскъ, 12-го мая 1815 г.

(Переводъ). Я получила вчера вечеромъ ваши письма изъ Роопа, дорогія дѣти мои, и нахожу, что вы ѣдете съ большой быстротою; я счастлива, что вы не забываете обо мнѣ, это радуетъ и утѣшаетъ меня, и я тысячу и тысячу разъ благословляю васъ за это. Вы пишете, Никошъ, чтобы я думала о васъ, чтобы я не забывала васъ. Великій Боже! вамъ слѣдовало бы сказать: мамаша, не думайте такъ много обо мнѣ, ибо я только о васъ обоихъ и думаю, и наша разлука вызываетъ во мнѣ всякій разъ такое горестное чувство, которое причиняетъ боль въ сердцѣ. Милыя, дорогія дѣти, нельзя выразить, до чего я васъ люблю; безъ васъ моя жизнь самая жалкая; но такъ какъ долгъ повелѣваетъ вамъ быть вдали отъ меня, то я должна страдать одна и быть счастливой тѣмъ, что вы довольны.

Благодарю васъ, дорогой Никошъ, за сообщаемыя вами новости: мы не получаемъ никакихъ извѣстій, но (говорятъ), что Наполеонъ встрѣчаетъ помѣхи въ исполненіи своихъ желаній; дай Богъ, чтобы онъ встрѣтилъ таковыя и въ своихъ дѣйствіяхъ.

Я не видѣла никого изъ нашихъ военныхъ, живущихъ въ городѣ. Всѣ они очень заняты по случаю выступленія ихъ полковъ, которое стараются, какъ мнѣ кажется, ускорить; надѣюсь, что здѣсь будетъ стоять въ караулѣ резервный гусарскій эскадронъ. Я сказала, что это было бы мнѣ пріятно, и слышала, что Левашовъ хлопоталъ объ этомъ вчера; но посмотримъ еще, дозволятъ ли это городскія власти; это было бы пріятнѣе для насъ, нежели имѣть г. Горькаго и компанію, ибо, по моему мнѣнію, пріятнѣе встрѣчаться въ обществѣ съ людьми хорошаго происхожденія, нежели съ выскочками. Я передамъ сегодня отъ

васъ поклонъ генералу Левашову; вчера вечеромъ онъ былъ въ городѣ. Передъ уходомъ полка должно еще состояться нѣсколько офицерскихъ свадебъ: бѣдныя жены, какъ я ихъ сожалѣю. Недавно женился полковникъ Коробка, онъ также разстается съ женою. Не въ обиду вамъ будь сказано, милыя дѣти, война скверная вещь. Да ниспошлетъ намъ Господь миръ и спокойствіе и да возвратитесь вы всѣ къ намъ какъ можно скорѣе: тогда мы снова будемъ счастливы.

Такъ какъ погода сдѣлалась нѣсколько потеплѣе, то я ходила вчера вечеромъ къ памятнику покойнаго императора и видѣла тамъ моего новаго сторожа, который былъ такъ милъ, что назвалъ себя Филиппомъ; впрочемъ, это человѣкъ довольно глупый, онъ долго служилъ, но такъ какъ онъ постоянно хворалъ, то не видалъ непріятеля. Я разсчитываю смѣнить его, назначивъ на его мѣсто одного изъ вашихъ преданныхъ усачей. Я думаю, что я возьму ихъ въ концѣ концовъ 24 человѣка вмѣсто двѣнадцати; это еще не рѣшено, но я подумаю, возможно ли это; мнѣ хотѣлось бы это и для того, чтобы оказать услугу этимъ молодцамъ и такъ какъ я полагаю, что это будетъ пріятно моимъ двумъ господамъ. Дорогой Михаилъ, я посмѣялась надъ вашимъ каламбуромъ; онъ доставилъ бы мнѣ еще больше удовольствія, если бы вы сами помѣстились въ конвертъ и явились ко мнѣ. «Каковъ попъ—таковъ приходъ» [1]): вашъ любимецъ Левашовъ очень милъ, говоритъ разумно, образованъ и чрезвычайно предупредителенъ; все это приправлено нѣкоторой долей фатовства, которое заставляетъ насъ часто поглаживать наши усики; мы благоухаемъ, какъ букетъ цвѣтовъ, но если не считать этихъ маленькихъ шалостей, то мы очень хороши. Прощайте, милыя и добрыя дѣти мои, отъ души цѣлую васъ и тысячу разъ нѣжно благословляю. Марія.

Тысячу, тысячу разъ привѣтствую папашу Ламсдорфа и всѣхъ вашихъ. Мои просятъ васъ не забывать ихъ.

Num. 7.

Ce 21 Mai 1815. Vendredi.

Je ne vous dis que deux mots par la poste, mes bons amis, seulement pour vous embrasser et pour vous prouver que je ne néglige aucune occasion. J'ai vu Miloradovitch, Chrapovitzki, Arsénief, et leur ai distribué à tous vos compliments. Le comte Miloradovitch m'a dit l'attention que vous avez eu de lui envoyer le feldjäger pour lui faire vos compliments il y a été bien sensible; j'ai eu beaucoup de plaisir à l'entendre parler de vous deux, et tous ces messieurs m'en ont fait autant: ils paraissent vous

[1]) Это писано по-русски.

être très attachés. Je n'ai pas grande mémoire, j'oubliais de vous nommer le bon Wénévitinof qui est très touché dit-on de votre lettre, cher Nicolas. J'ai beaucoup pensé à vous. Le grand chambellan est aussi des nôtres. Malgré ce rassemblement Pawlowski ne se ressemble pas; deux êtres y manquent, et ces deux chers êtres ont emporté la gaieté, le contentement, et laissent un vide cruel dans le coeur maternel. Adieu, mes bons amis, je vous embrasse mille et mille fois et vous donne mes tendres bénédictions. Marie.

Mes amitiés au cher papa Lamsdorf, mes compliments à tous vos messieurs.

Le bon Déprédadovitch est ici, je lui ai fait vos compliments; il est bien triste sa femme étant très malade; elle est un peu mieux aujourd'hui.

Пятница, 27-го мая 1815 г.

(Переводъ). Пишу вамъ всего два слова по почтѣ, добрые друзья мои, только для того, чтобы поцѣловать васъ и чтобы доказать вамъ, что я не упускаю никакого случая (писать вамъ). Я видѣла Милорадовича, Храповицкаго, Арсеньева и передала имъ всѣмъ отъ васъ поклонъ. Графъ Милорадовичъ сказалъ мнѣ, что вы были такъ любезны и прислали ему съ фельдъегеремъ поклонъ: онъ былъ этимъ очень тронутъ. Мнѣ было очень пріятно слышать, что онъ говорилъ о васъ обоихъ такъ же точно, какъ всѣ эти господа: они видимо очень преданы вамъ. У меня не много гостей, но я забыла упомянуть о добромъ Веневитиновѣ, который очень тронутъ, какъ мнѣ говорили, вашимъ письмомъ, дорогой Николай. Я много думала о васъ. Оберъ-камергеръ также у насъ. Не смотря на общество, Павловскъ не похожъ на себя; въ немъ недостаетъ двухъ существъ, и эти два дорогія существа увезли съ собою веселье, удовольствіе и оставили въ материнскомъ сердцѣ жестокую пустоту. Прощайте, дорогіе друзья мои, цѣлую васъ тысячу, тысячу разъ и нѣжно благословляю. Марія.

Мой привѣтъ дорогому папашѣ Ламсдорфу и поклонъ всѣмъ вашимъ кавалерамъ.

Добрый Депрерадовичъ здѣсь; я передала ему вашъ поклонъ, онъ очень грустенъ, такъ какъ его жена очень больна; сегодня ей немного лучше.

Сообщ. **В. В. Щегловъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба).

Ужасные дни.

II [1]).

Пріѣзды къ Скобелеву разныхъ лицъ для справокъ о положеніи дѣлъ.—Ночь на 29-е августа.—Распоряженія генерала Зотова.—Характеристика Зеленыхъ горъ.—Поученія Скобелева.—Переходъ отряда къ Брестовацу и занятіе втораго гребня.—Характеристика третьяго гребня.—Проекты штурма южной стороны Плевны.—Пріѣздъ Скобелева въ Брестовацъ.—Нѣсколько словъ о самоокапываніи и о шанцевомъ инструментѣ.

Когда улеглось первое непріятное впечатлѣніе быстраго отъѣзда Левицкаго, всѣ вернулись къ своимъ дѣламъ и, конечно, къ разговорамъ о послѣднемъ событіи. Нѣкоторые говорили, что Левицкій убоялся ѣхать съ Скобелевымъ. Ѣхать съ Скобелевымъ впередъ бывало дѣйствительно не особенно заманчиво для лицъ, слишкомъ проникнутыхъ инстинктомъ самосохраненія. На Зеленыя горы часто пріѣзжали гости; иногда это были ординарцы, посланные великимъ княземъ главнокомандующимъ узнать на мѣстѣ о положеніи дѣлъ, а иногда это бывали просто любопытные. Первые—почти все молодежь и прибавлю—отличная молодежь, смотрѣли на все съ большимъ вниманіемъ и вели себя подъ огнемъ примѣрно [2]);

---

[1]) См. „Русскую Старину“, октябрь 1902 г. Для удобства чтенія прилагается кроки окрестностей Плевны. Ред.

[2]) Изъ Прошлаго. Часть I. На войнѣ. Стр. 346 и 347.

вторые же, кажется, пріѣзжали по большей части только для того, чтобы, по возвращеніи туда, откуда пріѣхали, сказать: «былъ я сегодня у Скобелева; мы съ нимъ поѣхали впередъ... такой былъ огонь»... и т. д. По пріѣздѣ гостя, желавшаго «видѣть положеніе дѣлъ на мѣстѣ», Скобелевъ охотно соглашался показать это положеніе: подавали лошадей и ѣхали въ первую линію. Пріѣхавъ къ флангу батареи, Скобелевъ слѣзалъ, слѣзали и остальные; затѣмъ Михаилъ Дмитріевичъ велъ пріѣхавшаго по линіи орудій, молчаливо и грозно стоявшихъ, въ полной готовности, на позиціи и указывалъ разные пункты нашего и турецкаго расположеній. Слышалось его картавое «посмотрите сюда... вонъ тамъ, впереди, налѣво»... и т. д. Пройдя немного по батареѣ, Скобелевъ говаривалъ: «такъ мы ничего съ вами не увидимъ; на бѣду и турки не стрѣляютъ»... Потомъ, вдругъ обращался къ артиллеристамъ: «поручикъ N, дайте нѣсколько выстрѣловъ». Поручикъ не заставлялъ себя долго ждать и вслѣдъ за симъ тотчасъ же мы — бухъ, а затѣмъ и турки— бухъ; мы продолжаемъ и они тоже; поднимается артиллерійская стрѣльба, рѣдкая и по большей части безвредная. Дойдя до фланга батареи, Скобелевъ указывалъ посѣтителю: «а вотъ тутъ прикрытіе наше, а тамъ», протягивая руку въ сторону турокъ, «турецкіе ложементы; но ихъ теперь плохо видно. Капитанъ Z», обращаясь къ пѣхотному ротному (или взводному) командиру — «откройте огонь — рѣдкій, съ фланга». Начинаютъ; турки, конечно, тоже, и вотъ дымки ихъ выстрѣловъ отчетливо обрисовываютъ начертаніе ложементовъ и траншей. Картина получается полная.

Послѣ войны мнѣ разсказывалъ подобный эпизодъ, съ нимъ бывшій, одинъ изъ ординарцевъ великаго князя, безусловно храбрый и очень хладнокровный офицеръ, прибавляя: «онъ такъ меня проманежилъ, что потомъ, на вопросъ Скобелева: «et bien, avez vous vu», я съ убѣжденіемъ отвѣтилъ: «oui, j'ai vu».

Послѣ отъѣзда Левицкаго нѣкоторые изъ насъ допускали возможность, что онъ, зная такую повадку Скобелева, уклонился ѣхать изъ боязни. Я, конечно, не ясновидящій, но глубоко убѣжденъ въ томъ, что: 1) Скобелевъ, навѣрное, все изложенное выше продѣлалъ бы и 2) что Левицкій не этого убоялся. При всей моей не то что нелюбви, а нерасположенности къ Левицкому, я глубоко убѣжденъ, что онъ подъ огнемъ былъ бы хорошъ. Левицкій былъ чрезвычайно самолюбивъ, а самолюбіе такой рычагъ, что тутъ, на глазахъ у всѣхъ, подъ жадными и, конечно, не особенно дружелюбными взорами зрителей, несомнѣнно вѣрю, что онъ выдержалъ бы искусъ достойнымъ образомъ, и причина его быстраго отъѣзда была другая; онъ началъ чувствовать, что въ разговорѣ съ Скобелевымъ и княземъ Имеретинскимъ, спеціалистами по части южной стороны Плевны и прибавлю — спеціалистами по части

процедуры штурма, онъ, генералъ-квартирмейстеръ дѣйствующей арміи, начинаетъ терять почву; профессоръ теоріи пассуетъ передъ профессорами практики—и уѣхалъ. А можетъ быть, дѣйствительно, торопился къ великому князю...—и это возможно.

Ночь на 29-е августа прошла спокойно. Я спалъ рядомъ съ княземъ Имеретинскимъ какъ разъ подъ тѣмъ деревомъ, подъ которымъ отдыхалъ 28-го августа, во время пріѣзда генерала Левицкаго; но теперь, наученные моимъ горькимъ опытомъ, вмѣсто злополучныхъ бурокъ, мы распорядились подостлать наши собственные ковры, а подъ ними солому въ снопахъ.

Съ вечера князь посылалъ меня къ Скобелеву уговориться относительно общихъ нашихъ дѣйствій на 29-е число, но Скобелевъ такъ крѣпко спалъ, утомившись донельзя въ теченіе всѣхъ предшествовавшихъ дней, что я не могъ его добудиться, да и жаль стало. Бѣды въ этомъ не было, такъ какъ ни князь, ни Скобелевъ, въ ожиданіи распоряженій генерала Зотова, не собирались предпринимать что-либо 29-го августа. Вернувшись къ князю, я получилъ приказаніе поѣхать еще разъ къ Скобелеву, но пораньше утромъ.

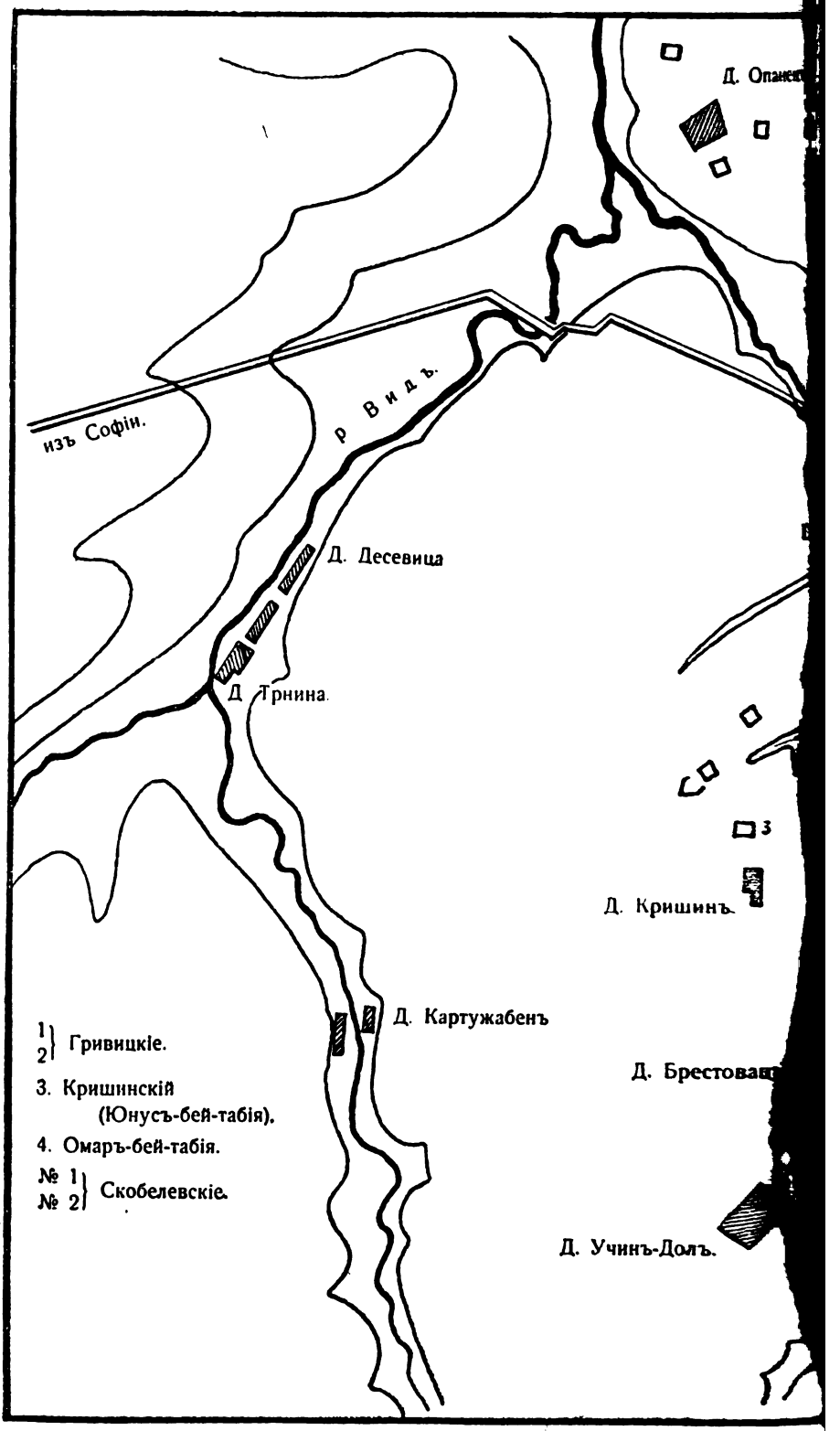
Хотя я и сказалъ выше, что ночь прошла спокойно, но это сказано въ томъ смыслѣ, что турки намъ не мѣшали, а собственно говоря, спать-то хорошенько не удалось и на этотъ разъ. Сперва мы были разбужены какимъ-то необычайнымъ шумомъ вблизи насъ, криками людей, ржаніемъ и топотомъ лошадей, а также, неизбѣжными въ темнотѣ ночнаго переполоха, случайными выстрѣлами. Скоро все затихло и по справкамъ оказалось, что сорвались съ коновязей лошади сосѣдней батареи, помяли людей, а прикрытіе, съ просонья, открыло огонь. Послѣ этого привезли записку отъ генерала Зотова; пришлось ее переписывать съ соотвѣтственнымъ измѣненіемъ редакціи, для отправленія приказаній къ Скобелеву. Зотовъ предписывалъ 29-го августа овладѣть высотою, «командующею Плевною съ южной стороны»; при этомъ онъ называлъ эту высоту: «третьимъ гребнемъ». Очевидно, что въ штабѣ западнаго отряда арміи совершенно не были знакомы съ мѣстностью и, какъ узнали мы впослѣдствіи, дѣйствительно не было сдѣлано рекогносцировокъ Зеленыхъ горъ, не было ни плана, ни кроки; мало того, никто на эти горы изъ западнаго отряда арміи не пріѣзжалъ. Это положительно непонятно, такъ какъ идея о будущемъ штурмѣ Плевны въ штабѣ арміи не умирала. Генералъ Зотовъ самъ признавалъ важное значеніе южной стороны Плевны, называлъ ее «стратегически-тактическимъ ключемъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ, на Плевно-Ловченскомъ шоссе, послѣ сраженія 18-го іюля, перебывало нѣсколько различныхъ отрядовъ нашихъ. Въ день штурма Ловчи на этомъ шоссе находился рекогносцировочный отрядъ полковника Лауница, а потомъ, по

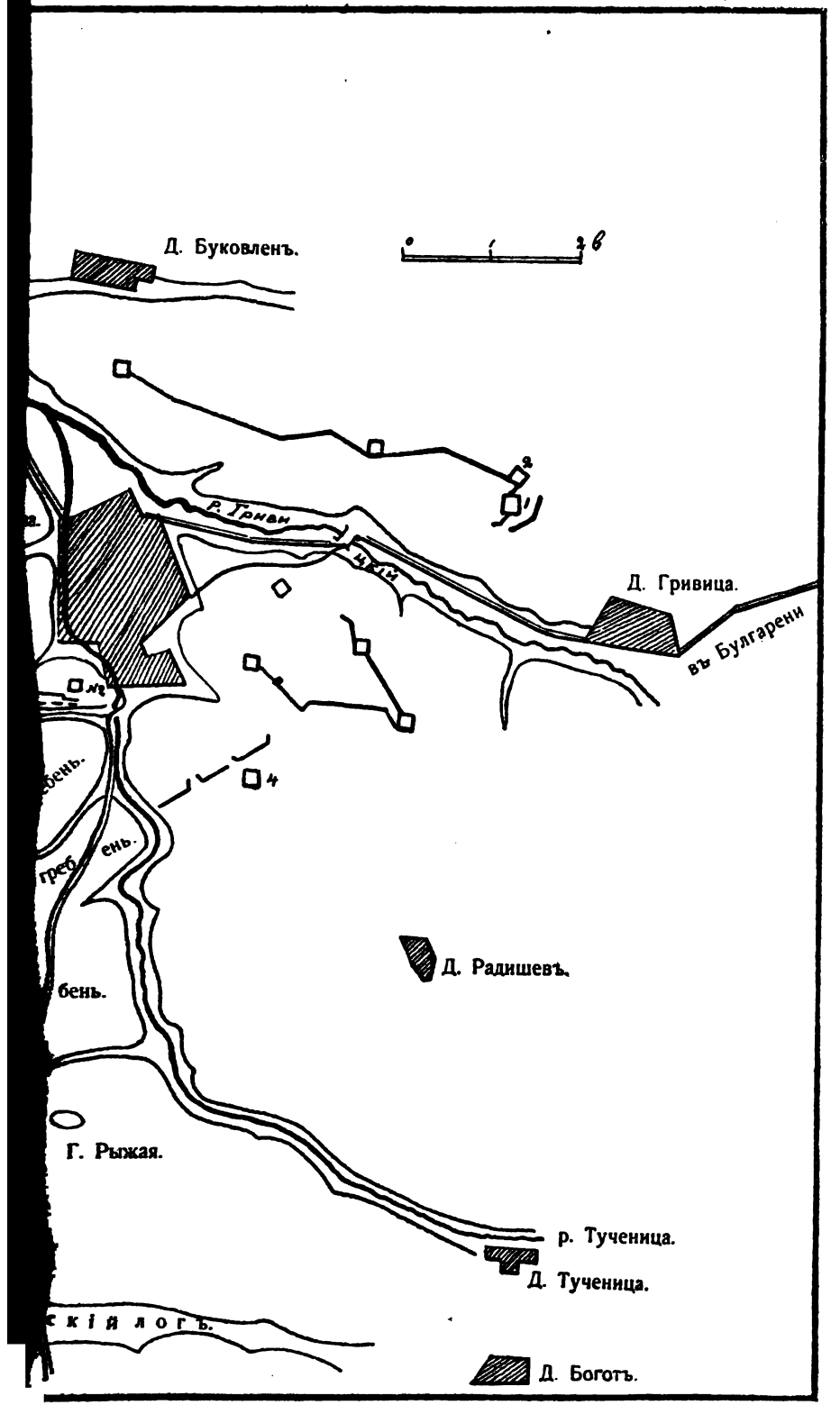
близости этого шоссе, стояла кавалерія генерала Ратіева. Всѣ эти отряды были подчинены генералу Зотову, имѣвшему, слѣдовательно, право возложить на нихъ рекогносцировку южной стороны Плевны. Наконецъ свойства и очертанія мѣстности къ югу отъ Плевны должны были быть извѣстны изъ многочисленныхъ донесеній, записокъ, а также вѣроятно и словесныхъ докладовъ генерала Скобелева. Въ дѣйствительности же одной общей высоты, командующей Плевной съ юга, не было и не одинъ только третій гребень господствовалъ надъ южной стороной Плевны, а также второй, нами тогда еще не занятый. Третій же гребень, спускаясь къ зеленогорскому логу и ручью, былъ настолько близокъ къ ложементамъ и траншеямъ впереди редутовъ Абдулъ-бей-табія и Реджибей-табія (впослѣдствіи—Скобелевскимъ № 1 и № 2), а въ особенности такъ открытъ ружейному огню турокъ, что занятіе его могло быть только введеніемъ въ бой, конечной цѣлью котораго должно было быть овладѣніе этими редутами. Антрактъ между этими двумя дѣйствіями, т. е. занятіемъ 3-го гребня и штурмомъ редутовъ, могъ быть только для того, чтобы дать передохнуть войскамъ; остановиться же на немъ подъ носомъ редутовъ, безъ возведенія прочныхъ и большихъ укрытій для войскъ, было немыслимо. Князь приказалъ мнѣ написать Скобелеву (за своей подписью), что въ виду полученнаго приказанія онъ отдаетъ въ его распоряженіе бригаду 2-й пѣхотной дивизіи, два стрѣлковыхъ баталіона и, конечно, соотвѣтственную артиллерію, а что, кромѣ того, утромъ 29-го отъ Зотова прибудетъ еще бригада 16-ой пѣхотной дивизіи, полки: Владимірскій и Суздальскій.

Упоминаніе въ запискѣ генерала Зотова о подкрѣпленіи только двумя полками навѣяло на насъ грустныя размышленія, такъ какъ очевидно было, что къ штурму мы ничего болѣе не получимъ; иначе было бы оговорено. А что такое два полка, гдѣ ихъ нужно было куда больше! Въ концѣ записки князь предупреждалъ Скобелева, что остальныя войска, подъ командой генерала Добровольскаго, будутъ передвинуты къ д. Брестовацъ и станутъ позади этой деревни.

Рано утромъ, еще до разсвѣта, поѣхалъ я къ Скобелеву съ запиской князя Имеретинскаго, но не засталъ его.

Намъ было по опыту извѣстно, какъ внимательно относятся турки къ мѣстности, какъ ловко руководители ихъ умѣютъ къ ней примѣняться, какъ удачно выбираютъ они мѣста для укрѣпленій и какъ тщательно изслѣдуютъ мѣстность, непосредственно прилегающую къ укрѣпленіямъ. Всѣ выдающіеся пункты, на разстояніи дальняго орудійнаго огня съ форта, опредѣлены, разстоянія до нихъ измѣрены и заблаговременно произведена пристрѣлка. Въ виду этого, князя очень безпокоило передвиженіе къ Брестовацу отряда подъ командой Добровольскаго, князь опасался, что передвиженіе наше будетъ открыто съ Кри-


Д. Опанец
изъ Софіи.
р Видъ.
Д. Десевица
Д. Трнина.
Д. Кришинъ.
Д. Картужабенъ
Д. Брестовац
Д. Учинъ-Долъ.
1
2 Гривицкіе.
3. Кришинскій (Юнусъ-бей-табія).
4. Омаръ-бей-табія.
№ 1
№ 2 Скобелевскіе.


Д. Буковленъ.
0 1 2 в
р. Гриви
цкій
Д. Гривица.
въ Булгарени
№2
бень.
греб ень.
бень.
Д. Радишевъ.
Г. Рыжая.
р. Тученица.
Д. Тученица.
скій логъ.
Д. Боготъ.

шинскаго редута (Юнусъ-бей-табія) и что мы попадемъ подъ его выстрѣлы. На мое счастіе я хорошо зналъ мѣстность еще съ 18-го іюля по собственному опыту и по наставленіямъ Скобелева. Здѣсь, кстати скажу, что Михаилъ Дмитріевичъ былъ удивительный мастеръ воспитывать и поучать лицъ, къ нему приближенныхъ. Безъ всякаго высокомѣрія и олимпійства, точно дѣлясь впечатлѣніями, иногда какъ будто бы спрашивая мнѣніе другаго, онъ, любившій поговорить, постоянно: при отдыхѣ, на походѣ, въ антрактахъ боя, даже при первоначальной артиллерійской подготовкѣ боя—указывалъ на свойства мѣстности, на положеніе своихъ и непріятельскихъ войскъ, дѣлалъ иногда мѣткія сравненія, вспоминалъ подходящіе примѣры изъ военной исторіи и т. д. Я и теперь помню, какъ онъ однажды прочиталъ мнѣ цѣлую лекцію объ условіяхъ стоянки войскъ на бивакѣ, о важности ассенизаціи бивака и различныхъ способахъ это устроить, въ особенности если предстоитъ долгая на немъ стоянка, прибавляя, что этому онъ научился у Константина Петровича Кауфмана въ Туркестанѣ [1]). Въ другой разъ поучалъ онъ меня насчетъ того, когда начальнику колонны на походѣ, не въ предвидѣніи боя, полезно быть позади, чтобы по порядку въ хвостѣ колонны и по количеству отсталыхъ судить о благоустройствѣ и внутреннемъ порядкѣ части, а также о состояніи обуви въ пѣхотѣ и т. п. Поучительные разсказы его часто начинались: «я помню...»; тутъ оставалось только слушать, не перебивая, развѣ только изрѣдка, въ случаѣ прекращенія разсказа, чтобы подзадорить его продолжать, на что онъ легко поддавался. Вообще быть при Скобелевѣ это значило пройти цѣлую школу теоріи, примѣняемой тутъ же на практикѣ. Скобелевъ поучалъ, т. е. дѣлился впечатлѣніями и взглядами со всѣми, къ которымъ онъ благоволилъ. Подъ руководствомъ Скобелева, за время состоянія при немъ, я изучилъ мѣстность на Плевно-Ловченскомъ шоссе и потому, конечно, благодаря и самой мѣстности, мнѣ удалось провести отрядъ по Боготскому логу къ д. Брестовацъ такъ укрыто и удачно, что въ насъ не пустили ни одного снаряда. Для этого пришлось сдѣлать кругъ, окружить всю Рыжую гору. Но счастье никогда не бываетъ полнымъ; пѣшая батарея, шедшая въ хвостѣ колонны, неизвѣстно почему, заблагоразсудила пойти прямо черезъ верхушку Рыжей горы. Оно, правда, заманчиво: чѣмъ тащиться шагомъ, да еще въ хвостѣ колонны, въ пыли, съ безпрестанными остановками, хватимъ-ка напрямки, придемъ прежде другихъ на ночлегъ, а чтобы не имѣть потери — рысью. Но неумѣстная прыть эта и ослушаніе приказанія были тотчасъ же наказаны: только-что батарея, на полныхъ рысяхъ, очевидно надѣясь

[1]) Скобелевъ вообще очень почиталъ К. П. Кауфмана и часто вспоминалъ о немъ, называя его своимъ учителемъ.

быстро проскочить опасное мѣсто, въѣхала наверхъ и затѣмъ, какъ всегда бываетъ при переваливаніи черезъ гору, попридержала передъ спускомъ, какъ въ самую середину батареи грохнулись гранаты, и мы снизу, изъ лощины, увидѣли сперва дымки отъ разрыва ихъ, затѣмъ лошадей, поднявшихся на дыбы, а потомъ кувырканье и барахтанье бившихся въ постромкахъ лошадей, а съ ними, понятно, и людей. Но этимъ и кончилось; примѣръ былъ дотого очевиденъ, что охотниковъ ему слѣдовать не нашлось. Князь, ѣхавшій шагомъ съ колонной, прибылъ въ Брестовацъ, былъ чрезвычайно доволенъ благополучнымъ исходомъ этого, хотя и очень короткаго, но опаснаго передвиженія.

Пока мы совершали передвиженіе къ Брестовацу, Скобелевъ передвинулся съ перваго гребня на второй. Операція эта совершилась довольно благополучно: турки не упорствовали и отступили. Дальше идти, какъ сказано уже выше, было бы неосновательно, тѣмъ болѣе, что третій гребень обстрѣливался не только съ фронта, но еще слѣва—съ Кришинскаго редута и даже справа, изъ редута Омаръ-бей-табія, лежавшаго по восточную сторону Тученицкаго оврага. Такимъ образомъ третій гребень былъ уже внутри того, широкаго въ началѣ и узкаго въ концѣ, мѣшка, въ который отряду предстояло ринуться при штурмѣ Плевны съ юга. Я надѣюсь, что изъ этой краткой характеристики позиціи третьяго гребня и южной оконечности Плевны, а такъ же сказаннаго мѣстами выше о положеніи этого гребня по отношенію къ Скобелевскимъ редутамъ явствуетъ, что штурмъ этихъ редутовъ, траншей и ложементовъ, ихъ связывавшихъ и окружавшихъ, могъ быть успѣшенъ только въ томъ случаѣ, если бы мы, обладая значительнымъ превосходствомъ въ силахъ, могли отдѣлить самостоятельную часть для одновременнаго штурма Кришина (Юнусъ-бей-табія), а вредное дѣйствіе Омаръ-бей-табіи парализовали бы одновременной же атакой этого редута войсками центра (корпуса Крылова), да при этомъ имѣли бы еще на Плевно-Ловченскомъ шоссе солидный резервъ. Безъ этихъ условій мы влѣзали въ мѣшокъ—и влѣзли; если же широко раздвинутое отверстіе этого мѣшка за нами не затянулось, то это было только по милости Свыше; у насъ же, на лѣвомъ флангѣ, для воспрепятствованія этой катастрофѣ—силъ не было: всѣ, какія были, растаяли 30-го и 31-го августа.

Въ Брестовацѣ, благодаря хорошей погодѣ,—день былъ теплый и солнечный,—расположились мы на землѣ у плетня: князь сѣлъ спиной къ плетню и Кришину, Добровольскій, генералъ-маіоръ Леонтьевъ, командовавшій кавалеріей, и я—напротивъ. Сидѣли, ожидая диспозиціи отъ Зотова. Мы были увѣрены, что ее вотъ-вотъ привезутъ; мы имѣли право такъ думать, такъ какъ штурмъ былъ задуманъ давно, назна-

ченъ на 28-е августа, затѣмъ, по увѣдомленію генерала Зотова, только отложенъ на нѣкоторое время и, наконецъ, по словесному сообщенію Левицкаго, сдѣланному 28-го августа, былъ окончательно назначенъ на 30-е августа. Ожидая диспозиціи, естественно, разбирали съ разныхъ сторонъ, каковъ-то будетъ планъ штурма, и на основаніи всѣхъ имѣвшихся у насъ данныхъ: мѣстности, силы и расположенія турокъ, ихъ укрѣпленій—рѣшали безповоротно, что у насъ на лѣвомъ флангѣ произойдетъ одновременный штурмъ въ двухъ направленіяхъ: на Кришинъ и на два южныхъ Плевненскихъ редута. Договорились и до того, что, если это будетъ такъ,—а иначе, по мнѣнію князя и быть не могло,—то Скобелевъ атакуетъ южные редуты, а Добровольскій—Кришинъ [1]). Но тутъ мы сейчасъ же натыкались на щемящій вопросъ: силъ мало. Если Скобелевъ пойдетъ прямо, а Добровольскій на Кришинъ, то что же останется въ резервѣ? И вотъ какъ и у человѣка, находящагося въ безвыходномъ, безнадежномъ положеніи, все-таки гдѣ-то таится искра надежды, которая, по временамъ, вдругъ засвѣтитъ яркимъ лучемъ,—надежды на то, что выходъ будетъ—такъ и у насъ, нѣтъ-нѣтъ, да и промелькнетъ мысль: подкрѣпятъ... нельзя не подкрѣпить; вѣдь должны же они понимать... Имеретинскій нѣсколько разъ сказалъ мнѣ, когда мы оставались вдвоемъ:«подкрѣпятъ; увидишь—Скобелевъ выпроситъ». Въ этотъ день, уже съ утра, князь Имеретинскій былъ очень молчаливъ и задумчивъ; видно было, что онъ озабоченъ, удрученъ и былъ не недовольный, а грустный. Удачный переходъ части отряда къ Брестовацу и полученіе извѣстія, что Скобелевъ благополучно занялъ второй гребень, только на короткое время ободрили князя, но затѣмъ онъ вновь погрузился въ свои думы—очевидно невеселыя.

Кришинъ, энергично обстрѣливавшій сначала второй гребень, занимаемый Скобелевымъ, сталъ пускать потомъ рѣдкія гранаты въ другомъ направленіи; онѣ перелетали высоко надъ нами и рвались гдѣ-то тамъ, надъ Рыжей горой. Солнце начинало уже спускаться къ Виду, ощущался легкій холодокъ; небо стало заволакивать тучами, какъ къ намъ прилетѣлъ Скобелевъ. Какъ всегда бодрый, энергичный, Михаилъ Дмитріевичъ принялъ участіе въ обсужденіи занимавшихъ всѣхъ вопросовъ: долгое полученіе диспозиціи, невѣроятное, но все же возможное, сильное запозданіе ея и необходимость изготовиться самимъ—на всякій случай. Скобелевъ говорилъ, что у него горло пересохло и просилъ пить; какими-то судьбами у кого-то нашлась бутылка шампанскаго, которую немедленно роспили.

---

[1]) Вслѣдствіе такого взгляда князь приказалъ генералу Добровольскому произвести заблаговременно рекогносцировку подступовъ въ Кришину отъ Брестоваца.

Я спросилъ Михаила Дмитріевича, гдѣ Алексѣй Николаевичъ [1]), на что̀ получилъ отвѣтъ: «на второмъ гребнѣ; роется какъ кротъ и тебя ругаетъ».

— За что?

— За шанцевый инструментъ.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Стоять на второмъ гребнѣ не окопавшись и не заслонившись отъ прямыхъ выстрѣловъ съ южныхъ фортовъ Плевны, а также косыхъ, со стороны Кришина, было невозможно; надо было рыть траншеи, ложементы, но тутъ являлась бѣда: не было шанцеваго инструмента. Надо замѣтить, что до турецкой войны у насъ мало обращалось вниманія на самоокапываніе; въ войскахъ даже не было выраженія: «окопаться». Говорили обыкновенно: укрѣпить позицію для обороны и подъ этимъ разумѣли—построить на оборонительной позиціи нѣсколько батарей, преимущественно горизонтныхъ, иногда съ эполементомъ, а для пѣхоты такъ называемые «ровики для стрѣлковъ»; укрѣплять же позицію въ наступательномъ бою совсѣмъ не практиковалось. Турецкая война, вслѣдствіе ея особенностей (мѣстныхъ, характера противника, его способа дѣйствій, жестокаго огня и проч.) заставила и насъ обратить вниманіе на самоокапываніе. Появился новый терминъ: «занялъ позицію и окопался». Но привычки воспитанія мирнаго времени не скоро забываются, и наши войска, особенно въ началѣ войны, были слабы въ искусствѣ самоокапыванія. Мало пріученныя къ этого рода дѣйствіямъ, они естественно относились небрежно къ орудію самоокапыванія, къ шанцевому инструменту, тяжелому въ носкѣ и рѣдко употребляемому. 2-я пѣхотная дивизія пришла на войну, понятно, вполнѣ снаряженная шанцевымъ инструментомъ, но еще при штурмѣ Ловчи растеряла большую его часть; затѣмъ много было утеряно на Зеленыхъ горахъ до 30-го августа, такъ что когда я получилъ отъ капитана Куропаткина записку, съ просьбой собрать какъ возможно болѣе шанцеваго инструмента въ полкахъ 2-й дивизіи, то, не смотря на самыя энергичныя мѣры, я могъ послать и то уже поздно ночью съ 29-го на 30-е, штукъ сто разнаго инструмента. Не получая его, войска наши рыли землю штыками, крышками отъ манерокъ и наконецъ—руками. Хорошо еще, что грунтъ былъ мягкій.

Скобелевъ уѣхалъ, когда совсѣмъ стемнѣло; началъ накрапывать дождь, скоро усилившійся. Диспозиціи не было; мы разошлись. Князь пошелъ въ избу, а я воспользовался любезнымъ предложеніемъ Добровольскаго и расположился на ночлегъ въ его чудной походной коляскѣ.

---

[1]) Генеральнаго штаба капитанъ Куропаткинъ, нынѣ военный министръ.

III.

Ночь на 30-е августа.—Генералъ Добровольскій.—Его предчувствіе о близкой смерти.—Полученіе диспозиціи генерала Зотова.—Разборъ нѣкоторыхъ ея частей.—Докладъ диспозиціи князю Имеретинскому.—Впечатлѣніе, произведенное ею на князя.—Князь Имеретинскій и Скобелевъ.

Высокій ростомъ, молодцоватый, съ увѣренными и бойкими манерами, щегольски одѣтый, генералъ Добровольскій производилъ весьма пріятное впечатлѣніе на окружающихъ. Въ 3-ей стрѣлковой бригадѣ, которою командовалъ, его, кажется, любили, а князь Имеретинскій былъ къ нему очень расположенъ. Въ моей записной книжкѣ, бывшей у меня во время штурма Ловчи 22-го августа и сохранившейся до сихъ поръ, находится копія записки, слѣдующаго содержанія: «22-го авг. 11 ч. у.. батарея правѣе шоссе. Генералу Скобелеву. Казавшееся занятіе нами турецкихъ ложементовъ правѣе шоссе, по вѣрнымъ свѣдѣніямъ (Тихановъ пріѣхалъ)—ложно; помню все, что вы сказали. Паренсовъ». Сбоку же этой копіи приписано очевидно позже, чернилами, но уже порыжѣвшими отъ времени: «съ батареи, гдѣ стоялъ кн. Имеретинскій, были видны всѣ передовыя позиціи турокъ. Замѣтивъ, что тур. лож. противъ д. Присяка перестали стрѣлять, многіе доказывали, что Добровольскій взялъ уже ихъ. Я былъ противъ этого, спорилъ... Послалъ моего неоцѣненнаго Тиханова (30 п.) узнать; это было при Скобелевѣ, который уѣхалъ, не дождавшись возвращенія Тиханова. Помню, все относится къ секретному разговору моему съ Скобелевымъ, который сказалъ мнѣ: «если вы дадите Добровольскому еще подкрѣпленій, то я контуженъ и уѣду». А Имеретинскій, котораго Добровольскій очаровалъ, былъ склоненъ, несмотря на мои просьбы, дать еще подкрѣпленій Добровольскому» [1]).

---

[1]) Изъ Прошлаго. Ч. I-ая. На войнѣ. Стр. 418 и 419. Въ копіи записки моей, слова: „казавшееся“ и „ложно“ подчеркнуты одинъ разъ, а слово „все“ подчеркнуто даже два раза. Выраженіе дать „еще“ подкрѣпленій надо понимать въ томъ смыслѣ, что дать еще подкрѣпленій послѣ состоявшейся уже посылки къ Добровольскому Ревельскаго полка, о чемъ я извѣщалъ его другой моей запиской: „22-го августа. 9 ч. у., 2-ая батарея 16-ой бригады. 1-ая линія батарей правѣе шоссе. Генералу Добровольскому. Къ вамъ отправленъ Ревельскій полкъ. Расходуйте его крайне осторожно“, и т. д. Тихановъ былъ полковымъ адъютантомъ 30-го Донскаго полка. Полкъ этотъ былъ разбитъ посотенно въ разныхъ отрядахъ, а часть штаба полка, съ войсковымъ старшиной Митрофаномъ Грековымъ во главѣ, находились при князѣ Имеретинскомъ; Тихановъ же пристроился ко мнѣ. Красавецъ собой, нарядный, лихой и неутомимый наѣздникъ, Тихановъ былъ военно-образованъ, толковъ, смышленъ и храбръ; я берегъ его, пользовался

Генералъ Добровольскій получилъ хорошее военное образованіе, служилъ прежде въ генеральномъ штабѣ, былъ ловокъ и находчивъ. Когда князю Имеретинскому привезли отъ государя Георгія 4-ой степени за взятіе Ловчи, то вѣсть объ этомъ быстро распространилась въ отрядѣ. Однажды утромъ, кажется 25-го августа, при выступленіи отряда послѣ дневки изъ Богота въ Тученицу, князь пропускалъ мимо себя войска, здороваясь съ ними. Прошли полки 2-ой пѣхотной дивизіи, которыми временно командовалъ бригадный командиръ генералъ-маіоръ Энгманъ, добрый, смирный и очень флегматичный шведъ, прошла 2-ая артиллерійская бригада, имѣя во главѣ тоже добрѣйшаго старичка генералъ-маіора Бури, а за артиллеріей, молодцами и какъ-то весело, шли стрѣлки. Отвѣтивъ на привѣтствіе князя обычнымъ: «здравія желаемъ», головной батальонъ стрѣлковъ вдругъ закричалъ: «имѣемъ честь поздравить съ монаршей милостью»...; остальные батальоны Добровольскаго повторили то же самое. Это было такъ неожиданно, что князь смутился и въ первую минуту не нашелся сказать что-нибудь кромѣ зауряднаго: «спасибо»; но затѣмъ, быстро оправившись, приказалъ мнѣ остановить бригаду, поставить ее въ каре и, войдя въ середину его, сказалъ нѣсколько словъ благодарности и похвалы бригадѣ за дѣйствія ея подъ Ловчей.

У Добровольскаго была чудесная дорожная коляска, запряженная четверкой нарядныхъ бѣлыхъ лошадей. Чего только не было въ этой колескѣ: выдвижные сундуки, ящички, карманы въ обивкѣ и т. п., но главное ея удобство заключалось въ томъ, что внутренняя, передняя часть ея откидывалась и образовывала двѣ мягкія постели, что при соотвѣтственной длинѣ и ширинѣ коляски позволяло двумъ лицамъ удобно растянуться въ ней для отдыха. Когда мы расположились въ этой колескѣ на ночлегъ, шелъ уже порядочный дождь, не лѣтній, быстро проходящій, а настоящій осенній, не предвѣщавшій скораго конца. Для того, чтобы насъ могли легче найти, мы зажгли фонари коляски. Поднявъ верхъ, закрывшись—Добровольскій своимъ длиннымъ кожанóмъ, а я буркой, мы пристегнули еще сверху кожаный фартухъ, но не могли скоро заснуть; все еще поджидали диспозиціи, толковали о томъ, о семъ и я, между прочимъ, расхвалилъ коляску.

— Пожалуйста не хвалите,—сказалъ Добровольскій,—это мой гробъ.

имъ въ особо-важныхъ случаяхъ, и онъ былъ для меня дѣйствительно: „неоцѣненный“. Въ высшей степени симпатичный и милый, Тихановъ былъ сильно раненъ въ животъ на рекогносцировкѣ, которую я производилъ 26-го августа вечеромъ на лѣвомъ флангѣ 4-го корпуса подъ Плевной, между Радишевымъ и Тученицей (Тамъ же, стр. 439). Впослѣдствіи я видѣлъ Тиханова въ госпиталѣ, въ Горнемъ Студнѣ,—слава Богу, поправляющимся.

Я отвѣчалъ, какъ всегда отвѣчаютъ въ аналогичныхъ случаяхъ, и сказалъ что-то успокоительное.

—Нѣтъ, нѣтъ,—продолжалъ настойчиво и нѣсколько раздражительно Добровольскій,—чувствую, что меня въ ней повезутъ.

Я не придалъ тогда значенія, оказавшимся пророческими, словамъ его, усталость взяла свое, и я заснулъ подъ монотонный шумъ мѣрно падавшаго дождя.

Будятъ; слышу громкіе голоса: «гдѣ тутъ штабъ князя Имеретинскаго?»—Въ свою очередь кричу: «здѣсь; что такое?» —«Пакетъ отъ генерала Зотова». Добровольскій зажигаетъ ручной фонарь, тоже особенный, дорожный, я получаю конвертъ, расписываюсь въ полученіи, дождь мочитъ конвертъ и разносную книгу. Вижу—диспозиція. Подписана: «начальникъ штаба западнаго отряда арміи генералъ-лейтенантъ Зотовъ». Посмотрѣлъ на часы—12 $^1/_2$ ночи.

Чтобы не утомлять читателя чтеніемъ всей длинной диспозиціи, выпишу изъ нея только самое необходимое для дальнѣйшаго моего повѣствованія.

«Завтра, 30-го августа, назначается общая атака укрѣпленнаго Плевненскаго лагеря, для чего: 1) съ разсвѣтомъ со всѣхъ батарей открыть самый усиленный огонь по непріятельскимъ укрѣпленіямъ и продолжать его до 8 часовъ утра. Въ 9 часовъ одновременно и вдругъ прекратить всякую стрѣльбу по непріятелю. Въ 11 часовъ дня вновь открыть усиленный артиллерійскій огонь и продолжать его до часа по полудни. Съ часа до 2 $^1/_2$ часовъ опять прекратить огонь на всѣхъ батареяхъ, а въ 2 $^1/_2$ часа вновь начать усиленную канонаду, прекращая ее только на тѣхъ батареяхъ, дѣйствію которыхъ могутъ препятствовать наступающія войска. 2) въ 3 часа по полудни начать движеніе для атаки».

Но тутъ я остановился и пересталъ читать. Какъ же это начинать движеніе для атаки въ 3 часа? Да вѣдь въ 7-мъ часу наступаютъ короткія сумерки, а потомъ сразу и темно! Гдѣ же это въ три съ чѣмъ-то часа времени дойти съ боемъ до траншей и редутовъ, штурмовать ихъ и брать? Надо же помнить, что за первыми, т. е. ближайшими къ намъ редутами, есть еще вторые и даже третьи! Какъ это можно начинать движеніе такъ поздно!

Уже въ одномъ этомъ чувствовался предвѣстникъ предстоящей неудачи!

Далѣе являлось существенное недоразумѣніе; въ диспозиціи въ п. 1-мъ сказано: «съ разсвѣтомъ со всѣхъ батарей»... и т. д. и *продолжать его до 8-ми часовъ утра* [1]). Въ *9 часовъ* одновременно и вдругъ *прекратить* всякую стрѣльбу [1])... Спрашивается: въ 8 или

[1]) Курсивъ нашъ. П. П.

въ 9 прекращать стрѣльбу? Если продолжать до 8—значитъ въ 8 и прекращается, а если прекращается въ 9—то, слѣдовательно, стрѣльба продолжается не до 8, а до 9. Гдѣ же точность? Затѣмъ это дѣленіе пальбы и не пальбы на періоды, по часамъ... точно на мирномъ ученіи, или на урокѣ гимнастики: всѣ начинаютъ, потомъ одновременно и вдругъ всѣ кончаютъ, вновь начинаютъ, опять прекращаютъ, вновь начинаютъ и т. д. Я думаю, туркамъ все это было на руку, для нихъ это было предупрежденіемъ, а для насъ неудачнымъ примѣненіемъ выраженія Святослава: иду на васъ. Турки, сидя за своими окопами, конечно, готовились, поправлялись.... Положимъ, что часы во всемъ отрядѣ должны быть свѣрены, ну, а турки-то что же, такъ и будутъ сидѣть спокойно и смотрѣть на всѣ эти «вдругъ» и «вновь». Ужасно, ужасно!!! А что, если турки тоже «вдругъ» перейдутъ хотя бы на одномъ какомъ-нибудь пунктѣ въ наступленіе [1]); тогда всѣ эти періоды пальбы и антракты не пальбы спутаются! Турки уже показали намъ, что они осмѣлѣли, выучились переходить въ наступленіе. Такъ было подъ Телишатомъ 19-го августа, такъ было неоднократно передъ 30-мъ августа, на Зеленыхъ горахъ.... Просто: гляжу, недоумѣваю и поражаюсь! Читаю дальше: «3) Румынская армія атакуетъ сѣверное укрѣпленіе». Знаю, что одного сѣвернаго укрѣпленія нѣтъ; есть самые сѣверные Опанецкіе редуты, окружающіе д. Опанецъ, но изъ дальнѣйшаго чтенія вижу, что это говорится не о нихъ, а о линіи редутовъ, идущихъ отъ д. Гривицы по направленію д. Буковленъ, но и тутъ не одно укрѣпленіе, а четыре редута, расположенныхъ по линіи верстъ на 5, два вмѣстѣ (Гривицкіе), остальные два въ затылокъ первымъ, съ длиннѣйшими между ними траншеями. Дальнѣйшее въ диспозиціи пробѣгаю наскоро, ищу, гдѣ мы и вдругъ читаю: «е) Отряду генерала Скобелева»... Это что такое; новый отрядъ сформировали?—«отряду генерала Скобелева, состоящему изъ 1-ой бригады 16-ой пѣхотной дивизіи, стрѣлковой бригады генерала Добровольскаго и одного полка 2-ой пѣхотной дивизіи и т. д.—атаковать укрѣпленный непріятельскій лагерь, прикрывающій г. Плевну со стороны Ловченскаго шоссе». Когда я читалъ это мѣсто, послышались возгласы Добровольскаго, слушавшаго мое чтеніе: «какъ, меня отъ васъ взяли?»... Переходя отъ изумленія къ изумленію, я былъ окончательно пораженъ, прочитавъ, что даже дивизію князя расчленили, взявъ изъ нея одинъ полкъ и передавъ его въ новый отрядъ Скобелева! Ну, а князь что же? Читаю дальше: «ж) Въ резервѣ колонны генерала Скобелева, съ обязанностью поддерживать его атаку [2]) и прикрывать лѣвый флангъ его колонны, слѣдуютъ осталь-

[1]) Что они и сдѣлали 30-го августа въ 11 час. утра, желая отнять у Скобелева занятый имъ третій гребень. П. П.

[2]) Курсивъ нашъ. П. П.

ные полки 2-ой пѣхотной дивизіи съ ихъ батареями подъ начальствомъ свиты его императорскаго величества генералъ-маіора князя Имеретинскаго».

Такимъ образомъ, князь Имеретинскій, только-что получившій Георгія за взятіе Ловчи, черезъ 8 дней лишается главнаго командованія, у него отбираютъ отрядъ; мало того, даже собственную его дивизію частью изъемлютъ изъ его вѣдѣнія. Въ Ловченскомъ отрядѣ было три генерала: князь Имеретинскій, Добровольскій и младшій изъ нихъ—Скобелевъ. Одного старшаго, Добровольскаго, по-просту подчиняютъ младшему, другаго же, князя, ставятъ въ зависимость отъ младшаго! Положимъ, на войнѣ бываютъ подобные примѣры; такъ, при второмъ движеніи за Балканы, графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ былъ подчиненъ младшему—генералу Гурко; но тамъ были соблюдены формы, и самъ графъ Павелъ Андреевичъ, только-что прибывшій съ гвардіей на войну, вполнѣ сознательно не только принялъ это подчиненіе, но и пошелъ ему навстрѣчу въ виду большаго боеваго опыта и гремѣвшей уже славы генерала Гурко [1]). А тутъ?... Изумительная диспозиція; изумительная по существу, изумительная и по изложенію; виданное ли дѣло, резервъ колонны, освобожденный отъ обязанности поддерживать атаку своей колонны?.. И почему резервъ князя долженъ прикрывать непремѣнно лѣвый флангъ Скобелева? Положимъ, опасались Кришина, но приказаніе, что̀ именно прикрывать, лучше бы предоставить самому начальнику колонны, который и дастъ надлежащія указанія своему резерву. Нѣкоторыя странности съ формальной стороны давали поводъ думать, что вся диспозиція писана на-скоро, второпяхъ; 3-ю стрѣлковую бригаду въ оффиціальномъ документѣ именуютъ «стрѣлковой бригадой генерала Добровольскаго»; при перечисленіи кавалерійскихъ частей отряда генералъ-маіора Леонтьева, поименованъ Кавказскій казачій полкъ, котораго не было, такъ какъ была Кавказская казачья бригада изъ двухъ полковъ; одного генералъ-маіора свиты его величества—Скобелева называютъ просто «генераломъ», другаго же, князя—называютъ полнымъ титуломъ...

---

[1]) И мнѣ пришлось, въ чинѣ полковника, исправлять обязанности начальника штаба у подполковника Баклановa, слѣдовательно, быть въ его распоряженіи. Но такъ распорядился Левицкій, да, наконецъ, тамъ шло дѣло о штабъ-офицерахъ, съ которыми было легче не церемониться, хотя тоже, по существу, неправильно. Почему невѣдомый Левицкому казачій подполковникъ Баклановъ, никогда не бывавшій въ Ловчѣ, могъ командовать отрядомъ, туда посланнымъ, а вѣдомый тому же Левицкому полковникъ генеральнаго штаба Паренсовъ, участвовавшій въ первомъ взятіи этого города и даже отличенный за это крупной наградой, не могъ командовать? (Изъ Прошлаго, ч. I-я. На войнѣ, стр. 307).

Какъ бы то ни было, нечего дѣлать, пошелъ я съ диспозиціей къ Имеретинскому.

Скользко, мокро сверху, мокро снизу, фонарь плохо освѣщаетъ дорогу, спотыкаюсь, иду полный мыслью: что-то будетъ, что-то будетъ?

Князь лежалъ на кровати, полураздѣвшись, въ сапогахъ; свѣча горѣла у кровати. «Что, диспозиція?»—Да, диспозиція».—«Читай, читай»... Тутъ разыгралась сцена, которую я какъ теперь вижу передъ собой и слышу каждое слово. Я началъ читать медленно, какъ будто даже противъ воли моей оттягивая наступленіе критической минуты, читаю все безъ пропусковъ, князь торопитъ, повторяя: «гдѣ же мы?»... и только-что я началъ: «отрядъ генерала Скобелева», — какъ князь меня прервалъ восклицаніемъ: «какъ, Скобелева у насъ взяли?»... Я продолжалъ; когда же я прочиталъ весь пунктъ е и слѣдующій за нимъ ж, князь, послѣ вопроса о Скобелевѣ упорно молчавшій, вскочилъ, сорвался съ кровати и закричалъ: «Модестъ» [1]). А когда Модестъ вошелъ: «прикажи запрягать и давай одѣваться»... «Что такое, князь... куда... зачѣмъ?»... Но послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія князь уже овладѣлъ собой, какъ будто преобразился и, очевидно сильно сдерживаясь, своимъ обыкновеннымъ, размѣреннымъ слогомъ, но весьма энергично отвѣтилъ мнѣ: «какъ куда,—въ главную квартиру. Что же, любезный другъ, или ты думаешь, что я здѣсь останусь? Да развѣ ты, знающій наше положеніе, не понимаешь, что Скобелевъ сразу же отниметъ у меня все... да ему иначе и нельзя. При чемъ же я останусь?»...

Не буду описывать въ деталяхъ дальнѣйшаго; я умолялъ князя остаться, пожертвовать собою, но остаться. Я взывалъ къ чувству патріотизма, чувству чести солдата, говорилъ, что нельзя русскому генералу, начальнику отряда, какого ни на есть, а все же отряда—уѣзжать съ поля сраженія, покидать свои войска за нѣсколько часовъ до штурма... Князь молча шагалъ по комнатѣ. Говорилъ я долго, навѣрное очень пламенно и кажется убѣдительно; по крайней мѣрѣ, слѣдя за княземъ, мнѣ начало казаться, что онъ сдается; онъ менѣе горячился, началъ ходить тише, ровнѣе. Очевидно было, что первый взрывъ, первая горячка прошли. Я рѣшился на крайнее; подойдя къ нему, я умоляюще, чуть-чуть не ставъ передъ нимъ на колѣни, сказалъ: «князь, голубчикъ,—останься!»... Водворилось молчаніе; князь еще походилъ, наконецъ, сказалъ: «хорошо изволь, я останусь; но помни, что завтра же съ утра Скобелевъ отберетъ у насъ все, и мы останемся въ тобой вдвоемъ». На это я отвѣчалъ, что несомнѣнно Скобелевъ, силою вещей, вынужденъ будетъ если не сразу, то постепенно взять у насъ все, что у него и съ нами-то будетъ не ахти какъ много; наконецъ, что мы—

[1]) Камердинеръ князя.

резервъ, для того и назначены, чтобы его усиливать, по мѣрѣ его надобности, а затѣмъ, что мы, оставшись вдвоемъ, будемъ дѣлать, что должно и что можно.

Князь остался, но мы уже не ложились спать; надо было писать, посылать приказанія, и скоро начало свѣтать.

На короткое время я уклонюсь немножко въ сторону отъ прямой послѣдовательности моего повѣствованія и скажу нѣсколько словъ о двухъ главныхъ дѣятеляхъ предстоящаго боя. Къ этому времени я искренно полюбилъ князя Имеретинскаго и сильно къ нему привязался. Много было въ немъ рыцарскаго и симпатичнаго; да и жаль было его и обидно за него; а это всегда еще болѣе привязываетъ. Скобелева я зналъ хорошо, зналъ его со всѣхъ сторонъ; я былъ имъ сильно увлеченъ, увлеченъ и по настоящее время и при томъ настолько, что, кажется, встань Скобелевъ теперь для боя и позови меня съ собой — сейчасъ бы пошелъ, пошелъ, не озираясь и даже не спрашивая куда... Онъ былъ олицетвореніемъ бойца, образованнаго, начитаннаго, изящнаго, талантливаго предводителя, все за собой увлекающаго, все передъ собою сметающаго. Разъ побывавъ съ нимъ въ бою, видя эту красивую, дышащую смѣлостью, увѣренностью и отвагой фигуру, да еще на бѣломъ конѣ — имъ нельзя было не увлечься. Князь былъ другаго склада человѣкъ. Разсудительный, до крайности сдержанный, умный, тоже начитанный и образованный, князь Имеретинскій, бесѣдуя, очаровывалъ своихъ слушателей, но я не могу себѣ даже представить Имеретинскаго на борзомъ конѣ, звучнымъ голосомъ увлекающаго за собой въ огонь, одушевленныя личнымъ его примѣромъ, войска... Князь былъ идеальнымъ начальникомъ штаба, вдумчивымъ, точнымъ, не молчаливымъ и, если можно такъ выразиться — не машиннымъ только исполнителемъ приказаній своего начальника, а съ очень большой иниціативой, но все же въ военномъ ремеслѣ, которое, строго говоря, не было его призваніемъ, онъ былъ скорѣе мужъ совѣта и администраторъ, а не предводитель. Съ назначеніемъ на постъ варшавскаго генералъ-губернатора ему открылось обширное поприще для примѣненія его блестящихъ административныхъ способностей, и онъ всецѣло предался работѣ въ краѣ. Въ 1900 г. онъ говорилъ мнѣ въ Варшавѣ: «относительно Польши мы остановились на 63 годѣ и застыли. Это нельзя; жизнь идетъ впередъ, край живетъ; надо и намъ идти впередъ, надо творить» [1]) и принялся энергично за творческую дѣятельность. Не было,

[1]) Мнѣ пришлось еще въ первые годы моей службы, въ концѣ 1862 г. на дѣлѣ, совершенно случайно, столкнуться съ такъ называемымъ „польскимъ вопросомъ“, а въ 1864 году, служа въ Кіевскомъ военномъ округѣ, я видѣлъ слѣды бывшаго возстанія и далеко неулегшееся еще броженіе. Вопросъ этотъ меня такъ заинтересовалъ, что я, по мѣрѣ возможности, зани-

кажется, отрасли, которой бы онъ не затронулъ. По весьма мѣткому выраженію одного лица, со мной откровеннаго и весьма близкаго къ князю, Имеретинскій въ Варшавѣ «зажегъ костеръ со всѣхъ сторонъ». Онъ, можетъ быть, на первыхъ порахъ своего правленія, нѣсколько увлекся идеальными воззрѣніями, но быстро отрезвѣлъ; природный умъ и разсудительность скоро взяли верхъ, и дѣйствія его были имъ самимъ поставлены въ надлежащія рамки. Князь много бы принесъ пользы Россіи на ея важной западной окраинѣ, но, увы, неумолимая судьба безжалостно перерѣзала нить его жизни, полной будущаго. Человѣкъ не можетъ соединить въ себѣ все, всѣ дарованія, всѣ таланты. Безусловно одаренный государственнымъ умомъ, блестящими способностями администратора, организатора, устроителя, князь Имеретинскій не былъ тѣмъ блестящимъ вождемъ, при одномъ появленіи котораго войска, имъ предводимыя, воодушевляются настолько, что всѣ становятся героями и по мановенію руки его готовы, на жертвы, совершаютъ чудеса. Съ другой стороны, я не могу себѣ представить Скобелева начальникомъ штаба и, случись это, его начальникъ навѣрное былъ бы несчастнѣйшимъ человѣкомъ. Порывистый, дѣлающій все скоро, торопясь, писавшій отрывистыми, часто незаконченными фразами, иногда только намеками, непосѣда, даже пищу глотавшій торопясь, не давая себѣ труда разжевать ее какъ слѣдуетъ—Скобелевъ былъ полная противоположность князю Имеретинскому,—но увлекалъ всѣхъ, кто приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Я тоже увлекся—и не каюсь.

П. Паренсовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Поправка.

Въ главѣ I-й статьи „Изъ Прошлаго“, помѣщенной въ октябрьской книжкѣ, на стр. 64 строка 9 сверху напечатано: „высланъ на подмогу Серпуховскій полкъ“ слѣдуетъ читать—„Коломенскій полкъ“.

мался имъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ, уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, въ Вильнѣ (я былъ начальникомъ штаба 2-го армейскаго корпуса), вновь окунулся я въ польскія дѣла, и тутъ мои занятія сдѣлались шире, благодаря моему корпусному командиру Александру Павловичу Никитину, умнѣйшему, даровитому человѣку и большому знатоку Сѣверо-Западнаго края. Здѣсь я научился понимать, что съ „польскимъ вопросомъ“ неразрывно связанъ и „еврейскій вопросъ“. Наконецъ, попавъ въ 1887 году въ Варшаву и прослуживъ тамъ 15 лѣтъ, я естественно не переставалъ изучать, всѣми доступными мнѣ способами, эти въ высшей степени интересные и важные вопросы. Князь Имеретинскій зналъ это и очень часто, во всѣ три года своего правленія, посвящалъ меня въ его взгляды и планы, давалъ читать, а иногда самъ читалъ мнѣ свои записки, доклады, отчеты и проч.

Письма графа В. П. Кочубея къ М. М. Сперанскому

1823—1825 гг.

(Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова).

Въ частной перепискѣ Сперанскаго одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ принадлежитъ, по интересу фактовъ и наблюденій, письмамъ къ нему графа (впослѣдствіи князя) Виктора Павловича Кочубея. Нѣкоторыя изъ нихъ, въ выдержкахъ, приведены барономъ М. А. Корфомъ въ «Жизни графа Сперанскаго». Немало ихъ въ полномъ видѣ издано А. Ѳ. Бычковымъ въ сборникѣ «Въ память графа М. М. Сперанскаго». Наконецъ, нѣсколько изъ нихъ, также полностью, напечатано на страницахъ «Русской Старины» за текущій годъ въ дополнительныхъ матеріалахъ къ «Жизни графа Сперанскаго» Помѣщаемъ еще рядъ неизданныхъ писемъ Кочубея къ Сперанскому за 1823 — 1825 годы по копіямъ, сохранившимся въ бумагахъ А. Ѳ. Бычкова. Поясняя разныя современныя обстоятельства и подробности, письма эти, во всякомъ случаѣ, представляютъ не лишній матеріалъ для исторіи императора Александра I и его царствованія.

И. Б.

1.

Царское Село. 9-го іюля 1823 г.

Я ожидалъ давно случая немного вѣрнаго, чтобъ писать къ вамъ, но доселѣ онаго не представлялось, и теперь только, когда уже я совсѣмъ

на отъѣздѣ, г. Григорьевъ доставляетъ мнѣ способъ весьма наскоро нѣсколько строкъ къ вамъ написать.

Указъ объ отпускѣ моемъ [1]) тянулся весьма долго, и я только 2 или 3 іюля оный получилъ. Между времени изданія онаго и первыхъ переговоровъ [2]), были нѣкоторыя другія объясненія, столь же милостивыя, какъ и прежнія; была снова рѣчь объ васъ, или, лучше сказать, разговоръ, до васъ относящійся. Изъ онаго я удостовѣрился, что его величество дѣйствительно желаетъ, чтобъ Уложеніе и обрядъ производства дѣлъ были окончены непремѣнно; я говорю и о формахъ процедуры, ибо о семъ было мнѣ упомянуто. Его величество такую важность дѣлу сему приписываетъ, что онъ никуда васъ отрывать не хочетъ; одно его сожалѣніе, или, лучше сказать, неудовольствіе, есть то, что дѣло идетъ тихо. Сіе неоднократно было поставлено вамъ на видъ. Конечно, далеко отъ того, чтобъ можно было ожидать совершенства въ Уложеніи; совершенства нигдѣ нѣтъ, но не можно оставлять вещей въ настоящемъ хаосѣ, и какъ бы ни былъ неполонъ кодексъ, все несравненно лучше будетъ того, что нынѣ существуетъ. Сіи мысли заставили его величество сожалѣть, что вы и въ отпускъ отправились [3]). Мысли сіи, или, лучше сказать, все сужденіе сіе, такъ вѣрны, что я не могъ не убѣдиться совершенно въ основательности оныхъ. Графъ Аракчеевъ, будучи здѣсь, тоже мнѣ говорилъ объ Уложеніи и, признавая оное полезнымъ, разсуждалъ, что вы одни можете дѣломъ симъ заниматься и что вамъ кончить его должно. Сіи свѣдѣнія я вамъ сообщаю, полагая, что вамъ не противно будетъ ихъ имѣть. Впрочемъ, я и прежде сказывалъ вамъ, и нынѣ повторю, что величайшую услугу окажете вы отечеству изданіемъ Уложенія и пріобрѣтете себѣ безсмертную славу. Къ сему присоединю я, что дальнѣйшая медленность или отлагательство будетъ, безъ сомнѣнія, весьма непріятно и можетъ породить непріятности. За таковыми расположеніями и ожиданіями, возвращеніе ваше скорое и, какъ пишете, къ 1 августа, необходимо. Оно сугубо полезно быть можетъ и по Совѣту, ибо, истинно, не остается теперь въ немъ почти никого, дѣло понимающаго. Мнѣ кажется, что Совѣтъ получитъ новыхъ членовъ, но кого и когда, не вѣдаю.

---

[1]) Кочубей былъ въ то время управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Съ императоромъ Александромъ.

[3]) Кочубей писалъ это письмо передъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга; Сперанскій уѣхалъ тогда въ Малороссію. Но государь, при прощаніи съ нимъ, объ Уложеніи ничего не упоминалъ. „Данъ видъ—сказано въ дневникѣ Сперанскаго подъ 21-мъ мая,—что занимаются учрежденіемъ военныхъ поселеній, и что потому не желаютъ, чтобъ отсутствіе мое продолжалось далѣе 15-го августа".

Баронъ Кампенгаузенъ отправляетъ до времени мою должность [1]). Онъ принялъ безъ дальняго затрудненія, но затрудняется всѣмъ или многимъ по министерству. Мухи кажутся ему слонами, и теперь вижу я, какая бъ была бѣда, еслибы попалъ онъ въ министры финансовъ. Канкринымъ [2]) вообще довольны; мнѣ кажется, что онъ слишкомъ скоръ и не даетъ довольно времени разсужденію. Изъ сего выйти могутъ противуположности довольно странныя; прежній министръ [3]), можетъ быть, дѣлалъ глупости отъ того, что слишкомъ долго кряхтѣлъ надъ какою-нибудь чужою мыслью, а нынѣшній можетъ ихъ дѣлать отъ легковѣрія и необдуманности; но, какъ бы то ни было, съ послѣднимъ стократъ лучше имѣть дѣло.

Мы бы уже уѣхали, если бы отсутствіе его величества не мѣшало сіе исполнить. По возвращеніи его, на другой день мы и отправимся въ путь. Больная наша [4]) примѣтно поправилась. Пульсъ лучше, отъ 100—108. Цвѣтъ лица здоровѣе, и сама она полнѣе. Я весьма радъ, что и вы одобряете поѣздку мою въ Крымъ. Признаюсь, что въ настоящемъ положеніи я несравненно предпочитаю ее путешествію за границу. Впрочемъ, воображеніе мое не распространяется такъ далеко, какъ ваше, въ отношеніи всего того, что поѣздка сія заключать можетъ пріятнаго и полезнаго. Прошли времена всѣхъ мечтаній, и остается мнѣ уже доживать только кое-какъ. Въ началѣ будущаго лѣта располагаюсь я пріѣхать сюда, дабы такъ или иначе рѣшить жребій мой; то есть: или вступить въ должность, или оставить оную навсегда другому. Государь удостоилъ меня рескриптомъ, коего я не заслужилъ, и какъ онымъ, такъ и всѣми изъявленіями участія и благорасположенія дѣйствительно тронулъ меня. Рескриптъ сей при семъ препровождаю.

По пріѣздѣ въ Крымъ, учредя семейство мое, располагаюсь съѣздить въ Диканьку и, если успѣю, въ Вознесенскъ, чтобы поклониться тамъ его величеству. 24 іюля надѣюсь быть въ Рыбинскѣ; 27 или 28 въ Нижнемъ-Новѣгородѣ. Между 10 и 15 августа у Качалинской пристани на Дону. Не оставляйте меня письмами вашими, а особливо, когда будете имѣть вѣрные случаи. Вы знаете, сколько мы искренно интересуемся во всемъ томъ, что до васъ касается, сколь истинно мы вамъ преданы. Я говорю о себѣ и о женѣ [5]), которая усердно вамъ кланяется. Она худа, слаба

---

[1]) Баронъ Балтазаръ Балтазаровичъ Кампенгаузенъ, государственный контролеръ. Управлялъ онъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ всего лишь два мѣсяца († 10 сентября 1823 г.).

[2]) Е. Ф. Канкринъ былъ назначенъ министромъ финансовъ въ 1823 году.

[3]) Графъ Д. А. Гурьевъ.

[4]) Дочь графа Кочубея.

[5]) Графъ В. П. Кочубей былъ женатъ на Маріи Васильевнѣ Васильчиковой.

и находится въ самомъ жалкомъ положеніи. Елисаветѣ Михайловнѣ [1]) прошу о дядѣ ея припомнить.

P. S. Г. Григорьевъ по дѣламъ Семена Михайловича Кочубея [2]) не могъ до сегодня уѣхать. Его величество вчера поздно возвратиться изволилъ. Я ѣду сію минуту откланиваться; а послѣ-завтра рано, если только погода не помѣшаетъ, не будетъ уже насъ здѣсь.

12 іюля.

2.

Ѳеодосія. 14-го октября 1823.

Я долженъ былъ давно изъявить вамъ искреннюю благодарность мою за два письма ваши, полученныя мною одно въ Саратовѣ, а другое здѣсь, но по предопредѣленію вышнему, довольно въ положеніи нашемъ счастливому, лишенъ былъ я сей возможности. На пятый день по пріѣздѣ нашемъ въ Ѳеодосію, и именно тогда, какъ собирался я отправиться въ Одессу и потомъ въ Вознесенскъ, получилъ я сильную подагру въ обѣихъ ногахъ и колѣняхъ и хирагру въ лѣвой рукѣ, такъ что я пролежалъ почти три недѣли въ постели и только нѣсколько дней оставилъ ее, чтобъ сидѣть въ спальнѣ на креслахъ. Во время мученій моихъ и теперь сколько разъ благодарилъ я Бога, что болѣзнь не постигла меня гдѣ-нибудь на Волгѣ, на Дону или въ морѣ, ибо тогда разстроился бы весь планъ путешествія нашего, и мы по неволѣ съ больною нашею остались бы, можетъ быть, на зиму гдѣ-нибудь въ Дубовкѣ, Качалинскѣ или иномъ симъ подобнымъ жалкимъ изображеніямъ нашихъ городовъ. Одно досадно мнѣ, это, что не могъ я быть въ Вознесенскѣ. Мнѣ вообще хотѣлось воспользоваться полученнымъ мною на сіе отъ его величества позволеніемъ, а при томъ объясниться по одному глупому и подлому дѣлу, которое изобрѣлъ министръ юстиціи [3]) и коимъ, какъ пишутъ къ намъ, городъ и предмѣстья столичныя занимались. Дочь моя [4]) по возвращеніи ея встрѣчена была сими сплетнями и крайне ими огорчилась. Въ дѣлѣ семъ, которое князь Лобановъ принялъ такъ къ сердцу, потому что тутъ замѣшанъ отчасти Яковлевъ и зять его нѣкто Якубовичъ или Якубовскій, я такъ виноватъ, какъ Нессельродъ или иной кто служащій. Ни провинціальныя сплетни, ни глупости министра юстиціи никогда меня не занимали, а о послѣднемъ я, истинно,

---

[1]) Дочери Сперанскаго, Е. М. Фроловой-Багрѣевой.

[2]) Троюроднаго племянника графа В. П. Кочубея.

[3]) Генералъ-отъ-инфантеріи князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій.

[4]) Графиня Наталья Викторовна, бывшая замужемъ за графомъ А. Г. Строгановымъ.

никогда и не думалъ; къ сему присоединить долженъ я, что и дѣла министерства внутреннихъ дѣлъ, доставляя мнѣ весьма мало отрады (sic), я занимался въ строгомъ смыслѣ тѣмъ, что составляло обязанность мою, и не только не старался умножать дѣлъ, но, напротивъ, искалъ всегда уменьшать ихъ. Губернаторъ калужскій [1]), коего я никогда до 1820 или 1821 года не зналъ и не видалъ, получилъ л и ч н о высочайшее повелѣніе прислать чрезъ меня записку о чиновникахъ калужскихъ. Записку сію онъ ко мнѣ доставилъ. Для чего? Для представленія его величеству. Государь находился тогда не знаю гдѣ, въ Лайбахѣ или Веронѣ. Между тѣмъ отправляется въ Калугу одинъ чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ для совокупнаго слѣдствія съ чиновниками министерства финансовъ и юстиціи по какому-то казенному имѣнію. Я поручаю ему узнать подъ рукою о партіяхъ въ Калугѣ и пр. Онъ возвращается и словесно дѣлаетъ мнѣ донесеніе, отзываясь, что онъ не хочетъ быть доносчикомъ. Я нашелъ, что долгъ его требуетъ, чтобъ онъ представилъ мнѣ записку, и удостовѣрялъ его, что его величество не компрометируетъ его. Свѣдѣнія, въ запискѣ сей заключающіяся, подтверждены были мнѣ отзывами княгини Голицыной и дочери ея графини Строгоновой [2]) объ интригахъ въ Калугѣ противъ губернатора и пр.

Все дѣло сіе оставалось у меня въ числѣ неконченныхъ, потому что я рѣдко имѣлъ случай видѣть его величество, и, вѣроятно, и теперь бы въ семъ положеніи находилось, еслибы я, по случаю отъѣзда моего, не счелъ себя обязаннымъ очистить дѣла, по высочайшему повелѣнію у меня непосредственно производившіяся, и тѣмъ, такъ сказать, очистить свою отвѣтственность. Его величество хотѣлъ чиновниковъ сихъ отрѣшить, но по замѣчаніямъ моимъ велѣно ихъ только перемѣстить. Приплетаютъ къ сему дѣло какого-то Гурьева и князя Вяземскаго, коего, какъ то государю извѣстно, я презираю, съ коимъ я никакихъ сношеній не имѣю; это гнусная подлость, которой его величеству не должно бы терпѣть. По невозможности личнаго объясненія, я не оставлю, коль скоро силы мои позволятъ, писать къ его величеству, такъ, какъ должно человѣку, который честь свою почиталъ всегда для себя выше всего и который службою своею надѣялся пріобрѣсти право на вниманіе и довѣріе.

Путешествіе наше сопровождено было по Волгѣ всѣми возможными пріятностями; все меня тутъ интересовало; по системѣ каналовъ нашихъ и Дону множествомъ затрудненій и величайшихъ непріятностей; вообще путешествія подобнаго никому я ни желать, ни совѣтовать не

[1]) Д. с. с. Никита Кузьмичъ Омельяненко.

[2]) Княгини Натальи Петровны Голицыной (рожд. графини Чернышевой) и ея дочери, графини Софіи Владиміровны Строгановой.

могу, да по истинѣ безъ необыкновенныхъ усилій и страшныхъ издержекъ оно и невозможно. Мы издержали до Ѳеодосіи 48.000 рублей. Вездѣ на пути я разспрашивалъ, развѣдывалъ, слушалъ, разсуждалъ. Какъ счастливо государство, которое или безъ управленія въ провинціяхъ или при самомъ злоупотребительномъ оныхъ управленіи можетъ наслаждаться тишиною и быть удостовѣреннымъ, что она нарушена быть не можетъ! Впрочемъ, сколько можно сдѣлать пользы и заставить прославлять настоящее царствованіе, это неисчислимо! Но не мнѣ, бѣдному немощному, сидящему въ крымской Камчаткѣ, можно ласкать себя надеждою въ чемъ-либо полезномъ участвовать. Мнѣ остается только помышлять провести остатокъ жизни моей въ покоѣ; и сего только я нынѣ и желаю.

Жена моя благодаритъ васъ усердно за ваше вспоминаніе и поручаетъ вамъ послать дружеской ея поклонъ. Мы пользовались цѣлый мѣсяцъ самою прекрасною погодою; но вчера при сильномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ показался сильный снѣгъ съ мятелью; сказываютъ, что сіе явленіе есть чрезвычайное и что мы опять должны будемъ сидѣть скоро съ открытыми окошками.

Примите свидѣтельство искренняго моего почтенія и преданности.

3.

Ѳеодосія. 30-го октября 1823.

Графъ Безбородко-Кушелевъ [1]) посѣтилъ насъ здѣсь; я пользуюсь возвращеніемъ его въ Петербургъ, сколько впрочемъ ни будетъ оно медленно, чтобъ писать откровеннѣе, нежели можно отважиться на сіе по почтѣ. Я начну изъясненіемъ вамъ искренней благодарности за письмо ваше отъ 28-го сентября и приложеніе къ оному, чрезъ Черниговъ мнѣ доставленныя. Вамъ уже извѣстно, что по причинѣ болѣзни моей не могъ я быть въ Вознесенскѣ; впрочемъ сіе, можетъ быть, послужило для меня къ лучшему. Глупая исторія моя съ княземъ Лобановымъ (Дмитріемъ Ивановичемъ) такъ меня разсердила, что я при разстройствѣ нервовъ моихъ, можетъ быть, сказалъ бы и много правды и много лишняго. Тутъ досадны были мнѣ не дѣйствія Лобанова, но то, что забыто было, какимъ образомъ приказано было мнѣ производить дѣло о чиновникахъ калужскихъ; что я избавилъ ихъ отъ отрѣшенія; что мнѣ сказано было именно: «Напиши рескриптъ, дабы уже не можно было министру юстиціи отговариваться»,—и

[1]) Графъ Александръ Григорьевичъ Кушелевъ-Безбородко, впослѣдствіи сенаторъ.

все сіе забыто—когда? Послѣ самыхъ сильнѣйшихъ увѣреній въ благорасположеніи ко мнѣ и изъявленіи желанія неоднократно, чтобъ я непремѣнно возвратился. Самой простой ходъ состоялъ бы въ томъ, чтобъ у меня спросить объясненія; но тутъ уже должно видѣть и образъ дѣйствія и замашку графа Аракчеева. Ему не нравилось, что я докладывалъ его величеству; но часто ли я докладывалъ и виноватъ ли я, что сіе было мнѣ самимъ государемъ съ самаго начала предоставлено? Да и самъ графъ Аракчеевъ присылалъ иногда ко мнѣ бумаги съ объявленіемъ повелѣнія объ оныхъ лично доложить его величеству.

Но, какъ бы то ни было, ни прежде, ни нынѣ, на шестомъ десяткѣ жизни моей, не могу я быть расположенъ переносить подобные поступки. Вслѣдствіе сего я писалъ къ его величеству, какъ слѣдовало человѣку правому и честь свою выше всего для себя поставляющему. Съ бумагъ сихъ посылаю я вмѣстѣ съ симъ списки къ дочери моей, которая, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, бывъ встрѣчена вездѣ исторіею такъ называемою моею съ княземъ Лобановымъ, крайне, какъ писала она къ матери своей, симъ огорчилась. Дочь моя сообщитъ вамъ бумаги сіи для единственнаго свѣдѣнія вашего; я и ей пишу о всевозможной скромности, въ избѣжаніе какихъ-либо новыхъ комеражей. Къ графу Аракчееву, писавшему къ женѣ моей самое привѣтливое письмо изъ Вознесенска по случаю болѣзни моей, писалъ я также коротко о дѣлѣ семъ, извѣщая его, что онымъ осмѣлился я обременить непосредственно государя.

Вотъ ходъ и движенія мои по обстоятельству, которое сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ отъ родственниковъ моихъ и жены моей, а симъ послѣднимъ отъ всѣхъ и во всѣхъ обществахъ.

Въ такомъ положеніи отнюдь не могу я имѣть намѣренія прибыть будущаго лѣта въ Петербургъ, и напротивъ (поколику, впрочемъ, можно въ семъ мірѣ дѣлать какія-либо на будущее время планы), кажется, пришлю просьбу объ увольненіи отъ службы. Я не думаю, чтобъ сіе встрѣтило затрудненіе. Дѣла и безъ меня шли и пойдутъ къ удовольствію. Сдѣлается привычка къ новымъ людямъ и къ новому порядку, и все прошедшее забудется. В. С. Ланской придѣлается къ тому времени еще болѣе къ министерству [1]), и всѣ останутся довольными. Я долженъ сказать, что многіе Ланского хвалятъ столько, сколько проклинали покойнаго барона [2]).

Лѣто думаю провести въ Диканькѣ, если здоровье Анеты позволитъ, а будущую зиму въ Одессѣ. Далѣе не дерзаю распространять видовъ моихъ.

---

[1]) Василій Сергѣевичъ Ланской (р. 1754 † 1831) управлялъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ съ 1823 по 1827 г.

[2]) Кампенгаузена.

Оставляя мои скучныя обстоятельства, я обращусь къ тѣмъ, кои до васъ относиться могутъ. Я удивился, узнавъ отъ васъ, что по возвращеніи вашемъ его величество не изволилъ вамъ ничего сказать о желаніи его, чтобъ вы поспѣшили окончить Уложеніе. Что сіе мнѣ его величество говорилъ обстоятельно, въ томъ, какъ то уже я и писалъ къ вамъ, не имѣйте никакого сомнѣнія. Графъ же Аракчеевъ, изъясняясь мнѣ въ томъ же смыслѣ, сказалъ однажды: «Я еще то думаю, что одинъ Михайло Михайловичъ можетъ написать законы и что, если его не станетъ, то надобно все бросить». «Сіе,—примолвилъ онъ,—и государю я осмѣлился сказать». Изъ сего вы судить можете, что есть точная воля и желаніе, чтобъ вы не теряли времени. Я, съ своей стороны, видѣвъ всегда въ Уложеніи величайшую пользу и привязанъ будучи къ личной славѣ вашей и выгодамъ вашимъ, люблю ласкать себя надеждою, что вы наконецъ приметесь рѣшительно за дѣло и удовлетворите всѣмъ ожиданіямъ.

Петербургская газета, на которую бросаемся мы съ жадностію, какъ на единую вѣстницу нашу изъ столицы, въ послѣднемъ № своемъ возвѣстила пріѣзжими двухъ чиновниковъ министерства финансовъ Царства Польскаго. Мнѣ пришло на мысль, не будутъ ли они употреблены для преобразованія сей части у насъ? Если бы сіе такъ случилось, то дай только Богъ, чтобъ не затѣяли какихъ-либо новыхъ налоговъ. Общая бѣдность по истинѣ описана быть не можетъ. Надобно бы г. Канкрину сперва подумать о составленіи новыхъ источниковъ богатства и о прочномъ утвержденіи тѣхъ, кои существуютъ; тогда будетъ съ чего собирать налоги. Въ настоящемъ же положеніи вещей, если вздумаетъ еще брать, то легко подпадетъ подъ тѣ общія и единогласныя проклятія всей Россіи, коимъ подвергся отъ сѣвера до юга предмѣстникъ его [1]). Я знаю нѣсколько дѣйствій г. Канкрина, кои показываютъ поспѣшность и неосмотрительность. Исторія его съ Рибопьеромъ была самая неприличная и совершенно, какъ говорятъ французы, d'un parvenu. Балугіянскій [2]), говоря мнѣ однажды, при случаѣ увольненія графа Гурьева, о свойствахъ, кои нужны министру, хотѣлъ меня увѣрить, что нужна важная осанка et même un ventre [3]). Я думаю, что чуть ли онъ не правъ. По системѣ сей я бъ уже хотѣлъ, чтобъ Канкринъ, къ коему брюха приставить не можно, хотя бы сдѣлался вантрилокомъ.

Здѣсь слухъ пронесся о пожалованіи въ Москвѣ немалаго числа новыхъ членовъ Государственнаго Совѣта. Какъ газета наша о Совѣтѣ

---

[1]) Графъ Д. А. Гурьевъ.

[2]) Михаилъ Андреевичъ, извѣстный юристъ, въ то время членъ Коммиссіи составленія законовъ, потомъ сенаторъ († 1847).

[3]) Т. е. и даже брюшко.

всегда молчитъ, то и не знаю доселѣ имянъ ихъ. Я желаю, чтобъ они были толковитѣе тѣхъ, коими въ немаломъ числѣ Совѣтъ доселѣ былъ наполненъ; а впрочемъ, какъ турки и татары говорятъ: Ишъ аллахъ — аллахъ керимъ, то есть: какъ Богу угодно — великъ Богъ.

Упомянувъ о татарахъ, я опомнился и испугался, чтобъ, по долготѣ письма моего, не приняли вы и меня за какого-нибудь азіатца, кои обыкновенно весьма склонны бываютъ много писать, когда хоть немного грамотѣ знаютъ. Итакъ простите и прощайте. Я весьма счастливъ тѣмъ, что отнюдь здѣсь не скучаю. Читаю много, и время проходитъ самымъ пріятнымъ образомъ. О суетахъ свѣта и столицы истинно никогда не думаю. Жена моя, благодареніе Богу, въ тѣхъ же расположеніяхъ находится. Одно, что дурно и что много меня озабочиваетъ, это домашнія мои дѣла. Доходовъ нѣтъ, а долги умножаются довольно страшною пропорціею. Вѣрьте душевной моей преданности.

P. S. Н. С. Мордвиновъ подалъ, сказываютъ, какое-то мнѣніе по бумагѣ министра юстиціи противу меня. Не можно ли при случаѣ хотя слово мнѣ о семъ сказать.

4.

Ѳеодосія. 26-го февраля 1824 г.

Если весьма рѣдко къ вамъ пишу, то не отнесите сего ничему иному, какъ скромности моей. Люди праздные, подобные мнѣ, часто противно сему поступаютъ и, заботя людей, занятыхъ дѣлами, жалуются, что на письма ихъ не отвѣчаютъ; но если и храню я молчаніе противу васъ, то тѣмъ не менѣе не оставляю принимать искренняго участія во всемъ томъ, что до васъ касается, и посему съ особенною признательностію пріиму, буде, при свободной минутѣ, скажете мнѣ хотя нѣсколько словъ объ успѣхѣ трудовъ вашихъ по части Уложенія. О! сколько желательно было бы, чтобъ часть судная выведена была наконецъ изъ настоящаго хаоса! И здѣсь, въ семъ маленькомъ городкѣ, всѣ неудобства сего видны. Въ Ѳеодосіи есть коммерческій судъ, который неправильностями своими и медлительностію приводитъ всѣхъ иностранцевъ въ отчаяніе. Судьи жалуются, что нѣтъ торговаго Уложенія; но что за люди и судьи! Прокуроръ переведенъ изъ Кавказской губерніи, а одинъ судья былъ гдѣ-то въ Иркутской губерніи полиціймейстеромъ или городничимъ. Прокуроръ по одному дѣлу между шкипера казака и купцовъ грека и еврея приводилъ недавно какъ-то законъ царя Алексѣя Михайловича; но я теперь такъ боюсь князя Дмитрія Ивановича Лобанова, что если-бы прокуроръ его и на законы царя Ивана Васильевича сослался, то и тогда я бы молчалъ.

Бѣдный Перовскій [1]) (котораго, я думаю, вы знаете), предобрый и пречестный малый, но совсѣмъ къ дѣламъ администраціи неспособный, находится теперь въ самомъ непріятномъ положеніи. Онъ ввѣрилъ себя слѣпо нѣкоему Аверкіеву, правителю его канцеляріи, злодѣянія коего теперь лишь обнаружились, и когда? Тогда, какъ онъ уже ушелъ. Чиновники, за нимъ посланные, нашли его за Симферополемъ въ его имѣніи и сюда на-днихъ привезли.

Крымъ ожидаетъ вашихъ разрѣшеній совѣтскихъ о повинностяхъ, межеваніи и пр. Время бы кончить уже дѣла сіи.

Пріимите свидѣтельство истиннаго моего почтенія и искренней преданности.

5.

Диканька. 6-го іюня 1824 г.

Я весьма давно не писалъ къ вамъ и все по тому же правилу, чтобъ не безпокоить письмами моими людей, дѣлами занятыхъ. Основавъ теперь пребываніе мое здѣсь, мнѣ весьма пріятно было при самомъ началѣ онаго узнать о перемѣщеніи Багрѣева [2]). Отъ людей весьма хорошихъ слышу я, что въ губерніи сожалѣютъ о немъ, отдавая справедливость честности его и добрымъ намѣреніямъ и опасаясь преемника; но я считаю, что для самого Александра Алексѣевича это большое счастіе, не потому, чтобъ новое мѣсто его было весьма выгодно, но по опасности, которая предстоять можетъ и самому благонамѣреннѣйшему мѣстному начальнику, когда зависимость его также на мѣстѣ не руководствуется ни правилами, ни законами. О безпорядкахъ здѣшнихъ я много слышу со времени пребыванія моего въ семъ краю. Слухъ пронесся было, что князь Репнинъ [3]) не возвратится; а за нимъ послѣдовалъ и другой, всѣхъ въ уныніе приведшій, будто генералъ Эртель назначается ему въ преемники. Эртеля знаютъ здѣсь по пребыванію его въ Ромнѣ для сформированія резервовъ. Тамъ прославился онъ пьяными своими привычками, кои продолжая, обобралъ было онъ и могилевскаго помѣщика Яншина, о чемъ и его величеству извѣстно.

Въ самый день отъѣзда моего изъ Крыма (5-го маія) повергъ я на высочайшее усмотрѣніе бѣдственныя мои обстоятельства и участь мою,

---

[1]) Николай Ивановичъ († 1858), бывшій таврическимъ губернаторомъ.

[2]) Зять Сперанскаго Александръ Алексѣевичъ Фроловъ-Багрѣевъ, занимавшій должность черниговскаго гражданскаго губернатора, былъ въ 1824 г. назначенъ членомъ Совѣта министра финансовъ.

[3]) Малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Николай Григорьевичъ Репнинъ-Волконскій († 1845 г.). Онъ занималъ эту должность с 1816 по 1835 годъ.

прося его величество уволить меня или дать безсрочный отпускъ, если бы сіе могло быть его величеству угодно. Сію просьбу дополнилъ я удостовѣреніемъ весьма искреннимъ, что всякое рѣшеніе, то есть то или другое, приму я съ подобаемымъ повиновеніемъ и живѣйшею признательностію. Между тѣмъ послалъ я къ государю разныя записки о надобностяхъ брошеннаго Крыма и о нѣкоторыхъ способахъ или мѣрахъ къ исправленію. По соображенію времени я полагаю, что въ исходѣ іюня участь моя будетъ рѣшена, и напередъ ожидаю, что по нѣкоторымъ неудобствамъ оставится, какъ говорятъ у насъ, министерство безъ хозяина, хотя графъ Вязмитиновъ и былъ ad interim восемь или девять лѣтъ, (а) я получу увольненіе.

Кстати объ увольненіи. Таковое князя А. Н. Голицына [1]) произвело въ провинціяхъ довольно пріятное впечатлѣніе. Я не сомнѣваюсь, чтобъ онъ не имѣлъ добрыхъ намѣреній, но не умѣлъ, кажется, прилагать оныхъ какъ слѣдовало. Повидимому, онъ занимался чѣмъ-то не тѣмъ, что для дѣлъ нужно. И духовныя дѣла, и часть ученая находятся въ провинціяхъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, кои я видѣлъ, большею частію въ самомъ жалкомъ положеніи. Архіереи или секретари ихъ такъ же берутъ, какъ и чиновники свѣтскіе, и безпорядки и безчинства духовенства неисчислимы. Объ училищахъ нашихъ и говорить нечего. Они приводятъ въ отчаяніе всѣхъ отцовъ. Я видѣлъ въ Одессѣ того архимандрита, который разстроилъ тамошнюю гимназію. Ненависть къ нему есть общая; правильна ли она или неправильна, я не знаю; но отголосокъ, почти безъ исключеній, въ понятіяхъ моихъ что-нибудь значитъ. Видъ архимандрита сего крайне мнѣ не понравился, c'est quelque chose de jésuitique au suprême degré [2]). Надѣяться теперь должно, что князь Голицынъ, имѣя болѣе свободнаго времени, обратитъ все вниманіе свое на устройство почтъ въ государствѣ. Мы обращаемъ вниманіе на раскрытіе разныхъ вѣтвей промышленности и на внутреннюю торговлю, и сіе дѣйствительно необходимо и полезно; но какимъ образомъ, при таковыхъ благихъ намѣреніяхъ, лишать торговыхъ людей способовъ сообщенія? Изъ С.-Петербурга въ Одессу приходитъ почта въ седьмыя сутки; это прекрасно; но изъ портовъ крымскихъ до Одессы, т. е. на разстояніи не болѣе 550-ти верстъ, почта идетъ восемь и девять дней. Изъ Москвы, гдѣ находятся главнѣйшія фабрики наши, почта въ Курскъ, Харьковъ, составляющій средоточіе торговли между Москвы, Петербурга, Риги и южныхъ портовъ, приходитъ только одинъ разъ въ недѣлю. Кущы должны отправлять эстафеты; но спросите, чего онѣ

---

[1]) Отъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ главноначальствующимъ надъ почтовымъ департаментомъ.

[2]) Т. е. это нѣчто въ высшей степени іезуитское.

стоятъ? Однимъ словомъ, по почтовымъ устройствамъ князь Голицынъ можетъ себя прославить. Прошу покорно оставить всѣ сіи откровенныя разсужденія мои единственно для васъ. Я, истинно, желчи не имѣю, давно знаю князя Александра Николаевича и вообще, въ отношеніи всѣхъ вещей сихъ, почитаю себя давно человѣкомъ до-полу-мертвымъ, который думаетъ только о томъ, какъ бы дожить остальные дни жизни своей.

Я нашелъ здѣсь все въ самомъ восхитительномъ видѣ. Деревья сада моего, коего такъ давно не видалъ, разрослись чрезвычайно. Цвѣтовъ множество; домъ отдѣланнымъ вновѣ, какъ не можно лучше. Мы живемъ довольно уединенно и потому весьма пріятно. Удовольствіе мое было бы несравненно больше, если бы не надобно было заниматься хозяйственными моими дѣлами. Они довольно разстроены отъ худаго управленія и отъ недостатка доходовъ. Ничто не продается, и деньги рѣже всего. Я ожидаю со дня на день ослицъ изъ Кіевской губерніи, чтобъ начать лѣченіе мое посредствомъ употребленія молока ихъ и пр., и тогда уже останусь неподвижнымъ здѣсь на все лѣто.

Пріимите свидѣтельство совершеннаго почтенія и преданности.

6.

Диканька. 20-го августа 1824.

Елизавета Михайловна [1]), къ большому нашему сожалѣнію, спѣшитъ отъѣздомъ въ С.-Петербургъ. Она засвидѣтельствуетъ вамъ, сколько рады были мы ее видѣть и сколько привыкли мы считать ее въ числѣ ближнихъ нашихъ, самыхъ для насъ пріятныхъ и дорогихъ. Багрѣеву лично я повторилъ о убѣжденіи моемъ, что не могло для него быть ничего счастливѣе, какъ перемѣщеніе его въ столицу. Здѣсь все идетъ противъ здраваго разсудка, и злоупотребленія неисчислимы. Генералъ-губернаторъ [2]) въ деревнѣ своей ѣстъ и пьетъ, а управляютъ губерніями канцелярскіе чиновники, изъ всего деньги дѣлающіе.

Я увѣдомилъ васъ о просьбѣ, посланной мною объ увольненіи вовсе или о пожалованіи отпуска безсрочно. Доселѣ не имѣю никакого отвѣта. О семъ просилъ я непосредственно его величество. Къ графу Аракчееву не писалъ ничего потому, что, вызванъ будучи имъ на переписку дружескими или ласковыми отзывами, я нашелъ въ немъ мало склонности кончить дѣло мое съ министромъ юстиціи, которое самъ онъ, не знаю по какимъ видамъ, и породилъ. Опытъ прошедшихъ временъ показалъ мнѣ, какъ люди въ нѣкоторыхъ лѣтахъ и въ высшихъ степеняхъ по

---

[1]) Дочь Сперанскаго, Е. М. Фролова-Багрѣева.

[2]) Князь Н. Г. Репнинъ-Волконскій (см. выше, стр. 310, прим. 3-е).

службѣ были трактуемы и государями, и тѣми, кои дѣлами при нихъ управляли, и я не могу понять, какъ можно отказать человѣку въ судѣ, который онаго проситъ? Какъ бы то ни было, d'autres temps, d'autres moeurs [1]). Я рѣшился ничего теперь вновь ни къ государю, ни къ первому министру не писать. Жена моя поѣдетъ въ октябрѣ въ столицу. Она, можетъ быть, исходатайствуетъ увольненіе мое отъ министерства, въ коемъ я остаться не могу; а если и ея поѣздка оставитъ меня въ настоящей нерѣшимости, тогда я самъ явлюсь въ маіѣ мѣсяцѣ на короткое время и стараться буду выйти изъ неудобнаго положенія моего. Женѣ моей нужно необходимо быть въ Петербургѣ. Она хочетъ увидѣться съ Натальею Кирилловною [2]) и сверхъ сего нужно намъ сдѣлать что-нибудь для воспитанія старшихъ нашихъ сыновей. Можно ли будетъ послать ихъ въ чужіе краи, или по запрещеніямъ, кои нынѣ иногда дѣлаютъ, должно будетъ окончить воспитаніе ихъ въ Россіи?— Гдѣ и какъ? Въ послѣднемъ случаѣ немало встрѣтится затрудненій. Не знаю, исправляется ли часть воспитанія въ столицахъ, а въ провинціяхъ не можно себѣ представить, до какой степени всѣ училища упали. Не думаю, признаюся, что(бъ) Александръ Семеновичъ Шишковъ [3]) много пользы произвелъ. Общее мнѣніе держится также сего заключенія. Я знаю, что его не уважаютъ, однакожъ уничтожить его не можно, и люди судятъ и говорятъ охотно о дѣйствіяхъ правительства и актахъ, отъ него выходящихъ. На досугахъ, живучи въ деревнѣ, я читалъ весьма много старыхъ бумагъ покойнаго князя Безбородко, начиная съ 1776 года, и восхищался правилами, кои тогда руководили императрицу. Между бумагами сими нашелъ я, что съ 1778 или 1779 года императрица весьма занималась обрядомъ производства дѣлъ, что о семъ требовала мнѣнія отъ всѣхъ генералъ-губернаторовъ и что для разсмотрѣнія мнѣній сихъ учреждена была особая коммиссія, въ которую подъ конецъ попалъ графъ Завадовскій. Не знаю, извѣстно ли вамъ сіе обстоятельство? Мнѣ кажется, что вы должны имѣть всѣ сіи бумаги въ Коммиссіи законовъ, вѣроятно, впрочемъ, довольно ничтожныя. Я нашелъ также между бумагами князя и нѣсколько листовъ проекта инструкціи для губернскихъ референдаріевъ. Кажется, что императрица хотѣла ихъ учредить при каждомъ губернскомъ правленіи для принятія прошеній. Сколько могу я о семъ судить, установленіе сіе не имѣло никакого твердаго основанія, да вѣроятно, что таковымъ почиталъ оное и князь Безбородко, потому что онъ его не окончилъ.

---

[1]) Т. е. иныя времена, иные нравы.

[2]) Извѣстною Натальею Кирилловною Загряжскою.

[3]) Назначенный министромъ народнаго просвѣщенія вмѣсто кн. А. Н. Голицына.

Кстати о бумагахъ. Я не могу вамъ изъяснить, съ какимъ удовольствіемъ видѣлъ я изъ послѣдняго письма вашего, что вы продолжаете усердно заниматься Уложеніемъ. Не оставляйте Бога ради сего дѣла. Пойдетъ ли оно въ ходъ или нѣтъ, вы тѣмъ не менѣе пріобрѣтете у насъ имя историческое. Составить Уложеніе для государства, не имѣющаго онаго, въ коемъ всѣ законы перемѣшаны, запутаны, гдѣ нѣтъ суда, есть предпріятіе важнѣйшее, какое только исполнено быть можетъ, и я желаю, чтобъ Богъ далъ вамъ довольно силъ и твердости оное совершить. Если графъ Аракчеевъ въ могуществѣ своемъ поможетъ вамъ Уложеніе сіе обратить въ законъ, то симъ пріобрѣтетъ онъ право на общую благодарность. Я говорю о могуществѣ его потому, что всѣ объ томъ твердятъ въ провинціяхъ, а пріѣзжающіе отъ васъ укрѣпляютъ сіе мнѣніе, утверждая, что онъ отъ дня въ день дѣлается болѣе все и безъ него ничего нѣтъ.

Мы ожидаемъ нетерпѣливо всякой день дочерь нашу и сокрушаемся кратковременнымъ нашимъ съ нею свиданіемъ, ибо не позже 15-го сентября должны мы выѣхать въ Одессу. Больная наша, кажется, все идетъ къ лучшему. Я пилъ все лѣто ослиное молоко и употреблялъ des fondants [1]), но не знаю, что сказать о здоровьѣ моемъ. Кровохарканье иногда пресѣкается. Движеніе немного сильное мнѣ вредно, и я почти не могу ходить, дѣлается одышка и большое движеніе крови. Кромѣ сего я довольно здоровъ и безмѣрно счастливъ, наслаждаясь неописаннымъ удовольствіемъ деревенской жизни. Всѣ мы оставимъ Диканьку съ большимъ сокрушеніемъ.

Смерть графини Анны Ивановны [2]) искренно меня огорчила. Кромѣ того, что она была предобрая женщина, я считалъ всегда, что существованіе ея нужно для дочери ея, которая теперь можетъ расточить и послѣднее имѣніе и можетъ найтиться безъ куска хлѣба. Я писалъ къ ней; но не думаю, чтобъ она послушалась моихъ и чьихъ бы то ни было совѣтовъ.

Непростительно долго занялъ я васъ письмомъ моимъ. По извѣстной вамъ лѣности моей, одно только удовольствіе бесѣдовать съ вами могло заставить меня написать четыре или пять листовъ. Я ничего никогда не пишу и почти ничего не дѣлаю. Хотѣлъ было заняться хозяйствомъ, но оно такъ глупо здѣсь идетъ у всѣхъ, что я подъ старость и слабость не счелъ себя въ силахъ что-либо предпринять.

Прощайте и вѣрьте искреннѣйшей моей преданности.

---

[1]) Растворяющія средства.

[2]) Вдовы графа Ильи Андреевича Безбородко, рожденной Ширяй († 1824).

7.

Одесса. 10-го октября 1824.

Жена моя предпринимаетъ наконецъ свой страшный путь до Петербурга. Главное побужденіеякъ сему есть намѣреніе увидѣться съ Натальею Кирилловною [1]) и желаніе взять мнѣніе докторовъ насчетъ лѣченія нашей больной. Положеніе Анеты есть самое горестное для родителей. Сомнѣнія нѣтъ, что здоровье ея поправляется, но вмѣстѣ съ симъ имѣемъ мы уже почти полное удостовѣреніе, что она будетъ хромать и останется безобразною. Сіе удостовѣреніе мы здѣсь получили, и теперь нужно знать, что на будущее время предпринять. Совѣтуютъ ѣхать весною въ Теплицъ. Хорошо; я и туда отправлюсь; но что будетъ далѣе, и долженъ ли я быть осужденъ надолго скитаться по свѣту, въ семъ состоитъ вопросъ, разрѣшеніе коего зависитъ отъ Гардера, Буша и компаніи.

Жена моя будетъ совѣтоваться съ вами и обо мнѣ. Я не получилъ никакого отвѣта на просьбу, принесенную мною объ увольненіи 5-го маія. Мнѣ кажется по истинѣ, что неприлично ни для государя держать министра только по имени, ни для меня быть онымъ только по званію. Вотъ общее мое заключеніе; но сверхъ сего никакъ не могу я желать и быть министромъ.

Въ настоящемъ порядкѣ вещей, когда съ одной стороны генералъ-губернаторы, большею частію, все коверкаютъ и безчинствуютъ, а съ другой графъ Аракчеевъ всѣмъ управляетъ, я не вижу никакой возможности управлять министерствомъ, ни даже почти надобности сохранить оное, а на 57-мъ году жизни моей можно ли мнѣ забыть достоинство человѣка съ чувствами и обратиться къ подлости и терпѣть уничиженіе? Изъ сего слѣдуетъ, что не должно мнѣ имѣть званія министра внутреннихъ дѣлъ. Засимъ, я готовъ буду пріѣхать въ Петербургъ и сѣсть въ Совѣтѣ членомъ подъ г. фонъ Дезинымъ [2]); но если бы была какая перемѣна въ нашей администраціи и графъ Аракчеевъ объявилъ себя, безъ дальнихъ обиняковъ, первымъ министромъ, то тогда я, можетъ быть, рѣшился бы еще остаться министромъ и тѣмъ показать, что я удаленъ отъ всякихъ гордыхъ видовъ и ничего другаго не желаю, какъ быть по возможности полезнымъ. Вы можете, при случаѣ, сказать графу Аракчееву о желаніи моемъ, чтобъ онъ сдѣлался первымъ министромъ. Впрочемъ я думаю, что дѣла, можетъ быть, пошли бы лучше; ничего не можетъ быть вреднѣе, какъ настоящее ихъ на-

---

[1]) Загряжскою.

[2]) Старый (р. 1740 † 1826), ничтожный адмиралъ Вилимъ Петровичъ фонъ-Дезенъ, безъ всякихъ знаній въ гражданской части.

правленіе. Къ графу Аракчееву давно уже я не пишу и объ увольненіи моемъ вовсе ничего ему не упоминалъ, а потому и васъ прошу о семъ съ нимъ не изъясняться, развѣ бы онъ первый началъ вамъ говорить. Жена моя сію же самую черту въ поведеніи ея соблюдетъ, если графъ Аракчеевъ пожелаетъ ее видѣть. О томъ, что у васъ дѣлается, мы въ провинціяхъ ничего совершенно не знаемъ, кромѣ того, что проскакиваютъ иногда слухи о подозрѣніяхъ, недовѣрчивости, задержаніяхъ и пр. Въ провинціяхъ иногда ищутъ, какъ сказываютъ, карбонаровъ, но не находятъ, а я только видѣлъ доселѣ невѣждъ помѣщиковъ, иногда жестокихъ, употребляющихъ власть свою, какъ во времена царя Іоанна Васильевича. Одесса мнѣ довольно понравилась. Городъ имѣетъ нѣчто иностранное, и климатъ, по увѣреніямъ всѣхъ, долженъ быть здоровый. Графа Воронцова [1]) нашелъ я въ жалкомъ положеніи. Онъ думаетъ, что крымская лихорадка привела его въ такое разслабленіе, но мнѣ кажется, что болѣзнь его гораздо серіознѣе, и я не знаю, какъ можетъ онъ предпринять путь въ Петербургъ, куда онъ въ будущемъ мѣсяцѣ выѣхать собирается.

Скажите, что сдѣлалось съ нашимъ Канкринымъ? Я ничего кромѣ глупостей о немъ не слышу, да по нѣкоторымъ актамъ его и самъ готовъ считать, что не напрасно ихъ ему приписуютъ. Слѣдуя по стезямъ фискальнымъ предмѣстника своего, онъ мелочами сдѣлалъ еще болѣе несносными разныя мѣры свои. Край и отъ нихъ, и отъ неурожаевъ, и саранчи находится въ самомъ страдательномъ положеніи. Вѣроятно, что и Малороссія не избѣжитъ въ будущемъ году многихъ бѣдствій, потому что саранча вездѣ тамъ на зиму остановилась. Не видѣвъ прежде зла, насѣкомымъ симъ производимаго, я бы никогда не воображалъ, чтобъ оно могло быть такъ велико.

Не задерживайте, пожалуйста, долго жены моей. Признаюсь, что разлука моя съ нею весьма для меня тягостна, а наипаче нынѣ, когда на рукахъ моихъ остаются дѣти и немощная дочь наша. Жена моя будетъ съ вами говорить и о воспитаніи старшихъ нашихъ сыновей. Не оставьте ея безъ добраго вашего совѣта.

Пріймите увѣреніе искреннѣйшей моей преданности.

8.

Одесса. 18-го генваря 1825 г.

Жена моя, по возвращеніи въ Одессу, доставила мнѣ, милостивый государь мой Михайло Михаиловичъ, интересное ваше письмо. Я ожи-

---

[1]) Графа Михаила Семеновича Воронцова, въ то время новороссійскаго генералъ-губернатора.

далъ только надежнаго случая, чтобъ принести вамъ за оное искреннѣйшую мою благодарность и нынѣ, находя оный въ отъѣздѣ графа Воронцова, исполняю сіе съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что могу откровенно съ вами бесѣдовать.

Жена моя, конечно, сообщила вамъ, что на возобновленное мною чрезъ нее прошеніе объ увольненіи меня отъ министерства послѣдовало высочайшее соизволеніе; но какъ однакожъ не приведено было въ дѣйствіе, то, возвращая фельдъегеря, съ женою сюда прибывшаго, я осмѣлился прямо его императорскому величеству благодарность мою за увольненіе мое (принесть) [1]), полагая, что, по полученіи письма моего, вспомнятъ объ ономъ и что приказано будетъ написать указъ. Сіе по понятіямъ моимъ и по образу мыслей моихъ для меня необходимо, ибо если нынѣ не избавлюсь я отъ министерства, коимъ ни за что на свѣтѣ въ настоящемъ порядкѣ управлять я не могу, то, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, не можно будетъ мнѣ тотчасъ оное безъ непріятностей оставить, и я буду брошенъ въ грязь съ перваго моего появленія. Что касается до будущаго моего существованія, то въ отношеніи публичнаго моего званія, я весьма мало онымъ занимаюсь. Не знаю по истинѣ, что лучше еще, быть ли простымъ членомъ Совѣта или президентомъ онаго. О послѣднемъ званіи семъ самъ государь мнѣ говорилъ года два тому назадъ и, при опредѣленіи меня въ министерство, бралъ тотъ примѣръ, что какъ графъ Румянцовъ [2]), бывъ министромъ, занималъ мѣсто президента, то и я тѣмъ быть могу; но я и припоминать о семъ не стану, ни претензій какихъ-либо имѣть не буду [3]) и весьма охотно уступлю всѣ права свои (если бы я и могъ ихъ имѣть) князю Куракину [4]), который, конечно, всегда пріятнѣе будетъ графу Аракчееву. По слухамъ провинціальнымъ, князь сей заступилъ, сказываютъ, барона Кампенгаузена. Говорятъ, что когда что-нибудь особое хотятъ сдѣлать, то князю дѣлается откровенно внушеніе, и онъ тотчасъ словесно или письменно излагаетъ свое мнѣніе, которое утверждается, несмотря на то, что оно есть единственно; говорятъ, что князь также и усиленіемъ наказаній угождать хочетъ, а у Канкрина, какъ вѣрная собака, у ногъ лежитъ. Согласитесь, что не можно большаго имѣть желанія ни предсѣдательствовать такихъ людей, ни засѣдать съ ними.

---

[1]) Это письмо Кочубея къ государю, отъ 3-го января 1825 г., напечатано Н. Ѳ. Дубровинымъ въ „Письмахъ главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе императора Александра I“. Спб. 1883, стр. 403—404.

[2]) Канцлеръ графъ Николай Петровичъ Румянцовъ.

[3]) Извѣстно, что Кочубей былъ назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта уже при императорѣ Николаѣ, въ 1827 году, по смерти князя П. В. Лопухина.

[4]) Князю Алексѣю Борисовичу, бывшему генералъ-прокурору. См. „Русскую Старину“ 1902 г., февраль, стр. 292.

Канкринъ обнаруживаетъ каждый день болѣе нелѣпость свою. Въ торговомъ городѣ, каковъ Одесса, еще болѣе она обнаруживается, несмотря на то, что недавно видѣлъ я письмо добрѣйшаго нашего Николая Семеновича [1]), въ которомъ, браня безъ пощады и съ удивительнымъ жаромъ графа Гурьева, превозноситъ онъ преемника его. Что доходы не поступаютъ, сему не можно удивляться. Надобно видѣть вблизи положеніе губерній. Торгу нѣтъ, внутренняя промышленность чрезмѣрно слаба. Графъ Гурьевъ разстроилъ крутыми и необдуманными мѣрами, а Канкринъ хочетъ исправлять школьными распоряженіями, прибавляя однакожъ вездѣ, гдѣ можетъ, письмоводство, формы и контроли, вѣроятно, сообразныя тѣмъ, коимъ онъ слѣдовалъ по интендантству. Здѣсь утверждаютъ, что онъ есть большой врагъ южному краю, и потому всѣ чрезмѣрно его не любятъ. Между тѣмъ въ несчастномъ краѣ семъ, разстроенномъ неурожаями и саранчею, бѣдность чрезмѣрная. Порядочная лошадь продается за 40 и 50 рублей. Волъ рублей за 20, овца рубля два. Къ счастію, что смежныя губерніи польскія и малороссійскія изобилуютъ хлѣбомъ и онымъ цѣнами сносными снабжаютъ здѣшнія мѣста. Одесса въ большомъ унынiи. Нѣтъ почти никакого торгу, и многія конторы хотятъ отсель переселиться. Сомнѣнія нѣтъ, чтобъ дѣла греческія не имѣли тутъ большаго вліянія. Любопытно теперь будетъ видѣть, какія послѣдствія имѣть будетъ возстановленіе прежнихъ нашихъ сношеній съ Портою? Сомнѣнія нѣтъ, что коль не покажемъ мы большой твердости въ Константинополѣ, когда тамъ будетъ Рибопьеръ [2]), и коль будемъ мы всегда употреблять посредство другихъ державъ, то поставимъ мы себя въ самое трудное и непріятное положеніе. Что ни утверждаетъ графъ Нессельродъ, нашъ первый врагъ, и врагъ личной государевъ, есть Меттернихъ. Это извѣстно всей Европѣ, и только вы одни въ Петербургѣ сему не вѣрите.

Главный начальникъ здѣшній [3]) будетъ стараться васъ видѣть. Онъ при извѣстныхъ правилахъ его преисполненъ усердія и добрыхъ намѣреній, и край сей дѣйствительно счастливъ, имѣя генералъ-губернатора, который не хочетъ оборотить всего вверхъ дномъ. Если случится ему иногда спросить вашего совѣта по какимъ-либо дѣламъ, до края сего относящимся, то не откажите ему онаго. Не скажу вамъ ничего отличнаго о другомъ начальникѣ здѣшнемъ графѣ Гурьевѣ [4]). Тутъ долженъ

---

[1]) Извѣстнаго адмирала Н. С. Мордвинова, въ то время предсѣдателя департамента гражданскихъ дѣлъ Государственнаго Совѣта.

[2]) Александръ Ивановичъ († 1865), назначенный посланникомъ въ Константинополь, потомъ бывшій посланникомъ въ Берлинѣ и членомъ Государственнаго Совѣта, впослѣдствіи графъ.

[3]) Графъ М. С. Воронцовъ.

[4]) Одесскомъ градоначальникѣ, графѣ Александрѣ Дмитріевичѣ Гурьевѣ

я (между насъ) сознать большую ошибку мою. По наружности я думалъ, что онъ человѣкъ здраваго разсудка и педантъ, который могъ быть полезенъ для исправленія вѣтренности Ланжерона [1]); но оказалось, что нѣтъ никакой способности, и дѣла еще болѣе запутались. Кстати, при исповѣди ошибокъ моихъ, кто бы могъ представить, чтобъ я сдѣлалъ столь грубую въ покойномъ Кампенгаузенѣ? Двадцать почти лѣтъ я дѣлалъ ему добро. Предъ отъѣздомъ моимъ я имѣлъ нѣкоторое вліяніе и на порученіе ему министерства внутреннихъ дѣлъ, а сей подлый человѣкъ мѣсяцъ спустя, распрощавшись со мною самымъ дружескимъ образомъ и изъясняясь сильно о благодарности своей и пр., подалъ его величеству записку, въ которой написалъ: «Послѣ весьма слабаго прежняго управленія, нужно принять самыя строгія мѣры и пр.»; но подлецъ ошибся: сіе не понравилось, хотя, вѣроятно, и было пріятно покровителю его (Аракчееву). Прошу анекдотъ сей оставить въ единственномъ вашемъ вѣдѣніи. Вотъ каковы люди! А Кампенгаузенъ слушалъ однакожъ всегда проповѣди Госнера [2]), слылъ человѣкомъ набожнымъ, умеръ, говорятъ, таковымъ и въ семъ, конечно, званіи завѣщалъ библіотеку свою.

Вы меня всякой разъ радуете, когда пишете, что занимаетесь Уложеніемъ. Если и можетъ предстоять сомнѣніе, что оно не будетъ издано, то по крайней мѣрѣ то вѣрно, что работа сія, первая въ Россіи, сдѣлаетъ вамъ величайшую честь и что даже одно напечатаніе проектовъ Уложеній произведетъ немалую пользу, ибо раскроетъ понятіе многихъ, законами у насъ во всѣхъ сословіяхъ занимающихся. Въ отношеніяхъ моихъ личныхъ къ вамъ, я не могу не принимать участія въ томъ, что можетъ основать справедливое мнѣніе о васъ и достоинствахъ вашихъ, а потому, хотя и наскучу вамъ, но все буду твердить, чтобъ вы дѣломъ симъ прилежно и постоянно занимались. Какое поэтическое мнѣніе Николая Семеновича [3]) о наказаніяхъ, а какой гаерской вздоръ въ возраженіи Лобанова [4]). Уничтоженіе смертной казни, кромѣ случаевъ преступленій противу величества (haute trahison), будетъ вещь совсѣмъ новая въ Европѣ, и, по мнѣнію моему, немалыя послѣдствія имѣть мо-

(† 1860), сынѣ министра финансовъ, впослѣдствіи кіевскомъ генералъ-губернаторѣ и членѣ Государственнаго Совѣта.

[1]) Извѣстнаго графа Александра Ѳедоровича Ланжерона, предмѣстника Гурьева.

[2]) Извѣстнаго пастора Іоанна Госнера.

[3]) Мордвинова. Рѣчь идетъ объ извѣстномъ мнѣніи Н. С. Мордвинова о смертной казни, поданномъ въ Государственный Совѣтъ 23-го октября 1824 года, по поводу предполагавшагося внесенія ея въ новое уголовное Уложеніе. Это мнѣніе напеч. въ „Чтеніяхъ Импер. Московск. Общества исторіи и древностей россійскихъ“ 1859 г., книга IV, смѣсь, стр. 29—36.

[4]) Князя Дмитрія Ивановича, министра юстиціи.

жетъ въ столь обширномъ государствѣ, каково есть наше, и гдѣ преступленія утончаются болѣе и болѣе и сближаются съ преступленіями просвѣщенныхъ земель. Я думаю, что смертная казнь, обращенная на нѣкоторыя большія уголовныя преступленія и, слѣдовательно, рѣдко употребляемая, можетъ быть весьма полезна. Сколько мы видимъ убійцовъ, два и три раза кнутомъ наказанныхъ и два и три раза въ новыхъ убійствахъ уличенныхъ. Смертная казнь, рѣдко приложенная, служитъ можетъ большимъ примѣромъ къ воздержанію. Недавно одинъ преступникъ, сосланный въ Николаевъ на работы по наказаніи кнутомъ, увидѣвъ адмирала Грейга [1]), сказалъ ему: «Пошлите меня въ Сибирь, я непремѣнно хочу тамъ быть»; и когда услышалъ отъ адмирала, что это не отъ него зависитъ, то онъ возразилъ ему: «Ну, когда такъ, то я сдѣлаю, что вы непремѣнно меня въ Сибирь отправите», и подлинно, нѣсколько дней спустя, схвативъ ножъ, заколоть имъ хотѣлъ одного офицера и сильно его ранилъ. Какъ такихъ людей не вѣшать! Что касается до кнута, то я не адвокатъ онаго. Какъ не повѣсить того крымскаго мурзу, который, изнасиловавъ купца тридцатью татарами, наконецъ умертвилъ его, посадя на колъ, и который нашелъ покровительство въ Государственномъ Совѣтѣ, послѣ поѣздки сына его въ Петербургъ, собравшаго до 60 тысячъ рублей отъ разныхъ мурзъ, дабы избавить все сословіе сіе отъ стыда, что за христіанина ссылается на каторгу магометанинъ, да еще дворянинъ. Если надобно вѣрить молвѣ общей по сему весьма гласному въ Крыму дѣлу, то г. Марченко [2]) имѣлъ въ немъ немалое вліяніе, возбудивъ состраданіе Николая Семеновича [3]). Вотъ вамъ примѣръ и того мнѣнія, которое начинаютъ имѣть и о Совѣтѣ.

Слишкомъ много увлекся я удовольствіемъ бесѣдовать съ вами. Простите мнѣ сію нескромность и вѣрьте чувствамъ искреннѣйшей моей преданности.

9.

11-го февраля 1825 г.

Письмо, которое вмѣстѣ съ симъ получите вы, написано было мною вскорѣ послѣ возвращенія жены моей и когда собирался къ отъѣзду

---

[1]) Главнаго командира Черноморскаго флота, Александра Самуиловича Грейга (р. 1775 † 1845).

[2]) Василій Романовичъ Марченко, прежде приближенный статсъ-секретарь Александра, а въ это время удаленный, происками Аракчеева, отъ его лица и находившійся статсъ-секретаремъ въ департаментѣ гражданскихъ дѣлъ Государственнаго Совѣта. Несмотря на содержащійся здѣсь явный намекъ, тотъ же Марченко, когда Кочубея назначили предсѣдателемъ Совѣта, опредѣленъ былъ, по его выбору, государственнымъ секретаремъ.

[3]) Мордвинова.

въ Петербургъ графъ Воронцовъ. Бывъ нынѣ задержанъ открывшеюся въ Бессарабіи моровою язвою, я поручаю сіе доктору Гардеру, предпринимающему обратный въ столицу путь.

Послѣ того, что я сперва писалъ къ вамъ, обстоятельства мои существенно перемѣнились. На письмо мое къ его величеству съ фельдъегеремъ, жену мою до Одессы провожавшимъ, получилъ я отъ графа Аракчеева весьма ласковой, но лаконическій отзывъ, въ коемъ онъ спрашиваетъ у меня по высочайшему повелѣнію, въ какомъ видѣ желаю я получить увольненіе, и предлагаетъ мнѣ, чтобъ я самъ написалъ указъ и его къ нему препроводилъ [1]). Я естественно отказался отъ изъясненія какой-либо на счетъ сей мысли и предоставилъ все сіе совершенно на волю государя. Копію съ письма моего доставилъ я къ зятю моему, у коего можете вы оную увидѣть. Въ отвѣтѣ моемъ я написалъ сущую истину [2]). Желаній по службѣ я никакихъ имѣть не могу, въ личныхъ моихъ отношеніяхъ, а служить готовъ, если то угодно его величеству, по истинной признательности за всѣ его къ семейству моему благорасположенія и участіе въ горестныхъ нашихъ обстоятельствахъ. Вотъ вамъ ключъ той развязки, которая, конечно, въ положеніи моемъ гласно уже послѣдовала, и я ожидаю со дня на день указа. Одно меня нѣсколько удивило. Я почти не могу сомнѣваться, что графу Аракчееву не была извѣстна просьба, мною еще въ прошломъ маіѣ объ увольненіи моемъ посланная. Одно послѣднее письмо мое было, кажется, только ему сообщено.

Докторъ Гардеръ нашелъ больную нашу во многихъ отношеніяхъ несравненно лучше, а въ нѣкоторыхъ весьма далеко еще отъ того, чего совершенное исцѣленіе требовать можетъ. Мы назначены къ отъѣзду за границу, и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ пустимся въ Вирцбургъ, гдѣ прославившійся докторъ Гене своими механическими средствами долженъ держать, сколько ему будетъ угодно. Говорятъ, что можно намъ воротиться осенью въ Петербургъ. Ничего бы не было для меня пріятнѣе. Настоящая кочевая жизнь моя томитъ меня паче мѣры, и я бы желалъ гдѣ-нибудь въ Россіи твердо уже и навсегда основаться, но, кажется, что чѣмъ болѣе сего я желаю, тѣмъ менѣе могу я симъ себя ласкать.

Здѣшній край въ большомъ теперь смущеніи. Графъ Витген-

---

[1]) Это письмо Аракчеева къ Кочубею, отъ 18-го января 1825 г., напечатано Н. Ѳ. Дубровинымъ въ „Письмахъ главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе императора Александра I". Спб. 1883, стр. 404.

[2]) Это письмо Кочубея къ Аракчееву, отъ 30-го января 1825 г., напечатано тамъ же, стр. 404—406.

штейнъ [1]), какъ полагаю, въ намѣреніи выказать себя, по полученіи извѣстія, что отъ чумы померло человѣкъ 15 солдатъ въ Измаилѣ, велѣлъ двинуть къ Днѣстру три бригады. Не говоря о томъ, что мѣра таковая, по незначительности заразы, во-время остановленной и никакихъ важныхъ послѣдствій не имѣвшей, сама по себѣ безполезна, вы легко себѣ представить можете, чего стоить можетъ землѣ голодной движеніе трехъ бригадъ, кои требуютъ дровъ и соломы для бивуаковъ и пр. Присоедините къ сему, сколько солдатъ погибаетъ отъ стужи на кордонѣ, который они должны держать на Днѣстрѣ. Удивительно, какъ и самые знаменитѣйшіе у насъ люди пускаются на разные обороты и сметки. Графъ Воронцовъ въ Бессарабіи, гдѣ, между тѣмъ какъ войско идетъ, и сообщеніе съ крѣпостію Измаильскою за пресѣченіемъ тамъ болѣзни открыто

Движеніе нѣкоторыхъ чиновниковъ миссіи константинопольскихъ, здѣсь находящихся и получившихъ, какъ сказываютъ, повелѣніе отправиться къ посту ихъ, заставляетъ здѣсь заключить, что мы должны быть въ лучшихъ сношеніяхъ съ Портою. Говорятъ, по письмамъ, здѣсь полученнымъ, что дѣла греческія идутъ довольно для нихъ дурно; но что они, не видя никакого для себя спасенія въ примиреніи съ турками, рѣшились продолжать войну и никакихъ предложеній о посредничествѣ иностранныхъ державъ не принимать.

Что значитъ опредѣленіе В. А. Пашкова [2]) въ предсѣдатели департамента законовъ и пр. и что значитъ увольненіе князя Лобанова [3])? Хотя Пашковъ, конечно, не большой грекъ, но онъ во всѣхъ отношеніяхъ лучше предмѣстника своего, который одинъ Богъ вѣдаетъ, какъ, къ большому соблазну, попалъ въ дѣловые люди.

Прощайте, не забывайте насъ; напишите иногда что-нибудь при случаѣ о себѣ, симъ доставите мнѣ вы истинное удовольствіе.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

---

[1]) Главнокомандующій 1-ю арміею, фельдмаршалъ графъ Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ.

[2]) Василій Александровичъ Пашковъ (р. 1762 † 1838), оберъ-егермейстеръ, а потомъ оберъ-гофмаршалъ, былъ назначенъ предсѣдателемъ департамента законовъ Государственнаго Совѣта 22-го января 1825 года.

[3]) Предмѣстникъ Пашкова по должности предсѣдателя департамента законовъ князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій.

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина [1]).

VIII.

Наступленіе 1863 года.—Характеристика дѣятельности дворянства.—Крестьянскій вопросъ.—Появленіе вооруженныхъ шаекъ.—Преслѣдованіе ихъ войсками.—Плѣненіе Сѣраковскаго и Колышко.—Наши раненые.—Виленскій народовый жондъ и его подпольная дѣятельность.—Отозваніе В. И. Назимова и назначеніе М. Н. Муравьева начальникомъ края.—Отъѣздъ Назимова.—Состояніе края передъ прибытіемъ М. Н. Муравьева въ Вильну.

Наступилъ, наконецъ, и 1863-й годъ, готовившій кровавую развязку, какъ прямое послѣдствіе долговременнаго снисхожденія къ совершавшимся въ западныхъ нашихъ губерніяхъ политическимъ безобразіямъ, занесеннымъ къ намъ съ береговъ Вислы. Никто изъ насъ, русскихъ, жившихъ въ Вильнѣ, начиная съ генералъ-губернатора, не подозрѣвалъ даже и возможности вооруженнаго мятежа, не смотря на то, что онъ у насъ былъ уже за плечами. Мы все еще смотрѣли на польскія выходки, какъ на дѣтскую шалость. Нужно сознаться, что поляки вели подпольную интригу отлично. Выше мы видѣли, что въ 1856 году, за нѣсколько дней до коронаціи, предводители дворянства виленскаго генералъ-губернаторства заявили въ Москвѣ, черезъ генералъ-адъютанта Назимова, о готовности тамошняго дворянства содѣйствовать государю въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ изъ-подъ крѣпостной зависимости, за что въ 1858 году дворянство удостоилось получить въ Вильнѣ личную вы-

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1902 г.

сочайшую благодарность. Видѣли затѣмъ мы и тѣ продѣлки, которыя творились дворянами-помѣщиками, чтобы сохранить свои земли и карманы на счетъ освобождаемыхъ крестьянъ. Всѣ эти продѣлки были ведены очень искусно; для не посвященныхъ въ это дѣло онѣ оставались совершенною тайною. Когда члены повѣрочныхъ коммиссій приступили къ разсмотрѣнію уставныхъ грамотъ, уже при одномъ взглядѣ на назначенные по нимъ оклады можно было догадаться, что оброки были крайне отяготительны для крестьянъ; впослѣдствіи же времени, когда приступили къ производству повѣрочныхъ работъ на мѣстахъ, открылось ясно, что паны составленными во имя правительства уставными грамотами, настойчиво веденною системою переселенія, обезземеливанія и назначенія худшихъ надѣловъ, ставили сельское населеніе въ совершенно безвыходное положеніе. Не даромъ мнѣ пришлось услышать отъ одного крестьянина, Минской губерніи, поговорку: «Наша воля—горькая доля». И дѣйствительно дѣло было такъ устроено, что крестьянинъ, вмѣстѣ съ свободою, попадалъ въ совершенную кабалу панамъ; онъ поневолѣ долженъ былъ подчиниться всякимъ ихъ требованіямъ, какъ бы они ни были тяжки, такъ какъ отъ этого зависѣло его существованіе. Сами помѣщики говорили, что, съ освобожденіемъ крестьянъ, они были бы совершенно обезпечены, да мятежъ помѣшалъ; поэтому коноводы мятежа оказали плохую услугу своимъ собратіямъ. Обѣщая крестьянамъ даровые надѣлы за участіе въ мятежѣ, они ничѣмъ не рисковали: въ случаѣ успѣха «польской справы» можно было дать и по носу крестьянину. Къ счастію нашему, здравый смыслъ простолюдина не поддался обману, и крестьяне, за весьма ничтожными исключеніями, единодушно стали на сторонѣ правительства и охотно поддержали его мѣропріятія по усмиренію крамолы.

Въ первыхъ числахъ марта мѣсяца, хотя я и получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева письмо о назначеніи предсѣдателемъ повѣрочной коммиссіи Ошмянскаго уѣзда, Виленской губерніи, но долженъ былъ заняться еще около мѣсяца въ политической слѣдственной коммиссіи, въ которой состоялъ членомъ, такъ какъ въ Вильнѣ подъ арестомъ содержалось множество политическихъ арестантовъ. 17-го апрѣля, виленскій губернаторъ М. Н. Похвисневъ былъ переведенъ въ Петербургъ директоромъ департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, а на его мѣсто тогда же переведенъ изъ Гродны тамошній губернаторъ И. В. Галлеръ, давно вздыхавшій по Вильнѣ. Когда онъ прибылъ на мѣсто новаго назначенія, около этого времени стали съѣзжаться въ Вильну члены повѣрочныхъ коммиссій, которые и занялись подготовительными работами по переводу крестьянъ на оброкъ по уставнымъ грамотамъ, на основаніи указа 1-го марта. Приступить къ повѣрочнымъ работамъ на мѣстахъ было нельзя, такъ какъ всюду бродили шайки

мятежниковъ, а тайная революціонная организація стала заявлять себя разными звѣрствами.

10-го марта полковникъ Алхазовъ истребилъ подъ Миткишками, въ Виленской губерніи, партію мятежниковъ, вышедшую изъ Вильны и сформированную въ полъ-верстѣ за Звѣринцемъ, лѣтнимъ мѣстопребываніемъ генералъ-губернатора, расположеннымъ на самомъ берегѣ рѣки Вилін, противъ Закретской сосновой рощи. Про это дѣло не лишнимъ будетъ разсказать слѣдующее. Въ исходѣ 9-го часа, вечеромъ, В. И. Назимовъ, съ нѣсколькими лицами изъ своихъ знакомыхъ и приближенныхъ къ нему лицъ, ходилъ по верхней большой залѣ дворца, въ которой царствовалъ полумракъ. Обширная комната эта временно освѣщена была двумя только стѣнными лампами. Разговоръ вертѣлся около тогдашнихъ кровавыхъ событій. Генералъ-губернаторъ съ минуты на минуту дожидалъ извѣстій отъ полковника Алхазова, который телеграфировалъ ему днемъ, что настигаетъ шайку мятежниковъ. Незадолго до приглашенія гостей внизъ на чай, адъютантъ генералъ-губернатора, молодой графъ Илинскій, подалъ ему телеграмму. Едва успѣлъ взглянуть на нее В. И. Назимовъ, какъ весело вскрикнулъ: «Господа! Поздравляю васъ съ побѣдой! Полковникъ Алхазовъ истребилъ шайку, сформированную въ Вильнѣ. Молодецъ, спасибо ему!»

Вслѣдъ за этимъ поздравленіемъ, сидѣвшій рядомъ со мною у дверей залы трокскій уѣздный продводитель дворянства, помѣщикъ Еленскій, поднимаясь съ своего мѣста, довольно громко произнесъ:

— Послѣ этого я не хочу оставаться у такого лица, которое радуется подобнымъ звѣрствамъ.

— А вы, какъ полагаете,—отвѣтилъ я этому господину. Васъ будутъ по-прежнему все гладить по головкѣ, да считать дѣтскими шалостями кровавые подвиги вашихъ бандъ?

Владиміръ Ивановичъ, вѣроятно, не разслышалъ словъ Еленскаго, такъ какъ стоялъ по срединѣ залы; при томъ, тогда шли оживленные толки про побѣду, подъ вліяніемъ которой всѣ бывшіе у него гости направились за гостепріимнымъ хозяиномъ внизъ, въ столовую, гдѣ сервированъ былъ чай. Впослѣдствіи времени было раскрыто, что этотъ Еленскій, вмѣстѣ съ Александромъ Оскеркою, принадлежалъ къ мятежнической организаціи и дѣйствовалъ за-одно съ графомъ Старжинскимъ, гродненскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Отдавшись душой и тѣломъ мятежу, Старжинскій напускалъ тьму и мглу на петербургскія власти относительно правильнаго пониманія тогдашнихъ политическихъ безобразій, совершавшихся по цѣлому краю, и требовалъ скорѣйшаго присоединенія Литвы къ Польшѣ, съ дарованіемъ имъ особаго управленія, такъ какъ это одно, по мнѣнію ясневельможнаго пана, могло положить конецъ плачевнымъ событіямъ, то-есть

повторялъ ту же самую исторію, о которой говорилось въ подольскомъ адресѣ и въ протоколѣ дворянъ Минской губерніи, составленномъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1862 года. Къ счастію для Россіи, Провидѣнію угодно было устроить это дѣло нѣсколько иначе, чѣмъ ожидали того наши крамольники.

15-го марта вооруженный мятежъ вспыхнулъ въ Ковенской губерніи, и съ этихъ поръ начались постоянныя стычки съ мятежниками. Наши солдаты неудержимо рвались въ бой. Столько времени они безропотно переносили всѣ оскорбленія, которыми ихъ осыпали поляки чуть не на каждомъ шагу, и вотъ настигли, наконецъ, они своихъ ненавистниковъ. Мятежники часто отчаянно защищались и поступали съ нашими плѣнными безчеловѣчно.

26-го апрѣля генералъ-маіоръ И. С. Гонецкій, вышедшій изъ Вильны съ тремя ротами командуемаго имъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, присоединилъ къ себѣ встрѣченный имъ на пути отрядъ Мерлина и атаковалъ соединенныя шайки Доленги и Колышки, болѣе 1.500 человѣкъ, въ лѣсу у фольварка Гудишки, гдѣ мятежники укрѣпили еще ранѣе свою позицію завалами. Упорный бой продолжался четыре часа. Генералъ Гонецкій подъ конецъ лично повелъ войска свои въ атаку, шайка была выбита штыками изъ-за заваловъ и преслѣдуема по пятамъ до наступленія ночи. Мятежники въ этомъ дѣлѣ потеряли до 100 человѣкъ убитыми, при чемъ взятъ въ плѣнъ начальникъ праваго крыла Станишевскій, самъ же Доленго (Сѣраковскій), по показаніямъ плѣнныхъ, былъ раненъ пулею въ грудь навылетъ, но успѣлъ скрыться. Съ нашей стороны: убито 5 человѣкъ и 32 ранено. 27-го апрѣля, съ наступленіемъ дня, И. С. Гонецкій настойчиво продолжалъ преслѣдованіе мятежниковъ и настигъ шайку у фольварка Шнуркишки. Въ этой мѣстности къ разбитой шайкѣ Доленги присоединилась шайка ксендза Мацкевича, главнаго организатора вооруженнаго мятежа въ Ковенской губерніи, такъ что обѣ шайки насчитывали у себя до двухъ тысячъ хорошо вооруженныхъ людей. Загорѣлся ожесточенный бой... Мятежники снова были разбиты и разсѣяны, часть изъ нихъ бѣжала въ сосѣдніе лѣса Курляндской губерніи. Въ этомъ дѣлѣ наши войска взяли два знамени, цѣлый обозъ съ боевыми и продовольственными запасами и сорокъ кавалерійскихъ лошадей. Мятежники потеряли въ этомъ дѣлѣ 50 человѣкъ убитыми и 60 ранеными и плѣнными; въ числѣ послѣднихъ находился и начальникъ кавалеріи Лобановскій, 50-лѣтій старикъ. Вотъ его собственное показаніе о томъ, какъ онъ попалъ въ шайку:

— Наши дамы постоянно надоѣдали мнѣ своими насмѣшками и упреками за недостатокъ патріотизма; я и порѣшилъ доказать лично на дѣлѣ, что онѣ ошибаются.

Если старикъ попался на эту удочку, то нѣтъ ничего удивительнаго,

что молодежь, очертя голову, бросалась до лясу. Въ политической тюрьмѣ зданія № 14 содержались два брата Павловича, взятые въ плѣнъ послѣ пораженія шайки въ Вилейскомъ уѣздѣ; старшій изъ нихъ, которому было 24 года отъ роду, пошелъ, по собственному сознанію, въ мятежъ оттого, что пріѣхавшая изъ костела, послѣ вѣнчанія молоденькая его жена, объявила ему, во всеуслышаніе, на свадебномъ пиру, что онъ воспользуется правами мужа только тогда, когда привезетъ ей трофей послѣ боя съ москалями. Дѣлать было нечего, женатый холостякъ взялъ да и отправился до лясу, а оттуда и попалъ въ политическую тюрьму.

Выше мы видѣли, что Доленго (Сѣраковскій) былъ раненъ пулею въ грудь. Въ послѣднемъ бою поэтому онъ участвовать не могъ; но куда онъ скрылся—было не извѣстно. Наши войска, по окончаніи сраженія, хотя тотчасъ же были направлены малыми отрядами въ погоню за убѣгавшими повстанцами, но нигдѣ не находили ускользнувшаго отъ нихъ польскаго вождя. Наконецъ, одинъ изъ офицеровъ Копорскаго полка, дѣлая поиски въ густомъ лѣсу, нечаянно набрелъ съ своимъ отрядомъ на небольшую мызу, которая, какъ оказалось, отвсюду была заперта; мызу тотчасъ же оцѣпили, и затѣмъ солдаты стали стучать и требовать, чтобы имъ отперли ворота. Чрезъ нѣсколько времени въ домѣ отворилось окно, и чей-то голосъ произнесъ:

— Потише... здѣсь Сѣраковскій.

Столь неожиданное открытіе обрадовало нашихъ солдатъ. Попался, наконецъ, въ руки правосудія измѣнникъ, опозорившій русскій военный мундиръ. Когда отрядный офицеръ вошелъ съ нѣсколькими солдатами въ домъ, то засталъ тамъ Сѣраковскаго, Колышку и нѣсколько лицъ изъ ихъ штаба, какъ они выразились. Всѣхъ ихъ было тамъ 21 человѣкъ. Такъ какъ остановиться въ глухомъ лѣсу съ небольшимъ отрядомъ представлялось не совсѣмъ-то безопаснымъ, то всѣ плѣнные были тотчасъ же переведены на сосѣднюю мызу какого-то бывшаго въ шайкѣ польскаго графа, отстоявшую въ восемнадцати верстахъ отъ нашего штаба въ Медейкахъ, куда тотчасъ же и было дано знать о сдѣланной важной поимкѣ. По полученіи этого извѣстія, изъ штаба отправили 40 стрѣлковъ, на подводахъ, при одномъ офицерѣ для перевоза раненыхъ и конвоированія плѣнныхъ.

Тихая, ясная ночь спустилась на землю послѣ тревожнаго дня; все живое погрузилось въ сонъ... Не спали на мызѣ только копорцы, державшіе караулъ въ передней комнатѣ дома, гдѣ находись плѣнные, да одинъ молодой человѣкъ, крѣпкаго тѣлосложенія, съ красивыми, но рѣзкими чертами лица, облокотясь на столъ, сидѣлъ какъ бы въ забытьи въ сосѣдней комнатѣ, въ которой спали на соломѣ двѣнадцать плѣнныхъ повстанцевъ. О чемъ онъ думалъ—не извѣстно; вѣроятно, по временамъ, приходила ему въ голову мысль о побѣгѣ, но мѣрные шаги на-

ружныхъ часовыхъ показывали ему ясно, что противу этой попытки приняты были всѣ мѣры предосторожности. Незадолго до полуночи, командированный изъ штаба отрядъ стрѣлковъ прибылъ на мызу. Когда присланный за плѣнными офицеръ вошелъ въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ молодой человѣкъ, послѣдній всталъ съ своего мѣста и лаконически отрекомендовался: «Колышко».

Въ смежной комнатѣ, на кровати, выдвинутой на середину, лежалъ погруженный въ сонъ раненый Сѣраковскій. У его изголовья сидѣли два доктора въ польскихъ костюмахъ, около стѣнъ размѣщено было еще шесть раненыхъ. При входѣ офицера въ эту комнату, къ нему подошелъ на цыпочкахъ весьма красивой наружности молодой человѣкъ и отрекомендовался ему съ поклономъ:

— Графъ Коссаковскій, адъютантъ нашего генерала.

— Кончите, пожалуйста, эту комедію,—отвѣчалъ ему офицеръ,— и разбудите Сѣраковскаго, мнѣ приказано перевезти васъ всѣхъ немедленно въ Медейку.

— Невозможно это, господинъ офицеръ, рана нашего генерала опасна; теперь кризисъ, онъ не переживетъ... Подождите до 7 часовъ утра,—возразилъ одинъ изъ докторовъ.

Такъ какъ на мызу дошелъ слухъ, что шайка Мацкевича замышляетъ отбить плѣнныхъ, то медлить не приходилось, а потому офицеръ самъ разбудилъ Сѣраковскаго.

— Вы прибыли взять меня,—сказалъ проснувшійся Сѣраковскій,— но я не могу ѣхать, господинъ офицеръ, погодите до 7 часовъ утра; я вамъ буду полезнѣе живой, а то привезете мертваго.

— Извините меня за отказъ, но если вы надѣетесь на помощь мятежниковъ, то это напрасно. Вы должны собираться въ дорогу,—отвѣтилъ офицеръ.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ хоть чаю напиться,—сказалъ Сѣраковскій, которому доктора помогли подняться.

Офицеръ позволилъ и, разбудивъ затѣмъ всѣхъ прочихъ плѣнныхъ, приказалъ имъ поскорѣе одѣваться. Начались сборы и приготовленія къ чаю... Плѣнные давно уже сидѣли на подводахъ, а Сѣраковскій, котораго ожидала отысканная на мызѣ коляска, все еще медлилъ. Выведенный, наконецъ, долгимъ ожиданіемъ изъ терпѣнія, офицеръ сказалъ ему:

— Господинъ Сѣраковскій, про васъ идетъ молва въ шайкахъ, что вы человѣкъ съ желѣзной волей... Докажите, что вамъ чашка чаю нипочемъ...

Минутъ чрезъ пять Сѣраковскій, съ докторомъ и Коссаковскимъ, сидѣли уже въ экипажѣ. Поѣздъ тронулся подъ конвоемъ солдатъ. На пути приняты были всѣ мѣры предосторожности, чтобы не встрѣтить

нечаяннаго нападенія; впрочемъ, оно было и немыслимо... Былъ уже четвертый часъ, и начинало свѣтать, а въ Медейку сообщили заранѣе о выступленіи партіи плѣнныхъ, такъ что во всякомъ случаѣ оттуда могла быть подмога. Ѣхавшій на повозкѣ съ офицеромъ, бывшій начальникъ шайки Колышко разсказалъ ему про себя слѣдующее:

— Я уже третій мѣсяцъ начальствую шайкою; въ Генуэзской школѣ пріобрѣлъ стратегическія познанія. Два мѣсяца меня ловили ваши отряды, но я не попадался; даже иногда проходилъ между двумя отрядами и оставался у нихъ назади. Меня бы никогда не поймали, если бы не Сѣраковскій. Не соединись я съ нимъ, я былъ бы и теперь съ шайкою преспокойно въ лѣсу. Но Сѣраковскій начальникъ, мы должны его слушаться. Онъ умный человѣкъ, но не полководецъ; у него мало энергіи; онъ не позволилъ мнѣ напасть на Медейку, когда тамъ была копорская рота.

По прибытіи плѣнныхъ въ Медейку, они вскорѣ отправлены были оттуда въ Вильну, гдѣ Сераковскій, вмѣстѣ съ простыми ранеными, былъ помѣщенъ въ военное отдѣленіе госпиталя св. Іакова, что̀ нынѣ юнкерское училище, а Колышко посаженъ въ политическую тюрьму, въ зданіи № 14 Виленской цитадели. Трагическая кончина двухъ этихъ лицъ будетъ описана въ своемъ мѣстѣ.

Вслѣдъ за пораженіемъ шайки Сѣраковскаго въ Вильну привезли и нашихъ раненыхъ, которые и были размѣщены въ нарочно нанятыхъ для нихъ помѣщеніяхъ на Погулянкѣ, за нѣмецкимъ кладбищемъ, невдалекѣ отъ военнаго отдѣленія госпиталя. Все русское общество, начиная съ генералъ-губернаторскаго семейства, очень часто бывало тамъ съ разными приношеніями—для облегченія страданій тѣхъ, кто своею честною кровію запечатлѣлъ вѣрность престолу и отечеству. Въ одно изъ такихъ посѣщеній меня особенно поразили въ лазаретѣ два раненыхъ необыкновеннымъ спокойствіемъ духа: фельдфебель и ефрейторъ, оба лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка. Первый былъ раненъ двумя пулями—въ лицо и грудь на-вылетъ; другой—пулею въ ногу, около колѣна. Я вошелъ въ лазаретъ съ виленскимъ комендантомъ А. С. Вяткинымъ, бывшимъ въ прежнее время командиромъ Финляндскаго полка, который привезъ фельдфебелю, по порученію В. И. Назимова, георгіевскій крестъ. Надобно было видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ осѣнилъ раненую грудь свою православнымъ крестомъ честный страдалецъ, принимая изъ рукъ генерала заслуженный имъ высшій знакъ военнаго отличія; онъ поднесъ его къ обвязанному своему лицу, но не могъ поцѣловать его, такъ какъ повязка мѣшала... Слезы потекли изъ выразительныхъ глазъ его. Эта сцена брала прямо за душу; всѣ присутствовавшіе тамъ прослезились. Такъ какъ волненіе было вредно больному, то комендантъ, поцѣловавши его въ лобъ, просилъ его успокоиться и,

взявши у него изъ рукъ георгіевскій крестъ, повѣсилъ его на стѣнку поддѣ висѣвшей у его кровати иконы, къ которой и обратились съ мольбою увлаженные глаза бѣднаго страдальца. Находившійся тутъ дежурный военный врачъ порадовалъ насъ заявленіемъ, что, судя по признакамъ, онъ надѣется на благополучный исходъ его ранъ. Фельдфебель при этихъ словахъ перекрестился снова. Да, могуча ты, дорогая моя родина, чистымъ чувствомъ вѣры твоихъ православныхъ сыновъ! Пока будетъ теплиться въ нихъ хоть искра святой твоей вѣры, тебѣ не будутъ страшны никакія политическія невзгоды, никакіе коварные замыслы твоихъ враговъ и ненавистниковъ. Въ тяжелую годину испытанія эта искра разовьется въ большой пожаръ и снесетъ, смететъ все нечистое, замышляющее на твой покой и твое величіе.

Раненый ефрейторъ лежалъ на спинѣ и казался веселымъ; вся нога была у него обложена льдомъ въ пузыряхъ. Послѣ обѣда ему предстояла ампутація.

— Какъ это, братецъ, тебя окалѣчили?—спросилъ его комендантъ.

— Да и самъ не знаю, какъ, ваше превосходительство,—бойко отвѣтилъ раненый.—Двумя выстрѣлами, по указанію товарищей, свалилъ двухъ мятежниковъ; выпустилъ удачно и третью пулю по ихъ начальнику; хотѣлъ было перебѣжать подальше, да вдругъ почувствовалъ, что меня стегануло по колѣну словно кнутомъ; я и ни съ мѣста, а потомъ отъ сильной боли и сомлѣлъ. Когда очнулся, около меня хлопотали нашъ докторъ съ фельдшеромъ.

— Не хочется ли тебѣ чего-нибудь?—вмѣшался я.

— Вотъ если бы кисленькаго,—отвѣтилъ раненый.

Послѣ обѣда, когда я повезъ цѣлую корзину апельсиновъ отъ комендантскаго семейства и, ничего не подозрѣвая, заглянулъ въ фельдшерскую комнату, тамъ увидѣлъ я отнятую ногу ефрейтора... При этомъ зрѣлищѣ холодъ подступилъ мнѣ подъ сердце, и я чуть-чуть не грохнулся съ своею ношею на полъ. Къ счастію, меня подхватилъ на руки солдатъ. Глотокъ холодной воды немного освѣжилъ меня, но мнѣ стало невыразимо грустно: Великій Боже! подумалъ я, Ты заповѣдалъ людямъ миръ и любовь и на крестѣ молился Отцу за враговъ своихъ. Болѣе восемнадцати вѣковъ прошло уже съ тѣхъ поръ, когда принесена была великая жертва искупленія человѣчества, но святая заповѣдь Твоя забыта, попрана... Вмѣсто мира и любви, соора и ненависть царятъ на землѣ; люди-братья терзаютъ и рѣжутъ другъ-друга, словно дикіе звѣри. Всѣ ищутъ какого-то недосягаемаго счастія; строятъ по этому случаю несбыточныя теоріи, а Твое божественное слово, на которомъ только и зиждется всеобщій миръ, истинная свобода и широкое довольство—забыто...

Попросивъ доктора передать раненымъ апельсины, я поспѣшилъ домой, чтобы отдохнуть и успокоиться послѣ испытаннаго волненія.

1-го мая ожидалось возвращеніе финляндцевъ въ Вильну изъ похода. Весна была въ полномъ блескѣ, день былъ по истинѣ роскошный. Величественную картину представляла тогда широкая каѳедральная площадь, застроенная временными лавками, которыя были изукрашены пестрыми вывѣсками и разноцвѣтными флагами, такъ какъ это было время Георгіевской ярмарки. Вправо отъ этихъ лавокъ высились одна за другою три историческіе памятника—горы: Замковая, Крестовая и Бекешевая, у подножія которыхъ быстро катила свои струи бѣшеная въ весеннее половодье Вилейка; влѣво шла аллея къ Виліи изъ высокихъ пирамидальныхъ тополей. Прибавьте ко всему этому роскошную зелень весны, благоуханіе воздуха, аналой посрединѣ площади, съ крестомъ и евангеліемъ, православное духовенство въ блестящемъ облаченіи; русскихъ дамъ въ лѣтнихъ костюмахъ, съ букетами цвѣтовъ и съ вѣнками въ рукахъ для возвращающихся побѣдителей; генералъ-губернатора съ большою свитою военныхъ и гражданскихъ лицъ, ожидавшихъ прибытія полка, и вы сами скажете, что картина была по истинѣ восхитительная! И вотъ, со стороны Георгіевскаго проспекта послышались отдаленные звуки полковаго марша. Показался наконецъ верхомъ полковой командиръ, генералъ-маіоръ И. С. Гонецкій, во главѣ своихъ войскъ; финляндцы, не смотря на сдѣланный походъ, шли бойко, истинными молодцами и построились около аналоя на молитву. По окончаніи молебствія, генералъ-губернаторъ В. И. Назимовъ поздравилъ солдатъ съ побѣдой. Раздалось въ отвѣтъ русское могучее «ура!», которое наэлектризовало восторгомъ всѣхъ ожидавшихъ. А. А. Назимова подала лавровый вѣнокъ И. С. Гонецкому; прочія дамы осыпали букетами офицеровъ и солдатъ; послѣдніе воткнули букеты на штыки.

Раздалась команда къ церемоніальному маршу, по окончаніи котораго парадировавшія войска пошли съ пѣснями и музыкой въ казармы, гдѣ ожидало ихъ угощеніе. И. С. Гонецкій, загорѣвшій отъ солнца, покрытый пылью, былъ отвезенъ, по желанію дамъ, въ фотографическое заведеніе, гдѣ и снята была съ него на память всѣмъ намъ русскимъ его карточка. Кто только зналъ покороче достойнѣйшаго Ивана Степановича, тотъ не могъ не полюбить его за его пылкую, честную и правдивую русскую натуру.

Пораженіе нѣсколькихъ шаекъ и взятіе въ плѣнъ Сѣраковскаго и Колышки навели уныніе на поляковъ, а мы, русскіе, дотого были легковѣрны, что, полагаясь на поздравленіе генералъ-губернатора съ окончаніемъ мятежа, думали, что насталъ конецъ кровавой неурядицѣ, и радовались этому чистосердечно. Но, увы! очень скоро постигло насъ полное разочарованіе! Съ этого времени виленскій народовый жондъ

началъ заявлять себя разными звѣрствами; пустилъ въ ходъ терроръ... Не смотря на прокламаціи о даровомъ надѣлѣ, крестьяне не только не принимали никакого участія въ мятежѣ, но и служили проводниками нашимъ войскамъ при преслѣдованіи мятежническихъ шаекъ. Чтобы остановить ихъ въ этомъ порывѣ, крамола придумала истязанія. Староста Дукштанскаго сельскаго общества Иванъ Томашевичъ былъ повѣшенъ 10-го мая, по приказанію подпольнаго комитета, за преданность русскому правительству, а брату его былъ отрѣзанъ языкъ. Изъ шести лицъ, участвовавшихъ въ этомъ преступленіи, трое разбойниковъ-исполнителей: Вашкевичъ, Мончунскій и Королькевичъ были пойманы и сознались, а Маурицъ, Станкевичъ и Данилевичъ скрылись. Вслѣдъ затѣмъ, въ самой Вильнѣ совершено было убійство около Поплавъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ я получилъ назначеніе по крестьянскому дѣлу, въ Вильнѣ распространились слухи, что В. И. Назимовъ оставляетъ край, такъ крѣпко ему насолившій. Сначала мы думали, что это были одни пустые городскіе толки; но слухи эти нисколько не унимались, а становились день ото дня настойчивѣе. Наконецъ, въ половинѣ апрѣля генералъ-губернаторъ объявилъ за часомъ, что онъ не останется въ Вильнѣ и просилъ государя отозвать его въ Петербургъ.

На сдѣланный же ему собесѣдниками вопросъ о преемникѣ отозвался совершеннымъ незнаніемъ. Грустно было намъ, русскимъ, выслушать тяжелую вѣсть о предстоявшей разлукѣ съ добрѣйшимъ Владиміромъ Ивановичемъ и его милымъ семействомъ, но, увы! нужно было свыкаться съ этою мыслію. Наконецъ, 1-го мая получено было оффиціальное извѣстіе, что главнымъ начальникомъ Сѣверо-Западнаго края назначенъ М. Н. Муравьевъ, который въ тридцатыхъ годахъ былъ губернаторомъ въ Гроднѣ, зналъ поляковъ насквозь и хорошо извѣстенъ былъ имъ. Со втораго мая начались въ домѣ Назимовыхъ поспѣшные сборы въ дорогу. Наконецъ, къ 12-му числу мая все было упаковано; цѣлый верхъ былъ приготовленъ къ принятію новаго начальника.

14-го мая, въ третьемъ часу по полудни, пріѣхалъ во дворецъ, подъ охраною гвардейскихъ казаковъ, новый главный начальникъ Сѣверо-Западнаго края. Помолившись въ дворцовой церкви, онъ тотчасъ же телеграфировалъ государю о вступленіи своемъ въ должность и занялся дѣломъ. Обѣдалъ онъ въ этотъ день у Владиміра Ивановича, а на другой день пригласилъ его съ семьею къ себѣ на обѣдъ. Въ первый разъ мнѣ пришлось увидѣть этого великаго государственнаго дѣятеля сквозь замочную скважину двери комнаты, въ которую онъ пришелъ съ верху для объясненій съ своимъ предмѣстникомъ; показала его мнѣ старшая дочь Назимовыхъ. Хорошо разсмотрѣть его тогда я не могъ, не смотря на сильное мое желаніе, какъ по самому мѣсту наблюденія,

такъ и по невольному чувству, которое овладѣло тогда мною, какъ и другими, которые въ первый разъ его видѣли.

Разговоръ между двумя собесѣдниками былъ непродолжителенъ: они вскорѣ оба ушли наверхъ. Въ послѣдствіи времени Михаилъ Николаевичъ разсказывалъ въ шутку, что предмѣстникъ передалъ ему, послѣ семилѣтняго управленія краемъ, только ризы, пожалованныя государемъ во дворцовую церковь, да деревья, посаженныя его женою, подъ окнами на дворѣ, съ просьбою поберечь ихъ.

16-го мая, въ третьемъ часу по полудни, В. И. Назимовъ уѣхалъ изъ Вильны съ семействомъ въ Петербургъ, по желѣзной дорогѣ, которая была выстроена при немъ. Отъѣздъ его навелъ на меня тяжелую думу и показалъ наглядно непрочность и перемѣнчивость людскаго счастія. Дѣйствительно, семь лѣтъ тому назадъ, 27-го мая, дворянство цѣлаго края давало блестящій балъ Назимовымъ; восторгамъ и овацiямъ не было конца. Заказанный въ Парижѣ портретъ Владиміра Ивановича, въ количествѣ шести тысячъ экземпляровъ, былъ распроданъ въ двѣ недѣли, при чемъ оказалась и тутъ афера; платили въ Парижѣ по два франка, а продавали по шести. Имя Анастасіи Александровны произносилось поляками и польками, повидимому, съ полнымъ благоговѣніемъ. И что же? Въ минуту отъѣзда никто изъ поляковъ не счелъ даже нужнымъ проводить уѣзжавшихъ на желѣзную дорогу.

По выслушанiи напутственнаго молебна въ дворцовой церкви, В. И. Назимовъ съ семействомъ своимъ, въ полдень 16-го мая, пѣшкомъ отправился на квартиру жившаго по сосѣдству отъ дворца генералъ-адъютанта И. С. Фролова, который предложилъ имъ напутственный хлѣбъ-соль; экипажамъ приказано было пріѣхать туда, чтобы отвезти ихъ на желѣзную дорогу. Торжественный въѣздъ генералъ-губернаторскаго семейства въ Вильну въ 1856 году и болѣе чѣмъ скромный отъѣздъ его въ Петербургъ въ 1863 году составляютъ двѣ такія противоположности, что, не видѣвши того, трудно даже и повѣрить... Къ отходу поѣзда собрались на желѣзную дорогу всѣ русскіе знакомые Назимовыхъ, чтобы сказать свое послѣднее «прости».

Послѣ трогательныхъ, искреннихъ прощанiй, раздался свистокъ оберъ-кондуктора, начались послѣднія прощальныя пожеланія, поѣздъ тронулся и вскорѣ скрылся изъ глазъ, унося съ собою тѣхъ, которые въ продолженіе семи лѣтъ сосредоточивали въ своемъ домѣ русское широкое гостепріимство и неподдѣльное веселье. Нижеслѣдующее письмо отъ А. А. Назимовой, сохраненное мною, какъ самая дорогая память о ней, покажетъ то настроеніе во истину доброй ея души, съ какимъ выѣхала она изъ края, гдѣ потратила такъ много своихъ духовныхъ и физическихъ силъ и гдѣ пріобрѣла болѣзнь, такъ преждевременно сведшую ее въ могилу.

«Устье, 6-го іюля 1863 г. Простите мнѣ, мой добрѣйшій Иванъ Акимовичъ, что такъ долго не отвѣчала на ваше милое письмо, и, Бога ради, не усумнитесь въ моемъ дружескомъ расположеніи къ вамъ. Въ мои годы мудрено безъ причины мѣняться, а я, въ продолженіе семи лѣтъ, видѣла въ васъ столько добраго, честнаго, благороднаго, что, конечно, навсегда сохраню къ вамъ искреннее уваженіе и дружбу. А насчетъ памяти, вы знаете, что у старухъ всегда больше и живѣе память о прошломъ, нежели о настоящемъ. Да что его и помнить-то, настоящее; не приглядно оно! Люди кипятъ злобою, ненавистью, рѣжутъ другъ друга, клевещутъ, злословятъ, и нѣтъ правды нигдѣ! Богъ съ ними! Въ нашемъ миломъ Устьѣ тихо, спокойно, весело, и хорошо бы забыть весь міръ, если бы не было въ этомъ мірѣ людей, которыхъ бы хотѣлось тоже видѣть у добраго пристанища въ счастіи и покоѣ! Но, какъ бы ни хотѣлось мнѣ васъ видѣть въ Устьѣ, однако не совѣтую мѣнять своего мѣста и оставлять этотъ край, такъ больно намозолившій намъ всѣмъ. Вы знаете и край, и людей, и языкъ; вы можете быть полезнымъ, а грѣхъ всякому русскому, который хоть малую лепту можетъ принесть и не принесетъ ее. Приносите же ее посильно, добрѣйшій мой, и не тоскуйте о томъ, что цѣнятъ, или нѣтъ вашъ трудъ. Трудъ есть такой капиталъ, который несмыслящій цѣнитель не унизитъ. Онъ свой плодъ принесетъ непремѣнно и несомнѣнно. Вѣрьте мнѣ. Только приносите его на алтарь отечества; есть Око, видящее все, и Мздовоздатель за самые тайные помыслы даже. Пусть же это Око всегда видитъ въ сердцѣ вашемъ полное самоотверженіе къ благу общему; неутолимое стараніе исполнять возложенное на васъ, не для оцѣнки, а для удовлетворенія вашей совѣсти, и посмотрите, какъ все будетъ хорошо. Только терпите и не кипятитесь. Кипятокъ хорошъ въ чаю, а никакъ не въ человѣкѣ. Простите мнѣ мои совѣты, они происходятъ отъ искренняго желанія вамъ всего лучшаго, а еще и отъ увѣренности, что въ глазахъ вашихъ ничто не перемѣнилось, и отношенія наши тѣ же. Такъ ли? Но во всякомъ случаѣ я такъ увѣрена, любезнѣйшій Иванъ Акимовичъ! Я думаю, вамъ очень хочется къ намъ пріѣхать къ 15 числу? И намъ очень хочется васъ видѣть; но если это можетъ быть хоть сколько-нибудь вамъ вреднымъ, то, Бога ради, и не пробуйте; а если можно, то другое дѣло. Мы будемъ очень рады. Теперь у насъ погода совершенно по вашему вкусу! Холодъ, дождь, вѣтеръ—все озеро всколыхалось. Вы бы тутъ сейчасъ на островахъ фейерверкъ задали бы! Но намъ и съ дождемъ хорошо. Пускай себѣ озеро колышется, вѣтеръ свищетъ, люди клевещутъ—у моего Вл. Ив. легко на душѣ. Онъ несъ цѣлыя семь лѣтъ тяжелый крестъ, безпощадно трудясь день и ночь, борясь сильно и мощно со всѣми противоборствующими элементами, и честно вышелъ изъ борьбы, что̀ Богъ со временемъ покажетъ. А мнѣ весело смотрѣть

на отдыхъ моего добраго, честнаго мужа, и нѣтъ выше счастія нашего на землѣ. Люди его у насъ не отнимутъ. Прощайте, любезнѣйшій, добрѣйшій Иванъ Акимовичъ! Анна, Маня, Стася, Эми, Софья Петровна, Елизавета Петровна, Ѳедосья Ивановна, m-elle le Rond, весь женскій персоналъ вамъ съ пискомъ кланяется, а Вл. Ив. безъ писка, но съ сердечнымъ привѣтомъ. Берегите свое здоровье и не забывайте насъ. Что здоровье вашей доброй жены? Кланяйтесь ей; простите ужасное маранье».

Много лѣтъ прошло со времени нашей разлуки; душа Анастасіи Александровны давно переселилась въ вѣчность; но дорогая память о ней будетъ свято храниться въ моемъ сердцѣ. Тяжелый вздохъ вырывается по нынѣ изъ моей груди, и картина давно былаго, пережитаго счастья, вмѣстѣ съ пролетѣвшею моею молодостью, еще живо рисуется передъ моими глазами. При воспоминаніи о невозвратимыхъ прошлыхъ дняхъ, въ которые я имѣлъ счастіе пользоваться ея уваженіемъ, невольная слеза катится изъ глазъ моихъ, и скорбящее сердце творитъ молитву объ упокоеніи святой души ея тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія.

Вслѣдъ за вооруженнымъ возстаніемъ, въ Вильнѣ, не смотря на военное положеніе, началось какое-то лихорадочное движеніе среди ополяченнаго городскаго населенія; дерзость дошла до того, что объявленія полиціи и распоряженія генералъ-губернатора, расклеенныя по городу, среди бѣлаго дня мгновенно уничтожались, даже подлѣ полицейскихъ будокъ; при невозможности же сорвать ихъ они пачкались грязью и даже... навозомъ. Въ разговорахъ по городу то и дѣло слышалось: «жондъ народовый разскàзалъ» (приказалъ); въ Вильнѣ снова появился Вацлавъ Пржебыльскій, бывшій учитель дворянскаго института и раввинскаго училища, который былъ переведенъ изъ края, по распоряженію начальства, учителемъ въ Вологодскую гимназію за прикосновенность къ волненіямъ; эта личность, какъ оказалось впослѣдствіи, была изъ самыхъ дѣятельныхъ коноводовъ мятежа. Когда онъ былъ представленъ къ генералъ-губернатору старшимъ полицеймейстеромъ, какъ самовольно возвратившійся, то успѣлъ не только оправдать свое самовольное возвращеніе въ Вильну серьезною болѣзнью своей матери, въ чемъ даже и не удостовѣрились, но и получилъ дозволеніе временно оставаться въ городѣ, впредь до ея выздоровленія, съ отдачею его подъ надзоръ полиціи; а этотъ надзоръ въ то время былъ такого рода, что когда хватились взять его подъ арестъ—его и слѣдъ простылъ.

Въ деревянномъ домѣ, противъ Бонифратеровской каплицы, черезъ улицу отъ запертыхъ воротъ генералъ-губернаторскаго сада при дворцѣ, учитель пѣнія Бонольди ни съ того ни съ сего завелъ фотографію и литографію, а въ мезонинѣ установилъ подзорную трубу такимъ обра-

зомъ, что оттуда можно было наблюдать за приходившими къ генералъ-губернатору лицами; Бонольди также успѣлъ бѣжать за границу. При графѣ М. Н. Муравьевѣ было раскрыто, что съ февраля мѣсяца въ Вильнѣ образовался революціонный комитетъ, распоряжавшійся всѣми дѣйствіями по мятежу; въ полъ-верстѣ за Звѣринцемъ (лѣтнее мѣстопребываніе генералъ-губернатора) формировались шайки; само собою разумѣется, что при этомъ дѣло не обходилось безъ коммиссіонерства евреевъ, которые, можно сказать съ положительностію, потворствовали мятежу, обѣщавшему имъ богатую наживу. Вся торговля цѣлаго Западнаго края и всѣ промыслы находятся въ ихъ рукахъ; мятежники ничего не могли бы сдѣлать безъ ихъ содѣйствія, а правительство только тогда узнало про вооруженное возстаніе, когда пошли разгуливать шайки по цѣлому краю. По указаніямъ политическихъ арестантовъ, у бронзовыхъ дѣлъ мастера Беніамина Ляма, при произведенномъ въ занимаемомъ имъ помѣщеніи обыскѣ, найдена была запрятанная мѣдная, о пяти гнѣздахъ литейная форма для коническихъ пуль. На вопросъ слѣдственной коммиссіи о причинѣ нахожденія у него этой формы еврей отвѣчалъ, что, прельстясь дешевизною матеріала, онъ купилъ ее для своихъ издѣлій у неизвѣстнаго ему еврея, изъ деревни къ нему зашедшаго. Подобныя объясненія у насъ принимались тогда за чистую монету. У генералъ-губернатора въ кабинетѣ на столѣ найдена была записка съ печатью революціоннаго комитета, въ которой было сказано, чтобы онъ ни о чемъ не безпокоился, такъ какъ ни одинъ волосъ съ головы его и его семьи не спадетъ... Разгадка этому объяснилась тогда, когда обнаружилось участіе въ мятежѣ Сѣраковскаго, Жвирждовскаго, Оскерки, Еленскаго и другихъ, имъ же имя легіонъ, которые бывали вхожи въ домъ къ генералъ-губернатору. Главное и мѣстное начальство, всецѣло погруженное въ заботы по усмиренію вооруженнаго мятежа, было совершенно незнакомо съ подпольною организаціею, т. е. съ главною силою, которою только и былъ страшенъ послѣдній польскій мятежъ. Побѣды нашихъ доблестныхъ войскъ надъ шайками мятежниковъ и въ особенности плѣнъ Сѣраковскаго и Колышки возродили было надежду на лучшее будущее. Но на самомъ дѣлѣ обстоятельства въ краѣ все болѣе и болѣе усложнялись и запутывались, а на западѣ Европы поднималась противу Россіи грозная коалиція.... Такъ какъ шайки наполнялись большею частію молодежью, нерѣдко даже дѣтьми 14—15 лѣтъ, то подпольный комитетъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы такіе вояки за отчизну отнюдь не смѣли выходить изъ Вильны безъ письменнаго на то его разрѣшенія, грозя въ противномъ случаѣ выдачею таковыхъ русскому правительству. Это было единственное распоряженіе, въ которомъ какъ бы проглядывала жалость кровожаднаго комитета къ этимъ малолѣтнимъ ратобор-

цамъ за отчизну, на самомъ же дѣлѣ творилось это съ цѣлію, чтобы молодежь не проболталась и не выдала тайну вербовки.

Въ концѣ февраля мѣсяца, прусская подданная, жена варшавскаго механика, Винтерфельдъ заявила виленской слѣдственной по политическимъ дѣламъ коммиссіи, что одними изъ важныхъ членовъ виленскаго революціоннаго комитета состоятъ виленскіе дворяне—Эдмундъ Вериго и лѣкарь Стецевичъ; первый собираетъ вокругъ себя молодежь и раздаетъ ей разныя революціонныя брошюры и воззванія, и приглашаетъ ее, Винтерфельдъ, къ доставленію изъ-за границы оружія и пороху, такъ какъ, по занятіямъ мужа, это было очень легко ей сдѣлать; лѣкарь же Стецевичъ просилъ ее, кромѣ того, и о доставленіи въ Вильну типографскаго станка съ винтовымъ прессомъ. Вмѣстѣ съ сказанными двумя лицами, по найденнымъ уликамъ, была посажена подъ арестъ и 18-тилѣтняя красавица, сестра лѣкаря Стецевича. Никогда не забуду я очной ставки между Винтерфельдъ и дѣвицею Стецевичъ. Когда послѣднюю вели въ присутствіе коммиссіи, Винтерфельдъ была нарочно посажена въ другой комнатѣ такъ, что арестантка необходимо должна была пройти мимо нея; изъ сосѣдней комнаты мы наблюдали за встрѣчею двухъ этихъ лицъ, чтобы вывести заключеніе о показаніяхъ дѣвицы Стецевичъ, утверждавшей, что она не знаетъ Винтерфельдъ и никогда ея не видѣла. Когда ничего не подозрѣвавшая о подобной встрѣчѣ молодая арестантка вошла въ комнату и замѣтила Винтерфельдъ, краска мгновенно бросилась ей въ лицо; она положила руку на свое трепетавшее сердце и, сдѣлавъ умоляющій видъ, молча какъ бы просила ее отказаться отъ улики. Записывая очную ставку между этими двумя лицами, я наблюдалъ за игрою физіономіи молодой Стецевичъ: на прекрасномъ лицѣ ея, полномъ жизни и молодости, и въ блестящихъ глазахъ пылкой дѣвушки поминутно выражались тѣ чувства, которыя волновали ее въ данную минуту очной ставки. На всѣ улики своей противницы она упорно отвѣчала однимъ только отрицаніемъ, а между тѣмъ, не подозрѣвая, что я наблюдалъ за нею во время записыванія показаній, она умоляла взоромъ свою соперницу отказаться отъ своихъ обвиненій; и когда та съ положительною точностію поясняла бывшія между ними сношенія,—молнія гнѣва пробѣгала по ея физіономіи; сдвигались черныя бровки, и судорожно трепетали коралловыя уста... Казалось мнѣ тогда, что если бы Винтерфельдъ попалась въ ея прекрасныя ручки — онѣ навѣрное не выпустили бы ее живою. Когда очная ставка кончилась не въ пользу обвиняемыхъ лицъ, предсѣдатель коммиссіи генералъ-лейтенантъ Веселетскій, подошедши къ дѣвицѣ Стецевичъ, началъ уговаривать ее показать правду, обѣщая упросить генералъ-губернатора оставить дѣло безъ законнаго преслѣдованія, со вмѣненіемъ ареста въ наказаніе, она оставалась при своемъ. Какая странная должна была

быть та школа воспитанія, которую проходили польки и которая такъ твердо закаляла ихъ сердца во лжи и въ ненависти къ Россіи!

При подобнаго рода обстоятельствахъ В. И. Назимовъ, по природной мягкости своего характера, не былъ въ состояніи приняться за строгія мѣры; при томъ около него постоянно увивались паны, изъ которыхъ многіе принадлежали къ тайной организаціи и сбивали его съ толку своими дружескими совѣтами. Привыкши смотрѣть на поляковъ, какъ на не въ мѣру угнетенныхъ, онъ въ теченіе семи лѣтъ своего генералъ-губернаторствованія старался всѣми силами своей доброй души проводить указанную ему примирительную съ ними политику новаго благотворнаго царствованія и думалъ, что достигъ намѣченной цѣли; вдругъ такое разочарованіе! Не мудрено послѣ этого, что, встрѣтясь лицомъ къ лицу съ гнусною неблагодарностью поляковъ, онъ совершенно растерялся и не зналъ, что̀ дѣлать въ этомъ вихрѣ разгулявшихся не въ мѣру политическихъ страстей, въ особенности при тогдашнемъ настроеніи Петербурга, гдѣ нѣкоторые изъ высокопоставленныхъ лицъ смотрѣли на совершавшіяся въ краѣ событія глазами графа Старжинскаго и другихъ поборниковъ польской справы. Ходатайства В. И. Назимова о необходимости принятія строгихъ мѣръ не только не находили поддержки, но нерѣдко получались оттуда не совсѣмъ пріятныя указанія. А между тѣмъ всѣ необходимыя средства къ успѣшной борьбѣ съ крамолою были у него подъ рукою. Напрасно думаютъ нѣкоторые, что графъ М. Н. Муравьевъ былъ облеченъ какими-либо особыми полномочіями, при назначеніи его въ Сѣверо-Западный край, кромѣ «правъ и власти командира отдѣльнаго корпуса въ военное время»; всѣ прочія права предоставлены были уже генералъ-адъютанту В. И. Назимову, но онъ не умѣлъ, или не хотѣлъ воспользоваться ими. Объ этомъ въ свое время скажетъ послѣднее слово исторія. Вотъ эти законоположенія: 1) 5-го августа 1861 года (т. XXXVI, 37328) изданы были правила на случай объявленія какихъ-либо мѣстностей западныхъ губерній на военномъ положеніи, по которымъ главнымъ начальникамъ тѣхъ губерній были предоставлены особыя права: они могли удалять отъ должности чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, поставляя послѣднія въ извѣстность о томъ; отрѣшать и предавать суду всѣхъ безъ изъятія чиновъ земской и городской полиціи; всѣ жители были подвѣдомственны военному суду, приговоры котораго предоставлялось утверждать главному начальнику края, имѣвшему право приказать приводить ихъ въ исполненіе; онъ могъ также высылать иностранцевъ, подозрительныхъ лицъ и не имѣвшихъ постоянныхъ занятій изъ мѣстности, объявленной на военномъ положеніи и т. д. 2) 5-го августа 1861 года (37327) учреждены полицейскіе суды, «которые въ предѣлахъ строгой законности могли соединять въ себѣ быстроту и несложность дѣлопроизводства»; 3) 16-го августа 1861 г.

(37348) утвержденъ временный наказъ уѣзднымъ полиціямъ, которымъ, между прочимъ, предоставлено было объявлять: «Именемъ государя императора и на основаніи закона приглашаю всѣхъ немедленно (разойтись, положить оружіе и т. п.); при непослушаніи войска будутъ дѣйствовать оружіемъ»; 4) 31-го августа 1861 года (37370) предоставлено главному начальнику края предавать виновниковъ безпорядковъ суду по полевому уголовному уложенію и приводить приговоры въ исполненіе не медля; 5) 4-го сентября 1861 года (37388 и 37389) утверждены наставленія: а) воинскимъ частямъ, назначаемымъ на экзекуцію въ города, мѣстечки и селенія, и б) военнымъ начальникамъ, въ случаѣ употребленія войскъ для усмиренія народныхъ волненій; 6) 15-го января 1863 года (XXXVIII, 39169) повелѣно захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ судить по полевымъ уголовнымъ законамъ; 7) 7-го марта 1863 года, по положенію Западнаго комитета, государь императоръ соизволилъ предоставить виленскому генералъ-губернатору временное право увольнять отъ должностей мировыхъ посредниковъ, волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, которыхъ онъ, при тогдашнихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, признаетъ недостаточно благонадежными; 8) по законоположенію 11-го марта 1863 года, лица женскаго пола, прикосновенныя къ преступленіямъ, подлежали суду по полевымъ уголовнымъ законамъ; 9) 24-го апрѣля 1863 года (39542) утверждены правила для образованія сельскихъ вооруженныхъ карауловъ; 10) 24-го апрѣля 1863 года (39540), для воспрепятствованія примыканія къ шайкамъ, преимущественно составлявшимся изъ мелкой шляхты и горожанъ, воспрещено мѣстнымъ обывателямъ, кромѣ крестьянъ, отлучаться съ мѣстъ далѣе 30 верстъ, безъ особыхъ видовъ отъ мѣстныхъ воинскихъ начальниковъ, подъ опасеніемъ отдачи въ рабочія роты, а для дворянъ—въ тюрьму на срокъ отъ шести мѣсяцевъ до года и штрафа отъ 50 до 500 рублей. Наконецъ, слѣдуетъ здѣсь добавить весьма важное законоположеніе о раздѣленіи политическихъ преступниковъ на категоріи и о порядкѣ наложенія на нихъ взысканій. Государь императоръ, имѣя въ виду, что возстановленіе спокойствія въ губерніяхъ, зараженныхъ мятежемъ, зависитъ не отъ одного дѣйствія военной силы, но и отъ своевременнаго принятія мѣръ къ строгому, но справедливому наказанію виновныхъ, въ особенности по истеченіи срока, дарованнаго высочайшимъ манифестомъ 31-го марта 1863 г., помилованія тѣхъ изъ нихъ, которые добровольно сложатъ оружіе, соизволилъ признать необходимымъ установить, въ дополненіе и поясненіе высочайшаго рескрипта, даннаго на имя командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа 14-го января того года, болѣе положительныя и подробныя правила о порядкѣ наложенія взысканій на мятежниковъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, или арестованныхъ по обвиненію въ

*

соучастіи съ возмутителями. Всѣ политическіе преступники дѣлились на пять категорій; изъ нихъ, причисленные къ первой категоріи, виновность которыхъ ясно обнаруживалась безъ предварительнаго производства слѣдствія, предавались немедленно по поимкѣ полевому военному суду, приговоры котораго окончательно конфирмовались мѣстнымъ военнымъ начальникомъ: военнымъ губернаторомъ, начальникомъ дивизіи, или генераломъ, временно назначеннымъ для командованія войсками въ губерніи, или тѣмъ изъ отрядныхъ командировъ, которые поименованными лицами были на то уполномочены. Полевые военные суды, при производствѣ дѣлъ о преступникахъ всѣхъ категорій, имѣли руководствоваться сокращенными формами судопроизводства, установленными въ раздѣлѣ IV кн. 2 военно-уголовнаго устава для судовъ военнаго времени, не допуская въ присутствіе суда посторонникъ зрителей и безъ участія защитниковъ и прокуроровъ.

Такимъ образомъ изъ всего изложеннаго становится яснымъ, что всѣ полномочія, признанныя необходимыми для успѣшной борьбы съ мятежемъ и крамолою, были уже предоставлены предмѣстнику графа М. Н. Муравьева, который и вынужденъ былъ привести ихъ въ исполненіе, въ виду безвыходнаго положенія края. Испрошенное государственнымъ канцлеромъ княземъ Горчаковымъ всемилостивѣйшее всепрощеніе тѣмъ, которые до 1-го мая 1863 года явятся съ повинною изъ мятежа, привело совершенно къ другимъ результатамъ, чѣмъ тѣ, которыхъ ожидало правительство. Усматривая въ этомъ великодушномъ снисхожденіи одну только слабость правительственной власти, коноводы мятежа, съ цѣлію запугать съ одной стороны вновь назначеннаго главнаго начальника края, а съ другой — принудить крестьянъ содѣйствовать вооруженному возстанію, взяли да и порѣшили пустить въ ходъ всевозможный терроръ, дабы страхомъ заставить колебавшихся помогать имъ. Дѣло дошло наконецъ до православныхъ священниковъ. Двое изъ нихъ: Прокоповичъ и Конопасевичъ, за твердое исполненіе вѣрноподданническаго долга и своей прямой обязанности, были повѣшены—первый въ Гродненской губерніи, а второй въ Игуменскомъ уѣздѣ, Минской губерніи. Въ виду подобныхъ звѣрствъ, совершавшихся по цѣлому краю, и полнаго пренебреженія къ русской законной власти, главному начальнику края предстояло твердыми и рѣшительными мѣрами заставить крамолу сознать свое безсиліе въ борьбѣ съ законнымъ правительствомъ и безусловно смириться передъ Россіею.— Трудная задача эта была блестящимъ образомъ разрѣшена графомъ М. Н. Муравьевымъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. М. Сперанскій въ Пензѣ [1]).

Сперанскій, будучи пензенскимъ губернаторомъ, находился въ особенно близкихъ отношеніяхъ съ ректоромъ Пензенской семинаріи, архимандритомъ Ааpономъ [2]). Послѣдній былъ не просто образованнымъ, а и ученымъ человѣкомъ. Хорошо знакомый съ новѣйшими языками, онъ слѣдилъ за европейской богословской литературой, имѣлъ большую научную библіотеку и постоянно занимался учеными трудами. Сперанскій, какъ извѣстно, всегда имѣлъ склонность къ научнымъ занятіямъ. Поэтому съ Ааpономъ онъ очень любилъ дѣлить часы своего досуга, принимая его у себя въ губернаторскомъ домѣ или запросто отправляясь къ нему въ скромную Спасо-Преображенскую обитель, гдѣ были покои ректора. Подъ руководствомъ, между прочимъ, архимандрита Ааpона, Сперанскій сталъ заниматься въ Пензѣ изученіемъ еврейскаго языка. Научныя бесѣды и занятія въ келліяхъ ректора нерѣдко смѣнялись игрой на гусляхъ, инструментѣ, въ свое время очень распространенномъ среди нашего

---

[1]) Въ 1899 году, во время своихъ занятій по составленію историческаго очерка Пензенской духовной семинаріи, я имѣлъ случай ознакомиться съ нѣкоторыми біографическими данными о графѣ М. М. Сперанскомъ. Сообщаемые ниже факты, будучи почерпнуты изъ мѣстныхъ источниковъ (документовъ семинарскаго архива, статей епархіальнаго органа и устныхъ преданій), касаются отношеній Сперанскаго къ названному учебному заведенію. Въ виду того, что объ этихъ фактахъ нѣтъ упоминанія ни въ извѣстномъ трудѣ барона Корфа: „Жизнь графа Сперанскаго“, ни въ послѣдующихъ очеркахъ о великомъ государственномъ мужѣ и что для полной характеристики выдающихся личностей часто имѣютъ значеніе даже мелкія, повидимому, извѣстія, я и предлагаю читателямъ собранный мною біографическій матеріалъ о Сперанскомъ.

[2]) Въ 1826 году епископъ архангельскій, скончался на покоѣ въ Ново-Спасскомъ московскомъ монастырѣ въ 1842 году.

духовенства. Не знаемъ, былъ ли Сперанскій музыкантомъ, а ректоръ Ааронъ оставилъ о себѣ память, какъ объ отличномъ гусляре.

Въ 1818 году Пензенская семинарія была преобразована по уставу Коммиссіи духовныхъ училищъ, въ выработкѣ котораго Сперанскій, какъ извѣстно, принималъ самое дѣятельное участіе. Согласно требованію этого устава, учителями семинаріи могли быть только лица съ высшимъ образованіемъ. И вотъ, большинство прежнихъ учителей Пензенской семинаріи должны были оставить свою службу, а въ составъ новаго персонала назначены были только-что окончившіе курсъ Московской духовной академіи—магистръ Василій Алявдинъ [1]) и кандидаты богословія: Василій Мерцаловъ, Иванъ Бѣляевъ и Григорій Сахаровъ. Молодые люди прибыли въ Пензу въ сентябрѣ мѣсяцѣ и остановились на постояломъ дворѣ, куда привезъ ихъ ямщикъ; очень можетъ быть, что въ то время въ Пензѣ и гостиницъ даже не было. На другой день полицеймейстеръ въ своемъ обычномъ рапортѣ доложилъ губернатору о вновь пріѣхавшихъ профессорахъ семинаріи. Сперанскій заинтересовался и принялъ въ нихъ самое живое и теплое участіе. Онъ тутъ же распорядился всѣхъ ихъ позвать къ себѣ. Молодые люди, еще не успѣвшіе отправиться отъ продолжительнаго путешествія, были непріятно изумлены, когда къ нимъ на постоялый дворъ явился полицейскій чиновникъ съ распоряженіемъ явиться къ губернатору. Они знали, что по пріѣздѣ имъ нужно представиться къ своему прямому начальству—ректору семинаріи и епископу; но зачѣмъ ихъ требовали къ губернатору, никакъ не могли понять. Имя Сперанскаго, какъ бывшаго вельможи и любимца государя, конечно, имъ было извѣстно. Съ тяжелымъ смущеніемъ вышли наши юные педагоги съ постоялаго двора и съ гнетущимъ страхомъ переступили порогъ губернаторскаго дома. Но пріемъ, какой они нашли здѣсь, не только не отвѣчалъ ихъ тревожному настроенію, а прямо поразилъ своей неожиданностью. Сперанскій встрѣтилъ и принялъ ихъ, какъ дорогихъ гостей; разспросилъ каждаго, откуда онъ родомъ и на какой предметъ назначенъ въ семинарію. При этомъ не преминулъ сообщить, что и самъ онъ духовнаго происхожденія, воспитанникъ духовной школы и нѣкоторое время подвизался, какъ и они, на педагогическомъ поприщѣ. Одинъ изъ гостей—Алявдинъ оказался даже землякомъ Сперанскаго и окончилъ курсъ во Владимірской семинаріи, въ которой обучался и Сперанскій.

Принимая участіе въ прибывшихъ, губернаторъ приказалъ полицеймейстеру отвести имъ приличную казенную квартиру. Мало того, молодые профессоры на другой день получили на новой квартирѣ пакетъ,

[1]) Впослѣдствіи тобольскій архіепископъ Владиміръ († 1845 г.).

въ которомъ имъ было прислано отъ Сперанскаго 50 рублей денегъ на первоначальное устройство ихъ внѣшней обстановки: онъ по личному опыту зналъ, что скромнаго жалованья наставника семинаріи могло хватать только на пропитаніе. Затѣмъ въ слѣдующій воскресный день всѣ четверо приглашены были къ обѣденному столу губернатора. Вообще М. М. Сперанскій сдѣлался самымъ благодѣтельнымъ, искреннимъ и теплымъ покровителемъ молодыхъ профессоровъ и особенно—Алявдина и Мерцалова, отличавшихся выдающимися дарованіями. Онъ часто приглашалъ ихъ на обѣды и вечера и старался ввести ихъ въ свѣтское городское общество. При такомъ покровительствѣ Алявдинъ и Мерцаловъ скоро пріобрѣли извѣстность въ городѣ и сдѣлались, можно сказать, привилегированными домашними учителями въ лучшихъ семействахъ пензенскихъ дворянъ. Впослѣдствіи Мерцаловъ [1]) училъ дѣтей у Ѳ. И. Лубяновскаго, бывшаго губернаторомъ послѣ Сперанскаго, а затѣмъ у А. А. Панчулидзева, который смѣнилъ Лубяновскаго, и всѣми былъ любимъ и отличаемъ за его прекрасныя качества ума и сердца.

Это теплое участіе Сперанскаго къ молодымъ наставникамъ семинаріи, при самомъ вступленіи ихъ въ самостоятельную жизнь, осталось дорогимъ воспоминаніемъ до конца дней ихъ.

Сперанскій не оставлялъ своимъ добрымъ вниманіемъ и воспитанниковъ. Въ некрологѣ одного пензенскаго протоіерея передается съ его словъ слѣдующій случай, характеризующій привѣтливое отношеніе Сперанскаго къ школьникамъ-семинаристамъ. «Однажды,—разсказывалъ почившій пастырь,—играли мы, семинаристы, въ городки: это было на Верхней пѣшей улицѣ [2]). Вдругъ собаки, цѣлыми стаями бѣгавшія по городу, бросились на какого-то господина, проходившаго не вдалекѣ отъ насъ съ небольшой тросточкой въ рукахъ, и, прижавъ его къ стѣнѣ, грозили немалой бѣдой. Имѣя въ рукахъ палки, мы бросились на собакъ и спасли господина. Онъ поблагодарилъ насъ и спросилъ, кто мы такіе; узнавъ, что мы—семинаристы, вступилъ съ нами въ довольно продолжительную бесѣду и, между прочимъ, сказалъ, что онъ и самъ былъ семинаристомъ, а теперь вотъ присланъ губернаторомъ въ Пензу».

Случай—самъ по себѣ незначительный, даже пустячный. Но простота и задушевность, съ которыми первое лицо города вступаетъ въ бесѣду съ школьниками, могли бы поразить послѣднихъ и въ настоящее время, а тѣмъ болѣе онѣ были изумительны въ ту отдаленную пору, когда учащіяся дѣти съ именемъ всякаго начальника соединяли пред-

---

[1]) Алявдинъ въ 1820 году перешелъ на службу въ родную Владимірскую семинарію.

[2]) Нынѣ Суворовская улица.

ставленіе о строгости и недосягаемой высотѣ. Эта случайная бесѣда произвела сильное впечатлѣніе на воспріимчивыя юныя души, послужила предметомъ нескончаемыхъ разговоровъ въ школѣ. Старецъ-пастырь, разсказъ котораго нами переданъ, на склонѣ дней своихъ съ любовію и гордостію любилъ вспоминать, какъ онъ въ отроческіе годы былъ случайнымъ собесѣдникомъ знаменитаго Сперанскаго.

Сперанскому болѣе, чѣмъ кому-либо другому, извѣстны были трудолюбіе семинаристовъ и ихъ добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Поэтому онъ съ удовольствіемъ принималъ воспитанниковъ Пензенской семинаріи въ свою губернаторскую канцелярію и старался постепенно замѣнить ими старыхъ подъячихъ, закоснѣвшихъ во взяткахъ и крючкотворствѣ. Поступленіе въ то время духовныхъ воспитанниковъ на гражданскую службу было сопряжено съ немалыми затрудненіями; нужно было ходатайствовать предъ епархіальной властью объ увольненіи «въ иной родъ жизни», на что духовное начальство смотрѣло укоризненно и не всегда давало просимое разрѣшеніе. Сперанскій самъ на себя принималъ эти хлопоты, имѣя въ виду такимъ путемъ получить и нужныя свѣдѣнія о просителяхъ. Среди документовъ семинарскаго архива сохранилось нѣсколько отношеній Сперанскаго къ тогдашнему пензенскому еп. Аѳанасію [1]). Для примѣра приводимъ одно изъ его отношеній, помѣченное 25-мъ генваря 1819 года. «Ваше преосвященство! Милостивѣйшій архипастырь! Здѣшней семинаріи ученики: 1-го отдѣленія Металловъ и 3-го Юговъ, Снѣгуровъ, Таптуковъ, Пластовъ и Викторовъ подали ко мнѣ прошеніе о принятіи ихъ въ статскую службу. А какъ указомъ Правительствующаго Сената (отъ 21-го августа 1818 г.), при семъ въ спискѣ прилагаемомъ, дозволено опредѣлять въ гражданскую службу изъ духовныхъ училищъ людей, и не окончившихъ полнаго курса наукъ, то посему я считаю обязанностію покорнѣйше просить ваше преосвященство приказать, кому слѣдуетъ, сдѣлать о увольненіи означенныхъ учениковъ изъ духовнаго званія и доставленіи ко мнѣ ихъ аттестатовъ надлежащія распоряженія. Съ совершеннымъ почитаніемъ имѣю честь быть вашего преосвященства покорнѣйшимъ слугою М. Сперанскій».

Служба у Сперанскаго, при его гуманныхъ отношеніяхъ даже къ самымъ мелкимъ чиновникамъ, не была похожа на службу въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ. Естественно, что молодые люди съ особой охотой шли на службу въ губернаторскую канцелярію. Нѣкоторые изъ бывшихъ воспитанниковъ Пензенской семинаріи потомъ отправились за

---

[1]) Аѳанасій (Корчановъ) былъ на пензенской каѳедрѣ съ 1812—1819 гг.; скончался 24-го декабря 1825 г., живя на покоѣ въ самой Пензѣ, въ собственномъ домѣ.

Сперанскимъ къ мѣсту его новаго служенія въ должности генералъ-губернатора Сибири, куда онъ назначенъ былъ въ 1819 году. А одинъ изъ нихъ, поступивъ въ канцелярію въ 1817 году, сдѣлался затѣмъ неразлучнымъ спутникомъ Сперанскаго въ теченіе всей его остальной жизни, т. е. въ продолженіе 22-хъ лѣтъ. Это былъ Косма Григорьевичъ Рѣпинскій, впослѣдствіи дослужившійся до званія сенатора (скончался въ 1876 году).

Непродолжительно было губернаторство Сперанскаго въ Пензѣ [1]), но и за короткое время онъ успѣлъ сдѣлать такъ много полезнаго для губерніи, что надолго оставилъ по себѣ благодарную память, какъ о начальникѣ мудромъ и праведномъ.

Неизмѣнно теплыя чувства хранила въ своемъ сердцѣ къ Сперанскому и Пензенская семинарія, въ лицѣ знавшихъ его питомцевъ и воспитателей.

А. Троицкій.

[1]) Губернаторомъ въ Пензу Сперанскій былъ опредѣленъ 30-го августа 1816 г., назначенъ въ Сибирь 22-го марта 1819 г.

Высочайшій рескриптъ объ увольненіи графа Кочубея въ отпускъ.

28-го іюня 1823 г. № 113.

Графъ Викторъ Павловичъ! Снисходя на прошеніе ваше, я указомъ, сего числа даннымъ Правительствующему Сенату, уволилъ васъ въ отпускъ, повелѣвъ до возвращенія вашего исправлять должность вашу по управленію министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, государственному контролеру тайному совѣтнику барону Кампенгаузену. Отъ васъ зависитъ воспользоваться снмъ отпускомъ на время вамъ нужное; но для пользы службы, я искренно желаю, чтобъ оно было сколь можно менѣе продолжительно. Мнѣ пріятно, отдавая справедливость достоинствамъ и заслугамъ, изъявить вамъ при семъ случаѣ особенную признательность мою, за исполненіе всѣхъ возложенныхъ на васъ обязанностей съ свойственнымъ вамъ усердіемъ. Пребываю всегда вамъ благосклонный.

И. М. Муравьевъ-Апостолъ,

авторъ «Писемъ изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ» [1]).

(Посвящается А. Д. К.).

Съ прискорбію своему авторъ «Писемъ», наблюдая нравы своихъ соотечественниковъ, замѣтилъ, что французы имѣли непосредственное вліяніе на несчастіе русскихъ людей. Съ пагубнымъ тлетворнымъ вліяніемъ ихъ онъ встрѣчался на каждомъ шагу въ нашей частной и даже общественной жизни. Начнемъ ab ovo. Мы восприняли французскій языкъ, и онъ «отравилъ у насъ главный источникъ общественнаго благоденствія—воспитаніе». Свидѣтель эпохи, мечтавшей о созданіи «новой породы людей» путемъ раціональнаго воспитанія, Муравьевъ еще не потерялъ интереса къ вопросу о воспитаніи, котораго къ тому же онъ самъ касался лѣтъ 20 назадъ въ раннихъ своихъ литературныхъ опытахъ въ его «Письмахъ» мы найдемъ много любопытныхъ сужденій на эт тему. По убѣжденію Муравьева, вся бѣда наша заключается въ томъ, что мы не давали дѣтямъ не только надлежащаго, но даже и какого бы то ни было воспитанія. «Воспитаніе бо́льшей части нашихъ дворянъ и дворянокъ заключалось—говоритъ онъ—до сихъ поръ единственно въ наученіи болтать по-французски. На это способы были для каждаго состоянія, такъ сказать, подъ рукой: сорванцевъ французовъ всегда была у насъ пропасть; которому не удастся расторговаться табакомъ или помадою, тотъ идетъ въ учителя; не посчастливится француженкѣ дѣлать шляпки, она принимается въ домъ гувернанткой» [2]). Спросъ на французовъ у насъ былъ громадный, и къ намъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“, октябрь 1902 г.

[2]) Письмо 3-е.

«на Любскихъ судахъ, вмѣстѣ съ устерсами и лимбургскимъ сыромъ, приплывали цѣлыя груды французовъ: парикмахеровъ, поваровъ, модныхъ торговокъ, учителей»... Они «разсыпались не только въ столицахъ, но и по всему пространству Россіи, и находили средства овладѣть умами во многихъ домахъ, какъ знатныхъ, такъ не знатныхъ» [1]). Послѣдствія приглашенія дурныхъ учителей у насъ скоро обнаружились: мы всѣ говорили на французскомъ языкѣ, но на какомъ французскомъ. «Изо ста человѣкъ у насъ (и то это самая умѣренная пропорція) одинъ говоритъ изрядно по-французски, а 99 по-гасконски, не менѣе того всѣ лепечутъ какимъ-то варварскимъ діалектомъ, который они почитаютъ французскимъ потому только, что это у насъ называется говорить по-французски» [2]). И Муравьевъ глубоко сожалѣетъ русскихъ, «которые до сихъ поръ еще дотого ослѣплены предразсудками воспитанія, что не хотятъ видѣть вещей такъ, какъ онѣ есть, которые до сихъ поръ еще почитаютъ французовъ примѣромъ образованности и просвѣщенія; предпочитаютъ ихъ литературу нынѣшнюю, варварскую всѣмъ прочимъ; развращенные ихъ нравы—своимъ отцовскимъ, чистымъ и непорочнымъ, языкъ ихъ—своему природному» [3]). Наши дѣти, не достигнувъ и десятилѣтняго возраста, забываютъ свой родной языкъ дотого, что даже «Богу молиться не умѣютъ иначе, какъ по французскому молитвеннику» [4]). Само собою разумѣется, что, будучи плохими учителями, французы были еще худшими воспитателями. Въ лучшемъ случаѣ ихъ питомцы скоро научаются «пѣть водевили, танцовать гавотъ и вытараща глаза храпѣть въ носъ тирады изъ французской трагедіи» [5]). Въ одномъ изъ своихъ писемъ [6]) Муравьевъ сохранилъ намъ цѣлый планъ воспитанія русскаго мальчика подъ крыломъ французскихъ педагоговъ; позволяемъ себѣ — въ виду

---

[1]) Письмо 10-е.

[2]) (Письмо 10-е). До какихъ чудовищныхъ размѣровъ достигло господство въ нашемъ обществѣ французскаго языка, можно судить уже по одному тому краснорѣчивому факту, что даже въ нашихъ министерствахъ французскій языкъ былъ чуть-ли не оффиціальнымъ въ началѣ прошлаго вѣка. (См. «Русск. Архивъ» 1876 г., № 10, стр. 154, прим.).

[3]) Письмо 3-е.

[4]) Письмо 3-е. Въ выше цитованныхъ словахъ Муравьева заключается весьма любопытный намекъ на корень сильно распространявшагося въ нашемъ обществѣ (въ его время) католичества; ср. также его 12-е „Письмо“, гдѣ онъ ядовито отзывается о нашихъ „благочестивыхъ Гіоншахъ“, т. е. послѣдовательницахъ извѣстной католической проповѣдницы г-жи Гіонъ (род. въ 1648, ум. въ 1717). (Ср. также статью К. Н. Батюшкова: „Прогулка въ Москвѣ“, находящуюся во 2-мъ томѣ его „Сочиненій“, стр. 24).

[5]) (Письмо 3-е). Списано прямо съ натуры. Картины, подобныя только-что цитованной, варьируются во многихъ тогдашнихъ беллетристическихъ сочиненіяхъ нашихъ писателей.

[6]) Въ пятомъ.

крайняго любопытства этого плана—передать его цѣликомъ нашимъ читателямъ: «У насъ къ семилѣтнему мальчику—говоритъ онъ—приставляется французъ-наставникъ, которому, вмѣстѣ съ питомцемъ его, отводятся покои какъ можно далѣе отъ родительскихъ, съ тѣмъ чтобы мальчикъ поскорѣе отсталъ отъ отца и матери и прилѣпился всѣми привычками къ тому, который, за 2.000 р. въ годъ, подрядился поставить въ 8 лѣтъ совершеннаго француза. Два первые года мальчикъ, исключительно, учится болтать по-французски и забывать то, что зналъ своего языка. Главное попеченіе наставника состоитъ въ томъ, чтобы ученикъ его правильно гнусилъ, выговаривая N въ носъ—напримѣръ: mon dindon—и когда онъ въ этомъ успѣетъ, то заставляетъ его выучивать наизусть нѣкоторыя басни Лафонтена, и къ тому еще обыкновенно Терамеиовъ разсказъ изъ Федры. Эти первые успѣхи, какъ то легко себѣ представить можно, восхитительны для родителей, и первый опытъ—настоящее семейственное торжество. Французъ съ важностью вводитъ въ гостиную питомца своего, ставитъ его посреди кружка сродниковъ и знакомыхъ; мальчикъ нахмуритъ рожицу, выпучитъ глазенки, ножку выставитъ впередъ, протянетъ ручонку, вздохнетъ и начнетъ:

A peine nous sortions des portes de Trézene...

«Громкія восклицанія слушателей сопровождаютъ каждый почти стихъ: C'est admirable! point d'accent! pas le moindre accent étranger!—И надобно тутъ замѣтить, что слово étranger глубоко впечатлѣвается въ умѣ малютки, которому съ тѣхъ же поръ представляется чуждымъ все то, что не чисто по-французски:—первый шагъ къ выполненію условія наставника съ родителями. Гимнастическія упражненія состоятъ въ бильбоке, въ игрѣ волана съ учителемъ, да къ тому три раза въ недѣлю танцмейстеръ начинаетъ его образовывать т. е. заставляетъ его ходить на цыпочкахъ и присѣдать, выворачивая врозь колѣни». Достигнувъ тринадцатилѣтняго возраста, онъ «начинаетъ раздавать билеты учителямъ, которые ходятъ къ нему по часамъ преподавать миѳологію, хронологію, математику, географію, исторію и проч. и проч., да къ тому, если французъ его аббатъ, то онъ съ нимъ читаетъ и толкуетъ французскій катехизисъ. Когда случится, что наставникъ человѣкъ весьма ученый, то ученикъ, сверхъ всего упомянутаго, занимается еще выписками изъ писемъ г-жи Севинье и изъ Вольтерова Siècle de Louis XIV; ко всему этому присовокупляется музыка, да къ тѣлеснымъ упражненіямъ, сверхъ танцевъ, фехтованье.—Подъ конецъ этого періода рѣдкій мальчикъ находитъ еще удовольствіе въ дѣтскихъ забавахъ; онъ почти образованъ: танцуетъ королевинъ, минуэтъ и гавотъ—слѣдственно, можетъ уже играть свою маленькую ролю въ свѣтѣ, и для того начинаютъ вывозить его въ театръ, гдѣ развиваютъ вкусъ его къ изящному, и на

балы, гдѣ онъ учится великой наукѣ обхожденія съ людьми въ свѣтѣ т. е. на балахъ». Къ 15 годамъ нашъ мальчикъ уже оканчиваетъ свое ученье. «Ежедневно, какъ говорится, беретъ уроки отъ дюжины разныхъ учителей и спѣшитъ какъ можно скорѣе выучиться: алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, артиллеріи, фортификаціи, тактикѣ; языкамъ: англійскому, итальянскому, нѣмецкому — только не русскому; танцовать, фехтовать, рисовать, ѣздить верхомъ, играть на клавикордахъ, на скрипкѣ и пѣть. Это все непремѣнно входитъ въ планъ такъ называемаго знатнаго воспитанія»...

Муравьева возмущаетъ такое воспитаніе: оно не согласно съ его основнымъ убѣжденіемъ, что каждый человѣкъ прежде всего—гражданинъ своей земли, слуга своему отечеству, и дѣло воспитателей и родителей, слѣдственно, приготовить изъ своего сына р у с с к а г о ч е л о в ѣ к а, который бы «не стыдился того, что онъ русскій». Чтобы подкрѣпить еще болѣе основательность своихъ взглядовъ на необходимость воспитанія въ духѣ національномъ, онъ приводитъ въ образецъ воспитаніе англійскаго юношества. Англійскій юноша, оставляя ученіе, уже образованъ на столько, что «ставъ на-ряду съ гражданами, имѣетъ право сказать отечеству: «я готовъ служить тебѣ,—употребляй меня!» Его духовныя и физическія силы уравновѣшены и находятся въ полномъ расцвѣтѣ, а у русскаго уже къ 15 годамъ даже «цвѣтъ лица немного позавялъ», потому что онъ уже «живетъ», въ то время какъ англичанинъ до 20 лѣтъ еще только «приготовляется жить». Эти размышленія о нашемъ «знатномъ» воспитаніи и сопоставленіе его съ англійскимъ приводятъ Муравьева къ грустнымъ заключеніямъ. «Сколько геніевъ у насъ увядаетъ при самомъ развитіи цвѣта разума, и не принеся никакого плода отечеству!»—восклицаетъ онъ.—«Сколько людей, одаренныхъ способностями, осуждается жить для того только, чтобы бременить собою землю! И все это отъ того только, что мы по странному заблужденію не слѣдуемъ въ воспитаніи путемъ, проложеннымъ опытностью вѣковъ, по которому всѣ просвѣщенные народы шли и будутъ идти, доколѣ станутъ предпочитать ученіе невѣжеству и истинное просвѣщеніе наружному блеску, который, подобно потѣшнымъ огнямъ, сверкнетъ, исчезнетъ и все вокругъ себя оставитъ по-прежнему въ густомъ мракѣ» [1]). Итакъ, коренное зло нашего воспитанія лежитъ въ непониманіи нашимъ обществомъ всей важности воспитанія, этого «источника общественнаго благоденствія». Наши отцы, отказываясь отъ личнаго руководительства въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, желали лишь видѣть ихъ поскорѣе взрослыми, и едва юноша достигалъ 16 лѣтъ, уже спѣшили «показать его свѣту», даже болѣе: они облекали сына въ офицерскій мундиръ, полагая, что

[1]) Письмо 5-е.

онъ уже вполнѣ способенъ быть бойцемъ за отечество. Особыхъ стараній для образованія своихъ сыновей наши дворяне не считали нужнымъ [1]) прилагать по слѣдующимъ соображеніямъ: «Природою привилегированное сословіе—говорили они—мы, дворяне, родились съ такими способностями, съ которыми, не ломая головы надъ книгами, всегда и на все способны. Сегодня я предводительствую полкомъ, завтра—стоитъ мнѣ только перемѣнить кафтанъ—и я буду управлять гражданскими дѣлами цѣлой области» [2]) и т. д. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, по мнѣнію дворянъ—«военная служба въ Россіи первый долгъ, къ которому отечество призываетъ дворянина». Муравьевъ, ограничившись ядовитой насмѣшкой на счетъ особенныхъ способностей нашихъ дворянъ, на разсужденіе касательно военной службы отвѣчаетъ такъ: «Положимъ, по вашему мнѣнію, что отечеству нужны богатыри, во что бы то ни стало, и что оно не жалѣетъ о потерѣ девятерыхъ сыновей своихъ, лишь бы изъ десяти одинъ, вынеся трудный опытъ, вышелъ изъ онаго съ тѣломъ крѣпкимъ, какъ закаленное желѣзо; я все еще спрошу: что нужнѣе отечеству, богатырь ли тѣломъ, или богатырь душою?

«Если первый нужнѣе, то нѣтъ намъ надобности не только въ университетахъ, но даже и въ наемникахъ-французахъ: купать насъ всѣхъ въ крещенскіе морозы въ прорубяхъ, какъ Ахиллеса окунула матушка въ Стиксѣ, и кто выдержитъ, тотъ и слуга отечеству. Буде же душа беретъ преимущество надъ тѣломъ, и образованіе ея силъ есть первый предметъ родительскаго попеченія въ воспитаніи дѣтей,—въ такомъ случаѣ пора намъ и давно пора образумиться и перестать воображать себѣ, что, научивъ мальчика болтать, какъ попугая, по-французски, и нарядивъ его въ 15 лѣтъ въ мундиръ, мы исполнили всѣ обязанности, которыя возложили на насъ Богъ, природа и отечество» [3]).

Осудивъ взгляды современнаго ему общества на воспитаніе и противупоставивъ имъ свои, Муравьевъ набросалъ въ общихъ чертахъ новую систему воспитанія; вся она сводится къ основательному изученію гуманитарныхъ наукъ, въ особенности языковъ и литературъ. Въ основаніе должно быть положено изученіе языковъ древнихъ и роднаго.

Муравьевъ подробно развилъ эту мысль въ 4-мъ своемъ письмѣ, въ формѣ діалога между двумя свѣдущими въ дѣлѣ воспитанія людьми—Археоновымъ и Неотиномъ; подъ Археоновымъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ

---

[1]) Въ этомъ отношеніи ср. статью кн. Н. Н. Цертелева: „О погрѣшностяхъ въ отношеніи къ отечественному воспитанію“ („Вѣстн. Европы“ 1828 г., ч. 159, №№ 5 и 6).

[2]) Ibidem.

[3]) Письмо 5-е.

разумѣть самого автора. Итакъ вотъ, что говоритъ Археоновъ, т. е. Муравьевъ:

«И намъ давно бы пора приняться за настоящее дѣло, и потому я смѣло скажу и всегда говорить буду, что пока мы не будемъ учиться, т. е. посвящать все время перваго возраста отъ 7 до 15 лѣтъ на изученіе греческаго или, по крайней мѣрѣ, латинскаго языка вмѣстѣ съ русскимъ, основательно, эстетически—до тѣхъ поръ мы, большая часть толпы, будемъ не говорить, а болтать, не писать, а лишь марать бумагу» [1]).

Еще рѣзче высказалъ Муравьевъ свое предпочтеніе передъ математикой и прикладными науками наукамъ гуманитарнымъ въ 6-мъ письмѣ, начинающемся извѣстной фразой Шлецера: «Noch Keine Nation in der Welt ist der Barbarey durch Matematick entrissen worden» [2]).

Муравьевъ признаетъ за математикой неоспоримое ея значеніе для блага человѣчества, но выключаетъ ее изъ круга наукъ, преподаваемыхъ въ «первые годы отрочества»:

«Бога ради»—пишетъ онъ своему другу—не учи ихъ (дѣтей) математикѣ, доколѣ умы ихъ не украсятся прелестями изящной словесности, а сердца ихъ не пріучатся любить и искать красоты, неподлежащія размѣру циркуля; однимъ словомъ: образуй въ нихъ прежде всего воображеніе, тогда вредное, когда ненаправленное стремиться ко всему изящному въ природѣ, оно дѣлается рабомъ страстей и порока. Украшенное, обработанное оно освѣщаетъ и самый разсудокъ. Оно

---

[1]) Письмо 4-е.

[2]) Сторонникамъ иного направленія въ нашемъ среднемъ образованіи взгляды Муравьева не нравились, и между прочимъ ему по этому поводу были посвящены въ извѣстной „Старинной сатирѣ“ слѣдующія злыя строки:

„Трактатъ о воспитаніи
Приноситъ новый Локкъ...
„Въ малюткѣ, при стараньи,
Повѣрьте будетъ прокъ.
Отдайте мнѣ его. Могу на Нижній смѣло
Сослаться объ умѣ своемъ;
Въ Гишпаньи—не таюсь грѣхомъ,—
Совсѣмъ иное дѣло.

Горація на шею
Себѣ я навязалъ;
Я мало разумѣю,
Но много прочиталъ.
Малютку радъ учить всѣмъ лексиконамъ въ мірѣ,
Но математикѣ—никакъ:
Боюсь докажетъ: я дуракъ,
Какъ дважды два четыре“.

(См. „Русск. Арх.“ 1876, № 7, стр. 407).

даетъ генію силы и бодрость искать причины вещей; оно, на крыльяхъ своихъ, возноситъ Невтона на тѣ высоты, гдѣ, подобно Прометею, онъ похищаетъ огонь небесный и озаряетъ имъ землю. Такъ точно: безъ воображенія и Невтонъ, великій Невтонъ, былъ бы просто щетчикомъ, не проникъ бы таинства природы, не открылъ бы законовъ тяготѣнія, не разсѣкъ бы луча солнечнаго на первообразные цвѣта. Въ великой картинѣ міросданія разумъ усматриваетъ чертежъ, воображеніе видитъ краски:—что же картина безъ красокъ! и что жизнь наша безъ воображенія!» [1]).

Лучшимъ средствомъ для развитія воображенія и эстетическихъ вкусовъ Муравьевъ считаетъ изученіе всемірной литературы. Въ этой области онъ считалъ себя и прибавимъ—не безосновательно — знатокомъ и спеціалистомъ. Литература была съ раннихъ лѣтъ его любимымъ занятіемъ [2]), а отличное знаніе всѣхъ европейскихъ языковъ и личное знакомство съ выдающимися литературными силами Запада [3]) еще болѣе помогло ему усовершенствовать свой вкусъ и знанія въ излюбленномъ предметѣ.

Не говоря уже о томъ, что познанія Муравьева въ области классическихъ литературъ были для того времени поразительны, онъ представлялъ прямо-таки исключительное явленіе по своему пониманію литературъ новыхъ народовъ Запада. Ему равно доступны и близко знакомы были литературы: французская, нѣмецкая, итальянская, испанская, англійская, и онъ легко могъ оцѣнить ихъ значеніе и роль въ общемъ образованіи. Въ то время, какъ большинство нашего общества, разжигаемое ненавистью къ французамъ, мало-по-малу начало отдаляться отъ ихъ литературы (но не языка!) и даже огульно осуждать ее, Муравьевъ при всемъ своемъ озлобленіи на «изверговъ рода человѣческаго» умѣлъ найти достоинства въ литературѣ народа, давшаго міру Лафонтена. Въ то время, какъ мы совершенно не съумѣли оцѣнить значенія классической дѣятельности Шиллера, Гёте, Канта, а съ писателями итальянскими, испанскими, англійскими были знакомы лишь по именамъ, да дурнымъ переводамъ, Муравьевъ говорилъ о прелести и важности изученія Шиллера, Лессинга, Данте, Тасса, Альфіери, Сервантеса, Шеридана, восторгался Шекспиромъ и убѣждалъ, что нельзя судить о разныхъ литературахъ, произносить надъ ними приговоръ и

---

[1]) Основныя положенія этого отрывка подробно развиты полвѣка спустя въ одной изъ своихъ статей М. Н. Катковымъ. (См. его книгу „Наша учебная реформа". М. 1890, статья IX-я).

[2]) См. его собственное признаніе въ 13-мъ письмѣ.

[3]) Между прочимъ онъ былъ знакомъ съ Клопштокомъ, Альфіери, Касти и др.

«не знать тѣхъ языковъ, коихъ произведенія разсматриваются, какъ предметы сравненія». «Спроси Воронихина, постигъ ли бы онъ величіе храма Св. Петра въ Римѣ, по однимъ рисункамъ и моделямъ его; спроси Егорова, позналъ ли бы онъ Рафаэля изъ Джіордановыхъ списковъ? Такъ точно и въ общей литературѣ: хочешь ли имѣть основательное понятіе о свойствахъ, преимуществахъ и недостаткахъ народовъ, наиболѣе въ письменахъ отличившихся: сперва учись ихъ языкамъ; прочитай Данта на итальянскомъ, Сервантеса на испанскомъ, Шекспира на англійскомъ, Шиллера на нѣмецкомъ» [1]). Въ особенности же нельзя пускаться въ критику иностранныхъ литературъ, смотря на нихъ черезъ французскія очки [2]).

Кстати о критикѣ. И въ этой области, находившейся въ ту пору еще, можно сказать, въ зачаточныхъ формахъ, надъ которыми еще не поздно было посмѣяться и Пушкину, Муравьевъ выказалъ себя дѣйствительно знатокомъ, и то, что послужило у насъ предметовъ серьезнаго вниманія лишь въ концѣ 1820-хъ, лучше сказать въ началѣ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія, Муравьеву по плечу было говорить еще въ 1814 году! Онъ подвергъ строгому анализу ходячее выраженіе «la critique est aisée et l'art est difficile», указалъ важность разумной критики, какъ науки, и говорилъ о томъ великомъ значеніи Лессинга, какъ критика, которое онъ оказалъ на движеніе нѣмецкой литературы [3]). А мы и въ этомъ, какъ и въ литературѣ, отстали отъ Запада потому, что «находимся почти въ томъ положеніи, въ которомъ находились нѣмцы, когда Виландъ началъ писать, а предразсудокъ Фридриха II противу своего языка дѣйствовалъ еще надъ многими умами» [4]). Что же спасло нѣмцевъ отъ ложной дороги и вывело ихъ на путь совершенства? Для отвѣта на этотъ вопросъ, Муравьевъ становится опять на излюбленную почву: «они всегда учились древнимъ», насъ русскихъ—по глубокому убѣжденію Муравьева—также можетъ обновить лишь основательное изученіе античнаго міра по подлиннымъ памятникамъ его культуры, а не по французскимъ образцамъ. Мы замедлили ходъ нашей литературы внесеніемъ въ нее псевдоклассицизма, и Муравьевъ строго осуждаетъ это направленіе. Какъ бы ни были хороши герои Расина, но все-таки—по словамъ Муравьева—«изъ-подъ паллія или тоги выказываются у нихъ французскіе красные каблучки». Да и вообще даже въ произведеніяхъ крупныхъ французскихъ псевдоклассиковъ «ума много, а изящной природы, во всей очаровательной ея простотѣ, нѣтъ ни въ одномъ. Вездѣ натяжка, нигдѣ нѣтъ цвѣтовъ, которые

[1]) Письмо 4-е.
[2]) Ibidem.
[3]) Письмо 12-е.
[4]) Ibidem.

мы видимъ въ природѣ» [1]). Тутъ кстати, кажется, будетъ привести и взглядъ Муравьева на отношеніе изображенія къ объекту изображенія, на роль творчества въ изобразительныхъ искусствахъ, напримѣръ, въ литературѣ. Муравьевъ возстаетъ противъ французской теоріи: «embellir la nature». Это—явная безсмыслица,—говоритъ онъ,—«ибо украшать природы невозможно; напротивъ того: лишнимъ тщаніемъ давать не сродныя ей прикрасы значитъ портить ее; то же, что французы въ художествахъ называютъ genre tapière, а я изнѣженнымъ, жеманнымъ вкусомъ». И эта genre tapière, «вкусъ изнѣженности», эта неестественность, по мнѣнію Муравьева, «у французовъ господствуетъ вездѣ, даже и въ лучшихъ ихъ писателяхъ». Вотъ почему онъ настойчиво рекомендуетъ русскимъ людямъ отказаться отъ слѣдованія въ вопросахъ литературы и искусствъ по французской указкѣ и обратиться къ неизсякаемому источнику красоты и правды, къ самой природѣ; и ужъ если кто пожелаетъ учиться по образцамъ, сдѣланнымъ руками человѣческими, то слѣдуетъ обратиться къ произведеніямъ отнюдь не тѣхъ, кто «смотря въ окно на грязную улицу, описываетъ испещренные цвѣтами Андалузскіе луга, или пышно рисуетъ цѣпь Пиренейскихъ горъ, глядя съ чердака на Монмартръ».

Въ данномъ случаѣ учителями должны быть древніе греки, равно постигшіе тончайшія извилины души человѣка и нѣжнѣйшіе тона ихъ прекраснаго неба. Да и къ чему намъ подражать, когда въ самомъ русскомъ народѣ заложены такія богатыя дарованія, когда мы, русскіе,—говоря словами Муравьева,—«народъ, надѣленный драгоцѣннѣйшими дарами природы, наиспособнѣйшій ко всѣмъ успѣхамъ ума, съ сильной душою, съ пылкимъ воображеніемъ» [2]). Диковиннымъ, чудовищнымъ кажется Муравьеву такое небреженіе нами къ своимъ способностямъ, ко всему русскому, и его возмущаетъ до глубины души такое рабское пристрастіе русскихъ ко всему иноземному. Вѣдь рабство, какое бы оно ни было, все же рабство, а «рабство и просвѣщеніе не совмѣстимо» [3]). Мы обратились въ рабовъ, забывшихъ всякое самолюбіе, и на столько забывшихъ, что такое «національная гордость», что не можемъ усмотрѣть тѣснѣйшей связи между ней и языкомъ, на которомъ мы говоримъ [4])! Мы предпочли плохой французскій языкъ родному и наивно удивляемся медленному ходу нашего просвѣщенія. Тогда какъ—по убѣжденію Муравьева—стоило бы только ввести въ обществѣ употребленіе собственнаго языка, и мы сразу получили бы «двѣ важнѣйшія выгоды: 1) собственныя свои мысли, а не занятыя;

[1]) Письмо 4-е.
[2]) Письмо 5-е.
[3]) Письмо 6-е.
[4]) Письмо 10-е.

составился бы языкъ размышленія и умствованія, или просто сказать языкъ книжный, котораго до сихъ поръ у насъ еще нѣтъ, да и быть не можетъ потому, что сколько бы Академіи ни потѣли надъ словарями и грамматиками, проза чистая, логическая не составится, доколѣ она сперва не обдѣлается въ обществахъ, образованныхъ вѣжливостью и просвѣщеніемъ. Языкъ разговорный къ языку книжному точно то, что рисованіе къ живописи. Не будетъ перваго, не будетъ никогда и послѣдняго: ибо вѣсъ и значеніе словамъ даетъ употребленіе, а не опредѣленіе академиковъ» [1]). И если мы, получивъ надлежащее воспитаніе, будемъ говорить по-русски—тогда и у насъ «будетъ свой языкъ, обработанный для всѣхъ родовъ словесности, орудіе готовое для людей, рожденныхъ съ талантами. Сей ходъ, непремѣнный для образованія всѣхъ языковъ вообще, у насъ еще вдвое необходимѣе по той причинѣ, что мы не имѣемъ того, что существуетъ у всѣхъ прочихъ просвѣщенныхъ народовъ: состоянія ученыхъ людей».

Нѣтъ у насъ ученыхъ, нѣтъ у насъ и писателей: «мы всѣ пишемъ ad libitum, мы dilletanti, а не virtuosi» [2]); нѣтъ у насъ, слѣдственно, и истиннаго просвѣщенія....

Вотъ къ какимъ печальнымъ выводамъ пришелъ Муравьевъ, обозрѣвая положеніе вещей въ нашемъ отечествѣ... Но Россія еще не погибла. Богомъ хранимая, она, какимъ-то чудомъ вынесшая за время своего существованія столько безчисленныхъ ударовъ, сыпавшихся на ея грудь со стороны иноземцевъ [3]), устояла и тогда, когда пораженная въ самое сердце, она—казалось, должна была пасть къ ногамъ побѣдителей. Устоитъ она и теперь отъ всякихъ бѣдъ, если только .... «пребудетъ вѣрна Церкви, царю и самой себѣ» [4]). Мысль о необходимости вѣры, религіи для политической независимости народа Муравьевъ высказываетъ не разъ въ своихъ письмахъ. «Безъ нея—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ—никакой народъ не можетъ долго пребыть въ независимости; съ нею же какая бы внѣшняя опасность ни угрожала, всякое

---

[1]) Вотъ любопытный взглядъ Муравьева на словари: „Всѣ эти толстые словари кажутся мнѣ похожими на арсеналы, въ которыхъ тьма древнихъ и новыхъ оружій, развѣшанныхъ по стѣнамъ въ систематическомъ порядкѣ. Войди въ нихъ, и съ перваго взгляда покажется тебѣ сокровище необъятное. Но какъ дѣло дойдетъ до вооруженія, такъ и не знаешь, за что и какъ приняться, потому что оружіе знакомо тебѣ только по одной надписи, которая виситъ надъ нимъ, а не по ручному употребленію". (Письмо 10-е).

[2]) Письмо 10-е.

[3]) „Въ событіяхъ нашего отечества все чудесно: какъ будто читаешь Аріосто!" восклицаетъ Муравьевъ, вспоминая длинную вереницу враговъ, совершавшихъ набѣги на нашу отчизну.

[4]) Письмо 1-е.

государство преодолѣетъ ее и устоитъ» [1]). Ненормальное положеніе вещей во Франціи Муравьевъ также объясняетъ ослабленіемъ религіи въ этой странѣ и происходящей отъ сего развращенности нравовъ во французахъ [2]); въ крушеніи ея политическаго могущества онъ видитъ опять-таки «примѣръ того, что безъ вѣры общество человѣческое, какъ бы оно сильно ни было, долго существовать не можетъ» [3]). Религія—будь то «деизмъ, политеизмъ, исламизмъ»—связующее звено между отдѣльными членами націи. . . .

На этомъ замѣчаніи мы позволимъ себѣ прекратить обозрѣніе «Писемъ» Муравьева и постараемся теперь выяснить самую личность автора этихъ писемъ не на основаніи только словъ его, но фактовъ его жизни и «сопутствующихъ обстоятельствъ». Говорить объ умѣ Муравьева, его богатыхъ познаніяхъ и несомнѣнной талантливости, полагаемъ излишнимъ: объ этомъ достаточно свидѣтельствуютъ его «Письма», которыя мы нарочно старались излагать, въ большинствѣ случаевъ, устами самого автора, желая сохранить всю ихъ колоритность. Намъ остается, слѣдственно, разрѣшить лишь одинъ наиболѣе серьезный вопросъ, напрашивающійся самъ собой при оцѣнкѣ «Писемъ», какъ произведенія характера публицистическаго: насколько былъ искрененъ авторъ въ своихъ филиппикахъ, и не есть ли они—въ виду встрѣчающихся въ нихъ крайностей—лишь искры отъ великаго московскаго пожара, взлетѣвшія наверхъ и скоро сами погасшія? Исходили ли мысли, такъ горячо высказанныя Муравьевымъ, изъ тѣхъ его завѣтныхъ убѣжденій, которымъ онъ ни разу не измѣнялъ? Прежде всего, читатель, которому попадались не разъ наши журналы втораго десятилѣтія прошлаго вѣка, пожалуй, сказалъ бы, что отъ «Писемъ» Муравьева пахнетъ «Сыномъ Отечества». Онъ былъ бы правъ, ибо они и печатались въ этомъ журналѣ; но мы скорѣе сказали бы, что отъ нихъ пахнетъ дымомъ и кровью Отечественной войны, и потому имъ болѣе всего и приличествовало помѣститься на страницахъ «Сына Отечества». Муравьевъ былъ искрененъ въ своемъ негодованіи на «изверговъ-французовъ» и въ ненависти ко всему французскому его времени. Какъ враговъ отечества онъ ненавидѣлъ французовъ, еще будучи нашимъ полномочнымъ посланникомъ въ чужихъ краяхъ, и возненавидѣлъ ихъ еще болѣе, когда онъ,—бѣглецъ изъ горѣвшей своей родной столицы, искалъ спасенія въ Нижнемъ-Новгородѣ и, сидя за стѣнами, видѣвшими Минина, металъ (въ пріятельскомъ кругу) громы и молніи на мнимую цивилизацію Франціи. Но должно сознаться, что

---

[1]) Письмо 14-е.
[2]) Ibidem.
[3]) Письмо 1-е.

Муравьевъ, не смотря на все свое анти-галльское направленіе, на весь свой—по выраженію Л. Н. Майкова—ничѣмъ не смущающійся патріотическій пылъ [1]), все же не могъ уступить общему потоку, требованію моды. Не говоря о томъ, что онъ до конца дней своихъ изъяснялся на обще-принятомъ въ нашемъ обществѣ языкѣ, т. е. на французскомъ, когда въ томъ не представлялось особенной надобности, онъ самъ бывалъ нерѣдко въ Парижѣ и даже нѣкоторыхъ дѣтей своихъ (и до и послѣ 1812 года) воспитывалъ въ столицѣ Франціи.

На послѣднее обстоятельство едва-ли, намъ кажется, можно смотрѣть какъ на жертву модѣ: повидимому, Муравьевъ все же считалъ Францію наиболѣе просвѣщенной страной цивилизованнаго Запада. Далѣе. Быть можетъ, искреннимъ былъ Муравьевъ въ похвалахъ, расточаемыхъ имъ по адресу нашего правительства за его заботы о народномъ просвѣщеніи, но съ увѣренностью можно сказать, что впослѣдствіи онъ перемѣнилъ на этотъ счетъ свое мнѣніе. Онъ хорошо зналъ направленіе министерства Шишкова, не могъ не слышать о подвигахъ Магницкаго и его ближайшихъ сотрудниковъ, а тяжести и придирчивость нашей цензуры 1840 годовъ испыталъ лично на себѣ... [2]). Но какъ бы то ни было «Письма изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ» остаются драгоцѣннымъ памятникомъ нашей публицистической литературы и обличаютъ въ авторѣ во всякомъ случаѣ человѣка отмѣнныхъ дарованій съ умомъ прозорливымъ, съ сердцемъ любящимъ свое отечество и глубоко скорбѣвшимъ о его недугахъ. Насъ лично въ «Письмахъ» Муравьева въ особенности привлекаетъ глубокое пониманіе ихъ авторомъ идеи національности. Его прямо-таки поражало отсутствіе въ нашемъ обществѣ какого бы то ни было самосознанія и до глубины души возмущало исключительное предпочтеніе нашимъ обществомъ французской культуры въ то самое время, когда, по его словамъ, «въ этомъ народѣ (т. е. французскомъ) давно сердце высохло: не въ состояніи болѣе производить Расиновъ, онъ гордится теперь Кондорсетами, хладною философіею исчисленія, которая убиваетъ воображеніе и вмѣстѣ съ нимъ вкусъ къ изящному, т. е. стремленіе къ добродѣтели» [3]). Не менѣе замѣчательными по тому времени намъ кажутся и взгляды Муравьева на воспитаніе, въ которомъ онъ видитъ залогъ всего нашего общественнаго благополучія, которому придаетъ высокое общегосударственное значеніе. Важность и цѣнность его взглядовъ на этотъ предметъ мы поймемъ еще болѣе, если вспомнимъ, что Муравьевъ приглашалъ обра-

[1]) „Сочиненія“ К. Н. Батюшкова, т. I. Спб. 1887 г., стр. 158.

[2]) (На основаніи неизданнаго письма И. М. Муравьева-Апостола къ П. И. Кеппену отъ 24-го октября 1845 г.). Письмо хранится въ Императорской Академіи Наукъ.

[3]) Письмо 6-е.

тить серьезное вниманіе на всѣ ужасныя послѣдствія нашего дурнаго «знатнаго» воспитанія именно въ то самое время, когда «мы всѣ учились понемногу» и при томъ «чему-нибудь и какъ-нибудь». Муравьевъ высказывался за необходимость болѣе продолжительнаго и болѣе солиднаго воспитанія, и какъ на единственное средство къ обновленію нашего воспитанія и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ на средство къ болѣе правильной выработкѣ самобытности указывалъ на классическое образованіе. Мы оцѣнимъ значеніе автора «Писемъ» въ исторіи нашего просвѣщенія еще болѣе, если обратимъ вниманіе, что почти вѣкъ тому назадъ Муравьевымъ были высказаны горячо и убѣдительно тѣ самые педагогическіе взгляды, которые пришлось лишь повторить и развить такимъ людямъ, какъ М. Н. Катковъ, Ѳ. М. Достоевскій [1]). И намъ остается лишь подтвердить справедливость опасеній старика Державина, что «Письма» Муравьева «укоризной будутъ сильной въ потомствѣ вѣку нашему, что таковые люди не заняты дѣлами общественными». — Муравьевъ—говоря его же словами—былъ достоинъ служить отечеству.

Ив. Кубасовъ.

---

[1]) См. книгу: М. Н. Катковъ „Наша учебная реформа“,—съ приложеніями и съ предисловіемъ и примѣчаніями Л. Поливанова 1890 г.—Кстати, популярность взглядовъ Муравьева въ средѣ лицъ, причастныхъ къ литературѣ, давно засвидѣтельствована. Такъ, напр., мысли Муравьева о литературѣ и подражательности, высказанныя въ 4-мъ письмѣ, повторилъ и развилъ К. Н. Батюшковъ въ своей статьѣ: „Разсужденіе о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности“ („Сочиненія“ т. III); ср. также отзывъ о нихъ Д. В. Дашкова въ „Русск. Арх.“ 1866 г., стр. 493.

Поручикъ Усовскій — участникъ въ тайномъ обществѣ декабристовъ.

Предложеніе министра юстиціи Правительствующему Сенату.

14-го марта 1827 г., № 1927.

Г. управляющій Главнымъ штабомъ его императорскаго величества сообщилъ мнѣ отъ 7-го сего марта, что главнокомандующій 1-ю арміею, г. генералъ-фельдмаршалъ графъ Сакенъ на высочайшее имя отъ 28-го генваря сего года донесъ, что Полтавскаго пѣхотнаго полка поручикъ Усовскій, по произведенному надъ нимъ суду, найденъ виновнымъ: въ бытности сочленомъ злоумышленнаго тайнаго общества, имѣвшаго намѣреніе къ испроверженію законной власти; въ изъявленіи согласія внушать и возбуждать ропотъ и неудовольствіе къ высочайшей особѣ и правительству, давъ клятвенное обѣщаніе содѣйствовать замысламъ того общества съ пожертвованіемъ самой жизни; и что онъ г. главнокомандующій, за сіе преступленіе Усовскаго, конфирмовалъ, лиша его всѣхъ чиновъ и дворянскаго достоинства, и отведя на эшафотъ предъ полкомъ, переломить чрезъ палача надъ головою его шпагу и сослать въ Сибирь въ каторжную работу. Каковую конфирмацію благоугодно было государю императору въ 17-й день минувшаго февраля утвердить съ тѣмъ, чтобъ Усовскій сосланъ былъ въ каторжную работу на двадцать лѣтъ и по истеченіи оныхъ оставленъ на поселеніи въ Сибири.

О таковой высочайшей волѣ я имѣю честь предложить Правительствующему Сенату къ свѣдѣнію, присовокупляя, что объ оной, какъ увѣдомилъ меня г. управляющій Главнымъ штабомъ, сообщено г. главнокомандующему 1-ю арміею, къ должному исполненію.

Сообщилъ Г. К. Рѣпинскій.

Письма В. П. Балабина [1]) графу П. Д. Киселеву.

1.

16-го (28-го) мая 1856 г. Вѣна.

Ваше сіятельство! Сію минуту я получилъ извѣщеніе о моемъ назначеніи совѣтникомъ посольства въ Парижъ. Безъ сомнѣнія, я обязанъ

[1]) По окончаніи курса въ благородномъ пансіонѣ при С.-Петербургскомъ университетѣ Викторъ Петровичъ Балабинъ, 7-го марта 1832 г., поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и 31-го декабря 1835 года былъ назначенъ третьимъ переводчикомъ въ департаментѣ внутреннихъ сношеній. Спустя два года онъ былъ утвержденъ вторымъ переводчикомъ, а 2-го августа 1840 года перемѣщенъ въ III экспедицію департамента внутреннихъ сношеній вторымъ секретаремъ. Съ 27-го марта 1842 г. начинается дипломатическая дѣятельность Виктора Петровича, назначеннаго въ этотъ день младшимъ секретаремъ посольства въ Парижѣ. 28-го апрѣля 185 г.1, онъ былъ назначенъ старшимъ секретаремъ въ Константинополь и черезъ два года (4-го сентября 1853 г.) совѣтникомъ посольства въ Парижѣ. 18-го декабря 1854 года Балабинъ былъ назначенъ состоять по министерству и черезъ полгода, 8-го іюня 1855 г., совѣтникомъ посольства въ Вѣнѣ. Произведенный 15-го апрѣля 1856 года въ дѣйствительные статскіе совѣтники, Викторъ Петровичъ въ іюлѣ (24-го) того же года былъ отправленъ опять совѣтникомъ посольства въ Парижъ и въ августѣ пожалованъ въ званіе камергера. Въ Парижѣ Викторъ Петровичъ пробылъ два года, и 5-го августа 1858 года ему высочайше повелѣно было состоять по особымъ порученіямъ при императорѣ австрійскомъ, а 22-го іюля 1860 г. онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при немъ же. Произведенный 17-го апрѣля въ тайные совѣтники, В. П. Балабинъ въ августѣ (12-го) 1864 г. былъ зачисленъ по министерству иностранныхъ дѣлъ и 25-го ноября того же года скончался. Настоящія письма печатаются съ просвѣщеннаго разрѣшенія графа Димитрія Алексѣевича Милютина, наслѣдника архива графа П. Д. Киселева. (См. „Русс. Стар.“ 1896 г. № 12, стр. 677). Большая часть помѣщаемыхъ писемъ писана на французскомъ языкѣ и очень не много на русскомъ. Ред.

этимъ вамъ, ибо вы одобрили выборъ министерства, и я спѣшу выразить вамъ по этому случаю мою чувствительную благодарность. Я не добивался этого мѣста: оно сопряжено съ довѣріемъ, которое можно оказать, но о которомъ просить не приходится. При всемъ томъ это мѣсто, въ ряду другихъ ему подобныхъ, болѣе всего соотвѣтствуетъ моимъ желаніямъ. Я занималъ его десять лѣтъ слишкомъ [1]) подъ начальствомъ вашего брата. Позвольте мнѣ надѣяться, что перемѣна начальника не будетъ мнѣ чувствительна, точно также какъ и вы, графъ, найдете во мнѣ тѣ же усердіе и преданность, съ коими я всегда относился къ вашему достойному брату. Я обѣщаю это ему самымъ положительнымъ образомъ въ своемъ письмѣ, которое прошу васъ считать надежнѣйшей гарантіей съ моей стороны. Во всемъ остальномъ осмѣливаюсь просить вашего снисхожденія.

Предоставляю себя, съ сегодняшняго же дня, въ распоряженіе вашего сіятельства, на тотъ случай, ежели у васъ будутъ какія-либо приказанія; будьте увѣрены въ томъ, что я поспѣшу, какъ можно скорѣе, къ мѣсту моего назначенія, куда мнѣ хотѣлось бы пріѣхать раньше вашего сіятельства, чтобы къ этому моменту быть уже въ курсѣ дѣла. Всѣми силами постараюсь, насколько отъ меня будетъ зависѣть, явиться къ мѣсту моего назначенія своевременно.

Примите, графъ, увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ почтеніи. В. Балабинъ.

2.

12-го (24-го) сентября 1856 г. Вѣна.

Ваше сіятельство! Позвольте выразить вамъ мою искреннюю благодарность за письмо отъ 27-го августа, которое я имѣлъ честь получить, и за выраженныя въ немъ благосклонность и довѣріе, которое я всѣми силами постараюсь оправдать. Совершенно независящія отъ меня обстоятельства задержали меня по сей часъ въ Вѣнѣ; тѣмъ не менѣе я выѣзжаю отсюда черезъ нѣсколько дней и устроюсь въ Парижѣ за долго до пріѣзда вашего сіятельства, слѣдовательно, въ моментъ вашего пріѣзда буду вполнѣ къ вашимъ услугамъ.

Честь имѣю препроводить при семъ письмо, полученное мною вчера на ваше имя отъ брата вашего изъ Рима. Его письмо ко мнѣ свидѣтельствуетъ, въ чемъ я впрочемъ никогда и не сомнѣвался, что ему тамъ нравится и что мы имѣемъ въ немъ наилучшую гарантію добрыхъ отношеній къ папѣ.

Примите, графъ, увѣреніе въ глубочайшей моей преданности.

---

[1]) Это не совсѣмъ точно, какъ видно изъ вышеприведеннаго примѣчанія.

3.

27-го января (8-го февраля) 1857 г. Парижъ.

Ваше сіятельство! Пользуюсь отъѣздомъ барона Зеебаха, чтобы сообщить все, что можетъ васъ интересовать, и что случилось здѣсь послѣ вашего отъѣзда [1]). Къ сожалѣнію, на моемъ отчетѣ несомнѣнно должно отразиться то печальное состояніе, въ какое повергла меня сильная простуда, сопровождаемая лихорадочнымъ состояніемъ, которую я схватилъ прошлый четвергъ, возвращаясь съ бала въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Я сижу съ тѣхъ поръ безвыходно въ моей комнатѣ и даже боюсь, не придется ли мнѣ отпустить съ пустыми руками курьера, прибывшаго сегодня по утру изъ Ниццы.

Простившись съ вами прошлую среду, я тотчасъ отправился къ персидскому посланнику. Онъ сообщилъ мнѣ, что Коулэй (Cowley) возобновилъ предложенія Редклиффа, сдѣлавъ самыя незначительныя измѣненія въ редакціи нѣкоторыхъ статей и исключивъ требованіе о низложеніи Садръ-Азама, отъ котораго Англія отказывается. Изъ этого слѣдуетъ, что она продолжаетъ настаивать на точномъ исполненіи самой опасной для насъ статьи о консулахъ и самаго тяжкаго пункта для Персіи, заключающагося въ одностороннемъ обязательствѣ, которое отъ нея требуютъ относительно ея будущихъ сношеній съ Афганистаномъ. Ферукъ-ханъ очень упалъ духомъ; онъ умолялъ меня спросить по телеграфу совѣта кн. Горчакова относительно послѣдняго пункта, составляющаго 2-ю статью ультиматума. Я отвѣчалъ, что готовъ сдѣлать это изъ уваженія къ нему, но что наше рѣшеніе, во всякомъ случаѣ, принято, мы не откажемся отъ своего взгляда и не признаемъ за Англіей права принимать на себя роль единственнаго третейскаго судьи во всѣхъ спорахъ, могущихъ возникнуть между Персіей и Афганистаномъ. Я сообщилъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ копію съ депеши, которую Хрептовичу было поручено прочитать Кларендону; я замѣтилъ посланнику, что то обстоятельство, что англичане обратились къ нему сами и смягчили до извѣстной степени свои условія, служитъ само по себѣ доказательствомъ ихъ желанія придти къ соглашенію, и совѣтовалъ ему отстаивать свои интересы до послѣдней возможности и въ особенности отнестись къ своему положенію спокойно и хладнокровно. Онъ обѣщалъ это. При свиданіи нашемъ на другой день, онъ передалъ мнѣ, что Коулэй намекнулъ на то, что англійскій кабинетъ желалъ бы видѣть его въ Лондонѣ. Посланникъ снова просилъ меня узнать, какъ взглянетъ на это нашъ кабинетъ. Телеграфъ не замедлилъ принести мнѣ желаемый отвѣтъ. Импе-

[1]) Въ это время графъ П. Д. Киселевъ находился въ Ниццѣ.

раторъ, будучи вполнѣ увѣренъ, что посланникъ всячески будетъ охранять достоинство своей страны, не видитъ препятствія къ его поѣздкѣ въ Лондонъ. Тѣмъ временемъ пріѣхалъ въ Петербургъ Озеровъ, нашъ посланникъ въ Аѳинахъ, который привезъ нѣсколько депешъ изъ Персіи. Въ одной изъ нихъ нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Тегеранѣ предписывается дать понять, что мы были бы не прочь отказаться отъ своего права назначать консуловъ въ нѣкоторыя мѣстности по нашему усмотрѣнію, ежели бы этотъ отказъ побудилъ Англію не настаивать болѣе на 3-мъ пунктѣ предъявленныхъ ею требованій. Постараюсь въ разговорѣ съ Ферукъ-ханомъ какъ можно осторожнѣе воспользоваться этимъ сообщеніемъ. Я побываю у него завтра, если позволитъ здоровье. Такъ какъ депеши, полученныя мною изъ Ниццы, требуютъ моего свиданія съ Валевскимъ, то я полагаю завтра же просить позволенія явиться къ нему.

Пока здѣсь только и разговора о прилагаемой при семъ статьѣ Moniteur'a, которая разсѣваетъ всѣ опасенія относительно того, какое положеніе займетъ Франція въ вопросѣ о княжествахъ. Какой Дамокловъ мечъ надъ головою австрійскихъ турокъ!

Гюбнеръ и Джемиль положительно не ожидали этого и не могутъ еще придти въ себя. Не знаю, коснется ли Валевскій этого вопроса въ разговорѣ со мною; впрочемъ, нашъ образъ дѣйствій, намѣченный протоколами парижскаго конгресса, какъ нельзя болѣе простъ въ этомъ случаѣ; я сомнѣваюсь, чтобы нашъ кабинетъ захотѣлъ уклониться отъ него. Это дастъ ему возможность засвидѣтельствовать блестящимъ образомъ наше единомысліе съ Франціей въ восточномъ вопросѣ и скрѣпить наши узы въ ущербъ Австріи. «Наши интересы тождественны почти во всемъ кромѣ дѣлъ на Востокѣ»,—сказалъ императоръ австрійскій прошлое лѣто кн. Горчакову, когда тотъ откланивался ему передъ отъѣздомъ въ Петербургъ. Надѣюсь, мы будемъ настолько вѣжливы, чтобы не противорѣчить его величеству.

Насколько мнѣ извѣстно, къ началу конференцій не выработано еще ничего опредѣленнаго по швейцарскимъ дѣламъ. Во всякомъ случаѣ, графъ, я не премину письменно и по телеграфу извѣщать васъ обо всемъ, что можетъ васъ интересовать.

Честь имѣю приложить при семъ депешу, полученную сегодня утромъ отъ графа Хрептовича, и письмо на ваше имя отъ гр. Гендрикова.

Искренно желаю, чтобы невзгоды утомительнаго путешествія не отразились на вашемъ здоровьи, и прошу васъ принять, графъ, увѣреніе въ моемъ почтеніи и неизмѣнной преданности.

P. S. Говорятъ, будто княгиня Ливенъ завѣщала по 20.000 франковъ ежегодно г. Гизо и по 25.000 франковъ Маріонъ Эллисъ и Церини. Разсказываютъ также, что душеприказчики, герцоги Монтебэлло

и де-Ноаль, весьма озадачены тѣмъ, что въ духовномъ завѣщаніи не оказалось никакого распоряженія относительно бумагъ княгини, которыя будто бы при жизни она обѣщала оставить въ ихъ распоряженіе, чтобы они разобрали и пристроили ихъ, а сыновья не выказываютъ ни малѣйшаго желанія разстаться съ ними. Я хочу, при случаѣ, поддержать ихъ въ этомъ намѣреніи.

Сію минуту я получилъ прилагаемую при семъ записку отъ виртембергскаго посланника. Она обязываетъ насъ воздержаться отъ какой бы то ни было демонстраціи. Все-таки я напишу Бенкендорфу, чтобы онъ спросилъ приказаній ея императорскаго высочества великой княгини Ольги Николаевны, чтобы она видѣла нашу готовность служить ей.

4.

28-го апрѣля 1858 г. Парижъ.

Ваше сіятельство! Тотчасъ послѣ вашего отъѣзда у меня былъ г. Меро, чиновникъ, причисленный къ министерству иностранныхъ дѣлъ. Онъ пріѣхалъ къ вамъ отъ имени гр. Валевскаго съ просьбою, чтобы вы исходатайствовали въ Петербургѣ присылку по телеграфу полномочій для подписанія договора по невшательскому дѣлу. Онъ присовокупилъ, что остальные уполномоченные получили уже всѣ нужные документы, а такъ какъ отъ насъ до Парижа далеко, то посланникъ желалъ бы, чтобы вы снеслись объ этомъ по телеграфу. Такъ было поступлено, если припомните, въ бѣлградскомъ дѣлѣ. Быть можетъ, вы пожелаете, графъ, телеграфировать объ этомъ лично въ Петербургъ или телеграфируете мнѣ слѣдующія слова: «уполномочиваю васъ», тогда я буду телеграфировать отсюда. Все-таки можно будетъ выиграть такимъ образомъ дня три. Во всякомъ случаѣ буду ожидать вашихъ приказаній.

У меня былъ Ла-Героньеръ съ Деламаромъ. Журналъ «La Patrie», составляющій собственность послѣдняго и въ которомъ очевидно заинтересованъ также Ла-Героньеръ, не будетъ агитировать противъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ и уже отвѣтилъ въ этомъ смыслѣ на предложеніе Колле-Мегре (Collet-Maigret). Турнейсенъ, заходившій ко мнѣ на-дняхъ, объяснилъ мнѣ причину враждебнаго отношенія этого господина. Предъявивъ слишкомъ большія требованія, онъ не могъ съ самаго начала придти къ соглашенію съ правленіемъ и съ тѣхъ поръ имѣетъ противъ него зубъ. Исаакъ Перрейра, какъ директоръ желѣзной дороги, по которой проѣдетъ великій князь [1]), уѣзжаетъ сегодня въ

[1]) Великій князь Константинъ Николаевичъ.

Маконъ. Онъ будетъ ходатайствовать у его высочества, если къ тому представится случай, чтобы управленіе нашихъ желѣзныхъ дорогъ удостоилось чести быть представленнымъ великому князю во время его пребыванія здѣсь. Ежели случая къ тому не представится, то управленіе будетъ просить васъ, графъ, исходатайствовать ему эту милость.

Мнѣ передавали сегодня утромъ, что изъ Тулона было испрошено по телеграфу разрѣшеніе морскаго министерства произвести судовые маневры, чтобы этимъ доставить удовольствіе великому князю. Императоръ приказалъ отвѣтить, чтобы вся эскадра была предоставлена въ полное распоряженіе его высочества. Изъ Тулона же сдѣланъ запросъ относительно осмотра укрѣпленій Тотлебеномъ. Депеша была препровождена въ военное министерство, гдѣ по этому поводу, какъ говорятъ, немного поморщились, но когда она была доложена императору, то онъ велѣлъ все показать.

Говоря о присущемъ великому князю желаніи все видѣть собственными глазами и вникать въ техническую сторону дѣла, моряки говорятъ здѣсь, также какъ въ Тулонѣ, что онъ поступаетъ въ семъ случаѣ какъ голландецъ.

Подстрекаемые нашимъ примѣромъ, здѣсь мечтаютъ о назначеніи военной и морской коммиссіи, которая отплатила бы намъ тою же монетою, т. е. произвела бы у насъ тѣ же осмотры и испытанія, какіе мы производимъ здѣсь. Объ этомъ говорятъ въ морскомъ министерствѣ.

P. S. По моему разсчету, курьеръ, везущій государынѣ портретъ императора, не поспѣетъ къ 23-му числу. Допустивъ, что онъ пріѣдетъ въ Маконъ завтра, въ среду, въ 5 ч. утра, онъ выѣдетъ оттуда не ранѣе 8 ч. вечера и будетъ въ Марселѣ въ четвергъ, въ 6 ч. 35 м. утра.

5.

22-го августа 1858 г. Парижъ.

Ваше сіятельство! Сегодня по утру, просматривая «Le Nord», я убѣдился, что мое предостереженіе не послужило ни къ чему. Ежели вы увидите случайно Поггенполя, то, не сочтете ли вы нужнымъ дать ему понять, что ему не слѣдовало по крайней мѣрѣ упоминать ваше имя, не получивъ на это предварительно разрѣшенія. Конечно, съ одной стороны пусть вѣдаетъ Европа, но съ другой, такъ какъ во мнѣніи публики мы и журналъ нашъ составляемъ одно нераздѣльное цѣлое, то намъ нельзя не соблюдать приличій.

Вашъ покорный слуга Балабинъ.

Извлеченіе изъ статьи «Le Nord», приложенное къ вышеприведенному письму.

«Въ корреспонденціи изъ Парижа мы находимъ интереснѣйшія

подробности о послѣднемъ засѣданіи конференціи. Отсылаемъ къ ней читателя, если его интересуетъ знать, по какой причинѣ послѣднее собраніе затянулось долѣе обыкновеннаго. Это объясненіе, въ которомъ фигурируетъ лордъ Коулэй, довольно любопытно, но мы не считаемъ умѣстнымъ приводить его здѣсь [1]). Скажемъ только, что англійскій уполномоченный удивилъ всѣхъ остальныхъ, выразивъ совершенно неожиданно свое сожалѣніе по поводу того, что конференція только въ третьемъ засѣданіи приняла рѣшеніе обнародовать въ протоколахъ только свои постановленія, не приводя въ отдѣльности мнѣній, высказанныхъ каждымъ изъ уполномоченныхъ. Достопочтенный лордъ заключилъ свою рѣчь просьбою, чтобы не были обнародованы и протоколы двухъ первыхъ засѣданій. Не довѣряя вѣроятно скромности прочихъ членовъ конференціи, онъ предложилъ, чтобы каждый изъ уполномоченныхъ обязался честнымъ словомъ сохранить въ тайнѣ все происходящее на ея совѣщаніяхъ. Нашъ корреспондентъ передаетъ, что графъ Киселевъ первый отвергъ съ мужественной энергіей и прямотою это предложеніе, тѣмъ болѣе удивительное, что оно сдѣлано представителемъ страны, считающей гласность однимъ изъ существенныхъ элементовъ своего образа правленія. Его сіятельство высказался, какъ говорятъ, приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Я отказываюсь принять сдѣланное намъ предложеніе. Россія страна не конституціонная, тѣмъ не менѣе она желаетъ удовлетворить общественное мнѣніе. Въ Парижскомъ конгрессѣ участвовало четыре державы: Англія, Франція, Россія и Сардинія; мы всѣ желали союза княжествъ; ежели одна изъ державъ измѣнила свое мнѣніе, пусть знаютъ, которая именно и по какой причинѣ.....

Лордъ Коулэй видимо не пытался даже возражать на этотъ энергическій протестъ—справедливое наказаніе за коварную политику, которая стремится одновременно воспользоваться выгодами великодушія, заявленнаго во всеуслышаніе, и скрытаго въ тайнѣ эгоизма. Такъ

---

[1]) Вотъ въ чемъ состоялъ этотъ курьезный эпизодъ:

„Уполномоченные были приглашены на засѣданіе 19-го августа къ 12 часамъ дня. Всѣ собрались къ назначенному часу, исключая лорда Коулэя, Англійскій уполномоченный не явился и на предъидущее засѣданіе, ограничившись присылкою своихъ полномочій гр. Валевскому. Оказывается, что лордъ предпочелъ провести время въ своемъ помѣстьи Шантильи, съ однимъ изъ своихъ друзей, бывшимъ министромъ, который пріѣхалъ къ нему изъ Лондона. 19-го числа сотоварищи лорда Коулэя, увидавъ, что онъ отсутствуетъ, полагали, что придется отложить подписаніе актовъ. Англійскій уполномоченный заставилъ прождать себя около двухъ часовъ. Знаете ли, что онъ привелъ въ свое оправданіе? Онъ сказалъ, что отправился по утру на охоту, увлекся и опоздалъ на поѣздъ. Все это было заявлено съ обычнымъ британскимъ хладнокровіемъ. Примѣч. В. П. Балабина.

какъ Франція, Пруссія и Сардинія одобрили слова русскаго уполномоченнаго, то надобно надѣяться, что протоколы будутъ обнародованы и справедливое любопытство политическаго міра будетъ этимъ удовлетворено.

6.

27-го августа 1858 г. [1]). Парижъ.

Ваше сіятельство. Я имѣлъ честь получить ваше письмо отъ 25-го числа. Я имѣлъ случай сперва чрезъ посредство Биллинга обратить на статью «Норда» вниманіе гр. Валевскаго, а потомъ лично съ министромъ объясниться; но долженъ сказать, что онъ не только не выразилъ сожалѣнія, но скорѣй противное тому.—При появленіи же статьи я вымылъ голову Поггенполю, который оправдывается тѣмъ, что, будучи въ Остенде, онъ получилъ мое предупредительное письмо тогда, когда статья уже была напечатана. Виноваты слѣдственно брюссельскіе редакторы, коимъ по сему случаю преподаны наставленія при сильномъ выговорѣ и воспрещеніи впредь пускаться на подобныя выходки. Сверхъ того я пригласилъ Поггенполя помѣстить ретрактацію, но осторожную, чтобъ не раздуть огня, уже потухшаго, и не возбудить полемики, тѣмъ болѣе, что противъ ожиданія моего журналы промолчали объ этомъ дѣлѣ, по видимому здѣсь уже забытомъ. Что же до посла англійскаго касается, я постараюсь довести словесно до его свѣдѣнія, сколь вамъ это было непріятно, но гдѣ мнѣ англичанн нанайти, чтобъ передать ему объ этомъ, Богъ одинъ вѣдаетъ.

По вашему приказанію не оставлю также увѣдомить и князя Горчакова. Между тѣмъ обязанностью считаю извѣстить ваше сіятельство, что все это надѣлало гораздо меньше шума, нежели можно было ожидать, и что нынѣ и отголоска болѣе не слышно. Правда и то, что въ городѣ нѣтъ ни души; всѣ дипломаты разъѣхались, а за ними и гр. Валевскій. Наконецъ Бенедетти, къ которому заходилъ, объявилъ мнѣ, что до возвращенія министра и согласно его желанію лавочка закрывается.

Примите, графъ, увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ почтеніи и таковой же преданности.

7.

30-го августа (11-го сент.) 1858 г. Баденъ.

Ваше сіятельство! Я имѣлъ честь получить ваше письмо отъ 6-го сентября въ Баденѣ; такъ какъ оно было адресовано въ собственныя руки,

[1]) Письмо писано по-русски.

то мнѣ переслали его съ вѣрной оказіей со всѣми приложеніями, которыя я возвращаю Убри, коему я передалъ и самое письмо, имѣя въ виду тѣ распоряженія, какія въ немъ заключаются.

Письмо кн. Горчакова, приложенное къ сообщенію, которое было получено изъ Австріи, передано мною Бенедетти; это дало мнѣ поводъ послать еще одну депешу о Черногоріи. Турки обратились въ Парижъ съ тѣмъ же сообщеніемъ, какое сдѣлалъ намъ повѣренный въ дѣлахъ Австріи. Оба сообщенія имѣли одинаковый успѣхъ. По всей вѣроятности, мнѣ придется начать мою дѣятельность въ Вѣнѣ съ того же вопроса, коимъ я былъ занятъ послѣднее время моего пребыванія въ Парижѣ. Что касается втораго письма отъ 8-го (20-го) числа, то оно служитъ отвѣтомъ на ваше предпослѣднее письмо. Тѣмъ не менѣе я отмѣтилъ себѣ переговорить о немъ въ Петербургѣ. Словомъ, я надѣюсь, что въ Парижѣ, въ церкви, все обойдется какъ нельзя лучше, ибо въ моментъ моего отъѣзда Толстой всѣми силами заботился о томъ, чтобы въ день св. Александра Невскаго туда съѣхались на молебствіе всѣ высшіе военные и гражданскіе чины и звѣздоносцы.

Вашего брата я еще засталъ здѣсь. Я привезъ ему въ высшей степени красивыя дамскія подвязки и чулки. Онъ не нахвалится настойками изъ травъ, которыя его заставляютъ глотать и которыя, по его словамъ, дѣйствуютъ на него такъ благотворно, что онъ совсѣмъ пересталъ раздражаться. — Между тѣмъ болѣзнь, которой онъ страдаетъ, часто выражается именно крайней раздражительностью. Онъ уѣзжаетъ завтра въ Мюнхенъ. Въ сущности я вижу его рѣдко; для меня онъ человѣкъ слишкомъ свѣтскій и имѣетъ слишкомъ обширныя знакомства. Я со своей стороны также уѣзжаю изъ Бадена дня черезъ два на Берлинъ и Штеттинъ, гдѣ сяду на пароходъ 6-го (18-го) числа.

Погода стоитъ у насъ послѣдніе два дня превосходная.

Прошу васъ, графъ, принять увѣреніе въ тѣхъ же чувствахъ, какія я выразилъ вамъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ изъ Парижа, и пожеланія вамъ добраго здоровья; вмѣстѣ съ симъ прошу также принять увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ почтеніи и неизмѣнной преданности.

8.

1-го сентября 1858 г., Парижъ.

Ваше сіятельство! Довѣріе, коимъ вы постоянно удостоивали меня, дало мнѣ смѣлость распечатать, адресованныя вамъ кн. Горчаковымъ частныя письма, которыя привезены сюда нашимъ священникомъ Васильевымъ. Дѣйствительно, въ одномъ изъ нихъ заключалось сообщеніе, которое я тотчасъ передалъ кому слѣдуетъ черезъ Бенедетти. Я прилагаю его при семъ въ видѣ депеши Буоля (Buol), написанной съ юно-

шескимъ жаромъ молодаго улѣма. Впрочемъ, это дѣло уже кончено; турки, поспѣшившіе обратиться сюда со своими жалобами, ничего не добились подобно тому, какъ домогательства австрійцевъ потерпѣли фіаско въ Петербургѣ.

Второе письмо [1]) служитъ отвѣтомъ на ваши первыя сообщенія о свиданіи въ Шербургѣ. Любопытно, что въ этомъ письмѣ говорится чуть не съ сожалѣніемъ о замѣчательномъ отсутствіи единодушія между бывшими союзниками. Впрочемъ, этимъ письмомъ никоимъ образомъ нельзя воспользоваться здѣсь въ настоящее время: затрогивая политическіе вопросы общаго характера, оно не можетъ касаться вторыхъ чиновъ посольства, но предназначено для тѣхъ лицъ, которыя посвящены въ сокровенныя мысли и предначертанія кабинетовъ. Поэтому я спѣшу препроводить его вамъ. Это письмо будетъ служить продолженіемъ того, которое вы сохранили [2]), такъ какъ оно имѣетъ цѣлью исправить ошибочные взгляды, которые могли себѣ составить о нашихъ крайне миролюбивыхъ стремленіяхъ.

И такъ самыми существенными пунктами двухъ послѣднихъ писемъ можно считать слѣдующее: 1-е) что мы не являемся сторонниками мира во что бы то ни стало [3]), 2-е) что, озабочиваясь положеніемъ дѣлъ на Востокѣ, мы до поры до времени не высказываемъ нашихъ сокровенныхъ мыслей по этому предмету, пока западные кабинеты не потребуютъ, чтобы мы высказались рѣшительно.

Во всякомъ случаѣ не одинъ мѣсяцъ пройдетъ до тѣхъ поръ, пока вамъ представится возможность заняться этимъ вопросомъ и пока политическій міръ проснется отъ своего сна, который будетъ тѣмъ продолжительнѣе, чѣмъ долѣе затянулся нынѣ политическій сезонъ.

Въ письмѣ заключалось кромѣ того оффиціальное извѣщеніе о назначеніи Убри, который пріѣхалъ третьяго дня, а также о моемъ назначеніи [4]). Предупреждая меня на счетъ того, что на новомъ посту мнѣ будетъ такъ же трудно д ѣ й с т в о в а т ь своевременно, какъ и в о з д е р ж и в а т ь с я кстати отъ какихъ-либо дѣйствій, кн. Горчаковъ присовокупляетъ что онъ даетъ мнѣ на устройство моихъ дѣлъ время, которое пройдетъ до возвращенія императора [5]), когда мнѣ придется ѣхать безъ промедленія. Слѣдовательно, не смотря на все мое желаніе раздѣ-

---

[1]) Помѣта рукою гр. П. Д. Киселева: письмо ко мнѣ отъ 8 (20) августа.

[2]) Помѣта рукою гр. П. Д. Киселева. Письмо отъ кн. Горчакова отъ 1 (13) августа.

[3]) Обѣщая однако лишь нравственную поддержку, которую въ Тюльери сочтутъ слишкомъ недостаточной. (Прим. гр. П. Д. Киселева).

[4]) Состоять при императорѣ австрійскомъ.

[5]) 2-го октября.

латься съ моимъ имуществомъ постепенно, мнѣ по неволѣ придется спѣшить.

Нашъ священникъ вернулся изъ Петербурга съ новымъ планомъ церкви. На этотъ разъ вмѣсто К а в о с а мы имѣемъ дѣло съ К у з ь м и н ы м ъ,—вотъ все, что мы при этомъ выиграли, такъ какъ въ общемъ стиль тотъ же, если не считать, что у одного купола имѣли видъ ананасовъ, а у другаго они остроконечны, какъ шапка Мономаха или какъ свѣчной гасильникъ. Этотъ планъ, раскритикованный императрицею, одобренъ государемъ, поэтому я преклоняюсь, оставаясь однако при моемъ собственномъ мнѣніи, признаюсь весьма непокладистомъ въ семъ случаѣ. Подобная церковь очень умѣстна въ Петербургѣ, такъ какъ она подражаетъ московскимъ образцамъ и свидѣтельствуетъ объ уваженіи юной столицы къ священнымъ традиціямъ ея старшей сестры; перенесенная въ Кіевъ, эта же церковь покажется не достаточно почтительною, потому что Кіевъ долженъ въ свою очередь оказывать почтеніе своей старшей сестрѣ по христіанскому ученію и цивилизаціи, а этой сестрою является Византія, а не Москва. Въ этомъ отношеніи существуетъ хронологическая и церковная преемственность, игнорировать которую нельзя [1]). Но я никогда не кончу, коснувшись этого предмета, который, разумѣется, я не развивалъ въ разговорѣ съ о. Васильевымъ, такъ какъ его стараніямъ мы будемъ обязаны по крайней мѣрѣ тѣмъ, что у насъ будетъ приличное зданіе и поэтому намъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, всячески поощрять его [2]).

Валевскій находится въ Виши, откуда онъ отправляется прямо въ Біаррицъ. Императоръ и императрица должны были прибыть туда сегодня утромъ.

Примите, графъ, увѣреніе въ моей глубочайшей преданности.

Прилагаю при семъ бумагу о назначеніи Убри.

Въ ту минуту, какъ я собирался запечатать это письмо, которое Гротъ вручитъ кому-либо изъ нашихъ въ Брюсселѣ, для передачи вамъ, я получилъ ваше письмо отъ 30-го числа съ припискою гр. Адлерберга. Я займусь имъ и посвящу во всѣ подробности моего преемника, который возьметъ это дѣло на себя.

---

[1]) На все это было указано въ Петербургѣ. Мы предлагали избрать среднее между эскизомъ Гагарина въ Византійскомъ стилѣ и Кіевскимъ стилемъ; остановились на срединѣ между Москвою и Петербургомъ.

[2]) Ежели Васильевъ дастъ средства къ осуществленію одобреннаго плана, то надобно приступить къ дѣлу безъ дальнѣйшей полемики.

9.

7-го сентября 1858 г., Парижъ.

Ваше сіятельство! Есть чувства, которыя я не умѣю выразить словами, вотъ причина, почему я простился съ вами молча. Прерывая это молчаніе сегодня, въ моментъ моего отъѣзда изъ Парижа, я удовлетворяю этимъ настоятельную потребность своего сердца и хочу уплатить по мѣрѣ силъ лежащій на мнѣ долгъ признательности.

Два года, проведенные подъ одною кровлею съ вами, научили меня цѣнить васъ какъ частнаго человѣка и какъ государственнаго дѣятеля. Въ обоихъ отношеніяхъ вы вселили во мнѣ то глубокое чувство удивленія, которое называется уваженіемъ, когда оно относится къ человѣку зрѣлыхъ лѣтъ, обладающему выдающимися качествами ума и сердца. Какъ человѣкъ и государственный дѣятель, вы многому научили меня въ короткое время. Столь поучительные примѣры встрѣчаются слишкомъ рѣдко, чтобы не цѣнить ихъ по достоинству. Спокойствіе, съ какимъ я ожидалъ восемь мѣсяцевъ моего отправленія къ мѣсту служенія, на которое я призванъ довѣріемъ моего монарха по прошествіи 25 лѣтъ службы, докажетъ вамъ лучше всякихъ словъ, на сколько это убѣжденіе во мнѣ глубоко и искренно. Надо сказать правду, вы облегчили мнѣ это ожиданіе, вы оказали мнѣ довѣріе, дѣлающее мнѣ честь. Вы отнеслись ко мнѣ съ такимъ благоволеніемъ, которое облегчило мнѣ исполненіе моихъ обязанностей и дѣлало мнѣ занятіе дѣлами пріятнымъ

Я уѣзжаю сегодня, преисполненный сожалѣнія и признательности, которыя никогда не изгладятся изъ моего сердца; я желалъ бы какъ нельзя болѣе, чтобы мнѣ представился случай доказать на дѣлѣ тѣ чувства, которыя меня одушевляютъ и которыя я вамъ высказалъ.

Нѣтъ надобности, графъ, говорить вамъ о моихъ товарищахъ; вы ихъ знаете. Тѣмъ не менѣе мнѣ всегда будетъ пріятно слышать, что вы удостоите ихъ тою же благосклонностью, какую вы оказывали мнѣ. Разставаясь съ ними, я не могу оставить имъ болѣе драгоцѣннаго наслѣдія. Наконецъ, желаю моему отечеству, о благѣ котораго я постоянно возношу самыя горячія мольбы, чтобы вы долго еще оставались его достойнымъ представителемъ.

Прошу васъ удѣлить мнѣ, графъ, мѣстечко въ вашемъ воспоминаніи взамѣнъ моихъ искреннихъ пожеланій вамъ счастья, и вмѣстѣ съ тѣмъ принять увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ почтеніи и неизмѣнной преданности. В. Балабинъ.

P. S. Сію минуту я получилъ письмо вашего сіятельства отъ 5-го сентября; къ сожалѣнію, оно было получено мною въ тотъ моментъ, когда я уже садился въ экипажъ, чтобы уѣхать въ 8 часовъ ве-

чера. Увожу всѣ бумаги съ собою и буду имѣть честь сообщить обстоятельно все то, что будетъ мною сдѣлано во исполненіе вашихъ приказаній, при чемъ возвращу вамъ ваше письмо и черновикъ.

На это письмо графъ Павелъ Дмитріевичъ отвѣчалъ:

17-го сентября 1858 г., Остенде.

Я получилъ въ Остенде, дорогой Викторъ Петровичъ, ваше любезное письмо отъ 7-го числа сего мѣсяца. Чувства, въ немъ выраженныя, коимъ я охотно вѣрю, даютъ мнѣ надежду на то, что наши добрыя отношенія, основанныя на довѣріи и расположеніи, переживутъ наши служебныя отношенія, прекратившіяся, къ величайшему моему сожалѣнію, слишкомъ скоро. Вы этому, конечно, повѣрите и не смотря на всю вашу скромность сознаетесь, что я правъ, сожалѣя о томъ, что вы оставили столь важный постъ при неопытномъ патронѣ, случайно попавшемъ въ дипломаты, единственная миссія котораго заключалась по моему мнѣнію въ томъ, чтобы занять подобающее мѣсто въ виду Парижскаго трактата. Ежели эта цѣль болѣе или менѣе достигнута, ежели дѣла шли порядочно, какъ я смѣю думать, я этимъ обязанъ вашему содѣйствію и вашимъ полезнымъ и разумнымъ совѣтамъ, коими я пользовался, какъ вамъ извѣстно, широко. Итакъ, если мы оказались на высотѣ положенія, если наши дѣйствія заслужили благосклонное одобреніе кого слѣдуетъ,—припишите добрую долю этого успѣха себѣ; въ противномъ случаѣ примите, въ видѣ утѣшенія, мою искреннюю благодарность и увѣреніе въ сердечномъ уваженіи, которое, надѣюсь, будетъ взаимно и прочно.

Гротъ, на обратномъ пути въ Парижъ, заѣхалъ ко мнѣ на короткое время въ Остенде. Вотъ еще человѣкъ, котораго я люблю и для котораго все-таки долженъ желать инаго назначенія. Его чинъ и прекрасныя способности даютъ ему право на повышеніе, котораго я желаю ему отъ души, но осуществленіе этого желанія въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ будетъ тягостно для меня. Хорошія чувства не исключаютъ, какъ видите, эгоизма.

Мое лѣченіе идетъ весьма успѣшно, но жизнь въ Остенде донельзя однообразна, поэтому, принявъ послѣднюю ванну, я сажусь на поѣздъ и мчусь въ Парижъ, чтобы быть дома, гдѣ, въ особенности въ мои лѣта, все-таки чувствуешь себя лучше, чѣмъ гдѣ-либо.

Вы получите это письмо въ то время, когда у васъ будетъ еще досугъ прочесть его. Будьте здоровы, любезный товарищъ, сохраните добрую память обо мнѣ взамѣнъ моего сердечнаго къ вамъ расположенія.

10.

29-го сентября (10-го октября) 1858 г. С.-Петербургъ.

Ваше сіятельство! Прежде чѣмъ изложить на бумагѣ мои первыя впечатлѣнія,—а иныхъ я еще не въ состояніи сообщить вамъ,—позвольте мнѣ еще разъ дать волю моимъ чувствамъ и выразить вамъ мою глубочайшую признательность за письмо, которое вы были такъ добры прислать мнѣ изъ Остенде. Оно было для меня въ высшей степени драгоцѣннымъ подтвержденіемъ тѣхъ чувствъ, которыя я безконечно цѣню; оно было бы для меня естественнымъ предметомъ гордости, если бы ваша скромность не требовала того же и съ моей стороны; ежели бы вашъ примѣръ не обязывалъ меня къ тому же, наконецъ, ежели бы я осмѣлился принять все то, что вы, по своей благосклонности, готовы подарить мнѣ. Всякія почетныя и иныя награды, разумѣется, весьма лестны; къ сожалѣнію, онѣ ни мало не увеличиваютъ чувства собственнаго достоинства. Этого грустнаго пробѣла для меня не существуетъ, и я этимъ обязанъ вамъ, ибо могу ли я отказать себѣ въ величайшемъ удовольствіи хоть чуточку уважать себя, коль скоро вы дали мнѣ право на столь лестное для меня названіе. Имѣя привычку переживать одинъ всѣ невзгоды и дѣлиться радостями съ тѣми, кто мнѣ близокъ и дорогъ, я поспѣшилъ сообщить послѣднюю моей семьѣ, въ полной увѣренности, что она будетъ въ восторгѣ раздѣлить мою признательность. Примите же, графъ, увѣреніе въ моей искренней благодарности и будьте увѣрены, вмѣстѣ съ тѣмъ, что хотя я и страдаю иногда недостаткомъ памяти, въ чемъ вы не разъ меня упрекали, за то сердце мое всегда помнитъ долгъ признательности.

Оправившись отъ простуды, я поспѣшилъ къ князю Горчакову, который возвратился всего нѣсколько дней тому назадъ. Я провелъ у него весь день, весь вечеръ, думалъ, что проведу у него всю ночь. Онъ принялъ меня весьма любезно и бесѣдовалъ со мною обо всемъ подробно. Приступаю къ дѣлу безъ дальнѣйшихъ околичностей и постараюсь быть краткимъ, ибо это единственное средство быть вполнѣ яснымъ.

Если между Петербургомъ и Парижемъ не существуетъ разногласія, то во всякомъ случаѣ существуетъ нѣкоторая, впрочемъ, едва уловимая разница въ оцѣнкѣ фактовъ, какъ это видно изъ полученныхъ нами частныхъ писемъ. Уяснить себѣ, въ чемъ именно заключается это различіе и при случаѣ разсѣять его,—такова была задача, которую я намѣтилъ себѣ съ самаго начала.

Вотъ вынесенное мною впечатлѣніе. Это различіе во взглядахъ касается двухъ пунктовъ: мнѣнія императора Наполеона о содѣйствіи,

на которое онъ можетъ разсчитывать со стороны Россіи и вопросъ о Дунайскихъ княжествахъ.

Приступаю къ обсужденію перваго изъ этихъ пунктовъ:

Его величество въ разговорѣ съ вами, по крайней мѣрѣ два раза, старался вывѣдать ваши мысли; вы же, вмѣсто того, чтобы сдѣлать шагъ впередъ, подавались назадъ. Онъ хотѣлъ проникнуть наши намѣренія, вы этому нисколько не способствовали; онъ хотѣлъ знать, въ какой мѣрѣ можно довѣрять намъ, вы не пришли ему въ этомъ случаѣ на помощь. Это имѣло послѣдствіемъ, что увѣренность уступила въ его душѣ мѣсто сомнѣнію и что довѣріе его было поколеблено. Таковъ смыслъ частнаго письма, которое я препровождаю вамъ вмѣстѣ съ черновикомъ, служащимъ отвѣтомъ на это письмо, содержаніе коего я сообщилъ сегодня въ письмѣ кому слѣдуетъ.

То же самое было высказано мнѣ и при личномъ свиданіи.

— Откуда имѣете вы эти свѣдѣнія?—спросилъ я.

— Изъ секретнаго источника.

— Что служитъ вамъ порукою ихъ достовѣрности?

— Принцъ Наполеонъ подтвердилъ въ Варшавѣ.

— Дали ли ему возможность высказаться или же его навели на это; въ такомъ случаѣ его отвѣтъ не трудно было предугадать; ему было весьма выгодно выразить сомнѣніе, чтобы получить съ нашей стороны какія-либо положительныя увѣренія... Могъ ли посланникъ высказаться, не зная, ищемъ ли мы осложненій или хотимъ избѣжать ихъ, коль скоро общее положеніе дѣлъ въ Европѣ, съ одной стороны, а съ другой положеніе Франціи въ частности заставляло его предполагать, что осложненіе дѣлъ отнюдь не входило въ ближайшія намѣренія Франціи.

— Во-первыхъ, мы этого не думаемъ, а во-вторыхъ, размѣръ содѣйствія обусловливается поводомъ, коимъ оно вызвано; прежде всего вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ принципѣ, а затѣмъ уже можетъ быть приступлено къ обсужденію условій.

— Принципіально вопросъ былъ рѣшенъ въ Штутгардтѣ, и на него постоянно ссылались.

— Рѣшенный принципіально въ Штутгардѣ, онъ не только не былъ разработанъ, но скорѣе заглохъ въ Парижѣ. Это утверждаетъ и секретный источникъ. То же самое подтвердилъ и принцъ Наполеонъ.

— До какихъ размѣровъ дошло бы въ концѣ концовъ это содѣйствіе?

— До ста тысячъ человѣкъ.

— Отчего же вы не выговорили эту цифру?

— Всего выговорить невозможно; при томъ она условна и пропорціональна.

— Уѣхалъ ли принцъ Наполеонъ успокоенный?

— Къ счастью, онъ совершенно успокоился.

На этомъ все время вертѣлся разговоръ.

— Если вы хотите вызвать войну, скажите это прямо.

— Мы вовсе не хотимъ этого, мы желаемъ только, чтобы императоръ Наполеонъ былъ увѣренъ, что онъ можетъ разсчитывать на наше содѣйствіе.

— Европѣ выгодно поддерживать эти сомнѣнія и эксплоатировать тѣ чувства, которыя приписываютъ императрицѣ, и ваши собственныя слова; какъ же вы хотите избѣгнуть сомнѣній, если таковыя существуютъ, или хотя бы притворнаго недовѣрія, которое можетъ вызвать съ нашей стороны извѣстныя увѣренія?

— Этихъ-то увѣреній именно и не добились въ Парижѣ.

Я этимъ ограничусь; сказаннаго достаточно, чтобы дать вамъ точное понятіе объ образѣ мыслей нашего министра и о томъ, что онъ высказалъ.

Перехожу къ Дунайскому вопросу:

— Дѣло, хорошо начатое, окончено дурно. Не назначено срока для присылки отвѣта Вѣнскимъ кабинетомъ, не сдѣлано категорическаго заявленія, коимъ актъ 7-го ноября былъ бы объявленъ уничтоженнымъ, не сказано рѣшительнымъ образомъ, что отвѣтъ долженъ быть объявленъ на конференціи,—поэтому Буоль торжествуетъ и болѣе дерзокъ, чѣмъ когда-либо.

Я отвѣчалъ, что хотя не указано числа, что было бы впрочемъ не особенно вѣжливо, все же назначенъ довольно близкій срокъ, что декларація Порты и право, предоставленное державамъ имѣть каботажъ на нижнемъ теченіи Дуная, вполнѣ лишаютъ Вѣнскій кабинетъ возможности привести этотъ актъ въ исполненіе въ этой части рѣки и наконецъ что конференція разошлась съ тѣмъ, чтобы собраться вновь, когда будетъ полученъ отвѣтъ Австріи.

Мнѣ отвѣчали, что случай высказаться категорически былъ слишкомъ хорошъ, чтобы упускать его, что намъ нечего было опасаться, что мы очутимся въ меньшинствѣ на конференціи; и что то же можно сказать и о консульской юрисдикціи, которую намъ слѣдовало горячо отстаивать тѣмъ болѣе, что не было никакого основанія думать, что который-либо изъ этихъ вопросовъ можетъ повести къ разрыву и ничто не мѣшало намъ дѣйствовать смѣлѣе.

Исключая этихъ двухъ вопросовъ, не было и рѣчи о какомъ-либо разногласіи или разницѣ во взглядахъ. Въ томъ и другомъ случаѣ очевидно желали, чтобы относительно Австріи дѣйствовали рѣшительнѣе, такъ какъ всѣ преимущества были на сторонѣ ея противниковъ; же-

лаютъ также популярности, которую могло дать намъ обнародованіе протоколовъ.

Принцъ Наполеонъ былъ принятъ въ Варшавѣ съ большимъ почетомъ; шагъ, сдѣланный императоромъ Наполеономъ, вызвалъ здѣсь и въ Варшавѣ живѣйшее удовольствіе. Это счастливая мысль, которая принесетъ хорошіе плоды. Принцъ всѣмъ понравился; въ немъ нашли много ума и такта.

Изолированное положеніе Австріи, представителемъ которой является простой генералъ, отразилось на мнѣ; меня не только не торопятъ болѣе уѣзжать, но желаютъ даже, чтобы я продлилъ свое пребываніе здѣсь. Общее настроеніе весьма благопріятно Франціи; надобно замѣтить, что къ ней относятся лучше всего тамъ, гдѣ это было особенно желательно. Въ политическомъ мірѣ не замѣчается колебаній, есть надежда, что въ немъ настало затишье. Прусскимъ принцемъ также остались довольны. Вообще вернулись очень довольные поѣздкой.

Совершенно вѣрно, что въ Россіи и въ Польшѣ народъ встрѣчалъ императора съ истиннымъ энтузіазмомъ. Вамъ извѣстна уже его рѣчь московскому дворянству. Въ томъ же духѣ произнесены имъ рѣчи и въ другихъ мѣстахъ. О нихъ толкуютъ различно: благопріятно отзываются о нихъ сторонники освобожденія, болѣе строго—противники этой мѣры, осуждающіе слишкомъ непосредственное и частое вмѣшательство въ вопросъ, который, будучи предоставленъ на обсужденіе дворянства, требуетъ до нѣкоторой степени свободы при обсужденіи и еще не достаточно созрѣлъ. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, которыя я считаю довольно вѣрными, труды комитетовъ подвигаются, настроеніе дворянства улучшается, самый принципъ освобожденія никѣмъ не оспаривается, но за то никто не одобряетъ тѣхъ основъ, которыя приняты въ этомъ дѣлѣ правительствомъ; имъ не сочувствуетъ ни дворянство, дѣйствующее съ задней мыслію, что правительство не сказало еще своего послѣдняго слова и что оно выскажется въ концѣ концовъ за в о з н а г р а ж д е н і е, ни народъ, который не можетъ взять въ толкъ, что ему придется выкупать то, что онъ считаетъ своей собственностью, и который въ свою очередь лелѣетъ заднюю мысль, что правительство также не сказало еще относительно его своего послѣдняго слова и что этимъ послѣднимъ словомъ будетъ рѣшеніе освободить крестьянъ б е з ъ в ы к у п а.

Между тѣмъ труды комитетовъ, руководящихся въ своихъ работахъ тѣми основаніями, которыя намѣчены правительствомъ, подвигаются и всѣ увѣрены, что въ нѣсколько мѣсяцевъ они настолько подвинутся, что могутъ быть переданы въ Центральный комитетъ, въ составъ котораго войдутъ и провинціальные депутаты. Это рѣшеніе правительства принято въ провинціи съ восторгомъ. Центральный комитетъ све-

детъ всѣ эти труды въ общее «Положеніе», которое будетъ такимъ образомъ строго разработано теоретически, но будетъ ли оно примѣнимо на практикѣ—вопросъ.

Между тѣмъ поговариваютъ уже о вознагражденіи мелкихъ землевладѣльцевъ и, если не ошибаюсь, уже приступлено къ обсужденію нѣкоторыхъ мѣръ, или, лучше сказать, полумѣръ въ этомъ смыслѣ. А между тѣмъ нѣкоторые мелкопомѣстные дворяне изъ ловкихъ, воспользовавшись вздорожаніемъ пустопорожнихъ земель, подъ шумокъ нашли средство отдѣлаться отъ своихъ крѣпостныхъ, которые ихъ стѣсняли: кого въ рекруты, кого на волю, а кого на болото. Были случаи, когда правительству пришлось прибѣгнуть къ строгимъ карательнымъ мѣрамъ. Отдали помѣщиковъ дворянству подъ опеку, а нѣкоторыхъ переселенцевъ вернули обратно на счетъ помѣщика. Но въ общемъ страна спокойна; крестьянинъ ждетъ и будетъ долго выжидать прежде, нежели выкупитъ что бы то ни было, а дворянство, безъ малѣйшаго интереса, продолжаетъ заниматься дѣломъ, которое ему поручено разработать. Вопросъ все-таки подвигается и рано или поздно повлечетъ за собою многіе другіе и пробудитъ ихъ (дворянъ) отъ сна, въ который они погружены.

Это заставляетъ меня обратиться къ вопросу о нашихъ центральныхъ учрежденіяхъ. До сихъ поръ ни въ одной отрасли управленія не видно руководящаго начала.

Вамъ извѣстно, конечно, что здѣсь весьма озабочены чрезвычайно быстрымъ ростомъ русскихъ заграничныхъ изданій. Какъ помочь бѣдѣ? Будбергъ предлагаетъ: 1) учредить бюро прессы въ Петербургѣ, по примѣру Парижа и Вѣны, 2) основать за границей русскій журналъ для борьбы съ Герценомъ и К°. Его просили привезти въ Варшаву этотъ проектъ разработаннымъ. Нашъ министръ сообщилъ мнѣ объ этомъ конфиденціально. Я отвѣчалъ ему, что нѣтъ ничего легче, какъ осуществить первый изъ этихъ пунктовъ и что ходъ дѣла долженъ быть слѣдующій: отмѣна предварительной цензуры, изданіе закона о печати и учрежденіе распорядительнаго и цензурнаго бюро, которое будетъ наблюдать за исполненіемъ закона. Относительно втораго пункта я замѣтилъ, что это только подольетъ въ огонь масла. Онъ возразилъ, что объ отмѣнѣ цензуры не можетъ быть и рѣчи. Въ такомъ случаѣ я рѣшительно не понимаю, въ чемъ будетъ состоять роль распорядительнаго бюро. Однако мысль эта понравилась императору и уже приступлено къ собиранію свѣдѣній. Всѣ жалуются на недостатки управленія, и никто не можетъ указать что-нибуть раціональное, ибо никто не хочетъ понять, что въ жизни народовъ бываютъ переходныя эпохи, когда всякій ходитъ ощупью въ ожиданіи того, что само Провидѣніе укажетъ надлежащій путь.

Я буду принятъ императоромъ, какъ только окончательно поправлюсь. Императрица Марія Александровна поразила меня своимъ умомъ, послѣдовательностью и, прямо сказать, возвышенностью своихъ мыслей. Я затронулъ вопросы внутренняго управленія, церкви, духовенства и т. п. и былъ удивленъ, что по всѣмъ этимъ предметамъ ея мысли солидарны съ моими. Однимъ словомъ, я нашелъ, что ея величество интересуется всѣми современными вопросами и озабочена тѣмъ же, чѣмъ озабочены и мы; между прочимъ она раздѣляетъ опасенія и недовѣріе правящихъ сферъ ко всевозможнымъ ассоціаціямъ, если это не акціонерныя компаніи. За то эта отрасль процвѣтаетъ въ особенности благодаря преміямъ, на которыя многія очень падки. А между тѣмъ общества и компаніи могутъ оказать намъ большія услуги; приведу примѣръ. Пріѣзжаю изъ Штеттина, пристаю къ англійской набережной и вижу—нѣтъ выбора между невозможными дрожками и ломовиками. Размышленіе приводитъ къ слѣдующему выводу: прогресса или нововведенія въ видѣ маленькихъ каретокъ нельзя ожидать отъ дворянства, которое ѣздитъ въ собственныхъ экипажахъ, ни отъ народа, который въ нихъ не нуждается, но отъ средняго класса,—а его у насъ не существуетъ. Что дѣлать? Образуется компанія, привозитъ кэбы изъ Лондона, и вскорѣ у нашихъ желѣзно-дорожныхъ станцій появляются наемныя кареты....

11.

7-го (19-го) октября 1858 г. С.-Петербургъ.

Ваше сіятельство! Я только-что узналъ о томъ, что въ Парижъ отправляютъ курьера изъ министерства, поэтому я долженъ спѣшить и могу наскоро прибавить нѣсколько словъ въ дополненіе къ письму, которое я имѣлъ честь отправить вамъ недавно.

Императоръ, котораго я видѣлъ на-дняхъ, благоволилъ довольно долго бесѣдовать со мною и подтвердилъ по всѣмъ пунктамъ то, что я писалъ вамъ о настроеніи императорскаго кабинета по отношеніи къ Франціи. Оно можетъ быть названо прекраснымъ и не оставляетъ желать ничего лучшаго, такъ что въ настоящее время здѣсь даже вознамѣрились окончательно отрѣшиться отъ тѣхъ натянутыхъ отношеній, какія вы подмѣтили въ Штутгардтѣ и противъ которыхъ вы тогда старались бороться. Доказательствомъ улучшившихся отношеній служитъ разрѣшеніе, данное заблаговременно великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ посѣтить Парижъ, о чемъ я уже сообщалъ вамъ. Точно также препятствія не встрѣтится и къ поѣздкѣ великаго князя Константина Николаевича, который уѣзжаетъ на-дняхъ и вѣроятно будущей весною пожелаетъ быть

въ Парижѣ съ супругою. Ежели это состоится, то великой княжнѣ Еленѣ Павловнѣ придется, по всей вѣроятности, отложить свою поѣздку. За то наши отношенія къ Вѣнѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ухудшаются. Всему виною Дунай, хотя по моему мнѣнію нѣсколько преждевременно, такъ какъ это дѣло идетъ своимъ чередомъ и еще будетъ время настаивать, когда отвѣтъ изъ Вѣны будетъ представленъ конференціи и будетъ признанъ ею неудовлетворительнымъ.

Его величество коснулся слегка трудовъ конференціи. По его мнѣнію, договоръ о княжествахъ можетъ повести къ большимъ осложненіямъ; при томъ государь считаетъ его временнымъ. Я возразилъ на это, что и весь Востокъ временный и что добиваться теперь чего-нибудь окончательнаго значило бы, по моему скромному мнѣнію, игнорировать наши интересы и желать невозможнаго.

Его величество раздѣляетъ это мнѣніе; онъ полагаетъ, что осложненія не заставятъ себя долго ждать и что въ такомъ случаѣ самое лучшее для насъ будетъ упрочить мало-по-малу наше согласіе съ Франціей. Я вполнѣ присоединился къ этому мнѣнію, присовокупивъ, что и вы держитесь того же взгляда и признаете, что намъ не слѣдуетъ вызывать осложненій, дабы лучше къ нимъ подготовиться и быть на высотѣ обстоятельствъ, которыя легко могутъ превзойти всякія ожиданія. Императоръ не упомянулъ, въ разговорѣ со мною, о томъ почти неуловимомъ разногласіи во взглядахъ между парижскимъ посольствомъ и императорскимъ кабинетомъ, о которомъ говорилъ со мною министръ. Какъ мнѣ показалось, императоръ даже избѣгалъ говорить со мною объ этомъ, хотя я два раза подавалъ къ этому случай.

Не знаю, сообщилъ ли я вамъ о проектѣ, выработанномъ Будбергомъ касательно организаціи у насъ бюро прессы, по образцу Парижа и Вѣны. Мысль эта понравилась императору. Князь Горчаковъ высказалъ, что для того, чтобы руководить и давать указанія, необходимо предварительно самому получить указанія, и что ему неизвѣстны руководящія начала нашихъ министерствъ. Вслѣдствіе этого министрамъ было предписано изложить каждому отдѣльно направленіе, коего они намѣрены держаться, и представить это на разсмотрѣніе въ совѣтъ. Эти господа чрезвычайно взволновались и очутились въ большомъ затрудненіи. Что изъ этого выйдетъ, не знаю. Что же касается бюро прессы, то изъ него ничего не выйдетъ, по той причинѣ, что здѣсь не желаютъ ни полемики, ни отмѣны предварительной цензуры, ни оффиціознаго правительственнаго органа.

Я принужденъ окончить это письмо, попросивъ извиненія въ томъ, что оно набросано довольно небрежно; вмѣстѣ съ тѣмъ прошу васъ, графъ, принять увѣреніе въ моемъ искреннемъ и неизмѣнномъ почтеніи.

12.

27-го октября (8-го ноября) 1858 г. С.-Петербургъ.

Письмо, которое я имѣлъ честь послать вамъ черезъ графа Віельгорскаго, было вложено въ пакетъ, отправленный позже; вслѣдствіе этого оно получено вами, вѣроятно, гораздо позднѣе того числа, коимъ оно помѣчено. Надѣюсь, что подобная же участь не постигнетъ настоящаго письма, служащаго какъ бы дополненіемъ перваго. Продолжаю свой разсказъ съ того, на чемъ я остановился. Вслѣдъ за аудіенціей у императрицы я былъ принятъ государемъ въ Зимнемъ дворцѣ. Передаю сущность его разговора въ двухъ словахъ: я не замѣтилъ въ немъ и слѣда того неуловимаго разногласія во взглядахъ, о коемъ я упоминалъ въ первомъ письмѣ. Его величество одушевленъ по отношенію къ Франціи чувствами, которыя должны чрезвычайно радовать васъ; они преисполнены довѣрія, дружбы и нелицепріятнаго сочувствія. Совершенно иначе относится онъ къ политикѣ вѣнскаго кабинета, но и въ этомъ отношеніи его взгляды также ясны и опредѣленны, что облегчаетъ мнѣ мою задачу, но не дѣлаетъ ее особенно пріятной. Впрочемъ, я высказалъ его величеству откровенно, что если бы дѣло стояло иначе, то, пожалуй, я оказался бы по своимъ убѣжденіямъ человѣкомъ, не подходящимъ для возлагаемаго на меня порученія. Послѣ этой аудіенціи, я получилъ приглашеніе провести четыре дня въ Гатчино, гдѣ мнѣ былъ оказанъ самый благосклонный пріемъ. Увѣренность въ томъ, что это благоволеніе, и милостивыя слова, которыя мнѣ было такъ отрадно слышать, относятся собственно къ вамъ, придавала имъ еще бо́льшую цѣну и я ни на минуту не заблуждался въ ихъ истинномъ значеніи.

Вдовствующая императрица, пріѣхавшая въ Гатчино впервые послѣ испытаннаго ею тяжкаго горя, не могла совладать со своими чувствами. Заболѣвъ, она провела безвыходно въ своихъ комнатахъ все время до своего отъѣзда. Наше общество составляли человѣкъ тринадцать самыхъ приближенныхъ ко двору лицъ: адъютанты, фрейлины, великая княжна Елена Павловна со своею свитою; наши министры внутреннихъ дѣлъ и удѣловъ пріѣзжали на короткое время, а князь Горчаковъ находился въ Гатчино почти постоянно. Общество проводило все время въ той залѣ, которая называется арсеналомъ. По какой причинѣ не въ двухъ или трехъ другихъ залахъ, когда ихъ такая масса—не знаю. Въ полдень всѣ сходились къ завтраку, затѣмъ устраивалась прогулка или охота; въ 5 часовъ обѣдали, въ 9 часовъ всѣ собирались смотрѣть французскій или русскій спектакль; вечеръ оканчивался танцами, опять таки въ арсеналѣ, а не въ другой какой-либо залѣ. Въ числѣ пьесъ, тутъ игранныхъ, назову одну: «Предубѣжденіе», пьеса тенденціозная, въ ко-

торой честность и возвышенныя чувства изображены въ образѣ молодаго человѣка, который оставляетъ службу въ канцеляріи губернатора, гдѣ его возмущаетъ взяточничество, и поступаетъ въ становые съ намѣреніемъ пользоваться своею властью, чтобы дѣлать добро и бороться со всевозможными мерзавцами. Онъ побѣждаетъ предразсудокъ стараго генерала, на дочери котораго въ концѣ концовъ женится. Я упоминаю объ этой пьесѣ,—которая сама по себѣ довольно слаба,—только потому, что она имѣетъ нѣкоторое значеніе по тенденціи, которая въ ней проводится; пьеса эта была весьма одобрена императоромъ.

— Хотите держать пари,—сказалъ мнѣ князь Дмитрій Оболенскій,—что эта тенденція, которую мы съ вами одобряемъ, осуждается княземъ В. Д. [1]) и другими?

Я проигралъ пари.

Вторая русская пьеса годилась скорѣе для балагана. Нѣтъ возможности высидѣть двѣ пьесы подъ рядъ, въ которыхъ выведены на сцену чиновники или что-либо въ этомъ родѣ. Наши комедіи походятъ на нашу стряпню; у насъ есть хорошія блюда точно такъ же, какъ есть хорошія пьесы, но, строго говоря, у насъ не существуетъ ни комедіи, ни кулинарнаго искусства. У насъ нѣтъ разнообразія ни въ типахъ, ни въ блюдахъ.

Оболенскому было оказано въ Гатчинѣ особое вниманіе. Если подобное же вниманіе, оказанное вашему покорному слугѣ, не возбудило ни въ комъ зависти, это надобно приписать тому, что я тутъ временный гость. Въ Гатчинѣ, точно такъ же, какъ и въ нашихъ петербургскихъ салонахъ, я имѣлъ случай убѣдиться, что вопросы внутренніе до такой степени выдвинулись на первый планъ и дотого поглощаютъ всѣ умы, что внѣшнія дѣла совершенно отодвинуты ими на задній планъ. И это понятно,—это является, во-первыхъ, реакціей противъ застоя предшествовавшаго режима и, во-вторыхъ, указываетъ на то, что идетъ борьба, которая затрогиваетъ самые существенные интересы Имперіи и каждаго изъ ея жителей въ отдѣльности гораздо ближе, чѣмъ послѣдняя война.

Начну съ дѣлъ внѣшней политики.

Въ этой области нѣтъ ничего новаго, если не считать перемѣны, происшедшей въ Берлинскомъ кабинетѣ. Не послужитъ ли это для насъ переходомъ отъ нашего брака съ Пруссіей, заключеннаго по страсти, къ браку по разсудку? Многіе это думаютъ, но въ интересахъ общихъ дѣтей супруги будутъ поддерживать вѣроятно наружное согласіе. Здѣсь были восхищены отвѣтомъ, даннымъ Брунновымъ Мальмсбюрри, о чемъ его извѣстили по телеграфу. Въ сущности Англія остается при своемъ мнѣніи, а мы при своемъ; но за то мы обогатились еще однимъ перломъ дипломатическаго искусства. Обнародованіе протоколовъ произвело

[1]) Въ подлинникѣ только однѣ начальныя буквы.

отличное впечатлѣніе; всѣхъ интересовало знать, какъ велико было ваше участіе въ конференціяхъ; оно было всѣми замѣчено, и національное самолюбіе этимъ удовлетворено. Въ протоколахъ всѣхъ особенно интересовала роль, которую игралъ нашъ посланникъ въ Парижѣ; что же касается до самой сущности вопросовъ, то они мало занимали умы, такъ какъ всеобщее вниманіе поглощено въ настоящее время всецѣло дѣлами внутренними. Закончу свой отчетъ, сказавъ, что общество видимо относится вполнѣ сочувственно къ общему направленію нашей внѣшней политики, и поэтому всѣ искренно желаютъ вамъ успѣха. Меня сопровождаютъ пожеланія инаго рода, впрочемъ столь же единодушныя, чтобы не сказать болѣе. Всѣ, отъ мала до велика, одушевлены однимъ желаніемъ. Поэтому, пожалуй, можно сказать, что одно наше министерство пользуется симпатіями публики.

Перехожу къ дѣламъ внутреннимъ.

Вамъ извѣстенъ проектъ Ростовцева[1]), создающій генералъ-губернаторовъ, уѣздныхъ начальниковъ и мировыхъ судей. Этотъ проектъ былъ позднѣе существенно дополненъ и выработанъ во время поѣздки его составителя за границу и препровожденъ сюда, по крайней мѣрѣ частью въ видѣ писемъ къ императору. Эта часть его труда была разсмотрѣна Государственнымъ Совѣтомъ и болѣе либеральна, нежели первая часть проекта, что̀ приписываютъ вліянію на Ростовцева, его сына и Жеребцова, котораго вы знаете. Я не могу дать вамъ совершенно яснаго понятія объ этомъ проектѣ, такъ какъ я могъ только бѣгло просмотрѣть его. Онъ блещетъ юношескимъ вдохновеніемъ, благими намѣреніями, прекрасными мыслями и разными другими совершенно неудобоисполнимыми вещами. Такъ, напр., помѣщикъ дѣлается главою сельской общины. Онъ можетъ передать свою власть управляющему и ѣхать куда ему угодно. Допустимъ, что правительство недовольно управляющимъ. Что же оно дѣлаетъ? Оно замѣняетъ его сосѣднимъ помѣщикомъ и, въ вознагражденіе послѣднему, взыскиваетъ съ вашихъ доходовъ тройную сумму противъ того, что вы платите своему управляющему. Первая часть проекта, по высочайшему повелѣнію, была разослана всѣмъ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ, съ требованіемъ высказать ихъ мнѣніе. Собраніе ихъ отвѣтовъ представляетъ курьезный документъ: ни одинъ отвѣтъ нельзя назвать вполнѣ отрицательнымъ или положительнымъ; есть отвѣты совершенно ничтожные, есть и другіе, каковы напр. отвѣты с.-петербургскаго и московскаго генералъ-губернаторовъ, написанные замѣчательно хорошо, дотого хорошо, что невольно задаешь себѣ вопросъ, кто бы могъ ихъ написать. Между прочими документами я отмѣтилъ слѣдующее (Петербургъ). Вы требуете 600 уѣздныхъ начальниковъ, людей дѣятельныхъ, честныхъ и благородныхъ, которые должны явиться вмѣстѣ съ тѣмъ

[1]) Якова Ивановича Ростовцева, впослѣдствіи графа.

достойными представителями закона. Но если вы имѣете столько лицъ, отвѣчающихъ этимъ требованіямъ, почему же вы не вводите эти элементы на высшія ступени служебной іерархіи, гдѣ далеко не всѣ лица блещутъ этими качествами? Иначе говоря: вы не можете найти 50 хорошихъ губернаторовъ, гдѣ же вы найдете 600 героевъ? Нѣкоторыя замѣчанія касались избранія мировыхъ судей, которое, по смыслу проекта, должно производиться въ присутствіи уѣзднаго начальника, котораго предполагается облечь правомъ представлять о неблагонадежности избраннаго лица. Всѣ находятъ эту статью проекта чудовищной. Если не ошибаюсь, пока этотъ проектъ разсматривается коммиссіей, въ составъ которой назначены Ланской, Панинъ, Муравьевъ, Ростовцевъ и др.; другая коммиссія, состоящая изъ представителей министерства внутреннихъ дѣлъ, удѣловъ и юстиціи, составляетъ сводъ ея основныхъ положеній, такъ сказать, кодефицируетъ ихъ, приспособляя къ требованіямъ жизни. Эта работа молодыхъ силъ идетъ одновременно и параллельно съ занятіями стариковъ. Нѣтъ надобности говорить, кто является тутъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ [1]); но мнѣ кажется, что можно ожидать хорошихъ результатовъ. Давай Богъ. Необходимо придти къ какому-нибудь существенному результату, пока страна еще спокойна.

Кажется, я говорилъ вамъ въ первомъ письмѣ о бюро прессы. Такъ какъ я въ этомъ не увѣренъ, то передамъ сущность дѣла въ нѣсколькихъ словахъ: зная, что наше правительство озабочено быстрымъ ростомъ нашихъ заграничныхъ изданій, Будбергъ представилъ два проекта: 1) учрежденіе въ Россіи бюро прессы по примѣру Парижа и Вѣны и т. д. 2) основаніе русскаго журнала за границею, для борьбы съ Герценомъ и К°.

Вторая часть проекта признана неудобоисполнимою, а первую императоръ желаетъ осуществить. Кн. Горчаковъ ставитъ препятствіемъ отсутствіе печатныхъ указаній нашимъ министерствамъ, безъ коихъ бюро прессы не будетъ въ состояніи направлять въ свою очередь частную полемику. Вопросъ этотъ переданъ на разсмотрѣніе. Объ отмѣнѣ предварительной цензуры нѣтъ и рѣчи. Къ чему же учреждать въ такомъ случаѣ бюро? Вотъ въ чемъ составитель проекта запутался. Словомъ, въ настоящее время остановились, кажется, на слѣдующей полумѣрѣ: изберутъ трехъ лицъ, въ родѣ Тютчева, напр., которыя, будучи посвящены въ сущность руководящихъ началъ, которыя министры должны съ высочайшаго утвержденія проводить въ своихъ министерствахъ, будутъ въ свою очередь давать указанія редакторамъ газетъ и повременныхъ изданій, которые будутъ такимъ образомъ знать, до какой степени правительство разрѣшаетъ имъ обсуждать на страницахъ ихъ изданій современные вопросы о судопроизводствѣ, финансахъ, народномъ просвѣщеніи и т. п.

[1]) Намекъ на Н. А. Милютина.

Прошлый четвергъ была очередь гр. Панина и его соображеній. Кажется, онъ намѣревался только повторить тѣ соображенія, которыя онъ представлялъ уже въ Государственный Совѣтъ при разсмотрѣніи проекта Блудова о судопроизводствѣ, сокращенномъ судопроизводствѣ и присяжныхъ стряпчихъ. Въ совѣтѣ министровъ предсѣдательствовалъ императоръ. Я знаю одно: что князь Горчаковъ, поѣхавъ въ совѣтъ съ твердымъ намѣреніемъ молчать, далъ генеральное сраженіе. Убитыхъ нѣтъ, не знаю еще, были ли раненые. Общество настроено, какъ вамъ извѣстно, не въ пользу министра юстиціи.

Что касается взглядовъ, преобладающихъ въ высшихъ сферахъ, то увѣряютъ, будто они стали гораздо либеральнѣе послѣ поѣздки по губерніямъ,—поѣздки, во время которой раздался голосъ великаго народа, привѣтствовавшаго своего монарха. Нѣсколько запоздалое появленіе въ нашихъ газетахъ рѣчи, съ которою императоръ обратился къ московскому дворянству, вызвало оживленные толки за и противъ: одни видятъ въ ней полезный урокъ, данный упрямому фрондирующему дворянству, другіе видятъ въ ней опасное потворство желаніямъ народа.

Между тѣмъ здѣсь пронесся, по обыкновенію преувеличенный, слухъ о вашей болѣзни, и всѣ отъ мала до велика только и толкуютъ о васъ. Зная, что вы поправились, мнѣ было пріятно слышать эти толки. Обсужденіе вопроса о предполагаемомъ преемникѣ вашемъ начиналось и заканчивалось вопросительнымъ знакомъ, и всѣ разговоры на эту тему кончались такъ: ваше присутствіе въ Парижѣ такъ же необходимо, какъ здѣсь; нѣтъ никого, кто бы могъ замѣнить васъ ni extra, ni intra muros (ни здѣсь, ни за границею). Ту же мысль высказалъ мнѣ нашъ министръ, послѣ получасовой слишкомъ бесѣды. Онъ настолько уменъ, чтобы понять, что мы потеряли въ васъ хорошаго кормчаго и что по качкѣ судна замѣтно, что его мѣсто никѣмъ не занято. Это мнѣніе раздѣляется въ настоящее время всѣми, да и неудивительно: я говорю это въ смыслѣ управленія внутренними дѣлами, а не внѣшними.

Кн. Горчаковъ сообщилъ мнѣ по секрету, что III отдѣленіе предложило или собирается предложить вамъ запретить продажу «Колокола» въ Парижѣ. Я отвѣчалъ, что это доказываетъ только, что III отдѣленіе заинтересовано вѣроятно непосредственно въ изданіи этого журнала, такъ какъ запрещеніе наилучшее средство увеличить его продажу. Оно добьется того, что «Колоколъ» появится съ переводомъ на французскій языкъ и что вмѣсто нашихъ путешественниковъ или, лучше сказать, кромѣ нихъ, его будетъ читать вся Европа.

Желая вамъ, графъ, быстраго выздоровленія, пользуюсь случаемъ повторить вамъ увѣреніе въ моей глубочайшей преданности и таковомъ же почтеніи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ біографіи Е. К. Фредерици.

Письмо Н. П. Резанова [1])—*П. К. Сухтелену* [2]).

13-го іюня 1805 г. Петропавловскій портъ.

Генералъ! Я отправляюсь въ Кадьякъ, и завтра же Камчатка не увидитъ меня; препоручаю вниманію вашему храбраго маіора Фредерици [3]), котораго отправляю съ кораблемъ «Надежда» для сдачи въ министерство вещей, оставшихся у меня отъ японской миссіи. Я съ похвалою отзываюсь о немъ въ моемъ докладѣ его императорскому величеству; Бога ради исходатайствуйте ему крестъ Св. Анны, имъ по справедливости заслуженный. Прощайте, достоуважаемый государь мой; теперь въ Америку уношу я чувства отличнаго уваженія и совершенной преданности, съ которыми имѣю честь быть вашего превосходительства всепокорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою. Резановъ [4]).

---

[1]) Николай Петровичъ Резановъ (1764 † 1807), мореходъ и первый нашъ посланникъ въ Японіи; составитель словаря и грамматики японскаго языка. Скончался въ Красноярскѣ.

[2]) Графъ Петръ Корниліевичъ Сухтеленъ (1751 † 1836 г.), инженеръ-генералъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени. См. о немъ „Русская Старина", томъ XV, стр. 105, 576, XVII, 847, XIX 5, 6, 8, 428, 547.

[3]) Маіоръ Фредерици, на котораго Резановъ обращаетъ вниманіе императора—Ермолай Карловичъ Фредерици († 1874 г.), впослѣдствіи комендантъ города Павловска, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ и благосклонностью императрицы Маріи Ѳеодоровны.

[4]) Переводъ съ французскаго.

Петербургъ въ 1840—1841 гг.

(По дневнику П. Г. Дивова).

1840 годъ.

Истекшій, 1839 годъ, былъ богатъ событіями первостепенной важности, изъ-за которыхъ легко могла вспыхнуть война въ Европѣ и въ Азіи. Таковы: изгнаніе изъ Испаніи Донъ-Карлоса, который былъ вынужденъ поселиться въ Буржѣ, кончина султана и завоеванія, совершонныя англичанами въ Индіи.

Испанія была взволнована присутствіемъ Донъ-Карлоса въ ея сѣверныхъ провинціяхъ, гдѣ число его приверженцевъ постоянно возрастало, но онъ былъ вынужденъ искать убѣжища во Франціи вслѣдствіе измѣны генерала Марото. Часть войскъ Донъ-Карлоса изъявила добровольно покорность королевѣ Христинѣ. Но Кабрера, предводитель войскъ Донъ-Карлоса, сталъ во главѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ въ Арагоніи и не хотѣлъ вступать ни въ какіе переговоры съ регентшей, а продолжалъ поддерживать права Донъ-Карлоса на испанскій престолъ.

Англія находится въ довольно странномъ положеніи по отношенію къ обѣимъ частямъ свѣта. Находясь (изъ-за Канады) постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ къ Соединеннымъ штатамъ, въ войнѣ съ Китаемъ, въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Египту, Персіи, Испаніи, Португаліи и нѣкоторымъ африканскимъ владѣніямъ, она завидуетъ въ душѣ Франціи и надѣется уничтожить ея флотъ. Въ то же время дѣлаетъ попытки снискать расположеніе этой державы, вліяніе которой простирается даже на южную Америку и которой удалось недавно уладить споръ, возникшій между Сентъ-Джемскимъ кабинетомъ и Неаполемъ изъ-за вывоза сѣры.

*

Экспедиція Перовскаго въ Хиву чрезвычайно встревожила Англію но неудача этой экспедиціи успокоила ее, и она снова сблизилась съ Россіей.

Франція, стараясь снискать дружбу своей соперницы, непомѣрно усиливаетъ въ то же время свои морскія силы и вызываетъ этимъ ненависть Англіи, хотя послѣдняя не проявляется пока явно, такъ какъ Англія, въ виду своихъ враждебныхъ отношеній ко многимъ странамъ, вынуждена скрывать до поры до времени свои чувства и дѣлать видъ, будто она сочувствуетъ видамъ Франціи. Но это не можетъ продолжаться долго; какъ только дѣла въ Канадѣ и въ Китаѣ уладятся, то вражда, существующая между Франціей и Англіей, несомнѣнно, должна обнаружиться. Англія постарается возстановить противъ своей соперницы прочія континентальныя державы, чтобы уничтожить французскій флотъ.

Франція поддерживаетъ въ тайнѣ королеву Христину, но не хочетъ дѣйствовать открыто, не смотря на всѣ интриги Лондонскаго кабинета, который хотѣлъ втянуть ее въ войну съ Испаніей. Ея сближенію съ Англіей мѣшаетъ также ихъ разногласіе во взглядахъ относительно египетскаго Судана. Англичане имѣютъ полное основаніе опасаться усиленія государства, столь близкаго къ Индіи и находящагося подъ властью Али-паши, который уже овладѣлъ Сиріей. Съ другой стороны, торговое соперничество въ южной Америкѣ возбуждаетъ неудовольствіе Сентъ-Джемскаго кабинета противъ Франціи. Оживленная газетная полемика указываетъ на существованіе довольно значительнаго разногласія во взглядахъ между обоими кабинетами. Донъ-Карлосъ ходатайствовалъ чрезъ посредство нѣкоторыхъ европейскихъ кабинетовъ о предоставленіи ему права поселиться въ Лондонѣ. Ему въ этомъ отказано, но инфанту Дону-Себастіано разрѣшено отправиться въ Римъ.

Еще одинъ вопросъ тревожилъ Тюльерійскій кабинетъ, а именно: поѣздка герцога Бордосскаго въ Италію, куда онъ прибылъ неожиданно на свиданіе со своей матерью, герцогиней Беррійской, которая выѣхала ему навстрѣчу въ Неаполь. Эта поѣздка совершилась безъ вѣдома австрійскаго правительства; по крайней мѣрѣ оно дѣлало видъ, что ему объ этомъ ничего не было извѣстно.

Австрія слѣдовала своей исконной политикѣ, поддерживая въ тайнѣ законныхъ монарховъ Испаніи и Франціи. Она улучшила свои финансы, сблизилась съ Англіей въ ущербъ интересамъ Россіи. Австрія предоставила англичанамъ большія торговыя привилегіи на Дунаѣ, чтобы имѣть возможность препятствовать торговлѣ Россіи на этой рѣкѣ.

Пруссія также слѣдовала прежней политикѣ, поощряя развитіе фабрикъ. Ея отношенія къ Россіи останутся, по всей вѣроятности, не-

измѣнны, не смотря на кончину Фридриха-Вильгельма III, который скончался почти на рукахъ императора, своего зятя.

Швеція и Данія подчинялись вліянію великихъ державъ. Король Датскій скончался и ему наслѣдовалъ его сынъ, Христіанъ VIII.

Германскій сеймъ и всѣ германскіе владѣтельные князья слѣдовали политикѣ, намѣченной Австріей и Пруссіей.

Бельгія и Голландія были умиротворены благодаря энергичному содѣйствію пяти великихъ державъ. Бельгійцы долгое время упорствовали; но ихъ удалось убѣдить, и они возвратили голландцамъ земли, отошедшія къ нимъ по послѣдней конвенціи.

Турція, раздираемая внутренними смутами, вслѣдствіе интригъ Али-паши, была еще болѣе потрясена кончиною султана. Его сынъ, приверженецъ новыхъ идей, получилъ престолъ, едва вступивъ въ юношескій возрастъ; по совѣту своего умирающаго отца онъ вручилъ бразды правленія Хозревъ-пашѣ, который облеченъ имъ неограниченной властью.

Передъ смертью султанъ началъ войну съ Али-пашою, который, не довольствуясь обладаніемъ Египтомъ, захватилъ также Сирію. Турецкое войско было разбито, а флотъ, вслѣдствіе измѣны капитанъ-паши, достался во власть Али, который заперъ его въ Александріи.

Усиленіе могущества Али-паши отнюдь не входитъ въ разсчеты Англіи, поэтому она вооружилась, угрожала пашѣ и требовала, совмѣстно съ прочими державами, чтобы онъ возвратилъ султану флотъ. Въ этихъ безплодныхъ угрозахъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Англійскій и французскій флоты стоятъ въ бездѣйствіи въ Дарданеллахъ, ожидая приказанія идти въ Александрію, но такъ какъ интересы державъ расходятся: Англія хочетъ униженія Али-паши, а Франція поддерживаетъ его интересы, то весьма возможно, что и въ текущемъ году не будетъ предпринято никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій.

17-ти лѣтній турецкій султанъ оставилъ вначалѣ у власти всѣхъ бывшихъ министровъ своего отца, но его мать добилась того, что они были смѣнены. Вообще, положеніе Турціи такъ шатко, что эта держава исчезла бы съ политическаго горизонта Европы, если бы соперничество европейскихъ державъ не предупредило ея окончательнаго паденія и не вызвало соглашенія между Россіей, Австріей, Пруссіей, Англіей и Франціей, коимъ обезпечивается неприкосновенность Турецкой имперіи.

Европейскія державы были заняты въ текущемъ году постройкою желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ и старались развить свою торговлю и промышленность. Ни одна держава не хотѣла воевать, но всѣ готовились къ войнѣ.

Россія взирала спокойно на дѣйствія остальныхъ державъ. Турецкія событія сблизили ее съ Англіей и отдалили отъ Франціи. Она могуще-

ственна своей арміей и флотомъ и могла, въ случаѣ надобности, примкнуть къ той державѣ, коей интересы совпадали съ ея собственными. Это внушало всѣмъ страхъ.

Что касается внутреннихъ дѣлъ, то всѣ министры остались на своихъ мѣстахъ, исключая министра юстиціи Дашкова, который былъ назначенъ на мѣсто Кушникова для редактированія Свода законовъ; на его же мѣсто назначенъ Блудовъ, вмѣсто котораго министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ графъ Александръ Строгановъ.

Царскую фамилію занималъ важный вопросъ о бракосочетаніи великой княжны Маріи Николаевны, вышедшей замужъ за герцога Лейхтенбергскаго, племянника короля Баварскаго и сына Богарне. Свадьба была отпразднована со всѣмъ подобающимъ великолѣпіемъ.

Въ этомъ году состоялось освященіе памятника на Бородинскомъ полѣ, гдѣ пало столько жертвъ безумнаго честолюбія Наполеона; была отслужена торжественная панихида. 120 тысячъ войскъ присутствовало при этой церемоніи.

Въ Бородинѣ императоръ получилъ печальное извѣстіе о пожарахъ, бывшихъ въ разныхъ губерніяхъ, вслѣдствіе поджоговъ среди крестьянъ, которые распространяли слухъ, будто эти поджоги совершаются самими помѣщиками. Императрица очень больна. Добрый отецъ и супругъ и вся имперія были опечалены также болѣзнію наслѣдника цесаревича. Отправившись изъ Бородина въ Варшаву, императоръ заболѣлъ въ Могилевѣ лихорадкою, что̀ заставило его остановиться въ этомъ городѣ; только нѣсколько недѣль спустя онъ пріѣхалъ, ко всеобщему удовольствію, въ Царское Село, а затѣмъ около 7-го ноября перебрался въ Петербургъ.

Слишкомъ щедрая раздача орденовъ составляетъ явленіе по истинѣ прискорбное, которое уронитъ значеніе раздаваемыхъ наградъ. За послѣдніе три года ежегодно появлялось отъ 1.000 до 2.000 новыхъ кавалеровъ, хотя законъ старается пресѣчь это злоупотребленіе, воспрещая представлять къ наградѣ лицъ, прослужившихъ менѣе 15 лѣтъ. Чтобы не быть введеннымъ въ заблужденіе министрами, императоръ отсылалъ всѣ представленія въ совѣтъ министровъ. Даже былъ изданъ указъ, коимъ разрѣшалось представлять служащихъ къ наградамъ не ранѣе, какъ два года спустя по полученіи предъидущей награды; но этотъ же законъ давалъ поводъ къ злоупотребленіямъ, такъ какъ, по прошествіи этихъ двухъ лѣтъ, начальство считало себя уже въ правѣ дѣлать представленія о всякомъ.

Января 1-го. Нѣсколько человѣкъ пожалованы въ сенаторы.

Сдѣлаемъ бѣглый обзоръ главныхъ отраслей внутренняго управленія Имперіи въ истекшемъ году. Относительно продовольственныхъ мѣръ, министру внутреннихъ дѣлъ удалось достигнуть довольно боль-

шихъ успѣховъ; но при крѣпостномъ правѣ вопросъ о народномъ продовольствіи представляется довольно сомнительнымъ; въ этомъ отношеніи заслуживаетъ похвалы только одно удѣльное вѣдомство. Полиція, которая нынѣ лучше оплачивается, начинаетъ улучшаться, въ особенности въ столицахъ; корпусъ жандармовъ и тайная полиція также проявляютъ болѣе успѣшную дѣятельность.

Пути сообщенія улучшились съ устройствомъ шоссе, прорытіемъ каналовъ и постройкою пароходовъ.

Для народнаго просвѣщенія сдѣлано весьма много; основаны начальныя школы, семинаріи, гимназіи, университеты, разныя учебныя заведенія для дѣтей дворянъ обоего пола, для солдатскихъ дѣтей или кантонистовъ, въ которыхъ они воспитываются въ правительственномъ духѣ; но, присмотрѣвшись къ этимъ заведеніямъ внимательно и хладнокровно, нельзя не замѣтить, что

1) образованіе народа пошло впередъ слишкомъ быстрыми шагами и порождаетъ новыя идеи объ отношеніяхъ правителей къ управляемымъ;

2) Что въ кадетскихъ корпусахъ всѣхъ этихъ молодыхъ людей воспитываютъ скорѣе для фронта и военной выправки, нежели для занятія военными науками, что могло бы дать намъ со временемъ хорошихъ генераловъ;

3) Что либеральныя идеи начинаютъ замѣтнымъ образомъ распространяться, и это неудивительно, ибо цензура газетъ ослаблена и въ газетахъ печатаютъ парламентскія пренія, происходящія во всѣхъ странахъ;

4) Что кантонисты, получившіе тщательное воспитаніе, образуютъ въ государствѣ какъ бы особое сословіе; они получаютъ мѣста въ генеральномъ штабѣ и почти во всѣхъ министерствахъ. Эти люди, хорошо приспособленные ко всякаго рода работамъ, дали, разумѣется, изъ своей среды нѣсколько выдающихся личностей, свѣдущихъ въ математикѣ, архитектурномъ черченіи, межеваніи и т. д., но для того, чтобы не давать имъ большаго хода, опредѣлено, что они должны прослужить не менѣе 20 лѣтъ до полученія чина, дающаго право на званіе личнаго дворянина;

5) Что училище Правовѣдѣнія, находящееся подъ попечительствомъ принца Петра Ольденбургскаго, сына королевы Виртембергской, сестры императора Николая, дастъ цѣлое поколѣніе новыхъ законовѣдовъ. Эти молодые люди займутъ современемъ мѣста секретарей Сената. Первый выпускъ будетъ произведенъ въ нынѣшнемъ году: 14 человѣкъ будутъ распредѣлены въ различные департаменты. Тѣ, кои воспитывались на казенный счетъ, обязаны отслужить 6 лѣтъ въ Сенатѣ; остальные, учившіеся на свой счетъ—4 года. Я присутствовалъ на ихъ

выпускномъ экзаменѣ. Это дѣйствительно превосходное учебное заведеніе; молодые люди сдѣлали въ немъ очень большіе успѣхи;

6) Знаніе латинскаго и греческаго языка сдѣлалось неизбѣжно для успѣшнаго поступленія въ училище Правовѣдѣнія и университетъ.

Въ царствованіе императора Николая I, въ обѣихъ столицахъ и во всей Имперіи значительно пріумножились благотворительныя учрежденія, учреждены разнаго рода пріюты для больныхъ дѣтей, для дневнаго надзора за дѣтьми, коихъ родители заняты работою; глазная лѣчебница выстроена на деньги, выданныя казною заимообразно.

Вечеромъ былъ публичный маскарадъ въ Большомъ театрѣ, на которомъ присутствовали императоръ и великіе князья Александръ и Михаилъ, которые пробыли до 2—3 часовъ по полуночи.

Января 4-го. Графъ Панинъ вступилъ въ управленіе министерствомъ юстиціи на мѣсто Блудова; въ указѣ онъ названъ статсъ-секретаремъ; слѣдовательно, онъ не получилъ чина тайнаго совѣтника. Вещь небывалая. Императору видимо нравятся публичные маскарады, которые онъ посѣщаетъ аккуратно, забавляясь остроумными выходками дамъ.

Января 17-го. Говорятъ, будто императоръ предложилъ министру финансовъ Канкрину избрать себѣ помощника, въ виду его слабаго здоровья. Графъ назвалъ Бибикова, кіевскаго генералъ-губернатора, за которымъ посланъ нарочный съ приглашеніемъ прибыть въ Петербургъ, а графу разрѣшено ѣхать будущею весною лѣчиться за границу.

Января 22-го. Я былъ приглашенъ къ шведскому посланнику, барону Пальмштіерна и видѣлъ, до чего пренебрегаетъ своимъ туалетомъ дипломатическій корпусъ; даже англійскій посланникъ походилъ на лакея.

Февраля 1-го. Виленскій генералъ-губернаторъ, кн. Долгорукій, переведенъ въ Полтаву, а на его мѣсто назначенъ генералъ-лейтенантъ Мирковичъ, коего нѣмецкая партія считаетъ неспособнымъ занимать это мѣсто.

Февраля 9-го. Все заставляетъ предполагать, что наше единомысліе съ Англіей относительно египетскаго Судана вовлечетъ насъ въ войну и что Франція, со своей стороны, поддержитъ Магомета-Али.

Марта 15-го. Въ этомъ мѣсяцѣ произошла дуэль между сыномъ французскаго посланника, барономъ Барантомъ и лейбъ-гусаромъ Лермонтовымъ, которая не имѣла печальныхъ послѣдствій для обѣихъ сторонъ. Офицеръ поступилъ даже благородно, сдѣлавъ выстрѣлъ на воздухъ. Дуэль произошла изъ-за особъ прекраснаго пола.

Марта 17-го. Тайный совѣтникъ Вронченко назначенъ товарищемъ министра финансовъ. Это назначеніе, повидимому, навсегда за-

крыло доступъ въ министерство князю Любецкому, который желалъ получить мѣсто графа Канкрина.

Апрѣля 4-го. Я препроводилъ князю Александру Голицыну записку, касающуюся дѣлъ глазной лѣчебницы, съ просьбою довести до свѣдѣнія его величества, что это благотворительное учрежденіе надѣется, что его банковый долгъ, равняющійся 250.000 руб., будетъ сложенъ и что 185.000 руб., которые могутъ быть выручены отъ продажи дома, будутъ обращены въ пользу лѣчебницы; вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ его удѣлить мнѣ минутку свиданія. Онъ ничего не отвѣтилъ на мое письмо, и мнѣ не извѣстно, какая участь постигла мою записку.

Апрѣля 15-го. Я былъ съ визитомъ у князя Александра Голицына, который не сказалъ мнѣ ни слова о дѣлахъ лѣчебницы.

Апрѣля 30-го. Попечитель глазной лѣчебницы, князь Голицынъ, сообщилъ мнѣ оффиціально, что государь императоръ не счелъ возможнымъ сложить лежащихъ на ней 250.000 р. долга.

Мая 6-го. Дворъ переѣхалъ въ Царское Село. 9-го числа императоръ и императрица предполагаютъ отправиться за границу. Затѣмъ императоръ поѣдетъ въ Варшаву на маневры и возвратится въ Петербургъ въ первыхъ числахъ іюня.

Мая 17-го. Императоръ проводилъ императрицу до Варшавы, гдѣ получилъ тревожныя извѣстія о здоровьѣ своего тестя, короля прусскаго; отправился въ Берлинъ, а императрица для поддержанія своего разшатаннаго здоровья поѣхала на воды въ Эмсъ. Только по пріѣздѣ императора въ Берлинъ, появились первые бюллетени, возвѣщавшіе объ опасности, которая угрожала жизни короля. Послѣдній бюллетень отъ 6-го іюня нов. ст. весьма мало успокоителенъ.

Мая 31-го. Въ оффиціальной петербургской газетѣ появилось извѣстіе о кончинѣ его величества короля прусскаго и о томъ, что его императорское величество, прибывъ въ Берлинъ 26-го апрѣля въ 9 часовъ утра, засталъ своего тестя въ живыхъ, но онъ скончался въ тотъ же день въ 4 часа по полудни.

Іюня 10-го. Во всѣхъ газетахъ появилось объявленіе, что его императорское величество повелѣлъ отслужить въ лютеранской церкви заупокойную обѣдню и что лица, имѣющія пріѣздъ ко Двору, должны обязательно на ней присутствовать.

Я былъ тамъ вмѣстѣ съ прочими. Церковь была сверху до низу затянута чернымъ сукномъ; посреди церкви былъ воздвигнутъ катафалкъ, похожій на бѣлый мраморный, на немъ стоялъ золотой глазетовый гробъ, покрытый глазетовымъ покровомъ; ступени, ведшія къ гробу, были обтянуты краснымъ сукномъ. Говорятъ, будто эта церемонія обошлась въ 80.000 р. Полкъ покойнаго короля стоялъ за рѣ-

шеткой; по окончаніи заупокойной службы было сдѣлано три залпа изъ ружей, какъ для шефа полка.

Іюня 16-го. Императоръ возвратился изъ Эмса. Говорятъ, будто онъ узналъ за границей о бѣдственномъ положеніи нѣкоторыхъ центральныхъ губерній, которыя страдаютъ отъ недостатка продовольствія и дороговизны съѣстныхъ продуктовъ, такъ какъ за четверть ржи платятъ до 50 коп. Поэтому, тотчасъ послѣ его отъѣзда, каравану ржи, шедшему въ Петербургъ, было приказано идти въ Москву; также велѣно было выписать рожь изъ-за границы.

Іюль. Наслѣдникъ цесаревичъ возвратился въ Петербургъ и высадился съ парохода въ Петергофѣ.

Іюля 15-го. Мнѣ передавали, будто императоръ охотно принимаетъ участіе въ церковномъ пѣніи на «Собственной дачѣ», смежной съ Сергіевомъ, гдѣ онъ живетъ у своей дочери, герцогини Лейхтенбергской Маріи Николаевны. За обѣдней не бываетъ никого посторонняго помимо князя Алекс. Голицына и г-жи Потемкиной. Великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ приходится пѣть вмѣстѣ съ своими двумя фрейлинами и своими сестрами.

Августа 27-го. Была сильная гроза, которая началась въ 8 часовъ и продолжалась часъ, что бываетъ довольно рѣдко въ Петербургѣ въ это время года. Молнія ударила въ колокольню Инженернаго замка.

Сентября 3-го. Четвертаго числа ожидаютъ въ Царское Село императора и императрицу. Въ Петербургѣ готовится блестящая иллюминація для будущей супруги наслѣдника цесаревича. Иллюминаціи министерства иностранныхъ дѣлъ, финансовъ и Главнаго штаба обойдутся 36.000 р., по 12.000 на министерство.

Сегодня появился церемоніалъ встрѣчи невѣсты наслѣдника цесаревича, принцессы Маріи Дармштадтской. Статсъ-дамы, фрейлины, камергеры и камеръ-юнкеры должны отправиться за 10 верстъ отъ столицы и ожидать тамъ прибытія императрицы съ невѣстою, откуда поѣздъ двинется торжественно въ столицу. Купечество съ ихъ женами приглашено во дворецъ; для него предназначается Бѣлая зала. Государственный Совѣтъ и Сенатъ должны были собраться въ церковь, а затѣмъ перейти въ Концертное зало. Отличіе, оказанное купечеству, весьма умѣстно.

Сентября 8-го. День въѣзда въ Петербургъ принцессы Гессенъ-Дармштадтской, невѣсты его императорскаго высочества наслѣдника цесаревича. По пути слѣдованія кортежа до дворца раздавались выстрѣлы изъ орудій, громкое «ура!» толпы и звонъ колоколовъ. Мы простояли во дворцѣ съ 11 часовъ до 4-хъ. Духовенство вышло навстрѣчу въ самой церкви.

Городъ былъ прекрасно иллюминованъ; особенно хорошо былъ

иллюминованъ циркъ передъ дворцомъ, который производилъ волшебное впечатлѣніе.

Сентября 9-го. Дворъ и принцесса Дармштадтская были въ Большомъ театрѣ. Вечеромъ была иллюминація и сильная гроза, что̀ весьма удивительно. Появился указъ объ упраздненіи Литовскаго статута въ западныхъ губерніяхъ: Кіевской, Подольской, Волынской, Минской, Гродненской, Бѣлостокской и о введеніи вмѣсто него русскихъ законовъ.

Французскія газеты, издаваемыя въ Петербургѣ, соблюдаютъ глубокое молчаніе о политическихъ дѣлахъ въ такую минуту, когда всѣ находятся насторожѐ и въ ожиданіи событій.

Сентября 17-го—20-го. Въ Петербургѣ происходили военные маневры, въ которыхъ участвовалъ весь петербургскій гарнизонъ. Надобно было взять крѣпость съ суши и со стороны рѣки. Она переходила нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки. Маневры начались 17-го поздно вечеромъ и продолжались до 20-го и закончились въ Царскомъ Селѣ ужиномъ, баломъ и спектаклемъ, на который были приглашены главнѣйшіе генералы [1]).

1841 годъ.

Уже 1839 г. былъ богатъ выдающимися событіями, но 1840 г. превзошелъ его въ этомъ отношеніи. Кто могъ думать, что Франція, такъ тѣсно связанная съ Англіей, будетъ готова начать съ этой державою войну, желая оказать поддержку египетскому пашѣ. Колебанія тюльерійскаго кабинета въ восточномъ вопросѣ побудили лондонскій начать переговоры съ великими державами: Россіей, Австріей и Пруссіей. Всѣ присоединились къ предложеніямъ лондонскаго кабинета, и 3-го (15-го) іюля четырьмя державами было подписано соглашеніе; Франція осталась въ восточномъ вопросѣ одинока.

До полученія ратификаціи этого договора въ Лондонѣ, тюльерійскій кабинетъ пустилъ въ ходъ всевозможныя средства для того, чтобы отговорить отъ этого вѣнскій кабинетъ. Но всѣ его попытки были тщетны, такъ какъ и самъ султанъ поспѣшилъ присоединиться къ рѣшенію четырехъ державъ. Такъ какъ египетскому пашѣ былъ данъ двадцатидневный срокъ для выполненія постановленій подписаннаго державами договора, коимъ онъ обязывался, между прочимъ, возвра-

[1]) Этими числами заканчивается дневникъ 1840 года.

тить султану флотъ и очистить сѣверную часть Сиріи, съ оговоркою, что въ противномъ случаѣ державы понудятъ его къ этому, то когда положенный срокъ истекъ, ихъ флоты атаковали и бомбардировали Байрейтъ. Французское министерство не пришло на помощь пашѣ, но приняло мѣры къ укрѣпленію Парижа и вооруженію Франціи и всѣхъ крѣпостей, какъ будто четыре державы предполагали воевать съ Франціей.

Между тѣмъ принцъ Людовикъ-Бонапартъ, сынъ знаменитой Гортензіи, явился съ 14 или 15 сумасбродными приверженцами въ Булонь и распространилъ тамъ прокламаціи, заявляя о своихъ правахъ на престолъ своего дяди, императора Наполеона. Принцъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ графомъ Монтолономъ и другими лицами, которые были приговорены къ заключенію въ крѣпостяхъ на 20, 15 и 10 лѣтъ; а принцъ Людовикъ-Наполеонъ былъ осужденъ на пожизненное заключеніе.

Въ виду тревожнаго положенія дѣлъ, Франція и Англія поспѣшно вооружались. Англичане, со своей стороны, опасались, чтобы французы не предприняли непріязненныхъ дѣйствій противъ острова Кандіи, одного изъ Болеарскихъ острововъ и острова Джерси. Обѣ державы опасались, повидимому, чтобы Россія не употребила въ дѣйствіе свой флотъ въ восточномъ вопросѣ. Съ другой стороны, эти державы зорко слѣдили за тѣмъ, что происходило въ Испаніи, откуда былъ изгнанъ Донъ-Карлосъ и его сторонники, число коихъ, вмѣстѣ съ корпусомъ послѣдняго защитника этого принца, Кабреры, доходило до 20 тысячъ человѣкъ; послѣ чего герцогъ Витторіо Эспаретто рѣшилъ свергнуть власть королевы Христины, примкнувъ къ революціонной джунтѣ; королева благоразумно отказалась отъ регентства и удалилась въ Неаполь.

Въ Португаліи также были волненія; эта страна хочетъ, повидимому, подражать Испаніи въ стремленіи ниспровергнуть монархическую власть. Англійское министерство старается сдержать эти проявленія революціоннаго духа. Полагаютъ, что Англія хочетъ воспользоваться Португаліей и Испаніей для того, чтобы угрожать Франціи нападеніемъ со стороны Пиреней.

Италія также была взволнована происками карбонаріевъ, но они сдерживались стараніями Австріи. Такъ какъ Папская область, въ особенности приморская ея часть, могла подвергнуться нападенію французовъ, то Анкона была поспѣшно укрѣплена. По случаю столкновенія, происшедшаго между Франціей и Англіей, король неаполитанскій очутился въ крайне затруднительномъ положеніи.

Австрія играла въ истекшемъ году видную роль. Ея маленькій флотъ дѣйствовалъ успѣшно вмѣстѣ съ англійскими судами у береговъ Си-

ріи, во время бомбардированія Байрейта; англичане приписываютъ даже вѣнскому кабинету не только мысль о союзѣ четырехъ державъ, который оставилъ Францію одинокой, но и осуществленіе этой мысли. Ея сухопутныя силы угрожаютъ Франціи, а пребываніе герцога Бордосскаго, законнаго претендента на французскій престолъ, во владѣніяхъ императора австрійскаго является угрозою въ глазахъ приверженцевъ Орлеанскаго дома, который овладѣлъ французскимъ престоломъ вопреки всѣмъ законамъ, существовавшимъ до этого времени во Франціи.

Помимо недоразумѣній съ Франціей, у Англіи были таковыя же въ Индіи, Китаѣ, Канадѣ, и довольно значительное войско было послано въ Кантонъ.

Въ дѣлахъ внутреннихъ Англіи создалъ не мало тревогъ Одонелль, который склонялъ своихъ ирландскихъ соотечественниковъ отдѣлиться отъ Англіи, учредить свой собственный парламентъ и управляться своими собственными средствами. Другіе неуравновѣшенные умы стараются ниспровергнуть аристократію.

Между Голландіей и Бельгіей происходили довольно большія недоразумѣнія по поводу Люксенбурга и кое-какихъ денежныхъ претензій, которыя были рѣшены при вмѣшательствѣ великихъ державъ. Люксенбургъ былъ присоединенъ къ Голландіи или Нидерландамъ.

Король голландскій отказался отъ престола, на который вступилъ его сынъ, принцъ Оранскій, подъ именемъ Вильгельма IV.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ скончался король прусскій; его сынъ Фридрихъ IV, вступивъ на престолъ, не произвелъ никакихъ перемѣнъ въ управленіи. Послѣ коронаціи, происходившей въ Кёнигсбергѣ, было роздано множество наградъ.

Въ Даніи также скончался король, престолъ перешелъ къ его сыну, Христіану VII.

Баварскій дворъ породнился съ петербургскимъ вслѣдствіе брака великой княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ; но мать герцога не посѣтила Петербургъ, и великая княжна поѣхала въ Баварію. Говорятъ, будто ея упорный отказъ пріѣхать въ Петербургъ былъ вызванъ религіозными соображеніями: она ярая католичка и подчиняется вліянію духовенства. Русскій дворянинъ и богачъ, Анатолій Демидовъ, женившись на дочери бывшаго короля испанскаго, Іосифа Бонапарта, породнился съ баварскимъ, виртембергскимъ и русскимъ дворами.

Во внутреннемъ управленіи Россіи не произошло никакихъ перемѣнъ. Всѣ министры остались на своихъ постахъ. Министръ финансовъ графъ Канкринъ возвратился въ Петербургъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отсутствія. Наши финансы находятся въ довольно плохомъ состояніи; введеніе ассигнацій и депозитовъ вызвало всеобщее безпо-

койство. Съ другой стороны, дѣла внѣшней политики и въ особенности Египта потребовали довольно большихъ расходовъ на вооруженіе.

Министръ юстиціи, графъ Панинъ, также уѣзжалъ на нѣкоторое время и въ его отсутствіе министерствомъ управлялъ Лонгиновъ. Въ польскихъ губерніяхъ отмѣненъ Литовскій статутъ; но онъ будетъ еще дѣйствовать въ Малороссіи; это нехорошо, но говорятъ, что это сдѣлано для того, чтобы не приравнять Малороссію къ польскимъ губерніямъ. Предполагаютъ ввести нѣкоторыя статьи Литовскаго статута въ русскій сводъ законовъ.

Министръ народнаго просвѣщенія, Уваровъ, внесъ большой порядокъ въ управленіе своего министерства; но, кажется, онъ слишкомъ спѣшитъ просвѣтить народъ. Впрочемъ, я не осуждаю за это Уварова; быть можетъ, онъ также сознаетъ грозящую опасность, но вынужденъ уступить волѣ монарха.

Статсъ-секретаремъ у принятія прошеній, вмѣсто Лонгинова, назначенъ князь Голицынъ, служившій ранѣе въ канцеляріи его величества.

При дворѣ играли роль тѣ же лица, какъ и прежде: графъ Бенкендорфъ, князь Меншиковъ, графъ Клейнмихель, князь Волконскій, графъ Киселевъ, графъ Алексѣй Орловъ, который будетъ назначенъ главнокомандующимъ войскъ, въ случаѣ, если Россія поддержитъ султана противъ Али-паши.

Министръ путей сообщенія, графъ Толь, разбитъ параличемъ и утратилъ все свое вліяніе.

Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Строгановъ не выказалъ особенной прозорливости во время неурожая, постигшаго нѣкоторыя губерніи.

Министръ юстиціи графъ Панинъ былъ менѣе щедръ на разныя предложенія, нежели прежде. Носится слухъ, будто его хотятъ удалить, назначивъ куда-нибудь посланникомъ.

Января 3-го. Балъ у министра финансовъ графа Канкрина, на которомъ впервые не присутствовалъ дворъ.

Вслѣдствіе нездоровья императрицы и высоконареченной невѣсты наслѣдника цесаревича отложенъ придворный маскарадъ, на которомъ долженъ былъ фигурировать посланникъ съ луны, сопровождаемый зефирами и другими миѳологическими лицами. Этого посланника долженъ былъ изображать Рибопьеръ. Болѣе двадцати генераловъ должны были появиться въ формѣ временъ императора Павла всѣхъ родовъ оружія, т. е. пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи.

Января 8-го. Сегодня мнѣ минуло 75 лѣтъ. Сколькихъ событій и сколькихъ перемѣнъ при дворѣ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ въ продолженіе моей 53-хъ-лѣтней службы!

Января 12-го. Князь Голицынъ, попечитель глазной лѣчебницы, сообщилъ мнѣ, что высочайшимъ повелѣніемъ разрѣшено комитету разыграть старый домъ лѣчебницы въ лотерею, выпустивъ 6.000 билетовъ по 10 рублей каждый. Это высочайшее повелѣніе написано въ такомъ духѣ, что я питаю надежду, что вся сумма, вырученная отъ лотереи, будетъ отдана въ пользу лѣчебницы, и что съ нея будетъ сложенъ долгъ казнѣ.

Января 16-го. Я ѣздилъ благодарить графа Строганова, министра внутреннихъ дѣлъ, за его содѣйствіе въ устройствѣ лотереи въ пользу глазной лѣчебницы. Мы говорили объ увеличеніи дѣлопроизводства во всѣхъ вѣдомствахъ. Я привелъ въ примѣръ, между прочимъ, министерство иностранныхъ дѣлъ. Въ царствованіе Екатерины, число дѣлъ доходило въ немъ всего до 600 нумеровъ, теперь же ихъ бываетъ 12.000. Говоря о современной политикѣ, графъ Строгановъ высказалъ, что въ настоящее время много болтовни, но мало сути; что въ прежнее время было меньше фразъ, но за то высказывалось болѣе здравыхъ и полезныхъ мыслей; что въ его министерствѣ рѣдко случаются доклады, заслуживающіе быть прочитанными, а между тѣмъ время у него такъ занято, что ему приходится выбирать день для того, чтобы навѣстить отца.

— Графъ Нессельроде, министръ иностранныхъ дѣлъ, — сказалъ онъ,—имѣетъ время бывать въ обществѣ и пользоваться жизнью.

Мы говорили также о министрѣ юстиціи, котораго я очень хвалилъ, хотя замѣтилъ, что онъ очень зависитъ отъ своихъ секретарей.

Императрица все еще недомогаетъ; повидимому, при дворѣ не будетъ маскарадовъ; но кажется, хотятъ дать оперу, въ которой приметъ участіе Росси (бывшая пѣвица).

Февраль. Весь этотъ мѣсяцъ при дворѣ были въ большомъ волненіи. Во-первыхъ, по поводу нездоровья императрицы и великой княгини Маріи Александровны, невѣсты наслѣдника цесаревича. Съ другой стороны, великая княгиня Марія Николаевна ожидаетъ маленькаго и поэтому осталась за границей. Все это вмѣстѣ взятое очень встревожило императора. Плохое состояніе нашихъ финансовъ еще болѣе увеличивало его дурное расположеніе духа. Его величество сдѣлалъ такой строгій выговоръ министру финансовъ Канкрину, что тотъ заболѣлъ. Говорятъ, что вслѣдствіе происшедшаго между ними горячаго объясненія пріостановлены всѣ постройки.

Марта 13-го. По телеграфу получено изъ Варшавы прискорбное извѣстіе о томъ, что въ Берлинѣ народъ остановилъ короля на улицѣ, требуя конституціи. Это извѣстіе весьма опечалило императора.

Марта 22-го. Похороны царицы имеретинской совершились такъ же торжественно, какъ погребеніе грузинской царицы. Получивъ повѣстку,

я поѣхалъ въ Александро-Невскую лавру и былъ единственнымъ изъ сенаторовъ на похоронахъ. Я видѣлъ въ церкви министра внутреннихъ дѣлъ графа Строганова, на котораго былъ возложенъ весь церемоніалъ. Онъ говорилъ мнѣ, что императоръ сопровождалъ тѣло до Знаменской церкви, а покойная царица жила на Литейной.

Марта 31-го. Я былъ, по обыкновенію, на второй день Пасхи съ визитомъ у графа Нессельроде. Онъ принялъ меня со своей обычной любезностью. Мы говорили о поведеніи посланника въ Вѣнѣ, Татищева. Я сказалъ, что на его мѣсто есть три кандидата: 1) Рибопьеръ; 2) Воронцовъ-Дашковъ и 3) и его зять Гурьевъ изъ Неаполя.

— Первый,—сказалъ я,—повредилъ себѣ въ Берлинѣ и врядъ-ли будетъ назначенъ; императору остается сдѣлать выборъ между двумя послѣдними.

Нессельроде замѣтилъ на это, что его зять не богатъ; но если къ его личнымъ средствамъ прибавить 100 т. р. жалованья, то онъ можетъ жить подобающимъ образомъ. Надѣюсь, что никто не станетъ подражать князю Разумовскому, который построилъ въ Вѣнѣ цѣлый кварталъ.

Апрѣля 9-го. Обнародованъ церемоніалъ бракосочетанія наслѣдника цесаревича, почти тожественный съ церемоніаломъ, который соблюдался при свадьбѣ герцога Лейхтенбергскаго съ великой княгиней Маріей Николаевной; увеличено только число пушечныхъ выстрѣловъ. Бракосочетаніе состоится 16-го числа.

Апрѣля 16-го. Военный министръ графъ Чернышевъ получилъ княжескій титулъ.

Апрѣля 28-го. Балъ у наслѣдника цесаревича, на который съѣхалось до 300 особъ. Залы дворца были переполнены военными и свитскими.

Апрѣля 29-го. Большой парадъ, удостоившійся одобренія его величества.

Апрѣля 30-го. Публичный маскарадъ, коимъ закончились празднества въ Петербургѣ.

Мая 4-го. Императоръ уѣхалъ въ Москву. Великій князь съ супругою выѣхали туда же 7-го числа. Тверское дворянство дало имъ балъ.

Мая 19-го. На минеральныхъ водахъ, на дачѣ Строганова была разыграна лотерея въ пользу глазной лѣчебницы. На розыгрышѣ присутствовало свыше 1.000 человѣкъ, въ томъ числѣ генералъ-губернаторъ графъ Эссенъ и оберъ-полицеймейстеръ Кокошкинъ.

Мая 24-го. Я былъ у министра финансовъ графа Канкрина, чтобы поговорить съ нимъ о дѣлахъ комитета. Я просилъ сложить по крайней мѣрѣ банковый долгъ, когда будетъ уплачено 60 т. р. Онъ сказалъ

мнѣ, что затруднительное положеніе финансовъ не позволяетъ ему ходатайствовать объ этомъ въ настоящемъ году.

— Сколько же вы должны еще?—спросилъ онъ.

— Пятьдесятъ тысячъ рублей ассигнаціями,—отвѣчалъ я;—при томъ я прошу ваше сіятельство разрѣшить мнѣ напомнить вамъ объ этомъ послѣ вашего возвращенія.

Онъ замолчалъ и какъ бы безмолвно согласился на мою просьбу. Я сказалъ ему между прочимъ, что мнѣ извѣстны всѣ происки, которые дѣлаются противъ него при дворѣ, но что безпристрастные люди отдаютъ ему должное за все сдѣланное имъ на пользу отечества.

На этомъ обрывается дневникъ Дивова, скончавшагося въ 1841 г

О наблюденіи типографіями цензурныхъ узаконеній.

Циркулярное отношеніе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея гражданскимъ губернаторамъ.

13-го февраля 1822 г.

Г. министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія увѣдомилъ меня, что, по случаю несоблюденія цензурныхъ узаконеній типографщиками и издателями, признаетъ онъ необходимо нужнымъ сдѣлать повсемѣстно подтвержденіе о слѣдующемъ:

1. Чтобы къ цензурному просмотрѣнію не представлялись книги никакого рода, ни даже періодическія изданія, уже печатныя, но всегда рукописи, исключая токмо книгъ, печатаемыхъ новымъ тисненіемъ.

2. Чтобы типографіи не приступали ни подъ какимъ видомъ къ набору и тисненію рукописей или и печатныхъ книгъ, ни даже періодическихъ изданій, какъ-то: журналовъ или газетъ, безъ точнаго на нихъ одобренія цензуры.

3. Чтобы мѣста, не дозволенныя цензурою къ напечатанію, отнюдь не были замѣняемы точками, обнаруживающими въ книгѣ то, что цензурою не было пропущено.

Всѣ сіи предположенія г. министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія доводилъ до свѣдѣнія государя императора и получилъ на то высочайшее его величества утвержденіе.

По сему уваженію и въ слѣдствіе отношенія ко мнѣ князя Александра Николаевича Голицына, я вмѣняю себѣ въ обязанность просить васъ, милостивый государь мой, о подтвержденіи кому слѣдуетъ во ввѣренной вамъ губерніи, чтобы означенныя правила были точно и непремѣнно наблюдаемы, подъ опасеніемъ отвѣтственности въ случаѣ нарушенія оныхъ.

Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи [1]).

Въ Іерусалимѣ.

48.

25-го сентября. Пустыня Іорданская мон. Іоанна Предтечи.

Слава Богу, послѣ 22 лѣтъ моего обѣта быть на Іорданѣ, я прибыла на грани моей земной жизни въ землю обѣтованную и черезъ 22 года и 8 мѣсяцевъ долгаго страдальческаго для меня времени, вчера, 24-го, поклонилась, на пути къ Іордану, горѣ Новавъ (небо), откуда Господь показалъ Моисею всѣ концы земли обѣтованной. Эта гора господствуетъ среди высокихъ горъ хребта горъ Аравійскихъ, которыя находятся противъ бывшаго въ древности славнаго города Іерихона, который Господь нашъ Іисусъ Христосъ часто посѣщалъ, освѣщая путь свой дѣлами божественнаго всемогущества и милосердія. Здѣсь онъ даровалъ зрѣніе слѣпому, здѣсь утѣшалъ мытаря по имени Закхея. Мѣста эти теперь въ запустѣніи; отъ прежняго города не осталось ничего. Іерихонъ, подобно маленькой деревнѣ (или селенію), населенъ арабами, около селенія вытекаетъ изъ горъ источникъ близъ нынѣшней деревни или селенія, гдѣ сооружена греками церковь во имя пророка Елисѣя. Здѣсь попеченіями великихъ князей Сергѣя и Павла Александровичей построенъ русскій страннопріимный домъ, для поклонниковъ нашихъ, гдѣ они получаютъ ночлегъ на пути слѣдованія на Іорданъ и обратно. Отъ Іерихона Іорданъ находится въ двухъ часахъ пути, дорога тутъ идетъ по самой дикой и неровной пустынѣ; близъ Іордана

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1902 г.

всюду наносы песку, которые образовались при разливѣ рѣки и Мертваго моря; тутъ же и груды соли и мусора, смѣшавшихся съ пескомъ. Вотъ тутъ-то и монастырь святаго Іоанна Крестителя на обнаженномъ холмѣ, противъ того мѣста рѣки Іордана, гдѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ принялъ крещеніе отъ Іоанна. Древній монастырь нынѣ вполнѣ разрушенъ. Онъ былъ сооруженъ царицей Еленой, въ недавнемъ времени возобновленъ стараніями и средствами патріарха Никодима, тому лѣтъ 15 не болѣе, а древній монастырь (находился) на землѣ бедуиновъ. Завтра надѣюсь въ день Іоанна Богослова имѣть счастіе быть при освященіи воды на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ крестился, и погрузиться съ моими больными ногами въ тѣ самыя святыя струи, гдѣ совершилось все, въ началѣ нашего спасенія.

Не безъ основанія полагаютъ, что и израильтяне, предводимые Іисусомъ Навиномъ, перешли здѣсь черезъ Іорданъ. Сюда относятся древнія великія событія, при которыхъ Іорданъ открывалъ дно свое для того, чтобъ прошли люди, яко по суху. Здѣсь же и святая Марія Египетская прошла по водамъ къ отцу Зосимѣ, для принятія тѣла и крови Спасителя, и затѣмъ перешла обратно въ свою пустыню. Одинъ археологъ грекъ началъ дѣлать скудными средствами монастыря раскопки; многое свидѣтельствуетъ теперь, что это то самое мѣсто, гдѣ было крещеніе Господа.

49.

26-го сентября. День св. Іоанна Богослова.

Сейчасъ съ Іордана. Богъ сподобилъ меня читать паремію и апостола во время освященія воды и прочитать всѣ молитвы и тропари и во время погруженія креста въ струяхъ Іорданскихъ, старческимъ голосомъ пропѣть трижды: «во Іорданѣ крещающуся тебѣ Господи» и проч. Изъ пустыньки іорданской, гдѣ жилъ Іоаннъ Креститель, принесли древнюю икону Богоявленія. Игуменъ Пахомій меня оною благословилъ, что конечно меня много утѣшило. Послѣ водоосвященія игуменъ окропилъ насъ, затѣмъ всѣ мужчины пошли въ даль, мы же трое остались погрузиться въ св. струи Іордана. Купальную монатейную, новую свитку сохраню до принятія схимы или до смерти. То, что я чувствовала, входя въ воду, не могу описать, и я, опускаясь бережно въ мѣстѣ, гдѣ еще никто не погружался, трижды пропѣла: «во Іорданѣ» и проч. Затѣмъ поспѣшно вышла на берегъ; такъ какъ ноги мои больныя и слабыя скользили по тинѣ и песку, то боялась, какъ бы не упасть, и держалась за натянутую веревку.

27-го числа вечеръ. Утромъ мы поѣхали на старый Іорданъ по дорожкамъ, проведеннымъ между кустарниками божьяго дерева въ близости рѣки. Іорданъ окруженъ густыми, но не высокими ивами, берега крутые, теченіе рѣки быстрое, и не вездѣ можно купаться, иначе смѣльчаки уносятся потокомъ, что̀ и бываетъ неоднократно. На крутыхъ берегахъ, даже на обрывистыхъ ростетъ тростникъ или камышъ, одѣтый зеленой пеленой плюща и леандра, но теперь леандры не цвѣтутъ; плющъ крупный, и эти тростники величиной въ 6, 7 аршинъ. Берега Іордана очень живописны, рѣка Богоявленія стремится быстро голубою лентою къ Мертвому морю, волны котораго орошаютъ ноги паломниковъ, ищущихъ камушки, которые отбрасываетъ море изъ пучины своей. На берегахъ все чисто, выбрасывается соль и мѣстами колючій мохъ. Вода нестерпимо солена и горька, рыбы въ томъ морѣ нѣтъ никакой и если зайдетъ какая изъ Іордана, то она умираетъ и откидывается волнами на берегъ; мѣсто дикое, все вокругъ его мертво. На берегу стоитъ деревянная палатка (баракъ), а на водѣ нѣчто въ родѣ баркаса, на которомъ путешествуютъ бедуины окрестныхъ селеній, но мы никого не видали. Кучеръ нашъ еврей отпрегъ лошадей, выкупалъ ихъ, но пить имъ конечно не давалъ. Сестра Ольга разувшись стала собирать для меня камушки, и ноги ея обдавались жгучими и горячими солеными волнами. На разстояніи двухъ-трехъ верстъ не болѣе пріѣхали въ монастырь преп. Герасима, великій подвигъ котораго извѣстенъ намъ. Братіи тутъ только 15 человѣкъ. Насъ встрѣчали, какъ и въ монастырѣ св. Іоанна Крестителя, со звономъ по мѣстному обычаю. Въ двухъ верстахъ виднѣется гора, жилище львовъ, гуляющихъ по ночамъ въ окрестностяхъ, и даже тому два дня левъ величиною съ осла приходилъ къ монастырю св. Герасима и собаки лаемъ своимъ отогнали его далеко. Съ террасы одинъ монахъ швырнулъ въ него камнемъ, онъ испугался и бѣжалъ. Мой проводникъ негръ вооруженъ на случай револьверомъ, такъ какъ иногда бываютъ нападенія бедуиновъ. Новый монастырь сооруженъ тому 30 лѣтъ патріархомъ Іероѳеемъ, а древній разрушенъ уже давно. Мощи преп. Герасима частію въ Іерусалимѣ въ церкви Гроба Господня, а на мѣстѣ, гдѣ былъ погребенъ, не осталось никакого слѣда. Чудотворная икона Богоявленія въ патріархіи, а монастырь основанъ былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, Богородица съ Іисусомъ Христомъ, съ Іосифомъ и Іаковомъ братомъ Божіимъ, имѣли ночлегъ и отдохновеніе во время бѣгства ея въ Египетъ.

50.

28-го сентября, вечеръ.

Ужасная жара меня положительно истомила, солнце пекло до захода, теперь посвѣжѣе. Всѣ ночи здѣсь молятся, а весь день игуменъ съ

братіей въ трудахъ, на своихъ плечахъ носятъ хворостъ съ пустыни Іорданской. Вокругъ монастыря пр. Герасима почва не плодородная, и мѣстность во всѣхъ отношеніяхъ дикая.

50.

30-го сентября. Іерусалимъ.

Вчера я пріѣхала изъ Іорданской пустыни. Іерусалимъ отъ Іордана въ 70-ти верстахъ; убійственный воздухъ Мертваго моря повліялъ на меня своею сухостію и адскою жарою. Кромѣ того я 6 дней ничего не ѣла, молоко скверное и чѣмъ-то пахнетъ. Въ Виѳанію не завернула, экипажъ хотя крытый, запряженный тройкой хорошихъ лошадей, но утомилъ меня сильно. Въ 4 часа дня были мы у Яффскихъ воротъ, и пришлось идти пѣшкомъ, что меня еще болѣе утомило.

52.

17-го октября, Іерусалимъ.

Вчера была у обѣдни въ арабской церкви, гдѣ, по случаю накопившихся поклонниковъ, пѣли по-русски. Ко всеночной ходила на русскую постройку и до начала службы исповѣдовалась у благодѣтеля моего старца игумена Веніамина. Молюсь за него; тому три дня, думала, что онъ умретъ, но молитвы сонма людей, за него постоянно молящихся, возвратили его къ жизни. Ему 80 лѣтъ, страдаетъ катарромъ легкихъ, два дня никого не принималъ, пріобщился Св. Таинъ, передалъ свою духовную библіотеку въ Палестинское общество, передалъ оному и домъ, имъ купленный тому 5 лѣтъ, который стоитъ до 40.000, и въ которомъ живутъ безплатно бѣдныя поклонницы изъ русскихъ. Онъ завѣщалъ, чтобы Палестинское общество не требовало никогда отъ нихъ платы и такимъ же образомъ въ будущемъ призрѣвали бѣдныхъ. Видя холодность и недружелюбіе къ нему архимандрита Рафаила, завидующаго ему за любовь и уваженіе, которое онъ пріобрѣлъ въ Іерусалимѣ въ теченіе 40 лѣтней его жизни, Веніаминъ поручилъ Палестинскому обществу заняться его погребеніемъ. Мнѣ Богъ помогъ написать ему икону Спасителя съ тѣмъ, что она будетъ помѣщена на памятникѣ на его могилѣ на Сіонѣ.

53.

18-го октября.

Сегодня годовщина памятнаго для меня дня. Сегодня вѣчеромъ въ эти самые часы въ 1874 году была я въ Москвѣ въ окружномъ судѣ;

кончилось мое дѣло, и злобою людскою была я невинно осуждена сонмомъ безграмотныхъ присяжныхъ засѣдателей, въ числѣ которыхъ былъ раскольникъ секты перекрещенцевъ, имѣющій противъ меня сильную злобу за открытіе тайной молельни въ 1866 году въ Серпуховѣ. Восемь лѣтъ послѣ того, врагъ отомстилъ мнѣ. Творецъ всесильный далъ ему право издѣваться надо мной, но души моей касаться не дозволилъ, а потому силою Божіею минуты осужденія были для меня счастливѣйшими минутами моей жизни. Писавши мой іерусалимскій дневникъ, обращаю къ тебѣ и мои задушевныя воспоминанія о ночи съ 18-го на 19-е октября.

Наши настоящія дружескія отношенія влекутъ меня, чтобы открыть и тебѣ то, чѣмъ переполнена была душа моя въ то время и чѣмъ она наполнена теперь, въ настоящія минуты, во время моего житья въ св. градѣ Іерусалимѣ.

Судъ начался 5-го октября, я, при появленіи моемъ въ оный, была удивлена перемѣной по закону назначенныхъ присяжныхъ засѣдателей для моего дѣла. Возраженій я не сдѣлала, во-первыхъ, не зная правъ моихъ для отвода незаконно и тайно отъ меня назначенныхъ судомъ, а во-вторыхъ, все и вся предоставляя Богу, я эту перемѣну приняла какъ бы исходящую отъ Него.

Благодаря вниманію предсѣдателя, мнѣ было приготовлено покойное бархатное кресло, и на скамью подсудимыхъ меня не взвели. 14 дней я находилась на травлѣ и глядѣла на судей и присяжныхъ, какъ на палачей, а не какъ на людей, правду по закону рѣшающихъ. Измученная нравственною пыткою въ присутствіи гласнаго суда, гдѣ тысячи глазъ были обращены на меня убогую, разукрашенную высочайшими наградами, 14 долгихъ дней я ждала рѣшенія присяжныхъ, т. е. моей участи, и вотъ, наконецъ, въ 3 часа ночи на 19-е число все было кончено. Слово мое присяжнымъ было сказано отъ души, изложено искренно, въ немъ было между прочимъ первое: что Господь подкрѣпитъ меня перенести тѣ пытки, которыя я перенесла на судѣ; что мою твердость отношу особенной милости Божіей, что меня грѣшную много укрѣпляла постоянная мысль, что если Самъ Страдалецъ Іисусъ былъ приведенъ на судъ Пилата, то какъ же мнѣ паче всѣхъ худѣйшей не испытать тѣхъ страданій, къ которымъ я осуждена; второе, что меня подкрѣпляетъ тотъ обѣтъ, который я дала передъ Крестомъ и Евангеліемъ во время моего постриженія, переносить безъ ропота всякій позоръ. Вотъ тѣ мысли и тѣ чувства, съ которыми я встрѣтила рѣшающій мою участь приговоръ людей, а не Бога. Я была укрѣплена тѣмъ чувствомъ, что я опозорена за мою безграничную любовь къ ввѣреннымъ мнѣ сестрамъ Владычнаго монастыря, къ бѣднымъ больнымъ, къ сиротамъ, призрѣваемымъ и ко всему страждущему человѣчеству,

которому я служила, по истинѣ сказать, день и ночь. Все вышесказанное возбуждало мои нравственныя силы, любовь къ монашеству, мои внутреннія задушевныя убѣжденія, тягость, которую я ощущала постоянно отъ моего высокаго положенія. Людской приговоръ я выслушала по совѣсти спокойно, точно будто рѣчь шла даже вовсе не обо мнѣ; мнѣ казалось, что я не осуждена, но награждена судомъ Божіимъ, отнявшимъ отъ меня тяжесть, гнетущую меня по земному высокому положенію. Въ минуты обвиненія я почувствовала какую-то внутреннюю радость, вспомнивъ слова моего незабвеннаго старца и учителя въ Бозѣ почившаго митрополита Филарета: «Вы несете безвинно скорбь, а въ словѣ безвинно большое утѣшеніе противъ скорби». Я возвратилась къ той монашеской жизни, для прохожденія которой я оставила міръ, все мое богатство въ тѣ минуты превратилось въ нищету, и съ того времени я счастлива вполнѣ и это счастіе не оставляло меня доселѣ, при всѣхъ моихъ нуждахъ. Слава Богу о всѣхъ и всегда! вотъ мой девизъ. 22 года прошли и тѣ чувства, которыя подкрѣпляли меня и утѣшали, во время моей позорной пытки, подкрѣпляютъ и утѣшаютъ меня и теперь, тѣмъ болѣе теперь, когда я на склонѣ лѣтъ удостоилась выплакаться на Св. Голгофѣ и поклониться Св. Гробу Господню, на мѣстѣ, гдѣ возлежалъ и воскресъ изъ мертвыхъ Спаситель міра, гдѣ я по милосердію Божію вотъ уже пятый мѣсяцъ почти ежедневно взываю у самаго живоноснаго Гроба: «радуйся живоносный гробе, изъ него же Христосъ Воскресе».

54.

20-го октября.

Сегодня день кончины императора Александра III. На раскопкахъ была торжественная обѣдня, служилъ архіерей Поликарпъ и нашъ русскій архимандритъ Рафаилъ; присутствовали при службѣ: русскій консулъ Арсеньевъ со своимъ штатомъ и уполномоченный Палестинскаго общества Михайловъ. Патріархъ еще не возвратился, ждутъ его въ началѣ ноября. Время у насъ въ Іерусалимѣ отличное: въ 6 часовъ утра солнце сіяетъ, люди на постройкахъ работаютъ, въ тѣ часы и я открываю свое окно, иду въ храмъ или молюсь дома по мѣрѣ силъ. Келія моя очень удобная, главное на солнцѣ — для живописца очень хорошо. Сегодня я устроила на стѣнѣ эскизъ, мною написанный для креста Голгофскаго. Спокойствіе духа, когда взираю на изображеніе креста, подкрѣпляетъ меня, и я счастлива, что Господь даетъ силу заниматься живописью.

55.

26-го октября.

Весь день писала два эскиза предстоящихъ для Голгофскаго креста въ ростъ, одинъ докончила, завтра докончу другой. На Голгофѣ тѣло

Спасителя писано на кипарисѣ и укрѣплено къ трехъ-древному кресту. Эта работа меня очень заботитъ и утѣшаетъ, заказала себѣ лѣстницу, чтобы на оной сидѣть, когда буду писать тѣло Спасителя.

56.

27-го числа.

Сегодня воскресенье, мнѣ сказали, что службы не будетъ въ Воскресенскомъ храмѣ, потому что архіерей служитъ въ городскомъ монастырѣ. Вставши въ 5 часовъ, я пошла приложиться къ Св. Гробу. Слышу великолѣпное пѣніе и органъ—иду къ Св. Гробу, тамъ идетъ служеніе католиковъ. Постояла у окна Кувуклін, посмотрѣла на благоговѣйное служеніе и пошла далѣе, тамъ идетъ литургія коптская, потомъ взошла въ пещеру, вижу въ этомъ бѣдномъ склепѣ служеніе сирянъ, т. е. абиссинцевъ; я стала не подалеку отъ служащаго священника, иконостаса нѣтъ, престолъ покрытъ пеленою зеленаго цвѣта съ золотыми позументами, стоятъ три подсвѣчника съ зажженными свѣчами, надъ престоломъ лампада, на престолѣ малая позолоченая серебряная чаша и маленькій дискосъ, но безъ звѣзды. На престолѣ три небольшія иконы, передъ престоломъ коврикъ, подъ онымъ на полу большая рогожка. Священникъ служитъ очень благоговѣйно, на немъ бѣлый подрясникъ, затѣмъ эпитрахиль, поручи, поясъ и риза малиноваго цвѣта, на головѣ въ родѣ шапочки монашеской, вышитой бѣлымъ; пѣніе хотя не стройное, но не столько кричатъ, какъ у грековъ. Сирійскій храмъ по бѣдности своей освѣщается пятью лампадами, которыя висятъ въ сводѣ склепа. Полумракъ этого святилища возбуждаетъ къ молитвѣ, благоговѣніе всѣхъ служащихъ также; ни разговора, ни смѣху не слышно.

57.

15-го ноября.

Вчера былъ царскій день, для меня знаменательный: ровно 27 лѣтъ, какъ Псковская община освящена и открыта. Слава Богу, я еще не умерла и радуюсь преуспѣянію общины. Сегодня мнѣ минулъ 71 годъ, слава Богу, хранитъ меня Господь. Была сегодня за благословеніемъ у отца Веніамина, солнце проглянуло, посидѣла у него съ часъ. Я рада, что увидала старца и утѣшена его духовною бесѣдою. На базарѣ толпа народа: турки, арабы, греки, иностранцы и русскіе всѣ толкаютъ другъ друга. Идти мнѣ по этимъ улицамъ трудно и тяжело, главное по уличнымъ лѣстницамъ ходьба для больныхъ ногъ тяжела. Иногда пожалѣешь и навьюченнаго осленка, котораго гонятъ по лѣстницамъ; ноги у нихъ тонкія, слабыя, того гляди, упадетъ, верблюдамъ легче, ихъ шагъ великъ.

58.

17-го ноября.

Сейчасъ былъ у меня арабъ-столяръ, на меня работающій, съ тѣхъ поръ какъ я въ Іерусалимѣ. Я стала у него разспрашивать о благодатномъ огнѣ, и отъ него получила слѣдующія свѣдѣнія.

Получивши въ великую субботу святаго огня отъ Гроба Господня, всѣ спѣшатъ домой, зажигаютъ фонарь и одинъ изъ семьи идетъ на Сіонъ, каждый къ своей могилѣ, гдѣ покоются родныя ихъ семьи. Огнемъ, взятымъ у Гроба, они осѣняютъ могилу, дѣлая на оной огнемъ три креста, со словами: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа», и тѣмъ освящаютъ любимый прахъ, говоря, что благодать святаго огня нужна всѣмъ, какъ живымъ, такъ и мертвымъ. Такой здѣсь обычай съ незапамятныхъ временъ.

59.

18-го ноября.

Вчера былъ у меня архимандритъ Мелетій, профессоръ нашей духовной академіи, грекъ, который изучилъ русскую исторію. Здѣсь въ семинаріи его патріархъ опредѣлилъ на должность. Черезъ него я имѣю надежду на полученіе данныхъ относительно исторіи праздника Покрова, о чемъ я писала въ моемъ дневникѣ. Теперь же мой дневникъ молчитъ, хотя у меня много есть чего описать, я этимъ займусь, окончивши эскизы въ ростъ человѣка. Отецъ Веніаминъ мнѣ помогъ, далъ мнѣ нужныя средства для заказа креста Голгофскаго столяру, а теперь я сосредоточена мыслями и сердцемъ на Голгофѣ. Все хорошо, патріархъ пріѣхалъ, выздоровѣлъ, буду у него на-дняхъ, поднесу икону пр. Герасима.

Слава Богу, 15-го числа мнѣ минуло 71 годъ, глаза хороши, ноги ходятъ по лѣстницамъ іерусалимскимъ, устаю, но все-таки бодро себя чувствую.

60.

24-го ноября 1896 г.

Вчера, день святителя Митрофанія, встрѣтила въ Воскресенскомъ храмѣ. Преосвященный Поликарпъ пріобщалъ меня въ 3 часа ночи у Св. Гроба. Балуютъ меня старицу всѣ служители Гроба Господня, и монахи голгофскіе называютъ меня «мамаша». Архимандритъ Ефимій радъ, что я осталась до будущаго лѣта. Преосвященный Полнкарпъ просилъ меня бывать у него, онъ добрѣйшій человѣкъ, много пострадалъ отъ патріарха Никодима безвинно, былъ сосланъ, изгнаніе продолжалось нѣсколько лѣтъ, но послѣ изгнанія Никодима, онъ былъ

какъ невинный возвращенъ святѣйшимъ синодомъ іерусалимскимъ и возведенъ въ санъ архіерея. Онъ очень ученъ и очень умный человѣкъ, еще молодъ, ему около 55 лѣтъ, онъ своими достоинствами мѣшалъ честолюбію патріарха Никодима.

61.

1-го декабря.

Сегодня день св. Филарета Милостиваго—день памятный. Была я въ арабской церкви и поминала усопшаго отца моего митрополита Филарета, потомъ была у патріарха. Вниманіе его ко мнѣ и предупредительность меня старуху трогаетъ; удивился моему живописному искусству. Икона, которую я написала ему въ подарокъ, очень понравилась, мы съ нимъ много сегодня поговорили, передалъ онъ мнѣ про свое путешествіе за границу, былъ въ Парижѣ, потомъ въ Швейцаріи, гдѣ пилъ воды и купался по назначенію парижскихъ докторовъ; эти воды ему очень помогли, но онъ еще слабъ, не служилъ еще со времени своего пріѣзда. Отъ него пришла домой, время было прекрасное, теперь открыто окно, 23 градуса по Реомюру на солнцѣ, а въ комнатѣ 14; дожди начинаютъ быть сильными, но теперь они пріостановились, вѣроятно, на нѣсколько дней.

62.

6-го декабря.

Сейчасъ изъ храма Воскресенія, гдѣ проздновали торжество тезоименитства нашего Царя. Торжество было великое: присутствовалъ русскій консулъ Арсеньевъ съ женою и весь его консульскій штатъ, также Палестинское общество въ полномъ составѣ и русскій архимандритъ Рафаилъ. Лѣвый хоръ былъ русской миссіи, храмъ и Кувуклія огнемъ горѣли, сотни лампадъ и свѣчъ придаютъ что-то волшебное.

63.

16-го декабря.

Сейчасъ возвратилась изъ Крестнаго монастыря, гдѣ еще не была, и отъ Симеона Богопріимца. Изъ Крестнаго монастыря мы ѣздили въ мѣсто лѣтняго пребыванія іерусалимскаго патріарха. Тамъ прелестная мѣстность, воздухъ чистый, раздѣланы сады въ европейскомъ вкусѣ, церковь хорошая. Я тамъ въ палисадникѣ сорвала цвѣты желтенькіе, благоуханіе ихъ удивительное, такихъ цвѣтовъ я у насъ въ оранжереяхъ не видала никогда, постараюсь привезти съ собой.

Зима стоитъ великолѣпная, говорятъ, рѣдко такія зимы бываютъ въ Іерусалимѣ. Слава Богу, что я никого не послушала и сижу крѣпко на утесѣ Голгофскомъ, въ зданіи Св. Гроба Господня, гдѣ построено Авраамовское подворье.

64.

22-го декабря.

Сегодня второй день іерусалимской зимы, по ночамъ вѣтеръ и сильный дождь; днемъ съ утра солнце. Сегодня въ часъ ночи было пять градусовъ, а теперь 2 ч. дня—семь, т. е. тепла; у меня же въ келіяхъ отъ 12 до 14 град., въ корридорѣ холодно. Послѣ Крещенія начну писать голгофское распятіе. Всѣ, которые видятъ у меня эскизъ въ рамѣ, находятъ, что ликъ удаченъ; на себя не надѣюсь, а на Божію помощь. Теперь доска грунтуется, заказала столикъ, чтобы удобно сидѣть и лѣсенку, чтобы безъ помощи другихъ влѣзать и спускаться на полъ; эта работа меня одушевляетъ.

65.

25-го—27-го декабря.

Слава Богу, Господь сподобилъ меня быть въ св. градѣ Іерусалимѣ торжественный праздникъ Рождества Христова. Прежде всего скажу, что дождь идетъ ровно трое сутокъ, только теперь къ вечеру небо прояснилось, температура понизилась.

Въ 11 часовъ ночи, ради торжественнаго праздника, турки отперли храмъ; дождь шелъ, я пошла къ Гробу Господню, стояла утреню и обѣдню. Послѣ обѣдни архіерей пошелъ съ крестнымъ ходомъ вокругъ Кувукліи, обходилъ онъ Св. Гробъ три раза. Патріархъ служилъ въ патріархіи, а намѣстникъ его и два архіерея были въ Виолеемѣ; весь почти православный людъ Іерусалима наканунѣ пошелъ также туда. Вечеромъ служили по-просту; 26-го служба была обыкновенная, сегодня, 27-го, также все было, говорятъ, пусто, потому что дождь лилъ, какъ бы изъ ведра.

66.

1-го января 1897 г.

Проводила я старый высокосный годъ и встрѣтила 1897 г. радостно въ Воскресенскомъ храмѣ. 1896 г. былъ для меня годомъ незабвеннымъ въ моей жизни тѣмъ, что въ этотъ годъ я поѣхала въ Іерусалимъ.

67.

26-го января.

Зима въ Іерусалимѣ благодатная, сейчасъ пишу у открытаго окна, на солнцѣ 20 градусовъ тепла, такая сила овощей, что цвѣтной ка-

пустой всѣ базары загромождены. Филарета вчера принесла мнѣ качанъ безъ листьевъ въ 10 фунтовъ вѣса за 15 коп., есть кочны по $2^1/_2$ коп., морковь свѣжая, рѣпа, свекла; рѣпа не имѣетъ той горечи, которая у насъ въ Россіи, очень дешева, картофель дешевый. Зимой здѣсь не голодно: консервы всякіе, икра красная и черная, семга, осетрина и бѣлорыбица, но свѣжей рыбы нѣтъ, рѣдко привозятъ изъ Іордана; тамъ ловится сомъ большихъ размѣровъ, есть даже привозная треска. Зимой Іерусалимъ богатъ провизіей, но за то май, іюнь, іюль и августъ здѣсь бѣдствуютъ, даже и въ сентябрѣ плохо. Слава Богу, о жизни Іерусалима все узнала и могу теперь сказать, что жить здѣсь очень хорошо, но безъ денегъ жить и здѣсь трудно, очень трудно. Если бы я была помоложе съ искусствомъ живописи и позолоты, могла бы богато здѣсь жить, но въ мои годы жить постоянно трудомъ въ чужой сторонѣ, по слабости моей, немыслимо.

68.

9-го февраля.

Скорбно, грустно въ Іерусалимѣ сегодня: въ 12 ч. ночи скончался всѣми любимый, всѣми уважаемый патріархъ Герасимъ отъ болѣзни печени и почекъ. Во время херувимской въ 2 часа ночи возвѣстили служащему архіерею о кончинѣ новопреставленнаго патріарха и тутъ же помянули его имя при выходѣ съ дарами. Послѣ обѣдни была по немъ панихида, всѣ со слезами молились о упокоеніи души его. Послѣдній его выѣздъ былъ 2-го января. Отъ простуды сдѣлалось воспаленіе печени, и наконецъ 28-го онъ попросилъ, чтобы его особоровали. Наканунѣ былъ консиліумъ, на который были приглашены два греческихъ доктора, одинъ англійскій, одинъ французскій, одинъ нѣмецкій, русскій и даже еврейскій. 29-го ему доложили, что я желаю принять его святительское благословеніе. Онъ лежалъ въ постели, я взошла, поклонилась, поцѣловала его руку. Онъ перекрестилъ меня, положилъ руку на мою голову и тихо сказалъ по-французски: «Dieu est notre protecteur. Mercі, bien mercі». Я вышла вся въ слезахъ. Его вынесли въ 8 ч. утра въ церковь патріархіи, и онъ до погребенія возсѣдаетъ на своемъ престолѣ. Во время выноса былъ печальный россійскій звонъ, погребутъ его на Сіонѣ. Онъ сидитъ на креслѣ, обитомъ черной матеріей, подъ ногами коверъ, облаченіе бѣлое, митра бѣлая съ золотомъ, омофоръ бѣлый, на груди панагія на серебряной цѣпочкѣ, голова поникнута, глаза плотно закрыты, около него стоитъ любимый его діаконъ о. Ефремъ; лицо воздухомъ не покрыто, наискось отъ его головы стоитъ священникъ-монахъ, читаетъ по-гречески евангеліе. У усопшаго на колѣняхъ икона Божіей Матери, а слѣва на груди онъ держитъ маленькое въ серебряномъ окладѣ евангеліе, священникъ читаетъ безъ

облаченія, діаконъ тоже, нѣтъ ни подсвѣчниковъ, ни рипидъ, ни патріаршаго креста, никакой приличной обстановки. Народъ снуетъ взадъ и впередъ, только кавасы на дежурствѣ оберегаютъ тѣло отъ массы народа. Всѣ грустятъ, говорятъ, втораго Герасима у насъ не будетъ. Погребеніе завтра (10-го числа) въ 10 ч. утра; будутъ при погребеніи въ шествіи католики разныхъ орденовъ, ихъ митрополитъ также, армянскій патріархъ, духовенство протестантское и англиканское, архіерей коптскій, сиріонскій, абиссинскій и раввинъ еврейскій. Музыка военная турецкая, солдаты подъ предводительствомъ іерусалимскаго паши; я буду смотрѣть на шествіе изъ училища патріархіи. Сегодня же (синодъ іерусалимскій) послалъ телеграммы о смерти патріарха въ Россію, государю, въ синодъ, въ Константинополь султану и визирю, въ Аѳины королю греческому. Въ шествіи будетъ участвовать и русская миссія, также всѣ консулы.

Герасимъ былъ прежде патріархомъ антіохійскимъ, затѣмъ послѣднія 7 лѣтъ іерусалимскимъ. Кротость, любовь и смиреніе были въ немъ замѣчательны; по духу онъ былъ подвижникъ, истинный монахъ, всѣ иновѣрцы по немъ горюютъ, даже и католики. Теперь будутъ выборы, но кого назначитъ султанъ, конечно, неизвѣстно.

69.

10-го февраля 10 часовъ утра.

Время чудное, солнце сіяетъ, небо сине-голубое, всѣ спѣшатъ на Сіонъ, гдѣ назначено погребеніе патріарха въ 10 ч., т. е. выносъ изъ церкви св. Константина и Елены. Обѣдня была ранняя простая погречески, а не по чину россійской православной церкви. 8 град. тепла въ воздухѣ; благовѣста къ погребенію еще нѣтъ, потому что не получена телеграмма отъ султана о погребеніи патріарха на Сіонѣ, и на передачу управленія одному изъ двухъ избранныхъ архіереевъ. Первый ударъ колокола возвѣститъ о полученіи этой телеграммы отъ султана, но если телеграмма опоздаетъ, то и выносъ долженъ дожидаться оной, потому что до разрѣшенія султана нельзя погребать патріарха. Подушки съ орденами будутъ нести каждый консулъ своихъ государей.

Неурядица несказанная была на выносѣ и проводахъ патріарха. Ни одной хоругви не было при выносѣ, только двѣ рипиды и патріаршій крестъ были впереди шествія, при двухъ фонаряхъ. Свѣчей вынесено не было, ихъ не было даже въ церкви. Несли усопшаго на креслѣ, покрыли лицо его воздухомъ; несли монахи въ рясахъ; изъ высшаго духовенства шелъ одинъ митрополитъ Никифоръ, духовникъ патріарха въ облаченіи, шли нѣсколько діаконовъ, монахи и послушницы всѣ въ рясахъ; затѣмъ шли ученики семинаріи и изъ нашего училища нѣсколько

дѣвочекъ несли вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ съ надписью «патріарху Герасиму». Похоронили его сидя въ креслѣ.

Все кончено, патріарха Герасима нѣтъ...

Теперь начнутся сооры и выборы.

70.

16-го февраля.

Сегодня воскресенье, а я грѣшная по немощи моей не была въ церкви. Служилъ преосвященный Деміанъ виѳлеемскій, назначенный султаномъ ефитропомъ церкви іерусалимской до избранія пріемника усопшему патріарху Герасиму.

Теперь начнутся выборы, это процедура долгая, пожалуй, быть можетъ, дождусь и новаго патріарха. Преосвященный Деміанъ былъ посланъ покойнымъ патріархомъ за себя, для присутствованія при коронаціи императора. Человѣкъ онъ разумный и деликатный. Говорятъ, теперь будетъ составленъ іерусалимскимъ синодомъ списокъ изъ 12 лицъ, имѣющихъ право на патріаршество, и списокъ этотъ будетъ посланъ султану, который вычеркнетъ тѣхъ, кого турецкое правительство допустить до патріаршества не желаетъ. Затѣмъ списокъ этотъ будетъ посланъ въ Петербургъ и Аѳины, гдѣ по правительственнымъ соображеніямъ будутъ исключены непригодные къ избранію. Тогда турецкій султанъ изъ числа оставшихся изберетъ трехъ и изъ этихъ трехъ будетъ избранъ одинъ патріархіей іерусалимской. Избраніе будетъ по шарамъ или по запискамъ. Ефитропъ Деміанъ, который въ спискѣ быть уже не можетъ по закону, будетъ предсѣдателемъ выборовъ, которые производиться будутъ въ Воскресенскомъ храмѣ. Тѣ лица, изъ которыхъ будутъ избирать патріарха, будутъ въ то время ожидать своей участи въ патріархіи. Затѣмъ избраннаго патріарха введутъ съ торжествомъ къ Гробу Господню.

Должно быть, что по близости времени Пасхи, благодатный огонь будетъ получать съ Гроба Господня преосвященный Деміанъ.

71.

27-го февраля.

Общественная жизнь въ Іерусалимѣ сильно волнуется, по смутамъ и рѣзнѣ на островѣ Критѣ и чумѣ въ Индіи. Русскихъ поклонниковъ въ Іерусалимъ не пускаютъ, къ Пасхѣ, бывало, ихъ было до 10—15 тысячъ, а теперь осталось тысячи три; высылать не высылаютъ, но послѣ Пасхи уѣдутъ вѣроятно тысячи двѣ или болѣе. Пока Россія въ мирѣ съ Турціей, то на Св. Землѣ все будетъ тихо и благополучно. Получи-

лась телеграмма въ патріархіи, что въ Меккѣ холера, поклонниковъ изъ Россіи не пускаютъ въ Іерусалимъ, а изъ Іерусалима турокъ, по приказанію султана не пускаютъ въ Мекку; говорятъ, что для уѣзжающихъ изъ Іерусалима въ Европу будетъ карантинъ. Здѣсь эпидеміи не боятся, тому 25 лѣтъ была холера, но малое время, другихъ болѣзней эпидемическихъ даже не помнятъ.

72.

9-го марта.

О чумѣ и холерѣ ничего не слыхать у насъ, карантина нѣтъ, все оказалось пустою болтовнею. Для избранія патріарха пріѣхали два архіерея, одинъ изъ Назарета, другой изъ Акры; вѣроятно, къ Пасхѣ выборы состоятся, любопытно будетъ присутствовать на нихъ.

73.

29-го марта.

Грустно видѣть тѣ интриги, которыя усиливаются въ патріархіи. Султанъ ужъ повелѣлъ, чтобы патріарха избрать къ Пасхѣ, но едва-ли это сбудется. Ссоры, распри, всѣ мнѣнія идутъ врозь. Синодъ ничѣмъ не кончаетъ, и послѣ ссоры та или другая партія идутъ на разбирательство къ папѣ.

74.

31-го марта.

Зима прошла, но зима только на словахъ, у меня теперь 15 градусовъ тепла въ комнатѣ. Сегодня опять назначено синодомъ собраніе для избранія патріарха, если изберутъ двухъ или трехъ лицъ, то будетъ рѣшительное избраніе у св. Гроба Господня. У коптовъ дѣло другое, они послѣ смерти патріарха избираютъ 12 человѣкъ изъ опытныхъ старцевъ монастыря св. Антонія въ Египтѣ и при собраніи народа въ Каирѣ, младенецъ мужскаго пола вынимаетъ изъ сосуда одинъ пакетикъ, и то имя принимается какъ бы отъ руки Божіей, и старецъ назначается въ патріархи.

Сообщилъ **Князь А. Дадіанъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ

жизнь, а его религіозность и тихая семейная жизнь представляли разительный контрастъ съ образомъ жизни большаго двора.

Подробности жизни Нелидовой въ первое время пребыванія ея при дворѣ мало извѣстны, но несомнѣнно, что лучшей образовательной школой для нея послужило путешествіе за границу, которое она совершила въ свитѣ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, посѣтившихъ, подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ, Германію, Италію, Швейцарію и Францію. Лишь послѣ возвращенія великокняжеской четы изъ этого путешествія имя Е. И. Нелидовой начинаетъ часто встрѣчаться въ запискахъ и письмахъ современниковъ, имѣвшихъ случай слѣдить за жизнію великокняжеской четы: о ней стали говорить, какъ о любимицѣ Павла, или, что казалось тогда однозначащимъ, какъ о его любовницѣ. Дѣйствительно, за это время Нелидова пріобрѣла при дворѣ великаго князя особое значеніе. Чрезъ шесть-семь лѣтъ послѣ выпуска своего изъ института, Нелидова сдѣлалась серьезнѣе, опытнѣе, а положеніе великаго князя значительно измѣнилось къ худшему: Екатерина, устранивъ сына отъ дѣлъ правленія, относилась къ нему подозрительно и удалила отъ него лучшаго его друга, князя Александра Куракина; въ то же время скончался графъ Никита Ив. Панинъ, воспитатель Павла. Лишившись людей, съ которыми онъ издавна привыкъ дѣлиться мыслями и чувствами, Павелъ Петровичъ сталъ находить особое удовольствіе въ обществѣ Нелидовой, которая живостью своего ума, характеромъ, искренностью и благородствомъ своихъ сужденій умѣла болѣе другихъ отвѣчать душевнымъ его запросамъ. Любовный, рыцарскій образъ дѣйствій Павла привлекалъ его вниманіе къ Нелидовой видъ ухаживанія, но первоначально ему не придавала никакого значенія даже супруга Павла, Марія Ѳеодоровна, такъ какъ Нелидова была некрасива лицомъ. Съ теченіемъ же времени между супругами стали происходить размолвки.

Въ началѣ 1792 г. произошли событія, которыя вынудили Нелидову, помимо великаго князя, обратиться къ императрицѣ непосредственно съ просьбой объ увольненіи: великій князь поссорился съ государыней, жестоко оскорбилъ Марію Ѳеодоровну, говоря, что она готовитъ ему участь Петра III, и вслѣдъ затѣмъ уѣхалъ въ Гатчину, гдѣ находилась Нелидова. На вліяніе ея приписали всѣ эти выходки великаго князя. Вся эта исторія нашла себѣ мѣсто въ петербургской корреспонденціи парижской газеты «Moniteur Universelle», при чемъ передавались въ извращенномъ видѣ и слухи объ отношеніяхъ Нелидовой къ Павлу. Это было послѣдней каплей, переполнившей чашу ея терпѣнія, и Нелидова подала императрицѣ свою просьбу объ увольненіи отъ придворной должности и дозволеніи жить въ Смольномъ монастырѣ; но лишь въ сентябрѣ 1793 г. она добилась у императрицы исполненія своей просьбы.

Удаленіе Нелидовой отъ двора было первое время загадкой для публики. Теперь извѣстно, что она получила согласіе Павла Петровича на удаленіе въ Смольный монастырь, обязавшись постоянно посѣщать его дворъ во время пребыванія въ Петербургѣ зимою, а весною и лѣтомъ—гостить у него въ Павловскѣ и Гатчинѣ.

Изъ писемъ Маріи Ѳеодоровны къ Плещееву за 1795 г. видно, что вліяніе Нелидовой на Павла постепенно уменьшалось, и соотвѣтственно съ этимъ увеличивалось довѣріе къ ней великой княгини, начинавшей видѣть въ Нелидовой свою союзницу. Отъ примиренія Маріи Ѳеодоровны со своей мнимой соперницей и совмѣстнаго ихъ дѣйствія можно было ожидать благодѣтельныхъ послѣдствій для Павла. Но противная партія также не дремала и старалась, съ одной стороны, возбудить въ умѣ великаго князя подозрѣнія противъ Нелидовой, а съ другой—сдѣлать предметомъ его платоническаго поклоненія другую фрейлину Маріи Ѳеодоровны, Н. Ѳ. Веригину. Интрига велась усердно и послѣдовательно, благодаря Кутайсову, и достигла своей цѣли: въ концѣ марта 1796 г. Нелидова окончательно оставила дворъ и уже не появлялась при немъ, поссорившись съ Павломъ Петровичемъ и удалившись въ Смольный монастырь.

Воцареніе императора Павла I сопровождалось безпощадною и быстрою ломкой порядковъ, существовавшихъ при Екатеринѣ, и замѣной ихъ новыми. Сдѣлавшись императоромъ лишь на 42-мъ году своего возраста, Павелъ точно боялся, что не успѣетъ совершить всѣхъ задуманныхъ имъ перемѣнъ; каждый почти день его правленія приносилъ съ собою крупныя новости; екатерининскіе вельможи уступили свои мѣста гатчинскимъ приверженцамъ; братья Куракины, Плещеевъ, Донауровъ, Ростопчинъ, Кушелевъ, Аракчеевъ и др. были призваны занять высшія должности въ имперіи, составляя ближайшій къ престолу кружокъ лицъ, на преданность и усердіе которыхъ полагался Павелъ. Вскорѣ состоялось примиреніе императора съ Нелидовой, въ которой онъ видѣлъ единственнаго стараго друга, умѣвшаго говорить ему правду. Ек. Ив. ѣздила иногда въ Зимній дворецъ, гдѣ отведены были для нея особые аппартаменты, долгое время и послѣ пользовавшіеся Нелидовскими, но не захотѣла переселиться туда на постоянное жительство, зная хорошо переимчивый характеръ Павла и не желая вторично ставить себя въ ложное положеніе. Удерживать императора отъ вспышекъ гнѣва и отъ рѣзкихъ необдуманныхъ распоряженій, вызывавшихъ неудовольствіе войскъ и общества, ходатайствовать за опальныхъ, назначать на высшія придворныя и государственныя должности людей благонамѣренныхъ и преданныхъ государю,—вотъ чего главнымъ образомъ добивались новая императрица и ея довѣренная фрейлина.

Послѣдніе годы жизни своей Нелидова провела въ Смольномъ съ сестрой своей, дѣвицей Натальей Ивановной, и дожила до глубокой старости. Она скончалась 82-хъ лѣтъ, 2-го января 1839 года.

Н. К-ш-ъ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1902 г.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1901 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно.**

Издатель С. Быковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIII-й. ДЕКАБРЬ. 1902 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Русская жизнь въ началѣ XIX в. Н. Дубровина. 417—450
II. Изъ прошлаго. Ужасные дни. П. Д. Паренсова. 451—473
III. Изъ записокъ Ивана Акимовича Нинотина. . . . . 475—494
IV. О силѣ правительства. (Записка М. М. Сперанскаго). Сообщ. П. М. Майковъ. . . . . 495—499
V. Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ. Сообщ. В. В. Щегловъ. 501—515
VI. Сергій Максимиліановичъ, князь Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій. Ф. Піотровскаго. . . 517—520
VII. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева. 521—547
VIII. Записка князя Н. А. Орлова объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній. . . 549—553
IX. Монастырская реформа въ Царствѣ Польскомъ. Д. Г. Анучина. . . . . 555—576
X. Письма В. П. Балабина графу П. Д. Киселеву. . . 577—596
XI. Петербургское общество сто лѣтъ тому назадъ. 597—601
XII. Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи. (оконч.). Сообщ. князь А. Дадіанъ. . . 605—620
XIII. Записная книжка „Русской Старины“: Письмо И. И. Дмитріева—къ кн. П. А. Вяземскому. 31-го мая 1820 г. Сообщ. И. А. Бычковъ. (стр. 474).—О поддержаніи лучшей нравственности среди духовенства. 1825 г. (500).—Поддержаніе дисциплины въ войскахъ. 1801 г. (516). — Приказъ кн. П. И. Багратіона. 25-го іюня 1812 г.—Высочайшее повелѣніе не именовать Севастополя Ахтіаромъ и Евпаторіи—Козловымъ. 5-го февр. 1826 г. (548).—Къ исторіи дуэлей 1827 г. (554).—Изъ воспомин. современ. о Дантесѣ. Сообщ. А. Мордеръ. (602).—Пушкинъ и Мильвуа. Евгеніи Клебанской (603—604)
XIV. Библіографич. листокъ (на оберткѣ).
XV. Указатель личныхъ именъ въ «Русской Старинѣ» 1902 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. (Оконч.) Сообщ. И. А. Бычковъ.
2) Портретъ Его Императорскаго Высочества Сергія Максимиліановича, князя Романовскаго, герцога Лейхтенбергскаго.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1903 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.
1902.

XII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го декабря 1902 года.

Библіографическій листокъ.

Историческіе очерки и разсказы. С. Н. Шубинскаго. Четвертое изданіе, дополненное и исправленное. Съ 80 портретами и иллюстраціями. Спб. 1903 г.

Разсматриваемый нами сборникъ г. Шубинскаго содержитъ въ себѣ сорокъ три историческихъ очерковъ и разсказовъ, снабженныхъ прекрасными иллюстраціями и портретами.

Возьмемъ, напримѣръ, статью «Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году».—Не смотря на заключенный въ 1661 году въ Кардисѣ миръ, положившій конецъ русско-шведской войнѣ, возгорѣвшейся въ царствованіе Алексѣя Михайловича,—между Россіей и Швеціей продолжали существовать непріязненныя отношенія, преимущественно вслѣдствіе неисполненія русскимъ правительствомъ нѣкоторыхъ статей Кардисскаго договора, касавшихся точнаго опредѣленія границъ, торговли и возвращенія шведскихъ плѣнныхъ.

Чтобы положить конецъ взаимнымъ пререканіямъ, уладить спорные вопросы, направить русскую торговлю въ прибалтійскія шведскія гавани и посредствомъ заключенія оборонительнаго союза тѣснѣе сблизиться съ Россіей,—шведскій дворъ рѣшился, въ 1673 году, отправить въ Москву особое посольство, состоявшее изъ государственнаго совѣтника графа Густава Оксенширна, эстляндскаго ландрата барона Ганса фонъ-Тизенгаузена, лифляндскаго ландрата Готарда Будберга и ассесора коммерцъ-коллегіи Іоанна Лиліенгофа. Къ этому посольству, въ качествѣ военнаго агента, былъ прикомандированъ молодой артиллерійскій капитанъ Эрикъ Пальмквистъ, обращавшій на себя вниманіе правительства своимъ солиднымъ образованіемъ, способностями и произведеніями имъ работами по укрѣпленію Риги [1]).

Торжественная аудіенція прибывшимъ посламъ назначена была 3-го января, но, вслѣдствіе пустыхъ формальностей, которыя играли очень важную роль въ тогдашнихъ дипломатическихъ сношеніяхъ,—аудіенція состоялась лишь 30-го марта. Пріемъ происходилъ, по обыкновенію, въ Грановитой палатѣ. Торжественное шествіе двинулось изъ посольскаго дома между двумя рядами стрѣльцовъ. Впереди ѣхалъ верхомъ капитанъ Пальмквистъ; за нимъ несли подарки, присланные царю королемъ, и царицѣ—вдовствующей королевой Гедвигой-Элеонорой. Всѣхъ подарковъ было тридцать два; они состояли изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей (умывальникъ, сосуды для воды, ваза для конфектъ, корзины, кубки, стаканы и проч.). Какъ особенно дорогіе презенты, въ дневникѣ упоминаются: «большая художественно сдѣланная люстра съ десятью подсвѣчниками изъ массивнаго серебра», «искусственный фонтанъ красивой и рѣдкой работы, который бьетъ воду самъ собою». Вдовствующая королева дарила царицѣ различные предметы изъ «благоуханнаго дерева алоэ», между прочимъ шкатулку съ филигранной отдѣлкой и драгоцѣнными камнями, шесть «необыкновенно красивыхъ разрисованныхъ кѣленъ», часы золотые, «прекрасную ночную юбку», «вышитую серебромъ и синими шелками прекрасную ночную кофту» и «всякія женскія галантерейныя вещи и раритеты».

Послы вступили въ тронную залу съ непокрытыми головами и остановились въ десяти шагахъ отъ трона. Затѣмъ Оксенширнъ произнесъ по-шведски привѣтствіе и прочиталъ письмо своего государя. Царь всталъ, спросилъ о здоровьѣ короля и позволилъ посламъ подойти къ своей рукѣ. Оксенширнъ изложилъ цѣль прибытія посольства, а царь велѣлъ спросить о здоровьѣ пословъ. Потомъ окольничій Артам. Серг. Матвѣевъ пересчиталъ подарки, за которые царь поблагодарилъ. Въ то время, какъ къ царской рукѣ подходила посольская свита, была принесена скамья, и пословъ пригласили сѣсть. Членовъ посольства отъ имени царя спрашивали о здоровьѣ, а они благодарили черезъ маршала. По окончаніи этой церемоніи, послы, получивъ приглашеніе къ царскому столу, удалились.

На другой день послѣ царской аудіенціи между шведами и русскими открылись переговоры, продолжавшіеся около двухъ съ половиною мѣсяцевъ и не приведшіе ни къ какому результату.

Въ статьѣ «Вѣнценосный хирургъ» указывается на стремленіе Петра Великаго основательно изучать всякое полезное дѣло. Всѣ, безъ исключенія, отрасли знанія интересовали его; но, при этомъ, разумѣется, одни изъ нихъ онъ изучалъ по необходимости, другія—чтобы извлечь ту или другую выгоду и третьи, наконецъ, исключительно по влеченію своего пытливаго ума. Къ числу послѣднихъ принадлежали анатомія и хирургія. Особенную страсть питалъ Петръ къ хирургіи, занимался ею практически и охотно самъ дѣлалъ самыя разнообразныя операціи. Въ первый разъ страсть эта обнаружилась въ Амстердамѣ, въ 1698 г., при посѣщеніи имъ анатомическаго кабинета знаменитаго тогда ученаго Фридриха Рюйша, достигшаго удивительнаго совершенства въ приготовленіи анатомическихъ препаратовъ. Въ это же пребываніе свое въ Амстердамѣ, Петръ, проходя однажды по базарной площади, замѣтилъ небольшую толпу людей и, приблизившись, увидѣлъ среди нея какого-то странствующаго фельдшера, съ особенною ловкостью выдергивавшаго желающимъ гнилые зубы, употреблял для этого самые простые инструменты. Государь долго любовался его искусствомъ и, какъ только паціенты разошлись, увелъ зубодера въ ближайшую таверну, угостилъ его и уговорилъ, чтобы тотъ научилъ его, за извѣстную плату, своему мастерству. Послѣ нѣсколькихъ уроковъ, Петръ отлично усвоилъ себѣ всѣ пріемы учителя, сталъ постоянно носить въ карманѣ небольшой футляръ съ хирургическими инструментами и, какъ только узнавалъ, что у кого-нибудь болитъ зубъ,—тотчасъ являлся съ предложеніемъ своихъ услугъ.

Любовь Петра къ хирургіи была такъ сильна, что всякій разъ, когда въ госпиталяхъ пре-

---

[1]) Онъ велъ дневникъ, который въ историческомъ отношеніи не потерялъ своего значенія и до настоящаго времени. Выдержки изъ этого дневника напечатаны въ шведской газетѣ «Illustrerad Tidning». Изъ него же взяты и

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

СЕРГІЙ МАКСИМИЛІАНОВИЧЪ

КНЯЗЬ РОМАНОВСКІЙ, ГЕРЦОГЪ ЛЕЙХТЕНБЕРГСКІЙ.

, из-

. Бен-

нее по-

[1]) См. „Русскую Старину“ 1902 г., ноябрь.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XXIII [1]).

Балъ, данный русскими офицерами виленскому обществу.—Переправа Наполеона черезъ Нѣманъ близъ Ковно.—Вступленіе его въ Вильно.—Встрѣча ему сдѣланная.—Восторги и лесть газеты „Литовскій Курьеръ".—Балъ, данный Наполеону жителями Вильны.—Сеймъ въ Варшавѣ.—Актъ конфедераціи.—Посылка депутатовъ отъ сейма въ Вильну.—Рѣчь Выбицкаго.—Отвѣтъ Наполеона.—Депутація отъ Самогитіи.—Энтузіазмъ поляковъ.—Учрежденіе въ Вильнѣ временнаго правительства.—Воззваніе генеральной варшавской конфедераціи.—Отъѣздъ Наполеона изъ Вильны.—Занятіе непріятелемъ Могилева.—Измѣна могилевскаго архіепископа Варлаама.—Его прошлое.—Судъ надъ нимъ и разстриженіе.

Въ началѣ іюня 1812 г., генералы и флигель-адъютанты просили разрѣшенія государя устроить балъ для виленскаго общества. Императоръ Александръ далъ на расходы 300 червонцевъ и сказалъ:

— Если вы желаете устроить праздникъ, то постарайтесь, чтобы онъ былъ блестящій, потому что виленскія дамы знатоки въ этомъ дѣлѣ.

Въ трехъ верстахъ отъ города, на берегу р. Виліи находился въ живописной мѣстности опустѣлый іезуитскій монастырь. Мѣсто это, извѣстное подъ именемъ Закрета, было пріобрѣтено генераломъ Бенигсеномъ, который перестроилъ монастырь въ прекрасное лѣтнее по-

[1]) См. „Русскую Старину" 1902 г., ноябрь.

мѣщеніе и развелъ около него роскошный садъ. Въ этомъ мѣстѣ и рѣшено было дать балъ; но какъ въ домѣ не было достаточно большой залы, то и придумали построить легкую галлерею для танцевъ, по плану профессора архитектуры въ Виленскомъ университетѣ Шульца. Онъ былъ прекрасный человѣкъ, но плохой архитекторъ. Въ самомъ началѣ работы, ему говорили, что галлерея обрушится, что колонны не достаточно глубоко врываются въ землю.

— Я укрѣплю ихъ вмѣстѣ съ крышею,—отвѣчалъ Шульцъ.

Наканунѣ бала, назначеннаго на 12-е іюня, императора Александра предупредили, что строющаяся галлерея не надежна и непремѣнно рушится во время танцевъ. Государь призвалъ къ себѣ директора военной полиціи де-Санглена.

— Съ полчаса тому назадъ,—сказалъ онъ,—получилъ я отъ неизвѣстнаго записку, въ которой меня предостерегаютъ, что строющаяся зала (галлерея) не надежна и должна рушиться во время танцевъ. Поѣзжай и посмотри.

Лишь только Сангленъ успѣлъ прибыть въ Закретъ, какъ вся постройка рушилась и уцѣлѣлъ только одинъ полъ [1]). Шульцъ бросился въ Вилію, въ которой тѣло его было найдено только по прошествіи пяти дней [2]).

Выслушавъ донесеніе де-Санглена, Александръ сказалъ ему:

— Такъ это правда! Поѣзжайте и прикажите полъ немедленно очистить; мы будемъ танцовать подъ открытымъ небомъ.

Вечеромъ, въ день бала, говоритъ графиня Шуазель-Гуфье [3])—«все общество собралось на подмосткахъ, уцѣлѣвшихъ отъ галлереи. Дамы помѣстились подъ апельсинами въ цвѣту, мужчины составили кружокъ въ срединѣ эстрады.

«Вечеръ былъ дивный; легкія облака точно предохраняли насъ отъ яркихъ лучей заходящаго солнца; толпа народа, нахлынувшая изъ города, разсѣялась по парку и по берегу рѣки. Живописныя группы ихъ заканчивали картину, оживленную нашими бальными туалетами и блестящими мундирами кавалеровъ. Государь пріѣхалъ въ 8 часовъ вечера. Онъ былъ очень красивъ въ своемъ мундирѣ Семеновскаго полка, съ свѣтло-голубыми отворотами. Онъ остановился ненадолго полюбоваться всѣмъ собраніемъ, затѣмъ подошелъ къ дамамъ и уговаривалъ ихъ не вставать передъ нимъ».

---

[1]) Записки де-Санглена. „Русская Старина“ 1883 г. № 3, стр. 545.

[2]) Историческія замѣтки о Сѣверо-Западномъ краѣ П. Кукольника. Вѣстникъ Западной Россіи 1864—1865 № 6, стр. 150. Памятная книжка Виленской губерніи на 1861 г., ч. II, стр. 90 и 91.

[3]) Въ своихъ воспоминаніяхъ. „Русская Старина“ 1877 г., т. XX, стр. 592—595.

Во время самаго разгара бала Балашовъ сообщилъ государю, что изъ Ковны пріѣхалъ городничій Бистромъ съ извѣстіемъ о переправѣ французской арміи черезъ Нѣманъ. Императоръ Александръ приказалъ Балашову никому не говорить объ этомъ и самъ остался на балу [1]). Онъ ходилъ около накрытыхъ столовъ, весело разговаривалъ со многими офицерами и подъ конецъ бала пилъ за здоровье всѣхъ. Отвѣтомъ на этотъ тостъ было, конечно, общее «ура»!

— Прощайте,—сказалъ императоръ послѣ тоста;—теперь по домамъ: слѣдуетъ приниматься за дѣло.

Тутъ всѣ узнали о переходѣ черезъ границу непріятельской арміи.

Когда государь уже уѣхалъ, графъ Беннигсенъ провозгласилъ тостъ за благополучіе арміи. «Ура!» было отвѣтомъ. «Всѣ офицеры—говоритъ современникъ [2]),—были въ энтузіазмѣ и эту минуту никогда нельзя забыть. Никто не унывалъ: подходили другъ къ другу съ поздравленіемъ о началѣ войны».

Въ 3 часа утра 12-го іюня берегъ р. Нѣмана, близъ Ковно, былъ покрытъ непріятельскими войсками, переправлявшимися черезъ рѣку. Картина переправы была великолѣпна: наводились мосты, кавалерія переходила вплавь, сотни орудій спускались съ горъ къ рѣкѣ, и весь горизонтъ былъ покрытъ войсками. На берегу, близъ самыхъ волнъ, лежалъ Наполеонъ возлѣ коня своего ..... [3]).

Какъ различно проявилъ себя этотъ день! Въ Закретѣ, на берегу Виліи, былъ прекрасный солнечный день, а на берегу Нѣмана—сильный дождь и ужасная гроза.

— Я уничтожу,—говорилъ самонадѣянно Наполеонъ окружающимъ—пагубное вліяніе, которымъ Россія въ теченіе пятидесяти лѣтъ пользовалась въ дѣлахъ Европы [4]).

— Открывается гнѣвъ Божій съ небеси на всякое нечестіе и неправду человѣческую,—сказано въ дневномъ Апостолѣ, читавшемся въ этотъ день въ православныхъ церквахъ Россіи [5]).

---

[1]) Де-Сангленъ въ своихъ запискахъ увѣряетъ, что онъ первый и при томъ до начала бала получилъ извѣстіе о переправѣ Наполеона и доложилъ о томъ государю. «Я этого ожидалъ,—отвѣчалъ Александръ,—но балъ все-таки будетъ». Трудно допустить, чтобы это была правда, и чтобы де-Сангленъ одинъ получилъ такъ рано извѣстіе. Вѣстникъ объ этомъ Бистромъ несомнѣнно явился вечеромъ и прямо къ Балашову, а не къ де-Сангленъ. Онъ привезъ извѣстіе прежде, чѣмъ оно пришло изъ авангарда арміи.

[2]) Воспоминанія М. М. Муромцева. „Рус. Архивъ" 1890 г. № 3, стр. 366 и 367.

[3]) «Москвитянинъ» 1844 г. № 1. Смѣсь, стр. 6.

[4]) «Сынъ Отечества» 1813 г. № 24, стр. 179.

[5]) Посланіе Римлянамъ, глава I, ст. 18. „Современная лѣтопись». Воскресное прибавленіе къ „Московскимъ Вѣдомостямъ" 1865 г. № 17, стр. 11.

*

— Я иду въ Москву,—сказалъ Наполеонъ Прадту,—и въ одно или два сраженія все кончу. Императоръ Александръ будетъ на колѣняхъ просить мира. Я сожгу Тулу и обезоружу Россію. Меня ждутъ тамъ. Москва сердце Имперіи; безъ Россіи континентальная система есть пустая мечта.

«Россія увлекается рокомъ!—писалъ онъ въ приказѣ по войскамъ. Она не избѣгнетъ судьбы своей. Неужели она думаетъ, что мы измѣнились? Развѣ мы уже не воины Аустерлица? Она предлагаетъ намъ безчестіе либо войну: выборъ не подлежитъ сомнѣнію. И такъ—впередъ! Перейдемъ черезъ Нѣманъ, внесемъ оружіе въ предѣлы Россіи! Вторая польская война будетъ славна для Франціи столько же, сколько и первая [1]); но миръ, который мы заключимъ, будетъ проченъ и прекратитъ полувѣковое кичливое вліяніе Россіи на дѣла Европы».

«Французскій императоръ,—писалъ въ то же время скромно императоръ Александръ въ приказѣ по войскамъ,—нападеніемъ на войска наши въ Ковнѣ открылъ первый войну. И такъ, видя его никакими средствами непреклоннаго къ миру, не остается намъ ничего иного, какъ, призвавъ на помощь свидѣтеля и заступника правды, Всемогущаго Творца небесъ, поставить силы наши противу силъ непріятельскихъ. Не нужно напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь славянъ. Воины! Вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ».

Такъ различны были взгляды и надежды двухъ враждующихъ сторонъ.

Приготовляясь къ вторженію въ Россію, Наполеонъ запасся фальшивыми русскими кредитными билетами и надѣлилъ свои войска маленькими книжками, въ которыхъ были напечатаны необходимые разговоры на четырехъ языкахъ: французскомъ, русскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ. Современники смѣялись надъ этими книжками.

«Онъ (Наполеонъ) думалъ,—писалъ «Вѣстникъ Европы» [2]),—что ведетъ своихъ солдатъ въ землю обѣтованную, гдѣ могутъ они имѣть все, чего ни потребуютъ. Онъ думалъ, что солдатъ его будетъ сытъ и доволенъ, когда научится говорить: дай меня кушать, дай меня пить; я люблю говядину, пиво, медъ, вино, вещина, курица; мужикъ! покажи меня дорогу.

---

[1]) Исторія не знаетъ ни первой, ни второй польской войны, и Наполеонъ выразился такъ изъ желанія польстить полякамъ и вызвать ихъ содѣйствіе.

[2]) «Вѣстникъ Европы» 1812 г. Сентябрь № 17, ч. 65, стр. 63.

«Онъ не предвидѣлъ, что бѣднымъ его сподвижникамъ гораздо нужнѣе было бы учиться по-русски съ такихъ и подобныхъ симъ выраженій: я несчастная жертва ненасытнаго и безумнаго властолюбія! Меня исторгли изъ родительскаго дома и повлекли къ неизбѣжной погибели! Умилосердитесь надо мною полунагимъ и голоднымъ! Не откажите мнѣ въ кускѣ хлѣба, которымъ милосердый Богъ щедро надѣлилъ Россію! Не дайте мнѣ умереть отъ голода и стужи! Такія слова, можетъ быть, подвигли бы къ бо́льшему состраданію добрыхъ крестьянъ нашихъ».

Въ пять часовъ по полудни, 13-го іюня, Наполеонъ верхомъ въѣхалъ въ Ковно во время сильнаго дождя и грозы. Войска его тотчасъ же разсыпались по городу и предались грабежу. Они выводили изъ конюшенъ и хлѣвовъ лошадей и скотъ, врывались въ дома, забирали серебро, платье, бѣлье, часы, деньги, кухонную посуду, а чего не могли взять, то разбивали и ломали. Ограбленные жители остались безъ имущества и продовольствія; многіе въ теченіе трехъ дней ничего не ѣли и не знали, чѣмъ накормить дѣтей. Военный постой выгналъ жителей изъ ихъ собственныхъ домовъ и оставилъ имъ въ наслѣдство грязь и неопрятность—cochonnerie, какъ говорятъ сами французы [1]). Всѣ окрестности города были разорены, поля потоптаны, дома разобраны для бивуковъ и топлива; устрашенные жители спасались въ лѣсахъ.

На слѣдующій день главныя силы Наполеона двинулись къ Вильнѣ, и 16-го числа онъ торжественно вступилъ въ этотъ городъ [2]).

16-е (28-е) іюня, — говорилъ «Литовскій Курьеръ» [3]),—составитъ эпоху въ исторіи нашего города. Въ этотъ день мы были осчастливлены прибытіемъ въ нашу столицу (?) императора французовъ и короля италіанскаго, великаго Наполеона, предводительствующаго непобѣдимою арміею, въ рядахъ коей мы узнали единоплеменниковъ нашихъ изъ Варшавскаго герцогства.

«Какъ только русскія войска отступили за Антоколь и Зеленый мостъ, и лишь только обыватели города успѣли поставить стражу на гауптвахтѣ, какъ передовые отряды польскихъ и французскихъ войскъ появились въ городѣ». Магистратъ съ ключами, знатнѣйшіе жители города и бо́льшая часть народа вышли за городъ, навстрѣчу «непобѣдимой арміи», въ которой видѣли Мессію, пришедшаго возстановить древнюю Польшу. Король обѣихъ Сицилій ласково принялъ депутатовъ въ Погулянкѣ. По окончаніи первой аудіен-

---

[1]) Перечень письма изъ Ковна 6-го февраля 1813 г. „Сынъ Отечества“ 1813 г. № 13, стр. 91.

[2]) Пребываніе Наполеона въ Вильнѣ описано нами еще въ 1866 году въ статьѣ: „Вильно въ 1812 году“ („Отечеств. Записки“ 1866 г. № 2, кн. I). Нынѣ статья эта печатается въ совершенно измѣненномъ и дополненномъ видѣ.

[3]) Отъ 4-го іюля 1812 г. № 49.

ціи, тѣ же депутаты отправились за полмили далѣе къ Понарямъ, для изъявленія своей преданности императору Наполеону. Французскій императоръ принялъ ихъ съ «свойственною ему милостію и благорасположеніемъ».

Объѣхавъ ряды своей арміи, Наполеонъ приказалъ вступать въ городъ.

«8-й полкъ польскихъ улановъ, продолжаетъ «Литовскій Курьеръ», подъ командою князя Доминика Радзивила, вступилъ первый въ столицу Ягеллоновъ. Появленіе польскихъ знаменъ возбудило въ каждомъ обывателѣ благороднѣйшія чувства и воспоминанія. Вскорѣ увидѣли мы на берегахъ Виліи тѣхъ воиновъ, которые прославили польское имя на берегахъ Дуная, Тибра, Таго и даже Нила. Въ числѣ ихъ мы видѣли князей Радзивиловъ, Сапѣговъ, Сангушковъ, графовъ Красинскихъ, Ходкевичей, генераловъ Сокольницкаго, Конопку, Хлопицкаго, Аксамитовскаго, Брониковскаго и многихъ другихъ, коихъ имена останутся навсегда драгоцѣнны для литовцевъ.

«Какъ скоро появился императоръ и король, чувства братской любви соединились съ чувствомъ удивленія, и воздухъ огласился радостными восклицаніями. Всѣ кричали: да здравствуетъ императоръ и король! Народъ толпился вездѣ, куда только обращался Наполеонъ. Всѣ желали воспользоваться его присутствіемъ, дабы сохранить въ сердцахъ образъ великаго мужа. Какъ скоро онъ отправился во дворецъ, обыватели пошли осматривать польскія и французскія войска, вступавшія въ наилучшемъ порядкѣ и состояніи. Наши молодые люди горятъ нетерпѣніемъ вооружиться вмѣстѣ съ единоплеменниками своими».

Энтузіазмъ охватилъ всѣхъ поляковъ; городъ оглашался криками и восклицаніями. Самымъ ярымъ энтузіастомъ явился издатель «Литовскаго Курьера», Марциновскій. Недавній панегиристъ императора Александра, онъ вдругъ, послѣ вступленія французскихъ войскъ, сталъ ожесточеннымъ врагомъ всего русскаго и льстецомъ Наполеона. Онъ называлъ его богомъ, пророкомъ и воскресителемъ польскаго народа. Подъ вліяніемъ мысли объ освобожденіи, граждане, съ развѣвающимися знаменами, вышли навстрѣчу Наполеону и поднесли ему ключи города, значительно впрочемъ опустѣвшаго. Съ отъѣздомъ императора Александра изъ Вильны все населеніе бросилось вразсыпную. Улицы загромоздились экипажами, нагруженными разнымъ имуществомъ. Шумъ и тѣснота продолжались всю ночь; «за то на другой день,—говоритъ Шуазель-Гуфье,—по утру, стало такъ тихо, точно Вильна превратилась въ Венецію».

Наполеонъ остановился въ домѣ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ занимаемомъ императоромъ Александромъ. Въ день вступленія въ Вильну французскій императоръ отправился осмотрѣть городъ и его окрестно-

сти, приказалъ тушить мостъ и провіантскіе магазины, подожженные отступавшими русскими войсками, приказалъ устроить батарею на Замковой горѣ и спустился оттуда къ рѣкѣ Виліи, къ догоравшему мосту. Тамъ производилась постройка одновременно трехъ мостовъ, изъ коихъ одинъ, на плотахъ, былъ оконченъ въ присутствіи самого императора. Сойдя съ лошади, Наполеонъ сѣлъ на бревнѣ, у самаго берега, и, вызвавъ нѣсколькихъ охотниковъ изъ бывшихъ съ нимъ улановъ, приказалъ имъ переправиться вплавь черезъ рѣку и осмотрѣть предмѣстья города [1]). Въ продолженіе двухъ часовъ Наполеонъ, сидя на бревнѣ, «говорилъ со всѣми имѣвшими счастіе приблизиться къ нему». Онъ говорилъ объ администраціи края и, повидимому, интересовался этимъ. Ласковое обхожденіе, — говоритъ корреспондентъ «Литовскаго Курьера»,—всѣмъ неимовѣрно понравилось. Вечеромъ, дома всѣхъ жителей добровольно и единодушно были освѣщены, и весь городъ богато иллюминованъ».

Вильна уподоблялась тогда военному лагерю и была центромъ, черезъ который тянулись войска. Солдаты располагалось бивуакомъ посреди улицъ; всюду раздавалось бряцанье оружія, звуки трубъ, ржаніе лошадей, и слышалась смѣсь всевозможныхъ языковъ.

«Безпечные французы,—пишетъ графиня Шуазель-Гуфье [2]),—удивлялись общему упадку духа и думали, что съумѣютъ уничтожить всѣ встрѣченныя ими препятствія. Они требовали отъ литовцевъ: солдатъ, хлѣба и денегъ, спѣшили устраивать временное правительство и старались возбудить самолюбіе жителей язвительными словами:

— У васъ нѣтъ патріотизма, нѣтъ ни средствъ, ни энергіи,—говорили они.

Литовцы клялись, что «разорятся, но докажутъ, что они поляки».

«Но какая польза была имъ изъ всего этого? Французскій Магометъ не удостоивалъ ихъ даже надеждою за вѣру въ него и всѣ пожертвованія».

Правда, на одной публичной аудіенціи, въ виленскомъ дворцѣ Наполеонъ объявилъ, въ отрывочныхъ, не вполнѣ понятныхъ выраженіяхъ, что онъ пришелъ возстановить Польшу и что въ Варшавѣ собранъ сеймъ для избранія короля. Литовцы, лучше Наполеона, знали, что дѣлается въ Варшавѣ, и что до избранія короля слишкомъ далеко; они знали и то, что Наполеонъ весьма грубо и презрительно отзывался о ли-

---

[1]) М. Богдановичъ „Отечественная война“, ч. I, стр. 137. „Litewski Kurjer“ № 49.

[2]) Въ своихъ воспоминаніяхъ. „Русская Старина“ 1877 г. Т. XX, стр. 597 и 598.

товской аристократіи [1]). Вообще онъ обращался со всѣми рѣзко и не деликатно.

На первомъ балѣ, данномъ въ Вильнѣ въ честь Наполеона, дамы, маршалы и всѣ высокопоставленныя лица встрѣтили его у подъѣзда. Коленкуръ подставилъ ему скамеечку, чтобы удобнѣе было выдти изъ экипажа. Не поклонившись дамамъ и даже не повернувшись въ ихъ сторону, Наполеонъ поднялся по ступенькамъ, устланнымъ шелковой матеріей, привѣтствуемый «всегда для него пріятными возгласами: да здравствуетъ императоръ!»

Войдя въ бальную залу, онъ немного поговорилъ съ дамами и направился къ устроенному для него трону: на коврѣ было поставлено кресло и положена для ногъ подушка. Отшвырнувъ ногою подушку и сѣвъ на кресло, воскреситель Польши произнесъ отрывисто, въ родѣ команды: «дамы садитесь». Когда онъ входилъ въ комнаты, гдѣ сидѣли дамы, то французскіе офицеры говорили довольно громко: Levez vous mes dames! L'Empereur est debout. Никто въ залѣ не смѣлъ сидѣть, когда онъ стоялъ. Наполеонъ оставался на балѣ не долго. Посмотрѣвъ на танцующихъ, поговоривъ съ окружавшими его придворными маршалами, онъ, не обращаясь ни къ кому, прошелъ среди дамъ и уѣхалъ при возгласахъ: «да здравствуетъ императоръ!» [2]).

На другой день послѣ вступленія въ Вильну, Наполеонъ 17-го (29-го) іюня дѣлалъ смотръ войскамъ, принималъ дворянство и духовенство, а 18-го (30-го) числа ему представленъ былъ университетъ. Французскій императоръ говорилъ преимущественно о предметахъ, исключительно касающихся представлявшагося сословія. Со студентами онъ говорилъ о наукахъ, а съ университетскимъ начальствомъ о способѣ ихъ преподаванія. Короче сказать, вниманіе и слова Наполеона были направлены къ тому, чтобы не оставить безъ вниманія ничего, что могло бы склонить населеніе въ его пользу.

22-го іюня онъ принималъ дамъ.

— Императоръ Александръ,—сказалъ онъ имъ,—васъ всѣхъ очаровалъ своей любезностью; остались ли вы хорошими польками?

Послѣднее для него было очень важно, потому что патріотизмъ польскихъ женщинъ онъ цѣнилъ болѣе, чѣмъ патріотизмъ мужчинъ. Наполеонъ часто говорилъ, что въ Польшѣ только женщина обладаетъ умомъ и силою воли и что на нихъ слѣдуетъ прежде всего обращать вниманіе, такъ какъ онѣ «всѣмъ вертятъ въ Польшѣ».

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Воспоминанія графини Шуазель-Гуфье. „Русская Старина" 1877 г. Т. XX, стр. 600.

Разговаривая съ однимъ французскимъ эмигрантомъ, многимъ обязаннымъ императору Александру, Наполеонъ спросилъ его:

— Видѣли ли вы здѣсь императора Александра?

— Я имѣлъ честь являться къ нему,—отвѣчалъ спрошенный.

— Точно ли онъ управляетъ самъ государствомъ?

— Онъ много работаетъ съ своими министрами и всѣ важныя дѣла просматриваетъ самъ.

— Я не объ этомъ васъ спрашиваю. Я желаю знать, ограничена ли его власть Сенатомъ?

Отвѣтъ послѣдовалъ отрицательный.

— Почему русскіе,—спросилъ Наполеонъ,—такъ быстро отступили и не хотѣли принять сраженія подъ Вильной? Я могъ потерять при этомъ тысячъ двадцать.

— Быстрое движеніе французской арміи, подъ начальствомъ славнаго предводителя вѣроятно смутило русскихъ, и они не рѣшились вступить въ сраженіе.

— Вы ошибаетесь. Мы не быстро двигались; меня заставили потерять много времени напрасно. . Я съ неудовольствіемъ началъ эту войну: она будетъ стоить много крови. Меня заставилъ начать ее императоръ Александръ, не сдержавъ условій тильзитскаго мира. Александру дали въ юности плохое направленіе; у него развились неправильныя понятія о филантропіи, вслѣдствіе внушеній его наставника Лагарпа. Повѣрите ли вы, что мнѣ пришлось, во время свиданія въ Эрфуртѣ, оспаривать его мнѣніе, что избирательное правительство гораздо лучше преемственнаго. Надо быть Богомъ, чтобы умѣть управлять людьми! Судьба гораздо лучше помогаетъ имъ (правителямъ) при наслѣдственномъ правѣ, чѣмъ могутъ они устроить сами свои дѣла. Императоръ Александръ не любитъ этикета, онъ часто является совсѣмъ безъ свиты. Мой тесть, императоръ австрійскій, поступаетъ точно такъ же; онъ удивился, увидавъ вокругъ меня такую многочисленную свиту; но я ему объяснилъ, что для французовъ необходимо выказывать величіе, на нихъ надобно дѣйствовать внѣшнимъ блескомъ. Да и положеніе мое другое.

Ему, какъ пришельцу и похитителю власти, необходимо было поддерживать ее блескомъ, силою оружія и идти все впередъ и впередъ, чтобы не лишиться сразу всего пріобрѣтеннаго. Но движеніе впередъ по неустроенному краю и съ арміею, не обезпеченною на продолжительный срокъ, было невозможно, и Наполеонъ принужденъ былъ оставаться въ Вильнѣ восемнадцать дней. Въ это время онъ собиралъ свѣдѣнія о предстоящемъ театрѣ дѣйствій и старался возбудить Литву къ возстанію противъ Россіи. Наполеонъ каждый день дѣлалъ парады, смотры и ученья своимъ войскамъ. Онъ желалъ показать ихъ блестящее состояніе жителямъ Вильны, толпами собиравшимся поглядѣть на императора

и его войска. Онъ не щадилъ даже денегъ и подарковъ для раздачи разнымъ лицамъ. «Въ оба прошедшія воскресенья,—читаемъ въ «Литовскомъ Курьерѣ»,—епископъ Коссаковскій имѣлъ счастіе быть призваннымъ во дворецъ, для отслуженія въ императорской часовнѣ обѣдни, на которой присутствовалъ императоръ, и вчера получилъ брильянтовый перстень, а священники-ассистенты—разные подарки; прислужники же—значительное денежное награжденіе».

Всѣ эти знаки вниманія, конечно, приносили своего рода плоды, пріобрѣтали сторонниковъ Наполеону, но все же не въ такой степени, въ какой онъ бы желалъ. Вообще онъ былъ недоволенъ ни литовскими, ни варшавскими поляками, что̀ и высказалъ при пріемѣ депутатовъ, присланныхъ къ нему въ Вильну отъ варшавскаго сейма. Открытіе послѣдняго, какъ мы видѣли, было задержано де-Прадтомъ. Убѣжденный въ томъ, что только онъ одинъ способенъ говорить при открытіи сейма, де-Прадтъ не позволялъ полякамъ редактировать самимъ ни ихъ манифеста, ни акта конфедераціи, ни прокламацій, которыя должны были быть отправленными въ русскія провинціи, ни даже рѣчей, всегда произносимыхъ на сеймѣ или отъ имени сейма. Все это де-Прадтъ принялъ на себя. Проектъ прокламаціи былъ составленъ человѣкомъ, имѣвшимъ гораздо болѣе таланта, чѣмъ у самого де-Прадта, но онъ не хотѣлъ дозволить публикацію этой прокламаціи безъ своихъ поправокъ. Той же участи подвергся и манифестъ, по которому сеймъ долженъ былъ приступить къ генеральной конфедераціи.

«Манифестъ сейма,—писалъ де-Прадтъ герцогу Бассано [1]),—мною найденъ столь дурнымъ, что я долженъ передѣлать его совершенно». Относительно акта конфедераціи, Прадтъ писалъ тому же герцогу: «Я начертилъ всѣ параграфы, но министръ желалъ длиннаго вступленія, потому что эта форма усвоена съ давнихъ поръ въ Польшѣ. Ваше превосходительство поймете, что я работаю одинъ среди всякаго рода лишеній, усталости и страданій». Никто не просилъ его такъ трудиться, и Наполеонъ, напротивъ, приказалъ ему не вмѣшиваться въ дѣла и вести ихъ такъ, чтобы все происходившее въ Варшавѣ казалось дѣломъ самихъ поляковъ. Французскій императоръ старался замести слѣды своихъ интригъ, а его посланникъ выставлялъ ихъ напоказъ. Наполеону не нравилось подобное вмѣшательство, и онъ скоро сознался, что поступилъ очень неудачно въ выборѣ своего представителя. Онъ желалъ, чтобы поляки шумѣли сами и одни; ему нужна была на всякій случай лазейка, изъ которой онъ могъ бы выдти чистымъ и неприкосновеннымъ къ дѣлу. Проѣхавъ въ армію мимо Варшавы, гдѣ его ждали,

---

[1]) Бывшему тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ, отъ 9-го (21-го) іюня 1812 г.

Наполеонъ сказалъ публично депутатамъ этого города, что пусть поляки въ Варшавѣ шумятъ и восторгаются, какъ хотятъ, что ему пріятно всякое увеличеніе шума.

При такомъ взглядѣ императоръ Франціи не могъ скрыть своего неудовольствія на де-Прадта. Онъ поручилъ своему министру иностранныхъ дѣлъ написать ему, что, по его мнѣнію, рѣчи и адресы, писанные дурнымъ познанскимъ слогомъ, лучше самой краснорѣчивой болтовни де-Прадта. «Ваша рѣчь обольстила меня,—писалъ герцогъ Бассано,—но императоръ недоволенъ ею, и я долженъ согласиться, что онъ правъ. Его величество полагаетъ, что лучше былъ бы адресъ, написанный въ Познани дурнымъ слогомъ, но явно польскимъ слогомъ. Я пишу вамъ это по его приказанію и почти подъ его диктовку».

Самовластныя распоряженія де-Прадта хотя и шокировали поляковъ, но они подчинялись ему добровольно, видя въ немъ представителя того, отъ кого они надѣялись получить вознагражденіе за всѣ прежнія пожертвованія, сдѣланныя ими въ пользу Франціи.

Между тѣмъ 12-го (24-го) іюня появился въ Варшавѣ декретъ Фридриха-Августа саксонскаго, которымъ, во вниманіе къ чрезвычайнымъ обстоятельствамъ «настоящей минуты, готовящей польскому народу великое предназначеніе», высшая власть въ герцогствѣ передавалась во власть министровъ. Совѣтъ послѣднихъ въ тотъ же день объявилъ созваніе генеральнаго сейма, который долженъ былъ открыться 14-го (26-го) іюня.

Въ 7-мь часовъ утра этого дня всѣ члены варшавскаго сейма, министры и государственный совѣтъ собрались въ Замкѣ, откуда отправились въ каѳедральную церковь св. Яна.

Тамъ, по окончаніи обѣдни и проповѣди, епископъ пропѣлъ гимнъ «Veni Creator», и затѣмъ всѣ присутствовавшіе въ церкви отправились въ посольскую залу. Сеймъ открылся провозглашеніемъ единогласно старика князя Адама-Казиміра Чарторыйскаго маршаломъ сейма. Посольская зала соединилась съ сенаторской, гдѣ были собраны воеводы, и князь Чарторыйскій, принявъ присягу и жезлъ—знаки его власти и должности—объявилъ, что сеймъ собранъ и совершенно готовъ начать свои занятія [1]).

— Польша существуетъ, — сказалъ маршалъ, — королевство и нація польская возстановлены.

Вслѣдъ затѣмъ князь Чарторыйскій объявилъ, что онъ получилъ прошенія многихъ поляковъ о принятіи рѣшительныхъ мѣръ къ возстановленію отечества. Въ числѣ просьбъ, по его словамъ, была и просьба отъ жителей Литовскаго края. Передавая ее секретарю сейма для прочтенія, князь Чарторыйскій скрылъ отъ собравшихся, что прошеніе со-

[1]) Souvenirs d'un diplomate, p. 284.

ставлено въ Варшавѣ и подписано всего 32-мя жителями герцогства, владѣвшими имѣніями въ западныхъ губерніяхъ Россіи.

«Величайшимъ признакомъ благоразумія,—сказано было въ этой просьбѣ,—и лучшимъ доказательствомъ ревности въ важнѣйшихъ народныхъ дѣлахъ есть умѣнье пользоваться обстоятельствами и временемъ, которыя измѣняютъ человѣческія дѣла часто помимо всякихъ ожиданій. Настоящая минута владѣетъ всѣми чувствами польскаго народа, она исполнена важныхъ событій и выставляетъ столь великое знамя, какое еще не видано было исторіей міра.—Изъ всѣхъ странъ нашего края несется къ вамъ, собранные счастливымъ случаемъ представители польскаго народа, голосъ глубокаго чувства. Оглянитесь, говоритъ онъ, въ настоящую минуту на все, что васъ окружаетъ, многоуважаемые мужи, и собственное чувство ваше укажетъ вамъ ваше великое значеніе. Мы сказали себѣ съ твердымъ убѣжденіемъ: надо возвратить отечество, надо завѣщать его внукамъ. Небо посылаетъ счастливое время для того: теперь собрался сеймъ, который можетъ служить опорой для нашихъ желаній и усилій.—Приглашаемъ васъ, именемъ нашимъ и нашего потомства, заняться великимъ дѣломъ возстановленія отечества. Не время развлекаться текущими дѣлами, облегченіемъ нынѣшнихъ нуждъ, вопросами частными!.. Честь, любовь къ отечеству, голосъ народа возлагаютъ на васъ въ настоящую минуту иныя обязанности; обратите же къ нимъ свою мысль и будьте мужественнѣе! Никто безнаказанно не можетъ отказываться отъ счастливыхъ обстоятельствъ... Теперь или никогда! Мы предоставляемъ вамъ начинаніе въ этомъ дѣлѣ. Сколько вооруженныхъ рукъ и какая пылкая храбрость ждутъ только вашего слова!... Будьте смѣлѣе!.. Дѣйствуйте!.. Огромныя богатства уже издержаны на это дѣло; ничего ужъ, кромѣ мужества, мы не имѣемъ; намъ остается только добиться величайшаго счастія въ свѣтѣ,—счастія имѣть и передать нашимъ дѣтямъ отечество».

Жаркими защитниками подписавшихъ эту просьбу явились: епископъ выгерскій, воеводы: Замойскій, князь Яблоновскій и Выбицкій. Послѣдній предложилъ избрать особую коммиссію, которая обсудила бы все дѣло. Послѣ долгихъ споровъ и преній коммиссія была назначена, и ей поручено представить планъ дѣйствій сообразный съ тогдашними обстоятельствами. Коммиссія представила проектъ акта конфедераціи, который былъ немедленно одобренъ и принятъ [1]).

«Собравшись на сеймъ въ Варшаву,—сказано было въ актѣ конфедераціи,—и въ полномъ числѣ членовъ, сеймъ составляющихъ, въ на-

---

[1]) См. „Litewski Kuryer" №№ 50, 61, 63 и „Dziennik Konfederacyi Jeneralney Krolestwa polskiego" 1812 roky № 3.

стоящихъ обстоятельствахъ, когда все, что насъ окружаетъ, изумляется происходящимъ; укрѣпясь врожденною въ сердцахъ нашихъ любовію къ отечеству, напоминающею намъ, что весь народъ ждетъ отъ насъ успѣшныхъ мѣръ, что на насъ обращены глаза всего свѣта, что потомство, судя по законамъ нашимъ, опредѣлитъ намъ, по безпристрастному приговору, благословеніе или проклятіе,—желая основательно разсмотрѣть и вникнуть во все величіе столь важнаго дѣла, довѣрили мы означенной чрезвычайной коммиссіи представить намъ положеніе вещей, а равно и способы, могущіе скорѣйшимъ образомъ обезпечить бытіе и пользы наши въ посланныхъ нынѣ отъ неба обстоятельствахъ. Оправдалось достаточно ожиданіе наше. Коммиссія ознаменовала теплыя чувства и соблюла наисвятѣйшія права народа польскаго, показавъ, куда и какою дорогою намъ надлежитъ стремиться».

Основываясь на этомъ указаніи, сеймъ рѣшилъ вступить безотлагательно въ составленіе генеральной конфедераціи. «Но дабы явнѣе и несомнительнѣе доказать непорочность и святость побужденій, цѣлей и намѣреній нашихъ, объявляемъ наиторжественнѣйше передъ Богомъ святымъ и всѣмъ польскимъ народомъ, что, нося единое имя, питая въ сердцѣ единую жажду возвратить паки въ одно цѣлое, несправедливѣйшимъ насиліемъ отторгнутыя части отечества и доставить ему древнее его бытіе и благоденствіе—устраивающаяся нынѣ генеральная конфедерація не обратитъ вниманія на тѣхъ, которые отечеству смертельныя наносили раны, не откроются въ нѣдрахъ его пытки и коммиссіи для сыска однихъ, для преслѣдованія другихъ и къ бѣдствію всѣхъ вообще».

Конфедерація обѣщала не заниматься работами законодательными или судебными, но исключительно великимъ дѣломъ возстановленія отечества и «благороднѣйшею обязанностію сохранять и увеличивать народное ополченіе, въ чистѣйшей безпорочности и суровой силѣ».

«Дѣло угнетенной невинности противъ жестокаго и явнаго насилія можетъ назваться дѣломъ самихъ небесъ, когда бытію Польши, возстановленной на правилахъ, сходственныхъ врожденнымъ наклонностямъ и народному нраву, обѣщается подпора могущественнѣйшаго въ свѣтѣ союзника, въ вѣрности коего никогда сомнѣваться и бездѣятельности предвидѣть невозможно. Почему не питать въ сердцахъ надежды, что тотъ, который только то достойнымъ себя почитаетъ, что правосудно и велико, коего творческой рукѣ и началомъ своимъ мы обязаны, коего одна мысль, одно слово достаточно для утвержденія бытія нашего? Почему откажетъ онъ въ непобѣдимой своей защитѣ нашему предпріятію? Поднесемъ къ подножію его престола дань нашей преданности, довѣренности, наши мольбы и упованія. Будемъ просить и умолять, да изречетъ то творческое слово, которое усовершенствуетъ наше начальное бытіе, имъ же созданное.

«Но дабы покровительства сего тѣмъ паче оказать себя достойнымъ, присягнемъ торжественно, что чувство, которое нынѣ душу нашу воспаляетъ, никакимъ событіемъ не охладится, что то мужество, съ коимъ мы пускаемся въ благороднѣйшее ополченіе, никакая сила ослабить не возможетъ. Да не измѣнится упорство наше, въ объявленномъ нынѣ предпріятіи и союзѣ, пока не соединимъ съ нами отторгнутыхъ членовъ общаго отечества, тѣхъ братьевъ любезныхъ, коихъ сердца наши всегда съ горестію призывали, хотя раздѣляли насъ насильственною рукою поставленныя между нами преграды.

«Поляки! Вы, которыхъ мы еще не видали, а видѣть среди себя страстно желаемъ, судя о вашихъ чувствованіяхъ по тѣмъ, которыя наполняютъ наши сердца, мы вызываемъ васъ, именемъ общей матери, соединить силы съ нами на спасеніе ея. Не обратимъ глазъ нашихъ на прошедшее, развѣ для того только, чтобы преисполниться ужасомъ къ оному, а не для того, чтобы слѣдовать тому, что было при насильственномъ правленіи, но чтобы онаго избѣгать. Все прошедшее предается забвенію. Возрождающееся отечество всѣхъ сыновъ призываетъ къ сердцу своему. Для заслугъ и славы новыя открываются всѣмъ поприща. Подадимъ себѣ братски руки, и справедливое небо добродѣтельнымъ усиліямъ не откажетъ въ наградѣ. Оно воскреситъ то счастливое время, когда воинство, рыцарскіе щиты и народныя знамена украшались Бѣлымъ орломъ, то время, когда на плодоносныхъ жатвахъ Волыни, на равнинахъ Подоліи и Украйны радостный будетъ раздаваться гласъ: «Отечество здравствуетъ! Польша возстала!»

Послѣ такого предисловія, изложеннаго въ актѣ, собравшіеся постановили: 1) Сеймъ преобразовывается въ генеральную конфедерацію; 2) Конфедерація объявляетъ, что Королевство Польское возстановлено и народъ польскій въ одно цѣлое соединенъ; 3) Къ конфедераціи присоединяются всѣ сеймики и свои акты присылаютъ генеральной конфедераціи; 4) Всѣ поляки поголовно призываются и обязываются принять участіе въ конфедераціи; 5) Всѣ части Польши приглашаются вступить въ конфедерацію, по мѣрѣ того, какъ отдаленіе непріятеля дастъ имъ возможность къ тому; 6) Всѣ офицеры, солдаты, чиновники гражданскіе и военные, родомъ поляки, живущіе въ польскихъ владѣніяхъ Россіи, несправедливо удерживаемые подъ ея властью, призываются оставить службу той Имперіи; 7) Всѣ военные будутъ помѣщены въ польскихъ рядахъ, а гражданскіе чиновники могутъ быть опредѣлены на соотвѣтственную степень въ польскомъ гражданскомъ правленіи; 8) Всѣ сословія: духовное, гражданское и военное разглашаютъ каждый у себя о разумѣ и цѣли конфедераціи. Съ этою цѣлію епископы разсылаютъ пастырскіе листы, а всѣ остальные распространяютъ всѣ акты, касающіеся конфедераціи,

могущіе ободрить народный духъ; 9) Всѣ члены сейма обязаны озаботиться о такомъ же распространеніи.

Конфедерація передала свою власть генеральному совѣту, мѣстомъ пребыванія котораго была Варшава и вмѣстѣ съ тѣмъ постановила послать депутацію къ королю саксонскому, съ просьбой дозволить приступить къ польской генеральной конфедераціи. Одновременно съ этимъ рѣшено было послать депутацію и къ Наполеону «для представленія ему акта конфедераціи и съ просьбою, чтобы освятилъ своимъ мощнымъ покровительствомъ колыбель возрождающейся Польши».

«Конфедерація обязывается торжественно передъ небомъ и землею и именемъ всѣхъ поляковъ, что доведетъ до конца и всѣми зависящими отъ нея средствами усовершенствуетъ великое дѣло, ею нынѣ подъятое».

«Конфедерація объявляетъ, что въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда всѣ ея труды и всѣ усилія къ тому лишь только клонятся, чтобы возобновить отечество и возстановить всѣ его части, не можно будетъ считать добрымъ полякомъ и хорошимъ обывателемъ того, кто бы пожелалъ выискивать въ прошедшихъ временахъ поводы къ распрямъ или къ какому-либо раздѣлу; однимъ словомъ, того, кто позволилъ бы себѣ какой-либо шагъ, могущій бросить сѣмя раздора въ общемъ отечествѣ».

Въ такомъ видѣ актъ конфедераціи былъ отправленъ съ депутатами въ Вильну.

Какъ только составилась конфедерація и власть была передана генеральному совѣту, сеймъ разошелся. Этотъ скорый роспускъ его казался происшествіемъ столь чрезвычайнымъ, что всѣ полагали, что сеймъ распущенъ по приказанію Наполеона [1]). Въ дѣйствительности это произошло по происканъ де-Прадта, вмѣшивавшагося во все. На засѣданіи сейма тщеславный прелатъ занималъ мѣсто между сенаторами и тропомъ,—что было не слишкомъ блестящимъ предзнаменованіемъ будущей самобытности и самостоятельности поляковъ. Наполеонъ желалъ, чтобы сеймъ продолжалъ свои засѣданія, чтобы въ то же время собиралось какъ можно болѣе частныхъ конфедерацій—словомъ, чтобы поднялся весь польскій народъ. Но де-Прадтъ думалъ совсѣмъ иначе. Онъ разсудилъ распустить сеймъ, соединявшій въ себѣ законодательную и исполнительную власти, находя стѣснительнымъ для себя его существованіе. Прадтъ желалъ, чтобы власть оставалась въ рукахъ министровъ, а слѣдовательно въ его собственныхъ рукахъ. Французскій чрезвычайный посолъ поступилъ въ этомъ случаѣ самопроизвольно. Онъ не только не имѣлъ на то полномочія или приказанія, но даже дѣйствовалъ противно даннымъ ему инструкціямъ. Наполеонъ удивился такому

[1]) Souvenir d'un diplomate, p. 234.

поступку, а энтузіазмъ варшавскихъ поляковъ, увидавшихъ чужое вмѣшательство, значительно охладѣлъ, и де-Прадту пришлось увѣрять въ противномъ.

«Сеймъ разошелся сегодня—писалъ де-Прадтъ герцогу Бассанскому.—Нельзя изобразить того восторга, который охватилъ всѣхъ поляковъ относительно императора. Вчера его имя не переставало гремѣть по всему городу, и восклицанія возобновлялись при всякомъ удобномъ случаѣ. Все, чего желаетъ императоръ, все, что онъ пожелаетъ внушить, будетъ принято и исполнено безпрекословно. Я болѣе всего хлопочу о томъ, чтобы положить въ ихъ рѣчахъ, въ ихъ актахъ границы и предѣлъ въ изліяніи этихъ чувствъ. Они (поляки) слишкомъ быстры и живы для того, чтобы ихъ не останавливать»...

Въ другомъ мѣстѣ де-Прадтъ говоритъ, что поляки пойдутъ слишкомъ далеко, если ихъ не удержать. Дѣйствительно, сеймъ этотъ предоставлялъ зрѣлище, подобное прежнимъ польскимъ сеймамъ. По словамъ Биньона, съ объявленіемъ маршаломъ о возстановленіи Польши, глазамъ наблюдателя представилась великолѣпная и вмѣстѣ странная картина. Крики радости раздавались повсюду; поляки обнимались, поздравляли другъ друга и украшали себя національнымъ цвѣтомъ. Много было пламеннаго энтузіазма, много рѣчей, много шума и блеска, но вмѣстѣ съ тѣмъ много тайныхъ раздоровъ, интригъ, тутъ же появившихся, и соперничества.

Указывая на это, де-Прадтъ счелъ своею обязанностью дать совѣтъ герцогу Бассано и по поводу отправленія депутаціи въ Вильну.

«Надобно,—писалъ онъ [1]),—передѣлать всѣ рѣчи, которыя не могутъ быть представлены публикѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ произносились. Вообще все, что происходитъ отъ этихъ поляковъ, est hors de toute règle de goût et de toute mesure.

29-го іюня (11-го іюля) герцогъ Бассано представилъ Наполеону депутатовъ польскаго конфедераціоннаго сейма. Депутацію составляли сенаторы: Выбицкій и Соболевскій, графъ Станиславъ Солтыкъ, графъ Владиславъ Тарновскій, графъ Игнатій Стадницкій, Станиславъ Александровичъ, Александръ Бнинскій и Матвѣй Водзинскій. Къ сожалѣнію для поляковъ, депутація была отправлена поздно и неудачно. Наполеонъ былъ недоволенъ актомъ конфедераціи, включившимъ воззваніе къ полякамъ, находившимся во владѣніи Австріи, съ которой онъ заключилъ союзъ и желалъ остаться нейтральнымъ. Онъ хотѣлъ отъ поляковъ только поголовнаго ополченія въ Варшавскомъ герцогствѣ и Литвѣ. Съ этою цѣлію онъ оставилъ де-Прадта въ Варшавѣ, а барона Биньона призвалъ въ Вильну; оба они должны были стремиться къ тому,

[1]) Письма Прадта герцогу Бассано отъ 1-го и 3-го іюля.

чтобы поляки какъ одинъ человѣкъ возстали противъ Россіи. Между тѣмъ въ Варшавѣ поступили такъ, какъ будто Польша была уже окончательно возстановлена въ старинныхъ предѣлахъ, а Биньонъ хотя и составилъ въ Литвѣ, какъ увидимъ ниже, нѣчто въ родѣ конфедераціи и особое временное правительство, но они не принесли дѣлу Наполеона никакой пользы.

При переходѣ черезъ Нѣманъ, онъ объявилъ въ приказѣ войскамъ, что они вступили въ непріятельскую землю. Французы стали смотрѣть на Литву какъ на враждебную имъ страну, грабили и разоряли ее. Литовцы не ожидали этого отъ своего избавителя и какъ въ началѣ, полные энтузіазма, шли навстрѣчу ему, такъ впослѣдствіи обиженные, разоренные и ограбленные бѣжали въ лѣса, бросая свое достояніе и спасая только женъ и дѣтей.

— Наше вступленіе въ Литву,—говорилъ впослѣдствіи самъ Наполеонъ,—совершилось подъ вліяніемъ самыхъ плачевныхъ предвѣщаній. Проливные дожди разстраивали нашу конницу, питавшуюся одною зеленью ржи и стоявшую на бивакахъ подъ настоящимъ потопомъ. Артиллерійскія лошади гибли цѣлыми упряжами. Я нашелся вынужденнымъ бросить сто орудій и 500 фуръ, за неимѣніемъ коней. Въ одномъ Виленскомъ округѣ лежало по дорогамъ до 5.000 павшихъ лошадей. Продовольствіе войскъ сопряжено было съ величайшими затрудненіями, и безпорядокъ, возникшій отъ прохода трехъ-сотъ тысячъ солдатъ, породилъ множество бѣглыхъ и отсталыхъ. Число сихъ послѣднихъ доходило въ концѣ іюня до тридцати тысячъ человѣкъ. Все это подавало поводъ къ размышленію,

Бѣглые и отсталые разбрелись по огромной площади и мародерничали. Жители принуждены были разбѣжаться; страна опустѣла. Для прекращенія безпорядковъ Наполеонъ учредилъ въ Вильнѣ коммиссію, возложивъ на нее обязанность предавать суду бродягъ и грабителей. Коммиссія эта мало помогла дѣлу. Жители Литвы, видя безурядицу въ рядахъ «великой арміи» и будучи жертвою ея насилій, не думая о конфедераціи, желали скорѣйшаго освобожденія отъ непріятеля. Только высшій классъ и нѣкоторая шляхта слѣдовали совѣтамъ барона Биньона.

Съ другой стороны, Наполеонъ, разстроенный значительными потерями до сраженія и безпорядками въ тылу арміи, пересталъ думать о варшавскихъ и литовскихъ полякахъ и боялся только раздражить Австрію въ такую минуту, когда желалъ получить отъ нея, кромѣ корпуса Шварценберга, еще другой корпусъ въ помощь таявшей «великой арміи». Для достиженія цѣли ему приходилось охладить поляковъ, и прибывшая депутація представила ему къ тому весьма удобный случай. Прежде всего онъ требовалъ отъ депутатовъ приготовленную ими рѣчь.

Она была написана архіепископомъ и не одобрена. Рѣчь, приготовленная графомъ Станиславомъ Потоцкимъ, была также признана неудовлетворительною [1]). Тогда воевода Выбицкій, бывшій первымъ депутатомъ, произнесъ рѣчь, которая, по мнѣнію Шлоссера, была составлена при участіи Биньона [2]).

«Всемилостивѣйшій государь!—говорилъ Выбицкій,—сеймъ Варшавскаго герцогства, собравшійся по приближеніи могущественной арміи вашего императорскаго величества, употребилъ всевозможное стараніе, дабы воины ваши ни въ чемъ не терпѣли недостатка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что пришло время требовать вознагражденія за нанесенныя нашему народу обиды и привести въ исполненіе высокія его намѣренія. Въ такомъ удостовѣреніи сеймъ единогласно составилъ генеральную конфедерацію и, признавая незаконными всѣ самовольныя и наѣзднические (?) дѣйствія, лишившія народъ нашъ самобытности, объявилъ, что всѣ права возвращены Польшѣ.

«Ваше величество трудитесь для потомства и исторіи сего міра. Потомство же и исторія не могутъ не знать правъ нашихъ. Бывъ вольнымъ и самобытнымъ народомъ съ незапамятныхъ временъ, не побѣжденные войною, или вслѣдствіе какихъ-либо трактатовъ, потеряли мы землю и самобытность нашу. Измѣна и коварство лишили насъ оныхъ; измѣна же никогда не была законною.

«Послѣдній король нашъ увезенъ былъ въ Петербургъ и кончилъ тамъ жизнь свою въ уничиженіи. Монархи, раздѣлившіе землю нашу на части, подѣлились оными, не дознавъ (вида) отъ насъ никакихъ притязаній, ни войны, и завладѣли краемъ, который не пріобрѣли войною.

«Итакъ права наши ясны, видимы небу и міру. Можемъ провозгласить себя поляками, воздвигнуть тронъ Ягеллоновъ и Собіесскихъ, возвратить политическую самостоятельность, соединить расторгнутыя части и, наконецъ, вооружиться за отечество, сразиться за оное и доказать міру, что мы достойны прадѣдовъ нашихъ, ибо права наши нераздѣльны съ обязанностями.

«Благодаря вашему величеству, четыре милліона поляковъ уже освобождены и управляются польскими законами; но счастіе, коимъ наслаждаются, не изгладило въ нихъ обязанностей, возлагаемыхъ отечествомъ—онѣ начертаны въ сердцѣ каждаго и внушены самимъ небомъ. Братья наши, составляющіе бо́льшую часть народонаселенія Польши, стонутъ еще въ цѣпяхъ московскихъ. Мы дерзаемъ напомнить о правахъ ихъ и указать имъ точку соединенія всего польскаго семейства.

---

[1]) Histoire de l'ambassade dans le Grand Duché de Varsovie en 1812.—Par M. De-Pradt, p. 118.

[2]) Шлоссеръ, VIII, 131.

«Неужели ваше величество не одобрите поступка, внушеннаго долгомъ поляка, неужели почтете неправильнымъ то, что мы возвратились къ правамъ нашимъ? Уже рѣшено: съ этой минуты отечество наше—Польша возстановлена! Существованіе его обезпечено правомъ, но будетъ ли увѣнчано успѣхомъ? Долгъ и законъ оправдываютъ намѣренія наши, но поддержитъ ли сила наше дѣло? Неужели Всевышній не удовольствуется наказаніемъ, ниспосланнымъ за наши несогласія? Неужели захочетъ увѣковѣчить наши несчастія, и неужели поляки за то, что питали въ сердцахъ своихъ любовь къ отечеству, должны будутъ сойти во гробъ въ отчаяніи и безъ надежды? — Нѣтъ. Ты, государь, ниспосланъ Провидѣніемъ, въ тебѣ проявляется его сила, и существованіемъ нашего герцогства мы обязаны твоему могуществу.

«Мы присланы къ вашему величеству отъ конфедераціи, для представленія на высочайшее утвержденіе акта конфедераціи и испрошенія могущественнаго вашего покровительства Польскому королевству. Изреките, всемилостивѣйшій государь, что Польша существуетъ! и весь міръ почитать будетъ слова ваши осуществленною истиною. Есть насъ шестнадцать милліоновъ поляковъ, но нѣтъ ни одного между нами, который бы не пожертвовалъ кровію, жизнію и достоинствомъ за ваше величество. Всѣ жертвы покажутся намъ незначительными для возстановленія нашего отечества, по призыву котораго отъ Двины до Днѣстра, отъ Днѣпра до Одера всѣ вооружатся, всѣ посвятятъ ему свои чувства.

«Вспомнивъ Аустерлицъ, Пултускъ, Эйлау и Фридландъ, вспомнивъ присягу, учиненную въ Эрфуртѣ и Тильзитѣ, должно полагать (!), что объявленная нынѣ Россіею война есть карающее ее предопредѣленіе Провидѣнія, которое, тронувшись нашими страданіями, вознамѣрилось положить имъ предѣлъ.

«И вотъ едва объявлена эта вторая польская война, какъ мы уже изъявляемъ преданность нашу вашему величеству въ столицѣ древнихъ Ягеллоновъ. Орлы твои осѣняютъ уже берега Нѣмана, московскія войска разбиты, отрѣзаны, разсѣяны и блуждаютъ безъ цѣли, напрасно силясь соединиться для сопротивленія. Возстановленіе Польши необходимо для имперіи вашего величества; можетъ быть, и слава французскаго народа того требуетъ. Ежели раздѣлъ Польши былъ признакомъ клонящейся къ упадку французской монархіи, пусть возстановленіе ея будетъ доказательствомъ, что Франція снова находится въ цвѣтущемъ состояніи. Когда Польша находилась въ затруднительномъ положеніи, она всегда, въ продолженіе трехъ почти столѣтій, обращала взоры свои къ Франціи — великодушному и сильному народу. Но исполненіе нашихъ желаній предоставлено Провидѣніемъ основателю четвертой династіи,

великому Наполеону, для котораго политика трехъ столѣтій была предметомъ одного мгновенія, и едва измѣримое пространство отъ юга къ сѣверу обнято однимъ его взглядомъ.

«Всемилостивѣйшій государь! Представляя вашему величеству актъ конфедераціи, провозгласившей возрожденіе и существованіе Польши, возобновляемъ передъ лицомъ вашего величества торжественнѣйшій обѣтъ, что соединеніемъ всѣхъ желаній, всѣхъ усилій нашихъ и, если нужно будетъ, пролитіемъ крови до послѣдней капли, стараться будемъ привести въ исполненіе намѣреніе наше. Столь великое намѣреніе увѣнчано будетъ желаемымъ успѣхомъ, ежели ваше величество удостоите насъ могущественнаго вашего покровительства».

Эта восторженная рѣчь, полная просьбъ, лести, надеждъ, не была удостоена разрѣшительнымъ отвѣтомъ Наполеона. Въ отвѣтѣ своемъ онъ хотя и польстилъ депутатамъ, а въ лицѣ ихъ и всей польской націи, но холодность его не была ни для кого тайною: поляки не того ожидали. Они заявили Наполеону, что провозгласили уже возрожденіе Польши и просили его подтвержденія этого факта, а французскій императоръ отвѣчалъ имъ, что ему очень пріятно видѣть, что поляки шумятъ, кричатъ и вооружаются поголовно, въ надеждѣ на возстановленіе своего отечества.

«Я выслушалъ съ участіемъ — говорилъ Наполеонъ депутатамъ,— все то, что̀ вы мнѣ сказали. Еслибы я былъ полякъ, я чувствовалъ бы и дѣйствовалъ такъ, какъ вы, и такъ, какъ вы, поступилъ бы на варшавскомъ собраніи. Любовь къ отечеству, есть первѣйшая добродѣтель образованнаго человѣка.

«Въ моемъ же положеніи, я долженъ обращать вниманіе на разныя отношенія и исполнять многія обязанности. Еслибы я царствовалъ во время перваго, втораго или третьяго раздѣла Польши, то я вооружилъ бы весь народъ мой для доставленія вамъ помощи. И какъ скоро побѣды доставили мнѣ возможность возвратить столицѣ вашей и нѣкоторымъ провинціямъ древнія права ваши, я исполнилъ это съ любовію, не продолжая однако же войны, дабы пощадить кровь моихъ подданныхъ. Люблю вашу націю. Въ продолженіе шестнадцати лѣтъ воины ваши сражались подлѣ меня на поляхъ Италіи и Испаніи. Одобряю все, что вы сдѣлали. Уполномочиваю васъ ко всѣмъ усиліямъ, какія намѣреваетесь употребить, и сдѣлаю все, что только отъ меня зависитъ, для поддержанія вашихъ намѣреній. Если усилія ваши будутъ единодушны— можете питать надежду, что заставите враговъ вашихъ признать права ваши. Но въ этихъ обширныхъ и столь удаленныхъ провинціяхъ только отъ единодушныхъ усилій всѣхъ жителей можете ожидать желаемаго успѣха. Я говорилъ вамъ то же самое, когда въ первый разъ явился на вашей землѣ. Теперь долженъ еще прибавить, что я гаран-

тировалъ императору австрійскому цѣлость его владѣній и не могу допустить и уполномочить васъ ни къ какимъ дѣйствіямъ или движеніямъ, клонящимся къ нарушенію спокойствія оставшихся въ его владѣніи польскихъ провинцій. Пусть Литва, Самогитія, Витебскъ, Полоцкъ, Могилевъ, Волынь, Украйна и Подолія одушевляются тѣмъ духомъ, который я нашелъ въ Великой Польшѣ—и Провидѣніе увѣнчаетъ успѣхомъ святое ваше дѣло. Оно вамъ вознаградитъ эту преданность къ отечеству, расположившую всѣхъ въ вашу пользу и доставившую вамъ мое уваженіе и покровительство, на которое во всякомъ случаѣ должны полагаться».

И такъ—«мужайтесь, поляки, надѣйтесь на помощь Божію и милость императора, который, впрочемъ, ничего не обѣщаетъ» — вотъ смыслъ рѣчи Наполеона.

Такой неясный и уклончивый отвѣтъ, по мнѣнію де-Прадта, все испортилъ—депутаты смутились, охладѣли. Холодность ихъ сообщилась всей Польшѣ, и съ этого времени невозможно было воспламенить поляковъ такъ, какъ хотѣлось бы Наполеону. Въ тотъ же самый день, когда представлялись депутаты изъ Варшавы, Наполеонъ принималъ депутацію и отъ Самогитскаго (Жмудскаго) княжества. Гелгуды, Биллевичи-Бяллозоры, Іеленскіе и другіе, по выраженію «Литовскаго Курьера», «благомыслящіе сыны отечества», прибыли съ покорностію къ Наполеону, какъ только узнали о занятіи «Гедыминовой столицы, дабы какъ можно скорѣе изъявить и раздѣлить счастіе съ обывателями виленскаго воеводства» [1]). Императоръ разговаривалъ съ ними о разныхъ подробностяхъ, относящихся до ихъ края. Каждое его слово принималось съ восторгомъ поляками.

Вильна въ это время представляла необыкновенное оживленіе. Кромѣ двора Наполеона въ стѣнахъ ея находились первѣйшіе и знатнѣйшіе поляки. Воодушевленная молодежь спѣшила подъ польскія знамена. Въ почетной гвардіи встрѣчаются имена Огинскихъ, Пильсудскаго, Платера, Рено, Ромера, Хлѣвинскаго, Леневича, Чарковскаго, Поморацкаго и другихъ. Въ литовской гвардіи, бывшей подъ начальствомъ Конопки, встрѣчаются имена менѣе извѣстныя: Нарбуты, Михайловскіе, Абрамовичъ, Вепржовскій и другіе. Должно надѣяться, говорили поляки, что литовская гвардія Конопки будетъ искать перваго случая отличиться такъ, какъ отличилась польская гвардія графа Красинскаго при Самоссіерѣ и Бенавентѣ.

Не смотря на всю неблагопріятность отвѣта Наполеона на рѣчь Выбицкаго, варшавскіе поляки все еще надѣялись на лучшій исходъ, на лучшую будущность. Эта надежда вызвала постановленіе, по которому

[1]) „Litewski Kurjer“ 15-го іюля 1812 года № 52.

конфедерація, выслушавъ рапортъ депутатовъ, посланныхъ къ Наполеону, постановила: «слова, произнесенныя императоромъ на рѣчь сенатора Выбицкаго, написавъ золотыми буквами на мраморной доскѣ, помѣстить въ залѣ сената, противъ трона. День 29-го іюня (11-го іюля), въ который Наполеонъ принималъ делегатовъ конфедерації, праздновать ежегодно, а на медали, установленной въ память этого дня, означить 29-го іюня (11-го іюля) и 16-го (28-го) іюня—день, въ который составилась конфедерація [1]).

Такими дѣйствіями поляки хотѣли ободрить себя и польстить Наполеону.—«Литовскій Курьеръ» употреблялъ всѣ силы, чтобы воодушевить поляковъ западныхъ нашихъ провинцій. Онъ пускалъ въ ходъ ложныя извѣстія о побѣдахъ Наполеона и неудачахъ русскихъ войскъ [2]).

---

[1]) См. Dziennik Konfederacyi Jeneralney Krolestwa polskiego 1821 roku № 9.

[2]) „По причинѣ накопленія множества матеріаловъ и разныхъ занятій,—говорила газета,—мы упомянули вкратцѣ объ отступленіи наѣздниковъ (najezdnikow) нашихъ, о прибытіи побѣдителей ихъ и о генеральной конфедерації поляковъ для возстановленія Польскаго королевства. Нынѣ, въ свободное время, извѣщаемъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ сихъ великихъ событій. Почти два года смотрѣли мы на приготовленія Россіи къ войнѣ. Мы видѣли, въ настоящемъ году, съ какою поспѣшностію полки изъ глубины Азіи собирались на границу Варшавскаго герцогства. Еще въ апрѣлѣ пришли толпы калмыковъ и башкировъ, вооруженныхъ луками. Въ мартѣ собрано множество народа для приготовленія мостовъ на Нѣманѣ, проложенія военныхъ дорогъ и заготовленія разныхъ военныхъ потребностей. Пришла гвардія—прибылъ весь дворъ. Безпрерывно носились слухи о нашествіи сосѣднихъ державъ, и помѣщичьи деревни обременяемы были безпрерывно требованіями подводъ, сѣна и хлѣба. Между тѣмъ для устрашенія поляковъ обнародованъ новый военный уставъ (?). И когда здѣсь, въ Вильнѣ, англійская партія 11-го (23-го) іюня, давала балъ Александру, въ ту же ночь непобѣдимая армія Наполеона переходила Нѣманъ, 12-го (24-го) числа получили русскіе извѣстіе о приближеніи ихъ побѣдителей. Немедленно выѣхалъ дворъ, а за нимъ отправились всѣ чиновники, угнетавшіе насъ въ продолженіе 20 лѣтъ. Ночью 15-го (27-го) числа начали отступать россійскія войска, расположенныя на ковенской дорогѣ, гоня передъ собой лошадей и скотъ нашихъ крестьянъ. По утру 16-го (28-го) числа, казаки зажгли мосты на рѣкѣ Виліи и огромные магазины, которые непріятельское правительство наполнило отнятымъ у крестьянъ нашихъ достояніемъ. Поставленныя 36 пушекъ и казачьи отряды лишили жителей всякой возможности погасить пожаръ. Черезъ часъ послѣ того вторглись поляки и поспѣшили къ Антоколю, преслѣдуя бѣгущихъ казаковъ. Храбрый майоръ Сухаржевскій съ нѣсколькими десятками уланъ 6-го полка, состоящаго подъ командою Понятовскаго, взялъ въ плѣнъ нѣсколько десятковъ офицеровъ, казаковъ и пѣхотныхъ солдатъ. Въ 12 часовъ вступила побѣдоносная армія. Съ какою радостію, восторгомъ и чувствами счастія приняли обыватели своихъ избавителей, каждый патріотъ легко себѣ представить можетъ. За достовѣрное разсказываютъ, что одинъ

Литовскія дамы не отставали въ общемъ движеніи. Прекрасный полъ, имѣющій столь сильное вліяніе въ странѣ, старался обратить вниманіе польскаго юношества на военное поприще, отъ котораго зависѣла слава и честь польскаго народа [1]).

По словамъ «Литовскаго Курьера» [2]), польскія женщины выражали желаніе сами принять фактическое участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. 11-го (23-го) іюля явилась въ Варшавѣ къ князю Чарторыйскому молодая, замѣчательной красоты украинка (Ukrainka), одѣтая въ уланское платье. Она принадлежала къ одной изъ извѣстныхъ фамилій и заявила, что, узнавъ о начавшихся непріятельскихъ дѣйствіяхъ, пожелала раздѣлить съ своимъ мужемъ, служившимъ уже въ польской арміи, всѣ случайности и опасности. Сообщивъ о своемъ намѣреніи подругамъ, она нашла очень много послѣдовательницъ. По ея словамъ, цифра желавшихъ составить польскій женскій легіонъ достигла до 200 женщинъ, но «на первый случай она согласилась взять съ собою только тѣхъ, коихъ намѣреніе было столь же сильно, какъ и ея собственное, и потому она соединилась только съ 15-ю женщинами, за которыхъ отвѣчаетъ, какъ за самое себя. Князь Чарторыйскій рукоплесканіемъ одобрилъ ее намѣреніе и мужество.

«Литовскій Курьеръ» поспѣшилъ извѣстить о такомъ подвигѣ польской патріотки и приглашалъ другихъ слѣдовать ея примѣру. Онъ всѣми мѣрами старался поддерживать воодушевленіе поляковъ, возбуждаемое и театральными представленіями, даваемыми на сценѣ виленскаго театра. Героическія, патріотическія и вновь написанныя піесы, въ родѣ «Возврата отечества», не замедлили явиться передъ публикою. Вильна ликовала. Поляки пользовались всякимъ предлогомъ и случаемъ, чтобы устраивать балы, театры, обѣды, иллюминаціи и празднества. Такимъ празднествомъ сопровождалось и открытіе дѣйствій вновь учрежденной «Верховной коммиссіи временнаго правительства Великаго Княжества Литовскаго».

Съ удаленіемъ русскихъ гражданскихъ чиновниковъ и со вступленіемъ французской арміи въ Вильну, Наполеонъ объявилъ и приказалъ привести въ исполненіе постановленіе объ устройствѣ края, оставленнаго русскими. По примѣру Варшавскаго герцогства и въ Литвѣ рѣшено было собрать сеймъ, а до того времени поручить управленіе краемъ временной Верховной коммиссіи, состоявшей изъ семи чле-

---

помѣщикъ, увидя соотечественниковъ своихъ и избавителей, умеръ отъ радости. Тогда возвысились всѣ чувства самостоятельности славы и любви къ отечеству". (См. „Litewski Kuryer" отъ 18-го іюля).

[1]) См. „Litewski Kuryer" № 53.

[2]) См. „Litewski Kuryer" 31-го іюля 1812 г. № 58.

новъ [1]), въ томъ числѣ и императорскаго коммиссара барона Биньона. Власть коммиссіи распространялась на губерніи: Виленскую, Гродненскую, Минскую и Бѣлостокскую область. Подъ предсѣдательствомъ каждаго изъ членовъ учреждены комитеты: продовольствія, полиціи, финансовъ, юстиціи, внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, просвѣщенія и военный. Словомъ, Литва получила на бумагѣ полную государственную организацію.

На паперти виленскаго каѳедральнаго собора, въ 11 часовъ утра 2-го (14-го) іюля, собралось духовенство и всѣ городскіе цехи. Толпа народа окружала соборъ. Населеніе собралось въ этотъ день привѣтствовать вновь учрежденную коммиссію.

Въ 12 часовъ дня депутаты будущей конфедераціи, члены верховной коммиссіи, представители администраціи и академіи, мэръ съ членами муниципалитета, чиновники, старшины національной городской гвардіи и всѣ прочія власти отправились церемоніальнымъ шествіемъ изъ дворца въ каѳедральный соборъ, гдѣ была отслужена обѣдня и пѣто «Te Deum Laudamus» [2]). Французскія войска стояли внутри церкви; только-что сформированная литовская гвардія помѣстилась на ступенькахъ большаго алтаря; почетная гвардія окружала престолъ, предназначенный для Наполеона. Литургія совершалась при звукахъ музыки. Во время освященія даровъ гвардія взяла на караулъ. Прелатъ Длусскій говорилъ проповѣдь на текстъ: «Господь послалъ своего ангела для освобожденія невинности изъ рукъ Ирода». Въ концѣ проповѣди онъ объявилъ, что поляки должны почитать такого посланника небесъ и любить свою родину; что жертвами для отечества и возвращеніемъ къ обычаямъ Казиміровъ и Сигизмундовъ должны загладить свои грѣхи. Стоявшій вокругъ церкви народъ все время кричалъ: «да здравствуетъ Наполеонъ, избавитель поляковъ!»

Тамъ же въ церкви предсѣдатель временной коммиссіи говорилъ рѣчь и читалъ актъ генеральной конфедераціи. Извѣстный намъ актъ этотъ былъ присланъ изъ Варшавы при особомъ воззваніи. «Конфедерація,—сказано въ немъ [3]),—вѣрна обѣтамъ національнаго собранія, котораго власть исправляетъ, и святой единственной онаго цѣли—соединенія въ одно цѣлое расторгнутыхъ частей отечества. Получивъ извѣстіе объ учрежденіи въ Вильно, по волѣ его императорскаго и королевскаго величества, временной коммиссіи, коей поручено временное управленіе Литовскаго края, освобожденнаго побѣдоноснымъ его оружіемъ,

---

[1]) Членами были: графъ Іосифъ Старковскій, кн. Александръ Сапѣга, Францискъ Ієльскій, Александръ Потоцкій, Иванъ Снядецкій и секретаремъ генералъ Іосифъ Коссаковскій.

[2]) „Тебе Бога хвалимъ".

[3]) „Dziennik Konfederacyi Jeneralney Krolestwa polskiego 1812 roky" № 5.

почитаетъ первѣйшимъ долгомъ своимъ, во исполненіе возложенныхъ на нее народомъ обязанностей, препроводить немедленно въ помянутую правительственную коммиссію актъ генеральной конфедераціи, составляющій тѣсное и нерасторгаемое звено соединенія всѣхъ жителей польскаго края, предписывая ей, на основаніи 4 и 5 статей помянутаго акта, употребить всевозможныя мѣры, внушаемыя гражданскою ревностію и важностію обстоятельствъ, къ подкрѣпленію общаго союза для возстановленія отечества».

Ославъ вмѣстѣ съ актомъ и всѣ свои изданныя постановленія, совѣтъ генеральной конфедераціи предписывалъ временному литовскому правительству опубликовать ихъ во всѣхъ мѣстахъ и поощрять всѣми мѣрами къ приступленію къ конфедераціи.

«Мужи, удостоившіеся довѣрія величайшаго изъ монарховъ и народа!—говорилось въ концѣ воззванія:—общая наша столица видѣла уже освобожденныхъ отъ чужестраннаго ига сыновей, стремящихся на лоно древняго отечества. Уже брестскій, бѣлостокскій и гродненскій повѣты соединились съ нами. Дѣйствуйте ревностно, дабы одинъ духъ, одна цѣль и одинъ нерасторгаемый союзъ соединилъ всѣхъ достойныхъ сыновъ нашего отечества.

«Общій врагъ расторгнулъ древнія узы братства. Ласкаемъ себя надеждою, что общій избавитель возвратитъ и укрѣпитъ ихъ. Надо доказать ему, что врагъ властвовалъ только надъ землею, а сердца оставались всегда вѣрны покровительствуемому имъ отечеству.

«Надобно единомыслiемъ, довѣрiемъ, ревностію и общимъ стремленіемъ къ одной цѣли поддержать святое дѣло возрождающагося отечества. Такихъ доблестей требуетъ отечество, такія уважаетъ великій Наполеонъ, и такъ, только дѣйствуя, заслужимъ его покровительство, безъ котораго отечество возстать не можетъ.

«Конфедерація считаетъ излишнимъ внушать вамъ таковыя доблести, свойственныя нашему народу, и совершенно надѣется и полагается на нихъ».

По прочтеніи воззванія, предсѣдатель временной коммиссіи объявилъ, что она, желая ознаменовать память этого дня, вознамѣрилась дать приданое двумъ дѣвицамъ по тысячѣ злотыхъ и выдать литовку за поляка и польку за литовца, въ знакъ соединенія въ сей торжественный день обоихъ народовъ. Скоро пріискалась первая чета и немедленно была соединена бракомъ [1]).

По окончаніи церковной церемоніи, всѣ отправились къ герцогу Бассано, министру иностранныхъ дѣлъ Наполеона, чтобы вручить ему конфедераціонный актъ, для представленія его французскому императору.

[1]) „Litewski Kuryer“ 15-го іюля 1812 г. № 52.

На площади было приготовлено угощеніе для народа, продолжавшееся отъ 4 часовъ по полудни до 9 вечера. Водка и пиво были раздаваемы въ изобиліи, и упившійся народъ, гуляя всю ночь по улицамъ, кричалъ: «да здравствуетъ Польша! Да здравствуетъ ея мститель! Да здравствуетъ его непобѣдимое войско!» Вечеромъ ратуша и городъ были блистательно иллюминованы. Въ театрѣ дано безденежно представленіе любимой поляками піесы «Краковяки», и въ концѣ концовъ Вильна закончила этотъ день на балѣ у графа Паца, съ великолѣпнымъ освѣщеніемъ, транспарантами, надписями и тому подобными затѣями.

Надъ воротами дома Паца, между множествомъ плошекъ виденъ былъ транспарантъ, на которомъ Наполеонъ указывалъ рукою на Геркулеса и женщину въ польской коронѣ, освобожденную отъ цѣпей, на фурій, завидующихъ ея счастію, и на орла, съ высоты поражающаго ихъ громомъ.

Вообще, во всѣхъ иллюминаціяхъ и транспарантахъ доставалось нашему двуглавому орлу, котораго литовскій всадникъ обыкновенно разсѣкалъ на части или передавалъ во власть польскаго Бѣлаго орла.

«На балѣ, — пишетъ одинъ изъ присутствовавшихъ [1]),—проводили время очень весело, въ надеждѣ будущаго счастія. Прибывшій неожиданно, императоръ весело присматривался къ національнымъ танцамъ, плескамъ и милостиво разговаривалъ со многими. По удаленіи императора, остался министръ его, герцогъ Бассано. За столомъ, во время ужина, хозяинъ предложилъ тосты: за здравіе его величества, генеральной польской конфедераціи и за честь французскихъ и польскихъ войскъ. Балъ продолжался до пяти часовъ. Тѣмъ кончилось празднество возстанія народа, представляющаго обширное поле къ соединенію всѣхъ усилій для достиженія общей цѣли».

Въ ночь съ 4-го на 5-е іюля, Наполеонъ выѣхалъ изъ Вильны «Какъ ни прискорбно для насъ,—писалъ «Литовскій Курьеръ» [2]),— отсутствіе избавителя нашего, однако же утѣшаемся тою надеждою, что удаленіе его еще болѣе удалитъ враговъ нашихъ. Еще не прошло мѣсяца съ прибытія нашего мстителя, а поляки уже освобождены отъ Нѣмана до Днѣпра отъ Двины до Припети».

Въ Вильнѣ осталося герцогъ Бассано для веденія дипломатическихъ сношеній съ иностранными державами и для надзора за ними. Ему поручено было главное управленіе Варшавскимъ герцогствомъ и западными нашими губерніями, формированіе въ нихъ войскъ, заготовленіе запасовъ для арміи и переписка съ отрядами, оставленными Наполео-

---

[1]) „Litewski Kuryer“ 18-го іюля 1812 г. № 53.
[2]) 22-го іюля 1812 г. № 54.

номъ на флангахъ и въ тылу. Бассано служилъ звеномъ, связывающимъ Европу съ Наполеономъ, шедшимъ въ глубь Россіи.

«Въ Вильнѣ остались и чужестранные посланники при Тюльерійскомъ дворѣ, приглашенные изъ Парижа сопутствовать Наполеону въ его походѣ» [1]). Походъ ожидался блестящій, быстрый; но ожиданія не оправдались, лишніе глаза были не кстати, и Наполеонъ предпочелъ оставить ихъ въ Вильнѣ. Самъ онъ отправился въ Свенцяны и затѣмъ въ Глубокое. Стараясь не допустить до соединенія нашихъ 1-й и 2-й армій, Наполеонъ отправилъ 50-тысячный корпусъ Даву на перерѣзъ арміи князя Багратіона по направленію къ Могилеву.

Узнавъ о приближеніи непріятеля къ этому городу, всѣ чиновники 7-го іюля, въ воскресенье, собрались къ гражданскому губернатору графу Дмитрію Александровичу Толстому съ просьбою разрѣшить имъ уѣхать изъ города.—Многіе просили лошадей и экипажи для отправленія казенныхъ дѣлъ и суммъ; но губернаторъ отказалъ и обнадежилъ собравшихся въ безопасности ихъ положенія, говоря, что въ скоромъ времени долженъ прибыть корпусъ генерала Раевскаго.—Для полученія же достовѣрныхъ свѣдѣній, графъ Толстой выслалъ полицеймейстера съ командою изъ 30 человѣкъ внутренней стражи для открытія непріятеля. Они дошли до первыхъ французскихъ пикетовъ, взяли одного плѣннаго, отъ котораго и получили достовѣрныя свѣдѣнія о приближеніи Даву.

Въ 7-мъ часу вечера жители узнали, что непріятель находится въ 13 верстахъ отъ города.—На вопросъ населенія, что дѣлать? губернаторъ отвѣчалъ, что, не имѣя никакихъ приказаній, онъ считаетъ необходимымъ, чтобы всѣ оставались на своихъ мѣстахъ.

На другой день, въ 4 часа утра, за Виленскою заставою показались непріятельскіе разъѣзды и были храбро встрѣчены внутреннею стражей. Бой былъ не равный, стража принуждена была отступить, и Даву вошелъ въ городъ черезъ Шкловскія ворота. Губернаторъ гр. Толстой оставался въ городѣ до послѣдней минуты и уѣхалъ, не успѣвъ выслать своего малолѣтняго сына, который во время занятія Могилева непріятелемъ оставался у одного священника подъ чужимъ именемъ.—Съ отъѣздомъ губернатора начались безпорядки въ городѣ.—Могилевскій маршалъ Маковецкій и быховскій—Кригеръ приняли на себя устройство торжественной встрѣчи. Они силою выгоняли жителей изъ домовъ и приказывали имъ кричать: «виватъ Наполеонъ!».. Городской голова, послѣ нѣсколькихъ пощечинъ, полученныхъ имъ отъ Кригера,

---

[1]) Михайловскій-Данилевскій. „Описаніе Отечественной войны", т. I, стр. 250.

купилъ наскоро крошечный хлѣбъ въ еврейской пекарнѣ и поднесъ его Даву отъ имени города.

Онъ прежде всего потребовалъ доставки продовольствія и, обратившись къ губернскому прокурору Вакару, спросилъ его, сколько онъ можетъ поставить хлѣба и мяса.

— Моя должность,—отвѣчалъ спрошенный,—по части правосудія, а не по поставкѣ провіанта и фуража.

Даву остался недоволенъ такимъ отвѣтомъ.

— Здѣсь нѣтъ никакого порядка,—сказалъ онъ и приказалъ, чтобы всѣ жители пекли хлѣбъ, конечно, изъ своихъ запасовъ.

Принимая оставшихся въ городѣ чиновниковъ и дворянъ, маршалъ Франціи выразилъ имъ свое удивленіе, что не находитъ въ губерніи того энтузіазма и польскаго духа, который онъ видѣлъ въ другихъ губерніяхъ. Поэтому онъ предостерегаетъ сторонниковъ Россіи отъ вредной дѣятельности [1]).

Учрежденная для управленія губерніею временная коммиссія, составленная изъ поляковъ, подъ предсѣдательствомъ графа Пакоша, 13-го іюля отправила слѣдующее отношеніе къ могилевскому архіепископу Варлааму, оставшемуся въ городѣ: «Сія коммиссія, составленная по повелѣнію маршала великой арміи войскъ французскихъ и соединенныхъ, принца Экмюльскаго и многихъ орденовъ кавалера, повѣщаетъ симъ вашему высокопреосвященству, что завтрашняго дня въ 9 часовъ, т. е. 26-го іюля по новому календарю, въ здѣшней, грековосточной соборной церкви обязанностію будетъ всего могилевскаго духовенства, дворянства и прочихъ состояній греческаго исповѣданія учинить присягу на вѣрность французскому императору и италійскому королю, великому Наполеону, и совершить вамъ самимъ лично, яко первенствующему архипастырю губерніи Могилевской, божественную литургію, поминая отнынѣ въ оной, какъ равно и благодарственномъ ко Всевышнему молебствіи, вмѣсто императора Александра — французскаго императора и италійскаго короля, великаго Наполеона,—каковой долгъ дабы безотлагательно исполненъ былъ съ приличнымъ торжествомъ; равно и во всѣхъ приходахъ епархіи вашей послать отъ себя повелѣнія и о послѣдующемъ сію коммиссію увѣдомить» [2]).

Человѣкъ твердаго характера и стойкихъ убѣжденій, архіепископъ Варлаамъ, на 63 году жизни, измѣнилъ долгу присяги [3]). Архіепископъ

---

[1]) Рапортъ могилевскаго прокурора Вакара министру юстиціи Дмитріеву 9-го декабря 1812 г. Арх. министерства юстиціи, опись 1812 г. д. № 2885.

[2]) Арх. Синода, дѣло канцеляріи оберъ-прокурора 1812 года № 4493.

[3]) Онъ родился въ селѣ Красиловкѣ Черниговской губерніи и происходилъ изъ малороссійскихъ поселянъ. До постриженія въ монашество онъ на-

Варлаамъ,—говоритъ И. Носовичъ [1]),—сколько самъ былъ дѣятеленъ и неутомимъ, столько же строгъ и взыскателенъ ко всѣмъ подчиненнымъ, уклонявшимся отъ путей правды. Онъ любилъ правоту, не любилъ лукавства и лести, особенно въ духовныхъ лицахъ. Онъ былъ строгій монахъ, никогда не употреблявшій мясной пищи и никакихъ напитковъ. Я зналъ это потому, что съ сентября 1808 по 1812 годъ имѣлъ квартиру у архіерейскаго повара.

«Въ великій постъ онъ даже и рыбы не употреблялъ, а ежедневною его пищею была гречневая каша съ постнымъ конопляннымъ масломъ и какой-либо супъ съ боровиками. Однажды во время Петрова или Спасова поста, онъ поставленъ былъ въ необходимость быть на обѣдѣ у губернатора, гдѣ особенно для него приготовлены были постныя блюда. Блюдо со свѣжею рыбою ему показалось отлично сготовленнымъ, почему на завтрашній день онъ послалъ своего повара къ поварамъ губернатора учиться приготовлять свѣжую рыбу. Поваръ, получивъ урокъ и возвратившись къ преосвященному, сказалъ: «я это средство знаю, но вы владыка не согласитесь ѣсть; она готовится на бульонѣ». Преосвященный Варлаамъ захаркалъ и заплевалъ, говоря: «Ахъ! они, окаянные, оскоромили. меня въ постъ».

Варлаамъ былъ преданъ святительскому своему долгу, не общителенъ съ гражданскими властями губерніи и потому многимъ изъ нихъ былъ не по сердцу и прежде всего губернатору графу Дмитрію Але-

---

ходился въ Переяславской семинаріи учителемъ, префектомъ и ректоромъ. Въ 1776 году Варлаамъ былъ постриженъ въ монахи и въ 1780 году назначенъ игуменомъ Мошногорскаго монастыря Минской епархіи, а оттуда переведенъ въ Переяславскій Михайловскій. По упраздненіи Переяславской епархіи и учрежденіи вмѣсто ея Новгородско-Сѣверской, Варлаамъ переведенъ въ 1785 году, въ ректорскую тамошней семинаріи должность и начальствовалъ въ Макотинскомъ монастырѣ, присутствуя и въ консисторіяхъ обѣихъ тѣхъ епархій. Варлаамъ былъ извѣстенъ тогда своею ученостью и богословскими познаніями. Въ 1787 г. онъ былъ отправленъ въ Литву, для управленія Виленскимъ Святодуховымъ и другими приписанными къ нему монастырями; но по происшедшему въ Польшѣ возмущенію, будучи въ опасности, удалился оттуда и по опредѣленію Синода возведенъ въ 1791 году въ архимандриты съ опредѣленіемъ настоятелемъ во второклассный Новгородскій Вяжицкій монастырь. Въ маѣ 1794 года, Варлаамъ былъ отправленъ къ минскому архіепископу, для пособія ему въ обращеніи тамошнихъ уніатовъ въ православіе и былъ опредѣленъ въ Дьятловицкій монастырь. 12-го апрѣля 1795 года, по именному высочайшему указу, Варлаамъ посвященъ въ епископа житомірскаго и 16-го октября 1799 года назначенъ епископомъ Волынской епархіи. Въ 1805 году 20-го декабря онъ былъ переведенъ въ Могилевъ и 23-го марта 1808 года пожалованъ въ званіе архіепископа. (Всеподдан. докладъ Синода 28-го мая 1813 г. См. также „Волынскія епархіальныя Вѣдомости“ 1879 г. № 8, стр. 324 и „Историчес. Вѣстн.“ 1881 г. № 7 стр. 525—528).

[1]) Въ своихъ воспоминаніяхъ (рукоп.).

ксандровичу Толстому. Съ перваго своего вступленія на Могилевскую паству, Варлаамъ приблизилъ къ себѣ молодаго священника Іоанна Стратановича, прикинувшагося скромникомъ. Онъ сдѣлалъ его ключаремъ Іосифскаго каѳедральнаго собора, членомъ консисторіи и протоіереемъ. Впослѣдствіи доходившія жалобы на несправедливые поступки Стратановича съ клиромъ, взятки и нетрезвое поведеніе заставили Варлаама лишить его своего довѣрія [1]). Архіепископъ назначилъ строгое слѣдствіе какъ разъ передъ вступленіемъ непріятеля въ Могилевъ.

«Я,—пишетъ И. Носовичъ,—окончилъ курсъ богословскихъ наукъ въ Могилевской семинаріи въ концѣ іюня 1812 года и, ожидая случая ѣхать домой, пробылъ въ городѣ до 8-го іюля и тогда же слышалъ, что преосвященный Варлаамъ собирался выѣхать въ маленькое архіерейскаго дома имѣніе или фольварокъ, въ Мстиславскомъ уѣздѣ, но губернаторъ Толстой воспретилъ этотъ выѣздъ и даже приставилъ стражу.—Всѣ жители знали это и принимали участіе въ Варлаамѣ, какъ въ своемъ пастырѣ, очень сожалѣли о такомъ препятствіи удалиться и даже губернатора считали измѣнникомъ

«Изъ Могилева я вышелъ пѣшкомъ 8-го іюля въ 10 часовъ утра, въ видѣ прогуливавшагося, ибо на лошадяхъ по приказанію губернатора никого не пропускали къ выѣзду, особенно черезъ мостъ на Днѣпрѣ. По справедливости судя, графъ Толстой, какъ православный начальникъ губерніи, долженъ былъ, во время приближенія непріятеля, подать владыкѣ-старику средство удалиться изъ Могилева, но здѣсь были какіе-то виды у губернатора задержать Варлаама [2])».

Оставшись самъ въ городѣ, архіепископъ не смотря на просьбы духовенства позволить удалиться изъ Могилева, приказалъ ему оставаться въ городѣ.

— Я остаюсь и вамъ всѣмъ оставаться,—сказалъ онъ ключарю Стратановичу...

Послѣдній, потребованный въ 12 часовъ по полудни 13-го іюля, получилъ приказаніе отъ Варлаама нарядить на слѣдующій день священниковъ для служенія съ ними въ соборѣ и принесенія присяги.

---

[1]) Стратановичъ впослѣдствіи во многомъ оговаривалъ Варлаама.

[2]) По словамъ графа М. В. Толстаго, архіепископъ Варлаамъ не выѣхалъ изъ Могилева потому, что старался собрать свои капиталы, находившіеся въ рукахъ евреевъ („Русскій Архивъ“ 1881 г. Кн. I (2), 266); другіе говорили, что онъ не уѣхалъ потому, что онъ не желалъ разстаться съ своею обширною и рѣдкою библіотекою и, наконецъ, третьи—что Варлаамъ льстилъ себя надеждою, что, по присоединеніи Бѣлоруссіи къ Польскому королевству, онъ будетъ главнымъ архипастыремъ православной церкви въ Польшѣ. Гдѣ правда, сказать трудно. Попытки къ разъясненію поступковъ Варлаама сдѣланы А. Ѳ. Хойнацкимъ.—См. „Историческій Вѣстникъ“, 1881 г. № 7, стр. 531—536.

«Ни самъ Наполеонъ,—пишетъ Носовичъ,—ни маршалъ Даву, не имѣли ни малѣйшей надобности требовать отъ архіепископа Варлаама со всѣмъ его духовенствомъ, ни отъ католическаго даже духовенства присяги. Но это была продѣлка поляковъ. Они сдѣлали это для того, чтобы православные священники, поколебленные присягою, не внушали, подобно католическимъ ксендзамъ во время войны и безначалія, своимъ прихожанамъ возстать противъ помѣщиковъ латинскаго исповѣданія и истребить ихъ до конца».

Какъ бы то ни было, но Варлаамъ, посовѣтовавшись съ консисторскими членами и генералъ-маіоромъ Хоментовскимъ, рѣшился присягнуть, чтобы, какъ показывалъ впослѣдствіи, спасти паству отъ преслѣдованія, а храмы Господни отъ посрамленія и разоренія [1]). Секретарь могилевской консисторіи Демьяновичъ уговаривалъ Варлаама не дѣлать этого, указывая, что Франція еще не завладѣла окончательно Бѣлоруссіей; что, если Бѣлоруссія опять будетъ подъ державою россійской,—говорилъ Демьяновичъ,—насъ тогда будутъ судить.

— Ты думаешь,—отвѣчалъ Варлаамъ,—что Россія будетъ благополучна?.... Пусть будетъ благополучна; я одинъ тогда буду несчастенъ.

Во время присяги церковь была похожа на «военную ставку»: въ два ряда стояли вооруженныя войска отъ самаго алтаря до выходныхъ дверей, а барабанный бой, кстати и некстати, заглушалъ всѣхъ. По окончаніи службы, духовенство и всѣ собравшіеся подписали слѣдующую присягу, которая предварительно была громко прочтена:

«Я ниже поименованный клянусь Всемогущимъ Богомъ въ томъ, что установленному правительству его величества французскаго императора и италійскаго короля Наполеона имѣю быть вѣрнымъ и всѣ повелѣнія его исполнять и, дабы исполняемы были, стараться буду».

Присяжные листы подписывались кто и какъ желалъ. Губернскій прокуроръ Вакаръ написалъ: «въ томъ, что не буду вреднымъ, подписуюсь [2]).

Послѣ присяги служили обѣдню и молебенъ, при чемъ поминали: «великодержавнаго государя императора французовъ и короля Италіи, великаго Наполеона, и супругу его императрицу и королеву Марію-Луизу».

Въ тотъ же день, 14-го іюля, по приказанію преосвященнаго, отъ консисторіи посланы были во всѣ мѣста, занятыя непріятелемъ, предписанія произвести присягу французскому императору и объ исполненіи

---

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ Св. Синода 30-го марта 1813 года.

[2]) Рапортъ могилевскаго прокурора Вакара министру юстиціи Дмитріеву -го декабря 1812 г. (Арх. минис. юстиціи опись 1812 г. дѣло № 2885). За эту одписку Вакаръ по постановленію Комитета министровъ 31-го декабря 1812 г. ылъ уволенъ отъ службы.

донести. На отношеніи временной коммиссіи Варлаамъ написалъ: «Для достодолжнаго по сему исполненія, учинить со всею поспѣшностью всѣмъ подчиненнымъ мѣстамъ и лицамъ подробныя предписанія, а въ коммиссію отвѣтное изготовить».

«Вслѣдствіе чего,—писала консисторія [1]),—по отправленіи въ здѣшнемъ каѳедральномъ соборѣ его высокопреосвященствомъ божественной литургіи и за учиненіемъ всѣмъ духовенствомъ и прочимъ народомъ присяги и по отпѣніи, наконецъ, благодарственнаго молебствія для достодолжнаго по оному и въ прочихъ подчиненныхъ мѣстахъ, гдѣ есть уже на сіе отъ свѣтскаго правительства по своей части предписаніе, симъ вамъ съ копіею отношенія и присяжнаго листа предписывается съ тѣмъ, чтобы таковой присяжный листъ за подписомъ доставленъ былъ свѣтскому чиновнику, при присягѣ быть имѣющему, и объ исполненіи того рапортовано было консисторіи».

Въ тѣ мѣста, откуда долго не получалось увѣдомленій о присягѣ [2]), консисторія предписывала по два и по три раза о скорѣйшемъ исполненіи. Вслѣдъ за тѣмъ по требованію временнаго правительства было предписано, чтобы въ городѣ отъ захожденія до совершеннаго восхожденія солнца въ церквахъ въ колокола не звонили, да и днемъ къ обѣднѣ и вечернѣ звонили бы тихо и непродолжительно; чтобы крестьяне повиновались помѣщикамъ, не исполняли повелѣній русскаго правительства, но во всемъ вспомоществовали французской арміи.

При поставленіи во священники и діаконы, поставляемые присягали не императору Александру, а Наполеону. За этимъ Варлаамъ особенно слѣдилъ. Когда до него дошелъ слухъ, будто бы могилевской городской Воскресенской церкви священникъ Андрей Добровольскій, 22-го іюля, по совершеніи литургіи и молебствія, поминалъ государя и весь царствующій домъ, то архіепископъ приказалъ произвести о томъ строжайшее дознаніе. Добровольскій далъ подписку и даже привелъ свидѣтелей, двухъ мѣщанъ, что этого не дѣлалъ, но, согласно повелѣнію начальства, поминалъ Наполеона.

Въ день именинъ Наполеона и рожденія его супруги были совершаемы въ Могилевскомъ соборѣ и другихъ церквахъ города торжественныя богослуженія, при чемъ для наблюденія за тѣмъ, чтобы приказаніе архіепископа было исполнено, во всѣ церкви были посланы его «надзиратели». Въ соборѣ въ оба эти дня священникъ Пючевскій говорилъ проповѣди, сочиненныя самимъ Варлаамомъ. Въ проповѣди между прочимъ говорилось о вседѣйствующемъ промыслѣ Божіемъ съ обраще-

---

[1]) Баркалабовскаго монастыря игуменьѣ Суссаннѣ съ сестрами 14-го іюля. Арх. Синода, дѣло оберъ-прокурора Синода 1812 г. № 4493.

[2]) Увѣдомленія были получены отъ благочинныхъ и духовныхъ заказовъ по городамъ: Могилеву, Мстиславлю, Чаусамъ, Быхову и Чернкову.

ніемъ къ императору французовъ такихъ словъ: «На комъ болѣе дѣйствуетъ Всевышній Промыслъ, какъ на не великомъ Наполеонѣ? Предпріятія его чрезвычайны, подвиги велики, дѣла пресловуты; событія дальновидныхъ его намѣреній приводятъ въ удивленіе всю вселенную» [1]).

Принужденные предписаніями двѣ-трети могилевскаго духовенства присягнули на вѣрность врагу отечества, а городское духовенство все безъ исключенія. Но слѣдуетъ замѣтить, что, давъ присягу, сельское духовенство не исполняло ее.

«Тяжко грѣшитъ Орестъ [2]),—пишетъ Носовичъ,—говоря—яко бы въ сельскихъ церквахъ наблюдаемо было при богослуженіяхъ воспоминаніе Наполеона. Я доподлинно знаю, что все православное духовенство, отъ уѣздныхъ городовъ до приходскихъ сельскихъ церквей, Варлаамову присягу считали за вынужденную насиліемъ и вездѣ при богослуженіи воспоминаемо было имя Святѣйшаго Синода и государя Александра и, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ бывши много разъ при богослуженіяхъ, нигдѣ не слышалъ я воспоминанія Наполеона. Скажу при этомъ, что во всей Могилевской губерніи господствовало мнѣніе, что Наполеонъ есть Антихристъ».

Съ удаленіемъ непріятеля изъ предѣловъ Россіи поступки Варлаама скоро обнаружились. «По дошедшимъ свѣдѣніямъ,—писалъ императоръ Александръ въ указѣ Синоду [3]),—находя нужнымъ удалить отъ управленія епархіею витебскаго и могилевскаго архіепископа Варлаама, повелѣваю: произвесть на мѣстѣ, черезъ синодальнаго члена архіепископа рязанскаго, вѣрнѣйшее изслѣдованіе о поступкахъ Варлаама во время нашествія врага и съ мнѣніемъ Святѣйшаго Синода представить мнѣ».

Получивъ слѣдственное дѣло, Синодъ, имѣя въ виду, что архіепископъ Варлаамъ почти добровольно принялъ присягу; что при этомъ не было употреблено ни принужденія, ни насилія, кромѣ одного письменнаго отношенія временной коммиссіи; что своею присягою онъ вовлекъ въ преступленіе подчиненныхъ своихъ; что онъ исполнялъ всѣ требованія непріятеля съ крайнею поспѣшностію и подвергалъ священника, не исполнившаго его предписанія, строжайшему сужденію,—имѣя все это въ виду, Синодъ положилъ: архіепископа Варлаама, «яко оказавшагося явнымъ клятвопреступникомъ», лишивъ архіепископства и священства, оставить только въ монашескомъ чинѣ и назначить ему мѣ-

---

[1]) Дѣло о поступкахъ могилевскаго архіепископа Варлаама въ 1812 г.—Сборникъ Археологическаго института 1879 г., кн. II.

[2]) Въ своихъ запискахъ, напечатанныхъ въ „Археологическомъ Сборникѣ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-Западнаго края" въ статьѣ „Исторія Могилева".

[3]) Отъ 5-го декабря 1812 г. Арх. Синода, дѣло канцеляріи оберъ-прокурора 1812 г. № 4493.

стомъ жительства Черниговской епархіи въ первоклассномъ Новгородъ-Сѣверскомъ Спасскомъ монастырѣ на содержаніи, «какое благоугодно будетъ вашему величеству повелѣть производить» [1]).

1-го мая 1813 года въ Вюршенѣ императоръ Александръ утвердилъ докладъ, и Св. Синодъ, 19-го мая, постановилъ предоставить церемонію разстриженія Варлаама черниговскому архіепископу Михаилу (впослѣдствіи митрополиту с.-петербургскому) и съ этою цѣлію просить оберъ-прокурора князя А. Н. Голицына дать предписаніе могилевскому гражданскому губернатору, чтобы архіепископъ Варлаамъ препровожденъ былъ изъ Могилева въ Черниговъ подъ надзоромъ гражданскаго чиновника. «На случай могущей встрѣтиться въ пути надобности, командировать съ нимъ духовника, но отнюдь не изъ присягавшихъ врагу». Преосвященному черниговскому предписано: когда Варлаамъ будетъ къ нему доставленъ, «назначить день, собрать въ каѳедральный соборъ монастырскихъ настоятелей и градское духовенство, а потомъ, введя въ оный его, архіепископа въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, посреди церкви объявить прочтеніемъ черезъ консисторскаго секретаря высочайше конфирмованный докладъ и, снявъ съ него, черезъ ключаря съ протодіакономъ, все архіерейское облаченіе и возложа приличныя монаху одѣянія, обязать подпискою, чтобы онъ отнынѣ впредь не токмо архіереемъ, но и іеромонахомъ отнюдь ни подъ какимъ видомъ ни письменно, ни словесно не именовался и не писался и благословеніе рукою никому не преподавалъ, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія». По исполненіи этого обряда Синодъ приказалъ отправить Варлаама въ Спасскій монастырь, гдѣ имѣть за нимъ строжайшее наблюденіе, чтобы онъ, «какъ себѣ не могъ причинить какого вреда, такъ и ни съ кѣмъ изъ сторонникъ не имѣлъ никакого сношенія и переписки»; содержаніе же ему производить наравнѣ съ прочими монашествующими [2]).

29-го іюня 1813 года Варлаамъ былъ лишенъ архіепископскаго сана и далъ подписку исполнять все отъ него требуемое постановленіемъ Синода. Варлаамъ прожилъ въ монастырѣ десять лѣтъ и скончался въ 1823 году [3])...

Но мы опередили событія и должны возвратиться нѣсколько назадъ.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ Синода 30-го марта 1813 г.—Арх. Синода. Именные высочайшіе указы.—При этомъ было сказано, что монаху положено жалованья 24 руб. въ годъ, кромѣ порціи, количество которой зависитъ отъ состоянія монастырскихъ доходовъ.

[2]) Опредѣленіе Синода 28-го мая 1813 года.

[3]) Подробности о дальнѣйшей жизни Варлаама см. „Историческій Вѣст." 1881 г. № 7, стр. 538—543.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба).

Ужасные дни.

IV [1]).

30-е августа.—Начало боя на третьемъ гребнѣ.—Скобелевъ.—Князь Черкасскій.—Полковникъ Бури.—Генералъ Добровольскій и мой послѣдній разговоръ съ нимъ.—Пріѣздъ полковника Соболева и Е. И. Утина.—Взятіе Скобелевымъ 3-го гребня.

Успокоившись по окончаніи чтенія диспозиціи, князь Имеретинскій продиктовалъ мнѣ записку къ генералу Скобелеву слѣдующаго содержанія: «Препровождая вашему превосходительству копію съ диспозиціи по западному отряду арміи, присовокупляю: 1) всѣ отданныя мною вамъ приказанія для дѣйствій 30-го августа отмѣняются, такъ какъ вы мнѣ болѣе не подчинены. 2) согласно диспозиціи, я обязуюсь поддерживать вашу атаку и прикрывать лѣвый флангъ вашей колонны, а потому, ежели вы не признаете удобнымъ присоединить къ командуемой мною дивизіи одинъ изъ полковъ оной, находящійся на занимаемой вами позиціи, а равно и батареи 2-й артиллерійской бригады, то я предоставляю вамъ оставить ихъ при ввѣренномъ вамъ отрядѣ; я же, въ такомъ случаѣ, оставлю при себѣ 11-й и 12-й стрѣлковый батальоны. 3) Я расположенъ съ частями ввѣренной мнѣ дивизіи у с. Брестоваца, гдѣ и буду ожидать

---

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1902 г.

вашихъ увѣдомленій относительно содѣйствія успѣху вашей атаки и охраненія вашего лѣваго фланга». Князь диктовалъ эту записку, шагая по комнатѣ; диктовалъ онъ всегда такъ хорошо, что, написавши подъ его диктовку, можно было прямо посылать бумагу; помарокъ и исправленій не требовалось. Скобелевъ предпочелъ имѣть у себя всю стрѣлковую бригаду и увѣдомилъ, что возвратитъ Эстляндскій полкъ. Тѣмъ не менѣе части этого полка остались сразу у Скобелева, прикрывая его лѣвый флангъ отъ Кришина. Такимъ образомъ, впереди у Скобелева были: 3-я стрѣлковая бригада, Владимірскій и Суздальскій полки 16-й пѣхотной дивизіи, Ревельскій полкъ 2-й пѣхотной дивизіи и четыре батареи; у князя Имеретинскаго остались Либавскій и Калужскій полки. Эстляндскій полкъ былъ на второмъ гребнѣ, прикрывая лѣвый флангъ наступленія Скобелева. Относительно полковъ 2-й пѣхотной дивизіи надо замѣтить, что это были не полки, а части полковъ, сильно пострадавшихъ подъ Ловчей и на Зеленыхъ горахъ.

Дождь лилъ всю ночь; на разсвѣтѣ сильнѣйшій туманъ окутывалъ мѣстность. Все было мокро; землю такъ распустило, что нога вязла или, въ лучшемъ случаѣ, на твердыхъ мѣстахъ и тамъ, гдѣ земля была покрыта обильно падавшими листьями, скользила. Даже на близкое разстояніе предметы были плохо видны.

Съ разсвѣтомъ у насъ, какъ и вездѣ, открыли огонь. Такъ какъ Скобелеву предстояло начать дѣло взятіемъ третьяго гребня, что было какъ бы введеніемъ въ самый штурмъ Плевны (понимая подъ этимъ штурмъ редутовъ), то движеніе впередъ и бой на лѣвомъ флангѣ начались съ утра [1]). Князь Имеретинскій, зная это, послалъ меня впередъ къ генералу Скобелеву посмотрѣть, что тамъ дѣлается и спросить у него, не надо ли выслать ему сейчасъ же подкрѣпленій и какихъ именно: артиллеріи или уже и пѣхоты.

Въ началѣ десятаго часа утра поѣхалъ я на второй гребень. Проѣзжая по шоссе, я увидалъ справа отъ него, спустившись внизъ, ротные котлы, окруженные массою солдатъ съ синими околышами на фуражкахъ и нѣсколькими офицерами: ѣли кашу, по большей части руками. Какой-то маіоръ Суздальскаго полка, почтенныхъ лѣтъ, въ пальто,

---

[1]) Впослѣдствіи Скобелева обвиняли въ томъ, что онъ началъ штурмъ раньше; злые языки, разсказывая это, подчеркивали въ томъ смыслѣ, что якобы онъ все это сдѣлалъ нарочно для того, чтобы, такъ сказать, предвосхитить славу успѣха. Ничего подобнаго въ дѣйствительности не было. Если бы Скобелевъ ждалъ до 3-хъ часовъ и тогда бы только пошелъ на третій гребень, то, надо думать, что въ этотъ день онъ совсѣмъ не добрался бы до редутовъ. Впрочемъ изъ дальнѣйшаго разсказа видно будетъ, въ какомъ положеніи онъ находился и на второмъ гребнѣ утромъ 30-го августа. П. П.

кадѣтое въ рукава и съ разстегнутымъ клапаномъ назади, усердно уплеталъ кашу, держа комокъ ея въ ладоняхъ обѣихъ рукъ: каша была съ саломъ и не разваливалась, но такая горячая, что маіоръ дулъ то на кашу, то на ладони, перекидывая комокъ изъ одной руки въ другую. Ничего не ѣвши послѣ того шампанскаго, которое было выпито наканунѣ въ Брестовацѣ, я свернулъ къ котламъ и этотъ маіоръ преусердно наложилъ мнѣ каши, оказавшейся превкусной, въ подставленныя мною ладони. Кто-то пріѣхалъ, заторопили пѣхоту впередъ; она пошла, поѣхалъ и я.

Выѣхавъ на гребень и свернувъ съ шоссе влѣво, увидѣлъ я Скобелева. Онъ былъ пѣшкомъ, свѣжъ и чистъ; полукругомъ передъ нимъ стояла плотная группа офицеровъ разныхъ частей, разныхъ чиновъ, которымъ онъ отдавалъ послѣднія словесныя приказанія. Я слѣзъ съ лошади и не желая, да и не имѣя права прерывать его, сталъ немножко спереди, разсчитывая, что Михаилъ Дмитріевичъ, обращаясь то туда, то сюда, меня увидитъ. Такъ и случилось: замѣтивъ меня, онъ кивнулъ головой и продолжалъ свое дѣло. Все это происходило между деревьями, среди кустовъ и виноградниковъ; съ деревьевъ капало, а Кришинъ преусердно угощалъ косыми выстрѣлами, преимущественно картечными гранатами, пули которыхъ такъ и подрѣзывали, или, лучше сказать, подсѣкали кусты и вѣтви, а иногда расщепляли болѣе крупныя деревья

Разсматривая лицъ, окружавшихъ Скобелева, къ удивленію моему увидѣлъ я позади Михаила Дмитріевича князя Черкасскаго, верхомъ, въ вицъ-мундирномъ сюртукѣ и съ Владиміромъ на шеѣ. Я хотѣлъ было сейчасъ подойти къ нему поздороваться и узнать, почему онъ сюда попалъ, но не рѣшился этого сдѣлать, чтобы не упустить Скобелева. Въ 10 часовъ утра передовыя войска тронулись, и немедленно началась жестокая ружейная пальба; она разразилась какъ-то вдругъ, сразу, а не постепенно и исподоволь, какъ это бывало по большей части; тутъ точно обѣ стороны ждали чего-то въ молчаніи и потомъ, какъ бы по сигналу, одновременно всѣ открыли пальбу. Надо замѣтить, что туманъ, укрывавшій отъ насъ турокъ и скрывавшій вначалѣ наше наступленіе, къ этому времени сталъ подниматься, и весьма возможно, что передовыя части наши и непріятельскія, неожиданно увидѣвъ близость свою—сразу открыли огонь. Скобелевъ обернулся ко мнѣ, и когда я подошелъ къ нему, сказалъ: «ты видишь, что у меня дѣлается; ты понимаешь, что я такъ оставаться не могу: мнѣ надо впередъ или назадъ, а стоять нельзя. Передай князю то, что видѣлъ, и скажи, что я въ 10 часовъ началъ атаку третьяго гребня». Я доложилъ ему приказаніе князя спросить о подкрѣпленіяхъ, но онъ отвѣтилъ, что покуда довольно, но чтобы все было наготовѣ, такъ какъ онъ самъ не знаетъ, какъ повернется дѣло. Кончивъ съ Скобелевымъ, я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ

князю Черкасскому, который, увидѣвъ меня, закричалъ: «bonjour» [1]); на это привѣтствіе я, тоже по-французски, спросилъ: «que faites Vous ici, prince?»—«Je suis venu pourvoir ce que c'est que le feu...» — «Et bien?» «Et bien, j'ai vu et je m'en vais» [2]).

Мнѣ тутъ нечего было больше дѣлать, я сѣлъ на лошадь и потихоньку поѣхалъ къ шоссе, слегка подбадривая ногайкой лошадь, которая, какъ будто ее сзади подстегивали, все время подскакивала передомъ, поджимая задъ, отъ падавшихъ по сосѣдству и въ догонку пуль, ломавшихъ и подкашивавшихъ сучья и кусты, съ характернымъ присвистомъ.

Къ 11-ти часамъ туманъ почти совсѣмъ поднялся, оставалась ужасная сырость. Ѣдучи бороздой, отъ большой ходьбы превратившейся въ тропинку, я видѣлъ издали на шоссе небольшую группу верховыхъ и пѣшихъ, а впереди всѣхъ какого-то всадника въ буркѣ. Вдругъ передъ этой группой упала граната, по направленію ея паденія очевидно пущенная изъ Скобелевскихъ редутовъ, и разорвалась; когда дымъ разсѣялся, то передоваго всадника въ буркѣ уже не было, а метавшуюся лошадь удерживали подъ уздцы артиллеристы. Выѣхавъ на шоссе, я увидѣлъ пѣшимъ человѣка въ буркѣ, только-что сидѣвшаго верхомъ. Это былъ командиръ 2-й артиллерійской бригады, добрѣйшій полковникъ Бури, очень ко мнѣ расположенный. «Какъ, это вы были верхомъ; не въ васъ ли угодила эта граната?» спросилъ я.—«Да, да, въ меня... контузія... въ голову»... отвѣтилъ прерывающимся голосомъ и покачиваясь почтенный старикъ; «ничего не слышу, шумъ въ головѣ такой, что ужасъ; все прыгаетъ и пляшетъ въ глазахъ». Онъ отправился на перевязочный пунктъ, и я его больше не видѣлъ. Слышалъ, что его довезли до госпиталя во Фратешти (въ Румыніи); прибавляли, что у него черепъ оказался лопнувшимъ, что голова распухла, но я не могъ узнать, правда ли это.

Мнѣ очень хотѣлось курить, и я началъ свертывать папироску. Готовыя папиросы давно уже вышли и я возилъ табакъ въ резиновомъ мѣшечкѣ, пристегивая его къ пуговицѣ сюртука; мѣшечекъ болтался и табакъ очень крошился, такъ что у меня былъ другой мѣшечекъ запасный, побольше, который мой Захаръ (Заурбекъ Дулаевъ) [3]) возилъ за мной, засунувъ подъ черкеску. Я началъ крутить папироску, какъ услышалъ влѣво отъ меня голосъ: «чего вы тутъ сидите; — слѣзайте». Поднявъ голову, я увидѣлъ на шоссе Добровольскаго. Шоссе было тутъ

---

[1]) „Здравствуйте“.

[2]) „Что вы здѣсь дѣлаете, князь?“—„Я пріѣхалъ посмотрѣть, что значитъ огонь“...—„И что же?“—„Я видѣлъ—и уѣзжаю“.

[3]) Изъ прошлаго. Часть 1.—На войнѣ, стр. 348.

углублено; правая его сторона (т. е. восточная) была нѣсколько выше, круче, образовывала уступъ и густо заросла кустарникомъ. Около этого уступа стоялъ Добровольскій, въ длинномъ до пятъ, кожанномъ пальто. Когда я взглянулъ на него, то былъ пораженъ его необычайной блѣдностью; это была уже не блѣдность, а какой-то сѣрый, землянистый цвѣтъ лица. «Чего вы сидите; слѣзайте», повторилъ онъ и подошелъ ко мнѣ. Я спросилъ его, въ чемъ дѣло, зачѣмъ слѣзать. Добровольскій, точно сердясь, отвѣчалъ мнѣ: «да развѣ не видиде, что дѣлается, какая пальба; видѣли, что было съ Бури;—всѣ тутъ останемся»... Я послушался и слѣзъ.

Поговоривши немножко съ Добровольскимъ, который былъ очень нервенъ, я попрощался съ нимъ и уѣхалъ.—Не думалъ я, что это былъ мой послѣдній разговоръ съ нимъ.

Пріѣхавъ къ князю и доложивъ ему все, что слѣдовало, я при немъ и остался. Не выходила у меня изъ головы эта смертельная блѣдность Добровольскаго.

Съ утра Скобелевъ занялъ третій гребень, который можно назвать по конфигураціи мѣстности—предательскимъ; казалось, дошли до гребня, а оказывалось, что впереди еще какъ будто укрытіе. Вслѣдствіе этого передовыя наши войска незамѣтно перевалили за гребень и тамъ остановились, окапываясь на сколько было возможно при недостаточномъ количествѣ шанцеваго инструмента. Въ 1 часъ дня, турки, видя нашу остановку, перешли въ очень энергичное наступленіе. Пришлось ввести въ дѣло резервы. Владимірскій полкъ и два стрѣлковыхъ баталіона были уже въ первой линіи, и изъ общаго резерва этой линіи былъ взятъ и придвинутъ къ третьему гребню Суздальскій полкъ, а Ревельскій и другіе два стрѣлковыхъ баталіона поставлены за вторымъ гребнемъ. Князь послалъ на этотъ гребень еще одну батарею для усиленія, уже дѣйствовавшихъ на немъ съ утра, трехъ батарей. Турки, тоже продвинувшіеся съ своей стороны на скаты третьяго гребня, назадъ не отходили и даже продвигались впередъ настолько, что отъ ружейнаго огня страдали не только резервы первой линіи, но и резервы, расположенные за вторымъ гребнемъ и даже перевязочный пунктъ, за первымъ гребнемъ. Скобелевъ, видя полную невозможность оставаться на мѣстѣ подъ такимъ разстрѣломъ, рѣшилъ окончательно очистить отъ турокъ Зеленыя горы и возложилъ это на Суздальскій полкъ, къ которому примкнули уже бывшіе въ 1-й линіи владимірцы и стрѣлки. Примѣрно въ 2 часа по полудни Зеленыя горы были окончательно очищены, и турки отошли къ своимъ укрѣпленіямъ.

Приближался часъ общаго штурма, но, какъ видно изъ сдѣланнаго выше краткаго очерка дѣйствій отряда генерала Скобелева на Зеленыхъ горахъ, общность штурма была уже нарушена и вся диспози-

ція рухнула [1]). По диспозиціи, съ часа до $2^1/_2$ не только не должно было быть какого-нибудь боя въ прямомъ смыслѣ этого слова, но не должно было быть даже канонады; должна была царствовать мертвая, угрожающая тишина. Въ дѣйствительности же, на Зеленыхъ горахъ уже съ утра была не пальба, а настоящій бой, не прерывавшійся до 2-хъ часовъ дня; турки уже перешли одинъ разъ въ наступленіе. Во 2-мъ часу, долженствовавшемъ пройти въ грозномъ молчаніи—на Зеленыхъ горахъ происходила не только жестокая перестрѣлка, но именно около 2-хъ часовъ турки были отброшены съ горъ въ редуты, соединенными усиліями всей первой линіи Скобелева и резерва (Суздальскій полкъ), послѣ ожесточеннаго кровопролитнаго боя.

Къ 3-мъ часамъ по полудни былъ двинутъ на третій гребень Ревельскій полкъ для присоединенія къ Владимірскому, Суздальскому и стрѣлкамъ, а на второй гребень была послана княземъ Имеретинскимъ, лично все время на этомъ гребнѣ находившимся, еще одна батарея и Либавскій полкъ. Такимъ образомъ къ 3-мъ часамъ пополудни 30-го августа у князя Имеретинскаго оставалось въ качествѣ резерва колонны генерала Скобелева, для штурма редутовъ—два батальона Эстляндскаго полка и два слабыхъ батальона Калужскаго полка [2]).

V.

Численность войскъ отрядовъ генерала Скобелева и князя Имеретинскаго къ 3 часамъ по полудни 30-го августа.—Мѣстность передъ редутами.—Штурмъ редутовъ.—Взятіе редута № 1-го.—Переходъ турокъ въ наступленіе.—Смерть генерала Доброзольскаго.—Вылазка изъ редута № 1-го противъ редута № 2-го.—Взятіе этого редута.—Сборъ подкрѣпленій.—Ночь.

Ровно въ 3 часа началъ Скобелевъ свой знаменитый штурмъ, но къ этому времени въ соединенныхъ отрядахъ его и князя Имеретинскаго свѣжихъ войскъ было только 11 батальоновъ изъ 22-хъ, при чемъ въ числѣ остальныхъ 11, потерпѣвшихъ и разстроенныхъ, было

---

[1]) Единовременность штурма была нарушена и въ центрѣ атаками угличанъ и ярославцевъ, преждевременность которыхъ объяснялась переходомъ турокъ въ наступленіе противъ этого пункта. Произошло это до 2-хъ часовъ дня.

[2]) Одинъ батальонъ эстляндцевъ прикрывалъ лѣвый флангъ генерала Скобелева со стороны Кришина и одинъ батальонъ Калужскаго полка занималъ д. Брестовацъ, приспособленную къ оборонѣ. П. П.

8 пострадавшихъ въ этотъ самый день, въ непрерывномъ бою съ 10 часовъ утра [1]).

Чтобы понять, что предстояло преодолѣть отряду Скобелева, я позволю себѣ сдѣлать выписку изъ сочиненія генерала Куропаткина [2]). «Густой туманъ еще наполнялъ отдѣлявшую насъ отъ турокъ лощину, но очертанія редутовъ уже были довольно хорошо видны, а непрерывный огонь турокъ обозначалъ линіями дыма положеніе турецкихъ окоповъ. Пороховой дымъ гнало въ лицо намъ. Чтобы достигнуть редутовъ, нашимъ войскамъ предстояло спускаться около 500 саженъ по пологому, покрытому виноградниками сѣверному скату третьяго гребня въ Зеленогорскую лощину. По дну ея, въ обрывистыхъ берегахъ, недоступныхъ для артиллеріи безъ разработки ихъ, протекалъ ручей, черезъ который велъ только одинъ мостикъ. Перебравшись черезъ ручей, надлежало подниматься 200 саженъ по скату значительной крутизны, раздѣланному весьма тщательно въ обширную эспланаду передъ двумя сильной профили редутами, вѣнчавшими гребень высоты, съ котораго велъ къ ручью помянутый выше скатъ. Эти редуты связывались между собою траншеею въ 250 саженъ длины.

«Примѣрно въ 60 саженяхъ отъ линіи редутовъ и траншей шла линія ложементовъ. Редуты назывались: Абдулъ-бей-табія (Кавалыкъ), къ западу, переименованный нами въ Скобелевскій № 1-го или лѣвый и Реджи-бей-табія (Иса-ага), названный Скобелевскимъ № 2-го или правымъ.

«Отъ лѣваго редута шелъ траншейный ходъ сообщенія на сѣверъ, длиною свыше 250 саженъ, который выводилъ на раздѣланную дорогу изъ главнаго лагеря, что къ востоку отъ Плевны, къ редуту Баглыкъ-Сырты и къ группѣ Кришинскихъ редутовъ. Изъ послѣднихъ редутъ Юнусъ-бей-табія лежалъ въ $2^1/_2$ верстахъ на юго-западъ отъ Скобелевскаго № 1-го редута, имѣлъ сѣть траншей передъ собою и въ общей позиціи турокъ представлялъ наиболѣе сильное укрѣпленіе».

Ко всему этому надо прибавить турокъ съ ихъ неисчерпаемымъ количествомъ огня, и станетъ яснымъ, что изъ себя представляла Плевна съ южной стороны, въ 3 часа дня 30-го августа.

Подъ музыку и барабаны шла впередъ первая линія Скобелева: слѣва владимірцы, правѣе ихъ суздальцы и еще правѣе стрѣлки. Быстро спустились они въ оврагъ, но тутъ и пріостановились. Какъ это часто бываетъ, отдѣльныя лица и группы людей выскакивали впередъ, но масса залегла и не двигалась. Въ подобныхъ случаяхъ почти нѣтъ воз-

---

[1]) Владимірцы, суздальцы, 9-й и 10-й стрѣлковые батальоны.

[2]) Нынѣ военный министръ. Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева. Ловча и Плевна. Часть II, стр. 459.

можности поднять эту массу безъ какой-нибудь особой двигательной силы, и вотъ, съ этою цѣлью, былъ посланъ Ревельскій полкъ, отличившійся подъ Ловчей и ведомый старикомъ командиромъ, полковникомъ Писанко. Ревельцы, свѣжіе, еще въ этотъ день не бывшіе въ дѣлѣ, первыми появились на противуположномъ скатѣ, а къ нимъ присоединились остальные. Очевидно, воздѣйствовало стадное начало: ослабѣвшіе примкнули къ болѣе крѣпкимъ. Но и эти храбрецы не дошли до редутовъ: было не въ моготу; они остановились на половинѣ голаго ската, ничѣмъ не прикрытые, шагахъ въ 400 отъ непріятеля. Въ общемъ резервѣ оставалось всего 5 свѣжихъ батальоновъ; 12 ротъ Либавскаго полка, передвинутыхъ княземъ Имеретинскимъ къ третьему гребню взамѣнъ Ревельскаго полка и два стрѣлковыхъ батальона (11-й и 12-й), тоже передвинутыхъ къ третьему гребню генераломъ Добровольскимъ [1]). М. Д. Скобелевъ рѣшилъ двинуть впередъ и эти слабыя поддержки. По весьма картинному описанію помянутаго уже автора, эти 5 батальоновъ—«скрылись въ зловѣщей долинѣ, которая также быстро поглотила ихъ, какъ уже поглотила 11 батальоновъ, ранѣе посланныхъ». Либавцы и стрѣлки «достигли до изнемогавшихъ въ борьбѣ съ губительнымъ огнемъ нашихъ передовыхъ частей, слились съ ними и начали продвигаться впередъ сперва довольно быстро, затѣмъ все медленнѣе» [2]). Къ довершенію мрачности этого—«все медленнѣе», къ довершенію ужаса этого страданія—свѣжія силы турокъ, вышедшихъ изъ Плевны, съ черкесами и баши-бузуками, перешли въ наступленіе на нашъ правый флангъ.

«Извѣстно, какъ поражаетъ всякая неожиданность, тѣмъ болѣе страшная. Игвѣстно также, какъ вліяетъ на войска ударъ во флангъ, обходъ... а если принять во вниманіе психическое состояніе, напряженность нервовъ и слѣдовательно до высшей степени доведенную впечатлительность находившихся на этомъ страшномъ скатѣ войскъ нашихъ, то станетъ понятнымъ, что—«успѣхъ боя окончательно заколебался!» [3])—Но тутъ совершилось нѣчто изъ ряду вонъ необычайное, потрясающее, героическое.

«Описывая то, что совершилось, я не могу поступить иначе, какъ повторить то, что говоритъ самъ бывшій начальникъ штаба отряда ге-

---

[1]) Еще до штурма редутовъ, въ 2 часа, одновременно съ атакой суздальцевъ на третьемъ гребнѣ, князь передвинулъ на второй гребень Либавскій полкъ, а Добровольскій передвинулъ туда же 11-й и 12-й стрѣлковые батальоны. Это было сдѣлано по личному почину обоихъ старшихъ генераловъ отряда, напрягавшихъ всѣ силы, чтобы помочь младшему къ достиженію поставленной ему цѣли общаго успѣха. П. П.

[2]) Тамъ же, стр. 461.

[3]) Тамъ же, стр. 461.

нерала Скобелева [1]). «Тогда генералъ Скобелевъ рѣшилъ бросить на вѣсы военнаго счастія единственный оставшійся въ его распоряженіи резервъ—с а м о г о с е б я. Неподвижно, не спуская глазъ съ редутовъ, стоялъ онъ верхомъ, спустившись съ третьяго гребня, на половинѣ ската до ручья, окруженный штабомъ, съ конвоемъ и значкомъ. Скрывая волненіе, генералъ Скобелевъ старался безстрастно-спокойно глядѣть, какъ полкъ за полкомъ исчезали въ пеклѣ боя. Градъ пуль уносилъ все новыя и новыя жертвы изъ конвоя, но ни на секунду не разсѣивалъ его вниманія. Всякая мысль лично о себѣ была далека въ эту минуту. Одна крупная забота объ успѣхѣ порученнаго ему боя всецѣло поглощала все. Если генералъ Скобелевъ не бросился ранѣе съ передовыми войсками, какъ то подсказывала ему горячая кровь, то только потому, что онъ смотрѣлъ на себя какъ на резервъ, которымъ заранѣе рѣшилъ пожертвовать безъ оглядки, какъ только наступитъ, по его мнѣнію, рѣшительная минута. Минута эта настала; генералъ Скобелевъ пожертвовалъ собою и только чудомъ вышелъ живымъ изъ боя, въ который беззавѣтно окунулся. Давъ шпоры коню, генералъ Скобелевъ быстро доскакалъ до оврага, спустился, или вѣрнѣе, скатился къ ручью и началъ подниматься на противоположный скатъ, къ редуту № 1-го.—Появленіе генерала было замѣчено даже въ тѣ минуты, настолько Скобелевъ уже былъ популяренъ между войсками. Отступавшіе возвращались, лежавшіе вставали и шли за нимъ, на смерть. Его громкое «впередъ ребята!» придавало новыя силы. Турки, занимавшіе ложементы передъ редутомъ № 1-го, не выдержали, оставили ихъ и бѣгомъ отступили въ редуты и траншею между ними.

«Видъ отступавшихъ отъ ложементовъ турокъ одушевилъ еще болѣе нашихъ. «Ура!», подхваченное тысячами грудей, грозно полилось по линіи. Скользя, падая, вновь поднимаясь, теряя сотни убитыми и ранеными, запыхавшіяся, охрипшія отъ крика наши войска за Скобелевымъ все лѣзли и лѣзли впередъ. Двигались нестройными, но дружными кучками различныхъ частей и одиночными людьми. Огонь турокъ очень ослабѣлъ, или дѣйствіе его, за захватившею всѣхъ рѣшимостью дойти до турокъ и все возраставшею увѣренностью въ успѣхъ, стало менѣе замѣтнымъ. Казалось, въ рядахъ турокъ замѣчалось колебаніе. Еще нѣсколько тяжелыхъ мгновеній—и наши передовые ворвались съ остервенѣніемъ въ траншею и затѣмъ, въ 4 часа 25 м. по полудни, въ редутъ № 1-го.

«Генералъ Скобелевъ, добравшись до редута, скатился съ лошадью въ ровъ, высвободился изъ-подъ нея и изъ числа первыхъ ворвался въ редутъ. Внутри и около редута завязалась короткая рукопашная

---

[1]) Генералъ Куропаткинъ. Тамъ же, стр. 461, 462 и 463.

схватка. Упорнѣйшіе турки были перебиты, остальные отступили....» «....Схватка еще не всюду была кончена, какъ офицеры и солдаты, шедшіе на редутъ за Скобелевымъ какъ за знаменемъ, окружили его и умоляли идти назадъ, умоляли поберечь себя. Тяжело раненный маіоръ Либавскаго полка тащилъ его за ногу изъ сѣдла; лошадь, на которую Скобелевъ сѣлъ, была повернута и выведена изъ редута».

Но дѣло было далеко еще не кончено; оставался редутъ № 2-го и часть траншеи между редутами, а между тѣмъ можно себѣ вообразить, что̀ представляли изъ себя наши войска, ворвавшіяся за Скобелевымъ въ редутъ и постепенно къ нему подтягивавшіяся; не говоря о томъ, что вслѣдствіе самаго боя, такого продолжительнаго, такого отчаяннаго, на мѣстности крайне пересѣченной и тѣсной, все перемѣшалось и спуталось, были еще психологическія причины—до высшей степени доведенное возбужденіе солдатъ, препятствовавшее водворенію какого-нибудь подобія порядка и, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ «Ловчи и Плевны»—ударь на насъ турки с е й ч а с ъ [1])—была бы неминуемая гибель: свѣжихъ войскъ больше не было, все израсходовали; прикрыться нечѣмъ—отступить нельзя. Къ счастью турки пропустили минуту для нихъ благопріятную; они дали намъ немного, какихъ-нибудь 20—25 минутъ, но этого было уже довольно.—Турки перешли въ наступленіе въ 5 часовъ свѣжими войсками, но остановились и даже побѣжали назадъ, отраженные огнемъ и г е р о й с к и м ъ в и д о м ъ защитниковъ, на этотъ разъ уже нашего редута. Скоро послѣ отбитія этой атаки турки перешли въ наступленіе изъ группы Кришинскихъ редутовъ на лѣвый флангъ Скобелева, но были отбиты огнемъ; много помогли этому успѣху донцы и конная артиллерія генерала Леонтьева, приказавшаго имъ наступать къ Кришину.

Нѣсколько позже и со стороны редута № 2-го начались попытки турокъ противъ редута № 1-го, что̀ вызвало вылазку нашихъ изъ редута, которую повелъ начальникъ штаба генерала Скобелева, тогда еще капитанъ—Куропаткинъ. Бой былъ остервенѣлый и самому начальнику вылазки, только случаемъ уцѣлѣвшему, пришлось драться въ рукопашную [2]). Турки были отбиты, но къ несчастію солдаты зарвались, бросились къ самому редуту № 2-го и въ свою очередь были опрокинуты съ страшной потерей; по свидѣтельству генерала Куропаткина, изъ 120—150 человѣкъ участниковъ вылазки вернулось въ редутъ № 1-го невредимыми человѣкъ 30-ть.

Въ шестомъ часу Скобелевъ получилъ еще кое-что̀ въ подкрѣпленіе. Князь Имеретинскій остался на второмъ гребнѣ, усердно продолжая за-

---

[1]) Курсивъ нашъ. П. П.

[2]) Ловча и Плевна. Ч. II, стр. 469.

ботиться объ организаціи поддержекъ; ему удалось собрать семь ротъ различныхъ частей, включая туда и отступавшихъ, для чего было устроено наблюденіе за отходившими и перехватываніе здоровыхъ [1]). Къ этимъ семи ротамъ, начальство надъ которыми принялъ Суздальскаго полка подполковникъ Мосцевой, съ этого времени до конца боя 31-го августа не выходившій изъ огня и оставшійся въ живыхъ, присоединились еще $2^1/_2$ роты владимірцевъ съ героемъ маіоромъ Горталовымъ, не знавшимъ, что онъ переживаетъ канунъ своей смерти. Сборныя команды, слившись съ частью защитниковъ редута № 1-го, около 6-ти часовъ вечера взяли редутъ № 2-го.

Къ этому времени совсѣмъ стемнѣло, пальба стихла, хотя и не прекращалась совсѣмъ. Наступила ночь, полная тревоги; отрядъ Скобелева окапывался, готовясь къ слѣдующему, второму ужасному дню.

Не помню хорошенько, въ которомъ часу, вѣроятно въ антрактѣ между занятіемъ третьяго гребня и штурмомъ редута № 1-го, я увидѣлъ пріѣхавшихъ на Зеленыя горы полковника генеральнаго штаба Л. Н. Соболева, бывшаго правителемъ канцеляріи князя Черкасскаго; съ нимъ были: капитанъ Кюхельбекеръ и адвокатъ, мой хорошій знакомый по Петербургу, Е. И. Утинъ, пріѣхавшій на войну въ качествѣ корреспондента, кажется, «Вѣстника Европы». Измученный голодомъ и жаждой, я присѣлъ на краю шоссейной канавы и сперва утолилъ голодъ чудеснымъ сыромъ, любезно пожертвованнымъ намъ полковникомъ Соболевымъ, и глотнулъ коньяку, тоже отличнаго, изъ его фляжки; то, что было у насъ, сдѣлалось почти несъѣдобнымъ и невыпиваемымъ: нашъ коньякъ былъ такой, что рѣзалъ горло какъ ножемъ.

Перекусивъ, хотѣлъ было напиться воды и пошелъ за ней къ фонтану, памятному мнѣ еще съ 18-го іюля, но воды не нашелъ: фонтанъ или изсякъ или былъ попорченъ—не знаю; не доставъ воды, я присѣлъ тутъ же у фонтана и утолялъ жажду чудеснымъ виноградомъ, совсѣмъ синимъ. Погруженный въ разныя мысли и занятый ѣдою, я услышалъ невдалекѣ отъ меня стоны; осмотрѣлся и увидѣлъ, какъ разъ противъ меня, на краю противоположной шоссейной канавы, незамѣченнаго мною раньше, красавца-юношу, вольноопредѣляющагося какого-то пѣхотнаго полка. Большаго роста, съ густыми, вьющимися, каштановыми волосами, очевидно очень стройный, лежалъ онъ, вытянувшись на боку, глядѣлъ при-

---

[1]) Одинъ батальонъ эстляндцевъ прикрывалъ лѣвый флангъ на второмъ гребнѣ, одинъ батальонъ калужцевъ занималъ д. Брестовацъ, такъ что у князя Имеретинскаго осталось: два батальона Эстляндскаго полка, которые вечеромъ были направлены въ редуты, и два весьма слабыхъ батальона Калужскаго полка; сборныя части были составлены изъ людей Либавскаго, Суздальскаго и Ревельскаго полковъ.

стально на меня и часто, не то что говорилъ скороговоркой, а скорѣе стоналъ, непрерывно повторяя: «воды, воды»... Нѣсколько правѣе его, маленькій, черный, серьезный докторъ копошился у другаго раненаго. Надо замѣтить, что по мѣрѣ движенія Скобелева впередъ и удлиненія линіи его наступленія, а также громаднаго накопленія раненыхъ, передовые перевязочные пункты оказались уже слишкомъ удаленными и начали выдѣлять изъ себя еще впередъ летучіе перевязочные пункты слабаго, конечно, состава, съ докторомъ и фельдшеромъ. Эти летучіе перевязочные пункты, назначавшіеся для первой помощи особенно нуждавшимся въ ней, подвигались далеко впередъ и попадали въ сферу ружейнаго огня. Зная, что воды нѣтъ, я подошелъ къ доктору и спросилъ шепотомъ, можно ли дать раненому юношѣ вмѣсто воды винограду. «Можно», махнувъ рукой и, какъ мнѣ показалось, небрежно отвѣтилъ докторъ, что̀ и вызвало съ моей стороны вопросъ: «а что̀?»—«Все равно сейчасъ умретъ: осколокъ въ кишкахъ». Я поднесъ винограду ко рту умирающаго, онъ жадно схватилъ губами нѣсколько ягодъ, но его сейчасъ же начало рвать... ужасно рвать. Я отошелъ и пошелъ внизъ по шоссе къ Плевнѣ, отошелъ не потому, что не могъ больше видѣть наступавшей на моихъ глазахъ смерти, а потому, что мнѣ вдругъ стало чего-то совѣстно; мнѣ пришла въ голову мысль, можетъ быть и очень глупая, результатъ общаго нашего ненормальнаго состоянія, что я ему мѣшаю; мнѣ казалось, что когда его начало рвать отъ моего винограда, то взглядъ его, на меня устремленный, преисполнился укоризной, точно онъ хотѣлъ меня попрекнуть, что я сдѣлалъ не то, что слѣдовало, или даже, что въ немъ была досада: вотъ ты тутъ здоровый, ѣшь виноградъ—и ничего, а я мучаюсь... Всего этого можетъ быть и не было; все это, можетъ быть, плодъ моей фантазіи. Но, какъ бы то ни было, такъ мнѣ казалось это тогда, такъ мнѣ кажется и теперь, и если бы я умѣлъ рисовать, то я нарисовалъ бы этого лежащаго и умирающаго юношу не иначе, какъ съ укоромъ во взглядѣ.

Отойдя отъ перевязочнаго пункта, я почти сейчасъ же встрѣтилъ шествіе: несли кого-то, раненаго, очень большаго и тяжелаго; несло много людей—все стрѣлки. Сзади и съ боковъ шли знакомые мнѣ офицеры. Спросилъ: «кого несете?»—«Генерала Добровольскаго»...—«Убитъ?»—«Еще живъ; только, кажется, кончается».

Сбылось предчувствіе бѣднаго Добровольскаго!

Генералъ Куропаткинъ, описывая наступленіе турокъ со стороны Кришина на лѣвый флангъ только-что взятаго Скобелевымъ редута № 1-го, говоритъ слѣдующее: «начальство надъ всѣми частями, находившимися въ этомъ редутѣ, принялъ прибывшій къ редуту начальникъ 3-й стрѣлковой бригады генералъ Добровольскій. Отправившись на лѣвый флангъ, онъ, открытый туркамъ во весь свой крупный ростъ, спо-

койно и умѣло руководилъ дѣйствіями нашихъ частей противъ наступавшихъ со стороны редута Баглы-Сарты [1]) турокъ, пока смертельная рана не лишила наши войска этого, выдававшагося своими боевыми качествами генерала». И далѣе: «Ранѣе раны генералъ Добровольскій имѣлъ счастіе видѣть, что наступленіе турокъ остановилось, не дойдя до насъ 150 шаговъ. Затѣмъ турки повернули назадъ» [2]).

Въ приложеніи 3-мъ, помѣщенномъ въ той же книгѣ, есть описаніе дѣйствій 2-го стрѣлковаго батальона, въ которомъ командующій батальономъ пишетъ: «Въ это время вошелъ въ укрѣпленіе (редутъ № 1-го) генералъ Добровольскій и, одобривъ мои распоряженія, отправился со мною осмотрѣть ложементы, и найдя ихъ достаточно готовыми, приказалъ мнѣ вести туда людей, но лишь только я намѣревался исполнить это приказаніе, какъ былъ раненъ въ шею, а генералъ Добровольскій упалъ, раненый въ грудь. Приказавъ отнести генерала на перевязочный пунктъ, самъ я отошелъ къ брустверу, чтобы перевести духъ. Добравшись до Ловченскаго шоссе, я догналъ носилки съ генераломъ Добровольскимъ, который жаловался, что сильно истекаетъ кровью, и просилъ, если онъ умретъ, сообщить женѣ, что его духовное завѣщаніе въ штабѣ дѣйствующей арміи» [3]).

Добровольскаго отнесли назадъ и положили во временной гробъ, въ его чудную коляску.

Подъ вечеръ, до наступленія приближавшихся уже сумерекъ, князь Имеретинскій поѣхалъ къ Скобелеву. Весь третій гребень усѣянъ былъ трупами; были и прежніе, старые, отъ 27-го августа, трупы калужцевъ, совсѣмъ раздѣтые, сильно вздутые, съ синими пятнами и очень многіе съ поднятыми правыми руками и полусложенными для крестнаго знаменія, застывшими пальцами. Стрѣляли спереди, стрѣляли слѣва, стрѣляли и справа изъ-за Тученицкаго оврага, гдѣ атака нашего центра давно прекратилась, и турки, освободясь, получили возможность обратить огонь противъ Скобелева. Внизу я разстался съ княземъ и проѣхалъ еще впередъ съ неразлучнымъ моимъ Захаромъ (Заурбекъ) Дулаевымъ, все время ворчавшимъ про огонь справа: «да это наши стрѣляютъ»... (и дѣйствительно приходило въ голову, не Крыловъ ли это стрѣляетъ въ турокъ, а попадаетъ въ своихъ). Здѣсь я увидѣлъ скачущаго намъ навстрѣчу, на быстромъ, но небольшомъ конѣ, Алексѣя Николаевича Куропаткина. «Куда, что?» спрашиваю я. «Да надо собрать людей, не поможете ли?» Понятно, что помогу; и я этимъ занялся.

---

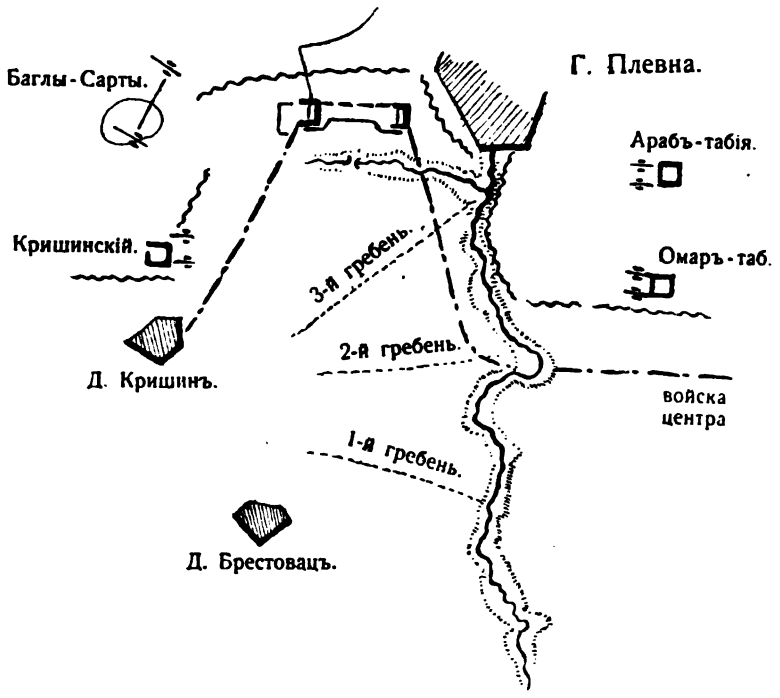
[1]) Изъ группы Кришинскихъ редутовъ.
[2]) Ловча и Плевна, стр. 466.
[3]) Ловча и Плевна, стр. 564.

Собирая отсталыхъ, разсыпанныхъ на всемъ сѣверномъ склонѣ третьяго гребня и внизу его у Зеленогорскаго оврага, я наталкивался на чрезвычайно интересныя картинки. Надо себѣ представить: довольно крутой скатъ, мѣстами кусты, мѣстами большія, отдѣльныя деревья, а иногда и группы деревьевъ; наступающія сумерки, не то дымъ—не то туманъ, но еще видно, только все сѣро. И вотъ у дерева собралась кучка: кто стоитъ, прислонившись къ дереву, кто сидитъ, а кто и лежитъ. По временамъ вспыхиваетъ папироска. Подъѣхавъ совсѣмъ близко, различаю уже воротники: есть красные, синіе, бѣлые... При появленіи начальства все лежачее и сидячее встаетъ, но встаетъ не особенно быстро; нѣтъ этого мирнаго вскакиванія. Прислонившіеся къ дереву выпрямляются. «Что вы тутъ, братцы?»—«Заморились, ваше высокоблагородіе».—«Да ужъ, я думаю, отдохнули?» Слышится довольно дружное: «точно такъ». Затѣмъ нѣсколько словъ съ моей стороны, что нельзя же такъ ничего не дѣлать, когда тамъ, впереди—свои... и, наконецъ, вопросъ: «а кто изъ васъ тутъ старшій?» Оглядываются, переглядываются и отвѣчаютъ: «да мы разные, разныхъ полковъ»... Но за время этого разговора я успѣлъ разглядѣть одного унтеръ-офицера, имѣвшаго молодцоватый и даже веселый видъ: «вотъ ты и будь за старшаго»... Слышится совсѣмъ уже энергичный отвѣтъ: «слушаю, ваше высокоблагородіе». И вотъ эта кучка сама строится и идетъ бодро впередъ.

Другая сцена: несутъ раненаго; несутъ четыре, шесть, а кругомъ хлопочутъ 20. Опять повторяется то же и опять идетъ команда въ бой.

Чудное, безподобное созданіе нашъ солдатъ, и все, что я сказалъ выше объ отсталыхъ и кучкахъ—не упрекъ. Человѣкъ въ бою звѣрѣетъ, но, выйдя изъ пекла, звѣрь исчезаетъ, человѣкъ возвращается къ своему настоящему образу, нервы начинаютъ дѣйствовать, и является то, что французы называютъ la détente des nerfs. Надо еще прибавить, что эти люди не ѣли, не спали, утомились физически, истомились нравственно и все же, по первому призыву—пошли. Можно, пожалуй, возразить, что и у начальниковъ нервы; я думаю, что нервы нервамъ рознь. Начальникъ и внѣ пекла озабоченъ: распоряжается, приказываетъ, однимъ словомъ, занятъ, а затѣмъ у начальника, кромѣ всѣхъ общихъ и солдату свойствъ: долгъ, товарищество, самолюбіе... есть еще: болѣе широкая отвѣтственность, честолюбіе, надежда отличиться, выдѣлиться—слава; начальникъ у всѣхъ на глазахъ, а тутъ? Что можетъ быть тутъ, изъ этихъ послѣднихъ помянутыхъ мною свойствъ, когда и смерть-то предстоитъ безвѣстная, когда и священникъ, отпѣвая сложенныя въ общую братскую могилу тѣла, возглашаетъ: «имена ихъ же, Господи, Ты вѣси».

На стр. 477 уже не разъ упомянутаго мною труда «Ловча и Плевна», часть II, сказано: «наступившая темнота не прекратила боя, а только ослабила его напряженіе. Ружейная стрѣльба продолжалась со всѣхъ сторонъ, временами утихая, временами усиливаясь, и вся наша позиція, начиная отъ занятой линіи редутовъ до перваго гребня Зеленыхъ горъ, была въ сферѣ ружейнаго огня съ трехъ сторонъ, такъ какъ мы на лѣвомъ флангѣ, за отбитіемъ атаки въ центрѣ, вдались въ расположеніе турокъ клиномъ шириною свыше двухъ съ половиною верстъ и высотою отъ д. Брестоваца до линіи Скобелевскихъ редутовъ $4^1/_2$ версты».



Схематическій чертежъ расположенія турокъ противъ войскъ лѣваго фланга Западнаго отряда арміи къ 4 часамъ пополудни 31-го августа.

— · — · — · — Направленіе позиціи русскихъ.

~~~~~~~~~~~~~~~~ „ „ турокъ.

Чертежъ взятъ изъ соч. генерала Куропаткина, Ловча и Плевна. Ч. 2-я.

Въ палаткѣ князя Имеретинскаго, расположенной у шоссе на высотѣ втораго гребня, горѣлъ огонь. Въ распоряженіи князя оставались слабые батальоны Калужскаго полка, изъ коихъ одинъ занималъ д. Брестоваць, а остальные два батальона были расположены на очень большомъ пространствѣ втораго и перваго гребней, охраняя тылъ и
~~~~~~~~~~~~~~~~

лѣвый флангъ общаго расположенія всего отряда, не безопасный со стороны Кришина. Послѣдній батальонъ эстляндцевъ былъ отосланъ къ Скобелеву часовъ около десяти вечера, и тогда же посланы ему были, по его просьбѣ, двѣ сотни Владикавказскаго казачьяго полка и два взвода донцовъ.

Князь встрѣтилъ меня словами: «гдѣ ты пропадалъ?» Я разсказалъ о томъ, гдѣ былъ и что дѣлалъ, а затѣмъ мы приступили къ обсужденію общаго положенія и тутъ возникъ вопросъ о томъ, что надо изобрѣсти средство дать отряду Скобелева провести ночь настолько спокойно, чтобы онъ могъ если не отдохнуть, то устроиться и приготовиться къ слѣдующему дню, который будетъ очевидно страшнымъ: общее молчаніе къ востоку отъ Тученицкаго оврага [1]) на нашемъ правомъ флангѣ и центрѣ указывало, что тамъ дѣло кончено, а слѣдовательно турки будутъ въ состояніи огромною массою обрушиться на Скобелева. Останавливаясь на томъ, что 31-го августа за Тученицкимъ оврагомъ боя не будетъ, естественно было допустить, что Скобелеву пришлютъ подкрѣпленій изъ освободившихся войскъ, но тогда они должны прійти теперь же, а этого что-то не видно, да и извѣстій объ этомъ нѣтъ. Въ то же время намъ было извѣстно существовавшее въ западномъ отрядѣ арміи опасеніе перехода турокъ въ наступленіе, что̀ и вызвало большой расходъ войскъ въ прикрытіе батарей; а если это такъ, то нечего и ждать подкрѣпленій. Тогда явился вопросъ о томъ, что было бы хорошо обезопасить Скобелева хотя бы отъ Кришина, который, такъ сказать, висѣлъ надъ нимъ и все время давалъ себя чувствовать. Князь съ этимъ мнѣніемъ въ принципѣ согласился. Я просилъ дать въ мое распоряженіе два батальона калужцевъ, одинъ изъ Брестовица, который при наступленіи къ Кришину становился временно ненужнымъ и другой съ лѣваго фланга втораго гребня. Я предполагалъ, что два, хотя и слабыхъ, батальона составятъ одинъ порядочный, а присоединивъ къ нимъ спѣшенныя части кавалеріи генерала Леонтьева, кое-что и составится. Но князь рѣшительно отказалъ дать мнѣ, справедливо говоря, что въ такомъ случаѣ у него, на все про все, останется въ тылу Скобелева одинъ только батальонъ (Калужскій) и при томъ слабый, а охранять надо два гребня (второй и третій) и тылъ (первый гребень). Соглашаясь дать мнѣ одинъ только батальонъ, князь послалъ предварительно справиться, что изъ себя представляетъ этотъ батальонъ. Привезли отвѣтъ, что насчитываютъ всего 270 человѣкъ, почти безъ офицеровъ; по словамъ докладчика, люди были утомлены и вообще не представляли изъ себя надежной силы. Тогда князь отозвался, что было бы «безумiемъ», при подобныхъ условіяхъ, предпринимать активныя дѣйствія.

[1]) Кромѣ пальбы, направленной на наши редуты и на Зеленыя горы.

да еще ночью, противъ Кришина и прибавилъ, что будетъ еще хуже: Кришиномъ не овладѣемъ, придется отходить, турки за нами спустятся и Скобелеву мы еще пожалуй повредимъ.

Этимъ рѣшеніемъ вопросъ о помощи съ нашей стороны Скобелеву былъ исчерпанъ.

Ночью огонь турокъ не прекращался, а только иногда стихалъ; вмѣстѣ съ тѣмъ турки неоднократно переходили въ наступленіе на редуты, но безуспѣшно.

Всю ночь посылались донесенія въ штабъ западнаго отряда; посылалъ Скобелевъ, посылалъ и князь. Скобелевскія донесенія шли черезъ насъ, а потому мы знали ихъ содержаніе. — Ночью пріѣхалъ адъютантъ великаго князя полковникъ Орловъ (Анеиногенъ Алексѣевичъ). Онъ былъ у Скобелева, былъ и у князя въ оба пути. Единственная просьба отъ всѣхъ насъ была просьба о подкрѣпленіи. Также ночью былъ посланъ Скобелевымъ ординарецъ его, офицеръ 3-й стрѣлковой бригады, Маркъ. Ему было приказано явиться къ Зотову и въ крайности добраться и до князя Карла Румынскаго. Но поѣздки эти были безплодны. Орловъ пріѣхалъ въ одиннадцатомъ часу утра 31-го августа, когда атаки турокъ уже начались; онъ привезъ слѣдующую записку генерала Зотова Скобелеву: «По приказанію великаго князя главнокомандующаго, если вы не можете удержаться на занятыхъ вами позиціяхъ, то начните, но по возможности отнюдь не ранѣе вечера [1]), медленное отступленіе къ Тученицѣ, прикрываясь конницей генерала Леонтьева. Сообщите это приказаніе князю Имеретинскому. Держите все это въ великомъ секретѣ, а въ томъ, что вы съумѣете и поймете сдѣлать должное, сомнѣнія нѣтъ. Гривицкій редутъ у насъ въ рукахъ, но продолжать наступленіе не съ чѣмъ [2]), а потому рѣшено медленное отступленіе. 31-го августа 8 1/2 часовъ утра. Генералъ-лейтенантъ Зотовъ».

Еще ранѣе князь получилъ тоже отъ генерала Зотова слѣдующее письменное приказаніе, писанное, согласно проставленнаго числа—наканунѣ: «По приказанію главнокомандующаго предписываю вамъ и генералу Скобелеву укрѣпиться и держаться на нынѣ занятыхъ позиціяхъ впредь до особаго приказанія. Подкрѣпленій не ждите, у меня ихъ нѣтъ [3]). Ожидаю точныхъ свѣдѣній о потеряхъ». 30-го августа. Генералъ-лейтенантъ Зотовъ.

Въ этихъ двухъ запискахъ обращаетъ на себя вниманіе то, что начинаютъ уже упоминать имя главнокомандующаго, примѣшивать, вѣроятно,

---

[1]) Т. е. 31-го августа.

[2]) Курсивъ нашъ. П. П.

[3]) Курсивъ нашъ. П. П.

для большаго авторитета, имя великаго князя, а между тѣмъ извѣстно, что князю Карлу и генералу Зотову предоставлена была полная свобода дѣйствій для штурма Плевны и даны соотвѣтственныя полномочія. Великій князь диспозиціи для штурма не отдавалъ, во время боя 30-го августа не распоряжался и исправлять испорченнаго другими не могъ. Затѣмъ поражаетъ это удивительное, непостижимое прицѣпленіе къ Гривицкому редуту, не имѣвшему никакого значенія, совсѣмъ намъ ненужному. Наконецъ, поражаетъ своею оригинальностью фраза: «держаться... впредь до особаго приказанія»; опять забытъ непріятель! Какъ извѣстно, 31-го августа, турки, навалившись на Скобелева всею своею силою, принудили насъ, иначе говоря «приказали» — отступить. Что же касается до извѣщенія, что «продолжать наступленіе не съ чѣмъ»... и что «подкрѣпленій у меня нѣтъ»... то объ этомъ послѣ.

Вернулся и Маркъ; заѣхалъ предварительно къ намъ и говорилъ, что боится ѣхать къ Скобелеву съ пустыми руками; онъ и просилъ у меня совѣта, какъ ему поступить. Ему приходилось доложить слѣдующее. Маркъ добрался до князя Карла, который его выслушалъ очень участливо и на просьбу о подкрѣпленіи отвѣтилъ: «oui, certainement; mais il faut que Vous intercediez auprès du général Zotof». (Да конечно; но просите объ этомъ генерала Зотова). Поѣхалъ Маркъ къ генералу Зотову и получилъ отвѣтъ, аналогичный съ вышеприведенными записками. Бѣдный Маркъ былъ въ большомъ горѣ и долго не рѣшался ѣхать къ грозному Скобелеву.

VI.

31-го августа.—Атаки турокъ.—Переходъ турокъ въ наступленіе съ праваго берега Тученицкаго оврага.—Неудовлетворительность отвоза раненыхъ съ позицій на перевязочные пункты.—Введеніе въ дѣло двухъ послѣднихъ калужскихъ батальоновъ.—Послѣдняя атака турокъ.—Отступленіе Скобелева.

31-го августа, въ 6 часовъ утра, огонь турокъ замѣтно усилился и скоро превратился просто въ бойню, въ стрѣльбу въ цѣль по малому пространству: стрѣляли спереди, съ боковъ и даже сзади. Различные артиллерійскіе снаряды и ружейныя пули падали въ редуты и въ пространство между ними и Зелеными горами, какъ въ котелъ. Первая атака турокъ началась въ 7-мъ часу утра со стороны группы Кришинскихъ редутовъ противъ лѣваго фланга редута № 1-го, но была отбита. Въ 8 часовъ атака эта возобновилась съ бо́льшею противъ прежняго настойчивостью, и одновременно съ нею турки произвели наступленіе противъ нашего праваго фланга, на редутъ № 2-го.

Обѣ эти атаки также были отбиты.

Приблизительно въ это время Скобелевъ получилъ, пересланную княземъ, вышеприведенную записку съ приказаніемъ держаться «до особаго приказанія».

Не получая подкрѣпленій, о которыхъ всѣ умоляли, Скобелевъ все-таки не терялъ надежды, что войска нашего центра, свободныя, сильныя, близкія къ намъ, окажутъ воздѣйствіе хотя бы съ того берега Тученицкаго оврага.

Огонь турокъ еще усилился, они выдвинули новыя батареи и били со всѣхъ сторонъ; скоро оказалось уже невозможнымъ бѣгать изъ редутовъ за водой къ Зеленогорскому ручью: турки какъ будто охотились и били даже одиночныхъ людей.

Въ половинѣ девятаго турки въ третій разъ пошли въ атаку съ фронта и опять съ лѣваго нашего фланга. Истомленные непрерывнымъ суточнымъ боемъ, защитники редута № 1-го начинали понемногу оставлять его и, только лично вмѣшавшись въ дѣло, Скобелевъ повернулъ ихъ и отвелъ обратно въ редутъ. Вернулись и защитники редута № 2-го, также отступавшіе, завидя отступленіе сосѣдей.

Третья атака турокъ была отбита; настоятельно требовались подкрѣпленія, но ихъ не присылали, а у насъ неоткуда было ихъ взять.

По отбитіи этихъ трехъ атакъ, направленныхъ турками непосредственно на редуты, новая опасность явилась совсѣмъ съ другой стороны, съ той стороны, откуда Скобелевъ ждалъ скорѣе помощи, а не атаки; турки, расположенные за Тученицкимъ оврагомъ, приблизительно на высотѣ втораго гребня Зеленыхъ горъ, покровительствуемые сильнымъ огнемъ, начали переходить оврагъ въ пространство между вторымъ и третьимъ гребнемъ, направляя свою атаку въ тылъ уже не редутовъ, а въ тылъ нашего расположенія на третьемъ гребнѣ. Тылъ праваго фланга Скобелева охранялся нѣсколькими ротами эстляндцевъ и сборными командами стрѣлковъ, подъ общимъ начальствомъ подполковника Эрна. По свидѣтельству генерала Куропаткина, «этотъ чрезвычайно энергичный, храбрый и спокойный штабъ-офицеръ, не смотря на трудность порученной ему задачи, быстро и толково сдѣлалъ всѣ распоряженія. Генералъ Скобелевъ могъ быть спокойнымъ за свой правый флангъ съ такимъ помощникомъ, какъ подполковникъ Эрнъ. Громадная фигура этого штабъ-офицера смѣло гуляла подъ пулями и какъ труба голосъ его слышался далеко» [1]). Эрнъ впослѣдствіи отступилъ съ послѣдними войсками послѣ взятія турками редута № 2-го. Опять на мѣсто боя явился Скобелевъ съ своимъ начальникомъ штаба [2]) и подкрѣпилъ

---

[1]) Ловча и Плевна. Часть II, стр. 497 и 503.

[2]) Подъ которымъ тутъ была убита лошадь. П. П.

находившіяся тамъ команды тѣмъ, что было у него подъ рукой: онъ спѣшилъ сотню осетинъ. Турки, перебравшіеся уже на западный берегъ оврага, временно пріостановились, но, усилившись, снова подавались впередъ. Въ эту критическую минуту быстро пришли съ тылу двѣ роты либавцевъ и, воодушевленныя Скобелевымъ, опрокинули турокъ.

Приблизительно въ это время, т. е. около $10^1/_2$—11 часовъ утра, получена Скобелевымъ записка, привезенная Орловымъ, которою предписывалось, въ случаѣ невозможности держаться, отступать,—«но по возможности отнюдь не ранѣе вечера».

Князь Имеретинскій не оставлялъ своего поста на второмъ гребнѣ, находясь все время въ сферѣ не только гранатнаго, но и ружейнаго огня [1]). У него уже ничего не было. При немъ оставались только: начальникъ штаба отряда—я, начальникъ штаба 2-ой пѣхотной дивизіи—полковникъ Шестаковъ, офицеры-ординарцы и нѣсколько донскихъ казаковъ конвоя, подъ командой войсковаго старшины Митрофана Ильича Грекова [2]). Поставленный силою вещей въ бездѣятельность по отношенію къ веденію боя, князь, по природѣ весьма дѣятельный, сначала посвятилъ себя всецѣло, какъ видно изъ сказаннаго выше, организаціи подкрѣпленій для Скобелева, а потомъ, когда уже нечего было организовать—отдался весь упорядоченію перевозки раненыхъ съ позицій на перевязочные пункты. Санитарная часть въ отрядѣ стояла, не смотря на произведенный расходъ разнаго имущества подъ Ловчей, довольно хорошо, но она была все же разсчитана на убыль обыкновенную, а тутъ была убыль чрезвычайная. Лазаретныхъ линеекъ конечно не хватало, давно уже были въ ходу не только артельныя повозки, но и всякія другія, которыя попадались подъ руку, а все-таки ихъ было далеко не достаточно. Это явствуетъ изъ слѣдующаго: въ соединенныхъ отрядахъ князя Имеретинскаго и Скобелева было утромъ 30-го августа 14.000 человѣкъ приблизительно; выбыло въ $1^1/_2$ дня болѣе 6.300 человѣкъ, т. е. болѣе $45^0/_0$; —убыль, не предусмотрѣнная ни санитарными, ни эвакуаціонными соображеніями [3]). Каково же было огорченіе князя, когда онъ, поглощенный заботами объ уборкѣ раненыхъ, въ началѣ 12-го часа дня получилъ отъ Скобелева записку, въ которой тотъ горько жало-

---

[1]) Рапортъ генералъ-лейтенанта Скобелева начальнику западнаго отряда арміи, отъ 3-го сентября.

[2]) Число ординарцевъ князя значительно уменьшилось: казакъ Тихановъ и Ревельскаго полка Петропавловскій ранены 26-го іюля, Калужскаго полка Григорьевъ, по приказанію князя, приводилъ въ оборонительное состояніе д. Брестовацъ; полки же такъ порѣдѣли офицерами, что князь не хотѣлъ больше брать изъ полковъ.

[3]) Князь Черкасскій снабдилъ отрядъ значительнымъ числомъ болгарскихъ подводъ, принесшихъ большую пользу.

вался на неполученіе перевязочныхъ средствъ для раненыхъ. Сильно взволнованный, князь далъ мнѣ прочитать записку и приказалъ лично самому мнѣ немедленно собрать всѣ повозки, которыя можно достать, и послать этотъ транспортъ къ Скобелеву съ вполнѣ надежнымъ офицеромъ. Дѣло скоро разъяснилось. Транспорты повозокъ, постоянно посылаемые впередъ, возвращались, наполненные ранеными, которыхъ надо было доставить на главный перевязочный пунктъ въ Боготскій логъ, гдѣ находились подвижные лазареты 2-ой и 16-ой пѣхотныхъ дивизій, недостаточные для всего отряда. Не смотря на регулярную посылку транспортовъ, уже съ утра 31-го августа начали пріѣзжать отъ Скобелева посланные, съ требованіемъ повозокъ; всѣ они обращались ко мнѣ. Первымъ пріѣхалъ какой-то артиллерійскій фейерверкеръ и, получивъ повозки, самъ повелъ ихъ. Затѣмъ пріѣхалъ извѣстный всему отряду, одинъ изъ лучшихъ ординарцевъ Скобелева, Владикавказскаго казачьяго полка офицеръ Харановъ и сказалъ мнѣ, что Михаилъ Дмитріевичъ очень сердится, не получая повозокъ. Я просилъ Харанова, не возьмется ли онъ лично вести транспортъ, но такъ какъ для этого надо было нѣсколько обождать, то Харановъ сказалъ, что ему некогда, надо торопиться къ Скобелеву, у котораго и ординарцевъ осталось уже мало. Вслѣдъ за Харановымъ пріѣхалъ тоже всѣмъ извѣстный ординарецъ Скобелева, красавецъ и храбрецъ Абадзіевъ, который обратился ко мнѣ, говоря: «Михаилъ Димитріевичъ ужасно... сердится». Абадзіевъ, также какъ и Харановъ, не могъ ждать транспорта. Я не помню хорошенько, но чуть ли не Абадзіевъ привезъ князю ту записку, о которой я сказалъ выше. Я собралъ 11 повозокъ и, вручивъ ихъ офицеру съ конвоемъ, самъ поѣхалъ наблюсти за ихъ движеніемъ; тутъ я нашелъ разгадку того, почему Скобелевъ не получаетъ повозокъ, въ большомъ изобиліи посылаемыхъ нами, съ вѣрными людьми. Только-что транспортъ вступилъ въ поросшую деревьями и большими кустами часть ската третьяго гребня къ Зеленогорскому ручью [1]), какъ мои повозки были буквально атакованы и взяты приступомъ ранеными. Они шли гурьбой, кто только съ засунутой за бортъ мундира раненой рукой, кто ковыляя, но все же довольно скоро подвигаясь, опираясь на ружье, кто съ повязанной головой. Были и такіе, которые еле плелись; нѣкоторые ползли, другихъ несли здоровые; были и лежавшіе въ кустахъ со стономъ. Все это галдѣло, кричало и всѣ сплошь жаловались, что—«подмоги нѣтъ». Мой транспортъ былъ остановленъ этой толпой, и повозки быстро заполнились, при чемъ, понятно, заполнились болѣе силь-

[1]) По шоссе транспорту идти было нельзя: всѣ лошади были бы перебиты до прибытія къ мѣсту назначенія; въ лѣсистомъ же скатѣ, хотя и обстрѣливаемомъ, но все же движеніе было болѣе укрыто. П. П.

ными, т. е. менѣе ранеными. Пришлось силой выгружать и очищать повозки.

Около 1 часа дня взамѣнъ двухъ орудій, подбитыхъ, ввезены были въ редутъ № 1-го три орудія, а изъ трехъ ящиковъ удалось втащить туда только одинъ. Ящикъ этотъ турки взорвали, при чемъ раненъ, а потомъ убитъ командиръ 1-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіоръ Тебякинъ, контужены и обожжены: командиръ 11-го стрѣлковаго батальона полковникъ Курсель и начальникъ штаба Скобелева капитанъ Куропаткинъ, а ящикъ перекинуло черезъ траверсъ [1]). Взрывъ вызвалъ крики радости у турокъ, и они сейчасъ же бросились на редутъ, но были отбиты Горталовымъ.

Всегда разсудительный и вдумчивый князь Имеретинскій, понимая, что, при отсутствіи силы, Скобелевъ, увлеченный боемъ, упорствуетъ въ защитѣ редутовъ только потому, что въ немъ еще не угасла искра надежды на выручку, въ которую князь давно уже извѣрился, чувствуя, что конецъ приближается, что скоро наступитъ часъ, когда придется заботиться не объ отстаиваніи редутовъ, а о спасеніи ихъ защитниковъ,— князь рѣшился оголить тылъ и велѣлъ собрать съ Зеленыхъ горъ все, что на нихъ было: два слабыхъ батальона Калужскаго полка, сборную команду стрѣлковъ и послалъ все это Скобелеву, оставшись, какъ я уже сказалъ выше, совершенно безъ войскъ, а вслѣдъ за симъ, часа въ 2 по полудни, послалъ ему же только-что полученную и адресованную князю записку генерала Зотова: «скажите Скобелеву, чтобы укрѣпился на занятой позиціи, держался до невозможности; разсчитывать на подкрѣпленія сегодня нельзя».

Въ два часа началась четвертая атака турокъ; ведена она была съ фронта, особенно сильно съ лѣваго нашего фланга и съ праваго.

И эта атака была отбита.

Скобелевъ обошелъ защитниковъ редутовъ и траншей, но «вѣра въ возможность отбить новую атаку турокъ исчезла изъ сердца начальника отряда, какъ исчезла изъ сердца его подчиненныхъ» [2]).

Приблизительно въ это время на второй гребень прибылъ Шуйскій полкъ въ составѣ 1.300 человѣкъ, и Скобелевъ рѣшилъ поставить его на третьемъ гребнѣ для прикрытія своего отступленія.

---

[1]) Впослѣдствіи Алексѣй Николаевичъ разсказывалъ, что онъ передъ взрывомъ записывалъ со словъ маіора Горталова фамиліи отличившихся офицеровъ въ свою записную книжку, и только-что Горталовъ отошелъ, какъ послѣдовалъ взрывъ. Очнувшись, Алексѣй Николаевичъ увидѣлъ вокругъ себя безобразную массу—„кисель“, людей и лошадей; книжку куда-то унесло.

П. П.

[2]) Курсивъ автора. Ловча и Плевна. Часть II, стр. 516.

Въ половинѣ пятаго началась пятая атака турокъ и получена записка генерала Зотова о посылкѣ Шуйскаго полка и объ отступленіи къ Тученицѣ, если нельзя держаться.

Масы турокъ налегли, маіоръ Горталовъ былъ убитъ, редутъ № 1-го оставленъ; турки направились съ трехъ сторонъ на редутъ № 2-го, гдѣ еще держался уцѣлѣвшій подполковникъ Мосцевой, который отступилъ только послѣ повторенія Скобелевымъ приказанія объ отступленіи.

По свидѣтельству генерала Куропаткина, турки шли съ такой яростью, что можно было думать, что они пьяны [1]).

Скобелевъ отступалъ, прикрываясь Шуйскимъ полкомъ [2]); турки преслѣдовали и даже продвинулись къ второму гребню, что̀ вынудило Скобелева перейти въ контръ-атаку, короткую, двинувъ впередъ шуйцевъ, эстляндцевъ, донскихъ и терскихъ казаковъ. Турки остановились и отошли.

Наступилъ конецъ.

При отступленіи на второй гребень Скобелевъ получилъ еще записку, посланную въ 4 часа дня, въ которой выражалось желаніе, чтобы онъ продержался на мѣстахъ «хотя бы только сутки».

Эта записка была послѣднею.

Палатку Скобелева поставили у шоссе, тыломъ къ нему. Въ палатку эту, передъ вечеромъ (солнце еще не садилось), собралось много лицъ. Былъ тутъ князь Имеретинскій, очень молчаливый и сосредоточенный, появились корреспонденты: извѣстный англійскій военный корреспондентъ Арчибальдъ Форбсъ, много говорившій, энергично жестикулируя, скромный и серьезный Макъ-Гаханъ и Немировичъ-Данченко. Скобелевъ былъ бодръ, но быстро переходилъ отъ горячаго разговора къ задумчивости.

Слышно было, какъ позади палатки мѣрнымъ шагомъ и въ большомъ порядкѣ проходили отступавшія войска [3]).

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Ловча и Плевна. Часть II, стр. 517.

[2]) При отступленіи нашемъ на второй гребень пріѣхалъ австрійскій военный агентъ капитанъ Боля (Bolà). Онъ дивился порядку отступавшихъ войскъ и, будучи славяниномъ, все повторялъ: молодцы, молодцы!

[3]) Въ статьѣ напечатанной въ № 11, „Русской Старины“, на страницѣ 287. стр. 8-я снизу напечатано: „никто на эти горы изъ западнаго отряда арміи не пріѣзжалъ“,—слѣдуетъ читать: „никто на эти горы изъ штаба западнаго отряда арміи не пріѣзжалъ“.

Письмо И. И. Дмитріева къ князю П. А. Вяземскому.

31-го мая 1820, Москва.

Всѣмъ сердцемъ благодарю васъ, милостивый государь князь Петръ Андреевичь, за любезное ваше письмо [1]) и обѣщаніе снабжать меня впредь любопытными произведеніями полуденныхъ умовъ. Съ сею же почтою отправляю къ Тургеневу [2]) небольшую сумму денегъ для перевода къ вашему сіятельству на книжныя издержки. Васъ же покорнѣйше прошу не оставить меня увѣдомленіемъ объ исходѣ суммы, дабы я успѣлъ во-время переслать къ вамъ еще на подобное же употребленіе.

Не думайте, любезнѣйшій поэтъ, чтобы я читалъ ваше безъ вниманія. Послѣдніе стихи читаны мною даже не одинъ разъ, и я старался разсматривать ихъ строже прочихъ, потому что въ нихъ ласкаемо и мое честолюбіе [3]), и что мнѣ хотѣлось скорѣе видѣть ихъ въ печати и въ полномъ совершенствѣ. Но моя ли вина, что вы такъ скудны въ неисправностяхъ, если только можно поставить въ число оныхъ замѣченное мною. Поправка ваша очень хороша, однакожъ я желалъ бы лучше вмѣсто стыда видѣть укоръ. Кажется, это было бы приличнѣе и значительнѣе. Вотъ вамъ и еще доказательство моей искренности.

Съ нетерпѣніемъ желаю видѣть въ печати и поучительную вашу бесѣду съ геніемъ брегадировъ и пугалищемъ пожилыхъ стихотворчиковъ и иныхъ пансіонеровъ [4]). Зная ваше участіе въ Пушкинѣ [5]), объявляю вамъ, что у него спереди выпалъ послѣдній зубъ и прибавилась басня (Прохожій и рѣка, изъ Флоріана). По естественной любви къ послѣдышкамъ, онъ напечаталъ ее и здѣсь, и въ Петербургѣ. Впрочемъ, все тотъ же.

Я скоро жду Дашкова [6]) изъ Александріи и милаго Сѣверина [7]) изъ Тріеста. Когда увижуся и съ вами? Въ пріятной надеждѣ свидѣтельствуетъ душевное почтеніе и съ искреннею любовью обнимаетъ васъ преданный вамъ И. Дмитріевъ.

Умерли Д. И. Киселевъ [8]); Мальцова въ Римѣ и сгорѣла, но еще жива, въ спиртовой ваннѣ М. И. Высоцкая.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

---

[1]) Отъ 24-го апрѣля 1820 г., напечатанное въ „Русскомъ Архивѣ“ 1866 г., столб. 1700—1704.

[2]) Александру Ивановичу. Это письмо къ нему Дмитріева, отъ 31-го же мая, см. въ Сочиненіяхъ И. И. Дмитріева, изд. подъ редакціею А. А. Флоридова, Спб. 1895, т. II, стр. 263.

[3]) Рѣчь идетъ объ извѣстномъ посланіи князя Вяземскаго къ Дмитріеву.

[4]) Рѣчь о посланіи кн. Вяземскаго къ М. Т. Каченовскому.

[5]) Василіи Львовичѣ.

[6]) Дмитрія Васильевича.

[7]) Дмитрія Петровича.

[8]) Отецъ графа П. Д. Киселева, Дмитрій Ивановичъ Киселевъ, бывшій главноприсутствующимъ въ Мастерской оружейной палатѣ.

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина [1]).

IX.

Первая дѣятельность М. Н. Муравьева. — Присылка ему иконы митрополитомъ Филаретомъ. — Смертные приговоры захваченнымъ предводителямъ шаекъ инсургентовъ. — Сѣраковскій и его прошлое. — Польская газета „Слово". — Казнь Сѣраковскаго. — Крестьянская реформа. — Смѣна губернатора Галлера и назначеніе губернаторомъ С. Ѳ. Панютина. — Пріемъ М. Н. Муравьевымъ коммиссіи по крестьянскому дѣлу. — Результаты семи-мѣсячной дѣятельности Муравьева. — Адресъ русскаго общества въ Вильнѣ съ просьбою о постройкѣ храма во имя Архангела Михаила. — Послѣдствія этой просьбы.

На другой день пріѣзда своего въ Вильну, т. е. 15-го мая, вновь назначенный главный начальникъ края сдѣлалъ общій пріемъ, на который одни только члены повѣрочныхъ коммиссій не попали, благодаря непонятному распоряженію виленскаго губернатора Галлера. Впрочемъ, это обстоятельство послужило къ лучшему, такъ какъ нѣсколько дней спустя для нихъ назначенъ былъ особый пріемъ; представлялъ насъ ст. сов. Л. С. Маковъ. — Передъ общимъ пріемомъ графъ М. Н. Муравьевъ вмѣстѣ съ В. И. Назимовымъ поѣхали посѣтить знаменитаго митрополита литовскаго Іосифа, а на обратномъ пути побывали въ Николаевскомъ православномъ соборѣ. Описывать этотъ пріемъ по разсказамъ я не стану. Скажу только одно, что представлявшіеся въ этотъ день русскіе вынесли оттуда самое отрадное впечатлѣніе; тамъ впервые услышанъ былъ незнакомый дотолѣ голосъ твердой правительственной власти, призывавшей всѣ сословія нести ей свое посильное

[1]) См. „Русскую Старину" ноябрь 1902 г.

пособіе въ трудной борьбѣ съ крамолою и обѣщавшей строгое преслѣдованіе мятежниковъ. Голосъ этотъ не выводилъ высокихъ нотъ, но каждое произнесенное слово мѣтко попадало въ цѣль и запечатлѣвалось въ памяти слушавшихъ... Затѣмъ главный начальникъ края какъ бы исчезъ; знали только, что въ верхнемъ помѣщеніи дворца, да въ генералъ-губернаторской канцеляріи шла усиленная работа, о которой въ прежнее счастливое время и понятія никто не имѣлъ. Какъ оказалось впослѣдствіи, онъ знакомился съ положеніемъ дѣлъ въ краѣ и съ лицами, которымъ было поручено управленіе, а самое главное вырабатывалъ подъ личнымъ своимъ руководствомъ инструкцію для устройства военно-гражданскаго управленія въ уѣздахъ Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губерній, опубликованную 24-го мая. Затѣмъ совершившееся смѣщеніе окружнаго жандармскаго генерала Гильдебранта и высылка въ Вятку римско-католическаго епископа Красинскаго послужили предвѣстіемъ, что правительственная власть перешла отъ политики снисхожденія къ мѣрамъ давно заслуженнаго возмездія крамолѣ. Изъ всѣхъ шести губернаторовъ остался на мѣстѣ только могилевскій А. П. Беклемишевъ. Въ благословеніе тяжелыхъ трудовъ, подъятыхъ на защиту дорогаго отечества, М. Н. Муравьевъ получилъ слѣдующее письмо отъ 15-го мая 1863 г. митрополита московскаго Филарета, при которомъ препровождена была икона Архангела Михаила:

«Было слышно и видно, что многодѣятельная государственная служба вашего высокопревосходительства потребовала наконецъ облегченія, дабы часть должностнаго труда была замѣнена долею покоя. Но какъ скоро царское слово васъ воззвало на защиту и умиротвореніе отечества, вы забыли потребность облегченія и покоя; не колеблясь приняли на себя бремя, требующее крѣпкихъ силъ и неутомимой дѣятельности, нашли новую силу въ любви къ царю и отечеству. Вѣрные сыны царя и отечества узнали о семъ съ радостію и надеждою. Ваше назначеніе есть уже пораженіе враговъ отечества, ваше имя—побѣда. Господь силъ, да совершитъ вами дѣло правды и дѣло мира. Да пошлетъ тезоименнаго вамъ небеснаго архистратига, да идетъ предъ вами съ мечемъ огненнымъ и да покрываетъ васъ щитомъ небеснымъ. Съ сими мыслями и желаніями препровождаю вамъ вмѣстѣ съ симъ въ благословеніе икону святаго Архистратига Михаила».

Вотъ и отвѣтное на него письмо:

«Глубоко коснулось сердца моего милостивое посланіе ваше и архипастырское благословеніе иконою Св. Архангела Михаила. Пути Всевышняго неисповѣдимы! Я неожиданно призванъ волею государя отъ жизни мирной на поприще брани для подавленія крамолы и мятежа. Тяжелая пала на меня обязанность: умиротворить край, карать клятво-

преступниковъ мѣрами казни и крови. Человѣческій взоръ не можетъ прозрѣть сквозь завѣсу, покрывающую будущее этого дѣла.

«Исполняя долгъ вѣрноподданнической присяги, въ полномъ упованіи на Бога, я покоенъ духомъ и иду по пути мнѣ свыше предопредѣленному. Съ содѣйствіемъ доблестнаго воинства нашего въ успѣхѣ сомнѣваться не смѣю.

«Повергая себя и порученное мнѣ дѣло умиротворенія Литвы архипастырскому благословенію и святой молитвѣ вашей, съ глубочайшимъ почтеніемъ» и проч.

Невольно останавливается мысль надъ этими двумя историческими документами и, приподнимая завѣсу, скрывающую отъ насъ столь недавнее еще прошлое, старается проникнуть тайну разницы во взглядахъ Москвы и Петербурга, какъ на совершившееся грустное событіе, такъ и на виновника умиротворенія Литовской Руси. Въ то самое время, когда незабвенный царь-освободитель избираетъ на трудный подвигъ М. Н. Муравьева — вся Россія, съ Москвою во главѣ, стараясь поддерживать его болѣзненныя силы, радостно привѣтствуетъ этотъ счастливый выборъ и шлетъ царскому избраннику адресы, письма, иконы,—сѣверная столица, въ которой проживали Огрызко, Сѣраковскій и имъ подобные, гдѣ жадно читались французскія письма графа Старжинскаго и слушались льстивые и ложные разсказы поборниковъ польской справы, поднимаетъ не только противу него коалицію нѣкоторыхъ вліятельныхъ представителей власти, для которыхъ мнѣніе Европы гораздо важнѣе мнѣнія Россіи, но даже задерживаетъ отправку совершенно частнаго письма, посланнаго къ нему его друзьями вмѣстѣ съ иконою Св. Архистратига Михаила ко дню его именинъ 8-го ноября. И въ какое время это дѣлается? когда Европа, изумленная успѣхами усмиренія мятежа, вынуждена была признать себя претерпѣвшею полное дипломатическое пораженіе... По истинѣ есть надъ чѣмъ серьезно попризадуматься. Но пойдемъ еще далѣе. Въ то время, когда духовное свѣтило Россіи, призывая Господа силъ на помощь къ умиротворенію края, называетъ этотъ подвигъ «дѣломъ правды и дѣломъ мира», когда отвѣтное письмо графа Муравьева выражаетъ ясно христіанское настроеніе твердой души его, сознавшей вполнѣ павшую на него тяжелую обязанность «карать клятвопреступниковъ мѣрами казни и крови», петербургскіе борзописцы, въ противоположность серьезной московской прессѣ, одинъ за другимъ стараются чернить дорогую для каждаго честнаго русскаго его память, провозглашая его людоѣдомъ, послѣднимъ могиканомъ нашихъ тяжелыхъ дней и т. п., и даже самый призывъ его царемъ-мученикомъ къ служебной дѣятельности въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ дерзаютъ называть поворотомъ «назадъ», сочиняютъ небылицы... Но...

Избранный для всѣхъ крамолъ мишенью,
Сталъ и стоитъ спокоенъ, невредимъ...
На зло врагамъ, ихъ лжи и озлобленью,
На зло, увы, и пошлостямъ роднымъ.

Находясь безотлучно, въ теченіе года и восьми мѣсяцевъ, при М. Н. Муравьевѣ и управляя особою его канцеляріею, въ которой сосредоточены были всѣ дѣла по умиротворенію края и упроченію въ немъ поруганнаго православія и загнанной русской народности, я считаю священнѣйшею своею обязанностію представить на судъ благомыслящей публики всѣ имѣющіеся у меня подъ руками факты, которые, смѣю надѣяться, прольютъ новый свѣтъ на нашего замѣчательнаго государственнаго дѣятеля съ истинно-русскою душою и познакомятъ Россію съ совершавшимися въ краѣ грустными событіями въ ихъ неприкосновенной исторической вѣрности. Такъ какъ изложеніе въ хронологическомъ порядкѣ всего совершавшагося будетъ весьма затруднительно, то да позволено будетъ мнѣ познакомить съ нимъ читателя отдѣльными главами. Сознаюсь чистосердечно, что, не зная вовсе М. Н. Муравьева при пріѣздѣ его въ Вильну, я самъ считалъ его страшнымъ человѣкомъ, не знавшимъ ни милости, ни состраданія, не терпѣвшимъ ни отъ кого и никакого возраженія; но, когда судьба поставила меня, совершенно неожиданно, въ весьма близкія къ нему служебныя отношенія, завѣса спала съ моихъ глазъ, и тяжелое чувство боязни замѣнилось глубокимъ уваженіемъ и преданностію къ нему не только при его жизни, но и по нынѣ, которыя да поможетъ мнѣ Господь сохранить и до конца моихъ дней.

22-го мая, въ исходѣ седьмаго часа утра, я былъ внезапно пробужденъ барабаннымъ боемъ, раздавшимся на улицѣ неподалеку отъ моей квартиры, за Острыми воротами, и снова замолкшимъ въ то самое время, когда я шелъ къ человѣку, чтобы послать его разузнать причину тревоги; человѣка я нашелъ въ передней, онъ только-что пришелъ съ улицы. На вопросъ мой о томъ, что такое случилось? человѣкъ пояснилъ мнѣ, что читали объявленіе по городу о предстоявшей въ 9 часовъ казни викарнаго ксендза Желудскаго костела, Лидскаго уѣзда, Станислава Ишоры, слѣдствіе о которомъ было уже окончено еще при генералъ-губернаторѣ В. И. Назимовѣ. Военный судъ призналъ его виновнымъ въ чтеніи народу въ костелѣ возмутительнаго манифеста и въ подговорѣ крестьянъ къ возстанію. Услышавши подобную роковую вѣсть, я рѣшительно не понималъ, что такое сталось со мною... Мнѣ было невыносимо жаль этого молодаго человѣка, которому было лѣтъ около двадцати пяти отъ роду. Наскоро одѣвшись, я рѣшился идти на это трагическое зрѣлище; нервная система моя была сильно потрясена и въ прежнее время, когда по улицамъ Вильны совершались на каждомъ

шагу политическія безобразія, а тутъ какъ на зло, мимо оконъ моей квартиры проводили толпами плѣнныхъ повстанцевъ, везли раненыхъ и хоронили нашихъ убитыхъ солдатъ; доктора совѣтовали мнѣ испытать какое-либо сильное потрясеніе... клинъ клиномъ выбиваютъ. А что же могло быть ужаснѣе зрѣлища предстоявшей казни. Вышедши изъ дому съ твердымъ намѣреніемъ идти на предмѣстье Лукишки, гдѣ должно было совершиться разстрѣляніе, съ первыхъ же шаговъ я попотерялъ рѣшимость и направился въ совершенно противоположную сторону, въ цитадель, чтобы съ бывшей телеграфной башни посмотрѣть издали на происходившее; но избранное мною мѣсто наблюденія оказалось вполнѣ неудобнымъ по своей отдаленности, а я не взялъ съ собою бинокля. Зашедши оттуда къ коменданту и напившись у него чаю, я отправился домой еще болѣе взволнованный, чѣмъ прежде. Встрѣтившійся со мною на дорогѣ одинъ изъ моихъ знакомыхъ, очевидецъ разстрѣлянія, разсказалъ мнѣ, что приговоренный къ казни ксендзъ шелъ совершенно равнодушно, подъ оглушительный грохотъ барабановъ; вѣроятно, несчастный полагалъ, что его, какъ не лишеннаго, по отказу епископа, духовнаго сана, помилуютъ. Въ такомъ же настроеніи сопровождали его и толпы народа, въ особенности женщины шли туда очень охотно, перекидываясь шутками между собою.

Но, вотъ раздался залпъ, и не ожидавшія такой развязки любопытныя барыни съ криками ужаса бросились по домамъ. Такимъ образомъ въ этотъ день мятежники должны были убѣдиться, что правительство не намѣрено болѣе шутить съ ними и обратилось къ строгимъ мѣрамъ.

24-го мая разстрѣляны были, по приговору полеваго суда, на Лукишкахъ: ксендзъ Земацкій и дворянинъ Лясковскій.

Рано утромъ 28-го мая объявлена была по городу казнь Болеслава Колышки, начальника шайки въ отрядѣ Сѣраковскаго, про звѣрства котораго ходили по городу разные толки. День былъ великолѣпный, солнечный; на небѣ ни облачка. Яркая весенняя зелень травы и деревьевъ, веселое щебетаніе птичекъ какъ-то не гармонировали съ тогдашнимъ настроеніемъ городской жизни. Въ восьмомъ часу утра вышелъ я изъ дому; путь мой шелъ по Нѣмецкой улицѣ, но я нарочно направился въ обходъ по Большой и Замковой улицамъ, думая ходьбою успокоить свое сильное внутреннее волненіе. Но, вотъ наконецъ миновалъ я и манежъ и вступилъ уже на улицу въ томъ мѣстѣ, гдѣ она примыкаетъ къ базарной площади на Лукишкахъ. Повидимому ничто не обнаруживало еще, что тамъ черезъ нѣсколько минутъ живое разумное существо должно будетъ лишиться жизни, этого великаго дара Творца вселенной... Не видно было никакихъ приготовленій; сначала я было подумалъ, что не назначена ли казнь гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; но народъ спѣшилъ толпами по тому же направленію... Нако-

нецъ, когда я подошелъ къ послѣднему домику съ лѣвой стороны улицы и взглянулъ влѣво на базарную площадь, передо мною вдругъ, какъ-бы изъ подъ земли, выросла страшная висѣлица.

Тутъ узналъ, что приходилось ждать болѣе двухъ часовъ; казнь вмѣсто 9 назначена была въ 11 часовъ, для большей публичности, такъ какъ по городу ходили толки между поляками, что казнь совершается рано изъ боязни стеченія народа... Зной въ этотъ день былъ палящій; въ одиннадцатомъ часу показалась грозовая туча и сталъ накрапывать дождь; пришлось укрыться отъ него въ близъ стоявшее зданіе городскихъ вѣсовъ. Между тѣмъ гроза все болѣе и болѣе усиливалась; дождь хлынулъ какъ изъ ведра, и ливень продолжался во все время, пока печальное шествіе не стало подходить къ роковымъ Лукишкамъ. Въ эту минуту дождь пересталъ, и снова проглянуло изъ-за тучъ яркое, веселое солнце, но не радостную картину пришлось ему освѣтить тогда. Преступникъ одѣтъ былъ въ черную чамарку со шнурками, въ родѣ венгерки, съ которой струилась вода; на головѣ его надѣта была на бекрень конфедератка. На видъ онъ былъ молодой мужчина, средняго роста, широкоплечій, съ необыкновенно толстой и короткой шеей. Шелъ онъ бодро, въ сопровожденіи ксендза, подъ барабанный бой, и, во время чтенія приговора стоялъ спокойно, хотя внутреннее волненіе пробивалось наружу въ частомъ переступаніи съ ноги на ногу... Наступила, наконецъ, страшная минута. Окружавшія висѣлицу войска взяли на-плечо, раздался оглушительный барабанный бой, напутствовавшій въ другую жизнь осужденнаго, ксендзъ отошелъ въ сторону, казнь совершилась.

Послѣ этой казни въ Вильнѣ какъ-бы все попритихло; паника напала на польское городское населеніе. Куда дѣвалась вся прежняя дерзость? Дворянство робко заговорило про адресъ. Но по уѣздамъ мятежники продолжали безчинствовать, и вотъ 10-го іюня снова былъ разстрѣлянъ въ Вильнѣ уроженецъ царства Польскаго, Юліанъ Лесневскій, братъ виленской оперной пѣвицы, прибывшій пропагандировать мятежъ изъ Варшавы. Затѣмъ, 15-го числа іюня, оповѣщена была по Вильнѣ казнь Сигизмунда Сѣраковскаго, бывшаго капитана нашего генеральнаго штаба, извѣстнаго подъ псевдонимомъ Доленги. День былъ сѣрый, но безъ дождя. Я рѣшился пойти посмотрѣть, съумѣетъ ли по крайней мѣрѣ литовско-ковенскій воевода умереть, какъ слѣдуетъ. Не лишнимъ будетъ сообщить нѣкоторыя подробности объ этомъ человѣкѣ, игравшемъ весьма видную роль въ мятежѣ и могущемъ служить назидательнымъ примѣромъ того, какъ поляки умѣютъ обдѣлывать свои дѣла въ Петербургѣ. Еще въ 1848 и 1849 годахъ, 22 лѣтъ отъ роду, участвуя въ тамошнихъ польскихъ политическихъ кружкахъ, Сѣраковскій заявилъ себя ярымъ врагомъ Россіи, попался и былъ разжалованъ въ

рядовые Оренбургскаго линейнаго батальона, гдѣ и пробылъ до 1857 года. Возвратясь въ Петербургъ, Сѣраковскій поступилъ въ генеральный штабъ и дослужился до капитанскаго чина. Въ 1859 — 1860 годахъ подъ его вліяніемъ стали организовываться въ сѣверной столицѣ военный и гражданскій революціонные польскіе кружки, въ которыхъ онъ принималъ самое дѣятельное участіе. Въ концѣ мая мѣсяца 1860 года, по представленію генералъ-квартирмейстера, Сѣраковскій былъ командированъ, по Высочайшему повелѣнію, за границу, для изученія военно-уголовнаго законодательства важнѣйшихъ европейскихъ государствъ и статистики европейскихъ армій. Пробывъ въ этой командировкѣ болѣе года, въ то самое время, когда въ Парижѣ подготовлялся эмиграціею мятежъ, Сѣраковскій въ іюлѣ мѣсяцѣ 1861 года, при разгарѣ политическихъ безпорядковъ въ Варшавѣ и въ западныхъ нашихъ губерніяхъ, снова былъ командированъ, по крѣпостямъ западной Россіи, для собранія свѣдѣній о состояніи находящихся тамъ арестантскихъ ротъ. Тогда вырабатывался проектъ объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія въ войскахъ Такимъ образомъ, будучи однимъ изъ главныхъ коноводовъ задуманнаго возстанія, этотъ человѣкъ успѣлъ добиться командировки на казенный счетъ за границу и составлялъ тамъ планы съ эмигрантами о возстановленіи Польши отъ моря до моря. По возвращеніи своемъ оттуда, онъ проѣхалъ по Россіи и осмотрѣлъ русскія крѣпости, готовясь передать ихъ нашимъ врагамъ.

Неутомимая дѣятельность Сѣраковскаго по подготовленію мятежа этимъ не ограничилась. Онъ имѣлъ огромное вліяніе на редакцію газеты «Слово», издававшейся въ Петербургѣ на польскомъ языкѣ, которая была впослѣдствіи запрещена. Когда вспыхнуло вооруженное возстаніе, петербургскій революціонный комитетъ поручилъ Сѣраковскому отправиться въ западный край въ сопровожденіи офицеровъ-поляковъ, для командованія мятежническими шайками въ званіи литовскаго и ковенскаго воеводы, подъ псевдонимомъ Доленги. Не попадись Сѣраковскій случайно подъ пулю русскаго солдата, онъ, имѣя заграничный отпускъ въ карманѣ, съ приготовленною заранѣе и написанною собственноручно статьею противъ мятежа, въ которой порицалось безумство поляковъ, пожалуй, съумѣлъ бы оправдаться вполнѣ въ виду милостей начальства, но судьба порѣшила иначе и привела его на Лукишки. Несмотря на короткое время своего главнокомандованія, онъ успѣлъ повѣсить пятисотскаго въ м. Субочъ и сжечь бумаги волостнаго правленія въ м. Скопишкахъ, Ковенской губерніи. На слѣдствіи онъ показалъ, что шествіе ихъ était une protestation sanglante... До чего человѣкъ этотъ умѣлъ маскироваться, можно видѣть изъ того, что, будучи въ Вильнѣ, незадолго до ухода въ лѣсъ, онъ присутствовалъ у генералъ-губернатора Назимова на военномъ засѣданіи, гдѣ обсуждался вопросъ,

какъ бы помочь нагрянувшей на несчастный край бѣдѣ, и на предложенный ему вопросъ отвѣтилъ: «Нужно вырвать съ корнемъ польщизну изъ края...» Раненый пулею въ грудь навылетъ и привезенный подъ конвоемъ въ Вильну, Сѣраковскій былъ помѣщенъ въ воинскомъ отдѣленіи госпиталя св. Якова, близъ Закрета, гдѣ нынѣ юнкерское училище. Когда онъ сталъ поправляться, къ нему ѣздила туда нѣсколько разъ слѣдственная коммиссія для допросовъ. Военный судъ надъ нимъ былъ отложенъ до 10-го іюня. Когда предсѣдатель объявилъ ему о преданіи его полевому суду, Сѣраковскій заявилъ, что онъ чувствуетъ себя еще слабымъ и не въ состояніи отвѣтить на вопросы, желая показать правду, боится ошибиться и проситъ отсрочки... Докторъ Стакманъ, спрошенный коммиссіей о состояніи здоровья Сѣраковскаго, засвидѣтельствовалъ, что, по его мнѣнію, подсудимый можетъ давать отвѣты сознательно. Уклончивость Сѣраковскаго очевидно имѣла цѣлью продлить время. 12-го іюня, въ среду, члены коммиссіи въ послѣдній разъ посѣтили Сѣраковскаго для допроса и убѣждали его откровенно высказать всѣ обстоятельства участія своего въ мятежѣ; но и въ этотъ разъ онъ уклонился отъ объясненій, сводя свои показанія на оказанное ему вниманіе въ бытность его за границей Наполеономъ III, Гарибальди и другими высокопоставленными лицами въ Европѣ, и въ заключеніе объявилъ, что онъ не попалъ бы шайку, если бы не былъ убѣжденъ, что возстаніе будетъ единодушное. Два часа билась съ нимъ коммиссія, и только при выходѣ ея Сѣраковскій объявилъ: «судъ надо мною долженъ быть гласный». Повидимому, онъ вполнѣ надѣялся на заступничество своихъ петербургскихъ покровителей и вѣрилъ во вмѣшательство Европы. Въ то время пріѣхалъ въ Вильну корреспондентъ какой-то англійской газеты и на общемъ представленіи просилъ позволенія у главнаго начальника края осмотрѣть политическія тюрьмы и прочитать слѣдствіе о Сѣраковскомъ, чтобы затѣмъ печатнымъ словомъ опровергнуть разные неблагопріятные по этому поводу для Россіи толки. Графъ Муравьевъ приказалъ состоявшему при немъ молодому чиновнику Мосолову передать корреспонденту, что не дѣло Европы вмѣшиваться въ разсмотрѣніе слѣдствія о Сѣраковскомъ, — на это въ Россіи установленъ судъ, и если онъ признаетъ его виноватымъ, то Сѣраковскій, не смотря на чье бы то ни было заступничество, будетъ повѣшенъ. Осмотрѣть же политическія тюрьмы, пищу и содержаніе политическихъ арестантовъ было разрѣшено корреспонденту, подъ единственнымъ условіемъ, не разговаривать по секрету съ заключенными. Виленскій комендантъ А. С. Вяткинъ, въ завѣдываніи котораго находились военно-плѣнные политическіе преступники, посѣтивши военное отдѣленіе госпиталя, гдѣ содержался Сѣраковскій, въ самый день его казни, разсказывалъ, что тотъ, не подозрѣвая своей судьбы, велъ съ нимъ бесѣду, какъ устроить

будущность царства Польскаго и западныхъ губерній, чтобы устранить повтореніе подобныхъ тогдашней катастрофъ.

— Что же вы ему отвѣтили?—полюбопытствовалъ я.

— Что ни ему, ни мнѣ не придется управлять этими областями, а потому лучше предоставить эту заботу тѣмъ лицамъ, на обязанность которыхъ она будетъ возложена государемъ.

Но обратимся къ дальнѣйшимъ событіямъ...

Съ ранняго утра 15-го іюня базарная Лукишская площадь въ Вильнѣ была переполнена народомъ; я стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ должны были читать приговоръ военно-полеваго суда. Въ началѣ одиннадцатаго часа, по направленію отъ госпиталя стали спускаться съ горы, окруженные конвоемъ, дрожки, на которыхъ помѣщались три лица—госпитальный служитель на козлахъ, ксендзъ и Сѣраковскій. Лицо измѣнника было блѣдно-желтаго цвѣта; мутные глаза блуждали изъ стороны въ сторону, а рыжевато-бѣлокурые волосы совершенно растрепались отъ вѣтра. Преступникъ олицетворялъ собою полнѣйшій ужасъ. Онъ полустоялъ на дрожкахъ, опираясь одною рукою на ксендза, а другою на служителя, и дико озирался на всѣ стороны... Когда шествіе остановилось, барабанный бой смолкъ, преступника спустили на землю, войска взяли на караулъ... Мертвая тишина воцарилась на площади. Началось чтеніе приговора, продолжавшееся довольно долго. Когда оберъ-аудиторомъ произнесены были слова: «казнить смертію черезъ повѣшеніе», Сѣраковскій закричалъ: «протестую передъ лицомъ Европы». Раздавшійся вслѣдъ затѣмъ барабанный бой заглушилъ его дальнѣйшія слова, и передъ публикой произошла слѣдующая сцена: обезумѣвшій со страху осужденный завязалъ отчаянную борьбу съ подошедшимъ къ нему палачемъ и нѣсколько разъ оттолкнулъ его отъ себя; нужно было удивляться, откуда взялась у него такая сила. Подбѣжавшій помощникъ палача схватилъ его сзади; не смотря на оказанное и тутъ сопротивленіе, помогъ надѣть саванъ на преступника и связать ему назадъ руки. Когда надѣтъ былъ колпакъ на голову Сѣраковскому, онъ ослабѣлъ такъ, что палачи полунесли его къ той цѣли, къ которой онъ столько лѣтъ и такъ настойчиво стремился. Подъ висѣлицею, когда палачъ вмѣстѣ съ помощникомъ приподняли Сѣраковскаго на скамейку, чтобы накинуть на шею петлю, онъ былъ совершенно безъ чувствъ; руки у него повисли, голова склонилась на грудь.

Надѣвши петлю, палачъ толкнулъ Сѣраковскаго со скамьи, и бездыханный трупъ безжизненною массою повисъ въ воздухѣ...

— Ахъ, онъ несчастный!—раздался вдругъ около меня голосъ какой-то салопницы, разбойники эти...

— Молись лучше объ упокоеніи души его,—замѣтилъ кто-то изъ

толпы,—да пожалѣй лучше тѣхъ несчастныхъ, которыхъ онъ погубилъ, а то твоя ругань, пожалуй, и тебя скоро до добра не доведетъ.

Надо было видѣть, какъ послѣ этого нравоученія салопница задала тягу.

Казнь литовско-ковенскаго воеводы еще болѣе усилила панику поляковъ, и они окончательно упали духомъ. Вскорѣ возобновились замолкшіе было слухи о всеподданнѣйшемъ адресѣ дворянъ, и съ каждымъ днемъ толки эти все болѣе и болѣе усиливались въ Вильнѣ. Въ это время я занимался подготовительными работами по крестьянскому вопросу. По званію предсѣдателя повѣрочной коммиссіи Ошмянскаго уѣзда, я часто бывалъ у виленскаго губернатора Галлера, моего прежняго сослуживца при генералъ-губернаторѣ Назимовѣ, гдѣ и познакомился съ статскимъ совѣтникомъ Маковымъ, которому поручено было веденіе крестьянской реформы; я бывалъ часто у него на квартирѣ въ гостиницѣ Познанскаго и помогалъ составлять, порученную ему М. Н. Муравьевымъ, раскладку 10% сбора съ помѣщиковъ. 23-го іюня Галлеръ неожиданно былъ смѣненъ главнымъ начальникомъ края, и на его мѣсто былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Степанъ Ѳедоровичъ Панютинъ. Обстоятельство это довольно интересно, чтобы пройти его молчаніемъ. Нужно замѣтить, что И. В. Галлеръ былъ человѣкъ крайне самолюбивый. При генералъ-губернаторѣ Д. Г. Бибиковѣ онъ занималъ мѣсто его адъютанта и ушелъ отъ него, когда тотъ отказалъ ему въ мѣстѣ дежурнаго штабъ-офицера, которое осталось вакантнымъ послѣ А. Н. Апухтина. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ виду крайне стѣсненныхъ своихъ обстоятельствъ, онъ снова упросилъ бывшаго своего начальника принять его на прежнюю должность. Въ началѣ пріѣзда В. И. Назимова въ Вильну, онъ сильно оскорбился тѣмъ, что тотъ, дѣлая визиты, не былъ у его жены; съ скрежетомъ зубовнымъ и чуть не съ пѣною у рта разсказалъ онъ мнѣ про эту дерзость новаго начальника, повстрѣчавшись со мною на улицѣ, около Николаевской церкви. Не прошло затѣмъ и двухъ лѣтъ, какъ, по внезапной кончинѣ Э. А. де-Роберти, И. В. Галлеръ былъ сдѣланъ правителемъ генералъ-губернаторской канцеляріи, оставаясь и при полученной имъ при В. И. Назимовѣ должности дежурнаго штабъ-офицера, которую до сихъ поръ исправлялъ за него оберъ-аудиторъ Емельяновъ. В. И. Назимовъ не чаялъ въ немъ души; дѣло, наконецъ, дошло до того, что генералъ-губернаторская канцелярія, за подписью правителя, отъ имени генералъ-губернатора вела переписку съ губернаторами, давала важныя порученія чиновникамъ особыхъ порученій, назначала слѣдствія и т. п. Наконецъ, 6-го марта 1862 года получена была Галлеромъ изъ Петербурга отъ бывшаго тамъ генералъ-губернатора В. И. Назимова телеграмма, которою онъ поздравлялъ его съ производствомъ, по манифесту 18-го февраля 1762 года, въ

генералъ-маіоры съ назначеніемъ губернаторомъ въ Гродну, на мѣсто бывшаго тамъ А. Н. Дренякина; 17-го апрѣля 1863 года Галлеръ былъ переведенъ губернаторомъ въ Вильну на мѣсто М. Н. Похвиснева, который былъ назначенъ директоромъ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. Наканунѣ приключившейся съ нимъ катастрофы я зашелъ къ нему послѣ обѣда и засталъ его въ крайне раздраженномъ состояніи.

— Что это съ вами случилось, Иванъ Владиміровичъ? на васъ лица нѣтъ,—спросилъ я его.

— Да вотъ посмотрите... Вздумалъ, видишь, требовать къ себѣ губернатора по нѣсколько разъ въ день и давать ему разныя порученія... Преступленіе даже прокатиться по городу, чтобы освѣжиться... Ну да не на такого попалъ...

«Видно, настала не прежняя пора», подумалось мнѣ невольно.

— Кстати, что вы зашли, И. А.; напишите, пожалуйста, не въ службу, а въ дружбу, предписаніе квартирной коммиссіи набѣло отъ имени генералъ-губернатора; вотъ вамъ замѣтка, въ чемъ дѣло; почеркъ у васъ отличный, а дѣло спѣшное; признаться сказать, я и позабылъ про него; самъ же я въ это время пойду переодѣнусь.

Минутъ черезъ десять требуемая бумага была мною исполнена. Когда возвратившійся въ кабинетъ губернаторъ прочелъ ее, то, съ видомъ дружеской насмѣшки, сдѣлалъ мнѣ слѣдующее замѣчаніе:

— Эхъ! вы, университетскіе... чему васъ учили? И бумаги-то простой исполнить не умѣете. Ну, теперь я самъ сдѣлаю это; извините, что безпокоилъ васъ.

Затѣмъ, присѣвши къ письменному столу, онъ самъ написалъ напыщеннымъ слогомъ бумагу набѣло. Надобно сознаться, почеркъ у него былъ отличный. Когда онъ управлялъ генералъ-губернаторскою канцеляріей, то любилъ составлять отзывы въ министерство самъ лично и тогда запирался у себя на дому въ кабинетѣ дня на два, на три, пока не побѣждалъ всѣ трудности. Въ бумагахъ этихъ было много блеску, мало толку. Уѣзжая къ главному начальнику края и обѣщая скоро возвратиться оттуда, онъ попросилъ меня подождать у его жены, у которой были тогда гости. Дѣйствительно, черезъ часъ онъ пріѣхалъ домой и объявилъ мнѣ, что мое исполненіе, а не его было подписано графомъ М. Н. Муравьевымъ.

— Это какимъ образомъ могло случиться?—спросилъ я его.

— Очень просто,—отвѣтилъ мнѣ Галлеръ;—когда я прочелъ ему бумагу, онъ остался ею недоволенъ и, взявши изъ рукъ моихъ предписаніе, хотѣлъ самъ его поправить, а въ немъ лежало ваше исполненіе, прочитавши которое, онъ тотчасъ же и подписалъ, сказавъ при томъ любезность на счетъ составителя бумаги, т. е. на вашъ счетъ.

— А что, Иванъ Владиміровичъ, видно, и университетскіе умѣютъ писать дѣльно,—отвѣтилъ я ему, смѣясь.

Зайдя къ нему на другой день, часу въ шестомъ, послѣ описанной сцены я нашелъ его окончательно растерявшимся и совершенно упавшимъ духомъ. Сидѣлъ онъ въ большомъ залѣ губернаторскаго дома, съ опущенною на грудь головою...

— Что съ вами?—спросилъ я его. Не послать ли за докторомъ?

— А вотъ, прочтите,—отвѣчалъ онъ мнѣ, передавая бумагу.

Открываю и вижу—предложеніе главнаго начальника края на имя Галлера такого содержанія:

«На основаніи высочайше предоставленной мнѣ власти, увольняя ваше превосходительство отъ обязанностей по управленію виленскою губерніею, я назначилъ управляющимъ этою губерніею дѣйствительнаго статскаго совѣтника Панютина, о чемъ вмѣстѣ съ симъ дано мною надлежащее предложеніе виленскому губенскому правленію. Поставляя о семъ въ извѣстность ваше превосходительство, прошу васъ немедленно передать управленіе губерніею дѣйствительному статскому совѣтнику Панютину. Генералъ-отъ-инфантеріи Муравьевъ».

Коротко и ясно. На другой день было объявлено Галлеру, что ему сохраняется содержаніе съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Эта вѣсть крайне его обрадовала, и онъ очень скоро уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ присоединился къ партіи противниковъ М. Н. Муравьева.

Вновь назначенный виленскій губернаторъ, человѣкъ вполнѣ русскій, была совершенная противоположность смѣщенному; тихій, спокойный, трудолюбивый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и энергичный исполнитель распоряженій, онъ тотчасъ же перенесъ рабочій свой кабинетъ въ канцелярію, гдѣ и просиживалъ за занятіями съ ранняго утра и до глубокой ночи.

Въ первое время онъ не понравился - было намъ, служащимъ по крестьянскому дѣлу, и вотъ по какому поводу. Вступивши въ должность, губернаторъ пригласилъ насъ въ свою канцелярію, чтобы познакомиться съ нами. Мы всѣ собрались туда къ семи часамъ, какъ было имъ самимъ назначено. Оказалось на повѣрку, что губернаторъ только-что куда-то уѣхалъ. Ждемъ часъ, два... Начинаемъ возмущаться, что такъ неделикатно поступаютъ съ нами, чиновниками министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ! Думали было разойтись, да разыгравшаяся съ бывшимъ губернаторомъ исторія поудержала нашу прыть. Наконецъ С. Ѳ. Панютинъ возвратился изъ дворца и попросилъ у насъ извиненія, что противъ своей воли задержалъ насъ такъ долго.

— Время теперь такое горячее. Его высокопревосходительство потребовалъ меня къ 7 часамъ къ себѣ и продержалъ до настоящей минуты.

Побесѣдовавши затѣмъ съ нами съ часъ времени, при прощаніи онъ намъ объявилъ, что на другой день въ 11 часовъ утра назначенъ главнымъ начальникомъ края пріемъ повѣрочныхъ коммиссій и попросилъ насъ быть пунктуальными. Никогда не забуду я этого пріема. Какъ билось въ груди мое сердце въ ту минуту, когда часовая стрѣлка приблизилась къ 11... Въ ожиданіи выхода мы всѣ стояли въ линію, въ красной гостиной комнатѣ съ балкономъ, выходившимъ на дворцовую гауптвахту; я попалъ четвертымъ отъ начала; представлялъ насъ Л. С. Маковъ; мы всѣ были въ мундирныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Съ боемъ 11 часовъ дверь изъ кабинета отворилась, и главный начальникъ края, въ сопровожденіи губернатора, вошелъ въ пріемную. Когда дошла очередь до меня, то М. Н. Муравьевъ, услыхавши мою фамилію, спросилъ меня:

— Здѣсь былъ Никотинъ чиновникомъ особыхъ порученій?

— Тотъ самый, ваше высокопревосходительство,—отвѣчалъ я ему.

— Я много наслышался про васъ хорошаго. Мнѣ очень пріятно васъ видѣть.

Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о прежней моей служебной дѣятельности и давно ли я нахожусь въ краѣ, онъ, удаляясь отъ меня, прибавилъ съ улыбкою: «до свиданья». Что хотѣлъ сказать онъ этимъ словомъ, думалъ я во всю дорогу, возвращаясь домой.

Въ день представленія у служившихъ по крестьянскому дѣлу состоялся экспромтомъ въ 5 часовъ обѣдъ въ «Европейской гостиницѣ», на который былъ приглашенъ и С. Ѳ. Панютинъ; всѣхъ присутствовавшихъ было человѣкъ до 60. Часа два, не болѣе, продолжалась наша застольная бесѣда, вращавшаяся въ сферѣ тогдашнихъ событій вообще и въ частности по крестьянскому вопросу и кончившаяся слѣдующимъ тостомъ-экспромтомъ:

Заздравный кубокъ поднимая,
Еще разъ выпить намъ пора
Здравицу миротворца края...
Такъ много жъ лѣтъ ему—ура!

Мѣсяца два спустя послѣ представленія членовъ повѣрочныхъ коммиссій Михаилу Николаевичу, старшій совѣтникъ Л. С. Маковъ внезапно уѣхалъ въ Петербургъ и болѣе не возвращался въ Вильну. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Въ это время начали осложняться отношенія между главнымъ начальникомъ края и министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевымъ. Л. С. Маковъ, котораго мы всѣ полюбили душою, понималъ очень хорошо всю неловкость своего положенія и, не желая ставить на карту свою карьеру, попросился въ отпускъ въ Петербургъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, чтобы тамъ и остаться, но получилъ отказъ наотрѣзъ. Вскорѣ послѣ

этого пришла телеграмма отъ министра, который просилъ Михаила Николаевича отпустить Л. С. Макова въ Петербургъ на нѣсколько дней, по случаю болѣзни сына или дочери, сказать не умѣю. Само собою разумѣется, что отпускъ ему былъ данъ, но самый краткосрочный, и вотъ, вскорѣ по пріѣздѣ его въ столицу, получено было извѣщеніе отъ министра, что Л. С. Маковъ въ Вильну не вернется. Завѣдываніе крестьянскимъ дѣломъ было поручено тогда надворному совѣтнику Левшину, далеко не имѣвшему тѣхъ способностей, которыми одаренъ былъ его предмѣстникъ.

Чтобы представить бѣглый очеркъ того, что было сдѣлано графомъ М. Н. Муравьевымъ въ теченіе 7 мѣсяцевъ 1863 года во ввѣренномъ управленію его краѣ, не лишнимъ считаю сообщить здѣсь мою корреспонденцію отъ 10-го января 1864 года въ «Московскія Вѣдомости».

«Позвольте мнѣ, виленскому старожилу, подѣлиться съ вами тѣми впечатлѣніями, подъ вліяніемъ которыхъ рука моя чертитъ настоящія строки. 1863-й годъ канулъ въ вѣчность. По русскому обычаю не станемъ поминать его лихомъ, хоть онъ намъ всѣмъ порядочно насолилъ. Впрочемъ, въ немъ были и добрыя стороны. Этотъ годъ многозначителенъ не только для Вильны, но и для всѣхъ западныхъ губерній Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма поучителенъ для каждаго русскаго, который горячо любитъ свое дорогое отечество. Да, грустно подумать и тяжело сознаться, какъ мы еще недавно увлекались въ отношеніи мятежныхъ нашихъ собратій и, подъ вліяніемъ благородныхъ стремленій, допускали возможность истиннаго сочувствія къ нашей родной сторонѣ заклятыхъ и вѣроломныхъ враговъ ея, посягнувшихъ въ своихъ безумныхъ замыслахъ отторгнуть почти половину Россіи для возсоединенія царства, отличавшагося, даже и въ блестящее время своего существованія, лишь неурядицею и безпорядками. Грустно повторять все это; но кровавыя событія, потрясшія наши западныя губерніи, должны, наконецъ, открыть намъ всѣмъ глаза и укрѣпить въ насъ еще болѣе любовь къ нашему отечеству. Польскій катехизисъ долженъ навсегда остаться у насъ въ памяти; это принесетъ намъ огромную пользу.

«Но я отвлекся отъ моего предмета. Поговоримъ лучше о Вильнѣ, съ которой судьба связала меня уже много лѣтъ. Да, прожить здѣсь столько лѣтъ—не поле перейти. Смотря въ настоящее время на этотъ городъ, столь богатый своими воспоминаніями, и сравнивая его съ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ даже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, рѣшительно не хочешь вѣрить такой огромной перемѣнѣ, такому совершенному перерожденію. Я говорю о тѣхъ административныхъ реформахъ послѣднихъ семи мѣсяцевъ, которыя поставили Вильну на степень благоустроеннаго города и положили твердое основаніе къ упроченію въ цѣломъ здѣшнемъ краѣ русской національности.

«Разсмотримъ же эти реформы въ ихъ послѣдовательности и укажемъ сначала на тѣ причины, которыя ихъ вызвали. Въ то время, когда варшавскія событія послѣднихъ лѣтъ такъ сильно откликнулись въ здѣшнемъ городѣ, надобно было видѣть тѣ безумства, ту наглость, которыя высказывались въ Вильнѣ на каждомъ шагу. На полицію рѣшительно не обращали никакого вниманія, дерзость агитаторовъ доходила до того, что полицейскія объявленія и распоряженія начальства, наклеенныя даже около будокъ, срывались среди бѣлаго дня; чамарки гордо расхаживали по городу; женщины, облеченныя въ театральный трауръ, сновали туда и сюда; по костеламъ собирались денежные сборы, подъ видомъ благотворительности, а шли на усиленіе мятежнаго возстанія; какія-то личности, не бритыя и нечёсаныя, попадались чуть не на каждомъ шагу по улицамъ, и никто ихъ не спрашивалъ: откуда и зачѣмъ онѣ пріѣхали? Гимназисты и студенты, съѣхавшіеся изъ всѣхъ университетовъ Россіи, толпами сновали по тротуарамъ и весьма часто безчинствовали.

«Наконецъ, мѣра долготерпѣнія переполнилась! Вновь прибывшій въ Вильну главный начальникъ Сѣверо-Западнаго края, изданіемъ своей инструкціи 24-го мая, положилъ краеугольный камень всеобщему умиротворенію высочайше ввѣреннаго ему края. Жители Вильны въ первый разъ увидѣли тогда, что̀ можетъ сдѣлать и что̀ такое значитъ дѣятельная полиція, и поняли, чуть ли не въ первый разъ, какъ должно исполнять приказанія и распоряженія правительства. Видъ города вдругъ перемѣнился. Денежные сборы по костеламъ, производившіеся дамами высшаго сословія, послѣ пожертвованія собранныхъ денегъ на пособіе нашимъ раненымъ и торжественной благодарности виленскаго полицеймейстера, полковника М. А. Саранчова, объявленной тремъ патріоткамъ-сборщицамъ въ «Виленскомъ Вѣстникѣ», прекратились сами собой. Демонстраціонный трауръ, послѣ нѣсколькихъ штрафовъ, обращенныхъ на пособіе семействамъ лицъ, пострадавшихъ отъ мятежа, былъ оставленъ и даже самыми отчаянными патріотками. Было при этомъ случаѣ разыграно много комическихъ сценъ... но, увы! увидѣвъ, что опредѣленный для ослушницъ штрафъ—не одни только слова, патріотки присмирѣли и надѣли самыя цвѣтныя ленты, а впослѣдствіи облеклись и въ цвѣтныя одежды. Тотъ же самый неумолимый штрафъ прекратилъ и сборища по городу и заставилъ каждаго изъ жителей въ ночное время, при выходѣ на улицу, имѣть зажженный фонарь, который давалъ возможность бдительному оку полиціи слѣдить за ночнымъ прохожимъ. Въ настоящее время, не шмыгнешь въ какія-нибудь проходныя ворота; во всѣхъ домахъ, имѣющихъ проходные дворы, они перегорожены; всѣ торговыя и публичныя заведенія обязаны имѣть только по одному выходу на улицу и по одному внутрь

двора. Всѣ прочія лазейки, такъ любимыя членами подземнаго жонда, заперты и запечатаны полиціей, на глухихъ же мѣстахъ и отдаленныхъ переулкахъ устроено 14 ночныхъ будокъ для городовыхъ. Полицейскія объявленія и распоряженія начальства, наклеенныя по городу, для всеобщаго свѣдѣнія, читаются съ жадностію въ настоящее время всѣми, хотя напечатаны на русскомъ языкѣ, и остаются на своихъ мѣстахъ до того времени, пока это приказано. Для наблюденія за порядкомъ и тишиной въ ночное время, кромѣ постоянныхъ патрулей, при городовыхъ съ фонарями, дежурный частный приставъ объѣзжаетъ цѣлый городъ, а четверо дежурныхъ его помощниковъ наблюдаютъ за четырьмя частями города. Для облегченія надзора сдѣлано распоряженіе, чтобы у входовъ въ харчевни, трактиры, гостиницы, заѣзжіе дома, аптеки и т. п., горѣли цѣлую ночь фонари. Въ каждомъ домѣ особыя домовыя книги для записыванія всѣхъ жильцовъ и, для большей наглядности, при входѣ, у каждаго дома, вывѣшены доски, съ показаніемъ фамилій всѣхъ живущихъ. Самые дома обозначены четными и нечетными номерами, смотря по тому, на правой или на лѣвой сторонѣ улицы они построены. Составленіе домовыхъ книгъ принесло огромную пользу къ водворенію порядка: безъизвѣстныя дотолѣ личности выплыли наружу; когда стали составляться подобныя книги въ уѣздѣ, нѣсколько членовъ подземнаго жонда искали, по-прежнему, спасенія въ городѣ и, не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ имѣли паспорты подъ другими названіями, всѣ они попались въ руки правосудія. Каждый городовой имѣлъ при себѣ сигнальный свистокъ и нумерной знакъ на груди, по образцу тѣхъ, которые носятъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ; на сигнальный свистокъ городоваго ночные дежурные дворники отвѣчаютъ трещотками, чтобы дать тѣмъ знать, что и они бодрствуютъ. Для того же, чтобы ознакомить помощниковъ частныхъ приставовъ, городовыхъ и дворниковъ съ новыми ихъ обязанностями относительно надзора и содержанія города въ чистотѣ и порядкѣ, напечатаны и розданы каждому изъ вышеозначенныхъ лицъ особыя книжечки, въ видѣ инструкціи. Незнаніемъ въ этомъ случаѣ отговориться нельзя; предусмотрительныя распоряженія начальства отстранили всѣ возможныя и невозможныя отговорки и препятствія.

«Ни одинъ городъ въ цѣлой Россіи не отличался, можетъ быть, такимъ огромнымъ числомъ нищенствующихъ, какъ Вильна; можно даже сказать, что нищенство образовало тутъ, какъ бы родъ какого-то особаго промысла. Праздношатающіяся тунеядки брали на прокатъ чужихъ дѣтей. Что же оказалось? Многія изъ этихъ нищихъ были усердными агентами агитаторовъ и входили въ составъ такъ называемаго цѣпнаго общества, организованнаго изъ женщинъ. Ведутъ ли арестанта по улицѣ—извѣстно, кто онъ такой и гдѣ содержится; нужно

ли знать, куда направилась полиція, передать какое-либо свѣдѣніе отъ подземнаго жонда—все это передавалось смиренно стоящими, повидимому, испрашивателями подаянія. Это тоже не ускользнуло отъ зоркаго глаза главнаго начальника края. Приказано было сдѣлать самый тщательный разборъ нищенствующей братіи. Вслѣдствіе этого распоряженія множество нищихъ водворено было подъ надзоръ и на попеченіе обществъ; увѣчные же и калѣки помѣщены на содержаніе въ богадѣльни. Теперь праздношатательство по городу прекращается.

«Такимъ образомъ, изъ всего вышеизложеннаго открывается ясно, что крамола потерпѣла окончательное пораженіе на всѣхъ пунктахъ. Оставалось навсегда упрочить въ здѣшнемъ городѣ тотъ порядокъ, который водворенъ теперь, благодаря неутомимымъ трудамъ и неусыпной дѣятельности М. Н. Муравьева. Вполнѣ сознавая ту историко-политическую истину, что Западный край есть древнее достояніе Россіи, что въ простомъ народѣ сохранилась любовь къ нашему общему отечеству и преданность къ нашему монарху-освободителю, главный начальникъ края твердою своею волею и горячею преданностію къ святому дѣлу—воскресилъ здѣсь русскую національность, которая страдала подъ вліяніемъ пановъ и пронырливыхъ монаховъ Запада и на которую почти не было обращено никакого вниманія. Они дѣлали, что хотѣли, и имѣли въ рукахъ своихъ всѣ средства. Благолѣпіе римско-католическихъ костеловъ въ сравненіи съ нищенскимъ состояніемъ убогихъ и полуразрушенныхъ православныхъ храмовъ Божіихъ вліяло сильно на простой народъ; болѣе обезпеченное въ средствахъ къ своему существованію, духовенство западной церкви обратило служеніе алтарю въ пропаганду католицизма и польщизны, и всѣми средствами старалось поколебать въ простомъ народѣ вѣру его предковъ, сдѣлать изъ бѣлоруссовъ—поляковъ. Каждый почти ксендзъ заводилъ у себя, секретно отъ правительства, школу; училъ тамъ дѣтей, часто даже русскихъ, польскому языку и польскимъ молитвамъ. Мировые посредники, изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, вмѣсто того, чтобы проводить великую идею освобожденія крестьянъ, взявшись за руки съ ксендзами, проповѣдывали идею польской національности между простымъ народомъ. Нѣсколько десятковъ человѣкъ отставныхъ чиновниковъ, кандидатовъ университетовъ, отставные военные пошли на должности сельскихъ писарей и старались всѣми средствами возбудить крестьянъ противъ русскаго правительства; въ нѣкоторыхъ волостныхъ правленіяхъ—печати, книги, самое дѣлопроизводство были на польскомъ языкѣ. Вилейскій окружной начальникъ Квинто объявилъ православному священнику, ходатайствовавшему о починкѣ ветхаго храма, что правительство обращаетъ теперь вниманіе на костелы, а не на ваши церкви; по инвентарю же 1857 года люстраторъ Каминскій и землемѣръ Белекерскій назвали при-

писную къ Сморгонской православной церкви Сукневицкую церковь—капищемъ, а землю подъ церковью—капщизною. При подобной обстановкѣ надобно еще удивляться могуществу русскаго духа въ здѣшнихъ губерніяхъ, что онъ не замеръ вполнѣ. До настоящаго времени польскій элементъ былъ преобладающій. Рѣчь польская слышалась вездѣ, даже въ самыхъ присутственныхъ мѣстахъ, которыя исключительно наполнены были поляками, такъ что на сто чиновниковъ изъ поляковъ приходилось не болѣе четырехъ русскихъ. Въ театрѣ игрались преимущественно польскія пьесы; всѣ вывѣски надъ магазинами, лавками, аптеками и т. п. были написаны по-польски, развѣ кое-гдѣ, какъ бы въ насмѣшку, виднѣлись едва замѣтныя русскія надписи и то въ родѣ слѣдующихъ: продажа кисли квасу, магазинъ кортовъ (трико), виленскій албумъ. И эти вывѣски, какъ бы стыдясь своего безобразія, смиренно скрывались подъ величавыми польскими объявленіями.

«Не смотря на то, что Сенатскимъ указомъ 30-го марта 1825 г., на основаніи высочайше утвержденнаго мнѣнія Комитета министровъ, воспрещено было употребленіе другихъ вѣсовъ и мѣръ, кромѣ тѣхъ, которые установлены для цѣлаго государства, продажа шла по-прежнему на локти, кварты, гарнцы (польскіе). Короче, куда ни взгляни, отвсюду вѣяло Польшей, отвсюду она выглядывала. Подобная обстановка сильно нравилась агитаторамъ, на нее-то они и разсчитывали и, льстя всѣмъ и каждому, старались усыпить нашу бдительность, чтобы въ мутной водѣ ловить рыбу.

«Въ настоящее время товары продаются не иначе, какъ на русскій вѣсъ и мѣру, вывѣски появились на русскомъ языкѣ исключительно; счеты въ магазинахъ, лавкахъ, аптекахъ, гостиницахъ подаются покупателямъ написанные по-русски; прислуга изъ иностранцевъ въ отеляхъ уже понимаетъ русскій языкъ хотя настолько, чтобы исполнять самыя обыкновенныя требованія посѣтителей. Для обученія еврейскихъ мальчиковъ русской грамотѣ открыты въ Вильнѣ особыя народныя школы, въ которыя въ теченіе двухъ недѣль со дня опубликованія правилъ записано было 650 мальчиковъ. Наконецъ, что всего важнѣе, сдѣлано распоряженіе, чтобы при римско-католическихъ монастыряхъ и костелахъ ни подъ какимъ предлогомъ не заводились народныя училища и чтобы безъ вѣдома и разрѣшенія училищнаго начальства никто не обучалъ дѣтей простолюдиновъ. Для распространенія же грамотности въ цѣломъ Западномъ краѣ заводятся русскія народныя школы, подъ руководствомъ православныхъ священниковъ и русскихъ благонадежныхъ учителей. Выписано множество русскихъ книгъ, доступныхъ пониманію крестьянъ, и сотни тысячъ священныхъ и русскихъ историческихъ раскрашенныхъ картинъ, кото-

рыя, по распоряженію М. Н. Муравьева, пускаются въ продажу по дешевой цѣнѣ и, безъ сомнѣнія, принесутъ огромную нравственную пользу для простаго населенія здѣшняго края. Въ самомъ городѣ Вильнѣ съ 1-го января открылся въ первый разъ русскій книжный магазинъ книгопродавца Сенковскаго и въ первый день продано было изъ этой лавки на 200 рублей. Отъ всей души желаемъ успѣха столь необходимому и полезному предпріятію. Русское общество до настоящей минуты чувствовало здѣсь крайній недостатокъ въ русскихъ книгахъ. Впрочемъ, мало ли въ чемъ нуждалось здѣшнее русское общество. Для него даже не было приличныхъ и теплыхъ храмовъ Божіихъ! Часъ обновленія пробилъ! Недалеко уже то вожделѣнное время, когда на чистой лазури, главы храмовъ святыхъ, бѣлокаменныхъ, золотыми крестами засвѣтятся; когда благовѣстъ колоколовъ русскихъ разольется по литовско-русской землѣ, какъ бывало встарь, и, слившись во-едино съ гуломъ колоколовъ Царства Русскаго, возвѣститъ народу православному миръ, тишину и благоденствіе. По ходатайству М. Н. Муравьева, государь императоръ разрѣшить соизволилъ отпустить 80.000 р. на передѣлку иконостаса въ православномъ каѳедральномъ соборѣ во имя св. Николая; 30.000 р. сер. предназначено на постройку великолѣпной часовни въ память павшихъ храбрыхъ русскихъ воиновъ, которые, честною своею кровію запечатлѣвъ любовь свою къ царю и отечеству, усмирили мятежъ, поднятый завистниками славы Россіи! Фундаментъ означенной часовни, по проекту профессора А. И. Резанова, заложенъ 22-го октября на Георгіевской площади. Наконецъ, главнымъ начальникомъ края обращено вниманіе и на приведеніе въ благолѣпное состояніе православныхъ храмовъ по всѣмъ сѣверо-западнымъ губерніямъ. Въ уѣздномъ городѣ Вилейкѣ учреждена коммиссія для построенія православной церкви на счетъ 11.000 р. с., пожертвованныхъ рязанскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства А. П. Рѣдкинымъ; въ Лидѣ и Трокахъ построены и освящены каменныя церкви; на построеніе же православнаго храма въ Кобринѣ, сверхъ добровольной складчины, отпущено главнымъ начальникомъ края 4.000 р. с. Вообще, всюду видна благочестивая дѣятельность къ устроенію православной святыни! Въ пособіе нашего духовенства, терпѣвшаго крайній недостатокъ, отпущено 200.000 р. с. Упомянутая сумма, назначенная для пособій православному приходскому духовенству всѣхъ западныхъ губерній, распредѣлена между ними соотвѣтственными частями, и по таковому распредѣленію, которое имѣетъ оставаться въ своей силѣ и на будущее время, впредь до могущей встрѣтиться надобности въ измѣненіи по указанію опыта, назначено: для Виленской губерніи 15.000 р. с., для Гродненской 15.000 р. и для Ковенской 2.000 р. с.

«Русскіе чиновники ежедневно пріѣзжаютъ сюда со всѣхъ концовъ

Россіи и поступаютъ здѣсь на службу; родная русская рѣчь стала слышаться всюду. Въ настоящее время мѣста мировыхъ посредниковъ, уѣздныхъ исправниковъ, судебныхъ слѣдователей, судей и т. д. замѣщены, или замѣщаются исключительно русскими, такъ что въ Виленской, Гродненской и Ковенской губерніяхъ получили уже назначеніе до 1.200 человѣкъ.

«Въ заключеніе остается сказать, что въ Вильнѣ сталъ выходить городской полицейскій листокъ, и открытъ былъ адресный столъ, который доставилъ еще болѣе удобства для контролированія передвиженія городскаго населенія. Не было ли обязано русское общество въ Вильнѣ почтить энергическую дѣятельность и неустанные труды М. Н. Муравьева, подъятые имъ для умиротворенія взволнованнаго злоумышленниками края? Удивляться ли, что 8-го ноября, въ день его именинъ, оно обратилось къ виленскому губернатору С. Ѳ. Панютину, съ слѣдующимъ письмомъ: «Вся земля русская преисполнена сочувствіемъ къ самоотверженію и подвигамъ М. Н. Муравьева. Въ православной русской землѣ нѣтъ памятника выше святыни. И мы положили воздвигнуть въ здѣшнемъ краѣ, въ мѣстѣ, которое будетъ указано его высокопреосвященствомъ, православную церковь во имя Архангела Михаила. Мы желали бы, чтобы въ этой церкви постоянно приносились молитвы за долгоденствіе Михаила Николаевича и объ упокоеніи всѣхъ павшихъ жертвою при усмиреніи мятежа. Въ настоящій дорогой для насъ день, мы, русскіе, свидѣтели умиротворенія Западнаго края, покорнѣйше просимъ исходатайствовать разрѣшеніе на открытіе подписки для сооруженія церкви».

Государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министромъ внутреннихъ дѣлъ представленія виленскаго губернатора по настоящему предмету, высочайше повелѣть соизволилъ: разрѣшить открыть подписку на тѣхъ основаніяхъ, которыя указаны желаніями М. Н. Муравьева, т. е. вмѣсто сооруженія новаго храма, предположено передѣлать одну изъ древнѣйшихъ приходскихъ церквей въ Вильнѣ во имя Св. Николая, съ устройствомъ при входѣ часовни, въ которой будетъ поставленъ образъ Михаила Архангела; храмъ будетъ теплый. Едва только сдѣлалось извѣстнымъ всемилостивѣйшее монаршее соизволеніе на открытіе подписки, какъ въ нѣсколько дней собрано было болѣе 10.000 р. с. и 10.000 кирпича пожертвовано однимъ евреемъ. Этотъ фактъ говоритъ самъ за себя; онъ краснорѣчивѣе всѣхъ витіеватыхъ описаній и льстивыхъ похвалъ!..

(Продолженіе слѣдуетъ).

О силѣ правительства.

(Записка М. М. Сперанскаго [1]).

Часто разсуждаютъ о силѣ правительства; всѣ утверждаютъ, что сила сія необходима, всѣ желаютъ видѣть ее въ дѣйствіи; но не всѣ, и можетъ быть рѣдкіе, знаютъ, въ чемъ именно состоитъ сія сила, и какими средствами она пріобрѣтается.

Люди, воспитанные въ дворскихъ уваженіяхъ, думаютъ, что сила сія состоитъ въ великолѣпіи двора, въ пышности государскихъ титуловъ, въ таинственномъ словѣ самодержавія. Они приписываютъ магическому дѣйствію воображенія то, чего изъяснить естественными причинами не умѣютъ.

Другіе силу правительства полагаютъ въ строгости взысканій и въ щедрости наградъ. Страхомъ и удовольствіемъ, говорятъ они, управляется родъ человѣческій. Скорая казнь и обильныя награды: вотъ все таинство сильнаго управленія.

Любовію, твердятъ другіе, привлекайте сердца. Взирайте часто и на самые проступки съ снисхожденіемъ, и вы будете сильны.

Разумъ, увѣряютъ иные, есть начало силы. Надобно, чтобъ правительство всегда дѣйствовало убѣжденіемъ, и тогда велѣнія его съ точностію будутъ исполняемы.

Всѣ сіи причины, коимъ приписываютъ силу правительства, суть или ложны, или по крайней мѣрѣ въ дѣйствіи своемъ весьма ограничены.

---

[1]) Въ Императорской Публичной библіотекѣ среди бумагъ графа М. М. Сперанскаго, хранится перебѣленная записка „О силѣ правительства“, на которой имѣется собственноручная отмѣтка чернилами, рукою графа Сперанскаго: „читано его Императорскому Величеству декабря 3-го дня 1811 года“. Мы помѣщаемъ эту любопытную записку дословно. П. М.

Чтобъ опредѣлить истинныя причины, отъ коихъ происходитъ сила правительства, должно прежде опредѣлить, въ чемъ состоитъ сія сила.

Сила правительства состоитъ въ точномъ подчиненіи всѣхъ моральныхъ и физическихъ силъ одному движущему верховному началу власти, и въ самомъ дѣятельномъ и единообразномъ исполненіи всѣхъ ея опредѣленій.

Должно различать силу правительства отъ силы государства. Хотя силы сіи одна безъ другой стоять не могутъ, но въ данной эпохѣ можетъ быть, что государство будетъ сильно, а правительство слабо.

Сила государства есть масса всѣхъ его силъ моральныхъ и физическихъ.

Сила правительства есть соединеніе и направленіе сихъ самыхъ силъ государственныхъ къ извѣстной и опредѣленной цѣли.

Сколько бы государство въ самомъ себѣ ни было сильно, но въ настоящемъ положеніи Европы, безъ силы правительства, оно двигаться и долго сохранить себя не можетъ.

Истинныя причины, производящія силу правительства, суть слѣдующія:

I. Законы.

Первый источникъ силы правительства суть законы.

Если законы такъ устроены, что они оставляютъ правительству довольно власти, чтобъ дѣйствовать всегда во благо, а въ случаяхъ нужды принимать даже скорыя и сильныя мѣры: то правительство будетъ имѣть въ законахъ истинную силу.

Но власть должно различать отъ самовластія. Власть даетъ силу правительству, а самовластіе ее разрушаетъ, ибо самовластіе даже и тогда, когда оно поступаетъ справедливо, имѣетъ видъ притѣсненія и, слѣдовательно, дѣйствуетъ безъ довѣрія и всегда принужденно.

Изъ сего слѣдуетъ, что правильное законодательство даетъ болѣе истинной силы правительству, нежели неограниченное самовластіе.

Въ Англіи законъ даетъ правительству власть, и потому оно можетъ быть тамъ сильно; въ Турціи законъ даетъ правительству самовластіе, и потому оно тамъ всегда должно быть слабо.

Извѣстно, что въ Россіи власть правительства въ законѣ не ограничена; а потому истинная сила правительства въ семъ отношеніи всегда у насъ была весьма слаба и пребудетъ таковою, доколѣ законъ не установитъ ея въ истинныхъ ея отношеніяхъ.

II. Образъ правленія.

Образъ правленія даетъ правительству истинную силу: 1) правильнымъ дѣлъ раздѣленіемъ, 2) единствомъ управленія, 3) выборомъ исполнителей.

Правильное раздѣленіе дѣлъ умножаетъ силу правительства потому, что приводитъ всѣ предметы въ ясность, облегчаетъ надзоръ и исполненіе.

Единство управленія умножаетъ силу правительства потому, что всѣ части подчиняетъ одному началу, одинакимъ соображеніямъ и объемлетъ однимъ надзоромъ.

Нѣтъ нужды доказывать, что выборъ исполнителей есть одна изъ главныхъ причинъ, производящихъ силу правительства.

Прилагая сіи понятія къ Россіи, легко можно удостовѣриться, что и въ семъ отношеніи сила правительства у насъ всегда была слаба. Мало есть государствъ, гдѣ бы управленіе, собственно такъ называемое (администрація), менѣе было устроено.

III. Воспитаніе.

Не довольно, чтобъ правительство имѣло въ данной какой-либо эпохѣ добрыхъ исполнителей; надлежитъ, чтобъ оно удостовѣрило себѣ навсегда непрерывное ихъ продолженіе.

Сего иначе достигнуть невозможно, какъ общественнымъ воспитаніемъ. Правительство должно совершенно обладать сею частію, дабы подчинить, такъ сказать, себѣ и ввести въ виды свои цѣлое рожденіе.

Всѣмъ извѣстно, что въ Россіи нѣтъ почти общественнаго воспитанія, ибо нѣтъ ни цѣлости въ планѣ, ни единообразія въ исполненіи. Великія издержки, сдѣланныя на сію часть правительствомъ, есть совершенная потеря и времени и денегъ.

IV. Войско.

Воинская сила есть верхъ и утвержденіе всѣхъ другихъ силъ государственныхъ. И сіе не только въ отношеніи къ внѣшней безопасности, но и въ отношеніи къ внутренней силѣ правительства. Безъ воинской силы ни законы, ни управленіе дѣйствовать не могутъ.

Хотя экономическое устройство нашихъ войскъ и разныя учрежденія имѣютъ нѣкоторые недостатки, но съ основательностію можно утверждать, что сей родъ силы правительство наше имѣетъ въ весьма нарочитой степени совершенства.

V. Финансы.

Всѣ соглашаются, что обиліе государственныхъ доходовъ составляетъ силу правительства.

Но въ приложеніи сей истины къ дѣлу, тѣ же самые люди, кои на словахъ столь преданы престолу, столь привязаны къ монарху, столь жарко защищаютъ права и преимущества самодержавной его власти, на дѣлѣ перемѣняютъ и рѣчь свою и разсужденія; при первомъ вопросѣ о умноженіи государственныхъ доходовъ, вдругъ нападаетъ на нихъ безмѣрная нѣжность и чувствительность къ нуждамъ народнымъ, страхъ отягощенія, опасность потерять любовь и преданность народа, и множество другихъ подобныхъ сему призраковъ, коими лесть и невѣжество часто оглушаютъ вниманіе государей.

Здѣсь-то, въ сихъ опасныхъ совѣщаніяхъ полагается первое начало ослабленія силы правительства. Здѣсь зарождаются сіи бѣдственныя ассигнаціонныя и имъ подобныя системы, коими, подъ видомъ легкаго и удобнаго исправленія финансовъ, истощаются его доходы, и подтачивается власть его въ самомъ ея корнѣ.

Совѣты сіи, во всѣхъ временахъ вредные, въ настоящемъ положеніи всѣхъ Европейскихъ державъ, суть совершенно пагубны; и если бы у насъ не происходили они отъ явнаго неразумѣнія, то можно бы было назвать ихъ государственнымъ преступленіемъ.

Во всѣхъ временахъ первое правило правительства есть быть справедливымъ; но въ наше время первая нужда есть быть сильнымъ и богатымъ.

Есть въ свойствѣ нашего народа ожидать и всѣмъ жертвовать въ крайности; но предвидѣть сію крайность заранѣе, исчислить ея приближеніе и принять сильныя и благовременныя противъ нея мѣры, нѣтъ у насъ ни въ нравахъ, ни въ обычаяхъ.

Исторія нашихъ финансовъ и самый образъ ихъ исправленія доказываютъ сіе неоспоримо.

Въ 1787-мъ году доходы наши составляли до 100 м. серебромъ.

Въ 1809-мъ году, черезъ двадцать два года, въ теченіе коихъ присоединено къ Россіи семь губерній и болѣе 10 м. народа, доходы составляли около 60 м. серебромъ, 125 м. ассигнаціями.

Когда приступили къ ихъ исправленію, сколько споровъ, сколько пререканій о томъ, чтобъ въ наполненіе истинныхъ государственныхъ нуждъ удѣлить отъ доходовъ помѣщичьихъ пять милліоновъ рублей.

Но чего требуетъ правительство, возвышая свои доходы?

Требуетъ, чтобъ возвращено ему было то, что̀ ложными совѣтами было отъ него отторгнуто и въ частныя руки захвачено; требуетъ, чтобъ

даны были ему способы защищать и покровительствовать ту же самую частную собственность, которая сама не можетъ защищать себя.

Заключеніе. Истинная сила правительства состоитъ: 1) въ законѣ, 2) въ образѣ управленія, 3) въ воспитаніи, 4) въ военной силѣ, 5) въ финансахъ.

Изъ сихъ пяти элементовъ три первые у насъ почти не существуютъ.

Симъ изъясняется, почему въ Россіи все предписывается, и ничто почти не исполняется.

Изъ двухъ послѣднихъ воинская сила одна почти составляетъ всю силу правительства.

Финансы начинаютъ поправляться и могутъ быть приведены въ твердое положеніе, если малодушныя совѣщанія, всегда легкія, удобныя, не превозмогутъ надъ предположеніями здравыми, хотя и трудными.

Сообщ. **П. М. Майковъ.**

Предложеніе Синоду Серафима, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго, о поддержаніи лучшей нравственности среди духовенства.

6-го марта 1825 г. № 40.

Его сіятельство, генералъ-отъ-артиллеріи, графъ А. А. Аракчеевъ въ отношеніи своемъ отъ 3-го сего марта за № 367, сообщилъ мнѣ, что государь императоръ изволилъ усмотрѣть изъ дневнаго рапорта московскаго военнаго генералъ-губернатора, отъ 2-го февраля сего года, о происшествіяхъ по Пятницкой части, что пріѣхавшій въ Москву, Подольскаго уѣзда, села Серпягина, діаконъ Петровъ, 35 лѣтъ, для свиданія съ дядею своимъ священникомъ церкви Іоанна Предтечи, Савиновымъ, 1-го февраля бывши съ нимъ вмѣстѣ у родственниковъ своихъ въ гостяхъ и пришедши оттуда въ нетрезвомъ видѣ, легъ спать и скоропостижно умеръ, по заключенію частнаго штабъ-лѣкаря отъ апоплексическаго удара, происшедшаго отъ излишняго употребленія горячихъ напитковъ.

Но какъ его императорское величество нѣсколько разъ лично изволилъ объяснять мнѣ о желаніи его, чтобы духовныя лица были воздерживаемы отъ пьянства, то вслѣдствіе сего и по поводу означеннаго случая съ дьякономъ Петровымъ повелѣть мнѣ соизволилъ, дабы я сіе происшествіе предложилъ на разсужденіе Святѣйшаго Синода къ постановленію надлежащихъ правилъ на подобные не приличные священническому сану случаи, для всеобщаго о семъ предписанія отъ Святѣйшаго Синода епархіальнымъ архіереямъ, которые сверхъ тѣхъ правилъ, имѣющихъ быть изданными Святѣйшимъ Синодомъ, обязаны внушать всѣмъ подвѣдомственнымъ имъ духовнымъ лицамъ воздерживаться отъ нетрезвой жизни и примѣромъ хорошей нравственности утверждать добрыя правила въ людяхъ свѣтскихъ, ихъ паству составляющихъ; объявя при томъ, что гражданскимъ начальствамъ предписано уже, если таковое происшествіе окажется послѣдовавшимъ отъ угощенія кѣмъ-либо, дотого, что подобный духовный былъ приведенъ въ нетрезвое положеніе, то при производствѣ о семъ дѣлѣ присовокуплять свѣдѣніе и объ оныхъ хозяевахъ.

Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны

къ великимъ князьямъ

Николаю и Михаилу Павловичамъ[1].

Num. 8.

Ce 20 Mai 1815.

On m'annonce entre les une et deux heures après midi un feldjäger des grands-ducs, et vite et vite je le fais entrer, il me remet les lettres, je le questionne et lui demande: Comment avez vous joint les g(rands)-ducs?—Mais, me répondit-il, je les ai accompagnés par leur ordre.—Qui vous a envoyé près d'eux?—M-r de Wesmitinof. Je suis Waluef.—Et moi à m'écrier: Comment, monsieur, vous êtes M-r Waluef; je vous fais mille excuses, on vous avait annoncé comme un feldjäger, et votre costume m'a empêché de vous reconnaître d'abord, tout en me disant: Mais je connais cette figure. Il est tellement hâlé et bruni, qu'il était facile de se méprendre. Je l'ai prié à dîner, mais il n'a pas voulu, n'ayant pas son habit avec lui. Je l'ai beaucoup remercié de ses soins et lui ai fait un beau cadeau, en lui disant que vous me disiez grand bien de lui, mes bons amis, et que je m'empresserai de le dire à M-r de Wesmitinof. Après avoir coulé à fond le sujet de M-r Waluef, parce qu'il vous intéresse, mes chers enfants, je viens à vos lettres qui m'intéressent fortement et vivement et vous embrasse mille fois pour vous en remercier, en vous donnant et renouvelant journellement les bénédictions que vous me demandez; chers, chers enfants, elles reposent toutes sur vos têtes; je demande au Tout-Puissant qu'elles vous portent bonheur. Mon coeur s'est serré en vous sachant au

[1]) См. „Русскую Старину" ноябрь 1902 г.

moment de passer la frontière; le vôtre l'aura été tout de même, j'en suis sûre; car c'est une cruelle chose que de quitter son pays natal; que Dieu vous y ramène au plus tôt, mes bons amis, voilà le refrain de tous mes voeux. Vous croyez à la guerre, cher Nicoche, et Michel espère un prompt retour; je me range de cette opinion et me flatte encore quelquefois que Nap(oléon) sera culbuté et que le sang ne coulera pas; cependant tous nos braves se préparent au départ, et on n'entend parler que de cela; c'est triste. Bonsoir, mes bons enfants, le reste à demain.

Ce 21 Mai, Vendredi.

Vous penserez à Cato, mes chers enfants, et ferez des voeux pour son bonheur; j'ai reçu hier de ses nouvelles. J'ai à vous dire d'hier qu'il nous est arrivé le comte Tolstoi, le prince Galitzin et Nélédinski. Jusqu'à ce moment je n'ai vu aucun de nos militaires depuis que je suis ici, que le bon Wassiltschikof qui est revenu de son régiment; il se prépare à la marche. Nos soirées se passent à jouer au macao. Ma belle-soeur est arrivée de même hier soir et est enchantée de son séjour на болоть: elle se trouve logée comme une reine; elle et Marie occupent vos chambres, les deux fils ceux de papa Lamsdorf et du cavalier de service. Vous ne saurez vous dire ce que mon cœur éprouve en voyant votre maison occupée par d'autres que vous; qui me l'eût dit à l'époque de l'année passée! Je vous écris ces lignes avant la messe: je vous rendrai compte des arrivés tantôt. M-r de Lévaschof est très occupé, si bien, qu'il ne vient pas dîner habituellement, ni souper chez nous, il se trouve ou à l'un ou à l'autre. Adieu, mes chers enfants.

Ce 22 Mai.

Mes bons amis, il m'a été impossible de vous écrire encore dans la soirée d'hier; je vais donc vous dire ce matin que j'ai eu hier le comte Miloradovitch, Chrapovitzki, Potemkin, Dépréradovitch, Arsénief, Lobanof; voilà ceux qui vous intéressent le plus. J'ai fait vos compliments à tous, et tous m'ont parlé de vous; je vous l'ai marqué tantôt par ma ettrel par la poste, mais je vous répète encore, car cela vous fera plaisir. Nous avons eu musique au dîner; la dernière fois un peu meilleure, on a joné l'ouverture Joconde et la marche favorite de Michel. Chers enfants, tout fait penser à vous. La marche des troupes est fixée: les régiments des chevaliers-gardes, garde à cheval, l'artillerie à cheval, les ulans, es dragons, les chasseurs, l'équipage de la garde, les régiments d'Ismailovsk, Sémenovski et Préobrajenski passent Gatschina et y font un jour de repos; les régiments de Keksholm, d'Araktschéef, les cosaques du corps, les sapeurs, les chasseurs de Finlande, le régiment de Pawlowsk, les

grenadiers du corps, de Lithuanie et l'artillerie à pied passent Krasnoé Sélo. La marche commence le 28 Mai et finit le 15.

Krapovitzki est indécis encore s'il prendra sa femme ou non: je l'a engagé à la prendre, car elle serait trop malheureuse de s'en séparer. La femme de Dépréradovitch est un peu mieux. J'espère que les troupes seront bien chez moi, je soigne leur estomac. En femmes nous avons eu la comtesse Pouschkine; les princesses Lopukin mère et fille, la petite a embelli d'une manière frappante: elle a gagné de l'embonpoint et des couleurs; la princesse Serge Soltikof, qui fait toujours ma passion; la petite princesse Dolgorouki, qui a gagné de même de l'embonpoint et des couleurs, et la princesse Béloselski. Nous avons joué au boston le soir, dans la salle à manger parce qu'il faisait un froid détestable; pour aujourd'hui il neigea force avec deux degrès de chaud. Jamais je n'ai vu de temps plus détestable; il n'invite pas à la gaieté et ne distrait pas des événements qui absorbent toutes mes pensées. L'emp(ereur) m'écrit partir le 12 Mai de Vienne pour Heilbron; ainsi, mes chers enfants, vous arriverez à temps. Pour aujourd'hui, cher Nicoche, je vous crois à Berlin; jugez si je pense à vous, à Alexandrine. Je me dis que vous avez pensé à moi; que les belles épaulettes auront été mises, que papa Lamsdorf aura soigné la coiffure, que la barbe aura été faite, enfin que mon Nicoche paraîtra dans son joli uniforme de régiment et que ses joues seront animées de belles couleurs; voilà ce que je me dis et ce que j'espère vous me direz, cher Nicolas! Pour Michel, il observera, car son heure n'est pas venue encore. Adieu, mes chers enfants. Mon coeur, mes pensées, mon âme, mes bénédictions sont avec vous. Tout le monde vous dit mille choses, et maman vous embrasse tendrement. Mes amitiés au cher papa, mes compliments à vos messieurs. Adieu, cher patriarche, adieu, cher diacre, je me recommande à vos prières.

Marie.

20-го мая 1815 г.

(Переводъ).—Часу во второмъ по полудни, мнѣ доложили о пріѣздѣ фельдъегеря отъ великихъ князей, я велѣла ему войти поскорѣй, поскорѣй, и онъ передалъ мнѣ письма. Я разспрашивала его и задала вопросъ: Гдѣ нагнали вы великихъ князей?—Я все время сопровождалъ ихъ, отвѣчалъ онъ, по ихъ приказанію.—Кто послалъ васъ къ нимъ?—Г. Вязмитиновъ, я Валуевъ.—Я вскрикнула: какъ, милостивый государь, вы Валуевъ; прошу васъ извинить меня, мнѣ доложили, что вы фельдъегерь, и по вашему костюму я васъ сразу не узнала, хотя подумала: это лицо мнѣ знакомо.

Онъ такъ загорѣлъ и потемнѣлъ, что легко было ошибиться. Я пригласила его къ обѣду, но онъ отказался, такъ какъ у него не было съ собою платья. Я очень благодарила его за заботы о васъ и сдѣлала ему прекрасный подарокъ, сказавъ ему, что вы мнѣ очень хвалили его, дорогіе друзья мои, и что я передамъ это при первой возможности Вязмитинову. Разсказавъ вамъ подробно о Валуевѣ, такъ какъ онъ интересуетъ васъ, перехожу, дорогія дѣти, къ вашимъ письмамъ, которыя чрезвычайно занимаютъ меня; тысячу разъ цѣлую и благодарю васъ за нихъ; я каждый день посылаю вамъ свое благословеніе, о ксемъ вы меня просите, милыя, дорогія дѣти; оно всегда надъ вами, и я молю Всевышняго, чтобы оно принесло вамъ счастіе. Мое сердце сжалось отъ грусти, при мысли, что вы переѣхали границу; я увѣрена, что вы испытали то же чувство, ибо тяжело разстаться съ родиной. Молю Господа, чтобы Онъ привелъ васъ скорѣе обратно, дорогіе друзья мои.— Это припѣвъ всѣхъ моихъ желаній. Вы полагаете, что будетъ война, дорогой Никошъ, а Михаилъ надѣется на скорое возвращеніе; я присоединяюсь къ его мнѣнію и льщу себя иной разъ надеждою, что Наполеонъ будетъ свергнутъ и что кровь не будетъ пролита. Между тѣмъ всѣ наши храбрецы готовятся къ походу, объ этомъ только и говорятъ; это грустно. Покойной ночи, милыя дѣти, остальное завтра.

21-го мая, пятница.

Подумайте о Като, дорогія дѣти, и пожелайте ей счастья: я имѣла вчера отъ нея извѣстія. Я должна сказать вамъ, что вчера пріѣхали къ намъ гр. Толстой, кн. Голицынъ и Нелединскій. Съ моего пріѣзда сюда я не видѣла до сихъ поръ ни одного изъ нашихъ военныхъ, кромѣ добраго Васильчикова, который вернулся изъ своего полка; онъ готовится къ походу. По вечерамъ мы играемъ въ макао. Моя невѣстка также пріѣхала вчера вечеромъ и въ восторгѣ отъ своего пребыванія «на болотѣ». Она помѣщена, какъ королева: она и Мари занимаютъ ваши комнаты, ея сыновья—комнаты папаши Ламсдорфа и дежурнаго кавалера. Вы не можете себѣ представить, что я чувствую при видѣ, что вашъ домъ занятъ посторонними лицами: кто бы могъ это сказать въ прошломъ году, въ это время! Пишу вамъ эти строки до обѣдни. О пріѣзжихъ сообщу вамъ потомъ. Левашовъ очень занятъ, до того, что онъ не обѣдаетъ и не ужинаетъ съ нами ежедневно; онъ занятъ то тѣмъ, то другимъ. Прощайте, дорогія дѣти.

22-го мая.

Дорогіе друзья мои, мнѣ никакъ не удалось написать вамъ еще вчера вечеромъ, поэтому скажу вамъ сегодня утромъ, что у меня были вчера гр. Милорадовичъ, Храповицкій, Потемкинъ, Депрерадовичъ,

Арсеньевъ, Лобановъ, вотъ лица, кои наиболѣе интересуютъ васъ. Я передала всѣмъ отъ васъ поклоны, и всѣ говорили со мною о васъ. Я уже писала вамъ это по почтѣ, но повторяю еще разъ, такъ какъ это должно быть вамъ пріятно. За обѣдомъ у насъ играла музыка; послѣдній разъ она была нѣсколько лучше: играли увертюру изъ «Джоконды» и любимый маршъ Михаила. Все напоминаетъ о васъ, дорогія дѣти. День выступленія войскъ уже назначенъ. Полки Кавалергардскій, Конногвардейскій, конная артиллерія, уланы, драгуны, егеря, гвардейскій экипажъ, полки Измайловскій, Семеновскій и Преображенскій пойдутъ черезъ Гатчино и будутъ имѣть тамъ дневку. Полки: Кексгольмскій, Аракчеевскій, лейбъ-казаки, саперы, Финляндскій, Егерскій, Павловскій, лейбъ-гренадеры, Литовскій и пѣшая артиллерія пройдутъ чрезъ Красное Село. Выступленіе начнется 28-го мая и окончится 15-го числа.

Храповицкій еще колеблется, взять ли жену или нѣтъ. Я совѣтую ему взять ее, такъ какъ она чувствовала бы себя слишкомъ несчастною въ разлукѣ съ нимъ. Женѣ Депрерадовича немного лучше. Надѣюсь, что войскамъ будетъ хорошо у меня, я забочусь объ ихъ пищѣ. Изъ дамъ у насъ находятся графиня Пушкина; княгиня Лопухина съ дочерью, которая поразительно похорошѣла: она пополнѣла и порозовѣла; жена кн. Сергѣя Салтыкова, которая по-прежнему страшно мнѣ нравится; маленькая княгиня Долгорукая, которая также пополнѣла и порозовѣла, и княгиня Бѣлосельская. Вечеромъ мы играли въ бостонъ, въ столовой, такъ какъ было ужасно холодно; сегодня шелъ сильный снѣгъ при двухъ градусахъ тепла. Я не запомню такой отвратительной погоды, она не располагаетъ къ веселью и не отвлекаетъ моихъ мыслей отъ текущихъ событій, коими онѣ поглощены всецѣло. Императоръ пишетъ мнѣ, что онъ уѣзжаетъ 12-го мая изъ Вѣны въ Гейльбронъ; слѣдовательно, дорогія дѣти мои, вы пріѣдете своевременно. Я думаю, что сегодня вы находитесь въ Берлинѣ, дорогой Никошъ; можете себѣ представить, что я думаю о васъ, объ Александринѣ; я полагаю, что и вы думали обо мнѣ; что вы надѣли красивыя эполеты, что папаша Ламсдорфъ позаботился о вашей прическѣ, что вы были хорошо выбриты, словомъ, что мой Никошъ явится въ своемъ красивомъ полковомъ мундирѣ и что румянецъ будетъ играть на его щекахъ; вотъ что я думаю и надѣюсь слышать объ этомъ отъ васъ, дорогой Николай! Что касается Михаила, то онъ будетъ наблюдать, такъ какъ его часъ еще не насталъ. Прощайте, дорогія дѣти; мое сердце, мои мысли, мои благословенія сопутствуютъ вамъ. Всѣ усердно вамъ кланяются, а ваша мать нѣжно цѣлуетъ васъ. Мой привѣтъ дорогому папашѣ, поклонъ вашимъ кавалерамъ. Прощайте, дорогой патріархъ, прощайте, дорогой діаконъ, прошу не забывать меня въ вашихъ молитвахъ. Марія.

Num. 9.

Ce Dimanche, 23 Mai 1815.

Mes chers enfants, je me suis levée à huit heures et j'ai trouvé les berceaux, les arbres, le gazon, enfin toute la terre couverte de plus de 2 werschok de neige en profondeur; et cette neige est restée presqu'au soir ne se fondant que lentement, aussi mon indignation est complète, me voici 8 jours ici sans avoir pu me promener, l'air est celui du mois de Novembre. Cependant il m'est arrivé du monde de la ville, Madame Rajevski et sa fille, charmante personne; votre bon comte Miloradovitch; la comtesse Orlof est des nôtres depuis hier au soir: je lui ai fait vos compliments, elle est sensible à votre souvenir; le prince Lobanof, père de Mascha, qui a reçu la brigade d'Alexandre Benckendorf qui va à l'armée; un gentilhomme de chambre ou chambellan Krouse transformé en colonel; le prince Ypsilanti sans main et M-r Swistunof qui va inspecter des gouvernements par ordre. Le temps est si mauvais, que j'ai dîné en bas, la soirée s'est passée de même; nous avons joué au macao, et votre bon Miloradovitch a été des plus aimables. Je crois vous avoir dit que votre bon vieux Kurakin est des nôtres. Voilà, mes bons amis, le récit du matériel de la journée. Quant à l'histoire des pensées, des souvenirs, des suppositions, des réflexions, des voeux, elle serait plus longue, mais ne pourrait faire le sujet d'une lettre. Je me dis, mes amis, que vous êtes arrivés à Berlin, je suppose que vous ne le quitterez que demain; il me tardera bien de recevoir de vos nouvelles et de lire dans le coeur de Nicoche. Bonsoir, mes bons amis, je vous embrasse tendrement et vous donne mille bénédictions.

Ce Lundi, 24 Mai.

Il n'a fait que neiger toute la matinée et l'air est détestable. Le bon Miloradovitch est encore des nôtres, je suis fâchée de ne pouvoir lui montrer Pawlowsk dans son beau. Je désirerais surtout lui faire voir le Pavillon des roses qui sera plus joli qu'il n'a été l'année passée. Nous n'avons que le comte Miloradovitch en étrangers aujord'hui: je l'ai prié de venir prendre le thé chez moi à 7 heures, où nous nous rassemblons tous; cette attention lui fera plaisir. Vous serez partis de Berlin à ce que je supppose. Je me dis douloureusement qu'il me faudra du temps jusqu'à ce que je reçoive de vos nouvelles, et cependant sans vos nouvelles point de bonheur pour maman. J'ai été ce matin avec Anne chez ma belle-soeur: cette course nous a donné bien des souvenirs. Où placiez vous vos tables d'études, mes chers enfans, dans l'après-dîner dans vos cabinets? Bonsoir, mes amis; si notre rassemblement pour le thé vous offre quelques moments

de gaieté, je vous en ferai part. Je vous embrasse de tout, tout mon coeur.

Ce Mardi, 25 Mai.

Enfin nous voyons le soleil aujourd'hui, mes chers enfants, après qu'il a gelé cette nuit, mais l'air est agréable, et je viens d'avoir monté à cheval pour la première fois: je n'en ai pas perdu l'habitude, ce qui me fait plaisir, mais, mes enfants, combien vous m'avez manqué. On me dit que j'aurai des visites militaires pour le dîner, il y aura donc une grande distribution de compliments de votre part. J'entends parler vaguement d'un exercice du régiment d'hussards, avant qu'il ne quitte Czarsko Sélo. La nouvelle se répand que les hostilités ont commencé du côté de Blücher, les uns parlent d'une affaire perdue: je suis incrédule et veux l'être jusqu'à ce que j'apprenne la nouvelle de source. La poste m'arrive aujourd'hui: peut-être recevrai-je des lettres de mes bons amis; Dieu le veuille, car ce sont mes moments de bonheur. Adieu, mes chers enfants; tout ce qui m'entoure me charge de les rappeler à votre souvenir. J'embrasse papa Lamsdorf et fais mes compliments aux vôtres. Ne m'oubliez pas, chers et bons enfants, et dites vous que vous êtes toujours et toujours présents à mes pensées. Adieu, je vous embrasse mille et mille fois et vous donne toutes mes bénédictions.

Marie.

23-го мая, воскресенье.

(Переводъ).—Дорогія дѣти мои, я встала въ восемь часовъ и увидала, что бесѣдки, деревья, дернъ, словомъ, вся земля покрыта на 2 вершка снѣгомъ; онъ пролежалъ чуть не до вечера, медленно тая. Это привело меня въ полное негодованіе; вотъ уже недѣля, какъ я тутъ, и до сихъ поръ не могла гулять; воздухъ совершенно ноябрьскій. Однако, ко мнѣ пріѣхали гости изъ города: г-жа Раевская съ дочерью, прелестной особою; вашъ добрый Милорадовичъ; графиня Орлова также пріѣхала вчера вечеромъ: я передала ей вашъ поклонъ, она благодаритъ васъ за память; кн. Лобановъ, отецъ Маши, получившій бригаду Александра Бенкендорфа, который ѣдетъ къ арміи; камеръ-юнкеръ или камергеръ Крузе, превратившійся въ полковника; безрукій кн. Ипсиланти и Свистуновъ, который ѣдетъ по высочайшему повелѣнію ревизовать губерніи. Погода такъ дурна, что я обѣдала внизу, гдѣ мы провели и вечеръ, играя въ макао; вашъ добрый Милорадовичъ былъ въ высшей степени любезенъ. Я писала, кажется, вамъ, что вашъ добрый старикъ

Куракинъ также пріѣхалъ къ намъ. Вотъ вамъ, дорогіе друзья мои, отчетъ о томъ, какъ мы провели день. Что же касается думъ, воспоминаній, предположеній, размышленій, пожеланій, то описаніе ихъ было бы длиннѣе, и его трудно сдѣлать въ письмѣ. Я думаю, друзья мои, что вы пріѣхали въ Берлинъ, и полагаю, что вы выѣдете оттуда не ранѣе, какъ завтра. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать отъ васъ извѣстій и хотѣла бы заглянуть въ сердце Никоша. Прощайте, дорогіе друзья мои, нѣжно цѣлую васъ и тысячу разъ благословляю.

24-го мая, понедѣльникъ.

Весь день шелъ снѣгъ; воздухъ отвратительный. Добрый Милорадовичъ еще у насъ, и мнѣ досадно, что я не могу показать ему Павловскъ во всей его красѣ. Особенно хотѣлось бы показать ему Розовый павильонъ, который будетъ еще красивѣе, чѣмъ въ прошломъ году. Изъ постороннихъ у насъ сегодня одинъ только гр. Милорадовичъ. Я просила его придти пить чай ко мнѣ въ 7 часовъ, когда мы бываемъ всѣ въ сборѣ; это вниманіе будетъ ему пріятно. Я полагаю, что вы уже уѣхали изъ Берлина, и думаю съ грустью, что я не скоро получу отъ васъ извѣстія, а между тѣмъ безъ нихъ для вашей матери нѣтъ счастія. Я была сегодня утромъ съ Анной у моей невѣстки. Эта поѣздка была полна для насъ воспоминаній. Гдѣ ставили вы ваши учебные столы, дорогія дѣти мои, въ вашихъ кабинетахъ въ послѣобѣденное время? Прощайте, друзья мои; если описаніе нашего общества за вечернимъ чаемъ можетъ доставить вамъ нѣсколько пріятныхъ минутъ, то я пришлю его вамъ. Цѣлую васъ отъ всего сердца.

25-го мая, вторникъ.

Наконецъ, сегодня выглянуло солнышко, дорогія дѣти мои, а ночью былъ морозъ, но воздухъ пріятный, и я только-что впервые каталась верхомъ. Оказывается, я еще не разучилась этому, что̀ меня радуетъ; но, какъ мнѣ недоставало васъ, дорогія дѣти. Мнѣ сказали, что къ обѣду ко мнѣ пріѣдетъ кое-кто изъ военныхъ; слѣдовательно, мнѣ придется передать много поклоновъ отъ васъ. Я слышала мелькомъ о томъ, что передъ выступленіемъ Гусарскаго полка изъ Царскаго Села ему будетъ произведенъ смотръ. Говорятъ, будто непріязненныя дѣйствія возобновлены Блюхеромъ, одни говорятъ о выигранномъ, другіе о проигранномъ сраженіи. Я не вѣрю ничему и не повѣрю до тѣхъ поръ, пока не получу извѣстія изъ вѣрнаго источника. Сегодня будетъ почта: быть можетъ, я получу письма отъ моихъ добрыхъ друзей. Дай Богъ, такъ какъ это для меня минуты счастія. Прощайте, дорогія дѣти, всѣ окружающіе просятъ меня напомнить вамъ о нихъ. Обнимаю папашу Ламсдорфа и кланяюсь вашимъ. Не забывайте меня, дорогія и милыя дѣти,

и будьте увѣрены, что я всегда, всегда помню и думаю о васъ; прощайте, цѣлую васъ тысячу, тысячу разъ и отъ всего сердца благословляю васъ. Марія.

Num. 10.

Ce 25 Mai 1815.

Chers, bien aimés enfants, au moment même que je me lève de table je reçois vos lettres de Tilsit et de Königsberg: que Dieu vous le rende et vous bénisse, comme je le fais, de vous rappeler de moi avec cette exactitude et de me donner de vos nouvelles; croyez-moi, mon cœur en est bien vivement touché, et que vous remplissez mes yeux de larmes bien douces, parce que c'est ma tendresse pour vous qui les fait couler. Je suis charmée que vous rencontrerez le bon roi à Königsberg; cela vous facilitera le séjour de Berlin, qui vous en deviendra d'autant plus agréable sous tous les rapports. Je vous crois aujourd'hui entre Berlin et Weimar, ou peut-être encore à Berlin, car je suis sûre que vous avez cédé aux voeux du roi, s'il vous a témoigné le désir de vous voir plus longtemps. Je vous ai écrit ce matin par courrier et vous dirai donc seulement que M-r de Sipägin a dîné chez moi; il m'a chargé de mille choses pour vous et paraît vous aimer bien sincèrement; il est très occupé. Il m'a dit qu'aucun des chasseurs ne veut rester en arrière, pas même celui qui après avoir servi 29 ans avait trouvé du repos au nombre des 12, il a demandé à marcher, et qu'il viendrait chez moi au retour. Je lui ai dit de l'assurer qu'alors il recevrait le double. Je prends 12 braves aussi à Gatschina, ainsi j'en aurai 24: ce sera ma gallerie d'antiques, bien préférable aux véritables! Cher Nicoche, vous me dites de penser à vous: grand Dieu, toujours et toujours vous êtes devant mes yeux. Adieu, mes amis, mes bons enfants, que Dieu vous bénisse, vous conserve et vous ramène dans mes bras. Mille compliments et amitiés à papa Lamsdorf et à tous vos messieurs.

Marie.

Le comte Miloradovitch est arrivé chez nous

25-го мая 1815 г.

(Переводъ). —Дорогія, возлюбленныя дѣти, я получила ваши письма изъ Тильзита и Кёнигсберга въ ту самую минуту, какъ я встала изъ-за стола. Да вознаградитъ и благословитъ васъ за это Господь, какъ я васъ благословляю за то, что вы вспоминаете обо мнѣ съ такою аккуратностью и

сообщаете мнѣ о себѣ вѣсти. Повѣрьте, я этимъ искренно тронута, и мои глаза увлажняются сладкими слезами, такъ какъ я проливаю ихъ изъ любви къ вамъ. Я очень довольна тѣмъ, что вы встрѣтитесь съ добрымъ королемъ въ Кёнигсбергѣ; это облегчитъ вамъ пребываніе въ Берлинѣ, оно будетъ для васъ вслѣдствіе этого пріятнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Я полагаю, что вы находитесь сегодня между Берлиномъ и Веймаромъ или, быть можетъ, вы еще въ Берлинѣ, такъ какъ я увѣрена, что вы исполнили просьбу короля, если онъ выразилъ вамъ желаніе, чтобы вы остались у него подольше. Я писала вамъ сегодня утромъ съ курьеромъ; поэтому скажу вамъ только, что у меня обѣдалъ Сипягинъ и просилъ меня передать вамъ его привѣтъ. Онъ, кажется, искренно расположенъ къ вамъ; онъ очень занятъ и сказалъ мнѣ, что никто изъ егерей не хочетъ остаться дома, не исключая и того, который, прослуживъ 29 лѣтъ, пользуется отдыхомъ въ числѣ 12. Онъ выразилъ желаніе идти въ походъ съ тѣмъ, что онъ вернется потомъ ко мнѣ. Я просила сказать ему, что онъ получитъ тогда двойное жалованье. Я беру еще 12 молодцовъ въ Гатчино. Такимъ образомъ у меня ихъ будетъ 24, это будетъ моя галлерея древностей, несравненно болѣе интересная, чѣмъ собраніе настоящихъ древностей. Дорогой Никошъ, вы пишете, чтобы я не забывала васъ: Боже мой, вы всегда, всегда передъ моими глазами. Прощайте, друзья мои, мои дорогія дѣти, да благословитъ васъ Господь, да сохранитъ Онъ васъ и да возвратитъ васъ въ мои объятія. Тысячу поклоновъ и привѣтъ папашѣ Ламсдорфу и всѣмъ вашимъ кавалерамъ. Марія.

Къ намъ пріѣхалъ гр. Милорадовичъ.

Num. 11.

Ce 26 Mai 1815. Mercredi.

Je tiens vos deux bien aimables lettres, mes chers enfants, du 18 et 19 Mai de Tilsit et de Königsberg; je les ai reçues hier au soir et j'en suis heureuse. Ce bonheur tourne en bénédiction pour vous et mon cœur vous bénit de venir, ainsi de dire, au secours de ma peine. Vous voyagez, mes enfants, avec la rapidité de l'éclair; je remercie le Ciel de ce que la santé du bon papa Lamsdorf n'en souffre pas. Vous trouverez le roi à Berlin, mes bons enfants, mais je souffre à la pensée que vous ne verrez pas Marie, car elle me dit n'être que le 6 Juin à Weimar; peut-être que vous sachant arrivés elle changera ses projets et arrivera plus tôt. Il me semble que vous voir privés de la satisfaction d'embrasser Marie, c'est à m'en priver moi-même, car je m'identifie en tout à vous, chers et bien aimés enfants. Ma journée a eu un peu plus de variété aujourd'hui que de coutume,

parce qu'il faisait beau temps; ainsi j'ai promené à pied le matin, j'ai été au Pavillon des roses, autour du lac, j'ai passé et repassé devant votre maison; se soir nous y avons pris le thé, et avons fait une jolie promenade à pied. Le comte Miloradovitch est encore des nôtres. Lévaschof a reparu ce soir, il avait été malade tous ces jours souffrant de la poitrine. Au retour de la promenade nous avons joué a un nouveau jeu, à une espèce de loto, composé au lieu de chiffres des noms de différents animaux: cela nous a fait rire quelques moments. J'ai bien pensé à Nicks et Méque qui ferait la volte. J'ai vu Adlerberg aujourd'hui. Glinka est parti cet après-dîner pour Smolensk. Voilà mes nouvelles, mes bons amis. Sur ce bonsoir; que Dieu vous conserve, a съ нами Богъ.

Ce Jeudi, 27 Mai.

Je charge de ces lignes le g(énéral) Wassiltschikof qui va joindre l'armée. Sa mine est très mauvaise, il a été très mal d'une fièvre bilaire, il vient d'avoir dit adieu à sa femme qui s'attend à accoucher: que je la plains cette pauvre malheureuse; le pauvre mari avait l'air tout décomposé. J'ai vu de même le g(énéral) Koblukof, qui a pris congé; tous ces congés sont détestables. Le prince Dmitri Galitzin est des nôtres et le comte Tolstoi, Pierre, auquel j'ai trouvé bonne mine: c'est un brave et digne homme que j'estime beaucoup. J'ai dit au g(énéral) Wassiltschikof de tout observer et de vous tout dire ce qu'il a vu et entendu à Pawlowsk, c'est à dire qu'on lui a parlé de vous deux, de l'amitié et de la tendresse, qu'on porte à ces chers êtres que j'affectionne si tendrement. Adieu, mes chers enfants; je vous embrasse de tout mon cœur et vous écrirai, s'il plaît à Dieu, demain par le courrier. Portez vous bien, conduisez vous toujours de même, c'est à dire toujours bien, et les bénédictions divines et les miennes reposeront sur vos têtes. Mille tendres amitiés à papa Lamsdorf, mes compliments à vos messieurs. Ne m'oubliez pas.

Marie.

Le temps est superbe, nous irons prendre le thé à la ferme. Chargez vous des lettres de Wassiltschikof lorsqu'il vous en donnera.

26-го мая 1815 г., среда.

(Переводъ).—Я получила ваши два милыя письма, дорогія дѣти, отъ 18-го и 19-го мая, изъ Тильзита и Кёнигсберга. Я получила ихъ вчера вечеромъ и очень счастлива. Я радуюсь и благословляю васъ, и отъ всего сердца благодарю васъ за то, что вы, такъ сказать, помогаете мнѣ перено-

сить горе. Вы путешествуете, дѣти мои, съ быстротою молніи; благодарю Бога, что здоровье папаши Ламсдорфа отъ этого не страдаетъ. Вы увидите короля въ Берлинѣ, дорогія дѣти, но я страдаю при мысли, что вы не увидите Маріи, такъ какъ она мнѣ пишетъ, что она будетъ въ Веймарѣ только 6-го іюня; быть можетъ, узнавъ, что вы пріѣхали, она измѣнитъ свои планы и пріѣдетъ раньше. Мнѣ кажется, что если вы будете лишены удовольствія обнять Марію, то и я вмѣстѣ съ тѣмъ буду лишена его, такъ какъ я во всемъ сливаюсь съ вами, дорогія и милыя дѣти. День прошелъ для меня сегодня нѣсколько разнообразнѣе, чѣмъ обыкновенно, такъ какъ погода была хороша, и я совершила по утру прогулку пѣшкомъ, была въ Розовомъ павильонѣ, обошла озеро, прошла нѣсколько разъ взадъ и впередъ мимо вашего дома; вечеромъ мы пили тамъ чай и сдѣлали хорошенькую прогулку пѣшкомъ. Гр. Милорадовичъ все еще у насъ. Левашовъ снова появился сегодня вечеромъ, у него болитъ грудь, и онъ чувствовалъ себя худо всѣ эти дни. Вернувшись съ прогулки, мы играли въ новую игру, нѣчто въ родѣ лото, которое состоитъ вмѣсто цифръ изъ названій различныхъ животныхъ. Это заняло насъ на нѣкоторое время и заставило смѣяться: я конечно думала о Никсѣ и Мекѣ, который сдѣлалъ бы вольтъ. Я видѣла сегодня Адлерберга. Глинка уѣхалъ сегодня, послѣ обѣда, въ Смоленскъ. Вотъ наши новости, добрые друзья мои. Затѣмъ прощайте; да хранитъ васъ Господь, а съ нами Богъ.

28-го мая, четвергъ.

Я поручаю эти строки генералу Васильчикову, который ѣдетъ въ армію. Онъ имѣетъ очень нездоровый видъ; онъ былъ очень боленъ желчной лихорадкой и только-что простился съ женою, которая скоро должна родить; какъ я жалѣю ее, бѣдную, несчастную: бѣдный мужъ былъ совсѣмъ разстроенъ. Я видѣла также ген. Каблукова, который простился со мною; всѣ эти прощанья пренепріятны. У насъ кн. Дмитрій Голицынъ и гр. Петръ Толстой, который, по-моему, очень здоровъ на видъ; я сказала ген. Васильчикову, чтобы онъ все подмѣчалъ и разсказалъ бы вамъ все, что онъ видѣлъ и слышалъ въ Павловскѣ, т. е. все то, что съ нимъ говорили о васъ обоихъ, о любви и расположеніи къ тѣмъ дорогимъ существамъ, коихъ я такъ нѣжно люблю. Прощайте, дорогія дѣти мои, цѣлую васъ отъ всего сердца. Я буду писать вамъ, если Господь благословитъ, завтра, съ курьеромъ. Будьте здоровы, ведите себя по-прежнему, т. е. всегда хорошо, и благословеніе мое и Господне будетъ надъ вами. Тысячи привѣтствій папашѣ Ламсдорфу, мой поклонъ вашимъ кавалерамъ. Не забывайте меня. Марія.

Погода великолѣпная, мы собираемся пить чай на фермѣ. Перешлите письма отъ Васильчикова, если онъ дастъ ихъ вамъ.

Num. 12.

Ce Vendredi, 28 Mai 1815.

Ma lettre n'est que d'un jour, mes bons amis, ayant remise celle d'hier et d'avant-hier au g(énéral) Dmitri Wassiltschikof: après l'avoir terminée je l'ai fait entrer dans mon cabinet pour lui montrer comment j'ai placé vos portraits pour qu'il vous en rende compte: je les ai constamment sous mes yeux. Notre soirée d'hier s'est passée à aller à la ferme où nous avons pris le thé; revenus de là nous avons joué au macao. J'ai oublié de vous nommer hier, comme étant des nôtres, Narischkine et sa bonne petite femme, leur maison est si abîmée qu'il faut attendre le beau temps fixe pour s'y établir. Nous avons lu hier au soir le manifeste de l'empereur qui vient de paraître sur la réunion du g(rand)-d(uché) de Varsovie à la couronne et sur la guerre; je vous en enverrai l'imprimé dès ce que je l'aurai. Au reste je n'ai rien d'intéressant à vous marquer aujourd'hui, mes bons amis, si non le départ du régiment de Kexholm qui ouvre la marche. Le g(énéral) Arsénief et sa femme sont venus me dire adieu aujord'hui, le régiment part Dimanche. Tous ces congés font peine: après tant de périls, tant de fatigues, tant de gloire, il aurait été à désirer que chacun jouisse du repos. Notre temps est superbe. J'ai été chez vous ce matin; votre maison est propre comme une caisse à poupées, cela fait plaisir à voir. J'ai reçu des lettres de Constantin qui regrette extrêmement que vous n'ayez pas passé par Varsovie; à propos: nous avons lu d'après vos volontés expresses les dernières lettres qu'il vous a écrites comme au patriarche Nicanor et au diacre Melchisédék, mais il ne paraîssait nullement de bonne humeur; il paraît que l'exercice des gardes à cheval sur la place de Mars ne l'avait pas contenté. Adieu, mes chers et bons amis; tout ce qui m'entoure vous assure de son souvenir. J'embrasse papa Lamsdorf et fais mes compliments à tous vos messieurs. Que Dieu vous accorde bonne santé et contentement. Rappelez-vous, chers enfants, de mes conseils, suivez les et donnez moi toujours le bonheur de vous voir chéris, aimés et appréciés. Je vous embrasse mille et mille fois et vous donne toutes mes bénédictions.

Marie.

Пятница, 26-го мая 1815 г.

(Переводъ).—Письмо мое, добрые друзья мои, будетъ касаться событій одного дня, такъ какъ я вручила вчерашнее и третьегоднешнее письмо ген. Васильчикову. Дописавъ его, я пригласила Васильчикова къ себѣ въ каби-

нетъ чтобы показать ему, какъ я поставила ваши портреты, дабы онъ передалъ это вамъ; они постоянно у меня на глазахъ. Вчера вечеромъ мы были на фермѣ, гдѣ пили чай; вернувшись оттуда, мы играли въ макао. Я забыла вамъ сказать вчера, что у насъ гоститъ Нарышкинъ и его милая маленькая жена. Ихъ домъ пришелъ въ такую ветхость, что въ немъ можно будетъ поселиться только тогда, когда настанетъ окончательно хорошая погода. Мы читали вчера вечеромъ только-что появившійся манифестъ императора о присоединеніи великаго герцогства Варшавскаго къ имперіи и о войнѣ. Я пришлю вамъ печатный его текстъ, какъ только получу его. Впрочемъ, я не имѣю сообщить вамъ сегодня ничего интереснаго, добрые друзья мои, кромѣ того, что Кексгольмскій полкъ, выступающій первымъ, уже уходитъ. Сегодня со мною прощались ген. Арсеньевъ и его жена; полкъ уходитъ въ воскресенье; всѣ эти прощанья грустны: послѣ столькихъ опасностей, такого утомленія и славы, можно было бы пожелать, чтобы всякій пользовался покоемъ. Погода стоитъ у насъ великолѣпная; я была у васъ сегодня утромъ; вашъ домъ чистъ, какъ игрушечка, такъ что пріятно взглянуть на него. Я получила письма отъ Константина; онъ чрезвычайно сожалѣетъ, что вы не проѣхали чрезъ Варшаву. Кстати, мы прочли согласно вашему настоятельному желанію послѣднія письма, которыя онъ писалъ вамъ, какъ патріарху Никанору и діакону Мельхиседеку, но, повидимому, онъ былъ не въ духѣ и остался недоволенъ ученіемъ, произведеннымъ конной гвардіей на Марсовомъ полѣ. Прощайте, дорогіе и добрые друзья мои; всѣ окружающіе постоянно вспоминаютъ о васъ. Обнимаю папашу Ламсдорфа и кланяюсь всѣмъ вашимъ кавалерамъ. Да пошлетъ вамъ Господь здоровья и чтобы вы были довольны. Не забывайте, любезныя дѣти, моихъ совѣтовъ, слѣдуйте имъ и доставьте мнѣ счастіе видѣть, что васъ любятъ и цѣнятъ. Цѣлую васъ тысячу, тысячу разъ и посылаю вамъ свое благословеніе. Марія.

Num. 13.

Pawlowsk, ce 28 Mai 1815.

Ces lignes vous seront remises, mes bons et chers amis, par le fils de mon Villamof, que je recommande à vos soins. Protégez le en toute occasion, et soyez lui utiles où vous pourrez l'être, donnez moi de ses nouvelles et soignez ses lettres à ses parents, en me les envoyant; il fera le trajet avec le fils de feu Serge Lanskoi, pour lequel je vous prie aussi d'avoir des bontés: ce sont deux bien jeunes gens qui vont courir le monde, mais j'espère que le fils de Villamof aura hérité de la raison du père et qu'il se conduira bien. Je vous ai écrit ce matin par courrier, mes

bons amis, ainsi je n'ai qu'à vous dire que le g(énéral) Arsénief et sa femme ont dîné chez moi, et ont pris congé; le régiment de Kexholm est parti, à ce que m'a dit Miloradovitch, avec gaieté et contentement; que Dieu le bénisse. La journée est superbe et bien chaude, c'est un temps d'été, aussi la verdure a visiblement gagnée du double depuis ce matin. Adieu, mes bons, chers enfants. Le comte Miloradovitch et la comtesse Orlof vous font dire bien de belles choses. Je vous embrasse de tout mon cœur et vous donne mille bénédictions.

Marie.

Mes compliments à vos messieurs. J'embrasse papa Lamsdorf.

Павловскъ, 28-го мая 1815 г.

(Переводъ).—Эти строки будутъ переданы вамъ, мои добрые и дорогіе друзья, сыномъ моего Вилламова, котораго я поручаю вашимъ попеченіямъ. Окажите ему во всѣхъ случаяхъ ваше покровительство, будьте ему полезны, гдѣ только можете, пишите мнѣ о немъ и позаботьтесь объ его письмахъ къ родителямъ, пересылая ихъ чрезъ меня; онъ поѣдетъ вмѣстѣ съ сыномъ покойнаго Сергѣя Ланскаго, о которомъ я также прошу васъ позаботиться. Оба они еще слишкомъ молоды, чтобы быть внѣ родительскаго дома, но я надѣюсь, что сынъ Вилламова наслѣдовалъ умъ отца и будетъ вести себя хорошо. Я писала вамъ сегодня утромъ съ курьеромъ, добрые друзья мои, поэтому могу вамъ сообщить только, что ген. Арсеньевъ и его жена обѣдали у меня и простились со мною; Кексгольмскій полкъ выступилъ, по словамъ Милорадовича, бодро и весело: да благословитъ его Богъ. Сегодня прекрасный, жаркій день; погода совершенно лѣтняя, поэтому зелени за сегодняшнее утро прибавилось вдвое. Прощайте, добрыя, дорогія дѣти мои. Гр. Милорадовичъ и графиня Орлова просили меня передать ихъ привѣтъ. Цѣлую васъ отъ всего сердца и тысячу разъ благословляю. Марія.

Поклонъ вашимъ кавалерамъ; обнимаю папашу Ламсдорфа.

Сообщ. **В. В. Щегловъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поддержаніе дисциплины въ войскахъ.

Высочайшій рескриптъ ген. лейтен. Бауру.

18-го декабря 1801 г. С.-Петерб.

Увѣдомленъ будучи, что въ нѣкоторыхъ полкахъ дисциплина весьма ослабѣваетъ и вообще по службѣ дѣлается упущеніе, предписываю вамъ взять дѣятельныя мѣры къ отвращенію таковаго въ службѣ нетерпимаго зла по ввѣреннымъ вамъ инспекціямъ и при томъ подтверждаю, чтобы въ теченіе сей зимы шефы полковъ занимались ученьемъ въ экзерциціи нижнихъ чиновъ, начинали по одиночкѣ и сведенными частьми, дабы довести полкъ къ будущей веснѣ до надлежащаго совершенства, какъ въ устройствѣ, такъ и по внутренности.—Для инспектированія оныхъ будутъ посланы отъ меня нарочные и если ими найдены будутъ какія либо упущенія, то начальники за оное подвержены будутъ строгому взысканію. Но я увѣренъ, что попеченіемъ вашимъ и прилежаніемъ господъ шефовъ полки ввѣренныхъ вамъ инспекцій доведены будутъ до желаемаго совершенства, имѣя къ тому всѣ способы.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

Сергій Максимиліановичъ

КНЯЗЬ РОМАНОВСКІЙ, ГЕРЦОГЪ ЛЕЙХТЕНБЕРГСКІЙ.

(Къ 25-ти-лѣтію его кончины. Воспоминанія врача Рущукскаго отряда).

Въ двадцатыхъ числахъ сентября мѣсяца, 1877 года, штабъ Рущукскаго отряда перешелъ съ прежняго мѣста своего послѣдняго бивуачнаго расположенія у селенія Дольній Монастырь, по Бѣла-Рущукскому шоссе,—въ большое селеніе Брестовица.

Чины, составлявшіе упомянутый штабъ, размѣстились въ домахъ болгарскихъ крестьянъ. Въ одномъ изъ такихъ же домовъ помѣстился и августѣйшій начальникъ отряда, наслѣдникъ цесаревичъ, великій князь Александръ Александровичъ (впослѣдствіи императоръ Александръ III).

Наступала осень. Цѣлый рядъ дождливыхъ и холодныхъ дней съ еще болѣе холодными ночами,—пока мы не устроились, то-есть, не достали и не вставили въ окна рамъ со стеклами, и не создали изъ матеріала, который можно было утилизировать, печей, — дѣлали жизнь нашу въ болгарскихъ домахъ не многимъ лучше бивуачнаго положенія. Если что поддерживало наши силы, такъ это здоровая пища, которою мы были обезпечены, благодаря великодушному гостепріимству августѣйшаго начальника, пригласившаго разъ навсегда чиновъ штаба завтракать и обѣдать у него. Былъ найденъ просторный, довольно чистый сарай, въ которомъ и устроилась общая столовая.

Войска Рущукскаго отряда располагались, гдѣ было возможно, во всевозможныхъ строеніяхъ, а гдѣ это не удавалось, то во вновь вырытыхъ и устроенныхъ, относительно хорошо, землянкахъ. Приходилось также по условіямъ военнаго времени и мѣстнымъ причинамъ мириться и съ жизнью на позиціяхъ, бивуачнымъ порядкомъ.

По ходу военныхъ дѣйствій становилось очевиднымъ, что придется зимовать, и если не всю, то бо́льшую часть зимы провести въ сѣверной Болгаріи. Всему тонъ давала Плевна, а въ это время только началось ея систематическое обложеніе.

Въ Рущукскомъ отрядѣ наступило затишье послѣ жестокихъ, съ большими потерями съ обѣихъ сторонъ, битвъ 24-го августа, при Кацелево-Аблава, и 9-го сентября при Чаиркіоѣ, битвъ, въ которыхъ турецкій главнокомандующій, Мехметъ-Али, каждый разъ сосредоточивалъ и вводилъ въ дѣло всѣ свои силы (60—80 тысячъ), дабы прорвать Рущукскій отрядъ и пробиться къ Тырнову въ тылъ войскамъ, отстаивавшимъ шипкинскія позиціи. Какъ потомъ выяснилось, Мехметъ-Али за свои неудачи совершенно для него неожиданно былъ смѣненъ, и на его мѣсто назначенъ новый главнокомандующій Сулейманъ-паша, только-что прославившійся своими энергическими атаками шипкинскихъ высотъ.

При такомъ положеніи дѣла съ обѣихъ сторонъ чего-то ждали, и начальникъ Рущукскаго отряда рѣшилъ 12-го октября произвести одновременную рекогносцировку, по всей линіи расположенія отряда.

По званію завѣдывающаго медицинскою частью Рущукскаго отряда я получилъ 12-го октября приказаніе главный перевязочный пунктъ устроить у деревни Кошево; у этой же деревни предполагалъ быть и начальникъ отряда, наслѣдникъ цесаревичъ, со своимъ штабомъ. Деревня Кошево—мѣсто центральное, а возвышенный курганъ на берегу рѣки Кара-Лома, на которомъ находился его императорское высочество, былъ очень удобенъ для наблюденія за общимъ ходомъ рекогносцировки.

При средней рекогносцировочной колоннѣ долженъ былъ находиться герцогъ Сергій Максимиліановичъ Лейхтенбергскій. При правой колоннѣ отъ войскъ находился его императорское высочество, великій князь Сергій Александровичъ.

Раннимъ утромъ, 12-го октября, я выѣхалъ изъ Брестовицы и присоединился къ слѣдовавшему, согласно распоряженію, дивизіонному подвижному лазарету 33-й пѣхотной дивизіи въ Кошево. Этотъ лазаретъ и долженъ былъ представлять собою главный перевязочный пунктъ. Къ этому лазарету, на основаніи предварительнаго моего сношенія съ уполномоченнымъ княземъ А. Г. Щербатовымъ (нынѣ извѣстный общественный дѣятель въ Москвѣ по сельскому хозяйству), примкнулъ и отрядъ Краснаго Креста.

Погода была прекрасная; было даже тепло. Двигаясь по шоссе, санитарный обозъ, состоявшій изъ линеекъ дивизіоннаго лазарета, изъ легкихъ повозокъ Краснаго Креста и изъ повозокъ со всѣмъ имуществомъ, необходимымъ какъ при подачѣ хирургическаго пособія, такъ и для питанія въ первое время раненыхъ, благополучно къ часамъ 7-ми

утра достигъ пункта Ханъ-Гюль-Чесме, откуда торная дорога шла къ рѣкѣ Кара-Лому, на мостъ, къ селенію Іованъ-Чифтликъ, къ тому пункту, который долженъ былъ быть занятъ средней колонной. Въ Іованъ-Чифтликѣ были турки, а сзади этого селенія большой турецкій лагерь, опиравшійся на селеніе Кадыкіой.

Между Ханъ-Гюль-Чесме и мостомъ на Карѣ-Ломѣ (въ самомъ селеніи Іованъ-Чифтликъ)—версты четыре. Когда мы повернули съ шоссе, послышались первые пушечные, а вслѣдъ затѣмъ и ружейные выстрѣлы. Дорога сначала спускалась, а потомъ—вновь поднималась на возвышенное, открытое плато, съ котораго отчетливо видны зданія Кадыкіоя. По этому плато вилась дорожка въ Кошево. Но прежде чѣмъ свернуть на нее весь обозъ, я, будучи верхомъ, выѣхалъ впередъ обозрѣть путь. Отлично помню, что на возвышенномъ плато я увидѣлъ небольшую группу всадниковъ, медленно направлявшихся къ рѣкѣ. Въ группѣ я узналъ герцога Сергія Максимиліановича, поручика Венедиктова и, сколько помнится, подполковника генеральнаго штаба Зандера. За офицерами слѣдовалъ конвой изъ нѣсколькихъ человѣкъ въ формѣ кавказскихъ казачьихъ войскъ.

Осмотръ пути далъ слѣдующія данныя. Дорога въ Кошево очевидно была подъ выстрѣлами и вообще на плато, о которомъ идетъ рѣчь, обращали на себя вниманіе появлявшіеся время отъ времени пыльные фонтанчики несомнѣнно отъ падавшихъ пуль. По тому же плато начали тянуться къ намъ и раненые и ихъ носильщики. Дивизіонный лазаретъ, остановившись въ углубленіи передъ возвышенностью и пользуясь присутствіемъ не вдалекѣ фонтана съ хорошею водою, началъ дѣйствовать, какъ перевязочный пунктъ. Тѣмъ не менѣе, я не могъ успокоиться и рѣшилъ часть дивизіоннаго лазарета все-таки направить въ Кошево. Для этого пришлось вновь осматривать въ разныхъ направленіяхъ ближайшую мѣстность. Въ одинъ изъ моментовъ, когда, проѣхавъ линію нашихъ орудій, я очутился не болѣе пятидесяти саженъ сзади группы всадниковъ, о которыхъ говорилось выше,—въ это именно время я увидѣлъ скачущихъ изъ этой группы двухъ конвойныхъ. Одинъ изъ нихъ подскакалъ ко мнѣ со словами: «скорѣе, скорѣе, герцогъ раненъ»; другой понесся назадъ, крича во все горло: «доктора, доктора». Чрезъ нѣсколько секундъ я былъ уже у группы бывшихъ верховыхъ и засталъ слѣдующее: на землѣ лежалъ герцогъ Сергій Максимиліановичъ. На головѣ была фуражка, околышъ которой былъ пробитъ съ лѣвой стороны кокарды. По блѣдному лицу струилась со лба кровь. Правая рука была откинута. Изъ подъ засучившагося рукава виденъ былъ золотой медальонъ, одѣтый на руку въ видѣ браслета. Тутъ же лежалъ на землѣ большой бинокль. Сердце уже не дѣйствовало. Пульса не было. Приподнятая фуражка открыла зіяющую рану входа пули. Вскорѣ при-

были носилки, а затѣмъ подошли: главный хирургъ-отряда, докторъ Симвулидъ и корпусный врачъ 12-го армейскаго корпуса Левоневскій. Сергій Максимиліановичъ былъ положенъ на носилки, и вся группа присутствовавшихъ лицъ тронулась съ тѣломъ покойнаго по направленію къ перевязочному пункту. На пути подъѣхала не помню чья коляска, и тѣло было положено къ экипажъ, въ которомъ отправлено съ состоявшими при покойномъ лицами въ Брестовицу, гдѣ и положено въ мѣстной болгарской церкви. Я полагаю, что моментъ смерти покойнаго герцога слѣдуетъ опредѣлить 8 часовъ 15 минутъ утра.

По возвращеніи въ Брестовицу, я получилъ личное приказаніе наслѣдника цесаревича принять всевозможныя мѣры къ сохраненію тѣла покойнаго герцога, такъ какъ таковое должно быть отправлено въ Петербургъ.

Немедленно, ночью же вытребованы были мною изъ состоявшаго при отрядѣ въ 15 верстахъ аптечнаго отдѣленія полевой аптеки всѣ нужныя средства, и на другой день, 13-го октября, приступлено было къ осмотру тѣла, составленію протокола и мѣропріятіямъ, имѣвшимъ цѣлью сохраненіе тѣла отъ скораго разложенія.

При осмотрѣ раненія оказалось: ружейная пуля изъ нарѣзнаго ружья системы Пибоди пробила лобную кость надъ лѣвою бровью, ближе къ срединѣ лба, прошла въ черепную полость, направляясь спереди назадъ, разрушила по пути мозгъ и остановилась сплющившись въ тѣлѣ затылочной кости, откуда и была мною извлечена. Въ осмотрѣ тѣла и работахъ по бальзамированію принялъ участіе состоявшій въ то время при отрядномъ штабѣ, д-ръ И. В. Гриммъ.

Прошло нѣсколько дней, пока доставленъ былъ изъ Румыніи металлическій гробъ. Въ него положено было тѣло почившаго и только 17-го октября отправлено на артиллерійскомъ лафетѣ, въ сопровожденіи смѣнявшихся войскъ къ Дунаю, на Батинъ, а затѣмъ на Петрошаны. До послѣдняго селенія проводилъ павшаго на полѣ брани самъ августѣйшій начальникъ Рущукскаго отряда. Изъ Румыніи до Петербурга по желѣзной дорогѣ сопровождали гробъ особо назначенные чины, имѣя во главѣ одного изъ адъютантовъ наслѣдника цесаревича, князя Барятинскаго, нынѣ генералъ-адъютанта.

Кончина герцога Сергія Максимиліановича произвела на всѣхъ глубокое впечатлѣніе. Покойный имѣлъ всего 28 лѣтъ отъ роду; красавецъ собою, онъ привлекалъ всѣхъ и каждаго своею доступностью, привѣтливостью и сердечностью. Между чинами отряднаго штаба онъ пользовался всеобщею любовью.

Д-ръ **Ф. Піотровскій.**

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXXII [1]).

Начало устройства Грушевской дороги.—Поѣздка В. А. Панаева за границу.—Встрѣча съ банкиромъ Ротшильдомъ.—Пребываніе въ Туренѣ.—Заказъ брюссельскому заводчику Эврарду всѣхъ предметовъ для Грушевской дороги.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Порученіе, данное В. А. Панаеву генераломъ Чевкинымъ по повѣркѣ кондицій на ремонтъ Николаевской дороги.—Характеристика Хомутова и его переписка съ В. А. Панаевымъ.

Установивъ работы по Грушевской дорогѣ, мнѣ предстояла необходимость ѣхать за границу для заказовъ всѣхъ для нея принадлежностей, въ томъ числѣ и паровозовъ. Въ то время, Грушевскій антрацитъ, этотъ наилучшій матеріалъ для топлива, не употреблялся ни на паровозахъ, ни на пароходахъ вслѣдствіе того, что отъ него быстро сгорали колосники. Видя необходимость, прежде назначенія системы паровозовъ, сдѣлать за границей надлежащіе опыты, я выслалъ изъ Новочеркаска моремъ 2 куб. саж. антрацита въ Парижъ; одновременно отправилъ туда инженеръ-механика Орта. Предвидя, что мнѣ придется пробыть довольно долгое время въ отлучкѣ, я сообщилъ о томъ Henry's. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что живетъ теперь въ Туренѣ, во Франціи, гдѣ купилъ себѣ небольшое Chateau, и умолялъ меня провести у него осень, въ наипрекраснѣйшемъ уголкѣ Франціи.

Въ то же время, я получилъ письмо отъ Чевкина, которымъ онъ вызывалъ меня въ Петербургъ.

[1]) См. „Русс. Стар." сентябрь 1902 г.

Въ первыхъ числахъ августа, я выѣхалъ изъ Новочеркаска съ женой и дѣтьми, по Дону и Волгѣ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я явился къ Чевкину доложить о ходѣ работъ, и что я долженъ ѣхать за границу для заказовъ нужныхъ для желѣзной дороги принадлежностей.

— Я васъ нѣсколько задержу здѣсь,—сказалъ онъ.—Посмотрите, пожалуйста, проектъ кондицій, заготовленныхъ для торговъ на ремонтъ подвижнаго состава, такъ какъ контрактъ Уайненса скоро кончается; найдете ли кондиціи сообразными?

И онъ подалъ мнѣ проектъ кондиціи, одобренной уже управленіемъ дороги для торговъ, заключающій безконечное количество параграфовъ. Это дѣло заняло у меня двѣ недѣли для составленія замѣчаній на разные параграфы кондицій и записки по поводу отдачи подряда на ремонтъ подвижнаго состава.

— Я передамъ ваши замѣчанія въ коммиссію,—сказалъ Чевкинъ,—и теперь можете ѣхать за границу.

Такъ какъ я ѣхалъ за границу для заказовъ, при чемъ мнѣ приходилось выдавать заводчикамъ задатки, то я взялъ изъ банка кредитивъ на 500.000 фр., который былъ выданъ на имя банкира Ротшильда.

По поводу этого кредитива не могу воздержаться и не разсказать одинъ фактъ.

На другой день по пріѣздѣ въ Парижъ, мнѣ нужно было получить одну тысячу фр. на личные мои расходы. Я отправился въ контору Ротшильда. Подаю чиновнику бюро кредитивъ и прошу выдать тысячу фр. Чиновникъ сталъ разсматривать кредитивъ и справа и слѣва. Потомъ послѣ нѣкотораго молчанія сказалъ:

— Я не могу выдать вамъ денегъ, не показавъ кредитивъ барону.

И чиновникъ отправился въ кабинетъ къ Ротшильду, гдѣ оставался минутъ десять. Выйдя оттуда, онъ сказалъ, что баронъ проситъ меня подождать одну минуту. Черезъ минуту вышелъ Ротшильдъ и попросилъ войти въ его кабинетъ.

— У васъ кредитивъ на 500.000 фр.?—спросилъ Ротшильдъ.

— Да,—отвѣтилъ я.

— Вы правительственный инженеръ, строющій желѣзную дорогу?

— Да.

— Съ какимъ намѣреніемъ вы пріѣхали въ Парижъ?

— Я пріѣхалъ заказывать разные предметы для желѣзной дороги, и надо мнѣ подъискать подходящій заводъ, который взялся бы за это дѣло.

— А великъ ли вашъ заказъ?

— Весь заказъ можетъ простираться болѣе, чѣмъ на два милліона франковъ.

— Я возьмусь его исполнить, сдѣлайте заказъ мнѣ!

— Мнѣ нужны мосты, паровозы, вагоны, водоснабженіе и разные другіе предметы, которые были бы исполнены по проектамъ, мною составленнымъ.

— Ваши проекты совсѣмъ ненужны, мои инженеры все разработаютъ, и вамъ не нужно будетъ разъискивать по Европѣ подходящаго завода. Оставайтесь въ Парижѣ, веселитесь въ немъ, молодой человѣкъ, и все будетъ готово къ назначенному вами сроку.

— Я вамъ очень благодаренъ,—сказалъ я,—и обдумаю этотъ вопросъ.

— Вамъ, какъ видно, оказано большое довѣріе. Вы, вѣроятно, знаете вашего министра?

— Да, я его хорошо знаю!

— Когда вернетесь въ Петербургъ, передайте ему, что я дамъ деньги на всѣ полезныя предпріятія, которыя онъ имѣетъ въ виду.

Надо сказать, что Ротшильдъ, не смотря на то, что былъ, можно сказать, могучимъ всемірнымъ банкиромъ, не вошелъ въ Главное Общество желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Это объясняется тѣмъ, что въ это время Наполеонъ III не симпатизировалъ политическимъ взглядамъ Ротшильда и созидалъ ему конкурента въ лицѣ банкира Перейра; и потому Ротшильду хотѣлось захватить рынокъ Россіи, хотя бы внѣ Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ.

Во время разговора со мною, Ротшильдъ ежеминутно вкладывалъ въ ротъ кишку съ наконечникомъ, чтобы передавать что-то, а другую кишку, съ слуховымъ наконечникомъ, къ уху.

— Извините меня,—сказалъ онъ,—что прерываю разговоръ; въ этотъ часъ идетъ биржа, и надо отдавать приказанія и слушать отвѣты. Гдѣ вы остановились?

— Въ Hôtel du Louvre,—сказалъ я.

— Такъ завтра въ 11 часовъ я къ вамъ пріѣду, мы поѣдемъ съ вами, чтобы познакомить васъ съ моими инженерами.

Дѣйствительно, Ротшильдъ въ 11 ч. пріѣхалъ ко мнѣ, и мы отправились на станцію Chemin du Nord.

Тогда эта станція, хотя была и обширная, но строенія были деревянныя.

Войдя на станцію, надо было подняться во второй этажъ по узкой, худо освѣщенной лѣстницѣ. На лѣстницѣ встрѣтился какой-то человѣкъ въ форменной фуражкѣ. Ротшильдъ остановилъ его и особенно громко возгласилъ:

— Est-ce que vous ne me reconnaisez pas? [1]) и, жестомъ указывая на свою грудь, торжественно произнесъ: «Presidant de Conseil».

---

[1]) Развѣ вы не узнаете меня?

Человѣкъ этотъ смахнулъ моментально фуражку и низко склонилъ голову, а Ротшильдъ сталъ важно подниматься на лѣстницу.

Войдя въ пріемную комнату, Ротшильдъ сказалъ сторожу:

— Скажите Petier, что я пріѣхалъ съ русскимъ инженеромъ, и попросите его сюда.

Вернувшись, сторожъ сказалъ, что М-г Petier занятъ въ засѣданіи.

— Попросите М-г Petier выйти сюда на нѣсколько минутъ изъ засѣданія.

Вернувшись назадъ, сторожъ сказалъ:

— М-г Petier извиняется, что онъ не можетъ придти теперь, и проситъ русскаго инженера обождать нѣсколько.

Ротшильдъ взволновался, побагровѣлъ и сейчасъ вышелъ, сказавъ мнѣ:

— Завтра пріѣдетъ къ вамъ М-г Petier.

Я нарочно упоминаю объ этомъ эпизодѣ, какъ характеризующемъ отношенія между могущественнѣйшимъ банкиромъ Ротшильдомъ и зависящимъ отъ него инженеромъ Petier. Послѣдній пользовался громаднымъ авторитетомъ въ инженерномъ мірѣ и завѣдывалъ всѣми желѣзными дорогами, эксплоатируемыми Ротшильдомъ; зналъ себѣ цѣну и потому не постѣснился дать, при случаѣ, маленькій урокъ Ротшильду.

Минутъ черезъ пять-шесть, Petier вышелъ.

— А! старый знакомый,—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—радъ васъ видѣть, чѣмъ могу служить?

Я разсказалъ Petier, какъ и зачѣмъ я очутился вмѣстѣ съ Ротшильдомъ, и что я пріѣхалъ сюда дѣлать заказы по собственнымъ проектамъ. Petier сталъ меня разспрашивать о дѣйствіяхъ Главнаго Общества по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и далъ мнѣ указанія по моему дѣлу. Я поблагодарилъ его, и мы разстались. Petier я больше не видалъ; но у Ротшильда пришлось быть второй разъ, когда, мѣсяца черезъ три, я долженъ былъ выдать чекъ заводчику на 200.000 фр. задатка.

— Такъ вы поупрямились и сдѣлали заказъ помимо меня?—сказалъ Ротшильдъ.

— Вы не могли исполнить того, что мнѣ нужно было,—отвѣтилъ я.

— Не забудьте передать вашему министру мою готовность быть ему полезнымъ.

Я поклонился и ушелъ.

По пріѣздѣ въ Парижъ, я увѣдомилъ Henrys о моемъ туда пріѣздѣ. Тотчасъ же я получилъ телеграмму съ приглашеніемъ немедленно пріѣхать къ нему въ Chateau, въ окрестность Турена. Къ его приглашенію, сдѣланному въ письмѣ въ Новочеркаскъ, я, конечно, не отнесся серьезно и разсчитывалъ съ семьей поѣхать дня на три. Chateau Henrys'a

было не большое, но въ три этажа; въ первомъ этажѣ помѣщалась столовая, пріемная, биллiардная и кухня со службами; во второмъ этажѣ была половина жены и его, а третій былъ монтированъ для пріѣзжихъ, убранъ какъ номера гостиницы. Эти комнаты и были предназначены намъ.

По прошествіи трехъ дней, мы собрались уѣзжать.

Henrys и жена его стали, не отставая отъ насъ, уговаривать остаться на нѣсколько мѣсяцевъ. Конечно, мы стояли на своемъ отъѣздѣ. Тогда Henrys пригласилъ меня прогуляться въ садъ.

— Вы поступаете неблагоразумно, увозя семейство въ Парижъ, — сказалъ онъ.—Вѣдь вы должны будете разъѣзжать по всѣмъ концамъ Европы, а ваша семья должна сидѣть въ душномъ городѣ, въ гостиницѣ и погибать отъ жары. Согласитесь, что въ виду того, что мы предлагаемъ вамъ, вы поступаете жестоко въ отношеніи вашей жены и дѣтей. Между тѣмъ вы доставите мнѣ и женѣ истинное удовольствіе.

Я конечно понималъ его доводы, но, само собою разумѣется, стѣснялся гостепріимнымъ и задушевнымъ ихъ предложеніемъ и отвѣчалъ, что все-таки надо ѣхать.

— Я понимаю, что вы не хотите одолжаться содержаніемъ вашей семьи въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но можно побѣдить вашу щекотливость. Вы знаете, что я аккуратно веду счетъ моихъ расходовъ и подвожу итоги каждый мѣсяцъ. Я вамъ покажу эти итоги и съ этой минуты буду также записывать всѣ мои расходы. Въ концѣ мѣсяца, я подведу итогъ, и вы заплатите мнѣ разницу.

При этихъ условіяхъ все мирилось, и я искренно обнялъ Henrys. Такимъ образомъ моя семья осталась у Henrus до тѣхъ поръ, пока я не окончилъ своего дѣла.

Успокоившись на счетъ семьи, я пустился въ путешествія, объѣхалъ западную часть Германіи, Австрію до Решта, центральную и южную Францію и Англію, гдѣ заболѣлъ дезинтеріею.

Я въ тотъ же день рѣшился ѣхать въ Парижъ. Утромъ я былъ уже тамъ и послалъ за гомеопатическимъ докторомъ Тестомъ, хорошо мнѣ извѣстнымъ и пользовавшимъ мою жену и дѣтей. Тестъ посовѣтовалъ мнѣ отправиться къ семьѣ, что̀ я и сдѣлалъ. Дня черезъ четыре, я опять принялся за дѣло, заѣхалъ въ Парижъ за Ортомъ, который прежде все время разъѣзжалъ со мною, и мы поѣхали въ Брюссель.

Надо замѣтить здѣсь, что при моихъ безпрерывныхъ поѣздкахъ, я, обыкновенно, отправлялся на скорыхъ поѣздахъ, отходящихъ позднимъ вечеромъ; растягивался на диванѣ, для чего бралъ часто два мѣста, и спалъ непробуднымъ сномъ до утра. Утромъ я былъ бодръ, свѣжъ и отправлялся на заводъ, предварительно мною намѣченный, осматривалъ его, толковалъ съ заводчиками и механиками и къ вечеру опять въ путь, чтобы на другой день очутиться за 400—500 километровъ. Между

тѣмъ Ортъ не могъ спать въ вагонахъ, о чемъ я узналъ только въ послѣднее время, когда я въ теченіе двухъ мѣсяцевъ провелъ болѣе 40 ночей въ ѣздѣ.

Въ Брюсселѣ я остановился въ Hôtel de Saxe, хозяина котораго я зналъ во время моего пребыванія въ Брюсселѣ. Пріѣхавъ къ вечеру, я просилъ подать чай. Въ то время, какъ ожидался чай, Ортъ вышелъ въ другую комнату, сказавъ, что онъ немножко отдохнетъ до чая. Когда я приготовилъ чай, Ортъ на мой зовъ не откликался. Я сталъ его будить и толкать, но было тщетно. Вскорѣ у Орта явился сильнѣйшій жаръ, и онъ впалъ въ совершенную безсознательность. Ночью былъ сильный бредъ, я безпрестанно ходилъ къ нему, и къ утру онъ былъ въ такомъ же безсознательномъ состояніи. Я послалъ къ отличному доктору, Gregoir, котораго я зналъ прежде, но его не застали.

Между тѣмъ хозяинъ гостиницы, узнавъ, что у него находится больной—(въ это время въ Брюсселѣ свирѣпствовалъ горячешный тифъ),—послалъ за городскимъ полицейскимъ докторомъ. Этотъ докторъ призналъ болѣзнь Орта за жестокій тифъ, и хозяинъ гостиницы потребовалъ вывезти больнаго въ госпиталь въ теченіе одного часа.

Прежде нежели исполнить это, я бросился опять къ доктору Gregoir и разсказалъ ему о моемъ затруднительномъ положеніи. Я засталъ его въ слезахъ:

— У меня вчера умерла дочка въ тифѣ и еще не похоронена. Но, въ виду вашего затрудненія, я сейчасъ пріѣду.

Gregoir, осмотрѣвъ больнаго, который оставался все безъ сознанія, призналъ болѣзнь тоже за жестокій тифъ.

— Что же мнѣ дѣлать?—спрашивалъ я,—хозяинъ требуетъ вывезти больнаго въ госпиталь. У него въ Парижѣ жена съ пятью дѣтьми, малъ мала меньше и въ томъ числѣ грудной. Я недавно пригласилъ его въ Россію на службу. Какъ же я вернусь въ Парижъ и объявлю ей, что я оставилъ сильно больнаго ея мужа здѣсь въ госпиталѣ?

— Хотя больной въ безсознательномъ состояніи, но я совѣтую вамъ вмѣсто отправки его въ госпиталь сейчасъ ѣхать въ Парижъ, взять отдѣльное купе, а я вамъ пришлю сейчасъ сидѣлку. Въ этой болѣзни перемѣна мѣста играетъ большую роль. Быть можетъ, больной и выживетъ до Парижа, и тогда онъ можетъ умереть среди своей семьи.

Я сейчасъ же поѣхалъ на желѣзную дорогу, взялъ купе и, вернувшись, нашелъ уже сидѣлку, готовую ѣхать съ больнымъ.

По дорогѣ, я заходилъ на каждой остановкѣ освѣдомиться о состояніи больнаго; онъ былъ все-таки безъ сознанія. Наконецъ, на полдорогѣ до Парижа, сидѣлка сказала, что больной очнулся, хотѣлъ встать, но не могъ.

Въ Парижѣ больнаго вынесли изъ вагона и положили въ фіакръ.

Мнѣ предстояла еще тяжелая минута—объявить женѣ о положеніи ея мужа. Я пошелъ въ квартиру и объявилъ ей, что привезъ нѣсколько больнаго ея мужа, и что его сейчасъ введутъ сюда.

— Онъ чувствовалъ себя нездоровымъ уже нѣсколько дней,— отвѣчала она,—и я уговаривала его отложить поѣздку, но онъ не послушалъ меня.

M-me Orth была женщина необразованная, но практичная, съ присутствіемъ духа. Когда привели подъ руки ея мужа, она сейчасъ же послала за полицейскимъ докторомъ. Черезъ полчаса явился докторъ и въ ту же минуту пустилъ кровь, что въ горячешномъ тифѣ считается преступленіемъ. Въ половинѣ ночи, я заѣхалъ узнать о положеніи больнаго. M-me Orth сказала мнѣ, что докторъ приходилъ и пустилъ еще кровь изъ второй руки, и сказалъ, что можетъ быть найдетъ нужнымъ пустить еще кровь утромъ.

На утро я узналъ, что кровь была пущена въ третій разъ; я считалъ Orth'a погибшимъ и ни во что не вмѣшивался, такъ какъ распоряжалась всѣмъ жена.

Что же вышло? Orth пролежалъ три недѣли и настолько оправился, что сталъ выходить.

Тогда я поѣхалъ въ Бельгію одинъ. Въ Бельгіи извѣстный заводъ Coquerill не взялъ на себя поставку всѣхъ предметовъ заказа. Такимъ образомъ, я не наткнулся на подходящій заводъ ни въ Австріи, ни во Франціи, ни въ Англіи, ни въ Бельгіи Приходилось разбить заказъ на нѣсколько отраслей и отдать его въ разныя руки.

Неожиданно явился ко мнѣ въ Парижѣ брюссельскій заводчикъ Ewrard. Онъ узналъ, что я искалъ такого завода, который взялъ бы на себя поставку всѣхъ предметовъ заказа, простирающагося до 2-хъ милліоновъ франковъ, — что позволило бы взять поставку со сборкой на мѣстѣ, которая представляла для меня гарантію. — Кромѣ того, я требовалъ исполненія заказа по моимъ собственнымъ проектамъ.

— Покажите мнѣ ваши проекты,—сказалъ Эврардъ.

Когда я показалъ проекты, онъ разсмотрѣлъ ихъ, задумался, сталъ что-то размышлять и въ концѣ концовъ сказалъ:

— Я берусь исполнить весь вашъ заказъ, съ доставкой и сборкой на мѣстѣ и по вашимъ проектамъ.

Слова эти меня поразили.

— Какъ же вы беретесь за весь заказъ, когда у васъ существуетъ лишь заводъ для постройки вагоновъ?

— Я только-что купилъ старый заброшенный заводъ и намѣренъ монтировать его на широкую ногу. Все зависитъ отъ размѣра задатка, который вы мнѣ выдадите.

Въ слѣдующее его посѣщеніе я могъ убѣдиться, что Эврардъ научно

и практически подготовленъ къ механическому дѣлу, и сталъ считать его предложеніе серьезнымъ, котораго я искалъ въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ. Въ особенности его предложеніе было соблазнительно по цѣнѣ, которую онъ объявилъ впередъ—по 10 фр. за пудъ желѣза съ доставкой и сборкой на мѣстѣ, т. е. по 2 р. 50 к., тогда какъ заводы, ставившіе мосты Главному Обществу у насъ въ Россіи, брали отъ 4 до 4 р. 50 к. за пудъ.

Не менѣе того я объявилъ Эврарду, что пріѣду въ Брюссель и на его купленный вновь заводъ, какъ только поправится мой механикъ.

Когда мы пріѣхали на заброшенный заводъ, мы нашли однѣ стѣны, въ которыхъ производились кое-какія приготовленія для монтированія завода. Въ Брюсселѣ я обратился къ моему знакомому инженеру Belpaire и сообщилъ ему о предложеніи Эврарда.

Belpaire сказалъ мнѣ, что Эврардъ человѣкъ знающій, практичный, добросовѣстный въ исполненіи заказовъ, разсчетливый и весьма энергичный, и что потому на него можно положиться.

Я объявилъ тогда Эврарду, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Парижъ для заключенія контракта.

Писавши контрактъ, Эврардъ потребовалъ выдачи ему 200.000 фр. въ задатокъ, которые ему нужны, чтобы монтировать заводъ, устроить новые валы для прокатки желѣза особой формы для мостовъ и проч.

Дѣло было рискованное, но я рѣшился на это, имѣя въ виду оставить Орта въ Брюсселѣ для наблюденія за ходомъ работъ завода и для производства испытаній надъ всѣми частями желѣза и стали впредь до окончанія заказа.

Въ сущности, я торжествовалъ, заключивъ контрактъ, который былъ исполненъ Эврардомъ великолѣпно и въ срокъ. На пяти огромныхъ пароходахъ Ортъ привезъ весь заказъ изъ Антверпена въ Таганрогъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я доложилъ Чевкину о моемъ удачномъ заказѣ въ Бельгіи, чему онъ очень былъ радъ и сказалъ мнѣ:

— Вы помните, что передъ отъѣздомъ вашимъ за границу, я вамъ давалъ проектъ кондиціи на просмотрѣніе, и вы сдѣлали нѣсколько замѣчаній. Теперь уже изготовленъ окончательно проектъ контракта для торговъ, подписанный всѣми членами коммиссіи. Пересмотрите этотъ контрактъ и сообщите мнѣ, приняла ли коммиссія въ соображеніе ваши тогдашнія замѣчанія?

Я взялъ проектъ, конечно, на домъ и увидалъ, что всѣ мои замѣчанія обойдены, и взамѣнъ ихъ введены новые параграфы, болѣе стѣснительные для казны. Но главнѣйшее было то, что для желающихъ торговаться требовалось получить это право внесеніемъ пяти милліоновъ фр. передъ торгами. Я подалъ и написалъ опять замѣчанія на

разные параграфы проекта контракта, составившія огромную тетрадь и записку, которую принесъ Чевкину.

Чевкинъ возмутился и сказалъ:

— Что мнѣ въ вашихъ замѣчаніяхъ, напишите точную редакцію параграфовъ, которые надо измѣнить. Я не могу теперь съ вами заняться, придите въ пятницу, я буду тогда свободнѣе.

Черезъ пять дней, въ пятницу, я опять пришелъ къ Чевкину.

— Что вы меня торопите, я не просматривалъ еще вашихъ параграфовъ. Придите послѣ.

Мнѣ нужно было въ Новочеркаскъ къ моему прямому и слишкомъ отвѣтственному дѣлу. Хомутовъ волновался и тревожился моей долгой отлучкой, братъ непрерывно писалъ мнѣ о необходимости моего пріѣзда. Былъ уже конецъ февраля, и работы должны были скоро открыться. При этихъ обстоятельствахъ, я пошелъ къ Мельникову, который очень интересовался скорѣйшимъ окончаніемъ Грушевской дороги.

Мельниковъ, увидавъ меня, сказалъ:

— Какъ я радъ, что вы вернулись.—Константинъ Владиміровичъ (Чевкинъ) остановилъ всѣ дѣла до вашего пріѣзда—и онъ усмѣхнулся.—Вотъ, напримѣръ, коммиссія давно разсмотрѣла проектъ контракта; всѣ члены подписали его, и онъ давно долженъ былъ поступить на торги; но Чевкинъ оставилъ его у себя, сказавъ: я подожду пріѣзда Панаева.

— Я былъ уже у Чевкина,—отвѣчалъ я,—и онъ далъ мнѣ проектъ контракта на разсмотрѣніе. Я подалъ ему записку и длинный рядъ моихъ замѣчаній. Онъ не удовольствовался этимъ и приказалъ составить полную редакцію тѣхъ параграфовъ, на которыхъ сдѣланы мною замѣчанія. Я составилъ эту редакцію и послѣ того два раза былъ у него и просилъ позволенія уѣхать. Онъ оба раза сказалъ, зачѣмъ я тороплюсь, и приказалъ «остаться еще».

— Константинъ Владиміровичъ, очевидно, ждетъ отъ васъ составленія полнаго контракта, и до тѣхъ поръ, пока этого не исполните, онъ не отпуститъ васъ. Совѣтую вамъ приняться за это дѣло немедленно.

Я вернулся домой и въ тотъ же день принялся за составленіе полнаго контракта. Черезъ двѣ недѣли я окончилъ контрактъ, принесъ Чевкину и сказалъ ему, что я счелъ болѣе удобнымъ написать новый контрактъ, и принесъ его.

Чевкинъ, увидавъ новый контрактъ, обрадовался и сказалъ:

— Очень благодарю васъ,—приходите ко мнѣ завтра вечеромъ.

На другой день я пришелъ, и Чевкинъ штудировалъ контрактъ до часа ночи, но, не окончивъ разсмотрѣніе, приказалъ придти на слѣдующій вечеръ.

Въ томъ параграфѣ, гдѣ говорилось о представленіи залога, я оставилъ чистое мѣсто и сталъ уговаривать Чевкина назначить не болѣе

100.000. Но онъ не рѣшился перейти съ 1.200.000 назначавшагося залога коммиссіей и назначилъ залогъ въ 500.000 руб. Въ этомъ видѣ и былъ сданъ ремонтъ заводчику Кайлю, спустившему цѣну на 50 % противъ контракта Уайненса.

Послѣ утвержденія Чевкинымъ составленнаго мною контракта, я могъ уже поѣхать въ Новочеркаскъ.

Работы по постройкѣ дороги шли успѣшно. Но я не заказалъ за границей рельсовъ, имѣя въ виду пріобрѣтенные вѣдомствомъ путей сообщенія отъ постройки Ѳеодосійской дороги.

Между тѣмъ, членъ нашего комитета, князь Дондуковъ, заявилъ комитету, что къ нему явился богатый казакъ Устиновъ, торговавшій хлѣбомъ, съ предложеніемъ поставить дубовыя шпалы по 75 коп. за штуку, которыя онъ можетъ пріобрѣсти въ Воронежской губерніи и привезти ихъ по Дону; но проситъ выдать 25.000 передовыхъ денегъ.

Цѣна 75 коп. за дубовую шпалу представляла соблазнъ въ совершенно безлѣсномъ краѣ, но, въ виду выдачи передовыхъ денегъ человѣку, хотя и состоятельному, но совершенно чуждому подобныхъ операцій, я не принялъ рѣшенія этого дѣла на свою отвѣтственность, а предоставилъ это комитету.

Комитетъ, большинствомъ голосовъ, рѣшилъ заключить контрактъ съ Устиновымъ. Устиновъ пригналъ по Дону двѣ баржи со шпалами, которыя оказались абсолютно негодными, и нельзя было принять ни одной шпалы. Надо было признать его несостоятельнымъ; но онъ покрылъ выданныя ему передовыя деньги поставкой провіанта.

Время однако было упущено, и я поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы купить шпалы, а равно и рельсы у вѣдомства путей сообщенія. Въ Петербургѣ я обратился къ Чевкину, который и приказалъ продать намъ шпалы и рельсы, по цѣнамъ, въ которыхъ они были приняты отъ Общества на Ѳеодосійскомъ складѣ. Цѣна была высокая, тѣмъ болѣе, что предметы эти приходилось перевозить моремъ, съ разными перегрузками изъ Ѳеодосіи въ Аксайскую станицу. Не менѣе того, я успокоился, что дѣло постройки не остановится. Но перевозка изъ Ѳеодосіи на Таганрогскій рейдъ доставила громадныя хлопоты и необходимость послать въ Керчь на $2^1/_2$ мѣсяца моего помощника, инженера Григорія Кусакова.

Ранней весной прибылъ на пяти пароходахъ весь заграничный заказъ на Таганрогскій рейдъ. Ортъ сопровождалъ этотъ транспортъ. Эврардъ прислалъ достаточное количество хорошихъ мастеровъ, для монтировки и всего заказаннаго съ практическимъ инженеромъ François и помощникомъ ему Lambertz.

Надо сказать, что Lambertz былъ горный инженеръ, прекрасно

знающій механическую часть. Я просилъ Эварда прислать именно его помощникомъ. Это былъ сынъ той сидѣлки, которая помогла мнѣ въ перипетіяхъ во время болѣзни Орта. Я имѣлъ въ виду разъяснить вопросъ о неизмѣримомъ количествѣ залегающихъ около Керчи желѣзныхъ рудъ, такъ какъ по многимъ опытамъ, производившимся у насъ, эта руда, вслѣдствіе содержанія въ большомъ количествѣ фосфора, признана негодною для выдѣлки желѣза, получаемаго изъ керченскаго чугуна.

По этому случаю я отправилъ Lambertz'a въ Керчь. Осмотрѣвъ руду и всю мѣстность, Lambertz представилъ мнѣ записку, въ которой онъ заявлялъ, что всѣ руды въ Бельгіи подобнаго свойства, что̀ не мѣшаетъ Бельгіи выкатывать въ огромномъ количествѣ годные рельсы. Когда впослѣдствіи основались заводы въ Донецкомъ бассейнѣ, заводы, выдѣлывающіе рельсы на мѣстной рудѣ, меня удивляло, что предприниматели не обратили вниманія на керченскую руду, которая залегаетъ горизонтальнымъ пластомъ на самой незначительной глубинѣ и обнаруживается въ берегу моря, слѣдовательно, легко можетъ промываться морскими волнами.

Осенью я отправился въ Петербургъ, чтобы доложить военному министру, что Грушевская дорога окончена и движеніе по ней открыто. Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснились и мои отношенія къ обществу Волго-Донской желѣзной дороги. Общество назначило мнѣ содержаніе по 1.000 р. въ мѣсяцъ и 20% изъ прибылей, изъ коихъ 10% въ пользу мою, а 10% въ пользу служащихъ по моему усмотрѣнію.

Около того же времени, я неожиданно получилъ изъ Петербурга телеграмму отъ извѣстнаго Кокорева, который извѣщалъ меня, что общее собраніе акціонеровъ Волго-Донскаго общества избрало меня въ директоры-распорядители, и что онъ взнесъ за меня 25 акцій, требовавшихся для директора-распорядителя. Кокоревъ былъ основателемъ Волго-Донской желѣзной дороги, употребившимъ на нее свой капиталъ. Я встрѣчалъ его нѣсколько разъ у Мельникова.

Вслѣдъ за этимъ и правленіе прислало мнѣ оффиціальное извѣщеніе о моемъ избраніи.

Между тѣмъ, я и не думалъ искать занятій въ Волго-Донскомъ обществѣ; но въ виду джентльменскаго поступка Кокорева, доказывающаго его особое довѣріе ко мнѣ, я отвѣчалъ, что, принимая во вниманіе плачевный ходъ дѣлъ Общества и затруднительныя обстоятельства, я приму эту обязанность временно, до разъясненія вопроса по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ.

Такъ какъ я находился въ вѣдѣніи главноуправляющаго путями сообщенія и, въ то же время, военнаго министра, то я долженъ былъ донести послѣднему о результатѣ моей поѣздки за границу. При моемъ

разговорѣ съ нимъ, я изложилъ ему о необходимости озаботиться предстоящей эксплоатаціей Грушевокой дороги, для чего считалъ необходимымъ устройство на рудникѣ центральнаго водоотлива. Выслушавъ меня, онъ приказалъ изложить письменно мои соображенія и внести ихъ въ комитетъ на обсужденіе и представить ему съ своимъ заключеніемъ. Вслѣдствіе этого, я внесъ въ комитетъ мою записку, возбудившую полемику между мной и тогдашнимъ начальникомъ штаба княземъ Дондуковымъ. Послѣднему показалось нѣсколько обиднымъ для его самолюбія, что эту иниціативу взялъ на себя я, а не онъ. Поэтому онъ при всемъ сознаніи важности вопроса, повелъ дѣло такъ, чтобы, до поры до времени, отклонить мое предложеніе. На его записку я подалъ другую, и дѣло пошло въ длинный ящикъ.

Между тѣмъ Хомутовъ уѣхалъ уже совсѣмъ въ Петербургъ, и некому было отстаивать мою идею.

Мало-по-малу я сближался съ атаманомъ, этимъ благороднѣйшимъ, умнѣйшимъ, добрѣйшимъ и деликатнѣйшимъ человѣкомъ. Онъ тоже видимо расположился ко мнѣ, такъ что, не смотря на громаднѣйшій мой трудъ, ибо во мнѣ сосредоточивались всѣ отрасли управленія, я не ощущалъ тягости, и все катилось какъ по маслу, и всѣ были довольны при подобныхъ условіяхъ. Недовольны были только члены войсковаго правленія, потому что дѣло постройки шло совершенно помимо ихъ вліянія, и при Хомутовѣ, который понималъ ихъ насквозь, они не дерзали высказывать своихъ жалобъ.

Хомутовъ любилъ часто объѣзжать работы. Бывало послѣ обѣда подъѣдетъ ко мнѣ верхомъ и пригласитъ прокатиться съ нимъ. Я тоже садился верхомъ, и мы отправлялись въ путь. У него была записная книжечка, гдѣ онъ отмѣчалъ разныя просьбы простыхъ казаковъ и казачекъ. Онъ пользовался этимъ случаемъ и заѣзжалъ въ хутора, гдѣ и производилъ судъ, по разнымъ семейнымъ жалобамъ и просьбамъ, приводя всегда къ мировой. Однажды, при объѣздѣ, Хомутова обступили черкасскіе лѣсопромышленники съ просьбою оставить ихъ лѣсную биржу на мѣстѣ. Биржа помѣщалась на крутыхъ склонахъ горы, и никакой площади для нея не было. Желѣзная дорога проходила между горой и рѣкой, имѣющей не болѣе двухъ футовъ глубины и саженъ 15 ширины. Я предположилъ устроить тамъ же большую площадь на другой сторонѣ рѣки, куда весной приходятъ плоты, и былъ убѣжденъ, что лѣсопромышленники возрадуются такому удобству. Какъ ни старались убѣдить ихъ Хомутовъ и я въ огромномъ преимуществѣ мѣста для новой биржи, которая передвинется только на нѣсколько саженъ за рѣку, все оставалось тщетно. Лѣсопромышленники стояли на своей просьбѣ не трогать ихъ съ мѣста, гдѣ торговали дѣды и отцы.

Я сказалъ Хомутову, что если биржу оставлять на старомъ мѣстѣ,

то потребуется откапывать гору и строить подъѣздные мосты, что̀ будетъ лишнимъ ненужнымъ расходомъ для желѣзной дороги.

— Послушайте,—сказалъ Хомутовъ,—я знаю, что вы обѣщались передъ правительствомъ не выходить изъ ассигнованной суммы; но я знаю тоже, что у васъ есть остатки изъ этой суммы; пожалуйста, я васъ прошу уступить просьбамъ этихъ торговцевъ.

Хотя этотъ расходъ, по приблизительному соображенію, могъ обойтись тысячъ въ 40, но я согласился на просьбу Хомутова. И вотъ пришлось въ шести мѣстахъ раскопать сдѣланную уже насыпь и приняться за устройство шести подъѣздныхъ мостовъ на каменныхъ устояхъ съ желѣзными балками.

Однажды, Хомутовъ подалъ мнѣ большую брошюру на русскомъ языкѣ, изданную въ Лейпцигѣ неизвѣстнымъ авторомъ и ему присланную.

— Не хотите ли познакомиться съ этой брошюрой?—сказалъ онъ.

— Я получилъ точно такую,—отвѣтилъ я.

Брошюра касалась описанія порядковъ на Дону. Она была написана противъ Хомутова, гдѣ онъ выставлялся взяточникомъ и казнокрадомъ, о чемъ-де хорошо извѣстно въ Петербургѣ, и что поэтому и прислали изъ Петербурга инженера съ такими правами, при которыхъ Хомутовъ не могъ бы наживаться. При этомъ была для меня лестная характеристика.

Я былъ очень огорченъ этой брошюрой потому, что Хомутовъ могъ заподозрить меня въ ея составленіи. Но Хомутовъ тотчасъ же разсѣялъ возможность такого предположенія.

— Я узнаю, безъ сомнѣнія, автора. Это одинъ молодой офицеръ, нѣсколько образованный, котораго я сначала замѣтилъ и предполагалъ его дѣловымъ; но онъ вскорѣ обнаружился, какъ пустой борзописецъ, и я ему ходу не далъ, за что̀ онъ считаетъ себя обиженнымъ.

И, дѣйствительно, какъ обнаружилось впослѣдствіи, Хомутовъ не ошибся, съ тою разницею, что онъ написалъ эту брошюру, вѣроятно инспирированный лицами, занимающими болѣе крупное положеніе.

Во время работъ, Хомутъ сталъ убѣждать меня употребить часть капитала, ассигнованнаго на желѣзную дорогу, на устройство механическаго заведенія для нуждъ края, гдѣ стали уже появляться локомобили и другія сельско-хозяйственныя машины. По смѣтѣ, которая была уже утверждена, я предположилъ лишь устройство небольшой механической мастерской, которая отвѣчала бы вполнѣ потребности для желѣзной дороги. Я вполнѣ сознавалъ нужду края и не могъ возражать на доводы Хомутова, но я упирался на утвержденный бюджетъ для желѣзной дороги, и что большое механическое заведеніе потребуетъ значительнаго капитала, около 90.000 р.

— Да у васъ, какъ я вижу, будутъ остатки, надо воспользоваться случаемъ и оказать благо для края.

На убѣжденія Хомутова я отвѣчалъ, что когда поѣду въ Петербургъ, то лично обращусь къ главноуправляющему Чевкину и узнаю его взглядъ на этотъ сверхсмѣтный значительный расходъ.

Когда я объяснилъ Чевкину о нуждахъ края въ механическомъ заведеніи, о неотступномъ желаніи атамана Хомутова и о томъ, что я не выйду изъ общей цифры смѣты, Чевкинъ сказалъ:

— Край нуждается, атаманъ желаетъ, деньги войсковыя и изъ смѣты вы не выйдете. Надо пожертвовать сбереженіями, которыя вы ожидаете. Передайте Михаилу Григорьевичу, что я этому дѣлу сочувствую, и потому стройте механическое заведеніе.

По возвращеніи моемъ въ Новочеркаскъ, я передалъ о моемъ посѣщеніи Чевкина Хомутову, и онъ былъ въ особенномъ восторгѣ.

Изъ нѣсколькихъ эпизодовъ моихъ сношеній съ Хомутовымъ, по поводу постройки желѣзной дороги, можно уже отчасти судить объ этой наидостойнѣйшей личности.

За время своего 23-хъ лѣтняго пребыванія на Дону, сначала въ должности начальника штаба, а потомъ—атамана, Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ скопилъ значительный войсковой капиталъ. Это одна важная заслуга для края, но другая, еще болѣе важная, это направленіе, данное имъ накопленному имъ капиталу. Не онъ ли далъ существенный, дѣйствительный и практичный толчекъ грушевскому каменноугольному промыслу? Изъ области платоническихъ разсужденій, многіе и многіе годы тянувшихся среди разныхъ ученыхъ, о богатствѣ антрацитовыхъ залежей на Дону и о способахъ ихъ эксплоатаціи, Хомутовъ приступилъ прямо къ дѣлу, давъ ему серьезную организацію, сообразно денежнымъ средствамъ края. Разумно брошенное имъ зерно быстро разростается теперь въ дерево, и плоды его обогатятъ не только Донской край, но и значительную часть Россіи.

Хомутовъ устроилъ Аксайскую дамбу по 10-ти верстному въ ширину разливу Дона, съ разводнымъ на плашкоутахъ мостомъ на рѣкѣ. Это сооруженіе сдѣлало возможнымъ безостановочное сообщеніе съ задонскимъ краемъ и съ Кавказомъ, и принесло истинное благо не для однихъ путешественниковъ съ Кавказа и на Кавказъ, но для жителей огромнаго раіона и для обширной торговли города Ростова. Такого прекраснаго сообщенія, какое было устроено черезъ Донъ, не существовало даже ни на одномъ пунктѣ Волги, начиная отъ Ярославля и кончая Астраханью. При этомъ, нельзя не указать на устройство почтоваго сообщенія вообще и почтовыхъ станцій въ особенности. Станціи были устроены настолько уютно, что настрадавшимся отъ грязи, копоти, мороза или мятели, давали возможность дѣйствительно отдохнуть или

отогрѣть закоченѣлые члены свои или своихъ дѣтей. Въ тѣ времена, всякій проѣзжающій благословлялъ судьбу, когда добирался до войска Донскаго.

Въ то же время Хомутовъ устроилъ громадный садъ въ Новочеркасскѣ, расположенномъ на высокой горѣ, на припекѣ, не имѣющемъ воды и лишенномъ, абсолютно, всякой зелени. Садъ устроенъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ осенью была непроходимая грязь и гдѣ, зачастую, экипажи оставались на ночлегъ. Создать садъ, въ центрѣ города, на такомъ мѣстѣ, гдѣ ничего не могло расти, при громкихъ соболѣзнованіяхъ и насмѣшкахъ мѣстныхъ жителей о безполезно будто бы затрачиваемыхъ деньгахъ,—къ такому полезному дѣлу можно было приступить только съ такою настойчивостью, какою обладалъ Михаилъ Григорьевичъ. Нынѣ садъ этотъ, не говоря уже объ его гигіеническомъ значеніи, есть услажденіе отъ нестерпимыхъ жаровъ и восточныхъ палящихъ вѣтровъ, дующихъ иногда недѣли четыре сряду.

По почину и настоянію Хомутова предпринято было, въ 1860 году, устройство желѣзной дороги отъ грушевскихъ каменно-угольныхъ копей къ рѣкѣ Дону на счетъ капитала, имъ, Хомутовымъ, скопленнаго. Тогда это была первая дорога, затѣянная на югѣ Россіи, за исключеніемъ Волго-Донской, начавшейся въ томъ же году.

Грушевская дорога была опять-таки зерномъ, брошеннымъ Хомутовымъ. Но это зерно разрослось такъ быстро, что обмануло самыя пылкія ожиданія. Сверхъ того, благодаря этому зерну, Новочеркасскъ вошелъ въ общую сѣть желѣзныхъ дорогъ, что, при другихъ условіяхъ, легко могло и не состояться.

Хомутовъ, все на тотъ же скопленный имъ капиталъ, предпринялъ устройство водопровода въ г. Новочеркасскѣ. Для этого потребовалось провести воду за 28 верстъ, т. е. устроить такой водопроводъ, которому нѣтъ другаго примѣра въ Россіи, да едва-ли есть и въ Европѣ. Жители Новочеркасска, пившіе прежде мутную, соленую воду, которою нельзя было даже заварить чай и которая обходилась имъ страшно дорого, пьютъ теперь даромъ отличную воду и охлаждаются фонтанами, бьющими въ тѣнистомъ «Хомутовскомъ саду». Если рыли землю и клали трубы въ то время, когда Михаилъ Григорьевичъ не былъ уже атаманомъ, то никто не можетъ приписать себѣ и одной іоты заслуги по дѣлу водопровода. Дѣло это, не смотря на многія препятствія, одолѣлъ Михаилъ Григорьевичъ еще въ свое атаманствованіе, и началось оно при немъ.

Старикъ посѣялъ много, много зеренъ, но не пришлось ему вкусить отъ всѣхъ ихъ плода. У меня сохраняются нѣкоторыя письма Михаила Григорьевича, относящіяся къ послѣднему времени его жизни, гдѣ проявляется его тихая душевная скорбь, но скорбь истинно-христіанская,

о томъ, что ему не удалось не только вкусить плодовъ имъ посѣяннаго, но даже и посмотрѣть на нихъ.

Изъ этихъ дѣйствій видно, какъ благодѣтельно для края распоряжался Хомутовъ скопляемыми имъ средствами. Надо замѣтить здѣсь, что въ то время—не знаю какъ теперь—войско Донское имѣло свой отдѣльный, независимый бюджетъ какъ по приходу, такъ и по расходу. Было бы очень желательно видѣть, чтобы вообще государственные дѣятели распоряжались бюджетами такъ исключительно полезно, разумно и экономно, какъ распоряжался своимъ бюджетомъ атаманъ Хомутовъ.

Оставляя въ сторонѣ блестящую, по своимъ воинскимъ подвигамъ, личность атамана Платова, кто изъ прочихъ, бывшихъ до Хомутова, атамановъ принесъ краю столько пользы, какъ Хомутовъ? Онъ въ полномъ смыслѣ слова былъ благодѣтелемъ войска Донскаго.

Правда, былъ кружокъ, изъ числа высшаго донскаго общества, хотя и весьма ограниченный, который не относился симпатично къ Хомутову. Это вытекало изъ того, что Хомутовъ, при своемъ замѣчательномъ умѣ, при необыкновенномъ тактѣ и при продолжительномъ своемъ пребываніи на Дону, зналъ насквозь не только внѣшнія, но и внутреннія свойства каждаго члена общества.

Всякій зналъ, что Михаилъ Григорьевичъ если и не выражаетъ, то, не менѣе того, знаетъ—кто чего стоитъ. Всякій зналъ, что водить за носъ Михаила Григорьевича или затуманить его пылью, брошенною въ глаза—нельзя. Въ его глазахъ имѣли силу лишь дѣйствительныя достоинства человѣка, великія или малыя, но непремѣнно дѣйствительныя. Родовитости онъ отдавалъ принятое вообще уваженіе, но если съ родовитостью не соединялись нужныя для дѣла качества, то серьезныхъ обязанностей на такихъ лицъ онъ не возлагалъ. Фанфаронство, неестественность, безсодержательное краснобайство и кичливость никакого хода у него имѣть не могли. Понятно, что поэтому могъ составиться извѣстный кружокъ недовольныхъ. Но найдется ли среди простолюдиновъ-казаковъ его времени хотя одинъ, который не отозвался бы о Хомутовѣ, если можно такъ выразиться, съ полнымъ благоговѣніемъ,—въ этомъ можно усомниться.

Хомутовъ, хотя и не былъ происхожденія донскаго, хотя онъ не былъ атаманомъ выборнымъ, а былъ атаманомъ, правительствомъ назначеннымъ, не менѣе того, онъ, какъ никто, соотвѣтствовалъ типу историческаго значенія атамановъ, сообразно, конечно, современной эпохѣ. Онъ былъ и начальникъ, и администраторъ, и хозяинъ, и судья, словомъ сказать—былъ то, что̀ мы разумѣемъ подъ словомъ патріархъ. Хомутовъ не тяготился входить , по просьбѣ котораго-либо изъ членовъ семейства, въ семейные вопросы, въ примиряющемъ духѣ, и опирался въ этихъ случаяхъ не на авторитетъ атамана, а на свой нравственный

авторитетъ, какъ судья, призванный для рѣшенія дѣла. Мнѣ лично случалось быть не разъ свидѣтелемъ подобныхъ разбирательствъ и рѣшеній Михаила Григорьевича, прекращавшихъ семейныя катастрофы.

Доступность Михаила Григорьевича не имѣла, я думаю, подобнаго примѣра.

Каждый день къ нему имѣли доступъ всѣ, не исключая малыхъ дѣтей, и при томъ, въ извѣстное время дня, а именно вечеромъ, послѣ его отдохновенія, и даже безъ доклада. Самое помѣщеніе, въ которомъ онъ прожилъ 23 года, соотвѣтствовало его безпримѣрной доступности. Михаилъ Григорьевичъ занималъ небольшой одноэтажный деревянный домъ, полъ котораго былъ на одномъ уровнѣ съ улицей. Такимъ образомъ, можно сказать буквально, что для вступленія въ его домъ не было порога. За передней слѣдовало зало, а затѣмъ кабинетъ, двери котораго послѣ обѣда были открыты. Приходившіе свободно входили въ зало. Услышавъ шаги, Михаилъ Григорьевичъ, сидя въ кабинетѣ, спрашивалъ: «Кто тамъ?» и звалъ въ кабинетъ, было ли то административное лицо, или то былъ казачокъ-ребенокъ. Постороннему наблюдателю нельзя было не поражаться истинно-христіанскимъ терпѣніемъ въ этихъ случаяхъ Михаила Григорьевича. Эта-то необычайная доступность и цѣнилась высоко всѣми простолюдинами-казаками. Мало того, она, въ родѣ легенды, ходила по окрестнымъ губерніямъ. Когда я еще не зналъ Михаила Григорьевича и производилъ въ 1865 и 1866 годахъ изысканія для желѣзныхъ дорогъ по Харьковской и Екатеринославской губерніямъ, я много разъ слышалъ, по крестьянскимъ хатамъ и хуторамъ, теплые разсказы объ атаманѣ Хомутовѣ. Впрочемъ, существуетъ одинъ эпизодъ, который долженъ храниться въ дѣлахъ, — это поголовное путешествіе рабочихъ съ Волго-Донской желѣзной дороги, находившихся въ Царицынѣ, Саратовской губерніи, въ Новочеркасскъ, за 450 верстъ къ атаману Хомутову, въ разсчетѣ прибѣгнуть къ его защитѣ отъ притѣснительныхъ дѣйствій подрядчика.

Несомнѣнно, что Михаилъ Григорьевичъ, при его умѣ, сознательно хотѣлъ отвѣчать типу атамана въ его историческомъ значеніи, но, не менѣе того, это являлось у него и безсознательно, вслѣдствіе подходящей къ тому его натуры. Даже съ внѣшней стороны это былъ типичный атаманъ казаковъ. Нельзя было не любоваться Михаиломъ Григорьевичемъ, когда онъ являлся въ кругъ, или когда онъ, напримѣръ, въ крещенскій морозъ, сопровождалъ, болѣе версты, крестный ходъ, съ обнаженной головой, покрытою густыми бѣлыми, какъ лунь, кудрями, и съ такими же въ кольцо завитыми длинными усами. Живописецъ, который пожелалъ бы изобразить типъ стараго казацкаго атамана древнихъ временъ, не нашелъ бы, кажется, ничего лучшаго, какъ нарисовать Михаила Григорьевича.

Безпримѣрная доступность, обаятельная простота въ обращеніи и рѣдкая сердечная мягкость—не исключали въ Михаилѣ Григорьевичѣ замѣчательной твердости воли и характера,—качествъ, столь драгоцѣнныхъ для начальника и администратора. Всѣ, и чиновный людъ, и народъ знали—чего можно достигнуть у Михаила Григорьевича и чего нельзя. Хитростнаго, обманчиваго и кляузнаго просителя онъ выслушивалъ такъ же, какъ и другихъ, но отпускалъ его съ тѣмъ же, съ чѣмъ тотъ приходилъ, добавивъ только иногда внушительное поученіе. Но человѣку, пришедшему изложить свое дѣло откровенно, по совѣсти, онъ всегда помогалъ. Никогда онъ не ограничивался однимъ платоническомъ соболѣзнованіемъ объ обстоятельствахъ такого просителя. Никогда не давалъ ему также такого отвѣта, что, «при всемъ его сочувствіи, онъ не можетъ ничего сдѣлать, по той причинѣ, что существуютъ извѣстные, установленные для дѣлъ порядки». Михаилъ Григорьевичъ не могъ мириться съ мыслію, что начальникъ края, убѣжденный въ правдѣ, могъ бы быть безсильнымъ поддержать эту правду. Да и народъ вообще, и весь русскій народъ, такого характера отношенія главнаго начальника къ дѣламъ не понимаетъ, и впредь,—чего, по истинѣ, дай Боже,—не пойметъ. У Михаила Григорьевича не было колебаній, такъ часто встрѣчающихся у начальствующихъ лицъ и администраторовъ, и такъ вредно отражающихся на всемъ.

Одаренный замѣчательно- здравымъ умомъ, освѣщаемымъ, въ добавокъ, искреннею сердечною теплотою, и прямымъ, практическимъ взглядомъ, Михаилъ Григорьевичъ не могъ, конечно, не выработать въ себѣ, къ извѣстнымъ годамъ, взглядовъ строго опредѣленныхъ, и, въ то же время, не могъ не пріобрѣсти способности быстраго пониманія людей.

Замѣчательная опредѣленность Хомутова въ его дѣйствіяхъ не вытекала, однако, вовсе изъ старческаго упрямства. Онъ былъ очень чутокъ ко всему истинно прогрессивному. Доказательствомъ тому служитъ то, что дѣйствительная цивилизація края началась съ его времени. Онъ былъ очень далекъ отъ тупаго консерватизма, quand même. Но онъ умѣлъ различать коренные элементы, не долженствующіе ни подъ какимъ видомъ подлежать измѣненію, отъ тѣхъ, которые могутъ и должны измѣняться. Словомъ сказать, онъ умѣлъ различать корни дерева отъ его вѣтвей.

Нельзя не пожалѣть, что Хомутомъ покинулъ Донъ и умеръ преждевременно. Если на Дону, какъ и въ другихъ частяхъ Имперіи, требовались различныя разумныя реформы, сообразныя съ духомъ времени, то никто не могъ бы, кажется, выполнить эту задачу лучше Михаила Григорьевича, вслѣдствіе его продолжительнаго пребыванія въ краѣ, знанія имъ нравственныхъ и экономическихъ условій его, знанія

тамошнихъ людей и пріобрѣтеннаго имъ громаднаго нравственнаго авторитета надъ ними.

Кромѣ поименованныхъ мною выше крупныхъ явленій дѣятельности Михаила Григорьевича, я, насколько мнѣ извѣстно, перечислю менѣе видныя заслуги его для края:

Учрежденіе капитала для бѣдныхъ, капитала церковнаго и капитала пожарнаго.

Увеличеніе вообще жалованья и уменьшеніе срока службы.

Устройство въ Новочеркасскѣ собора и церквей, Маріинскаго женскаго института, отдѣленія для восточныхъ языковъ, пріюта, женской школы, мостовой, которой прежде не существовало, спусковъ съ горы къ рѣкѣ, прекраснаго гостинаго двора, который гораздо красивѣе петербурскаго, монумента Платову, базарной площади, дома дворянскаго собранія съ клубомъ и театра. Заведена портретная галлерея государей и атамановъ, и устроенъ въ саду вокзалъ, для развитія общественной жизни, куда три раза въ недѣлю собиралось общество всѣхъ сословій, лишь бы были прилично одѣты и вели себя прилично. Тамъ танцовали на открытомъ воздухѣ, на устроенной для того платформѣ, среди зелени и освѣщенія разноцвѣтными фонарями. Эти, такъ именовавшіеся, пикники очень много способствовали сближенію общества и измѣненію обычаевъ. Еще во время моего пребыванія на Дону, въ нѣкоторыхъ домахъ женщины скрывались при моемъ тамъ появленіи.

Въ заключеніе я замѣчу, что изъ вѣка въ вѣкъ память о Михаилѣ Григорьевичѣ Хомутовѣ на Дону будутъ поддерживать Грушевскій антрацитъ, согрѣвающій и обогащающій Донской край, прекрасная здоровая вода, утоляющая жажду жителей г. Новочеркасска, тѣнь сада, спасающая ихъ отъ нестерпимаго зноя, Маріинскій женскій институтъ, желѣзная дорога, развитіе края и его образованіе, начавшееся, въ сущности, со времени Хомутова.

Есть, конечно, еще лучшіе памятники о Михаилѣ Григорьевичѣ Хомутовѣ—это памятники, сохраняющіеся въ сердцахъ многихъ отцовъ, матерей и дѣтей; памятники эти исчезнутъ со смертью тѣхъ, которые хранятъ ихъ до сихъ поръ.

Такимъ памятникамъ, какіе создалъ себѣ Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ, могли бы позавидовать многіе государственные люди, дѣйствовавшіе на болѣе широкомъ поприщѣ.

Въ заключеніе для характеристики Хомутова, я приведу здѣсь подлинныя письма его ко мнѣ, относящіяся къ тому времени, когда онъ ушелъ уже съ Дону и былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а равно и нѣкоторыя выдержки изъ моихъ писемъ къ нему.

«Судьба людей неисповѣдима,—писалъ онъ мнѣ 6-сентября 1862 г.,—

и всякій изъ насъ покоряется волѣ Всевышняго; насъ судьба соединила, она же насъ и разлучила. Я въ такой борьбѣ чувствъ, благодарности и огорченія, что никакъ не могу придти въ себя. На Дону я такъ свыкся съ людьми, дѣлами и мѣстами и даже воздухомъ—и вдругъ одна высокая царская милость, за которую не нахожу словъ благодарности, прервала всю нить моей жизни, которую старался посвятить на счастье ввѣреннаго мнѣ края, при благополучномъ 23 лѣтнемъ управленіи и много имѣлъ сладкихъ и утѣшительныхъ минутъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ сближеніе съ вами, узнаніе вашей высокой души и вашей неутомимой дѣятельности по возложенной на васъ государственной обязанности.

«Не беру на себя васъ благодарить за все вами сдѣланное. Эта благодарность будетъ свыше; но считаю себя счастливымъ, что нашелъ въ васъ друга по душѣ, на котораго во всемъ и всегда могу положиться.

«Увѣренъ, что мое удаленіе нисколько не ослабитъ предпринятаго сооруженія, и весь вашъ трудъ увѣнчается полнымъ успѣхомъ.

«Передайте мою искреннюю благодарность Кроniду Александровичу, котораго высоко цѣню, также и Григорію Петровичу, который оказалъ такъ много услугъ; благодарю также вашихъ сотрудниковъ, усердныхъ Гана и Семичева. Горько мнѣ вамъ сказать п р о с т и. Увѣренъ, что если-бы мое пожеланіе было со всѣми вами лично, то вызвало бы не одну слезу.

«Отт[illegible] души желаю вамъ и вашему семейству всѣхъ благъ на свѣтѣ. Да [illegible]вить васъ Богъ, не забывайте меня—а вы у меня на всегда въ [illegible]торое тепло для васъ.

«Весь в[illegible] Мих. Хомутовъ.

«Present[illegible]ts à Madame votre epouse».

Когда Хо[illegible]а Дону, то хотя между мной и имъ и были симпатіи, но внѣшн[illegible]ѣній ихъ не было, вслѣдствіе огромной разности лѣтъ и положеній.

Но, получивъ вышеозначе[illegible]ереполненное сердечностью, любовью и благодарностью, я [illegible]твѣтилъ ему слѣдующимъ письмомъ.

«Теперь, когда вы оставили [illegible]рискуя быть дурно понятымъ, высказать вамъ тѣ чувства, [illegible]накопились у меня въ душѣ, которыя просятся наружу, и котор[illegible]я долженъ и не могу удержать далѣе.

«Я полюбилъ васъ всею силою моей души, и не за расположеніе ваше ко мнѣ,—въ этомъ случаѣ, я бы не имѣлъ духу писать вамъ—я полюбилъ васъ и получилъ къ вамъ самое искреннее уваженіе и не за одинъ вашъ высокій умъ, и не за одно ваше неусыпное и постоянное содѣйствіе нашему общему дѣлу, желѣзной дорогѣ, но сильная любовь и глубокое уваженіе къ вамъ развились во мнѣ, главнымъ образомъ, за вашу широкую,

теплую, непобѣдимую любовь ко всякому ближнему, и въ особенности къ низшей братіи.

«Исчислять примѣры этой любви невозможно, этому исчисленію не было бы конца; любовь эта лилась изъ васъ ежедневно, ежеминутно, по поводу всякаго столкновенія съ людьми. Всѣмъ вашимъ дѣйствіямъ былъ одинъ источникъ: любовь и любовь къ ближнему. Вы тщательно старались скрывать эту пружину, и вѣроятно потому, что знали, по опыту, что большинство людей не только не могутъ еще понять, что любовь къ ближнему можетъ быть исходнымъ пунктомъ всѣхъ дѣйствій, но что такая пружина кажется имъ даже часто смѣшною. Не разъ, конечно, вы терпѣли за эту любовь, не разъ подвергались за нее же осужденію и превратнымъ толкованіямъ, но вы остались тверды, вы не могли измѣнить себѣ—эта любовь была въ вашей натурѣ.

«Есть ли примѣръ, чтобы человѣкъ, занимающій подобное вамъ положеніе, и въ ваши годы, поставилъ себя въ такое доступное положеніе для всѣхъ безъ исключенія, въ какое вы поставили себя здѣсь. Есть ли въ цѣлой Донской землѣ одна человѣческая душа, которая усумнилась бы, хотя на минуту, что она не найдетъ доступа до васъ во всякое время. Каждый, и въ особенности бѣднякъ, зналъ, что онъ найдетъ въ васъ и защиту, и утѣшеніе, что его не только приметъ самъ атаманъ, во всякое время, но еще приметъ радушно, выслушаетъ терпѣливо, какъ бы ни была мелочна его просьба или нужда. Дѣти, и тѣ пользовались равнымъ со всѣми правомъ—лично передавать свое горе и свои нужды атаману.

«Но не одни непосредственно подчиненные вамъ казаки, а и всякій, разъ въ предѣлахъ Донской земли, сейчасъ уже узналъ, что атаманъ никого, и въ особенности рабочаго человѣка, въ обиду не даетъ, и что къ атаману двери всегда открыты. Это вѣдь не одни слова, а все это совершалось ежедневно передъ нашими глазами.

«Еще въ 1855 и 1856 году, когда я дѣлалъ изысканія для желѣзной дороги на Харьковъ, разъѣжая по губерніямъ Екатеринославской и Харьковской и ночуя по деревнямъ въ избахъ, я не разъ слышалъ разговоры, что Хомутовъ сущій отецъ для мужичковъ, что когда приходится бывать на Дону, то кто бы ни обидѣлъ—ступай прямо къ самому атаману.

«Объ этой доступности нельзя отзываться обыденнымъ образомъ; та мѣра доступности, которую вы осуществили на дѣлѣ, есть первѣйшая, главнѣйшая и единственная черта, могущая успокоивать совѣсть и которою должны бы отличаться всѣ люди, на чьей отвѣтственности лежитъ участь другихъ людей.

«Нравственное и матеріальное вліяніе вашей доступности имѣло громадное значеніе во всемъ краѣ. Не говорю уже о томъ, что она уничтожала даже возможность зарожденія чувства безутѣшности и отчаянія въ обиженномъ, и оставляла ему сладкія минуты успокоенія,

но эта доступность, естественнымъ образомъ, предотвращала милліоны могущихъ быть безъ него золъ. Встрѣчаются конечно изрѣдка люди, въ подобномъ вамъ положеніи, которые и желали бы быть доступными, но когда они столкнутся на практикѣ, лицомъ къ лицу, съ докучливыми просьбами, когда увидятъ, что на 100 просьбъ не наберешься и 10 справедливыхъ, тогда принципъ доступности начинаетъ имъ надоѣдать, доступность обращается уже частенько въ пустую декорацію, и въ сущности, смѣняется недоступностью; а вы въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ, и до послѣдней минуты, съ поразительнымъ терпѣніемъ практиковали доступность существенную, безпримѣрную.

«Многіе ли могутъ утѣшать себя мыслью, что они исполнили такимъ чистымъ и блестящимъ образомъ свой священный долгъ начальника передъ совѣстью и людьми, какъ исполнили его вы? Вы осуществили на дѣлѣ то, что для другихъ кажется несбыточной утопіей.

«Не мнѣ исчислять тѣ результаты великихъ полезныхъ дѣяній и подготовленій, которыя видимы, осязаемы и которыя остаются живою памятью вашей искренней и неусыпной заботливости о краѣ; я хотѣлъ помянуть только тѣ дѣянія, которыя хотя и не осязаемы, но которыя приносятъ невидимо великое благо, и слѣды которыхъ остаются только въ душѣ.

«Вамъ предстоитъ теперь новое поприще. Конечно, вы не будете имѣть поля для непосредственнаго приложенія вашей любви къ ближнимъ, но за то вашъ мудрый совѣтъ, ваше практическое и близкое знаніе жизни народа и его нуждъ могутъ имѣть вліяніе несравненно обширнѣе, чѣмъ прежде. Вы отличались здѣсь тѣмъ, что всюду вносили миръ, удовлетворяя обиженнаго, не карая, но вразумляя виновнаго и пробуждая въ немъ совѣсть. Да поможетъ вамъ Богъ вносить въ вашихъ совѣтахъ то же примирительное, мудрое и истинно-христіанское начало, какое вы всюду вносили здѣсь: оно теперь болѣе нужно, нежели когда-нибудь. Да поможетъ вамъ также Богъ не быть вопіющимъ въ пустынѣ:—голосъ истины такъ силенъ, что камни растворяются въ воду, глупыхъ дѣлаетъ умными, жестокихъ—милосердными.

«Въ отношеніи себя, скажу вамъ одно, что мнѣ скучно безъ васъ. И скучно не мнѣ одному. Не услышатъ также болѣе наши рабочіе мужички вашего теплаго утѣшительнаго слова, какъ вы бывало обращались къ нимъ съ радушною рѣчью, обнаживъ вашу сѣдую голову. Какъ мнѣ бывало хотѣлось обнять, въ эту торжественную минуту, эту прекрасную голову и пролить на нее навертывающуюся слезу радости отъ того, что есть на свѣтѣ такіе люди, какъ вы.

«Я выразилъ вамъ чувства не отъ одного себя, но и отъ брата моего Кронида. Сослуживцы мои раздѣляютъ по убѣжденію одинъ со мною взглядъ. Сочту тоже своимъ долгомъ, чтобы всѣ тѣ люди, которые

будутъ знать меня, непремѣнно знали бы о Михаилѣ Григорьевичѣ и понимали бы его такъ, какъ понимаю его я.

«Позвольте мнѣ васъ обнять. На всегда и всею душою преданный вамъ В. Панаевъ».

Такъ какъ Хомутовъ очень интересовался ходомъ работъ на Грушевской дорогѣ, то я вскорѣ написалъ другое письмо, отъ 30-го сентября 1862 года:

«Вы не ошиблись, сказавши въ прошедшемъ вашемъ письмѣ, что вы нашли во мнѣ друга по душѣ. Это сущая истина. А много ли найдется на свѣтѣ стариковъ, которые бы могли побѣждать душу молодыхъ такъ, какъ побѣждали вы. Вѣрно и то, что личное прощаніе вызвало бы у всѣхъ насъ не одну самую искреннюю слезу.

«Что же касается дѣла устройства дороги, то я преслѣдую его попрежнему, но долженъ сказать, что намъ было очень пріятно работать, видѣвши въ васъ человѣка, который судилъ не одни результаты, но который зналъ и понималъ весь предшествующій всякому результату трудъ, который зналъ, какъ достигаются результаты въ такой странѣ, какъ здѣсь—удаленной, лишенной всякихъ техническихъ и матеріальныхъ средствъ для работъ, не имѣющей предпріимчивыхъ, свѣдущихъ по подрядамъ и капитальныхъ людей. Рѣшенные вопросы и удачные соотвѣтствующіе обстоятельствамъ результаты кажутся всегда для большинства людей такими, что какъ будто и не должно было быть иначе; они не видятъ пути, которымъ надо было доходить до того или другаго результата, можетъ быть, и очень простаго, но только тогда, когда дѣло уже кончено. Вы же съ вашимъ практическимъ взглядомъ умѣли замѣчать трудности пути, и это насъ удовлетворяло. Конечно, не было бы и на сотую долю труда, какъ теперь, если бы строить дорогу не за 40.000, а за 80.000 съ версты. Но мы задали себѣ задачу построить дешево и такъ же хорошо, если еще не лучше, какъ другія дороги. Задача трудная, но, съ Божіею помощью, будемъ преслѣдовать ее... [1]).

«На всегда и всею душою преданный вамъ В. Панаевъ».

На эти письма М. Г. Хомутовъ отвѣчалъ 22-го декабря 1862 г.:

«Всему вашему и братниному семейству, вамъ и всѣмъ вашимъ подчиненнымъ приношу мое душевное поздравленіе съ новымъ годомъ. О желаніяхъ не пишу; вы увѣрены, что они полны всего лучшаго для васъ, и да будетъ благословеніе Господне на всѣхъ вашихъ.

«Хотя я и далекъ отъ васъ, но все меня тянетъ къ вамъ и ко всѣмъ вашимъ работамъ. У меня былъ Ортъ и меня обрадовалъ, что у васъ все идетъ успѣшно и хлопочете, чтобы дорогу протянуть до Каменской

---

[1]) Далѣе слѣдуетъ въ письмѣ длинное изложеніе положенія работъ.

станицы; это дастъ большое значеніе дорогѣ и выручитъ проценты на капиталъ.

«По войску большія перемѣны, хоть онѣ до васъ не касаются; но все-таки интересно видѣть и слышать все происходящее. Дивны дѣла на семъ свѣтѣ: за перемѣною одного лица—все перемѣняется.

«Увѣдомьте меня, какъ вы полагаете, когда поспѣетъ ваша дорога.—Грустно мнѣ, что не придется по ней прокатиться.

«Вашъ братъ (братъ Ипполитъ) былъ у меня, и я былъ радъ съ нимъ познакомиться. У васъ теперь новый начальникъ Павелъ Петровичъ [1]). Онъ вашу часть подвинетъ и улучшитъ судоходство по Дону, и тогда уголь пойдетъ на Волгу.

«Легко можетъ быть, что зимой пріѣдете въ Питеръ, итакъ до свиданія. Христосъ съ вами. Мих. Хомутовъ».

Въ маѣ 1863 года я писалъ М. Г. Хомутову:

«Посылаю вамъ номеръ «Донскихъ Вѣдомостей», гдѣ напечатанъ п р и г о в о р ъ. Приговоръ этотъ посланъ атаманомъ въ Петербургъ, съ просьбою нарядить коммиссію. Отсылая приговоръ, атаманъ не спросилъ ни мнѣніе комитета, ни мое, и ни разу даже не говорилъ объ этомъ предметѣ ни со мною, ни съ комитетомъ. Между тѣмъ слыша, что составляется приговоръ, я предлагалъ раза три атаману проѣхаться со мною по работамъ; но онъ этого почему-то не хотѣлъ сдѣлать, а ѣздилъ одинъ или съ полицеймейстеромъ. Содержаніе приговора мы узнали только изъ газеты. Вы увидите, сколько въ немъ лжи и безсмысленности.

«Оборотная сторона медали, т. е. приговора—есть интрига противъ васъ, комитета и меня. Я смѣю надѣяться, что, по самому смыслу приговора, въ Петербургѣ поймутъ настоящее значеніе его, а если по множеству болѣе серьозныхъ занятій, чѣмъ новочеркасскія дрязги, и не вникнули бы въ него, то позволяю себѣ надѣяться, что, при случаѣ, вы поясните дѣло, кому найдете нужнымъ.

«Комитетъ нашъ полагаетъ, что ему надо отвѣчать публично, чтобы разъяснить дѣло (такъ какъ приговоръ напечатанъ), но главной причины всей неурядицы и того безобразія, которыя совершаются здѣсь, и результаты которыхъ будутъ, не сегодня, такъ завтра плачевны—этого, къ сожалѣнію, публично, разъяснить нельзя. Причина эта ограниченность, непониманіе дѣла.

«Обратите вниманіе на характеръ всего приговора. Тутъ высказывается та мысль: какъ-де смѣли расходовать капиталъ, не спросясь насъ. Вы угадываете—чья эта задняя мысль. Но ее раздѣляетъ и поддерживаетъ гласно атаманъ; и это мнѣніе до того сдѣлалось популярно,

---

[1]) Мельниковъ.

что, безпрерывно, простые казаки, встрѣчаясь съ нашими десятниками на работахъ,—упрекаютъ ихъ, что они изводятъ ихъ деньги и не пускаютъ ихъ ходить по работамъ; что теперь не то, что̀ прежде, и что они не дадутъ распоряжаться безъ нихъ. По этому поводу даже былъ скандалъ, который постарались замять. Вотъ какія понятія развиваются въ народѣ, и не сами собою, а текутъ свыше, конечно, не сознательно. Въ такой благоустроенной и свободной странѣ, какъ Англія, и тамъ сочли бы безумствомъ, что разъ утвержденный бюджетъ правительства кучка невѣждъ вздумала бы оспаривать, что оно, не спрося этой кучки, не смѣло расходовать суммы. Добро бы расходъ этотъ былъ на роскошь, а это на самое благое дѣло въ Россіи, на желѣзную дорогу.

«Теперь не имѣю времени писать болѣе; хотя многое бы надо было сообщить. О себѣ скажу, что я измученъ до крайности. Если бы передать всѣ шиканы, которые дѣлаются нашему дѣлу и отъ которыхъ,—что̀ всего важнѣе—нѣтъ защиты, то ужаснулись бы въ полномъ смыслѣ слова глупости и подлости, до которыхъ могутъ доходить люди, и такіе, для которыхъ это уже до крайности не прилично. Приговоръ—это быть можетъ одна сотая доля всѣхъ другихъ шиканъ.

«Я не хочу отклонять наряженія коммиссіи изъ Петербурга; но мнѣ казалось бы, что, прежде ея наряженія, слѣдовало бы запросить нашъ комитетъ, и если объясненіе его не найдутъ удовлетворительнымъ, тогда и нарядить коммиссію. Съ своей стороны, я радъ коммиссіи изъ Петербурга.

«Всею душою преданный вамъ В. Панаевъ».

Хомутовъ отвѣчалъ изъ Москвы 29-го мая:

«Прочелъ статью, приговоръ черкасскихъ станицъ и знаю присланную просьбу въ Питеръ, на счетъ нашей желѣзной дороги. Удивляюсь, какъ могли такъ судить, какъ могли принимать такую просьбу, и какъ могли ее представить. Грустно слышать все, что у васъ происходитъ: смѣшеніе языковъ, что надѣлалъ одинъ ядовитый языкъ. Богъ ему судья, воображаю, какъ наша совмѣстная служба была пріятна, такъ она вамъ теперь грустна, но не принимайте всего лаю къ сердцу. Ваша репутація такъ высока, что не помрачится никакими статьями. Я видѣлъ брата, онъ мнѣ на словахъ передалъ всѣ черкасскіе возгласы противъ желѣзной дороги, и увѣренъ, что вы тоже публикуете въ защиту оной, объяснивъ слѣпцамъ весь ходъ дѣла, чисто и ясно, безъ всякихъ колкостей.

«Я слышалъ, что васъ просятъ на Волго-Донскую дорогу, и былъ бы очень радъ, если бы это совершилось. Во-первыхъ, для компаніи находка, во-вторыхъ, вы бы могли много способствовать нашей желѣзной дорогѣ. Какъ меня въ войскѣ ни частятъ, а все-таки его люблю и желаю всякаго добра.

«Вы и Кронидъ Александровичъ въ полномъ правѣ сѣтовать—это на мѣсто благодарности вамъ дѣлаютъ непріятности. Да, наконецъ, что же вашъ предсѣдатель, видѣлъ ли онъ все, говорилъ ли онъ съ вами, и какой его взглядъ. Еще повторяю, не принимайте къ сердцу всю болтовню и берегите свое здоровье, которое драгоцѣнно и для семейства и для отечества.

«Къ вамъ ѣдетъ Дельвигъ, который по своему хорошему взгляду всѣхъ успокоитъ.

«Напомните Софіи Михайловнѣ и передайте мой большой поклонъ всѣмъ вашимъ сотрудникамъ, которыхъ привыкъ уважать и которымъ отдадутъ еще справедливость. Человѣческою неблагодарностію не оскорбляйтесь, она грустна, но когда совѣсть чиста, она смѣшна; никто болѣе не испытываетъ ее, какъ я.

«Обнимаю васъ всѣхъ, мои добрые друзья, Христосъ съ вами. Мих. Хомутовъ».

«Я въ Москвѣ проѣздомъ изъ имѣнія, сейчасъ ѣду въ Питеръ. Благодарю Бога, все покончилъ благополучно,—хотя много потерялъ, но счастливъ свободой милліоновъ народа».

Черезъ нѣсколько дней и именно 8-го іюня онъ писалъ мнѣ:

«Какъ мнѣ грустно васъ знать въ тревожномъ состояніи, могъ ли я ожидать, что въ замѣнъ благодарности вы подвергнетесь неудовольствіямъ. Гернгроссъ мнѣ доставилъ ваше письмо съ знаменитымъ приговоромъ. До полученія онаго, я вамъ писалъ изъ Москвы, и наши мысли совпали. Этотъ приговоръ и его гласность есть верхъ безобразія. Не понимаю, какъ (какъ говорятъ, что во главѣ стоитъ умный человѣкъ) могъ допустить такую несообразную нелѣпость. За то могу вамъ сказать, что въ Петербургѣ на все это дѣйствіе смотрятъ такъ, какъ вы, и я это вижу, и этотъ небывалый фактъ даже огорчилъ высшія лица, что, кажется, и дано почувствовать въ сильныхъ выраженіяхъ. Ваша и всѣхъ вашихъ сотрудниковъ совѣсть такъ чиста, что можете быть покойны, хоть эта сущая справедливость, но понимаю, что безъ прискорбія мудрено объясниться. Я еще разъ вамъ повторю—берегите себя и помните, что вы нужны и семейству и государству. Что сдѣлалось съ Черкасскомъ не понимаю, какихъ-нибудь десять пустыхъ головъ, руководимыя однимъ потаеннымъ вліяніемъ, мутятъ все общество, и какъ не найдутся благоразумные люди (которые тамъ есть), которые бы не остановили такое фальшивое вредное направленіе. Несмотря на всю неблагодарность ко мнѣ, я все-таки люблю и люблю этотъ Донъ, и все ихъ дурное меня огорчаетъ до глубины сердца. Какъ я имъ желаю добра и счастья, и въ моихъ слабыхъ молитвахъ ихъ не забываю. Ради Бога, будьте покойны—это, понимаю, трудно при всемъ безобразіи. Я очень хорошо даю совѣты, а самъ часто принимаю съ прискорбіемъ всѣ

нелѣпости, распускаемыя на мой счетъ. Я ли не жертвовалъ всѣмъ для ихъ блага. Богъ имъ судія. Вотъ еще одна черная черта: два станичныхъ атамана запутались въ счетахъ и даютъ знать подъ сурдинкою, что я у одного взялъ 20.000, у другаго значительную сумму. Что два негодяя распускаютъ такіе слухи въ оправданіе своего преступленія,—это понятно,—но что если люди, знающіе меня хорошо, вѣрятъ такимъ гадостямъ, это уже больно прискорбно, и объ этомъ пишу Павлу Христофоровичу (Граббе) и прошу дать формальный ходъ. Любопытно, какой будетъ отвѣтъ?

«И такъ судьбою назначено намъ двумъ нести напраслину. Какъ мы другъ друга знаемъ, утѣшимся тѣмъ, что это падаетъ (отложивъ скромность) на двухъ честныхъ людей.

«Гернгроссъ передавалъ, какъ у васъ все идетъ хорошо. Судьба не допустила меня полюбоваться нашимъ дѣтищемъ,—придетъ время, и намъ отдадутъ справедливость, наша дорога будетъ образцовой для Россіи, по своей прочности и дешевизнѣ. Знаю, что вамъ мало времени, но не откажите мнѣ написать всѣ подробности вашихъ работъ, онѣ мнѣ близки къ сердцу. Воображаю, какъ мостъ Тузловскій хорошъ, вагоны тоже отличные.

«Прошу передать всѣмъ вашимъ добрымъ и усерднымъ товарищамъ мой дружескій поклонъ, я ихъ понимаю и цѣню.

«Напомните меня Софіи Михайловнѣ и попросите ее, чтобы она своего мужа журила за то, что онъ принимаетъ все къ сердцу.

«Обнимаю васъ всѣхъ, Христосъ съ вами. Мих. Хомутовъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

*

Секретный приказъ князя П. И. Багратіона объ отступленіи отряда изъ Борисова.

25-го іюня 1812 года. № 387 на маршѣ въ Мирѣ.

Г. полковнику Грессеру. Узнавши, что непріятель долженъ находиться въ Минскѣ, предписываю вамъ какъ скоро онъ приближится отъ Борисова въ 30-ти верстахъ, не ожидая другаго повелѣнія, заклепать всѣ пушки, бросить ихъ въ воду и самимъ со ввѣренною вамъ командою отступать въ Бобруйскъ, и находиться подъ командою генералъ-маіора Игнатьева.

Высочайшее повелѣніе не именовать Севастополя Ахтіаромъ и Евпаторіи—Козловомъ.

Предложеніе министра юстиціи Сенату.

5-го февраля 1826 № 1947.

Г. начальникъ Главнаго штаба его императорскаго величества сообщилъ мнѣ, что государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: чтобы городъ Севастополь не именовать впредь Ахтіаромъ, а всегда Севастополемъ, такъ же городъ Евпаторію не именовать Козловомъ, но Евпаторіею.

О таковомъ высочайшемъ повелѣніи имѣю честь предложить Правительствующему Сенату къ надлежащему исполненію.

Записка князя Николая Алексѣевича Орлова

объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній въ Россійской Имперіи и въ царствѣ Польскомъ [1]).

I.

Въ большей части европейскихъ государствъ тѣлесныя наказанія совершенно уничтожены или употребляются — какъ рѣдкія исключенія. Напротивъ того, въ Россіи и Польшѣ, эти наказанія служатъ основаніемъ всей исправительной и карательной системы. Въ Бозѣ почивающіе государи: Александръ и Николай Павловичи положили конецъ многимъ лютымъ истязаніямъ: рваніе ноздрей уничтожено, кнутъ — гнусный памятникъ татарскаго владычества—преданъ забвенію. Наконецъ, Уложеніемъ о наказаніяхъ значительно убавлено число даваемыхъ ударовъ. Всѣ эти мѣры смягчили, но не искоренили зла.

II.

Тѣлесныя наказанія суть зло въ христіанскомъ, въ нравственномъ и въ общественномъ отношеніяхъ. Законъ милосердія и кротости безусловно осуждаетъ всякія насильства и истязанія. Святители всѣхъ вѣроисповѣданій постоянно защищали личность существа, созданнаго по образу и подобію Божію. Нѣтъ христіанскаго равенства, нѣтъ христіанскаго братства тамъ, гдѣ рядомъ, въ одномъ храмѣ, могутъ стоять

---

[1]) На запискѣ нѣтъ никакой даты, но содержаніе ея указываетъ, что она была написана въ 1861 году.

два человѣка, совершившіе одинъ и тотъ же проступокъ, но наказанные: одинъ легкимъ арестомъ, а другой розгами. Въ христіанскомъ государствѣ не можетъ быть лицепріятій, и правосудіе Верховной власти должно быть подобно правосудію Божію, т. е. равнымъ для всѣхъ.

III.

Философы, юристы, государственные люди всѣхъ временъ, единодушно признавали тѣлесныя наказанія безнравственными и безполезными истязаніями. Посмотрѣвъ вокругъ себя, мы легко убѣдимся въ этой истинѣ. У насъ бьютъ всякаго, кто только даетъ себя бить [1]). Это поддерживаетъ грубость нравовъ и сильно мѣшаетъ правильному развитію человѣческой личности. Отсюда, прежде всего, рождается скрытность и лицемѣріе. Поговорите съ незнакомымъ вамъ мужикомъ, съ мѣщаниномъ, съ солдатомъ, и увидите—какъ трудно узнать истинныя ихъ чувства и мысли. Простолюдинъ пристально смотритъ на васъ и, при малѣйшемъ несогласіи, безпокойно озирается, опасаясь побоевъ. Писатель, геніально постигшій духъ русскаго народа (Ив. Серг. Тургеневъ), неоднократно говаривалъ мнѣ, что самый обыкновенный разговоръ двухъ крестьянъ между собою, внезапно принимаетъ иной характеръ при появленіи человѣка въ нѣмецкомъ платьѣ. Замѣчаніе это не относится къ однимъ крѣпостнымъ. Это признакъ общій, выражающій — сколь сословія, подверженныя побоямъ, недовѣрчиво смотрятъ на всѣ остальныя.

IV.

Для общества русскаго существованіе тѣлесныхъ наказаній есть не только зло, но и великая опасность. Просвѣщеніе, болѣе чѣмъ думаютъ, проникло во всѣ слои общества, и мы не далеки отъ времени, когда наказанія тѣлесныя будутъ приводить къ открытому сопротивленію или къ самоубійству. Это страшная, но неминуемая крайность.

Доселѣ у многихъ помѣщиковъ наказанія тѣлесныя вовсе не употреблялись. Теперь, по общему Положенію о крестьянахъ (ст. 25), постановлено, что освобожденные крестьяне подлежатъ тѣлесному наказанію «по законному распоряженію поставленныхъ надъ ними правительственныхъ и общественныхъ властей». Это постановленіе узаконяетъ произволъ земской полиціи. Свобода и право собственности только тогда дѣйствительны, когда обладающій ими вполнѣ огражденъ въ своей чести и личномъ достоинствѣ.

---

[1]) Извощики, ямщики и т. д. живое свидѣтельство нашихъ словъ.

V.

Если въ Россіи тѣлесное наказаніе должно признать зломъ, то что же сказать о немъ въ царствѣ Польскомъ? Управляемая долгое время законами, вполнѣ сообразными требованіямъ человѣчества и юридической правды, Польша, мало-по-малу, подпала подъ дѣйствіе временныхъ административныхъ правилъ, въ коихъ тѣлесныя наказанія заняли довольно значительное мѣсто. Часто наказанія эти опредѣлялись вопреки всякихъ правилъ: ибо въ Польшѣ, по недостатку административнаго контроля, многое рѣшалось по произволу. Вкрались странные обычаи,—напримѣръ, въ смирительныхъ домахъ польскихъ приказано сѣчь по пятницамъ провинившихся въ теченіе недѣли. Вслѣдствіе того, окрестности исправительныхъ заведеній каждую пятницу оглашаются воплями наказываемыхъ. Это производитъ сильное и справедливое озлобленіе противъ властей, употребляющихъ подобные способы исправленія.

VI.

Защитники старой карательной системы говорятъ, что лучше подвергать преступника тѣлесному наказанію, нежели лишать его жизни. Они правы; но, кажется, въ Россіи можно обойтись и безъ плетей и безъ смертной казни. Уголовное наказаніе имѣетъ только двѣ цѣли:

1) Поставить преступника въ невозможность совершать новыя преступленія,—и

2) Страхомъ наказанія спасительно дѣйствовать на тѣхъ, которые были бы склонны къ совершенію преступленій [1]).

Ссылка на каторжную работу вполнѣ удовлетворяетъ обоимъ условіямъ. Преступникъ навсегда отлученъ отъ общества, и, конечно, Нерчинскіе рудники страшнѣе всякой гильотины. Между тѣмъ, преступникъ можетъ еще раскаяться и омыть свое преступленіе примѣрнымъ поведеніемъ. Ему не всё еще закрыто въ жизни. Тому же, кто высѣченъ плетьми и изуродованъ клеймами, не остается ничего болѣе въ семъ мірѣ. Онъ навсегда отверженецъ общества!

Вотъ почему я полагаю, что уничтоженіе плетей и наложенія клеймъ было бы мѣрою справедливою и полезною. Вспомнивъ, сколь сильно было противодѣйствіе уничтоженію кнута, можно, кажется, надѣяться,

---

[1]) Нѣкоторые полагаютъ, что уголовное наказаніе должно быть мщеніемъ общества за вредъ, наносимый членамъ его Подобной мысли нельзя допустить въ христіанскомъ государствѣ.

что человѣколюбивыя мысли возьмутъ верхъ надъ предразсудками, и скоро осуществится мысль императора Александра I объ уничтоженіи всѣхъ варварскихъ наказаній, позорящихъ имя русское.

VII.

Уничтоженіе исправительныхъ наказаній розгами встрѣтитъ болѣе затрудненій, чѣмъ отмѣна плетей и наложенія клеймъ. Многіе скажутъ, что русскій народъ не можетъ обойтись безъ розогъ, съ коими сроднился вѣками. Подобнымъ розголюбамъ можно бы отвѣтить, что тѣлесныя наказанія принесены на Русь татарами и узаконены бюрократіею. Тамъ же, гдѣ русскій человѣкъ развивался внѣ прямаго вліянія монголовъ и чиновниковъ, тамъ вовсе не было тѣлесныхъ наказаній. На Дону, на Запорожьи, въ Сибири не было въ прежнія времена ни кнута, ни плетей, ни розогъ.

Конечно, трудно однимъ почеркомъ пера измѣнить всю исправительную систему. Мнѣ кажется, что можно бы замѣнить розги денежными пенями; но эта мысль требуетъ разработки и зрѣлаго обсужденія. Въ настоящее время стараются, изъ человѣколюбія, уменьшать въ приговорахъ число ударовъ розгами. Этимъ не достигаютъ хорошихъ результатовъ. Розги не внушаютъ прежняго страха, а попрежнему унижаютъ достоинство человѣка и подавляютъ въ немъ чувство чести. Нельзя не упомянуть, что у насъ существуетъ табель или прейскурантъ проступковъ и преступленій, съ показаніемъ цѣны ихъ ударами розогъ. За кражу 3-хъ рублей столько-то ударовъ и т. д. Это верхъ изобрѣтательности русской бюрократіи.

VIII.

Прогнаніе преступника, по приговору военныхъ судовъ, сквозь строй, шпицрутенами, есть такая же квалифицированная смертная казнь, какъ четвертованіе и колесованіе. При вскрытіи тѣлъ наказанныхъ шпицрутенами, постоянно оказываются продольныя кровоизліянія въ легкихъ, соотвѣтствующія если не всѣмъ, то большей части полученныхъ ударовъ. Сердце содрогается при мысли, что по буквѣ закона, если преступникъ лишится силъ, идти по фронту, то его должно везти вдоль онаго, и если онъ испустилъ духъ, то тѣло его должно еще получить опредѣленное приговоромъ число ударовъ. На дѣлѣ, кажется, этого нынѣ не исполняютъ. Было бы и человѣколюбивѣе и дѣльнѣе ссылать военныхъ преступниковъ на каторжную работу, чѣмъ подвергать ихъ прогнанію сквозь строй.

Въ прежнія времена въ рядахъ русской арміи служило много людей, сданныхъ въ рекруты за наказаніе. Тогда понятно было употребленіе розогъ, какъ исправительной мѣры. Нынѣ, когда званіе воина облагорожено, когда солдатъ носитъ мундиръ не какъ наказаніе, а какъ честь,— можно бы отмѣнить всякія тѣлесныя наказанія въ войскѣ, тѣмъ болѣе, что военное начальство и безъ розогъ имѣетъ во власти своей довольно различныхъ способовъ взысканія.

При измѣненіи системы наказаній въ войскахъ, слѣдовало бы имѣть въ виду, что арестъ, какъ онъ нынѣ употребляется, не удовлетворяетъ своему назначенію.

IX.

Изъ всего вышесказаннаго можно вывесть слѣдующія заключенія:

1) Тѣлесныя наказанія—суть зло.

2) Наказанія плетьми, шпицрутенами и наложеніе клеймъ могутъ быть тотчасъ отмѣнены.

3) Слѣдуетъ замѣнить нынѣ существующія исправительныя тѣлесныя наказанія другими способами взысканія.

Приближается тысячелѣтіе Россіи. Крѣпостное право уже уничтожено. Остается дополнить спасительное преобразованіе совершенною отмѣною тѣлесныхъ наказаній въ Россійской Имперіи и въ царствѣ Польскомъ.

Къ исторіи дуелей.

Предложеніе министра юстиціи Правительствующему Сенату.

4-го марта 1827 г. № 1693.

Г. управляющій Главнымъ штабомъ его императорскаго величества сообщилъ мнѣ, что главнокомандующій 1-ю арміею г. генералъ-фельдмаршалъ графъ Сакенъ, рапортомъ на высочайшее имя отъ 5-го минувшаго февраля, донесъ, что гусарскаго эрцъ-герцога Фердинанда полка поручикъ баронъ Энгельгардтъ по суду найденъ виновнымъ въ произведеніи съ ротмистромъ того полка Бенетомъ на пистолетахъ дуели, при которой сей послѣдній, бывъ тяжело раненъ въ правый високъ пулею, вскорѣ послѣ того умеръ; дуель же сія произошла съ поводу взысканія Бенетомъ съ него, Энгельгардта, по службѣ; и что онъ, г. главнокомандующій, конфирмовалъ его, Энгельгардта, какъ виновника въ дѣлѣ, разрушающемъ подчиненность и дисциплину, которая есть душа всякой службы, лиша всѣхъ чиновъ и дворянскаго достоинства, опредѣлить въ дальніе сибирскіе гарнизоны. Каковую конфирмацію благоугодно было государю императору утвердить во всей ея силѣ.

О таковой высочайше утвержденной конфирмаціи г. главнокомандующаго 1-ю арміею честь имѣю предложить Правительствующему Сенату, присовокупляя, что объ оной, какъ увѣдомляетъ меня г. управляющій Главнымъ штабомъ его императорскаго величества, сообщено отъ него г. главнокомандующему 1-ю арміею.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

Монастырская реформа въ Царствѣ Польскомъ.

IV [1]).

Условія, обезпечивавшія успѣхъ исполненія всѣхъ мѣръ, проектированныхъ для царства Польскаго статсъ-секретаремъ Милютинымъ.—Одновременное обнародованіе и исполненіе Указа о закрытіи монастырей.—Засѣданіе 9-го ноября у намѣстника о монастырской реформѣ.—Назначеніе для сего коммиссій.—Привлеченіе въ коммиссію польскихъ чиновниковъ, занимавшихъ видное положеніе.—Подробности закрытія Варшавскаго бернардинскаго монастыря.—Ночной поѣздъ монаховъ.—Извѣстія объ удачномъ исполненіи монастырской реформы въ провинціи.—Закрытіе женскихъ монастырей.—Упраздненіе греко-уніатскихъ монастырей.—Закрытіе общины Фелиціанокъ.—Впечатлѣніе, произведенное монастырской реформой на польское общество.

За воспослѣдованіемъ Высочайшаго указа 27-го октября (8-го ноября) 1864 г., монастырская реформа вступила въ окончательную фазу—исполнительную. Наступала минута, когда учрежденное въ царствѣ Польскомъ военно-полицейское управленіе должно было доказать свою способность къ точному, быстрому и умѣлому исполненію предпринимаемыхъ правительствомъ мѣръ для пересозданія общественнаго и административнаго устройства края.

Приступая къ описанію послѣдняго—исполнительнаго—періода монастырской реформы въ царствѣ Польскомъ, я считаю необходимымъ познакомить читателей съ тѣми административными пріемами, которые употреблялись Н. А. Милютинымъ и его ближайшими сотрудниками для

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1902 г.

обезпеченія проведенія въ практику и жизнь всѣхъ ихъ проектовъ и предположеній по царству Польскому.

Здѣсь по поводу собственно монастырской реформы, не мѣсто говорить о чарующей личности Н. А. Милютина и его достоинствахъ и значеніи какъ государственнаго человѣка; объ этомъ, если удастся, я скажу подробно при оцѣнкѣ всѣхъ вообще реформъ, произведенныхъ по его почину въ царствѣ Польскомъ; теперь же въ отношеніи его ограничусь лишь нѣсколькими словами.—Николай Алексѣевичъ никогда не скрывалъ своихъ мыслей и проектовъ отъ людей, съ которыми долженъ былъ работать; онъ ясно высказывалъ все, что думалъ о данномъ вопросѣ, обсуждалъ всѣ его подробности и настоятельно вызывалъ мнѣнія другихъ. Его упрекали въ томъ, что онъ любилъ составлять коммиссіи и совѣщанія по всевозможнымъ вопросамъ. Въ этомъ видѣли страсть къ бюрократизму, къ излишней канцелярщинѣ. На дѣлѣ было другое, и этими именно коммиссіями обезпечивалось точное выполненіе его намѣреній. Избравъ тѣхъ или другихъ людей для отвѣтственной работы, онъ сводилъ ихъ вмѣстѣ въ коммиссіи и по возможности самъ начиналъ работать съ ними, передавая имъ всѣ свои мысли, предположенія, сомнѣнія. Вопросъ разсматривался со всѣхъ сторонъ, съ самою полною добросовѣстностью не только теоретически, но и практически. Никогда не задавались одною только мыслью провести ту или другую мѣру, желаемую въ данную минуту. Но останавливались только на томъ, можно ли по современнымъ обстоятельствамъ и условіямъ самаго дѣла постановить то-то и то-то, всегда задавали себѣ вопросъ, можно ли исполнить задуманное и къ какимъ оно поведетъ результатамъ. Такимъ образомъ всякое дѣло обсуждалось по существу въ связи съ современными обстоятельствами, съ оцѣнкою интересовъ государственныхъ и мѣстныхъ и непремѣнно совмѣстно съ условіями исполненія соображаемой мѣры съ уясненіемъ возможныхъ ея результатовъ. Къ обсужденію этихъ вопросовъ старались привлекать не только лицъ, знающихъ разбираемый вопросъ по существу, но и тѣхъ, которые, въ виду ихъ служебнаго положенія, являлись будущими исполнителями новаго закона и до изданія еще его могли указать на массу практическихъ условій, съ которыми придется считаться и которыя легко могли быть упущены изъ виду при соображеніяхъ чисто теоретическихъ. Въ случаяхъ болѣе важныхъ составлялись особыя переходныя правила отъ старыхъ порядковъ къ новымъ, при чемъ подробно излагались всѣ распоряженія по введенію новаго закона. Но и этимъ не ограничивались. Издавъ законъ, всегда зорко слѣдили за порядкомъ его исполненія, знакомя всѣхъ исполнителей со всѣми тѣми обстоятельствами, которыя гдѣлибо возникали на мѣстахъ и требовали обсужденія. Для достиженія этого въ царствѣ Польскомъ при Н. А. Милютинѣ и князѣ Черкас-

скомъ были частые съѣзды губернаторовъ, а также предсѣдателей комиссій по крестьянскимъ дѣламъ; на этихъ съѣздахъ дѣло направлялось и укрѣплялось еще болѣе.

Понятно, что при такой разработкѣ новыхъ законовъ они выходили полными, цѣльными, какъ бы выкованными изъ металла. Издавая ихъ, не оставались неразъясненными, какъ для составителей, такъ и исполнителей, ни самая цѣль ихъ, ни средство и порядокъ примѣненія и исполненія. Такіе законы нельзя было положить подъ сукно; исполненіе по нимъ немыслимо было откладывать въ долгій ящикъ; искажать ихъ послѣдующими толкованіями было весьма затруднительно.

О времени утвержденія высочайшаго указа о монастыряхъ тогда же (27-го октября) сообщено было намѣстнику въ царствѣ съ поясненіемъ, что ему предоставляется означенный указъ съ дополнительными къ нему правилами обнародовать и привести въ исполненіе тѣмъ порядкомъ, который онъ предложилъ, т. е. одновременно съ повсемѣстнымъ и внезапнымъ упраздненіемъ монастырей.

По принятому правилу, порядокъ приведенія въ исполненіе монастырскаго указа былъ подробно изложенъ въ V главѣ дополнительныхъ къ указу правилъ.

Всѣ дѣйствія раздѣлялись на два рода: на распоряженія, касающіяся собственно упраздненія или закрытія монастырей и устройства монашествующихъ лицъ, распоряженія по пріему и сдачѣ въ назначенное управленіе монастырскихъ имуществъ и капиталовъ.

Первыя дѣйствія должны были быть исполнены немедленно и одновременно во всемъ царствѣ Польскомъ, а вторыя могли быть отложены до исполненія первыхъ. Собственно закрытіе и упраздненіе монастырей указомъ возлагалось на генералъ-полицеймейстера въ царствѣ Польскомъ черезъ подвѣдомственныя ему мѣстныя власти и другихъ по его избранію чиновниковъ, при содѣйствіи мѣстнаго гражданскаго начальства.

Генералъ-полицеймейстеръ генералъ-маіоръ Ѳ. Ѳ. Треповъ самымъ рѣшительнымъ образомъ желалъ, чтобы монастырская реформа прошла удачно, и весьма охотно первенствующую роль въ предварительныхъ распоряженіяхъ уступилъ князю Черкасскому, какъ вполнѣ ознакомленному съ дѣломъ. Вся письменная часть легла на меня, а распорядительная на полковника М. Н. Анненкова, при чемъ циркуляры и бумаги исходили отъ имени намѣстника по управленію генералъ-полицеймейстера.

По предоставленной ему власти, графъ Бергъ рѣшилъ обнародованіе указа 27-го октября 1864 г. и закрытіе и упраздненіе мужскихъ римско-католическихъ монастырей произвести въ ночь съ 15-го на 16-ое ноября ст. стиля одновременно и внезапно во всемъ Царствѣ. Въ

то же самое время, т. е. 16-го ноября, въ Варшавѣ и Петербургѣ рѣшено было опубликовать и самый указъ.

Здѣсь необходимо объяснить предпочтеніе, данное ночному исполненію. Кому извѣстны обычаи католическихъ странъ, тотъ знаетъ, что двери костеловъ и монастырей цѣлый день открыты. — Съ ранняго утра, едва начинаетъ разсвѣтать, богомольцы безпрерывно входятъ и выходятъ; передъ большими и малыми алтарями, одна за другою служатся обѣдни, и толпятся молящіеся, и это вплоть до сумерекъ, когда вслѣдъ за вечерней «Ave Maria» двери храмовъ запираются. Если взять въ соображеніе эти обстоятельства и съ другой стороны вспомнить, что закрытіе и упраздненіе монастырей требовало большихъ и кропотливыхъ занятій въ теченіе по крайней мѣрѣ пяти, шести часовъ времени въ каждомъ монастырѣ, то станетъ вполнѣ понятнымъ, почему именно для этихъ дѣйствій было выбрано время между вечернею, «Ave Maria» и первою утреннею обѣдней. Въ это время костелы не доступны для народа, а монахи всѣ въ сборѣ и совершенно свободны отъ исполненія общественныхъ религіозныхъ обязанностей. Прибытіе коммиссій въ монастыри для ихъ закрытія или упраздненія, именно въ это время не только не могло никому и ничему помѣшать, но и обезпечивало ненарушимость порядка богослуженія на слѣдующій день. Появленіе коммиссій днемъ вынудило бы преждевременное закрытіе церковныхъ дверей, очищеніе храмовъ отъ богомольцевъ и привлеченіе массы любопытныхъ и праздношатающихся, которые легко могли бы возбудить безпорядки и дать поводъ къ совершенно не желательнымъ манифестаціямъ. Ночное же закрытіе все это предупреждало и становилось извѣстнымъ публикѣ въ качествѣ уже совершившагося факта. Никто не хотѣлъ исполнить указъ тайно, какъ бы украдкою, и дневному его выполненію предпочли ночное, единственно изъ желанія никоимъ образомъ не нарушать общественное спокойствіе; не подавать ни малѣйшаго повода къ оскорбленію религіознаго чувства вѣрующихъ перерывомъ порядка богослуженія и обычныхъ молитвъ, отнявъ при этомъ всякую возможность у неспокойныхъ головъ произвести уличные безпорядки. Всѣ эти соображенія были вполнѣ цѣлесообразны и гуманны.

За избраніемъ времени обнародованія и исполненія указа, послѣдовало изготовленіе инструкціи для закрытія и упраздненія монастырей и особаго объяснительнаго циркуляра начальникамъ военныхъ отдѣловъ отъ 9-го ноября 1864 г. за № 58. Хотя въ дополнительныхъ правилахъ былъ подробно объясненъ порядокъ закрытія и упраздненія монастырей, но этимъ не сочли возможнымъ ограничиться. Къ дѣлу привлекалось 110 человѣкъ, которые должны были дѣйствовать совершенно одинаково и при томъ немедленно послѣ объявленія имъ распоряженія

о назначеніи ихъ для закрытія или упраздненія того или другаго монастыря. Знакомиться самому съ дѣломъ было очень трудно, сдѣлать ясные выводы изъ бѣглаго прочтенія указа и дополнительныхъ правилъ—еще труднѣе. Поэтому и составлена была особая инструкція, всего изъ 29 статей, въ которыхъ, лицомъ вполнѣ компетентнымъ, изложено было въ послѣдовательномъ порядкѣ все, что командируемый чиновникъ долженъ былъ сдѣлать отъ момента прибытія въ монастырь до окончательнаго его закрытія или упраздненія и отправленія по назначенію монашествующихъ лицъ. Къ инструкціи прилагалась печатная форма протокола о всѣхъ дѣйствіяхъ по закрытію или упраздненію монастырей. Такимъ образомъ получалась полная и несомнѣнная увѣренность, что указъ и дополнительныя къ нему правила вездѣ будутъ поняты и исполнены одинаково съ составленіемъ совершенно однообразныхъ протоколовъ. Проектъ инструкціи, циркуляра и формы протокола были всесторонне обсуждены подлежащими лицами и представлены на утвержденіе намѣстнику только тогда, когда всѣ убѣдились, что документы эти, при возможной ихъ краткости, дѣйствительно заключаютъ въ себѣ все, на что должно быть обращено вниманіе исполнителей при введеніи монастырскаго указа.

Всѣмъ лицамъ, которыя привлекались къ этому важному дѣлу въ качествѣ ближайшихъ исполнителей, инструкція вмѣняла въ непремѣнную обязанность соблюденіе должнаго уваженія къ святынѣ и къ сану монашествующихъ съ указаніемъ, что требованія свои они обязаны предъявлять монахамъ съ полнѣйшею вѣжливостью. Начальникамъ военныхъ отдѣловъ предписывалось озаботиться снабженіемъ перевозимыхъ монаховъ теплою одеждою, чтобы не могло быть ни одного непріятнаго случая отъ послѣдствій суровости тогдашняго осенняго времени.

Ближайшее руководство дѣломъ закрытія монастырей въ провинціи возлагалось на помощниковъ начальниковъ военныхъ отдѣловъ. Они должны были лично закрыть монастырь, находящійся въ томъ городѣ, гдѣ былъ расположенъ штабъ отдѣла; военно-уѣздные начальники сами закрывали наибольшій въ уѣздѣ монастырь; во всѣ остальные командировалась по два офицера — одинъ для закрытія, а другой для сопровожденія монаховъ къ мѣсту ихъ назначенія. Нѣкоторое отступленіе отъ указа допускалось въ томъ, что опись монастырскаго имущества, дабы не задержать отправленіе монаховъ, отлагалась до болѣе свободнаго времени; въ протоколѣ лишь помѣщалось о принятіи наличныхъ капиталовъ, документовъ и актовъ наиболѣе важныхъ.

Въ то время въ царствѣ Польскомъ было восемь отдѣловъ: Варшавскій (нынѣшняя губ. Варшавская и большая часть Петроковской), Калишскій, Плоцкій, Августовскій, Ломжинскій, Сѣдлецкій, Люблинскій и Радомскій (нынѣшнія губерніи Радомская и Кѣлецкая). Начальниками

округовъ состояли генералъ-лейтенанты: баронъ Корфъ, Бельгардъ 1-ый, Семека, Ганецкій, Манюкинъ (Ломжа и Сѣдлецъ), Хрущевъ и Бельгардъ 2-ой.

Всѣ эти лица были вызваны въ Варшаву по экстренному дѣлу съ предвареніемъ, что каждый изъ нихъ долженъ будетъ непремѣнно 9-го ноября въ ночь выѣхать обратно въ отдѣлъ, такъ что всѣ свои дѣла они должны были покончить утромъ 9-го ноября, а вечеромъ приглашались къ графу Бергу на совѣщаніе. Кромѣ начальниковъ военныхъ отдѣловъ на совѣщаніи этомъ присутствовали: князь Черкасскій, генералъ Треповъ и я. На меня возложено было прочтеніе указа, дополнительныхъ правилъ и распорядительныхъ бумагъ отъ имени намѣстника. Передъ чтеніемъ графъ Бергъ сдѣлалъ небольшое вступленіе, объяснивъ въ самыхъ краткихъ чертахъ необходимость и значеніе монастырской реформы.

Члены совѣщанія сидѣли за тѣмъ самымъ столомъ, за которымъ обыкновенно происходили засѣданія учредительнаго комитета. Собраніе было весьма торжественное; слушатели самые внимательные. Принятіе правительствомъ рѣшительныхъ мѣръ поднимало общій духъ; призваніе военныхъ властей къ самому дѣятельному участію въ такой серьезной формѣ многихъ вознаграждало за то непріятное положеніе, въ которое войска были поставлены въ Царствѣ въ печальное время 1861—1863 годовъ. При ихъ участіи разбиты и разсѣяны банды повстанцевъ, при содѣйствіи массы ихъ членовъ правительство приводило въ исполненіе свои реформы: военно-полицейскую, крестьянскую и монастырскую. Какъ извѣстно, между членами крестьянскихъ коммиссій было весьма много офицеровъ по большей части изъ войскъ, стоявшихъ въ Царствѣ и знакомыхъ съ мѣстными обстоятельствами.

Такъ какъ циркуляръ намѣстника и инструкція о закрытіи монастырей были составлены весьма обстоятельно и подробно, а слушатели были люди опытные, то засѣданіе 9-го ноября ограничилось преимущественно чтеніемъ документовъ. Неяснаго ничего не оказалось, и, послѣ заявленія о семъ начальниковъ военныхъ отдѣловъ, графъ Бергъ отпустилъ ихъ по своимъ отдѣламъ, гдѣ они должны были, въ свою очередь, созвать къ себѣ всѣхъ лицъ, которыя предназначались для исполненія монастырской реформы на мѣстахъ, объяснить ихъ обязанности и за тѣмъ, въ ночь съ 15-го на 16-е ноября, привести указъ въ исполненіе. Тутъ же, въ кабинетѣ намѣстника, каждый начальникъ отдѣла получилъ въ значительномъ числѣ экземпляровъ всѣ документы, до монастырской реформы относившіеся. Утромъ 10-го ноября графу Бергу было доложено, что всѣ начальники отдѣловъ выѣхали изъ Варшавы. Прибывъ на мѣста, они телеграфировали объ этомъ намѣстнику.

Если и можно было опасаться какихъ-либо случайностей, то, разумѣется онѣ, всего скорѣе могли произойти въ Варшавѣ. Здѣсь приходи-

лось закрыть семь монастырей, по преимуществу многолюдныхъ и шедшихъ всегда во главѣ революціоннаго движенія римско-католическаго духовенства. Поэтому, оставляя генералу Корфу полную свободу по закрытію монастырей въ отдѣлѣ, собственно въ Варшавѣ дѣломъ этимъ распоряжался князь Черкасскій, но не иначе, какъ по совѣщанію съ барономъ Корфомъ, для чего всегда собирались у него на квартирѣ или даже у намѣстника.

Закрытіе монастырей было дѣломъ щекотливымъ. При малѣйшей оплошности могли гдѣ-нибудь ударить въ набатъ, обратить вниманіе населенія и раздуть дѣло подобно тому, какъ это сдѣлали въ 1861 году при очищеніи костеловъ войсками отъ массы собравшагося въ нихъ народа. Кромѣ того избранный способъ закрытія монастырей ночью требовалъ, чтобы заранѣе устранены были, по возможности, всѣ поводы къ выдумкамъ, которыя легко могли быть распускаемы недоброжелателями правительства. Могли, напримѣръ, говорить, что на монастыри было сдѣлано нападеніе; что монахи подвергались насилію, святыня оскорбленію и проч. Слѣдовало это предупредить и уничтожить всякую возможность распускать подобныя выдумки.

Все это достигалось вполнѣ назначеніемъ для закрытія монастырей въ Варшавѣ такихъ лицъ, которыя были извѣстны въ городѣ и обществѣ и имѣли безукоризненную репутацію, и въ приданіи имъ въ помощь видныхъ дѣятелей изъ польской администраціи. На этихъ собственно лицъ и должно было возложить прочтеніе монахамъ высочайшаго указа по-польски, объясненіе предоставленныхъ монашествующимъ правъ и вообще всего, что вытекало изъ указа. Участіе этихъ лицъ въ самомъ фактѣ закрытія и упраздненія монастырей и участіе не пассивное, а напротивъ самое дѣятельное и рѣшительное, гарантировало намъ полное обузданіе вѣстовщиковъ. Налицо были такіе свидѣтели, которыхъ нельзя было оклеветать голословно и которые сами могли бы авторитетно опровергнуть всѣ нелѣпости. На этой мысли остановились весьма скоро и привели ее въ исполненіе съ полнымъ успѣхомъ.

Въ Варшавѣ слѣдовало закрыть шесть монастырей за участіе въ мятежѣ и упразднить одинъ по малому числу монаховъ (монастырь тринитаріевъ). Во всѣхъ этихъ монастыряхъ было 218 монаховъ. Изъ нихъ 48 человѣкъ оставались на мѣстахъ для продолженія обученія въ семинаріи (36 челов.) и богослуженія, а 170 человѣкъ назначались къ отправленію въ другіе провинціальные монастыри. Изъ этого послѣдняго числа 33 отправлялись въ м. Закрочимъ около Новогеоргіевска, а остальные 137 должны были слѣдовать по Варшавско-Вѣнской желѣзной дорогѣ [1]).

[1]) Для закрытія этихъ монастырей назначены были слѣдующія лица: Въ бернардинскій монастырь—я, съ директоромъ отдѣленія духовныхъ

Главнымъ распорядителемъ транспортировки монаховъ былъ назначенъ полковникъ Анненковъ, который и заботился о предоставленіи имъ всѣхъ необходимыхъ въ пути и на остановкахъ удобствъ.

Отправленіе изъ Варшавы лицъ, назначенныхъ для закрытія монастырей въ отдѣлѣ, внѣ Варшавы, было произведено утромъ 15-го или даже наканунѣ того, по распоряженію управленія отдѣла. Лица же, предназначенныя для этой дѣятельности въ самой Варшавѣ, получили приглашеніе явиться 15-го въ семь часовъ вечера на квартиру начальника варшавскаго военнаго отдѣла, жившаго въ зданіи бывшаго монетнаго двора на Бѣлянской улицѣ.

дѣлъ Крижановскимъ и чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-полицеймейстерѣ Кохановскимъ.

Въ миссіонерскій (Св. Креста на Новомъ-Свѣтѣ) флигель-адъютантъ полковникъ Анненковъ (членъ монастырской комиссіи) совмѣстно съ директоромъ канцеляріи правительственной комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ Леонтьевымъ и вице-директоромъ отдѣленія духовныхъ дѣлъ Радошевскимъ.

Въ капуцинскій—генералъ-маіоръ графъ Опперманъ (членъ монастырской коммиссіи) вмѣстѣ съ состоявшимъ при учредительномъ комитетѣ коллежскимъ совѣтникомъ Мироненко и шефомъ канцеляріи главнаго совѣта общественнаго призрѣнія—Флисомъ.

Въ августинскій—полковникъ генеральнаго штаба (членъ монастырской комиссіи) баронъ Медемъ при участіи директора отдѣленія промышленности въ коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ Ненарокомова и дѣлопроизводителя отдѣленія духовныхъ дѣлъ той же коммиссіи Каменскаго.

Въ кармелитскій—полковникъ генеральнаго штаба князь Имеретинскій при участіи состоявшаго при учредительномъ комитетѣ статскаго совѣтника Драшусова и дѣлопроизводителя канцеляріи коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ Жарновскаго.

Въ доминиканскій—генеральнаго штаба полковникъ Мирковичъ совмѣстно съ чиновникомъ особыхъ порученій при главномъ директорѣ внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ Андреевѣ и состоявшимъ при учредительномъ комитетѣ Каширинѣ (дѣлопроизводитель монастырской коммиссіи).

Въ тринитарскій—гвардіи полковникъ Журавлевъ съ участіемъ завѣдывавшаго уніатскими дѣлами въ коммиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ Сидорскаго и чиновника особыхъ порученій при министрѣ статсъ-секретарѣ царства Польскаго Людоговскаго.

Сверхъ того для закрытія бернардинскаго монастыря въ Черняковѣ (подъ самой Варшавой) назначенъ былъ членъ монастырской коммиссіи полковникъ Гацфельдъ, который долженъ былъ остаться въ Черняковѣ комендантомъ, такъ какъ это мѣсто было избрано сборнымъ пунктомъ для монаховъ, изъявившихъ желаніе отправиться за границу, и тѣхъ, которые въ составѣ партій, отправляясь изъ одного провинціальнаго монастыря въ другой, должны были проѣзжать черезъ Варшаву. Въ городъ ихъ не впускали, а оставляли въ Черняковѣ, гдѣ, случалось, находилось до сотни монаховъ одновременно и болѣе. Тамъ же устроенъ былъ и лазаретъ для заболѣвшихъ въ пути.

Баронъ П. И. Корфъ былъ особенно торжественъ въ этотъ день. Можетъ быть, мнѣ не удастся болѣе говорить о немъ, а сказать слѣдуетъ, и для сего я пользуюсь настоящимъ случаемъ. Павелъ Ивановичъ Корфъ, начальникъ 3-й гвар. дивизіи, былъ не изъ мудрыхъ, но за то важный. Высокій, сѣдой, гордо поднявъ голову, онъ величаво выступалъ медленными шагами, говорилъ мало, но торжественно и какъ-то снисходительно. Отличный фронтовикъ, онъ былъ однимъ изъ видныхъ представителей той массы николаевскихъ генераловъ.

Будучи во все время мятежа 1863 — 1864 г. главнымъ военнымъ начальникомъ въ Варшавѣ, Павелъ Ивановичъ, боясь за спокойствіе и безопасность, держалъ въ ней массу войскъ, не выпуская ихъ изъ города. Отъ этого банды повстанцевъ лѣзли подъ самую Варшаву и бродили безнаказанно въ ея окрестностяхъ.

Когда указывали на это Павлу Ивановичу и требовали выслать отрядъ, онъ былъ не сговорчивъ и если соглашался, то назначалъ не болѣе роты.

— Хорошо,—говорилъ онъ,—я пошлю роту и при ней Цеймерна [1]).

Во фронтѣ П. И. командовалъ самъ, въ штабѣ и канцеляріяхъ подписывалъ то, что ему подавали, а дома состоялъ въ полномъ распоряженіи своей благовѣрной супруги; отсюда понятно, что баронъ П. И. Корфъ былъ очень доволенъ, что князь Черкасскій взялъ на себя всѣ распоряженія по монастырской реформѣ въ Варшавѣ, но въ то же время онъ сохранялъ внѣшній декорумъ и представлялъ изъ себя вершителя судебъ.

Вечеромъ, 15-го ноября 1864 г., встрѣчая у себя созванныхъ гостей, П. И. Корфъ имѣлъ особо торжественный и таинственный видъ. Молча здороваясь со всѣми, онъ подводилъ каждаго къ князю Черкасскому и сдавалъ ему на руки, представляя тѣхъ, которые не были извѣстны князю. Я пришелъ прежде другихъ, такъ какъ долженъ былъ заранѣе убѣдиться, доставлены ли П. И. Корфу всѣ необходимые документы. Баронъ долго разговаривалъ со мною и передалъ мнѣ, что имъ все сдѣлано, заготовлена масса извощичьихъ дрожекъ (колясокъ) и нѣсколько подводъ съ теплою одеждою и наряжены военныя команды. Все это по числу монастырей раздѣлено было на восемь отдѣленій и въ каждую минуту могло быть направлено куда прикажутъ. Само собою разумѣется, что никто не зналъ, для чего все это было собрано.

Созванныя лица, сойдясь у военнаго начальника отдѣла и видя совершенное разнообразіе своихъ профессій, недоумѣвали, для чего ихъ собрали, и перешептывались между собою, разбившись на двѣ кучки—военные были вмѣстѣ, статскіе держали себя отдѣльно. Кромѣ лицъ приглашенныхъ и фамиліи которыхъ были извѣстны стоявшимъ

[1]) Адъютанта графа Берга.

внизу швейцару и писарю, никого болѣе не приказано было впускать, а тѣхъ, которыя уже вошли—не дозволено было выпускать обратно, безъ особаго разрѣшенія и сопровожденія дежурнаго адъютанта.

Наконецъ, когда всѣ собрались, князь Черкасскій, присутствіе котораго особенно всѣхъ интриговало, ибо знали, что общаго въ дѣятельности его и барона Корфа было мало — объяснилъ, въ чемъ дѣло. Надобно было видѣть, какъ это объясненіе подѣйствовало на польскихъ чиновниковъ. Всѣ они были изъ числа наиболѣе интеллигентныхъ. Они, разумѣется, сразу поняли свою роль, и понятно, что̀ пришлось имъ перечувствовать.

Послѣ словесныхъ разъясненій князя Черкасскаго, всѣмъ розданы были экземпляры указа о монастыряхъ съ дополнительными правилами и всѣми приложеніями.

— Времени еще довольно господа,—говорилъ князь,—вы успѣете прочитать документы, если не всѣ, то главнѣйшіе, а тамъ попьемте чайку, дадимъ Варшавѣ успокоиться и примемся за дѣло.

Ознакомленіе началось. Для многихъ оно было очень горько и тѣмъ горше, что имъ самимъ предстояло читать указъ монахамъ и объяснять имъ существо дѣла. Положеніе ихъ было затруднительное, и весьма понятно, что у нѣкоторыхъ мелькнула въ головѣ мысль: не уйти ли? Задумано, сдѣлано.

— Мнѣ что-то нездоровится,—говоритъ К., схватывая себя за животъ.

— Что съ вами?—спрашиваютъ его обязательные хозяева.

— Нездоровится.

— Пожалуйте внизъ, тамъ есть докторъ и на всякій случай постель.

Развѣ при такихъ условіяхъ уйдешь? Всѣ, разумѣется, остались и знакомились съ дѣломъ. Работа была, видно, тяжелая, такъ какъ вогнала многихъ въ потъ. То направо, то налѣво, кто-нибудь вытиралъ платками вспотѣвшія лысины.

Въ 1864 г. движеніе по улицамъ Варшавы еще обязательно прекращалось въ извѣстное время, кажется, часовъ съ десяти. Городъ становился тогда пустыннымъ, и жители такъ привыкли рано кончать день, что послѣ прекращенія движенія скоро потухали въ домахъ огни, и все предавалось покою. Въ это время коммиссіи и отправились по монастырямъ.

Для ознакомленія съ тѣмъ, что произошло въ эту ночь въ монастыряхъ, я опишу порядокъ закрытія Бернардинскаго монастыря. Вездѣ, не только въ Варшавѣ, но и въ провинціи, повторились тѣ же сцены, а потому одного примѣра будетъ совершенно достаточно. На Бернардинскомъ монастырѣ я лично остановился потому, что онъ былъ самый ближайшій къ замку, гдѣ я жилъ, и былъ уже мнѣ знакомъ подробно.

Знакомство это произошло вотъ почему. Въ концѣ 1864 года, когда, со вступленіемъ графа Берга въ должность намѣстника, приняты были серьезныя мѣры къ раскрытію революціонной организаціи въ краѣ,— сдѣлано было много очень важныхъ находокъ въ частныхъ домахъ, въ костелахъ и монастыряхъ. Такъ у бернардиновъ, въ саду нашли амуницію, типографію и другія вещи. Подобныя открытія повели къ подробному осмотру монастырей и занятію ихъ войсками. Въ каждый монастырь, съ 9-го сентября 1863 года, водворена была небольшая команда съ унтеръ-офицеромъ, которая и жила тамъ, наблюдая за порядкомъ. Команды въ нѣсколькихъ сосѣднихъ между собою монастыряхъ подчинялись офицеру, осматривавшему ихъ и наблюдавшему за дисциплиной. Для большей охраны монастырей, съ улицы оставлялся только одинъ ходъ въ костелъ и одинъ же въ монастырь, всѣ остальные были заперты. Точно такъ же и внутри монастыря былъ оставленъ одинъ ходъ въ костелъ и одинъ на хоры, другіе были закрыты. Доступъ на колокольни также наблюдался особо. Впрочемъ, обыкновенно, въ католическихъ костелахъ звонятъ въ колокола черезъ особое приспособленіе прямо изъ костеловъ, не поднимаясь для этого на колокольню. Въ самомъ скоромъ времени наши солдатики подружились съ монахами и стали жить съ ними въ полномъ согласіи и большой фамильярности. Сами монахи были, въ сущности, довольны подобнымъ распоряженіемъ. Зная, что въ монастыряхъ стоятъ военныя команды, революціонеры перестали выбирать ихъ мѣстами своихъ складовъ. Когда производился осмотръ Бернардинскаго монастыря, я полюбопытствовалъ заглянуть въ огромные его подвальные этажи, входъ въ которые былъ изъ костела, чрезъ поднимающіяся плиты пола, въ которыя вдѣланы массивныя кольца. Эти подвалы были осмотрѣны въ 1831 году, когда надѣялись найти тамъ склады оружія. Оказалось, что послѣ 1831 года никто изъ монаховъ въ подземелье не входилъ, что и подтвердилось фактами. Когда половыя плиты были подняты, открылась каменная лѣстница, ведшая въ подземелье, полуосвѣщенное и крайне сухое. Изъ подземелья пахнулъ на насъ совершенно свѣжій воздухъ. Начали спускаться, взявъ съ собою фонари съ зажженными свѣчами. Уже черезъ нѣсколько ступеней движеніе впередъ сдѣлалось очень труднымъ—ноги проваливались въ какую-то разступавшуюся массу. Это было множество человѣческихъ череповъ и вообще костей, сваленныхъ въ полномъ безпорядкѣ. Монахи-проводники объяснили, что это—кости бывшаго около монастыря кладбища, очищеннаго отъ гробовъ вскорѣ послѣ французовъ. Кости изъ гробовъ и могилъ не убрали въ порядкѣ, не предали землѣ гдѣ-либо въ одномъ мѣстѣ, а прямо свалили внизъ чрезъ поднятые люки. Кромѣ костей, подъ самымъ алтаремъ, въ переднемъ выступѣ костела къ рѣкѣ Вислѣ, оказалось нѣсколько гробовъ. Гробы

долженствовавшихъ черезъ нѣсколько часовъ покинуть мѣсто ихъ духовныхъ подвиговъ, ни на одномъ лицѣ не было видно религіозныхъ побужденій, но все за то говорило о сожалѣніи разстаться съ удобствами обезпеченной жизни въ нагрѣтомъ уголкѣ. Выслушавъ указъ и приговоръ о закрытіи монастыря, монахи начали безконечные разспросы о томъ, какъ ихъ повезутъ, не будетъ ли въ Коло тѣсно, есть ли печи тамъ, дадутъ ли средства на переѣздъ и проч. Никто не сдѣлалъ крестнаго знаменія, не прочелъ молитвы...

Я объясняю это явленіе привычкою римско-католическихъ монаховъ къ бродячей жизни, а главнымъ образомъ низкою степенью ихъ умственнаго развитія. Ничего не дѣлали здѣсь, ничего не будутъ дѣлать тамъ, не все ли равно? Подобное объясненіе мнѣ казалось вѣроятнымъ тогда, вѣроятнымъ кажется и теперь. Эта готовность повиноваться и исполнить, что отъ нихъ требуютъ, дѣйствительно бросилась въ глаза и, какъ я потомъ узналъ, проявилась во всѣхъ монастыряхъ безъ исключенія.

Только сзади меня раздавались тихія всхлипыванія. Я оглянулся. На скамьѣ у стѣны сидѣлъ глубокій старикъ монахъ, горько плакавшій. это былъ 80-ти-лѣтній старецъ, еще въ 1809 г., во время появленія французовъ въ Варшавѣ, бывшій уже монахомъ, а затѣмъ и пріоромъ этого самаго монастыря. Потомъ онъ былъ даже провинціаломъ, т. е. начальникомъ многихъ бернардинскихъ монастырей, и по старости много уже лѣтъ проживалъ здѣсь на полномъ покоѣ. Изъ всѣхъ монаховъ (ихъ было 31) онъ одинъ отвѣчалъ моимъ ожиданіямъ, и онъ одинъ привлекъ къ себѣ мое вниманіе. Я долженъ былъ оставить въ монастырѣ двухъ монаховъ для богослуженія и съ радостью назначилъ въ число ихъ этого почтеннаго старца. Сколько благодарностей съ его стороны! Какое счастье не быть потревоженнымъ на склонѣ жизни и имѣть возможность умереть тамъ, гдѣ прожилъ болѣе 60-ти лѣтъ! Съ большою радостью я успокоилъ старика, указалъ ему его будущаго помощника и уговорилъ идти отдохнуть, такъ какъ въ четыре часа утра ему предстояло уже служить обѣдню. Съ тысячью благословеній ушелъ онъ въ свою келью. Этотъ случай хотя сколько-нибудь отвѣчалъ моимъ чувствамъ и отвлекъ отъ созерцанія прочей братіи.

Такъ какъ монахамъ дозволялось взять съ собою не только всѣ принадлежавшія имъ лично вещи, но и необходимые для общей жизни предметы, принадлежавшіе всему братству, какъ-то: кухонную посуду, бѣлье и проч., то братіи было дано нѣкоторое время на собраніе всего этого.

Начались суетныя, мірскія заботы. Послышались голоса, оживленные разговоры двигавшейся по корридорамъ братіи. Но вотъ все замолкло—монахи разошлись по келіямъ. Сборы однако были не долги.

Скоро стали возвращаться монахи вновь, въ массою узелковъ и вещей и въ другомъ уже настроеніи. Почти у всѣхъ блестѣли глаза, и языкъ сталъ подвижнѣе. Оказалось, что братія, на прощаньи, уничтожила тѣ запасы «венгжины» (венгерскаго), а можетъ быть и другихъ болѣе крѣпкихъ винъ, которыя очевидно находились у нихъ въ кельяхъ. Пока вещи монаховъ и хозяйственныя принадлежности сносили внизъ и укладывали на подводы, разговоры сдѣлались громче. Стали слышаться, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, неодобрительныя выраженія. Многіе начали протестовать и заявлять о невозможности тронуться въ путь— нѣтъ у нихъ ни сапоговъ, ни теплой одежды. Въ числѣ этихъ лицъ былъ и настоятель, кажется, болѣе другихъ приложившійся къ венгжинѣ, хотя ему было на это менѣе времени потому, что онъ долженъ былъ давать нѣкоторыя объясненія, сдать деньги (ничего въ наличности не оказалось) и подписать протоколъ.

По данному приказанію внесены были новые высокіе сапоги и полушубки. Видятъ, что замерзнуть не дадутъ, успокоились, и скоро настоятель, мужчина огромнаго роста, явился въ очень хорошей теплой одеждѣ, которая, какъ видно, была у него въ кельѣ. Наступили окончательные сборы; попросили монаховъ спускаться къ выходу. Пошли тихо, но не прерывая своихъ мирныхъ разговоровъ. Настоятель, кажется, думалъ скрыться, его нашли гдѣ-то въ темномъ углу въ возбужденномъ отъ выпитаго вина состояніи.

— Не пойду самъ,—говорилъ онъ,—дѣлайте, что хотите.

Въ концѣ концовъ онъ легъ на полъ. Пришлось приказать солдатамъ взять его на руки и отнести въ дилижансъ. Черезъ нѣсколько минутъ экипажи тронулись къ вокзалу Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги, увозя 29 бернардиновъ, навсегда покидавшихъ свой монастырь.

Какъ и все? Да, все, рѣшительно все. Никто изъ всей братіи не выразилъ желанія и просьбы проститься съ святыней, никто не предложилъ въ послѣдній разъ совершить общую молитву... Для меня это было непонятно и страшно тяжело. Опустимъ на это завѣсу забвенія.

Наши хлопоты по закрытію монастыря нѣсколько затянулись, и бернардины прибыли на вокзалъ послѣдними. Ихъ ожидали уже съ поданнымъ поѣздомъ, въ вагонахъ котораго размѣщены были монахи прочихъ монастырей. Скоро и бернардины заняли свои мѣста; настоятеля снова пришлось нести на рукахъ и положить на полъ поперекъ вагона—онъ положительно не хотѣлъ садиться. Когда я вышелъ на галлерею вокзала къ поданному поѣзду, мнѣ представилась поразительная картина. У ярко освѣщенной платформы стоялъ поѣздъ изъ вагоновъ втораго класса, изъ оконъ которыхъ выглядывали исключительно только монашескія фигуры. Всюду монахи и одни только монахи. Коричневыя, черныя и бѣлыя сутаны производили странное впечатлѣніе. Всѣхъ мо-

наховъ въ поѣздѣ было 104 человѣка. Насъ, свидѣтелей отправленія необыкновеннаго поѣзда, было немного, всего нѣсколько человѣкъ. Когда монашескія вещи были уложены отдѣльными партіями по каждому монастырю, поѣздъ тронулся.

Было 5 час. 20 мин. утра 16-го ноября. Ничего подобнаго я въ жизни своей болѣе не видалъ, да едва-ли гдѣ-либо былъ когда-нибудь подобный исключительно монашескій поѣздъ, не говоря уже о томъ, что нигдѣ онъ не могъ повториться при тѣхъ же трагическихъ для отъѣзжавшихъ обстоятельствахъ.

Съ вокзала я прямо отправился въ замокъ. Графъ Бергъ лежалъ уже въ постели, но ожидалъ меня; баронъ Корфъ былъ у него. О подробностяхъ закрытія бернардинскаго монастыря графъ уже зналъ отъ адъютанта, котораго присылалъ ко мнѣ въ монастырь. Теперь я дополнилъ ему подробности, не скрывая моихъ личныхъ впечатлѣній. Его тоже поразило выказанное монахами безучастіе и холодность разставанія съ монастыремъ.

Раннія обѣдни въ Варшавѣ посѣщаются самою низшею крикливою публикой. Повара, кухарки, торговки состоятъ обыкновенно членами братства при костелахъ и, отправляясь на базаръ, всегда заходятъ «на набоженство». Эти лица зашли въ костелъ и утромъ 16-го ноября. Хотя служба въ костелахъ нигдѣ не прекратилась и обѣдни начались вездѣ въ установленное время, но вмѣсто толпы монаховъ служилъ одинъ. Истина была понята, и вслѣдъ затѣмъ раздались крики и плачъ женщинъ, но за то мужчины были вполнѣ хладнокровны и спокойны. Въ корреспонденціи моей по этому случаю, напечатанной въ «Голосѣ» (№ 326, 1864 г.), читаю, между прочимъ: «разсказываютъ, что около одного костела какой-то мужчина сталъ на колѣна и громко сказалъ: «Господи, пошли сто лѣтъ жизни тому человѣку, который выдумалъ увезти отсюда этихъ обжоръ!» Былъ ли я самъ очевидцемъ этого, или слышалъ отъ кого другаго, не помню, но могу удостовѣрить, что это не анекдотъ и не выдумка, а фактъ.

Я былъ у двухъ обѣденъ въ бернардинскомъ монастырѣ въ 7 и 11 час. утра 16-го ноября. Обѣ обѣдни прошли съ обычной церемоніей и въ порядкѣ, но съ нѣкоторымъ аккомпаниментомъ женскаго плача. То же было и во всѣхъ остальныхъ помонастырскихъ церквахъ.

Утромъ 16-го ноября я узналъ, что во всѣхъ монастыряхъ Варшавы повторились сцены, бывшія у бернардиновъ. Вполнѣ вторили имъ миссіонеры (ихъ было 68 человѣкъ, въ томъ числѣ 28 аллюмновъ или студентовъ), но они желали пробраться въ костелъ для протеста; доминиканы, кармелиты-босые и августиніи вели себя съ большимъ смиреніемъ и достоинствомъ. Капуцины, на Медовой улицѣ, тяжело разставались съ монастыремъ и старались выставить разные предлоги, чтобы

остаться въ немъ. Тринитаріевъ всего было два человѣка, одинъ остался для богослуженія, а другой пожелалъ выѣхать за границу.

Изъ губерній тоже, еще рано утромъ, получены были телеграммы о вполнѣ успѣшномъ закрытіи монастырей въ губернскихъ городахъ. Дѣло слѣдовало считать вполнѣ удавшимся, такъ какъ не могло быть болѣе сомнѣнія, что монастырская реформа не встрѣтила нигдѣ препятствій.

Когда 16-го ноября стали собираться утромъ къ намѣстнику различныя лица для доклада, явился, по обычаю, и П. И. Корфъ. Онъ былъ торжественно радостенъ.

— Ну что,—сказалъ онъ мнѣ,—видите, какъ мы, военные, справились съ дѣломъ. Намъ бы слѣдовало поручить и крестьянское дѣло; теперь бы мы его уже окончили, а ваши коммиссіи и коммисары все возятся съ нимъ.

Простодушный баронъ думалъ, что онъ пахалъ по преимуществу.

Едва только по окончаніи утренняго пріема у графа Берга вернулся я домой (жилъ я въ томъ же замкѣ этажемъ выше покоевъ, занимаемыхъ намѣстникомъ), ко мнѣ въ кабинетъ, совершенно неожиданно, пришелъ князь Черкасскій. Обыкновенно въ это время онъ былъ занятъ оффиціальными пріемами и докладами у себя, такъ что появленіе его не мало меня удивило.

— Что случилось?—спросилъ я.

— А то, что мы съ вами порядочно попались. Вообразите, утромъ сегодня докладываютъ мнѣ, что въ пріемной давно уже ожидаетъ суперъ-интендентъ реформатско-лютеранскаго исповѣданія и желаетъ меня видѣть. Я приказалъ просить его въ кабинетъ. Онъ былъ сильно взволнованъ и нервно подалъ мнѣ печатный экземпляръ доклада монастырской коммиссіи и показалъ мнѣ на начало словъ озаглавленной: «демонстраціи, пѣніе гимновъ и проч.» (стр. 89). Я прочелъ слѣдующее: «первая значительная политическая демонстрація послѣдовала 11-го іюня 1860 г. по поводу похоронъ вдовы бывшаго генерала польскихъ войскъ Савинскаго, павшаго въ войнѣ 1831 г. Тутъ отличился своею необузданною проповѣдью ксендзъ Сплѣшинскій, монахъ реформатскаго ордена». Что же это значитъ и какое вамъ, пасторъ, дѣло до монаха?—«А то, ваше сіятельство, что никакого монаха Сплѣшинскаго нѣтъ и не было, а госпожу Савинскую, лютеранку, хоронилъ я, реформатскій пасторъ и никакихъ рѣчей, могу васъ увѣрить, не произносилъ!»

— Ну, если вы говорите правду и возмутительной рѣчи не произносили, то это ваше счастье, а иначе, не смотря на очевидную ошибку въ докладѣ, принявшемъ реформата-пастора за реформата-ксендза, вамъ было бы не особенно пріятно познакомить меня съ этой стороной вашей прошлой дѣятельности.

Ошибка была очевидна и безъ сомнѣнія произошла оттого, что выраженіе «реформатъ Сплѣшинскій» неправильно распространили въ выраженіе «монахъ реформатскаго ордена». Дѣлать было нечего; пришлось спуститься къ намѣстнику и доложить ему, въ чемъ дѣло. Графъ Бергъ посмѣялся надъ трансами суперинтенданта, котораго зналъ за спокойнаго человѣка. Странно то, что докладъ неоднократно читался лицами, бывшими въ Варшавѣ во время манифестацій. Нѣкоторые изъ нихъ лично знали суперинтенданта Сплѣшинскаго, но, разумѣется, существованіе его нисколько не исключало возможности существованія и монаха-реформата съ тою же фамиліей. Вскорѣ объ этой ошибкѣ появилась замѣтка въ силезской газетѣ. Замѣтку вездѣ перепечатали за границей, но другихъ ошибокъ не указывали,—доказательство, что ихъ и не было.

Всего въ ночь съ 15-го на 16-е ноября 1864 г., во всемъ царствѣ Польскомъ, согласно высочайшему указу 27-го октября (8-го ноября), закрыто и упразднено 109 римско-католическихъ монастырей [1]). Всѣхъ монаховъ въ нихъ было 1.631 человѣкъ.

Изъ этого числа:

а) остались въ упраздненныхъ и закрытыхъ монастыряхъ для совершенія богослуженія	179
б) осталось въ монастыряхъ, не подвергшихся непосредственно при исполненіи указа 27-го октября, измѣненію	269
в) перевезено въ другіе монастыри, какъ штатные, такъ и нештатные	1.140
г) изъявило желаніе отправиться за границу и туда отправлено	43 [2])
Итого	1.631 [3])

Монахи, пожелавшіе отправиться за границу, предварительно были сосредоточены въ зданіяхъ закрытаго бернардинскаго монастыря въ Черняковѣ (подъ самою Варшавою) и оттуда уже по снабженіи ихъ паспортами и денежнымъ пособіемъ направлялись за границу на казенный счетъ. Каждому такому монаху выдавалось по 143 рубля на руки. Это было единовременное пособіе на проѣздъ и пенсія по 1-е іюля

---

[1]) Ленднскій капуцинскій монастырь около Конина, скрывавшій монаха-убійцу Макса Тарейву, закрытъ былъ ранѣе при конфирмаціи военно-суднаго дѣла о Тарейвѣ.

[2]) Въ томъ числѣ два монаха безъ пенсіи, но только съ единовременнымъ пособіемъ, потому что по своему молодому возрасту не подходили подъ условія, при которыхъ посвященіе ихъ въ монахи могло быть признано правильнымъ. Въ томъ же числѣ было три новиція, получившихъ только безплатный паспортъ на проѣздъ.

[3]) Закрытіе и упраздненіе монастырей сопровождалось и роспускомъ новиціевъ, не принявшихъ еще обѣтовъ и пожелавшихъ оставить монастырскую жизнь. Имъ выдавалось по 70 рублей каждому для покупки свѣтской одежды.

новаго стиля 1865 года. Паспорты монахамъ давались трехлѣтніе безъ права возвращенія по нимъ въ Имперію и прописывались въ Австрію, Пруссію, Германію, Францію и Италію. Монахи сперва вывозились по желѣзнымъ дорогамъ въ Австрію и Пруссію, но потомъ австрійцы перестали принимать монаховъ и всѣхъ остальныхъ отправили черезъ прусскую границу. По выѣздѣ монаховъ за границу, немедленно дѣлалось распоряженіе о невпускѣ ихъ въ предѣлы Имперіи и царство Польское. Особымъ циркуляромъ отъ 14-го декабря 1864 г. за № 236, министерство иностранныхъ дѣлъ дало нашимъ заграничнымъ миссіямъ наставленія о порядкѣ выдачи проживающимъ за границей монахамъ и монахинямъ пенсіи. Кромѣ того тѣмъ же миссіямъ высланы были самыя подробныя свѣдѣнія, объясняющія происхожденіе этихъ монаховъ, ихъ права на пенсію и другія данныя, могущія быть полезными для нашихъ посольствъ.

За упраздненіемъ и закрытіемъ въ Варшавѣ семи мужскихъ монастырей, въ ней оставались еще монастыри: піаровъ, кармелитовъ, францишкановъ, реформатовъ и камедуловъ. Хотя изъ этихъ монастырей только одинъ остался штатнымъ, а именно камедульскій, всѣ же остальные отнесены къ разряду не штатныхъ и подлежали постепенному съ уменьшеніемъ числа монаховъ упраздненію, но въ моментъ приведенія указа 27-го октября въ исполненіе, они ликовали, видя себя пощаженными и избѣжавшими бѣды. Чрезъ епархіальное начальство просили они позволенія представить намѣстнику своихъ депутатовъ для выраженія вѣрноподданническихъ своихъ чувствъ. Депутаціи эти были приняты 18-го ноября, въ половинѣ втораго по полудни, въ залахъ замка. Выслушавъ монаховъ, графъ Бергъ, въ короткихъ и энергичныхъ словахъ указалъ имъ на заботливость государя о всѣхъ вѣроисповѣданіяхъ и твердую рѣшимость карать всякое нарушеніе установленныхъ законовъ; совѣтовалъ имъ исполнять свой религіозный долгъ, воздерживаться отъ политики, поучать народъ религіи и помнить, что въ случаѣ нужды онъ, графъ Бергъ, съумѣетъ заставить ихъ повиноваться и возвратиться къ долгу. Послѣ того графъ сказалъ, что коммиссіи, придя въ монастыри, нашли, что нѣкоторые монахи не возвратились еще домой изъ города, хотя было уже болѣе десяти часовъ, и, замѣтивъ, что это крайне компрометтируетъ монаховъ, поручилъ настоятелямъ строго смотрѣть за выполненіемъ монастырскихъ уставовъ и руководить молодежью. Въ концѣ своего обращенія къ монахамъ графъ Бергъ сказалъ, что готовъ облегчить всѣ ихъ нужды, но проситъ обращаться непосредственно къ своему главному покровителю и ходатаю передъ нимъ князю Черкасскому. Это указаніе на тутъ же присутствовавшаго князя, кажется, не понравилось монахамъ, со стороны же графа Берга было очень ловкимъ маневромъ. И онъ дѣйствительно

никогда самъ не принималъ никакихъ просьбъ отъ монаховъ, а всегда направлялъ ихъ къ князю, не встрѣчавшему со стороны намѣстника ни малѣйшихъ препятствій къ дальнѣйшему точному примѣненію закона 27-го октября 1864 года.

Теперь необходимо въ нѣсколькихъ лишь строкахъ привести данныя о закрытіи римско-католическихъ женскихъ и мужскихъ греко-уніатскихъ монастырей, а также объ уничтоженіи общины фелиціанокъ.

О закрытіи четырехъ женскихъ монастырей послѣдовало повелѣніе намѣстника отъ 28-го ноября (10-го декабря) 1864 г. Самое закрытіе ихъ совершилось не ночью, а утромъ, такъ какъ послѣ закрытія мужскихъ монастырей никакихъ опасеній насчетъ нарушенія общественнаго спокойствія не возникало. Изъ этихъ монастырей одинъ маріавитокъ въ Ченстоховѣ закрытъ 2-го (14-го) декабря 1864 г., и монахини, числомъ 8—перевезены въ Петроковъ въ монастырь доминиканокъ; два бригитокъ и кармелитокъ въ Люблинѣ были уже закрыты въ 1818 г., а монахини бригитки, числомъ двѣ, жили въ зданіи прежняго своего монастыря, а двѣ же кармелитки проживали у сестеръ милосердія. Эти четыре монахини были оставлены на прежнихъ мѣстахъ. Что касается до монастыря норбертанокъ въ Пинчевѣ, то онъ былъ закрытъ еще въ апрѣлѣ 1864 г.; монахини переведены въ другой монастырь своего ордена, въ Имбрамовицахъ, а монастырскія зданія обращены въ казармы Волынскаго уланскаго полка.

Упраздненіе четырехъ греко-уніатскихъ монастырей, которые какъ по малому числу монашествующихъ въ нихъ лицъ, такъ и по внутреннему управленію не соотвѣтствуютъ нынѣ своему назначенію, послѣдовало по постановленію намѣстника отъ того же 28-го ноября (10-го декабря) 1864 г., при чемъ всѣ монахини были сосредоточены въ Варшавскомъ монастырѣ. Эти монастыри закрыты: въ Бѣлѣ съ 1-го на 2-е декабря, въ Холмѣ, Люблинѣ и Замостьѣ 5-го декабря 1864 г.

Наконецъ подобнымъ же постановленіемъ намѣстника отъ 4-го (16-го) декабря 1864 г. закрыто общество фелиціанокъ, которое никогда не было утверждено правительствомъ. Не представивъ къ назначенному сроку (3-го іюля 1859 г.) своего устава на утвержденіе и не указавъ источниковъ для обезпеченія своего существованія, оно однако «продолжало незаконное свое существованіе, къ сожалѣнію, не чуждое даже участія въ политическихъ происках».

Община фелиціанокъ въ Варшавѣ закрыта полковникомъ М. Н. Анненковымъ, утромъ 5-го (17-го) декабря. Изъ состава этой общины 19 затворницъ переведены въ Ловичъ къ бернардинкамъ на дальнѣйшее жительство, а съ прочими сестрами, согласно инструкціи намѣст-

ника и по изъявленному ими самими желанію, было поступлено такъ: 83—какъ пожелавшія возвратиться къ свѣтской жизни, оставлены въ Варшавѣ при своихъ родныхъ; 15—отправлены за границу; 5—къ роднымъ въ Имперію и 46—получили паспорты для слѣдованія въ свои семейства въ губерніи царства Польскаго.

Изъ 36 сестеръ, находившихся въ провинціи при дѣтскихъ пріютахъ, 19 прибыли въ Варшаву къ своимъ роднымъ, а остальныя разъѣхались по другимъ мѣстамъ, возвратившись тоже къ родственникамъ. Всѣ вообще расходы по распредѣленію фелиціанокъ, согласно инструкціи графа Берга, обращены на учредителей общины фелиціанокъ, преимущественно же на то лицо, въ чьемъ домѣ, въ Варшавѣ, помѣщалось продолжавшее свое существованіе, безъ законнаго утвержденія правительства, общество фелиціанокъ [1]).

Фелиціанки, какъ особо занимавшіяся пропагандою между уніатскимъ населеніемъ, отданы были подъ строгое полицейское наблюденіе.

Впечатлѣніе, произведенное на публику закрытіемъ и упраздненіемъ 118 римско-католическихъ монастырей, было огромное, но замѣчательно, что собственно не участь монастырей и монаховъ обращала на себя вниманіе, а неожиданность реформы, энергичность ея исполненія и глубокая тайна, въ которой содержалось это дѣло. Тутъ только начали понимать, что правительство пойдетъ впередъ смѣло; рѣшительно, обдумывая заранѣе каждый свой шагъ, каждую свою мѣру и примѣняя ее, на практикѣ, во всемъ объемѣ безъ малѣйшихъ поблажекъ. Можно съ полною достовѣрностью заявить, что успѣхъ монастырской реформы въ сильной степени повліялъ на правильное теченіе крестьянскаго дѣла въ Привислинскомъ краѣ.

Послѣ монастырской реформы, я въ теченіе четырнадцати лѣтъ—(1865—1879) былъ губернаторомъ въ Радомѣ, при чемъ сходился со многими лицами изъ мѣстнаго общества и говорилъ съ ними весьма откровенно. Никогда и никто изъ нихъ не выражалъ мнѣ сожалѣній по поводу закрытія монастырей, напротивъ, всѣ, не смотря на различіе своихъ положеній и взглядовъ на дѣйствія правительства, вообще одобряли монастырскую реформу. Римско-католическіе монастыри давнымъ давно утратили свое значеніе въ краѣ, а монахи представлялись не болѣе, какъ паразитами и эксплоататорами женщинъ, не пользуясь у мужчинъ ни малѣйшими симпатіями. Скоро о нихъ совершенно забыли. Ихъ какъ бы не бывало. Слѣдуетъ замѣтить, что оставленные монастыри

---

[1]) Община фелиціанокъ занимала домъ графа Пусловскаго на Даниловичевской улицѣ, примыкая задней стороной къ монастырю капуциновъ на Медовой улицѣ.

еще болѣе утратили свое значеніе и существуютъ только потому, что сдѣланы штатными и не вымеръ еще весь контингентъ монаховъ дореформеннаго времени. Насколько извѣстно, новиціатъ, кромѣ Ченстоховскаго монастыря паулиновъ, не возобновленъ ни при одномъ изъ монашескихъ орденовъ, и едва-ли въ будущемъ найдется достаточное число желающихъ поступить въ монахи. За все время съ 1864 г. былъ только одинъ примѣръ принятія новиція (послушника) въ паулинскій монастырь на Ясной горѣ въ Честоховѣ. Благодаря чудотворной иконѣ Богородицы, монастырь этотъ посѣщается огромнымъ числомъ богомольцевъ, и доходы его весьма велики, и, слѣдовательно, жизнь монаховъ въ матеріальномъ отношеніи обезпечена свыше мѣры. Понятно, что этотъ собственно монастырь всегда будетъ привлекать къ себѣ желающихъ поступить въ число его братіи, но съ другой стороны закрытіе именно этого монастыря будетъ особенно пріятно бѣлому духовенству, которое, въ такомъ случаѣ, совьетъ себѣ тамъ теплое гнѣздо. Впрочемъ, еще неизвѣстно, въ чьихъ рукахъ лучше видѣть Ясную гору—въ рукахъ монаховъ, или бѣлаго духовенства. Послѣднее, обладая большимъ сравнительно числомъ образованныхъ людей, посадило бы туда своихъ излюбленныхъ членовъ, испытанныхъ въ фанатизмѣ, тогда какъ монахи болѣе простодушны и фанатизмъ ихъ менѣе тонокъ и опасенъ.

Вообще если бы во время обсужденія монастырской реформы было извѣстно дѣйствительное настроеніе общественнаго мнѣнія насчетъ монастырей, то не слѣдовало бы останавливаться передъ совершеннымъ уничтоженіемъ всѣхъ ихъ. Мѣра эта не встрѣтила бы серьезнаго протеста въ обществѣ. Н. А. Милютинъ послѣ реформы уже неоднократно выражалъ сожалѣніе, что мы не знали объ этомъ обстоятельствѣ, на которое можно было бы прочно опереться и проектировать общее уничтоженіе монастырей.

Д. Г. Анучинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма В. П. Балабина графу П. Д. Киселеву [1]).

13.

15-го декабря 1858 г., Вѣна.

Ваше сіятельство! Чиновникъ извѣстилъ васъ оффиціально о водвореніи его на мѣстѣ, на которое онъ призванъ своимъ августѣйшимъ повелителемъ и поспѣшилъ предложить вамъ, по этому поводу, свои услуги; какъ частный человѣкъ, онъ также чувствуетъ потребность сказать свое слово и скрѣпить своею подписью все сказанное должностнымъ лицомъ. Такимъ образомъ единомысліе ихъ не подлежитъ сомнѣнію, да и могло ли быть иначе, и вы можете разсчитывать на почтительную и искреннюю преданность, какую они питаютъ къ вамъ, и на несомнѣнное ихъ желаніе быть во всѣхъ случаяхъ вамъ полезнымъ или пріятнымъ.

Когда я уѣзжалъ, Петербургъ былъ озабоченъ перемѣною министерства въ Берлинѣ, допуская въ извѣстной степени, но съ бо̀льшими ограниченіями, нежели Будбергъ, вѣроятныя послѣдствія этой перемѣны.

Относительно Франціи—самая твердая рѣшимость держаться во всѣхъ вопросахъ политики согласія и пользоваться всякимъ подходящимъ случаемъ закрѣпить, въ виду взаимныхъ выгодъ, узы, соединяющія обѣ имперіи.

Относительно Англіи—величайшее удивленіе, вызванное эксцентрич-

[1]) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1902 г

ностью Мальмсбюрри, и горячее одобреніе отвѣта, даннаго Брунновымъ. Не имѣя возможности улучшить наши отношенія, ибо у насъ нѣтъ почвы для соглашенія, мы не прочь быть съ нею въ хорошихъ, даже въ очень хорошихъ отношеніяхъ, если Альбіонъ этого пожелаетъ.

Относительно Австріи и Турціи—мы ожидаемъ фактовъ, которые придаютъ извѣстную цѣну словеснымъ увѣреніямъ, или тому, что на нашемъ иносказательномъ языкѣ называется добрыми обѣщаніями; мы ожидаемъ этихъ фактовъ съ тѣмъ терпѣніемъ, которое даетъ намъ убѣжденіе, что ихъ придется ждать долго. Старались также предугадать какія послѣдствія могутъ имѣть волненія, возникшія въ Италіи, что со временемъ было выяснено Moniteur'омъ.

Вообще въ Петербургѣ были настроены миролюбиво и болѣе всего озабочены внутренними дѣлами, которыя долго еще будутъ на первомъ планѣ.

Утомительный переѣздъ изъ Петербурга въ Вѣну совершился довольно быстро съ остановкою на 36 часовъ въ Варшавѣ.—Повидавшись тамъ кое съ кѣмъ, я убѣдился, что въ настроеніи общества произошла значительная перемѣна къ лучшему. Посѣщеніе императора оставило прекрасное впечатлѣніе такъ же точно, какъ и прогрессъ, коимъ отмѣчено мѣстное управленіе, а равно и лучшій подборъ лицъ, поставленныхъ во главѣ администраціи, чѣмъ обязаны князю Горчакову. Ему благодарны за его стараніе очистить Авгіевы конюшни, хотя при этомъ не вполнѣ раздѣляютъ его взгляды и убѣжденія.

Въ Вѣнѣ. Дворъ, кабинетъ и городъ оказали мнѣ самый лестный и радушный пріемъ. Начну съ кабинета и имъ же окончу свой отчетъ. Съ нами желаютъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ, и въ особенности, по моему мнѣнію, не желаютъ, чтобы эти отношенія казались дурными. Въ Константинополѣ между представителями державъ состоялось соглашеніе съ намѣреніемъ успокоить несговорчивыхъ каймакамовъ. Это служитъ хорошимъ предзнаменованіемъ на этой почвѣ, до сихъ поръ раздираемой всякими раздорами. Вопросъ о Черногоріи наконецъ рѣшенъ, и остается желать, чтобы это рѣшеніе было окончательное.—Въ Сербіи, конечно, существуютъ безпокойные элементы, но они имѣли, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, скорѣе характеръ несогласій, нежели серьезныхъ смутъ. Слѣдовательно, во всей этой территоріи, которая насъ интересуетъ, обнаруживаются признаки весьма успокоительнаго свойства. Согласно ли со здравой политикой поселять раздоръ въ домѣ сосѣда? Россія пользуется на Востокѣ симпатіями, которыя она пріобрѣла по праву и которыя она желаетъ сохранить. Австрія со своей стороны можетъ преслѣдовать тамъ свои личныя цѣли, отъ которыхъ

ей было бы трудно отказаться; но это причина недостаточная, чтобы пожертвовать ради нея интересами первостепенной политической важности и консервативными интересами въ частности. Франція точно такъ же имѣетъ, или по крайней мѣрѣ считаетъ, что у нея существуютъ интересы въ Италіи; и что же! вѣковая борьба въ этой странѣ между двумя державами за преобладаніе не погубила до сей поры ни Франціи, ни Австріи. Наконецъ всѣ отдаютъ здѣсь полную справедливость благимъ намѣреніямъ императора Александра и слѣдятъ съ величайшимъ интересомъ за осуществленіемъ задуманныхъ имъ великихъ реформъ.

Таково вкратцѣ содержаніе разговора моего съ графомъ Буолемъ.

На первый взглядъ здѣсь не существуетъ серьезнаго повода къ тревогѣ. Не производится ни усиленнаго вооруженія, ни призыва отпускныхъ, ни сколь-нибудь значительныхъ передвиженій войскъ. Тѣмъ не менѣе тревога существуетъ, хотя она и ослабляется надеждами на Пруссію и на нравственную поддержку Англіи, на которую здѣсь сильно разсчитываютъ. Но хотя всѣ находятся настороже и ко всему тревожно прислушиваются, однако опасность считается еще столь далекой, что пока не находятъ нужнымъ увеличивать составъ арміи, или измѣнять его преждевременно. Если свѣдѣнія, полученныя мною, вѣрны, то въ настоящее время здѣсь могутъ выставить по первому требованію до 300 тыс. человѣкъ, такъ какъ войско отлично вооружено и обмундировано. Слѣдовательно, никакая случайность, если она не потребуетъ болѣе значительныхъ кадровъ, не застигнетъ австрійское правительство врасплохъ, а изворотливый геній министра финансовъ, умѣющаго какъ нельзя лучше пользоваться всѣми средствами страны, съумѣетъ удовлетворить всѣ нужды на первое время.

Таково въ краткихъ словахъ положеніе дѣлъ, какъ я его понимаю: непостоянство, тревожное состояніе въ политической атмосферѣ, заднія мысли во всѣхъ дѣйствіяхъ кабинетовъ, сомнѣнія и колебанія повсюду, полное отсутствіе довѣрія къ чему бы то ни было, а рѣшимости еще менѣе. Поэтому гораздо болѣе шансовъ, по моему мнѣнію, въ пользу временнаго мира, нежели въ пользу сомнительной войны; но прочнаго, благодѣтельнаго мира нельзя ожидать точно такъ же, какъ и смертоубійственной войны. Впрочемъ я не папа непогрѣшимый и гораздо болѣе разсчитываю на ваше снисхожденіе, нежели на безошибочность моихъ сужденій.

Примите, графъ, увѣреніе въ моемъ искреннемъ почтеніи и таковой же преданности.

14.

9-го января 1859 г., Вѣна [1]).

Ваше сіятельство! Долгомъ считаю препроводить при семъ вашему сіятельству письмо, полученное мною отъ нашего генеральнаго консула въ Бухарестѣ, которое вы прочтете безъ сомнѣнія съ удовольствіемъ, ибо оно служитъ доказательствомъ, что тамъ царствуетъ не одинъ только безпорядокъ и анархія, какъ иные желаютъ представить, и что труды конференціи далеко не лишены значенія. Тамошнія дѣла, точно такъ же, какъ и сербскія, пойдутъ тѣмъ лучше, чѣмъ менѣе будетъ вмѣшиваться въ нихъ Порта, чѣмъ меньше она будетъ проявлять свою верховную власть, тѣмъ дольше она сохранитъ ее, и, наконецъ, чѣмъ скорѣе она рѣшится признать совершившіеся факты, тѣмъ болѣе они послужатъ ей на пользу. Сербскій вопросъ, какъ я говорилъ съ самаго начала, можетъ быть шербетомъ или пороховой бочкой. Ежели Порта предпочитаетъ шербетъ, пусть она поторопится снять съ себя отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ.

Велико было здѣсь удивленіе, когда оффиціальная газета возвѣстила о посылкѣ подкрѣпленія итальянской арміи, которое, судя по слухамъ, доходитъ до 5 полковъ пѣхоты численностью въ 2.150 человѣкъ каждый (составъ мирнаго времени)—всего 11.550 человѣкъ, одного батальона егерей въ 800 человѣкъ, 2-хъ кавалерійскихъ полковъ въ 3.200 человѣкъ, 5 батарей пѣшей артиллеріи съ 40 орудіями.

Другіе говорятъ, будто послано 6 пѣхотныхъ полковъ и 6 батарей, и опредѣляютъ общую цифру въ 20 тысячъ человѣкъ. Нѣкоторые полки, получивъ приказаніе выступить, ушли 24-го числа; они были двинуты съ такою быстротою и въ такомъ порядкѣ, которые свидѣтельствуютъ, что военное вѣдомство располагаетъ обширными средствами для мобилизаціи.

Во всемъ этомъ дѣлѣ я могъ только искренно пожалѣть о безтактномъ по меньшей мѣрѣ инцидентѣ съ знаменитой бригадой, предоставленной въ распоряженіе Бѣлградскаго паши. Независимо отъ вопроса о правѣ, которое мы оспариваемъ, я не вижу въ этомъ фактѣ гарантіи спокойствія, котораго никто не думалъ нарушать.

Примите, графъ, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи.

---

[1]) На поляхъ помѣта графа Киселева: „Это письмо писалось съ цѣлью быть прочитаннымъ мною графу Валевскому".

15.

19-го (31-го) января 1859 г., Вѣна.

Ваше сіятельство! Положеніе здѣсь нисколько не измѣнилось, если не считать, что пока надежды на миръ преобладаютъ передъ ожиданіемъ войны. Судя по оффиціальнымъ сообщеніямъ, правительство получило успокоительныя извѣстія изъ Ломбардіи и радуется своей военной демонстраціи, которая во всѣхъ отношеніяхъ оправдала его ожиданія, внушивъ страхъ населенію Италіи. Ваше сіятельство найдете далѣе таблицу дислокаціи австрійскихъ силъ въ Италіи. Начинаютъ поговаривать о посылкѣ новаго подкрѣпленія въ 25 тысячъ человѣкъ, которое будетъ двинуто въ ту же сторону черезъ мѣсяцъ или два. Вотъ что говорятъ здѣсь по этому поводу: между Австріей и остальными державами существуетъ глубокое разногласіе, но въ Европѣ не существуетъ серьезныхъ причинъ къ войнѣ. Однако, не слѣдуетъ забывать, что если не существуетъ причины, то поводъ къ войнѣ всегда можетъ быть найденъ. Этимъ поводомъ можетъ быть нечто иное, какъ возстаніе въ Ломбардіи. Слѣдовательно, если поводъ будетъ устраненъ, вѣтеръ тотчасъ подуетъ въ сторону мира. Возстаніе предупреждено посылкою войска; этимъ выиграно время, и теперь общественное мнѣніе и мнѣніе Германіи въ частности можетъ осмотрѣться, высказаться и въ случаѣ надобности даже протестовать, и гроза пройдетъ мимо, не разразившись надъ головою Австріи. Таковы надежды. Къ этому я прибавлю, что Австрія, сознавая причины своей слабости, которыя лежатъ въ ней самой, чувствуетъ необходимость сопротивляться до послѣдней возможности.

Большое государство, съ однороднымъ населеніемъ, можетъ уступить сегодня, если это ему выгодно, все то, что оно навѣрняка можетъ возвратить завтра. Австрія не можетъ сдѣлать этого безнаказанно, поэтому она скорѣе рискнетъ начать войну, чтобы заставить увѣровать въ ея силы, нежели обнаружитъ свою слабость, вступивъ на широкій путь уступокъ. Скажу болѣе, для нея опаснѣе всякаго сраженія быть вѣчно на чеку и въ той постоянной тревогѣ, которая стала теперь ея обычнымъ состояніемъ; для нея это положеніе безспорно самое тяжелое. Поэтому общее стѣсненіе и недовольство замѣтны повсюду, налоги достигаютъ страшныхъ размѣровъ, между тѣмъ какъ заемъ, который предполагали заключить для облегченія платежей казначейства, потерпѣлъ, какъ говорятъ, полнѣйшее фіаско на Лондонской биржѣ.

Я получилъ изъ Петербурга приказаніе заявить, что мы продол-

жаемъ настаивать на своемъ протестѣ по Бѣлградскому дѣлу, основываясь на доводахъ, изложенныхъ въ депешѣ графа Валевскаго къ Баневилю отъ 16-го января. Я сообщилъ объ этомъ графу Буолю. Онъ надѣется, что дѣло ограничится теоретическимъ несогласіемъ въ правовомъ вопросѣ и не будетъ имѣть дальнѣйшихъ послѣдствій. Я сдѣлалъ ему также сообщеніе по Дунайскому вопросу, которое было вызвано извѣстіемъ, полученнымъ имъ отъ Баневиля. Изъ его отвѣта слѣдуетъ, что онъ еще не можетъ сказать, къ чему приведутъ переговоры съ совладѣльцами береговъ, потому что эти переговоры еще не окончены. Онъ надѣется, что поправки, внесенныя въ актъ 7-го ноября, будутъ признаны удовлетворительными, тогда какъ, по моему мнѣнію, есть полное основаніе думать, что ихъ признаютъ недостаточными, и, наконецъ, что отвѣтъ австрійскаго правительства будетъ представленъ не на конференцію, но каждой державѣ въ отдѣльности. Однимъ словомъ, Австрія настаиваетъ на заявленіи, сдѣланномъ ея уполномоченнымъ на конференціи; разумѣется, она пойдетъ на нѣкоторыя уступки, которыя фактически уже осуществлены, напримѣръ, право каботажа въ той части Дуная, которая принадлежитъ Турціи, но я сомнѣваюсь, чтобы она допустила его на верховьяхъ Дуная, гдѣ она будетъ вѣроятно отстаивать права собственности прибрежныхъ жителей. Державы вольны, по словамъ Буоля, соединиться и воспользоваться этимъ, дѣйствуя сообща, или протестовать. Дѣло въ томъ, что послѣ возстанія въ Ломбардіи, здѣсь болѣе всего опасаются созыва конференціи, на которой такъ или иначе будетъ затронутъ вопросъ о дѣлахъ въ Италіи.

Раздраженіе противъ Франціи, которое здѣсь очень замѣтно въ нѣмецкой части мѣстнаго населенія, сообщилось Берлину и въ скоромъ времени охватитъ вѣроятно всю Германію. Всѣ настроены здѣсь не столько противъ Франціи, сколько противъ императорскаго режима. Конечно, все это признаки не особенно успокоительные для сохраненія мира, точно такъ же, какъ и для спокойствія Кавура, которому угрожаетъ, какъ говорятъ, неминуемое паденіе, если онъ не будетъ держать всѣхъ въ вѣчномъ ожиданіи войны.

Благодаря васъ, графъ, за письмо которое благодаря вашему любезному содѣйствію написалъ мнѣ Убри, пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы повторить вамъ увѣреніе въ моемъ почтеніи и преданности.

Прошу извинить меня, такъ какъ я не успѣю перечитать этого письма.

16.

4-го (16-го) марта 1859 г. Вѣна.

Ваше сіятельство! Сегодня я могу сообщить вамъ весьма мало новаго, ибо свѣтъ истины исходитъ нынѣ изъ Парижа. Между прочимъ всѣ разъясненія, сдѣланныя вчера Monieur'омъ, показались гр. Буолю весьма прозрачными.

— Насъ хотятъ локализировать, сказалъ онъ мнѣ сегодня утромъ, насъ хотятъ отдѣлить отъ Германіи и покончить съ Итальянскимъ вопросомъ прежде, чѣмъ приняться за Рейнскій,—которому также придетъ свой чередъ.

Не знаю, какое впечатлѣніе произведетъ эта статья на нѣмецкія государства, однако не могу не пожалѣть о нѣкоторыхъ не совсѣмъ ловкихъ выраженіяхъ, которыя, пожалуй, ослабятъ прекрасное впечатлѣніе, какого ожидали отъ этой манифестаціи; называя воинственный энтузіазмъ нѣмцевъ дѣломъ не серьезнымъ, эта статья можетъ ихъ оскорбить.

По моему мнѣнію, Коулэй, съ самаго пріѣзда, взглянулъ на положеніе дѣлъ совершенно превратно. У него еще до пріѣзда сюда составился довольно странный взглядъ на цѣли и намѣренія Австріи. Онъ повѣрилъ въ возможность иниціативы съ ея стороны при нападеніи на Сардинію, полагалъ, что она приметъ вызывающій тонъ и готова высокомѣрно бросить вызовъ Европѣ. Ему обѣщали не нападать, увѣрили его въ миролюбіи; въ разговорѣ съ нимъ о частныхъ договорахъ стали на почву права, подписали дополнительный договоръ о Дунаѣ и т. п. Кажется, онъ принялъ все это если не за уступки, то за готовность придти къ соглашенію. Если это вѣрно, то онъ стрѣлялъ по воробьямъ изъ пушки. Дѣло въ томъ, что положеніе дѣлъ до и послѣ пріѣзда Коулэя нисколько не измѣнилось. По крайней мѣрѣ онъ имѣетъ, вѣроятно, данныя, чтобы начать серьезные переговоры, а это что-нибудь да значитъ. Гр. Буоль не касался еще въ разговорѣ со мною вопроса о конгрессѣ, слухи о которомъ начинаютъ уже проникать въ печать. Изъявитъ ли на него свое согласіе Австрія или нѣтъ, наилучшимъ разультатомъ конгресса было бы то, если бы ея положеніе стало еще болѣе изолированнымъ.

Пока здѣсь остаются такими, какъ были всегда — непреклонными по существу и по виду. Для вида это необходимо, чтобы доказать твердость Германіи, которая отреклась бы отъ Австріи при малѣйшемъ признакѣ слабости съ ея стороны; по существу австрійцы непреклонны потому, что они до сихъ поръ надѣются, что при пер-

вомъ пушечномъ выстрѣлѣ, а можетъ быть и раньше Пруссія и Германія будутъ вынуждены общественнымъ мнѣніемъ слить свои интересы съ интересами Австріи.

Ваше сіятельство найдете при семъ нѣкоторыя данныя касательно дислокаціи австрійскихъ войскъ и будете, вѣроятно, удивлены незначительнымъ количествомъ войска, оставленнымъ на сѣверѣ Имперіи; это доказываетъ, повидимому, что австрійское правительство, не смотря на всѣ тревожные симптомы, не признаетъ опасности.

Я начинаю серьезно побаиваться, что будущее лѣто будетъ еще менѣе благопріятно для вашего отдохновенія, нежели предшествовавшіе годы.

Позвольте мнѣ, графъ, выразить вамъ еще разъ пожеланія добраго здоровья; вмѣстѣ съ тѣмъ прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ неизмѣнномъ почтеніи и таковой же преданности.

17.

2-го ноября 1859 г. Вѣна.

Ваше сіятельство! Возвратясь въ Вѣну, я тотчасъ отправился къ гр. Рехбергу. Не входя въ подробности, онъ сообщилъ мнѣ, что надѣется вскорѣ сообщить кн. Горчакову добрыя вѣсти. Эти добрыя вѣсти должны были отправиться въ Петербургъ вчера съ австрійскимъ курьеромъ. Я не думаю, чтобы въ нихъ заключалось что-либо иное кромѣ согласія императора Франца-Іосифа на рѣшеніе, принятое въ Варшавѣ, такъ какъ Рехбергъ до сей поры только намекалъ Вертеру на предложенія, которыя онъ долженъ будетъ сдѣлать въ Берлинѣ. Министръ высказалъ также, что онъ нисколько не боится, чтобы Варшавскія свиданія могли вызвать тревогу во Франціи, такъ какъ сближеніе Россіи съ Австріей вполнѣ согласуется съ желаніями императора Наполеона. Эрцгерцогъ и бар. Вернеръ не нахвалятся пріемомъ, который имъ былъ оказанъ у насъ. Мои сотоварищи по дипломатическому корпусу такъ же, какъ и австрійская публика, чрезвычайно этому рады, хотя видятъ въ этомъ сближеніи только прекращеніе непріязненныхъ отношеній, а отнюдь не формальное соглашеніе или союзъ, въ который здѣсь никто не вѣритъ. Съ другой стороны, въ Венгріи и прочихъ мѣстностяхъ также искренно радуются и тому, что свиданіе императоровъ не состоялось, и этотъ фактъ истолковывается не во вредъ намъ. Вообще, насколько можетъ судить затворникъ (ибо я сижу безвыходно дома по причинѣ сильнаго насморка), общественное мнѣніе не ошибается въ оцѣнкѣ перемѣны, происшедшей въ отношеніяхъ

двухъ кабинетовъ, и придаетъ ему значеніе наиболѣе желательное для васъ и для меня—вашего ученика; оно видитъ въ немъ только удовлетворительный и умѣренный результатъ свиданія и ничего болѣе, хотя, кажется, подозрѣваетъ, что тутъ кроется что-то еще.

При иныхъ обстоятельствахъ, все это произвело бы гораздо бо́льшее впечатлѣніе, но внутреннее состояніе императора таково, что оно поглощаетъ всеобщее вниманіе, отодвигая дѣла внѣшней политики на задній планъ. Венгрія вредитъ Ломбардіи, Кроація—Тосканѣ и т. д. Во время моего двухъ-недѣльнаго отсутствія событія шли по истинѣ съ поразительной быстротою. Уступка, которая была бы умѣстна двѣ недѣли тому назадъ, будетъ сегодня не кстати, и знаменитыя слова: «слишкомъ поздно» у всѣхъ на устахъ.

Ограничиваюсь сегодня этими немногими строками, въ намѣреніи при всякомъ удобномъ случаѣ сообщать вамъ все, что̀ можетъ васъ интересовать.

Поблагодаривъ васъ, графъ, за отпускъ, который вы были столь добры разрѣшить моему племяннику Репнину, коему я поручаю передать вамъ это письмо, прошу васъ принять увѣреніе въ неизмѣнномъ моемъ почтеніи и преданности.

18.

23-го ноября 1859 г. Вѣна.

Ваше сіятельство! Не получивъ еще депешъ изъ Петербурга, я не знаю, въ какомъ положеніи находятся наши дѣла послѣ Варшавскаго свиданія. Подвинулись ли они сколько-нибудь съ тѣхъ поръ, сдѣлали ли мы какой-нибудь серьезный шагъ въ ту или другую сторону, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь; все это я узнаю вѣроятно съ ближайшей почтою.

Гр. Рехбергъ писалъ кн. Горчакову по поводу переговоровъ, начатыхъ въ Варшавѣ, и ожидаетъ отъ него отвѣта; я со своей стороны ожидаю какого-нибудь предлога, чтобы загорить съ нимъ объ этомъ. Между тѣмъ я узналъ секретнымъ путемъ, что Меттернихъ писалъ сюда, и что, заговоривъ съ Валевскимъ о предложеніяхъ, которыя онъ собирался ему сдѣлать, онъ убѣдился, что графу было извѣстно объ этомъ больше, нежели онъ ожидалъ, и это навело его на мысль, что вы упредили его, сообщивъ министру сущность дѣла, и желали этимъ показать, что мы не имѣемъ тайнъ отъ Франціи и дорожимъ болѣе всего нашими дружественными къ ней отношеніями. Что касается нашихъ отношеній къ Вѣнѣ, то они насколько возможно хороши; всѣ причины къ непріязни устранены, мы одушевлены взаимно чувствомъ доброже-

лательства, но для полнаго согласія у насъ нѣтъ почвы и недостаетъ общаго дѣла. Наша дружба чисто теоретическая; доказать ее на практикѣ до сихъ поръ не было случая. Если бы у насъ былъ общій врагъ, это облегчило бы дѣло, но гдѣ же его взять? Революція—твердятъ намъ постоянно, но это слово очень неопредѣленное и растяжимое, а когда приходится высказаться яснѣе, то всегда оказывается, что нашими руками хотятъ жаръ загребать. Но, восклицаютъ нѣмцы, ежели герцогъ Тосканскій будетъ побѣжденъ, то онъ увлечетъ въ своемъ паденіи и нашихъ принцевъ. Да что же это собственно за принцы? Надобно прибѣгнуть къ «Готскому Альманаху» и вооружиться лупою, чтобы розыскать ихъ. Не будемъ же ускорять ихъ паденія, но съ другой стороны не будемъ и заботиться о нихъ, въ особенности не будемъ добиваться чести быть подпорою обветшалаго зданія, которое готово рухнуть [1]). Я слышалъ изъ частнаго источника о томъ, что С. П. разсказываетъ по поводу нашего Варшавскаго свиданія. Онъ передаетъ, будто наши старые консерваторы, подстрекаемые Германіей, рѣшили нанести во время своего пребыванія тамъ рѣшительный ударъ нашему министру и его политикѣ и что ими съ успѣхомъ уже были пущены въ ходъ семейныя узы. Варшава разстроила этотъ планъ: единодушіе четырехъ представителей и главнымъ образомъ ваше veto сдвинули корабль съ мели, и онъ плыветъ благополучно, держась прежняго курса.

Тотъ фактъ, что его (министра) просили держаться прежней политики, считаютъ признаніемъ его дѣйствій правильными, и кн. Горчаковъ, которому хотѣли сломить шею, почерпнулъ въ этомъ новую силу.

Приглашенія на конгрессъ задержаны здѣсь вслѣдствіе того, что вопросъ о Сардинскомъ регентствѣ или, лучше сказать, о регентствѣ Бонкомпаньи [2]), еще не выясненъ окончательно. Напрасный трудъ, такъ какъ приглашенія все же придется разослать. Въ концѣ концовъ я все-таки не вижу во всемъ происходящемъ признаковъ искренняго сближенія между Австріей и Франціей [3]). Я на это не жалуюсь и покуда желаю одного: чтобы развѣялись тучи, которыя грозили одно время безъ всякой причины затмить нашу дружбу съ Франціей.

Пользуюсь настоящимъ случаемъ, графъ, подтвердить вамъ увѣреніе въ искренней моей преданности и таковомъ же почтеніи.

---

[1]) Помѣта на полѣ рукою гр. Киселева: „Вѣрно и прекрасно сказано".

[2]) Бонкомпаньи (Карло Buoncompagni) — итальянскій государственный дѣятель и журналистъ, род. 1804 г. † 1880 г. Въ 1857 г. былъ назначенъ посланникомъ во Флоренцію, а въ 1859 г. дѣйствовалъ тамъ въ качествѣ комиссара Виктора-Эммануила при временномъ правительствѣ Тосканы.

[3]) Помѣта на поляхъ рукою гр. Киселева: «пока я того же мнѣнія».

19.

3-го (15-го) августа 1860 г. Вѣна [1]).

Давно, сіятельнѣйшій графъ, не имѣлъ чести вамъ писать. Одна особа, у которой другая спрашивала причину продолжительнаго молчанія,— отвѣчала: «Il y a des années où l'on se sent si paresseux». Но моя лѣнь была бы непростительна, если была бы просто лѣнь. Я писалъ съ особенной охотой въ то время, какъ въ политикѣ мы, такъ сказать, стали запрягать, и пересталъ съ той поры, какъ начали отпрягать. Надежда васъ снова увидѣть въ Варшавѣ и подчинить тамъ свои дѣйствія и мысли благосклонному вашему обсужденію и вниманію заставляетъ меня отложить подробности до того времени. Скажу только, что не безъ прискорбія вижу колебанія, недоумѣнія, требованія, по моему разумѣнію, неудовлетворимыя и, главное, стремленіе къ обветшалымъ началамъ несбыточнымъ и пагубнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Вашъ отзывъ столь ясный, твердый и откровенный насчетъ обстановки начатаго нами восточнаго дѣла доказываетъ мнѣ, что я не одинъ остаюсь при своемъ воззрѣніи и что оно подтверждается почтеннымъ авторитетомъ вашей опытности и патріотической смѣтливости. Какъ писалъ и выражался я въ Варшавѣ въ прошломъ году, такъ и продолжалъ съ той поры и буду продолжать, не взирая на упорное молчаніе, коимъ отвѣчаютъ на мои замѣчанія. Допуская и съ нашей стороны нѣкоторые поводы къ неудовольствію на 4-хъ лѣтняго пріятеля, нахожу, однако, что этого недостаточно для измѣненія основанія и направленія, принятыхъ нами, очевидно, не произвольно, а истекающихъ прямымъ путемъ отъ нашихъ истинныхъ интересовъ и крайней необходимости въ содѣйствіи дѣйствительномъ и сильномъ. Когда лордъ Джонъ, негодуя на Францію за Савойское дѣло, угрожалъ ей въ парламентѣ пріискать для Англіи на Европейскомъ материкѣ новыхъ друзей, его голосъ исчезъ въ пространствѣ, какъ голосъ пророка въ пустынѣ. Новыхъ пріятелей и намъ пріискать не легко, если не довольствоваться словесными увѣреніями и желать пріятелей дѣйствительно полезныхъ. Итакъ повторяю, при всемъ томъ, что мы не достигаемъ по сіе время предположенныхъ нами цѣлей, я, съ своей стороны, все же напираю и буду напирать на продолженіе принятаго нами съ 1856 г. направленія, при искренномъ убѣжденіи, что всякое иное гибельно по послѣдствіямъ любезному нашему отечеству. Вотъ, графъ, въ краткихъ словахъ моя точка зрѣнія и общій тонъ монхъ

[1]) Письмо писано по-русски.

убѣжденій. Ваше сіятельство легко допустите, что не мало, мимо меня и черезъ голову мою, употребляется усилій къ достиженію цѣлей діаметрально противныхъ этимъ убѣжденіямъ. Не полная благонадежность представившагося случая для отправленія настоящихъ строкъ вынуждаетъ меня прибѣгнуть къ отечественному языку и довольствоваться намеками вмѣсто яснаго изложенія.

Желая вашему сіятельству отдохнуть въ Баденѣ отъ многихъ и премногихъ дрязгъ и суетъ и надѣясь имѣть счастіе вамъ скоро засвидѣтельствовать лично неизмѣнность своихъ чувствъ, прошу васъ принять изъявленія глубочайшаго моего почтенія и таковой же преданности.

20.

22-го декабря 1860 (10-го января 1861 г.) С.-Петербургъ.

Не хочу отпустить курьера, не воспользовавшись случаемъ написать вашему сіятельству нѣсколько строкъ. Начну съ пожеланія вамъ къ Новому году добраго здоровья и веселыхъ праздниковъ. Эти пожеланія исходятъ, графъ, отъ чистаго сердца, искренно вамъ преданнаго и признательнаго, которое никогда не забудетъ вашего милостиваго и благосклоннаго отношенія къ нему.

Дѣло о крестьянахъ переходитъ изъ Комитета въ Государственный Совѣтъ. Муравьевъ съ Долгорукимъ, Панинымъ и другими приготовили контръ-проекты. Полагаютъ, что большинство членовъ Совѣта выскажется противъ комитетскаго проекта, но мнѣ кажется, что онъ имѣетъ болѣе шансовъ на успѣхъ. На это разсчитываютъ, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ Милютинъ и его друзья, которые не падаютъ духомъ. Судя по тому, какъ были приняты императоромъ остальные проекты, можно думать, что его величество рѣшилъ отдать предпочтеніе проекту, выработанному въ Комитетѣ. Страна совершенно спокойна. Здѣсь ходятъ разные, по обыкновенію преувеличенные, слухи о враждебномъ настроеніи умовъ въ Польшѣ. По моему мнѣнію, мы должны будемъ въ скоромъ времени дать ей новую форму правленія, которая въ значительной степени удовлетворила бы желанія страны. Трудно будетъ поддерживать настоящій режимъ въ то время, какъ во всѣхъ окружающихъ странахъ будетъ автономный образъ правленія. Намъ слѣдовало подумать объ этомъ еще въ 1856 году.

Что касается меня лично, то я возвращусь въ Вѣну, такъ какъ императоръ отклонилъ высказанное Рехбергомъ желаніе, чтобы туда былъ назначенъ посланникъ. Такимъ образомъ, я являюсь въ Вѣну при довольно печальныхъ обстоятельствахъ, выразившихся, во-первыхъ, въ неудачномъ

Варшавскомъ свиданіи, и во-вторыхъ, въ отказѣ назначить посланника,— если считать этотъ отказъ окончательнымъ. Пуганая ворона и куста боится; я ужъ наученъ не разсчитывать болѣе на завтрашній день. Не говоря обо мнѣ, назначеніе посланника въ Вѣну было бы съ нашей стороны крупной ошибкой, какъ и всякій поступокъ, могущій служить намекомъ на сближеніе съ Австріей, ибо въ такомъ случаѣ всѣ народности тотчасъ отвернутся отъ насъ и станутъ смотрѣть въ глаза Франціи и тѣмъ еще болѣе увеличатъ ея обаяніе. Я вижу изъ вашей переписки съ княземъ, что мы придаемъ большое значеніе происканъ польской партіи въ Парижѣ. Я считаю это преувеличеніемъ. Эти происки существовали всегда; при Луи-Филиппѣ въ Парижѣ постоянно засѣдало два комитета. Опасность, по моему мнѣнію, заключается не въ этомъ; она заключается въ той почвѣ, которую мы такъ дурно воздѣлали. Вмѣсто того, чтобы преслѣдовать цѣли политическія, мы прибѣгали къ полицейскимъ мѣрамъ, а когда полиція не сообразуется съ духомъ времени, то она приноситъ правительствамъ болѣе вреда, нежели пользы. Вообще, здѣсь во всемъ замѣтна тревога и безпокойство. Видя это, я задаю вопросъ: о какомъ же періодѣ нашей исторіи слѣдуетъ жалѣть, и такъ какъ никто не въ состояніи отвѣтить мнѣ на это, то я рѣшаю, что такъ какъ о прошломъ сожалѣть не приходится, то я не намѣренъ опасаться и за будущее.

Прошу васъ, графъ, по-прежнему вѣрить въ самыя искреннія мои пожеланія и принять увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ почтеніи и преданности.

21.

10-го августа 1861 г. Вѣна.

Позвольте мнѣ выразить вамъ живѣйшую благодарность за ваше любезное письмо отъ 17-го іюля и за посланіе, написанное вами наканунѣ собственноручно, которое поэтому для меня особенно драгоцѣнно.

Ваши просвѣщенные совѣты по вопросу о Княжествахъ не пропали даромъ, и я вижу изъ послѣдняго объясненія, представленнаго нами кабинетамъ, что мы настаиваемъ на законномъ содѣйствіи собраній для осуществленія предположеннаго измѣненія въ законѣ о выборахъ. Мы предлагаемъ также отложить вопросъ о созывѣ собраній, но не знаю, будетъ ли эта мысль одобрена прочими кабинетами; здѣсь же ее очень одобряютъ. Во всякомъ случаѣ пора ограничить фантазіи Кузы; судя по депешѣ Тувенеля къ Тиссо, за это взялась, кажется, Франція. Эта депеша доказываетъ, по моему мнѣнію, что тамъ держатся совершенно раціональной точки зрѣнія. Что касается Nord'a, то онъ безъ церемоніи вы-

кинулъ своихъ старыхъ друзей за бортъ и съ нахальствомъ, достойнымъ Times'a, поднялъ консервативный флагъ.

Вы уже знаете, конечно, что свиданіе между Омеромъ и кн. Черногорскимъ, которое было такъ тщательно подготовлено, не состоится; и въ этомъ случаѣ оправдалась извѣстная пословица, что у семи нянекъ дитя бываетъ безъ глаза.

Изъ послѣднихъ донесеній нашихъ агентовъ по этому дѣлу я вывожу заключеніе съ одной стороны, что князя хотѣли заставить играть при этихъ обстоятельствахъ и при свиданіи съ турецкимъ генераломъ слишкомъ жалкую роль, а съ другой стороны—что и молодой князь лавировалъ, колеблясь между желаніемъ понравиться Европѣ и боязнью заслужить неодобреніе у себя дома. Я еще надѣюсь, что несостоявшееся свиданіе не послужитъ причиной или поводомъ къ кровавой развязкѣ, хотя Омеръ мастеръ на этотъ счетъ; но это показало бы, что тутъ дѣло было не безъ умысла и намъ пришлось бы быть свидѣтелями жалкой комедіи. Поэтому я нахожу, что слѣдовало бы возобновить прерванные переговоры и приступить вновь къ мирному рѣшенію вопроса о соглашеніи, начатому съ такимъ трудомъ.

Здѣсь дѣла стоятъ все на той же точкѣ. Въ скоромъ времени изъ Пешта, вѣроятно, будетъ полученъ уже, въ отвѣтъ на высочайшій рескриптъ, второй адресъ, который, настаивая на всѣхъ требованіяхъ, выраженныхъ въ первомъ адресѣ, отвѣтитъ рѣшительнымъ отказомъ на предложеніе прислать депутатовъ въ рейхсратъ. Что сдѣлаетъ правительство? Если оно распуститъ сеймъ съ тѣмъ, чтобы прибѣгнуть къ непосредственнымъ выборамъ, то потерпитъ пораженіе; если оно рѣшитъ созвать новый сеймъ, будетъ ли оно имѣть какую-либо гарантію въ томъ, что этотъ сеймъ окажется сговорчивѣе? Положеніе крайне затруднительно: императорскіе патенты—выдумка чисто нѣмецкая; ея цѣль сохранить за этимъ элементомъ преобладающее значеніе. Что удивительнаго, если прочія національности, прежде чѣмъ засвидѣтельствовать свой австрійскій патріотизмъ, озабочены своими собственными національными интересами, ежели реальное предпочитается абстракціи, ежели венгерцы и славяне хотятъ прежде всего отвоевать себѣ автономію, особыя права и обезпечить себя противъ германизаціи, возбудившей столько ненависти и недовѣрія. Наиболѣе раціонально было бы измѣнить патенты, лишить конституцію стремленія къ централизаціи и ея исключительно нѣмецкаго характера, который дѣлаетъ ее ненавистной прочимъ національностямъ; предоставить болѣе широкое участіе національнымъ сеймамъ и созывать депутатовъ въ Вѣну единственно для обсужденія вопросовъ финансовыхъ и военныхъ. Вмѣсто того, чтобы приберечь возможность дѣйствовать отъ имени королевской власти въ болѣе важныхъ случаяхъ, патенты были торжественно утверждены самимъ королемъ.

Такимъ образомъ измѣнить ихъ въ настоящее время значило бы поставить императора въ явное противорѣчіе съ самимъ собою и тѣмъ нанести сильный ущербъ авторитету его власти; поэтому надобно полагать, что патенты будутъ сохранены, но за то борьба не прекратится; тайная или явная, она будетъ продолжаться такъ же упорно, какъ въ настоящее время. Впрочемъ, правительство, вѣроятно, уже приняло какое-нибудь рѣшеніе: оно не назначило бы на августъ созывъ въ Вѣну венгерскихъ депутатовъ, ежели бы заранѣе не было рѣшено, какъ поступить въ случаѣ отказа.

Не стану долѣе тревожить откликами нашей борьбы тѣ рѣдкія минуты отдохновенія, которыя вы себѣ разрѣшаете, ибо я полагаю, что вы еще пользуетесь отпускомъ, стараясь отыскать основную ноту гаммы, которую, по вашимъ словамъ, вы утратили подобно примадоннѣ. Скажу откровенно, это меня не особенно огорчаетъ; что-то въ этомъ родѣ случилось съ Паета и Гризи, однако, это ничуть не помѣшало имъ очаровывать Европу и увлекать своихъ слушателей. Вы выжидаете, по вашимъ словамъ, удобнаго момента, чтобы высказаться окончательно, и говорите, что это выводитъ изъ себя тѣхъ, кто ждетъ не дождется вашей отставки. Имя имъ легіонъ, я въ этомъ не сомнѣваюсь, но замѣтьте, что общественное мнѣніе у насъ умалчиваетъ о нихъ и до сихъ поръ не рѣшается назвать вамъ преемника. Вы приглашаете меня хоть на нѣсколько дней въ Парижъ, суля мнѣ благосклонный и дружественный пріемъ. Очень благодаренъ вамъ за приглашеніе; къ сожалѣнію, мое продолжительное, хотя и невольное, пребываніе зимою въ Петербургѣ лишаетъ меня возможности взять вторично отпускъ, что мнѣ волей неволей придется отложить до будущаго лѣта.

Пользуюсь отъѣздомъ въ Парижъ моего повара, который болѣетъ тоскою по родинѣ и семьѣ, и посылаю съ нимъ настоящее письмо. Я не отказывалъ ему, напротивъ, онъ самъ покидаетъ меня къ моему величайшему сожалѣнію, такъ какъ благодаря его выдающемуся таланту мой столъ считался первымъ въ Вѣнѣ, при томъ это человѣкъ честный. Я былъ бы вамъ очень благодаренъ, если бы вы не отказали рекомендовать этого артиста въ своемъ родѣ.

Желаю вамъ, графъ, добраго здоровья и бодрости духа; вмѣстѣ съ симъ прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ неизмѣнномъ почтеніи и преданности.

22.

3-го мая 1862 г. Вѣна.

Спѣшу воспользоваться надежной оказіей, которую представляетъ мнѣ князь Бранкорано, чтобы выразить вамъ живѣйшую благодарность

за добрую память и за письмо, привезенное мнѣ отъ васъ княземъ Ипсиланти.

Я былъ несказанно радъ вновь увидѣть знакомый почеркъ, который не подвергся ни малѣйшему измѣненію и какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ полнѣйшей ясностью извѣстій, получаемыхъ мною изъ Парижа подъ видомъ телеграфной корреспонденціи, имѣющей для меня такое же значеніе, какъ компасъ для моряка. Дай Богъ, чтобы вы надолго сохранили замѣчательныя способности, дающія вамъ возможность продолжать многолѣтнюю, блестящую и полезную дѣятельность на пользу нашей родины, и сохранили бы также ясность духа и тотъ запасъ всепрощающей философіи, которые помогаютъ вамъ мириться съ жизнью.

Я не могу сообщить вамъ никакихъ животрепещущихъ новостей. Наши отношенія къ Австріи хороши въ томъ смыслѣ, что они ничтожны по существу и вѣжливы по формѣ. Мы не трактуемъ никакихъ вопросовъ, мы не споримъ, не обсуждаемъ грядущихъ событій, мы избѣгаемъ столкновеній; намъ платятъ тѣмъ же. Мы мало говоримъ о Востокѣ, который занимаетъ насъ болѣе всего, и не забываемъ, что мы являемся соучастниками. Наконецъ, я лично не могу нахвалиться своими отношеніями къ министру иностранныхъ дѣлъ, который, полагаю, также не имѣетъ повода сѣтовать на меня. Страна вполнѣ спокойна; поступленіе налоговъ за текущую четверть года превысило на 16 милліочовъ флориновъ бюджетную смѣту косвенныхъ налоговъ; фонды начинаютъ подыматься, а лажъ падаетъ къ великому неудовольствію тѣхъ, кому, подобно мнѣ, было выгодно, когда онъ былъ высокъ. Наконецъ, есть надежда, что финансовая коммиссія рейхсрата, занятая разсмотрѣніемъ финансоваго проекта, выработаннаго министерствомъ, одобритъ его за неимѣніемъ лучшаго, сдѣлавъ въ немъ нѣкоторыя существенныя поправки относительно сдѣлокъ правительства съ банкомъ. Но вопросы, возбужденные тревожными событіями послѣднихъ лѣтъ, еще стоятъ на очереди и, хотя конституція дѣйствуетъ, ибо признаніе отвѣтственности министровъ доказываетъ, что на это было согласіе монарха, но все же, надобно сказать, что конституція эта сильно хромаетъ, такъ какъ половина имперіи все еще не соглашается принять ее. Это положеніе было бы опасно, ежели бы западныя державы были настроены воинственно, но, такъ какъ онѣ спокойны, то оно только тягостно, и будетъ таковымъ, вѣроятно, до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать римскій и венеціанскій statu quo. Черногорія причиняетъ здѣсь не мало хлопотъ: вы услышите, можетъ быть, жалобы противъ нашихъ агентовъ, но они жалуются также, со своей стороны, на своихъ сотоварищей-австрійцевъ. Это въ порядкѣ вещей. Наши также желаютъ мира, но мира почетнаго и выгоднаго для христіанскихъ національностей, тогда какъ прочіе, опасаясь высадки гарибальдійцевъ на ихъ берега, считаютъ миръ

необходимымъ средствомъ, чтобы обезпечить себѣ тылъ, и весьма мало заботятся о судьбѣ народной: одни ссорятъ Вуколовича съ княземъ Николаемъ, другіе мирятъ ихъ. Наконецъ, нельзя же требовать отъ нашихъ агентовъ, чтобы они совѣтовали народамъ, подвластнымъ Турціи, вѣрить въ обѣщанія турокъ, коль скоро ни одно изъ этихъ обѣщаній, не исключая и того, первостепенная важность котораго признана Парижскимъ конгрессомъ, не было приведено въ исполненіе ни въ одной части имперіи. Странный моментъ выбралъ Омеръ для того, чтобы предъявить ультиматумъ своему противнику. Онъ выждалъ для этого, чтобы турки троекратно потерпѣли пораженіе. Мнѣ сообщаютъ по телеграфу изъ Рагузы, что князь Николай далъ уклончивый отвѣтъ. Иначе и быть не можетъ. Желать того, чтобы князь торжественно отрекся отъ солидарности съ интересами своего народа, значитъ требовать, чтобы онъ собственноручно развѣнчалъ себя. Народъ считаетъ свое дѣло священнымъ; и князя сочли бы ренегатомъ, если бы онъ отказался отъ него.

Для насъ, по моему мнѣнію, весьма удобно, что греческое возстаніе усмирено безъ малѣйшаго вмѣшательства съ нашей стороны. Я допускаю возможность содѣйствія ради обезпеченія личной безопасности короля, но отвергаю для моей родины необходимость какой бы то ни было солидарности съ его правительственными дѣйствіями и не хотѣлъ бы раздѣлять его непопулярность. Я рѣшительно не понимаю содѣйствія, которое не было бы обставлено извѣстными условіями и коему не будетъ предшествовать окончательное рѣшеніе и приведеніе въ дѣйствіе вопроса о наслѣдствѣ. Пусть же король приступитъ къ этому сначала, а тамъ будетъ видно. Здѣсь много говорили о герцогѣ Лейхтенбергскомъ, какъ о самомъ раціональномъ исходѣ. Не присутствовавъ при зачатіи королевства, я не питалъ къ нему родительской нѣжности. Конечно, для Греціи было сдѣлано въ свое время все, что можно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что, лишивъ ее Эпира и Ѳессаліи, ей отрѣзали хвостъ, а не отдавъ ей острова, лишили ее легкихъ, необходимыхъ для дыханія; вдобавокъ, ей дали конституцію, скроенную на англійскій ладъ, которая не вполнѣ удовлетворяетъ нужды государства и во главѣ которой стоитъ король, воспитанный для кардинальской шапки, а въ концѣ концовъ ее вынудили сдѣлать заемъ, отъ котораго она не попользовалась и полушкой.

Но все это, графъ, для насъ съ вами ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ великимъ дѣломъ, которое совершается въ нашемъ отечествѣ. Помните ли вы то время, когда васъ считали ультра-либераломъ? а вашему покорному слугѣ, не далѣе какъ въ Варшавѣ, дали кличку передоваго человѣка. Богъ свидѣтель, что самыя сокровенныя мои желанія были бы исполнены, ежели бы безотложныя реформы могли совершиться,

не коснувшись принципа самодержавія, который я считаю, при извѣстныхъ условіяхъ, вполнѣ совмѣстимымъ съ благомъ нашей страны. Ежели бы вы очутились въ Петербургѣ нынѣ, то васъ сочли бы, вѣроятно, ретроградомъ; то же сказали бы, вѣроятно, весьма неосновательно и про меня. Впрочемъ, положеніе нашего отечества представляется мнѣ далеко не въ мрачномъ свѣтѣ; оно пробуждается отъ продолжительнаго сна, оно еще не вполнѣ увидѣло свѣтъ, оно еще не собралось съ мыслями. Какъ страна равнинъ съ необозримыми горизонтами, какъ страна безъ феодальныхъ преданій, не имѣющая ни стратегическаго, ни минеральнаго матеріала для возведенія замковъ, надѣюсь, она пойдетъ впередъ быстрыми шагами, подражая величественнымъ разливамъ нашихъ рѣкъ, которыя разливаются на большія пространства, ничего не сокрушая на своемъ пути и прорывая себѣ гдѣ нужно подходящее русло.

Простите меня съ вашей обычной снисходительностью, что я злоупотребляю вашимъ драгоцѣннымъ временемъ, но я долженъ сказать еще одно слово. Было бы желательно, по моему мнѣнію, покончить съ Римомъ какимъ-нибудь договоромъ, и я возлагаю слишкомъ большія надежды на вашего брата, чтобы допустить мысль о католическомъ государствѣ въ государствѣ православномъ. Мнѣ остается, графъ, только просить васъ принять увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ почтеніи и совершенной преданности, которая столь же неизмѣнна, какъ и воспоминаніе о вашемъ благосклонномъ ко мнѣ вниманіи. Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ я разсчитываю получить кратковременный отпускъ; это значитъ, что я поспѣшу лично засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе, а пока прошу принять увѣреніе въ оном письменно.

23.

31-го декабря 1862 г. (12-го января 1863 г.). Вѣна.

Ваше сіятельство! Наканунѣ Новаго года я переношусь воспоминаніемъ къ тому времени, которое я провелъ вмѣстѣ съ вами; оно навсегда запечатлѣно въ моемъ сердцѣ, которое глубоко признательно вамъ за вниманіе, какимъ вы удостоили меня, за довѣріе, которое вы оказали мнѣ, и за прекрасные уроки, коими я пользовался во время безцѣнныхъ сношеній съ вами, какъ съ частнымъ человѣкомъ и слугою нашего государя и отечества. Я часто переношусь мысленно къ тому времени и съ особеннымъ удовольствіемъ припоминаю многочисленные примѣры вашей прозорливости, энергіи и умѣренной сдержанности, коихъ мнѣ такъ часто пришлось быть свидѣтелемъ. Вы знаете

людей и ихъ склонность ниспровергать все то, что̀ хотя сколько-нибудь выдается надъ общимъ уровнемъ. Мнѣ пріятно отмѣтить, что по отношенію къ вамъ восторжествовала справедливость и правда. Позвольте мнѣ надѣяться, что единодушныя пожеланія, сопутствующія вамъ въ настоящемъ фазисѣ вашей жизни, къ которымъ и я, столь много вамъ обязанный, присоединяюсь отъ всего сердца, будутъ приняты вами какъ справедливая дань уваженія и почтенія, которая воздается за жизнь, самымъ достойнымъ и полезнымъ образомъ употребленную на пользу общества. Пожелавъ вамъ къ Новому году всякаго благополучія, прошу васъ, графъ, принять увѣреніе въ моей глубочайшей и неизмѣнной преданности.

24.

Письмо графа Киселева—В. П. Балабину.

11-го апрѣля 1863 г. Парижъ.

Дорогой Викторъ Петровичъ! Я получилъ ваше любезное письмо отъ 31-го декабря, и, не взирая на Страстную недѣлю, которая меня чрезвычайно утомила, не хочу долѣе откладывать удовольствіе поблагодарить васъ за все то, что вы высказываете мнѣ въ столь любезныхъ и дружескихъ выраженіяхъ. Наша совмѣстная съ вами служба часто вспоминается мною и свидѣтельствуетъ о томъ, что времена бываютъ перемѣнчивы, но, такъ какъ все дѣлается къ лучшему въ этомъ наилучшемъ изъ міровъ, то я нахожу, что мое исчезновеніе съ арены жизненной дѣятельности совершилось кстати. Я этимъ обязанъ своей счастливой звѣздѣ, внушившей мнѣ эту благополучную мысль, и все болѣе и болѣе этому радуюсь. Наконецъ-то я буду въ состояніи приготовиться къ тому дальнему пути, который предстоитъ намъ всѣмъ, и къ которому Провидѣніе, надѣюсь, дастъ мнѣ возможность подготовиться не спѣша, безъ особой торопливости.

Я получаю время отъ времени извѣстія отъ брата; онъ здоровъ и продолжаетъ быть оптимистомъ даже въ Римѣ. Надѣюсь увидѣться съ нимъ на берегахъ Рейна или въ Карлсбадѣ, куда я думаю быть къ Иванову дню и гдѣ я былъ бы радъ встрѣтить васъ; это весьма возможно, ибо у кого изъ насъ нѣтъ какихъ-либо недуговъ, а гдѣ же можно отъ нихъ лучше излѣчиться, какъ не у источника стараго Шпруделя.

Кончаю письмо, не желая заслужить прозванія стараго болтуна,

*

искренно желаю вамъ всякаго благополучія и еще разъ благодарю за добрую память.

Будьте здоровы; да хранитъ васъ Господь.

P. S. Посылаю вамъ письмо для графа Алек. Строганова, который будетъ проѣздомъ въ Вѣнѣ, гдѣ будьте добры вручить ему сіе посланіе.

Петербургское общество сто лѣтъ тому назадъ.

(Письмо къ другу въ Германію [1])).

Дорогой другъ! Вы просите сообщить вамъ какія-либо подробности о петербургскомъ обществѣ. Исполняю вашу просьбу тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, что, не имѣя авторскаго самолюбія, я буду придерживаться въ своемъ изложеніи одной только правды. Тотъ, кто посѣщаетъ свѣтъ, легко можетъ подмѣтить, что высшее общество столицы распадается на двѣ, рѣзко отличныя, одна отъ другой партіи. Къ одной изъ нихъ принадлежатъ, если можно такъ выразиться, всѣ правовѣрные или приверженцы стариннаго деспотизма и фанатизма, а къ другой—еретики, поклонники заграничныхъ нравовъ и либеральныхъ идей. Эти двѣ партіи постоянно враждуютъ другъ съ другомъ; власть тьмы борется со свѣтомъ, и въ результатѣ этой борьбы является тотъ умственный и нравственный полумракъ, который окутываетъ до сихъ поръ наше дорогое отечество.

Всѣ оттѣнки и различія, которые чувствуются здѣсь въ тонѣ и обычаяхъ, соблюдаемыхъ въ различныхъ домахъ, могутъ быть подведены подъ это основное различіе.

Начнемъ съ правовѣрныхъ. Ихъ особенно много въ провинціи, гдѣ, подобно филинамъ, они издаютъ свои, наводящіе тоску, крики во мракѣ, который сгущается все болѣе и болѣе по мѣрѣ удаленія отъ столицы; здѣсь же, въ Петербургѣ, этотъ мракъ, къ счастью, съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе разсѣевается, и часто случается, что въ домѣ,

[1]) На письмѣ нѣтъ даты, но оно должно быть отнесено къ началу XIX вѣка.

гдѣ отецъ семейства принадлежитъ къ царствованію Ивана Васильевича, дѣти принадлежатъ уже къ вѣку Александра.

Этихъ, такъ называемыхъ, патріотовъ, легко узнать по напыщенному тону и безцеремонной рѣзкости обхожденія, съ какою они говорятъ «ты» всѣмъ, кого считаютъ ниже себя. Они не говорятъ почти никогда иначе какъ по-русски, а если имъ случается иногда произнести французское слово, то это дѣлается съ извѣстнымъ умысломъ, такъ какъ надобно сознаться, что въ ихъ устахъ этотъ языкъ превращается въ самый отвратительный и самый смѣхотворный жаргонъ. Обычный, излюбленный предметъ ихъ разговора составляетъ служба, но не въ отношеніи ея общественной пользы, а въ отношеніи доставляемыхъ ею личныхъ выгодъ и преимуществъ. Чины, кресты и ордена составляютъ ихъ кумиръ, единственное мѣрило уваженія и вниманія, которое они оказываютъ людямъ; награды—главный двигатель всѣхъ ихъ дѣйствій и единственная цѣль ихъ жизни. Поэтому о достоинствѣ человѣка они судятъ по густотѣ его эполетъ или по мѣсту, занимаемому имъ въ чиновничей іерархіи; этимъ взглядомъ обусловливаются правила, соблюдаемыя у нихъ въ домѣ при пріемѣ посѣтителей.

Однимъ изъ самыхъ строгихъ исполнителей такого взгляда, былъ мой покойный родственникъ, сенаторъ К. [1]). Поступивъ въ Сенатъ въ чинѣ копіиста, владѣя въ то время крошечнымъ имѣніемъ въ 40 душъ, онъ дослужился черезъ пятьдесятъ лѣтъ до чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и сдѣлался владѣльцемъ 8.000 душъ. Я былъ ему представленъ нѣсколько дней спустя по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ. Меня предупредили, что онъ, какъ и большинство людей одинаковаго съ нимъ образа мыслей, очень дорожитъ титуломъ превосходительства. Я употреблялъ его на каждомъ шагу, и это обстоятельство, въ соединеніи со старинной дружбою его къ моему отцу, было причиною, что несмотря на совершенное мое ничтожество, такъ какъ я не имѣлъ никакого чина, я удостоился отъ него приглашенія къ обѣду. У К., какъ и во многихъ другихъ домахъ, былъ извѣстный день для пріема знакомыхъ; онъ избралъ воскресенье.

Я пріѣхалъ къ нему въ половинѣ третьяго и, пройдя рядъ комнатъ, стѣны которыхъ были обиты штофомъ и украшены зеркалами въ золоченыхъ рамахъ, я вошелъ въ зало, гдѣ увидалъ старика, въ халатѣ сидящаго на диванѣ, окруженнымъ домочадцами. Гостей было еще немного; нѣсколько человѣкъ стояло поодаль въ почтительной позѣ и по тому, какъ небрежно относился къ нимъ хозяинъ дома, я понялъ, что это была мелкота. И дѣйствительно я узналъ впослѣдствіи, что они принадлежали къ тому классу беззастѣнчивыхъ людей, которые за хорошій

[1]) Фамилія обозначена только начальною буквою.

обѣдъ готовы переварить всевозможное униженіе и презрительное обращеніе. Эта, многочисленная въ Петербургѣ, категорія людей смѣнила шутовъ, которые совсѣмъ вышли изъ моды и которыхъ еще можно видѣть только въ Москвѣ. Я нахожу, что эти люди стоятъ немногимъ выше ихъ. Вскорѣ появились посѣтители, державшіе себя свободнѣе и менѣе низкопоклонно. По тѣлодвиженіямъ и жестамъ его превосходительства, за которыми я внимательно наблюдалъ, можно было составить себѣ понятіе о каждомъ изъ нихъ почти съ такою же точностью, какъ если бы удалось просмотрѣть ихъ паспорты на заставѣ. Однихъ онъ удостоивалъ кивкомъ, другихъ — наклоненіемъ головы и улыбкою. Владимірскаго кавалера старикъ спросилъ о здоровьи; увидавъ вошедшаго съ Анной на шеѣ, онъ приподнялся; а когда вошелъ старикъ, грудь котораго была украшена звѣздою Александра Невскаго, онъ всталъ во весь ростъ; Андреевскому кавалеру онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу. Такъ какъ послѣдняго очевидно ожидали, то дворецкій, съ салфеткою подъ мышкой, тотчасъ доложилъ, что обѣдъ поданъ. Его превосходительство самъ указалъ порядокъ шествія изъ зала въ столовую, назначивъ каждому даму, которую ему надлежало вести къ столу. Тотъ же этикетъ соблюдался и за столомъ. На верхнемъ концѣ стола возсѣдалъ его превосходительство, имѣя по правую руку свою супругу, а по лѣвую самаго сановитаго гостя. Чины уменьшались по мѣрѣ удаленія отъ этого центра, такъ что разная мелюзга 12-го, 13-го и 14-го класса сидѣли на противоположномъ концѣ. Но если случалось, что этотъ порядокъ по ошибкѣ бывалъ нарушенъ, то лакеи никогда не ошибались, подавая блюда, и горе тому, кто подалъ бы титулярному совѣтнику прежде асессора или поручику прежде капитана. Иногда лакей, не зная въ точности чина какого-нибудь посѣтителя, устремлялъ на своего барина встревоженный взоръ: и одного взгляда было достаточно, чтобы наставить его на путь истинный.

При равенствѣ чина, военнымъ оказывалось предпочтеніе передъ статскими; чиновнику, украшенному орденомъ,—передъ тѣмъ, у кого былъ въ петлицѣ только знакъ, пожалованный нашимъ всемилостивѣйшимъ монархомъ русскому дворянству, за принесенныя имъ патріотическія жертвы, и, наконецъ, человѣку, пріѣхавшему въ экипажѣ,—передъ пришедшимъ пѣшкомъ.

Разговоръ, который велъ только хозяинъ дома, обращаясь исключительно къ двумъ или тремъ лицамъ, тогда какъ прочіе молчали, касался по большей части недостатковъ современнаго воспитанія, испорченности народныхъ нравовъ, вызванной обуявшей всѣхъ маніей къ путешествію и прискорбнымъ пристрастіемъ русскихъ къ французамъ, всѣ познанія коихъ ограничиваются, по его словамъ, умѣніемъ расшаркаться и говорить каламбуры. Но я замѣтилъ, что онъ не простиралъ этой ненависти къ ихъ винамъ; подлѣ него стояли двѣ или

три бутылки французскихъ винъ, и тѣ именно лица, которыя наиболѣе ругали французовъ и Францію, пили особенно усердно. Намъ, мелкотѣ, было предоставлено преимущество пить патріотическій квасъ и чистую невскую воду, правда столь превосходную, что императору, во время его пребыванія въ Москвѣ, возили ее отсюда съ эстафетой. Мы пили эту воду за неимѣніемъ лучшаго, такъ какъ насъ посадили за столъ очевидно не для того, чтобы ѣсть и пить. Лакеи подавали намъ однѣ кости, оставшіяся на блюдѣ, или совсѣмъ пустыя блюда. Всѣ, кому случалось бывать въ домахъ, подобныхъ дому сенатора К., подтвердятъ, что мои слова ничуть не преувеличены. Пусть мой горькій опытъ послужитъ предостереженіемъ всякому, скромному по положенію человѣку, который получитъ за свои прегрѣшенія подобнаго рода приглашеніе; если онъ не принадлежитъ къ особамъ первыхъ восьми классовъ, то пусть онъ утолитъ дома свой голодъ, отправляясь на такой обѣдъ. Сказаннаго, мнѣ кажется, достаточно для характеристики общества, яркимъ представителемъ котораго былъ мой покойный родственникъ.

Я долженъ еще замѣтить, что во всѣхъ старо-русскихъ домахъ находится многочисленная челядь, плохо накормленная, плохо содержанная и плохо одѣтая, за исключеніемъ тѣхъ дней, когда ей бываетъ приказано облачиться въ парадную ливрею. Въ этихъ домахъ придаютъ большое значеніе родству и различаютъ столько его степеней, что разобраться въ немъ могъ бы только завзятый знатокъ генеалогіи. Въ этихъ домахъ, какъ вездѣ въ Петербургѣ, дни ангела и рожденій празднуются съ особою торжественностію и пышностью. Пропустить такой день, не засвидѣтельствовавъ виновникамъ торжества своего нижайшаго почтенія, считается величайшимъ невѣжествомъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію другаго рода домовъ, живущихъ на европейскій ладъ. Достаточно сдѣлать шагъ, чтобы перенестись изъ XV въ XIX вѣкъ. Дѣйствительно, нѣтъ ничего поразительнѣе французскаго изящества и грубости здѣшнихъ нравовъ, соціальнаго равенства, въ которомъ оказывается преимущество только уму и обходительности и низкопоклонныхъ чиновныхъ различій, признака деспотизма и рабства.

Войдя въ одинъ изъ богатыхъ домовъ, которые стряхнули съ себя иго старинныхъ предразсудковъ, можно подумать, что находишься въ Парижѣ. Вкусъ и роскошь, съ какими убрана квартира, обхожденіе хозяевъ и французскій языкъ, на которомъ они говорятъ, даютъ полную иллюзію и приводятъ въ восхищеніе, но оно исчезаетъ мало-помалу при второмъ и третьемъ посѣщеніи. Нѣкоторая холодность и вялость разговора,—ибо люди находятъ у насъ удовольствіе только въ картахъ и ѣдѣ; мужчины и дамы проводятъ время отдѣльно и затрудняются поддержать общій разговоръ,—показываютъ, что мы не во

Франціи и что копія бываетъ всегда далека отъ оригинала. Я не могу согласиться съ распространеннымъ здѣсь мнѣніемъ, будто между характеромъ русскихъ и французовъ существуетъ сходство.

Правда, мы подражаемъ французамъ болѣе, чѣмъ кому бы то ни было, и даже гораздо болѣе, чѣмъ слѣдовало бы, но это подражаніе, которое никогда не идетъ далѣе извѣстнаго внѣшняго сходства, должно было бы убѣдить насъ въ томъ, какъ мало мы походимъ на нашъ образецъ. Это напоминаетъ мнѣ восковыя куклы: у нихъ одинакія черты лица, одинакій ростъ, одинаковая одежда съ тѣмъ, кого онѣ изображаютъ, но имъ недостаетъ жизни и движенія. Точно также и мы можемъ усвоить моды и внѣшній обликъ французовъ, но у насъ никогда не будетъ ихъ живости, ихъ богатой фантазіи и въ особенности той общительности, которая составляетъ ихъ отличительную черту. Въ высшей степени изобрѣтательные во всемъ, что̀ касается удовольствій, французы проявляютъ свой живой умъ во всемъ и всегда бываютъ оригинальны и изящны. Въ Парижѣ всякая женщина есть завоевательница въ области моды, и она нравится и привлекаетъ, какъ все оригинальное; а наши дамы, подражая француженкамъ, далеко уступаютъ имъ во всемъ; то, что прелестно во Франціи, бываетъ смѣшно и неумѣстно въ Петербургѣ. Все перенятое есть не болѣе, какъ маска, совершенно не соотвѣтствующая національному характеру. Не подумайте, что я восхваляю старо-русскіе нравы, которые уже не совмѣстны ни съ цивилизаціей, ни съ духомъ нашего времени, я хочу только сказать, что все то, что̀ возмущаетъ насъ въ этихъ нравахъ, зависитъ отъ варварства, невѣжества и деспотизма, а не отъ природнаго характера русскихъ. Поэтому вмѣсто того, чтобы уничтожать эти черты, слѣдуетъ заботиться объ ихъ улучшеніи и заимствовать изъ чужихъ странъ только самое необходимое, тщательно сохраняя все то, что̀ составляетъ характерную особенность народа.

Изъ воспоминаній современниковъ о Дантесѣ.

Въ Петербургѣ, въ сезонъ 1835—36 гг., Дантесъ баронъ де-Геккеренъ, въ маскарадѣ, заинтересованный маской, сказалъ ей:

— Que veux tu donc que je fasse d'une femme russe? [1]).

Это не помѣшало ему въ ноябрѣ 1836 г. стать женихомъ дѣвицы Гончаровой.

— Je doute qu'il soit embarassé de savoir maintenant ce qu'il en fera... [2])—замѣчаетъ разсказчикъ.

Тому же барону Дантесу приписываютъ смѣлый отвѣтъ графу А—ну, который какъ-то сказалъ:

— D'Antès, on vous dit un homme à bonnes fortunes! [3]).

— Mariez vous, monsieur le Comte, et je vous le prouverai!... [4]).

Сообщилъ **А. Мердеръ.**

---

[1]) — Что же ты хочешь, чтобы я сдѣлалъ съ русской женой?

[2]) — Я сомнѣваюсь, чтобъ онъ былъ теперь въ затрудненіи, что съ нею дѣлать.

[3]) — Дантесъ, про васъ говорятъ, что вы счастливый человѣкъ (человѣкъ, которому везетъ).

[4]) — Женитесь, графъ, и я вамъ это докажу!..

Пушкинъ и Мильвуа.

Вліяніе на Пушкина такихъ творцовъ, какъ Шекспиръ, Байронъ, Шенье, представляетъ собою фактъ общеизвѣстный. Но, кромѣ этихъ крупныхъ поэтовъ, на Пушкина вліяли и другіе—менѣе значительные—такъ сказать, poëtae minores. Недавно еще В. В. Сиповскій довольно удачно показалъ и прослѣдилъ вліяніе, оказанное на Пушкина Шатобріаномъ.

Мы можемъ указать въ «Евгеніи Онѣгинѣ» два мѣста, которыя носятъ на себѣ ясный отпечатокъ музы другаго французскаго поэта—Мильвуа. Ch. Millevoye (1782—1816 гг.) по характеру своей поэзіи, грустной и меланхолической, нѣсколько напоминаетъ нашего Полежаева. Впрочемъ, у него тоска носитъ ровный и спокойный характеръ чувства, совершенно подавляющаго душу, тогда какъ у Полежаева она переходитъ въ негодованіе, въ бурное отчаяніе. Мильвуа особенно знаменитъ своими элегіями. Въ Россіи его любили. Жуковскій перевелъ его «Пѣснь араба надъ могилой коня»; М. В. Милоновъ (1792—1821 гг.), В. И. Туманскій, Баратынскій перевели его элегію: «La chute des feuilles» («Паденіе листьевъ»). Пушкинъ читалъ Мильвуа, и онъ на нашего поэта особеннаго впечатлѣнія въ общемъ не произвелъ, но его элегіи весьма понравились Пушкину, какъ можно судить по одному мѣсту въ письмѣ Пушкина къ князю П. А. Вяземскому, изъ Одессы, отъ 4-го ноября 1823 года: «Millevoye ни то, ни се, но хорошъ только въ мелочахъ элегическихъ» («Сочиненія Пушкина», изд. литературнаго фонда, т. VII, стр. 56).

Читатель, конечно, помнитъ тѣ знаменитые стихи Пушкина, столь популярные въ геніальной музыкальной интерпретаціи Чайковскаго,—тѣ стихи, которые его бѣдный герой Ленскій, по выраженію поэта, «писалъ темно и вяло»—предсмертное изліяніе молодой души, такое нѣжное и трогательное, дышущее страстной любовью и отроческой наивностью. На этихъ-то стихахъ, которые, по милому ироническому выраженію Пушкина, «полны любовной чепухи», и отразилось упомянутое выше вліяніе Мильвуа. Приводить стихи Пушкина—дѣло лишнее; они достаточно извѣстны. Въ сантиментальномъ стихотвореніи Мильвуа

выведенъ юный страдалецъ, осенней порою прощающійся, въ предчувствіи близкой кончины, съ отцвѣтающей рощей, съ молодостью, съ матерью и съ самой главной отрадой своей молодости—любимой дѣвушкой. Его прощаніе очень напоминаетъ стихи Ленскаго. Сходство это, правда, чисто-внѣшнее, но за то весьма близкое. Слова умирающаго «во цвѣтѣ радужныхъ надеждъ» поэта: «Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни!» совпадаютъ со словами героя элегіи Мильвуа: «Какъ призракъ легкій, улетѣли златые дни весны моей!» Ленскій обращается къ своей невѣстѣ, спрашивая, придетъ ли она «слезу пролить надъ ранней урной»; герой Мильвуа ожидаетъ, что любимая дѣвушка придетъ поплакать надъ его могилой.

Элегія Мильвуа заканчивается печальными словами:

Близъ дуба юноши могила;
Но съ скорбію въ душѣ своей,
Подруга къ ней не приходила.
Лишь пастырь, гость нагихъ полей,
Порой вечернія зарницы,
Гоня стада свои съ луговъ,
Глубокій миръ его гробницы,
Тревожитъ шорохомъ шаговъ. (Перев. Милонова).

Въ VII главѣ «Евгенія Онѣгина», стр. 7, «унылый памятникъ» Ленскаго тоже

Забытъ. Къ нему привычный слѣдъ
Заглохъ. Вѣнка на вѣтви нѣтъ;
Одинъ подъ нимъ, сѣдой и хилой,
Пастухъ по-прежнему поетъ,
И обувь бѣдную плететъ.

Настроеніе въ обѣихъ элегіяхъ различное: у Мильвуа юноша ужасается грознаго призрака смерти, а у жизнерадостнаго мудреца Пушкина, спокойно бравшаго отъ судьбы все, что она ни пошлетъ, Ленскій говоритъ, что «все благо... благословенъ и день заботъ, благословенъ и тьмы приходъ». Что касается до внѣшняго сходства, то оно несомнѣнно и свидѣтельствуетъ о непосредственномъ вліяніи французскаго поэта на Пушкина. Знаменитая элегія не могла не оставить свой слѣдъ въ отзывчивой, чуткой, впечатлительной душѣ нашего поэта.

Евгенія Клебанская.

Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи [1]).

Въ Іерусалимѣ.

75.

12-го апрѣля.

Въ два часа и 25 минутъ дня по русскимъ часамъ, а по турецкимъ въ 8 часовъ 25 минутъ вечера Іисусъ Христосъ освятилъ святой свой животворный гробъ росою благодатною, отъ которой, какъ молніей, освѣтился Гробъ огнемъ благодатнымъ и освѣтилась лампада на Гробѣ, для того приготовленная. Чудо велiе. Роса претворяется въ огонь, и вся церковь, весь Іерусалимъ и весь народъ, тутъ присутствующій съ пуками свѣчей, освѣщаются огнемъ священнымъ, который ниспосылается Богомъ людямъ. Ты сама возрадуешься радостію, когда узнаешь, что я удостоилась присутствовать на склонѣ лѣтъ и изнеможеніи силъ тѣлесныхъ, при торжествѣ церкви Христовой, церкви іерусалимской при той неземной радости, которую этотъ небесный огонь обильно изливаетъ на всѣхъ въ храмѣ присутствующихъ. Дикіе туземцы своими движеніями и неистовыми звуками выражаютъ внутреннюю радость души, въ то время, когда люди, научно не просвѣщенные, но сильно вѣрующіе въ благодать Святаго Духа, выражаютъ внутреннюю радость несомнѣнно вѣрою о силѣ благодатнаго огня, заявляя оную молитвою и слезами.

Въ четвергъ 10-го числа погода была отличная, лучи солнца во всемъ блескѣ сіяли, стая ласточекъ кружилась надъ площадью Св. Гроба, всѣ крыши, окна, колокольни, карнизы и башня мина-

[1]) См. „Русскую Старину“ 1902 г. ноябрь.

ретская съ мечетью были по всѣмъ этажамъ покрыты народомъ въ фескахъ, въ чалмахъ бѣлыхъ, въ бѣлыхъ чадрахъ. Садъ подворья геѳсиманскаго, выдающійся на площадь, также самая площадь была усѣяна народомъ до Лобнаго мѣста, гдѣ судился Іисусъ Христосъ. Мѣсто это нынѣ занимается христіанскимъ храмомъ Воскресенія Христова, Аврааміевскимъ подворьемъ, подворьемъ Геѳсиманскимъ и церковью св. апостола Іоанна брата Божія, перваго патріарха Іерусалимскаго. По стѣнамъ площади вокругъ пестрѣются народы разныхъ племенъ, въ томъ числѣ и масса россійскихъ паломниковъ, которыхъ отдѣляли турецкія войска, охраняющія жителей европейскихъ державъ. Войска было 3.700 человѣкъ, много офицеровъ и оба паши. Арабы черные, получерные, бѣлые абиссинцы, сиріане, копты, турки разнаго слоя общества, латыши и европейцы, даже американцы, все это сплотилось другъ къ другу, оставался только проходъ между войскомъ для крестнаго хода до возвышенія, на которомъ обмывали ноги послѣдователямъ апостоловъ, все прочее была сплошная масса народа. Оригинально, любопытно было смотрѣть съ высоты на эту живописную картину. Архіерей Деміанъ въ золотомъ облаченіи, прочіе архіереи въ ризахъ малиновыхъ съ бѣлыми разводами. Архимандритъ Рафаилъ безъ митры въ камилавкѣ съ наметкой изображалъ апостола Петра, другой архіерей—Іоанна Богослова, послѣдній былъ Іуда изъ арабскаго духовенства. Они лежали спящими на ступеняхъ лѣстницы, ведущей на эстраду, у входа на которую была вкопана маслина. Служащій епископъ снялъ облаченіе и пошелъ ихъ будить; затѣмъ продолжался обрядъ омовенія. Во все время богослуженія я себѣ воображала тѣ ужасные часы, когда на томъ самомъ Лобномъ мѣстѣ стоялъ Спаситель міра, съ терновымъ вѣнкомъ, оплеванный, окровавленный. Въ 10 часовъ утра, когда все кончилось, я ушла домой. Въ 7 часовъ вечера пошла къ слушанію 12 евангеліей. Служба началась въ 10 часовъ вечера и кончилась въ часъ ночи. Въ пятницу утромъ пошла я опять на Голгофу. Сѣдалище, на которомъ былъ посаженъ Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ, было открыто для поклоненія паломникамъ. Напившись чаю, я въ 6 ч. опять пошла на ночь въ храмъ. Въ 10 часовъ пришла турецкая стража; храмъ Воскресенскій и Кувуклія сіяли разноцвѣтными лампадами въ числѣ до 3.000 лампадъ; богатство освѣщенія дивное. Солдаты заняли свои мѣста для охраны шествія русскаго крестнаго хода, который обошелъ три раза Кувуклію. Плащаницу несли низко не такъ, какъ у насъ, а какъ простыню, но угломъ; несли ее на Камень муропомазанія, на тотъ самый камень, на которомъ умершій Спаситель былъ обвитъ пеленами и покрытъ ароматами съ благовонными мастями, и тѣмъ погребеніе кончилось. Я вернулась домой въ 10 часовъ, пошла въ храмъ Воскресенія. Ровно въ 2 часа начался благовѣстъ, а черезъ 10 минутъ

изъ Воскресенскаго храма пошелъ крестный ходъ къ Св. Гробу. Все въ ночи было въ храмѣ и на Св. Гробѣ темно, всѣ лампады погашены; во всю ночь не было огня, какъ во всѣхъ отдѣленіяхъ храма и Голгофы, такъ равно и во всѣхъ зданіяхъ православныхъ въ Іерусалимѣ, также и по всѣмъ монастырямъ. Всѣ были въ ожиданіи благодатнаго огня. Никакихъ безобразій, подобныхъ тому, что было прежде, я не видала, все было тихо. Митрополитъ Никифоръ, 80 лѣтній старецъ, сопровождаемый патріархомъ армянскимъ и пашой, поклонился Св. Гробу, какъ колоколъ возвѣстилъ всѣмъ предстоящимъ, что благодатный огонь посланъ Богомъ. Первыя лампады зажгли подъ куполомъ св. Кувуклія, радость была мнѣ невыразимая, я плакала отъ радости. Теперь все торжество Пасхальное кончено. Отецъ Григорій передъ пасхальной утреней освятилъ мнѣ куличъ, пасху и яица по-русски. Пасхальную обѣдню пѣли русскіе поклонники. Торжество великое. Къ вечернѣ пришли тоже крестнымъ ходомъ 7 архіереевъ и множество священниковъ и діаконовъ, Евангеліе читали на 12 языкахъ. Послѣ вечерни намѣстникъ и всѣ архіереи христосовались съ братіей и всѣми богомольцами.

Въ пятницу передъ погребеніемъ Христа, умеръ въ 10 ч. вечера многоуважаемый архіерей Поликарпъ послѣ четырехдневной болѣзни; въ субботу въ 6 час. утра его отпѣвали въ патріаршей церкви, а въ 10 часовъ, заупокойный колокольный звонъ возвѣстилъ Іерусалиму, что онъ уже житель Сіона. Онъ былъ очень добръ и всѣми уважаемъ.

76.

1-го іюня.

Въ 2 часа мы всѣ пошли на Сіонъ, въ 4 часа пришелъ архіерей со всѣмъ клиромъ и служилъ вечерню на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было сошествіе Св. Духа. Все кладбище было усѣяно народомъ, большинство арабокъ и арабовъ. Я была на могилѣ патріарха Герасима, поклонилась и праху іерарха Поликарпа, лежащему тутъ же. Послѣ окончанія богослуженія пошли поклониться общей могилѣ. Могилы безъ крестовъ суть подобіе разрытаго поля; ихъ разрываютъ черезъ три года, мѣста не сравниваютъ, бугоръ на бугрѣ, камень на камнѣ, ни зелени, ни цвѣтовъ, ни образовъ, а о лампадахъ и помину нѣтъ. Вотъ картина настоящаго Сіона, горы святой, жилища царя и псалмопѣвца Давида.

77.

10-го іюня.

Въ четыре часа пошли мы въ католическую патріархію. Мѣста въ костелѣ дали намъ прекрасныя близъ алтаря. Церковь необыкновенно

хороша, архитектура древнихъ временъ, оконъ нѣтъ, полусвѣтъ отъ оконъ надъ алтаремъ, въ которыхъ на стеклѣ написаны иконы; малыя окна въ верхнихъ амбразурахъ очень эффектны, своды всѣ расписаны херувимами и серафимами, а главныя мѣста сводовъ назначены для иконъ св. апостоловъ, которыхъ 12. Освѣщеніе великолѣпное, освѣщается храмъ свѣчами, паникадилъ 12, всѣ хрустальныя. Крестный ходъ въ этотъ день особенный, участвуютъ всѣ учебныя заведенія, каждое заведеніе имѣетъ свою хоругвь, великолѣпно вышитую, дѣвочки отъ 7 лѣтъ до 15 всѣ одѣты въ бѣлыя платья съ бѣлыми вуалями, у однѣхъ вѣнки бѣлые, и каждая несетъ маленькія хоругви; за ними монахини, далѣе дѣвочки имѣютъ въ рукахъ вѣтки бѣлыхъ лилій, за ними другаго ордена монахини, послѣ нихъ еще идутъ дѣвочки, несутъ корзины розъ и леандровъ и посыпаютъ ими весь путь шествія; затѣмъ отдѣлъ малолѣтнихъ мальчиковъ, также съ корзинами розъ, всѣхъ такихъ отдѣловъ, считая по хоругвямъ, 16. Дѣти въ отроческомъ возрастѣ поютъ гимны стройно и благоговѣйно, въ бѣлыхъ одѣяніяхъ съ пунцовыми пелеринами. Фонари, числомъ 24, несутъ также мальчики высшаго возраста, затѣмъ идетъ хоръ монаховъ, потомъ священники, кардиналы, епископы и подъ балдахиномъ идетъ патріархъ съ ковчегомъ, который содержитъ св. тѣло Господа нашего Іисуса Христа. Ходъ шелъ внутри двора и сада патріархіи и когда возвратился въ церковь, то главный алтарь былъ освѣщенъ. Патріархъ подъ балдахиномъ несъ обратно Св. Дары, тутъ было всеобщее поклоненіе тѣлу Христову.

78.

26-го іюня.

Сегодня въ Москвѣ празднуется 25-лѣтіе открытія учрежденной мною общины Покровской. Достойные дѣятели получаютъ должныя награды земныя, а я, изгнанная, удостоилась быть въ этотъ знаменательный для меня день у св. Гроба Господня, на св. Голгофѣ, стоять торжественную обѣдню на русской постройкѣ, присутствовать при торжественномъ постриженіи въ мантію русскаго монаха. Вспоминаю все былое торжество, когда князь Долгорукій (генер.-губ. московскій) и оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода гр. Д. А. Толстой говорили мнѣ торжественныя рѣчи, когда бакалавръ академіи Скороходовъ высказывалъ о благотворной цѣли общества и пр. пр., весьма лестное для меня. Но я скажу откровенно, эти овацiи точно стрѣлы поражали мое не любящее похвалы сердце, я вѣрила только священнику Скороходову, зная, что онъ самъ имѣлъ любовь ко всѣмъ и къ лести былъ не причастенъ; всѣ прочія овацiи я принимала какъ лесть придворныхъ сановниковъ. Въ настоящіе часы вѣроятно посланы изъ Москвы поздравительныя те-

леграммы ея величеству, и дай Богъ, чтобы императрица утѣшила мать игуменью Зинаиду и труженицъ сестеръ и дѣтей.

79.

27-го іюня.

Сейчасъ до слезъ обрадовалась полученіемъ телеграммы изъ Москвы отъ матери Зинаиды, которая поздравляетъ меня какъ учредительницу отъ лица Покровской общины съ 25-лѣтіемъ и увѣдомляетъ, что всѣ сестры милосердія горячо молились за меня. Телеграмма послана въ $11^1/_2$ ч., т. е. сейчасъ послѣ обѣдни. Слава Богу, дожила до этого радостнаго дня, меня вспомнили, эта награда выше всѣхъ наградъ.

80.

10-го іюля.

Пробилъ часъ волн Божіей, Іерусалимская церковь выбрала себѣ патріарха въ лицѣ епископа Деміана. Миръ водворенъ между синодалами. Принуждены были смириться чрезъ уполномоченнаго турецкаго министра, пріѣхавшаго изъ Константинополя отъ имени султана, чтобы принудить подданныхъ грековъ оставить свои долгія интриги и водворить въ синодѣ порядокъ и должное благочиніе. Пріѣхалъ онъ 8-го, въ день Казанской Божіей Матери, съ экстреннымъ поѣздомъ, остановился въ гостиницѣ и не принялъ предложенія переѣхать въ патріархію. Пріѣздъ его былъ внезапный. Всѣ іерархи явились къ нему, и онъ заявилъ, что дѣло избранія, длившееся 5 мѣсяцевъ, должно быть кончено 10-го, что 11-го онъ ѣдетъ обратно въ Константинополь. Приказалъ, чтобы 9-го назначить утромъ синодальное засѣданіе и что онъ, по приказанію султана, долженъ при ономъ присутствовать и чтобы его ждали 9-го въ 10 часовъ утра. Засѣданіе началось. Министръ имъ сказалъ, что султанъ ихъ волю не стѣсняетъ, пусть избираютъ кого хотятъ, но что султанъ по соглашенію съ русскимъ императоромъ желаетъ, чтобы былъ избранъ въ патріархи намѣстникъ епископа Деміанъ.

Начались распри; три часа спорили при соглядатаѣ турѣцкомъ. Засѣданіе ничѣмъ не кончилось. Синодъ вечерній былъ назначенъ въ 7 часовъ. Министръ съ нимъ простился до утра. Синодальное засѣданіе продолжалось ночью. 16 человѣкъ синодаловъ спорили всю ночь, наконецъ заявлено было всему Іерусалиму, что избраніе будетъ въ 10 ч. Я, напившись чаю въ 8 ч. утра, пошла въ храмъ Воскресенія. Народъ сталъ собираться; вокругъ меня установились мои спутницы и другія жительницы Іерусалима; нижняя же часть лѣстницы была установлена служащими магнатами, французскими властями желѣзной дороги, на

хорахъ въ алтарѣ отведены были мѣста консулу русскому со всѣмъ штатомъ, также и чиновникамъ Палестинскаго общества, въ алтарѣ помѣщались монахи, архимандриты, въ томъ числѣ и нашъ русскій архимандритъ Рафаилъ съ своимъ штатомъ. Пробило 12 часовъ, по-турецки 6 час. вечера, царскія врата открылись, взошелъ первымъ намѣстникъ Деміанъ, а за нимъ 6 архіереевъ, 8 архимандритовъ. Прежде всего Деміанъ надѣлъ эпитрахиль и малый омофоръ безъ мантіи, окадилъ св. престолъ, затѣмъ начался краткій молебенъ, по окончаніи котораго арх. Ѳотій вышелъ къ народу и читалъ фирманъ султана объ избраніи новаго патріарха церкви арабской, всей Палестины и св. града Іерусалима взамѣнъ усопшаго патріарха Герасима. Когда онъ кончилъ, то вернулся въ алтарь и съ сосудомъ сталъ подходить ко всѣмъ синодалмъ, и въ этотъ сосудъ они вложили запечатанные конверты съ именами избираемаго. Каждый пакетъ распечатывалъ самъ епископъ Деміанъ и давалъ прочитывать при немъ стоявшему епископу назаретскому. Сосудъ стоялъ на престолѣ, тишина была крайняя, всѣ уши направлены, чтобы слышать имена избираемыхъ. Епископъ, прочитавши, передавалъ записку архидіакону, который громогласно повторялъ имя. Когда прокричалъ «Деміаносъ» восемь разъ, народъ сталъ отъ радости кричать: «Деміаносъ, Деміаносъ» и рукоплескать. Послѣ того стали вынимать остальныя записки, и Деміану вышло 12 голосовъ; тогда всѣ монахи и народъ стали рукоплескать и кричать: «Деміанссъ, Деміаносъ». Все кончилось. Актъ избранія подписалъ на престолѣ невоизбранный патріархъ и затѣмъ всѣ синодалы. Когда актъ избранія былъ подписанъ, Ѳотій прочелъ его народу по-гречески и по-арабски. Тутъ всѣ, іерархи и архимандриты стали подходить къ новому патріарху съ поздравленіями; послѣ чего всѣ вышли изъ церкви и зазвонили въ колокола. Турецкій министръ, осмотрѣвши всѣ святыни, въ 8 часовъ утра ѣдетъ въ Яффу; съ нимъ ѣдетъ уполномоченный изъ патріархіи съ всеподданнѣйшимъ докладомъ объ избраніи и просьбою выслать и султанскій фирманъ. Тогда будетъ торжественная встрѣча и введеніе намѣстника на патріаршій тронъ.

81.

12-го іюля.

Вчера день прошелъ спокойно. Паша уѣхалъ утромъ въ Константинополь. Іерархи послали визирю телеграмму объ избраніи епископа Деміана въ патріархи; завтра ждутъ отвѣтъ.

Утромъ въ 7 часовъ я пошла съ своими спутницами въ мечеть Омара, сопровождалъ меня кавасъ Али отъ патріархіи и драгоманъ изъ арабовъ. При входѣ на площадь храма Соломонова по слабости

моей я у бассейна усѣлась отдохнуть. Турецкій солдатъ распорядился открыть обѣ мечети, которыя отлично содержатся. Христіанскихъ поклонниковъ впускаютъ только изъ Красныхъ воротъ; на площадь не пускаютъ ни собакъ, ни лошадей и никакихъ звѣрей, вокругъ оной древняя ограда Соломонова храма. Зодчество неимовѣрно хорошо, стѣны изъ чистаго бѣлаго мрамора. Мечеть Давида рядомъ на мраморныхъ колоннахъ, зодчество великолѣпно, но она маленькая. Входя въ мечеть Омара (бывшее мѣсто Святая Святыхъ), мы сняли галоши, по обычаю турокъ. Мулла, насъ встрѣтившій у порога, сказалъ намъ, что на этой скалѣ стоялъ храмъ Соломона, Кивотъ Завѣта, въ которомъ сохранились двѣ скрижали съ начертанными на нихъ десятью заповѣдями. Отдохнувши, мы пошли въ мечеть Ель-Акса, гдѣ былъ сооруженъ прежде императоромъ Юстиніаномъ храмъ Введенія во храмъ Пресв. Богородицы. На мѣстѣ христіанскаго алтаря за мусульманскою каѳедрою имѣются двѣ ниши, полъ въ которыхъ есть камень съ отпечатанными двумя малыми стопами, по преданію Матери Божіей. Тутъ Симеонъ Богопріимецъ принялъ на свои старческія руки Богочеловѣка. И это святилище нынѣ попрано враждебнымъ христіанству исламомъ. Золотыя врата, чрезъ которыя Царь небесный вступилъ въ Іерусалимъ за 6 дней до своей смерти, заложены на-глухо еще при Омарѣ, въ силу преданія между магометанами, что въ оныя войдетъ нѣкогда побѣдитель христіанскій. Выходя изъ этой мечети, турченокъ ножемъ вынималъ мнѣ камушки изъ стѣны; я тамъ пріобрѣла нѣсколько мозаичныхъ зеленыхъ камушковъ, и это за 20 коп.

82.

2-го августа.

Сегодня день памятный для меня. Въ 1852 году меня мать-игуменья Паисія Алексѣевскаго монастыря одѣла въ послушническую рясу, дала мнѣ бѣлыя, какъ снѣгъ, коралловыя четки и повезла меня сама къ митрополиту Филарету. Святитель возрадовался, видя меня облеченную въ рясу и шапочку, благословилъ меня сердоликовыми четками съ золотымъ крестикомъ—даръ отъ графини Орловой-Чесменской, сказавъ, что молитва, какъ свѣтлое облако, достигаетъ до небесъ, чтобы я непремѣнно молилась и въ церкви и въ келіи, лежа и сидя, бывши въ трудахъ и исполняя послушаніе, не сомнѣваясь, что молитва тайная выше явной. Вотъ слова незабвеннаго моего учителя и наставника, съ юныхъ дней взявшаго меня подъ свое покровительство. И вотъ, минуло 45 лѣтъ, а эти слова, какъ бы вчера сказанныя, звучатъ въ моихъ ушахъ и день и ночь.

*

83.

10-го августа.

Сегодня 6 мѣсяцевъ послѣ кончины патріарха Герасима. Пріемникъ его не получилъ еще фирмана отъ султана, и цѣлый мѣсяцъ избранный патріархъ не введенъ еще въ патріаршее мѣсто и не имѣетъ по этой причинѣ права идти и молиться въ Воскресенскій храмъ, т. е. и ко Св. Гробу. Чудеса тутъ творятся. Любопытное мое здѣсь пребываніе настолько разнообразно, что, признаюсь, желательно было бы все это подробно изложить на бумагѣ, дабы передать русскимъ, что здѣсь по истинѣ творится.

84.

27-го августа, 2 ч. по полудни.

Ровно въ 12 час. заблаговѣстили въ большой патріаршій колоколъ у Св. Гроба. Народъ сталъ сбѣгаться со всѣхъ сторонъ; противъ моихъ оконъ долженъ былъ слѣдовать патріархъ въ Сераль. Чрезъ четверть часа шествіе было противъ насъ. Шли впереди пять кавасовъ съ булавами, въ шитыхъ золотыхъ курткахъ, за ними монахи патріархіи на каждой сторонѣ улицы по одному, посрединѣ церемоніймейстеръ монахъ. Въ концѣ шествія патріаршій посохъ несъ монахъ изъ діаконовъ, за нимъ бѣлый серебряный подносъ, покрытый зеленымъ атласомъ въ родѣ подушки, на которомъ лежалъ фирманъ, завернутый въ атласъ; за фирманомъ шелъ епитропъ, а рядомъ съ нимъ патріархъ Деміаносъ въ регаліяхъ, за нимъ шли 5 архіереевъ. Благовѣстъ продолжался до того времени, когда шествіе дошло до Сераля. Чрезъ полъчаса опять начался благовѣстъ, народъ взадъ и впередъ засуетился. Вижу шествіе идетъ тѣмъ же порядкомъ, но за патріархомъ ведутъ турецкую бѣлой масти великолѣпную лошадь съ малиновымъ шитымъ золотомъ чепракомъ, уздечка золотая, стремена и поводья также. Вели ее два турецкіе офицера; рядомъ съ патріархомъ шелъ паша и всѣ сопровождавшіе его архіереи и стража турецкая. Тогда я накинула рясу и пошла ко Гробу Господню.

Патріархъ былъ уже тамъ, приложившись къ Св. Гробу, взошелъ въ Воскресенскую церковь; облачился, тутъ стали ему читать фирманъ султана, затѣмъ стали пѣть славословіе, по окончаніи коего было многолѣтіе султану. Въ патріархію шествіе началось въ томъ же порядкѣ. Благовѣстъ продолжался не менѣе получаса, но это не нашъ россійскій стройный благовѣстъ, а гременіе колоколовъ въ полномъ диссонансѣ.

85.

11-го сентября.

Грусть давитъ сердце. 8-го утромъ Филарета прибѣжала мнѣ сказать, что отецъ Веніаминъ умираетъ. Все оставила и поспѣшила къ старцу, дабы принять его послѣднее благословеніе. Сестра милосердія при умирающемъ спросила его: можно-ли мнѣ къ нему взойти; онъ обрадовался и сказалъ: «пусть взойдетъ». Лежалъ онъ, точно сіяющій; трудно было его понять, такъ тихо говорилъ. Я подошла, онъ меня благословилъ и руку положилъ на голову. Вечеромъ преосвященный Епифаній, его духовникъ, соборовалъ его при участіи братіи миссіи. Ночь прошла тихо, ему прочли отходную, послѣ которой ему стало лучше. Но болящій ослабѣлъ до крайности, и въ 6 часовъ вечера онъ мирно предалъ духъ свой въ руцѣ Божіи. Всѣ въ Іерусалимѣ оплакиваютъ его, даже католики говорятъ, что подобнаго милосерднаго брата и у нихъ не осталось. Онъ былъ для всѣхъ добръ. Сынъ дворянина Полтавской губерніи, уроженецъ Бессарабской губ., служилъ долго въ Кишиневѣ у предводителя дворянства и 26-ти лѣтъ ушелъ въ монастырь; въ Іерусалимѣ служилъ 54 года. Патріархъ Деміаносъ его отпѣвалъ, всѣ сбѣжались на его похороны, чтобы отдать ему послѣдній долгъ любви, провожали его до Сіона.

86.

1-го декабря.

Вчера 30-го ноября, въ день праздника церкви Аврааміевскаго монастыря (т. е. подворья), патріархъ Деміаносъ посѣтилъ мою келію, сопровождаемый начальникомъ гроба, архимандритомъ Евфиміемъ, казначеемъ патріарха и еще 5-ю архимандритами, 2-мя діаконами и 3-мя профессорами семинаріи. Патріархъ и всѣ его сопровождавшіе обрадовали меня грѣшную полнымъ искреннимъ заявленіемъ, что Ново-Голгофа (написанная Митрофаніею) есть достойный памятникъ Іерусалимской Голгофы и всей Палестины. Всѣ одинъ за другимъ, взирая на распятаго Господа, говорили громко, и нѣсколько разъ Орео, т. е. выраженіе высшей похвалы; патріархъ осмотрѣлъ мѣсто, приготовленное для креста съ животворящимъ древомъ, нашелъ все устройство достойнымъ великой святыни. Благодарю Бога, что зиму осталась здѣсь, все устраивается не спѣша. Море сильно волнуется, пароходы многіе не пристаютъ, нѣтъ возможности пристать къ Яффской пристани. Одессу потопило, бѣдствій много, Севастополь также потерпитъ отъ наводненія.

87.

6-го декабря.

Сегодня было событіе изъ ряда обыкновенныхъ, торжество веліе въ церкви Іерусалимской, а именно къ торжеству именинъ нашего императора присоединено было торжество хиротоніи архимандрита Ѳотія въ архіереи филадельфійскіе. Въ 1882 году или 1883—не помню, онъ былъ выбранъ въ патріархи церковью и паствою іерусалимскою и всей Палестины; но по интригамъ нѣкоторыхъ старшихъ, кому онъ довѣрился, султанъ ему фирманъ не прислалъ, и за молодостью лѣтъ ему было отказано, послѣ трехъ мѣсячной патріаршей дѣятельности. Назначенъ былъ тогда архимандритъ Никодимъ, бывшій настоятелемъ много лѣтъ въ Москвѣ на Іерусалимскомъ подворьѣ. Пріѣхавшій изъ Москвы, вновь назначенный патріархъ требовалъ отъ Ѳотія актъ его избранія, но Ѳотій ему отказалъ. Этотъ отказъ привелъ къ тому, что Никодимъ сослалъ его на Синай въ заточеніе, гдѣ въ изгнаніи находился 7 лѣтъ. Послѣ Никодима патріархомъ былъ нареченъ Герасимъ, человѣкъ святой жизни. Ѳотій рѣшился возвратиться въ Іерусалимъ тайно до прибытія Герасима, бывшаго въ то время патріархомъ въ Дамаскѣ. Намѣстникъ, преосвященный Никифоръ, его принялъ и по прибытіи патріарха Герасима, оцѣнившаго его необычайный умъ и знаніе, былъ сдѣланъ его епитропомъ. Ѳотій трудился усердно, помогалъ патріарху во всѣхъ дѣлахъ, получилъ званіе члена синода и секретаря его блаженства. Братъ Ѳотія женился на сестрѣ патріарха, и такимъ образомъ состоялось родство. Патріархія, т. е. старшіе іерархи, возненавидѣли Ѳотія, а патріархъ безъ Ѳотія ничего не рѣшалъ. Наконецъ патріархъ умеръ; назначенъ былъ намѣстникъ преосвященный Деміанъ. Такъ какъ Ѳотій былъ хорошъ съ Деміаномъ, то всѣми силами старшіе члены синода не желали утверждать Деміана въ патріархи, говоря, что Ѳотій будетъ править за него всею церковью Палестины, требовали, чтобы Ѳотій былъ удаленъ изъ синода, гласно требовали, чтобы его сослали на Синай, говоря, что онъ богатѣетъ, опустошая всѣ доходы патріархіи. Однажды хотѣли выгнать его изъ синода, но онъ устоялъ и просилъ доказать его вину. Наконецъ намѣстникъ сталъ патріархомъ, а Ѳотій, вмѣсто изгнанія на Синай, возведенъ при самомъ торжественномъ богослуженіи въ архіереи филадельфійскіе, но жить будетъ въ патріархіи, какъ жилъ, и помогать блаженнѣйшему.

88.

14-го декабря.

Погода холодная, дожди, сегодня пасмурно, поднимается вѣтеръ, страсть какъ море бушуетъ, было нѣсколько несчастій. Благодарю Бога,

что я не рискнула ѣхать; у меня нынѣшній годъ сыро, прошу Бога поддержать мое здоровье до выѣзда въ Россію. Поклонниковъ мало, съ прошлымъ пароходомъ пріѣхали только 17 русскихъ; всѣхъ теперь въ Палестинѣ и въ греческихъ монастыряхъ не болѣе 150 человѣкъ.

89.

2-го февраля 1898 г.

Грустно мнѣ, что не была въ церкви, по случаю снѣга, дождя и морозовъ. Зима нынѣшній годъ въ Іерусалимѣ жестокая и дома холоднѣй, чѣмъ на воздухѣ; нѣтъ ни печей, ни двойныхъ оконныхъ рамъ, всѣ мерзнутъ болѣе трехъ мѣсяцевъ, и я страдаю. Бывало, у меня отъ 7 до 10 град.; я было ожила, но сегодня до 8 только градусовъ, вездѣ сыро, на террасѣ вода, вода пробивается въ стѣны. Дверь, на которой были повѣшены платья, была даже мокрая, одежду просушили, а дверь вытерли. Признаюсь, что, при моихъ долголѣтнихъ ревматизмахъ, это чудо, что я еще не слегла. Господь меня хранитъ, и помощью Его только я переношу Іерусалимскую зиму 1897 и 98 года, а прошлый 1896—97 г. было настолько тепло, что мы наслаждались, не видя ни холода, ни сырости. Слава Богу, цистерны наполняются водою, а то всѣ унывали, что не будетъ воды и будутъ лѣтомъ умирать отъ жажды; въ февралѣ ждутъ перемѣны погоды на лѣто. Теперь здѣсь говорятъ о будущемъ пріѣздѣ императора германскаго. Султанъ назначилъ для встрѣчи его здѣсь въ Іерусалимѣ 18.000 солдатъ изъ Константинополя, изъ нихъ 3.000 гвардейцевъ, ждутъ его къ Пасхѣ, богомольцевъ прибываетъ теперь съ каждымъ пароходомъ, не смотря на холодную и бурную морскую погоду.

90.

3-го февраля.

Встала въ 6 час. Зима настоящая, морозъ, всѣ крыши и земля покрыты снѣгомъ на четверть аршина. Филарета и Матрена крехтятъ, хотя одѣты по-россійски, я также вся въ ватошникахъ. Въ комнатѣ 8 гр. теп., на дворѣ 2 град. мороза, снѣгъ клочьями летитъ, покрывая весь Іерусалимъ; всю ночь шелъ дождь.

91.

11-го февраля.

Вотъ уже и масленица. Время идетъ, дни текутъ и приближаемся мы также къ жизни загробной. Пока не было поклонниковъ изъ Россіи, было въ Іерусалимѣ тихо; притихли сплетни, а теперь всякій па-

роходъ привозитъ нѣсколько сотъ человѣкъ, и жалобы поклонниковъ увеличивается съ каждымъ днемъ.

92.

12-го февраля.

Сегодня была сильная гроза; молнія и раскаты грома величественны въ Іерусалимѣ. Стало тепло въ воздухѣ, было 22 градуса на солнцѣ; я открыла окошко и наслаждалась возвращеніемъ лѣта.

Гроза была сильная, градъ, дождь; поклонники пріѣхали вчера на послѣднемъ пароходѣ, пріѣхалъ во время сильной бури и принцъ Кобургскій, сынъ Маріи Александровны, юноша 18 лѣтъ, католическаго вѣроисповѣданія. Стоялъ онъ у обѣдни въ церкви Маріи Магдалины, былъ на Елеонѣ въ русской церкви, вчера поѣхалъ съ архимандритомъ Рафаиломъ на Іерихонъ и на Іорданъ, потому что у католиковъ нѣтъ убѣжища на Іорданѣ; былъ у Св. Гроба и на Голгофѣ, и по всѣмъ святымъ мѣстамъ Воскресенскаго храма его водили.

93.

17-го февраля.

Въ Троицынъ день была я у его блаженства патріарха, онъ настолько внимателенъ, что даже принесъ мнѣ золотой крестикъ съ вопросомъ, хорошъ ли онъ будетъ для помѣщенія на Голгофѣ, если я пожелаю, чтобы онъ былъ побольше, то онъ закажетъ другой; я ему отвѣтила: «Ваше блаженство, Покровскому Балашовскому монастырю благословеніе ваше будетъ одинаково дорого, въ маломъ или большомъ видѣ, лишь бы только въ немъ были бы положены частицы животворящаго древа и камень Св. Гроба и Голгофы» и просила его мнѣ дать этотъ приготовленный крестъ до вложенія въ оный святыни, дабы устроить надлежащій ковчегъ, если приготовленный будетъ малъ. Онъ этому обрадовался и передалъ его мнѣ.

94.

5-го марта.

Господь привелъ меня быть въ Іерусалимѣ во второй разъ въ великомъ посту. Наплывъ народа въ настоящемъ году небывалый, не смотря на постоянныя морскія бури и холода; все вздорожало. У Св. Гроба толпа и день и ночь, всякій пароходъ привозитъ нѣсколько сотъ поклонниковъ, всѣ спѣшатъ къ Пасхѣ, квартиръ нѣтъ. Католики останавливаются въ гостиницахъ, принадлежащихъ францисканамъ; иностран-

цевъ сюда наѣхало до 2.000. Наши русскіе въ Палестинѣ бѣдствуютъ, ихъ теперь до 3.000, ждутъ еще 2.000, а помѣщенія нѣтъ.

95.

17-го марта.

День сегодня теплый, мы посидѣли на томъ мѣстѣ, гдѣ во времена Спасителя лежали разслабленные и больные, напились свѣжей воды, и я повела моихъ спутниковъ отца Алексѣя и діакона отца Андрея, обѣдавшихъ у меня въ этотъ день во французскій сиротскій пріютъ, устроенный на томъ мѣстѣ, гдѣ изъ Преторіи повели Христа на судъ, гдѣ онъ стоялъ обагренный кровью. Прошли черезъ ту самую арку, черезъ которую Спаситель міра шелъ на вольную смерть. Тутъ неистовали іудеи, крича: «Распни, распни Его»; тутъ Его заставили нести крестъ. Въ память того и сдѣланъ тутъ таковой же крестъ, поставленный на пьедесталѣ. Отецъ Алексѣй плакалъ отъ радости, что ему пришлось пройти крестнымъ путемъ и самымъ тѣмъ мѣстомъ, не всѣмъ доступнымъ, потому что ни греки, ни палестинскіе кавасы туда не заходятъ. Знаніе французскаго языка дало мнѣ возможность быть тамъ и узнать то, что греки скрываютъ.

Было уже поздно, когда мы подошли къ мѣсту, огражденному турками,—это казармы. На этомъ мѣстѣ стоялъ Іисусъ Христосъ передъ Пилатомъ, такъ какъ казармы устроены въ его домѣ. Чѣмъ болѣе здѣсь живешь, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ хитрости грековъ, турки честнѣй и любвеобильнѣй къ русскимъ; греки любятъ только наши деньги. Трудно съ ними жить русскому безъ денегъ. Въ настоящее время наплывъ паломниковъ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій очень великъ.

96.

18-го апрѣля.

Теперь дѣло рѣшено, если погода будетъ благопріятствовать, то выѣду 29-го числа сего мѣсяца; одно только можетъ остановить меня на одну недѣлю, это возвращеніе поклонниковъ изъ Назарета. Однимъ словомъ въ концѣ мая надѣюсь быть въ Балашовѣ.

97.

18-го апрѣля.

Слава Богу, время приближается къ выѣзду на родину. Жаль разставаться съ Св. Гробомъ и со всѣми святынями Палестины. Добрѣйшій Алексѣй Александровичъ Нейдгартъ тоже спѣшитъ ѣхать обратно въ

Москву 22-го, т. е. черезъ три дня, а я рѣшилась ѣхать 5-го мая, потому что мнѣ сказали, что 29-го на пароходъ сядутъ не менѣе 800 русскихъ паломниковъ, а, можетъ, наберется и цѣлая тысяча, а 5-го числа будетъ много свободнѣе. Самое лучшее и безопасное плаваніе въ маѣ мѣсяцѣ. Итакъ, если доживу, то выѣду изъ Іерусалима 2-го мая, а 5-го поѣду прямымъ путемъ на Александрію.

98.

31-го мая.

Вотъ я и въ Яффѣ. Остановилась у францискановъ въ ихъ пріютѣ для пріѣзжающихъ, имѣю два хорошіе номера, кавасу третій. Гостиница на берегу моря, рядомъ съ таможней. Сегодня день великолѣпный, море, какъ стекло, тихое. Слава Богу, дождалась «Россіи», на ней я поѣду обратно.

99.

4-го іюня.

Слава Богу, мы доѣхали до Александріи благополучно, вчера морскія свиньи возвѣстили намъ своей игрой наступленіе морской зыби, т. е. самой мучительной качки для слабонервныхъ особъ. Въ 4 часа мы выѣхали изъ Портъ-Саида, всю ночь качало сильно до самой остановки парохода, который пристаетъ къ Александріи въ $7^1/_2$ ч. утра. Ночь прошла, всѣ перешли на пароходъ «Чихачевъ», я одна осталась на «Россіи». Жара страшная, но въ моей каютѣ два окна, воздухъ чистый, всѣ служащіе ко мнѣ благоволятъ, начиная съ капитана, помнящаго меня съ 1896 года, когда я ѣхала въ Іерусалимъ.

100.

7-го іюня.

Четвертый день мы стоимъ въ Александріи въ бухтѣ Средиземнаго моря. На пароходѣ народа нѣтъ, одни служащіе, море тихое, синеголубое, тишина, солнце сіяетъ, набережная великолѣпная, городъ европейскій. Всѣ дни не была въ силахъ осмотрѣть городъ и поклониться мѣсту мученій великомученицы Екатерины; но сегодня воскресеніе, пойду въ патріархію къ обѣднѣ и помолюсь великомученицѣ. Въ два часа придетъ пароходъ «Царь» изъ Одессы, наѣдутъ изъ Россіи паломники, и тишина трехдневная замѣнится обычной суетой.

101.

11-го іюня.

Сегодня день тихій, по милости Божіей миновалась трехдневная буря, начавшаяся въ Александріи съ вечера. Въ Портъ-Саидѣ мы были

днемъ, пароходъ былъ на якорѣ, но когда вышелъ, былъ сильный вѣтеръ; тронулись въ 4 часа дня, въ 6 часовъ на палубѣ стали служить молебенъ, матросы предвѣщали сильную бурю. Въ 5 ч. мы остановились передъ Яффскимъ берегомъ, пароходъ качался, я съ трудомъ дошла до палубы, уставши отъ сильной качки. На Яффскомъ берегу бушевало море, мертвенная зыбь обѣщала опять мучительную качку. До 7-го часа никто изъ Яффы не рѣшался доѣхать до парохода, наконецъ явились кавасы съ пассажирами, море стало успокаиваться, но въ 4 часа вѣтеръ опять поднялся.

102.

12-го іюня.

Море немного бушуетъ, пароходъ началъ опять плыть скорымъ ходомъ, но зыби нѣтъ, мало качаетъ, я въ своей каютѣ, но мысленно переношусь въ Балашовъ.

103.

15-го іюня.

Два съ половиною дня мы шли безъостановочно посреди Средиземнаго моря. Въ началѣ 3-хъ часовъ мы вступили въ Архипелагъ, прошли мимо острововъ Родоса, Патмоса и Хіоса. Самый лучшій Родосъ по мѣстоположенію, по постройкамъ и его берегамъ, народонаселеніе греческое во всѣхъ трехъ островахъ. Невѣріе и нерадѣніе грековъ видится всюду; ни одной выдающей церкви или колокольни, нигдѣ креста не увидишь; даже на островѣ Патмосѣ, гдѣ существуетъ пещера, въ которой св. Іоаннъ Богословъ писалъ Св. Евангеліе, ничѣмъ не ограждена, нѣтъ даже на томъ мѣстѣ и часовни. Тому часъ, какъ мы остановились въ Смирнѣ, эта набережная представляетъ адъ кромѣшный: шумъ, крикъ, пароходы снуютъ взадъ и впередъ, набережная великолѣпная, лучше Константинопольской.

104.

18-го іюня.

Слава Богу, мы съ утра въ Константинополѣ. Смирна оставила во мнѣ самое тяжелое впечатлѣніе; выѣхавъ изъ Смирны, мы плыли безостановочно около двухъ сутокъ, погода хорошая, качки не было; завтра вечеромъ поѣдемъ въ Одессу и 21-го утромъ будемъ на сушѣ. Пароходная жизнь становится въ тягость. Сегодня Господь насъ спасъ, а въ Константинопольской бухтѣ, сегодня же утромъ пароходъ «Царица», нагруженный товаромъ въ Петербургъ, былъ пробитъ въ 4-хъ мѣстахъ пароходомъ австрійскимъ. Теперь этотъ пароходъ поставленъ на мель,

товары въ агентство выгружаютъ, горе тамъ бывшимъ, всѣ разошлись по константинопольскимъ гостинницамъ.

105.

21-го іюня.

Я въ дорогой Россіи!

Въ десять часовъ утра 11-го августа 1898 года мать Митрофанія скончалась въ Москвѣ, въ квартирѣ своей родной сестры. На похороны съѣхались всѣ родные, и во время панихидъ собиралось множество народа, которые прибыли проститься съ нею въ послѣдній разъ. Панихиды шли почти безпрерывно. Пріѣзжали настоятели монастырей и подворій со своими пѣвчими. Пріѣзжала изъ Серпухова цѣлая депутація, что же касается до Московской Петровской общины, то она была въ полномъ составѣ. У гроба покойной дежурили поперемѣнно монахини только Серпуховскаго и Алексѣевскаго монастырей, да сестры Покровской общины. Погребеніе по желанію сестры покойной послѣдовало въ Покровской общинѣ напротивъ алтаря. Шествіе погребальное, когда вышло на Петровку, то растянулось во всю длину—такая была масса провожающихъ.

Сообщилъ **князь А. Дадіанъ.**

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1902 г.

ТОМЪ СТО ДВѢНАДЦАТЫЙ.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

стран.

I. Изъ прошлаго. (Воспоминанія офицера генеральнаго штаба). Ужасные дни. П. Д. Паренсова . . . 57—64, 285—300, 451—473

II. Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина. 65—79 323—340, 475—494

III. Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи. Сообщ. князь А. Дадіанъ. . . . 403—416, 605—620

IV. Сергѣй Максиміліановичъ герцогъ Лейхтенбергскій. (Къ 25-ти-лѣтію его кончины. Воспоминанія врача Рущукскаго отряда). Ф. Піотровскаго . . . . . 517—520

V. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева . . . . . 521—547

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

I. Русская жизнь въ началѣ XIX в. Н. Дубровина . . . . . 5—33, 209—241, 417—450

II. Отношеніе поляковъ къ русскимъ въ 1816 году. 34

		стран.
III.	М. М. Сперанскій генералъ-губернаторомъ въ Сибири и возвращеніе его въ Петербургъ. Сообщ. И. А. Бычковъ.	35—56
IV.	Два билета, выданныхъ во время польскаго возстанія въ 1864 году	80
V.	Французскій парламентъ въ Петрозаводскѣ въ 1821 году. *Н. Д.*	81—85
VI.	Письмо Ив. Ив. Дмитріева—П. П. Свиньину .	86
VII.	И. М. Муравьевъ-Апостолъ. Ив. Кубасова.	87—104, 347—359
VIII.	Посѣщеніе гимназій Харьковскаго учебнаго округа наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ въ 1837 году. Проф. Н. Ѳ. Сумцова	105—111
IX.	Письмо Н. И. Гнѣдича — цесаревичу Константину Павловичу. Сообщ. П. В. Петровъ . .	112
X.	Полувѣковой юбилей Лицея. Стихи В. Зотова. Сообщ. П. Д. Стремоуховъ	113—114
XI.	Дипломатическіе переговоры передъ Восточною войною 1853—1856 г.г. (Окончаніе). В. В. Тимощукъ	115—140
XII.	Варшава, въ ночь съ 3-го на 4-ое октября 1861 г. Сообщ. А. Н. Крыжановскій . .	141—144
XIII.	Монастырская реформа въ Царствѣ Польскомъ. Д. Г. Анучина. . . . . 145—163,	555—576
XIV.	Письмо графа Д. А. Гурьева—М. М. Сперанскому по поводу открытія совѣта кредитныхъ установленій.	164
XV.	Крестьянскій вопросъ въ Екатерининской коммиссіи. В. Строева	165—182
XVI.	Царство Польское послѣ Вѣнскаго конгресса. П. Майкова.	183—194
XVII.	Письма къ В. А. Жуковскому разныхъ лицъ. Сообщ. И. А. Бычковъ	195—208
XVIII.	Письмо С. С. Уварова—М. М. Сперанскому, объ административной ихъ дѣятельности, 1-го декабря 1819 года	242
XIX.	Кишеневское сидѣніе. (Изъ дневника Д. С. Нагловскаго)	243—264
XX.	Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ. Сообщ. В. В. Щегловъ. . 265—284,	501—515
XXI.	Письма графа В. П. Кочубея къ М. М. Сперанскому 1823—1825 г.г. (Изъ бумагъ акад. А. Ѳ. Бычкова). Сообщ. И. А. Бычковъ	301—322
XXII.	М. М. Сперанскій въ Пензѣ. А. Троицкаго.	341—345
XXIII.	Высочайшій рескриптъ объ увольненіи графа Кочубея въ отпускъ. 28-го іюня 1823 г. . .	346
XXIV.	Поручикъ Усовскій—участникъ въ тайномъ обществѣ декабристовъ. Предложеніе министра юсти-	

		стран.
	ціи Правительствующему Сенату, 14-го марта 1827 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій	360
XXV.	Письма В. П. Балабина—графу П. Д. Киселеву.	361—385, 577—596
XXVI.	Къ біографіи Е. К. Фредерици. Письмо Н. П. Резанова—П. К. Сухтелену, 13-го іюня 1805 г.	386
XXVII.	Петербургъ въ 1840—1841 г.г. (По дневнику П. Г. Дивова).	387—401
XXVIII.	О наблюденіи типографіями цензурныхъ узаконеній. Циркулярное отношеніе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея, гражданскимъ губернаторамъ 13-го февраля 1822 года	402
XXIX.	Письмо И. И. Дмитріева къ князю П. А. Вяземскому. Сообщ. И. А. Бычковъ.	474
XXX.	О силѣ правительства. (Записка М. М. Сперанскаго). Сообщ. П. М. Майковъ	495—499
XXXI.	Предложеніе Синоду Серафима, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго, о поддержаніи лучшей нравственности среди духовенства . .	500
XXXII.	Поддержаніе дисциплины въ войскахъ. Высочайшій рескриптъ генералъ-лейтенанту Бауру, 18-го декабря 1801 г. Спб.	516
XXXIII.	Секретный приказъ князя П. И. Багратіона объ отступленіи отряда изъ Борисова	548
XXXIV.	Высочайшее повелѣніе не именовать Севастополя—Ахтіаромъ и Евпаторіи—Козловомъ. . .	548
XXXV.	Записка князя Николая Алексѣевича Орлова объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній въ Россійской Имперіи и въ Царствѣ Польскомъ	549—553
XXXVI.	Къ исторіи дуэлей. Предложеніе министра юстиціи Правительствующему Сенату.	554
XXXVII.	Петербургское общество сто лѣтъ тому назадъ (письмо къ другу въ Германію)	597—601
XXXVIII.	Изъ воспоминаній современниковъ о Дантесѣ. Сообщ. А. Мердеръ	602
XXXIX.	Пушкинъ и Мильвуа. Евгеніи Клебанской.	603—604
XL.	Систематическое оглавленіе сто двѣнадцатаго тома	621—624
XLI.	Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ 109-мъ, 110-мъ, 111-мъ и 112 томахъ «Русской Старины» изд. 1902 года	1—58

Портреты.

I. Портретъ князя Адама Чарторыйскаго. Грав. И. И. Хелмицкій.

(При 10-ой книгѣ).

II. Портретъ Дмитрія Станиславовича Нагловскаго. Грав. И. И. Хелмицкій.

(При 11-ой книгѣ).

III. Портретъ его императорскаго высочества Сергія Максимиліановича князя Романовскаго, герцога Лейхтенбергскаго. Грав. И. И. Хелмицкій.

(При 12-ой книгѣ).

Приложенія.

1. Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщ. И. А. Бычковъ. 433—536

Библіографическій листокъ.

1. Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902). Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ. Томъ второй. Часть 2-я. Комитетъ Министровъ въ царствованіе императора Николая Перваго (1825 г. ноября 20-го—1855 февраля 18-го). Составилъ С. М. Середонинъ. Изданіе Канцеляріи Комитета Министровъ. Спб. 1902 г. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ октябрьской книги).

2. Е. С. Шумигорскій. Екатерина Ивановна Нелидова (1758—1830 гг.). Изданіе 2 е, исправленное и дополненное, съ портретами, рисунками и автографами. Спб. 1902 г. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ ноябрьской книги).

3. Историческіе очерки и разсказы С. Н. Шубинскаго. Четвертое изданіе, дополненное и исправленное. Съ 80-ю портретами и иллюстраціями. Спб. 1903 г. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ декабрьской книги).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ 109, 110, 111 и 112 томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1902 года.

А.

Ааронъ, ректъ. пензенск. семин. 1819 г., еписк. арханг. 1826г.,†1842 г., т. CXII, нояб., 341, 342.

Абдуррахманъ, эмиръ афганистан. 1880 г., т. CX, апр., 220—223.

Абрамовичъ, ген.-м. 1830 г., т. CXI, іюль, 71.

Августинъ (Мих. Сахаровъ), архіеп, оренбург., 1860 г., т. CIX, янв., 156, 157, февр., 410.

Авдѣевъ, Мих. Вас., писат., р. 1821 г., †1876 г., т. CXI, авг., 267—287, сент., 493—512.

Аверинъ, Пав. Ив., 1800 г., т. CIX, февр., 296, 297.

Адлербергъ, Алексд. Алексд., мин.-двора, р. 1818†1888 г., т. CX, май, 283.

Адлербергъ, гр., Влад. Θед., мин. двора, р. 1790†1884 г., т. CIX, янв., 135, 136, 157, т. CX, апр., 18.

Адлербергъ, гр-ня, нач-ца Смольн. инст. 1838 г., т. CIX, янв., 135, т. CXI, сент., 648.

Айвазовскій, Ив. Конст., художн., р. 1817†1819 г., т. CIX, янв., 45—47.

Акимова, артистка 1870 г., т. CXI, сент., 498.

Аксакова, Ольга Семен., т. CXI, авг., 365.

Аксаковъ, Ив. Серг., писат., р. 1823 †1886 г., т. CIX, мартъ, 531, т. CXI, авг., 255—275, т. CXI, сент., 486.

Аксаковъ, Серг. Тимоѳ., писат., род. 1791†1859 г., т. CIX, февр., 275, 278, т. CXI, авг., 365, т. CXII, нояб., 221.

Аладьина, Софья Григорьевна, т. CIX, янв., 40, т. CX, май, 295, 297, 301.

Аладьинъ, Егоръ Вас., издат. „Невск. Альманаха“ †1860 г., т. CXI, сент., 620.

Албертранди, епископъ, 1800 г., т. CIX, янв., 6, 7, 8, 28, февр., 255.

Алединскій, т. CXII, нояб., 265.

Александра Николаевна, велик. княг., въ супруж. принцесса Гессенъ-Кассельская, р. 1825†1844 г., т. CIX, янв., 36, т. CX, апр., 131, 132.

Александра Ѳеодоровна, им-ца, р. 1798†1860 г., т. CIX, янв., 45, мартъ, 636, т. CX, апр., 81, 105, 124, 158—164, 168—170, май, 227, 337—358, 399, іюнь, 449—466, 622, т. CXI, іюль, 36—43, т. CXII, нояб., 390, 393, 399.

Александровъ (кн. Стрѣльнинскій), Павелъ, оф. 1830 г., т. CIX, февр., 376, т. CX, май, 412, т. CXI, авг., 289—309, сент., 537.

Александръ I, императоръ, р. 1777†1825 г., т. CIX, янв., 11—36, 40, 90—98, 102—105, 108, 123—129—173, февр., 217—229, 240—250, 295, 352, 375, 410—453, мартъ, 469—598, 554, 562—587, 634, т. CX, апр., 5—49, 65, 75—80, 185, 195—206, май, 231—259, 359—389, 402, 413, 423, 426, іюнь, 450—486, 622, т. CXI, іюль, 6—45, 157, 169—201, авг., 225—247,

290, 298—302, 436, сент., 449—471, 535—598, 634, т. CXII, окт., 5—33, 183—194, нояб., 209—242, 265, 302, декаб., 417—450, 549—552.

Александръ II, императоръ, р. 1818 †1881 г., т. CIX, янв., 43, 45, 81, 83, 145, 153, февр., 291, 360, 361, мартъ, 555—560, т. CX, апр., 94—105, 138, 141, 148., 154, 156, 168, 172, 176, 179, 184, май, 229, 318, 389, 404, іюнь, 512—518, 631, т. CXI, сент., 559, т. CXII, окт., 105—111, нояб., 263, 394.

Александръ III, императоръ, р. 1845 †1894 г., т. CXII, нояб., 408, дек., 517.

Александръ Михайловичъ, вел. князь, т. CIX, мартъ, 548.

Алексѣевъ, москов. полицеймейст., т. CIX, мартъ, 476.

Алексѣй Михайловичъ, царь, т. CIX, янв., 64—70, февр., 337, 345—350, т. CXI, авг., 313.

Алопеусъ, послан. въ Пруссіи, 1805 г., т. CX, апр., 204, т. CXI, іюль, 141, 148.

Алфимовъ, депут. отъ дворян. въ Екатерин. коммиссіи, 1767 г., т. CXII, окт., 174.

Алхазовъ, полковн. 1863 г., т. CXII, нояб., 324.

Аляевдинъ, Васил., магистръ богосл., впосл. тобольск. архіеп. Владиміръ, †1845 г., т. CXII, нояб., 342, 343.

Амвросій Моревъ, пензенск. арх. † 1854 г., т. CXI, іюль, 104.

Аничкова, Марія Богд., сообщ. „Письма Е. П. Ковалевскаго Ник. Ив. Любимову", т. CIX, мартъ, 665—671.

Аничковъ, т. CIX, февр., 423.

Анна Іоанновна, императрица, р. 1693 †1740 г., т. CIX, февр., 394, 402—405, мартъ, 606—622, 653, т. CXI, авг., 311—329.

Анна Леопольдовна, правительница, р. 1718†1746 г., т. CXI, авг., 328.

Анна Ѳеодоровна, вел. княгиня, супруга в. кн. Константина Павловича, т. CIX, февр., 415.

Анненкова, Вѣра Ив., см. Бухарина, т. CXI, іюль, 105.

Анненковъ, М. Н., варшавск. ген.-полицеймейст., 1863 г., т. CXI, сент., 517, 519, т. CXII, окт., 147, декаб., 557, 562, 574.

Анненковъ, Ник. Ник., ген.-ад., †1865, т. CXI, іюль, 105, авг., 416, 417.

Анненковъ, Пав. Вас., писат., род. 1813†1877 г., т. CIX, февр., 326, 328, 330, 331, т. CXI, авг., 269.

Аносовъ, ген.-м., 1878 г., т. CXII, нояб., 258.

Антоній, архіепис. воронеж., †1848 г., т. CIX, янв., 37, 45.

Анучинъ, Дм. Гавр., сообщ., „Монастырская реформа въ царствѣ Польскомъ", т. CXI, сент., 513—532, т. CXII, окт., 145—163, декаб., 562—576.

Аппітетъ, бар., П. О., дипломатъ 1835 г., т. CX, апр., 150, 151, май, 356.

Апраксинъ, ген., т. CIX, янв., 133.

Аракчеевъ, гр., Алексѣй Андр., род. 1769†1834 г., т. CIX, янв., 133, 146, 151—153, 166—168, 200, февр., 292, 377, 452, мартъ, 487, 638, т. CX, апр., 28, 35, 36, май, 244, 255, 259, іюнь, 468, 470—473, т. CXI, іюль, 51—55, сент., 472, т. CXII, окт., 45—55, нояб., 218, 224, 302—321, дек., 500.

Араповъ, Пименъ Никол., драм. писат., р. 1797†1861 г., т. CXI, сент., 615, 616.

Араповъ, спб. об.-полицейм., 1873 г., т. CX, май, 291, 294.

Арендтъ, Никол. Ѳед., лейбъ-мед., †1859 г., т. CX, апр., 149, т. CXI, сент., 641.

Аренсъ, интендант. арміи, 1878 г., т. CXII, нояб., 253.

Арефьевъ, В., сообщ. „М. В. Буташевичъ-Петрашевскій въ Сибири", т. CIX, янв., 177—186.

Армфельдъ, гр., Густавъ Морицъ, ген.-губ. финлянд., 1812 г., р. 1757†1814 г., т. CIX, мартъ, 448—496, т. CX, апр., 8—16, 28, 44, май, 244—255, іюнь, 476, т. CXII, окт., 43—45.

Армфельдъ, гр., Алексд., мин. ст.-секр. Финляндіи съ 1842 г., †1875 г., т. CIX, мартъ, 475, 479, 488, т. CXII, нояб. 218, 221.

Арсеньевъ, Конст. Ив., профес. воспитат. Александра II, т. CXI, іюль, 102, т. CXII, окт., 105—111.

Артамоновъ, Никол. Дм., полковн. ген. шт., 1878 г., нынѣ ген.-лейт., нач. военно-топогр. учил., т. CXII, нояб., 247.

Архаровъ, москов. полицейм., 1776 г., т. CX, май, 381.

Астафьевъ, помѣщ., 1812 г., т. CX, май, 233.

Аѳанасій Корчановъ, еписк. пензенск. 1812—1819 г., †1825 г., т. CIX, февр., 302, т. CXII, нояб., 344.

В.

Багговутъ, Карлъ Ѳед., ген., р. 1761 г. †1812 г., т. CIX, янв., 113, т. CXI, іюль, 14.

Багратіонъ, кн., Петръ Ив., род. 1765†1812 г., т. CIX, янв., 104—111, 219, т. CX, апр., 37, 39, т. CXII,

окт., 27, нояб., 219, 220, дек., 443, 548.
Багрѣевъ, см. Фроловъ-Багрѣевъ.
Баклановъ, подполковн., 1878 г., т. CXII., нояб., 297.
Баклановъ, генер.-лейт., 1863 г., т. CIX, янв., 71.
Бакунинъ, В. И., 1812 г., т. CXII, нояб., 211.
Бакунинъ, А. М., 1859 г., т. CIX, янв., 178, 182, т. CX, май, 328.
Балабинъ, Викт. Петров., тн. сов., дипломатъ, т. CIX, февр., 266, т. CXI, сент., 577, 578, 596, его письма къ гр. П. Д. Киселеву, т. CXII, нояб., 361–385, дек. 557–596.
Балашова, рожд. Бекетова, т. CIX, мартъ, 485, 486.
Балашова, рожд. Коновницына, т. CIX, мартъ, 486.
Балашовъ, Алекс. Дм., мин. полиц., р. 1770†1837 г., т. CIX, мартъ, 475—507, т. CX, апр., 8—44, май, 231—248, іюнь, 471, т. CXI, іюль, 57, т. CXII, окт., 24, 41—45, нояб., 211—224, декаб., 419.
Балугіянскій, Мих. Андр., юристъ, сенат., † 1847 г., т. CXII, нояб., 308.
Бантышъ-Каменскій, Дм. Никол., писат., †1850 г., т. CIX, мартъ, 476, 483.
Баранова, графиня, рожд. Адлербергъ, ст.-дама, т. CIX, янв., 137.
Баранова, гр-ня, Юлія Ѳед., воспитат-ца дочерей Николая I, р. 1790 †1864 г., т. CX, апр., 121—133.
Баратынскій, Евг. Абрамов., писат. т. CXII, дек., 603.
Барклай-де-Толли, кн. Мих. Богд., фельдм., р. 1761†1818 г., т. CIX, янв., 95—112, 200, февр., 412, мартъ, 498, 499, т. CX, апр., 17, 19, 35, іюнь, 471, т. CXII, окт., 24–28, 45, нояб., 218, 223, 224.
Барклай-де-Толли, супруга министра 1811 г., т. CIX, янв., 96—30.
Бартеневъ, Петръ Ив., издат. «Рус. Архива", т. CIX, февр., 330, 331, 333, т. CX, май, 232.
Бартошевичъ, инспект. врачеб. упр., 1857 г., т. CIX, янв., 72.
Барятинскій, ген.-аншефъ, 1738 г., т. CXI, авг., 322.
Ватениковъ, Гавр. Степ., декаб., 1863 г. т. CIX, янв., 149, 152.
Ватюшковъ, Конст. Никол., писат., †1855 г., т. CXI, сент., 630, т. CXII, окт., 93.
Вауеръ, генер., т. CIX, янв., 99.
Безбородко, гр—ня Анна Ив., рожд. Ширяй, † 1824 г., т. CXII, нояб., 314.
Безбородко, кн. Алексѣй Андреев., канцл., р. 1747 † 1799 г., т. CIX, февр., 295, мартъ, 579, 583, т. CX, май, 254.
Безродный, Вас. Кирил., д. тн. сов., 1847 г., т. CIX, февр., 296, 297.
Беклемишевъ, А. П., могилевск. губ. 1859 г., т. CIX, янв., 178, 180, т. CXII. декаб., 476.
Беклешовъ, Алекс. Андр., ген.-прок., 1799 г., т. CIX, янв., 90, 91, февр., 295–297, мартъ, 586, 590.
Беклешовъ, ген. 1802 г., т. CXI, авг., 438.
Векъ, Христіанъ Андр., т. CIX, мартъ, 474–503.
Венкендорфъ, гр., Алексан. Христ., р. 1783 † 1844 г., т. CIX, янв., 127, 128, февр., 413, т. CX, апр., 46, 67—98, 105, 112, 113, май, 230, іюнь, 631, 632, т. CXI, іюль, 86, 87, сент., 547—650, т. CXII, окт., 205, декаб., 507.
Венкендорфъ, Конст. Христоф., ген.-ад., CXII, нояб., 274, 275.
Веннигсенъ, гр., Леон. Леонт., род. 1745 † 1826 г., т. CIX, февр., 230, 412, т. CXII, нояб., 224, 226, декаб., 417, 419.
Вергъ, гр. Ѳед. Ѳед, намѣстн. цар. Польск., р. 1794 † 1874 г., т. CXI, сент., 518, 529, 530, 531, т. CXII, окт., 146, 156 — 160, декаб., 557 — 573.
Вердяева, Надежда Ѳедосеев., рожд. Раевская, т. CIX, мартъ, 600.
Верже, Адольфъ Петр., издат. актовъ Кавказ. археограф. коммис., т. CXI, авг., 272.
Вестужевъ, гр. Алексѣй Петров., канцл., р. 1693 † 1766 г., т. CIX, февр., 428 — 431, мартъ, 606—622, 653, 657, 658, 659, 660.
Вестужевъ, Петръ Мих., т. CXI, авг., 312–326.
Ветлингъ, Шарлотта, въ зам. Корсакова, † 1810 г., т. CXI, авг., 357.
Вецкій, Ив. Ив., р. 1704 † 1795 г., т. CX, май, 373, 375, 382, т. CXI, іюль, 130, 136.
Виберштейнъ, бар., инспект. надъ шелковод. 1801 г., т. CXI, іюль, 158, авг., 432.
Бибиковъ, И. Г., виленск., ген.-губ. 1852 г., т. CX, іюнь, 525.
Бибиковъ, Дм. Гавр. кіевск. ген.-губ. 1863 г., т. CX II, декаб., 484.
Бибиковъ, Дм. Гавр. кіевск. ген.-губ. ю. з. края, † 1870 г., т. CX, 633, т. CXII, нояб., 392.
Бибиковъ, адъют. главноком. 1878 г., т. CXII, нояб., 247.
Бильбасовъ, Вас. Алексѣев., сообщ. „М. М. Сперанскій", т. CX, май. 251—262.

*

Бирономъ, Бенигна, рожд. Тротто-Трейденъ, т. CXI, авг., 319, 322, 325.
Биронъ, Іоганъ-Эрнестъ, герц. курл., р. 1690 † 1772 г., т. CIX, февр. 293, т. CXI, авг., 314—329.
Биронъ, Карлъ, т. CXI, авг., 322.
Блудова, гр—ня, Антон. Дм., т. CXI, іюль, 104.
Блудовъ, гр., Дм. Никол., мин. юстиц., р. 1785 † 1864 г., т. CIX, янв., 136, 145, 170, мартъ, 475, т. CX, апр., 139, 145, 188, іюнь, 631, 644, 645, т. CXI, іюль 97, 100, сент. 641, 648, 649, т. CXII, окт., 52, нояб., 385, 390, 392.
Боборыкинъ, П. Д., писат., т. CIX, февр., 270, 276.
Бобриковъ, ген., т. CXII, нояб., 250, 258.
Бобринскій, гр. Алексѣй, т. CX, май, 330.
Боденштедтъ, Фр., писат., перевод. Пушкина, т. CIX, февр., 327.
Бодисво, адм. 1808 г., т. CX, іюнь, 550.
Бодянскій, Осипъ Максим., профес. 1856 г., т. CXI, сент., 651.
Болховской, Дм. Никол., вологодск. воен. губ., вносл. сенат., т. CIX, мартъ, 497, 498, т. CX, апр., 9, 13, 24, 25, 30.
Бокъ, Тимое. Егоров., 1835 г., т. CX, апр., 149.
Борзенко, А. А., сообщ.: «Мих. Никол. Капустинъ и его письма къ А. А. Борзенко», т. CIX, мартъ, 529—553
Борисъ, Годуновъ, царь, т. CX, май, 306.
Бороздинъ, К. М., сенат. 1812 г., т. CIX, мартъ, 475.
Боткинъ, Серг. Петр., докт., † 1889 г., т. CXII, нояб., 254.
Боткинъ, В. П., т. CIX, февр., 328.
Врайко, генер.-лейтенантъ, т. CIX, янв., 40, 42.
Враницкій, гр., 1797 г., т. CXI, авг., 294.
Вревернъ-де-ла-Гарди, гр., Н. А., сообщ.: «Два неиздан. стихотв. В. А. Жуковскаго», т. CX, апр., 134 — 136, ун., 86, 93; «Замѣтки В. А. Жуковскаго въ альбомахъ А. А. Воейковой», 189—192.
Фонт.-деръ-Бриггенъ, А. Ѳ., декабр., т. CX, апр., 114—119.
Вржостовскій, вилен. губерн. маршалъ, 1768 г., т. CIX, февр., 231, 237.
Врокъ, дѣйств. стат. совѣт., т. CIX, янв., 135.
Врунновъ, бар., послан. въ Лондонѣ 1853 г., т. CXI, іюль, 120, авг., 391, 392, т. CXII, окт., 132, нояб., 382, декаб., 578.
Брусиловъ, виленск. губернат. 1812 г., т. CXI, іюль, 12, 14.
де-Врэ, гр. Францъ-Габріэль, баварскій дипломатъ, р. 1765 † 1832 г.; его записки, т. CIX, мартъ, 561—592, т. CX, апр., 195 — 207, май, 359—367.
де-Врэ, гр. Оттонъ, баварск. послан. въ Россіи 1833—1862 г.; его воспоминанія, т. CIX, янв., 115 -139.
Врюлловъ, Алексд. Павл., художн., т. CXI, авг., 330.
Врюловъ, Карлъ Павл., художн., р. 1799 † 1852 г., т. CX, апр., 124, 125.
Врюссъ, гр., ген. 1768 г., т. CXII, окт., 88.
Вудбергъ, бар., дипломатъ 1806 г., т. CX, апр., 207, т. CXI, сент., 583, 584, т. CXII, окт., 137, нояб., 380.
Вукгсвденъ, гр., чл. воен. комиссаріата 1798 г., т. CXI, іюль, 169.
Вулгаковъ, Конст. Яковл., спб. почтъ-директ. † 1835 г., т. CX, апр., 138. 144, 158, 177, 178, т. CXII, окт., 205.
Вулгари, гр., 1816 г., т. CXII, окт., 34.
Вулгаринъ, Ѳад. Венедикт., писат., р. 1789 † 1860 г., т. CIX, янв., 147, мартъ, 595, 596, т. CX, апр., 188, т. CXI, іюль, 104, авг., 273, сент., 625, 632, 633.
Вуличъ, С. К., профес. 1900 г., т. CXI, авг., 348.
Вурачекъ, Степ. Анисим., ген.-лейт. корп. корабельн. инж., р. 1800 † 1876 г., т. CXII, окт., 207.
Вуташевичъ-Петрашевскій, Мих. Вас., † 1866 г., т. CIX, янв., 177—186, февр., 327.
Вуткевичъ, Александра Ив., въ зам. Корсакова, т. CXI, авг., 357.
Вутковъ, учит. 1837 г., т. CXII, окт., 108, 109, 110.
Вухарина, Вѣра Ив., въ зам. Анненкова, † 1902 г., т. CXI, іюль, 105.
Вучинская, 1863 г., т. CIX, мартъ, 519, 520.
Бычковъ, Аѳанас., Ѳед., акад., т. CIX, янв., 141, 174, февр., 283, т. CX, май, 232, т. CXI, іюль, 45—59, т. CXII, окт., 35—56.
Бычковъ, И. А., сообщ.: «Нѣсколько данныхъ къ исторіи книги бар. М. А. Корфа: «Жизнь гр. Сперанскаго», т. CIX, янв., 141—174; «Къ біографіи гр. М. М. Сперанскаго», февр., 283—306, «Дѣятели и участники въ паденіи Сперанскаго», мартъ, 469—508; «Ссылка Сперанскаго въ 1812 г.». т. CX, апр., 5 — 44; «Письма Жуковскаго къ разн. лицамъ», 177—

188; «Пребываніе Сперанскаго въ Нижнемъ Новгородѣ и Перми», май, 231—249; «Письма В. А. Жуковскаго къ в. княг. Александрѣ Ѳеодоровнѣ изъ перваго его заграничнаго путешествія», 337—358; «Сперанскій въ Великопольѣ и Пензѣ», іюнь, 467—486, т. CXI, іюль, 45—59; «Изъ переписки М. Н. Загоскина», 81—106, авг. 349—365, сент., 615—638, «М. М. Сперанскій, ген. губернаторъ въ Сибири и возвращеніе его въ Спб.», т. CXII, окт., 35—56; «Письма къ Жуковскому разн. лицъ», т. CXII, окт., 195—208; «Письма гр. В. П. Кочубея къ М. М. Сперанскому», нояб., 301—322; «Письмо И. И. Дмитріева къ князю П. А. Вяземскому 1820 г.», декаб., 474; «Дневники Жуковскаго», — въ приложеніи за цѣлый годъ. Подробный алфав. указатель къ нимъ будетъ приложенъ при отдѣльномъ изданіи.

Бычковъ, Ѳед. Аѳанас., сообщ.: «Письма и записки В. А. Жуковскаго къ гр. Ю. Ѳ. Барановой», т. CX, апр., 121—133, упом. т. CIX, янв., 141—174, февр., 283, мартъ, 469—508, т. CX, апр. 120, май, 232, т. CXI, іюль, 45—59, т. CXII, окт., 35—56, нояб., 301—322.

Бышевскій, ксендзъ 1863 г., т. CXI, іюль, 75, 77, 78.

Вѣлинскій, Виссар. Григ., писат., т. CIX, февр., 270—331, т. CXI, авг., 255—260, сент., 491, 504.

Вѣлоголовый, Андр. Андр., 1859 г., т. CIX, янв., 178.

Вѣлоголовый, Н. А., докт., писат., 1859 г., т. CIX, янв., 178, 179, 182.

Вѣляевъ, Ив., кандид. богослов. 1819 г., т. CXII, нояб., 342.

Вѣляковъ, саратовскій губерн., т. CIX, февр., 303

В.

Вавржецкій, ген. 1792 г., т. CIX, мартъ, 623.

Вагинъ, Вс. И., т. CIX, янв., 178, 179.

Важаръ, прокуроръ 1812 г., т. CXII, декаб., 448.

Валицкій, гр., Корнилій, т. CIX, февр., 353, 354.

Валицкій, Леопольдъ, помѣщ., 1857 г., т. CIX, февр., 353, 354.

Валишевскій, писатель, т. CIX, февр., 391—406, мартъ, 606—622, т. CXI, авг., 311—329.

Валуевъ, Петръ Алсд., мин. вн. дѣлъ, † 1890 г., т. CXII, нояб., 324, декаб., 487.

Варлаамъ, архіеп. могилев. 1812 г., т. CXII, декаб., 445—450.

Васильева, артистка, 1870 г., т. CXI, сент., 498.

Васильевъ, гр., Алексѣй Ив., мин. финанс., т. CX, апр., 196.

Васильевъ, ковенск. полицейм. 1863 г., т. CXI, авг., 337, 342, т. CXII, окт., 68.

Васильевъ, бар., директ. медиц. кол. 1802 г., т. CXI, іюль, 164.

Васильчиковъ, Иларіонъ Вас., ген.-ад. 1812 г., т. CIX, февр., 379, т. CXI, авг., 366, сент., 640, т. CXII, окт., 50.

Васильчиковъ, Дм. Вас., об.-егерм. 1838 г., т. CX, іюнь, 635.

Вейкардтъ, г-жа, 1812 г., т. CX, апр., 7, іюнь, 477, 478.

Величко, А. П., т. CIX, янв., 164, 165, 173.

Вельтъ, докторъ, т. CIX, янв., 72.

Вентлинскій, ми-ръ фин., 1807 г., т. CIX, февр., 251.

Венедиктовъ, поруч. 1878 г., т. CXII, декаб., 519.

Веприцкій, Маркъ Клемент., управл. палат. госуд. имущ. въ Вильнѣ 1856 г., т. CIX, янв., 72.

Вердеревскій, Е., журналистъ, т. CXI, авг. 272—276.

Вереха, П. Н., сообщ.: «Распоряженія одного изъ мировыхъ посредниковъ», т. CXI, авг., 288.

Вериго, Эдмундъ, участ въ возст. 1863 г., т. CXII, окт., 76, нояб., 337.

Верманъ, баронесса, Александ. Вас., рожд. Жуковская, р. 1842 † 1899 г., т. CX, апр., 132, 133, 160.

Верстовскій, Алексѣй Никол., комп., р 1799 † 1866 г., т. CXI, авг., 358.

Веселитскій, ген.-лейт. 1863 г., CXI, авг., 345—347, т. CXII, нояб., 337.

Веселовскій, Алексѣй Ник., академ., т. CIX, февр., 272, т. CXI, сент., 498—507.

Веселовскій, Петръ Ефимов., 1861 г., т. CIX, янв., 153.

Вешняковъ, В., д. т. совѣт., сообщ.: „Экспедиція Государственнаго Хозяйства 1797—1803 г.“, т. CXI, іюль, 151—170, авг., 427—438.

Вигель, Ѳед. Ѳед., т. CXI, іюль, 95—98, 104, 106.

Вилламовъ, Григ. Ив., ст.-секрет., 1810 г., т. CXI, сент., 598, т. CXII, ноябрь, 267.

Виллié, лейб.-мед., т. CXII, ноябрь, 275.

Вимина, Альберто, 1650 г., † 1667 г., т. CIX, янв., 58.

Винценгероде, ген., 1812 г., т. CIX, февр., 411—414, т. CXI, іюль, 184—196.
Виртембергскій, герцогъ, Алекс., т. CIX, февр., 424.
Висковатовъ, Пав., сообщ.: „В. А. Жуковскій какъ народникъ“, томъ CXI, авг., 249—266, „Изъ разсказовъ А. О. Смирновой о Н. В. Гоголѣ“, сент., 485—492.
Витгенштейнъ, гр., Петръ Христіан., фельдмарш., т. CXII, ноябр., 322.
Виттъ, гр., нач. воен. посел., т. CX, іюнь, 632.
Вицинъ, А. И., врачъ, т. CIX, янв., 184.
Віельгорская, графиня, Луиза Карловна, рожд. принцесса Бирон, † 1853 г., т. CX, апр., 149.
Віельгорскій, гр., Матв. Юрьевичъ, об.-гофмейстеръ, р. 1794 † 1866 г., т. CIX, янв., 119, 137, февр., 266, мартъ, 622.
Віельгорскій, гр., Мих. Юрьев., об.-шенкъ, композит., р. 1787 † 1856 г., т. CX, апр., 149, 158, т. CIX, янв., 119, февр., 262.
Владиславлевъ, В. А., изд. „Утрен. Зари“, 1839 г., т. CXI, іюль, 87.
Воейкова, Александра Андр., рожд. Протасова, † 1829 г., т. CX, апр., 137, 146, 173, 174, 189—192.
Воейковъ, Александ. Ѳедор., писат., полковн., р. 1807 † 1856 г., т. CIX, февр., 292, 296.
Воейковъ, Алексѣй Васил., правит. канц. воен. мин., † 1825 г., т. CIX, мартъ, 472, 498—500, т. CX, апр., 8, 13, 14, 30.
Войцеховичъ, предсѣд. пензенской гражд. палаты 1817 г., т. CX, іюнь, 477.
Волковъ, Дм. Вас., секрет. Петра III, т. CIX, февр., 443.
Волковъ, полковн. 1853 г., т. CXI, авг., 385.
Волконская, Зин. Алексѣевна, княгиня. урожд. княжна Бѣлосельская, т. CIX, февр., 265.
Волконскій, Григ. Петров., т. CIX, мартъ, 597.
Волконскій, кн., Григ. Сем., т. CIX, мартъ, 672.
Волконскій, кн., Петръ Мих., фельдмарш., мин. двора, р. 1776 † 1852 г. т. CIX, янв., 54, 134, 135, февр., 352, 378, 412, 415, т. CX, апр., 28, т. CXI, сент., 642, т. CXII, нояб., 398.
Володкевичъ, помѣщ., 1805 г., т. CIX, февр., 232, 233, 236.
Вороничъ, Янъ, епископъ, 1812 г., т. CXI, іюль, 6, т. CXI, сент., 450.
Воронцова, Елис. Романов., въ зам. Полянская, т. CIX, мартъ, 657.
Воронцова, Марія Романов., т. CIX, мартъ, 657.
Воронцовъ, гр., Александръ Роман., канцл., т. CIX, февр. 437.
Воронцовъ, Мих. Иларі., канцлеръ, т. CIX, мартъ, 653, 654, 657.
Воронцовъ, гр., Мих. Семен., т. CX, іюнь, 518, т. CXI, іюль, 173—180, т. CXII, нояб., 316.
Воронцовъ, Романъ Иларі., т. CIX, мартъ, 657.
Воронцовъ, гр., Семенъ Романов., послан. въ Англіи, р. 1774†1832 г., т. CIX, февр., 434, мартъ, 654, томъ CX, апр., 196.
Воротынскій, кн., воевода казанскій 1814 г., т. CX, май, 311.
Врангель, бар., флигель адъютантъ, т. CIX, янв., 42.
Вревскій, бар., генер., 1848 г., томъ CIX, янв., 130.
Вронченко, графъ, Ѳед. Павл., м-ръ финансовъ, † 1862 г., т. CIX, янв., 135, т. CXII, окт., 45, ноябрь, 392.
Вульфертъ, полковн., 1878 г., томъ CXII, ноябрь, 260.
Выбицкій, сенат., 1812 г., т. CXII, декабрь, 434—438.
Высоцкій, Г. И., т. CIX, февр., 258, 259.
Вяземская, княжна, Анна Алексѣ., въ зам. герц. Серра-Капріола, род. 1770 † 1840 г., т. CIX, мартъ, 492.
Вяземская, княжна, Прасков. Петр., † 1835 г., т. CIX, февр., 265, т. CX, апр., 149.
Вяземскій, кн., Петръ Андр., мин. нар. просв., писат., р. 1792†1878 г., т. CIX, янв., 119, февр., 261—270, мартъ, 593, т. CX, апр., 49, 62, 64, 120, 137, 140, 145, 149, іюнь, 516, т. CXI, іюль, 101, сент., 623, 624, т. CXII, окт., 95, 204, нояб., 221, дек., 474, 603.
Вязмитиновъ, Серг. Козьмичъ, ген.-отъ-инф., † 1819 г., т. CIX, мартъ, 482, т. CX, май, 247—249, іюнь, 479, т. CXI, іюль, 51, 52, 59, т. CXII, окт., 41—45, ноябр., 218, 224.
Вяткинъ, А. С., виленскій коменд., 1861 г., т. CX, іюнь, 523, т. CXII, ноябрь, 329, декабрь, 482.

Г.

Габлицъ, чл. экспед. гос. хозяйства, 1861 г., т. CXI, іюль, 158, 161, 165, авг., 427—438.
Гавріилъ, спб. митрополитъ, 1790 г., т. CIX, февр., 302.

Гагарина, княг., Екат. Петр., рожд. Соймонова, р. 1790 † 1873 г., т. CX, іюнь, 511, 585.
Гагарина, Марія Ал., см. Стурдза.
Гагарина, княг., † 1805 г., т. CIX, февр., 294.
Гагаринъ, князь, Григ. Григ., вице-през. акад. худож., р. 1810†1893 г., т. CX, іюнь, 511, т. CXII, ноябрь, 371.
Гагаринъ, князь, Григ. Ив., послан. въ Турине, 1827 г., р. 1782†1837 г., т. CX, іюнь, 511.
Гагаринъ, Евг. Григ., † 1886 г., томъ CX, май, 385, іюнь, 585.
Гагаринъ, кн., Ив. Алексѣев., томъ CXI, авг., 360.
Гагаринъ, кн., Ѳеоф. Григ., секрет. посольства во Франкфуртѣ, † 1853 г., т. CX, іюнь, 511.
Гагаринъ, кн., 1784 г., т. CXI, авг., 431, 432.
Гайдебуровъ, изд. „Недѣли", т. CXI, сент., 505.
Галаховъ, Пав. Александр., 1828 г., т. CXI, сент., 484.
Галлеръ, В. В., подполк., 1857 г., т. CIX, февр., 356—358.
Галлеръ, И. В., полковн., управл. канцел. виленск. ген.-губ., 1862 г., т. CXII, окт., 65, 66, 71, нояб., 324, декабрь, 475, 484.
Ганъ, бар., сенат., 1835 г., т. CIX, янв., 39, 41.
Гардеръ, докторъ, 1825 г., т. CXII, нояб., 321.
Гартманнъ, вице-предсѣд. финлянд. сената, 1821 г., чл. госуд. совѣта, т. CX, май, 245.
Гаршинъ, Е., 1867 г., т. CIX, февр., 329, 330.
Гаттенбергеръ, Конст. Констант., т. CIX, янв., 201—207.
Гауке, Маврикій, ген., 1791 г., т. CIX, мартъ, 624.
Гауке, Э. А., ген., 1830 г., т. CIX, янв., 75, т. CX, май, 434, іюнь, 554.
Гацфельдъ, полковн., 1861 г., томъ CXII, окт., 146, 147.
Геденштромъ, верхнеуд. исправн., 1819 г., т. CXII, окт., 36, 37.
Гедройцъ, князь, Янушъ, виленскій предв. двор., 1812 г., т. CXII, нояб., 223.
Генернъ, послан., т. CX, май, 226.
Гендриковъ, гр., почетн. попечит. Харьков. гимназ., 1837 г., т. CXII, окт., 110.
Георгій Александровичъ, в. князь, т. CIX, мартъ, 548.
Гермесъ, пермскій губернат., т. CX, май, 240, 243, 249.
Герценъ, Алксд. Ив., писат., р. 1812 † 1870 г., т. CIX, янв., 170, 178, февр., 324, мартъ, 559, т. CX, май, 319—329, т. CXI, сент., 491, 499, ноябрь, 378.
Гигинботомъ, Софья Ив., настав-ца вел. княженъ, 1840 г., т. CX, апр., 130
Гиляровъ-Платоновъ, редакт. „Современ. извѣстій", т. CX, май, 289.
Гильдебрантъ, ген., 1878 г., т. CXII, дек., 476.
Глинка, Авд. Павл., т. CXI, іюль, 105.
Глинка, Ѳед. Никол., писат., † 1880 г., т. CX, апр., 111—114, т. CXI, іюль, 105, 106, авг., 348.
Глуховскій, Н. И., 1893 г., т. CIX, мартъ, 543.
Гнѣдичъ, Никол. Ив., поэтъ, р. 1784 † 1833 г., т. CIX, февр., 262, т. CX, апр., 111, т. CXI, іюль, 82, 83, авг., 360—364, сент., 618, 623, т. CXII, окт., 87, 93, 108, 112.
Гоголь, Анна Вас., т. CX, май, 437.
Гоголь, Ник. Вас., писат., р. 1809 † 1852 г., т. CIX, февр., 257—282, 324, 325, мартъ, 593—598, 641—647, т. CX, апр., 187, май, 439—447, т. CXI, іюль, 101, авг., 248, 254—266, сент., 485—492, 651—652, томъ CXII, окт., 207.
Голенищевъ-Кутузовъ, Логгинъ Ив., т. CX, апр., 18, 20, 24, т. CXII, окт., 55.
Голенищевъ-Кутузовъ, П. В., спб. об.-полиц., 1812 г., т. CIX, мартъ, 502, т. CX, апр., 7.
Голицынъ, кн., Андр. Борисов., фл.-адъют., 1812 г., т. CX, апр., 29.
Голицынъ, Александръ Мих., вице-канцл., 1763 г., т. CIX, мартъ, 654.
Голицынъ, кн., Алексд. Никол., мин. нар. просв., р. 1773†1849 г., т. CX, апр., 7, 46—49, 62, 63, май, 255—261, 385, іюнь, 478—486, 632, т. CXI, іюль, 45—59, сент., 484, 650, т. CXII, окт., 42—45, нояб., 311—313, 393, 394, 399, декаб., 516.
Голицынъ, кн., Борисъ, 1805 г., томъ CX, апр., 205.
Голицынъ, кн., Василій Васильев., род. 1633 † 1713 г., т. CXI, сент., 476—480.
Голицынъ, кн., Дм. Влад., москов., ген.-губ., 1812 г., т. CIX, 375, 390, 416, 437, 439, мартъ, 506, т. CX, апр., 17, т. CXI, іюль, 6, 96, т. CXII, окт., 204.
Голицынъ, кн., Серг. Ѳед., т. CIX, мартъ, 503, т. CXI, іюль 9—19
Голицынъ, кн.. флиг.-адъют., 1855 г., т. CXI, авг., 386.
Головкинъ, гр., попеч. Харьк уч. окр., 1837 г., т. CXII, окт., 110.

Гонецкій, И. С., ген.-м., 1863 г., томъ CXII, нояб., 326, 331.
Гончаровъ, Ив. Алексд., писатель, р. 1814 † 1891 г., т. CIX, февраль, 272—324, т. CXI, авг., 279.
Горбуновъ, П. А., 1859 г., т. CIX, янв., 180.
Горголи, Ив. Саввичъ, спб. оберъ-полицейм., впосл. сенат., † 1862 г., т. CX, апр., 12, май, 247.
Горчаковъ, кн., Алсд. Мих., канцл., р. 1799 † 1883 г., т. CIX, мартъ, 670, 671, т. CX, іюнь, 516, т. CXII, нояб., 363—385, декаб. 578, 585.
Горчаковъ. кн., Борисъ Вас., окольничій 1685 г., т. CXI, окт., 475.
Горчаковъ, кн., Мих. Дм., главнокоманд. арміей 1855 г., намѣстн. ц. Польскаго, р. 1792 † 1861 г., т. CIX, мартъ, 670, 671, т. CX, май, 265—282.
Горчаковъ, сибирск. ген. губ. 1837 г., т. CX, апр., 98.
Госнеръ, Іоаннъ, пасторъ т. CXII, нояб., 319.
Гофманъ, Андр. Логгиновъ, ст.-секр., р. 1798 † 1863 г., т. CX, апр., 133.
Граббе, Пав. Христофор., ген. 1838 г., т. CXI, сент., 646, 648, т. CXII, декаб., 547.
Грабовская, 1861 г., т. CX, 521, 522.
Грабовскій, гр., Станиславъ, сенат. и воевода, 1800 г., т. CIX, янв., 6.
Грейгъ, Александ. Самуиловъ., адм., р. 1775 † 1845 г., т. CXII, нояб., 320.
Грековъ, Митроф. Ильичъ, войск старшина 1878 г., т. CXII, декабр., 470.
Грессеръ, полковн. 1812 г., т. CXII, декаб., 548.
Гречъ, Никол. Ив., писат., р. 1787 † 1867 г., т. CXI, авг., 352, 362, сент., 625—633.
Грибоѣдовъ, Александ. Сер., писат., р. 1795 † 1829 г., т. CIX, февраль, 272—276, мартъ, 542.
Григоровичъ, Дм. Вас., писат., т. CIX, февр., 324.
Григорьевъ, чиновн. департ. духов. дѣлъ иностр. испов. 1861 г., т. CXII, окт., 146, 147.
Гриммъ, И. В., д-ръ 1878 г., т. CXII, декаб., 520.
Гриммъ, Рих. Алек., сообщ.: „Письма императора Николая I и в. кн. Михаила Павловича", т. CX, май, 225—230, уп. апр., 168.
Грудзинскій, т. CX, май, 421.
Гружевскій, Веспасіанъ, помѣщикъ 1858 г., т. CIX, февр., 364—370.
Грузинскій, кн., Геор. Алек., нижегород. пред. двор. 1812 г., т. CX, май, 233—236.
Губинская, Бригида, участ. въ возст. 1863 г., т. CXI, авг., 336—347.
Гувіонъ, ген., коменд. въ Варшавѣ, 1807 г., т. CIX, февр., 463.
Гудовичъ, гр., Ив. Вас., моск. главнокоманд. 1812 г., т. CIX, янв., 217, 218, мартъ, 477, т. CX, май, 250.
Гундіусъ, ксендзъ 1863 г., т. CXI, іюль, 75, 77.
Гуржо, ген. 1878 г., т. CXII, ноябр., 297.
Гурьевъ, гр., Алек. Дм., одесскій градонач. 1825 г., т. CXII, ноябр., 318.
Гутаковскій, сенат., 1807 г., т. CIX, февр., 254.
Гутковскій, директ. кадет. корп. въ Варшавѣ, т. CIX, мартъ, 625, 626.
Гутьяръ, Н., сообщ.: „И. С. Тургеневъ и Ѳ. М. Достоевскій", т. CIX, февр., 307—336.
Гурьевъ, гр., Дм. Алек., мин. финан., р. 1751 † 1825 г., т. CIX, янв., 123, февр., 383, т. CX, апр., 28, 196, іюнь, 460, 470, т. CXI, іюль, 52, т. CXII, окт., 43—47, 164, нояб., 308, 318.

Д.

Давыдовъ, Денисъ Васил., партизанъ, писат., р. 1784 † 1839 г., т. CXI, авг., 366, т. CXII, окт., 53.
Дадіанъ, кн. А., сообщ.: „Записки баронессы Прасковьи Григор. Розенъ, въ монаш. Митрофаніи", т. CIX, янв., 35—56, т. CX, май, 285—302, іюнь, 589—610, т. CXI, іюль, 209—224, авг., 439—448, т. CXII, нояб., 403—416, декаб., 605—620.
Данилевскій, писат., 1838 г., т. CIX, февр., 268, 269.
Дантесъ, т. CX, май, 225, 226, 230, т. CXII, декаб., 602.
Даукша, помѣщ. 1863 г., т. CIX, мартъ, 524.
Дашкова, кн., Екат. Роман. т. CIX, мартъ, 656.
Дашковъ, Дм. Вас., мин. юстиціи. †1839 г., т. CX, апр., 139, 145, 146, 152, 188, іюнь, 631, т. CXI, іюль, 98, авг., 330, сент., 649, т. CXII, окт., 205. декаб., 474.
фонъ-Дезенъ, Вилимъ Петров., адм., р. 1740 †1826 г., т. CXII, нояб., 315.
Дембовскій, Леонъ, дѣят. революціи 1830 г., т. CXI, сент., 516.
Дембовскій, гр., м-ръ финан. ц. Польск., т. CIX, февр., 251.
Демидова, Аврора Карл, рожден. Шернваль, по втор. браку Карамзина, †1902 г., т. CXII, окт., 206.
Демидовъ, Пав. Никол., егермейст., т. CXII, окт., 206.

Державинъ, Гавр. Ром., р. 1743 г., †1816 г., т. CIX, февр., 271, 273, мартъ, 498–500, 672, т. CXII, окт., 89–97.
Джанотти, т. CXII, нояб., 265.
Дибичъ-Забалканскій, гр., Ив. Ив., р. 1785 †1831 г., т. CIX, февр., 419, 420, т. CX, апр., 46, 208, т. CXI, авг., 310
Дивовъ, Пав. Гр., сенат., †1841 г., его дневникъ 1838 г., т. CX, іюнь, 629–651, т. CXI, сент., 635–650, т. CXII, нояб., 387–401.
Димитрій Самозванецъ, т. CX, май, 306–316, іюнь, 520.
Дмитревскій, Ив. Аванас., актеръ, р. 1736 †1821 г., т. CXI, авг., 356.
Дмитріевъ, Ив. Ив., мин. юстиціи, писат., р. 1760 †1837 г., т. CIX, янв., 167, февр., 264, мартъ, 485, т. CX, апр., 7, 23, іюнь, 468, т. CXI, сент., 626, т. CXII, окт., 86, декаб., 448, 474.
Дмитріевъ, Мих. Александ., писат., †1866 г., т. CXI, іюль, 105.
Дмитріевъ-Мамоновъ, Эммануилъ Александр, т. CXI, авг., 256, 265, сент., 486.
Дмоховскій, франц., ксендзъ, 1800 г., т. CIX, янв., 6, 20, 22, 23.
Добровольскій, ген., 1878 г., т. CXII, нояб., 288–297, декаб., 454–463.
Добролюбовъ, Ник. Алекс., писат., р. 1836 †1861 г., т. CIX, февр., 279.
Долгоруковъ, кн., Вас., об.-егерм., 1825 г., т. CXI, сент., 472, 642.
Долгоруковъ, кн., Ив. Мих., т. CXI, авг., 363.
Долгоруковъ, кн., Мих. Пет., т. CXI, авг., 363.
Долгорукій, кн., Ник. Александр., виленск. ген.-губ., р. 1804 †1867 г., т. CXII, нояб., 392.
Долгоруковъ, кн., Я. Ѳ., т. CIX, февр., 294, т. CXI, сент., 478.
Домашневъ, директ. акад. наукъ, 1776 г., т. CXI, іюль, 131.
Домбровскій, ген. 1831 г., т. CXI, февр., 238, 252, 254, 460, 466, мар., 624, 633.
Дондуковъ-Корсаковъ, нач. штаба войска Донскаго 1860 г., т. CXI, сент., 560, 565, т. CXII, декаб., 532.
Дондуковъ-Корсаковъ, петербург. попечитель, т. CIX, февр., 266.
Дороховъ, ген. 1811 г., т. CIX, янв., 105–110, февр., 411.
Достоевскій, Ѳед. Мих., пис., †1881 г., т. CIX, янв., 182, февр., 280, 281, 307–336.
Дохтуровъ, ген. 1812 г., т. CIX, янв., 110.
Драгомановъ, И. П. юристъ, т. CX, май, 289.
Драгомировъ, Мих. Иван., ген.-м., т. CXII, нояб., 246, 249, 263.
Драшусовъ, ст. сов., 1863 г., т. CXII, декаб., 562.
Дренякинъ, А. М., ген.-м. 1862 г., т. CXII, окт., 65.
Дренякинъ, А. Н., гродн. губерн. 1863 г., т. CXII, декаб., 485.
Дривенъ, бар., митав. губернатор., 1799 г., т. CIX, мартъ, 564.
Дружининъ, А. писат., т. CXI, авг., 276–279.
Друцкій-Любецкій, ген., т. CXII, окт., 185.
Дубельтъ, Леонтій Вас., нач. штаба корп. жанд. т. CIX, янв., 128, т. CX, апр., 113, 114, 115, 116, 117, 118.
Дубровинъ, Никол. Ѳед., ген.-лейт., академ. писат., сообщ.: „Русская жизнь въ началѣ XIX в.“, т. CIX, янв., 5–33, февр., 229–255, т. CXI, іюль, 5–30, авг., 225–247, т. CXII, окт., 5–33, нояб., 209–241, декаб., 417–450. „В. А. Жуковскій и его отношенія къ декабристамъ“, т. CX, апр., 45–119. „Французскій парламентъ въ Петрозаводскѣ въ 1821 г.“, т. CXII, окт., 81–85, упом. нояб., 317, 321, кромѣ того всѣ статьи и замѣтки, подписанныя буквами Н. Д. и «Ред.», принадлежатъ Н. Ѳ. Дубровину.
Дундуковъ-Корсаковъ, ген., Мих. Александ., вице-президъ. акад. наукъ, т. CXII, окт., 207.

Е.

Европеусъ, докторъ, 1831 г., т. CIX, янв., 225.
Екатерина I, императрица, р. 1679 †1727 г., т. CIX, февр., 391–406, мартъ, 610–612, 656, 657, т. CXI, авг. 324.
Екатерина II, императрица, р. 1729. †1796 г., т. CIX, янв., 10–18, 30, 44, 88–94, 103, 140, 141, 227, февр., 230, 272, 291–295, 300, 395, 427–444, мартъ, 476, 489, 579–584, 649–684, т. CX, апр., 100, май, 369–384, т. CXI, іюль, 53, 129–152, авг., 244, 248, 289, 298, 315, сент., 536, 614, т. CXII, окт., 167, 168.
Екатерина Іоанновна, герцогиня мекленбургская, т. CIX, февр., 394.
Екатерина Павловна, вел. княг., зам. королева Виртембер, р. 1788 †1819 г., т. CIX, мартъ, 473–479, т. CX, апр., 31, май, 354, т. CXII, окт., 9.
Елагина, Авд. Петр., по перв. мужу Кирѣевская, †1878 г., т. CXI авг.,

255, 256, 265, сент., 486, т. CXII, окт., 206.
Елагина, Екат. Ив., рожд. Мойеръ, т. CXI, авг., 255,256, т. CXII, окт., 206.
Елагинъ, Вас. Алексѣев., славянофилъ, т. CXI, авг., 255, 256.
Елена Павловна, вел. кн., принц. Виртембергская, р. 1806 †1873 г., т. CXI, сент., 531, т CXII, нояб., 379.
Еленскій, Антонъ, помѣщ. 1862 г., т. CXII, окт., 77, нояб., 325, 336.
Елизавета Алексѣевна, императрица, р. 1779 † 1826 г., т CIX, янв., 95, февр., 394, 428—442, мартъ, 491, 494, 588, т. CX, апр , 185, 199, т. CXII, окт., 53.
Елизавета Петровна, императрица, р. 1709 †1761 г., т. CIX, мартъ, 610—622, 653, т. CXI, авг., 315.
Ельскій, скульпт. 1863 г., т. CXI, авг., 341 347.
Емельяновъ, об.-аудиторъ, 1863 г., т. CXII, декаб., 484.
Ермоловъ, Алексѣй Петров., генер., р. 1777 †1861 г., т. CIX, янв., 113, т. CXI, іюль, 104, т. CXII, октябр., 52—54.

Ж.

Жадовскій, Анат., тайн. сов., т. CX, май, 235.
Жвиржизовскій, кап. генер. штаба 1862 г., т. CXII, окт., 76.
Ждановъ, полковн. 1878 г., т. CXII, нояб., 246.
Желтухинъ, подп. 1877 г., т. CXII, окт., 61.
Желябужскій, Иванъ Аѳан., 1663 г., т. CX, янв , 69.
Жемчужниковъ, Алексѣй Михайл., писат., †1884 г., т. CX, іюнь, 618, т. CXI, авг., 283, сент., 495.
Жерве, „И. Паскевичъ о пользѣ изученія дѣяній великихъ полководц. и о своихъ дѣйствіяхъ“, т. CXI, іюль, 44.
Жеребцовъ, губерн., 1826 г., т CIX, янв.. 223, 224,
Жилинскій, католич. митроп. 1863 г., т. CIX, мартъ, 519
Жихаревъ, Степ. Петр., об.-прокур. сената 1832 г., т. CX, апр., 140.
Жуковская, Елис. Алексѣев., рожд. Рейтернъ, т. CX, май, 396, іюнь, 584, 586.
Жуковскій, Васил. Андр., писатель, р. 1788 †1852 г., т. CIX, февраль, 261—272, мартъ, 555—560, 596, т. CX, апр., 45—194, іюнь, 511—519, 579—588, т. CXI, іюль, 60, 94, 101, авг., 249—266, т. CXII, окт., 105—111, 145—208, декаб., 603.
Жуковскій, Пав. Вас., р. 1845 г., т. CX, апр., 133, 160, май, 337—358, 385—398, іюнь, 512.
Журавлевъ, полковн. 1863 г., т. CXII, декабр. 562.

З.

Заблоцкій, Андр. Парфен., †1881 г., т. CX, май, 271, т. CXI, сент., 631.
Заборовскій, Игнат., ксендзъ, 1800 г., т. CIX, янв , 6.
Забѣлла, Захаръ, депутатъ отъ дворян. въ Екатерин. комиссіи, 1767 г., т. CXII, окт., 176.
Завадовскій, гр., Петръ Вас., мин. нар. просв., † 1813 г., т. CIX, янв., 20—32, т. CXI, авг., 429.
Завалишинъ, Дм. Ирин., дек., 1859 г., т. CIX, янв., 180.
Загоскина, Анна Дм., рожд. Васильковская, т. CXI, іюль, 99—106, авг., 351.
Загоскина, Наталья Мих., рожд Мартынова, т. CXI, авг., 362.
Загоскинъ, Мих. Никол., писат., р. 1789 †1852 г., т. CXI, янв., 177—181, т. CXI, іюль, 81—106, авг., 349—365, сент., 615—633.
Загряжская, Нат. Кирил., т. CXII, нояб., 313, 315.
Заіончекъ, ген. 1791 г., т. CIX, февр., 466, мартъ, 624, т. CXII, окт., 192, 193.
Закревскій, президт. г. Варш. 1803 г., т. CIX, февр., 230, т. CXI, сент., 604, т. CXII, окт., 52, 53, 204.
Залѣсскій, Антоній, помѣщ. 1862 г., т. CXII, окт., 69.
Замойскій, гр., Андрей, 1861 г., т CX, май, 272, 273, 274, 277, 278.
Замойскій, гр., Станиславъ, 1830 г., т. CX, май, 429.
Замойскій, 1610 г., т. CX, май, 313.
Зандеръ, подполк., 1902 г., т. CXII, декаб., 519.
Заруцкій, Ив. Мартынов., казацкій атаманъ 1610 г. т. CX, май, 310, 311.
Захарьинъ, Григ. Антонов., профес. медикъ, т. CIX, мартъ, 548.
Здекауеръ, Никол. Ѳед., лейбъ-мед., † 1897 г., т. CX, май, 317.
Зейдлицъ, Карлъ Карлов., проф., р. 1798 † 1885 г., т. CX, апр., 133, т. CXI, авг., 256, 265.
Зеленой, П. А., одесск. градонач., 1896 г., т. CX, іюнь, 592.

Золотаревъ, полковн., 1878 г., томъ CXII, нояб., 257.
Зонтагъ, Анна Петр., рожд. Юшкова, писат-ца, р. 1785 г., † 1864 г., т. CX, май, 386, 387, 396, іюнь, 519, 584, 585, т. CXI, авг., 265.
Зоричъ, Семенъ Гаврилов., 1778 г., т. CXI, іюль, 145.
Зотовъ, Влад., его стихотв. „Полувѣковой юбилей Лицея", т. CXII, окт., 113—114.
Зотовъ, Пав. Дм., ген., † 1879 г., т. CXII, окт., 58, нояб., 287—295, декаб., 467—473.
Зубова, Наталья Александр., графиня, т. CIX, янв., 44.
Зубовъ, гр., Дмитр. Александ., томъ CIX, янв., 44.
Зубовъ, гр. Никол. Александ., томъ CIX, янв., 44.
Зуровъ, губернат., 1843 г., т. CIX, янв., 227, 228.

И.

Ивановъ, Алексд. Андр., художн., р. 1806 † 1858 г., т. CIX, мартъ, 593—598.
Ивановъ, Серг. А., архитект. 1852 г., т. CIX, мартъ, 598.
Игельстромъ, государст. казначей Ц. Польскаго 1794 г., т. CIX, янв., 9.
Игнатьевъ, ген.-м. 1812 г., т CXII, декаб., 548.
Илинскій, сенат., 1823 г., т. CIX, мартъ, 627, т. CIX, май, 413.
Иловайскій, ген., 1877 г., т. CIX, февр., 413.
Ильинскій, Н. С., 1800 г., т. CIX, февр., 296, 297.
Имеретинскій, кн., ген., 1877 г., т. CIX, янв., 196—198, т. CXII, окт., 57—64, нояб., 285—300, дек., 451—473.
Иннокентій (Борисовъ), архіеписк. херсонск., т. CX, іюнь, 611.
Иннокентій, спб. митроп., т. CX, май, 292.
Иноземцевъ, докт., т. CX, май, 443, 444.

І.

Іоаннъ Антоновичъ, императоръ, р. 1740 † 1764 г., т. CIX, февр., 438, т. CXI, авг., 327, 329.
Іоаннъ Грозный, р. 1530 † 1584 г., т. CIX, февр., 348.
Іорданъ, Θед. Ив., граверъ, р. 1800 † 1883 г. т. CIX, мартъ, 593—598.
Іосифъ Сѣмашко, митроп. литовск., т. CXII, декаб., 476.

К.

Кавелинъ, Алексд. Алексд., спб. воен. губ., воспитат. имп. Александра II, р. 1793 † 1850 г., біогр. о немъ свѣдѣнія, т. CIX, мартъ, 555—560, т. CXII, окт., 105, 208.
Кавелинъ, Алексд. Алексд., (сынъ) фл.-ад., 1855 г., впосл. таврич. и смоленск. губерн., т. CIX, мартъ, 560.
Кавелинъ, П. А., сообщ., „А. А. Кавелинъ, какъ воспитатель имп. Александра II", т. CIX, мартъ, 555—560.
Кайсаровъ, Петръ Сергѣев., р. 1777 † 1854 г., дѣйст. тайн. совѣтн., т. CIX, февр., 301, 302, т. CX, апр., 32.
Калайдовичъ, Конст. Θед., т. CX, апр., 177—178.
Калачовъ, Никол. Вас., т. CIX, янв., 163.
Калиновскій, Конст., участн. возст. 1862 г., т. CXII, окт., 76.
Каменскій, чл. комис. духовн. дѣлъ въ ц. Польск., 1863 г., т. CXII, декаб., 562.
Кампенгаузенъ, баронъ, Балтазаръ Балтазаровичъ, госуд. контролеръ, † 1823 г., т. CX, іюнь 477, т. CXI, сент., 618, т. CXII, окт., 41—46, нояб., 303, 307, 319.
Канкрина, гр-ня, т. CX, іюнь, 618.
Канкринъ, гр , Егоръ Франц., мин. финанс., р. 1776 † 1845 г., т. CIX, янв., 116, 135, февр., 292, 388, т. CX, іюнь, 631—645, т. CXI, сент., 601, 602, 646, т. CXII, нояб., 220, 303, 308, 318.
Кантакузенъ, кн., полковн. 1878 г., т. CXII, нояб., 247.
Кантемиръ, кн., Антіохъ Дм., писат., † 1744 г., т. CIX, февр., 273.
Каподистрія, гр., Ив. Антон., мин. ин. дѣлъ, р. 1776 † 1831 г., т. CIX, янв., 117, 124, т. CX, май, 385—392, т. CXI, авг., 304, сент., 536, т. CXII, окт., 52, 53.
Капустина, Софья Никол., рожд. Топорова, † 1891 г., т. CIX, мартъ, 537.
Капустинъ, Мих. Никол., попечит. спб. учебн. окр., р. 1829 † 1899 г., т. CIX, мартъ, 529—553.
Кащеевичъ, ген.-губ. зап. Сибири, 1822 г., т. CXII, окт., 47.
Каразинъ, Васил. Назаров., писат., † 1842 г., т. CX, апр., 224.

Карамзина, Екат. Ив., въ зам. княг. Мещерская, т. CX, апр., 139.
Карамзина, Софья Никол., фрейлина, † 1856 г., т. CX, апр., 139.
Карамзинъ, Андр. Никол., поэтъ р. 1814 † 1854 г., т. CXII, окт., 206.
Карамзинъ, Никол. Мих., писат., р. 1765 г. † 1826 г., т. CIX, янв., 119, 152, 153, т. CX, апр., 34, 49, 177, 178, т. CXI, авг., 255, 258, т. CXII, окт., 16, 52, нояб., 211, 221.
Каратыгинъ, Вас. Андр., артистъ, † 1853 г., т. CXI, авг., 355, 356, сент., 617.
Карвицкій, ген. польск. войскъ, 1812 г., CXI, іюль, 22.
Карнильевъ, Васил. Дм., 1812 г., т. CIX, мартъ, 505.
Карнѣевъ, Захаръ Яковл., т. CX, іюнь, 479.
Каршинскій, А. Л., секретарь ген.-губерн. канц., 1858 г., т. CIX, февр., 365.
Кастельбажакъ, фр. послан., въ Россіи 1853 г., т. CXI, іюль, 118—122, т. CXII, окт., 131—140.
Катакази, послан. въ Аѳинахъ, 1841 г., т. CIX, янв., 117, 127.
Каталей, ген., 1878 г., т. CXII, нояб., 249, 250.
Катенинъ, флиг.-адъютантъ, 1835 г. т. CIX, янв., 39, 40
Катковъ, Мих. Никиф., публицистъ, р. 1818 † 1887 г., т. CIX, янв., 209, 211, 213, т. CXI, сент., 500, т. CXII, нояб., 359.
Кауфманъ, Конст. Петров., туркест. ген.-губ., т. CIX, мартъ, 682, т. CX, апр., 213, 214, 217, т. CXII, нояб., 289.
Каховскій, ген.-маіоръ, т. CIX, февр., 236.
Каширинъ, Д. Ѳ., коммиссаръ по крестьянск. дѣламъ, т. CXII, окт., 146, 147.
Кашкадамовъ, Никл. Иван., колл. асс.,—его Библіографическій листокъ на оберткѣ каждой книги.
Келлеръ, ген., варш. губерн., 1803 г., т. CIX, февр., 230.
Кикинъ, Петръ Андр., ст.-секрет., 1812 г., т. CX, апр., 23.
Киль, Левъ Ив., адъют. цесарев., Константина Павловича, начальн. художн. въ Римѣ съ 1845 г., † 1851 г., т. CX, апр., 141.
Кипріановичъ, Г. Я., т. CIX, янв., 27.
Кипріяновъ, инженеръ, т. CIX, янв., 188.
Кирхгофъ, г-жа, 1811 г., т. CIX, янв., 103, 104.
Кирѣевскій, Ив. Вас., славяноф., р. 1806 г., † 1856 г., т. CXI, авг., 255.
Кирѣевскій, Петръ Вас., р. 1808 г., † 1870 г., т. CXI, авг., 255.
Киселева, т. CIX, янв., 185.
Киселевъ, гр. Дм. Ив., главноприсут. въ мастерской оружейн. палаты, 1820 г., т. CXII, декаб. 474.
Киселевъ, гр., Пав. Дм., мин. госуд. имущ., р. 1788 † 1872 г., т. CIX, янв., 120, 131, 136, т. CX, май, 319, іюнь, 631, 633, т. CXI, сент., 586—642, т. CXII, нояб., 361—385, 398, декаб., 474, 577 596.
Клебанская, Евгенія, сообщ.: „Поправки неточностей въ Пушкинскомъ сборникѣ", т. CXI, авг., 348, „Пушкинъ и Мильвуа", т. CXII, декаб., 603—604.
Клейнмихель, гр., Петръ Андр., ген.-ад., р. 1793 † 1869 г., т. CIX, янв., 133, 134, 187—199, т. CX, іюнь, 471, т. CXI, авг., 399, сент., 642, т. CXII, нояб., 398.
Ключарева, Агнеса Ѳед., см. Трескина.
Ключаревъ, москов. почтъ-директ., 1812 г., т. CIX, янв., 166, мартъ, 648, т. CXII, окт., 37.
Ковалевскій, Егоръ Петров., путешествен., и писатель, р. 1811 г., т. CIX, мартъ, 665—671.
Ковальковъ, А. М., т. CIX, мартъ 475, т. CX, апр., 34.
Ководавлевъ, Осипъ Петров., тов. мин. вн. дѣлъ, писат., р. 1752 г., † 1819 г., т. CIX, февр., 300, томъ CX, апр., 32, май, 256, т. CXII, нояб., 215, 224.
Кокоревъ, откупщикъ, т. CXII, декаб., 53[illegible].
Кокошкинъ, Ѳед. Ѳедор., директ. москов. театр., † 1838 г., т. CXI, авг., 359, сент., 615, 616, 617.
Колачковскій, Клементій, ген., его воспоминанія, т. CIX, мартъ, 623—640, т. CX, май, 409—438, іюнь, 553—574, т. CXI, авг., 289.
Кологривова, Прасковья Юрьев., въ перв. бракѣ княг. Гагарина, т. CX, апр., 140.
Кологривовъ, Петръ Алексд., томъ CX, апр., 140.
Колонтай, ректор. Краковск. унив., 1802 г., т. CIX, янв., 17—29, февр., 229.
Колосова, Алексд. Мих., въ зам Каратыгина, артистка, † 1880 г., т. CXI, сент., 617.
Колошинъ, И. И., д. ст. сов., 1857 г., т. CIX, февр., 364.
Колышко, участн. возст. 1863 г.,

т. CXII, нояб., 327—336, декаб., 479.
Кони, Анат. Өед., сенат., писат., т. CX, май, 291, 293, 294.
Комаровскій, гр., Евграфъ Өедотов., ген.-адъют., 1798 г., т. CIX, февр., 292, т. CX, іюнь, 471, 472.
Константинъ Николаевичъ, велик. князь, р. 1827 † 1892 г., т. CX, апр., 130, май, 394 т. CXI, сент., 530, т. CXII, нояб., 365, 379.
Константинъ Павловичъ, вел. кн., цесаревичъ, р. 1779 † 1831 г., т. CIX, янв., 36—111, февр., 411, мартъ, 575, 578, 587, 602, 622—640, т. CX, апр., 38, 207, май, 409—438, іюнь, 458—462, 553—574, т. CXI, авг. 289—309, сент., 533—546, т. CXII, окт., 112—192, 194, нояб., 223.
Контеніусъ, директ. новорос. колон. 1766 г., т. CXI, іюль, 156.
Корберонъ, секрет. фр. посольства въ Россіи 1775 г., его дневникъ, т. CX, май, 369—384, т. CXI, іюль, 129—150.
Корецкій, П. И., ковен. вице-губерн. 1860 г., т. CX, іюнь, 538—539.
Корниловъ, Вас. Алексѣев., адмир., † 1854 г., т. CXI, авг., 382, 386.
Коробка, полковн., 1815 г., т. CXII, нояб., 283.
Коробынъ, депутатъ отъ дворян. въ Екатерин. комиссіи 1767 г., т. CXII, окт., 174, 175, 176, 180.
Корсакова, А. И., см. Буткевичъ.
Корсакова, Ш., см. Бетлингъ, т. CXI, авг., 357.
Корсаковъ, Алексан. Степ., † 1832 г., т. CXI, авг., 350.
Корсаковъ, Никол. Александр., дипломатъ, † 1820 г., т, CXI, авг., 358.
Корсаковъ, Петръ Александр., цензоръ и писат., р. 1790 † 1844 г., т. CXI, авг., 349—361, т. CXII, окт., 207.
Корсаковъ, М. С., ген.-губерн. В. Сибири 1812 г., т. CIX, янв., 179—182, т. CXI, іюль, 13.
Корсаковъ, ген. 1799 г., т. CIX, мартъ, 566—571, т. CXII, нояб., 224.
Корфъ, гр., Модестъ Андр., р. 1800, † 1876 г., т. CIX, янв., 112, 113, 141—174, февр., 283—306, т. CX, апр., 5—44, май, 231—249, іюнь, 472, т. CXII, окт., 36—56, нояб., 301—322.
Корфъ, бар., Пав. Ив., ген. 1863 г., т. CXII, декаб., 561—571.
Коссаковскій, гр., адъют. 1863 г., т. CXII, нояб., 328.
Коссецкій, ген. 1806 г., т. CIX, февр., 254.
Коссичъ, ген., т. CXII, нояб., 249.
Костомаровъ, Ник. Иван., р. 1817, † 1885 г., т. CIX, янв., 63, т. CX, май, 303.
Костюшко, Ѳаддей, р. 1746 † 1817 г., т. CIX, янв., 10, 12, 17, февр., 236—254, мартъ, 623, 624, т. CXII, окт., 192, 193.
Кочубей, супруга И. П. Кочубея, т. CX, апр., 196, 199.
Кочубей, гр-ня, Наталья Викт., въ зам. гр. Строганова, т. CXII, нояб., 304.
Кочубей, гр., Викт. Павл., мин. вн. дѣлъ, † 1834 г., т. CIX, янв., 13, февр., 233, 292, 375—390, мартъ, 486, 487, т. CX, май, 251—259, іюнь, 469, т. CXI, іюль, 51—59, 159, 168, авг., 435, 438, т. CXII, окт., 40—46, 51, нояб., 301—322, 346, 402.
Коцебу, ген. 1878 г., т. CXII, нояб., 260, 261.
Кошелевъ, Александръ Ив., земск. дѣят., р. 1807 † 1883 г., т. CX, май, 255—261, т. CXI, сент., 500.
Кошелевъ, Родіонъ А., ген.-лейт., мистикъ, 1812 г., т. CIX, мартъ, 475.
Краевскій, Андр. Александр., изд. „Голоса", р. 1810 † 1889 г., т. CIX, янв., 146, 159, февр., 324, т. CXI, авг., 269.
Красинскій, католич. епископъ, 1863 г., т. CIX, мартъ, 519.
Красинскій, гр., Викентій, членъ варшав. общ. любит. наукъ, 1804 г., т. CIX, янв., 28.
Крейтонъ, лейбъ-мед., т. CX, май, 245.
Кригеръ, ковен. губерн., 1863 г., т. CIX, мартъ, 519.
Кригеръ, адм. 1863 г., т. CXI, авг., 336.
Криднеръ, барон., Юліана, рожд. Фитингофъ, піэтистка, т. CIX, февр., 389, т. CXI, іюль, 48.
Крыжановскій, Андр. Ник., сообщ. „Событія, предшествовавшія возстанію въ Польшѣ въ 1861 г.", т. CX, май, 263—284. „Варш., въ теченіе 3-го и въ ночь съ 3 на 4 окт. 1861 г.", т. CXII, окт., 141—144.
Крыжановскій, Ник. Андр., варшав. воен. губерн., т. CX, май, 265—283, т. CXII, дек., 566, 567.
Крыловъ, Ив. Андр., баснопис., род. 1768 † 1844 г., т. CIX, янв., 26, февр., 262, 272, 273, 276, т. CXI, сент., 618.
Крюковъ, нижегор. вице-губернат. 1812 г., т. CX, май, 234, 235, 236.
Кубасовъ, Ив., сообщ. „И. М. Муравьевъ-Апостолъ", т. CXII, окт., 87—104, нояб., 347—359.
Кубасовъ, П. А., докторъ, т. CIX, янв., 55.
Кудрявскій, директ. канц. азіат. деп. 1838 г., т. CX, іюнь, 647.

Кузнецовъ, А., новгор. городск. гол., 1826 г., т. CIX, янв., 223, 226.
Кукольникъ, Несторъ Вас., писат., т. CXI, іюль, 102, авг., 335, сент., 628, 629.
Кукольникъ, П., т. CIX, мартъ, 510, т. CXII, дек., 418.
Кунцевичъ, Г., сообщ. „Записка о кіевскомъ универс. св. Владиміра въ 1838 г.“, т. CX, іюнь, 611—616.
Куракинъ, кн., Алексѣй Борис., ген.-прокур., мин. вн. дѣлъ, род. 1759, † 1826 г., т. CIX, янв., 10, 95, февр., 290—294, мартъ, 585, 586, т. CX, апр., 196, май, 251, 252, 379, т. CXI, іюль, 151, т. CXII, нояб., 317.
Куракинъ, кн., Борисъ Алексѣев., сенат., † 1850 г., т. CIX, февр., 292.
Куракинъ, посолъ въ Парижѣ 1812 г., т. CX, апр., 40, т. CXI, авг., 230, сент. 470.
Куропаткинъ, Алексѣй Ник., ген.-отъ-инфант., воен. мин., т. CXII, нояб., 292, дек., 457—473.
Курсель, полковн. 1878 г., т. CXI, дек., 472.
Курута, Дм. Дм., ген.-лейт. 1830 г., т. CIX. февр., 425, т. CX, май, 415, 420, 430, 436, 438.
Кусаковъ, инж. пут. сообщ. 1860 г., т. CIX, янв., 188, 189, 190, т. CX, май, 322—331, т. CXI, сент., 562, т. CXII, дек., 530.
Кутайсовъ, гр., Ив. Павл., камерд. Павла I; † 1834 г., т. CIX, февр., 294, мартъ, 583—589.
Кутузовъ, кн., Мих. Иллар., фельдм., р. 1745 † 1813 г., т. CIX, янв., 200, февр., 237, 410, 414, мартъ, 478, 500, 501, т. CXII, окт., 45.
Кушелевъ-Безбородко, гр., Алексд. Григ., сенат., т. CXII, нояб., 306.
Кушелевъ, Ив. Ив., сенат., т. CIX, февр., 378, т. CX, іюнь, 467.
Кушелевъ, гр., ген.-ад. 1798 г., т. CXI, іюль, 169.
Кушниковъ, Серг. Серг., сенат., р. 1765 † 1838 г., т. CXI, сент., 641, т. CXII, нояб., 390.
Кюхельбекеръ, Вильг. Карл., декабристъ т. CX, апр., 94—111, 178.
Кюхельбекеръ, капит., 1878 г., т. CXII, дек., 461.

Л.

Лабенскій, Ксаверій, тайн. сов., чин. мин. ин. дѣлъ, 1855 г., т. CIX, янв., 126, т. CXI, авг., 380.
Лабзинъ, Алексд. Ѳед., вице-президент. акад. худ., 1812 г., т. CXI, іюль, 46.
Лавровъ, Вас. Ник., ген.-м. 1878 г., т. CXII, нояб., 246.
Лагарпъ, Фредерикъ-Сезаръ, воспит. Александра I, р. 1754 † 1838 г., т. CX, апр., 209, т. CXI, авг., 299—304, сент., 535, т. CXII, окт., 7, 93.
Лажечниковъ, писатель, т. CXI, іюль, 94.
Лаваревъ, Христоф. Іоакимъ., ст.-секретарь, т. CX, май, 240.
Ламбъ, ген.-отъ-инф. 1800 г., т. CXI, іюль, 169.
Ламсдорфъ, т. CXII, нояб., 265—284, дек., 501—515.
Ланжеронъ, гр., Алексд. Ѳед., одесск. градон., т. CXII, нояб., 319.
Ланская, Марья Вас., рожд. Шатилова, † 1842 г., т. CXI, сент., 631.
Ланской, Алексд. Дм., ген.-ад., р. 1758†1784 г., т. CX, іюнь, 467.
Ланской, Вас. Серг., управл. мин. вн. дѣлъ съ 1828 по 1827 г., р. 1754, † 1831 г., т. CXII, нояб., 307.
Ланской, гр., Серг. Степ., мин. вн. дѣлъ, р. 1787 † 1862 г., т. CXII, окт., 81, 185.
Ланской, гродн. губерн., 1812 г., т CXI, сент. 455.
Лафонъ, нач-ца Смольн. инст., 1776 г., т. CX, май, 382, т. CXI, іюль, 148.
Левенвольде, бар., 1725 г., т. CIX, февр., 396, т. CXI, авг., 324.
Левенштернъ, бар., Вл. Ив., его записки, т. CXI, іюль, 171—208.
Левицкій, Казиміръ Вас., ген. 1877 г., т. CXII, окт., 60—64, нояб., 243—264, 285—300.
Левицкій, Никол., т. CXII, нояб., 251 264.
Левшина, Вѣра Яковл., рожд. кн. Грузинская, р. 1801 † 1860 г., т. CX, іюнь; 587.
Левшинъ, Дм. Павл., д. ст. сов., р. 1804 † 1851 г., т. CX, іюнь, 587.
Лейхтенбергскій, герцогъ, Сергій Максимиліановичъ, т. CXII, декаб., 517—520.
Лелевель, Іоахимъ, польскій истор., † 1861 г., т. CX, іюнь, 565, т. CXI, іюль, 99.
Леонтьевъ, ген.-м. 1878 г., т. CXII, нояб., 297, дек., 460, 466, 562.
Лепехинъ, акад. 1797 г., т. CXI, авг., 427, т. CXII, нояб., 242.
Лешихъ, Францъ, механикъ 1812 г., т. CIX, янв., 217, CX, май, 250.
Лермонтовъ, Мих. Юрьев., писатель, род. 1814 † 1841 г., т. CIX, февр., 273—279, т. CXI, авг., 254, 268, сент., 485, 507, т. CXII, нояб., 392.
Лерхе, Густавъ Вас., адвокатъ, т. CX, апр., 12.

Летуновскій, горн. инжен., т. CIX, янв., 195.
Лефортъ, Францъ Яковлев., р. 1653, † 1699 г., т. CIX, мартъ, 609—622.
Ливенъ, бар., Вильгельмъ, ген., т. CIX, янв., 136.
Ливенъ, кн., Карлъ Андр., мин. нар. просв. 1828—32 гг., т. CXI, сент., 623.
Ливенъ, кн., Христ. Андр., посолъ въ Лондонѣ, † 1838 г., т. CXII, нояб., 223.
Ливенъ, кн., 1829 г., т. CX, апр., 89—91.
Линаръ, гр., фр. посолъ, 1740 г., т. CXI, авг., 328.
Литке, гр., Ѳед. Петр., адм., президент. акад. наукъ, † 1882 г., т. CX, апр., 130.
Литта, гр., об.-камерг. 1838 г., т. CIX, мартъ, 526, т. CXI, сент., 640.
Лихаревъ, декабр., т. CX, апр., 98, 105.
Лихачевъ, ген.-лейт., т. CIX, янв., 194.
Лобановъ-Ростовскій, кн., Дм. Ив., ген.-отъ-инф., т. CXII, нояб., 304, 306, 309, 319.
Лобановъ-Ростовскій, кн., Яковъ Ив., предсѣд. деп. законовъ, т. CXII, нояб., 322.
Лобановъ, Мих. Евстафьев., писат., † 1846 г., т. CXI, сент., 616—619.
Ловичъ, княгиня, Жанета Антонов., супруга цесар. Константина Павловича, р. 1795 † 1831 г., т. CIX, февр. 376, мартъ, 631 — 640, т. CX, май, 412—438, іюнь, 557—574, т. CXI, авг., 289—309, сент., 533—546.
Логгиновъ, Алексѣй Алексѣев., 1812 г., т. CX, апр., 32.
Ломоносовъ, Мих. Васил., писат., т. CIX, февраль 273, 278, т. CXII, окт., 86.
Лонгиновъ, М., капит. 1796 г., томъ CXI, сент., 614.
Лопухина, Евдокія, царица, т. CXI, сент., 481.
Лопухина, фрейл. 1800 г., т. CIX, мартъ, 585.
Лопухинъ, Иванъ Влад., масонъ, р. 1756 † 1816 г., московск. сенат., 1801 г., т. CIX, февр., 294. 301, 302, т. CX, апр., 34, т. CXII, окт., 47—49, нояб. 317.
Лопухинъ, Петръ Вас., ген.-прокур., р. 1786 † 1827 г., т. CIX, февраль, 293 — 295, мартъ, 527, 586, т. CX, апр., 196, 199, май, 259, іюнь, 479, т. CXI, авг., 438.
Лореръ, декабристъ, т. CX, апр., 98, 105.
Лористонъ, Батистъ, т. CIX, янв., 102.
Лошкаревъ, ген., т. CIX, янв., 193.
Лубенскій, гр. Феликсъ 1809 г., т. CXI сент., 450.
Лубяновскій, Ѳ. П., пензенск. губ., масонъ, т. CIX, мартъ, 471—497, т. CX, апр., 6—11, т. CXII, окт., 45.
Лугановскій, В., сообщ.: „Суворовъ въ Варшавѣ", т. CXI, іюль, 128.
Лукашевъ, шт.-ротм. 1878 г., т. CXII, нояб., 257.
Львова, Вѣра Иванов., рожд. Головина, игуменья Хатькова Новодѣв. мон. 1849 г., т. CIX, янв., 46, 48.
Львова, рожд. Ладыженская, т. CIX, янв., 46.
Львовъ, Ѳ. Н., чинов. ин. коллег. 1858 г., т. CIX, янв., 177—200.
Львовъ, чл. экспедиц. госуд. хозяйст. 1797 г., т. CXI, іюль, 161.
Любенскій, гр. Феликсъ, министръ юстиц. ц. Польск., 1808 г., т. CIX, февр., 251, 254.
Любецкій, кн., томъ CX, май, 435, іюнь, 565, т. CXI, сент., 646, т. CXII, нояб., 393.
Любимовъ, Никол. Ив., чл. совѣта мин. ин. дѣлъ 1853 г., т. CIX, мар., 665—671
Людоговскій, ст. секрет. ц. Польскаго 1863 г., т. CXII, декаб., 562.
Любомірскій, кн., 1812 г., т. CIX, мартъ, 694, т. CXII, окт., 11.

М.

Мавросъ, гр., ген. 1878 г., т. CXII, нояб., 260.
Магницкій, Мих. Леонтьев., попеч. Казанск. унив., р. 1778 † 1844 г., т. CIX, февр., 232—236, 471—502, т. CXI, іюль, 52, 59, т. CX, апр., 9—44, май, 257 — 258, т. CXII, нояб., 220.
Маевскій, ген.-губерн., 1857 г., т. т. CIX, февр., 353.
Мазарани, Елизавета А., жена док., т. CX, іюнь, 596, 600, т. CXI, іюль, 209.
Майковъ, Апол. Александ., директ. театр. 1817 г., т. CXI, сент. 615.
Майковъ, Апол. Николаев., поэтъ, т. CIX, февр., 328, 331, т. CXI, авг., 266, 287.
Майковъ, Леонидъ Никол., академ., †1900 г., т. CXII, нояб., 358.
Майковъ, П., М. сообщ.: „Царство Польское послѣ Вѣнскаго конгресса", т. CXII, окт., 183 — 194, „О силѣ правительства" записка М. М. Сперанскаго, декаб., 495—499
Макеевъ, докторъ, 1856 г., т. CIX, янв., 72.

Маковъ, Л. С., ст. сов. 1863 г., томъ, CXII, декаб., 484, 487, 488.
Максимовичъ, М. А., проф. Кіевск. унив. 1838 г., т. CIX, февр., 267, т. CX, іюнь, 611, 616.
Малаховскій, участн. возст. 1862 г., т. CIX, февр., 251, т. CXII, окт., 76.
Малиновскій, историкъ, т. CIX, фев., 362.
Мальцевъ, А. П., протоіерей, сообщ.: „Увѣдомленіе императрицы Екатерины II Венеціанской посполитой рѣчи о рожд. импер. Александра I". 1777 г., т. CIX, янв., 140.
Мальчевскій, корресп. Варшав. общ. любит. наукъ, 1802 — 1828, т. CIX, янв., 9.
Мандтъ, лейбъ-мед, 1837 г. т. CX, май, 226.
Марія Александровна, императрица, р. 1824 † 1880 г., т. CIX, янв., 83, т. CX, апр., 129, 156, т. CXII, нояб., 379, 394.
Марія Николаевна, вел. княг., въ супр. герцог. Лейхтенбергская, р. 1819 † 1879 г., т. CIX, янв., 36, 45, т. CX, апр., 128, 129, 154, іюнь, 648, т. CXI, іюль, 42, сент., 646, 647, т. CXII, нояб., 390, 399.
Марія Ѳеодоровна, императрица, р. 1759 † 1828 г., т. CIX, янв., 35, 36, 135, 140, 169, февр., 292, 293, мартъ, 473, 556, т. CX, апр. 200, май, 383, 384, т. CXI, іюль, 130, 150, 164, сент., 547, 548, 618. т. CXII, окт., 55, нояб., 265—284, 386, декаб., 501—515.
Марковичъ (Марко-Вовчекъ), М. А., писат., 1863 г., т. CIX, февр., 327.
Марковъ, Евг. Л., писат., т. CXI, сент., 504.
Марковъ, гр., 1812 г., т. CX, апр., 28.
Маркусъ, Мих. Антоновъ., лейбъ-мед. 1845 г., т. CX, апр., 162.
Марлинскій, писат., т. CIX, февр., 272.
Мартыновъ, спб. коменд. † 1838 г., т. CX, іюнь, 633.
Марциновскій, издат. „Литовскаго Курьера", 1812г., т. CXII, декаб., 422.
Марченко, Васил. Романов., госуд. секрет. 1830 г., т. CXII, окт., 34, нояб., 320.
Марченко, М. Р., ст.-секрет., т. CX, май, 247, іюнь, 470.
Масальскій, К. П.. 1842 г., т. CIX, янв., 155—157, 164, т. CXI, сент., 629.
Масальскій, Мих. Петров., чиновн. мин. госуд. имущ. 1842 г., т. CXI, сент., 630.
Масальскій, П. Г., т. CIX, янв., 155.
Мацкевичъ, ксендзъ 1863 г., т. CXII, нояб., 326.
Медемъ, бар., Ник. Вас., ген.-лейт., † 1870 г., т. CIX, янв., 161.
Медемъ, бар., чиновн. для поручен. при штабѣ Варшав. окр. 1863 г., Н. Н., т. CXI, сент., 517, 519, т. CXII, окт., 146, 147, 163, декаб., 562.
Мейендорфъ, бар., Петръ Казим., послан. въ Вѣнѣ 1853 г., т. CIX, мартъ, 665.
Мейнгардъ, докт., 1857 г., т. CX, май, 317.
Мельниковъ, Пав. Петр., инж. пут. сообщ. 1856 г., т. CIX, янв., 187—196, т. CXI, авг., 406, 413, 414, сент., 551, 552, 560, т. CXII, декаб., 529—544.
Меншикова, Марія, невѣста Петра II, т. CIX, мартъ, 618.
Меншиковъ, кн., Алексд. Данил., генералис., р. 1673 † 1729 г., т. CIX, февр., 396—405, мартъ, 607—622, т. CXI, авг., 312—325.
Меншиковъ, кн., Алексд. Серг., морск. мин., р. 1787 † 1869 г., т. CIX, янв., 130, 138, CX, май, 448, іюнь, 631, 644, 645, т. CXI, авг., 385—398, сент., 550, 569—642, т. CXII, окт., 116—140, нояб., 398.
Мердеръ, А., сообщ: „Изъ воспоминаній современниковъ о Дантесѣ", т. CXII, декаб., 602.
Мердеръ, Карлъ Карлов., воспитат Александра II, † 1834 г., т. CIX, мартъ, 555, т. CX, апр., 147, 148, 175, 176.
Мерцаловъ, Васил., кандид. богослов. 1819 г., т. CXII, нояб., 342.
Мещерскій, кн., Петръ Ив., т. CX, апр., 139.
Мизко, Н. Д., т. CX, май, 439.
Миллеръ, А. И., чинов. мин. ин. дѣлъ 1800 г., р. 1783 г. † 1852 г., т. CX, май, 389—391.
Миллеръ, Орестъ Ѳед., проф. 1871 г., т. CIX, февр., 273, 274, 326, т. CXI, сент., 485.
Милоновъ, М. В., писат., 1792 г., т. CXII, декаб., 603.
Милорадовичъ, Мих. Андр., спб. воен. ген.-губ., † 14 декаб. 1825 г., т. CIX, февр., 256, 380, 420—421, т. CX, май, 248, т. CXI, сент., 616, т. CXII, окт., 24, декаб., 507—510.
Милютина, М. А., 1872 г., т. CIX, февр., 335.
Милютинъ, гр., Дм. Алекс., воен. мин., т. CXII, нояб., 361.
Милютинъ, Никол. Алексѣев., ст.-секрет. 1861 г., т. CXI, сент., 516—531, т. CXII, окт., 158—161, нояб., 384, декаб., 555—576, 588.
Мильвуа, писат., т. CXII, декаб., 603—604.

Минихъ, гр., Бурхардъ-Христофъ, р. 1683 † 1767 г., т. CIX, февр., 435.
Мирковичъ, виленск. ген.-губ. 1841 г., т. CXII, нояб., 392, декаб., 562.
Мироненко, кол. сов. 1863 г., т. CXII, декаб., 562.
Михаилъ, митроп. спб. 1812 г., т. CXII, декаб., 450.
Михаилъ Николаевичъ, велик. князь, генералъ-фельдцейхмейст., т. CIX, янв., 45, т. CX, апр., 130, 142, т. CXI, іюль, 42.
Михаилъ, Павловичъ, велик. князь, р. 1798 † 1849 г., т. CIX, янв., 119., 122, мартъ, 636, т. CX, май, 225—230, 338, 407, іюнь, 554, 633, т. CXI, авг. 304, сент., 535 539, 642, 647, 649, т. CXII, нояб., 265—284, декаб. 501—515.
Михайловскій-Данилевскій, Алекс. Ив., воен. историкъ, † 1848 г., т. CIX, янв., 149, т. CX, апр., 11—114, т. CXII, окт., 20, 34.
Михайловскій, Н. К., писат., т. CIX, февр., 335, 336.
Михельсонъ, ген., т. CIX, февр., 233.
Михневъ, Андр. Дмитр., маіор., 1856 г., т. CIX, янв., 73.
Мицкевичъ, В., т. CIX, янв., 12.
Младзіевскій, К. Я., профес., т. CIX, янв., 54.
Мнишекъ, Марина, т. CX, май, 310, 311.
Мнишекъ, Юрій, т. CX, май, 303, 308.
Мовдалевскій, Б. Л. сообщ: Письма В. А. Жуковскаго къ разн. лицамъ, т. CIX, стр., 177—188, „Письма В. А. Жуковскаго къ Стурдзѣ", май, 385—397, іюнь, 579—588.
Моисей, нижегород. архіерей 1812 г., т. CX, май, 234.
Мойеръ, Марья Андр., рожд. Протасова, т. CX, май, 356, т. CXII, окт., 206.
Моллеръ, Ѳ. А., т. CIX, мартъ, 598.
Молчановъ, А. М., т. CIX, янв., 161, 166, 168.
Молчановъ, Миронъ Филип., чиновн. канц. сибирск. ген.-губ. 1812 г., т. CIX, янв., 161—165, 173, т. CXII, окт. 37.
Молчановъ, Петръ Степ., об.-прокур. Сената 1814 г., т. CX, іюнь, 467, 468, т. CXII, нояб., 210.
Молчановъ, ст.-секрет. 1812 г., т. CXI, іюль, 16.
Мордвиновъ, Алексд. Никол., ст.-секрет. 1839 г., т. CX, апр., 95, т. CXII, окт., 45.
Мордвиновъ, гр. Н. С., предсѣд. деп. экономіи 1810 г., т. CXII, ноябрь, 210, 309, 318—320.
Моренгеймъ, бар., Пав. Осип., повѣрен. въ дѣл. съ Испан. 1812 г., т. CX, апр., 40.
Моріоль, гр., фр. эмигрантъ, его записки, т. CXI, авг., 289—309, сент., 533—546.
Мочаловъ, П. С., артистъ, т. CXI, сент., 627, 628.
Музовскій, протоіер. 1820 г., т. CXI, сент., 642.
Муравьевъ-Апостолъ, Ив. Матв., т. CXII, окт., 87—104, нояб., 347—359.
Муравьевъ (Виленскій), Мих. Никол., р. 1796 † 1866 г., т. CIX, янв., 71, 72, мартъ, 520, т. CX, іюнь, 487—510, т. CXII, окт., 74, нояб., 332—340, декаб., 475—494.
Муравьевъ Амурскій Н. Н., р. 1809 г. † 1881 г., т. CIX, янв., 177 — 182.
Муравьевъ, Никол. Никол., ст. секрет., † 1840 г., т. CIX, мартъ, 554, т CXI, сент., 619.
Муратовъ, Вас. Гавриловичъ, д. ст. сов. 1827 г., т. CX, апр., 224.
Мурзановъ, Н., сообщ.: „Образцы дворянскихъ дипломовъ", т. CXI, авг., 330; „Отказъ имп. Александра произвести въ кол. ассес. безъ экзамена", сент., 598.
Мухановъ, мин. вн. дѣлъ. ц. Пол. 1861 г., т. CX, май, 275.
Мухортова, Анна Вас., въ зам. Гаевская, т. CIX, мартъ, 599.

Н.

Набоковъ, начальн. воен. посел., т. CX, май, 404.
Нагловскій, Дм. Станислав., нач. полев. штаба 1877 г., его дневникъ, т. CXII, нояб., 243—264.
Надеждинъ, Никол. Ив., профес., р. 1804 † 1856 г., т CXI, сент., 625, 626, т. CXII, окт., 86.
Назимова, Анастас. Александр., т. CIX, янв., 75, 76, 78, февр., 359, мартъ, 509—527, т. CX, іюнь, 521—540, т. CXI, іюль, 79, авг., 332—347, т. CXII, окт., 65—79.
Назимовъ, Влад. Ив., ген.-губ. с.-з. края, р. 1802 † 1874 г., т. CIX, янв., 71—80, февр., 354 361, мартъ, 509—527, 555, т. CX, апр., 98, 105, іюнь, 521—540, т. CXI. іюль, 61—80, авг., 332 — 347, т. CXII, окт. 65 — 79, нояб., 323, 340, декаб., 475—494.
Нарышкина, Марья Антонов., рожд. княж. Четвертинская, † 1823 г., т. CIX, янв., 97, 103, т. CX, апр., 198, 199, 200.
Нарышкинъ, Алекс. Львовичъ, обер.-гофмарш., т. CIX, янв., 102, 108,

169, февр., 352, мартъ, 590, т. CXI, іюль, 130.
Нарышкинъ, Дмитр., оберъ-егермейст., т. CIX, янв., 102.
Нарышкинъ, Кириллъ Алексѣев., гофмарш. 1838 г., т. CX, іюнь, 635.
Нарышкинъ, директ. театр. 1806 г., т. CX, апр., 201.
Нарышкинъ, декабр., т. CX, апр., 98, 105.
Нахимовъ, Пав. Степ., адм., т. CXII, окт., 128.
Наталія Алексѣевна, царевна, т. CIX, февр., 394, 395.
Наталія Алексѣевна, принцесса Дармштадская, супруга Павла I, т. CIX, мартъ, 613—622, т. CX, май, 379—380, т. CXI, іюль, 133.
Небольсинъ, Пав. Ив., надв. сов. 1864 г., т. CXII, окт., 80.
Нейдгартъ, Анна Борисов., т. CIX, янв., 47.
Неплюевъ, † 1859 г., т. CIX, янв., 178—180.
Некрасова, Е. С., т. CX, май, 439.
Некрасовъ, Никол. Алексѣев., писатель, †1877 г. т. CIX, февр., 281, 325, т. CXI авг., 267—286.
Нелидова, Екатер. Иван., камеръ-фрейл., род. 1758 † 1832, т. CIX, февр., 292, мартъ, 583, 585, т. CXII, окт., 55.
Нелидовъ, послан. въ Турціи, 1878 г., т. CXII, нояб., 247.
Ненарокомовъ, чл. коммис. внут. дѣлъ въ ц. Польск., 1863 г., т. CXII, декаб., 562.
Неплюевъ, сенат., т. CIX, февр., 434—435.
Непокойчицкій, ген., 1855 г., т. CXI, авг., 386, т. CXII, нояб., 250, 251, 263, 264.
Нессельроде, гр-ня, Марія Дм., рожд. Гурьева, статсъ-дама, 1849 г, т. CIX, янв., 125—126.
Нессельроде, гр-ня, супруга канцлера, т. CX, іюнь, 512.
Нессельроде, гр., Карл. Васильев., мин. ин. дѣлъ, р. 1780 † 1862 г., т. CIX, янв., 116 — 127, февр., 375, 383, т. CX, апр., 145—152, май, 231, 232, 259, 365, 389, 392, іюнь, 631 — 645, т. CXI, іюль, 51, 53, 132, 203—206, авг., 369 -391, сент., 572, 573, 586, 596, 644, 645, т. CXII, окт., 45, 116—140, нояб., 218, 224, 399, 400.
Нессельроде, гр. Дм., 1855 г., т. CXI, авг., 386.
Нессельроде, гр., ген.-адъют. в. кн. Константина Павловича, т. CX, май, 416.
Никитинъ, Алексд. Павл., т. CXII, нояб., 300.
Никитинъ, ген. 1878 г., т. CXII, нояб., 261.
Николай I, императоръ, р. 1796 г. †1855, т. CIX, янв., 39—45, 72, 80, 115—139, 146, 152 — 170, 223—228, 250, 291, 297, 417, 452, 453, мартъ, 533, 556, 559, 636, 640, т. CX, апр. 17, 45 — 49, 103, 121, 130, 137, 172, 184, май, 225—230, 319, 403, 408, 448, іюнь, 449 —466, 540, 556, 558, 567, 572, 574, 622, 645, т. CXI, іюль, 31—43, 106 —127, авг., 296 —309, сент., 538 — 607, т. CXII, окт., 55, 116 —140, нояб., 265—284, 392, 399, декабр., 501, —515, 549.
Николай Николаевичъ, вел. князь, фельдмаршалъ, р. 1831 г. † 1891 г., т. CXII, нояб., 247—264, 285—300.
Никонъ, патріархъ московск., 1655 г., т. CIX, янв., 65, февр., 338, 345—350.
Никотинъ, Акимъ Максимовичъ, т. CIX, янв., 73.
Никотинъ, Ив. Акимов., его записки, т. CIX, янв., 71—86, февр., 353—374, мартъ, 509—527, т. CX, іюнь, 521—540, т. CXI, іюль, 61—80, авг., 331—347, т. CXII, окт., 65—79, ноябрь, 323—340, декабрь, 475—494.
Новаковскій, участн. польск. возст., 1861 г., т. CX, май, 279, 280.
Новиковъ, Никол. Ив., писат., род. 1744 †1818 г., т. CIX, февр., 273, т. CXI, авг., 258.
Новосельскій, морск. офиц. 1878 г., т. CXII, нояб., 252.
Новосильцева, Любовь Григ., томъ CXI, іюль, 104.
Новосильцевъ, гр., Никол. Никол., предсѣд. Госуд. Сов., р. 1762 †1838 г., т. CIX, янв., 92, 93, т. CX, апр., 196, 199, 200, 201, май, 253, т. CXI, іюль, 55, т. CXII, окт., 185, 205.
Носовичъ, т. CXII, декаб., 446, 449.
Ностицъ, ген. 1812 г., т. CIX, мартъ, 473.
Нѣмцевичъ, писат., 1803 г., т. CIX, янв., 9, 13, 29, февр., 248, 250, т. CXI, сент., 450.

О.

Оболенскій, кн., виленск. вице-губернат. 1862 г., т. CXII, окт., 73.
Обольяниновъ, Петръ Хрисанѳовичъ, ген.-прокуроръ, 1800 г., т. CIX, февр., 297, мартъ, 586, 590, 296, т. CXI іюль, 169 авг., 431, 432, 438.
Обручевъ, Н. Н., ген. 1890 г., томъ CXII, нояб., 245.
Обрѣзковъ, Никол. Вас., московскій

губернат. 1812 г., т. CIX, январь, 218, т. CX, май, 250.
Оверъ, А. И., докторъ, т. CIX, янв., 55.
Огаревъ, Никол. Платонов., писат., т. CX, май, 320, 322, 323, іюнь, 476.
Огаревъ, Платонъ Богд., томъ CX, іюнь, 476.
Огинскій, гр., Мих., т. CIX, янв., 11, 14, мартъ, 494, 512, т. CXI, іюль, 8, авг., 230, 244, 245, сент., 471, т. CXII, окт., 5—33, 91, нояб., 223.
Огрызко, участн. польск. возст. 1863 г., т. CXII, декаб., 477.
Одоевскій, кн., Влад. Ѳед., писат., т CIX, янв., 34, 148, февр., 261—265, 324, т. CXI, іюль, 161, сент., 631, 632.
Озеровъ, Владисл. Александ., писатель, т. CXI, іюль, 100.
Озеровъ, диплом., т. CXI, августъ, 368, 384, сент., 577, 578.
Окулова, Анна Алексѣев., наставница дочерей Николая I, ум. 1861 г., т. CXII, окт., 204.
Оленинъ, Алексѣй Никол., директ. публ. библ., презид. акад. худож., р. 1763†1843 г., т. CX, апр., 6, 32, май, 258, іюнь, 470, т. CXI, іюль, 82—86, т. CXII, нояб. 221.
Олофсонъ, тит. сов. 1807 г., томъ CXI, сент., 598.
Ольга Николаевна, велик. княгиня въ зам. королева Виртембергская, т. CX, янв., 36, т. CX, апр., 162, 164, май, 230, іюнь, 648
Ольдекопъ, Евстаѳ. Ив., цензоръ 1838 г., т. CXI, сент., 627, 628.
Окулова, Анна Алексѣев., наставница вел. княженъ 1844 г., ум. 1861 г., т. CX, апр., 130, 162.
Ольденбургскій, принцъ, Георгій, т. CX, мартъ, 473, 474.
Ольри, баварск. повѣрен. въ дѣлахъ въ Спб. 1805 г., т. CX, апр., 197—207.
Омельяненко, Никита Кузьмичъ, калужск. губернат. 1823 г., т. CXII, нояб., 305.
Опперманъ, гр., ген.-м., членъ аудиторіата 1861 г., т. CXII, октяб., 146, декаб., 562.
Орлова-Чесменская, графиня Анна Алексѣевна, ум. 1848 г., т. CIX, февр., 445—458, т. CX, май, 399—408, іюнь, 611—628, т. CXI, сент., 599—613.
Орловъ, Алекс. Аѳимов., т. CIX, февр., 261.
Орловъ, Алексѣй Григ., р. 1735†1807 г., томъ CIX, мартъ, 650, 651, 656, 662, 663, т. CX, май, 382.
Орловъ, гр., Алексѣй Ѳедор., шефъ жанд., т. CIX, янв., 127, 128, 136, 227, февр., 452, 453, мартъ, 506, т. CX, апр., 107, 110, 114, іюнь, 622, 631, т. CXI, сент., 600—607, томъ CXII, нояб., 398.
Орловъ, Аѳиногенъ Алексѣевичъ, полковн. 1878 г., т. CXII, декабрь 467—470.
Орловъ, Григ. Григ., кн., р 1734†1783 г., т. CIX, мартъ, 650, т. CX, май, 374, 376, 380, 383, т. CXI, іюль, 130, 131, 141, 144, 150,
Орловъ, Ив. Григ., т. CIX, мартъ, 650.
Орловъ, кн., Ник. Алексѣев., его записка объ уничтож. тѣлесн. наказаній, т. CXII, декаб., 549—553.
Орловъ, Ѳед. Григ., р. 1741†1796 г., т. CIX, мартъ, 650.
Осинскій, Іосифъ, ксендзъ, 1800 г., т. CIX, янв., 6, 10.
Оскерко, Александ., помѣщ. 1862 г., т. CXII, окт., 76, 79, нояб., 325.
Остенъ-Сакенъ, кн., Фабіанъ Вильг., р. 1752 ум. 1837 г., т. CIX, янв., 140, февр., 410—421.
Остерманъ, Ив. Анд., вице-канцл. 1775 г., т. CIX, мартъ, 616—622, т. CX, май, 373, т. CXI, іюль, 142, авг., 311—329.
Остерманъ-Толстой, гр., ген.-адъют. 1815 г., т. CIX, февр., 410.
Островскій, гр., 1815 г., томъ CIX, февр., 275, т. CXII, окт., 184—191.
Очкинъ, Амплій Никол., редакторъ „Спб. Вѣд.", † 1865 г., т. CXI, сент., 632.

П.

Павелъ I, императоръ, р. 1796 ум. 1801 г., т. CIX, янв., 10—15, 30, 35, 89, 91, 108, 133, 152, февр., 289, 291—297, мартъ, 476, 477, 563—587, т. CX, апр., 20, май, 378—380, т. CXI, іюль, 129—168, авг., 244, 299—305, 429, 432—458.
Павелъ Александровичъ, великій князь, т. CXII, нояб., 403.
Павловъ, А. С., адъют. виленскаго ген.-губерн. 1863 г., іюнь, 532, т. CXI, авг., 335.
Павловъ, Мих. Григ., профес., изд. „Атенея" р. 1793†1840 г., т. CXI, авг., 364.
Павловъ, Ник. Филип., литерат., т. CX, май, 444.
Падренъ-дю-Карне, М. И., директ. дворян. инст. въ Вильнѣ 1861 г., т. CX, іюнь, 522.
Паисій, патріархъ іерусал., т. CIX, февр., 342, 345.
Паленъ, бар., Петръ, генер. 1812 г.,

т. CX, май, 245, 248, т. CXI, іюль, 173, 174, 181, 207.
Панаевъ, Аркадій Александ., офиц. 1860 г.. т. CXI, сент., 550
Панаевъ, Валер. Александров., его воспоминанія, т. CX, май, 317—336, т. CXI, авг., 399—426, сент., 549—568, т. CXII, декаб., 521 - 547.
Панаевъ, Ив. Ив., писат., т. CIX, февр., 324, т. CX, май, 319, томъ CXI, авг. 269
Панаевъ, Кронидъ Александ., инж. пут. сообщ. 1860 г., т. CXI, сент., 562, 568, т. CXII, декаб., 540, 546.
Панинъ, гр., Викт. Никит., мин. юстиц., р. 1801†1844 г., т. CIX, янв., 136, мартъ, 572—590, т. CX, май, 370—372, т. CXI, іюль, 140—146, 150, т. CXII, нояб., 384—390.
Панинъ, гр., Никита Ив., р. 1718†1783 г., т. CIX, мартъ, 655, 656, 660, т. CXI, іюль, 163.
Панинъ, гр., помощ. попечит. Харьковск. учеб. окр. 1837 г., т. CXII, окт., 110.
Панютинъ, Степанъ Өед., управл. канц. виленск. ген.-губ. 1863 г., т. CXII, декаб., 484—494.
Панчулидзевъ, Алекс. Алексѣев., пензенск. губернат. съ 1831—1859 г., т. CIX, февр., 412, т. CXI, іюль, 104, т. CXII, нояб., 343.
Панютинъ, С., т. CX, май, 263—284.
Паренсовъ, П. Д., ген.-отъ-инф., сообщ. „Изъ прошлаго. Воспоминанія офицера генер. штаба“, т. CXII, окт., 57—64, нояб., 285—300, дек., 451—473, уп. 246, 251, 252, 257.
Парротъ, Георгъ-Фридрихъ, академ., профес. физики, р. 1776 † 1852 г., т. CIX, янв., 92 - 94.
Паскевичъ, кн. Варшавскій, Ив. Өед., ген.-фельдм., р. 1781†1856 г., т. CIX, янв., 121, т. CX, іюнь, 517, т. CXI, іюль, 44.
Пассекъ, Вадимъ Васил., издатель „Очерковъ Россіи“, ум. 1842 г., томъ CXI, сент., 621—623.
Патькуль, полковн. 1776 г., т. CXI, іюль, 134, 135.
Паулуччи, маркизъ, Филип. Осиповичъ, ген.-губ. Прибалтійскаго края 1812 г., т. CIX, февр., 382, т. CX, май, 271, т. CXII, нояб., 219.
Пашковская, участница въ возст. 1863 г., т. CXI, авг., 335—347.
Пашковъ, Василій Александровичъ, об.-гофмарш., р. 1762†1838 г., т. CXI, нояб., 322.
Пезаровіусъ, издатель „Русск. Инвал.“, 1812 г., томъ CIX, янв., 175, 176, т. CX, май, 253, 254, 256.
Пенскій, Дм. Вас., т. CIX, мартъ, 532, 541—545, 550, 551.
Перовскій, гр., Васил. Алексѣевичъ, оренб. ген.-губ. 1833, ум. 1857 г., т. CX, апр., 78, 142, т. CXI, сент., 641.
Перовскій, гр., Левъ Алексѣевичъ, мин. вн. дѣлъ, ум. 1856 г., томъ CIX, янв., 132, 136, февр., 262.
Перовскій, Никол. Ив., таврическій губернат., ум. 1858 г., томъ CXII, нояб., 310.
Петрушевскій, ген., т. CXII, нояб., 249.
Пестель, Влад. Ив., сенат. 1861 г., т. CIX, янв., 146, 164, 166.
Пестель, Ив. Борисов., сибирскій ген.-губ. 1862 г., т. CIX, янв., 164—169, 173, т. CX, май, 258.
Петрашевскій, Мих. Вас, см. Буташевичъ-Петрашевскій.
Петровскій, С. А., издат. „Москов. Вѣд.“, т. CIX, мартъ, 538.
Петровъ, П. В., сообщ. „Письмо Н. И. Гнѣдича цесаревичу Константину Павловичу и отвѣтный рескриптъ цесаревича“, томъ CXII, окт., 112.
Петръ I, императоръ, р. 1671 ум. 1725 г.. т. CIX, февр., 294, 391—406, 428, мартъ, 607—622, т. CXI, іюль, 161, авг., 311—329, сент., 473, 481, 482, т. CXI, окт., 167.
Петръ II, императоръ, т. CXI, авг., 311—324.
Петръ III, императоръ, р. 1728 г., ум. 1762 г., февр., 429, 433, 435, 443, мартъ, 653, 657.
Пиленковъ, Ив. Ив., 1859 г. томъ CIX, янв., 178.
Пирлингъ, П., сообщ.: „Альберто Вимина. Сношенія Венеціи съ Украйною и Москвою 1650—1663 г.“, т. CIX, янв., 57—70; „Паисій Лигаридъ. Дополнит. свѣдѣнія изъ римск. архивовъ“, февр., 337—351; „Николай де Мелло, гишпанскія земли чернецъ“, т. CV, май, 303—312; „Замѣтка о новомъ документѣ о Самозванцѣ“, іюнь, 520, «Французскій іезуитъ въ Москвѣ въ XVII ст.», т. CXI, сент., 473—483.
Пироговъ, Никол. Ив., хирургъ, р. 1800 ум. 1881 г., т. CXII, нояб., 254, 255, 260.
Писаревъ, Александ. Александровичъ, ген.-м., попечит. Московскаго унив. 1826 г., т. CX, апр., 208.
Писемскій, Алексѣй Өеофилакт., писат., р. 1820, ум. 1881 г., т. CXI, авг., 279.
Піотровскій, Ф., д—ръ; сообщ.: „Сергій Максимиліановичъ герцогъ Лейх-

тенбергскій", т. CXII, декабрь, 517—520.
Платеръ, помѣщ. 1807 г., т. CIX, февр., 244.
Платовъ, гр., Матв. Ив., наказный атаманъ войска Донск. 1812 г., т. CIX, янв., 110, 111, февр., 411, т. CXII, декаб., 536.
Платоновъ, ст.-секрет. 1863 г., т. CXI, сент., 531.
Плевако, юристъ, т. CX, май, 286.
Плетневъ, Петръ Александ., акад., р. 1798, ум. 1865 г., т CIX, мартъ, 597, т. CX, апрѣль, 110, май, 386, 387, іюнь, 584, 586, т. CXI, іюль, 94, авг., 264, 265.
Плетневъ, полков., 1831 г., т. CIX, февр., 261—269.
Плятеръ, Степ , помѣщ. 1850 г. т. CX, іюнь, 521.
Повстанскій, инспект. врачебн. управы, 1856 г., т. CIX, янв., 72.
Поггенполь, г-жа, 1812 г., т. CX, апр., 7.
Погодинъ, Мих. Петров., акад., р., 1800†1875 г. т. CIX, янв., 34, 147, февр., 266, 268, мартъ, 641, т. CX, май, 386, т. CXI, іюль, 100, т. CXI, сент., 504.
Поджіо, А.В., декабр., т. CIX, янв., 182.
Повемковскій, инж. пут. сообщ., т. CXI, авг., 403.
Повиякъ, Дм. Прокоф., тайн. совѣтн., † 1851 г., т. CIX, февр., 292.
Полевой, Никол. Алексѣев., писат., р. 1796 г. † 1846 г., т. CXI, іюль, 99, сент., 625—628, т. CXII, окт., 86.
Полевой, Ксеноф.-Алексѣев., т. CXI, 628.
Полежаевъ, инж. пут. сообщ., т. CXI, авг, 413, т. CXII, дек., 603.
Полетика, Петръ Ив., послан. въ С.-А. штат. 1829 г., ум. 1849 г., т CX, апр., 139, іюнь, 513.
Поливановъ, ген.-лейт. 1860, т. CXI, авг., 416, 417, 421.
Полонскій, Яковъ Петров., писат., т. CIX, февр., 330 т. CXI, авг., 279—285, 287.
Полторацкій, полковн., т. CIX, янв., 34, 158, т. CXI, авг, 310.
Понятовскій, гр., Станиславъ, род. 1677 г., ум. 1798 г., т. CIX, февр., 429—436, т. CXI, іюль, 14—22, авг., 228, т. CXII, окт. 17, 133.
Понятовскій, кн., Іосифъ, р. 1762 г., ум. 1812 г., т. CIX, февр., 252, 460—466, т. CXI, іюль, 9.
Попова, Вѣра Ѳедосеев., рожд. Раевская, ум. 1891 г., т. CXI, мартъ, 599—606.
Поповъ, Ив. Никол., куп., 1812 г., т. CIX, мартъ, 472.
Поповъ, Іосафъ Александ., новооскольск. предв. двор., ум. 1875 г., т. CIX, мартъ, 599—606.
Поповъ, Ст. Ст., купецъ, 1859 г., т. CIX, янв., 178.
Посошковъ, Ив. Тихонов., писат., т. CIX, февр., 273, т. CXII, окт., 170.
Постниковъ, Алексѣй, дьякъ, 1657 г., т. CIX, янв., 68.
Потаповъ, адъют. Павла I, т. CIX, янв., 100, 101.
Потемкинъ, кн., Григ. Александ., ген.-фельдм., р 1738, ум. 1791 г., т. CX, май, 370, 371. 376, 380, 383, т. CXI, іюль, 142, 143, 145, 146, 147, 149, 155, авг., 294.
Потемкинъ, гр., Серг. Павл., драм. писат., р. 1787, ум. 1858 г., т. CXI, авг., 350.
Потоцкій, гр., Алекс., мн-ръ полиціи Ц. Польскаго, т. CIX, февр., 252.
Потоцкій, Игнат., т. CIX, февр., 252.
Потоцкій, гр., Октавій, 1805 г., т. CIX, февр., 232, 233.
Потоцкій, Северинъ, сенат., т. CIX, янв, 8, т. CXII, окт., 11.
Потоцкій, гр., Станисл., 1800 г., т. CIX, янв., 6, февр., 460, т. CX, іюнь, 558, т. CXI, сент., 449, т. CXII, нояб., 234., дек., 434.
Похвисневъ, депут. отъ дворян. съ Екатерин. коммис. 1767 г., т. CXII, окт., 174, 176.
Похвисневъ, М. И., вилен. губернат., 1856 г., т. CIX, янв., 71, т. CXI, ноябр., 324, дек., 485.
Похорскій, издат. „Сѣв. Наблюдат." 1817 г., т. CXI, сент., 615.
Сенъ-Пріестъ, гр., ген.-ад., 1812 г., т. CIX, февр., 413, т. CXII, нояб., 219.
Проворовскій, кн., А. А. московск. главнокоманд. 1790 г., т. CIX, февр., 294.
Протасова, Е. А., т. CX. апр., 157, т. CX, апр., 158,, май, 356.
Протасова, Екат. Петров., въ зам. Ростопчина, т. CIX, мартъ, 476.
Протасова, Марія Андр., въ зам. Мойеръ, т. CXI, авг., 255, 265.
Протасовъ, гр., Никол. Александр., об. прокур. Синода, т. CXI, іюль, 102.
Пукалова, т. CIX, янв., 166, 167.
Пусловскій, губ. предв. двор., 1856 г., т. CIX, янв., 72.
Пушкинъ, Александ. Серг., поэтъ, р. 1798, ум. 1837 г., т. CIX, янв., 34, 119, 150, февр., 261—282, т. CX, апр. 95, 96, 108, 111, 140, май, 225—230, 292, т. CXI, іюль, 101, авг., 254, 348, сент., 620, т. CXII, дек., 603—604.

Пушкинъ, Гаврила, бояринъ, 1650 г. т. CIX, янв., 65.
Пущинъ, адм. 1802 г., т. CXI, іюль, 169.

Р.

Раабенъ, полковн. 1878 г., т. CXII, нояб., 253.
Равинскій, полковн., т. CIX, февр., 416.
Рагозинъ, т. CIX, янв., 34.
Радецкій, ген., 1878 г., т. CXII, нояб., 249.
Раевскіе, т. CIX, мартъ, 599—606.
Раевскій, Вадим. Влад., ум. 1882 г., сообщ. „Письмо декабриста Вл. Ѳед. Раевскаго къ сестрѣ Вѣрѣ Ѳедос. Поповой", т. CIX, мартъ, 599—606.
Раевскій, Влад. Ѳедосеев., дек., т. CIX, мартъ, 599-606.
Раевскій, Н. Н, ген. 1812 г., т. CXII, декаб., 443.
Раевскій, Ѳедосей Мих., маіоръ, т. CIX, мартъ, 600.
Разумовскій, Алексѣй Кирил., мин. нар. просвѣщ., т. CIX, янв. 132, 175, т. CX, май, 254, т. CXI, іюль, 163.
Разумовскій, гр., Андр., послан. въ Вѣнѣ. 1799 г., т. CIX, мартъ, 577, т. CX, май, 378—381, т. CXI, іюль, 133, 134.
Рангони, нунцій 1610 г., т. CX, май, 306.
Ратчъ, В. Ѳ., ген.-м., 1861 г. т. CIX, янв., 151, т., CX, іюнь, 494.
Рачинскій, С. А., педагог., т. CIX, мартъ, 546.
Резановъ, А. И., профес., 1863 г., т. CXII, дек., 493.
Резановъ, Никол. Петр., послан. въ Японіи, р. 1764 г., ум. 1807 г., т. CXII, нояб., 386.
Рейсигъ, ком. Чугуевск. уланск. пол., 1878 г., т., CXII, нояб., 249.
Рейтернъ, Гергардтъ, тесть В. А. Жуковскаго, т. CX, апр., 141—143, 146, 147.
фонъ-Рехмейстеръ, маіоръ, т. CIX, янв., 101, 111.
Репнина, княгиня, супруга перваго литовск. ген.-губерн. ум., 1796 г., т. CIX, янв., 77.
Репнинъ-Волконскій, кн., Никол. Григ., малорос. ген.-губ., ум. 1845 г., т. CXII, нояб., 310, 312.
Репнинъ, Н. В., кн., ген.-прокур., т. CIX, янв., 15, февр., 379.
Рептовскій, Андр., ксендзъ, 1800 г., т. CIX, янв., 6.
Ржевусскій, гр., Вацлавъ, т. CX, май, 411.
Ржевускій, гр., Венцеславъ, помѣщ. 1812 г., т. CXI, сент., 451.
Ржевускій, гр., полк., т. CIX, февр., 356, 357, 378.
Рибасъ, адм. 1776 г., т. CX, май, 382, т. CXI, іюль, 148.
Рибопьеръ, гр., Александ. Ив., послан. въ Константинопо., ум. 1865 г., т. CXII, нояб., 318.
Рикманъ, губерн., 1805 г., т. CIX, февр., 233, 234.
Ришелье, герцогъ, ген.-губ. Новорос. края, р. 1766, ум. 1822 г., т. CIX, янв., 221, 222.
де-Роберти, Эмилій Адольф., прав. генер.-губернат. канц., 1856 г., т. CIX, янв., 72, февр., 356, т. CXII, дек., 484.
Робертсъ, лордъ, англ. главноком., его записки, т. CIX, мар., 673—688, т. CX, апр., 209—223.
Родіоновъ, Ростисл. Родіонов., чин. собств. Е. В. канц-іи, 1848 г., т. CX, апр., 133, 166.
Рогуля, морск.-оф. 1878 г., т. CXII, нояб., 252.
Родофиникинъ, тн. сов., 1835 г., т. CX, іюнь, 636, 637.
Розгоновъ, ген. 1878 г., т. CX, апр., 214.
Розенбаумъ, маіоръ, т. CIX, февр., 411.
Розенкампфъ, баронесса, т. CIX, мартъ, 495.
Розенкампфъ, бар., Г. А. директ. законодат. комис. 1810 г., т. CIX, мартъ, 475, 494, 496, т. CX, май, 254, 255, 256, 257, 258, т. CXII, окт., 47—49.
Розенъ, баронес., Прасковья Григ., въ монаш. Митрофаніи, ея записки, т. CIX, янв., 35—56, т. CX, май, 285-302, іюнь, 589—610, т. CXI, іюль, 209—224, авг, 439—448, т. CXII, ноябр., 463-416, дек., 605-620.
Розенъ, Алекс. Григор., 1812 г., т. CIX, янв., 35, 40, 44, 45.
Розенъ, бар., Григ. Влад., ген.-отъ-инф. 1826 г., ум. 1841 г., т. CIX, янв., 35, 36, 41, 42.
Розенъ, Дмитр. Григор., CIX, янв., 35, 44.
Розенъ, баронес., Елисав. Дм., рожд гр-ня Зубова, †1862 г., т. CIX, янв., 35.
Розенъ, Лидія Григорьевна, т. CIX, янв., 35.
Розенъ, декабр., т. CX, апр., 98, 105
Розенъ, бар., 1862 г., т. CXII, окт. 24, 25, 27.

Ромеръ, полк., т. CIX, февр., 461, 462.
Россетъ, А. О., виленск. губ., 1852 г., т. CIX, янв., 72, февр., 261, т. CX, іюнь, 525.
Россоловскій, корреспонд. „Нов. Вр." 1877 г., т. CXII, окт., 61—63.
Ростовцевъ, Яковъ Ив., ген.-ад., р., 1803 г., ум. 1860 г., т. CX., май, 325, т. CXII, нояб., 383, 384.
Ростопчины, къ ихъ родословной, т. CIX, мартъ, 476.
Ростопчинъ, гр., Ѳед. Вас., москов., главноком., р. 1763 г., ум. 1826 г., т. CIX, янв., 217, февр. 410, 411, мартъ, 473—497, 578—590, т. CX, апр., 28, 31, май, 233, 234, 245—250, т. CXI, сент., 634, т. CXII, окт., 45, ноябр., 271.
Румянцевъ, гр., Никол. Петр., канцл., р. 1754 г., ум., 1826, т. CX, апр., 36, 40, 196, май, 255, 259, т. CXI, іюль, 9, 16—27, авг., 225—233, т. CXII, окт., 45, нояб., 215, 224, 317.
Румянцовъ гр., Серг. Петр., 1812 г., т. CX, апр. 32.
Руновскій, пермск. губернат. 1812, г., т. CX, май, 234.
Рѣдкинъ, А., сообщ.: „Былое. Изъ воспомин. о 50-хъ и 60-хъ годахъ", т. CIX, янв., 201—206; „Гр Джонъ-Бекингхэмширъ при дворѣ Екатерины II", февр., 427—444, март., 649—664; „Изъ дневника французъ. дипломата при дворѣ Екатерины", т. CX, май, 369—384, т. CXI іюль, 129—150.
Рѣпинскій, Гр. Кос.: сообщ., „Назначеніе ст. сов. Ключарева сенаторомъ"; „Ходатайство М. М. Сперанскаго за сына своего учителя", т. CIX, мартъ, 648; „Чиновники-актеры", т. CX, май, 368; „О перемѣнѣ времяисчисленія во флотѣ 1831 г.", 448; „Поручикъ Усовскій—участникъ въ тайн. общ. декабристовъ", т. CXII, нояб., 360; „Къ исторіи дуелей", дек., 554, упом. янв. 143—165, окт., 37, 38.
Рюль, докт., т. CXII, нояб., 265, 275, 280.

С.

Сабиръ, ген., т. CIX, февр., 420.
Саблукова, Софья Александ., въ зам. княг. Мадатова, т. CXII, окт., 53.
Савваитовъ, Пав. Ив., археогр., † 1895 г., т. CIX, янв., 160, т. CX, іюнь, 611.
Садовскій, артистъ †1872 г., т. CXI, сент., 498.
Саженъ, кн., Фабіанъ Вильгельмов., фельдм., р. 1752 † 1837 г., т. CIX февр., 379.
Салтыковъ, кн., Никол. Ив., фельдм., р. 1736 † 1816 г., т. CX, іюнь, 467, 468, т. CXI, авг., 314, 315, 326, т. CXII, нояб., 216, 217.
Салтыковъ (Щедринъ), Мих. Евграф. писат. р. 1826 † 1889 г., т. CIX, февр., 280, 281, 336.
Сальватори, докт. 1812 г., т. CX, май, 250.
Самаринъ, Ив. Вас., артистъ, †1885 г., т. CXI, сент., 498.
Самаринъ, Юрій Ѳед., славяноф., р. 1819 † 1876 г., т. CIX, мартъ, 533.
Самбурскій, И. Ѳ., т. CIX, янв., 167, т. CX, апр., 35.
де-Сангленъ, Яковъ Ив., директоръ канц. мин. полиц. 1801 г., CIX, март., 477—507, т. CX, апр., 12—44, май, 245, 248, т. CXII, окт., 44, декаб., 418, 419.
Сандерсонъ, Ричардъ, англ. путеш. 1826 г, т. CX, іюнь, 575—578.
Сахаровъ, Григ., кандид. богослов. 1819 г., т. CXII, нояб., 342.
Сахаровъ, Мих., въ монаш. Августинъ, см. Августинъ.
Свербеева, Екат. Александ., рожд. княжна Щербатова, т. CXII, окт., 205, 206.
Свербеевъ, Дм. Никол., т. CXII, окт. 205.
Свиньинъ, Пав. Петр. издат. „Отеч. Запис.", † 1839 г., т. CIX, февр., 261, т. CXI, сент., 621, т. CXII, окт., 86
Свѣдоба, участница въ возст. 1863 г., т. CXI, авг., 335—347.
Северина, рожд. баронесса Мольтке, т. CX, апр., 140.
Северина, Елена Скарлатов., рожд. Стурдза, † 1818 г., т. CX, апр., 140.
Северинъ, Дм. Петров., послан. въ Швейцаріи 1836 г., род. 1792 г., † 1865 г., т. CX, апр., 137—166, май, 392—398, іюнь, 511—519, 580, т. CXII, декаб. 474.
Селивановъ, колл. совѣтн., 1861 г., т. CXII, окт., 146.
Сельскій, И. С., чл. сов. Географ. Общ., т. CIX, янв, 178.
Семевскій, Васил Иван., историкъ, т. CXII, окт., 170.
Семенова, Екат. Семенов., въ зам. княг Гагарина, артистка, † 1849 г., т. CXI, авг., 360.
Семичевъ, т. CIX, янв., 190.
Сенковскій, Осипъ Иван., писатель, т. CXI, іюль, 87—95, сент., 625.
Сенявинъ, тов. мин. иностр. дѣлъ, 1854 г., т. CIX, мартъ, 666, 667, т. CXI, авг., 369, 380.

Серафимъ, митрополит. спб., 1812 г., т. CIX, мартъ, 554, т. CX, іюнь, 620, 623, 625—627, т. CXI, сент., 601, т. CXII, декабрь, 500
Сербиновичъ, ред. „Журнала мин. нар. просв.“, т. CIX, февр., 266.
Сергѣй Александровичъ, в. князь, т. CXII, нояб., 403.
Сергій, архим., ректор. Тифл. семин., 1830 г., т. CIX, янв., 38.
Сестренцевичъ, Станиславъ, митр. римск. церквей, т. CIX, февр., 242.
Сиверсъ, послан. въ Польшѣ, т. CXI, авг., 244.
Синельникова, М. Н., т. CX, май, 439—447.
Синявина, рожд. княж. Мещерская, т. CIX, февр., 416.
Синявинъ, тайный совѣтн., 1849 г., т. CIX, янв., 126.
Сиповскій, В. В., т. CXII, декабрь, 603.
Сипягинъ, Ник. Мартьян., начальн. штаба гвардейск. корпуса, 1815 г., т. CIX, февр. 256, т. CXII, нояб., 276.
Скабичевскій, писат., т. CIX, февр., 270.
Скавронская, Софія, т. CIX, мартъ, 619.
Скалькъ, полковн., 1878 г., т. CXII, нояб., 250.
Скобелевъ, Мих. Дм., ген. †1882 г., т. CXII, окт., 57—64, нояб., 285—300, декаб., 451—473.
Слевскинскій, А., сообщ.: „Императоръ Николай I въ Новгородѣ„, т. CIX, янв., 223—228; „Фотій и графиня А. Орлова Чесменская“, фев., 445—458, т. CX, май, 399—408, іюнь, 617—628, т. CXI, сент., 599—613.
Словецкій, Казиміръ, 1857 г., т. CIX, февр., 353—355.
Смирдинъ, Александ. Филип., издатель, р. 1795 †1857 г., т. CIX, февр., 261, т. CX, май, 389.
Смирнова, АлександраОсипов. рожд. Россетъ, т. CIX, мартъ, 597.
Смирнова, Ольга Никол., т. CXI, сент., 484.
Смирновъ, посланникъ, въ Мюнхенѣ, 1838 г., т. CX, іюль, 619, 639, 640.
Снядецкій, Янъ, ректор. Вилен. унив., 1804 г., т. CIX, янв., 17, т. CXII, нояб., 223.
Соболевскій, ст.-секрет. ц. Польск. 1815 г., т. CXII, окт., 194.
Соболевъ, Л. Н., полковн. 1878 г., т. CXII, декаб., 461.
Собольщиковъ, Вас. Иван., библіот. имп. публ. библ. 1861 г., т. CIX, янв., 154.
Соболевскій, фл.-ад. 1823 г., т. CIX, янв., 34, т. CX, май, 409
Соболевъ, т. CIX, февр., 237.
Соллогубъ, Софья Михайл., рожд. Вьельгорская, т. CXI, сент., 486.
Соллогубъ, гр., В. А., писат., 1844 г., т. CIX, янв., 119.
Солнцевъ, Ѳед. Григ., художн. археол. †1892 г., т. CXI, іюль, 86.
Солодовниковъ, Мих. Гер., т. CX, май, 286.
Солтыкъ, гр., Станисл., 1800 г., т. CIX, янв., 6
Сомовъ, Орестъ М., изд. „Литер. газ.“ 1831 г., т. CXI, сент., 619.
Софья Алексѣевна, царевна-правительница, р. 1657 †1704 г., т. CXI, сент., 476.
Сперанскій, Александръ, т. CIX, янв., 165.
Сперанскій, Кузьма Мих., казанск., губерн. прокуроръ, 1812 г., т. CX, май, 237, 238, 241.
Сперанскій, гр., Мих. Мих., род. 1772†1839 г., т. CIX, янв., 141—174, февр., 250, 283—306, 376, 388, мартъ, 469—508, т. CX, апр., 44, 120, май, 231,—262, іюнь, 467—486, т. CXI, іюль, 45—59, сент., 484, 640, 641, т. CXII, окт., 10, 16, 19, 166, 165, нояб., 209—242, 301—322, 340—345, декаб., 495—499, 516.
Спѣшневъ, Н. А. 1858 г., т. CIX, янв. 177, 178, 182.
Сталь, ген. 1878 г., т. CXII, нояб., 260.
Старжинскій, гр., гродн. предвод. двор. 1863 г., т. CXII, окт. 78, 79, нояб., 325, декаб., 477.
Старынкевичъ, тн. сов., 1861 г., т. CXII, окт., 160.
Сташицъ, предсѣд. Общ-ва любит. наукъ, 1812 г., CIX, авг., 28, 29, т. CXI, сент., 451, 452.
Стевенсъ, г-жа, т. CX, май, 257.
Степановъ, Алексд. Петр., писат., †1837 г., т. CXI, іюль, 101.
Степановъ, Петръ Григ., актеръ, р. 1800†1869 г. т. CXI, іюль, 86.
Столыпинъ, Аркад. Алексѣев., †1825 г., т. CIX, мартъ, 471, т. CXI, іюль, 12—27.
Столѣтовъ, ген., 1878 г., т. CIX, мартъ, 682, 683, т. CX, апр., 213—217.
Стремоуховъ, П. Д., сообщ. „Полувѣковой юбилей Лицея“, т. CXII, окт., 113, 114.
Строгановъ, гр., Алекс. Григор., мин. вн. дѣлъ, 1839 г., т. CIX, янв. 131, т. CXII, нояб., 394, 398, 400.
Строгановъ, гр., Серг. Григ., чл. Госуд. Сов., т. CIX, янв., 150, т. CX, апр., 78.

Строгановъ, гр., фл.-ад. 1826 г., т. CX, апр., 208.
Строевъ, В. сообщ.: „Прототипъ Бобчинскаго", т. CXI, авг., 248; „Камень съ природой начертаннымъ изображеніемъ им-цы Екатерины II", т. CXI, сент., 614; „Крестьянскій вопросъ въ Екатерининской коммиссіи для составленія Уложенія", т. CXII, окт., 165–182.
Стройновскій, ректор. Виленск. унив., т. CIX, янв., 17, 22.
Стурдза, Алексд. Скарлат., тайн. сов. † 1854 г., т. CX, апр., 140, 164, 165, 184, 186, май, 385—398, іюнь, 516, 579—588.
Стурдза, Елис. Өед., рожд. Гуфеландъ, т. CX, май, 391, іюнь, 585, 587.
Стурдза, Марія Алексд., въ зам. кн. Гагарина, † 1890 г., т. CX, май, 385, 395, іюнь, 519, 585.
Стурдза, Марія Вас., р. Чечерина, † 1817 г., т. CX, май, 391.
Суворовъ-Рымникскій, кн. итал., Алексд. Вас., фельдм., р. 1729†1800 г., т. CIX, апр., 28, 44, мартъ, 565—576, т. CXI, іюль, 128, авг., 259.
Сукинъ, коменд. спб. крѣп. 1828 г., т. CIX, февр., 407—409.
Сумароковъ, Алексд. Петр., писат., р. 1718 † 1777 г., т. CIX, февр., 272.
Сумцовъ, Н. Ѳ., проф., сообщ.: „Посѣщеніе гимназій харьк. учеб. окр. наслѣдн. Александромъ Николаевичемъ въ 1837 г.", т. CXII, окт., 105—111.
Сухозанетъ, Ник. Онуфр., воен. мин., т. CXI, сент., 552.
Сухтелевъ, гр., Петръ Корнил., инж. ген., р. 1751†1836 г., т. CXII, нояб., 386.
Сѣмашко, Іосифъ, митроп. литов., т. CIX, янв., 27, т. CXI, іюль, 101.
Сѣраковскій (Доленга), предв. повст. въ Литвѣ, † 1863 г., т. CIX, февр., 214, мартъ, 623—640, т. CXII, нояб., 326—336, дек., 477—483.

Т.

Танѣевъ, ст.-секрет. 1838 г., т. CXI, сент., 648.
Тарасенковъ, кап. 1861 г., т. CXII, окт., 143.
Тарковскій, гр., Ив., помѣщ. 1802 г., т. CXI, сент., 451, т. CXII, нояб., 227.
Тенгоборскій, тайн. совѣт., т. CIX, янв., 135.
Тебякинъ, ген.-м. 1878 г., т. CXII, дек., 472.
Тизенгаузенъ, барон., Е. И., рожд. Шкларевская, т. CIX, янв., 137, т CXII, окт., 38.
Тимощукъ, Вѣра Вас., сообщ.: „Императоръ Николай I и его сподвижники", т. CIX, янв., 115—139, „Россія и Англія въ Афганистанѣ", т. CIX, мартъ, 673—688, т. CX, апр., 209—223, „Дипломатическіе переговоры передъ Восточною войною", т. CXI, іюль, 107—127, авг., 367—398, сент., 569—597, т. CXII, окт., 115—140.
Титовъ, дворян. депут., въ Екатерин. коммиссіи 1767 г., т. CIX, янв., 34, т. CXII, окт., 177—179.
Тихонравовъ, Н. С., т. CIX, мартъ, 641.
Товянскій, докт., 1860 г., т. CX, іюнь, 527, 530.
Толстая, гр-ня, Анна Егоровна, томъ CX, май, 441.
Толстой, гр., Алексд. Петров., об. прокур. Синода, † 1873 г., т. CX, май, 441—447, т. CXI, іюль, 101.
Толстой, гр., Алексѣй Конст., писат., р. 1817 † 1875 г., т. CIX, февр., 279, т. CXI, авг., 261.
Толстой, гр., Дм. Алексд., могилевск. губернат., 1812 г., т. CXII, декаб., 443, 447, 608.
Толстой, гр., Дм. Андреев., мин. нар. просв., р. 1823 † 1889 г., т. CX, май, 288.
Толстой, гр., Левъ Никол., писат., т. CIX, февр., 279, т. CXI, авг., 259, 261.
Толстой, гр., Никол. Алексд., об. гофмарш., 1812 г., т. CIX, мартъ, 494, 496, т. CX, апр., 28.
Толстой, гр., Өед. Петр., т. CXI, авг., 259.
Толстой, гр., Петръ Алексд., посолъ въ Парижѣ, 1808 г., т. CIX, мартъ, 484, т. CX, май, 233, 235, 236.
Толь, гр., главноупр. пут. сообщ., т. CXI, сент., 642, 649.
Топоровъ, П. Н., т. CIX, мартъ, 540, 541.
Тотлебенъ, Эдуардъ Ив., воен. инжен., т. CX, іюнь, 541, т. CXII, окт., 64.
Тредьяковскій, писат., т. CXI, авг., 324.
Треповъ, варшав. об.-полиціймѣйст., т. CX, май, 269, 270, 271, т. CXI, сент. 532, т. CXII, окт., 145, 146, декаб., 557.
Трескина, Агнеса Өед., рожд. Ключарева, т. CXII, окт., 36, 37.

Трескинъ, Н. И., иркутск. губернат., 1819 г., т. CIX, янв., 166, т. CXII, окт., 36, 37.
Третьяковъ, Мих. Фед., т. CX, май, 233.
Троицкій, А., сообщ.: „М. М. Сперанскій въ Пензѣ", т. CXII, нояб., 341—345.
Тройницкій, Г. А., сообщ.: „Письмо А. С. Стурдзы—Жуковскому о М. П. Розбергѣ", 1836 г., т. CX, май, 398.
Трощинскій, Дм. Прокоф., мин. удѣлов., † 1829 г., т. CIX, февр., 257, т. CX, апр., 200, іюнь, 468, 473, т. CXI, авг., 248, сент., 614, т. CXII, окт., 45.
Трубецкая, княжна, Н. С., т. CIX, янв., 53.
Трубецкой, кн., ген.-адъют., т. CIX, янв., 101.
Трубецкой, кн., Ив., 1775 г., т. CX, май, 375.
Трубецкой, Ник. Иван., кн., т. CIX, янв., 45, 47.
Тулубъ, П. А., сообщ.: „Рескриптъ Александра I Н. В. Обрѣзкову объ аэростатѣ Лепиха", т. CX. май, 50.
Туманскій, В. И., писат., т. CXI, авг., 348, т. CXII, декаб., 603.
Тургенева, Александра Петровна, т. CXII, окт., 206.
Тургеневъ, Александр. Ив., † 1845 г., т. CX, апр., 32, 47—94, 140, 174, т. CXI, авг., 257, сент., 484, т. CXII, окт., 204—206, дек., 474.
Тургеневъ, Александ. Мих., тобол. губернат. съ 1823 — 1825 г., т. CX. апр., 78.
Тургеневъ, Андр. Ив., † 1803 г., г. CX, апр. 47.
Тургеневъ, Ив. Серг., писат., р. 1818 † 1883 г., т. CIX, февр., 272, 307 — 336, 393, т. CXI, авг., 280—285, сент., 493—512, т. CXII, декаб., 550.
Тургеневъ, Ник. Ив., ст.-секрет. † 1872 г., т. CIX, февр., 291, т. CX, апр., 47—94, 140.
Тургеневъ, Серг. Ив., дипломатъ, † 1826 г., т CX. апр., 47, 66.
Тучковъ, Павелъ Алексѣев., чл. Гос. Сов. 1812 г., т. CIX, янв., 113, 114, т. CX, апр. 40.
Тырковъ, В. А., чиновн., 1863 г., т. CIX, янв., 72, 75.
Тышкевичъ, Ив., виленск. предвод. двор., 1861 г., т. CIX, мартъ, 524, т. CX, іюнь, 537.
Тышкевичъ, гр., Іосифъ, 1866 г., т. CIX, февр., 362, мартъ, 526.
Тышкевичъ, гр., Мих., камеръ-юнкеръ, т. CIX, февр., 362.
Тюринъ, инспект. Харьков. гимназ. 1837 г., т. CXII, окт. 110.

У.

Убри, Петръ Яковл., дипломатъ, р. 1774 † 1847 г., т. CX, апр., 150, 151, 203, 207. іюнь, 511, 515, т. CXII, нояб., 369, 371, декаб., 582.
Уваровъ, гр., Серг. Семен., мин. нар. просв., † 1855 г., т. CIX, янв., 34, 103, 104, 121, 132, 133, 175, февр., 266, мартъ, 597, т. CXI, іюль, 33,40, т. CXII, окт., 35, 36, 45, нояб., 242.
Унгернъ-Штернбергъ, бар. 1767 г., т. CXII, окт., 177—179.
Усачевъ, Алексд., инж. пут. сообщ. 1860 г., т. CXI, сент., 562.
Усовскій, поруч. 1827 г., т. CXII, нояб., 360.
Ушаковъ, Васил. Апол., † 1838 г., т. CXI, сент., 620.
Ушаковъ, адм. 1799 г., т. CIX, мартъ, 574.

Ф.

Фавицкій, гувернеръ 1830 г., т. CX, май, 412, т. CXI, авг. 294, 298, сент., 534.
Фанъ-деръ-Флитъ, олонецк. губер. 1821 г., т. CXII, окт., 82.
Фесслеръ, иллюминат. 1808 г., т. CX, апр., 35, май, 254.
Фетъ, Аѳан. Аѳан. (Шеншинъ), поэтъ, 1863 г., т. CIX., февр., 328.
Фигнеръ, Никол. Самойл., патризанъ, р. 1787 † 1812 г., CXI, авг., 361.
Филаретъ (Василій Дроздовъ), митр. московск., р. 1782 г. † 1867 г., т. CIX, янв., 47—55, 83, т. CX, іюнь, 481, 620, 621, т. CXI, сент., 649, т. CXII, нояб., 408, декаб., 476.
Филаретъ, арх. казанскій, т. CX, іюнь, 619, 620.
Филимоновъ, Влад. Серг., писат., р. 1787 г., ум. 1858 г., т. CX, май, 236.
Философовъ, А. И., ген.-ад. † 1874 г., т. CX, апр., 130, май, 225, 227.
Фишеръ, ген., т. CIX, февр., 464.
Фіалковскій, варшав. архіеп. 1861 г., т. CX, май, 273, 283.
Флисъ, нач. канц. чл. совѣт. обществ. призрѣн. въ ц. Польск. 1863 г., т. CXII, декаб., 562.
Фонвизинъ, Денисъ Ив., писат., † 1792 г., т. CIX, февр., 272, 273.
фонъ-Фокъ, Максимъ Яковлевичъ, правит. канц. шефа-жанд. 1829 г., т. CIX, январь, 34; 105, томъ CX, апрѣль, 67.
Фотій, Петръ Никитичъ Спасскій,

архим., настоят. Новгород. Юрьевскаго монаст., р. 1782†1838 г., т. CIX, янв., 227, февр., 445—458, т. CX, май, 399—408, іюнь, 471, 617—628, т. CXI, сент., 599—613.
Фроловъ, Илья Степ., ген.-адъют. 1862 г., т. CXII, окт., 66.
Фохтъ, декабристъ, т. CX, апр., 98, 99, 105.
Фуксъ, Егоръ Борисов., 1828 г., т. CXI, іюль, 44.
Фредерици, Ермолай Карл., коменд. г. Павловска, ум. 1874 г., томъ CXII, нояб., 386.
Фрейгангъ, Андр. Ив., цензоръ, 1851 г , т. CIX, янв., 160, 161.
Фрейгангъ, генер. консулъ въ Венец. 1840 г., р. 1783†1849 г., т. CX, апр., 155.
Фридрихъ-Вильгельмъ, кор. прусскій, его письмо къ В. А Жуковскому, т. CX, апр., 193, 194.
Фролова-Багрѣева, Елизав. Мих., рож. Сперанская, т. CIX, январь, 143, 144, 163, т. CX, іюнь, 478, т. CXII, нояб., 362.
Фроловъ-Багрѣевъ, Александ. Алексѣев., черниг. губернат., т. CX, янв., 143, т. CXII, нояб., 312.
Фроловъ, И. С., ген.-ад. 1863 г., т. CXII, нояб. 333.
Фурманъ, декабр., т. CX, апр., 98.

Х.

Харкевичъ, В. И., сообщ.: «Двѣ награды Д. В. Давыдову", т. CXI, авг., 366.
Хвостовъ, Дм. И., писат., т. CXI, авг., 364, сент., 547, 548.
Хитрово, Алексѣй Захаров., госуд контролеръ, т. CIX, мартъ, 500.
Хитрово, Екат. Александ., † 1856 г., т. CX, іюль, 587.
Хитрово, Никол. Захаров., фл.-ад., 1812 г., т. CIX, мартъ, 500, 501, 502.
Хлопицкій, ген. 1830 г , т. CX, іюнь, 564—573.
Хмѣльницкій, Богданъ, ген., казац. гетманъ 1650 г.. т. CIX, январь, 57—70.
Хованскій, кн., ген.-губерн., т. CIX. февр., 411—423.
Ховенъ, бар., губерн. т. CIX. февр., 354.
Ходаревская, Екат. Ив., т. CX май, 439.
Ходзько, Игнат., т. CIX, февр., 363.
Одкевичъ, гр. Александ. 1812 г,, т. CXII, нояб., 232.
Холинскій, ковенск. губернат. 1860 г., т. CX, іюнь, 538.
Хомутовъ, Мих. Григ., ген.-ад., наказн. атам. войска донскаго 1860 г, т. CXI, сент., 550—568, т. CXII, дек., 532—547.
Хомякова, Екат. Мих., рожд, Языкова, т. CX, май, 441.
Хомяковъ, А. С., т. CXI, іюль, 104, авг., 254, сент., 624.
Храповицкій, Матв. Евграф., ген.-ад., ум. 1847 г., т. CXII, окт., 208; ноябр., 266, 274, 276, 284.
Хрулевъ, ген. 1861 г., т. CX, май, 279.

Ц.

Цейеръ, Францъ Ив., 1812 г., т. CIX мартъ, 471, т. CX, іюнь, 479, 481 т. CXI, іюль, 46, т. CXII, окт., 35 42, 51.
Цеймернъ, Максимъ Карпов., чин. комис. законовъ ум. 1882 г., т. CXII, окт., 47, дек., 563.
Цуриковъ, гусаръ, 1877 г., т. CXII, окт., 60, 61.

Ч.

Чаадаевъ, Петръ Яковлев., писат., р. 1793 ум. 1856 г., т. CIX, мартъ, 593—598.
Чарторыйскій, кн., Адамъ, ум. 1861, г., т. CIX, янв., 11—26, февр., 229, 244—248, мартъ, 638, 639, т. CX, апр., 196—207, май, 435, іюнь, 565, 574, 635, т CXI, авг., 231—247, сент., 449, 452—471, т. CXII, окт., 6, 33, 185—194, нояб., 234—241, дек., 427
Чарторыйскій кн. Константинъ, т. CIX, янв., 12.
Чацкій Ѳад., тн. сов. р. 1765 г., т. CIX, янв., 6, 9, 10, 11, 17, 18, 20—26, 33, февр., 229, т. CXI, іюль 5—30, сент., 451.
Чевкинъ, Конст. Влад., главноупр. пут. сообщ., р. 1803 ум. 1875 г , т. CIX, янв., 190—196, т. CX, май, 317, 318, 330, т. CXI, авг., 399—426, сент., 549—568, т. CXII, дек 521.
Челищевъ, ген.-м 1798 г., т. CXI, іюль, 169.
Чемодановъ, Иванъ Иванов., стольникъ, 1657 г., т. CIX, янв., 68, 69.
Черкасова, бар-са, Нат. Дм., рож. Левшина, т. CX, іюнь, 587.
Черкасовъ, бар., Алексд. Ив., чинов. мин. пн. дѣлъ, т. CX, іюнь, 587.
Черкасовъ, бар., Гавр. Ив., р. 1826† 1899 г., т. CX, іюнь, 587.

Черкасскій, кн., Влад. Алексд., †1878 г., т. CXII, декаб., 453—454, 556—573.
Черкасскій, кн., Петръ Дм., симбирск. губернат., т. CXI, іюль, 105.
Чернышевскій, писат., т. CIX, февр., 272.
Чернышевъ, гр., Алексд. Ив., ген. ад., воен. мин., †1852 г., т. CIX, янв., 39, 129, февр., 407—409, мартъ, 652, т. CX, апр., 32, 99, 105, іюнь, 631, 642, 644, т. CXI, іюль, 26, 184, 196, сент., 642, CXII, нояб., 218, 400.
Чернышевъ, гр., Ив. Григ., 1775 г., т. CX, май, 374, 377, 380, т. CXI, іюль, 138, 139.
Черняевъ, Мих. Григ., т. CXII, нояб., 252, 255.
Чертковъ, Парееній, архіепископъ воронеж., †1853, т. CIX, янв., 142.
Честилинъ, Гавр. Ив. директ. канцел. намѣстн. ц. Польск. 1861 г., сенат. 1886 г., т. CXII, окт., 146, 147.
Четверикова, К., сооб.: „Русская журналистика въ 1849—1874 г.“, т. CXI, авг., 267—287, сент., 493—512.
Четвертинская, княжна, т. CIX, янв., 46
Чижовъ, декабристъ, т. CX, апр., 98.
Чичаговъ, адм., морск. мин., 1812 г., т. CIX, янв., 218—222, т. CX, апр., 196, май, 385.
Чупровъ, депут. отъ дворян. въ Екатерин. коммиссіи 1767 г., т. CXII, окт., 176, 177.

III.

Шамбинаго, С., сообщ.: „Новый документъ о Самозванцѣ“, т. CX, май, 313—316, упом. іюнь, 520.
Шамбо, Ив. Павл., секрет. им-цы Александры Ѳеодоровны, † 1848 г., т. CX, апр., 133.
Шаховской, кн., Алексд. Алексд., драматургъ, т. CXI, іюль, 98, сент., 615, 616, 620.
Шевченко, Тарасъ Гр., писат., т. CX, апр., 124, 125, 126.
Шевыревъ, Степанъ Петров., профес., т. CIX, февр., 262, 266, мартъ, 593—598, т. CX, май, 439—447, т. CXI, 249—266.
Шембекъ, ген. 1831 г., т. CX, іюнь, 565.
Шенрокъ, Влад., И., сооб: „Николай Васильевичъ Гоголь. Н. В. Гоголь и его отношенія къ Петербургу“, т. CIX, февр., 257—282; „Письма С. П. Шевырева къ П. Я. Чаадаеву и Ѳ. И. Іордана къ А. А. Иванову“, т. CIX, мартъ, 593—598; „Письмо С. П. Шевырева М. Н. Синельниковой о послѣднихъ дняхъ и смерти Н. В. Гоголя“. т. CX, май. 349—447; „Къ біографіи Н. В. Гоголя“, т. CXI, сент., 651, 652.
Шереметева, Надежда Никол., рожд. Тютчева, р. 1775 † 1850 г., т. CX, апр., 45, 46.
Шереметевъ, Васил. Петров., р. 1765†1808 г., т. CX, апр., 45.
Шестаковъ, полковн. 1878 г., т. CXII, декаб., 470.
Шестуновъ, М. П., 1859 г., т. CIX, янв., 180.
де-ла-Шетарди, маркизъ, послан., 1726 г., т. CIX, февр., 428, 430, 431.
Шидловскій, А. Ѳ., т. CX, май, 386.
Шильдеръ, Ник. Карлов., ген.-лейт., историкъ, р. 1842†1902 г., сообщ.: «Заграничная поѣздка в. кн. Николая Павловича и в. княг. Александры Ѳеодоровны, 1824 г.», т CXI, іюнь, 449—466; некрологъ его, 541-548, т. CIX, февр., 248, т. CX, май, 232.
Шимановскій, Іосифъ, ген., т. CIX, февр., 459—468.
Шиманнъ, Ѳед., его некрологъ Н. К. Шильдера, т. CX, іюнь, 543—548.
Шиповъ, Серг. Павл., ген. ад. †1876 г., т. CXI, іюль, 99, 101.
Шипулинскій, полиц. офиц. 1812 г., т. CX, май, 231.
Ширинскій-Шихматовъ, кн., Платонъ Алексд., мин. нар. просв., †1854 г., т. CIX, янв., 121, т. CXI, іюль, 93, 94, сент., 600, 602, т. CXII, окт., 72, 79.
Шишкина, Олимпіада Петр., писат. р. 1791 † 1854 г., т. CXI, іюль, 100.
Шишковъ, Алексд. Семенов., мн. нар. просв., †1841 г., т. CX, апр., 19, 32, іюнь, 471, т. CXII, нояб., 210—221, 313.
Шкларевскій, Ив. Ив., правит. канц. сибирск. ген.-губ. 1812 г., т. CXII, окт., 33.
Шпееръ, Влад. Ив., морякъ, 1857 г., т. CIX, февр., 355.
Шпееръ, Ив. Абрамов, гродненск. губернат. 1860 г., т. CIX, февр., 354, 355, т. CX, іюнь, 532, 533, т. CXII, окт., 65.
Шуазель-Гуфье, гр.-ня, т. CXII, декаб., 418, 423.
Шувалова, гр.-ня Екат. Петров., фрейлина, т. CX, май, 351.
Шуваловъ, гр., Андр. Петр., об.-гофмарш., т. CX, май, 351, 374.
Шуваловъ, Григ. Петров., т. CX, май, 351.
Шуваловъ, гр., Пав., † 1823 г., т. CX, апр., 202.

Шуваловъ, гр., Пав. Андр., 1878 г., т. CXII, нояб., 297.
Шуваловъ, гр., генер., обергофмаршалъ, 1812 г. т. CIX, янв., 108, 137.
Шуйскій, Васил. царь, т. CX, май, 306, 307, 308, 309.
Шукшинцевъ, И. С., сообщ.: „Англійскій путешественникъ въ Россіи и его мнѣніе о русскомъ обществѣ, 1826 г.“, т. CX, іюнь, 575—578.
Шульцъ, профес. архитект., †1812 г., т. CXII, декаб. 418.
Шульцъ, ксендзъ 1863 г., т. CXI, іюль, 75, 76, 77.
Шумскій, артистъ, т. CXI, сент., 498.

Щ.

Щегловъ, В. В. сообщ.: „Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны къ в. князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ“, т. CXII, нояб., 265—284, декаб., 501—515.
Щербатовъ, кн., А. Г., дѣятель по сельск., хоз. 1902 г., т. CXII, декаб., 518.
Щербатовъ, кн., М. М., 1767 г., т. CXII, окт., 171, 174, 180.
Щербатовъ, кн., Никол. А., 1830 г., т. CXI, сент., 618.
Щербининъ, смотрит. дворца 1838 г., т., CX, іюнь, 633.
Щербинскій, полк., плацъ-маіоръ крѣпости, 1828 г., т. CIX, февр., 408, 409.

Э.

Эделингъ, Роксана Скарлатов., рожд. Стурдза, р. 1786 † 1844 г., т. CX, апр., 156, 185, май, 389.
Эдлингъ, гр., Альбертъ, р. 1774 † 1841 г., т. CX, май, 389.
Эксельмансъ, полковн., т. CIX, февр., 459, 460.
Эли, надворн. сов. 1797 г., т. CXI, іюль, 162.
Эльснеръ, ген., дир. кадетск. корп., т. CIX, янв., 93.
Эринъ, подполковн. 1878 г., т. CXII, декаб., 469.
Эссенъ, П. К., спб. воен. губернат. 1826 г., т. CX, іюнь, 575.

Ю.

Юрьевичъ, кн. С. А., 1837 г., т. CXII, окт., 106.
Юрьевичъ, ген. 1834 г., т. CIX, мартъ, 555.
Юрьевъ, Серг. Андр., редакт. „Бесѣды“ 1870 г., т. CXI, сент., 500, 504.

Я.

Ягужинскій, посланникъ, 1725 г., т. CIX, февр., 396.
Языковъ, Никол. Мих., т. CX, май, 441, 443.
Якубъ-ханъ, эмиръ афганск., т. CX, апр., 209—223.
Якушкина, Анастасія Васил., рожд. Шереметева, жена декабриста, т. CX, апр., 45—47.
Якушкинъ, Ив. Дм., декабр., т. CX, апр., 46, 117.
Янжулъ, Екат. Ник., сообщ.: „Русскіе на о. Готландѣ въ 1808 г.“, т. CX, іюнь, 549—552.

Ѳ.

Ѳеодоръ Алексѣевичъ, царь, т. CIX, февр. 350.
Ѳеодоръ Іоанновичъ, царь, т. CX, май, 305.
Ѳедоровъ, директ. Орловск. гимназ. 1837 г., т. CXII, окт., 107.
Ѳедотова, артистка 1870 г., т. CXI, сент., 498.
Ѳоминъ, А., сообщ.: „Альбомъ, подаренный Фридрихомъ-Вильгельмомъ, наслѣдн. прус. престола, В. А. Жуковскому“, т. CX, апр., 167—176.

Указатель составила **В. В. Тимощукъ.**

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

НА 1903 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды посторонних лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 Подписка принимается въ Правленіи университета.

3—1 Редакторъ Ѳ. Мищенко.

были обязаны предварительно доносить ему об этом. Он почти всегда приезжал в сопровождении престарелаго, но опытнаго хирурга доктора Термонта, и часто являлся не только зрителем, но и действующим лицом. Подъ руководством Термонта, Петръ пріобрѣлъ большой навыкъ разсѣкать трупы, пускать кровь, вскрывать нарывы, дѣлать хирургическіе прорѣзы и перевязывать раны.

Неоднократно Петръ Великій пытался, чрезъ своего лейбъ-медика Areскина, склонить Рюйша къ открытію тайны — какимъ образомъ онъ приготовляетъ свои превосходные анатомическіе препараты и бальзамируетъ трупы. Но переговоры эти не имѣли успѣха, потому что Рюйшъ просилъ за свой секретъ огромную сумму 30 тысячъ гульденовъ. Во вторую свою поѣздку за границу, въ 1717 году, государю удалось пріобрѣсти у Рюйша его музей за 30 тысячъ, при чемъ старикъ, подъ клятвою молчанія, открылъ Петру свою тайну. Впослѣдствіи, по смерти Рюйша, государь сообщилъ ее лейбъ-медику Блументросту. Почти одновременно съ покупкою Рюйшева кабинета, Петръ купилъ въ Амстердамѣ же, за 10 тысячъ гульден., у аптекаря Альберта Себа не менѣе рѣдкое и многочисленное собраніе всѣхъ извѣстныхъ водныхъ и земныхъ животныхъ, птицъ, змѣй и насѣкомыхъ изъ Остъ и Вестъ-Индіи. Эти два богатѣйшія собранія послужили основаніемъ естественному кабинету при Академіи Наукъ.

Остановимся на «Исторіи мѣднаго всадника». Мысль воздвигнуть памятникъ Петру Великому въ Петербургѣ принадлежитъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Въ 1743 году, по ея порученію, знаменитый въ то время архитекторъ и скульпторъ, графъ Растрелли, составилъ проектъ памятника въ видѣ конной статуи императора, одѣтаго въ римскую тогу, на гранитномъ пьедесталѣ съ барельефами. Проектъ удостоился одобренія государыни, и Растрелли приступилъ къ лѣпкѣ модели, но въ 1744 г. умеръ, не окончивъ работы. Тогда исполненіе ея было возложено на его помощника, итальянца, «штукатурнаго дѣла мастера» Мартелли. Не извѣстно, по какимъ причинамъ дѣло подвигалось столь медленно, что статуя была отлита лишь въ концѣ 1761 г. При Петрѣ III, когда поклоненіе памяти великаго преобразователя Россіи уступило мѣсто благоговѣнію предъ Фридрихомъ II, не могло быть и рѣчи о памятникѣ. Только по вступленіи Екатерины II Сенатъ представилъ ей ходатайство Мартелли о выдачѣ ему денегъ на отдѣлку пьедестала и вообще на окончаніе памятника. Императрица, осмотрѣвъ отлитую статую, «апробовать ее не соизволила, въ разсужденіи, что сдѣлана не такимъ искусствомъ, каково бы должно представить толь великаго монарха и служить ко украшенію столичнаго города С.-Петербурга» [1]).

[1]) Статуя, отлитая Мартелли, оставалась въ сараѣ до вступленія императора Павла, который приказалъ поставить ее на площади передъ Михайловскимъ, нынѣ Инженернымъ замкомъ, гдѣ она находится и въ настоящее время.

Вслѣдствіе этого, Екатерина поручила главному директору канцеляріи строеній, И. П. Бецкому, предложить извѣстнымъ французскимъ скульпторамъ представить проектъ памятника Петра Великаго. Наиболѣе удачнымъ былъ признанъ эскизъ скулптора Фальконетта, который и осуществленъ, почти безъ всякихъ измѣненій, въ томъ видѣ, въ какомъ это замѣчательное произведеніе художества красуется на Сенатской площади. Контрактомъ, заключеннымъ съ Фальконеттомъ въ 1766 г., плата за исполненіе памятника Петру Великому была опредѣлена въ 200.000 франковъ. Фальконеттъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ октябрѣ 1766 г. вмѣстѣ съ 18-ти-лѣтнею талантливою ученицею своею, дѣвицей Колло. Вскорѣ, между Бецкимъ и Фальконеттомъ стали возникать недоразумѣнія, а потомъ и непріятности. Первое недоразумѣніе возникло изъ-за змѣи, которую Фальконеттъ придумалъ бросить подъ ноги лошади и которая должна была изобразить аллегорически зависть и недоброжелательство, попираемыя Петромъ. Бецкій настойчиво воспротивился этой мысли, и Фальконетту пришлось обратиться къ императрицѣ, которая и приняла сторону художника.

Второе недоразумѣніе съ Бецкимъ возникло изъ-за отливки статуи. Фальконеттъ хотѣлъ сперва безвозмездно отлить ее самъ, но потомъ отказался. Въ виду его отказа, былъ вызванъ изъ Франціи литейщикъ Эрсманъ, договорившійся исполнить отливку за 140.000 ливровъ. Эрсманъ пріѣхалъ въ маѣ 1772 г. и приступилъ къ предварительнымъ работамъ, подъ наблюденіемъ назначеннаго для этого Бецкимъ архитектора Фельтена. Вскорѣ между нимъ и Фальконеттомъ произошла ссора, такъ какъ Эрсманъ ни за что не хотѣлъ дать кожѣ ту толщину, которой требовалъ художникъ, считая ее необходимой для равновѣсія. Фельтенъ принялъ сторону Фальконетта и, убѣдившись въ несостоятельности Эрсмана, потребовалъ его увольненія, что и было исполнено.

Послѣ тщетнаго исканія новаго литейщика, Фальконеттъ, сдѣлавъ предварительные опыты, въ августѣ 1774 г. рѣшился принять на себя осуществленіе своего художественнаго творенія. Изготовленіе формъ, трубъ, печи и другихъ приспособленій заняло около года, и, наконецъ, 25-го августа 1745 г. приступлено къ отливкѣ. 1.350 пудовъ расплавленной мѣди было пущено по пяти главнымъ трубамъ въ форму. Сначала все шло хорошо, и нижнія части формы уже наполнились; но вдругъ одна изъ трубъ лопнула, и расплавленный металлъ потекъ на полъ, который вспыхнулъ. Фальконеттъ, увидя свой трудъ уничтоженнымъ, схватился за голову и выбѣжалъ изъ мастерской; за нимъ, спасаясь отъ пожара, бросились и рабочіе. Не потерялъ присутствія духа литейщикъ Хайловъ; онъ быстро потушилъ пожаръ, заткнувъ лопнувшую трубу и заставилъ мѣдь литься во форму. Верхняя часть памятника отлилась такъ плохо, что ее пришлось спилить и отливать вторично, что и было исполнено въ ноябрѣ 1777 г. Для окончательной отдѣлки статуи и ея полировки былъ договоренъ, за 20.000 руб., часовой мастеръ Сандоцъ, который и совершилъ эту работу въ два года.

Н. К-ш-ъ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1903 г.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1901 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно**.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

8814 102

3 2044 099 702 516